РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А. Н. Яковлев (председатель),
Е. Т. Гайдар, В. П. Козлов, В. А. Мартынов,
С. В. Мироненко, В. П. Наумов, Е. М. Примаков,
А. Н. Сахаров, Г. Н. Севостьянов, Н. Г. Томилина,
С. А. Филатов, А. О. Чубарьян, А. А. Яковлев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД **«ДЕМОКРАТИЯ»**, МОСКВА

КАК ЛОМАЛИ НЭП

СТЕНОГРАММЫ ПЛЕНУМОВ ЦК ВКП(б)
1928–1929 гг.

В 5-ти ТОМАХ

Том 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.
Том 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г.
Том 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г.
Том 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г.
Том 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.

Том 2

ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б)

4–12 ИЮЛЯ 1928 г.

Редакционная коллегия издания
В.П.Данилов, О.В.Хлевнюк, А.Ю.Ватлин (ответственные редакторы),
М.С.Астахова, Г.В.Горская, И.М.Закомолкина, Е.Е.Кириллова, Л.П.Кошелева,
В.С.Леванович, Л.Н.Малашенко, Н.В.Муравьева, Л.А.Роговая, Н.А.Сидоров

МОСКВА **2000**

УДК 947.084.6
К16
ББК 63.3(2)614

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

К16 **Как ломали нэп**. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Том 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. Редакционная коллегия тома: В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк, А. Ю. Ватлин (ответственные редакторы), Е. Е. Кириллова, Л. Н. Малашенко. – М.: МФД, 2000. – 719 с., ил.

ISBN 5–85646–066–9

Вторая книга пятитомного издания стенограмм заседаний пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. содержит материалы пленума ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. Наряду со стенограммами заседаний пленума в книгу включены важные дополнения – варианты резолюции, подготовленные Н. И. Бухариным, первоначальная неправленая запись выступления И. В. Сталина и др., отражавшие продолжение борьбы в руководстве партии вокруг судьбы нэпа. На июльском пленуме был установлен недолгий компромисс между Сталиным и группой А. И. Рыкова – Н. И. Бухарина.

ББК 63.3(2)614

ISBN 5–85646–066–9

© Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 2000.
© В. П. Данилов, А. Ю. Ватлин, Е. Е. Кириллова, Л. Н. Малашенко, О. В. Хлевнюк. Составление, введение, примечания.

ВВЕДЕНИЕ

Период между объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшимся в апреле 1928 г., стенограмма которого была опубликована в предыдущем томе (Как ломали НЭП. Т. 1. М. 2000), и июльским пленумом ЦК 1928 г. был отмечен дальнейшим обострением обстановки в стране и наращиванием «чрезвычайной» политики. На переднем плане оставалась проблема хлебозаготовок и, следовательно, политики по отношению к крестьянству в целом. Характеризуя итоги и ближайшие последствия апрельского пленума, мы отмечали внутреннюю противоречивость принятых решений, содержавших одновременно и формальное осуждение «перегибов», и жесткое требование обеспечить выполнение непосильных планов хлебозаготовок. Директива Политбюро «Об усилении хлебозаготовок» от 25 апреля 1928 г. и требования, предъявленные накануне местным руководителям на совещании в ЦК Молотовым и Микояном, обрушили на деревню новую волну насилия[1].

Обзор крестьянских заявлений и ходатайств, поступивших во ВЦИК с 20 апреля по 1 июня 1928 г., содержит общий вывод о том, что в весенних кампаниях хлебозаготовок, сбора налогов и самообложения, реализации облигаций госзаймов деревню захлестнуло «море беззакония». Конечно, авторы обзора не могли знать, что это определение будет больше соответствовать ситуации весны 1930 г., что описываемое ими – «всего лишь» первые шквальные удары... Они находили конкретное выражение в тех же «перегибах»: «Случаев привлечения к ответственности по 107 ст. за невывоз хлеба в размерах до 500 пудов и не перечесть, а за майскую кампанию приговоры говорят о лишении свободы и конфискации за десятки пудов хлеба»[2]. (Это при официальном минимуме применения 107 ст. к хозяйствам с товарными запасами хлеба в 2000 пудов.)

В условиях нарастающего насилия начинает обнажаться механизм «перегибов». Его главной пружиной являлась статья 111 УК РСФСР, которая стала применяться «по отношению к работникам государственного, общественного (партийного? – Авт.) и кооперативного аппарата», проявившим «расхлябанность, головотяпство, бездействие и халатность». Авторы обзора крестьянских заявлений и жалоб во ВЦИК со всей определенностью сформулировали вывод об источнике насилия в деревне: «При таком нажиме сверху низовой аппарат не церемонится ни с кем: ему некогда, он не хочет сесть на скамью подсудимых за халатное отношение». Больше того, это начинали понимать и крестьяне. В том же обзоре сообщалось: «В некоторых заявлениях высказывается мысль о том, что эти головотяпства мест согласованы с центром»[3]. Как видим, объяснение «перегибов и извращений» при осуществлении партийно-государственной политики «головотяпством мест» в официальном языке появилось не в 1930 г., а с первых же шагов сталинской «революции сверху» весной 1928 г.

Насилие в деревне и наступление на частную торговлю привели к полной дезорганизации системы обеспечения городов, огромным очередям, стихийному введению карточной системы. В сводках информационного отдела ЦК ВКП(б) отмечалось, что в связи с недостатком продовольствия распространялись «антисоветские» слухи – о голоде, близкой войне и свержении советской власти, о голодных бунтах и забастовках в

разных районах страны. Случаи «пораженческой агитации и недоверия к коммунистам» были зафиксированы среди рабочих, которых режим считал своей опорой. На промышленных предприятиях падала дисциплина, рабочие уходили из цехов в поисках хлеба. Росли «забастовочные настроения», которые во многих случаях действительно приводили к забастовкам. В городах увеличилось число массовых выступлений и демонстраций. Очень часто их главной движущей силой выступали безработные – наиболее социально взрывоопасная часть городского населения и отходников из деревни. 19 апреля 1928 г. двухтысячная толпа разгромила биржу труда в Ленинграде, 10 мая около 3 тыс. человек бунтовали на московской бирже, избили милицию, разгромили торговые палатки и т. д. Всего с 20 мая по 15 июня было зафиксировано 13 конфликтов на биржах труда в разных городах. Наиболее серьезные городские волнения были зафиксированы в Семипалатинске. 15 мая многотысячная толпа устроила демонстрацию и ворвалась в здание горисполкома. В городе громили магазины[4].

Как обычно, власти чрезвычайно внимательно следили за армией, преимущественно крестьянской по составу. Насилие в деревне вызвало многочисленные письма в армию от родственников, в которых подробно описывались ужасы чрезвычайщины и содержались призывы о помощи. В армии усиливались, как их называли в официальных документах, «крестьянские настроения», недовольство режимом, широкое обсуждение слухов и писем из дома. Армейское начальство усиливало цензуру, 16 июля РВС СССР издал директиву об изъятии из армии социально чуждых элементов[5].

Среди многочисленных слухов, заполнивших страну и зарубежные издания, были также слухи о расколе в Политбюро, между Сталиным и Рыковым[6]. Внимательный наблюдатель, действительно, мог отметить разницу в формулировках даже официальных речей советских лидеров. Однако сами советские вожди предпочитали отрицать наличие раскола. В апреле 1928 г. на заседании Политбюро Сталин, очевидно в ответ на сообщение Ворошилова о записках с вопросами о расколе, подававшихся на каком-то партийном собрании, написал: «Я думаю, что о фракциях Рыкова и Сталина пишут оппозиционеры (скрытые), которые всегда проникают на собрания активов»[7].

Это заявление Сталина своему хорошо осведомленному соратнику было очень показательно. Сталин боялся открыто выступить инициатором раскола, зная, что в Политбюро и ЦК преобладали настроения «единства». Большинство функционеров опасалось новых столкновений в руководстве не только потому, что в стране складывалась критическая ситуация и нарастала угроза режиму в целом, но и потому, что борьба в верхах неизбежно ставила под вопрос политическое будущее самих партийных чиновников. Раскол в верхах означал, что непременно нужно было принимать чью-то сторону, втягиваться в борьбу и рисковать в случае поражения.

Однако противоборство в Политбюро после апрельского пленума нарастало, охватывая все новые сферы. Прямое столкновение между Бухариным и Сталиным вызвал казалось бы очень конкретный и даже частный вопрос о «промэкспорте». 17 мая 1928 г. в Политбюро ЦК обсуждался проект импортного плана, представленный А. И. Микояном. Недоумение Бухарина не знало границ, и, чтобы добиться серьезного отношения к своим возражениям, он пишет записку Сталину:

«Я боюсь до смерти следующего.

Во всех трех записках Микояна тенденция такова: 1) форсирование промэкспорта; 2) заброс хлеба (зернового) как объекта экспорта. Следовательно: а) мы длим товарный голод в стране; б) мы, при товарном голоде в стране, заставляем промышленность работать на экспорт; в) мы не принимаем мер к развитию сельскохозяйственного экспорта (зернового); г) аграрная страна занимается промэкспортом.

Вместо этого нужно: 1) *форсировать* индустриализацию, работая на *внутренний*

рынок; 2) *индустриализировать сельское хозяйство, поднимая* его производительность (машинизируя и зерновое хозяйство); ориентироваться на сельскохозяйственный экспорт для целей индустриализации.

Никакая коллективизация невозможна *без известного накопления в сельском хозяйстве*, ибо машины нельзя получить даром, а из тысячи сох нельзя сложить ни одного трактора.

Я очень боюсь, что тут *органический порок: предлагается не такая индустриализация, которая индустриализирует и сельское хозяйство, а отрыв индустриализации от сельского хозяйства и стабильность зернового производства и т. д.*

Эта политика будет только усугублять гигантские затруднения»[8].

А вот ответ Сталина: «Верно. У Микояна имеется такая (неправильная) тенденция, вытекающая у него не из сознательно принятой установки, а из каких-то (мне неизвестных) эмпирическо-практических соображений. Но это не страшно, т. к. Микоян тут *не решает* вопроса. Сталин»[9].

Теперь несколько слов комментария к этим по-своему замечательным документам: бухаринская критика индустриализации и коллективизации по-сталински настолько убедительна, что Сталину не осталось ничего другого, кроме как согласиться («Верно») и свалить все на Микояна, у которого появилась «неправильная» тенденция. Однако действительного содержания вдруг обнаружившейся тенденции к «форсированию промэкспорта» Бухарин явно не знал и поэтому подлинного ее значения оценить не мог. Сталин, напротив, прекрасно знал, из каких «эмпирическо-практических соображений» вытекала упомянутая тенденция и в чем она состояла. Форсирование промэкспорта из СССР в планах, которые составлялись в 1928 г., стало осуществляться на практике во второй половине 1929 г. Имелся в виду экспорт леса, в том числе за счет широкого применения на лесозаготовках труда заключенных.

Прошло некоторое время, и Бухарин обратился к Сталину с письмом, которое сам он датировал позже, на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г., 1–2 июня 1928 г. В нем шла речь о пересмотре общего курса политики в деревне: «Я считаю внутреннее и внешнее положение страны очень тяжелым. Я думаю, что нам нужно было бы обдумать целый план, в особенности по времени реализации нового урожая... Если мы войдем в период нового урожая с крайне обостренными отношениями с мужиком, мы рискуем провалиться и в новой кампании... Наши экстраординарные меры... идейно уже провалились, переросли в новую политическую линию, отличную от линии XV съезда...». Главным в этом письме было требование продуманной политики. «Если все дело в кулаке, то как же с 900 миллионами, которые теперь признаются мифическими? – спрашивал Бухарин. – А если хлеба у нас *вообще* мало, то как же нас «регульнул» кулак? Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их машинизацию? И правильно ли вообще, что колхозы у нас должны расти на нищете и дроблении? Остается ли курс на вовлечение мелких сбережений или устарел? На подъем индивидуальных хозяйств, или это тоже устарело? В чем ошибка Ив. Ник. Смирнова, которую ты критиковал в свое время, в свете новых фактов? И т. д. и т. п.»[10].

Перед нами узловые вопросы аграрной политики, решение которых предопределяло весь ход общественного развития, все направления и сам характер деятельности партии и государства. Вопросы, которые ставил Бухарин, уже содержали в себе вполне определенные ответы, ибо они относились к выявившимся и стремительно нараставшим противоречиям осуществлявшейся политики – противоречиям с действительным положением в стране. К июлю 1928 г. даже тем, кто не знал истории с хлебофуражным балансом, стало ясно, что «хлеба у нас вообще мало» и что кулацкая «хлебная стачка» не могла породить кризис хлебозаготовок, а тем не менее сталинская установ-

ка на борьбу с кулаком и на коллективизацию начинала определять генеральную линию, отодвигала в сторону и даже отменяла и развитие кооперации («курс на вовлечение мелких сбережений»), и «подъем индивидуальных хозяйств». С этим именно связан и вопрос о предложениях И. Н. Смирнова, сделанных в 1925 г., начать коллективизацию крестьянских хозяйств (отнюдь не сталинскими методами). Смирнов подвергся тогда сокрушительной критике и был исключен из партии в конце 1927 г. за принадлежность к «объединенной оппозиции».

Упоминавшееся письмо, несмотря на резкость постановки проблем, завершалось очередным призывом к примирению: «Я тебе заявил, что драться не буду и не хочу. Я слишком хорошо знаю, что может означать драка, да еще в таких условиях, в каких находится вся наша страна и наша партия. Я тебя прошу обдумать сейчас одно: дай возможность спокойно провести конгресс; не делай лишних трещин здесь; не создавай атмосферы шушуканий... Кончим конгресс... и я буду готов уйти куда угодно, без всяких драк, без всякого шума и без всякой борьбы»[11]. Ссылки на предстоявший летом VI конгресс Коминтерна, на проведении которого Бухарин как неформальный лидер Коминтерна[12] настаивал и который потенциально мог стать удобной трибуной для пропаганды его политической линии, являлись сильным аргументом. В какой-то степени это обстоятельство способствовало тому, что на протяжении весны – лета 1928 г. Сталин и «правые» продолжали обмениваться скрытыми ударами, предпочитая действовать чужими руками. Все большую роль в тлеющем конфликте начали играть коминтерновские сюжеты, вынесенные в повестку дня июльского пленума ЦК.

Согласно уставу Коммунистического Интернационала, его конгрессы должны были созываться не реже одного раза в два года[13]. В условиях острого внутрипартийного конфликта предоставлять трибуну международной организации Троцкому или Зиновьеву большинство в Политбюро, возглавлявшееся Сталиным и Бухариным, не хотело. Поэтому созыв очередного, VI конгресса постоянно откладывался, что вызывало недовольство зарубежных компартий и насмешки эмигрантской прессы. В период политической стабилизации 1925–1927 гг. Коминтерн оказался явно не в центре внимания руководства ВКП(б). Если «объединенная оппозиция» без устали апеллировала к Коминтерну, настаивая на выполнении русской революцией своего интернационального долга, то Сталин предпочел держать дистанцию, выступая в образе «государственника», не склонного к рискованным экспериментам за рубежом. Начиная с середины 1927 г. по его инициативе Политбюро начинает кампанию по выведению коминтерновских эмиссаров из советских представительств за рубежом, критикует расхлябанность иностранных коммунистов в финансовых вопросах и вопросах конспирации[14].

23 апреля по докладу Сталина было принято развернутое постановление «О Коминтерне и советской власти». Руководителям ВКП(б) предлагалось соблюдать максимальную конспиративность при участии в делах зарубежных компартий. Исключение делалось лишь для Бухарина, который после устранения из Коминтерна Зиновьева с удовольствием принял на себя роль стратега мировой революции, – работа с внешним миром рассматривалась большевистской номенклатурой в качестве особо престижной. Кроме того, руководство Исполкомом Коминтерна подразумевало известную автономию от «текучки» в Политбюро, что не могло не импонировать склонному к теоретической работе Бухарину.

Однако положение на фронтах «мировой революции» к началу 1928 г. было отнюдь не блестящим. В Китае и Индонезии продолжались репрессии против коммунистов, во многом являвшиеся результатом их неудавшихся восстаний, острый кризис переживало руководство Монгольской народно-революционной партии, ориентиро-

вавшейся на советский пример. Компартии Европы так и не смогли пробиться к массам, оставаясь в подавляющем большинстве стран группами левых радикалов, зависимых от Москвы. В мировом хозяйстве продолжался подъем, и советской прессе все труднее становилось писать о кризисе капитализма и очередной волне революционного движения. Локальные социальные и политические конфликты раздувались до невероятных размеров, выступали в качестве предвестника пролетарского переворота (например, июльские события 1927 г. в Вене), в результате чего советские и коминтерновские пропагандисты оказывались заложниками собственного оптимизма. Тезис о социал-демократах как пособниках мирового капитала и их неизбежном уходе с политической сцены терял свою убедительность с каждым новым случаем «предательства», т. е. лояльного сотрудничества партий Социалистического рабочего Интернационала с правительствами своих стран.

Напротив, в наступление перешла западная пресса, тиражировавшая факты финансовой зависимости зарубежных компартий от Москвы. После очередного скандала в Великобритании, где местные коммунисты распоряжались счетами Московского народного банка, этим вопросом занялась специальная комиссия Политбюро. Ее решение об увольнении английских коммунистов из советских учреждений вызвало у них настолько резкий протест, что ситуацию пришлось «улаживать» – 2 июня 1928 г. Бухарин и Сталин предложили проект ответного письма лидеру КПВ Г. Поллиту, настаивая на обоснованности выводов комиссии[15]. На таком фоне шла подготовка созыва VI конгресса Коминтерна, которому предстояло утвердить новую программу этой организации.

Стать автором программы Коминтерна, «Коммунистического манифеста XX века», о разработке которого шла речь на протяжении всей предшествовавшей истории этой организации, означало закрепить за собой приоритет ведущего теоретика, со всеми вытекающими отсюда политическими плюсами. Авторитет Бухарина в этих вопросах казался непоколебимым – еще в 1922 г. он предложил свой проект программы, ставший объектом дальнейших дискуссий в Коминтерне[16]. Завершение работы над программой было переведено в практическую плоскость после разгрома на XV съезде «объединенной оппозиции». 12 января 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) опросом приняло решение о создании внутренней программной комиссии в составе: Сталин, Рыков, Молотов, Варга и Бухарин. (Характерно, что в тот же день Троцкому прислали уведомление о его высылке в Алма-Ату.) Лишь через месяц было принято специальное решение сеньорен-конвента IX расширенного пленума ИККИ, поручавшее членам делегации ВКП(б) представить новый вариант проекта программы.

Работа над этим документом велась в авральном порядке. Интересно, что свой первый набросок Бухарин сделал на основе анализа новейших разработок европейской социал-демократии, которая в официальной партийной пропаганде клеймилась как «теоретическое ничтожество». Неожиданно интерес к вопросу проявил Сталин, предложивший развернутые замечания и собственную структуру этого документа[17]. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что программа Коминтерна станет не только политическим, но и культовым документом, Сталин стремился укрепить свои позиции и на этом фронте. В июле 1928 г. Бухарин, по свидетельству Каменева, говорил: «Программу мне во многих местах испортил Сталин. Он сам хочет читать доклад в пленуме о программе. Я насилу отбился. Его съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает»[18]. Однако при подготовке повестки дня июльского пленума ЦК ВКП(б) Бухарин сам предлагал Сталину взять на себя доклад по проекту программы Коминтерна (см. дополнение 4).

На завершающем этапе работы над ним Бухарин сохранял спокойствие и готов-

ность к сотрудничеству: «почти все предложения и поправки, предложенные Сталиным (от других товарищей я замечаний не получил), были приняты во внимание и включены в текст»[19], – писал он членам комиссии Политбюро по этому вопросу в сопроводительном письме к подготовленному 3 апреля проекту программы Коминтерна. Чуть позже Бухарин согласился на еще один компромисс – согласно решению Политбюро от 7 мая, проект программы следовало внести в ИККИ за подписями Бухарина и Сталина[20].

Сопоставление первого и второго варианта показывает, что Бухарин сохранял акцент на анализе мировых экономических и политических процессов, выводя из него стратегию и тактику Коммунистического Интернационала. Отсюда более эластичные формулировки «кризиса капитализма» и сохранения европейского маршрута мировой революции. Сталин ставил на первое место СССР как «прообраз Мирового Союза Советских Социалистических Республик», фундамент «будущего объединения пролетариев всех стран и наций в едином мировом хозяйстве социалистического строительства». Здесь речь уже шла не о победе социализма в СССР, а о полной зависимости дальнейшего хода всемирной истории от использования плодов этой победы.

Второе различие апрельского и майского проектов касалось изложения «основ экономической политики пролетарской диктатуры» – фактически, речь шла о том или ином толковании «русского опыта» и, конкретно, новой экономической политики. Формулировки Бухарина не только повторяли, но и развивали высказанные им на V конгрессе Коминтерна мысли о «рыночном рычаге» движения к социализму. «Победоносный пролетариат должен взять правильную пропорцию между теми производственными сферами, которые поддаются централизованному и планомерному руководству, и теми сферами, которые могли бы оказаться лишь балластом в его руках. Последние должны быть предоставлены частной инициативе». «В период пролетарской диктатуры классовая борьба принимает в значительной мере характер экономической борьбы конкурирующих между собой хозяйственных форм, которые в известный период могут расти параллельно». «Особое внимание и крайнюю осторожность должен проявлять пролетариат в области, касающейся отношений между городом и деревней, отнюдь не подрывая индивидуалистического мотива деятельности у крестьян и постепенно – путем примера и поддержки коллективных форм сельского хозяйства – заменяя эти мотивы мотивами товарищеского хозяйствования»[21].

Все вышеприведенные цитаты из апрельского варианта были сняты в проекте программы, направленном в ИККИ. Бухарин шаг за шагом отступал. Срочно созванная президиумом ИККИ программная комиссия уже не имела ни времени, ни смелости для серьезной проработки проекта. Сталин не появился ни на одном из трех ее заседаний. Бухарин разъяснял собравшимся смысл основных изменений. Вызванные в Москву члены комиссии просто не имели возможности внимательно прочесть представленный им документ и были вынуждены доверять авторитету лидеров российского большевизма. Все 45 поправок комиссии носили редакционно-дополняющий характер, не затрагивая ни структуры, ни основных положений проекта.

По похожему сценарию развивались столкновения в Политбюро, связанные с обсуждением письма Фрумкина. Старый член партии, заместитель наркома финансов СССР М. И. Фрумкин 15 июня 1928 г. обратился ко всем членам и кандидатам Политбюро с письмом, в котором обращал их внимание на критическую ситуацию, складывавшуюся в связи с чрезвычайной политикой в деревне.

Письмо Фрумкина от 15 июня 1928 г. выделяет прежде всего конкретный анализ возможностей сельского хозяйства и пагубных последствий «чрезвычайщины». «Установка, взятая в последнее время, – говорилось в письме, – привела основные массы

середнячества к беспросветности, бесперспективности. Всякий стимул улучшения живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота парализуется опасением быть зачисленным в кулаки. В деревне царит подавленность, которая не может не отразиться на развитии хозяйства». Справедливость практического вывода Фрумкина была подтверждена всем ходом последующего развития деревни, да и страны в целом: «... дать себе ясный отчет, что каждый миллион пудов хлеба, от какой бы группы он ни поступил бы, укрепляет диктатуру пролетариата, индустриализацию, каждый потерянный миллион пудов хлеба ослабляет нас».

Фрумкин утверждал, что своим письмом он пытался «обратить внимание Политбюро на те моменты, которые заострены во внимании сотен и тысяч членов партии, о которых... говорят при каждой встрече»[22]. В этой созвучности распространенным настроениям заключалось основное политическое значение выступления Фрумкина. Понимая это, Сталин и Молотов поспешили выступить с резкими ответами, в которых серьезные реальные аргументы подменялись начальственным разносом и политическими обвинениями в «правом» уклоне и защите кулачества.

Хотя мы не располагаем никакими свидетельствами насчет связи демарша Фрумкина с Бухариным или Рыковым, очевидно, что появление такого письма было им выгодно. Они постарались использовать его обсуждение как повод для рассмотрения на Политбюро общего положения в стране. Судя по рассказу Бухарина Каменеву, руководящей группой было принято решение разослать письмо Фрумкина всем членам Политбюро и составить общий ответ. Этот метод, однако, был невыгоден Сталину. С одной стороны, очередное обсуждение тяжелой социально-экономической ситуации могло повлиять на настроения колеблющейся части членов Политбюро. С другой стороны, согласованное заявление могло быть только компромиссным и, следовательно, не столь жестким, как хотелось бы Сталину. Вопреки договоренности, 20 июня Сталин распространил свой ответ Фрумкину, обвинив его в защите кулачества[23] и нарушив все планы Бухарина. Тому не оставалось ничего иного, как вдогонку слабо уколоть Сталина. «Мы приняли резолюцию порицания за нарушение постановления. Ответ признали правильным, но неполным. Больше я не мог натянуть», – говорил Бухарин Каменеву[24]. Как свидетельствуют протоколы заседаний Политбюро, решение, признающее ответ «т. Сталина на письмо т. Фрумкина в основном правильным, хотя и неполным», действительно было принято опросом 25 июня 1928 г.[25] Общий минимальный эффект этого решения был ослаблен еще и тем, что в тот же день, 25 июня (несомненно, по согласованию со Сталиным), свое обширное заявление в поддержку сталинского ответа разослал Молотов. Оно было также приобщено к протоколу заседания Политбюро[26].

Поскольку «правые» не смогли добиться обсуждения общих вопросов в связи с письмом Фрумкина, им не оставалось ничего иного, как организовать такое разбирательство на предстоящем пленуме ЦК. Бухарин рассказывал Каменеву об этом так: «1. Я требовал обсуждения общего вопроса. Сталин уклонялся: нужен промфинплан и т. д. 2. Пишу Сталину письмо и требую общего обсуждения. Он прибегает ко мне: Бухарин, ты можешь даже слону испортить нервы, но на обсуждение не соглашается. 3. Я пишу второе письмо – он зовет меня к себе. Начинает: мы с тобой Гималаи, остальные – ничтожества. 4. Идем в «семерку». Дикая сцена. Он начинает на меня орать. Я рассказываю его слова с Гималаями. Он кричит: «Врешь. Ты это выдумал, чтобы натравить на меня членов ПБ». Расходимся. 5. Я читаю, не выпуская из рук, декларацию на 20 стр. Молотов объявляет антиленинизмом, антипартийным. Сталин: на 9/10 могу принять. Молотов уходит. Принимается как основа. Я ухожу писать резолюцию. Они тоже. Неожиданно приносят резолюцию, украденную с моей декларации. Я делаю три поправки. Рыков – одну. Все принимается единогласно»[27].

Свидетельство Бухарина в пересказе Каменева в целом подтвердил на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г. М. П. Томский. Он сообщил, что созыв закрытого заседания Политбюро для обсуждения резолюции по хлебозаготовкам долго откладывался, что, когда его все-таки собрали, на обсуждение были поставлены совершенно неудовлетворительные тезисы, что Бухарин представил свой документ, против которого выступил Молотов, но с которым Сталин согласился «на 9/10»[28]. Среди подготовительных материалов к июльскому пленуму сохранились различные варианты резолюции по этому вопросу. В Дополнениях к стенограмме пленума мы публикуем и первоначальный бухаринский проект резолюции, обсуждавшийся на «семерке», и тот проект, работа над которым была прервана.

«В качестве одной из главнейших директив хозяйственной политики» Бухариным предлагалось всемерное развитие зернового хозяйства, включая «основные массы» индивидуальных крестьянских хозяйств. «Дальнейшее применение экстраординарных мероприятий» решительно отвергалось (см. Дополнения 11 и 12). Отметим также, что жесткое положение о необходимости «решительной борьбы» как с буржуазными тенденциями, «так и с теми элементами, которые стремятся придать чрезвычайным и временным мерам характер постоянного или длительного курса и тем поставить под угрозу дело союза рабочих и основных масс крестьянства», внес в резолюцию Рыков[29].

В целом проект резолюции «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением», вынесенный Политбюро на рассмотрение июльского пленума партии, формально мог считаться победой группы Рыкова – Бухарина. В ней говорилось об «опасности разрыва между городом и деревней», о том, что индивидуальное хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране», признавались ошибки при проведении хлебозаготовительной кампании 1927–1928 года, провозглашалась недопустимость нового применения чрезвычайных мер. Большое значение имел тот факт, что в резолюции содержались конкретные указания: запрещалась «практика обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности», закрытие базаров, предусматривалось повышение хлебозаготовительных цен и усиление завоза промышленных товаров в зерновые районы и т. д. Нетрудно заметить, что эти предложения фактически повторяли многие положения письма Фрумкина, незадолго до этого категорически осужденного Сталиным и его сторонниками.

Несмотря на компромисс по поводу основной резолюции пленума, достигнутый накануне его начала, информация о наличии глубоких противоречий в Политбюро просачивалась в высшие слои партийной номенклатуры. Акцент пленума на коминтерновские сюжеты уводил в сторону от наиболее болезненных точек во взаимоотношениях группы Сталина и «правых». В какой-то мере этому способствовало несколько необычное разделение двух первых пунктов повестки дня – информационного доклада Мануильского о «тактических злободневных» вопросах Коминтерна и доклада Бухарина о его программе, причем прения по каждому из них проводились отдельно. Не исключено, что такая процедура была предложена Бухариным для того, чтобы сосредоточиться на теоретических вопросах и избежать обвинений в ошибках повседневной работы.

Мануильский, которому предстояло принять на себя огонь критики, выступил с достаточно бесцветным сообщением, сделав акцент не на общей картине революционного процесса за четыре года, прошедшие после V конгресса Коминтерна, а на событиях первой половины 1928 г. Речь шла о первых результатах новой тактики «класс против класса», подразумевавшей отказ коммунистов от предвыборных блоков и пар-

ламентского сотрудничества с социал-демократами. В докладе присутствовал весь набор идеологических штампов: о нарастании нового революционного подъема, «поправении реформистских вождей и полевении масс», опасности правых уклонов в самих компартиях, – что не позволяло говорить о новых оценках международной ситуации. Данный в связи с новой тактикой Коминтерна анализ парламентских выборов в Германии и Франции был перегружен статистикой и явно не отвечал духу революционного штурма. Даже коллега Мануильского по ИККИ Пятницкий признал, что в докладе «слишком розово оцениваются результаты выборов» и перспективы дальнейшей борьбы.

Возмутителем спокойствия в ходе дискуссии по первому докладу выступил Ломинадзе. Молодой грузинский коммунист был выдвиженцем Сталина и давним оппонентом Бухарина[30], в 1927 г. он являлся представителем ИККИ в германской компартии, а затем стал одним из руководителей неудавшегося коммунистического переворота в Кантоне в декабре 1927 г. В Коминтерне ходили слухи, что «кантонское восстание» должно было стать своеобразным подарком XV съезду ВКП(б). Выступая на этом съезде, Ломинадзе и его соратник Шацкин подвергли критике руководство ИККИ за попустительство «правым уклонам» и впоследствии постоянно ее наращивали. Фактически это был вызов Бухарину как лидеру Коминтерна, который, в свою очередь, не упускал случая напомнить о китайских ошибках Ломинадзе[31]. Последний, однако, оставался непотопляемым, хотя оппоненты Ломинадзе не без оснований подчеркивали близость его позиции взглядам только что разгромленной «объединенной оппозиции». Ход дискуссии на пленуме позволяет предположить, что за спиной Ломинадзе стоял сам Сталин.

Ломинадзе развернул картину растущей правой опасности в секциях Коминтерна, сделав особый акцент на положении германской компартии. С его точки зрения, блок с левыми социал-демократами, предлагавшийся сторонниками «правых», есть «путь оппортунистический, это путь ликвидации коммунистического движения». Решительный удар предлагалось нанести не только по этим элементам, но и по «центру, который хочет проложить мост между основными руководящими кадрами германской партии и теми правыми группировками, которые тащат ее по оппортунистическому пути». Фактически речь здесь шла о сторонниках Бухарина в ЦК КПГ – Кларе Цеткин, Артуре Эверте и других, которым осенью 1928 г. будет приклеен ярлык «примиренцев»[32].

В критическом запале Ломинадзе было много справедливого: он высказался против абсолютизации тезиса о полевении европейского пролетариата, отметил слабую теоретическую подготовку предстоявшего конгресса Коминтерна, однако остался в гордом одиночестве. Не обошел своим вниманием Ломинадзе и председателя ВЦСПС Томского, заявив, что его речь на IV конгрессе Профинтерна была использована «правыми» для саботирования стачечной борьбы. Томский незамедлительно отреагировал на этот выпад, заявив, что главное – не количество проведенных забастовок, а их реальные результаты.

Решения по информационному докладу Мануильского не принималось, и дискуссия завершилась заявлениями личного характера. Атака Ломинадзе не удалась, но в стратегии Сталина она являлась всего лишь разведкой боем, продемонстрировав собравшимся членам ЦК ВКП(б), что в Коминтерне не все благополучно. Это создавало определенный фон второму дню пленума, когда с докладом о программе Коммунистического Интернационала выступил Бухарин.

Серьезной дискуссии по программе Коминтерна на июльском пленуме ЦК не состоялось. Наличие двух многозначительных фамилий – Сталина и Бухарина – под проектом программы отбивало желание его участников спорить по принципиальным

вопросам. В докладе Бухарина по программе Коминтерна на пленуме ЦК обращают на себя внимание два вопроса, в которых его аналитические способности явно отступали перед политической конъюнктурой. Во-первых, это жесткая и бескомпромиссная линия по отношению к европейской социал-демократии, на «мерзости» которой списывались все неудачи самих коммунистов, и, во-вторых, оценка военной опасности. Бухарин настаивает на близости и неизбежности новых войн с участием СССР, после которых «нам придется писать другую программу». Тот факт, что обострение международного положения весной 1927 г. позволило сплотить партийный аппарат перед лицом решающего столкновения с «объединенной оппозицией», привел к постоянной эксплуатации идеи военной опасности для поддержания в СССР обстановки осажденной крепости. Помогая решать тактические задачи правящего режима, эта политика в конечном счете привела к искаженным оценкам отношения внешнего мира к СССР, не позволила увидеть радикальное изменение обстановки в Европе после прихода к власти германского нацизма.

16 июля 1928 г. делегация ВКП(б) в ИККИ признала необходимым принятие программы Коминтерна на конгрессе в окончательной форме[33]. Внешне это было решением в пользу Бухарина, своего рода компенсацией за отказ «правых» от открытой борьбы за свою линию на июльском пленуме ЦК.

Казалось, что и по центральному пункту повестки пленума также восторжествовала позиция Бухарина и его сторонников: подтверждалось сохранение нэпа, прежде всего установки на подъем мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, на широкое использование и развитие товарно-рыночных связей в экономике. Были даже повышены (хотя и незначительно) заготовительные цены на хлеб.

Однако уже на самом пленуме сталинской группе удалось выхолостить критику своей политики в деревне, выступив одновременно и с ее оправданием, и с заявлением об отказе от нее. Характерная двойственность официальной версии чрезвычайщины («с одной стороны... с другой стороны...») была задана, как и на апрельском пленуме, докладом А. И. Микояна, еще более многословным, еще более заполненным общими местами. Заявления о том, что «нэп – единственно правильный путь», о «регулировании товарооборота» и «ограничении капитализма», при переходе к оценке действительных результатов «регулирования» и «ограничения» обнаруживают подмену понимания самой сущности нэпа: *экономическое регулирование* развития народного хозяйства и, в частности, товарооборота между городом и деревней оказалось подмененным *регулированием командно-административным,* не останавливавшимся перед применением репрессий (обыски, конфискации, аресты и т. д.).

Несовместимость нэпа, основой которого являлась рыночная экономика, и «экстраординарных мер» приводила к разрушению не только товарооборота, но и самого производства. В докладе упоминалось об арестах частных кожевников, что, как заявил Микоян, «не вызывалось необходимостью, ибо у нас много экономических мер воздействия». Он сообщал, что, «когда этот вопрос обсуждался в ноябре» 1927 г., «мы все высказались против ареста... Позже, уже без нашего участия, такое разрешение было дано». В результате одна из наиболее растущих и нужных населению отраслей кустарного производства была практически ликвидирована. Характерно, что в докладе не упоминалось об арестах частных хлеботорговцев, масштабы которых были намного больше, а последствия более тяжелыми. Микоян не мог не знать, что к началу апреля 1928 г. органами ОГПУ было арестовано 1780 кожевников, 3971 хлебник и немало частников других профилей деятельности (всего 6542 человека)[34]. В ходе весенней кампании число арестованных намного возросло, особенно среди хлебников.

Расправа с частными торговцами была одним из факторов нарушения товарообо-

рота, перебоев в снабжении населения мелких городов хлебом, а промышленных центров, даже Москвы и Ленинграда, – мясом и другими продуктами. В докладе давалась следующая трактовка фактов этого рода: «...мы не всегда соразмеряем вытеснение частника с нашими финансовыми и организационными возможностями. Мы должны будем и в дальнейшем, продолжая вытеснять частника, но при этом не давая людям зарываться, строго соразмерять свои силы и возможности». Речь шла всего-навсего о «переборщивании»... Все заверения о сохранении нэпа после такого определения задач утрачивали какое бы то ни было значение.

Сталинское руководство, пожалуй, впервые могло оценить реальные масштабы и значение местного хлебооборота – хлебных рынков в селах и мелких городах, обеспечивавших хлебом основную массу населения страны, отдавая себе отчет в том, что с закрытием местной торговли хлебом и другими продуктами сельского хозяйства государство принимает на себя непосильные обязательства. Об этом будут говорить многие участники июльского пленума. Именно в этом состояло единственное в докладе Микояна реальное обоснование отказа от «экстраординарных мер» при проведении очередных хлебозаготовок: «обеспечить новую кампанию на рельсах более нормальной организации дела, на основе восстановления местного хлебного оборота. Мы должны заменить административные меры нажима, произвола гибкими мерами регулирования рынка для того, чтобы не задушить местный хлебооборот».

Тем не менее негативные результаты чрезвычайщины вынуждали сталинское руководство оправдываться. Единственным оправданием оставалась все та же статистика крестьянских запасов хлеба, на правильности которой Микоян настаивал в апреле, доказывая необходимость продолжения хлебозаготовок[35]. На июльском пленуме оправданием для сталинской политики стала служить общепризнанная ошибочность хлебофуражного баланса. Объясняя трудности хлебозаготовок к концу весны, Микоян сообщал: «все-таки, когда мы подошли к крестьянскому хозяйству, то увидели, что хлеба не так много, как можно было ожидать... Хлебофуражный баланс ЦСУ, на котором строился план заготовок, оказался нереальным. Вот почему наши заготовки за май-июнь задели страховые запасы крестьянства, что не могло, конечно, пройти безболезненно... должно было вызвать естественное недовольство и протесты крестьян». В действительности, как об этом еще на апрельском пленуме говорил нарком земледелия РСФСР Н. А. Кубяк, страховые запасы в полной мере «задела» уже зимняя чрезвычайщина[36], которую Микоян всячески оправдывал. Заметим в этой связи, что и протесты крестьян возобновились не в мае-июне, а уже в январе-феврале[37].

Как видим, афера со статистикой крестьянских запасов хлеба служила сталинскому руководству и на июльском пленуме. Ее исчерпанность зафиксировало лишь заключительное выступление Микояна. В ответ на требования точнее учитывать крестьянские запасы хлеба, Микоян заявил: «Мы не в состоянии этого сделать. Я отказываюсь учесть крестьянские запасы, я этого делать не буду». На смену обоснования чрезвычайщины огромными запасами хлеба у крестьян пришла концепция «кризиса зернового хозяйства», которая служила обоснованием и оправданием не только чрезвычайных хлебозаготовок (несмотря на отсутствие упомянутых запасов), но и форсированной реконструкции производства, о чем мы скажем ниже.

Двойственность доклада Микояна во многом смягчила остроту дискуссий на пленуме: все были за нэп и за отмену «экстраординарных мер». После обсуждения этой главной темы М. И. Калинин засвидетельствовал: «здесь», т. е. на пленуме, «в частных разговорах все говорили, что все выступления были половинчатые». Тем не менее в публикуемой стенограмме обращают на себя внимание критические выступления В. В. Осинского, Г. Я. Сокольникова, Н. А. Угланова, А. И. Стецкого, Н. К. Крупской и в

особенности лидеров будущего «правого уклона», а пока главных «паникеров» – А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина и М. П. Томского. Рамки вводной статьи к публикуемой стенограмме дискуссии вынуждают ограничиться лишь указанием на наиболее значимые моменты противостоящих на пленуме позиций.

В. В. Осинский был активным участником разработки новой экономической политики в 1921–1922 гг. Это ему принадлежат известные и часто цитируемые слова о том, что нэп вводится «всерьез и надолго». Осинский решительно отверг утверждения о «кризисе зернового хозяйства». Он видел кризисное состояние «в размычке между городом и деревней» и оценивал ее как «явление в высшей степени опасное». Рост зерновых посевов остановился не из-за отсутствия современной техники, а потому, что «*экономический стимул сократился*» в результате ошибочной политики хлебозаготовительных цен, «ножниц» цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Отказ крестьян сдавать хлеб по заготовительным ценам Осинский оценивал как «экзамен, который нам дает русский массовый мужик, а не специально кулак. Кулак его в этом отношении подталкивает, но середняк сделал выбор». Исправление грубых ошибок «планового регулирования» предполагало, по мнению Осинского, также развитие промышленности с учетом потребностей деревни, что было одной из основ нэпа. Этим же проблемам посвятили свое выступление и Сокольников, и Угланов, и Крупская.

В выступлении А. И. Рыкова обращает на себя внимание прежде всего защита права открытого высказывания различных мнений, не подвергаясь политическим обвинениям, как это было на пленуме с первыми критическими выступлениями Осинского, Сокольникова и Стецкого: «Такого опыта применения административного воздействия на крестьянство в массовом масштабе у нас не было за период нэпа. Поэтому можно и нужно анализировать этот опыт, подводить итоги, находить положительные и отрицательные черты его, но отнюдь не сводить дело к беспредметной взаимной ругани – к тому, что если один скажет: вот то-то и то-то было плохо, другой «возразит»: ты паникер, ты не смей. Но почему, собственно, «паникер», и почему «не смей»?»

Принципиальное значение имело заявление Рыкова об ответственности за «перегибы» и «извращения» высшего партийного руководства: «... никто из нас не может снять с себя ответственности за то, что мы называем извращениями. Мы же – Центральный Комитет партии и отвечаем за свои местные организации». Сталин бросил в этой связи реплику: «Правильно». Однако пройдет не очень много времени, и он станет открещиваться от «перегибов» и «извращений» на местах, порожденных будто бы «головокружением от успехов». Отметим также, что, несмотря на сталинскую реплику, активный деятель чрезвычайщины К. Я. Бауман подверг критике именно это высказывание Рыкова: «По 107 статье было больше осуждено середняков, чем кулаков. Это извращение, которое отнюдь не вытекало из нашего курса, потому что наш курс заключался в том, чтобы применять 107 статью против кулаков».

Рыков отнюдь не остановился на признании коллективной ответственности партийного руководства за чрезвычайные меры, но подчеркнул и свою личную вину: «Я лично был уверен в том, что административные меры приведут к ликвидации хлебного кризиса. Это, к сожалению, не произошло, как не случилось и того, что наши отношения с бедняком и середняком не испортились... Я один из главных виновников произошедших событий».

Таким образом, председатель Совнаркома фактически дезавуировал многократно повторявшиеся на пленуме заявления о том, что «экстраординарные меры» были необходимы и позволили преодолеть продовольственный кризис зимой 1928 г. Позиция открытой и честной самокритики позволила Рыкову со всей решительностью отвергнуть и осудить попытку сталинистов обосновать правомерность чрезвычайщины:

«И когда Каганович выводил здесь административные меры и 107 статью из закона стоимости (!) и ограниченного действия его в условиях нашей экономики, подводя сомнительные «теоретические» обоснования под практику применения чрезвычайных мер, то из его речи вытекала сплошная апологетика (вместо анализа) этих самых чрезвычайных мер». И далее: «Весь смысл речи Кагановича сводился к защите чрезвычайных мер как таковых, во все времена и при всяких обстоятельствах».

Большое выступление Н. И. Бухарина может представиться слишком общим и противоречивым, особенно в связи с признанием необходимости чрезвычайных хлебозаготовок зимой 1928 г. (судя по всему, чтобы «не драться при всех»). Однако анализ последствий чрезвычайщины, необходимости ее отмены и подлинного восстановления нэпа в докладе Бухарина проведен с достаточной глубиной и убедительностью. Представляется целесообразным отметить ряд моментов, выделяющих бухаринский доклад на общем фоне дискуссии, содержание которой было ограничено вопросами хлебозаготовок, чрезвычайных мер и сохранения нэпа в отношениях с деревней. Анализируя эти вопросы, Бухарин приходит к выводам обобщающего порядка: «Сейчас у нас положение таково: действительно, экономика у нас стала дыбом, когда лошади едят печеный хлеб, а люди в некоторых местах едят мякину; когда часть крестьянства вынуждена покупать хлеб в близлежащих городах, когда аграрная страна ввозит хлеб, а вывозит продукты промышленности. Ясно, что эта стоящая дыбом экономика может поставить дыбом и классы».

Бухарин не случайно говорил о возможности классовых протестов. Не было уже странным, что на пленуме ЦК считавшей себя революционной партии никто из ораторов не упомянул о массовых крестьянских выступлениях против насилия, – никто, кроме Бухарина. Вот очень характерный обмен репликами во время его речи с сообщением о фактах насилия над крестьянами и крестьянского негодования (демонстрации, обращения к рабочим, свыше 150 массовых выступлений и т. п.):

«**Бухарин**. Факты нужно знать наперед, и каждый такой факт регулировать.

Ворошилов. Кем это отрицается? Кого ты убеждаешь?

Бухарин. Я не знаю, кем это отрицается, но только знаю, что сам я об этом узнал только вчера... Специально для этого дела потребовалось, чтобы я два дня в ГПУ просидел.

Ворошилов. Я об этом знал по долгу службы.

Косиор. За что вы его посадили в ГПУ? (С м е х.)

Менжинский. За паникерство. (С м е х.)»

Общий вывод Бухарина относился к оценке системы хозяйственного управления в стране и ее бюрократическому перерождению. «Мы должны поставить вопрос о методах хозяйственного руководства и хозяйственного управления, – заканчивал свое выступление Бухарин. – Мне кажется, наши центральные органы и Центральный Комитет партии берут на себя слишком большую обузу – и «мелкое», и «среднее», и «большое» руководство. Вместо того, чтобы ограничить руководство целым рядом хорошо продуманных, взвешенных, прекрасно разработанных основных хозяйственных проблем, мы маленькую фабричку, маленькую концессию десятки раз решаем. Но просчитались на зерне... Но по отношению к нашим хозяйственным органам, к нашим собственным аппаратам мы все виды инициативы заменили единым видом инициативы, со стороны государства и исключительно сверху. Мы низовую кооперативную инициативу, местную инициативу и всякую прочую инициативу придушили. И так как мы гиперцентрализовали все дело, получился такой гиперцентрализованный бюрократический аппарат и такая ответственность наверху, что она превратилась в собственную противоположность...

В общем и целом проблема хлебных заготовок – это есть часть этой крупной проблемы о нашем государственном аппарате и о борьбе с бюрократизмом этого государственного аппарата».

Противостоящая «правым» сталинская группировка в значительной мере опиралась на пленуме на своих назначенцев с мест – секретарей краевых и областных партийных комитетов, отвергавших «разговоры» об ухудшении настроений в деревне и о начавшемся сокращении посевных площадей под зерновыми культурами. А. А. Андреев, ничего фактически не отрицая, заявлял, что «все товарищи, работающие со мной на Северном Кавказе», не считают возможным «делать какие-нибудь пессимистические выводы насчет того, что мы имеем в деревне... будто бы какой-то сплошной антисоветский фронт». Он разъяснял, что «обострило у нас положение» не насилие при проведении хлебозаготовок, а «громадное поражение озимого клина» (в результате вымерзания посевов бесснежной зимой). М. М. Хатаевич решился на прямую фальсификацию, утверждая, что в средневолжской деревне после чрезвычайных мер все стало «много лучше, чем в прошлом году», что в целом по области «посевные площади... выросли на 15,6%, а в Оренбуржье – на 30%», умолчав о том, что в 1927 г. на Средней Волге, особенно в Оренбуржье, из-за стихийных бедствий погибла значительная часть посевов, а их «рост» в 1928 г. был неполным восстановлением. В этом же духе высказались Б. П. Шеболдаев (Нижняя Волга), Ф. И. Голощекин (Казахстан) и некоторые другие. Критике «чрезвычайщины» противостояла не сила логики аргументов и фактов, а сила дезинформации и «организационной машины».

В речи Сталина на июльском пленуме говорилось об отмене чрезвычайных мер как о чем-то само собою разумеющемся и было дано идеологическое обоснование их неизбежности, предопределившее главное содержание всей последующей сталинской политики в деревне. Исходным у Сталина был постулат о сохранении и использовании в целях индустриализации «ножниц цен», при которых крестьянство «переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности... и недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты... Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога». Истинный смысл сталинского «лозунга дани», взимаемого с крестьянства в пользу индустриализации, был проанализирован в заявлении Бухарина от 30 января и заявлении Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля 1929 г. Бухаринская расшифровка дани как «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» была вполне обоснованной. На июльском пленуме по поводу сталинской идеи о «дани» с крестьянства и рабочих на индустриализацию страны возражение все же прозвучало в речи М. П. Томского.

«Ножницы» цен были лишь одной из форм этой «дани». Сталин давал обещание «постепенно ослаблять эти «ножницы»... <а> через ряд лет уничтожить вовсе этот добавочный налог на крестьянство». Это обещание никогда не было выполнено. Созданная тогда система предельно неэквивалентного обмена между городом и деревней сохранилась, к сожалению, до наших дней. Именно она погубила сельское хозяйство страны.

Второе идеологическое «открытие» Сталина на июльском пленуме ЦК ВКП(б) состояло в утверждении о все большем обострении классовой борьбы на пути общества к социализму: «по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс

крестьянства». Истинная суть сталинского «открытия» состояла в обосновании неизбежности и необходимости применения административных, экстраординарных, чрезвычайных мер для «подавления сопротивления эксплуататоров», которое «будет возрастать».

Сталинская «революция сверху» после июльского пленума ЦК ВКП(б) лишь несколько замедлила темпы. И хотя после пленума многие из пострадавших от 107 статьи и других экстраординарных мер возвратились домой и даже вернули часть конфискованного имущества, они не смогли в полной мере восстановить свое хозяйство. Заготовительные цены на хлеб были повышены не настолько, чтобы компенсировать снижение товарности крестьянского хозяйства в связи с сокращением урожая зерновых в 1928 г., а тем самым гарантировать деревню от новой волны чрезвычайщины. Нэпманы продолжали свертывать свою деятельность, и не только на хлебном и кожевенном рынке. Условия нэпа сохранялись в усеченном виде, а частнохозяйственные формы торговли и промышленности (кустарной) приобрели остаточный характер. Нэп еще не был ликвидирован до конца, но для его восстановления требовалось радикальное изменение экономической политики государства.

Тема чрезвычайщины в сельском хозяйстве не была исчерпана проблемами хлебозаготовок и сохранения нэпа. Ее прямым продолжением явились доклад М. И. Калинина «Об организации новых (зерновых) совхозов», вызвавший острую дискуссию. Доклад начинался с информации о принятом 23 апреля 1928 г. по инициативе Сталина постановлении Политбюро об организации в течение 3–4 лет на свободных землях РСФСР и Украины зерновых совхозов, производящих 100 млн. пудов товарного хлеба. Комиссия Политбюро, созыв которой поручался Калинину, разработала план организации 100 зерновых совхозов с посевной площадью по 30–50 тыс. десятин и общими расходами в 335 млн. рублей. Не дожидаясь результатов работы комиссии и решения пленума ЦК, в соответствующие районы юга и юго-востока была послана директива Политбюро о выделении земель и их вспашке под озимые посевы в том же году.

Намного сложнее, естественно, оказался вопрос о технике, прежде всего о тракторах. Как выяснилось, на трех заводах производилось «не тысячами, а по 150–180–100»... Лишь Путиловский завод, после «нажима» на директора самого Сталина, принял обязательство в 1928 г. увеличить производство до 1200 тракторов, а в 1929 г. – до 2000–3000. В результате, как засвидетельствовал Н. М. Анцелович, «на Северном Кавказе земли новых совхозов пашут на крестьянских лошадях с применением крестьянского труда. Словом, как у помещиков... Начинаем с разговоров о машинном хозяйстве, о тракторах, а кончаем волами, ослами». Хатаевич сообщал о задании для Средне-Волжской области «поднять 18 тыс. гектаров под зябь», для чего вначале обещали 144 трактора, а через месяц обещание сократили до 80, предписывая при этом «на остальные... достать волов и поднимать при помощи волов. Не знаю, получим мы 80 тракторов или нет».

Однако вернемся к докладу Калинина, в котором значительная часть посвящена не совхозам, а крестьянскому хозяйству. «Я остаюсь защитником индивидуального хозяйства», которое, как думал тогда Всесоюзный староста, «еще очень долго будет существовать». Обращаясь к собравшимся, он спрашивал: «... есть у вас боль, когда разрушают хозяйство, не думая о том, как восполнить вот эту производственную часть?» Надрывно звучало его главное требование: «... дайте крестьянину рамку, чтобы он знал, до каких пределов расширять хозяйство, дайте законность, законом ограничьте эксплуататорские замашки кулака, – нельзя без этого... ведь индивидуальное хозяйство основано на индивидуальной инициативе».

Именно с надеждой ослабления нажима на крестьянское хозяйство связывал Ка-

линин организацию в чрезвычайном порядке зерновых совхозов. Вот очень важное свидетельство и о его личной позиции, и о сталинских приемах привлечения на свою сторону членов Политбюро, когда в этом возникала нужда. «Вопрос состоит в том, сколько средств мы вбухаем по недоразумению, – вырвалось у Калинина. – Для того, чтобы этого не допустить, нам нужно быть очень осторожными. Но в конечном итоге дело совхозного строительства не может не удаться... и мы тогда можем опять снять с себя зависимость от индивидуального хозяйства... Тов. Сталин в частном разговоре сказал, что если мы разовьем совхозы, мы можем либеральнее относиться к индивидуальному хозяйству. (С м е х.) Тогда у нас не будет нужды быть жестокими (нас нужда заставила быть жестокими)». Думается, что этот «частный разговор» в какой-то мере объясняет, почему М. И. Калинин не оказался среди «паникеров», а впоследствии среди «правых».

Главным противником строительства в чрезвычайном порядке и чрезвычайных масштабах зерновых совхозов вновь оказался В. В. Осинский, объявленный одним из выступавших «присяжным скептиком по всем вопросам», а другим обвиненный в «запугивании пленума ЦК». Осинский был одним из наиболее образованных членов ЦК ВКП(б) конца 1920-х годов, всегда отличался самостоятельностью мысли в анализе и оценке происходящего. Проект создания в засушливой полосе «массы зерновых совхозов», огромных по площади хозяйств без севооборотов и вообще без соблюдения элементарных требований агрономии, а поначалу и без современной техники и даже без квалифицированных кадров, как с характерной для него смелостью утверждал Осинский, «не только является агрономической неграмотностью», но и «безграмотностью экономической». Особенно важной была критика заявлений об опоре на опыт американских «зерновых фабрик». Незадолго до этого Осинский по поручению Наркомзема посетил США, в частности, с целью изучения «зерновых фабрик», существовавших там в начале века. К середине 1920-х годов оказалось, что эти формы производства «уже давно не существуют». Единственная «пшеничная фабрика Кемпбелла», ставшая образцом для проектировавшихся зерновых совхозов, в действительности, как разъяснял на пленуме Осинский, являлась рекламным предприятием для пропаганды новой сельскохозяйственной техники. «Я думаю, – заканчивал он свое выступление, – проект в таком порядке принимать сейчас не следует».

Э. И. Квиринг напомнил о старых совхозах, которые, как он утверждал, «способны дать 50 млн. пудов товарного хлеба с меньшей затратой средств...», и даже глава ОГПУ В. Р. Менжинский не удержался в этом месте от реплики: «И гораздо скорее».

Однако никакие аргументы уже не имели значения. Сталин отклонил все возражения как идеологически несостоятельные. Решение об организации «зерновых фабрик» в чрезвычайных масштабах и в чрезвычайном порядке было принято. Через 4–5 лет, когда новые совхозы должны были работать на полную мощность, недород и голод 1932–1933 гг. сильнее всего поразят районы их размещения. (Заметим, что ни критики проекта в 1928 г., ни авторы данной статьи не относятся к числу противников развития зернового производства в засушливой зоне страны. Речь в данном случае идет о путях и формах этого развития.)

Самыми «политически безопасными» были решения пленума по третьему вопросу повестки дня – «Об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗы)», хотя они означали существенную реконструкцию системы высшего образования и на много лет определили направление его развития. Вопрос рассматривался по решению апрельского пленума, на котором проблемы высшей школы обсуждались в связи с «шахтинским делом» и провозглашением лозунга форсированной замены буржуазных специалистов пролетарскими.

По существу, на апрельском пленуме все дело свелось к призывам о повышении бдительности. Единственное практическое предложение – о передаче нескольких втузов в виде эксперимента из ведения республиканских наркоматов просвещения в ведение ВСНХ СССР – встретило активный отпор со стороны руководителей наркомпросов и не было принято. Один из главных аргументов наркомпросовцев, который было трудно опровергнуть их оппонентам, заключался в том, что вопрос о передаче втузов, как и вообще о направлениях реформирования высшего образования, в достаточной степени не изучался. В связи с этим апрельский пленум создал специальную комиссию, которой поручили исследовать проблему и подготовить ее к рассмотрению на следующем пленуме ЦК.

17 апреля 1928 г. Политбюро пересмотрело решение пленума в части, касающейся состава комиссии. Вновь созданная комиссия под председательством Молотова начала свои заседания 12 мая 1928 г.

За полтора месяца, до конца июня комиссия заседала десять раз. Одновременно действовали подкомиссии по отдельным вопросам. В рамках работы комиссии были подготовлены различные справки, проведены обследования ряда высших учебных заведений[38]. В центре внимания, по существу, оказались три проблемы: финансирование высшей школы, сокращение сроков обучения и передача ряда втузов под управление хозяйственных ведомств. Реальное решение этих проблем, впрочем, мало зависело от самой комиссии. Как видно из стенограммы обсуждения проекта резолюции, который комиссия готовила к пленуму ЦК, основные вопросы были предрешены руководством страны.

Комиссия, а затем Политбюро и пленум ЦК приняли решение о передаче 6 втузов и 5 техникумов в ведение ВСНХ СССР и 2 втузов в ведение НКПС, в то время как на апрельском пленуме речь шла о возможности передачи только 3–4 вузов, и только в ведение ВСНХ. Протесты представителей наркоматов просвещения РСФСР и Украины не принимались во внимание. Наркомпросы проиграли также по вопросу о сокращении сроков обучения во втузах.

В целом июльский пленум принял курс на максимальное приспособление высшего технического образования к непосредственным нуждам промышленности. Для быстрого преодоления резкой нехватки инженерно-технических кадров руководство страны решило пожертвовать качеством обучения. В резолюции пленума содержалось положение об организации нескольких втузов нового типа, особенно для дефицитных специальностей, со сроком обучения 3–4 года. До 4–5 лет сокращалось обучение во втузах в целом, при этом 5–6 годами ограничивался срок пребывания во втузах (ранее в силу тяжелого материального положения и слабой подготовки многие студенты задерживались в вузах на 6–8 лет). Существенно (не менее, чем до 10 месяцев) увеличивалась производственная практика. Для выпускников вузов и техникумов устанавливался обязательный трехгодичный срок работы на производстве по указанию хозяйственных органов и т. д.

Одним из приоритетов нового курса было максимальное насыщение высшей школы членами партии, комсомола, рабочими и ограничение притока выходцев из иных слоев (служащих, детей старых специалистов и т. п.). Уже в 1928 г. предписывалось добиться, чтобы рабочие составляли не менее 65% принятых в втузы, и направить во втузы не менее 1000 коммунистов (набор «парттысячников» предлагалось повторять в течение ближайших лет).

Все эти решения пленума на многие годы предопределили государственную политику по отношению к высшей школе. Резко увеличилось количество вузов и техникумов и количество студентов. Вслед за передачей нескольких втузов ВСНХ и НКПС

уже все высшие учебные заведения были разделены между многочисленными хозяйственными ведомствами и наркомпросами. Набирала силу практика привлечения в вузы детей рабочих, в том числе при помощи значительных льгот, вплоть до зачисления без экзаменов. К началу 1932 г. в высших учебных заведениях числилось 391 тыс. студентов по сравнению с 159,8 тыс. в начале 1928 г. При этом наиболее быстро росли ряды студентов индустриальных вузов – с 48,9 до 201,4 тыс. человек в 1928–1932 гг., в то время как количество студентов-медиков выросло всего с 26,1 до 32,1 тыс. Удельный вес рабочих во всех вузах составлял в 1932 г. 58% по сравнению с 25,4% в 1928 г.[39]

Несмотря на внешне мирное завершение пленума, в недрах Политбюро продолжалась скрытая борьба и подготовка к более решительным открытым столкновениям. Все более очевидной становилась «бухаринская альтернатива» – несталинский вариант осуществления индустриализации страны и социалистического преобразования крестьянской экономики, основанной на сохранении и развитии новой экономической политики. Однако столкновение бухаринской и сталинской позиции не исчерпывалось вариантами решения тех задач, которые возникли перед страной к концу 1920-х годов. За ним стояли принципиальные различия в понимании нового общества. За ними стояли также глубочайшие различия в отношении к целям и средствам, к власти и массам, к собственному назначению. Во всем этом противоборствующих разделяла пропасть. Л. Б. Каменев в своей злополучной записи разговора, имевшего место 11 июля 1928 г., был точен, передавая слова Бухарина: «Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с Вами»[40]. И это действительно так.

Расчеты Бухарина, по инициативе которого была подготовлена эта встреча с Каменевым, не совсем понятны. Вряд ли он готовился к контратаке и прощупывал почву на противоположном фланге партии. Там продолжал действовать категорический императив Троцкого: «Вместе со Сталиным при определенных условиях – да, вместе с Бухариным – никогда».

Судя по записям Каменева, которые впоследствии не опровергал и сам Бухарин, встреча преследовала цель предотвратить возможный союз Сталина с Зиновьевым и Каменевым против «правых». Такой союз Сталина с полностью дискредитированными и не имевшими серьезной поддержки оппозиционерами был столь маловероятен, что предположения Бухарина о его возможности трудно объяснить чем-либо иным, как паникой и деморализацией. «Потрясен он чрезвычайно. Порой губы прыгают от волнения. Порой производит впечатление человека, знающего, что он обречен», – таким увидел Бухарина Каменев. Бухарин был чрезвычайно откровенен. Помимо эпизодов о подготовке программы Коминтерна, обсуждении в Политбюро письма Фрумкина и резолюции пленума, о которых говорилось выше, Бухарин передал Каменеву множество других подробностей, свидетельствовавших об остром противостоянии в Политбюро. Каменев сделал подробный конспект высказываний Бухарина, из которого, в частности, следовало, что Бухарин хорошо понимал истинный смысл уступок Сталина на июльском пленуме:

«Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать <...> Он теперь уступил, чтобы нас зарезать. Мы это понимаем, но он так маневрирует, чтобы нас выставить раскольниками <...> Его задача сейчас отобрать у нас моск<овскую> и ленингр<адскую> «Правду» и сменить Угланова (Кагановичем) <...>».

На вопрос «Каковы же ваши силы?» Бухарин ответил: «Я + Р<ыков> + Т<омский> + Угл<анов> (абсолютно). Питерцы вообще с нами, но испугались, когда речь зашла о возможной смене Сталина <...> Андреев за нас <...> Украинцев Сталин сейчас

купил, убрав с Украины Кагановича <...> Ягода и Трилиссер – наши. 150 случаев типа маленьких восстаний. Ворошилов и Калинин изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями <...> Серго <Орджоникидзе> – не рыцарь. Ходил ко мне, ругательски ругал Ст<алина>, а в решающий момент предал»[41].

Откровения Бухарина, являясь ценным источником для историков, сыграли роковую роль в политической судьбе самого Бухарина и его сторонников. В начале 1929 г. они были обнародованы и стали мощным политическим оружием в руках Сталина. Однако прежде чем это произошло, в Политбюро продолжали нарастать непонимание и борьба, важным рубежом которой был пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г., стенограмма которого публикуется в следующем, III томе настоящего издания.

***

Стенограмма июльского пленума 1928 г., как и стенограммы других публикуемых в настоящем издании пленумов ЦК ВКП(б), существует в трех версиях: 1) первоначальная стенограмма, записанная «с голоса», а затем расшифрованная; 2) стенограмма, исправленная авторами выступлений; 3) стенографический отчет, который предназначался для рассылки в партийные организации и был результатом дополнительной правки авторского экземпляра редакционной комиссией в аппарате ЦК ВКП(б).

Поскольку технически невозможно воспроизвести все три варианта стенограммы, в основу данной публикации положены стенографические отчеты. Этот выбор был сделан по нескольким причинам.

Во-первых, предварительное ознакомление со стенограммами показало, что первоначальная стенографическая запись «с голоса» представляет собой во многих местах несвязный малопонятный текст из-за многочисленных грамматических и смысловых ошибок. Причем часто невозможно установить, в какой мере невразумительность стенограммы отражала реальные выступления (многие ораторы, действительно, были людьми малограмотными и при этом выступали экспромтом), а в какой – вызывались техническими причинами, например плохой слышимостью (в первоначальных стенограммах периодически встречаются пропуски с пометками: «Не слышно») и недостаточной подготовкой стенографисток. По-видимому, имели место и те и другие причины. В любом случае публикация таких стенограмм без правки невозможна. Именно такую правку, делавшую текст элементарно понятным, предпринимали авторы выступлений.

Во-вторых, как показало сравнение различных вариантов текстов, между вторым (стенограмма с авторскими правками) и третьим (стенографический отчет) вариантами различий практически нет. Таким образом, выбирая в качестве основы для публикации стенографический отчет, мы получаем возможность одновременно опубликовать второй и третий вариант стенограмм. При этом немногочисленные редакционные правки, произведенные редакторами в аппарате ЦК, легко оговариваются в примечаниях.

Авторская правка первоначальной стенографической записи была столь значительной, что воспроизвести ее полностью невозможно: в этом случае речь может идти только о параллельной публикации текстов. Однако, поскольку авторская правка носила в основном стилистический и грамматический характер, учитывать ее в полной мере нет необходимости. В то же время смысловая правка – дописывание текста или вычеркивание фрагментов, имеющих существенное значение, – оговаривалась полностью. Вновь вписанный текст подчеркивался, вычеркнутые фрагменты восстанавливались в квадратных скобках. Явно пропущенные слова восстанавливались составителями в угловых скобках.

В результате такой работы, как считают составители, удалось достаточно адекватно воспроизвести все три варианта стенограмм.

Первоначальные стенографические записи выступлений Сталина были изъяты из материалов пленума и сохранились в его личном архиве. Как свидетельствуют эти документы, сталинские выступления подвергались существенной правке. Записанный стенографистками «с голоса» текст сначала правил помощник Сталина И. П. Товстуха. Затем вариант Товстухи исправлял (не очень значительно) Сталин. В томе публикуются как исправленные, так и первоначальные записи всех трех речей Сталина на пленуме.

Публикация осуществлялась в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). Максимально сохраняя все особенности источника, составители без оговорок исправляли явные опечатки и в ряде случаев приводили тексты в соответствие с современной орфографией.

Справочный аппарат тома составляют: вводная статья, в которой дается общая характеристика периода и событий, связанных с пленумом; комментарии к конкретным фактам, упоминаемым в выступлениях; именной комментарий и именной указатель, список сокращений.

Помимо приложений самого стенографического отчета пленума, составители подготовили приложения, помещенные под рубрикой «Дополнения». Кроме уже упомянутых первоначальных расшифровок речей Сталина, в «Дополнения» включены несколько писем и записок советских руководителей, позволяющих точнее понять и оценить дискуссии, развернувшиеся на пленуме.

Данилов В. П., *Ватлин А. Ю.*, *Хлевнюк О. В.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М. 1999. С. 255–262.

[2] Там же. С. 313–314.

[3] Там же. С. 228, 314, 316.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 28–31, 41–45.

[5] Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933 гг.). Сб. документов. Сост. Романо А., Тархова Н. Неаполь. 1996. С. 120–138.

[6] См. Reiman M. The Birth of Stalinism. The USSR on the Eve of the «Second Revolution». Indiana University Press. 1987. P. 68.

[7] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 30.

[8] Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М. 1989. С. 300–301.

[9] Там же. С. 301.

[10] Там же. С. 298–299.

[11] Там же. С. 299.

[12] После снятия Зиновьева пост председателя ИККИ был заменен коллективным руководящим органом – Политсекретариатом. См. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М. 1997. С. 107.

[13] Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М. 1933. С. 48.

[14] Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. С. 133–134; см. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 4, 6, 99, 101, 102, 110.

[15] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 102.

[16] Ватлин А.Ю. Программная дискуссия в Коминтерне. «Вопросы истории», 1999, № 4. С. 97–110.

[17] РГАСПИ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 42. Л. 87; см. также дополнение 1.

[18] Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. М. 1993. С. 34.

[19] Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М. 1998. С. 629.

[20] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 686. Л. 7.

[21] РГАСПИ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 42. Л. 61.

[22] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 290–295.

[23] Сталин И.В. Соч. Т. 11. М. 1949. С. 116–126; Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 297–301.

[24] Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. С. 36.

[25] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 736. Л. 42.

[26] Заявление Молотова опубликовано. См.: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 297–301.

[27] Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. С. 35–36.

[28] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 417. Л. 23.

[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 715. Л. 36; см. также Л. 12–20, 24–31, 32–38.

[30] Так, в январе 1927 г. Ломинадзе докладывал из Берлина в ИККИ о недовольстве лидеров КПГ Бухариным: «На ЦК я прямо указывал на нетерпимость этой игры с именем Бухарина... Я, конечно, защищал целиком и полностью, забыв все свои споры в Москве, линию Бухарина... и решительно протестовал против попыток провести между этими двумя линиями какую-нибудь черту». РГАСПИ Ф. 495. Оп. 19. Д. 75. Л. 4.

[31] См. дискуссию по китайскому вопросу накануне IX расширенного пленума ИККИ 9–25 февраля 1928 г. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. 1927–1931. Часть 1. М. 1999.

[32] См. подробнее «Правый уклон» в КПГ и сталинизация Коминтерна. Стенограмма заседания президиума ИККИ по германскому вопросу 19 декабря 1928 г. М. 1996.

[33] РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 61. Л. 1.

[34] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 231.

[35] Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 1. С. 37–58.

[36] Там же. С. 78–81.

[37] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 63.

[38] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 80, 81.

[39] Подготовка кадров в СССР. 1927–1931 гг. М. 1933. С. 13, 19.

[40] Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. С. 32.

[41] Там же. С. 30–37.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Хранить на правах шифра
Подлежит возврату
Снятие копий воспрещается

ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б)

4–12 июля 1928 г.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Выпуск 1
Исх. № 5500/с

ЦК ВКП(б)

ПОВЕСТКА
Пленума ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 года

Вопросы конгресса Коминтерна.
(Тов. Мануильский)
Программа Коминтерна.
(Тов. Бухарин)
Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением.
(Тов. Микоян)
Об организации новых (зерновых) совхозов.
(Тов. Калинин)
Об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗы).
(Тов. Молотов)

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ

Утро, 4 июля

Рудзутак. Разрешите начать, товарищи. Предлагается поручить председательствовать на настоящем пленуме тов. Рыкову. Нет возражений?

Г о л о с а. Нет.

Председатель (Рыков). Повестка пленума на руках у всех? Желает кто-нибудь слова? Голосую порядок работ пленума: кто за него, прошу поднять руки. Принято.

Относительно регламента. До сих пор теоретический регламент был такой, что заседали от 11 до 3 и от 6 до 10 вечера, докладчикам хотели давать, хотя это никогда не выходило, по 40 минут, ораторам, что иногда выходило, давали по 10 минут. Предложения об изменении регламента есть?

Косиор. Я думаю, что опыт хлебозаготовок научил нас реальным цифрам. (С м е х.)

Председатель. Утверждается этот регламент?

Косиор. Никак нет.

Г о л о с а. Увеличить время.

Председатель. Увеличить время докладчикам до 1 часа, ораторам оставить прежнее время. Есть возражения? Нет. Итак, время докладчикам увеличивается до часа, в остальном регламент остается прежним.

Тов. Мануильский имеет 60 минут.

ВОПРОСЫ КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

Мануильский. За 9 лет существования Коминтерна у нас накопилось на основании приобретенного опыта большое количество принципиальных вопросов как программного, так и тактического характера, которым на ближайшем VI конгрессе[1] нам придется подвести некоторый итог. Тов. Бухарин сделает вам подробный доклад о программной стороне работ конгресса. Моя задача более скромная: остановиться, главным образом, на тактических злободневных вопросах, которые сейчас стоят перед Коминтерном.

Я, товарищи, не могу, конечно, коснуться детально всех вопросов, стоящих перед 66 партиями Коминтерна. Мне придется, главным образом, остановиться на важнейших вопросах, которые являются сейчас общими для каждой отдельной партии и для Коминтерна.

Изменения со времени V Всемирного конгресса[2]

Что изменилось со времени V Всемирного конгресса как в международном положении, так и в самом рабочем движении?

Вы знаете, что V Всемирный конгресс собрался после тягчайшего поражения германской революции 1923 года[3]. Работы конгресса протекали под знаком учета пережитого в центральной Европе поражения, критического разбора ошибок, проделанных

тогдашним руководством германской компартии в вопросах тактики единого фронта. Все работы V конгресса имели слишком европейский характер. Наши задачи по сравнению с V Всемирным конгрессом чрезвычайно усложнились. Какие изменения произошли за это время?

Первое изменение – это назревание за последние годы англо-американских противоречий. Разрыв, который произошел на Женевской конференции[4] между тремя державами, заключившими в Вашингтоне морское соглашение, открывает собой в развитии империализма совершенно новую полосу. Так же как накануне 1914 года война фактически была борьбой за мировую гегемонию между двумя государствами – Германией и Англией, так и сейчас наступает такая полоса в развитии мирового империализма, когда на очереди дня стоит борьба за мировую гегемонию между американским и английским империализмом. Достаточно просмотреть английскую и американскую прессу, чтобы увидеть, что эти противоречия накапливаются с каждым днем. Многие товарищи на основании отступления, которое проделала сейчас Англия в вопросе о каучуке, склонны думать, что эти напряженные отношения имеют тенденцию к смягчению. Это неверно. Англия вынуждена была капитулировать в вопросе каучука. Ее попытка сократить производство каучука в своих колониях, чтобы заставить Америку платить дороже, была сорвана голландской Индией, которая выбросила достаточное количество каучука, парализовав последствия великобританского нажима. Несомненно, в английской прессе, в таких газетах, как «Таймс» и «Дейли телеграф»[5], вы найдете вполне определенную тенденцию в сторону соглашения с американским капитализмом. Это объясняется тем, что английский империализм находится в состоянии обороны. Это назревание противоречий между английским и американским империализмом совершенно опровергает выставленную в свое время Троцким в его книге «Европа и Америка»[6] теорию о том, что в силу недопроизводства в Европе и в силу перепроизводства в Америке будет создана хозяйственная диктатура Америки над Европой, что Европа будет посажена на паек. Не нужно забывать, это назревание англо-американских противоречий протекает в обстановке трестификирования Европы – Европы, экономически подымающейся из послевоенного кризиса.

Второе изменение, которое произошло в международной обстановке, – это начавшийся сейчас раздел Китая[7]. Можно быть различного мнения о формах и сроках этого раздела. Газета «Правда», наш центральный орган, слишком ускоряет эти темпы, когда пишет, что борьба между империалистическими хищниками вокруг раздела Китая разгорается уже сейчас. Такая постановка неверна пока. Дело в том, что базироваться только на такой газете, как, например, «Чайна ньюс», которая является органом невлиятельной группы, стоящей за активные действия в Китае, нельзя. Если вы посмотрите крупную американскую прессу, то вы убедитесь в том, что пока этот раздел Китая протекает в таких формах, что английский и американский империализм молча поддерживают японскую интервенцию. Как долго будет продолжаться это молчаливое сотрудничество – будет зависеть от ряда условий. Но пока – американские джингоисты[8] следуют политике Японии, когда Япония после Гонконгского конфликта[9], в момент обострения борьбы между Китаем и Англией, оставалась в роли наблюдателя. Несомненно одно – что тенденция к схватке империалистов в Китае существует. В будущем эта схватка неизбежна, но пока, в данный момент, эти противоречия протекают не в таких формах, чтобы можно было сказать, что в 1929–30 гг. мы увидим тихоокеанское столкновение великих держав. В этом грядущем тихоокеанском конфликте Китай может быть не только объектом, но и субъектом, борющимся за свое национальное освобождение. Это будет в значительной степени зависеть от того, удастся ли сейчас китайскому пролетариату и крестьянству подготовиться к такого рода решающим боям.

Третий новый момент – это обострение империалистических противоречий сейчас во всем мире. Таких сильных противоречий еще не было четыре года тому назад. Эти противоречия растут повсюду. Мы знаем ту угрожающую войной политику, которую проводит сейчас фашизм, являющийся экспозитурой[10] самого мощного в Европе английского империализма. Эта борьба развертывается сейчас за Эгейское море, за Салоники, за Адриатику, за Танжер, на Средиземном море, борьба на Балканах, борьба в Средней Европе, в рандштатах[11], в Латинской Америке, Мексике, Никарагуа и т. д. Можно насчитать сейчас 20 пунктов на земном шаре, которые в любой момент могут сыграть зловещую роль, которую сыграло в свое время Сараево. Говорят о том, что сейчас мировой империализм, боящийся войны, пытается сгладить противоречия, чтобы создать единый фронт против Советского Союза. Как тенденция – это тоже несомненно, но не нужно забывать, что капиталистическая стихия может оказаться сильнее воли женевских дипломатов. Мы знаем, что главнейшая задача Лиги Наций заключается в том, чтобы, по возможности, среди мелких отдельных государств достичь известного соглашения за счет Советского Союза.

Но история конфликта между Польшей и Литвой[12] показывает, насколько это трудная и сложная задача. Такова сумма империалистских противоречий.

Другой канал, по которому развиваются противоречия, – это противоречия между империализмом и революционными народами. Здесь в центре противоречие между империалистическим миром и Советским Союзом. Об этом очень много писалось в нашей печати и в наших тезисах, и на этом останавливаться не приходится. Одно лишь надлежит отметить: капиталистический мир с величайшим вниманием сейчас следит за развитием наших внутренних отношений, и если бы сейчас у нас произошли какие-либо осложнения и если бы мы сейчас ввязались в какую-нибудь внутреннюю партийную дискуссию, то не может быть сомнения в том, что капиталистический мир использовал бы это для того, чтобы ускорить наступление на Советский Союз. Это было бы фактором, ускоряющим войну. Это нужно учесть.

Пятый новый момент – это обострение противоречий между империализмом и колониальными народами. В будущей мировой войне колонии не будут играть той роли, какую они играли в мировой империалистической войне 1914 г. Кое-что изменилось с 1914 г., и изменилось весьма серьезно. Нарастание революционного движения в колониях говорит о том, что в случае новой империалистической войны колонии будут не только объектом раздела, колонии будут в то же время в новой империалистической войне субъектом революционных войн. Если мы видели во время империалистической войны 1914 г. выступление Ирландии, то можно ли думать, что, если бы капиталистический мир ввязался сейчас в войну, такие крупные колонии, как Индия, такие крупные полуколонии, как Китай, такие колонии, как Индонезия, остались бы спокойны? Едва ли, товарищи. Отсюда понятно, почему сейчас II Интернационал[13], который до сих пор игнорировал колониальный вопрос, в последнее время делает попытки для того, чтобы укрепиться в колониях. Вы знаете о поездке Перселя в Индию, вы знаете о посылке социал-демократической японской делегации в Китай. Это все сигнализирует, что II Интернационал понимает сейчас важность в будущей войне колоний, и так же, как мировой капитализм во внутренних отношениях труда и капитала ищет свою агентуру внутри рабочего класса и создает ее в лице социал-демократии, так и в будущей мировой войне через социал-демократию он стремится создать агентуру, которая парализовала бы эту революционную роль колоний. Не случайно также, что II Интернационал сейчас на своем ближайшем конгрессе, который состоится в августе в Брюсселе, ставит колониальный вопрос. Это отражение того огромного значения, которое приобретают сейчас колонии.

Какое огромное историческое значение имеет китайская революция в пробуждении колониальных народов – это такой плюс в нашем Коминтерновском активе сейчас, который нельзя вычеркнуть. Если пораженная русская революция 1905 г. сыграла огромную роль в деле пробуждения народов Востока и Азии, то можно ли думать, что, хотя бы и переживающая временное поражение[14], китайская революция не сыграет такой же роли? Каутский в свое время, когда был марксистом, после революции 1905 года писал, что русская революция разбудит целый ряд народов на Ближнем и Дальнем Востоке. И эти слова подтвердились впоследствии. Мы видели турецкую революцию 1908 г., революцию 1911 года в Китае[15]. Массы колониальных народов были приведены в движение. В настоящее время китайская революция приводит в такое же движение целый ряд подавленных империализмом народов. За китайской революцией последовало индонезское восстание, после индонезского восстания идет назревание национально-революционного движения в Индии, где английскому империализму приходилось уже для подавления демонстрации против комиссии Саймона[16] прибегать к вооруженной силе. Продолжается борьба в Египте. Совсем недавно английскому империализму пришлось послать крейсера для того, чтобы сделать более сговорчивым египетское правительство. Все это говорит о том, что будущая война будет теснейшим образом переплетена с революционными войнами колониальных народов.

Таков второй разрез противоречий.

Наконец, есть третий разрез, на котором необходимо остановиться. Обострение противоречий между трудом и капиталом на международной арене со времени V Всемирного конгресса. Мы имели тогда, в 1924 г., когда собирался конгресс, большие революционные битвы и поражения в Германии, но остальная Европа остывала уже. Иную обстановку мы имеем сейчас. Мы пережили за эти четыре года после V Всемирного конгресса ряд событий, которые имеют всемирное историческое значение. Если вы перевернете страницы революционного календаря за это время, то вы увидите на первом месте английскую всеобщую стачку[17]. Несмотря на то, что она потерпела поражение, она имеет всемирно-историческое значение. Она, несомненно, после нашей и германской революции была наиболее крупным событием за последние десять лет. После 1 мая 1926 года – 15 июля 1927 года – венское восстание[18], в котором сгорал австромарксизм. Дальше, движение в кампании Сакко и Ванцетти[19].

И совсем, наконец, недавно на одном из участков империалистического фронта на Балканах вспыхивает всеобщая греческая забастовка. Начавшаяся в Ковале среди табачников, она в несколько дней принимает такие размеры, что охватывает ряд городов, водопровод, электрические станции, часть железных дорог и ставит вопрос о пролетарской диктатуре в этой стране, где, казалось бы, нет еще экономического базиса для захвата власти пролетариатом. Если между этими четырьмя событиями крупнейшего значения вы посмотрите на те молекулярные процессы, которые развернулись в рабочем движении, вы увидите, что нет ни одной страны, где бы не происходило за это время ряда рабочих стачек. Мы знаем, что теперь в Северо-Американских Соединенных Штатах протекает горняцкая стачка, длящаяся уже несколько месяцев. Ряд стачек развернулись в Германии, из которых самая крупная была металлистов в Саксонии. Мы видели горняцкую и текстильную стачки в Чехословакии, несколько месяцев тому назад прокатился ряд стачек во Франции среди транспортных рабочих, среди сельскохозяйственных рабочих назревает большое движение, то же среди государственных и банковских служащих. Это все – мелкие очаги внутренней гражданской войны, элементы которой накапливаются постепенно внутри капиталистических стран.

Наряду с этим в аграрных странах мы видим сейчас процесс полевения крестьянства. Мы давно не видели такого крестьянского движения, как движение болгарского

крестьянства в 1919 г.[20] Сейчас аналогичное движение крестьянских масс вызревает в Румынии на основе борьбы между правительством Братиану и царанистской или национально-крестьянской партией; на основе борьбы между национальной буржуазией, охраняющей позиции отечественного капитала, и теми фракциями ее, которые стоят под английскими влияниями, развернулось движение масс, перехлестнувшее через отведенные ему руководителями рамки.

Движение в Альба-Юлии принадлежит к числу таких движений, которые не проходят бесследно: оно находит свое отражение в других странах. На очереди сейчас подъем крестьянского движения в Югославии. Крестьянское движение эпидемически катится по Балканам, как в свое время Парижская революция 1848 г. зажгла целый ряд соседних стран. Последние сведения из Болгарии говорят о том, что там также назревает новая волна крестьянского движения.

Седьмое изменение. После поражения германской революции 1923 г., после периода пацифистской полосы в Европе создался период некоторого легального существования коммунистических партий в Центральной и Западной Европе. Белый террор господствовал особенно в тех странах, которые граничили с СССР и на Балканах. Что изменилось в последнее время? Мы видим, как шаг за шагом капиталистический мир идет сейчас не только к подавлению рабочего движения в целом, но прежде всего бьет по его авангарду – коммунистическим партиям. Мы почти не имеем сейчас легальных коммунистических партий во всем мире. Если вы посмотрите на те каторжные приговоры, которые выносятся сейчас по отношению к коммунистам в тех странах, которые всегда были буржуазно-демократическими, вы увидите, что этот процесс не случаен: он связан с обострением классовой борьбы.

Кто идет во главе этого процесса? Во главе этого процесса идет прежде всего итальянский фашизм. VI Всемирному конгрессу нужно будет заняться вопросом о тех методах, которыми мы должны побивать фашизм. Позором является для Коммунистического Интернационала (я говорю сейчас под углом зрения самокритики)... Да, товарищи, мы также нуждаемся в самокритике...

Г о л о с. Приветствуем.

Мануильский. Несмотря на то, что мы являемся международной нелегальной партией. Позором является для Коммунистического Интернационала, что мы в течение ряда лет не развернули широкой массовой борьбы против фашизма. Наши кампании имеют характер мопровских кампаний[21], а не кампаний политических. Посмотрите на те приговоры, которые вынесены Центральному Комитету итальянской компартии и ее римской организации: 26–30 лет заключения, это напоминает тот период, когда царизм выносил приговоры партии Народной Воли. Это, фактически, срезывание верхушки и политическое умерщвление сейчас наилучшего авангарда коммунистического движения. Ту же картину мы видим в целом ряде стран, где раньше наши партии более или менее действовали открыто. Возьмите такую страну, как Франция. Где, когда было слыхано в истории, хотя бы 50 последних лет, чтобы третья буржуазно-демократическая республика выносила революционным деятелям рабочего движения по 30 лет каторжных работ, как получил, например, наш товарищ Дюкло. Многие французские товарищи не понимают того, что это новая полоса, которая наступает, думают, что это случайное, скоропреходящее явление. Например, тот факт, что полиция врывается на собрания ячеек, громит их и арестовывает. Многие считали, что это период репрессий, который будет ликвидирован после выборов, и вновь восторжествует парламентская «легальность». Сейчас совершенно очевидно, что французская реакция так же, как и фашизм, становится на путь бешеного преследования коммунистов. Возьмите вы Германию, в которой в последнее время коммунистам более или менее дыша-

лось свободно, возьмите попытку Кейделя закрыть Союз красных фронтовиков[22]. Вы думаете, что завтра не будут вновь предприняты эти попытки? Застрахован ли Союз красных фронтовиков при социал-демократическом правительстве от закрытия? Нисколько. Если будет обостряться в Германии классовая борьба, а это неизбежно, мы будем видеть вновь и вновь эти попытки. Посмотрите, в Чехословацкой республике, где была тихая, спокойная политическая атмосфера, где наша партия была совершенно легальной, – эта партия также вводится ныне в линию классового огня.

По поводу маленького инцидента Спартакиады[23] происходит беснование реакции. Мы будем свидетелями 6 июля, по всей вероятности, кровавого столкновения между чешскими рабочими и демократической республикой Масарика[24]. Свирепствует цензура, душится рабочая печать. Разве случаен арест Белы Куна[25] в той Вене, где коммунисты работали до сих пор свободно? Все это показывает, что мы идем к нелегальному или полулегальному существованию главнейших коммунистических партий. Мы идем к такому времени, когда вождей коммунистических партий будут подстреливать на улицах из-за угла и прямо в грудь. Если несколько продумать этот сложнейший переплет: назревание империалистических противоречий, толкающих капиталистический мир к войне, назревание революционных противоречий между колониями и империалистским миром, назревание внутренних противоречий, то складывается сложнейший узел, который может быть разрублен только революционным путем. Мы идем все ближе и ближе к периоду войн и революций. Война, революция, колонии – это основные вопросы, это стержень нашего VI конгресса Коминтерна. Порядок дня его так и приспособлен, что эти три основные вопроса будут сейчас стоять в центре внимания на Всемирном конгрессе.

Вопрос о полевении

Необходимо кратко остановиться на этих вопросах. Я, прежде всего, начну с процесса полевения. Когда английская стачка потерпела поражение, мы предсказывали в целом ряде решений и резолюций, это было закреплено и в резолюции XV съезда партии[26], что «вожди пойдут направо, массы налево». Подтвердилось ли это? Теперь на основании опыта, который мы приобрели к моменту VI Всемирного конгресса Коминтерна, мы можем сказать, что XV партийный съезд совершенно верно оценил положение. Ярче всего этот процесс мы видим на примере Англии. После измены и предательства Генсовета[27] вожди покатились направо. Тотчас же была выдвинута идея промышленного мира[28]. Известный король международного химического объединения Монд созвал целый ряд конференций представителей промышленности. На эти конференции Генсовет послал своих представителей. Единственный человек, дерзнувший поднять голос протеста внутри Генсовета против этого цинического сотрудничества классов, был представитель английских горняков Кук. Весь Генсовет стоял безоговорочно на точке зрения промышленного мира в то время, когда в Ланкашире шло бешеное наступление капитала на жизненный уровень английских текстилей. Достаточно прочесть те статьи, которые печатались Цитриным и которые являются своего рода политическим евангелием английской либеральной партии, чтобы увидеть, что это была целая программа сращивания реформистских профсоюзов с предпринимательскими организациями и аппаратом капиталистического государства. Одновременно с этим английские реформисты, играющие крупную роль в Амстердаме[29], дали сигнал к расколу профсоюзного движения, который был воспринят реформистами других стран. Мы видели отклики этой политики повсюду, даже в такой маленькой стране, как Швейцария. После того как коммунисты достигли известного влияния в Базельском картеле и держали его крепко, швейцарским реформистским центром был дан лозунг

раскола[30]. В Греции, на съезде профсоюзов, несмотря на то, что реформисты были в меньшинстве, они, опираясь на полицию, исключили большинство, стоящее под влиянием коммунистов[31]. И эти факты не единичны. В открывающуюся перед нами эпоху мы будем видеть бешеную борьбу за душу рабочего класса.

Но, наряду с поправением вождей, мы в то же самое время имеем нарастание и укрепление движения меньшинства в Англии. Вы читали, вероятно, в газетах о выступлении Мэкстона и Кука. Это выступление не было совершенно индивидуально, оно явилось в результате того, что Мэкстон и Кук вместе с бывшим министром правительства Макдональда Уитли обратились к коммунистической партии, как им быть в нынешнем положении, когда рабочая партия меняет программу, когда она становится либеральной партией. Тов. Галлахер, который вел переговоры с этой группой от имени коммунистической партии, предложил выступить с открытым заявлением. Они это сделали. Что делает сейчас независимая рабочая партия? Она пытается это движение взять в свои руки и парализовать его. «Вожди направо, массы налево» получает на каждодневном опыте не только английской партии, но и на всей международной арене подтверждение.

Что определило курс, взятый на IX пленуме ИККИ[32]

Это поправение вождей и полевение масс было одним из моментов, которое определило нашу беспощадную критику в отношении к социал-демократии. Оппозиция представляла дело таким образом, что на почве стабилизации сейчас создаются предпосылки для победы реформизма, что мы можем выигрывать только в революционной обстановке. Английскую стачку она приняла как создание непосредственной революционной ситуации, даже после ее поражения. На почве капиталистической стабилизации (то, о чем говорили много раз в наших тезисах) происходит сейчас трестифицирование международного капитала. Международные концерны еще больше закабаляют рабочий класс. Рационализация бьет по материальному уровню рабочего. Каждый маленький конфликт грозит превратиться в конфликт целого класса. Каждый местный конфликт, поскольку объединение капитала приобретает международный характер, грозит превратиться в конфликт международный. На почве капиталистической стабилизации происходит сейчас усиление классовой борьбы. Во-вторых, нужно принять во внимание процесс фашизации социал-демократии. Возьмите развитие социал-демократии за последние годы. Похожа ли эта социал-демократия последнего издания на то, что она представляла, допустим, не только в момент, когда она была партией Бебеля, Либкнехта, но даже в первые годы войны? Социал-демократия стояла на точке зрения защиты капиталистического отечества в империалистской войне. Но с тех пор социал-демократия пошла дальше. Возьмите Марокканскую войну. Какое отечество защищала французская социал-демократия от «канадских»* рифов[33]? Можно ли всерьез говорить, что рифы напали на вооруженную до зубов империалистскую Францию? Совершенно ясно, что в этой войне социал-демократия фактически стояла на точке зрения колониального грабежа, открыто, цинично.

Возьмите, далее, такие новые факты, как эволюция Французской конфедерации труда[34]. Итальянский фашизм создал «корпоративное государство». С этим государством срастается итальянский реформизм, на деле сливающийся с фашистскими профсоюзами. Посмотрите, как эта практика проводится сейчас международной социал-демократией и реформистами, например, во Франции. Вы знаете, что Жуо вместе с Пуанкаре выдвинули идею создания национально-экономического совета. Это будет сво-

* Так в тексте (ред.).

его рода Госплан французской буржуазии, но Госплан, наделенный большими функциями, чем наш Госплан.

Рыков. По проекту Троцкого?

Мануильский. Да, пожалуй. Этот экономический национальный совет должен быть построен так же, как фашистский парламент, по принципу корпоративного представительства.

Совершенно ясно, что создание такого корректива к «парламентаризму» свидетельствует о тенденциях французской буржуазной демократии в сторону фашизации. Как относятся к этому реформистские союзы? Они не только приняли его, они защищают его в своей «позитивной» программе, с которой они выступили накануне выборов. То же самое приходится сказать и о социал-демократах. Социал-демократы так же, как и реформистские профсоюзы, становятся составной частью буржуазного государства. Бонкур, член партии французской социал-демократии, представляет в Лиге Наций французское правительство. Закон Бонкура, милитаризация всего населения в случае войны, это также наглядный пример такого сращивания социал-демократии с буржуазным государством. Затем возьмите такой факт, как визит Альберта Тома в Италию, его выступление на конгрессе фашистских профсоюзов, где он говорил о том, что огромный опыт, который накапливает фашизм, недурно будет перенести в Европу. Случайно ли это? Ничуть. Это увязывается с общей эволюцией социал-демократии. Вот почему наша беспощадная критика в отношении международного реформизма была неизбежна. Но многие из западноевропейских товарищей не сразу учли эти изменения. Можно было думать, что даже проведение политической линии, которую мы взяли на XV съезде и на IX расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, не обойдется совсем гладко и что мы можем пережить в некоторых партиях даже кризис. И нам пришлось преломлять инерцию. Нам приходилось полемизировать с тов. Рено Жаном, который упрекал нас в том, что мы навязываем французской партии избирательную тактику, примененную в свое время германскими коммунистами при перевыборах Гинденбурга[35]. Коминтерн крыл германских коммунистов, говорил он, за эту тактику. Почему же Коминтерн предлагает ее нам? Рено Жан не понимал того, что в Германии была тогда другая обстановка и не так стоял вопрос о Гинденбурге. Мы рекомендовали германским товарищам маневр. Мы говорили: сделайте предложение социал-демократии о едином фронте. Если они отклонят – выставьте своего кандидата. Немецкие товарищи этого предложения не внесли, и за это мы их критиковали. Нам пришлось выдержать борьбу по линии этого курса не только с французскими товарищами, но и с английскими. Сейчас мы имеем некоторые результаты, скромные, как все у нас делается очень медленно, без быстрых эффектов, но мы можем проверить сейчас на этих результатах наш курс. Мы должны прежде всего посмотреть, прав ли был XV партийный съезд, давший прогноз полевения рабочего движения. Во-вторых, правы ли были мы, приняв новую избирательную тактику во Франции? Я здесь подхожу к выборам. Я заранее оговариваюсь, что прошу меня не упрекать в парламентском уклоне, если я несколько подробнее остановлюсь на этой стороне, но это была проверка. Выборы всегда играли второстепенную роль в практике коммунистических партий, но значение этих выборов было в том, что они были проверкой новой тактики. Мы должны были на выборах эту тактику проверить: правильна ли была наша общая установка не только в отношении Франции, но и других стран. Сейчас можно со всей категоричностью, на основе выборов в Германии, Франции и Польше, сказать, что наш курс и наша новая тактика были абсолютно правильны, они оправдали себя на все 100%. Но не нужно представлять упрощенно процесс полевения, не нужно думать, что рабочий класс уже массами переходит в лагерь коммунизма. Процесс куда гораздо сложнее и гораздо медленнее.

Как проходят процессы полевения

Характерной чертой этого процесса стабилизационной эпохи является то, что мы сейчас растем вширь, но не вглубь. Если вы возьмете, например, английскую стачку, то коммунисты во время стачки пользовались колоссальным влиянием. Казалось бы, что после измены Генсовета мы должны были бы втянуть несколько десятков тысяч новых рабочих в коммунистическую партию. Сколько втянула английская коммунистическая партия? С 5000 она поднялась до 12 000, а за время после стачки и после преследований число это опустилось до 7,5 тысяч. Или возьмем другой пример: положение компартии после июльских событий в Вене. Казалось, когда «левые» социал-демократы так позорно капитулировали во время этих событий, когда Отто Бауэр писал, что период фантастики и революционной романтики прошел, казалось бы, что после того, как социал-демократические рабочие рвали свои партийные билеты и бросали их в лицо бюрократам, мы должны были выиграть. Но наша партия выиграла всего 300 человек, а социал-демократы выиграли свыше 20 тысяч новых членов после 15 июля.

За последние годы мы нигде не можем похвастаться увеличением числа членов партии, например, во Французской конфедерации труда мы кое-где серьезно потеряли, например, в Парижском союзе металлистов мы потеряли около 30%, а в то же время наше общее влияние увеличилось.

Создается своего рода диспропорция между нашим идейным охватом и организационными возможностями. Это типичное полевение масс в эпоху переживаемой стабилизации.

Далее, второй чертой происходящего полевения является одновременная параллельность процессов полевения. Выигрываем мы, но выигрывают и социал-демократы. Вот некоторые цифры, характеризующие эти процессы наиболее ярко, они нашли свое выражение в Германии.

Интересно, что германские социал-демократы после выборов 20 мая подняли спор о том, за счет кого растет компартия. Они доказывали, что коммунисты выиграли главным образом за счет буржуазных партий, а они выигрывали за счет рабочих кварталов. Нужно поистине обладать медным лбом и цинизмом «Форвертса»[36], нужно рассматривать своих читателей как круглых идиотов, чтобы утверждать что-либо подобное. Я приведу несколько цифр выборов рабочих кварталов, где рабочее население составляет большинство, и покажу, за чей счет выигрывала компартия.

Возьмем Веддинг, один из кварталов Берлина, где сильна была «оппозиция». Рабочее население составляет в нем 57%. Социал-демократы выиграли здесь 11%, коммунисты – 54%.

Другой квартал, Вайсензее. Рабочее население составляет 53%, коммунисты выиграли 57%, социал-демократы – 17%.

Спандау, где сконцентрированы предприятия Сименса. Коммунисты выиграли 73%, социал-демократы – 21%.

Фридрихсгайн. Рабочее население 53%, коммунисты выиграли 65%, социал-демократы – 7%.

Наконец, Нойкельн – наша крепость, когда вы попадаете в Нойкельн, вы чувствуете себя, как в Рогожско-Симоновском или Красно-Пресненском районе.

Г о л о с. Или в Замоскворецком.

Г о л о с. А в Харькове еще лучше.

Мануильский. Не сомневаюсь, что в Харькове лучше. В Нойкельне мы имеем 51% рабочего населения. Мы выиграли там 67%, социал-демократы – 11%.

Таким образом, эти цифры красноречиво показывают, за чей счет сейчас растет коммунистическая партия. Мы утверждаем, на основании опыта выборов в Германии и Франции и особенно в Германии, что мы имеем тенденцию стать не только по идеологии, но и по численному составу единственной партией германского пролетариата. То, что утверждала Рут Фишер в прошлом, – это была пустая болтовня; нельзя сказать, что мы эту задачу разрешили, но к этому, несомненно, идем. Возьмите выборы в Берлине, который болел ультралевой болезнью, мы получили голосов больше 70%. Социал-демократы увеличились там на 10%.

Мы сейчас Берлин прочно держим в руках. В Берлине на 4 избирателя один коммунист, это очень крупная победа. Это показывает, что мы становимся в Германии действительно массовой партией. Возьмем, далее, Польшу. Посмотрите, например, выборы по Домбровскому району: коммунистов – 67 тысяч, ППС[37] – 29 тысяч. В Варшаве коммунистов – 65 тысяч, на последних муниципальных выборах коммунисты тоже имели 65 тысяч. ППС на последних муниципальных выборах 1927 года имели 71 тысячу, сейчас – только 43 тысячи. Здесь также бесспорно, что мы растем за счет влияния на рабочий класс. Посмотрим, за какой счет растет социал-демократия.

Если мы возьмем цифры последних германских выборов, мы увидим, что, например, такая партия, как Дойч-Национале[38], которая имеет в прошлом историю, традицию, потерпела такое поражение, которое едва ли когда-нибудь терпела политическая партия. Они из 6 с лишним миллионов голосов потеряли до 2 миллионов, т. е. 30% и даже больше своего избирательного состава они потеряли. А кто выиграл? Выиграла социал-демократия 2 миллиона – это мелкая буржуазия, которая шарахнулась в годы развала германского капитализма к фашизму, теперь она отходит от него и идет к социал-демократии. Сейчас левеет мелкая и средняя буржуазия и идет к социал-демократии, рабочий класс отходит и идет к нам – происходит перегруппировка классовых сил.

Но в то же самое время нельзя также представлять дело так, что происходит только односторонний процесс полевения. Происходит также известная поляризация: укрепляется одновременно и реакция кое-где. Тают средние партии, но укрепляются оба фланга революции и реакции. Возьмем результаты французских выборов. Сколько социал-демократы кричали по поводу того, что мы делаем игру реакции и т. д. Возьмите последние голосования во французском парламенте. Подавляющее большинство вместе с радикал-социалистами голосуют за Пуанкаре. Социалисты, которые голосовали против, учитывая свою клиентелу избирателей, на деле поддерживают всю политику Пуанкаре. Пуанкаре имеет такое прочное большинство, какое редко было у какого-либо правительства Третьей республики. Разве это не раскрывает глаза рабочим, которым накануне социал-демократы говорили, что, «если они будут голосовать за коммунистов, они голосуют за раскол, за победу реакции». То же самое мы видим в Польше: укрепились мы, уменьшилось влияние ППС-цев, но выросли чрезвычайно пилсудчики[39]. Возьмите четыре крупных района: Домбровский район, Варшава, Лодзь и Горная Силезия. В этих четырех районах пилсудчиков – 364 тысячи, коммунистов – 199 тыс., ППС-цев – 182 тысячи. Вы видите, что правый фланг укрепляется за счет ППС-цев. Вот почему необходимо учитывать все эти факторы. Нельзя обобщать и делать поспешные выводы только о наших победах.

Выводы из выборов в Германии

Вы знаете, что, например, коммунистическая партия Германии собрала 3232 тысячи голосов, т. е., иначе говоря, мы подошли к цифре 1924 года в мае, когда почва была накалена революционными событиями. Есть места, где мы сильно укрепились. Мы

укрепились прежде всего за счет крупнейших промышленных центров, и прежде всего мы укрепились в Берлине. Что вскрыли германские выборы? Мы видим, что все буржуазные партии потеряли в Германии, например, такая партия, как партия центра, потеряла около 400 тысяч голосов. Нужно знать консерватизм избирателей этой партии, чтобы понять значение происшедшего сдвига. В условиях капиталистической стабилизации, когда буржуазные партии теряют голоса, а социал-демократия выигрывает, этот процесс показывает одно – что сейчас социал-демократия становится партией капиталистической стабилизации. Буржуазные партии отходят, судьбы капитализма вручаются сейчас социал-демократии. Второй вывод. В каких местах мы выигрываем? Повсюду в тех районах, в тех государствах – Германия состоит из 36 государств, – где социал-демократы практиковали политику коалиции, в этих местах мы выигрывали; напротив, в тех местах, где социал-демократы проводили политику оппозиции, наши успехи очень скромны. Отметить это необходимо для того, чтобы показать, что сейчас, когда германская социал-демократия вступает в большую коалицию, перед нашей компартией открываются широкие возможности в смысле укрепления ее влияния в массах, мы можем еще в большей степени сделаться широкой массовой рабочей партией. Распад социал-демократии не будет носить катастрофических форм, он будет идти более медленными путями, но тем систематичнее и упорнее будет наш подъем.

Третий вопрос: где мы проиграли? Мы проиграли, во-первых, в таких районах, как Бавария, где наше движение является нелегальным; мы проиграли в Тюрингии, в Ганновере, Пфальце. Там, где была ультралевая опасность[40], там, где ультралевые дезорганизовывали наше движение. Но думаете ли вы, что ультралевые, выставив свои списки, собрали под ними голоса? Нет, товарищи, этого не было. Большинство голосовало не за ультралевых, а за социал-демократов. Вывод тот, что ультралевые в Германии были ничем иным, как экспозитурой социал-демократии в наших рядах. Это на опыте усвоил ныне германский рабочий класс.

Четвертый вывод. До сих пор германская социал-демократия все время играла на республиканских настроениях: доказывала, что пролетариату надлежит укреплять в первую голову республику; она все время спекулировала на призраке монархии. После выборов 20-го мая дальше продолжать эту игру нельзя. Буржуазно-демократическая республика укрепилась вместе с капиталистической стабилизацией, сейчас на очереди дня стоят перед пролетариатом экономические битвы. Так, например, «Дейли геральд», оценивая значение германских выборов, писала: сейчас, после того как республика укрепилась, германский рабочий класс будет втянут неизбежно в экономические битвы. А это означает, что если германский рабочий класс вынужден будет прибегать к стачкам, то мы будем иметь возможность так же, как и на вопрос о коалиции социал-демократии, завербовывать новые рабочие слои. Лучшим примером является победа в Саксонии. Только на основании того, что там была предана реформистами стачка металлистов, проведен обязательный арбитраж, мы выиграли в Саксонии.

Пятый вывод. Какой режим сулит пролетариату коалиционное правительство с социал-демократическим рейхсканцлером во главе? Означает ли сейчас коалиционное социал-демократическое правительство полосу «легальной терпимости» в отношении коммунистов, расширение буржуазной «демократии», наступление эры социального «пацифизма»? В германской компартии были по этому поводу споры, где кое-какие товарищи доказывали, что рабочий класс вступает в период республиканских свобод, что будет легче житься сейчас, что будет большая демократизация режима и т. д. Эти товарищи абсолютно неправы. Именно с обострением классовой борьбы в Германии при социал-демократическом правительстве будет нарастать реакция, как внешняя,

так и внутренняя. Роль социал-демократии и степень ее «демократизма» зависят от остроты классовых отношений. Пример Носке в революции 1918–1919 гг. – достаточно убедительная иллюстрация к этому положению.

[Два слова о настроениях. Я должен сказать, товарищи, настроение сейчас среди польских рабочих, если судить по тем переговорам, которые у нас были с верхушечными элементами, настроения среди германских рабочих, среди французских рабочих – довольно хорошие. Скажу прямо, я был поражен, когда приехал сюда и увидел, несомненно, некоторые панические настроения, которые создали здесь. Сейчас в Европе настроение хорошее, в Польше тоже.]

Некоторые выводы из польских выборов

Теперь я перехожу к Польше специально. Я хочу о Польше сказать следующее. Польские выборы протекали в совершенно своеобразной обстановке. Нигде не было таких преследований, как в Польше. Аннулировали списки, арестовывали кандидатов и т. д. Я не буду на этом подробно останавливаться, это известно. И в этих условиях наша партия собрала 840 тысяч голосов из 11 миллионов голосовавших. Ценность этих голосов огромна, ценность этих голосов больше, чем, например, в тех партиях, которые действовали на открытой арене. Но в то же самое время эти выборы сигнализировали нам ряд больших опасностей, которые замалчивать сейчас было бы вредно. Чрезвычайно тревожен тот факт, что Пилсудский выиграл наибольшее <число> голосов на кресах[41], т. е. как раз в тех пограничных провинциях, которые до сих пор были оплотом повстанческого движения, оплотом революционных настроений и населены национальными меньшинствами. Правда, здесь была фальсификация выборов вовсю, надувательства достигали фантастических размеров. Достаточно сказать, что волынский воевода выставил за три дня до выборов урны, наполненные бюллетенями. В сейме этот факт отмечен, там произошла демонстрация, и, например, украинские радикалы требовали у Пилсудского отдать им украденные голоса. Цинизм здесь, на кресах, был полный. Но помимо этой фальсификации – факт укрепления пилсудчиков на кресах чрезвычайно тревожен. Это означает, что в момент войны кресы могут не сыграть роли фактора, парализующего аппетиты польских помещиков и капиталистов. Дальше, характерно также и то, что Пилсудский окреп не только на кресах, но окреп за счет ППС в некоторых рабочих кварталах. Я приведу 2–3 цифры из районов Варшавы. Например, такой район, как Мокатово. На муниципальных выборах коммунисты собрали 2935 голосов, в сейм – 1935 голосов, ППС-овцы – 2700 голосов, на муниципальных выборах в сейм – 1200. Пилсудчики – 1200 голосов, в 1927 г. в сейм – 6000 голосов, т. е. выиграли больше всех. Это показывает, что от ППС часть рабочих отошла к Пилсудскому. Эти выборы показали еще и кое-что другое, что та самая задача, которая стояла перед польскими коммунистами в момент нашего похода на Варшаву[42], осталась не решенной ими и сейчас. Я имею в виду вопрос о коренном польском крестьянстве. Коммунисты выиграли главным образом в Варшаве, Лодзинском районе, Домбровском, но мало выиграли голосов среди польского крестьянства. Партия наша очень мало сделала для работы среди польского крестьянства. Второе, мы сравнительно крепко стоим среди пролетариата национальных меньшинств, но основные кадры польского пролетариата еще недостаточно затронуты нами, особенно в тех районах, которые входили в прошлом в состав германской и австрийской империи. Осуществлению этой задачи мешает чрезвычайная фракционная борьба, которая ведется в Польше. Над этим нужно задуматься сейчас серьезно Коминтерну.

Я, товарищи, перехожу специально к выборам французским.

Председатель. Вам для того, чтобы перейти ко всему остальному и кончить все, остается 5 минут.

Г о л о с а. Продлить, продлить.

Мануильский. Я могу и сейчас кончить, но я бы хотел подробно рассказать...

Каганович. Расскажите о состоянии партий.

Сталин. Придется полчаса дать.

Председатель. Сколько вам надо?

Мануильский. Я считаю, еще 45 минут.

Сталин. Либо 40, либо 50.

Мануильский. Если дадите час, я постараюсь уложиться в меньшее количество времени.

Председатель. Голосуется, кто за то, чтобы на 45 увеличить время тов. Мануильскому? Кто против? Кто воздержался? (Ш у м, р а з г о в о р ы.)

Принято 45 минут.

Уроки французских выборов

Мануильский. Я перехожу к французским выборам, которые, по-моему, имеют крупнейшее значение, так как там мы впервые применили новую избирательную тактику и мы можем видеть наши слабые стороны. Вы знаете, что во Франции мы увеличили количество наших голосов на 21%, мы собрали больше 1 миллиона (1070 тыс.) голосов, главным образом мы выиграли в рабочих районах, мы крепко стоим в Париже, выиграли 20 тыс. голосов на Севере, который до сих пор был цитаделью французской социал-демократии, мы там с 65 тысяч голосов подняли до 84 тысяч голосов. Мы выиграли в таких районах, как Па-де-Кале, который является своего рода Донбассом Франции, с 19 тысяч голосов подняли до 28 тысяч голосов. Мы выиграли в таких районах, как Луара, район «черных пастей», мы в этом районе с 6500 поднялись до 15 тысяч голосов. Мы выиграли в таких районах, которые до сих пор безапелляционно были в руках социал-демократии, в таких районах, как От-Виенн*, где мы учетверили количество своих голосов. В рабочих районах мы всюду почти выиграли. Мы проиграли прежде всего среди крестьянства в крестьянских департаментах в силу того, что период инфляции кончился, крестьянство, которое шарахнулось к нам в 1924 году, теперь отходит.

Очень характерно также, что во время выборов в Париже коммунисты, например, собрали большое количество голосов вокруг кандидатов, которые были в недавнем процессе осуждены по обвинению в шпионаже[43]. Буржуазная печать подняла бешеную кампанию, например против Менетрие де Пуи, Прево и т. д.: она опубликовала целый ряд документов, которые должны были убедить избирателя, что эти лица вредили национальной обороне Франции. Казалось, в этих условиях можно было ожидать, что коммунисты проиграют, но при перебаллотировке произошло совершенно обратное. Если на первом туре мы собрали, например, за де Пуи 10 тыс. голосов, то на втором туре за него было подано много больше голосов. То же самое и в отношении других кандидатов, сидящих ныне в тюрьме по обвинению в шпионаже. Это показывает, что в рабочих районах мы имеем не только прочную опору, но и изжитые предрассудки в отношении капиталистического отечества, на которых хотела спекулировать реакция и социал-демократия.

Но эта кампания вскрыла нам и целый ряд слабостей. Она показала, что наша тактика не всегда применялась так, как следует. Прежде всего, в целом ряде районов дис-

* Верхняя Вьенна (ред.).

циплина применялась формально, на втором туре французские товарищи действительно поддерживали своих кандидатов, но в то же самое время, поддерживая своих кандидатов, они негласно кое-где давали лозунг: голосуй либо за социалиста, либо за радикал-социалиста, дабы не пропустить представителя национального блока. Можно сказать, что новая тактика была проведена прекрасно в Париже, очень недурно на Севере и в других крупных рабочих районах, но в удаленной от центров провинции фактически наша новая тактика не была проведена. Но постольку, поскольку нашу опору составляли именно промышленные центры, с этой точки зрения можно сказать, что с проведением новой избирательной тактики мы не сорвались.

Но выборы вскрыли гнилые места. Эти выборы механически произвели некоторую чистку внутри местных организаций французской компартии. Мы применяли в прошлом ряд методов для того, чтобы оздоровить французскую партию, страдавшую парламентаризмом. Мы на прошлых выборах выставили главным образом рабочих от станка, но эта мера не дала все же того, чего мы ожидали от нее. Болезни парламентаризма сидели глубоко в партии. Сейчас, после этой перевыборной кампании, все эти язвы вскрылись. На последней национальной конференции пришлось ряд секретарей исключить за «срастание» с местной социал-демократической партией, буржуазными партиями, т. е. фактически вскрылась такая картина, которая была у нас, насколько я знаю по отчетам, с хлебозаготовками.

Насколько удалась нам новая тактика? В цифровом отображении дело рисуется так: несмотря на то, что в целом ряде провинций мы собрали незначительное количество голосов, на втором туре мы в рабочих районах в значительной степени восполнили наши потери. Вот Север. На первом туре за нас было подано 84 000 голосов, на втором туре, где было чрезвычайно сложное положение, правда, мы получили меньше. Но нужно войти в психологию рабочего. Представьте себе: вот вам в качестве кандидата Лушер, с одной стороны, где-нибудь в Рубэ или Лилле, с другой стороны – социал-демократ. Рабочему приходится голосовать за коммуниста, зная, что пройдет Лушер. Было чрезвычайно трудно бороться с этими настроениями, и мы снизили на втором туре 25% голосов на Севере. Если возьмем общую картину, то я должен сказать, что на втором туре, после того как из 612 округов осталось только 183 округа для перебаллотировок, остальные отпали, мы, на первом туре собрав 882 тыс. голосов, на втором туре собрали в 183 округах 815 тыс. голосов, т. е. уменьшение по всему фронту произошло всего на 7,3%. Это показывает, что рабочие поняли нас, что зря нас пугали правые товарищи тем, что массы отшатнутся от нас и т. д.

Дальше, наша тактика была блестящим применением единого фронта, своего рода с револьвером, приставленным к виску противника, и на аркане на его шее.

Как мы проводили тактику единого фронта до сих пор? Мы писали письма, трафарет которых гласил: «Уважаемые граждане, близятся выборы: на рабочий класс наступает капитал. Давайте выступим на выборах вместе против капитала за рабочие требования». Обычно на 4-й стр. своего органа социал-демократы нам отвечали: «Эти циники, которые раскалывают рабочее движение, осмеливаются предлагать нам выступить вместе с ними. Мы, конечно, это предложение отклоняем». И на этом была точка. Так было раньше. Но новой нашей тактикой мы приперли социал-демократов к стенке. Мы говорим социал-демократическим рабочим: или идите сейчас с нами, или вы будете идти вместе с капиталом, куда тащат вас вожди. Грань проведена. Представьте теперь себе положение социал-демократов где-нибудь на Севере, где они держат все муниципалитеты в своих руках; если мы проведем эту тактику, то на следующих выборах ни один муниципалитет не останется в руках социал-демократии. [Совершенно ясно, что здесь было необходимо применение тактики единого фронта с ре-

вольвером в руках, потому что была чрезвычайно острая постановка вопроса, которая была понятна массам.] И совершенно ясно, что прежде, чем пойти на разрыв с нами, социал-демократический рабочий должен крепко задуматься, семь раз отмерить, раньше чем отрезать. Сейчас вот тов. Семар приехал из Франции, мы его опрашивали, не обострились ли наши отношения с рабочими социал-демократами на Севере? Ничуть не бывало. После последних выборов, где в некоторых районах прошли реакционеры пуанкаристского типа, в таком, например, районе, как Па-де-Кале, при выборах в автономные кассы мы выиграли. В ряде районов были частичные выборы, мы предложили местным социал-демократическим организациям выступить вместе с нами единым фронтом. Местные организации пошли с нами, а губернские комитеты их исключили за это. Рабочие говорят: «Коммунисты честно выступают. Это люди, не заинтересованные в мандатах. Если, на основании цифр голосов, они должны были получить 70 мандатов, а имеют только 9 мандатов, то это партия, не заинтересованная в мандатах. Такую партию надо поддерживать».

Необходимо, далее, отметить укрепление авторитета партийного руководства. Вы должны понимать, что мы не имеем в Западной Европе такого партийного руководства, как наше партийное руководство: и со стажем, и опытом многих битв, и долгой идейной борьбы со всякого рода уклонами. Руководство за границей слабое, молодое. Не забывайте, что наше русское руководство имеет за спиной революцию, а западноевропейское руководство не имеет этого в своем активе. Твердая линия партийного руководства во Франции во время выборов очень подняла его авторитет: после французских выборов можно было видеть, как рабочие реагировали на решения своего партийного руководства. Статьи Семара, которые появились между вторым и третьим туром, через два дня после первого тура, были буквально своего рода взрывом бомбы. Вся французская буржуазия и социал-демократия никогда не верили, что мы действительно проведем эту тактику. Нужно было видеть растерянность всех французских буржуазных партий после того, как они увидели, что наша тактика взята всерьез. С другой стороны, и рабочие убедились, что в нашей линии есть твердое, принципиальное обоснование. Я никогда не видел, чтобы рабочие так читали передовые статьи Семара, как в это время. Они их так хватали, как во время какой-нибудь дискуссии у нас читали статьи Троцкого, Сталина и т. д. Только и ждали: что сказал Семар, какая линия дана, что отвечают коммунисты на аргументы социал-демократов и т. д.

Теперь относительно английской партии. Английская коммунистическая партия имеет целый год для подготовки применения этой тактики, но есть опасения, что английская коммунистическая партия не переварила еще новой тактики. Нам на VI Всемирном конгрессе придется серьезно нажать на английскую партию, чтобы не иметь повторения тех же недочетов, которые мы имели во Франции и которые показывают, что эта тактика не проводилась там в силу того, что со стороны наших партийных комитетов не была проведена систематическая разъяснительная работа.

Дефекты наших секций

Еще несколько слов относительно слабости нашего движения. Первая слабость – это наша недостаточная профессиональная работа. Мы имеем различного типа страны с профессиональным движением: есть страны, где профсоюзы расколоты, есть страны, где имеются единые профсоюзы, есть красные профессиональные организации в странах белого террора, где их трактуют как разветвление компартии. Я должен сказать, что, одинаково во всех странах (пусть не обижается тов. Лозовский), наша профработа поставлена из рук вон плохо. Итак, в Германии мы не имеем прочных позиций

в профсоюзах, и во Франции у нас количество членов уменьшается. И в Чехословакии мы застыли на одной цифре. И в таких странах, где свирепствует белый террор, наши профсоюзные организации имеют очень узкую базу. Коминтерну на конгрессе придется еще более настойчиво повернуть все компартии лицом к профсоюзам.

Нам нужно сосредоточить огромное внимание на нашей профессиональной работе. Укрепить профсоюзные отделы лучшими работниками, научиться вести стачки, научиться вести повседневную работу, чтобы рабочие привыкли видеть в нас единственных защитников их интересов.

Второе – недостаточное понимание военной опасности. Мы приняли резолюцию на VIII пленуме[44] по этому вопросу. Если вы спросите нас, что мы сделали во исполнение этой резолюции, то я вам отвечу откровенно и прямо: до сих пор ни одна секция Коммунистического Интернационала серьезно не провела в жизнь этих решений. Мы предлагали организовывать демонстрации перед парламентом против войны, мы призывали, чтобы организовывать контроль над химической промышленностью, усилить военную работу и т. д., но ни одна партия в этом отношении ничего серьезного не предприняла. Это мы должны будем на VI Всемирном конгрессе отметить.

Когда было покушение на Лизарёва в Варшаве[45], когда империалистский фронт начал смыкаться, было постановлено созвать международную конференцию друзей Советского Союза в Германии. Наши коммунистические партии, занятые выборами, не уделили достаточного внимания этой конференции. И не только в этом грехе повинна германская компартия, которую нужно будет побить немного за это, но повинна французская, английская, польская и другие партии.

В момент наступления Японии на Китай наши компартии также не реагировали на это достаточно. Наши компартии представляют военную опасность таким образом, что, вот, придет война, тогда, дескать, мы себя покажем. Не понимают, что борьба с военной опасностью – это есть каждодневное побивание империалистской политики во всех ее проявлениях. Возьмите такой пример: Биркенхед приезжает в Германию. В старое время, когда царь Николай хотел приехать в Италию, итальянские рабочие-социалисты заявили: пускай он покажется, мы его освищем. Сейчас по Европе свободно разъезжает Цанков и другие палачи рабочего движения, и наши партии ничего не предпринимают.

В-третьих, одной из болезней является также то, что в наших партиях до сих пор сохранились различные группы, построенные по персональному принципу. Исторически они имеют корни часто в прошлом. На определенном этапе развертывалась борьба между разными течениями, на борьбе с правыми уклонами наши партии большевизировались; принципиальная борьба против правых уклонов должна проводиться и в будущем, но часто группы сохранились по инерции. Принципиальных разногласий больше нет, а групповая борьба приняла такие ожесточенные формы, как никогда. В этом отношении эти группы являются готовым скелетом для того, чтобы искусственно наматывать «разногласия» и «платформы». Коминтерн должен принять меры, чтобы остатки этих групповых настроений ликвидировать, особенно, например, в такой партии, как польская партия. Там в прошлом имелись правые и ультралевые уклоны, но я часто ставлю вопрос, что опаснее в Польше: сдрейфит ли польская партия в случае войны или окажется фактически несуществующей, потому что она раздерется. Я считаю второй момент более вероятным. Нужно поэтому твердой рукой немного осадить эту групповую борьбу внутри наших партий.

Каганович. Левых или правых? Кого?

Мануильский. И тех и других, потому что если вы хотите, тов. Каганович, найти правых и левых, то вы при самом добросовестном отношении можете запутаться.

В том-то и дело, что получается крайне путаная география фракций, такая комбинация, что, например, майские ошибки[46] совершили в Польше и правые и левые. По вопросу, на кого ориентироваться, ориентироваться ли на *все* крестьянство или ориентироваться на бедноту и середняков, крепить союз с середняком, прочно опираясь на бедняка, например, в Белоруссии правые поддерживали правильную политику, а левые считали, что мы должны вести всю деревню за собой.

Сталин. Перепутали.

Мануильский. Я возьму другой пример. Например, в югославской партии, там существуют группы Симы Марковича и Райко Ивановича. Эти группы после того, как Коминтерн разбил правые ошибки Марковича, в течение ряда лет вели беспринципную борьбу. Все принципиальные вопросы там решались без всяких разногласий, а когда поднимаются такие вопросы, кого куда посадить, начинается драка, потасовка, перья летят и партия совершенно деморализуется. Против этой групповой борьбы нужно сосредоточить огонь. Нужно твердо сказать, что с этой беспринципной борьбой должно быть покончено. Но значит ли это, что мы должны сейчас ослабить борьбу против правого уклона? Нет, товарищи, я должен сказать, что эти правые уклоны назревают в Коминтерне. Прежде всего, у нас создался очень серьезный уклон во французской партии. Выступления Рено Жана против курса Коминтерна не были индивидуального порядка. Рено Жан имел только мужество выступить открыто, но за ним стоит группа, которая молчит, притаилась; имеются товарищи, которые по вопросу об избирательной тактике не сказали ни слова.

С такой вещью, товарищи, не шутят. Сейчас наступает такое время, когда в обстановке чрезвычайно трудной молчать, да отходить, да выжидать нельзя. Надо ясно и определенно политику Коммунистического Интернационала, политику руководства, осуществляемого группой Семара, поддерживать. Другой пример, английской партии: не поняла она сразу также нашего курса. Английская партия до самого последнего момента дискуссировала с нами по вопросу о том, можно ли сейчас делать такой поворот, поймут ли это рабочие, не создадим ли мы трудностей в завоевании масс и проч. Это показывает, что наличие этого правого уклона имеется, оно сейчас принимает формы брюзжания по адресу нового курса. Или возьмем такую партию, которая имела чрезвычайно выгодную объективную обстановку для завоевания масс, – австрийскую компартию. После июльского выступления венских рабочих создались чрезвычайно благоприятные условия для разоблачения социал-демократии. Прочтите резолюции наших австрийских товарищей, они пишут, что социал-демократия укрепилась, что сейчас курс на разоблачение, на бешеную борьбу с социал-демократией ослабит наше влияние в массах и т. д. Создается опасность, что в наших собственных рядах может всплыть своеобразный австромарксизм после того, как он потерпел поражение у социал-демократии. Ударить по этим правым уклонам, ударить своевременно, чтобы они не разрослись в серьезную опасность, – в этом сейчас очередная задача Коминтерна.

Колонии

Теперь я хочу перейти к другому очень важному вопросу, к вопросу о колониях. Колониальная резолюция еще не готова. По этому вопросу нам придется, прежде всего, суммировать опыт, накопленный во время китайской революции. Этот опыт колоссален. Можно сказать, что те решения, которые принимались по китайскому вопросу в огне текущих боев, уже дали направление решениям нашей колониальной комиссии. Но необходимо сигнализировать одну опасность. У нас сейчас в Коммунистическом Интернационале, так же, как после поражения германской революции 23 года, был уклон в сторону ревизии тактики единого фронта, имеется тенденция пересмотреть кое-что из

наших основных положений в вопросе о нашей политике в колониях, подправить немножко Ленина. Кое-где воскрешаются старые тенденции, которые были выявлены Радеком, сводящиеся к тому, что роль буржуазии закончена в колониальных странах по той причине, что буржуазия срослась с феодальными формами земельной собственности; поэтому она является при всех обстоятельствах классом реакционным, что исключает какую бы то ни было ее оппозиционную роль. Кое-где начинают высказывать такие мысли, что не только буржуазия, но мелкая буржуазия как фактор уже перестала существовать, что в этом отношении нужно ориентироваться на пролетариат и крестьянство. А некоторые идут еще дальше и доказывают, что произошло расслоение крестьянства, так что нужно ориентироваться на бедняка плюс середняка, т. е. фактически деколонизировать нашу политику и создать такого типа колониальную политику, которую можно применить даже к такой промышленной стране, как Германия. Против этих тенденций придется выступить сейчас весьма решительно и твердо, товарищи. Вопрос о роли буржуазии, о роли мелкой буржуазии нужно сейчас поставить целиком и полностью в наших колониальных дебатах. Это вопрос не праздный, он имеет значение не только в смысле учета нашего опыта в Китае. Мы сейчас имеем назревающую революционную обстановку в Индии. Встает основной вопрос: будет ли буржуазия в Индии играть какую-либо роль в этом подъеме? Некоторые товарищи после опыта в Китае склоняются к той мысли, что вообще индийская буржуазия будет выступать только как контрреволюционная сила, что навсегда на ней нужно поставить крест, даже в отношении ее оппозиционности к английскому империализму. Тов. Сталин однажды правильно при выработке тезисов V Всемирного конгресса заметил, что индийская буржуазия стремится к компромиссу с английским империализмом. Это абсолютно верно. Но из этого положения хотят сделать вывод, что буржуазия вычеркивается совершенно как класс из национально-освободительного движения, а это чрезвычайно поспешное обобщение.

Сталин. А разве я это говорил?

Мануильский. Ты не говорил об этом. Есть люди, которые сейчас готовы вычеркнуть буржуазию из национально-освободительного движения в Индии. Вот, например, что Ленин писал о кадетах. И знаете, в какую полосу? В 1908 г., когда кадеты играли наиболее ярко выраженную контрреволюционную роль: «Либеральная буржуазия вступила у нас на контрреволюционный путь, но если бы из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство их, конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование различных фракций буржуазии между собою не может иметь никакого значения в нарастании нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящий меньшевизм наизнанку» (том XI, часть I, стр. 162)[47].

А я утверждаю, что кое-где у нас хотят этот настоящий меньшевизм наизнанку применить по отношению к колониальным странам. Что нужно сказать о роли индусской буржуазии (а это наиболее жгучий вопрос, ибо на очереди дня стоит вопрос революционного движения в Индии)?

Английский империализм там ведет типичную колониальную политику, направленную к удушению производительных сил ее. Говорят об экспорте капитала, дескать, ввозится туда капитал и английский империализм фактически индустриализирует Индию. Теоретически говоря, верно, что ввоз капитала индустриализирует страну, куда он ввозится. Но надо посмотреть на цифры этого ввоза и на формы подобной индустриализации. Сравните цифры импорта английского капитала в доминионы, в Австрию* или, допустим, в Канаду, с теми цифрами ввозимого капитала, которыми

* Так в тексте. Вероятно, имеется в виду Австралия (ред.).

может похвастаться Индия: 600 тыс. фунтов стерлингов ввезли в нынешнем году. Скажите, какая цифра! Каковы формы этой индустриализации? Индусская буржуазия стремится к тому, чтобы помимо текстильной промышленности создать свою национальную промышленность, например металлургию. Позволяет это английский империализм? Нет, он задерживает в интересах Бирмингема развитие металлургии. Возьмите, например, ту упорную борьбу, которая ведется сейчас со стороны индусской буржуазии за таможенные тарифы. Здесь она наталкивается на барьеры, поставленные английским империализмом. Например, вопрос об охране не только текстильной промышленности, но и металлургической промышленности. Был выдвинут проект охраны металлургического производства таможенными тарифами в Индии. Эти тарифы должны были вступить в силу в 1924 г., но они никогда не были проведены. Даже английская буржуазия допускает производство таких текстильных тканей в Индии, которые не могут конкурировать с тканями Манчестера. Вот в чем заключается политика английского империализма. Возьмите вы, наконец, реформу рупии, которую проводит Англия и которая заключается в том, что английское правительство произвольно устанавливает курс рупии в Индии, создавая премию на импорт в Индию для своих товаров.

Лозовский. Англичане это делают для большинства европейских стран.

Мануильский. Извиняюсь, тов. Лозовский, речь идет не о формах экономической зависимости, а о формах колониальной зависимости. А что такое колониальная зависимость – это видно на разнице взаимоотношений Великобритании с ее доминионами и Индией. Возьмите сейчас положение с хлопком. Английский капитализм может получать хлопок из Индии, может получать его из Южной Африки. Но он так планирует, что получает хлопок сейчас из Южной Африки и тем самым старается удушить производство хлопка в Индии. Естественно, что эта политика вызывает сопротивление индийской буржуазии. Отсюда понятно, почему она зашевелилась в последнее время. Известно, какой прием был оказан комиссии Саймона в Индии. И мы были бы наивными простачками, если бы не использовали оппозиционности индийской буржуазии в целях ослабления позиций английского империализма.

Речь идет не о том, будет ли индийская буржуазия играть руководящую роль в индийской революции; надо сказать, что в таких странах, как Индия, буржуазия играть руководящую роль не может и не будет; она при росте национально-революционного движения и при повышающейся активности рабочего класса и крестьянства будет стремиться к компромиссу, будет активно бороться против революционных масс, но речь о том, чтобы не сбрасывать буржуазию совершенно со счетов. То же самое приходится тем больше сказать и о мелкой буржуазии, и не только в Индии, но и в целом ряде других колониальных стран.

Второй вопрос, который нам придется поставить, – это вопрос о перерастании буржуазно-демократической фазы революции в революцию пролетарскую. На IX пленуме по этому поводу была оживленная дискуссия. Тов. Ломинадзе стоял на той точке зрения, что китайская революция уже переросла или перерастает в революцию пролетарскую. На эту точку зрения пленум Коминтерна не встал. Что возможность такого перерастания не исключена – это совершенно ясно, но когда и при каких условиях – это вопрос другой. Какие предпосылки необходимы для этого перерастания? Ошибка тов. Ломинадзе в том, что он не учитывает, что такое перерастание буржуазно-демократической революции от диктатуры пролетариата и крестьянства, осуществляемой в советских формах, в революцию рабочую социалистическую возможно только при одном условии: если коммунистическая партия сумеет повести за собой широкие массы. А в Китае создалась угроза, что наши товарищи без решения этой задачи склонны бы-

ли лишь болтать о «перерастании». А без этого условия все разговоры о перерастании – это фраза-пустышка. Курс на восстание без подготовки масс есть путч.

Ломинадзе. В Кантоне был путч?[48]

Мануильский. Нет, Кантон не был путчем, но если бы вы генерализировали Кантон, игнорируя организационную работу в массах, то докатились бы до путчизма; против тенденции этого путчизма надо было восстать со всей решительностью, надо было повернуть круто. Нельзя же думать, что стачки можно организовать под револьвером. Серьезно так революцию колониальную не организуют. И такого метода никто в здравом уме защищать не станет. В связи с опытом китайской революции нужно обратить внимание на трудности, которые связаны с китайской революцией. У нас сейчас чрезвычайно распространен такой предрассудок: не удалась китайская революция – ЦК виноват, напутал. Кое-что из нашей тактики берется под сомнение. Мы должны учесть международную обстановку, в которой протекает китайская революция. Вспомните, что говорил Ленин о поражении под Варшавой[49]. Почему мы потерпели поражение под Варшавой? Потому что под Варшавой мы натолкнулись на нервный узел Версаля. Это совершенно верно. Точно так же и в Китае мы натолкнулись на нервную систему всего мирового империализма. И когда западноевропейские товарищи говорят нам после поражения китайской революции, что вина тут в Коминтерне, то они не понимают сложности международной обстановки. Что означал бы советский Китай? Это был бы такой сдвиг, какой изменил бы все лицо мира, перевернул бы всю стабилизацию капитализма, изменил бы все соотношение сил. Вокруг Китая стык мирового империализма и революции. Этого они не понимают.

Необходимо также поставить в связи с китайской революцией вопрос о методах осуществления пролетарской гегемонии. Сейчас китайская революция переживает кризис, в городах идет массовое истребление коммунистов, но мы знаем, что в деревне, удаленной от центров, гораздо легче работать: там создаются десятки возможностей. Но когда, с одной стороны, идет истребление коммунистов в городах, с другой стороны, растет крестьянское движение, нужно подумать о том, чтобы не было отрыва, о том, чтобы создать действительные условия для осуществления гегемонии пролетариата над крестьянством. Надо также подумать о действенной помощи китайской революции. До сих пор со стороны европейских партий это была помощь мопровская. Нужно подумать о политической помощи китайской революции. Нужно мобилизнуть коммунистов различных партий, чтобы они поехали на нелегальную работу и помогли китайским товарищам. В этот трудный момент мопровская помощь недостаточна для китайской революции, которая имеет всемирное историческое значение. Китайская компартия, над укреплением которой Коминтерн работает неустанно, имеет огромное значение для всех колониальных стран. Она будет играть для них такую же роль, как мы, ВКП(б), играем в отношении западноевропейских партий. Это партия, растущая в огне революции, обстрелянная в ее боях. Нам нужно выковать настоящую большевистскую, коммунистическую партию в Китае. Она сделала много ошибок. Но она накопила уже и большой политический опыт. Мы знаем, что феодальный уклад давит на состояние китайской партии, ее фракционные группировки имеют часто локальный характер и отражают эти феодальные условия. Все это нужно будет изжить, преодолеть, выковывая единую киткомпартию. Это сейчас одна из важнейших задач, которую мы должны поставить перед собой в Китае.

Далее, в связи с ролью крупной буржуазии и мелкой буржуазии, мы должны поставить также вопрос о формах союза рабочего класса с другими классами колониальных стран. Будет ли гоминьдановская фаза применима для других стран? Мы думаем, что гоминьдановская фаза[50] была специфической формой Китая, и едва ли для других

стран она будет годиться. Что касается формы союза пролетариата с другими классами, то здесь, теоретически говоря, мыслимы три вида. 1) Пролетариат и буржуазия идут каждый своим путем; это в тех странах, где буржуазия окончательно потеряла оппозиционность. 2) Пролетариат и другие классы заключают временные соглашения. 3) Пролетариат и другие классы устанавливают единый фронт длительного характера до определенного этапа. Эти все возможности нужно в резолюции по колониальному вопросу подробно рассмотреть, подвести итоги, дать определенные указания нашим молодым партиям колониальных стран.

Я, далее, хотел бы несколько слов сказать о войне и на этом закончить.

Г о л о с. О правой опасности.

К вопросам тезисов о войне

Мануильский. О правой опасности в европейских партиях я сказал. Тезисы VIII пленума вы читали. Докладчиком по вопросу о войне выступит тов. Белл. Он заготовил тезисы, которые суммируют те решения принципиального характера, которые были приняты на различных этапах работы Коминтерна как нашими конгрессами, так и пленумами. Это тезисы итогового характера. Эти тезисы рассматривают вопросы о революционных и контрреволюционных войнах, империалистических войнах, вопрос об отношении к империалистическим армиям, учитывают те изменения, которые произошли после последнего поражения в Китае и т. д. Передавать их детально взяло бы слишком много времени.

Я хочу только отметить некоторые моменты, которые, по моему мнению, имеют большое практическое значение для всех секций Коминтерна. Прежде всего, хочу сказать пару слов о выступлении тов. Литвинова[51]. Литвиновское выступление – это было одно из тех выступлений...

Сталин. Какое? Где?

Мануильский. Выступление в Женеве, на котором наши коммунистические партии, если бы они учитывали серьезную опасность войны, должны были сосредоточить огромное внимание. Впервые наше государство, СССР, так энергично приперло к стене капиталистический мир и сказало: «мы готовы разоружиться, согласишься ли ты на разоружение?» Мы получили чрезвычайно выгодное для агитации положение: перед лицом всего европейского пролетариата использовать наше предложение для разоблачения как буржуазных правительств, так и социал-демократии.

Если вы просмотрите нашу коммунистическую печать разных стран, то вы увидите, что это как раз в достаточной мере использовано не было. Чем объяснить этого рода пассивность? Мне кажется, что есть одно объяснение. Наши компартии боялись в этом вопросе совершить оппортунистическую ошибку. У нас сейчас в братских партиях вообще есть большая боязнь: порой попадают в правый уклон, но всячески боятся, когда принимают решения по новому вопросу, как бы не сделать какой-нибудь оппортунистической ошибки. Наши товарищи читали статью Владимира Ильича 1916 года «о разоружении»[52], где он бичевал центристов, выставивших этот лозунг в эпоху, когда компартии зарождались и пролетариат нигде не держал еще власти. Они не поняли разницы между положением государства, где пролетариат держит власть, и положением компартий, которые только идут к власти. Они не поняли сначала, что государство, в котором пролетариат держит власть, такое государство может действительно выставлять лозунг разоружения, при условии, конечно, разоружения капиталистических государств. Но так как капиталистические государства разоружиться не могут, пока существует строй эксплуатации, то совершенно ясно, что наше предложение имело исключительно агитационный характер. Но товарищи этого не поняли. Они считали, что в этом отно-

шении с нашей стороны была сделана какая-то принципиальная уступка. А между тем на деле это является одним из элементов недооценки военной опасности со стороны наших партий, а во-вторых – неуменья находить подходящие зацепки для агитации.

Дальше, товарищи, я хочу остановиться на вопросе о методах подготовки империалистического мира к войне против нас. Вопрос этот имеет исключительно большое значение. Товарищи, капиталистический мир готовит против нас войну под флагом пацифизма. Это нужно понять, чтобы разоблачить его сейчас в глазах европейского рабочего класса. Точно так же, как империалистическая война в 1914 году прошла под знаком борьбы за защиту отечества, под знаком борьбы за «право», «справедливость» и т. д., точно так же война против СССР будет проведена под знаком наказания виновника, нарушающего мир. Когда в польском сейме, например, выступают пепеэсовцы и говорят о красном империализме, о том, что мы вооружаемся на всех парах, что наша химическая промышленность работает полным ходом; когда во французском парламенте произносятся такие же речи; когда в Лиге Наций какой-нибудь английский лорд выступает и говорит, что мы являемся очагом войны постольку, поскольку мы пропагандируем гражданскую войну и войну в колониях, – это является определенной подготовкой пролетарского мнения к тому, что нарушителем мира является СССР. Для того чтобы учесть опасность этой агитации, нужно знать настроение некоторых слоев европейского рабочего класса. Мы в европейском рабочем классе имеем авангард, но нельзя сказать, чтобы он был особенно многочисленным. Но кроме авангарда мы имеем различные слои в рабочем классе, с разными настроениями и разной степенью боеспособности. Имеется обширный слой, который не хочет войны, который вообще не хочет никаких потрясений, поэтому не хочет и революции. Они, так сказать, «пацифисты» во всех отношениях. Вот на этих слоях и их настроениях и спекулируют социал-демократы, этим слоям социал-демократы услужливо подсовывают легенду о том, что источником войн являются революции и колониальные восстания. Дать отпор этого рода агитации – наша настоятельнейшая задача. Мы должны быть подкованы теоретически и практически. Мы должны провести большую разъяснительную работу, не кампанию, а именно большую работу, рассчитанную на ряд лет, внутри международного рабочего класса. Поэтому агитация в пользу защиты Советского Союза приобретает сейчас важнейшее значение. Это не кампания дней и недель, когда военная опасность становится особенно острой, – это борьба, заполняющая собою весь период неустойчивого равновесия и «сосуществования» СССР с капиталистическим миром.

Наконец, в заключение необходимо специально выделить проблему разоружения, это необходимо потому, что под флагом идеи разоружения фактически идет подготовка к войне. В этом отношении интересна дискуссия, которая велась по этому вопросу во II Интернационале. Спор внутри Исполкома II Интернационала сводился к тому, какой проект «разоружения» лучше: Бонкура – всеобщей милитаризации, или «сокращение» вооружения в форме создания рейхсвера. Этот последний вид разоружения защищали германские и австрийские социал-демократы. Подавляющее большинство II Интернационала стало на эту последнюю точку зрения. Но что означает это? Это означает, что социал-демократия в ближайший период будет защищать такую организацию армии, которая будет наемной фашистской, направленной против рабочего класса. Под знаком разоружения проводится сейчас на деле политика создания антипролетарской классовой армии. Совершенно очевидно, что такого рода армия есть средство страховки капиталистического общества против пролетарской революции.

Я не мог затронуть всех вопросов. Я попытался только в своем информационном сообщении указать на важнейшие вопросы, которые стоят перед конгрессом Коминтерна.

Председатель. Кто желает слова?

Г о л о с а. Перерыв!

Председатель. Голосую. Кто за то, чтобы объявить перерыв? Мало. Тов. Анцелович просил слова.

Анцелович. Прежде всего, выскажу одно общее замечание по вопросу о самом характере доклада тов. Мануильского. По-моему, тов. Мануильскому, хотя он и пытался, не удалось дать характеристики международного положения. А мне кажется, что это один из основных вопросов, который нужно осветить в связи с подготовкой к VI конгрессу Коминтерна. Вопрос о характеристике всей международной обстановки важен для решения других вопросов, которые стоят в порядке дня конгресса. Правда, из отдельных обрисовок тов. Мануильского можно составить общее представление, но для конгресса, по-моему, нужно выявить не только отдельные моменты, а необходимо дать более цельную оценку международного положения, состояния рабочего движения, соотношения классов и классовой борьбы. Это необходимо тем более, что по второму вопросу порядка дня пленума ЦК тов. Бухарин, вероятно, не затронет всех этих вопросов. В этом случае будет обсуждаться программа Коминтерна, а не оценка текущих изменений в международной обстановке. Я думаю, что состояние профдвижения, целый ряд мировых явлений в промышленности и в сельском хозяйстве требуют того, чтобы пленуму ЦК как руководителю крупнейшей секции Коминтерна было известно, как и в каком разрезе вопросы будут ставиться и обсуждаться на предстоящем конгрессе. А то у тов. Мануильского получилась не постановка этих вопросов, а какая-то хроника событий. Правда, у докладчика получилась довольно яркая характеристика отдельных уклонов, но характеристики положения и вытекающих из него задач докладчику выявить, повторяю, не удалось. Может быть, он собирается дать ее в заключительном слове? Но тогда уже члены пленума не смогут выявить своего отношения к поднятым вопросам.

Разрешите, товарищи, теперь, после общего замечания, перейти к более частной, но безусловно важной теме. Эта тема – вопрос о работе среди с/х пролетариата и крестьянства. Я считаю, что и в самом проекте программы Коминтерна есть недооценка значения с/х пролетариата в рабочем и революционном аграрном движении. Мне кажется, чтобы наши компартии (я некоторое время участвовал в рабочем движении за границей и учитываю опыт работы в СССР) стали настоящими большевистскими, ленинскими партиями, нужно, чтобы они, наряду с другими недостатками, изжили эрфуртизм, т. е. подход к крестьянству и с/х пролетариату в духе Эрфуртской программы[53]. А такие настроения еще не изжиты. Эти тенденции еще сильны в международном рабочем движении, очевидно, даже среди руководителей Коминтерна. Смотрите, тов. Мануильский, несмотря на то, что я его предупреждал, что собираюсь критиковать отношение к этому вопросу Коминтерна, ничего не сказал ни о крестьянстве, ни о работе среди такой значительной части рабочего класса, как с/х пролетариат.

Косиор Ст. Не испугался.

Анцелович. Я не страшен и никого не собираюсь пугать, но столь важный вопрос в докладе даже не был затронут.

Сталин. Обошел.

Анцелович. Да, обошел важнейший вопрос международного рабочего движения. Ведь настоящих уроков ни из болгарских событий, ни из других нельзя сделать без учета того, как компартия той или иной страны руководила аграрным движением, в какой мере сильно влияние этой партии прежде всего на с/х пролетариат и т. д. В связи с этим я хочу поднять несколько практических вопросов. Я считаю, что у нас за последние годы, если мы внимательно присмотримся к работе отдельных секций Коминтер-

на, получается, что чем больше они говорят о деревне, тем меньше часто эти партии работают в самой деревне. Чем больше прокламируют необходимость усилить влияние на крестьянство, на его отдельные слои, тем слабее работа среди с/х пролетариата. Это можно указать на примере Германии, Франции, Чехословакии и других стран. За последний год, например, был ликвидирован ряд газет, которые специально обслуживали с/х рабочих. Перебрасываются, без всякой замены, на другую работу товарищи, накопившие относительный опыт в столь важной для компартий отрасли массовой работы. При этом нужно прямо сказать, что с того момента, как мы создали Крестинтерн[54], у нас работа среди крестьянства, не говоря уже о с/х рабочих, пошла еще хуже. Казалось бы, создав международную организацию – Крестинтерн, мы тем самым ставим себе задачу, наряду с Коминтерном и Профинтерном, сконцентрировать энергию коммунистических партий в деревне, наладить международное руководство этой работой и разработать ряд практических вопросов крестьянского и батрацкого движения. А получилось наоборот. Внимание самого Коминтерна значительно ослабло к этим вопросам с момента создания Крестинтерна. Я не собираюсь дать исчерпывающую оценку работы Крестинтерна, но мне кажется, что в его летописях нет ничего значительного, кроме встречи, да и то неудачной, с югославским кулаком Радичем.

Теперь по вопросу о полевении крестьянских масс. Тов. Мануильский утверждает, что крестьянские массы за последний период левеют. Но на чем основано его утверждение? Не пробуя даже доказать, а ведь это очень важный фактор в революционном движении, тов. Мануильский в другом месте доказывает обратное. Он, например, с одной стороны, утверждает, что крестьянство Югославии и Болгарии левеет, а с другой – что во Франции – правеет. Каковы же общие итоги: левеет или правеет крестьянство? Надеюсь, что всем этим вопросам тов. Мануильский в своем заключительном слове уделит больше внимания. Конгрессу же Коминтерна, я считаю, нужно подойти серьезнее к проблеме усиления работы среди с/х пролетариата и крестьянства. Особенно важно усилить работу среди с/х пролетариата, так как без влияния партии на эти массы невозможно усилить влияние среди крестьянства, а также невозможно обеспечить единство рабочего класса в борьбе с капиталистами и помещиками. Ведь с/х пролетариат на земном шаре исчисляется не одной сотней миллионов. Только в Европе с/х рабочих более 2-х десятков миллионов. Если мы рассмотрим движение фашизма в Италии, то нельзя не обратить внимание на то, что первые удары фашизма были направлены против организованных с/х рабочих. И в других, особенно аграрных, странах слабое влияние компартий на с/х пролетариат крайне облегчало победу и работу реакции. Я утверждаю, что ни одна из секций Коминтерна еще не поставила перед собой задачу серьезно организовать с/х пролетариат. Я утверждаю также, что избирательные и парламентские трибуны и съезды профсоюзов не используются для того, чтобы приковать внимание этих столь эксплуатируемых масс к компартиям. С/х и лесные рабочие не используются как проводники пролетарского влияния на крестьянство, на его беднейшие слои даже там, где сельскохозяйственные пролетарии концентрируются в крупных помещичьих имениях и других предприятиях тысячами. Кроме того, плохо обстоит дело в ряде компартий и с классовой линией в деревне. Нередко выдвигаются самые оппортунистические лозунги. Нет четкости в постановке ближайших задач компартий в деревне применительно к условиям борьбы в отдельных странах. Еще хуже обстоит дело с работой среди крестьянства и батрачества в колониальных странах, где, как, например, в Индии и Китае, батрачество должно сыграть колоссальную, а в ряде стран решающую роль. Вот почему необходимо в текущей работе Крестинтерна, за работу которого по существу отвечает и Коминтерн, уделить больше внимания работе среди с/х пролетариата. Еще важнее сосредоточиться на этой работе

Профинтерну, так как наиболее массовой формой объединения с/х рабочих являются профсоюзы, и эта работа должна была в Профинтерне занять почетное место. Но, к сожалению, Профинтерн отделывается из года в год лишь бумажными резолюциями. Стачкам с/х рабочих, преимущественно локальным, которым можно оказать денежную помощь грошами, где нужно приковать внимание этих капиталистических парий, с/х рабочих, к тому, что борьбу против помещиков можно успешно вести, – ни с чьей стороны, ни Профинтерна, ни Крестинтерна, ни даже Коминтерна, поддержки не оказывается. В результате в европейской деревне мы гонимся часто за многим, а теряем малое. Мы дискуссируем: все или не все пойдут за революционными лозунгами, а не умеем организовать борьбу даже пролетарской части европейской, я уже не говорю американской или другой деревни. Мы ставим вопрос о том, можем ли мы повести середняка за собой, а не умеем оказать организованного влияния на батрака или бедняка.

Сталин. Правильно.

Анцелович. Само собой разумеется, вопрос о работе в деревне ни в коем случае не отодвигает тех важнейших проблем общего рабочего движения, которые выдвинул тов. Мануильский. Но нужно помнить, что и для борьбы с империалистическими войнами, для успешного развития массового рабочего и аграрного движения наши компартии должны посерьезнее работать в деревне. Не следует забывать, что у стен Варшавы нас били и батрацкие руки, одурманенные национализмом и агитацией помещиков. Познанские батраки шли вместе с помещиками, а последние знают значение батрачества как пушечного мяса. Батраки в этих условиях – хороший физический материал для войны и штрейкбрехерства. А мы даже не пытаемся мало-мальски серьезно оказать влияние на эти массы. Во всяком случае, внимание секций Коминтерна и самого Исполкома Коминтерна на этой задаче до сих пор заострено не было. Я считаю, что русская секция должна поставить в вину Исполкома Коминтерна его недостатки в этой работе. Аграрная комиссия Коминтерна занимается чем хотите, только не решением этих практических задач. В повседневном руководстве Коминтерна, как я уже отмечал, этой задаче уделяется также случайное внимание.

И последнее, на чем я хочу остановиться, это вопрос о том, что все эти задачи слабо отражены в программе Коминтерна. Значение классовой борьбы в деревне, особенно борьбы батрачества против крупных фермеров, кулаков, с необходимой четкостью не выявлено. Я не сторонник механического применения русских терминов. Я стою за американизацию, за европеизацию (с м е х) терминов, если это нужно. Назовите как хотите, но ясно, что компартия не сможет иметь необходимого влияния, если она, с одной стороны, не будет руководить массовой экономической борьбой индустриального пролетариата, а с другой – не будет повседневно руководить пролетарскими и полупролетарскими массами в деревне в их борьбе против помещиков, лесопромышленников, крупных фермеров, ростовщиков и т. п.

Сумма этих вопросов должна быть в программе Коминтерна разработана более тщательно. Все эти мысли можно выразить кратко. Но все вопросы, связанные с аграрным движением, должны быть выражены в программе Коминтерна достаточно четко. Это – одно из существенных отличий коммунистического движения от движения реформистов, анархо-синдикалистов и пр.

Не предполагая выступать по второму пункту порядка дня, я остановился на одном из вопросов, связанных с программой Коминтерна, и надеюсь, что тов. Бухарин это замечание учтет, хотя формально я говорил по докладу тов. Мануильского.

В заключение по докладу тов. Мануильского я хочу отметить следующее. Он в своем докладе войну, революцию, колонии назвал каналом. (С м е х.) Он применил термин «канал» очень широко и, мне кажется, очень условно. Война, революция, коло-

нии – не каналы. Но для того, чтобы успешно вести борьбу с надвигающейся опасностью войны, успешно организовывать, руководить и поднимать рабоче-крестьянские массы в колониях, нужно не забывать массового аграрного движения, такого фактора революционной борьбы, как с/х пролетариат.

Председатель. Слово имеет тов. Пятницкий.

Пятницкий. Я начну с Анцеловича. Мне кажется, что оба правы. Прав тов. Мануильский, что имеется левый сдвиг в крестьянстве, главным образом на Балканах, в Югославии, Болгарии и Румынии. Поэтому тов. Мануильский был прав, когда он это подчеркнул. Но прав, по-моему, также тов. Анцелович, когда он говорил о том, что работа среди крестьянства страдает, и тут, безусловно, имеется еще старая социал-демократическая отрыжка, что среди крестьянства нам, коммунистам, делать нечего, что мы главным образом должны работать среди пролетариата. Чтобы не быть голословным, я могу сослаться хотя бы на выборы во Франции, в Германии и Польше. Во Франции КПФ потеряла в 8 сельскохозяйственных выборных округах[55] 17 600 голосов. В Германии среди 9 округов, где наша партия получила на 100 тысяч голосов меньше, чем на выборах в 1924 г., 4–5 округов являются крестьянскими. То же самое было и в Польше. В Польше наша партия получила меньше голосов в сельскохозяйственных округах, чем на предыдущих выборах. Так что, по-моему, тов. Анцелович правильно заметил слабость работы среди крестьянства, и не так легко будет это упущение выровнять в наших компартиях, так как они имеют мало опыта работы среди крестьянства, но я могу констатировать, что если партии работают среди крестьянства, то имеются и успехи. Я могу сослаться на выборы во Франции – в целом ряде сельскохозяйственных департаментов КП Франции имела безусловный успех. Теперь я хотел бы остановиться на докладе тов. Мануильского, только по некоторым вопросам. У меня получилось такое впечатление, что он слишком розово оценивает результат выборов во Франции, Германии и Польше. У него вышло как-то очень общо, не было подчеркнуто, что действительно является достижением и где наши партии потеряли. Я возьму выборы в Германии. В Германии мы в мае 1924 г. получили 3700 тысяч голосов. Верно, что тогда у нас работа в профсоюзах была лучше и тогда еще не спала революционная волна, хотя уже видно было, ясно было, что волна спадает, потому что выступления ожидались в октябре 1923 г., а выборы происходили в мае 1924 г. Значит, КП Германии в этом году не добрала 500 000 голосов на майских выборах по сравнению с выборами в мае 1924 г. Это можно объяснить двумя причинами: работа в профсоюзах сильно ослабела в тот период, когда во главе партии были Рут Фишер и Маслов (середина 1924 и 1925 гг.), что КПГ теперь наверстывает и что революционная волна тогда не совсем еще спала.

Если мы поставим такой вопрос: удалось ли нашей германской партии побить на выборах германских социал-демократов, то должны будем ответить: нет, не удалось. Удалось их немного вытеснить из рабочих районов, но они еще не биты. Можем ли мы сказать, что социал-демократическая партия теперь не опирается больше на рабочих, что она не получила рабочих голосов? Нет, нельзя этого сказать никоим образом. Возьмите, например, выборы в таких крупных рабочих центрах, как Берлин – Потсдам 1-й, Потсдам 2-й. Наша партия получила в этих трех округах на 240 000 голосов больше, чем в 1924 г. (всего 650 000 голосов), это несомненно; но и социал-демократия получила на 110 000 голосов больше в этих трех округах, чем в 1924 г. Она всего в них получила 950 000 голосов. Может быть, часть выигранных голосов – не рабочих, но часть – безусловно рабочих. КП Германии в Берлине удалось укрепиться, но ей вытеснить совсем социал-демократов не удалось. С другой стороны, наша партия потеряла 100 000 голосов в 9 округах, из коих три округа являются промышленными (Тюрин-

гия, Южная Вестфалия и Вюртемберг), – это рабочие районы, и только в одном округе нам удалось вытеснить социал-демократов – в Гессен-Дармштадте, – там социал-демократы потеряли 32 000, а мы там приобрели 19 000. Я считаю безусловной победой, что наша партия сильно укрепилась в Берлине и в других промышленных районах, но я ожидал, что КП Германии получит не меньше голосов, чем в мае 1924 г., ибо нам удалось за 1927–28 годы укрепиться вновь в профсоюзах, нам удалось создать целый ряд массовых организаций, которых при Рут Фишер не было, и что социал-демократы последние годы почти открыто предавали каждодневно интересы рабочих.

Теперь о Польше. В Польше имеется симптом очень плохой. Хотя тов. Мануильский об этом говорил, но, по-моему, недостаточно ясно подчеркнул. Возьмем выборы в Варшаве. Наша партия получила на муниципальных выборах в 1927 году по аннулированному списку 77 000 голосов, а на выборах в Сейм – только 65 000 голосов. Но это еще не главное. Мы по 11 рабочим предместьям Варшавы во время муниципальных выборов получили 22 038, а в Сейм только 14 997 голосов. Верно, потеряли и ППСовцы, по сравнению с муниципальными выборами. Они получили 13 740 голосов на муниципальных выборах, а в Сейм – только 9348 голосов, но зато выиграл Пилсудский. Он получил 4448 голосов на муниципальных выборах, а в Сейм он в этих же рабочих районах получил 31 843 голоса. Я считаю это угрожающим. Чем это объясняется? Это объясняется отчасти тем, что пилсудчики усилили работу среди пролетариата, так как у них имеется немало бывших ППСовцев, которые еще имеют связь с рабочим классом, но имеются и другие причины, одна из коих заключается в том, что наша партия недостаточно работала среди пролетариата, она занята была исключительно грызней беспринципной, такой грызней, которую я не видел среди других партий.

Сталин. Внутри партии?

Пятницкий. Да, она не имеет принципиальных разногласий. Фактически там имеется две партии: партия «меньшинства», так сказать, и партия «большинства». Помоему, ни одна из двух частей не имеет большинства в партии, но никаких принципиальных разногласий у них нет. Что-нибудь на конгрессе, очевидно, придется по этому поводу предпринять. Отрадно, что тот раскол, который был в КП Западной Украины, удалось очень быстро ликвидировать. КПЗУ, которая является частью польской партии, не только залечила свои раны, но стоит на правильной позиции и не принимает участия во фракционной борьбе.

Не так обстоит дело в КП Западной Белоруссии, которая является тоже частью польской компартии. В тех округах, где не было фракционной борьбы, где нейтральные товарищи сидели, там имеются достижения, но в остальных округах комработа ослабела.

Теперь о Франции. Новая тактика, которая была установлена IX пленумом ИККИ, была применена во Франции под названием «класс против класса». В Германии на выборах применяется пропорциональная система. Там имеется только один тур. Наша партия вела борьбу против социал-демократии и против правительственного блока. Там не приходилось с кем-нибудь блокироваться. То же самое в Польше. Поэтому говорить, что там применялась новая тактика, «класс против класса», нельзя. Она пока была применена только во Франции. Было ли легко применять ее? Нет. Надо знать французскую компартию, чтобы понять, почему нелегко было применять во Франции новую тактику. Крепких местных организаций не имели социалисты, откуда наша партия вышла, нет их еще в достаточной степени и у нашей партии. Местные организации выставляли раньше кандидатов на выборы, и они же заключали всякие соглашения. Соглашения, например, с социалистами: вы голосуйте за наших кандидатов во втором туре там-то, а мы будем голосовать за ваших кандидатов там-то. Этому был положен

конец новой тактикой. Во многих избирательных округах удалось провести новую выборную тактику, но кое-где она встретила сопротивление местных партийных организаций. Интересно, что в партийных рядах и в партактиве были колебания, и немалые колебания. Рабочий же класс, наоборот, активно поддерживал эту тактику. Я считаю выборы во Франции вполне удовлетворительными. Я должен сказать, что во Франции наша партия имеет не меньшее влияние на рабочий класс, чем в Германии, несмотря на то, что наша партия в Германии получила 3200 тысяч голосов, а во Франции только 1100 тысяч голосов. Во-первых, там не голосуют женщины, во-вторых, там имеется масса иностранных рабочих, которые не имеют права голосовать.

Лозовский. Во Франции наша партия получила 11% всех голосов, а в Германии – 10,2%.

Пятницкий. Очень хорошо, что вы высчитали; я не высчитывал, но пришел к тому же самому выводу. Таким образом, если бы иностранцы имели право голосовать, то мы бы имели намного больше голосов, чем мы там получили.

Но и там имеются теневые стороны, которые нужно оттенить. В то время как в столице Германии мы получили на 130 тысяч голосов больше, в Париже мы потеряли 6 тысяч голосов (в 1924 г. КП Франции получила в Париже 131 000, а в 1928 году – 125 000 голосов). Объясняется это тем, что в силу квартирного кризиса рабочие перебираются из Парижа в окрестности. Мы в окрестностях Парижа получили на 11 тысяч голосов больше, но в Сенском департаменте (куда входит и город Париж со своими окрестностями), где живут главным образом рабочие, мы получили на 4533 голоса больше, чем на выборах в 1924 году, в то время как наша партия получила на 192 тысячи голосов больше по всей Франции. Я считаю это совсем недостаточным. Париж мы не можем упустить, мы должны его крепко держать. Я не разделяю мнения тов. Мануильского, что наша партия господствует в Париже. Безусловно, мы в Париже сильнее, чем социалисты, мы имеем там недурную организацию, чего нельзя сказать про социалистов. Но этого еще мало для господства. Я хочу отметить еще одну слабость КП Франции, что во время избирательной кампании нам активно помогали не меньше 300 тысяч рабочих, не членов партии. Но из них до сих пор не вовлечены в партию какие-либо значительные группы. Больше того, ни одного шага не предпринято до сих пор по этому пути. А между тем после избирательной кампании надо было открыть вербовочную кампанию и втягивать в партию широкие рабочие круги. Этого не было сделано.

С другой стороны, во Франции имеются и хорошие стороны. КП Франции удалось вытеснить социал-демократов из промышленных центров. Я считаю это самым большим плюсом, какой имеется у КП Франции. Например, в департаменте Верхней Вьенны социал-демократы потеряли 12 тыс. голосов, мы приобрели 13 тысяч; на Севере социал-демократы потеряли 12 тысяч, мы приобрели 20 тысяч голосов; в департаменте Сены и Луары социал-демократы потеряли 19 тысяч, мы приобрели 9400 голосов; в Верхней Гаронне социал-демократы потеряли 25 тысяч, мы приобрели 4 тысячи; в департаменте Нижнем и Верхнем Рейне они потеряли 16 тысяч, мы приобрели 18 тысяч голосов. Это есть борьба класса против класса. В этих промышленных департаментах наша партия боролась не только против буржуазных партий, но ей удалось высвободить рабочих из-под влияния социал-демократов. Во Франции мы имеем в этой области бульшую победу, чем в Германии.

Теперь я перейду к Англии. Тут труднее всего будет провести новую тактику против рабочей партии, там эта тактика еще не применена генерально. Кое-где эта тактика уже применялась. До сих пор наша партия в Англии голосовала за рабочую партию не только на парламентских, но и на муниципальных выборах. Самостоятельно наша партия раньше на выборах не выступала. Тогда, когда была еще надежда, что КП Анг-

лии будет принята в рабочую партию, и она сможет внутри влиять на ее политику, и что левение профсоюзов будет продолжаться, и их влияние на рабочую партию будет усилено, – эта тактика тогда была верна. А теперь тактика поддержки рабочей партии на выборах неверна. Она неверна потому, что как профессиональные союзы, во главе которых стоят отъявленные реформисты, так и рабочая партия показали себя не защитниками рабочего класса, а самыми отъявленными предателями его интересов. Широкие слои рабочих начали понимать роль профсоюзных лидеров и руководителей рабочей партии, поэтому теперь во что бы то ни стало необходимо, чтобы наша коммунистическая партия выступала самостоятельно на выборах, с ясной классовой линией не только против консерваторов и либералов, но и против рабочей партии. Самостоятельное выступление на выборах нашей партии встретит большие трудности, ибо рабочая партия от этого немало мандатов потеряет. Большие же слои рабочих еще рассчитывают, что рабочая партия в результате предстоящих выборов при поддержке либералов вновь станет у власти, поэтому рабочие, не будучи согласны с тактикой рабочей партии, будут поддерживать ее на выборах. Мы уже располагаем кое-какими характерными данными по частичным выборам, где наша партия выступала самостоятельно на выборах. В Лондоне на довыборах в муниципалитеты по 12 округам консерваторы получили 105 тысяч голосов, либералы 74 тысячи голосов, рабочая партия 49 тысяч голосов, и наша партия под своим именем и под флагом «левая рабочая партия» получила 22 тысячи голосов. В других 15 городах Англии полученные голоса распределяются так: консерваторы – 9381, рабочая партия – 11 024 и компартия – 9018 голосов. Я считаю, что этот результат для нашей партии довольно сносный. Но что получилось? Во время перевыборов рабочая партия провела 6 своих кандидатов, но она потеряла из-за того, что наша партия выставила отдельных кандидатов, 7 мандатов. (Наша партия провела 2 кандидатов.) Если бы мы поддерживали рабочую партию, то совместно с нами рабочая партия получила бы 13 мандатов, не считая двух выигранных нами. Вот эта потеря мандатов может отпугивать рабочих, ибо из-за этого рабочая партия не станет у власти. Поэтому требуется от нашей партии четкая линия, требуется сейчас же развернуть широкую кампанию, чтобы доказать, что рабочая партия, профсоюзы в данный момент ведут такую же политику, как либералы. Либералы открыто заявляют, что рабочая партия выступает с их лозунгами, что нет разницы между либералами и рабочей партией.

Наша партия имеет куда большее влияние на рабочий класс в Англии, чем она имеет членов. Вот у меня статистика. В 1925 г. она имела 4398, в 1926 г. – 10 730, в 1927 г. – 7377 и в 1928 – 5556 членов. Чем объясняется потеря членов? Объясняется тем, что наша партия почти наполовину горняцкая партия. Она во время забастовки укрепилась в горняцких районах. Горняки поддерживают нашу партию также в профсоюзах, если вы следили за последними выборами. Но громадная безработица, не только среди горняков, и невероятный террор заставляют выходить из партии. Но безусловно и то, что рабочие нашу партию поддерживают, а она не умеет расширять свой состав. А между тем она выйдет на широкую арену только тогда, когда она расширит свой состав. Она участвует во всех левых движениях – и в рабочей партии, и в профсоюзах, но она не сумела укрепить свои собственные организации. Конечно, очень хорошо, что она укрепилась везде и повсюду, что влияние ее имеется во всех массовых организациях, но не хватает у нее членов, чтобы закрепить это влияние. Если мы возьмем, сколько имеется рабочих организаций в Англии, то, может быть, один коммунист приходится на две-три таких рабочих организации. Не успевают члены партии быть везде и всюду, и, конечно, на одних и тех же собраниях член партии вынужден выступать по пяти пунктам порядка дня, и все один и тот же член партии. А вы знаете, что если он провалится по одно-

му вопросу, то ему очень трудно выступать по другим вопросам. Поэтому задача стоит так: во что бы то ни стало расширить состав партии и начать классовую борьбу против рабочей и других буржуазных партий. Только тогда КП Англии проведет успешно ту линию, которая была намечена на IX пленуме ИККИ.

Председатель. Слово имеет тов. Скрыпник.

Скрыпник. Я, к сожалению, не слыхал всего доклада тов. Мануильского, так как поезд опоздал, и о содержании первой части доклада сужу лишь из сообщений товарищей, которых я расспрашивал. К сожалению, отсутствие тезисов, которое необходимо констатировать, мешает, препятствует оформлению прений по данному пункту порядка дня. За крайним недостатком времени ограничусь только одним вопросом, который встает передо мною.

В чем в настоящее время ось положения? Какой основной вопрос вопросов? Что должно определять тактику и стратегию коммунистических партий, объединяемых Коминтерном?

Несомненно, этим вопросом является выявляющаяся, обнаженная относительность капитализма и грядущее наступление мирового капитализма на Советский Союз.

К этому вопросу, несомненно, сводятся все остальные вопросы, которые выдвинуты теперешним днем. Поэтому на очереди дня перед Коминтерном и всеми его партиями стоит вопрос о непосредственной подготовке к этим грядущим событиям.

Необходимо отметить, что тактика Коминтерна предусмотрела данную потребность дня. Постановка вопроса о новой тактике для английской, французской и других партий, тактике «класса против класса», прямо и непосредственно отвечает вопросу о нашей подготовке к грядущим боям. Вот почему вопрос об этой тактике и ее распространении должен привлечь все внимание.

Опыт французской и английской партий является первым шагом, и необходимо далее проверить, как в других партиях, в частности в Америке, используется этот опыт, как директивы Коминтерна осуществляются в жизни? Необходимо связать себя еще более крепкими нитями с широкими массами рабочих и этой тактикой обрести пути связи с широкими массами, подготовив себя к моменту, когда против рабочего класса и коммунистической партии выступит объединенная буржуазия, поддержанная всеми предательскими социал-демократическими партиями.

Второй вопрос, который нужно поставить, – это вопрос об антимилитаристской войсковой работе. Я расспрашивал товарищей и сам слышал, что этот вопрос не затрагивался в докладе тов. Мануильского (потому что, конечно, нельзя всего затронуть в одном докладе). Но нужно признать, что этой работе должно быть посвящено достаточное и серьезное внимание всех коммунистических партий. Мы имеем довольно большой опыт французской коммунистической партии с ее антимилитаристической работой и борьбой против колониальных войн. Мы имеем некоторый опыт в Германии, хотя очень незначительный. Необходимо поставить вопрос: что делать дальше нашим братским коммунистическим партиям? Этот вопрос надо поставить на порядок дня. Не расшатывая основных сил нашего временного врага – войск, не укрепляя связей с молодым пролетарием и крестьянином, мобилизованным в войска, мы не можем рассчитывать на успех в грядущих и неизбежных боях. Я не могу сейчас сказать, какими путями можно подытожить и распространить к общему сведению коммунистических партий этот опыт. Данная работа является сугубо конспиративной. Но во всяком случае необходимо твердо признать: вопрос об антимилитаристской работе в войсках сейчас должен быть поставлен на надлежащую высоту.

Третья часть подготовительной работы стоит перед нами, это подготовка к непосредственной боевой деятельности. Конечно, мы сейчас не находимся накануне вой-

ны. Сейчас, может быть, даже не канун кануна. Но нужно, товарищи, иметь в виду это проклятое наследие старых легалистских традиций социал-демократии, которые еще пропитывают многих и многих членов наших коммунистических партий и в особенности западноевропейских коммунистических партий. Предвидя необходимость решительного перелома, необходимо подготовить заранее все наши партийные организации к резким переходам в тактике и в организационной линии.

Нужно признать, что происшедшие расколы и отколы различных предательских групп и вождей, пришедших к нам из рядов II Интернационала, нам очень помогли. Они консолидировали организацию, большевизировали ее и отбросили прочь те элементы, которые были бы тяжелой свинцовой гирей, висящей на ногах наших партийных организаций, французской, германской и чехословацкой партий, на случай военных действий.

Вопрос о подготовке наших парторганизаций к новой тактике и к новому методу организационной деятельности на случай решительных боев уже теперь должен быть поставлен. Время, когда этот вопрос своевременно поставить, уже подошло.

Мы, конечно, можем ожидать вполне, что как у нас в 1905 году, так и в западных компартиях может подняться вопрос о линиях по отношению к этой деятельности. В этом отношении соответствующее место проекта программы, выработанного тт. Бухариным и Сталиным, вполне уместно. Это то место, где они говорят, что страны со средним развитием капитализма находятся в положении таком же, как Россия в 1905 году. Данное место проекта вообще я считаю ошибочным и буду говорить о нем, когда будет разбираться программный вопрос. Но что, как в 1905 году, должен будет стоять вопрос перед братскими компартиями, в особенности западноевропейскими, относительно перехода к непосредственному руководству организованной деятельностью борющихся масс – несомненно, этот вопрос в такой плоскости стоит. Мы можем ожидать того, что рецидив меньшевистских взглядов о том, что рабочих перед боями необходимо вооружать не оружием, а порывом и жаждой к самовооружению...

Сталин. Жгучей потребностью к самовооружению.

Скрыпник. Вот именно: «жгучей потребностью к самовооружению». Такой рецидив вполне возможен. Все данные говорят, что в западноевропейских партиях, где влияние социал-демократии весьма значительно, мы будем иметь это в наличии. Подготовить нашу партию к этому необходимо заранее.

Конечно, мы имеем уже теперь некоторые организации, имеющие значение, которые будут иметь свой решающий вес в предстоящих столкновениях. Я говорю о союзах красных фронтовиков, которые могут сыграть весьма большую роль организующих центров военных действий пролетариата. Но нужно сказать, что эта деятельность развита значительно лишь в Германии и еще недостаточно развита во Франции и Чехословакии, и только первые, первые бледные шаги делаются в Англии. Вопрос о союзах красных фронтовиков как одной из очередных задач нашей организационной деятельности и охвата нашим влиянием боевых элементов широких рабочих масс в западных странах должен быть поставлен на очередь дня теперешней нашей деятельности.

Я не говорю о других путях, которые перед нами встанут в дальнейшем. Я говорю сейчас лишь о том, что вопрос о нашей подготовке к грядущим боям ставится перед нами на очередь дня жизни и борьбы мирового пролетариата.

Посему необходимы соответственно этому некоторые переломы в деятельности Коминтерна и братских компартий. Повторяю, тактика «класс против класса» должна быть более широко проведена и подготовлена. Вопрос подготовки наших партий, психологической и организационной, к дальнейшей деятельности должен быть поставлен.

Иначе может быть положение очень опасное, в особенности именно на той территории, откуда, возможно, придет ближайшее наступление мирового капитализма. Я говорю относительно Польши, где у нас, может быть, отдельные слабые попытки военной деятельности имеются, но где организованной подготовки к таким возможным осложнениям покуда нет. Вот почему я всецело присоединяюсь к призыву, который сделал тов. Пятницкий, о необходимости резкою, острою чертою провести по наболевшему нарыву этих разногласий и фракционных делений в польской компартии.

Я не особенно большим достижением считаю, тов. Пятницкий, что этот вопрос не обсуждался в компартии Западной Украины. Это добро лучше поскорее переболеть.

Косиор. Слишком долго они болеют.

Скрыпник. Кружковщина должна быть изжита. Я говорю относительно областной организации Польши – Западной Украины. Такое деление сектантское, которое проявляется в рядах компартии Польши, оно свойственно тамошним условиям, и хорошо, чтобы компартия Польши поскорее переболела этим. Коминтерн, со своей стороны, должен всячески помочь ей в этом.

Я держусь точки зрения необходимости подготовки сейчас к неизбежным грядущим осложнениям. Ибо, повторяю, перед нами не канун боев и, может быть, не канун кануна боев, но вопрос о подготовке к боям, организационной и идейной, должен быть поставлен. Богатый опыт нашего движения, и 1905 и 1917 гг., должен быть предоставлен братским компартиям и использован ими применительно к теперешним условиям, применительно к обстоятельствам в этих странах для того, чтобы готовить пролетариат к неизбежным будущим боям.

Председатель. Объявляю перерыв до 6 часов вечера.

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ

Вечер, 4 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Гей, следующий Ломинадзе.

Гей. Можно согласиться с тов. Мануильским, который характеризовал профработу одним только утверждением, что она идет слабо и даже из рук вон плохо во всех странах. Но если о профработе ничего больше не было сказано и если параллельно с этим общий тон доклада о работе Коминтерна был выдержан в умеренно-оптимистических тонах, то может создаться впечатление, что у Коминтерна все хорошо, а у Профинтерна[56] плохо. Против такого вывода я категорически возражал бы, потому что слабости профработы являются отражением слабых сторон работы Коминтерна. Эти последние слабости идут по линии взаимоотношений с рабочими массами, по линии методов руководства рабочими массами. Если взять хотя бы вопрос о стачках и экономических конфликтах, которыми так богата история последнего года в Западной Европе, проанализировать ошибки, которые были допущены в руководстве этими стачками, то трудно сказать, что это – ошибки профработы или ошибки партийного руководства? В чем заключаются слабости профработы? Об этом тоже тов. Мануильским не было сказано, хотя, мне кажется, этому вопросу надо было уделить гораздо больше внимания. Для того чтобы проиллюстрировать природу наших слабостей, я сошлюсь на пример французского профдвижения.

18 мая один из секретарей французской федерации металлистов пишет: «Я не могу сегодня дать окончательных цифр, но, устанавливая картину состояния союза в настоящее время по сравнению с 1926 годом, я пришел к выводу, что падение числа членов достигло в некоторых районах 75% и лишь в немногих районах оно меньше 25%. В целом по числу выданных билетов мы потеряли до 50%, а по количеству марок, – пишет он дальше, – мы стоим на таком низком уровне, на котором мы не были никогда, даже в 1922 г.» Это, может быть, более яркий случай, который, однако, прекрасно характеризует то обстоятельство, что французские унитарные союзы переживают кризис, продолжающийся уже в течение довольно долгого времени. И этот кризис мы не можем объяснить ни правым, ни левым уклоном. Этот кризис объясняется тем, что наши товарищи не знают профсоюзной работы, не имеют навыков, влачат за собой старый груз анархо-синдикалистских традиций и работать в профдвижении не умеют. Как раз одновременно с этим письмом, в конце мая, Политбюро Французской коммунистической партии приняло длинную резолюцию о профдвижении. Эта резолюция ни одним словом не затрагивает причин упадка союзов, ни одним словом даже не упоминает об этом упадке. Эта резолюция довольно ученического уровня, написана на тему о взаимоотношениях партии и союза, наряду с отдельными ошибочными формулировками повторяет много верных мыслей Владимира Ильича и верных постановлений и резолюций руководящих инстанций, но центральный вопрос, от которого зависит, куда пойдут профсоюзы Франции, не поставлен и даже нет намека об этом в резолю-

ции Политбюро Французской коммунистической партии. Это показывает, что если мы плохо работаем в профсоюзах, то и руководящие органы партии не знают и не могут указать нашим профработникам, как надо работать. А так как время теперь самокритики, то я позволю себе пойти дальше и сказать, что Коминтерн тоже не обнаруживает достаточного знания в вопросах работы профсоюзов. Принимаются, конечно, резолюции, резолюции серьезные, но в промежутке между руководящими резолюциями Коминтерна мы такого повседневного руководства и повседневной заинтересованности в вопросах профработы не видим; не видим и необходимой осведомленности в этих вопросах. Коминтерну надо было бы самому поучиться профработе и поучить ЦК европейских партий, как надо работать в профсоюзах.

Второй источник наших слабостей касается того разброда в вопросах нашей тактики, который отчасти мы сейчас наблюдаем. XV съезд партии дал основную, совершенно правильную установку. Решения IX пленума Коммунистического Интернационала и IV конгресса профсоюзов[57] развили эту установку дальше, они, так сказать, были опытом практического применения этой линии XV съезда. Сейчас решения IV конгресса докатились до мест и вызвали известный отклик.

Как же реагируют коммунистические партии, какая картина складывается на местах? Более определенно выступает критика решений IV конгресса Профинтерна справа, более ясно выступает правая оппозиция решениям IV конгресса Профинтерна. В Германии можно было бы назвать группу тт. Вальхера и Эндерлэ, которые отрицают решения IV конгресса в целом. Надо заметить в скобках, что Эндерлэ был на конгрессе, голосовал за решения IV конгресса и как будто был с ними согласен. Но по приезде в Германию он голосует против решений IV конгресса. Основной исходной точкой этой оппозиции является иная оценка реформизма, расходящаяся с оценкой Коминтерна. Отсюда вытекает и иная тактика по отношению к реформизму. Тенденции развития этой группы могут привести ее саму, эту группу, к переходу на позицию левого реформизма вплоть до разрыва с партией. Возможно, что решения IV конгресса явятся даже темой довольно широкой дискуссии в коммунистической партии Германии. В Америке мы имеем оппозицию, которая возглавляется тов. Пеппером, небезызвестным и у нас здесь. Тов. Пеппер критикует решения IV конгресса тоже справа. Он рассчитывает на то, что Американская федерация труда, продажная и бюрократическая федерация труда, превратится в действительно массовую организацию, вовлечет широкие слои рабочих, и он замазывает ту основную задачу, которая сейчас является решающей для американского движения, это работа по организации горняков после развала Льюисовского союза[58], входящего в Американскую федерацию труда[59].

Если принять во внимание, что фактически работа по организации нового союза лежит в Америке на плечах группы комсомольцев, не имеющих значительного опыта ни партийной, ни профессиональной работы, если учесть, что руководители партии в этот момент напирают как раз не на те задачи, которые должны стоять в центре внимания, мы будем иметь еще один из примеров партийного руководства профработой, руководства, которое не помогает этой работе, а затрудняет и задерживает ее.

Я считаю, что основная линия XV съезда и последующие решения IV конгресса Профинтерна были совершенно правильны, но сейчас уже можно говорить об опасности того, что мы запаздываем с проведением этой линии, по крайней мере в области профсоюзной работы. Прошло полгода со времени XV съезда, и мы только сейчас довели до мест, до европейских стран те решения Коминтерна и Профинтерна, которые вытекают из установки XV съезда. Только сейчас мы сделали шаг к обсуждению этих решений среди актива. Реформисты нас в этом отношении опередили. Они, учитывая политическую обстановку, решили тоже перейти в наступление. И пока мы собира-

лись и обсуждали вопрос, как наступать, пока мы боремся с возражениями насчет того, что не надо наступать, реформисты уже частично на нас наступили. Волна исключений из союзов, которая сейчас широко прокатилась по всем странам, серьезное положение в Англии в связи с тем, что Генсовет намерен провести запрещение членам компартии и движения меньшинства занимать руководящие должности в профессиональных союзах; положение в Шотландии, где в союзе горняков компартия имеет руководящее большинство, а реформистская верхушка не сдает своих позиций и грозит расколом шотландского движения, факт совершившегося раскола, о котором говорил тов. Мануильский, в Швейцарии и в Греции, – все это картинки того усиленного наступления, которое ведут сейчас реформисты. Им удалось скорее провести свое наступление, чем мы подготовили свое. Кое-где под впечатлениям тех ударов, которые сейчас сыплются на нас в достаточном количестве, зреют настроения, которые могли бы привести к противоположным ошибкам по сравнению с ошибками правой оппозиции. Тов. Мануильский оставил нас в неизвестности относительно того, на 45 или 90 градусов был поворот на XV съезде. Это неважно, конечно, но важно, что под впечатлением тех ударов, которые сыпятся со стороны реформизма, имеется тенденция дальше сделать поворот до 180 градусов.

Сталин. Где?

Гей. Например, на обсуждение русской делегации в Профинтерне, почти сразу после IV конгресса, предложены новые тезисы тов. Лозовского, содержащие ряд совершенно неверных положений. Здесь не время обсуждать по существу эти тезисы, но тот факт, что немедленно за IV конгрессом Профинтерна выявилась необходимость дать такие тезисы, которые пересматривали бы, частично ревизовали бы решения IV конгресса, показывает, что имеется известная группа, которую не удовлетворяют эти решения, которая желает дальнейшего поворота. Во всяком случае, не ставя вопроса о тех ошибках, которые содержатся в тезисах, я имею в виду защищать один тезис, который может быть принят бесспорно. Мне думается, что чем больше тезисов, тем больше будет путаницы, тогда как основной вопрос заключается в том, чтобы практически работать над проведением в жизнь решений, намеченных на XV съезде.

Рыков. Это вы наш XV съезд имеете в виду?

Гей. Да, наш, потому что XV съезд дал основную постановку усиления борьбы с реформизмом и дал анализ полевения...

Сталин. По международному вопросу? А VIII–IX пленумы?

Гей. IX пленум развил эту установку, продвинул ее в жизнь. IV конгресс Профинтерна повторил, перевел на профсоюзный язык решения IX пленума.

Помимо того, что решения IX пленума и IV конгресса встречают оппозицию справа, есть также отдельные тенденции, считающие недостаточным общий поворот нашей тактики. Мне кажется, что в отношении профдвижения задача может и должна быть сформулирована как задача делового проведения в жизнь той линии, которая намечена IX пленумом и IV конгрессом Профинтерна, без того, чтобы эту линию еще раз в основном пересматривать и подвергать дальнейшим изменениям.

Мне хотелось бы закончить указанием на то, что задачи профработы и задачи Профинтерна мы не можем и не должны рассматривать как задачи, касающиеся только Профинтерна. Доклад тов. Мануильского меня не удовлетворил, потому что Коминтерн должен сейчас гораздо больше уделить внимания обсуждению тех трудностей, тех препятствий, тех споров, которые возникают вокруг профработы. Для западноевропейских компартий в профработе заложен сейчас ключ к разрешению тех задач, которые ставит перед нами вся обстановка полевения, вся обстановка обострения классовой борьбы. Конгресс Коммунистического Интернационала должен будет поэтому

заняться по существу вопросами профработы, вопросами руководства профработой, выявить ошибки, которые нами сделаны, выявить трудности и уничтожить тот разнобой, который вокруг решений IV конгресса имеется в целом ряде партий.

Председатель. Слово имеет тов. Ломинадзе. Следующий тов. Лозовский.

Ломинадзе. Мне кажется, товарищи, что Исполнительный Комитет Коминтерна не сумел достаточно серьезно подготовиться к VI мировому конгрессу. Мне кажется, конгрессу грозит опасность, что он не сумеет конкретно и с необходимой полнотой рассмотреть основные узловые вопросы мировой политики и международного коммунистического движения. Доклад тов. Мануильского, который мало кого здесь удовлетворил, был тревожным сигналом того обстоятельства, что Исполком Коммунистического Интернационала недостаточно подготовлен к VI конгрессу. Речь тов. Мануильского можно было бы (я совершенно не заинтересован в том, чтобы лично как-нибудь обидеть тов. Мануильского) назвать международным обзором, не очень глубоким, слегка неряшливым, такого типа, который мы встречаем в наших еженедельниках для агитаторов и пропагандистов, но чтобы это был отчет руководства Исполкома Коминтерна или представителя русской делегации, отчет, который ставит перед собой задачу осветить международное экономическое и политическое положение и другие проблемы, стоящие перед конгрессом, – этого про доклад тов. Мануильского сказать нельзя. Если VI конгрессу Коминтерна в политическом отчете Исполкома будет преподнесен тот круг вопросов и в такой постановке, как это было сделано здесь, то мне кажется, что конгресс Коминтерна можно убить скукой, потому что все вопросы, затронутые тов. Мануильским, рассматривались уже на VII пленуме ИККИ[60], а попутно нового, что произошло после VII пленума, в докладе Мануильского почти не учтено. Последний раз общий вопрос о международном экономическом и политическом положении обсуждался на VII пленуме, VIII и IX пленумы не обсуждали этих общих вопросов, и доклад тов. Мануильского остался на уровне этого VII пленума, за исключением нескольких упоминаний о китайской революции, об индонезской проблеме и т. д. Такие вопросы, как вопрос об итогах мирового экономического развития за последние годы, вопрос о тенденции этого развития, тов. Мануильский совершенно не затронул в своем докладе. Как обстоит дело на важнейших участках мирового хозяйства – об этом тов. Мануильский ничего не говорил. Тов. Мануильский сказал несколько слов о развитии англо-американского конфликта, сказал, что в Англии продолжается упадок и т. д. Мне кажется, что повторением этого трафаретного положения ничего уяснить нельзя. В Англии, кстати, последнее время, в 1928 г., мы наблюдаем как раз не упадок, а известный экономический подъем. Ограничиваться лишь теми общими положениями, которые были известны во время VII пленума ИККИ и даже V конгресса, конечно, нельзя. Вопроса о стабилизации, вопроса о результатах капиталистической рационализации тов. Мануильский совершенно не затронул, а это вопросы, которые конгресс должен разрешить, которые перед конгрессом стоят во весь рост. Если взять политические вопросы, то и здесь мы имеем крайне скудный материал в докладе тов. Мануильского. В частности, такой громадный вопрос, как вопрос о современной социально-политической базе и новых функциях международного реформизма, – он, по моему мнению, будет одним из основных вопросов на конгрессе Коминтерна, а в докладе тов. Мануильского он совершенно не затронут. Если на эти вопросы конгресс Коминтерна не даст ответа, то это будет большим минусом в его работе. Тов. Мануильский говорит, что совершенно правильной оказалась формула, согласно которой вожди развиваются вправо, а массы влево, и что эта формула находит свое подтверждение в жизни. Это, мне кажется, слишком упрощенная постановка вопроса. Что вожди развиваются вправо – совершенно верно; нужно было упомянуть также и о том, что реформизм в лице

и социал-демократических партий, и в особенности в лице профессиональных организаций сращивается с государственным аппаратом, который, в свою очередь, развивается по пути к фашизму. Но по поводу слишком упрощенного представления о развитии масс влево можно поспорить. Итоги выборов вовсе не дают такой простой картины, что массы неудержимо развиваются влево. Я отнюдь не являюсь сторонником пессимистических взглядов, отнюдь не преклоняюсь перед силой капиталистической стабилизации и считаю, как наша партия, что эта стабилизация непрочна, что на основе ее растут гигантские противоречия, что мы имеем поворот в международном рабочем движении, по крайней мере в Европе, не полностью определившийся, но наметившийся совершенно серьезно. Но ограничиваться такой упрощенной формулировкой при анализе тенденций в развитии рабочего движения ни в коем случае нельзя. Правда, во второй части своей речи тов. Мануильский указывал, что, вопреки этой формуле, в Австрии наша коммунистическая партия после июльского восстания потеряла некоторое количество членов в то время, как социал-демократическая партия, по словам тов. Мануильского, выиграла 20 000, а по моим сведениям – 40 000. Он говорил, что это обстоятельство так же, как и уменьшение числа членов партии в Англии, объясняется противоречиями. Все развивается в противоречиях, это мы знаем. Но какие противоречия, в чем заключается закон развития в настоящий, современный период – об этом в докладе тов. Мануильского не сказано ни слова. Я не считаю это личным недостатком тов. Мануильского; ему лично нельзя это ставить в упрек, но мне кажется, что это недостаток той подготовительной работы, которую не сумели проделать как следует в Исполкоме Коминтерна. Как обстоит дело с повесткой дня VI конгресса Коминтерна? Один единственный вопрос из повестки дня VI конгресса, который я считаю подготовленным, – это вопрос о программе Коминтерна. Мы имеем проект программы тт. Бухарина и Сталина. Он обсуждался в Политбюро и в комиссии ИККИ. Проект готов, по нему будет доклад и будут прения. Тут ничего больше требовать нельзя. А все остальные вопросы, по моему мнению, не подготовлены. Как я уже говорил, после VII пленума ИККИ ни разу Исполкомом Коминтерна не обсуждались общие политические вопросы, и как раз это обстоятельство и накладывает печать на доклад тов. Мануильского. За эти полтора года в мировом положении произошли многие изменения. А ведь Исполком Коминтерна должен дать отчет не только за прошедший год, но и за весь период в четыре года, должен подвести итоги гигантским событиям, происшедшим за это время, и должен определить основные тенденции современного развития. Этим вопросом Исполком Коминтерна в последнее время не занимался, и я боюсь, что, может быть, и на самом конгрессе мы утонем в общих положениях и общих фразах, которые мы слышим каждый день и которые ничего нового во всей окружающей обстановке не выясняют.

Что касается колониального вопроса, то мне кажется, что с его подготовкой дело обстоит еще хуже. Тут ведь дело идет и о громадном опыте китайской революции, который мы имеем за последние годы; затем вновь делается попытка более конкретно поставить вопрос о возможности некапиталистического, социалистического развития колоний, то, что Ленин еще на II конгрессе Коминтерна[61] формулировал; затем вопрос о различных типах революционного и национально-освободительного движения в колониях, – гигантская груда важнейших проблем. Все это не подготовлено ни в какой мере. Дней за двадцать до конгресса создается колониальная комиссия, которая без особо ясного плана начинает эти вопросы обсуждать. Мне думается, что колониальный вопрос на нашем конгрессе будет скомкан, тем более что доклады по колониальному вопросу поручены таким товарищам (правда, прекрасным работникам), которые этими вопросами никогда не занимались.

(Р е п л и к у т о в. М а н у и л ь с к о г о н е с л ы ш н о.)

Ломинадзе. Если поручить тем, кто никогда не занимался колониальным вопросом, надо это сделать хотя бы за полгода до конгресса, а не за двадцать дней.

Г о л о с. Вы не занимались.

(Р е п л и к у М а н у и л ь с к о г о н е с л ы ш н о.)

Ломинадзе. Я, например, самым решительным образом отказался бы выступать на конгрессе в целом по колониальной проблеме и думаю, что и вы не могли бы взяться за эту тему.

Смирнов. А по китайским делам?

Ломинадзе. И по китайским делам не согласился бы быть докладчиком.

Еще одно замечание по поводу повестки дня. Мне думается, что доклад по русскому вопросу следовало бы поручить представителю Политбюро нашей партии. Тов. Варга очень хороший экономист, но что касается русской экономики, законов ее развития, ее особенностей, лучше было бы, чтобы доклад на эту тему был представлен представителем ЦК ВКП(б). Тут можно было бы объединить оба доклада, а сейчас доклады разъединены: доклад об экономическом развитии СССР и затем доклад о нашем внутрипартийном положении, – нельзя делить этих двух вопросов. Во-вторых, никаких серьезных оснований для того, чтобы не поручать этого доклада представителю Политбюро нашей партии, по моему мнению, нет. У тов. Варги работы на конгрессе много, ему нужно освещать проблемы мировой экономики – было бы лучшим распределением труда, если бы русский вопрос был освещен представителем ЦК ВКП(б).

Я хочу несколько слов сказать по существу тех вопросов, которые затронул тов. Мануильский, а так как времени у меня мало, то остановлюсь на двух-трех главных вопросах.

Г о л о с. Продлить время.

Ломинадзе. Я уже говорил о том, что полевение рабочих масс происходит не в такой элементарно упрощенной форме, как это говорил тов. Мануильский. Мне кажется, что тов. Мануильский неправильно поступает, когда этот процесс полевения выдает за единственную причину того поворота в тактике европейских компартий, который был произведен на последнем пленуме Исполкома. Он говорит: пришлось повернуть налево в тактике английской, французской и других европейских компартий, потому что мы имеем процесс полевения в Европе. Не только поэтому. Тут целый ряд причин: во-первых, развитие государств по пути фашизации и т. д.; во-вторых, сращивание реформистского движения, политического и профсоюзного, с государственным аппаратом; в-третьих, та ожесточенная борьба, которую против нас ведет реформизм и т. д. и т. п. Но вот именно потому, что необходимость такого поворота, не очень крутого, но, несомненно, влево в тактике английской, французской и германской компартий назрела, именно потому и кажется мне, что я не так уж был неправ, когда на XV съезде говорил, что нам сейчас угрожает, главным образом, опасность справа. Ведь ситуация к XV съезду партии была такова, что уже чувствовалась необходимость этого поворота влево. Коммунистический Интернационал великолепно определил и границы, и размеры этого поворота влево. Я помню, как на XV съезде тов. Мануильский обрушивался на меня и тов. Шацкина, доказывая, что мы впадаем чуть ли не в левый уклон, говоря о нарастании правых тенденций в секциях Коминтерна. Однако опыт подтвердил, что был прав я, а не тов. Мануильский. Может быть, на XV съезде было несвоевременно выступать по этому вопросу, когда шла борьба с оппозицией, это – другое дело, но все-таки практика подтвердила, что мы были правы, а не тов. Мануильский. Я хочу сослаться на некоторые примеры, которые покажут, как обстоит дело с внутрипартийным развитием в секциях Коминтерна. На VI конгресс Коминтерна коммунис-

тические партии придут более сплоченные, чем на какой бы то ни было из предыдущих конгрессов. Во время V конгресса Коминтерна мы имели крайнее обострение борьбы в наших коммунистических партиях. К VI конгрессу консолидация, несомненно, имеется налицо и единство в рядах Коминтерна в значительной степени упрочено. В частности, ультралевый уклон преодолен полностью. Вы знаете, во что вылилось ультралевое движение. Оно вылилось в прямую связь с социал-демократией, в прямую измену, в прямое ренегатство. Сейчас нет ни одной партии, где бы сколько-нибудь значительную силу представляли ультралевые группировки или ультралевые фракции троцкистско-масловского типа. Нет ни одной страны, где бы они играли какую-нибудь, сколько-нибудь серьезную роль. Это не значит, что против них дальше не нужно бороться, по-прежнему решительные меры идейной и организационной борьбы против отдельных элементов, оставшихся от ультралевых группировок, необходимы. Это – гигантский плюс для Коминтерна. С другой стороны, однако, мы имеем некоторое возрождение, рецидив правых ошибок в ряде коммунистических партий. Если взять даже последнее время после XV съезда, то мы видим, что в целом ряде партий приходилось вести борьбу против правого уклона. Вы знаете, какую борьбу выдержал Исполком Коминтерна против английской партии на IX пленуме ИККИ. Английская партия единодушно приняла решения Коминтерна и проводит их единодушно, хотя правые тенденции, которые имеют глубокие корни во всей обстановке, сложившейся в Англии, иногда все же проявляются. Недавно Саклатвала, единственный коммунистический депутат, вместе со всеми представителями других партий, и буржуазных и рабочей, выражал благодарность в очень галантных формах спикеру, который сменялся в парламенте. Это – единственный депутат у нас в партии, и нельзя сказать, чтобы его деятельность в парламенте была особенно революционной. О Франции я подробно говорить не буду, об этом уже говорил тов. Мануильский. Я хочу только отметить, что во Франции в профсоюзах известное время имела место теория так называемого активного реформизма. По этой теории, профсоюзы реформистские отличаются от наших тем, что если реформисты борются за реформы пассивно, то мы, коммунисты, ставим себе задачу активно бороться за реформы. Правда, партия отвергла эту теорию активного реформизма, но она все же имела место среди коммунистов, а особенно каких-нибудь левых уклонов в работе французских профсоюзов не наблюдалось. Я не буду говорить о Чехословакии. Всем известно, что в чехословацкой партии почва для оппортунических ошибок богатая, и те испытания, которые сейчас предстоят коммунистической партии Чехословакии, несомненно, покажут, что часть руководства чехословацкой партии и кадра фракционеров будут тормозить революционную борьбу чехословацкой партии. Сейчас чехословацкая партия вступает в очень острую ситуацию. Дело может дойти даже до перехода на нелегальное положение, и то, что здесь разгорится борьба оппортунистических элементов против революционной тактики, – в этом никакого сомнения быть не может.

О Балканах я подробно говорить не буду. Тут что ни партия, то самые различные степени правых уклонов, и бывает даже так, что и правые и левые, как, например, в югославской партии, и те и другие вместе делают оппортунистические ошибки. То же самое можно сказать почти о всех странах без исключения. После XV съезда мы имели выступление группы Шефло в Норвегии, который был исключен из партии. А в Швеции некоторые видные товарищи предлагали заключить на предстоящих выборах блок с либеральной буржуазией против реакционных групп. В Америке избирательная кампания проводилась американскими коммунистами до того, как их одернул Исполком Коминтерна, самым оппортунистическим образом. Это даже нельзя назвать оп-

портунистическим в обычном смысле этого слова. Инструкция для сбора подписей составлена в таком американском деляческом духе, который совершенно недостоин коммунистической партии: здесь и отказ от пропаганды коммунизма, и отказ от пропаганды коммунизма и революции, и вообще отказ от политических разговоров с теми, чьи подписи мы хотим получить, – это нечто совершенно неслыханное. Правда, американская партия осудила это после указания Коминтерна, но что такие тенденции прорываются в ряде партий – это показательно.

Я этим вовсе не хочу сказать, что мы имеем дело с какой-то грозной правой опасностью, что нам отсюда грозит гибель, но мне кажется, что кристаллизуется правое направление в ряде партий. Правда, это происходит на гораздо более здоровой основе, на более высокой ступени коммунистического движения, при условии значительно более прочной консолидации нашего движения, чем это было во время предыдущего конгресса Коминтерна. Но все же оппортунистические тенденции в ряде партий находят свое выражение. И меня удивило, что тов. Мануильский, говоря о правых уклонах, ни одного слова не сказал о Германии, которая ему хорошо знакома по его работе и в которой этот правый рецидив получил наиболее яркое выражение. В Германской коммунистической партии мы действительно имеем не только правые оттенки, не только правое течение и направление, но здесь мы имеем если не фракцию, то совершенно сплоченную группировку правых. Это старая группа Брандлера, которая считает, что она никаких ошибок в 1923 году не допускала, которая не согласна с оценкой 1923 года Коминтерном, которая во всех вопросах, в частности в вопросе о социал-демократии, идет вразрез с германской партией.

Правая группировка в германской партии считает, что мы должны блокироваться с левыми социал-демократами марксистского типа, чтобы с их помощью победить правых социал-демократов, а потом уже разложить левую социал-демократию. Конечно, путь этот – путь оппортунистический, это путь ликвидации коммунистического движения. И не только в этом, но и в других основных политических вопросах в КПГ имеются такие острые политические разногласия, которые примирить нельзя.

В последнее время в германской партии образовался центр, который хочет проложить мост между основными руководящими кадрами германской партии и теми правыми группировками, которые тащат ее по оппортунистическому пути. Меня удивляет, почему тов. Мануильский об этом не говорил ни слова. Норвежская история и т. д. – все это пустяки в сравнении с той довольно серьезной правой группировкой, которую мы имеем в Германии. Какой бы вопрос ни ставился перед партийными организациями Германии, представители правых, а отчасти и центра выступают против партийного руководства.

Совместное заседание германской делегации и делегации ВКП(б) в ИККИ[62] осудило правый уклон и представителей центра, которые пытались оправдать ошибки правых. Но, несмотря на то, что это решение было тяжелой гирей на чашу весов в пользу руководства германской партией, внутрипартийная борьба в Германии не ослабляется, а усиливается. Последний пленум это подчеркнул. Нет ни одного крупного вопроса, по которому не имелось бы кардинальных разногласий. Я могу привести ряд примеров, которые показывают, в чем тут дело.

Например, вопрос о стачечной борьбе. Тов. Томский несколько односторонне на конгрессе Профинтерна подчеркнул опасность неподготовленных стачечных выступлений. Он сосредоточил все внимание в своей речи на одной стороне дела: не вызывать стачечной борьбы, если нет шансов на успех. Правые германские печатают вашу речь, пользуются ею и пытаются ею прикрыть – вы односторонне поставили вопрос, пытаются, конечно, неправильно – отказ коммунистов от руководства стачечной борь-

бой, если реформистский союз* против стачки. Там существует такая теория правых: если коммунисты не завоевали всего профсоюзного аппарата, в низах по крайней мере, если коммунисты не овладели «идеологически» профсоюзами, то какое бы стихийное массовое движение ни было, они не имеют права, не могут возглавлять стачечного движения против воли реформистских профсоюзов. Законченная, совершенно оппортунистическая теория, которую стараются прикрыть, конечно фальшиво, вашим несколько односторонним выступлением на конгрессе Профинтерна. А вот другой факт. Во время выборов, когда реформистское объединение профсоюзов, которое по уставу занимает нейтралитет в борьбе политических партий, нарушая устав профдвижения, предложило избирателям голосовать за социал-демократию, компартия предложила профсоюзам, в которых мы имеем большинство, высказаться за коммунистов. В Штутгарте у нас коммунистическое большинство в местном объединении профсоюзов. Штутгартские коммунисты отказались, однако, от имени профсоюза обратиться к избирателям с призывом голосовать за коммунистов, хотя общегерманское объединение призывало голосовать за социал-демократов. В другом городе, Эсслинге, коммунисты выполнили директиву партии, и это дало прекрасные результаты. Я не стану уже говорить о том, что германская правая ведет ожесточенную борьбу против решений последнего конгресса Профинтерна, об этом уже говорил тов. Гей.

Интересно, что тут тов. Мануильский и Пятницкий говорили об итогах выборов в Германии и не отметили того обстоятельства, что неудачу мы имеем как раз в тех округах, которые находятся в руках правых. Мне кажется, что это довольно симптоматичная вещь. В Тюрингии и Мекленбурге, там, где руководство местными организациями принадлежит правым, которые проповедуют блок с левой социал-демократией, там как раз мы получили наименьшее количество голосов. Об этом на пленуме ЦК надо было сказать. В Австрии происходит сейчас то же самое, но я не буду об этом говорить, так как перечисление всех фактов заняло бы слишком много времени.

Я не согласен с той формулой, которую дал тов. Мануильский: последнее время, дескать, коммунистические партии растут вширь, но не вглубь. В переводе на простой язык это означает, что количественно они увеличиваются. Этого нет на самом деле. Только в шведской партии мы имеем рост, а в других партиях этого нет. Эта формула не совсем точная.

Затем несколько слов о побочных организациях, которые созданы Коммунистическим Интернационалом. Тов. Мануильский здесь критиковал, и не без некоторых оснований, германскую партию за то, что она не приняла никакого участия в организации Кёльнской конференции общества друзей Советского Союза[63]. Мне кажется, что здесь и на Коминтерне лежит большая доля вины за то, что эта конференция в Кёльне провалилась, потому что Коминтерн не пригласил на нее ни Союз красных фронтовиков, ни рабочие спортивные общества, не пригласил массовые пролетарские организации. Почему я об этом говорю? Факт этот не имеет сам по себе особого значения, но опыт истекших 2–3 лет показал следующее: мы не сумели добиться большого успеха, создавая такого рода организации, как общество друзей СССР. Мы не добились успеха в деле организации антиимпериалистической лиги колониальных народов[64] и в организации таких профсоюзных организаций, как группа «Единство», «Einheit»[65].

Сталин. Вы не знаете, почему ЦК германской партии отказался помочь конгрессу друзей СССР?

Ломинадзе. Со мною разговаривали немцы, которые говорили, что, так как ни Союз красных фронтовиков, ни спортивные организации, ни союз революционных

* Имеется в виду Всеобщее объединение германских профсоюзов (ред.).

участников войны и др. пролетарские организации не были привлечены, то влиять на собравшихся в Кёльне профессоров было трудно. Мне кажется, что наша попытка создания такого рода побочных организаций, в которые вовлекаются полуреформистские, левосоциал-демократические элементы, была в свое время необходима; я думаю, что этот опыт нужно было проделать, но надо теперь констатировать, что эта попытка все-таки особенных результатов не дала. Я помню, что на антиимпериалистическую лигу колониальных народов возлагались очень большие надежды: некоторые товарищи находили, что эта лига имеет великое будущее и т. д. Но оказалось, что привлечение такого типа реформистов, как Ленсбери, Фиммен, Кук и т. д., якобы симпатизирующих коммунизму, хотя на самом деле этого, конечно, нет, привлечение их к организациям массового движения рабочих или к делу объединения западноевропейского пролетариата с колониальными народами, что это привлечение не может быть рассчитано на успех. Временный эффект оно может дать, но сколько-нибудь солидную базу нет. И этот вывод нужно теперь сделать из уроков прежних лет.

Несколько слов о колониальной проблеме. Тов. Мануильский заявил, что ошибкой было бы думать, что в Индии роль буржуазии, **революционная** ее роль, совершенно исчерпана.

Г о л о с. А как с Китаем?

Ломинадзе. По китайскому вопросу я говорить не буду. Этот вопрос очень большой. Здесь я кое в чем ошибался, кое в чем и другие товарищи ошибались. Этот вопрос я пока оставляю в стороне.

Возвращаюсь к Индии. Тов. Мануильский заявил, что ошибкой было бы думать, что революционная роль буржуазии в Индии совершенно исчерпана. По моему мнению, нет никого, кто бы говорил, что роль буржуазии вообще исчерпана и что ее можно скинуть со счетов. В Индии роль буржуазии не исчерпана, но эта роль антиреволюционная, контрреволюционная. Если тов. Мануильский думал доказать, что роль индийской буржуазии будет еще революционной в грядущих боях, то ему об этом нужно было бы сказать гораздо ясней и не пожалеть времени для обоснования этого взгляда. Скинуть индийскую буржуазию со счетов нельзя, но надо сказать, что она будет находиться на стороне Англии, потому что сближение ее с английским империализмом, сращивание с ним произошло в гораздо большей степени, чем в какой бы то ни было другой колониальной стране. Это доказывает совершенно ясно хотя бы весь опыт работы Национального конгресса, который возглавляется индийской буржуазией. Говорить, что революционная роль индийской буржуазии еще не исчерпана, было бы совершенно ошибочным. Ясное дело, что известное противоречие существует между индийской и английской буржуазией. Ясное дело, что конфликты между индийской и английской буржуазией имеются. Но, с другой стороны, также ясно, что при всяком обострении классовой борьбы, при первом же начале революционной борьбы индийская буржуазия будет стоять на стороне английских империалистов, против рабочего, крестьянского движения, против движения мелкобуржуазных масс. С этой точки зрения, скидывать индийскую буржуазию со счетов, конечно, нельзя. Но оставлять такую двусмысленную формулу, что полностью революционность ее не исчерпана, – является крупнейшей ошибкой.

Я не знаю, будет ли решен конгрессом Коминтерна большой вопрос о том, какой лозунг, в случае подъема революционного движения, мы выдвинем в Индии. Есть некоторые коммунисты, выставляющие лозунг Учредительного собрания в Индии. Мне кажется, что было бы правильнее вести пропаганду лозунга Советов с тем, чтобы, когда начнется массовая революционная борьба, приступить к организации Советов. Я не знаю, насколько правильной является моя точка зрения. Это вопрос большой, и конгрессу придется на этом вопросе остановиться.

Наконец, в заключение я должен сказать несколько слов о работе аппарата ИККИ. Я сам долго работал в ИККИ, не хочу никого винить, но хочу сказать то, что есть в действительности. Мне думается, что слишком запаздывает ИККИ с решением ряда вопросов. Взять хотя бы вопрос об Индонезии[66]. Получилось так, что приехали из Индонезии товарищи, поставили вопрос о восстании. В течение 9 месяцев никто с ними не разговаривал, они ходили из одной подкомиссии в другую. В это время в Индонезии прошло уже восстание. Уже после восстания приняли резолюцию о том, как восставать и т. д. Девять месяцев длилась эта штука.

Юго-Славянский внутрипартийный конфликт обсуждался в ИККИ 5–6 месяцев. Нет почти ни одного крупного вопроса, особенно из внутренней жизни партии, который быстро и своевременно разрешался бы в ИККИ. Я не виню никого, потому что слишком мало сил в аппарате ИККИ. XV съезд постановил укрепить работниками ВКП(б) ИККИ. После XV съезда дали, однако, одного тов. Слепкова – этого все же недостаточно. И надо было бы аппарат ИККИ усилить гораздо более, чем это делалось до сих пор, работниками нашей партии.

Председатель. Слово имеет тов. Лозовский, следующий Томский.

Лозовский. Из обстановки международной сейчас вытекает целый ряд как политических, так и организационных задач для Коминтерна, и мне кажется, что эти задачи, особенно по линии организационной, могут быть в значительной степени разрешены при помощи нашей партии. Если верна общая оценка положения, которую дал тов. Мануильский, – а она верна и совпадает с оценкой, данной нашей партией, – то нарастание международных конфликтов и нарастание напряженности между СССР и капиталистическим миром должны определить всю нашу политику. Теперь для того, чтобы действительно реально, а не только прокламациями и резолюциями, но на практике поднимать рабочие массы против надвигающейся войны, против надвигающейся блокады, необходимо позаботиться о том, чтобы за пределами СССР мы имели очень серьезную опору: с одной стороны, в коммунистических партиях, а с другой – в тех организациях, которые являются вспомогательными для Коминтерна. Такие вспомогательные организации, которые работают легально, полулегально и нелегально, имеются за пределами СССР. Первой из этих организаций является западноевропейское бюро Коминтерна[67]. Я думаю, что идея создания этого бюро несомненно правильна, но нужно сделать дальнейшие выводы: нужно укреплять это западноевропейское бюро для того, чтобы при нарастании конфликтов, обострении взаимоотношений с СССР было возможно непосредственное руководство на местах. Чем больше будут осложняться международные отношения, тем труднее будет становиться руководство даже по телеграфу, труднее будет становиться даже связь по телеграфу с соответствующими партиями. Непосредственные указания, непосредственное руководство на местах вызывается нынешней обстановкой, так что первый вывод, который можно сделать из анализа положения, – это расширение полномочий, организационное укрепление западноевропейского бюро Коминтерна, предоставление ему возможности действительно руководить на местах для того, чтобы выступления западноевропейских партий были координированы и сами указания предлагались вовремя.

Второе, что нужно сделать и что можно сделать, заключается в следующем. Нам удалось в прошлом году создать объединение тихоокеанских профсоюзов под названием Тихоокеанского секретариата[68] профсоюзов. Рабочее движение в Китае подавлено, и там господствует сверхтеррор; Тихоокеанский секретариат профсоюзов существует нелегально и ведет работу по организации и объединению рабочих Японии, Китая, Филиппин и всего тихоокеанского побережья; и сейчас, в связи с предстоящими событиями, организационно укрепить этот орган является абсолютной необходимос-

тью. Нам удалось по линии Тихоокеанского секретариата создать легальный орган в Австралии под названием «Тихоокеанский рабочий». Проект созыва ближайшего Тихоокеанского съезда профсоюзов и издание «Тихоокеанского рабочего» вызвал бурю в австралийском Сенате, ибо орган этот является чем-то совершенно новым для австралийского рабочего движения: он ставит проблемы мирового рабочего движения, опасности войны на Тихом океане и т. д. Не только австралийская буржуазия, но и австралийские реформисты начали кампанию против Тихоокеанского секретариата.

Но это еще не все: в последние месяцы нам удалось объединить рабочее движение Латинской Америки, создав временный комитет Латиноамериканской конфедерации профсоюзов. Насколько это важно, показывает недавнее решение Амстердамского Интернационала в Женеве. Амстердамцы собрались во время последней конференции Бюро труда в Женеве и постановили также создать свою федерацию, очевидно, в противовес той федерации, которая была создана во время IV конгресса Профинтерна. И по этой линии, по линии создания особого объединения для всей Латинской Америки, включая Мексику и Кубу, предстоит еще колоссальная работа.

Вряд ли можно оспорить важность работы по объединению рабочих тихоокеанского побережья и Латинской Америки, но работать, к сожалению, некому. Я должен сказать, что если мы не будем черпать силы из нашей партии, то крайне трудно будет повести работу как следует и поставить вот эту в высшей степени важную работу на должную высоту перед лицом надвигающихся событий.

Из всех вопросов, затронутых тов. Мануильским, я хотел бы остановиться только лишь на одном – это на нашей колониальной политике, причем я заранее оговариваюсь, что в вопросах колониальной политики, мне кажется, у тов. Мануильского были или неправильные формулировки относительно Индии, или он думал, что они правильны, но не особенно правильно выразился. В самом деле, если мы возьмем сейчас общую линию нашей колониальной политики, общую линию Коминтерна, то она направлена к тому, чтобы объединить движение колониальных народов за их национальное освобождение с движением революционного пролетариата капиталистических стран и рабочего класса СССР. Вот эта общая линия определяет всю нашу тактику во всех решительно вопросах рабочего и крестьянского движения любой страны. Так вот, если мы возьмем основные и важнейшие страны, важнейшие, так сказать, очаги конфликтов, то из крупнейших стран мы получим три, где движение имеет очень большое значение: с одной стороны, Китай, дальше Индия и Индонезия. Что касается остальных крупных колоний: ближневосточных, африканских или полуколониальных стран Латинской Америки и Тихого океана, там революционное движение не имеет такого значения, как в одной из этих стран. Мы занимались Китаем на протяжении последних двух лет. Я сейчас на этом вопросе останавливаться не буду. Я полагаю, что последний пленум Исполкома Коминтерна дал совершенно правильную линию, и те решения, которые вынесены китайской компартией после этого, также дают правильную линию в китайском вопросе.

Что касается Индии, то там мы имеем несомненное нарастание движения, причем при наличии мощной и хорошо организованной национальной буржуазии – политически слабый и плохо организованный пролетариат, который только лишь в последние годы начинает выступать в массовых забастовках и складываться как класс. Особенность положения в Индии заключается в том, что буржуазия имеет колоссальное не только политическое и идейное, но и организационное влияние на рабочие массы, и задача в Индии состоит не в том, чтобы ставить проблему, в какой мере индийская буржуазия может быть использована для революции, а поставить и практически провести вопрос о классовом отделении рабочего класса от индийской буржуазии; поставить

вопрос о том, что те рабоче-крестьянские партии, которые возникли в Индии и которые связаны с левым крылом свараджистов[69] из Национального конгресса, чтобы эти рабоче-крестьянские партии классово, политически оформлялись на основе четкой и ясной программы против буржуазии. Я вспоминаю, когда 3–4 месяца тому назад в Коминтерне вырабатывали воззвание в связи с движением в Индии, то встал вопрос о том, какой должен быть основной лозунг для крестьян; и я помню, что очень левый и революционный Рой заколебался, когда мы ставили лозунг конфискации земли. Он говорил, что лозунг конфискации земли оттолкнет прогрессивную часть национальной буржуазии свараджистов и, таким образом, рабоче-крестьянские партии, которые имеют до известной степени смычку с этим левым крылом, могут таким лозунгом сейчас ослабить себя. Коминтерн совершенно правильно поступил, когда он поставил вопрос ребром относительно лозунга конфискации земли, ибо только на таком лозунге можно выковать, можно выкристаллизовать настоящую рабочую коммунистическую партию и политически оформить то крестьянское движение, которое нарастает сейчас в Индии. Вот почему мне кажется, что упор, крен в Индии не там, где указывал тов. Мануильский. Не в том дело, в какой мере буржуазия революционна или оппозиционна и можно ли ее использовать против английского империализма. Индийская контрреволюция и разногласия в ее рядах идут не по вопросу о том, как бороться против английского империализма, а как лучше найти с ней соглашение. Не будем забывать, что крупнейшая финансовая буржуазия Индии, связанная с английским капиталом, не говорит даже относительно автономии и самоопределения, она готова идти на то, чтобы разделить те выгоды, которые получатся от подавления английским империализмом национального движения. Национальная буржуазия, не связанная с английским капиталом, ставит вопрос относительно автономии в пределах прав доминионов. Но все отряды буржуазии выступают резко против революции, против классовой борьбы.

Мы имеем в Индии любопытное явление, когда во главе профессиональных союзов стоят буржуазные адвокаты, которые связаны со свараджистами. И задача заключается в очистке профессиональных союзов от буржуазных, свараджистских адвокатов, необходимо там создать настоящие рабочие организации под руководством самих рабочих. В такой обстановке вопрос о пределах оппозиционности, возможной оппозиционности индусской буржуазии не играет сейчас никакой роли. Не здесь центр тяжести для Коминтерна, который должен создать настоящую коммунистическую партию Индии. Там настоящей коммунистической партии еще нет. Три года тому назад там возникла политическая, зубатовско-полицейского типа партия, часть которой была связана с полицией, с английской буржуазией. Удалось вычистить подозрительные элементы, и сейчас там сложилась коммунистическая партия, но она идейно не оформилась и еще крайне слаба. И в таком неоформленном движении, при массовом стачечном движении, когда сотни тысяч рабочих находятся в сплоченной борьбе и выступают против своей буржуазии, против английской буржуазии, в такой обстановке необходима максимальная ясность и максимальное классовое разграничение. Мне кажется, что в этом вопросе у тов. Мануильского была недостаточная ясность и этот вопрос необходимо уточнить.

Теперь относительно последних успехов на выборах. Я думаю, что успехи эти не особенно велики и их преувеличивать не следует. Если вы возьмете ту же самую Германию, то один из немецких товарищей сделал такой любопытный подсчет. Он подсчитал, что из 30 млн. голосовавших избирателей 20 млн. составляли лица наемного труда; из этих 20 млн. лиц наемного труда 9 с лишним миллионов голосовали за социал-демократию, 3200 тыс. – за коммунистов, а остальные голосовали за националистов, фашистов и проч. Если принять во внимание, что треть голосовавших за социал-

демократов были не рабочие, а мелкая буржуазия, то получается, что только половина рабочих голосовала за рабочую партию и социал-демократов, а половина рабочих голосовала за националистов, фашистов и проч.

Сталин. Это подсчет не политический.

Лозовский. Но этот подсчет дает нить. Он дает указания на то, что перемещение налево происходит очень медленно. Что это перемещение происходит – это верно, но захватывает оно пока еще незначительные группы, незначительную часть пролетариата, а значительные слои, глыбы пролетариата пока не двигаются налево так, как нам этого хотелось бы. Если эти цифры статистических исчислений не дают 100%-го ответа на вопрос о том, в какой мере произошло полевение, то некоторые указания такого рода статистические исследования, несомненно, дают. Надо сказать, что происходящие сейчас события в мировом рабочем движении не только характеризуются усиленным и обостренным наступлением реформистов и буржуазии на рабочий класс и на рабочие организации, они характеризуются еще – и в этом их несомненная особенность – тем, что наступление на коммунистические партии, на революционные профсоюзы проводится единым фронтом государства, юстиции, социал-демократии и амстердамской профбюрократии.

Этот единый фронт сейчас представляет собой очень серьезную силу. Надо отметить, что даже в тех странах, где наши партии еще легальны, – а таких стран остается очень мало – коммунистические организации на предприятиях сейчас нелегальны. Они нелегальны потому, что легальное существование ячеек на предприятиях даже во Франции, Англии и т. д. невозможно, ибо вся ячейка обычно выкидывается целиком с предприятия. Были такие случаи во Франции, когда одна ячейка за другой выметались с завода. Ячейки в 20–30–50 человек выкидывались с заводов несмотря на то, что на этом заводе имеется несколько тысяч человек рабочих. За спиной реформистов стоит государственный аппарат, который должен быть принят во внимание, если мы хотим реально оценить те трудности, которые приходится переживать нашим коммунистическим партиям, революционным союзам, революционным меньшинствам и проч. В связи с этим концентрированным, организованным наступлением на революционное крыло рабочего движения мы имеем сейчас не только тот факт, что подавляющее большинство партий уже легально существовать не могут, но еще и то, что во всех странах мира коммунистические ячейки на заводах уже нелегальны. Более того. В тех странах, где революционное крыло рабочего движения имеет еще некоторую легальную возможность, наличие революционных союзов вызывает такой концентрированный удар против них, особенно в тяжелой индустрии, что это приводит к известному ослаблению, к упадку количества членов и т. д. Это мы наблюдаем сейчас во Франции и в некоторых других странах. Политика, которая ведется сейчас социал-демократами и амстердамским руководством профдвижения, заключается в том, чтобы вместе с государством задушить все революционное рабочее движение, включая коммунистические партии, революционные профсоюзы и проч. и проч. Вот именно из этой особенности переживаемого момента нужно сделать ряд организационных и политических выводов по линии массовой работы для наших коммунистических партий и для наших профсоюзов.

Здесь говорили товарищи относительно недостатков. Эти недостатки имеются, но имеется и целый ряд несомненных успехов. Возьмите, допустим, Итальянскую коммунистическую партию, которая в нелегальных условиях, в условиях жестокого террора сумела создать целое стройное профессиональное движение. Правда, это профдвижение немногочисленно, правда, это нелегальные союзы, они имеют во всей Италии 10–12 тыс. человек, но эти союзы руководят экономической борьбой на заводах.

Союзы немногочисленны, но это потому, что массовое профдвижение не может существовать в подполье. Этого не знает история. Массовое профдвижение, охватывающее сотни тысяч рабочих, нелегально существовать не может. И мы имеем такой факт (это не только в Италии, но и в ряде других стран), где наши коммунистические партии создают нелегальные союзы, где они руководят профессиональным движением, где они через эту своеобразную систему зубчатых колес связываются с массами. Вот эти особенности свойственны только последнему времени, и они также должны быть тщательно изучены, если мы хотим отдать себе отчет как в трудностях, так и в проделанной работе всего коммунистического движения.

Наконец, последний вопрос – относительно состояния профдвижения, его недостатков, слабостей и проч. Этим вопросом очень подробно занимался IX пленум Коминтерна и IV конгресс Профинтерна. Конгресс закончился всего лишь 3 месяца тому назад, и поэтому я не стану сейчас об этом говорить много, но мне хотелось бы разъяснить ту путаницу, которую здесь закрутил тов. Гей и которую многие из здесь присутствующих товарищей не совсем поняли. В чем дело? В тезисах, которые тов. Гей разработал во время IV конгресса Профинтерна по организационным вопросам, была формула – завоевание реформистского аппарата профсоюзов. Против этой формулы – завоевание реформистского аппарата профсоюзов – я решительно возражал, и возражал по следующим мотивам...

Сталин. Недурно было бы все-таки завоевать союзы!

Лозовский. Мы должны завоевать массу, но реформистский аппарат состоит из социал-демократов, а завоевывая профсоюз, мы вышибаем социал-демократов и проводим коммунистов. Мы, стало быть, вышибаем реформистов и ставим свой аппарат вместо реформистского. (Ш у м.) Это далеко не одно и то же.

Смирнов. Это здорово. (Ш у м.)

Лозовский. Формула «завоевания реформистского аппарата» означает, что мы надеемся привлечь на нашу сторону социал-демократов аппаратчиков, что мы надеемся на нашу сторону привлечь реформистов. Между тем наш лозунг – **устранять с постов социал-демократов, вышибать их из руководства профсоюзами, выдвигать вместо них коммунистов, революционных рабочих**, одним словом – **заменить** реформистский аппарат революционным. Этот вопрос вызвал у нас разногласия. Он не обсуждался в высших инстанциях, но он будет обсуждаться. Посмотрим, когда разберемся подробнее в этом вопросе, кто прав, кто нет. Во всяком случае, об этом идет речь.

Резолюции IV конгресса Профинтерна, принятые, как вам известно, под непосредственным руководством специальной комиссии Коминтерна, вызвали, как говорил тов. Гей, известное противодействие в некоторых странах, противодействие активное и пассивное. Это противодействие, главным образом, идет со стороны правого крыла, и это организованное противодействие проявляется в Германии особенно сильно. Правое крыло выносит на партийных собраниях постановления о том, чтобы не признавать резолюций IV конгресса Профинтерна, отказаться от этих резолюций и прочее. Несомненно, этот вопрос будет подвергнут обсуждению также на VI конгрессе Коминтерна.

В заключение. VI конгресс Коминтерна должен разрешить очень много политических вопросов. Там имеются и общее международное положение, и вопросы международной политики и экономики, программные вопросы, колониальный вопрос и проч. На этот раз на конгрессе нет специального организационного вопроса. Нет потому, что по этому вопросу были уже приняты хорошие резолюции. Но основное, что нужно для Коминтерна, для всех коммунистических партий, для всех революционных союзов,

для всех революционных меньшинств во всех странах и прочее, – это организационное усиление, организационное укрепление и Коминтерна в Москве, и его представительств за границей, организационное укрепление, усиление и развертывание работы всех коммунистических партий. Эту организационную проблему нельзя решить хорошей резолюцией – она решается на практике. В разрешении вопроса организационного порядка, в прохождении более быстрым темпом необходимых стадий развития для коммунистических партий, – в этом вопросе особенно много может дать наша коммунистическая партия, имеющая наиболее богатый и развернутый опыт в области партийного строительства, в области строительства низовых органов, массовой работы и прочее. Я думаю, необходимо будет во время конгресса и особенно после конгресса, чтобы наша партия обратила серьезное внимание на организационное укрепление Коминтерна и его представительских органов, ибо надвигающиеся на нас события требуют от нас максимума напряжения сил по всем линиям работы: как по линии внутренней работы, так и по линии нашей внешней и коммунистической политики.

Председатель. Слово имеет тов. Томский.

Томский. Я хочу сделать несколько замечаний. Первое замечание – это относительно тов. Ломинадзе. Я не знаю, я не понял, чем вызвано упоминание в речи тов. Ломинадзе о каких-то неправильных формулировках, якобы допущенных мною в речи при выступлении на конгрессе Профинтерна. Тов. Ломинадзе знает как близкий к Коминтерну человек, что я не добивался этого выступления, что я выступать на торжественных заседаниях вообще не люблю, что мне поручили, больше того, обязали выступить на конгрессе Профинтерна мой Центральный Комитет и бюро фракции ВЦСПС. Выполняя поручение, я выступил, ни со стороны ни одного члена ЦК, ни Профинтерна, ни Коминтерна никаких замечаний по существу своей речи я не слышал. В чем же дело, почему тов. Ломинадзе через полгода выходит и говорит, что правые используют какие-то части моей речи, произнесенной на конгрессе Профинтерна? Чем была вызвана моя речь? А вот чем, тов. Ломинадзе. Совершенно безответственно, совершенно не понимая роли и значения стачки в общей борьбе рабочего класса, не понимая того, что на опыте стачки рабочий класс оценивает руководство тех или иных вождей, в том числе и коммунистических, проверяет их способность руководить рабочим классом, товарищи в некоторых странах, в частности в Германии и др. странах, стали играть со стачкой, как ребенок играет с острым ножом: порезали себе пальцы и грозили совсем оттяпать пальцы, потому что у некоторых групп создавалась особая теория, что там, где реформисты не берут на себя руководство стачкой, **при каждом экономическом конфликте** коммунисты должны переводить дело в стачку и брать руководство на себя. Против такой легкомысленной теории нужно было бы выступить раньше. Ибо, когда вы вызываете рабочих на стачку, не подсчитавши сил, не узнавши, не исследовавши вопроса, вызываете, ведете за собою хотя бы сотню рабочих на забастовку и после этого они уходят пораженными, обезглавленными, просеянными, возвращаются на позорных условиях обратно на работу, то после того, когда вы покажете этих вождей рабочим, они их слушать не станут, хотя бы эти вожди и выступали под флагом коммунизма. Если потом такой коммунист попробует прийти в профсоюз и авторитетно выступить по какому-нибудь экономическому вопросу, его рабочие просто не станут слушать. Здесь сидят люди, которые не меньше меня проводили стачки и знают, как мы в старое время стачки проводили. Тут нельзя подходить с точки зрения отвлеченной «революционности»: кто, мол, за стачки – тот революционер, кто против стачки – тот контрреволюционер. Мы в процессе нашей работы в профсоюзах, а порой, в периоды реакции, без профсоюзов, вообще в процессе работы среди широких рабочих масс, мы проверяем наши революционные методы, противопоставляя их реформистским мето-

дам, на опыте широкой повседневной борьбы рабочего класса. Перед классом в процессе этой борьбы проходит: вот методы большевистские, вот методы реформистские, и рабочий класс выбирает наши методы не только потому, что они словесно революционны, а потому, что они ближе ведут к цели, потому что мы лучше умеем учесть объективные условия, умеем сплотить рабочий класс, умеем ему разъяснить как конечные его цели, так и очередные задачи дня, умеем до конца и наиболее последовательно драться и умеем вовремя сказать рабочему классу, как он должен драться. Я не стыжусь признать того, что в истории моей прошлой революционной деятельности мне иногда приходилось рабочих отговаривать от стачки. Это вело не к понижению авторитета моей партии, а, наоборот, к усилению его, ибо мы знали, и рабочие это понимали, что в данных условиях стачка может потерпеть поражение, тогда как при другой конъюнктуре через полгода мы вели рабочих к верной победе, предупредив легкомысленное выступление и тяжелое положение. Разве это не так? И когда такая теория создавалась – во всех случаях, всегда, независимо от обстоятельств, вели революционных рабочих на стачку, а когда после одной-другой неудачной стачки коммунистам разбивали носы, реформисты говорили: «Вот, смотрите, рабочие, эти коммунисты – легкомысленные мальчики, которые ведут вас всегда на поражение». Теория стачечной борьбы не написана еще, но практика этой борьбы о чем говорит? Что рабочие больший процент стачек проигрывают, меньший процент стачек выигранных, везде и всюду, кроме Советской России, у нас рабочие больше выигрывают стачки, когда до них доходит дело. (С м е х.)

Г о л о с. Это теория или практика?

Томский. Практика. Но везде и всюду, если вы начнете какую бы то ни было стачку, при самом осторожном подсчете больше шансов на то, что она будет бита. Так говорит статистика. А когда тут говорят: не считаясь ни с чем, вели рабочих на стачку, то есть на развертывание борьбы, – я говорю, что это система вышибания коммунистов из профессионального движения.

Вот вам маленький пример... У меня нет материалов, я не готовился к выступлению, пусть товарищи поправят меня. В Рурской области, в период развертывания борьбы металлистов, на предприятие, которое было большевистским, т. е. всегда шло за германскими коммунистами, всегда за них голосовало, приходят коммунисты, голосуют там вопрос о стачке и не встречают поддержки; когда в Южной Германии одним райкомом ГКП объявляется по всему району всеобщая стачка металлистов, и... никто на эту стачку не выходит. Если наша партия – все равно, где бы она ни была, в Германии или во Франции, – наша партия бросает рабочим лозунг на стачку и рабочие не отзываются, я считаю это самым недопустимым провалом нашей партии, вызванным легкомысленным подходом к стачке. Мы это обсудили предварительно. Я считаю, что самая опасная ошибка во всей нашей тактике за последнее время – это легкомысленное отношение к стачечной борьбе. Так относиться нельзя. Как вы не понимаете, что после стачечной борьбы, если мы возьмем статистику стачек, стачечной борьбы в Германии и в любой стране, есть у нас статистика, и должны же вы знать о том, что каждая стачка влечет за собой для рабочего класса увольнения, обезглавливание от вождей, вышибание лучших рабочих с предприятия, величайшие бедствия для него. Это – одна из острейших форм борьбы, кроме вооруженного восстания, и поэтому, особенно в глазах рабочих, легкомысленно вызывать рабочих на стачку является величайшим преступлением. Здесь нужно подсчитать, просмотреть, предварительно организовать, здесь нельзя обойтись парадным выходом тех или иных представителей. Конечно, то, что я говорю сейчас, можно вырезать ножницами из стенограммы, взять, наклеить и сказать: «Вот речь Томского против стачек вообще». Вот сейчас из стенограммы это

возьмите, ножницами вырежьте, наклейте и пустите для характеристики какого-нибудь правого уклона. Но грош цена таким попыткам, которые попытаются использовать мое выступление и приписать мне какой-то правый уклон. Разве из того, что я говорю о стачках, следует, что тогда, когда проведена подготовка, когда рабочие готовы к драке, когда экономическая конъюнктура дает надежду на успех, при подсчете, при предварительной организационной работе, тогда, когда реформисты не хотят, и независимо от их желания, разве коммунисты должны отказываться от стачки? Ничего подобного. Они тем более, с сознанием своей ответственности, должны оформить эту стачку. Я хочу только того, чтобы коммунисты научились выигрывать стачки. Если реформисты отказались от стачки, а ты подсчитал силы, знаешь экономику данной отрасли промышленности, стачку подготовил и психологически и материально – подготовил ее со всех сторон, то, конечно, ты все еще не гарантирован от поражения, но ты тут с большей вероятностью получишь успех; ты сделал все, чтобы его обеспечить, – тогда этот успех будет громадный. Он стоит более 40 отдельных, храбро начатых стачек, из которых большинство проиграно. Весь поворот будет в твою сторону. Вот о чем я говорю, и об этом же я говорил на конгрессе Профинтерна. что эти ошибки в вопросе о стачках вытекают из общих наших ошибок, т. к. мы слишком много пишем по вопросу об общих задачах профдвижения, мы очень много пишем тезисов о работе в профсоюзах, но очень мало практически работаем в них.

И, наконец, вопрос, поднятый тов. Геем и тов. Лозовским. Вопрос заключается в том, что, не в обиду будь сказано тт. Лозовскому и Гею, если через 5–6 месяцев после конгресса Профинтерна вы начинаете с того, что пишете новые тезисы, я боюсь, что дело практической работы в Профинтерне плохо обстоит. Не с тезисов надо начинать. Тезисов у нас видимо-невидимо, прекрасных тезисов, но эти тезисы прекрасны, пока они не проводятся. Как только начинают эти тезисы проводить в жизнь, так сейчас же «правые» и «левые» начинают разоблачать друг друга и по-своему комментировать тезисы, и выходит, что нужно писать новые тезисы, что эти тезисы уже никуда не годятся, не стоит их проводить – они устарели. Тот, кто думает, что можно завоевать профсоюзы, не зная, что такое профсоюз, что такое тарифная сетка, что такое колдоговор и ряд других конкретных вопросов защиты экономических интересов рабочих; и тот, кто думает, что мы можем улучшить как-нибудь наши успехи в профсоюзах, не входя в их повседневную практическую работу, тот глубоко ошибается. Вопрос заключается в том, что каждый коммунист, работающий в профдвижении, должен знать специальные, специфические черты и особенности этой работы, должен понять, что нужно считаться с пятачком не только потому, что от этого пятака зависит количество молока, получаемого детьми рабочего, но и потому, что мы на этой борьбе за пятачок учим рабочих, как нужно вообще бороться с капиталистами, потому что на борьбе за пятачок мы их учим бороться за более серьезные вопросы, за конечные цели рабочего класса, и лучше учим, чем реформисты. Но, конечно, это не значит, что нужно удовлетворяться этим пятачком, что пятак должен господствовать надо всем; конечно, нужно идти дальше, нужно учить рабочих уметь приносить в жертву свои личные интересы, когда этого требуют интересы класса. Кто этого не понимает, кто не понимает, что без практической работы нельзя завоевать профсоюзы, тот принужден повторять азы. Нам нужно, оказывается, после того, как мы пережили опыт революции 1905 года, видели нелегальные профсоюзы польской социал-демократии, после опыта 1909 года, после разгрома профсоюзов и их нового возрождения, после опыта рабочих во всех странах, снова говорить о нелегальных профсоюзах! Нелегальные профсоюзы будут по своему организационному размаху повторять коммунистическую партию – база не очень широкая.

Как мы подходили к этому вопросу в обстановке столыпинских репрессий? Мы свою нелегальную партию отстаивали зубами, а в то же время шли работать в легальные рабочие организации, выживая реформистов и используя легальные возможности. Отношение к использованию легальных возможностей было водоразделом между нами и отзовистами. Правда, был другой уклон. Нам говорили: надо использовать, но так, чтобы не подвергать легальные организации опасности разгрома царской реакцией. Мы отвечали: это чепуха, меньшевистская теория, «берегите Думу», мы на это не шли и сумели использовать легальные возможности. Я помню, как Владимир Ильич прочитал мне хорошую нотацию, – Алексей, вероятно, это помнит, кажется, это было в Териоках, когда я с Ногиным выступил с левой линией работы в профсоюзах; мы говорили, что вы скоро пошлете нас в кружки балалаечников работать, а он нам ответил: что же, если лучшего не будет – и к балалаечникам; если рабочие идут туда, там должен быть и большевик.

Ярославский. Скажите об отношении к фашистским профсоюзам.

Томский. Я не говорю, товарищ Емельян, насчет фашистских союзов, я мало знаю о типе их организаций и социальном составе, я считаю, что очень мало знаю о фашизме, и думаю, что здесь не очень много из присутствующих, которые знают больше меня по этому вопросу. (С м е х.) Мы вообще очень мало знаем о фашизме. Но что касается завоевания реформистских профсоюзов, то это очень трудная задача, однако, несмотря на это, у нас наблюдается несколько безразличное отношение к этому вопросу. Возьмите хотя бы доклад тов. Мануильского. Он подверг прекрасному анализу результаты парламентской и муниципальной избирательной борьбы во Франции и в Германии и т. д. А между прочим, вот примерно что говорит газетная заметка о выборах на конгресс немецких профсоюзов: всего выбрано 300–400 человек, а левое крыло составит человек 10. Это происходит потому, дальше говорит эта заметка, что они, реформисты, устроили какие-то махинации, подтасовки, обманывают рабочих и т. д. А заканчивается заметка аккордом, отдельные ноты которого звучат также и в речи Мануильского, вроде «шквал внизу растет, который сметет правых вождей» и т. д. и т. д. А нельзя подвергнуть несколько критическому анализу, почему получается так, что вожди идут вправо, массы идут влево, реформисты теряют авторитет, а мы почему-то каждый год на том же месте – они нас обманывают, строят избирательные махинации, и мы остаемся при 2–3% на профсоюзных съездах. Это происходит потому, что сами руководители Коминтерна, которых, несомненно, нельзя заподозрить в каких бы то ни было, ни в правых, ни в левых, уклонах, все еще мало обращают внимания на эту работу, не понимают, что здесь идет бой за рабочие массы. А нас, коммунистов, потому и могут бить реформисты, что мы подходим к профсоюзной работе гастролерами, парадными гостями, налетчиками. Мы хотим говорить только о мировых вопросах. Об этом нужно говорить, это верно, но если вопрос идет о пятачке, то нужно говорить и об этом. Но идти только с одной мировой революцией, не желая вникать в те повседневные нужды и в те интересы, которыми живут рабочие массы, – это значит оторваться от рабочих масс, это значит обречь себя на создание такой теории, что профсоюзы есть твердыня реформистов, что реформисты там засели прочно, что они нас будут выгонять и с этим ничего не поделаешь, так было, так будет.

Теперь о репрессиях. Когда я читаю тезисы, тезисы у нас все хорошие. Слушаю речи, тоже в большинстве хорошие.

Сталин. Все хорошо кругом?

Томский. Конечно, в большинстве решения хорошие, во всяком случае красивые. А когда говорят о репрессиях со стороны реформистов, то получается что-то такое фаталистическое, против чего бороться нельзя и чего не было в истории нашей практи-

ки. Что же, нас меньшевики не пытались механически вышибать из профсоюзов? Пытались. А что мы на это отвечали? Мы выносили подобные факты на суд рабочих масс, поднимали массы, агитировали, и меньшевикам приходилось отступать. Когда мы вышибали меньшевиков, тоже не легко было вышибать. Когда мы пытались поспешно механически их ударить – они нам оказывали сопротивление, и приходилось иногда получать шишки.

В чем заключается вопрос? В том, что мы не сумели создать кадры таких людей, которые в профессиональном движении были бы известны рядовым рабочим, которые были бы популярны своей работой, срослись с рабочими массами; не сумели даже создать и таких людей, которые могут развернуть целую кампанию вокруг каждой репрессии реформистских профбюрократов, суметь долбить на каждом собрании об исключенных, вообще суметь поставить систематическую работу. Отсюда – масса молчит и проходит совершенно безразлично мимо репрессий, которые сыплются со стороны реформистов на наших отдельных товарищей, а мы выносим хорошие резолюции: рабочие массы, дескать, левеют, и скоро полетят правые вожди. Конечно, они полетят, но пока летят наши головы. Чем это объясняется? Это объясняется полной пассивностью, неумением подойти к рабочей массе и вместе с ней дать организованный отпор...

Сталин. Правильно.

Томский. Неумением сомкнуть, раскачать массы, неумением дать отпор наглостям реформистов.

Я извиняюсь, что много занял времени, но я хочу сказать только одно слово еще о Польше, по докладу тов. Мануильского. Я написал записку тов. Мануильскому о том, чтобы он сказал что-нибудь нам на тему, почему мы, русские профессионалисты, ощущаем такую вещь, совершенно нелепую, что Польша от нас как бы дальше, нежели Австралия. Вы заметьте, все делегации, которые проходят через СССР, они проходят по всей СССР. У нас были делегации отовсюду: и мексиканская, и канадская, и индийская, но ни одной польской делегации не было.

Сталин. Далеко.

Томский. Да, далеко.

Ярославский. ППС-цы собирались послать делегацию и, кажется, даже послали.

Томский. Они слишком долго собираются. Спортивная связь имеется со всем миром, а от Польши как-то отрезаны.

Косиор. Как будто бы в Польше спортом не занимаются.

Томский. Как будто они ничем не занимаются.

Я думаю, что этот вопрос нужно поставить в упор перед Польской коммунистической партией, что если она не сумеет создать хоть какую-то смычку рабочих СССР с беспартийными массами Польши, то или у нас слабая коммунистическая партия, или она не хочет и не понимает значения такой смычки и опасности того, что от нас польские рабочие как бы отрезаны десятью стенами. Вот те замечания, которые я хотел сделать.

Председатель. Слово имеет тов. Петровский, но не Григорий Иванович.

Петровский. Я хочу сделать несколько замечаний только по трем вопросам, и то в порядке информации, а не в порядке полемики. Первый вопрос – о Кёльнской конференции друзей СССР. Тов. Ломинадзе мимоходом рассказал, что конференция потерпела фиаско, и поспешил сделать вывод, что, вообще говоря, все такие затеи и организации обречены на гибель. Если даже допустить на минуточку, – а я докажу, что это не так, – что Кёльнская конференция была сплошным провалом, то и тогда этот вывод вряд ли был обоснованным. Мы в связи с защитой СССР имели один большой конгресс и одну маленькую деловую конференцию[70]. Ни один человек не говорил, что

конгресс, который состоялся в ноябре, не оправдал наших надежд. Мы знаем, что работа, которая последовала за этим конгрессом, в огромной мере превзошла наши надежды. Например, в такой стране, как Франция, мы имеем в обществе друзей СССР 28 тысяч членов, которые платят членские взносы. А известно, что французские рабочие легче идут на демонстрации, даже тогда, когда демонстрация связана с дракой, чем платят членский взнос. Мы имеем в Англии большую организацию. В Англии этим обществом было проведено 1700 собраний в различных рабочих организациях, посвященных СССР. Мы имеем отчет о собраниях, проведенных с успехом в Южной Африке. Там эти собрания прошли с большим подъемом.

Томский. А в Польше?

Петровский. Ты прекрасно знаешь, что от Польши у нас почти не было делегатов. Таким образом, у нас, по крайней мере, из двух опытов есть один опыт, который, несомненно, был успешным. Теперь второй опыт – Кёльнская конференция. Эту конференцию мы организовали на скорую руку. Почему и отчего? Прежде всего отвечу на вопрос «почему». Нам казалось, что к июню месяцу подготовляется более или менее серьезный натиск против СССР. На основании всего опыта, накопленного в результате работы различных делегаций конгресса в различных странах, нам казалось своевременным подумать о создании постоянной международной организации. Для этой цели было созвано деловое совещание, на котором должны были быть представлены важнейшие страны, чтобы создать международное бюро. Такова была задача этой конференции. Она эту задачу выполнила. Конечно, верно то, что – об этом упоминал тов. Мануильский, об этом говорилось и на заседании президиума – коммунистические партии проявили слишком мало внимания к этому делу, чтобы не сказать что-нибудь более резкое. Теперь тов. Ломинадзе со слов немецких товарищей пытается дать новое объяснение. Оказывается, это объяснение заключается в том, что мы не пригласили представителей Красных фронтовиков и представителей других массовых организаций. Должен сказать, что я в связи с этой конференцией провел некоторое время в Германии, вел там беседы с немецкими товарищами. К сожалению, они придумывали разные доводы, и сплошь неудачные доводы. Последний довод, о котором здесь говорил тов. Ломинадзе, был придуман с колоссальнейшим опозданием. Этот довод был приведен в разговоре с тов. Ломинадзе, но не с нами. Нам этого довода они не могли бы привести. Дело в том, что немецким товарищам было предоставлено полнейшее право пригласить представителей от каких угодно организаций, от всех организаций, которые участвовали в конгрессе друзей СССР. Красные фронтовики участвовали в этом конгрессе? Участвовали. Жертвы империалистической войны участвовали? Участвовали. Стало быть, все эти организации имели полнейшую возможность послать своих делегатов в Кёльн. Но вся суть заключается в том, что не одна германская компартия в этом повинна, одинаково повинны и французские товарищи, одинаково повинны чешские, бельгийские и проч. товарищи. В чем дело? Дело в том, что нам-то стоило колоссальных усилий устроить первый конгресс друзей СССР. После конгресса наши товарищи остались при мысли, что наши разговоры о том, что необходимо все время подготовлять широкие массы к борьбе против похода на СССР, являются более или менее пустыми разговорами. И когда мы устраивали новую конференцию, они думали: опять пустая затея, много усилий на это тратить не следует. В этом своеобразном отношении к опасностям войны вообще, к опасности войны против СССР кроется основная и решающая причина определенного отношения партий к Кёльнской конференции. Вывод. Кёльнская конференция, по существу, не провалилась. Международное бюро мы создали, целый ряд организаций создается, определенные массы в это дело удастся вовлечь. Работа идет успешно. Нам организация друзей СССР нужна по следующим

причинам: компартия далеко не охватила те широкие, не интеллигентские, тов. Ломинадзе, а пролетарские массы и массы крестьянства, которые СССР сочувствуют и которые вместе с тем под влиянием коммунистической партии не находятся; объединить, мобилизовать и организовать эти массы может такое общество, которое ставит своей единственной целью дело защиты СССР.

Второй вопрос, по которому я хочу сделать несколько замечаний информационного характера, – вопрос об Индии. Тут тов. Мануильский был так скуп, что даже трудно было его полностью понять, и не очень ясно было, в чей огород он бросал камни, когда говорил...

Косиор. Это информация!

Петровский. Вот я дам информацию после этого.

Сталин. Это полемика.

Петровский. Когда он говорил, что есть такие товарищи, которые хотят сбросить с чаши весов индийскую буржуазию. Я хорошо знаю, что тов. Мануильский провел часок в колониальной комиссии, подхватил несколько замечаний и на этом основании пытается сделать выводы. Сбросить с чаши весов индийскую буржуазию здесь хотел бы всякий, в том числе и Мануильский. Мы прекрасно понимаем, что это не так просто, это можно будет сделать только силой оружия. Беседовали совсем на другую тему. Можно ли говорить о какой-нибудь революционной роли индийской буржуазии? Те товарищи, которые связаны с работой в Индии, утверждали и будут утверждать, что индийская буржуазия сейчас существует, ее сбросить так легко с чаши весов нельзя, но она существует как прекрасно организованная **контрреволюционная сила**. Из этого нужно исходить во всех наших расчетах. Из этого отнюдь не вытекает, что у этой буржуазии не будет трений и конфликтов с английским империализмом. Конфликты будут. Но даже теперь, когда конфликты в связи с комиссией Саймона достигли сравнительно высоких размеров, мы наблюдаем в Индии такую картину, когда руководители буржуазного движения пытаются совершенно разбить молоденькое и слабенькое коммунистическое движение. Из этого надо исходить. Подробно останавливаться не буду. Прибавлю лишь следующее. Индия уже прошла через определенный революционный подъем 1919, 1920 и 1921 гг., когда это движение оборвалось именно на том, что начало вырисовываться широкое крестьянское движение, – а на скрижалях буржуазии написано и записано – не допускать никакого такого движения, которое вовлекало бы широкие крестьянские массы. Есть постановление, которое известно как постановление Бардоли[71], которое гласит, чтобы ни в коем случае не задевать прав и привилегий земельных собственников. Всем комиссиям, которые разрабатывали и просматривали аграрный вопрос в Индии, поставлен определенный предел: не касаться вопросов собственности на землю. Таковы условия. К тому же индийская буржуазия имеет опыт китайской революции. При этих условиях говорить о революционной роли, а не о конкретной, очевидной и безусловной контрреволюционной роли индийской буржуазии нельзя.

Третий вопрос – о Саклатвале. Верно, что он произнес пошлую речь, он сказал, что спикер – самый лучший джентльмен в Англии и что он, Саклатвала, это говорит не только от своего имени, но и от имени своих индийских друзей.

Сталин. Либеральная фальшивая речь.

Петровский. Фальшивая речь и пошлая речь, поэтому мы считали своим долгом поставить перед Коминтерном вопрос о жестоком его осуждении.

Мануильский. Поставили вопрос об исключении из партии.

Петровский. Это верно, я это знаю. Но я говорю, что записывать это на счет английской компартии грешно и непростительно, ибо английские товарищи, как и наши

товарищи, прекрасно знают, кто такой Саклатвала. Саклатвала наделал много глупостей и гадостей в Индии. Мы вместе с англичанами ответственны за его посылку в Индию. Мы знали, когда он вернулся, что он там наделал, но когда мы сравнили положительное и отрицательное, то нам показалось, что положительное перевешивает отрицательное.

Сталин. Правильно.

Петровский. Это знают и английские товарищи. Его просто исключить немыслимо, невозможно. Это – единственный коммунист и единственный индус в английском парламенте. Я бы хотел, чтобы тов. Ломинадзе попробовал с ним работать (с м е х). Я не ручаюсь, чем может кончиться их совместная работа. Вряд ли добром. Но, товарищи, одно дело – осудить Саклатвала, а другое дело – приписать этот грех Саклатвала английским товарищам. У английских товарищей есть грехи, я этого не отрицаю, может быть, весьма серьезные грехи, но об этом надо говорить совершенно отдельно, обособленно, на основании того, что английские товарищи действительно совершили, а не на основании той болячки, от которой они страдают так же сильно и так же тяжело, как и мы.

Председатель. Второй раз слово имеет тов. Пятницкий.

Пятницкий. Раньше всего я хотел бы сказать несколько слов по поводу выступления тов. Томского. Должен сказать, что тов. Томский во многом прав, но он не совсем прав в том смысле, что не учитывает тех трудностей, которые имеются за границей в работе коммунистов в профсоюзах. Я хотел бы указать на два факта. Возьмите Шотландию, там горняки избрали коммунистов в правление, они получили там значительное большинство, но ЦК горняков не допускает избранных к работе всякими ухищрениями; он поставил вопрос: надо, мол, обсудить раньше, могут ли коммунисты быть избранными и т. д.

А в Чехии председатель союза строительных рабочих Тетенков, который остался в меньшинстве в правлении и в союзе, захватил союзную кассу и все имущество союза, а полиция и весь аппарат государства поддержали его, и союз остался без финансов и без имущества.

Г о л о с. Мы это знали три года тому назад.

Томский. Не нужно быть тогда вегетарианцем, а нужно уметь организованно работать.

Пятницкий. Вы можете сорганизоваться как угодно, но когда полиция и государственный аппарат поддерживает реформистских раскольников и захватчиков, то работать коммунистам очень трудно, – это нужно учитывать. Тов. Томский сказал, что на съезд германских профсоюзов мало коммунистов избрано, но он не сказал о том, что в Берлине металлисты избрали на свой общегерманский съезд коммунистов 22 000 голосами, а реформисты получили только 17 000, несмотря на то, что они были раньше в большинстве.

Г о л о с. Это неверно.

Пятницкий. Реформисты в прошлом году получили 10 000 голосов, а мы – 13 000. Громадное же большинство металлистов совсем не голосовало. А в этот раз нам удалось получить большинство. Я хотел этим только подчеркнуть, что нельзя быть однобоким. Я согласен с выводами Томского, но он забывает о тех трудностях, которые там имеются.

Рыков. А если один бок отшибут, то обязательно однобоким останешься. (С м е х.)

Пятницкий. Теперь я перейду к выступлению тов. Ломинадзе. Я не знаю, как его здесь надо было понять. Одни, конечно, поняли его таким образом, что Коминтерн –

это пустое место. До чего только он ни дотронулся – везде получалось, что ничего абсолютно нет: ничего не подготовлено, вопросы маринуются по 10 месяцев и т. д., а между тем он сам себе противоречит. Он указывал, что партии делают ошибки, а Коминтерн давал правильные указания, боролся против них и т. д. Концы с концами вы не свели по этому вопросу. Вы говорили насчет подготовки конгресса?

Ломинадзе. Насчет подготовки конгресса.

Пятницкий. Я был уже в Коминтерне, когда подготовлялся IV конгресс, когда подготовлялся V конгресс и десятки пленумов. Если бы мы сравнили, как тогда подготовлялись конгрессы и теперь, то вряд ли можно сказать, что теперь хуже, чем тогда.

Г о л о с. Правильно.

Пятницкий. Я мог бы привести кое-какие факты, если бы это было бы нужно. Как тов. Ломинадзе представляет германскую коммунистическую партию и все остальные партии? Правая опасность имеется везде, правые элементы господствуют в них. Я должен сказать, что в Центральном Комитете германской компартии ни одного правого нет, в Берлинском комитете партии ни одного правого нет. На конференции Берлинской организации, где несколько сот делегатов, 19 делегатов голосуют за предложения правых. Товарищи могут получить такое впечатление, что в Берлине и вообще в Германии во главе партии стоят правые, они руководят, они делают политику. А потом такое голословное заявление, что во всех 9-ти округах, где германская коммунистическая партия получила на выборах меньше голосов, чем в 1924 году, там руководят только правые. Это правильно по отношению к Тюрингии, но это неправильно по отношению, скажем, к Южной Вестфалии, где КП Германии тоже получила меньше голосов. Тов. Ломинадзе вытащил факт, который был, по его же словам, два года тому назад, об Индонезии, других фактов у него, очевидно, не было. Приехали два товарища из Индонезии. Что же вы думаете, что в Коминтерне такие специалисты, что они знают и экономику, и взаимоотношения между голландскими, английскими и другими капиталистами в Индонезии? Конечно, не знают. Специалистов таких у нас нет. Стали вопрос изучать, изучили его досконально, это, конечно, требует времени, а тов. Ломинадзе говорит, что эти два индонезские товарища приехали туда уже после восстания. Неверно.

Ломинадзе. Нет, верно.

Пятницкий. Неверно. Они были арестованы в Сингапуре, и этим они задержались. Если факты сообщаете, то сообщайте правильнее.

Тут он говорил насчет того, что и лиги нет, и ничего нет. Ну, конечно, имеются трудности, лига борьбы против империализма – организация, которая должна укрепиться в странах империалистических и главным образом в колониях, но мы еще не везде и всюду проникли. Когда речь идет о конгрессах, о манифестах, тут еще дело можно было наладить, но когда надо было организовывать крепкие организации на местах, трудности, конечно, в этом имеются. Нельзя думать, что, сидя в Москве и написав резолюцию, этим уже создаются организации. Провести эти резолюции не так-то легко.

Раз я уже взял слово, я хотел бы указать, что мы слишком много даем заданий нашим партиям, точно так же и тем красным профсоюзам, которые идут за нашими партиями. Нам кажутся вполне понятными все эти задания, а выполнять их очень трудно. Мы не имеем таких крепких партий, как у нас в СССР, всюду и везде. Мы их не имеем. Их нужно создавать долгими годами. Надо иметь в виду, что состав наших партий в большинстве состоит из людей, пришедших от социал-демократии. Они имеют старые навыки, и их перевоспитать очень трудно. Мне пришлось иметь дело с делегацией Чехословакии, которая была на конгрессе Профинтерна. Из делегации в 26 человек

(тут имеются товарищи, которые со мной в делегации были) было немало стариков по 50–60 лет. Они, может быть, 30 лет уже в рабочем движении, они были в реформистских профсоюзах, и вы думаете, что их легко переделать, поставить на новые рельсы? А ведь партактив лучшей организации города Берлина состоит в значительной своей части из прежних членов социал-демократической партии, со стажем в 15–25 лет. Я не говорю о том, что они не выполняют постановлений и директив КПГ и Коминтерна, но повернуть их от старых социал-демократических традиций труднее, чем молодых членов партии. А мы, когда пишем наши тезисы и постановления, мы их столько принимаем на конгрессах и пленумах, что провести их все нашим партиям очень трудно. Мне кажется, что теперь нужно было бы поменьше заданий давать. Самое главное – указать, а потом помочь провести в жизнь.

Я хочу еще указать насчет Австрии. Австрийская компартия имеет не 3000, как сказал тов. Мануильский, а 6252 членов. Наконец, по поводу инструкции американской компартии о собирании подписей. Эта инструкция не была принята Центральным Комитетом американской КП. Мы установили, что эта инструкция была разослана комиссией, которая занималась выработкой инструкции для собирания подписей, которые нужны для того, чтобы наша партия могла участвовать по закону в избирательной кампании. Эту инструкцию правильно назвал тов. Ломинадзе как явно социал-демократическую. Политбюро КП Америки после того, как ИККИ запросил, кто выработал и утвердил эту инструкцию, осудило ее и осудило того товарища, который ее послал местным организациям.

Председатель. Тов. Мануильский желает иметь заключительное слово?

Г о л о с а. Перерыв.

Председатель. Если мы сейчас объявим перерыв, тогда не успеем заслушать сегодня доклад тов. Бухарина. Кто за перерыв? Кто против? Меньшинство. Объявляется перерыв.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет тов. Пеппер. (**Тов. Пеппер говорит на немецком языке**.)

Председатель. Тов. Петровский имеет слово для перевода.

Петровский. С возгласами или без возгласов?

Председатель. С возгласами или без возгласов, но чтобы времени для перевода потребовалось не больше, а меньше, чем для оратора.

Г о л о с а. С возгласами.

Петровский. Тов. Пеппер сказал: «Прошу прощения, что я беру слово в конце прений, но я несколько запоздал и не слышал речи тов. Гея и не знал, что он со мной полемизировал. Гей выдвинул утверждение, будто я критиковал справа резолюцию последнего конгресса Профинтерна. Это не соответствует действительности. Тов. Гей, главным образом, не согласен с перспективой, выдвинутой мною в теоретическом журнале американской компартии «Коммунист», **согласно которой не исключена возможность притока новых масс в реакционные американские профсоюзы**. Эта статья совершенно не была направлена против резолюции Профинтерна. В ней я полемизировал с тов. Лозовским по поводу одной из его статей. Было бы просто физически невозможным выступать в этой статье против резолюции конгресса Профинтерна, поскольку статья была написана еще до опубликования резолюции. Я критиковал только статью тов. Лозовского, которая была написана еще до конгресса Профинтерна и даже до IX пленума Коминтерна и в которой тов. Лозовский отстаивал в некоторых отношениях иную линию, чем та, которая была принята на конгрессе Профинтерна и на пленуме ИККИ. Ведь нельзя же, мне кажется, смешивать Профинтерн с тов. Лозовским.

О чем была речь в этой статье? Американская партия единодушна с тов. Лозовским в том, что в тех отраслях производства, где не существует профсоюзов или где старые профсоюзы совершенно захирели, мы должны создавать новые профорганизации. Мы согласны с ним и в том, что центр тяжести нашей профсоюзной работы в нынешний период должен быть перенесен на организацию миллионов неорганизованных рабочих. Но мы не согласны с тов. Лозовским, когда он высказывается против продолжения и усиления коммунистической работы в старых реакционных американских профсоюзах, ибо в этом, а не в чем ином заключался политический смысл его статьи, в которой он обвинял нас в том, что американские коммунисты ничего другого не делают, кроме того, что танцуют кадриль вокруг профсоюзов Американской федерации труда. Смысл моей статьи был таков: в Америке надо считаться с тремя возможными перспективами.

1) В условиях глубокого экономического и политического кризиса в Американскую федерацию труда, несмотря на саботаж реакционных вождей, могут опять устремиться новые массы. Эту возможность нельзя просто отрицать. Мы видим, что во время войны и в послевоенный период в профсоюзы Англии и Германии пошли миллионы новых рабочих, и даже **число членов Американской федерации труда возросло в этот период** с 2,5 до 5 млн. человек. Тогда к американским профсоюзам примкнули миллионы неквалифицированных рабочих, невзирая на реакционный характер этих профсоюзов, невзирая на то обстоятельство, что рабочая аристократия сознательно уклонялась от организации неорганизованных миллионов и всеми средствами ее саботировала. Повторение этого явления в условиях нового кризиса, который всколыхнет рабочих, не исключено.

2) Вторая перспектива заключается в том, что новые массы устремятся и в старые реакционные профсоюзы, и одновременно в новые, созданные нами профорганизации. Такая возможность приведет к одновременному росту реакционных и революционных профсоюзов.

3) Последняя возможность, которую я учитывал в той статье, сводилась к тому, что старые реакционные профсоюзы совершенно развалятся под нажимом капиталистического наступления и вследствие измены их вождей, и рабочие массы пойдут **только** в наши революционные профсоюзы.

В своей статье я писал, что **мы, коммунисты, должны работать в интересах этой третьей и последней перспективы**, перенося центр тяжести на организацию неорганизованных, неквалифицированных рабочих, но вместе с тем не оставляя руководства миллионами организованных рабочих – в различных старых реакционных профсоюзах все еще состоит 3 млн. рабочих – в руках рабочей аристократии и профсоюзной бюрократии, а организуя в них мощное левое крыло. Я подчеркивал, что **центр тяжести должен быть перенесен на организацию новых неорганизованных масс**, а левое крыло в старых профсоюзах должно послужить нам в качестве **вспомогательного орудия** при разрешении основной центральной задачи – организации неорганизованных.

Такую оценку положения и перспективу можно называть «правой» только в том случае, если вообще отрицаешь возможность устремления в будущем новых масс в Американскую федерацию труда и если хочешь оставить старые профсоюзы всецело в распоряжении реакционеров. Меня тем более удивляет критика тов. Гея, что мне хорошо известно, что он согласен со мной в оценке общей линии профработы.

Теперь я перейду к критическим замечаниям тов. Ломинадзе. Тов. Ломинадзе очень резко раскритиковал избирательную кампанию коммунистической партии Америки. Он даже настолько увлекся, что выдвинул утверждение, будто американская

партия отказалась в этой избирательной кампании от какой бы то ни было коммунистической и революционной пропаганды. Это весьма серьезное обвинение, товарищи! Но оно несправедливо и резко противоречит фактам. Тов. Ломинадзе упоминал здесь об инструкции к выборам, в которой рекомендовалось собирать подписи, необходимые партии для того, чтобы быть допущенной к выборам, не на основании коммунистической пропаганды, а при помощи различных трюков. Однако тов. Ломинадзе говорит неправду, если он утверждает, что этот циркуляр характеризовал избирательную кампанию коммунистической партии Америки. Тов. Ломиндзе вводит в заблуждение ЦК ВКП(б) в этом вопросе, касающемся братской партии, если он, имеющий полнейшую возможность ознакомиться в Коминтерне с предвыборной литературой американской компартии, **умалчивает о том факте, что этот нелепый некоммунистический циркуляр никогда, ни на одно мгновение не совпадал с линией партии в избирательной кампании**. Наоборот. Циркуляр, составленный техническим работником ЦК, противоречил категорическим инструкциям Центрального Комитета, **и его распространение было тотчас же воспрещено**, как только он был обнаружен секретарем партии. Тов. Ломинадзе умалчивает о том факте, который, кстати, уже был сообщен здесь тов. Пятницким, что циркуляр встретил единодушное осуждение со стороны Политбюро американской партии как антикоммунистический и чуждый партии документ, и его автору было вынесено самое суровое порицание. Тов. Пятницкий правильно изложил все это дело и ошибся только в одном, а именно сказав, что циркуляр был одобрен комиссией по проведению избирательной кампании. Этот циркуляр был сфабрикован еще до организации этой комиссии. Я могу заверить товарищей, что предвыборная литература американской партии – ее циркуляры и воззвания, ее платформа – выдержана во вполне коммунистическом и революционном духе.

Вообще, все выступление тов. Ломинадзе с этой трибуны производит несколько странное впечатление. **Тов. Ломинадзе раскритиковал весь Коминтерн**. Он осуществлял здесь «самокритику» в широком масштабе. По его мнению, политическое руководство Коминтерна неудовлетворительно, подготовка Всемирного конгресса оставляет желать многого, составление доклада по колониальному вопросу было поручено двум товарищам, ничего в этом вопросе не понимающим, правая опасность торжествует во всех коммунистических партиях. Этому огульному обвинению и осуждению Коминтерна надо дать отпор.

Верно ли, действительно, что Коминтерн не борется с правой опасностью? Да ведь весь IX пленум Коминтерна ничего другого не делал, как боролся с правыми ошибками английской и французской партий. Почему тов. Ломинадзе не упоминает о том в высшей степени важном совместном заседании германской и русской делегации, на котором русская делегация решительно высказывалась против правых течений в германской партии и воспрепятствовала возвращению тов. Тальгеймера в Германию без всяких предварительных условий?

Тов. Ломинадзе пытался вызвать впечатление, будто Коминтерн относится к одному из важнейших вопросов VI Всемирного конгресса – к колониальному вопросу – как к чему-то маловажному и второстепенному и поручил составление доклада неподходящим лицам. Позволю себе заявить пленуму ЦК, что это утверждение не соответствует истине. Колониальный вопрос прорабатывается широкой подготовительной комиссией, с целым рядом подкомиссий, поделивших между собой работу. Составление доклада по колониальному вопросу поручено тт. Куусинену и Эрколи, которые, несомненно, принадлежат к числу наилучших, наиболее опытных товарищей в Коминтерне. Я не понимаю, какую политическую пользу можно извлечь из неверного освещения фактов перед пленумом ЦК.

Тов. Ломинадзе резко, беспощадно раскритиковал весь Коминтерн и все его секции. Никто не удостоился милости этого неумолимого судьи. **Он умолчал только об одном вопросе: о китайском**. Он даже категорически заявил, что о китайском вопросе он говорить не будет. Чем объясняется это странное молчание? Ведь китайский вопрос принадлежит к числу важнейших проблем. Ведь вопросы китайской революции играли и играют в работе Коминтерна весьма крупную роль. Однако тов. Ломинадзе умолчал о китайском вопросе по той простой причине, что одной из важнейших задач Коминтерна в связи с китайской революцией была как раз критика грубых ошибок, совершенных тов. Ломинадзе в китайском вопросе, и корректирование той ошибочной тактики, которой придерживался тов. Ломинадзе в китайской революции. **Тов. Ломинадзе осуществляет весьма странный вид «самокритики», критикуя все секции Коминтерна и политическое руководство Коминтерна и умалчивая только о тех ошибках, которые он совершил в Коминтерне сам по китайскому вопросу**[72].

В заключение я хотел бы еще бегло коснуться одного важного вопроса, а именно **проблемы взаимоотношений империалистических держав в Китае**. Часть нашей партийной прессы – даже «Правда» в одной-двух статьях – на основе определенного анализа писала, что **в ближайшем будущем** в Китае вспыхнет открытый конфликт между Японией и Соединенными Штатами. По моему мнению, этот анализ ошибочен. В настоящее время налицо почти обратное. **Моменты сотрудничества между американским и японским империализмом в Китае в настоящее время имеют перевес над моментами конфликта**. Разумеется, в этом сотрудничестве уже таится зародыш будущих конфликтов, но это не меняет того факта, что **теперь** Америка не предпринимает в Китае никаких активных шагов против Японии. Америка допустила занятие Шандуня и «полуоккупацию» Манчжурии Японией. Нельзя судить об официальной политике американского правительства по статьям «Чайна уикли ривью» и др. либерально-пацифистских журналов, стоящих на стороне Нанкинского правительства[73] и находящихся **в оппозиции** к официальной политике американского правительства и к политике Японии. «Большая» пресса американской буржуазии – «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк уорлд», «Нью-Йорк геральд трибюн» – без различия своей партийно-политической позиции единогласно одобряли занятие Шандуня Японией и заявляли, что Япония не делает в Шандуне ничего иного, кроме того, что Соединенные Штаты делали в Никарагуа. **Келлог даже официально опроверг слухи, будто американское правительство критикует японскую интервенцию**. Не следует забывать , что объективная ситуация – по крайней мере сейчас – в большей мере способствует японо-американскому сотрудничеству в Китае, нежели японо-американскому конфликту. Америка вложила в Манчжурию огромные капиталы в расчете на то, что Япония будет там поддерживать «порядок». Америка все более и более увеличивает экспорт капитала в Японию и во многих отношениях заинтересована в ее экономическом процветании. **С другой стороны, Япония попадает во все большую экономическую зависимость от Соединенных Штатов**. Половина всего японского экспорта идет в Америку. Кризис этого экспорта был бы для Японии равносилен тяжелому валютному кризису. Япония экспортирует главным образом шелк, и ни одна страна в мире не настолько богата, чтобы поглотить весь экспортируемый Японией шелк, если Америка в случае конфликта откажется от такой роскоши. Старый традиционный японо-американский антагонизм претерпевает в настоящее время некоторые перемены. Вообще, нельзя понять американско-японских взаимоотношений в целом, если не учесть англо-американский антагонизм. **Неуклонно и быстро усугубляющийся англо-американский антагонизм ныне, главным образом, и представляет собою решающий фактор, определяющий внешнюю политику Соединенных Штатов**. Нельзя понять

взаимоотношений империалистических держав **на Тихом океане**, не рассматривая их в связи с англо-американскими взаимоотношениями на **Атлантическом океане**. Япония является потенциальным союзником Великобритании или Америки в грядущем великом столкновении – в англо-американской борьбе, и Америка рассматривает Японию уже не только как соперника, но также как возможного союзника».

Председатель. Заключительное слово имеет тов. Мануильский.

Мануильский. Я, главным образом, остановлюсь на речи тов. Ломинадзе. Если бы тов. Ломинадзе ограничился тем, что указал недостатки моего доклада, подчеркнул, допустим, некоторое неправильное освещение принципиальных моментов в этом докладе, указал отдельные упущения, моя задача была бы значительно проще. Я не стал бы занимать вашего внимания, ибо я согласился бы, что, например, об экономическом положении я не говорил, – я объясню впоследствии, почему целый ряд вопросов мною был обойден. Но тов. Ломинадзе не ограничился этой критикой. Конечно, вопрос удовлетворительности или неудовлетворительности доклада – это есть вопрос индивидуальной оценки и вопрос индивидуальных качеств докладчика. Но тов. Ломинадзе не ограничился этим, он с индивидуальной оценки моего доклада перенес центр внимания на деятельность Коминтерна. Я, товарищи, буду деятельность Коминтерна защищать. Ибо я не понимаю, зачем понадобилось тов. Ломинадзе в нынешний момент, когда авторитет Коминтерна после целого ряда дискуссий, которые мы имели в нашей партии, после целого ряда кризисов, которые пережила партия на Западе, когда авторитет Коминтерна значительно ослаб, когда руководящая группа Коминтерна сократилась, когда мы не имеем в своих рядах Владимира Ильича, не имеем целой плеяды крупных работников, которые от нас ушли, – зачем понадобилось тов. Ломинадзе атаковать Коминтерн. Ведь он знает, что перед нами стоят огромнейшие задачи, что силы наши очень ограниченны и что мы в то же самое время не всегда видим со стороны нашего руководящего центра своевременное руководство, зачем тов. Ломинадзе понадобилось выступить с такого рода обвинениями против Коминтерна? Для чего это, кому это нужно? Для интересов нашей партии? Для интересов Коминтерна? Не думаю.

Тов. Ломинадзе говорил о подготовке конгресса. Если мой доклад его не удовлетворяет, то это в известном смысле отражает общую систему работы. Тов. Ломинадзе поставил вопрос вообще о подготовке конгресса. Он ссылался на то, что при существующей обстановке дело с подготовкой конгресса обстоит слабо. Я, товарищи, работник сравнительно молодой в Коминтерне. Я работаю 4–5 лет. (С м е х.) Я думаю, что многие работают на местах гораздо больше. Но, товарищи, я должен сказать, что я участвовал в подготовке конгрессов и расширенных пленумов, при подготовке V Всемирного конгресса, и я должен сказать, что, несмотря на наши скромные силы и наш чрезвычайно ограниченный актив, все-таки нам удалось лучше подготовить работы VI конгресса, чем это было с V конгрессом. Нам удалось подготовить вопрос о военной опасности – имеются тезисы, проект программы имеется налицо. Доклад о деятельности Коминтерна, я думаю, тов. Бухарин имеет уже готовым. Наконец, товарищи, доклад о колониях. Мы назначили двух лучших работников, которыми мы располагаем в активе Коминтерна, – Куусинена и Эрколи. При этих условиях прийти и сказать, после того, как перебрали всех людей, что лучше было бы поручить кому-нибудь другому доклад по колониальному вопросу, как это делает тов. Ломинадзе, по меньшей мере странно. Потому что тов. Ломинадзе и присутствующие здесь члены Политбюро знают весь наш актив. Кому мы могли поручить этот доклад? Могли поручить одному из членов Политбюро. Я вижу готового докладчика по колониальным вопросам в лице тов. Сталина, но было постановление о том, что не особенно удобно нашим руководящим товарищам выступать на конгрессе Коминтерна[74].

Г о л о с. Докладчик должен быть русским?

Мануильский. Я думаю, что желательно было бы иностранца, но было бы неплохо, если бы товарищи русские принимали в работе Коминтерна большее участие. Это мое индивидуальное мнение. Но, товарищи, кому другому мы могли поручить этот доклад? Зачем тов. Ломинадзе бросает обвинение в том, что мы поручили этот доклад двум товарищам, которые являются лучшими работниками Коминтерна? Добросовестно это? Целесообразно? Не вижу этого и считаю абсолютно безответственным такое заявление.

Я перехожу теперь к той критике, которую тов. Ломинадзе сделал в отношении моего доклада. Если тов. Рыков разрешит мне остановиться на экономическом положении, а для характеристики его мне потребуется для такого доклада час времени, то я смогу остановиться на этом вопросе. Но я беру повестку дня и читаю тему моего доклада: вопросы конгресса Коминтерна. Когда я получил выписку из Политбюро, то я подумал над тем, о чем я должен говорить на заседании пленума: должен ли я сделать темой моего доклада мировое экономическое и политическое положение и задачи Коминтерна, или я должен строго ограничить свой доклад узким кругом вопросов, стоящих в порядке дня Коминтерна. Я, товарищи, очень дисциплинированный человек и рядовой товарищ.

Косиор. Середняк. (С м е х.)

Мануильский. Я обратился по этому поводу с вопросом через тов. Бухарина: о чем я должен говорить. Мне ответили, что когда Политбюро обсуждало этот вопрос, то имело в виду проверить курс IX пленума на выборах 1928 г. Я не ограничился этим и расширил тему своего доклада. Может быть, я совершил ошибку, но я считал, что необходимо осветить целый ряд вопросов. И после этого приходит Ломинадзе и берется меня обвинять в том, что я не остановился на мировом экономическом положении. Я не останавливался на многих моментах, ибо если бы я сделал доклад, параллельный докладу тов. Бухарина, то я должен был бы коснуться тех тезисов, которых коснется тов. Бухарин, т. е. должен был бы говорить и об экономическом положении, и о процессе рационализации, и о перестановке классовых сил на арене между различными государствами, и о перегруппировках внутри пролетарского движения, и о различных решениях Коминтерна за период времени с 1924-го по 1928 год. Вот, товарищи, та сумма вопросов, которую придется трактовать тов. Бухарину. Естественно, что, поскольку я был ограничен вопросами конгресса Коминтерна, я постарался связать эти вопросы с вопросом полевения, с вопросом колоний, с вопросом войны, причем старался сделать доклад, не претендуя на директивные предложения, а дать информацию пленуму, как мы ставим эти вопросы. Вот почему я считаю, что те обвинения, которые выдвигал здесь тов. Ломинадзе, являются плодом недоразумения. Тов. Ломинадзе вышел сюда и начал с чрезвычайно патетической ноты. Он начал говорить о том, что целый ряд серьезнейших вопросов не был освещен и что тов. Мануильский повторил то, что было решено на VII пленуме ИККИ. Я слушал внимательно выступление всех товарищей, в том числе и тов. Ломинадзе, я слушал и думал, какие же практические предложения внесет тов. Ломинадзе. Разве можно думать, что, действительно, перед вами сидят товарищи, которые не следят за нашими партийными вопросами? Я не поставил вопроса о роли и о новых функциях реформизма. Что он имеет в виду? Очевидно, попытку американизации рабочего движения. Новый ли это вопрос? Возьмите наш стенографический отчет XV съезда, откройте те страницы, где тов. Бухарин делал свой доклад. Вы увидите, что тов. Бухарин осветил эту тему в своем докладе, что она заняла значительную часть его доклада. Мы, работники Коминтерна, даже упрекали тов. Бухарина в том, что у него получилась в этом отношении некоторая несоразмерность.

И вы приходите сюда, тов. Ломинадзе, с видом человека, открывающего Америку. Никакой Америки вы здесь не открыли.

Второй вопрос. Тов. Ломинадзе пытался открыть вторую Америку, когда он говорил, что Мануильский не останавливался на таком крупнейшем и важном вопросе, как сращивание реформизма с аппаратом буржуазного государства.

Тов. Ломинадзе, если вы этого не понимаете, это уже не моя вина, а ваша вина. Когда я говорил относительно тех процессов, которые происходят сейчас, например, во французском рабочем движении, и специально о национальном экономическом совете, построенном по корпоративному принципу, это и есть сращивание реформизма с капиталистическим государством. Что такое идея промышленного мира? Это сращивание реформистов с предпринимательскими организациями. Вот это все есть, зачем же вы вышли эти новости открывать? Потому что это, по-моему, вопрос новый для вас, – но он не нов для пленума. Вы думаете, что это совершенно новый вопрос, а это далеко не так. Я слушал внимательно, что говорил тов. Ломинадзе, и думал, что, может быть, я действительно упустил какой-либо серьезный момент, на каком нужно было бы остановиться, но я могу привести десяток вопросов, которые я упустил, – если бы позволило время, я бы сказал, – но о которых не упомянул тов. Ломинадзе.

Полевение поставлено мною чрезвычайно упрощенно, говорил тов. Ломинадзе. Я говорил, что нельзя упрощенно представлять это полевение. Наше движение растет вширь, вглубь оно не растет. Тов. Ломинадзе выходит и говорит, что вот здесь объяснения нет. Нужно же понимать, что к чему. Я говорил относительно того, что именно нынешнее полевение рабочего класса – это типическое полевение именно в стабилизационную эпоху. В чем заключается разница полевения в стабилизационную эпоху и полевения в катастрофическую революционную эпоху? Вот я приведу такой пример: когда полевел, допустим, рабочий класс во время нашей революции, в период от Февраля до Октября, наше влияние не только росло вширь, но оно росло и вглубь в виде советов рабочих депутатов и т. д., мы в то же время втянули в нашу партию от 30 до 200 тысяч человек. Значит, наша партия росла не только вширь, но и вглубь. Я приведу пример 1923 г. в Германии. Происходит распад, быстрый, катастрофический распад социал-демократии, и в то же время на фоне этого распада – быстрый прилив в нашу партию новых членов. Я возьму пример такой: катастрофическое полевение в итоге войны, когда после Галле[75], на котором принимали участие представители Исполкома Коминтерна, мы имели прилив в партию 400 тысяч человек. Это был период типический для революционного полевения, когда не только влияние партии растет вширь, но растет и вглубь.

Есть другой тип полевения – это нужно также понимать, когда процесс происходит молекулярным, более медленным путем, – мы имеем такой пример в состоянии английской компартии после всеобщей английской стачки. Это факт, когда наше влияние растет в Англии вширь, но вглубь оно не растет, – это типическая форма полевения для стабилизационной эпохи. На этом я мельком остановился, так как не предполагал, что мне придется разъяснять такие элементарные истины тов. Ломинадзе, истины, известные каждому работнику Коминтерна. [Есть пословица, что разведенная жена – самая нервная жена в отношении своего прежнего мужа, а как известно, Ломинадзе – разведенная жена, и если в разводе устанавливать виновность, то виновность за этот развод падает на Ломинадзе. Но Ломинадзе достаточно опытный политик, чтобы нервозности разведенной жены не вводить в политику.

Петровский. Из-за каких элементов развод был?

Мануильский. Ну, хорошо. Теперь дальше, Ломинадзе. Вы скажете, что был плохой поверхностный доклад и плохое поверхностное заключительное слово. Я к этому

отношусь спокойно. Я не семи пядей во лбу и не трех, я делал доклад, который мне был поручен Политбюро. Политбюро знало, когда поручало мне делать доклад, как я его могу сделать.] Для чего еще понадобилось выступление тов. Ломинадзе? Для того, чтобы показать пленуму, что тов. Ломинадзе в своих прогнозах оказался прав. Он, видите ли, когда на XV съезде говорил о том, что правая опасность невелика, а он ее повсюду видел, то это впоследствии подтвердилось. Ну, товарищи, эта правота, знаете ли, весьма сомнительная. Допустим, т. Ломинадзе выходит и говорит: в Чехословацкой коммунистической партии имеются правые уклоны, и в случае крупных осложнений мы будем видеть, что отдельные группы коммунистов сдрейфят. Отрицает кто-нибудь теоретически этот факт? Конечно, нет. Тов. Ломинадзе говорит также, что в такой-то партии есть такая-то опасность. Отрицает кто-нибудь этот факт? Нет. Если вы станете на ту точку зрения, на которой стояла оппозиция, которой все рисовалось в черном свете, которая всегда говорила, что может случиться только дурное, то согласитесь, что вы можете когда-нибудь оказаться правы. Но эта правота будет правотой испорченного барометра, который показывает только дурную погоду.

Косиор. Вроде как у нас на Моховой.

Мануильский. Тов. Ломинадзе похож на испорченный барометр, который показывает только скверную погоду в отношении работы Коминтерна. Тов. Ломинадзе выпячивал правую опасность в Германии в тот момент, когда на деле мы имели в Тюрингии, в Пфальце и в целом ряде пунктов рост ультралевого течения, которое теперь потерпело полное поражение. Я утверждаю, что не только в итоге разгрома нашей оппозиции, я утверждаю, что на 50% разгром оппозиции за границей, в частности в Германии, вытекал из того, что у нас произошло изменение курса. Этим новым курсом мы разбили оппозицию в Западной Европе. [Что говорил Ломинадзе, что правая опасность сейчас чрезвычайно велика, что Брандлеровская группа представляет опасность, – этого никто не отрицает, но строить на этом соотношение сил в Германии – это жестокая ошибка.

Ломинадзе провоцирует меня на вопросе, который я хотел бы обойти, но раз провоцирует, я должен сказать. Он ставит вопрос так: почему я не ставил вопрос о правой опасности в Германии? Я должен сказать, что Ломинадзе связывает правую опасность не с группой Брандлера, но связывает также с группой Эберта*. По поводу этого было постановление Политбюро русской делегации**, оно в известном смысле осудило группу Эберта и создало определенное руководство в лице группы Тельмана. Я здесь говорю это первый раз, ни на одном партийном собрании я этого не заявлял, я это решение проводил, но я должен откровенно перед всем ЦК и перед Политбюро заявить, что я не совсем согласен с этой политикой. Об этом я ни одному человеку не говорил. Тов. Куусинен, который здесь присутствует, может это подтвердить. Я был против того, чтобы слишком много власти давать одной группе, я думал, что это может привести к сокращению базиса партии, и некоторые мои предположения сбылись в обострении фракционной борьбы. Мое мнение, что Эберт представляет собой хорошего крепкого большевика, и при известном воздействии мы могли бы самым тесным образом спаять сейчас руководящую группу, и я убежден в том, что это создало бы более широкую базу партийного руководства. Вы спровоцировали меня на это, пожалуйста, получите. Я не совсем был согласен, откровенно говорю.

Сталин. Не надо поддаваться на провокацию.

Мануильский. Где же мне говорить об этом, как не на пленуме ЦК?

---

* По-видимому, имеется в виду А. Эверт (ред.).

** Имеется в виду бюро русской делегации ВКП(б) в ИККИ (ред.).

Косиор. Не все следует говорить.

Мануильский. Нет, почему же.]

Тов. Ломинадзе применил тот же метод, который применял на XV партийном съезде. Ну, знаете ли, тов. Ломинадзе, в каком бы возрасте ни находился человек, в зрелом, в менее зрелом, он всегда чему-нибудь учится.

Но вы ничему не научились. Тов. Ломинадзе применил тот же метод, который применял на XV съезде, он сказал, что всюду правая опасность. Я сказал, что, несомненно, сейчас у нас назревает правая опасность, привел пример с французской партией, привел пример с австрийской партией, можно привести еще целый ряд примеров. Но что сделал тов. Ломинадзе? Он нарисовал, так сказать, суздальскими мазками такую картину, на основании которой, по украинской пословице, можно сказать о наших коммунистических партиях: «Дывысь, яка кака намалевана». Действительно, это «кака» (с м е х). Вы возьмите такую партию, как американская партия. Всем известно, что за последнее время американская партия достигла больших успехов. Я использую свое выступление для того, чтобы сказать несколько слов о состоянии этой партии. Там было два течения: одно левое, пользующееся влиянием в партии, другое связано с профсоюзами в лице Форстера. Все время была фракционная борьба, наконец удалось достигнуть такого положения, когда левое течение сумело консолидироваться с форстеровской группой. Мы имеем там во главе руководства левых. И тов. Ломинадзе вытаскивает инструкцию, конечно, глупую, нелепую инструкцию. Там собирались подписи для президентских выборов, и какой-то технический аппаратчик дал приблизительно такого рода инструкцию: когда будете собирать подписи, старайтесь проделать это быстрее, не ведите никаких политических разговоров, не приводите никаких аргументов, старайтесь изобразить дело так, что это личная услуга для вас. Чисто американский тип и американская реклама. Центральный Комитет – левый комитет, мы не имеем там более левых, осудил эту инструкцию. И затем прийти сюда и сказать: вот вам назревающая правая опасность.

Мы имеем другие партии. На Балканах только правая опасность. Ну, там правая опасность имеется. Например, я вас спрошу: а имеются ли там такие течения, которые в то же время отказываются от применения единого фронта? Имеются. Но, несомненно, назревание правой опасности имеется. Что же у вас получается? Всюду правая опасность, все наши партии правые, и сидит где-то, как всевидящее око, Коминтерн, представляющий левую политику. Но ведь Коминтерн – это есть эманация наших партий. Нельзя изображать дело так, что всюду правая опасность, что только Коминтерн ведет левую политику. Я считаю, что этот метод тов. Ломинадзе на XV партийном съезде неправилен, мы не можем усвоить его в нашей работе.

Теперь я хотел бы серьезно поговорить по вопросу о колониях. Я не собираюсь полемизировать с тов. Лозовским по той простой причине, что, собственно, тов. Лозовский, как это говорилось в гимназических сочинениях, «написал не на тему».

Лозовский. Я говорил на ту тему, которую вы неправильно здесь изложили.

Мануильский. Нет, нет, уж вы не кипятитесь, тов. Лозовский, я буду спокоен и не буду с вами полемизировать. Тов. Лозовский говорил относительно того, что центральная задача, которая стоит в Индии, – это организация пролетариата как класса. Это совершенно верно. Но тов. Лозовский забыл еще об одной задаче, о которой я, в силу краткости времени, не мог сказать в докладе. Центральная задача в Индии – это создание коммунистической партии, ибо мы вступаем в полосу революционных битв в Индии, не имея коммунистической партии. Вот в чем центральная основная задача, которая стоит в Индии. Но, тов. Лозовский, почему я говорю, что вы говорили не на тему? Я поставил вопрос относительно того, что колониальная комиссия суммирует

опыт и ставит целый ряд вопросов: вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, вопрос о роли различных классов, в том числе о роли буржуазии, – именно в этом разрезе я трактовал. Тов. Ломинадзе возражал и тоже начал поправлять. Он считает, что вообще буржуазия – контрреволюционная сила. Совершенно верно, что она контрреволюционная сила. В данный момент она ищет компромиссов. Но, тов. Ломинадзе, известно ли вам, что Национальный конгресс голосует ныне независимость Индии?

Рютин. Это оппозиционность... (н е с л ы ш н о).

Мануильский. Тов. Рютин, в том-то и дело, что нужно различать, что буржуазия как революционная сила в Индии не существует. Тов. Рютин, вот в том-то и дело, что нужно рассматривать буржуазию как оппозиционную силу, в Индии она существует, но она не всегда оппозиционная сила, она только в известные моменты может играть оппозиционную роль. Этой оппозиционной роли не понимают товарищи, которые считают необходимым снять индусскую буржуазию со счетов. В этом сейчас наши разногласия, но это определенная установка, которая будет отражаться на всей практической работе. Это ярче всего видно на колониальной лиге. Мы с ведома Политбюро очень долго обсуждали вопрос об организации колониального движения и создали так называемую колониальную лигу. Колониальная лига – это подсобная организация, то, что немцы называют «Nebenorganisation». В этой «лиге» объединились представители ряда угнетенных колониальных народов. Какая база должна быть у этой лиги? Совершенно ясно, что если бы мы построили эту лигу только на коммунистических партиях, то это было бы второе издание Коминтерна. Это не должно было быть. Мы, напр., против того, чтобы наш комсомол был вторым Коммунистическим Интернационалом. И об этом мы будем говорить серьезно, между прочим, на конгрессе Интернационала молодежи. Нам не нужно сейчас второе издание Коммунистического Интернационала. Наша задача сейчас заключается в том, чтобы иметь более широкую базу, и прежде всего среди колониальных народов. Что же получилось? Мы имели там уклон, представленный Роем, который заключался в том, что Рой пытался сузить базу до таких размеров, что это получилось бы второе издание Коминтерна. И в результате мы получили кризис лиги. Это есть результат той линии, которую вы, тов. Ломинадзе, защищаете. Мы получили кризис лиги. Мы сейчас должны поставить определенно и ясно вопрос о лиге и политике в ней в нашей колониальной комиссии, как бы этот орган сделать действительно действенным органом, как бы все оппозиционные элементы привлечь в эту колониальную лигу. Когда мы создали эту колониальную лигу, нужно было видеть, как заволновался капиталистический мир. Мы констатировали, что приблизительно 25% всевозможных представителей – это были агенты различных враждующих государств, и, естественно, когда вы ведете такое большое дело, вы не можете не столкнуться с агентами капиталистических империалистических государств. И здесь, тов. Ломинадзе, вы меня простите, но вы сбиваетесь на путь, на котором стояла оппозиция. Тов. Ломинадзе по поводу Кёльнской конференции что сказал? Что там собрались какие-то жалкие интеллигенты. Я когда это слышал, я вспоминал, где это было сказано и кем в таком духе было сказано. Я вспомнил, как в своей платформе оппозиция писала, что сейчас нужно ориентироваться на левых рабочих, хотя бы анархистов, а на все эти организации, вроде лиги, надо плюнуть. Вы, после того как мы разгромили оппозицию, выходите и нам, пленуму ЦК, предлагаете ту же политику в отношении этой организации. Созвали конгресс, на который мы потратили... (Р е п л и к а т о в. Л о м и н а д з е.)

Простите, пожалуйста, тов. Ломинадзе, я вас слушал внимательно, я вас не перебивал, имейте терпение выслушивать и меня. В лиге имелись левые социал-демокра-

ты. Мы никогда не делали относительно этой группы каких-либо иллюзий, мы знали, что они удерут оттуда при первой возможности. Мы рекомендовали руководителям лиги больше опираться на элементы из колоний. И действительно, такие социал-демократы, как Ленсбери, Шмидт, высыпались из лиги, а нас пугали сторонники тов. Ломинадзе, что социал-демократы могут захватить колониальную лигу. Вы нас запугивали, а вышло как раз наоборот, но как же можно вот сейчас прийти и сказать после этого опыта, что вы правы. Простите, тов. Ломинадзе. Я не склонен так легко плевать на те решения, которые выносились Коминтерном. Мы созвали конгресс по поводу 10-й годовщины нашей революции. Съехались на этот конгресс до 1000 представителей, мы заранее детально обсудили этот вопрос об использовании этих людей. Кажется, тов. Ломинадзе при этих обсуждениях был. Мы обсуждали этот вопрос довольно долго, в течение целого года подготовляли эти организации к конгрессу, и теперь, после всех затраченных усилий, прийти и сказать, что это ничего не стоит. Нельзя, тов. Ломинадзе, так сбиваться с правильных позиций, которые занимает Коминтерн в борьбе с оппозицией. Нельзя сбиваться на оппозиционные рельсы, не следует этого делать.

Я еще хотел несколько слов сказать по поводу нашей профсоюзной работы, и на этом я закончу.

По поводу выступления тов. Томского. Один из важнейших недостатков нашей работы как раз тот, что наши коммунисты в Западной Европе не умеют вести достаточно конкретно экономическую борьбу. Если посмотреть, как ведутся любые стачки, саксонская, например. Разоблачать социал-демократов – прекрасно, мы разоблачаем их твердо, по-большевистски, на это мы мастера. Если социал-демократы выставляют 10 пфеннигов повышения зарплаты, мы выставляем 50, а потом разоблачаем, когда они изменяют. Почти всегда идет такое разделение труда: реформисты ведут стачку, выигрывают 2–3 пфеннига, а мы разоблачаем. Я думаю, надо изменить немножечко нашу практику. Не в том дело, что мы практические люди и всегда знаем, какая стачка выиграет. Я думаю, бывают стачки, когда мы знаем, что идем на поражение, но все-таки мы идем.

Томский. Подумавши.

Мануильский. Я думаю, всегда нелишне подумать. И если бы тов. Ломинадзе подумал прежде, чем выступать, это было бы хорошо.

Ломинадзе. Насчет оппозиционности?

Мануильский. Незачем такой тон. Я вас бил фактами, а вы это называете сплетнями. Разрешите мне выдержать некоторую европейскую школу и остаться корректным с вами.

Итак, в отношении стачечной стратегии нам абсолютно необходимо сочетать сейчас эту разоблачительную тактику с тактикой прорыва к активному ведению стачек. Нужно научиться вести борьбу, и нужно научиться ее выигрывать. Может быть, в деталях ведения стачки мы разойдемся, но сейчас это основная задача, которую нужно поставить и перед всеми коммунистами, работающими в профсоюзах.

Относительно Анцеловича, который сказал здесь, что я не говорил о крестьянстве и т. д. Мы все понимаем важность работы среди крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата, в особенности в аграрных странах. Мы великолепно понимаем, что без них мы не можем сделать революцию. Но когда партия имеет очень ограниченный актив, бывает в таком положении, что мы не в состоянии обслужить пролетарские районы; будете ли вы тогда обвинять их, что они недостаточно переносят центр внимания на крестьян? Ясно, что приходится при ограниченном количестве работников сначала укрепить пролетарскую организацию. Я вам приведу пример Италии. В Италии было время, когда влияние партии среди крестьянства было большим, чем среди

пролетариата. У нас был период в развитии французского коммунистического движения, когда наше влияние среди крестьянства росло при его некоторой задержке среди рабочих. Во Франции мы имеем фактически наши партийные организации: Париж, Север и несколько других крупных центров. В целом ряде районов, например, такие крупные центры, как Бордо, Марсель, не обслуживаются. Что же вы прикажете партии сделать в этом положении? Естественно, нужно считаться с этим. Не обвиняйте наши партии в их несчастии и не усматривайте в этом их вины.

Теперь два слова о прогнозе. Я не делал никаких выводов из своего доклада, ибо считал его информационным, и я считаю, что все вытекающие прогнозы из той характеристики положения, которая будет дана в наших тезисах Коминтерна, будут сделаны в докладе докладчиком на Всемирном конгрессе.

Председатель (Рыков). Прежде чем закончить заседание, я прочту записку, поданную присутствующим у нас на пленуме товарищем из Польши. Записка гласит следующее: «Тов. Томский в своей речи засчитал компартии Польши ошибку, которой в действительности и не было. Неправильно, что компартия Польши не использовала 10-летия Октябрьской революции для развертывания широкой кампании за СССР. Наоборот, партия провела широчайшую, одну из лучших кампаний за последний год в связи с 10-летием, увязывая ее с борьбой против военной опасности, против нападения на СССР, популяризируя достижения СССР за 10 лет среди рабочих масс и трудового крестьянства. Партия как раз в этой кампании сумела близко подойти к рабочей массе, создавая вокруг выдвинутых лозунгов боевое, революционное настроение в крупнейших рабочих центрах. Результатом этой кампании был ряд демонстраций в рабочих центрах и избрание свыше 30 делегатов на общезаводских собраниях в Варшаве, Лодзи, Домбровском районе и др. Только части избранных делегатов удалось помимо больших трудностей прибыть в СССР, и они, вопреки утверждениям тов. Томского, принимали активнейшее участие в работах конгресса. Среди избранных делегатов подавляющее большинство составляли беспартийные, пепеэсовские и даже энсеровские[76] (Лодзь) рабочие. Невозможность получить паспорта на выезд в СССР, а с другой стороны, невозможность выслать **такой** делегации нелегальным образом не допустила приезда полного состава избранной делегации. **Л. Пурман**. 4.VII.28 г.».

Рыков. Я прочел все, что в этой записке сказано. Если тов. Томский хочет сказать, что он говорил о том, что связь между рабочими Польши и СССР и профсоюзами этих стран настолько плоха, что можно подумать, что Польша дальше от СССР, чем Австралия, то на эту тему здесь ничего не сказано.

По личному вопросу просит слово тов. Ломинадзе. У нас в регламенте ничего нет по вопросу о заявлениях личного характера. Я предложил ему написать.

Г о л о с а. Не нужно давать.

Председатель. Голосую. Кто за то, чтобы дать ему две минуты? Кто против? Меньше. Итак, две минуты имеет тов. Ломинадзе.

Ломинадзе. Я считаю совершенно недопустимым тот метод полемики, к которому прибегает тов. Мануильский, обвиняя меня в том, будто я поставил себе целью дискредитировать Коминтерн. Такого рода обвинение, очевидно, является плодом крайней обидчивости тов. Мануильского. Он сделал плохой доклад, а я виноват, оказывается, в дискредитации Коминтерна. На пленуме ЦК я не только имею право, **но и обязан** говорить не только о достижениях, но и о недостатках в работе Коминтерна. Предположим, я ошибся в том или ином вопросе, но причем здесь дискредитация Коминтерна? Если все мы будем говорить высокопарным, напыщенным тоном о работе Коминтерна, о его великом значении и не будем даже на ЦК партии упоминать об его недочетах, то от этого пользы никакой не получится.

Я протестую против обвинения меня в том, будто бы я в вопросе о лиге и т. п. скатываюсь к оппозиции. Надо положить конец этим приемам забрасывания грязью не понравившегося оппонента. Тов. Мануильский, в организации этой лиги я принимал большее участие, чем вы, и считаю, что опыт с нею необходимо было проделать. [Большевиком я считаю себя не худшим, чем Вы. Я позже Вас вступил в партию, но в 1917 году таких позиций не занимал, как Вы.] Мне кажется, однако, что довольно большой опыт работы с такого рода полуреформистскими элементами, как Ленсбери, Фиммен или Кук, не дают особо положительных результатов. На этой точке зрения я продолжаю оставаться.

Председатель. Просит слова тов. Мануильский. Кто за то, чтобы дать ему слово? Слово имеет тов. Мануильский.

Мануильский. Товарищи, я констатирую, что я возражал тов. Ломинадзе после того, как он сделал попытку генерализировать критику моего доклада и перенести ответственность с меня на скверную подготовку конгресса. Я при своем мнении остаюсь. Что касается всего остального, то молодость тов. Ломинадзе искупает все остальное. (С м е х.)

Председатель. Мы заслушали доклад тов. Мануильского. Тезисов этого доклада не было. Подготовленной резолюции не поступило. Предлагается принять информационный доклад тов. Мануильского к сведению. Нет возражений? Нет. Итак, информационный доклад тов. Мануильского принят к сведению.

Заседание закрыто. Завтра заседание начинается в 11 часов докладом тов. Бухарина.

ЗАСЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Утро, 5 июля

Председатель (Рыков). Будем ли мы устанавливать Бухарину регламент или нет?

Ломов. По-моему, устанавливать регламент не стоит, так как он все равно будет нарушен.

Г о л о с. Дать слово, не ограничивая времени, но только так, чтобы до обеда кончить.

Рыков. Значит, дадим полную, долгую свободу критики. Имеешь слово.

ПРОГРАММА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Бухарин. Товарищи! Должен заранее предупредить вас, что целого ряда и притом основных вопросов я касаться не буду по той простой причине, что мне приходится уже в третий раз делать программный доклад (на IV конгрессе[77], на V конгрессе, здесь) и еще предстоит сделать на эту же тему доклад на ближайшем VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Целый ряд основных программных положений, которые нуждаются в теоретической разработке и в теоретической аргументации, был развит еще в первом докладе, многое из этого было повторено, с некоторыми соответствующими коррективами, во втором докладе. Само собой разумеется, что касаться вопросов, которые составляют самую глубокую теоретическую подоснову программы, и развивать их **по существу** – вряд ли целесообразно на этом собрании, тем более что в нашей среде на этот счет нет никаких сколько-нибудь серьезных разногласий.

Упомяну об одном из этих вопросов, который дискутировался еще в самом начале программной дискуссии, а именно – о накоплении капитала, в связи с теорией Розы Люксембург. Вы, вероятно, все помните, что по этому вопросу имела место довольно солидная теоретическая дискуссия, в первую очередь в нашей партии (мне пришлось самому писать специальную работу по этому поводу)[78], а затем и в кругах Коминтерна вообще. В общем и целом можно считать, что этот теоретический вопрос о накоплении капитала и теории Розы Люксембург решен уже в **нашем** смысле этого слова; по крайней мере, круг сторонников теории Р. Люксембург в последнее время весьма значительно сузился. Вот это **первое** замечание, которое я хотел бы сделать.

Второе предварительное замечание касается той программной дискуссии, которая проходила за последнее время у нас в партии и в некоторых других партиях в связи с опубликованием проекта программы. Каждую из поправок, которая вносилась в этой дискуссии, выносить здесь на пленум и обсуждать по существу я, разумеется, не в состоянии. Мне придется ограничиться в анализе только **главными** поправками, или главными критическими замечаниями, сделанными в проходящей теперь дискуссии.

Третье замечание – тоже формального свойства. Вы отлично знаете, что на по-

следнем конгрессе был за основу принят определенный проект программы. С тех пор прошло уже, однако, изрядное количество времени. Само собой разумеется, что в развитии **самой действительности** произошел целый ряд сдвигов, перегруппировок, изменений, которые, естественно, должны были найти свое отражение и в том проекте программы, который мы представили на рассмотрение VI конгресса Коминтерна.

В соответствующем воззвании **программной комиссии** Коминтерна перечислены эти изменения в объективной обстановке. Изменились формы общего кризиса капитализма, изменилось соотношение между различными группировками держав; появился такой огромный фактор, как китайская революция, имеющий глубочайшее значение для судеб капиталистического мира, с одной стороны, и социалистического строительства в нашей стране – с другой, а равно и для всей перспективы международной революции; продвинулось вперед дело социалистического строительства в СССР и чрезвычайно обогатился опыт этого строительства, который, разумеется, ставит вместе с собой и целый ряд теоретических вопросов и намечает основные контуры решения этих теоретических вопросов. В капиталистических государствах мы точно так же видим целый ряд новых явлений, которые требуют того или иного теоретического освещения, например вопрос о фашизме, о теоретической и практической установке социал-демократических партий, о чем мне придется специально говорить и т. д. Наконец, само наше коммунистическое движение приобрело гораздо более значительные размеры: оно и расширилось и углубилось, оно охватило собой такой круг вопросов, который раньше так конкретно еще не ставился перед Коммунистическим Интернационалом. Достаточно только упомянуть, скажем, о колониальной проблеме, которая, в основном, принципиально-теоретически решалась на II конгрессе, которая стояла и на последнем конгрессе, но не так конкретно, не с таким большим многообразием проблем, имеющих существеннейшее и первоклассное значение для нашей политической практики, как ставится сейчас.

Отмечу еще формальную сторону вопроса – о прохождении того проекта программы, который сейчас предложен вашему вниманию. На последнем расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала вопрос о программе ставился на сеньорен-конвенте, т. е. на собрании, где присутствовали представители всех важнейших и ряда мелких партий. При обсуждении вопроса о подготовке программы к VI конгрессу все товарищи исходили из того, что должна быть создана маленькая и очень узкая группа, которая должна подготовить проект к предстоящему конгрессу. На сеньорен-конвенте составление этого первоначального наброска было поручено делегации ВКП в Исполкоме Коминтерна. Для выполнения этого решения была назначена комиссия Политбюро, которая выделила из своей среды подкомиссию в составе тов. Сталина и меня. Мы еще раз разработали этот проект и довели его до того примерно вида, в котором он представлен теперь. Этот проект был утвержден затем Политбюро нашей партии и за подписями двух вышеназванных товарищей был внесен в комиссию Исполкома. Все теоретические силы Коминтерна, которые находились в Москве, были привлечены в комиссию ИККИ для разработки и обсуждения этого проекта. В результате работы комиссии ИККИ была создана узкая редакционная комиссия ИККИ. После целого ряда поправок, которые были внесены заграничными товарищами (поправок было довольно значительное количество, но все они не имели принципиального характера, а являлись ценным существенным дополнением к тем мыслям, которые заключались в программном проекте), проект программы был принят и опубликован комиссией 25 мая[79]. Вот те предварительные, в значительной мере формальные замечания, которые я считаю своим долгом сообщить пленуму ЦК, прежде чем перейти к обсуждению вопроса по существу.

Скрыпник. Но процесс обсуждения на местах?

Бухарин. Этот вопрос я просил бы, если вам угодно, обсудить в конце, так как я буду давать ответы на те или другие постановки вопроса, которые были в комиссии.

Скрыпник. Его не было совсем.

Бухарин. Тов. Скрыпник, я буду приводить цитаты из дискуссионных статей по программе и надеюсь, что вы отнюдь не заподозрите меня в том, что я выдумываю их нарочито, специально для того, чтобы вас огорчить на этом пленуме. (С м е х.)

Если вспомнить предыдущую дискуссию по программным вопросам, соответствующие доклады и соответствующую полемику, то нетрудно восстановить, что при обосновании программы нам приходилось спорить с социал-демократией по следующим крупнейшим теоретическим вопросам: по поводу теории кризисов, теории обнищания, бернштейнианской теории «врастания в социализм» до завоевания власти рабочим классом, по поводу специфической ревизионистской теории аграрного вопроса, т. е. по комплексу вопросов, вокруг которых шли споры в рядах германской социал-демократии, а равно и в русской литературе еще задолго до военного периода. Наконец, в этой дискуссии фигурировал ряд теоретических вопросов, которые были выдвинуты вместе с войной и революцией, как-то: вопрос о «защите отечества», вопрос о демократии и диктатуре, вопрос о диктатуре и коалиции и т. д. Социал-демократия стояла на точке зрения смягчения противоречий капитализма и всяческого замазывания его антагонизмов, на позиции отрицания пролетарской диктатуры, а с другой стороны – она изощрялась в маскировке защиты капитализма. Маскировка защиты капитализма и капиталистического государства нашла наиболее яркое выражение в социал-демократическом разрешении вопроса о войне, в их отношении к защите «отечества», за что мы атаковали социал-демократию со всей силой большевистского нападения. Если взять теперешнюю теоретическую установку социал-демократии, то вышеперечисленные вопросы, по существу дела, уже не нужно ставить. Но не потому, что они вообще потеряли свое значение, а потому, что развитие социал-демократии, политическое и теоретическое, открыто продвигается в сторону чисто буржуазного разрешения вопросов с неслыханной быстротой, что **теперешняя** позиция с.-д. побила все рекорды предательства, и какая-нибудь «защита отечества» кажется невинностью по сравнению с **«новейшими»** лозунгами социал-демократии (и правой, и «левой»).

Я позволю себе выразить сомнение в том, что присутствующие на этом пленуме товарищи вполне сознают всю низость теоретического и практически-политического падения социал-демократии. Это выражается, между прочим, в политической установке на случай военного нападения западноевропейских буржуазных государств на СССР. Для меня лично не подлежит сомнению, что большие руководящие слои социал-демократии займут в этом случае **активную военную позицию против** нас. Их теперешняя теоретическая установка подготавливает эту практически-политическую позицию в будущем. Еще во время войны нам приходилось говорить о трех крылах социал-демократии: о правых, левых и «центре», с Каутским во главе. Если вы возьмете К. Каутского, который **до** войны считался «ортодоксальным» и почти что «радикальным» марксистом, и его теперешнюю политическую и теоретическую позицию, то вы можете представить себе эволюцию социал-демократии, эволюцию, которая за последнее время произошла. [От спора с большевиками о той или иной мере защиты капиталистического отечества до активной поддержки интервенционистских планов и вооруженной борьбы с первой пролетарской республикой – вот тот диапазон, который имеет, конечно, свою теоретическую надстройку.] Сейчас прямо смешно ставить в центре программной полемики с социал-демократами критику бернштейнианской теории. Мы, конечно, должны агитировать, разоблачать перед массами всю историю из-

мены соц.-дем., но мы в то же самое время должны видеть, что соц.-дем. сейчас ушла гораздо дальше. Чрезвычайно характерной, необыкновенно яркой оценкой теперешней позиции социал-демократии и реформизма является та ядовитая, насмешливая, крайне ироническая, но в то же время бьющая не в бровь, а в глаз характеристика английской «**Рабочей партии**», характеристика, которую дал ей Ллойд Джордж. Ллойд Джордж заявил недавно в своей речи в Клактоне: «Лидеры Рабочей партии, которые участвовали в избирательной кампании в Кармартене, говорили в духе **либерализма чистейшей воды**. То, что они преподносили избирателям, конечно, **не** социализм, а либерализм, и даже **умеренный**. Против них легко можно возбудить судебное преследование за **фальсификацию**; они подлили **изрядное количество воды в молоко либерализма**».

Что может быть более ядовитым, чем эта характеристика, где Ллойд Джордж защищает позицию либерализма против **«разбавленного и фальсифицированного либерализма рабочей партии»**! Это – прямо картина для богов! Между тем эта издевательская характеристика целиком, на все сто процентов годится для характеристики **всей** современной социал-демократии.

За последние годы произошла огромная идейная перегруппировка внутри реформизма. **От позиции замаскированной защиты капитализма социал-демократия перешла к активному строительству капитализма**: совершенно сознательному, активному строительству капитализма, его экономики, его государственной власти, его полиции, его армии; социал-демократия стала активным проводником внешней политики буржуазии. Нет ни одного принципиального вопроса внешней и внутренней политики капиталистических держав, где бы социал-демократия не шла нога в ногу с буржуазией, фрондируя, играя в оппозицию лишь во второстепенных вопросах капиталистической политики. В области внешней политики она занимает все более и более активную агрессивную позицию против СССР. Это нужно совершенно ясно и отчетливо видеть и не строить себе в этом отношении никаких иллюзий. Всем известен военный закон, выработанный «социалистом» Поль-Бонкуром во Франции, закон, согласно которому вся «нация», все граждане должны быть поставлены на службу французскому империализму. А ведь самой вероятной войной, которую французский империализм вместе с польским вассалом будет против нас вести, это война против СССР. Установка Бонкура есть установка всего империализма, который говорит: враг мира – это Союз Советских Социалистических Республик. Соц.-дем. стоит сейчас на точке зрения сознательного отказа от классовой борьбы. Я подчеркиваю – **«сознательного»**, и если какой-нибудь Фриц Адлер лепечет что-то жалкое о хвалебных гимнах Альберта Тома по адресу Муссолини, это производит поистине комическое впечатление, потому что, по сути дела, это восхваление фашизма есть только маленький, второстепенный штрих, который отнюдь не противоречит главной линии всего II Интернационала, линии, осуществляемой как раз этим самым Альбертом Тома, Бонкуром и другими. Здесь уже говорилось относительно идеологии «промышленного мира», о срастании верхушки социал-демократии и соответствующих профсоюзов с предпринимательскими организациями и проч. Это абсолютно верно. А теоретически это находит свое отражение в большой перегруппировке идеологических течений внутри реформизма. Еще сравнительно недавно вождем, теоретическим глашатаем, поставщиком идей в кругах реформизма была германская соц.-дем., которая, по крайней мере формально, фразеологически, еще немного кокетничала с марксизмом. Теперь **законодателем теоретических мод среди реформистов стала «англосаксонская школа»**. Сейчас, если рассматривать дело не с точки зрения отдельных положений, а с точки зрения всего духа основных теоретических концепций, реформизм определяется той презренной

жвачкой, какую, скажем, поставляет Макдональд. А для Макдональда эту жвачку поставляют капиталистические идеологи Америки, вроде Карвера. Можно протянуть прямую цепочку от этих американских буржуазных идеологов, которые на базе промышленного процветания Америки создали теорию, согласно которой самая крупная и притом бескровная революция» происходит в Америке, где каждый рабочий превращается в капиталиста, к современным теоретикам реформизма.

Осинский. Карвер уже отказался от этой теории.

Бухарин. Он отказался, но его идеология играет крупнейшую роль в реформистском лагере, ибо что представляет собою, скажем, теория «конструктивного социализма» Макдональда? Она представляет, по сути дела, перепев этой теории. Что представляет собой, с другой стороны, такая теория, как, скажем, теория «функциональной демократии» Отто Бауэра, как не нечто, что списано было в значительной степени с реформистской буржуазной теории английских «теоретиков»? Австрийцы и немцы сейчас силятся на своем немецком языке изложить то, что дают эти англосаксонские реформистские идеологи. Идейная гегемония сейчас принадлежит фактически последним. Это, конечно, не значит, что оппортунистические англичане приобрели за это время большие теоретические способности, что они отказались от своего грубого эмпиризма, который осуждался всеми нашими учителями, начиная с Маркса и кончая Владимиром Ильичом. Конечно, у какого-нибудь Гильфердинга гораздо больше теоретической тренировки, чем у Макдональда, но содержание идеологии социал-демократии определяется реформистами английской складки.

За последнее время целый ряд социал-демократических партий выработал и принял свои программы. Выработали свои программы австрийские и германские социал-демократы, английская Рабочая партия подготовила, хотя еще и не опубликовала, проект своей программы; проект программы английской Рабочей партии был опубликован компартией Англии, в результате чего началась довольно ожесточенная дискуссия в английской буржуазной, лейбористской и коммунистической печати. Каковы основные положения программы английской Рабочей партии? Я попытаюсь изложить это для того, чтобы сравнить наш программный проект с проектами наших противников, что, мне кажется, нелишне, потому что еще блаженный Августин сказал, что зло создано в мире для того, чтобы оттенить добро (с м е х).

Сталин. Как он сказал?

Бухарин. Зло существует в мире для того, чтобы оттенить добро. Потому что на логическом языке это есть коррелятивные[80] понятия: если бы не существовало зла – не существовало бы добра.

Программа Рабочей партии, действительно, представляет собою «молоко» либерализма, разбавленное солидным количеством самой обыкновенной, даже не дистиллированной воды. Приведу следующую цитату из вводной части программы: «Рабочая партия... социалистическая партия. Она требует развития промышленности и распоряжения (administration) богатствами, которые ею производятся, в интересах не маленького меньшинства... но всех, кто вносит свою долю участия в общеполезную службу на общее благо (to the common stock). Ее социализм, следовательно, не является ни сантиментальным пожеланием (aspiration) невозможной утопии, **ни слепым мятежным движением** (a blind movement of revolt) **против нищеты и угнетения**. Он есть практическое признание ходового общего места (familiar common place), состоящего в том, что нравственность заключается «в природе вещей» и что все люди, по сути дела, связаны друг с другом (members one of another)».

Таково теоретическое «обоснование» программы. Но о социализме как о социализме в проекте программы ничего не сказано. При этом они решительно высказыва-

ются против насилия. Социализм заключается, в их понимании, в том общем, еще христианам и буддистам известном положении, что «все люди братья» (что не мешает Рабочей партии вести свою политику по отношению к индусским, китайским и прочим «братьям»). Дальше идут различные рассуждения на тему о том, что социализм Рабочей партии «не доктринерский», что он является выражением того социализма, который нашел свое несовершенное признание в заботах империалистского государства о народном здравии, об образовании, о воспитании, о фабричном законодательстве, о развитии самоуправления, о минимуме зарплаты и прочее. Их «социализм» – это не какой-нибудь «варварский социализм», а тот самый, который нашел, правда, не вполне совершенное, выражение во всем том, что делает правительство его величества короля Великобритании! Вот типичная программа имеющей довольно солидный вес в международном реформистском рабочем движении английской Рабочей партии.

Программа **германской** социал-демократии, которая при выработке своей постоянно и систематически кастрировалась то с одного, то с другого бока, то малой, то большой печатью скопчества, в том виде, в котором она принята на Гейдельбергском съезде[81], в своей принципиальной части ограничивается двумя маленькими страничками. Об империализме там упоминается только один раз, и то мимоходом: «империалисты стремятся к могуществу». О развитии современного капитализма там имеется поистине классическая фраза. Описывая развитие в сторону монополистического капитализма, программа германской социал-демократии, принятая в Гейдельберге, говорит, что капиталисты «**стремятся**» присвоить и монополизировать для себя результаты общественного процесса. Так и сказано: «**стремятся**»!

Из этой характеристики вытекает, что капиталисты, «оказывается», не являются сейчас монополистскими обладателями современных предприятий и присвоителями прибавочной ценности, они, «оказывается», лишь «стремятся», «пытаются» присвоить себе прибавочную ценность. Одна эта маленькая формула бросает замечательный свет на всю теоретическую установку социал-демократов. Разумеется, там нет **ни слова** об СССР, о диктатуре пролетариата и проч. Это такие вещи, о которых «не приходится» говорить при анализе современной социал-демократической программы. А если мы перейдем к определению их собственных задач, то в части, анализирующей государственную проблему, мы встретимся с параграфом первым, о «конституции», где в числе прочих требований на видном месте поставлено требование «создать **единую государственную уголовную полицию**» (с м е х). Это замечательное требование, стоящее на одном из первых мест программы социал-демократической партии Германии, точно так же бросает чрезвычайно яркий свет на программную установку наших социал-демократических противников.

Я мог бы процитировать очень много мест и рассказать значительное количество таких «теоретических» курьезов, но «курьезы» не совсем курьезы с точки зрения **политической практики**. С точки зрения политической практики это означает стрельбу социал-демократии в венских рабочих. С точки зрения политической практики это означает стрельбу по нашим рабочим, если будет военный конфликт с нами. Вот почему весь наш теоретический спор с социал-демократией передвинулся в совершенно новую плоскость. Социал-демократия, если она совершенно справедливо обозначалась нами как агентура империализма еще в начале империалистической войны, стала нашим злобным палаческим врагом, недооценить всей мерзости которой ни в коем случае нельзя, и полагаться на какую-нибудь иллюзию здесь совершенно не приходится.

Для членов пленума ЦК отмечу еще, что за самое последнее время, при нарастании обострения между СССР и Гинденбурговской республикой, в закрытой комиссии рейхстага по иностранным делам Гильфердинг, теоретический вождь германской со-

циал-демократии и чрезвычайно влиятельный теоретик II Интернационала, выставил положение, которое, по сути дела, указывает нам с огромной ясностью на то, что будет делать социал-демократия в случае войны. Он говорит: сейчас имеется еще целый ряд экономических «неувязок» внутри капиталистических государств, в известной мере потому, что в совокупный организм мирового хозяйства не включено такое огромное хозяйственное тело, как СССР. Оно не включено потому, что советские «узурпаторы» практикуют во внешних экономических сношениях монополию внешней торговли. Это, говорил Гильфердинг, есть барьер, благодаря которому усиливается безработица среди германских рабочих. Поэтому в интересах рабочих этот барьер сломить. Я передаю не совсем точно слова г. Гильфердинга, но абсолютно ручаюсь за их смысл. Сейчас у нас еще нет войны, и мы не можем сказать, когда она будет, но разве здесь уже не дано совершенно определенное теоретическое оправдание войны против СССР, с «зацепкой» за рабочий класс, самой подлой практической зацепкой?! Поэтому мы должны, товарищи, с полной ясностью представлять и понимать (хотя мы и раньше знали это), во всей глубине понять тот факт, что наша программная декларация, наша программа должна быть документом, который противостоит самым решительным образом программе социал-демократии. Между нашей программой и всем тем, что дают реформистские течения в рабочем движении, лежит поистине огромная, гигантская пропасть. Коминтерн является, действительно, без всяких преувеличений, **единственной** революционной силой, причем такой революционной силой, по отношению к которой социал-демократия является активным кровавым противником.

Перехожу к обоснованию ряда тех сравнительно значительных изменений, которые на базе старого проекта, или принципов старого проекта, были сделаны нами и сейчас должны получить – по крайней мере, мы это будем предлагать – одобрение со стороны и настоящего пленума, и очередного конгресса Коминтерна.

Я уже говорил о тех **изменениях в действительности**, которые произошли за последнее время. Начну, прежде всего, с факта несомненного роста коммунизма, с того, что коммунистическое движение приобрело действительно **мировой размах**. Потенциально, конечно, коммунистическое движение всегда, со своего возникновения было интернационально. Но за последнее время мы в действительности имеем громадное раздвижение рамок нашей деятельности: идейное и организационное проникновение коммунизма в такие уголки земного шара, которые поистине были «в нетях» в предыдущий период развития. Нет никакого сомнения в том, что мы имеем за последнее время несомненный рост влияния компартий в Западной Европе.

Нужно вспомнить, товарищи, что социал-демократия возлагала огромнейшие надежды на стабилизацию. В своем реферате на последнем, Кильском съезде[82] германской социал-демократии Гильфердинг закончил свой реферат словами, что во время послевоенного хаоса коммунисты могли идти вверх, а теперь, вместе со стабилизацией капитализма, они перестают быть каким бы то ни было серьезным политическим фактором в рабочем движении. Прошло сравнительно небольшое количество времени, как в той же Германии на выборах в рейхстаг мы получили известную проверку динамики развития влияния германской компартии. Могут быть различные оттенки в количественной оценке итогов выборов, но несомненен факт роста влияния компартии.

Рост влияния коммунизма сейчас несоизмерим с тем, что было раньше. Возьмем такую область, как **Китай**. О каком же ленинизме, марксизме можно было говорить в Китае вплоть до последнего времени? А сейчас та же самая китайская партия, которая выбралась из очень тяжелого кризиса, переводит, читает, изучает Ленина, и очень интенсивно. Она выделила из своей среды уже несколько фигур довольно крупного масштаба, которые довольно хорошо выучились по-русски, довольно хорошо знают нашу

теоретическую литературу. Это может казаться кое-кому пустяком, но это совсем не пустяк. Нельзя забывать, что мы имеем перед собой совершенно новые движения, которые только впервые приобщились к идеям ленинизма.

Если бы у меня было больше времени, я бы мог привести целый ряд необыкновенно красочных иллюстрационных примеров, которые показывают, насколько громадное значение имеет этот процесс.

Г о л о с а. Прибавить!

Петровский. Вообще не ограничивать докладчика по мировому вопросу.

Бухарин. Вы так говорите сейчас, а потом будете дразнить меня «переходом на 7-часовой рабочий день».

Мне кажется, что самого пристального внимания заслуживает связь Коминтерна с теми странами, где мы сейчас по-настоящему начинаем закрепляться и где растет спрос на коммунистическую пропаганду и коммунистическое руководство. Так обстоит дело в таком огромном и важном «уголке» земного шара, каким является **Южная Америка**. Укрепление коммунизма в таких странах, как Бразилия, Аргентина, Перу, Чили, Эквадор, есть наше крупнейшее приобретение, особенно в свете грядущих боев, которые развернутым фронтом поведет такое могучее капиталистическое государство, как Северо-Американские Соединенные Штаты, против сил революции. Точно так же заслуживает величайшего внимания зарождение компартий в других полуколониальных и колониальных уголках мира.

Вот эти факты заставили нас сделать соответствующие выводы и чрезвычайно усилить, **подчеркнуть мировой мотив**, **сделать его лейтмотивом**, **основной осью всего программного построения**.

Обычно раньше все программы, в том числе и программа нашей партии, в значительной мере покоились на анализе **абстрактного** капитализма. Абстрактный капитализм влечет за собой неизбежно диктатуру пролетариата, тоже **абстрактную** диктатуру и т. д. и т. п. С точки зрения национальной программы, да еще при слабом развитии коммунистического движения, такая структура программ была более или менее удовлетворительна. Мы постепенно выползаем из этой постановки вопроса. Вся переживаемая нами эпоха, богатый опыт борьбы за диктатуру и осуществления ее, теперешние задачи, связанные с образованием действительно мирового коммунистического движения, побудили нас перейти на другую ступень, на подчеркивание **мирового** мотива как лейтмотива всего программного построения, причем побудили нас выдвинуть на первый план оценку тенденций развития именно **конкретного мирового капиталистического хозяйства, конкретной его эволюции**, с его **особенностями**. В этом состоит некоторое отличие теперешнего проекта от проекта, принятого за основу V конгрессом Коминтерна. Мы говорим здесь о **мировой** системе капитализма, т. е. теперешнем **мировом** капиталистическом хозяйстве. Мы говорим о **мировой** системе империализма так, как она есть, как она развивается, конечно, с известной степенью абстрактности, потому что всякое понятие есть известная абстракция. **Кризис** капитализма и реальный ход мирового международного движения, нарастание **революции** как неизбежного этапа исторического развития обоснованы анализом **конкретного** хода международной революции. Даже такую тему, как наша главная цель – коммунизм, мы ставим опять-таки не как коммунизм «вообще», а как **мировой** коммунизм с **мировым** распределением труда, с **мировым** распределением производительных сил и т. д. Здесь, так сказать, засовываем нашу руку в будущее и говорим, что будем идти по этому совершенно реальному пути, что в перспективе – не коммунизм «вообще», неизвестно где и как возникший, а что мы завоюем реальный земной мир, производительные силы распределим между различными географическими пунктами соответст-

венно климатическим условиям, и что мы выдвигаем это не «вообще», не абстрактно, а как цель, которая в основных контурах уже сейчас стоит перед нами. Это не покажется слишком дерзновенным, если вы будете иметь в виду наличие коммунистических партий в Аргентине, и на Кубе, и в Китае, и в других странах, партий, работающих в различных экономических и культурных условиях.

Так же мы ставим вопрос о **переходном** периоде. Так же мы ставим вопрос о стратегии, тактике и организации Коминтерна. Таким образом, потребности практической борьбы и реальный ход коммунистического движения, повторяю, заставили нас подчеркнуть этот **мировой мотив** в программе и развернуть этот мировой мотив по целому ряду отдельных разделов программного проекта, что вы все, товарищи, без труда увидите при чтении этого проекта.

Следующий вопрос – **о форме кризиса современной капиталистической системы**. В обсуждении этого вопроса на различных этапах выработки программы, начиная с IV конгресса, можно ясно ощутить зависимость постановки этого вопроса от реального хода мирового развития. В первом проекте мы, несомненно, все преувеличивали, говоря о непосредственном крахе капитализма. В первом проекте программы на IV конгрессе вопрос о кризисе капитализма ставился таким образом, что вообще исключена возможность восходящей линии развития, даже в той или другой более или менее крупной части капиталистического хозяйства. Уже при втором обсуждении, при втором туре программной дискуссии, т. е. к V конгрессу, пришлось внести значительные поправки, потому что практика развития капиталистических отношений подтвердила тезис Владимира Ильича, когда он полемизировал против многих из нас и говорил, что безысходного положения для буржуазии не бывает, что в известной степени, на известный срок буржуазия может вывернуться. И поэтому во втором туре программной дискуссии здесь пришлось внести известные поправки. Теперь, когда у нас уже есть целый ряд решений и нашей партии, и Коммунистического Интернационала, связанных с дискуссией о стабилизации, теперь, конечно, нужно было дать другую формулировку, нужно было говорить о **стабилизации** капитализма, о ее условности и вместе с тем о том, что современный кризис капиталистической системы развивается сейчас на несколько иной базе. В итоге острого послевоенного кризиса мирового капитализма мы имеем новые соотношения, новые рамки всего развития (СССР, колониальное движение и проч.); в этой связи резко ставится вопрос о стабилизации, о развитии противоречий, очень глубоких и все более обостряющихся в капиталистической системе. Таким образом, здесь подчеркнуты те моменты, которые не могли быть подчеркнуты ни в первом проекте, ни в его вторичной переделке, принятой за основу V конгрессом. Конечно, эта поправка абсолютно неизбежна. Я думаю, что VI конгресс будет единодушен, он сочтет совершенно целесообразной такого рода коррективу, такого рода поправку.

Из проблем, связанных с кризисом мирового капитализма, одним из центральных вопросов совершенно естественно становится **вопрос об СССР**. Развитие противоречий стабилизации, усиление роли СССР, усиление роли колоний, естественно, выпирают теперь на первый план. Мы выдвинули **особую главу, особый абзац касательно СССР, и, мне кажется, это тем более необходимо, что одним из центральных вопросов на ближайшую полосу развития является именно вопрос о войне**. А как, товарищи, ставить вопрос о войне против СССР с точки зрения такой проблемы, как проблема программы? Я лично полагаю так, что после войны нам придется писать другую программу. Это ясно, потому что война, если даже, в самых худших условиях, она кончится нашим поражением (чему я не верю), то тогда эта программа не будет годиться; если же война кончится нашей победой, то мы с капиталистического мира не

особо маленький «клок шерсти» возьмем, т. е. мы будем иметь новые советские республики. (Р е п л и к а н е у л о в л е н а.) Я говорю без всякого излишнего оптимизма, теоретически даже предполагаю возможность и плохого исхода, но совершенно ясно, что программу в обоих случаях придется писать другую, а если это так, а это, безусловно, мне кажется, так, то совершенно естественно, что одним из боевых вопросов, центральным вопросом, который сейчас перед нами стоит, является вопрос об СССР, а с точки зрения стратегии и тактики вопрос об СССР, не подлежит никакому сомнению, играет **первоклассную** роль. Именно поэтому всякого рода события внутри нашей партии, как наше сражение с оппозицией, сразу получают мировое международное значение. В этом выражается роль СССР, его международное значение. Вот почему, с точки зрения развития **экономики,** с точки зрения развития **политики**, с точки зрения особого значения **военной** проблемы, с точки зрения влияния коммунизма на **Востоке,** с точки зрения **строительного** опыта, мы должны были дать особый раздел, касающийся СССР, ни капли не погрешая против интернационального значения и смысла нашей коммунистической программы. И точно так же мы должны были подчеркнуть, резко усилить, выпятить мотив относительно **колоний,** что и сделали в самом проекте. В связи с вышеизложенным стоит и подчеркивание **мирового** мотива в разделе о **стратегии и тактике** Коммунистического Интернационала.

Мы ввели мысль относительно троякого деления стран: на страны высокого капитализма, страны среднекапиталистические и страны колониальные и полуколониальные.

Сталин. Типовые деления.

Бухарин. Да, типовое. Должен сказать, что эта проблема обсуждалась еще во время предыдущей дискуссии, но мы тогда сняли ее. Теперь мы пришли к убеждению, что без подобного деления обойтись **нельзя,** причем сейчас же встал вопрос о том, как расположить эти типы. Мы установили такой принцип, что рассматриваем все движение как движение к **мировой диктатуре пролетариата**. Поэтому борьбу за диктатуру пролетариата и крестьянства в такой колониальной стране, как Китай и проч., мы берем с точки зрения общего аспекта движения к **мировой диктатуре пролетариата**, как известную предварительную ступень, одну из частиц нашего всеобщего движения к мировой диктатуре пролетариата.

Таким образом, получается совершенно естественная координация, сплетение, сочетание движений обладающего государственной властью пролетариата СССР, пролетариев передовых капиталистических стран и других типов движения, определяемых своеобразным положением в этих странах. Получается, таким образом, действительно единая картина и с точки зрения стратегии движения к мировой диктатуре пролетариата, причем это достигается не за счет упрощения, не за счет штампования одним штампом многоразличных типов и проч., а с возможно более полным учетом **своеобразия**, положения и специфичности отдельных партий. В то же время мы имеем **единство стратегии**, потому что все движения рассматриваются нами как различные потоки, входящие в общий международный революционный процесс.

Нужно сказать, что эта задача, которую мы себе поставили и о которой я сейчас говорил, поддавалась решению чрезвычайно трудно, и, быть может, те или другие частичные улучшения здесь еще придется делать. Но, мне кажется, ни в коем случае не нужно отказываться от самой этой мысли. Я конкретно убедился в правильности ее из неоднократных разговоров с целым рядом товарищей, в особенности из восточных стран (в особенности с китайскими товарищами). Они все отмечали, что увязка их конкретных, непосредственных революционных задач с проблемами международной революции является для них самой мучительной теоретической проблемой, понять и

переварить которую им стоит чрезвычайно большого труда. Для нас, например, смешно поднимать вопрос о том, каким образом в 1905 г. пролетариат, возглавлявшийся революционной партией большевиков, был гегемоном **буржуазно-демократической революции**. Но имейте в виду, что целый ряд свежих, в смысле марксистской культуры, кадров, которые к нам подходят, почти с ужасом отшатываются от самого названия «буржуазно-демократический». Как, дескать, пролетариат может разрешать буржуазно-демократические задачи? Этот пример показывает, насколько остра теоретическая потребность увязки отдельных задач, стоящих перед партиями в странах, еще не совсем «созревших» для непосредственной пролетарской революции, с общими проблемами и общими задачами борьбы за мировую пролетарскую диктатуру.

В связи с этим мы должны были выдвинуть и перспективу некоторой международной увязки в случае **победы** отдельных отрядов международной социалистической революции. В программе выставлено положение о том, что советские индустриальные страны по отношению к более отсталым, крестьянским по преимуществу странам, или, фигурально выражаясь, по отношению к мировой деревне, являются индустриально-городским базисом в их движении к коммунизму. Мы отлично сознавали ту опасность, которая может получиться в смысле недоучета различных особенностей, и поэтому мы сделали все заставки и оговорки в этом смысле. Мы указали, что даже это тройное деление стран, о которых я говорил, и троякое расположение тех задач, которые соответствуют этим типам стран, надо понимать лишь как определенную **схему**, которая не снимает с нас ни в коем случае обязанности еще большей спецификации, еще большего индивидуализирования, что при определении конкретной программы, тактики и стратегии в той или другой стране нельзя непосредственно исходить даже из этого тройного деления, а надо будет считаться со всеми особенностями каждой отдельной страны, с конкретной обстановкой, с конкретным движением, с конкретной партией и т. д. Так что эта опасность, которая, конечно, была чрезвычайно крупной опасностью, если бы мы заранее с этим не считались, все время стояла перед нашими глазами. При внимательном чтении проекта вы увидите, что с этой опасностью программная комиссия считалась в высокой степени. В связи с особыми проблемами, которые связаны со строительством социализма в СССР, а также с точки зрения политической борьбы, с точки зрения уроков нашей борьбы с оппозицией в проекте дана обобщающая формула, которая говорит, что **международный** характер революции опирается на **единство** мирового хозяйства, а **неравномерность** развития мирового хозяйства обусловливает возможность победы социализма в **одной** стране. Этот вопрос о неравномерности развития, который у нас был поставлен впервые в нашей партийной дискуссии в связи с вопросом о соотношении СССР и капиталистического мира и с целым рядом практически-политических проблем, – этот вопрос должен был найти в программном проекте свое освещение. Его не было в предыдущем проекте. Этого вопроса нельзя было обойти никак, ни с точки зрения действительного теоретического интереса, ни с точки зрения непосредственной политики. С обеих точек зрения его нужно было поместить в программу, потому что вопрос об СССР и о неравномерном характере движения международной революции и об увязке этих проблем – есть очень трудный теоретический вопрос. Его осмысливание обязательно должно входить как составная часть в нашу программу. Очень многие путаются в этом вопросе: с одной стороны, скатываясь к тому, что международная революция – это как будто бы однократный акт, а с другой стороны, полагая, что если социализм строится в одной стране, то это-де не международная революция. Это противопоставление нужно было отмести, и на этот вопрос в программе должно дать правильный ответ.

Вопрос о переходном периоде – большой раздел, центральный раздел программ-

ного проекта. Он **также должен был быть поставлен несколько не так, как он стоял в первом программном проекте**, принятом V конгрессом Коминтерна.

Деление стран на три рубрики, специфические закономерности их развития, связь между ними – все это должно было отразиться существенным образом и на главе о переходном периоде. Поэтому в проекте программы нужно было сформулировать не только сумму «требований» **непосредственного** перехода к диктатуре пролетариата. В проекте есть и более разработанная совокупность задач, которые мы должны решать в течение переходного периода для **передовых** капиталистических стран. И в то же время вы находите в программе целый большой абзац относительно требований и задач, которые коммунистические партии пролетариата разрешают как задачи для **колониальных** стран, ориентирующихся на диктатуру пролетариата **и** крестьянства.

В вопросе о **соотношениях между нэпом и военным коммунизмом** даны более эластичные <формулировки>, чем в предыдущем проекте, более дающие возможность различных вариантов, в зависимости от различных условий, которые существуют и сложатся в отдельных странах после победы пролетариата.

Остановлюсь еще на ряде вопросов, которые также стоят в связи с изменениями, внесенными в старый проект.

Первый вопрос – это **вопрос о социал-демократии и фашизме**. Мы увеличили часть, посвященную социал-демократии, не ограничившись только общими суммарными положениями, касающимися социал-демократической теории и практики. Мы зафиксировали, например, важнейшие акты предательства социал-демократов за этот период, рисующие роль социал-демократии в капиталистической системе.

Мне кажется, что мы сделали правильно, усилив часть, посвященную анализу социал-демократии, потому что роль социал-демократии как нашего противника увеличилась. Этого противника прямой лобовой атакой взять не удалось; как не удалось нам разгромить капитализм в первом туре движения, так не удалось нам теперь взять социал-демократию прямой лобовой атакой. Она является очень сильным врагом. Я должен вернуться ко вчерашней дискуссии по докладу т. Мануильского. Конечно, полевение в рабочем классе происходит, об этом нечего и говорить, но мы не должны проходить мимо одного крайне интересного явления, которое нужно подчеркнуть со всей силой. Многие спрашивают нас, почему социал-демократия до сих пор существует как крупная политическая сила? Вот, например, Германия: страна, где нет колоний; какая у нее теперь сверхприбыль? А социал-демократы получают при голосовании 9 миллионов голосов и, в общем, играют командную роль в профдвижении.

Общей основой является тот факт, что даже без колоний страна с высокой техникой извлекает дифференциальную прибыль путем обмена и таким путем эксплуатирует другие страны. С другой стороны, тут играет большую роль тот факт, что в капиталистических странах происходит процесс срастания целого **слоя** рабочей бюрократии с органами буржуазного государства. Вычислите количество всяких муниципальных советников, полицей-президентов, чиновников в различных государственных, коммунальных, муниципальных предприятиях, и вы получите громадную цифру. Те кадры, которые раньше были составной частью организации рабочего класса, переместились в значительной степени на государственные местечки, заняли эти государственные местечки и являются винтиками в механизме буржуазного государства. Эти кадры образуют составную часть буржуазного государства даже в странах, лишенных колоний, потому что существует целый ряд приводных ремней от буржуазии к известным слоям рабочего класса, целый ряд промежуточных ступеней между лучше оплачиваемыми и хуже оплачиваемыми, между безработными и работающими и проч. Тут маневренная способность буржуазии была проявлена весьма сильно.

Сталин. Они не могли работать без помощи буржуазии.

Бухарин. Но этот вопрос подлежит особому анализу. Я только наметил здесь маленькую проблему, о которой можно говорить, конечно, очень много. Между прочим, должен вам, товарищи, сказать, что примерно то же самое происходит и в фашизме. Относительная крепость фашизма объясняется в значительной степени тем обстоятельством, что в фашистских государствах, в первую очередь в Италии, кадры полиции, милиции, коммунальных управлений и государственных учреждений Муссолини зачерпнул в известной части из новых слоев, мелкой буржуазии в первую очередь. Он их поставил на места, он их притянул. С фашизмом дело обстоит не так просто, что это есть голое насилие и больше ни черта. Фашизм – это комбинированный метод, который опирается на коррупцию даже некоторых мелкобуржуазных слоев и даже маленькой части рабочего класса.

Г о л о с. Но отнюдь не столько, сколько в Германии.

Бухарин. Да, в Германии этот процесс особенно широко развит и в Австрии тоже. Я эту тему больше разбирать не буду. Значит, мы должны были **эти** темы (социал-демократия, фашизм) в программном проекте усилить. [Я просил бы товарищей, чтобы у них не было стремления ослабить эту часть. Социал-демократия наш главный враг, и даже в программе мы должны ему в настоящее время нанести гораздо более сокрушительный удар, чем мы это делали раньше.]

Наконец, мы ввели один новый абзац, который совершенно отсутствовал в прежних проектах программы и который не ставился на обсуждение в прежних дискуссиях: в начале рубрики о тактике Коминтерна, мы там дали **краткую характеристику различных форм реформистской идеологии**. Сюда входит конструктивный социализм Макдональда, гильдейский социализм и так называемый «революционный синдикализм», который превратился во что угодно, только не в синдикализм, мы остановились на гандизме, на суньятсенизме[83] и проч. Можно было спорить, не лучше ли их выделить в различные параграфы, развить и т. д., но мне кажется, что здесь мы поступили правильно, дав краткую квалификацию этих течений. В отношении суньятсенизма и гандизма я хотел бы отметить следующее. Нам обязательно нужно будет написать ряд книжек против китайской традиционной философии, против суньятсенизма, против гандизма, против некоторых необыкновенно прочно въевшихся привычек, против особого мышления широких слоев наших восточных товарищей. Должен сказать, что в Китае и в Индии нам приходится сталкиваться с особого типа мышлением, связанным с другой историей и с другой культурой. Это можно почувствовать только тогда, когда постоянно имеешь дело, например, с китайскими товарищами. Приведу пример, чтобы вам это было более понятно. Вот разговариваешь с китайскими товарищами. Как ставят они зачастую проблему? Они проблему очень часто ставят не с точки зрения того, как идет **реальный ход** событий, а с точки зрения чисто логического анализа **понятий**. Им, например, сказали: вы находитесь между двумя волнами революции. Они бесконечное количество часов будут пытаться вырабатывать точные «дефиниции», какая разница между волной и подъемом, между волной и рябью и т. д.

Рыков. Это иногда и у нас бывает.

Бухарин. Но весь спор, длящийся иногда часами, идет не в плоскости анализа фактов **действительности**, а в плоскости анализа этих **понятий**. И было бы глубокой ошибкой считать это случайностью. Это, товарищи, совсем не случайно. Из разговоров с целым рядом товарищей я убедился, что это стоит в связи с некоторыми навыками их мышления, в связи с их своеобразной философией, в связи с наследием прежних культур и цивилизаций, которые над ними тяготеют. Мы обосновали совершенно правильно борьбу с оппортунизмом в Китае. Но нужно знать, что там происходит на этой

почве. Вот, например, в Гуандунской организации появилась группочка китайских товарищей, они решили, что руководство в этом округе оппортунистическое. Моментально добывают оружие и хотят истребить это руководство.

Г о л о с. Как истребить?

Бухарин. Физически истребить, расстрелять. Но в это время «руководство» узнает о появлении такой группки и истребляет ее, всех до одного. Вот как идет иногда борьба с оппортунизмом в Китае. (С м е х.) Или другой случай, рассказанный мне одним китайским рабочим в присутствии других товарищей. Вот, говорит, призывают меня в райком и разъясняют мне, что оппортунизм имеет свои социальные корни, что в партию рабочего класса приходят выходцы из других социальных слоев, которые заражают идеологию партии. Положение правильное. Но «оргвыводы» из этого делаются весьма своеобразные. Райком призывает этого рабочего и говорит: вот эту товарку ты должен расстрелять. Рабочий спрашивает: «За что? Она хороший товарищ!» – «Товарищ она хороший, но она происходит из джентри»[84] – «Так за что же ее расстреливать?» – «Ты должен ее расстрелять, а если боишься это сделать – ты оппортунист». И чтобы не получить клейма оппортунизма, он ее расстреливает. Но тут же я должен прибавить: если вы возмущаетесь этакими методами «борьбы с оппортунизмом», не позабудьте прибавить, что из вашего возмущения отнюдь не следует прекращение борьбы с оппортунизмом **вообще**, т. е. **другими** методами, и притом борьбы **с действительным** оппортунизмом, а не с его фантастической картиной. Если вы не сделаете всех необходимых оговорок – будет тоже плохо. При обобщениях и формулировках задач, определении тактики нужно ставить перед китайскими товарищами разные загородки для того, чтобы ими не были сделаны выводы чересчур прямолинейные, формально-логические. Нам, с точки зрения навыков нашего опыта, это кажется странным, но там это играет первоклассную политически-практическую роль. Это стоит в связи с определенными навыками мышления.

Скрыпник. Это суньятсенизм?

Бухарин. Несколько замечаний, касающихся **архитектоники** проекта. Мы ввели в программу целый ряд новых отделов. Вы видели, что ряд отделов мы перестроили, а в других, как вы, вероятно, заметили, есть почти буквальные цитаты из Маркса и Ленина, некоторые цитаты из «Критики Готской программы»[85], из последней взяты цитаты касательно переходного общества диктатуры пролетариата и коммунистического общества, некоторые цитаты из Владимира Ильича касательно определения диктатуры пролетариата и целый ряд других. Я думаю, что с точки зрения преемственности традиций и с точки зрения точности формулировок это сделано совершенно правильно.

Наконец, я должен сказать еще, что мы переделали введение с большим упором на ту мысль, что мы являемся преемниками всего лучшего, что было в рабочем мировом движении вообще, включая и лучшие традиции II Интернационала. Соответствующую формулировку мы взяли буквально из одной статьи Владимира Ильича.

На этом я кончаю характеристику тех изменений, которые мы предлагаем, и перехожу к ответу на отклики в прессе по поводу проекта программы Коммунистического Интернационала.

Г о л о с а. Перерыв.

Председатель. Голосуется. Кто за перерыв? Объявляется перерыв.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет тов. Бухарин.

Бухарин. Товарищи, я хотел бы в заключение остановиться на целом ряде откликов в различных странах, появившихся в связи с опубликованием нашего проекта. Прежде всего, о том, как откликнулся на программу **лагерь врагов**. Чрезвычайно бы-

стро реагировала на опубликование проекта программы руководящая империалистическая газета «Таймс». Корреспонденция в «Таймсе» появилась через несколько дней после опубликования проекта программы, в номере от 1.VI.28 г., а вы помните, что мы приняли программу 25-го, – значит, опубликована она была 26-го или 27-го – первого же числа уже появилась в «Таймсе» корреспонденция касательно опубликованного проекта программы. Я останавливаюсь на оценке «Таймса», чтобы показать, куда бьет наш противник, критикуя программу.

В корреспонденции «Таймса» от 1-го июня говорится, в первую очередь, относительно того, что наша программа разъясняет стратегию и тактику, необходимую для того, чтобы создать Союз Советских Социалистических Республик мира. Это есть **центральная** идея, на которую в первую очередь обращает внимание «Таймс».

Затем «Таймс» считает нужным для своего круга читателей отметить, что программа Коммунистического Интернационала рассматривает СССР как единственное отечество международного пролетариата. Смысл того, что «Таймс» именно на этих моментах останавливает внимание своих читателей, думаю, ясен каждому из вас.

Затем в этой корреспонденции заключена мысль о том, что мы хотим якобы уничтожить «средний класс» и «не обращаем никакого внимания» на аристократию, причем под средним классом подразумеваются классовые силы, против которых мы главным образом боремся, подразумевается капиталистическая буржуазия, которая фигурирует в качестве «среднего капиталистического класса».

Далее, «Таймс» считает своим долгом отметить нападение на «мистера Макдональда», на «мистера Бернарда Шоу», на «мистера Ганди». Я думаю, что комментарии к этому абсолютно излишни.

На следующий день, 2 июня, появилась вторая корреспонденция в «Таймсе», где обращается внимание на три вещи. Во-первых, на то, что мы называем социал-демократические партии **буржуазными** рабочими партиями; во-вторых, на то, что мы ставим своей задачей **организацию сил международной революции**; и, в-третьих, что мы поставили в качестве одного из новых паролей программы «**вооружение пролетариата**». Корреспонденция носит название: «Вооруженный пролетариат». Я считаю, что комментарии и к этим пунктам «Таймса» тоже излишни: ясное дело, что дискуссия с «Таймсом» на этот предмет на данном собрании не представляет интереса. Из лагеря наших врагов – после руководящего органа английского империализма – я беру руководящую **социал-демократическую** газету. В «Форвертсе» была помещена обширная статья, которая озаглавлена «О программе Коминтерна». Эта статья является уже попыткой известного анализа программы. Я хотел бы отметить некоторые пункты, которые выдвигает эта руководящая газета социал-демократии, чтобы товарищи видели, на какие пункты они будут бить в дальнейшей дискуссии и как они будут интерпретировать нашу программу. Социал-демократы прежде всего останавливаются на вопросе об СССР. Тут совпадение с «Таймсом», в смысле ориентировки нападения, полное. Программа – подчеркивает «Форвертс» – говорит, что «в России светло, повсюду же еще мрак. В России нет уже цепей, которые пролетарии должны потерять. Злобные критики могли бы заметить, что, по мнению программных кузнецов, цепи русского пролетариата существуют не для того, чтобы их потерять, а для того, чтобы их сохранить... Исходным пунктом программы является иллюзия, что Россия является для пролетариев свободной страной».

Эта основная ориентация статьи означает нападение на программу как на программу, в которой СССР назван «отечеством» всего международного пролетариата.

Говоря об аргументах социал-демократической «критики» проекта программы, я не имею времени останавливаться на разоблачении теоретической безграмотности,

которую практикует почтенная газета германской социал-демократии. Например, социал-демократы из «Форвертса» притворяются, что мы будто бы первый раз говорим о пролетарской демократии, игнорируя тот факт, что этот мотив с классической ясностью, последовательностью и подробностью развивал еще в свое время тов. Ленин в книге о **ренегате Каутском**[86]. Там Ленин обосновал этот тезис во всей его широте и многогранности. Социал-демократы хотят доказать, что мы, коммунисты, отказываемся от некоторых своих принципиальных положений, и вот в качестве «иллюстрации» к этому указывают на то, что программа несколько раз говорит о пролетарской демократии: «Слово «пролетарская демократия» повторяется в проекте очень часто. Отсюда можно сделать заключение, что коммунисты придают большое значение тому, чтобы представить их русское отечество как **демократическую** страну и отразить упрек, что она есть только продолжение азиатской деспотии».

Я думаю, что вряд ли нужно полемизировать здесь по существу того, что они преподносят своим рабочим. Некоторые места поражают опять-таки своей безграмотностью, безграмотностью, возведенной в квадрат и куб. Например, извольте посмотреть на такого рода место: «они признают в программе то, что в России еще очень далеки от конечной цели – коммунизма, от мирового коммунизма». Ну, всякий дурак понимает, что в **одной** стране **мирового** коммунизма вообще осуществить нельзя. Дальше идут рассуждения на ту тему, что вот, наконец, только теперь коммунисты поняли, что конечная цель – мировой коммунизм – может быть осуществлена через целый ряд исторических периодов. Повторяю, что это скорее всего симуляция безграмотности, чем сама безграмотность, ибо кому же не известно, что неизбежность переходного периода и т. д. мы понимали всегда.

Насчет самого коммунизма проделывается тоже трюк, замечательный по безграмотности или по симуляции безграмотности. Берется цитата из проекта программы, где говорится об отмирании классов, принудительных норм, государства и т. д. И по **этому** поводу «Форвертс» глаголет: «Это означает, если слова имеют вообще какой-нибудь смысл: полное политическое равенство для всех, полная политическая свобода для всех, завершение демократии».

Всякий, кто знаком с азбукой марксизма, отлично знает, что коммунизм **снимает** вообще вопрос о **политической** демократии и о **демократии** вообще, потому что демократия есть одна из форм **государственной власти**, о чем черным по белому написано еще у основоположников научного коммунизма, а социал-демократы проделывают такой трюк: если вы, коммунисты, говорите, что цель коммунизма – равенство, то выходит, что эта коммунистическая цель теперь осуществлена уже социал-демократами, в теперешней Гинденбурговской монархии[87]. Отсюда вытекает, что для осуществления этой цели в России еще не пришло время, а в Германии – «дело в шляпе». Смысл этого передергивания социал-демократов заключается в попытке доказать, что так как в Германии, Франции и т. д. существует формальное политическое равенство (которое, якобы, в нашей трактовке является конечной целью коммунизма), а в СССР господствует полуазиатский порядок, азиатский деспотизм, то, согласно коммунистической программе, получается, что буржуазная демократия стоит на несколько ступеней выше, чем советский режим. Вся установка и подбор всех аргументов идут у социал-демократов по этой жульнической линии.

Наша установка, которая является продолжением всех марксистских традиций, относительно **неизбежности войн** при капиталистическом обществе и относительно того, что мы вступаем в целый круг крупнейших социально-классовых конфликтов и международных боев, встретила опять-таки со стороны «Форвертса» жульническую «критику». Я не буду развивать здесь известные указания Маркса относительно того,

что гражданские, народные и т. д. войны исчисляются 15–20 годами и больше. Мне кажется это тоже в данной аудитории излишним. Мне хотелось бы показать тот факт, что социал-демократы «критикуют» эти положения абсолютно жалкими приемами. Они говорят: «Путь коммунистической мировой программы не только очень длинный путь. Он также кровавый путь, засеянный развалинами и трупами. Потому что он идет «неизбежно» – слово «неизбежно» повторяется в этой связи не меньше тридцати раз – через **новые войны**, которые перерастают в **новые гражданские войны**». «Война 1914–1918 гг. совершенно отчетливо представлена как «первая мировая война»... Да здравствуют следующие».

Значит, то элементарное положение марксизма, которое фигурировало еще во всех старых социал-демократических довоенных программах, что война есть неизбежное следствие капитализма, положение, которое старая социал-демократия считала за аксиому, за положение, не подлежащее никакому оспариванию, – это положение, зафиксированное в нашей программе, теперь интерпретируется социал-демократами из «Форвертса» так, что мы являемся в разрушительных целях застрельщиками войн. Наше положение о неизбежности войн при капиталистическом режиме интерпретируется как защита лозунга: «да здравствуют следующие капиталистические войны». Ясно, что это положение, которое социал-демократический орган выдвигает против нашей программы, само по себе играет служебную функциональную роль, «подпирая» антисоветскую «работу» реформистов, которые, указуя перстом на СССР, на нашу партию и Коминтерн, говорят: здесь сила, которой надобны новые войны, войны гражданские, мировые войны, мировые битвы. Мировой поджигатель – СССР. Только этот смысл имеют приведенные выше рассуждения «Форвертса».

В конце статьи имеется утверждение, что мы якобы ревизуем существовавшие у нас прежде представления, что проект «жестоко и основательно разрушает веру в возможность коммунистической победы с сегодня на завтра. Он отчетливо отбрасывает путчизм и требует только подготовительной работы для более позднего времени».

Словно первый раз эти люди услыхали, что мы отвергаем путчизм и не считаем, что коммунистическая революция победит одним махом с сегодня на завтра во всех странах! И кончается вся эта история тонким намеком на наше азиатское происхождение, на азиатское происхождение нашей программы. Кончается так: «Для того, чтобы, прочтя программу, все же остаться коммунистом, нужны вера и душа янычаров».

Это тоже литературная побрякушка, литературное украшение, но оно точно так же имеет свою функционально-служебную роль, оно имеет целью «освятить» военный поход европейских «цивилизаторов» против азиатских «дикарей-янычар». Они демонстрируют в очень завуалированной литературной форме ту бешеную нутряную ненависть, которая есть у социал-демократии к Коммунистическому Интернационалу и к СССР как первой стране пролетарской диктатуры. Кончается статья тем, что наша программа есть программа «вши», «сыпного тифа» и т. п. На этих литературных красотах я останавливаться не буду.

Что касается дискуссии, которая происходила **в наших рядах**, то я в первую очередь должен остановиться на дискуссии, которая происходила в нашей партии. Вы отлично знаете, что вышло довольно изрядное количество дискуссионных листков при «Правде», там был помещен целый ряд статей; затем был помещен ряд статей дискуссионного порядка в последних двух номерах органа германской компартии «Ди Интернационале». Затем в нашем журнале «Inprekorr»[88], обслуживающем компартии, появился точно так же целый ряд статей, в первую очередь статья, очень решительно направленная против проекта, одного из довольно крупных теоретиков германской партии, тов. **Германа Дункера**; появились статьи целого ряда выдающихся товари-

щей, в том числе статья **Клары Цеткин**[89]. Имеются и контр-ответы. Например, в ответ на статью Дункера появилась статья Юлиуса. Затем у нас имела место дискуссия в ячейках, причем я имею сведения, что в целом ряде низовых ячеек (это явление, мне кажется, нужно отметить) нашей партии проект программы активно обсуждался вместе с дискуссионными статьями.

Г о л о с. А как с подпольной критикой?

Бухарин. Я не получал ничего. Из подпольной критики, к сожалению, мне ничего не было прислано. У меня было только одно сведение: это не то письмо Троцкого к Преображенскому, не то письмо Преображенского к Троцкому, где был сделан намек насчет того, что они должны разработать свой собственный проект программы[90]. В одном месте, я помню, идет речь о том, что Преображенский желает сделать какие-то дополнения, ибо он-де не желает, чтобы надолго в программе Коммунистического Интернационала оставались какие-то неверные и неграмотные места, – что-то в этом роде. Но какой бы то ни было подробной критики у меня не было, и я не получал ни из каких учреждений соответствующей информации. Может быть, она есть, но я, во всяком случае, не могу по этому поводу ничего сказать.

Я, товарищи, должен отказаться от мысли, как я уже вам говорил, ответить на каждое возражение или на каждое предложение, поэтому я прошу у вас разрешения наметить **типовую аргументацию**, которая заслуживает того, чтобы быть рассмотренной и чтобы мы дали на нее тот или иной ответ. Я буду, товарищи, отвечать не лицам, а собирательным лицам, развивающим определенные точки зрения. В некоторых иностранных и русских статьях (правда, в очень немногочисленных) делается такой упрек или возражение против данного проекта: товарищи говорят, что он **носит слишком «русский» характер**. Этот упрек делается в разных формах: и в форме общего возражения, и в форме детального возражения по некоторым пунктам, например, по вопросу о нашей общей экономической политике, о переходном периоде и по другим направлениям. Я сперва хотел бы остановиться на вопросе о том, правилен ли этот упрек в его **общей формулировке**. Я думаю, что этот упрек в общей формулировке неправилен. Вы отлично помните, товарищи, одну из самых блестящих работ Владимира Ильича «Детская болезнь левизны»[91], где целый ряд проблем сконденсирован, спрессован и преподан с необыкновенной точностью и густотой мысли. Начало этой книжки посвящено вопросу о международном значении опыта русской революции, причем тов. Ленин ставит проблему двояко: с той точки зрения, что русская революция имеет, как всякое крупнейшее событие, международное значение, – это раз, и с точки зрения закономерностей русской революции, наиболее общие черты которой обязательно будут **повторяться** в других революциях. Вы помните, что речь идет более конкретно о партии, советской власти и о целом ряде других вещей. Собственно говоря, как можно понять упрек, что программа носит «слишком» русский характер? Это можно, прежде всего, понять таким образом, что посвящено слишком много самому СССР, что введена специальная глава о СССР. Я, товарищи, считаю, что этот упрек был бы абсолютно неправильным. Мы живем не в каком-то абстрактном мире с абстрактными задачами и абстрактными революциями; мы живем в совершенно конкретном мире с совершенно конкретными задачами и совершенно конкретными революциями. Вы помните, как еще на II конгрессе Коминтерна при обсуждении колониального вопроса Владимир Ильич утверждал, что разрешение вопроса относительно восстаний в колониях и пр., вне зависимости и без смыка с СССР, было бы ошибкой и было бы совершенно неправильно. Он поставил даже с очень большой решительностью вопрос о том, что колониальное движение нужно группировать вокруг СССР. Другое дело, целесообразно или нецелесообразно вносить эту формулу в программу, но

мысль Владимира Ильича совершенно ясна. Мы – СССР – являемся такого рода крупнейшим фактором всей международной политики сейчас, что не поставить нас на соответствующее место было бы абсолютно неправильно. Это первое.

Во-вторых, можно было бы сказать, что мы как-то «высоко» оценили опыт нашей революции и нашего строительства, но мы должны сказать пока по этому поводу, что у нас опыт социалистического строительного периода, кроме опыта нашей советской республики, вообще в природе не существует. Существовали еще «опытики», если отдельно считать Эстляндию, Латвию и пр., и, наконец, опыт Венгерской революции, причем опыт Венгерской революции[92], как все признают, скорее указывает на то, чего **не нужно** делать. В Венгерской революции была допущена ошибка относительно партии и ее слияния с социал-демократией, и второе – ошибка в аграрном вопросе, в вопросе о наделении землею крестьян. Это два стержневых урока Венгерской революции, но это **отрицательные** уроки, которые говорят о больших проблемах и недостатках Венгерской революции; но они как раз были у нас решены с **положительным** знаком. И в этих пунктах нашей партией, в общем и целом, дано образцовое решение вопроса.

Может быть, правильным было бы такое возражение, что мы **перегнули где-то в своей рецептуре: обобщили то, что не могло быть обобщено, и неправильно перенесли наши нормы политики на американские, на западноевропейские, на колониальные страны**. Но такой упрек был бы несправедлив. Рассмотрим какие угодно детали. Возьмем вопрос о нэпе.

Об общей значимости нэпа говорил и Владимир Ильич. Он прямо говорил в его выступлении о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала[93], что в отношении нэпа, может быть, для Англии (да и то, **может быть**, нужно тысячу раз подумать) будет сделано какое-нибудь исключение.

И, мне кажется, Владимир Ильич был совершенно прав. Правда, в эпоху военного коммунизма можно найти и у Владимира Ильича места, которые могут быть противоположным образом истолкованы. Но, товарищи, нельзя же даже с Владимира Ильича требовать, что до всякой новой экономической политики была дана законченная классическая формулировка насчет международного значения этой не бывшей и не существовавшей новой экономической политики. Этого нельзя требовать, и такими цитатами, мне кажется, нельзя аргументировать.

Правильно и другое положение, что форма и объем этой новой экономической политики должны неизбежно варьировать. Но эта формула в нашем проекте дана.

Может быть, скажут, что мы вообще действуем по шаблону и «русские» нормы политики обобщаем на другие страны. Но это нужно конкретно доказать. Мне кажется, программный проект целиком себя застраховал от этой возможной ошибки, потому что составители программного проекта все время имели перед собою положение Владимира Ильича, что писать «по-русски», когда это не нужно, недопустимо, – «по-русски», разумеется, в специфическом значении этого слова. Итак, если есть какая-нибудь ошибка, нужно это **конкретно** доказать.

Известная «шаблонизация» во всяком проекте программы обязательно должна быть, как я уже говорил относительно схемы трехчленного деления разных стран. Во **всей** конкретности мы не можем определить программы для всех и вся. Но, товарищи, мы должны помнить, что еще на пятом конгрессе было принято положение – и, мне кажется, это было мнением и тов. Сталина, и моим, и мнением комиссии Политбюро, и Политбюро и программной комиссии, – что мы не должны ревизовать положение, к которому мы пришли на пятом конгрессе Коминтерна, а именно, что программа каждой коммунистической партии должна начинаться программой Коммунистического

Интернационала, за которой должна быть специальная программа, соответствующая задачам каждой партии во всей их конкретности. Скажем, для Китая идет сначала **эта** программа (программа КИ), а затем: «Исходя из общих условий развития китайской революции...» и т. д.

Должен сказать, что этой программой Коммунистического Интернационала мы берем на себя также обязательство **пересмотреть программу ВКП(б)** на основе конкретного опыта, который мы проделали, потому что всякий отлично знает, что целый ряд мест в ней абсолютно устарел, напр. «Рабочие комитеты содействия»[94] и т. д. Кто теперь помнит, что такое «комитеты содействия»? Следовательно, мне кажется, у нас есть по всем линиям максимальная страховка против того, чтобы был какой-нибудь мало-мальски «русский» шаблон или что-нибудь даже приближающееся к этому.

Повторяю, что теоретически опасность такая не исключена и возможность шаблонизирования всегда есть. Но мне кажется, что проект программы так, как он сейчас представлен на наше рассмотрение, страхует себя на все 100% от подобного рода ошибок.

Теперь, товарищи, есть еще рубрика, третья рубрика вопросов, по которым шла дискуссия, – это **вопрос о военном коммунизме и соотношении военного коммунизма с новой экономической политикой**. Как вы отлично знаете из самого текста проекта программы, мы вопрос там формулировали с большой эластичностью, не ангажируясь касательно вопроса, которого нельзя предвидеть во всей конкретности. Мы сказали, что правильна политика такая-то и такая-то, но при этом в разгаре гражданской войны или внешнего нападения может сделаться целесообразной такая-то и такая-то политика, которая является военно-коммунистической и состоит в том-то и в том-то. Другими словами, мы не решали в программе, что **раньше** будет: военный коммунизм или новая экономическая политика. Я отлично понимаю, что новая экономическая политика будет в других странах **не совсем такая**, как у нас. Я эту оговорку сделал и думаю, что товарищи к этому делу не будут придираться. Можем ли мы давать одинаковый ответ, утверждать, что **обязательно** военный коммунизм будет, что **обязательно** ему будет принадлежать **первая** роль и что он обязательно будет **раньше**? Все понимают, что так ангажироваться и так себя связать мы отнюдь не можем. Могут быть такие случаи, очень, правда, редкие и исключительные, когда, вообще говоря, роль военного коммунизма не обязательна, хотя, повторяю, это будут исключительные случаи. А что касается времени и темпа, то тут никакой **общей и обязательной** закономерности установить нельзя. Ведь нам не нужно забывать из своего собственного опыта, что мы начали-то **не** с военного коммунизма. Потом мы пришли к военному коммунизму, а затем у нас изгладилось из памяти, что мы-то сами начали не с военного коммунизма. Итак, здесь может быть большое разнообразие в соотношениях. В странах, где непосредственно будет сразу развернута борьба, да еще с **внешними** осложнениями, очень возможно, даже крайне вероятно повторение военного коммунизма, но все же военного коммунизма с особыми, «нерусскими» чертами, что тоже нужно иметь в виду, иначе мы бы сделали ошибку «русопятского» характера.

Возражения по этой линии были направлены с двух фронтов. **Одни** товарищи утверждали, что военного коммунизма вообще не будет, или, если он будет, то будет кратковременным эпизодом. В других странах-де решающие битвы произойдут между буржуазией и пролетариатом **до** непосредственного захвата власти или в **самом процессе** захвата власти. Так что на будущее, когда пролетариат сломит своего противника и возьмет власть, ему не нужно будет так свирепо бороться военными методами. Поэтому эта группа товарищей чуть ли не предлагает вообще «ликвидировать» военный коммунизм. Правильно ли это? Нет. Откуда мы знаем, что основные битвы

гражданской войны разыграются обязательно **до** взятия власти? Почему это так? Это вовсе не обязательно. Будут и заговоры, и восстания, и саботаж интеллигенции. Я лично убежден, что большая часть западной буржуазной интеллигенции, не говоря уже о явно эксплуататорских группах, в Западной Европе будет бешено, ожесточеннейше, в тысячу раз больше, чем у нас, бороться, до зубов будет бороться против пролетарской диктатуры. И притом нужно сказать, что они похитрее «наших» дураков: они могут временно отступить, временно окопаться и потом снова начать наступление. Откуда следует, что решающие битвы **непременно** будут разыграны до взятия власти? Этого, конечно, сказать нельзя. Другой аргумент. Если предыдущие аргументы были, так сказать, внутреннего порядка, то этот аргумент является аргументом внешнего порядка. Кто может предрешить всю конкретность, всю конфигурацию внешних сил? Кто в состоянии начертать этот рисунок и наметить его достаточно конкретно? Не нужно ли здесь, наоборот, выставить тезис, что мы должны считаться с массой **непредвиденных возможностей** и «случайностей»? Не забывайте, товарищи, о том, что речь идет о программе, которая является обязательной для каждого члена Коминтерна. Можем ли мы обязать каждого члена Коминтерна, чтобы он, завоевав власть, **обязательно** вводил военный коммунизм или обязательно **не** вводил его? Разве можно таким образом связывать в программе руки, опираться на зыбкие, ничем не доказанные рассуждения? Если бы эти рассуждения на 75 или даже на 90% были обоснованы, то и тогда мы не имели бы права их **программно** фиксировать, потому что в программе берется то, что на 100% доказано, что связывает каждого, кто принадлежит к Коминтерну. С такими вещами не шутят. Это не тактическая резолюция, которую можно изменить в силу сложившихся новых условий. Программу мы пишем на долгий срок, и в этом деле не может быть допущено никакой легкомысленности.

Второе течение. Первая группа говорила, что военного коммунизма **не будет**. Вторая группа говорит, что военный коммунизм **обязательно будет**, что он будет играть **главнейшую** роль, что он будет **вначале**. Но кто все это доказал? Никто этого не доказал, и доказать этого нельзя. Тут, может быть, будет столько оригинального, своеобразного, что связывать себя на этом пути мы не можем, ибо программа есть обязательство для **каждого** члена Коминтерна. Поэтому, мне кажется, мы были совершенно правы, когда мы дали эластичную формулировку, которая дает известное осторожно сформулированное соотношение между нэпом и военным коммунизмом. Поэтому я считаю, что эта группа возражений является неправильной, и мне кажется, что гораздо целесообразнее остаться при тех формулировках, которые мы наметили в проекте программы.

Теперь я перехожу к **третьей** группе вопросов, а именно к вопросам о наших требованиях или наших задачах **в переходный период**. Довольно много товарищей – и некоторые товарищи работники восточных стран, и некоторые товарищи из нашей партии, ВКП(б), и некоторые иностранные товарищи, правда, очень немногочисленные – нападают на пункт **о национализации земли**. Национализация земли в переходную эпоху будет одной из задач пролетарской диктатуры (потому что речь идет именно о задачах **пролетарской диктатуры**). У нас параграф «а» второго раздела, говорящий об этом, гласит так:

«а) Конфискация и пролетарская национализация всей крупной поземельной собственности в городе и в деревне (как частной, так и церковной, монастырской и проч.) с переходом в руки советов государственной и муниципальной поземельной собственности, в том числе лесного фонда, недр, вод и т. д., с последующей национализацией всей земли».

В параграфе «д» говорится: «Запрещение всякой купли-продажи земли. Решительная борьба с нарушителями этого закона». И, наконец, на странице 48 сказано:

«При проведении всех этих задач диктатуры пролетариата необходимо иметь в виду следующие положения.

1) Полная отмена частной собственности на землю и национализация всей земли не могут быть введены немедленно в наиболее развитых капиталистических странах, где принцип частной собственности успел глубоко укорениться среди широчайших слоев крестьянства. В таких странах национализацию всей земли можно провести лишь постепенно, путем ряда переходных мероприятий. Национализация производства не должна, по правилу, распространяться на мелкие и средние хозяйства (крестьян, ремесленников, кустарей, мелких и средних торговцев и т. п.). Во-первых, потому что у взявшего власть пролетариата не может хватить, в особенности в первые фазы диктатуры, достаточного количества организационных сил, чтобы не только разрушить капитализм, но и организовать связь мелких и средних индивидуальных производственных единиц на новой социалистической основе. Во-вторых, потому что пролетариат не может не проводить строгого различия между трудовой собственностью простого товаропроизводителя, которого можно и нужно вовлекать постепенно в русло социалистического строительства, и эксплуататорской собственностью капиталиста, ликвидация которой есть непременное условие всякого социалистического строительства».

На это, товарищи, нападают с разных концов. Я должен сказать, ответить на этот вопрос несколько более подробно, чтобы здесь создать сравнительно более или менее полную оценку этого вопроса. Прежде всего, некоторые товарищи утверждают, что повторение такой трактовки есть отступление от того, что было раньше. Я, товарищи, должен сказать, что это не так.

Осинский. Конечно, не так, не стоит опровергать.

Бухарин. Я должен все же говорить об этом, раз такие аргументы выставляют.

Осинский. Кто читал ленинские тезисы ко II конгрессу Коминтерна, тот знает, что это не так.

Бухарин. Я должен, прежде всего, сказать, что этот вопрос обсуждался в Коминтерне.

Г о л о с. Не оправдывайся.

Бухарин. Я стремлюсь здесь без излишней полемики добросовестно ответить на те аргументы, которые заслуживают более или менее тщательного разбора.

Если в нашем органе печати помещена статья на эту тему, я должен на это ответить.

Г о л о с. Правильно!

Бухарин. Тем более что это вопрос немаловажный, и тем более что на этом самом собрании товарищи упрекали нас, и, мне кажется, справедливо упрекали, за недостаточное внимание коммунистических партий к вопросам земельным, аграрным, крестьянским и так дальше. Я, товарищи, должен, прежде всего, сказать, что при обсуждении в Коминтерне этого вопроса в предыдущие туры нашей дискуссии у нас была специальная аграрная подкомиссия программной комиссии. Там шла по этому вопросу ожесточенная дискуссия, причем представители целого ряда партий, в том числе даже такой страны, как Болгария, не говоря уже о французах и проч., ставили вопрос в лоб. Они говорили: мы не можем сказать с самого начала прямо – **национализация** всей земли, потому что национализация земли означает не что иное, как уничтожение частной собственности на землю и переход всей земли, в том числе и крестьянской, в государственную собственность. Они говорили, что если мы крестьянину, у которого налицо закоренелые собственнические предрассудки касательно земли, скажем: мы тебя «благодетельствуем», отнимаем твою земельную собственность и передаем ее в государственную собственность, то он полезет на стену.

У Владимира Ильича, в его резолюции по аграрному вопросу, говорится: «О немедленной, полной отмене частной собственности пролетарской властью в большинстве капиталистических государств не может быть и речи»[95]. Я знаю, что некоторые товарищи так это место понимают, что речь идет об инвентаре. Не думаю, чтобы Владимиру Ильичу понадобилось опровергать, что мы не экспроприаторы сох, борон и проч. вещей. Это было бы смешно, даже в тезисах записывать это было бы смешно, а из контекста следует, что это место нужно толковать именно таким образом, как мы его толкуем. Какой выход мы тогда нашли? Мы нашли такой выход, что согласно нашим положениям фактически почти сразу вводим национализацию земли, но облекаем ее в такие формы, которые были бы гораздо более приемлемы для крестьянства. В программе нашей партии, ВКП(б), рукой Владимира Ильича написано: «Что касается форм и методов проведения социалистического преобразования общества, то в вопросе о **формах и методах** проведения этого социалистического преобразования коммунистическая партия **обязана делать уступки крестьянству**». Совершенно правильное положение. Это не есть уступка в линии, это есть нахождение таких форм, которые легче «зацепляют» и обеспечивают наиболее безболезненное проведение того, что **мы** хотим провести. Какие формы мы тогда нашли? Мы нашли такую формулу: так как после конфискации помещичьей земли отчасти наделяется крестьянство этой добавочной землей из помещичьих, монастырских и всяких других фондов, то крестьяне заинтересованы в том, чтобы эта земля не перешла в более крупную частную собственность, чтобы не было того процесса, который был во время Великой Французской революции, когда конфискованные помещичьи земли в течение нескольких лет были закуплены «нуворишами» (новыми богатеями), перепроданы и поступили для эксплуатации и закабаления широких крестьянских масс. Мы формулируем положение так, что согласно ему фактически лозунг национализации земли вводится почти что сразу через формулу, **запрещающую куплю и продажу земли, спекуляцию землей**. Формула эта означает на $^{9}/_{10}$ национализацию земли, потому что если ты запрещаешь куплю и продажу, то ты тем самым отнимаешь самую основу частной собственности.

Г о л о с. Остается право частного пользования и при национализации земли.

Бухарин. Значит, фактически получается так. Есть в римском праве классическая формула: право собственности есть право безусловного распоряжения (jus utendi et abutendi). Ты можешь пользоваться вещью, даже уничтожить ее.

Калинин. Повтори еще раз по-латыни.

Бухарин. Ты можешь эту вещь продать, ты можешь отчудить ее, ты можешь эту вещь уничтожить и т. д. и т. п. – это есть твое право, право собственника. Однако как раз землю-то «уничтожить» очень трудно, только Савва у Леонида Андреева, раздевшись донага, пытался взорвать всю землю. Но таких молодцов, даже после пролетарской революции, мы не обнаружим.

О чем же может идти речь? Естественно, главное и основное в частной собственности на **землю** – это есть право продажи, а следовательно, возможность **концентрации земельных участков**, возможность ускоренного **капиталистического** развития.

Я, товарищи, должен на этом остановиться несколько более подробно. Значит, вопрос заключается в том, **как** нужно **подвести** собственника к социализму, притом не того собственника, какой есть у нас в Советской России, а более крупного, более «ожесточенного» собственника. Его нужно подводить таким образом, чтобы и здесь зацепиться за некоторую выгоду, за некоторый интерес для него. Мы говорим: «мы боремся за то, чтобы земля, которую ты получил во время революции, **не уплыла** у тебя из-

под носа». Фактически, это правильно. Это есть та же национализация земли, еще маленький шажок – и будет полная формула национализации земли.

Должен сказать, что иногда бывают очень комические увлечения, напр. у **китайских** товарищей. Они выдвинули теперь формулу конфискации **всей** земли, т. е. не конфискации только помещичьей земли, земли кулачества и т. д., а конфискацию **всей** земли. Прямо приходишь к мужику и говоришь ему: «Я в качестве коммуниста благодетельствую тебя тем, что я конфискую (отнимаю) у тебя твою землю».

Так что, согласитесь сами, что тут еще есть целый ряд больших вопросов, например вопрос, который тов. Микоян затронул с места, вопрос относительно **переделов.**

Я должен сказать, что нельзя по **шаблону** поставить вопрос и о переделах. Я приведу пример из той же китайской практики. Если мы пустим всю землю в черный передел без остатка, то тогда...

Г о л о с. Никому ничего не останется.

Бухарин. То тогда мы вовлечем в этот передел десятки миллионов совершенно безземельных солдат, люмпен-пролетариев и проч., и в результате получится то, что после революции в среднем человек получит в два раза меньше, чем он имел до революции. Я этот пример привожу для того, чтобы показать, какие разнообразные, совершенно исключительные трудности ставит перед нами вопрос относительно **форм землепользования**: вопрос о переделах и проч. Так же осторожно мы должны ставить и вопрос о **национализации**. [Если его поставить так, как мы его ставим, то с еще большей осторожностью мы должны отнестись к вопросу о разгородке, о пуске земли в черный передел, и здесь найти такую сакраментальную, общую формулу вообще нельзя, гораздо лучше этот вопрос поставить национальным программам.]

Пятая рубрика – это вопросы о том, что мы **мало разобрали национальную проблему**. О колониях есть, а о национальном вопросе мало. Между тем для стран Европы, говорят товарищи, есть ряд крупнейших национальных проблем, которые нужно было бы более подробно осветить. Я считаю, что некоторые дополнения внести в программу Коминтерна здесь можно.

Г о л о с. Нужно.

Бухарин. Ну, нужно, если хотите.

Скрыпник. Воздержание?

Бухарин. Теперь я, товарищи, должен сказать, что у некоторых товарищей, наиболее ярко у двух немецких товарищей, Клары Цеткин и Германа Дункера, вызывает большое недовольство программа **в целом,** я обязан вам и об этом доложить. Тов. Цеткин очень сурово критикует проект программы и начинает с того, что программа похожа на сборник различных передовых статей, очень длинна, очень расплывчата, неточна в своих формулировках, ряд вопросов не освещен в ней. Тов. Цеткин напирает на целый комплекс вопросов, касающихся «надстроек», вопросов распада капиталистической идеологии, распада семьи, женского вопроса и т. д.

У нас затронуты вопросы идеологической надстройки в ряде отделов, в первую очередь в главе относительно коммунизма, в главе о переходных мероприятиях, например вопросы относительно религии и проч.

Но я должен вам сказать: если мы слишком много будем об этих «культурных» вещах говорить, то как бы не получился у нас культуртрегерский[96] характер всей программы.

Г о л о с. Вот те и на.

Бухарин. Возьмите, напр., нашу старую программу; там мы очень мало говорили о надстройках, и я думаю, что если об этом говорить, то нужно говорить более или менее подробно. Но, товарищи, если будем говорить более подробно, мы и без того длин-

ный проект программы удлиним еще. Один из недостатков программы тот, что она очень длинна. Я сильно сомневаюсь, чтобы мы должны были дополнить еще этими «культурными» вопросами и еще более удлинить программу.

Еще одно замечание. У тов. Цеткин есть некоторая запоздалая реминисценция относительно того, что было в Германии несколько лет тому назад. Я сам, по своему личному опыту, знаю, какое я большое значение придавал формам невероятного идеологического распада Германии в то самое время, когда Германия лежала на дне: распространению оккультизма, мистики, чародейства, всяким сексуальным настроениям, «окруженным» теоретическими положениями и т. д. В значительной мере это уже изжито, и нельзя представлять дело таким образом, как мы говорили об этом 3–4 года тому назад. Это было бы неправильно. Вместе со стабилизацией капитализм подмазал себя со всех сторон, окреп идеологически. Это надо признать.

Я, конечно, абсолютно не отрицаю всяких частных улучшений и дополнений. Я это беру за скобки. Нигде проект программы – ни в Политбюро, ни в программной комиссии – мы не рассматривали как неизменяемый проект. Мы голосовали и все принимали **за основу**.

Разрешите остановиться к концу на статье тов. Дункера, которую я получил только сегодня утром и которую не мог раньше уложить в схему моего доклада. Тов. Дункер ставит общий вопрос об **архитектонике**[97] программы. Его общая позиция такая, что это не есть проект программы, а есть комментарий к программе, из которого нужно извлечь самое программу. Товарищ Герман Дункер говорит, что не нужно забывать слова Энгельса, который прямо выставил требование по отношению к программам, что они должны быть **коротки и точны** и что всякая программа, которая не отвечает требованиям краткости и точности, есть все что угодно, но не программа. Видите ли, товарищи, вообще говоря, энгельсовское правило чрезвычайно мудрое, что нужно быть короче и точнее.

Г о л о с. И не только в программе.

Бухарин. Но в программе особенно. Однако опыт с прошлым проектом программы нам показал, что очень коротко изложить необходимый курс программных идей весьма трудно.

Когда Энгельс выставлял свое требование, то речь шла у него об общих декларативных заявлениях либо, более конкретно, о программах национальных партий. Но одно дело написать программу для одной партии, а другое дело написать документ, который даст программное обоснование политике всех партий (от Китая до Чили).

(Р е п л и к у К а л и н и н а н е с л ы ш н о.)

Бухарин. Ты считаешь, что он может быть меньше, но на то ты и чудотворец всероссийский, а я не претендую на такую роль (с м е х).

Калинин. Я говорю об объеме.

Бухарин. Мне кажется, что на такой длине, которая была возможна **раньше**, вообще невозможно удержаться. А потом я скажу: что будет, если, сочиняя программу для одной нашей партии ВКП, вы построите ее на общих фразах: «мы все стремимся к социализму, полный коммунизм лучше, чем переходная эпоха, он последует за этим»? Рабочие прогонят вас за эту программу, потому что они требуют большей точности, практических директив, большей конкретности и проч., так же, как в других странах.

Мне кажется, что общее положение «чем короче, тем лучше», в общем, правильно. Но попробуйте сказать, **какие места** нужно выбросить. Когда тов. Дункер говорит о том, что он предлагает выбросить, тут получается то, что «огромная гора родит мышь». Он говорит, что вместо повторения «угнетение» и «рабство» можно сказать

одно слово, в другом месте указывает другое слово и больше ничего. Мне кажется, что тов. Дункер «чижика съел», размахнулся самым ужасным образом, а когда начал «вышелушивать», то вышелушил два слова и ничего из этого не получилось.

Что касается чистки, стиля, уничтожения повторений и проч., я думаю, что тут можно проделать солидную работу.

Калинин. Мы болезнью длиннот болеем.

Бухарин. Это называется в медицине элефантиазис[98]. (С м е х.)

На этом я заканчиваю свой доклад. Вы отлично понимаете огромнейшую важность этого документа. Ясное дело, что Коммунистический Интернационал, который первый раз выступает с проектом программы, берет на себя чрезвычайно большие обязательства. Вы отлично знаете, что, переведенный на дюжины языков, этот проект будет положен в основу для теоретической и практической работы наших компартий. Поэтому у некоторых товарищей является опасение, они желают опять затянуть обсуждение проекта программы.

Г о л ос. Вряд ли.

Бухарин. Но украинский ЦК нашей партии решил, чтобы на этом конгрессе проект программы не принимать.

Каганович. Не так.

Постышев. Вы не точно перевели.

Бухарин. Тов. Постышев, я знаю, что ты большой специалист касательно украинского языка (с м е х), но там написано было примерно следующее требование, чтобы конгресс принял проект за основу, а затем расширенный пленум окончательно утвердил. V конгресс тоже принял за основу. А что это конкретно означало?

Скрыпник. Не этот проект.

Бухарин. Принимать за основу – это значит, вообще говоря, не принимать. Я считаю, что выгоднее посидеть несколько лишних дней в комиссии на VI конгрессе, чем отказываться еще раз от обсуждения этого проекта. Немыслимо это совершенно. У нас есть определенный опыт. Некоторые товарищи считают: мы опубликуем проект и начнется ужасно пламенная дискуссия во всех партиях. Это же ерунда. У нас был принят за основу проект еще на V конгрессе. С тех пор прошло несколько лет. Призывали к обсуждению, к дискуссии. Я спрашиваю: а сколько предложений было сделано, сколько было получено исправлений проекта?

Г о л о с. И со стороны украинцев.

Бухарин. Да, и со стороны украинцев. Вы увидите, что ничего не было сделано, я уверяю вас по опыту, что вы вряд ли получите – если вы отложите обсуждение, – вряд ли получите особо богатый материал в промежуток времени от VI конгресса до расширенного пленума ИККИ.

Рыков. Когда проект программы был опубликован на французском языке?

Бухарин. Сравнительно недавно. Повторяю: мое мнение таково, что лучше нам посидеть на конгрессе несколько лишних дней и доработать все и выслушать все мнения, но принять соответствующую программу, чем откладывать этот вопрос на совершенно неопределенное количество времени. Я, товарищи, думаю все же, что работа наша, которую мы проделали, не прошла понапрасну, что, несмотря на целый ряд отдельных недостатков второстепенного свойства, мы этот проект можем принять с полной добросовестностью, положить его за основу к VI конгрессу и выйти с VI конгресса, наконец, с большим, всемирно-исторической важности документом, который будет нашим знаменем в великой революционной борьбе.

Председатель. Слово имеет тов. Осинский.

Осинский. Я боюсь, что не уложусь в 10 минут, поскольку не об одном пункте бу-

ду говорить, а о нескольких пунктах. Но в зависимости от содержания моей речи и от тех вопросов, которые я затрону, вы мне, может быть, продлите время.

Я с основной установкой проекта совершенно согласен. Я слышал от сидящих по соседству товарищей, что они с чем-то вообще не согласны в основе. Мне очень интересно было бы услышать, что же это окажется. Что касается меня, то я буду рассматривать проект не с той точки зрения, чтобы как-нибудь изменить основную установку, а с той точки зрения, чтобы исправить отдельные его части, уточнить формулировку, а иногда и понятия несколько правильнее очертить, чем они очерчены. Начну я со следующего.

Я все-таки принадлежу к тем товарищам, которые считают, что проект этот по внешней форме не представляет собой вполне блестящего произведения. Проект писался двумя блестящими нашими писателями: тт. Бухариным и Сталиным. Тов. Сталин больше секундировал, а Бухарин писал в основе. И я не скажу, чтобы это было одно из лучших произведений Бухарина со стороны внешней формы. Масса недочетов с чисто стилистической точки зрения уже была констатирована в печати. Затем, когда мне пришлось составлять для конспекта речи список страниц, на которых находится военный коммунизм, нэп и т. д., я все время разъезжал по этому проекту взад и вперед и никак не мог разобраться, где же что находится.

Г о л о с. На то ты и Автодор, чтобы разъезжать!

Осинский. Вообще говоря, это объясняется следующим. Посмотрите, как построена вся программа. Начинается с главы о «мировом капитализме, его развитии и неизбежной гибели», затем следует глава о первой фазе мировой революции, затем прямо приезжаешь к коммунизму – конечной цели Коминтерна. Потом обратно поехали: «переходный период от капитализма к социализму и диктатуре пролетариата». Потом опять едем в другую сторону: «диктатура пролетариата в СССР и социальная революция». И причаливаем в конце концов к «стратегии и тактике Коминтерна».

Я утверждаю, что если бы «исторический» порядок был принят в основу и проведен по всей линии с окончанием на мировом коммунизме, если бы логико-историческая связь была проведена по всем главам, было бы гораздо более простое и удовлетворительное построение. Сейчас же при изложении приходится делать зигзаги по всем главам, делать повторения, и получаются недоразумения.

Тов. Бухарин ставил вопрос, надолго ли создается эта программа. Он сам говорил: эта программа просуществует до будущей войны, т. е. на срок 3–5 лет. Спрашивается, давая программу, рассчитанную на такой срок, не следует ли насытить ее содержанием сегодняшнего дня, сделать более злободневной? Что же, скажут мне, вы хотите, чтобы мы давали платформу вместо программы? Нет, я хочу иметь программу, я не против этого возражаю, но мы должны заострить в ней вопросы наиболее злободневные, вопросы нынешнего дня, вернее, нынешнего **периода**, они должны быть ярко, выпукло очерчены, чтобы давали этому документу боевой характер.

Перечислим пять таких вопросов. Тема рационализации, как основная характеристика того, что происходит в экономике в настоящее время, совершенно не развита. Колонии. Война. Крестьянство. Это нужно сгруппировать и пустить вместе как комплекс. И последнее, что можно было бы назвать, – «конец социал-демократии». Все эти вещи должны были бы где-то вместе находиться, в одном узле.

Сделав такие общие замечания насчет архитектоники этой программы, перехожу к отдельным пунктам, причем начну с вопроса о военном коммунизме.

Я по этому пункту полагаю, что тут нужно сделать исправления в двух направлениях: относительно вопроса, который уже дискутировался, обязателен ли военный коммунизм как стадия революции, и второе – относительно самой формулировки того, что такое военный коммунизм.

Здесь сказано: «В связи с **возможностью** военной интервенции капиталистов и длительной контрреволюционной войны против диктатуры пролетариата **может появиться** необходимость в военно-коммунистической политике».

Так начинается формулировка того, что есть военный коммунизм.

Я утверждаю, что это слишком мягкая формулировка относительно этих «возможностей». Я не буду утверждать того, что во всех странах, где будет происходить революция, совершенно неизбежен военный коммунизм. Но если вы примете во внимание обстановку нарастающего обострения классовой борьбы, очерченную в самой программе, роль социал-демократии, которая неизбежно приближается к фашизму, я спрашиваю: какие же имеются шансы, чтобы в **решающих** странах не было острой гражданской войны, острой классовой борьбы, которая неизбежно вынудит прийти к военному коммунизму?

Поэтому тут надо сказать «в связи с большой вероятностью» вместо «в связи с возможностью», и надо сказать «вряд ли возможно избежать» вместо «может появиться необходимость». Нужно усилить эту формулировку.

Дальше, относительно нэпа. Тут также дана слишком узкая формулировка: и нэп, и военный коммунизм квалифицируются по тому, что делается с рынком. Так, о военном коммунизме сказано: «Военно-коммунистическая политика («военный коммунизм»)... есть не что иное, как организация рационального потребления в целях обороны при падении производительных сил страны, при резком нарушении индивидуалистических производственных стимулов мелкого производителя (система конфискаций и реквизиций)».

Но дело в том, что военный коммунизм не сводится к тому, что делается с рынком. Военный коммунизм – это целый комплекс явлений, связанных между собою. Во всяком случае, это две вещи. С одной стороны, это форма самого насильственного, самого решительного способа экспроприации прежних хозяев, разрыва прежних взаимоотношений, и, во-вторых, военный коммунизм экономически не в том только состоял, что карточки раздавали; с военным коммунизмом и трудовая повинность связана, он распространялся и на способы организации производства. Так что его формулировать таким образом, что это есть определенная рыночная структура, – это просто было бы неправильно.

Я предложил бы такое дополнение здесь сделать: вместо слов «военный коммунизм есть не что иное, как организация рационального потребления...» и т. д. сказать «вряд ли можно избежать военной коммунистической хозяйственной политики (военного коммунизма), который есть, с одной стороны, **проведение процесса экспроприации буржуазии в наиболее решительной форме**», и дальше сказать: «с другой стороны, есть организация рационального потребления» и т. д., как в тексте.

Теперь далее, относительно нэпа позвольте сказать несколько слов. Нэп здесь сформулирован таким образом: «Наличие значительного количества мелких хозяйственных единиц и в первую очередь крестьянских хозяйств, хозяйств фермеров и т. д. делает необходимым в той или иной мере сохранение, на начальных ступенях развития, рыночных форм и хозяйственной связи, денежной системы и т. д.».

Значит, выходит опять, что нэп – это есть сохранение товарного рынка и денег, и только, – это тоже, по-моему, неправильно. Когда впервые одна сторона нэпа была сформулирована Владимиром Ильичом Лениным? Это было сделано в апреле 1918 года, против чего мы тогда, левые коммунисты, и я в частности, усиленным образом возражали. Тогда Ленин говорил: раньше был лозунг «грабь награбленное», теперь лозунг должен быть другой – «награбленное подытожь, подсчитай и приведи в порядок». Одновременно с этим Ленин выдвигал другой лозунг: введение соревнования между ра-

бочими на фабриках, введение сдельщины. Против этого мы, левые коммунисты, тогда возражали как против потрясения святая святых: «Позвольте, что же это такое?! Ведь что такое сдельщина? Она вводится капиталистами для того, чтобы противопоставлять рабочих друг другу, чтобы раскалывать их и т. д., а вы у нас хотите вводить сдельщину».

Почему Ленин выдвинул требование сдельщины? Потому что в нэп входит не только категория товара и денег, но и заработной платы.

Далее, позвольте коснуться вопроса: входит ли в нэп категория прибыли? Формально и она остается, поскольку мы ставим предприятия на базу «хозяйственного расчета».

Бухарин. Это следствие денежного счета.

Осинский. Извините, пожалуйста, а причем тогда премиальные директорам, которые, может быть, теперь не существуют, но долго проповедовались для того, чтобы заставить их вести возможно рентабельное производство на основе их личной заинтересованности. И тут были приемы нэпа, касающиеся специально технической интеллигенции, рассчитанные на ее психологию лично лучше жить.

Г о л о с. И коммунисты стремятся лучше жить.

Осинский. Это есть не только у коммунистов, это есть у рабочих вообще. Это то самое, на чем играл тов. Ленин, вводя сдельщину.

Бухарин. Томский, как спец, говорит, что премиальные были и при военном коммунизме.

Осинский. Это не исключает одно другого, одна система переплетается с другой. Одним словом, что я утверждаю? Я утверждаю то, что понятие нэпа включает в себя не только категорию товара и денег, но и категорию зарплаты и прибыли, и поэтому здесь нужно такое дополнение сделать: там, где сказано «наличие значительного количества мелких производственных единиц» и т. д., я добавляю «наличие во всех областях хозяйственной жизни навыков и традиций, унаследованных от буржуазного общества и не могущих быть изжитыми сразу».

Далее, в том месте, где перечисляются экономические формы, из которых складывается нэп («рыночные формы связи, денежная система и т. д.»), я считаю, надо добавить: «зарплата». Для чего добавить? А для того, что могут появиться новые левые коммунисты, которые против сдельщины будут возражать. (С м е х.)

Бухарин. Это иррациональная форма.

Осинский. Тогда ты скажи прямо – **сдельная** зарплата. Я зарплату употребляю в качестве приличного псевдонима сдельщины.

Сталин. А может быть, добавить еще об «эксплуатации»?

Косиор. Нужно добавить, чтобы довести мысль до конца.

Осинский. Хорошо, давайте другую формулировку, но чтобы эта мысль была выражена. Это необходимо для того, чтобы создать ясность в постановке вопроса. Вы не договариваете до конца, а это может в известный момент создать определенный рецидив левого коммунизма и задержать реализацию этой постановки вопроса.

Сталин. Речь идет о том, организовать ли народное хозяйство через рынок или без рынка. Вот основное.

Осинский. Не об этом речь идет. В связи с этой историей на 59 странице, когда анализируется, как будут отдельные страны переходить от капитализма к коммунизму, здесь говорится, что «страны высокого капитализма», очевидно, высокоразвитого капитализма, Соединенные Штаты, Германия, Англия и т. д., – что они, дескать, скорее всего, перешагнут через нэп, потому что в области экономической наиболее характерным для них является «**сравнительно малый объем стихийно-рыночных отношений**, быстрый темп социалистического развития» и т. д.

Я бы по отношению к Соединенным Штатам весьма предостерег от такого оптимизма. Там, в Соединенных Штатах, возможное дело, нэп весьма и весьма затянется. Ибо там психология индивидуализма в рабочей среде и по историческим основаниям, во-первых, и потому, во-вторых, что в период империализма нигде в таком широком масштабе рабочий класс не был подкупаем капиталистами, – там эта психология получила большое развитие и ее так быстро нельзя сломить. Кроме того, говорить о развитии в Америке кооперативного движения не приходится. Оно там очень слабо развито. В Америке, которая является сейчас страной высокоразвитого капитализма в смысле состояния производительных сил и т. д., отсутствуют некоторые звенья, которые в смысле социальной организации могут дать более быстрый переход. Этот момент освещен здесь, мне кажется, недостаточно осторожно.

Теперь еще об одном вопросе. Я говорил: напрасно тут нет ничего относительно рационализации. О рационализации, безусловно, нужно будет особо сказать, потому что это дает отражение в некоторые другие вещи, скажем в рабочий день. Я бы охарактеризовал современную капиталистическую рационализацию как следующий процесс. Со стороны технической – это есть такая реконструкция техники, когда усиленно и стремительно распространяется применение **электричества**, с одной стороны, и с другой стороны – **двигателей внутреннего сгорания**. И именно это характеризует послевоенный технический переворот. Утверждает, скажем, Варга, рассматривая отдельные отрасли промышленности, что в большинстве отраслей новых рабочих машин, исполнительных машин мало изобретено. Это верно. Но при этом упускается из виду, что в смысле двигательной силы произошел колоссальный переворот. Введение электричества создало целый новый этап роста, введение двигателей внутреннего сгорания в смысле колоссального введения мотоавтотранспорта и аэропланов – это второе, что характеризует данный период.

Бухарин. И химия.

Осинский. Это, пожалуй, третье, но более слабое, чем предыдущие два звена.

С точки зрения производственно-организационной – что означает рационализация? Она означает усиленное распространение **конвейерной системы** организации трудового процесса.

С точки зрения отражения всего этого на рабочей силе – все это означает **колоссальное повышение интенсивности труда**.

И теперь: какие дальнейшие отражения дает сейчас рационализация в хозяйственной сфере, которые прошли мимо нашей программы? Разрешите задержать ваше внимание и рассказать несколько интересных вещей. Форд в конце 1926 года ввел пятидневную рабочую неделю на своих заводах. В настоящее время на автозаводах Гудзон – Эссекс в связи с введением системы двух конвейеров (один рабочий сразу работает у двух конвейеров) введена пятидневная рабочая неделя, т. е. рабочие работают не шесть дней, а всего пять дней в неделю. Исходя из таких прецедентов, Американская федерация труда – желтая организация – выставила уже лозунг **общего** введения пятидневной рабочей недели в целях (это меньше подчеркивается) того, чтобы рабочий выдерживал интенсификацию рабочего процесса, а более для того, чтобы сократить безработицу. Здесь вскрывается очень интересная связь между растущей постоянной безработицей, которую мы наблюдаем в Соединенных Штатах, с этой рационализацией труда. Американская федерация труда прямо требует пятидневной недели, чтобы бороться с растущей безработицей в Соединенных Штатах. Наша американская партия в своей избирательной платформе также выставила это требование. Кстати, эта платформа составлена совершенно коммунистически, и если тов. Ломинадзе здесь говорил насчет избирательной инструкции правильно, то насчет избирательной литературы он

был неправ, что справедливо констатировал тов. Пеппер. Итак, американская коммунистическая партия взяла в свою избирательную платформу пятидневную рабочую неделю. Мало того, недели две тому назад я читаю в органе Нью-Йоркской биржи «Уолл-Стрит джорнал» статью его редактора Баррона, в которой он пропагандирует пятидневную рабочую неделю в качестве общей меры и предлагает, обращаясь к Моргану, введение ее на его заводах. Вот какой сдвиг получается в вопросе о рабочем времени, о рабочем дне благодаря рационализации. А это у нас отражается? Нет. Если говорят о русском характере программы, то я скажу – **политически** «русской» она не является, но она, может быть, является «московской», с точки зрения того, что мы не видим отсюда некоторых новых явлений, развивающихся далеко отсюда.

Г о л о с. А при пятидневной рабочей неделе 7 часов?

Осинский. 8 часов для пятидневки. Но помножьте 7 часов на 6, 8 на 5 – все-таки будет разница.

Бухарин. Это только американская штука.

Осинский. Конечно, это пока американская штука, но имеется, видимо, и **тенденция** такая, вследствие ускорения темпа производства, введения конвейерной системы и колоссального повышения интенсификации труда.

Теперь, что же мы имеем по части рабочего времени в качестве требований? При произведенном социалистическом перевороте норма рабочего дня намечается в семь часов. Я опасаюсь, что дело может кончиться тем, что до социалистической революции общая сумма рабочего времени кое-где окажется меньше того, что мы предлагаем. Это может получиться в весьма интенсифицированных отраслях производства. Поэтому права Клара Цеткин, когда она говорит: не говорите лучше о 7-часовом рабочем дне.

Г о л о с. Зарплата остается та же?

Осинский. Я этим вопросом специально не интересовался. Она, может быть, останется и той же самой. Кто заказал нам пути нормой 7-часового рабочего дня? Как бы слабо, с какими бы ошибками сейчас ни проводился он, я утверждаю, что и 7-часовой рабочий день окажется недостаточно сокращенным, когда мы введем автоматизированные процессы производства в СССР, – нам придется тогда подумать о дальнейшем его сокращении.

Рыков. Правильно!

Осинский. Зачем нам фиксировать то, что имеем сегодня? Между прочим, 7-часовой рабочий день по разбивке дня на смены чрезвычайно неудобная вещь. 6-часовой рабочий день в смысле разбивки дня, в смысле практического применения гораздо легче; 7-часовой рабочий день есть переходная ступень к 6 часам, и зачем фиксировать переходную меру в качестве общей постановки вопроса, я не знаю. Лучше совсем это вычеркнуть, или можно сказать так: «сокращение рабочего дня до 7 часов и регулирование рабочего дня», тут сказано «во вредных отраслях производства» – я бы добавил: «в предприятиях, требующих особенно напряженного труда и во вредных отраслях производства». Тогда получится это гибче, лучше. Вообще, мне не нравится, что у нас получается: 8-часовой рабочий день для колоний, 7-часовой при социализме, и неизвестно, какой рабочий день в качестве переходных требований вообще. Здесь, мне кажется, есть определенная неувязка, и поэтому самое лучшее оставить этот 8-часовой рабочий день для колоний, а в остальных случаях ничего конкретно не называть.

Я затягиваю, но разрешите мне сказать несколько слов насчет сельскохозяйственной программы. Я должен сказать, что она, по моему мнению, довольно тоща вообще. Позвольте для примера, с точки зрения не московского опыта, а с точки зрения американского опыта, взять один пункт. Это пункт «ж», который кратко гласит: «Организация

мелиоративного сельскохозяйственного кредита». Покорнейше вас благодарю – это при социализме вы только обещаете «организовать» сельскохозяйственный кредит.

Позвольте вам сказать, что в Соединенных Штатах Америки уже тратится ежегодно сумма в пару сот миллионов долларов на эту мелиорацию. Я сам во время поездки по С. Ш. был только в **двух** орошенных районах в штате Аризона, где производится на орошении хлопок, и в штате Техас. Но таких районов существует в С. Ш. очень много. Там на эту штуку, которая делается в грандиозном масштабе, дает средства государство, причем средства даются в десять раз большие, чем у нас. Таким образом, сказав просто «организация мелиоративного сельскохозяйственного кредита», вы ничего нового по сравнению с нынешней деятельностью американского буржуазного правительства не скажете. Поэтому эту часть надо или переформулировать как-то, или просто вычеркнуть.

Бухарин. Как ты предлагаешь переформулировать?

Осинский. Формулировку могу предложить в комиссии.

Сталин. В Китае как?

Скрыпник. Он о Китае не знает, он говорит с американской точки зрения.

Осинский. Теперь дальше, о сельском хозяйстве, насчет национализации. Я считаю совершенно бесспорным, что уже и раньше признавалось положение: национализация возможна не сразу. Однако я должен сказать, что так, как сформулирован сейчас проект, он не достигает той цели, которую он себе ставит, т. е. правильно высказать это положение. Он говорит: «Конфискация и пролетарская национализация всей крупной поземельной собственности в городе и в деревне» и т. д., «с последующей национализацией **всей** земли».

Скажите, кого вы здесь нейтрализуете, если вы, начав с неполной национализации, обещаете, что впоследствии вы **все** национализируете? Вы такую ложку дегтя прибавили к бочке меду для кулака, что всю свою бочку меда испортили.

Бухарин. Так ведь он не наши программы будет читать, а наши воззвания.

Осинский. Не беспокойтесь, «Таймс» ему так расскажет, что мы пишем в своей программе, что он все поймет.

Я думаю, что нужно сказать следующее: «Национализация без выкупа всей земли, вместе с лесами и недрами, **при сохранении или увеличении размера землепользования бедного и среднего крестьянства**». Я не знаю, с какой стати болгарский крестьянин будет возражать против национализации, раз ему гарантируется пользование всей той землей, которая была в его владении.

Бухарин. Ты что хочешь? Как ты ставишь вопрос?

Осинский. Я даю отрицательную формулировку. Я говорю, что можно объявить национализированной всю землю, но гарантировать **беднякам и середнякам** прежнее землепользование. А насчет всех остальных мы можем не говорить. Если хотите нейтрализовать зажиточных, можно добавить еще и то, что национализация может быть произведена и постепенно, начиная с немедленной конфискации крупной земельной собственности.

Тов. Бухарин вводит затем пункт «г» – запрещение всякой купли и продажи земли. Он говорит так: «Раз мы введем такой пункт, мы реализуем национализацию». Почему же нет аренды земли? Ведь аренда может сорвать таким же манером национализацию земли, как купля и продажа. Если ты стоишь на почве того, что мы сейчас признаем правильным, ты должен сказать: «запрещение всякой купли-продажи и капиталистической аренды земли». Тогда будет правильно.

Перехожу к пункту о технической интеллигенции.

Мне кажется, что пункт о технической интеллигенции неудовлетворителен с двух

сторон: с одной стороны, слишком эту интеллигенцию от нас отшивает, с другой стороны, мало пришивает ее к буржуазии. Здесь что сказано?

«В отношении технической интеллигенции, выросшей в буржуазных традициях, пролетариат, подавляя самым решительным образом всякое контрреволюционное выступление из ее рядов, должен вместе с тем использовать эту квалифицированную общественную силу в деле социалистического строительства».

Тут, товарищи, получается такая вещь, извините меня, пожалуйста, что вся интеллигенция одно, а ведь есть различные слои технической интеллигенции.

Бухарин. За что же тебя извинять?

Осинский. Точно так же, как мы держим курс на то, чтобы расколоть и нейтрализовать крестьянство, так мы не можем организовать промышленности, если не расколем и частью не привлечем техническую интеллигенцию. Надо сказать так: «В отношении технической интеллигенции, выросшей в буржуазных традициях **и своими верхушками тесно сросшейся с экономическим командным аппаратом капитала**» (т. е. надо усиленно подчеркнуть, что один слой интеллигенции прямо сросся с буржуазией: тогда становится ясным и дальнейшее), «пролетариат подавляет самым решительным образом всякие контрреволюционные выступления **враждебных пролетариату ее слоев**» (я говорю: «враждебных ее слоев» вместо «из ее рядов»). «Надо вместе с тем учитывать необходимость использовать эту квалифицированную общественную силу в деле социалистического строительства», и я опять добавлю: «всячески поддерживая нейтральные или дружественные рабочему классу слои».

Г о л о с. Слишком русская постановка вопроса.

Осинский. Нет, я не думаю, это совершенно интернациональная постановка вопроса.

Я бы сделал еще одно замечание относительно роли кооперации. На 56 странице тут проявлен большой оптимизм в отношении кооперации, как будто она сразу польет воду на нашу мельницу. Я утверждаю (и не только это у нас было, но и в западной Европе будет), что кооперация – и потребительская, а в особенности сельскохозяйственная – станет цитаделью реакции и борьбы против нас. Здесь надо добавить: «Все это не исключает того, что на первых порах потребительская и сельскохозяйственная кооперация под руководством буржуазии и ее социал-демократических агентов могут представлять оплот контрреволюционной деятельности, и на завоевание их надо обратить значительное внимание». Это я грубо сформулировал, но этот пункт ввести надо.

Я согласен также с тов. Скрыпником, что в абзаце насчет так называемого духовного производства о культурных задачах абсолютно ничего нет. Сказано, что материальное оборудование будет национализировано – типографии, кино, театр, причем газеты будут «монополизированы», но неизвестно кем. Написано, что будут национализированы кино, театры, печать, а что мы со всем этим делать будем – не сказано об этом решительно ничего. Нужно дать установку: мы это делаем для того, чтобы развивать все виды культуры. Неизвестно, что с ними будем делать.

Г о л о с. Сожжем.

Осинский. Или, может быть, делать они будут все то же, что делали раньше?

Г о л о с. Я предлагаю закрыть.

Осинский. Допустим, это слишком сказано, но тут нужно по существу сформулировать какой-то пункт, в котором должно быть указано, что пролетарская диктатура будет содействовать мощному развитию всех видов культуры на пролетарской основе.

Теперь еще одно последнее, маленькое замечание, также крайне характерное с точки зрения «московской». Раздел «Промышленность, транспорт, служба связи», пункт «б»: «Конфискация и пролетарская национализация частнокапиталистического

железнодорожного и водного транспорта, а равно и средств воздушного транспорта (торговый и пассажирский, воздушный флот) с переходом в руки советов государственной и коммунальной собственности на средства транспорта всех видов».

Видите, как мы прогрессивны, не забыли даже аэропланов, но вот что забыли: в Америке существует 23 млн. автомобилей.

Г о л о с а. Автодор.

Осинский. Позвольте вам констатировать, вы только с московской точки зрения смеетесь, когда говорят об Автодоре. Я с американской точки зрения могу некоторые справки привести: за прошлый год автобусные линии отвоевали у железных дорог перевозку пассажиров на 250 млн. долларов, протяжение линий автобусных равняется протяжению линий железнодорожных; можно бы также привести справки и насчет того, сколько грузов перевозится автотранспортными предприятиями. Это колоссальная система капиталистических предприятий! Вы должны хотя бы из приличия приписать: «частнокапиталистического железнодорожного, **коммерческого моторного** и водного транспорта».

Я хотел бы в заключение сказать: не знаю, нужно ли откладывать принятие этого проекта, но что переработать его нужно в довольно значительной степени – это ясно. Получается впечатление, что этот проект претерпел большой «монтаж», над ним работали не только по-писательски, но работали ножницами, склеивали, подклеивали и т. д. Однако, как бы обработка такого материала ни была неприятна, хороший литератор должен добиться того, чтобы весь документ стал единым куском и чтобы настроение автора не колебалось, а оно то поднимается, то падает и в конце идет по нисходящей линии. Нужно, чтобы подъем в конце создавался не за счет Карла Маркса, а за счет того, чтобы вся литературная линия документа шла по восходящей и в конце был достигнут максимальный подъем.

[**Председатель**. Для заявления имеет слово тов. Мануильский.

Мануильский. Вчера в моем заключительном слове была допущена досадная ошибка. Я взял стенограмму и я читаю по поводу дел в германской партии: «по поводу этого было постановление Политбюро русской делегации, и русская делегация в известном смысле осудила группу Эверта». Товарищи, разумеется, такого постановления не было, а было совершенно иное. По инициативе германской делегации, прибывшей на расширенный пленум, было создано совещание русского Политбюро вместе с германской делегацией для обсуждения некоторых внутренних трений, создавшихся в партии.

Косиор. Это разница большая.

Мануильский. Вот в силу этого это совещание приняло определенную резолюцию, и для того, чтобы не создавалось ложное впечатление, что эта резолюция смешивала и бросала в одну корзину группу Брандлера и Тельмана, как это пробовал истолковать тов. Ломинадзе, я оглашу эту резолюцию: «1. Признать, что правая опасность... (ч и т а е т*) и привлечение их на руководящую работу». Ввиду допущенной мною ошибки разрешите мне абзац, касающийся этого вопроса, вычеркнуть из стенограммы.

Сталин. Кем подписана эта резолюция? Прошу прочесть фамилии.

Мануильский. Тельман, Реммеле, затем Эверт, Денгель, Нейман, Герхарт, Бухарин, Сталин, Томский, Молотов, Лозовский, Микоян, Пятницкий.

Рыков. Разрешите Мануильскому в соответствии с изложенным им заявлением исправить текст своей речи. Нет возражений?

Г о л о с а. Правильно.

(З а с е д а н и е з а к р ы в а е т с я.)]

---

* Текст резолюции в стенограмме не зафиксирован (составители).

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вечер, 5 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Скрыпник, следующий тов. Лозовский.

Осинский. А вы прочтите мое заявление.

Председатель. Чтобы исключить некоторые моменты прений в дальнейшем, связанных с речью тов. Осинского, я прочту его заявление.

«Прошу огласить нижеследующее. Я впал в неточность формулировки и вместе с тем мысли, когда утверждал сегодня, что при нэпе сохраняются категории заработной платы и прибыли наравне с категориями товара и денег.

Последние две действительно сохраняют **реальное** бытие, первые две – только **формальное** существование. Их экономическая основа – отделение средств производства от непосредственного производителя и превращение средств производства в капитал – исчезла. Их (заработной платы и прибыли) форма продолжает существовать – с одной стороны, потому что еще не произошло социально-психологического приспособления участников производственного процесса к новым производственным отношениям, с другой стороны, потому что товарообмен и расчет на деньги продолжаются.

В связи с этим к перечню экономических форм нэпа («рыночные формы хозяйственной связи, денежная система») нельзя прибавить слова «заработная плата», а можно добавить только «денежная форма участия рабочих в распределяемом продукте». **Осинский**».

Председатель. Слово имеет тов. Скрыпник, следующий тов. Лозовский.

Скрыпник. Прежде всего, я должен заявить, что нам, работникам коммунистической партии большевиков Украины, очевидно, нужно будет отказаться от вынесенного нами предложения, а именно, чтобы на предстоящем VI конгрессе Коминтерна предлагаемый проект программы был принят за основу, с представлением его на утверждение следующего расширенного пленума Исполкома Коминтерна. Я думаю, что от этого предложения нужно отказаться по следующим мотивам. Конечно, не особенно нормально, нужно сказать, когда проект программы публикуют за полтора месяца до конгресса. Этак широкого обсуждения нашим партиям провести навряд ли возможно. Да мы и не имеем почти никакой дискуссии в западных странах, в партиях европейских и американских, во всяком случае, если там что имеется, то нам совсем тогда неизвестно. Взаимного обмена опытом в этом обсуждении этих партий совсем нет благодаря такой постановке, не особенно нормальной постановке дела. Нужно поставить это в укор нашему руководству Коминтерном. Но вместе с тем, товарищи, необходимо признать, что тов. Бухарин действительно прав, говоря, что дальнейшая задержка принятия программы будет уже вредна, ибо перенос утверждения на расширенный пленум Исполкома Коминтерна будет равняться объективно непринятию программы конгрессом.

В силу этого я считаю внесенное мною и принятое по моему предложению пле-

нумом ЦК КП(б)У предложение о том, чтобы данный проект программы был обсужден и принят за основу VI конгрессом с передачей его утверждения на следующий расширенный пленум Исполкома Коминтерна, ошибочным и неправильным.

Дальше. Я не имею возможности высказать все вопросы, которые у меня возникают, вопросы существенные и значительные, и затрону лишь некоторые. Прежде всего, один из основных вопросов – вопрос о диктатуре пролетариата. Я не считаю, что формулировки, которые дает нам проект программы по этому вопросу, достаточно полны и ясны. Для того чтобы видеть это, можно, например, прочитать такое место, которое дается в этой формулировке. Вот, например, в последнем абзаце 55-й страницы говорится: «При условии надлежащего руководства и обеспечения влияния трудящихся слоев деревни, **идущих за диктатурой пролетариата**».

Эта формулировка не может быть признана сколько-нибудь удачною, в особенности когда мы имеем такую, например, формулировку Ленина, где он говорил (т. XVI, стр. 240–241): «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом – авангардом трудящихся и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.)»[99].

Сталин. Прочитайте 52 страницу.

Скрыпник. Я сейчас читаю, что Ленин говорил: «...Непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма».

В формулировке на 55-й странице проекта программы имеется противопоставление трудящихся слоев деревни и диктатуры пролетариата. Вот это противопоставление и неверно и ошибочно; оно должно быть изменено, тем более что в других местах такой формулировки нет. Ее нужно изменить.

А вот на 53-й стр., которую мне указал тов. Сталин, говорится следующее: «По отношению к крестьянству задача коммунистических партий состоит в том, чтобы, опираясь на сельскохозяйственный пролетариат, привлечь на свою сторону все эксплуатируемые и трудящиеся слои деревни. Строго различая разнообразные группировки в среде крестьянства и учитывая их удельный вес, победоносный пролетариат должен всячески поддерживать неимущие, полупролетарские слои крестьянства, отдавая им часть помещичьих земель, облегчая их борьбу с ростовщическим капиталом и т. д. Пролетариат должен, далее, нейтрализовать средние слои крестьянства и активно отбивать всякое нападение со стороны деревенской буржуазии, блокирующейся с помещиками».

В начале этого прочтенного мною абзаца, на странице 53, говорится, что задачей коммунистических партий является «**опираться на сельскохозяйственный пролетариат**». Поскольку мы имеем перед собой систему диктатуры пролетариата, постольку здесь, таким образом, сельскохозяйственный пролетариат выделяется в отдельную категорию, которая становится не столько субъектом, сколько объектом нашей деятельности, – тогда как она **является составной, неразрывной частью диктатуры пролетариата**. Правда, по сему поводу мы имеем указания Ленина, где он говорит: «Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, **именно городские и вообще фабрично-заводские промышленные рабочие** в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за низвержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание, укрепление побед, в деле со-

здания нового социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (т. XVI, стр. 248)[100].

Соответственно сему основным стержнем, основным носителем диктатуры пролетариата является индустриальный пролетариат. Но он может осуществить свою диктатуру не только опираясь, но и привлекая к участию в диктатуре пролетариата сельскохозяйственный пролетариат. Формулировки, которые даются данным проектом, в данном случае недостаточно точны.

Во-вторых, здесь нет ни одного места, ни одной формулировки во всем проекте, в которой предусматривались бы эти диалектические изменения, происходящие в жизни, – охват системой диктатуры пролетариата в самое различное время различнейших слоев трудящихся и угнетенных. Ни одного места нет. А между тем ленинская формулировка диктатуры пролетариата в этом отношении весьма полна и указывает детально различное, диалектически в различное время изменяющееся содержание диктатуры пролетариата, при одном неизменном, что основной силой, решающей, двигающей ее, является индустриальный пролетариат.

Второе замечание. Здесь на странице 54-й говорится о следующей задаче: «Пролетариат должен нейтрализовать средние слои крестьянства и активно отбивать всякое нападение со стороны деревенской буржуазии, блокирующейся с помещиками. По мере упрочения своей диктатуры и развития социалистического строительства пролетариат должен перейти от политики нейтрализации к политике прямого союза с середняцкими массами крестьянства, отнюдь не становясь, однако, на точку зрения какого бы то ни было раздела власти».

Последнее утверждение безусловно правильно. Каков бы ни был объем диктатуры пролетариата, он не может обозначать и не является в какой бы то ни было мере разделом власти. Но относительно нейтрализации и перехода к союзу необходимо дать комментарии. В последнем разделе проекта программы, который называется «Тактика, стратегия Коммунистического Интернационала и пути диктатуры пролетариата», на странице 79 говорится: «Громадное значение имеет дальше завоевание широких слоев крестьянства и **нейтрализация средних групп**».

Из этого вытекает, что для периода, когда мы идем к диктатуре пролетариата, но еще ее не завоевали, задача наша по отношению к крестьянству – нейтрализация средних его групп. А о других периодах, когда мы говорим о конечных наших целях, говорим о переходе от нейтрализации средних слоев крестьянства к политике прямого союза со середняцкими массами крестьянства по мере упрочения диктатуры пролетариата.

Я думаю, никаких оснований нет, чтобы утверждать, что происшедший у нас хронологический переход от одной формы политики к другой является общим и общеобязательным. Никаких оснований для такого утверждения нет. У нас в СССР вначале мы держались политики нейтрализации средних слоев крестьянства, а затем, по мере упрочения диктатуры пролетариата, мы перешли к политике прямого союза с середняцкими массами крестьянства. Но данный перенос наших отношений на мировые цели и на все страны капиталистические, по-моему, ничем не обоснован и ошибочен. Я могу указать страны, где имеются другие соотношения, а не только политика нейтрализации середняцких групп.

Я укажу такие страны, как новые малые империалистические державы: Польшу, Чехословакию, Румынию, Грецию, Югославию, где к общей экономической эксплуатации и давлению крестьянства присоединяется еще национальное угнетение малых хищников по отношению к населению аннексированных земель. Здесь мы можем иметь и имеем иное соотношение. И руководя национальной борьбой, национальным движением в этих странах, мы ведем уже за собою теперь и можем вести теперь серед-

няцкие слои крестьянства в борьбе против национального и экономического угнетения. Посему формулировку необходимо здесь изменить.

Далее, небольшое замечание у меня имеется. Вот на странице 85-й следующее местечко, где говорится относительно колониальных и полуколониальных стран, указаны задачи: «Коммунистические партии обязаны вести наиболее смелую и последовательную борьбу с иностранным империализмом».

Правильно это. А вот далее говорится: «Необходимо **при этом** организовать рабочих и крестьян в самостоятельные организации». Это неправильно сказано, потому что не «при этом» необходимо организовать, это не побочная задача, она является первейшей и основной задачей компартии – организовать рабочих и крестьян в самостоятельные организации. А проект говорит, что необходимо организовать «при этом», т. е. проводя работу борьбы против империализма, за освобождение от иностранного империализма и т. д. Только «при этом» организовать рабочих и крестьян в самостоятельные организации – данное выражение неправильно. Очевидно, это объясняется спешкой в редакции и подлежит в редакционном порядке изменению.

Затем несколько слов о согласии тов. Бухарина, чтобы здесь по национальному вопросу сделать дополнение. Это хорошо, что тов. Бухарин ничего не имеет, как он сказал, или не возражает.

Сталин. Против чего?

Скрыпник. Это хорошо, что тов. Бухарин не возражает против введения дополнения, говорящего по национальному вопросу. Но мало не возражать, тов. Бухарин, а нужно быть либо за, либо против. А такое отношение ваше, что вы в нетях хотите находиться, оно не особенно удобно. Будьте любезны по сему вопросу, давайте карты на стол и говорите просто-напросто, как вы сами считаете по этому вопросу. Нельзя ко всему относиться, как тов. Бухарин сказал по вопросу о культурной революции, которая является составной частью нашего социалистического строительства и диктатуры пролетариата, что для этого нет места. Уж если вы нашли место для указания о том, что необходимо для диктатуры пролетариата своих специалистов выработать, то как же вы не находите места, чтобы сказать о культурной революции, о полной переделке человека, о полной переработке его и т. д.

Неправильной и простой отговоркой является утверждение тов. Бухарина, что по национальному вопросу недостаточно сказано, потому что не хватает места, что нельзя удлинять. Нельзя по такому вопросу, как национальный, находиться на такой точке зрения, что это будет удлинение и лишнее. Что это не лишнее, видно из следующего. Целый ряд мест данной программы говорит, что «национальные моменты имеют решающее значение», что «процесс революции будет охватывать период национальных войн и колониальных революций» и т. д. Раз вы говорите, что в процессе подготовки диктатуры пролетариата необходимою и неизбежною составной частью являются национальные войны и национальные моменты имеют решающее значение, тогда и укажите, пожалуйста...

Сталин. А колониальный вопрос не имеет отношения к национальному вопросу?

Скрыпник. Колониальный вопрос имеет место в Азии, в Африке и т. д., но в Европе разве лишь об отдельных странах можно говорить о колониальном положении, но не именно о колонии.

Возьмем такие страны, как Югославия, Греция, Румыния, Чехословакия и Польша. Неоднократно указывалось на значение там национального вопроса.

И если мы в программе говорим о «периоде национальных войн и колониальных революций», то очевидно, как стекло прозрачно, что национальные войны – одно, а колониальные революции – другое. А следовательно, нужно дать указания о националь-

ном вопросе и его значении. Необходимо также сказать о нашей тактике в этом отношении. Ведь мы же имеем достаточно много в этом отношении уклонов, очень опасных и вредных. Необходимо, чтобы программа предусмотрела сие.

Программа ставит для стран империализма вопрос о признании права колоний на отделение и пропаганду этого отделения, то есть «пропаганду независимости колоний от империалистических государств», «признание права на вооруженную защиту от империализма», т. е. на восстания и революционные войны, «проповедь и активную поддержку» этой защиты всеми возможными средствами. Такие директивы мы даем в колониальном вопросе и этим указываем линии тактики наших компартий в вопросе о колониях.

Нужно также указать линии, как идти нашим партиям в национальном вопросе вообще, в вопросе тактики в национальных войнах. Ибо мы имеем, имели уже и, вероятно, будем иметь еще в центральной Европе специально в этих странах новообразованных, перечисленных мною – Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, Греция, – будем иметь не только социалистические пролетарские восстания, но, возможно, и национальные войны. Поэтому нам нужно указать, какие наши линии в этом вопросе. Я не вижу оснований, почему бы нам в программе точно так же не указать, как мы указали относительно права на отделение за колониями, право на отделение за угнетенными народами и, отсюда, пропаганда за освобождение, – почему бы нам в программе не указать на необходимость со стороны компартий проводить всемерную связь национального движения с движением пролетариата в едином русле борьбы против империализма.

Еще несколько слов относительно Польши. В проекте программы говорится о трех типах стран. Одни страны высокого капитализма, другие страны со средним уровнем развития капитализма и третьи – колониальные народы. Какие же страны являются странами со средним уровнем развития капитализма? Проект в скобках поясняет: «Россия до 1917 года, Польша и т. д.».

России до 1917 года уже не существует. Сейчас, через десять лет после 1917 года, эту историю вспоминать навряд ли стоит, где говорится об определении типов движения для настоящего времени. Навряд ли это стоит делать через 10 лет после 1917 года!

Что касается отнесения к этой категории Польши, я считаю это ошибочным. В прошлом году одна из руководителей, одна из видных писателей польской компартии тов. Кошчева получила весьма сильные удары от Коминтерна, в том числе и от нашего Политбюро, за ее уклоны. Между прочим, ее критиковали и за уклон по вопросу относительно характеристики стабилизации и по вопросу о демократических задачах, предстоящих в Польше[101].

А здесь, в этом проекте программы, непосредственно говорится, что для Польши не стоит задача социалистической революции, а стоит задача, так называемая, буржуазно-демократической революции. И лишь в дальнейшем предстоит переход от лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к лозунгу диктатуры пролетариата. Это в то время, когда КПП, коммунистическая партия Польши, при полной поддержке всего Коминтерна и при одобрении нашего Политбюро, выставила и борется непосредственно за диктатуру пролетариата, а не за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Относить ко «второй категории» Польшу безусловно ошибочно. Нужно выбросить Польшу. Нужно также выбросить Россию из скобок. И я боюсь, как бы не осталось только «и т. д.». Что такое в проекте будет это «и т. д.», я не знаю. Нам нужно будет здесь дать, какие именно страны, реально существующие, а не 10 лет тому назад историей похороненные, относятся к этой категории.

Я, к сожалению, не имею времени и на этом должен окончить.

Г о л о с а. Продлить!

Председатель. Сколько времени вам еще нужно?

Скрыпник. Минут десять.

Председатель. Голосую. Кто за то, чтобы дать десять минут тов. Скрыпнику? Принимается.

Скрыпник. Я теперь хочу сказать о месте в конце 4 раздела, а именно о некапиталистических, о социалистических путях развития колоний. Здесь чрезвычайно важный вопрос поднят. Программа повторяет во всей высоте вопрос, поставленный тов. Сталиным на китайской комиссии[102] в прошлом году, кажется, где поставлен во всю высоту вопрос о возможности некапиталистических, или, лучше сказать, социалистических путей развития колоний при наличии ядра коммунистической власти в СССР. Данная позиция, данное положение резолюции, принятой тогда Коминтерном, имело эпохальное значение. Оно окончательно разрывало нас со II Интернационалом и его наследием. Мы теряем пуповину, связывающую нас с нашим европейским прошлым. II Интернационал был Интернационалом белой расы. И только Коминтерн стал Интернационалом всего пролетариата всех рас, всех цветов кожи.

Пренебрежительное отношение к колониям, к «малоразвитым» странам характеризует социал-демократию и теперь. Вы помните все эти издевательские речи социал-демократии о невозможности диктатуры пролетариата и социалистического строительства в нашей стране: «Она слишком неразвита, она слишком отстала для того, чтобы она могла, тем более первой, стать территорией, на которой закладывается социализм»! Вот точка зрения искривленного, искаженного марксизма, говорящая о том, что будто бы социализм может начаться лишь там, где имеется наивысшая ступень развития, т. е., значит, наивысшая ступень сопротивления буржуазии. Резолюция, принятая в прошлом году по китайскому вопросу и говорящая относительно возможности некапиталистических, социалистических путей развития, является разрывом с этим «европеизмом», переходит на мировую точку зрения, которая определяет возможности диктатуры пролетариата в зависимости от соотношения между буржуазией и пролетариатом в их борьбе. Я говорю, конечно, относительно непосредственных условий победы пролетариата.

Резолюция, выдвинутая в прошлом году, мне кажется, является маяком, освещающим действительность и пути для колониальных стран. Нужно прямо указать, что Китай, тем более Индия не являются странами «наиболее отсталыми»: у них имеется уже определенная степень развития капиталистической индустрии и более или менее значительный, более или менее организованный, сейчас проявляющийся в борьбе в Индии индустриальный пролетариат. Такой же пролетариат имеется и в Китае, хотя сейчас ему произведено там решительное и жестокое кровопускание, там он ослаблен ударом гоминьдановским. Поэтому мне кажется, что не столь удачны формулировки проекта программы, которые говорят о том, что не сами эти колонии имеют внутренние силы для перехода для того, чтобы повести свое экономическое развитие социалистическим путем, а для этого имеется лишь внешняя сила, которая подтягивает их в этом направлении. Диктатура пролетариата в нашем Союзе и ее помощь являются, несомненно, условием для возможности диктатуры пролетариата в таких уже более развитых колониях, как Индия или Китай, колониях и полуколониях, но основными движущими силами может быть только пролетариат этой колонии или полуколонии, ведущий за собой широкие, широченные массы трудящихся этих стран. А между тем формулировки, которые даются в конце IV раздела проекта программы, они более условны. Проект программы говорит: «при наличии центров социализма, в лице советских

республик и их возрастающей экономической мощи, отпавшие от империализма колонии экономически сближаются и постепенно объединяются с индустриальными очагами мирового социализма, втягиваются в русло социалистического строительства, минуя фазу дальнейшего развития капитализма как господствующей системы, и получают возможность быстрого экономического и культурного развития». Вот это выражение, что они втягиваются в русло социалистического строительства, говорит о том, что они смогут играть в этом процессе лишь пассивную роль подтягиваемого и втягиваемого, – это совершенно ошибочное и неправильное представление. Я тов. Бухарину задам вопрос: скажите, пожалуйста, нет ли у нас с вами немножко европейского высокомерия относительно Индии и Китая?

Бухарин. Нет, у нас есть различие между пролетариатом и крестьянством.

Скрыпник. Есть значительное различие между пролетариатом и крестьянством у нас, и в Китае, и в Индии, ибо нигде, ни в одной стране не повторяются соотношения, везде они различны. Но я задаю вопрос: могут ли в Индии и в Китае создаться условия, при которых тамошний китайский, индусский пролетариат станет гегемоном всех трудящихся масс, борющихся там за их политическое, национальное и социальное освобождение? Может!

Сталин. Обязательно.

Скрыпник. Это не обязательно будет сейчас, но это будет. Весь вопрос зависит от соотношения, когда и где, откуда произойдет мировая революция, восстание и победа, на Востоке или на Западе? Но там такие условия создаться могут, а если такие условия создаться могут, то это означает, что там могут создаться условия для диктатуры пролетариата и, значит, для социалистических путей развития. Формулировка, которая дается в проекте, является неполной и, на мой взгляд, является шагом назад по отношению к более точным формулировкам резолюции расширенного пленума ИККИ по китайскому вопросу.

Возьму еще один вопрос. Говоря о колониях, проект говорит, что там предстоит «перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую», т. е. переход от демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистической диктатуре пролетариата. Точно так же, говоря о странах «второй категории» (Россия до 1917 года, Польша и т. д.), проект опять-таки дает формулировку: «перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую». Я считаю, что эту формулировку – «перерастание» буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию – в программе употреблять не нужно.

Бухарин. Почему?

Скрыпник. Потому что здесь вопрос не идет о механическом перерастании, которое может быть подсунуто троцкистским пониманием, может быть подсунуто чисто механическое понимание перерастания.

В другом месте, где вы говорите о переходе пролетариата, здесь речь идет не о механическом переходе в социалистическую революцию, а о выдвижении пролетариатом одного лозунга взамен другого лозунга. Таким образом, здесь это место необходимо изменить.

Я, товарищи, на этом кончаю...

Сталин. Продлить время.

Смирнов А.П. Он устал, довольно.

Скрыпник. На этом я кончаю. Проект программы, который предложен нам, представляет собой громадную теоретическую силу, которая будет являться оружием для воспитания наших партий, для борьбы наших партий и для завоевания пролетариата. Нам необходимо это оружие заострить и устранить шероховатости, все непра-

вильные формулировки для того, чтобы потом это оружие наши заграничные партии могли бы действительно с успехом использовать. Программа I Интернационала, написанный Марксом и Энгельсом «Коммунистический манифест» на протяжении многих десятилетий и для многих поколений трудящихся служил знаменем для борьбы. Данный проект программы будет иметь такое же значение для сотен миллионов трудящихся масс.

Председатель. Слово имеет тов. Лозовский. Следующий тов. Милютин.

Лозовский. Программа Коминтерна является одним из важнейших документов международного коммунистического движения. Она предназначена не только для миллионов коммунистов, но и для миллионов революционных и революционизирующихся рабочих, и поэтому к такого рода документу необходимо предъявить очень высокие требования. Эта программа должна стать настольной книгой для миллионов, и поэтому, мне кажется, необходимо внести некоторые исправления, которые улучшат настоящий проект и сделают его более доступным, при сохранении теоретической правильности и политической выдержанности самой программы.

Я хочу коснуться четырех вопросов. Первый вопрос – о структуре программы, второй – о пробелах в программе, третий – о некоторых неправильных формулировках и четвертый – о некотором противоречии в самой программе.

Прежде всего, вопрос о структуре. Производит странное впечатление, когда раздел второй под заглавием «Общий кризис капитализма и первая фаза мировой революции» содержит несколько абзацев, посвященных характеристике социал-демократии. Социал-демократия здесь получила очень яркую характеристику, но она совершенно, так сказать, неожиданно в этой главе появляется. С другой стороны, остальным реформистским идеологическим течениям, которые имеются в мировом рабочем движении или стремятся влиять на рабочее движение, посвящены в 4 разделе «Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала» также несколько абзацев, где говорится о конструктивном социализме, анархизме, гильдейском социализме и проч. Мне представляется, что все то, что связано с реформизмом (конструктивный социализм, гильдейский социализм и пр. – все это разновидности того же самого реформизма), – все это должно быть в одном месте, и тогда самая характеристика всех этих идеологических разновидностей и нюансов мирового реформизма будет гораздо более яркой и будет гораздо более доступной для рабочих, ибо характеристика не будет разбросана кусками по всей программе. Кроме того, в целом ряде пунктов имеется попутная характеристика с.-д. реформистских союзов и проч. Все это надо сконцентрировать в одном месте.

Сталин. А фашизм тоже?

Лозовский. Зачем фашизм? Нет, речь идет о реформизме, и никто не станет отрицать того, что конструктивный социализм, гильдейский социализм – все это идеологические разновидности одной и той же реформистской теории и реформистской практики, и поэтому нецелесообразно разрывать характеристику реформизма на части.

Дальше, к структуре относится еще то, что совершенно неожиданно в разделе 4 – период переходный от капитализма к социализму и диктатуре пролетариата – дается несколько строчек, посвященных профессиональному движению, и этот абзац, посвященный профессиональным союзам, как-то неожиданно появляется в связи с характеристикой перегруппировок классов в переходный период от капитализма к социализму и после установления диктатуры пролетариата.

Чего не хватает в программе? В программе не хватает отдельной главы, в которой следовало бы дать характеристику реформизма, примерно под заглавием или названием «Корни реформизма и причины влияния реформизма на массы». Если мы в про-

грамме имеем блестящую характеристику реформизма, с.-д. предательства, с упоминанием дат и с указанием стран, то нет в этой программе – а это является в высшей степени важным пробелом, – нет в этой программе ни одного абзаца или нескольких абзацев, говорящих или объясняющих широчайшим массам пролетариата, почему реформизм имеет еще влияние на значительные слои рабочих, а это объяснение абсолютно необходимо. Тов. Бухарин в своем докладе коснулся только частично этого вопроса, но это объяснение причин влияния реформизма на массы должно ведь найти место в программе, иначе получается, что рядом с блестящей политической характеристикой реформизма, с.-д. предательства и проч. мы имеем пробел. Иначе останется неизвестным, почему же это за этой подлейшей социал-демократией, которая столько раз предала, почему за ней идут еще миллионы рабочих в целом ряде стран.

В чем основная причина, помимо той причины или тех отдельных причин, которые указывал тов. Бухарин, влияния реформизма на массы? Основная причина заключается в том, что рабочий класс является одновременно и созидателем капитализма, и его разрушителем, и эти две основные тенденции находят выражение в реформизме и коммунизме. Это положение рабочего класса в капиталистическом обществе, являющегося основным фактором развития капитализма и одновременно являющегося и его могильщиком, есть первопричина влияния и реформизма и коммунизма на рабочие массы.

Бухарин. Из этого вытекает, что реформизм будет силен при всех условиях.

Лозовский. Ничего подобного. Из этого вытекает, что по мере консолидации капитализма или там, где капитализм консолидирован, там, несомненно, социал-демократия усиливается. Разрушительное влияние войны и т. д. на капиталистические отношения привело к рождению коммунистических партий в подавляющем большинстве стран и к созданию Коммунистического Интернационала. Мне кажется, что здесь связь очень ясная. Это вопрос очень большой и малоразработанный: но мне кажется, что единственное место, где нужно дать ответ на вопрос, почему реформизм имеет еще влияние на массы, это программа Коммунистического Интернационала.

Еще один пробел. Программа Коммунистического Интернационала не дает полной характеристики носителю коммунизма, субъекту истории, тому, кто должен создать новый мир, т. е. рабочему классу, который не находит себе в программе характеристики. Мы имеем отдельные характеристики отдельных идеологических течений, но рабочего класса в целом, структуры рабочего класса, его состояния и пр. мы не находим. Этот субъект истории – носитель коммунизма, который должен переделать мир, он должен найти место в программе Коминтерна. Необходимо дать характеристику рабочего класса в целом, созданных им организаций в национальном и международном масштабе, и только тогда видно будет, каким образом на протяжении истории рабочий класс создавал свои организации, каким образом он действует практически, как он идет и продвигается к разрушению капиталистического общества.

Вопрос о профсоюзах нашел в высшей степени недостаточное отражение в программе и совершенно ни в какой связи не стоит с той девятилетней борьбой...

Бухарин. Где?

Лозовский. Возьмите 54 стр., конец абзаца. Совершенно не находится в соответствии с той постоянной повседневной настойчивой работой Коммунистического Интернационала во всем мире по завоеванию профессиональных союзов, по их революционизированию, по превращению этих союзов в органы разрушения капитализма и пр.

Что сказано здесь, в этом разделе? Я сейчас прочитаю, и вы увидите, насколько это недостаточно.

Бухарин. После диктатуры пролетариата.

Лозовский. Почему профсоюзы непосредственно попали в раздел диктатуры пролетариата и примыкают к мелкой городской буржуазии? Что здесь сказано? Вот я читаю этот параграф, где говорится о программе переходного времени, и дальше сказано так: «при выполнении всех этих задач пролетарской диктатуры радикально меняются задачи и функции массовых организаций, в первую очередь рабочих организаций. Массовые рабочие организации, в которых наиболее широкие слои пролетариата впервые организационно сплачиваются и воспитываются профессиональные (производственные) союзы, являются при капитализме основными орудиями стачечной борьбы, а затем массовой борьбы против трестированного капитала и его государства».

Мне кажется, что эта формулировка недостаточна. Достаточно ли сказать, что союзы являются главными орудиями стачечной борьбы при капитализме; совершенно неясно, что это значит. Дальше сказано: «они являются орудием массовой борьбы против трестированного капитала». Какой борьбы? Всякая стачка есть борьба, всякая демонстрация есть борьба, всякое выступление есть борьба, и между тем нам нужно здесь сказать, какую роль профсоюзы могут сыграть в период переворота, в период свержения капитализма, какова их роль в капиталистическом обществе.

Бухарин. Все это есть в другом месте.

Лозовский. Извините, пожалуйста, в другом месте этого нет.

Бухарин. На 78–79 стр.

Г о л о с. Запутался Лозовский.

Лозовский. Нет, не запутался. На указываемых Бухариным страницах нет того, что нужно.

Осинский. Это не ваша вина, а ваша беда.

Лозовский. Я считаю, что вопросу о профсоюзах должна быть посвящена отдельная глава и более подробная характеристика, во что профсоюзы были превращены реформизмом и во что мы, коммунисты, должны превратить профсоюзы в процессе борьбы.

Теперь я обращаю ваше внимание на несколько формулировок, которые мне кажутся совершенно неправильными. На стр. 16, предпоследний абзац, 1 раздел – «Мировая система капитализма, ее развитие и неизбежная гибель», имеется такая фраза:

«Против могуче организовавшихся сил финансового капитала организуются две главные организационные силы: с одной стороны, рабочие капиталистических государств, с другой – задавленные гнетом иностранного капитала народные массы колоний (все это верно, но слушайте дальше!), **идущие под руководством и гегемонией революционного пролетарского движения метрополий**».

Разве народные массы колоний идут под гегемонией пролетарского движения метрополий? Это неверно: революционное движение колоний не идет под гегемонией пролетарского движения метрополий. Что это значит? Что китайская революция руководится английской компартией и японской компартией, что-ли?

Бухарин. Коминтерн немного руководит.

Лозовский. Вот именно, так и надо говорить о Коминтерне, а не о рабочем классе метрополий. Коминтерн до сих пор метрополией не назывался, СССР тоже не назывался метрополией. Этот пункт неверен был в прошлом, неверен в настоящем и он неправилен и в будущем, и поэтому его нужно изменить. Неверно, что национальное революционное движение в колониях идет под руководством пролетарского революционного движения метрополий. Колонии идут под руководством международного коммунистического движения в лице Коминтерна, но ни в коем случае не под руководст-

вом пролетарского движения метрополий, ибо при такой формулировке СССР, ВКП(б), Коминтерн исчезают как руководящие факторы.

На стр. 22, последний абзац во II разделе «Общий кризис капитализма и первая фаза мировой революции»: в последнем абзаце говорится о причинах неудачи первой волны революционных боев, и эти причины характеризуются следующим образом.

«Эти поражения являются в первую очередь результатом предательской тактики социал-демократических вождей и реформистских лидеров профессионального движения, **а также** результатом того обстоятельства, что за коммунистами не было еще большинства рабочего класса и в ряде важнейших стран не существовало еще коммунистических партий».

Мне кажется, здесь нужна перестановка. Основная причина поражения – это, конечно, не измена социал-демократических вождей, а отсутствие коммунистических партий. В такой конструкции получается, что первопричина – это измена вождей социал-демократии и профсоюзов и, кроме того, еще отсутствие компартий. Мне кажется, что пропорция здесь должна быть другая: надо начать с того, что отсутствовали партии, мы не имели за собой большинства рабочего класса, а кроме того, изменили вожди социал-демократии. По-моему, так будет более правильно.

Скрыпник. Неверно.

Лозовский. Теперь относительно противоречий. Мне кажется, что тов. Бухарин в своем докладе прекрасно доказал необходимость по вопросу относительно национализации земли сохранить более или менее общую формулировку, не принимать такой формулировки, которая принуждала бы немедленно национализировать землю во всех странах. Но что же получается?

Имеются две формулировки о национализации земли: одна – для капиталистических стран, в той форме, как говорил тов. Бухарин, т. е. с некоторой осторожностью, и другая – когда дело доходит до колоний: там имеется совершенно определенная решительная формулировка. Для капиталистических стран, где имеется гигантский пролетариат, где во многих странах крестьянство в меньшинстве, там тов. Бухарин говорит, и совершенно правильно, что нужно очень осторожно подходить к национализации всей, и в том числе крестьянской, земли. А в колониях, где тонкий слой пролетариата, где имеются сотни миллионов крестьян, там формула простая. На стр. 62 говорится решительно и просто, без всяких смягчающих оговорок: «национализация всей земли». Стало быть, и крестьянской. Мне кажется, здесь несомненное противоречие.

Бухарин. Ни капельки, никакого противоречия.

Лозовский. Что же получается? Получается, согласно вот такой конструкции, что национализировать землю там, где имеется подавляющее большинство крестьянства и тонкий слой пролетариата, легче, чем в странах...

Бухарин. Не в этом же дело!

Сталин. Читали программу или тезисы Ленина на II конгрессе?

Лозовский. Да как же, читал! Вот, пожалуйста, стр. 62, п. 5, раздел о колониях: «Конфискация помещичьей, монастырской, церковной земли, национализация **всей** земли».

Сталин. А почему там нет полной национализации сразу в капиталистических развитых странах? Очевидно, есть разница между странами.

Лозовский. Тов. Бухарин хорошо разъяснил, почему. Я думаю, что то же самое нужно для колоний. Мне кажется, что в этом смысле здесь должна быть одинаковая формулировка, ибо трудности при национализации всей земли, крестьянской земли в колониях, гораздо большие, чем это будет в капиталистических странах, где имеется мощный пролетариат.

Бухарин. Вот это нужно доказать.

Лозовский. Хорошо, разрешите мне еще пять минут.

Председатель. Возражения есть? Нет.

Лозовский. Так вот, почему национализация всей крестьянской земли для того же самого Китая или для той же самой Индии, почему национализация крестьянской земли в этих странах представляет собой большие трудности, чем в старых капиталистических странах? Прежде всего, на кого опирается компартия в той или другой стране. Мы говорим здесь относительно периода непосредственной борьбы за власть: непосредственной борьбы для капиталистических стран за диктатуру пролетариата, с одной стороны, и для колониальных стран, как Китай, на ближайший период революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Почему условия и обстановка для капиталистических стран легче? Потому что в капиталистических странах (Англия, Германия, Соединенные Штаты), поскольку вопрос станет там относительно борьбы за власть, – а это возможно только в случае, если большинство пролетариата будет на нашей стороне, – десятки миллионов пролетариев будут вовлечены в непосредственную борьбу. Эти десятки миллионов пролетариев не только количественно, но и качественно играют такую колоссальную роль по отношению ко всему народному хозяйству, что возможное сопротивление собственнических элементов в деревне, конечно, может быть гораздо скорее сломлено, чем в той стране, где пролетариат представляет собой гораздо более тонкий слой. Ни программа, ни доклад тов. Бухарина не доказали необходимости разных методов при подходе к национализации земли для колоний и для капиталистических стран. Я считаю, что в колониальных странах национализация крестьянской земли будет более трудным процессом, чем в таких странах, как Германия, если большинство пролетариата будет на нашей стороне.

Бухарин. По-вашему, выходит так, что в Германии легче будет национализировать крестьянскую землю, чем в России!

Лозовский. Легче, если подавляющее большинство пролетариата будет за нас. Последнее замечание. Здесь имеется раздел относительно развернутого коммунистического бесклассового общества. Мне кажется, поскольку такой раздел имеется, необходимо в этом разделе также сказать, что не только исчезнет система насилия и само государство, но и партии, которые являются орудием классов, тоже исчезнут.

Бухарин. Если классы исчезнут, то как же партии могут не исчезнуть?

Лозовский. Это надо сказать. Я думаю, вы пишете эту программу не для себя. Эта программа пишется для миллионов людей на всем земном шаре, и ясность в этом вопросе не повредит не только тем миллионам, которые имеются за пределами СССР, но также для тех, которые находятся внутри СССР.

Вот те замечания, которые я хотел сделать по поводу проекта программы.

Председатель. Слово имеет тов. Милютин.

Милютин. Я не буду говорить о значении принимаемой нами программы, я просто присоединяюсь к тем заявлениям, которые здесь делались с этой кафедры о величайшем значении этого документа. Второе – это то, что эта программа не является наспех написанной программой. Очень длительный период мы к ней готовились, прорабатывали ее и т. д. У меня в отношении теоретической установки нет замечаний, но, я думаю, каждый из нас, подходя к этой программе, должен предъявить два основных требования. Я не помню, кажется, тов. Сталин – не помню кто – определил программу как инструкцию к действию рабочего класса и нашей партии. Такую оценку программы надо с этой точки зрения брать. Повторяю, я согласен в программе с теоретической трактовкой всех вопросов, она не вызывает у меня никаких сомнений. Но эта программа должна быть инструкцией к действию. Это первое условие. Второе требование о

самой форме: это то, что эта программа должна быть написана просто, ясно и последовательно.

Томский. И красиво.

Милютин. Я бы не сказал этого. Я бы сказал, что для логики развития программы, для ее простоты и ясности можно пожертвовать и красивостью и красотой.

Томский. Красивше-то лучше.

Милютин. Может быть, но основное требование заключается в том, что я сказал.

В отношении первого требования приходится говорить о том, что уже замечали товарищи в печати, – это слишком теоретический характер этого проекта программы. В чем он заключается? В том, что по целому ряду кардинальнейших вопросов относительно действия вопрос заменяется определением. Я возьму только две иллюстрации. Когда любой из нас разворачивает эту программу, а заграничный коммунист тем паче, он будет искать инструкцию по таким вопросам, как профсоюзы.

Томский. Правильно. Он будет искать ответа.

Милютин. Он ответа будет искать, инструкцию к действию. Но если тов. Лозовский, стоящий во главе Профинтерна, запутался, читая эту программу, а что он запутался, мне кажется, это бесспорно, потому что он не нашел того пункта, где это сказано, и тов. Бухарин прав, что на странице 78–79 это сказано...

Бухарин. Каждое ведомство предъявляет бюджетные требования.

Милютин. Если профсоюзы ведомство, то это неправильный подход, потому что это массовая организация, где вопросы стоят наиболее остро и где наибольшие ошибки делают коммунистические партии. Если рассматривать профсоюзы как ведомство – это неправильно. Здесь, на 54-й странице, только три фразы имеются у вас, которые дают это определение – неполное и благодаря этой неполноте неправильное.

Когда говорят, что профсоюзы, как общее правило в капитализме, являются основным орудием массовой борьбы против трестированного капитала, то в наших условиях – разве это будет правильным определением? Разве это относится, например, ко всем американским профсоюзам, ко всем тред-юнионам английским? Это неправильно. Это вводит в заблуждение, а здесь каждое слово должно быть взвешено. Мне представляется, что здесь должна быть дана оценка, и то, что сказано на 78–79 странице, нужно развить, развернуть. Ильич учил, как нужно это делать, и наши английские товарищи лучше, чем кто-либо, это знают.

Второй вопрос – возьмите кооперацию. О таком важнейшем участке, как потребительская кооперация, сказано буквально полторы строчки, и то даже не о потребительской, а о рабочей кооперации, – потребительскую кооперацию как таковую забыли: при диктатуре пролетариата она будет являться важнейшей составной частью распределительного аппарата. И дальше проект переходит к сельскохозяйственной кооперации. Весь кооперативный план Ильича, по существу, не отражается в программе.

По кооперации здесь должен быть дан отдельный раздел. Должна быть дана оценка кооперации при капитализме и современной кооперации. Здесь правильно говорится, что кооперация в целом ряде стран является подчиненной финансовому капиталу, кооперация классовая. Но, повторяю, если мы пишем не для себя, не для Института красной профессуры[103], а для миллионов, – не говоря уже о китайцах, как Бухарин приводил пример, что они запутались, но даже для заграничных коммунистов, – они не найдут для себя в этой программе инструкции к действию. Мне представляется, что разделы эти, которые должны являться инструкцией к действию, нужно развить, развернуть. Бухарин об этом говорил, он это обязательство на себя взял. Тогда позвольте вам этот вексель предъявить: в проекте этого не дается.

Мне представляется со стороны формы следующее: я лично читал эту программу

внимательнейшим образом и должен сказать, что с трудом читается программа, и я думаю, что я здесь выражаю общее мнение. Не думаю, что в данном случае я являюсь исключением или подхожу как-нибудь предвзято. С трудом читается программа. Мне думается, что дается не инструкция действий, а целый ряд определений, интересных, ценных и нужных, но дайте их в теоретических статьях и т. д., а здесь вы дайте программу.

Затем, последнее замечание, которое я хочу сделать. Действительно, программа непросто написана; так что здесь желательно внимательным образом посмотреть с точки зрения чтения и проработки ее не с точки зрения красной профессуры, а нашего середняка коммуниста, не говоря даже о беспартийных рабочих. Вот с этой стороны ее нужно профильтровать, потому что она будет иметь значение не только для нас, но и помимо нас будет иметь значение. Вот те замечания, которые я хотел сделать.

Председатель. Тов. Икрамов, следующий тов. Варга.

Икрамов. Я хочу сделать несколько замечаний только по колониальному вопросу. Хотя этот вопрос стоит отдельным пунктом порядка дня на VI конгрессе, но несколько основных моментов должны быть оттенены в программе, ибо мы по колониальному вопросу видим целый ряд наших недостатков и иногда неподготовленность по ряду вопросов. Это говорит за то, что мы мало уделяем внимания этому самому вопросу.

Вчера, когда здесь тов. Ломинадзе говорил относительно Индонезии, выступил с оправданием тов. Мануильский о том, что индонезийских товарищей задержали на несколько месяцев арестованными в Сингапуре, поэтому они не могли приехать и своевременно разработать вопрос об Индонезии. Это не оправдание.

Второй пример – это вопрос о Монголии. Недавно монгольские товарищи здесь жаловались, что по Монголии допущена ошибка. Такой же пример можно привести относительно Индии. После подъема работы 1921–1922 года, когда был большой размах, после II и III конгресса Коминтерн не занимался достаточно индийским вопросом. А потом в связи с новой стачкой, месяцев пять тому назад Коминтерн снова взялся за проработку индийского вопроса.

Эти факты говорят за то, что нужно сейчас углубленно поставить колониальный вопрос и основные моменты нужно включить в программу. Теперь дальше, если возьмете проект программы, то анализ дается только с точки зрения процессов, происходящих в странах метрополии, а анализа процессов, происходящего в колониальных странах, двустороннего анализа, здесь нет.

Возьмите хотя бы относительно вывоза капитала; здесь говорится, что одним из основных характерных признаков империализма является вывоз капитала. Это верно, но этот вывоз капитала в колонии изменяет ли положение, создает ли другие условия для революционного движения в колониях? Конечно, создает, потому что вывоз капитала создает промышленность, создает колониальный пролетариат, создает там могильщиков империализма, нашу основную опору.

Вот эти стороны вопроса здесь ясно не подчеркнуты. Поэтому я считал бы, что эти вопросы нужно включить. Далее, в этой программе ясно не сказано относительно роли буржуазии в национально-освободительном движении. Из решения II конгресса мы знаем, что буржуазное национально-освободительное движениие мы должны поддерживать постольку, поскольку это движение идет против империализма. Это положение было выставлено еще на II конгрессе Коминтерна, и согласно этому положению мы до сих пор работали. Пятилетний опыт работы, в особенности опыт тех революционных движений, которые проходили в ряде стран – в Китае, в Индии, Индонезии, Турции и отчасти Египте, этот опыт дает нам новый, чрезвычайно ценный материал.

Поэтому мы этот вопрос должны поставить более четко, чем когда бы то ни было. Ведь 1918, 1920, 1921 гг. были годами, когда во всех странах Востока наблюдался революционный подъем, тогда и национальная буржуазия шла более активно за национально-освободительным движением. Сейчас не то, сейчас мы имеем измену национально-освободительному движению со стороны национальной буржуазии в целом ряде стран. Правда, в программе на 17 странице говорится: «Равным образом измена национальной буржуазии». Здесь об этом пишется, но здесь ничего не говорится о том, как эта национальная буржуазия изменяет, какие экономические основания, какие экономические объяснения этой измене имеются, – об этом здесь не говорится.

Вчера, когда мы говорили по этому вопросу, товарищи свели весь вопрос к Индии. Вместо анализа нашей тактики по отношению к национальной буржуазии тов. Мануильский все свел к тому, что там имеется пролетариат, что мы должны там строить коммунистическую партию. Коммунистическую партию мы стремимся строить всюду. Но этого еще недостаточно. Именно сейчас мы должны в колониальных странах, наряду с организацией компартий, мы должны как опытные руководители, имеющие значительный опыт, дать линию, как обращаться им со своей буржуазией. Мы должны здесь ставить вопрос не только относительно индийской буржуазии, но и относительно египетской и китайской буржуазии. Разве египетская буржуазия, разве глава этой буржуазии Заглул-паша пошел последовательно за национально-освободительной революцией? Нет, не пошел.

Мы видим в ряде стран измену национальной буржуазии делу национально-освободительного движения. Этот факт, факт измены, надо объяснить. Я думаю, что можно сделать здесь следующее объяснение. Мы знаем, что торговый капитал в колониальных странах, его идеология и его руководство не могут идти до конца, до завершения национально-освободительной революции, они не могут последовательно вести борьбу против империализма и против своего феодализма. Экономическое положение этой буржуазии такое, что она является посредником между метрополией, с одной стороны, и угнетенными крестьянами своих стран; с другой – она является посредником в деле обмена сырья на промышленные товары между феодалами и крестьянством своих стран и буржуазией метрополии. Эта буржуазия идет так же, как русская буржуазия в 1905 году, не до конца; либеральная буржуазия не может последовательно идти до конца за революцией, она следует за ней только до известного предела, чтобы было более широкое поле для ее действий. Это раз.

Во-вторых, наряду с этим мы должны учитывать еще один момент: это наличие нашего Советского Союза. В Советском Союзе наряду с завершением в бывших колониях царской России национально-освободительной революции происходит, и частично уже произошло, перерастание национально-освободительной революции в социалистическую. Это запугивает буржуазию колониальных стран, и этот момент мы никогда не должны забывать, ибо это один из тех фактов, которые испугали национальную буржуазию этих колониальных стран. Исходя из этого, все же нельзя сказать, что буржуазия совсем себя исчерпала во всех колониальных странах как революционный элемент. Такая постановка будет неправильной. Это будет очень односторонней оценкой, ибо мы знаем, что наряду с изменами китайской, индийской, египетской буржуазии в других странах буржуазия пошла на решительный шаг, на национально-освободительную антифеодальную революцию: пример – кемализм[104]. Кемаль пошел на это, мы его поддержали, поскольку он шел против английского, французского и др. империализма. Теперь мы знаем, что этот Кемаль сейчас больше борется с турецким пролетариатом, чем с империализмом. Вопросы о кемализме сейчас фигурируют как авторитетная идея на Ближнем Востоке. Если вы возьмете буржуазию Афганистана или

Персии, то все их взоры обращены на кемалистскую Турцию. Афганские реформаторы – явные приверженцы кемализма, поэтому благодаря им имеется большая связь Афганистана с мустафакемальской Турцией. Поэтому в нашей программе наряду с объяснением изменнической роли буржуазии колониальных стран мы должны обязательно поставить вопрос о кемализме.

Третий вопрос. Я хотел остановиться на некапиталистических путях развития. По этому вопросу в программе, по сравнению с положением II конгресса, ни шагу вперед, тогда, когда мы имеем за это время очень большой опыт по этому вопросу. Мы все списали, и тов. Бухарин сказал, что мы эту часть взяли и списали заново. Поэтому, мне кажется, мы должны идти дальше, потому что наряду с тем, что этот документ, с одной стороны, является оружием руководства для мирового пролетариата, революционного движения, с другой стороны, он является основным нашим пропагандистским документом. Поэтому мы должны обязательно подчеркнуть вопрос о некапиталистических путях развития. Сегодня, когда я говорил с тов. Бухариным, в частном разговоре он сказал, что говорят, что наша программа очень пахнет русским духом, очень по-русски составлена. Это по некоторым вопросам, может быть, есть. Но по некоторым вопросам, как бы ее ни называли русской, мы ее так и должны сохранить, потому что Октябрьская революция – революция мирового значения, опыту которой должны все учиться. Возьмите Октябрьскую революцию в нашем Союзе. Когда в программе говорится о 3-х типах стран: высококапиталистических, полуземледельческих и колониальных, то наш Советский Союз является сочетанием всех этих 3 типов. Отдельные части его, например Средняя Азия и др., совершили не только пролетарскую революцию, но мы там завершили национально-освободительную революцию, буржуазно-демократическую революцию, потому что мы там освободили от колониального гнета, разрешили аграрный вопрос, мы там окончательно ликвидировали феодальное хозяйство, остатки феодализма. Поэтому, если мы, с одной стороны, даем здесь классический тип пролетарской революции в нашем Советском Союзе, то мы здесь имеем опыт и колониальной революции, и опыт втягивания этих отсталых стран в строительство социализма. У нас имеется опыт втягивания этих стран в социалистическое строительство, минуя капиталистические стадии развития. Там капитализм достаточно не был развит. Поэтому этот опыт, опыт Советского Союза, должен быть обязательно здесь подчеркнут, и на этом опыте пускай учатся остальные наши братские партии.

Здесь есть завещание, не завещание, а здесь есть определенные указания на этот счет Владимира Ильича. Владимир Ильич в своем выступлении на II конгрессе Коминтерна говорил следующие слова: Коммунистический Интернационал должен установить – я точно не записал, на память только, – Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут прийти к советскому строю и через определенные ступени, минуя капитализм, к социализму. Основная мысль приблизительно такова. И это основное указание Владимира Ильича не выполнено в программе. Поэтому я и полагаю, что вот этот самый основной вопрос должен быть со всех сторон, и теоретически и практически, на опыте нашего Советского Союза освещен и дан в нашей программе.

Председатель. Слово имеет тов. Варга, следующий тов. Сталин.

Варга. Я начну с просьбы не мешать мне, если я буду говорить вещи, которые вам кажутся неправильными. Я плохо владею русским языком и я вообще неважный оратор, я на возражения сейчас же ответить не смогу.

Я хотел затронуть один пункт, который я считаю очень важным, – это вопрос о политике пролетариата в начале диктатуры.

Вопрос о нэпе и о военном коммунизме. Я думаю, что написанное по этому вопросу в проекте программы – «О возможности военного коммунизма» – неправильно. Я полагаю, что при всякой диктатуре пролетариата, которая будет в изолированной капиталистической стране, будет иметь место военный коммунизм. Я считаю, что этот вопрос надо на самом Конгрессе подробно обсудить, потому что, хотя первой задачей является захват власти, но, как показывает печальный опыт венгерской диктатуры, можно и потерять власть. Я, товарищи, сто и тысячу раз продумывал, как мы там потеряли власть, которую мы довольно твердо и крепко держали в своих руках. И хотя больше 50% причин не зависело от нас, но все-таки 30–40% причин было следствием нашей плохой политики. Это я признал сейчас же после крушения диктатуры. Так что нельзя, чтобы иностранные товарищи получили бы из программы и толкования программы впечатление, что им надо во что бы то ни стало избегать военного коммунизма. Я считаю, что в передовых капиталистических странах, если диктатура пролетариата остается изолированной, военного коммунизма избежать нельзя. Если мы конкретно себе представим положение, при котором можно завоевать власть в таких странах, как Германия, Франция, Америка и т. д., – мы все знаем, что писал Ленин о том, что надо для актуальной революционной ситуации. Ленин писал, что нужен глубокий кризис среди буржуазии. Но глубокий кризис возможен только на почве экономического кризиса, что означает инфляцию, что означает, что рабочие уже живут очень плохо и ожидают от коммунистов немедленного улучшения их положения после захвата власти. И хотя мы знаем, что положение рабочего класса сейчас же после завоевания диктатуры пролетариата нельзя поднять, но все же мы буржуазию победить не можем, опираясь только на сознательных членов коммунистической партии, без большой массы рабочего класса, которая идет за нами, потому что думает, что получит непосредственное улучшение своего положения.

Дальше, как будет завоевана власть в этих странах? Я думаю, что есть несколько важных различий между захватом власти в России или в Венгрии и, скажем, захватом власти в Германии, Франции, Англии. Прежде всего, налицо историческая разница. Буржуазия теперь знает, что это значит – диктатура пролетариата. Имеется опыт. В России этого еще не было, в Венгрии еще не было, и вот – я не знаю, как это по-русски сказать – ьberrumpeln...

Бухарин. «Застать врасплох»*.

Варга. Вот это заставание врасплох играло довольно большую роль, прежде всего в Венгрии.

Вторая очень важная разница – та, что этот класс, среднее крестьянство, который в России является почти решающим классом, вот этот класс в развитых капиталистических странах почти не существует или составляет класс, который, так сказать, по количеству и качеству очень незначителен.

Позвольте мне вам привести несколько цифр. Возьму, например, Германию. В Германии не больше 2 млн. крестьян, а вместе с семьями не больше 10 миллионов, но имеется 15 млн. рабочих. Так что класс, который колеблется между рабочим классом и капиталистами и который в России был представлен несколькими десятками миллионов человек, там почти не существует. Теперь о качестве. Германское крестьянство – это не такое крестьянство, как русское или, скажем, азиатское. Германский, или американский, или французский крестьянин в большинстве – маленький капиталист, это не крестьянин, который работает для себя, у которого товарная часть хозяйства составляет только 20%. В Америке товарная часть сельского хозяйства более 80% и крестьянина в нашем смысле вообще не существует. Там есть маленький аграрный капи-

* Также «обогнать», «обскакать», «перескочить» (ред.).

талист, который работает так же, как капиталист в другой области. Так что я сказал бы, что разделение между капиталистами и их, так сказать, хвостом, с одной стороны, и между рабочим классом – с другой, гораздо острее, чем в России или в Венгрии. И этот класс, который можно перетянуть или на сторону рабочих, или на сторону капиталистов, играет в России гораздо большую роль.

Какое положение будет, когда пролетариат завоюет власть? Будет такое положение, что власть можно получить только путем гражданской войны. После захвата власти мы будем иметь положение, когда рабочий класс будет требовать улучшения своего благосостояния, будет требовать повышения заработной платы, которое надо дать, потому что в начале диктатуры нельзя говорить с рабочим: «Да, пожалуй, мы не можем дать увеличения заработной платы». Вы все хорошо знаете, что в начале диктатуры производство падает. Пожалуй, не стоит говорить о причинах этого.

Рыков. Это всегда будет так?

Варга. В начале диктатуры – да. Почему? Дисциплины на фабриках нет, рабочие волнуются, там демонстрация, там военная подготовка и т. д., самых лучших рабочих приходится посылать в советские учреждения, на фронт, в ЧК и т. д.

Ворошилов. Правильно.

Варга. Со стороны буржуазии, которая окружает страну, будет бойкот и т. д. Конечно, пролетариат ни в одной стране не начнет с того, что немедленно введет 100% военного коммунизма. Конечно, надо будет захватить командные высоты, но, когда уже у нас реально в наших руках транспорт, банки, большая промышленность и т. д., надо было бы работать. Ну, что будет делать буржуазия? Часть производственных средств еще находится в руках буржуазии; буржуазия будет производить и продавать товары? Нет. Почему? Не только потому, что инфляция будет, – потому что хочет завоевать политическую власть обратно от рабочих. Буржуазия еще думает, что это только временное правительство, не стоит поддерживать его экономически. То же самое будет с крестьянством, с крестьянством, которое в капиталистических странах гораздо сознательнее и гораздо более по-капиталистически будет себя держать. Так что будет так: рабочие хотят жить лучше, но у нас, в наших руках реальных возможностей не будет. Что выйдет из этого? Конечно, пролетарская власть вынуждена будет идти дальше и дальше в национализации, вынуждена будет реквизировать продовольствие; надо будет национализировать большие склады, которые имеются у купцов, взять одежды, дать их рабочим; надо будет национализировать квартиры буржуазии и дать их рабочим и т. д. И вот волей-неволей необходимо будет идти дальше и дальше в военном коммунизме. Я не говорю, что надо будет на 100% воспретить каждую торговлю, но во всяком случае надо будет идти...

Бухарин. А в этом и весь вопрос.

Рыков. Нужно ли до военного коммунизма обязательно идти в этом случае?

Варга. Вопрос в следующем: что вы считаете военным коммунизмом? (Ш у м.) Если вы считаете, что военный коммунизм будет тогда, когда на 100% воспрещена торговля, то так далеко идти не нужно. Но если вы считаете военным коммунизмом то, что надо идти гораздо дальше, чем было бы целесообразно из чисто экономических соображений, то в этом смысле военный коммунизм неизбежен.

Дальше. Почему я писал об этом и почему я об этом говорю? Потому что есть такая опасность: авторитет русских товарищей, авторитет ВКП(б) очень большой; если в программе написано так, что есть «возможность», что будет военный коммунизм, но что это неправильная политика, есть такая опасность, что иностранные товарищи будут настроены так, что надо избегнуть военного коммунизма и надо начинать прямо с нэпа, и они не будут...

Г о л о с. Как начинать?

Варга. <Не будут> бить буржуазию до конца. Они будут раньше начинать нэп, раньше того, чем буржуазия как класс, как господствующий класс уже экспроприирована и как класс уже уничтожена. Вот такая опасность есть в этой формулировке. Поэтому я думаю, что такая формулировка очень и очень опасна.

Конечно, есть другая опасность: если идея военного коммунизма будет очень сильна, то будут оттеснены такие слои, как, например, служащие и т. д. Но я думаю, что первая опасность, опасность не добить буржуазию до конца, гораздо большая опасность, чем эта вторая. У меня такое впечатление, что в нашей политике диктатуры всегда будет такой диалектический переход: сначала мы попробуем не идти к военному коммунизму, затем будем принуждены идти к военному коммунизму, и третий этап – будет переход к отступлению на новый ход, на новые рельсы; ни прямого хода на нэп, ни прямого хода на военный коммунизм нигде не будет и, по-моему, не должно быть. Поэтому в формулировке на 51 стр. надо говорить не о возможности, а о вероятности военного коммунизма.

Председатель. Объявляется перерыв. После перерыва тов. Сталин, затем Надежда Константиновна.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет тов. Сталин.

Сталин. Прежде всего, вопрос о **размерах** проекта программы. Говорят, что проект слишком большой, громоздкий. Требуют сжать его вдвое, втрое. Требуют дать в программе несколько общих формул и ограничиться этим, назвав эти формулы программой. Я думаю, что эти требования не имеют под собой основания. Те, которые требуют сжатия программы вдвое или даже втрое, не понимают тех задач, которые стояли перед составителями проекта программы. Дело в том, что программа Коминтерна не может быть программой одной какой-либо национальной партии или, скажем, программой только для «цивилизованных» наций. Программа должна охватывать все коммунистические партии мира, все нации, все народы, как белых, так и черных. В этом основная и характернейшая черта проекта программы. Но как охватить основные нужды и основные линии работы всех секций Коминтерна, и восточных и западных, сжимая программу вдвое или втрое? Пусть товарищи попробуют разрешить эту неразрешимую задачу. Вот почему я думаю, что сжать программу вдвое или втрое – значит превратить ее из программы в пустой список абстрактных формул, ничего не дающих секциям Коминтерна.

Перед составителями программы стояла двоякая задача: с одной стороны, охватить главное и основное во всех компартиях мира, с другой стороны, охватить это главное и основное таким образом, чтобы отдельные положения программы не представляли пустых формул, а давали бы практические руководящие начала для самых разнообразных стран и народов, для самых разнообразных коммунистических партий и коммунистических групп. Согласитесь, что разрешить эту двоякую задачу совершенно немыслимо в кратком и сжатом проекте программы.

Курьезнее всего то, что те же самые товарищи, которые предлагают сжать программу вдвое или даже втрое, делают такие предложения, которые имеют тенденцию расширить нынешний проект программы вдвое, если не втрое. В самом деле, если дать в проекте программы пространные формулировки о профсоюзах, о кооперации, о культуре, о национальных меньшинствах в Европе и т. д., то разве не ясно, что никакого сжатия программы из этого не может получиться? Нынешний проект программы пришлось бы расширить вдвое, если не втрое. То же самое надо сказать о тех товарищах, которые требуют либо того, чтобы программа была конкретной инструкцией для

коммунистических партий, либо того, чтобы программа объясняла все и вся, вплоть до отдельных ее положений. Во-первых, никто никогда не говорил, что программа должна быть только инструкцией или главным образом инструкцией. Это неверно. Такого требования нельзя предъявлять к программе, не говоря уже о том, что исполнение такого требования расширило бы размеры программы до невероятности. Во-вторых, программа не может объяснять все и вся, вплоть до отдельных ее декларативных или теоретических положений. Для этого существуют комментарии к программе. Нельзя смешивать программу с комментариями.

Второй вопрос касается **структуры программы: порядка размещения** отдельных глав внутри проекта программы. Тов. Осинский и, кажется, некоторые другие товарищи...

Бухарин. Милютин.

Сталин. <Они> требуют перемещения главы о конечной цели движения, о коммунизме, в конец программы. Я думаю, что это требование также не обоснованно. Между главой о кризисе капитализма и главой о переходном периоде в проекте программы имеется глава о коммунизме, о коммунистической системе хозяйства. Правильно ли такое расположение глав? Я думаю, что совершенно правильно. Нельзя говорить о переходном периоде, не говоря предварительно о той системе хозяйства, в данном случае о коммунистической системе хозяйства, **переход** к которой предлагается программой. Говорят о переходном периоде, о переходе от капитализма к другой системе хозяйства. Но переход к чему, к какой именно системе – вот о чем должна идти речь раньше, чем охарактеризовать самый переходный период. Программа должна вести от неизвестного к известному, от менее известного к более известному. Сказать о кризисе капитализма и потом о переходном периоде, не говоря предварительно о том, к какой системе должен быть совершен переход, – значит запутать читателя и нарушить элементарное требование педагогики, являющееся вместе с тем требованием построения программы. Ну, а программа должна облегчать положение читателя в деле его подвода от менее известного к более известному, а не затруднять его.

Тов. Лозовский думает, что абзац о социал-демократии не должен входить в состав второй главы проекта программы, где говорится о первой фазе мировой пролетарской революции и о частичной стабилизации капитализма. Говоря так, тов. Лозовский думает, что он ставит вопрос о структуре программы. Это неверно, товарищи. На самом деле мы имеем здесь дело с вопросом политическим. Выключить из второй главы абзац о социал-демократии – это значит допустить политическую ошибку в одном из основных вопросов, о причинах частичной стабилизации капитализма. Дело тут не в структуре программы, хотя тов. Лозовский подходит к этому вопросу с точки зрения структуры, а в оценке политического положения в период частичной стабилизации, в оценке контрреволюционной роли социал-демократии как одного из факторов этой стабилизации. Тов. Лозовский не может не знать, что мы не можем обойтись без абзаца о социал-демократии в главе о частичной стабилизации капитализма, так как сама эта стабилизация не может быть объяснена без характеристики роли социал-демократии как одного из важнейших факторов стабилизации. В противном случае пришлось бы также выбросить из этой главы абзац о фашизме, отнеся этот абзац так же, как и абзац о социал-демократии, к главе о партиях. Но выбросить оба эти абзаца, о фашизме и социал-демократии, из главы, трактующей о частичной стабилизации капитализма, значит обезоружить себя и отрезать себе всякую возможность объяснения капиталистической стабилизации. Ясно, что мы не можем пойти на это, да и сам тов. Лозовский, немного подумав, не решится сделать этого.

Вопрос о **нэпе и военном коммунизме**. Нэп есть политика пролетарской дикта-

туры, направленная на преодоление капиталистических элементов и построение социалистического хозяйства в порядке использования рынка, через рынок, а не в порядке прямого продуктообмена, без рынка и помимо рынка. Могут ли обойтись без нэпа капиталистические страны, хотя бы даже самые развитые из них, при переходе от капитализма к социализму? Нет, не могут и не должны. В той или иной степени нэп, с его рыночными связями и использованием этих рыночных связей, абсолютно необходим для каждой капиталистической страны в период диктатуры пролетариата. У нас есть товарищи, которые отрицают это положение. Но что значит отрицать это положение? Это значит, во-первых, исходить из того, что сразу же по приходе к власти пролетариата у нас будут будто бы налицо уже готовые на сто процентов распределительные и снабженческие аппараты между городом и деревней, между индустрией и мелкой буржуазией, дающие возможность установить сразу прямой продуктообмен, без рынка, без товарооборота. Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю рискованность такого предположения. Это значит, во-вторых, исходить из того, что пролетарская революция должна по захвате власти пролетариатом встать на почву экспроприации средней и мелкой буржуазии, взвалив на свои плечи неимоверное бремя устроения на работу и обеспечения средствами к жизни искусственно созданных миллионов новых безработных. Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю несообразность и глупость такой политики пролетарской диктатуры. Нэп тем, между прочим, и хорош, что он избавляет пролетарскую диктатуру от таких и подобных им трудностей.

Но из этого следует, что нэп является неизбежной фазой социалистической революции во всех странах.

Можно ли то же самое сказать о военном коммунизме? Можно ли сказать, что он, военный коммунизм, является неизбежной фазой пролетарской революции? Нет, нельзя. Военный коммунизм есть навязанная военной обстановкой и интервенцией политика пролетарской диктатуры, рассчитанная на то, чтобы установить прямой продуктообмен между городом и деревней не через рынок, а помимо рынка, мерами главным образом внеэкономического и отчасти военного порядка, и имеющая своей целью организовать такое распределение продуктов, которое бы могло обеспечить снабжение революционных армий на фронте и рабочих в тылу. Ясно, что не будь военной обстановки и интервенции, не было бы военного коммунизма. Поэтому нельзя утверждать, что военный коммунизм является экономически неизбежной фазой развития пролетарской революции.

Неправильно было бы думать, что пролетарская диктатура в СССР начала свою экономическую работу с военного коммунизма. На эту позицию сбивается тов. Варга. Но эта позиция неправильна. Наоборот, пролетарская диктатура начала у нас свою строительную работу не с военного коммунизма, а с провозглашения основ так называемой новой экономической политики. Всем известна брошюра Ленина «Об очередных задачах советской власти»[105], выпущенная в свет в начале 1918 г., где Ленин дал первое обоснование начал новой экономической политики. Правда, она, эта политика, была прервана временно обстановкой интервенции, и к ней пришлось вернуться лишь спустя три года, после ликвидации войны и интервенции. Но то, что пролетарской диктатуре в СССР пришлось вернуться к началам новой экономической политики, провозглашенным еще в начале 1918 г., – это обстоятельство с очевидностью говорит о том, с чего должна начать пролетарская диктатура свою строительную работу на другой день после революции и на чем она должна базировать свою строительную работу, если исходить, конечно, из соображений **экономического** порядка. Иногда смешивают военный коммунизм с гражданской войной, отождествляют первый со второй.

Это, конечно, неправильно. Взятие власти пролетариатом в октябре 1917 г. было, безусловно, формой гражданской войны. Однако было бы неправильно сказать, что применение военного коммунизма началось у нас с октября 1917 г. Можно вполне представить состояние гражданской войны без применения методов военного коммунизма, без отказа от основ новой экономической политики, как это имело место у нас в начале 1918 г., до интервенции.

Тов. Варга говорит, что пролетарские революции будут протекать в изолированной обстановке, ввиду чего ни одна пролетарская революция не может обойтись без интервенции, а значит, и без военного коммунизма. Это не вполне правильно. После того, как мы добились упрочения советской власти в СССР, роста коммунистических партий в основных странах капитализма и укрепления Коминтерна, изолированных пролетарских революций уже не может и не должно быть.

Бухарин. Правильно!

Сталин. Нельзя отвлекаться от таких факторов, как обостряющийся кризис мирового капитализма, наличие Советского Союза и рост коммунизма во всех странах.

Варга. Однако в Венгрии революция была изолированна.

Сталин. То было в 1919 г. А теперь мы имеем 1928 г. Достаточно вспомнить о революции в Германии в 1923 г., когда пролетарская диктатура в СССР готовилась к прямой помощи германской революции[106], чтобы понять всю относительность и условность аргументации тов. Варги.

Осинский. Изолированная революция в Германии, изолированность между Францией и Германией.

Сталин. Вы смешиваете пространственную изолированность с политической изолированностью.

Осинский. Экономически пространство имеет значение, подвоз-то вам отрежут?

Сталин. Конечно, пространственная отдаленность имеет значение. Но все же нельзя ее смешивать с политической изолированностью. А рабочие в странах интервентов – думаете ли вы, что они будут молчать при интервенции, скажем, германской революции и не ударят в тыл интервентам? А СССР и его пролетариат – думаете ли вы, что пролетарская революция в СССР будет смотреть спокойно на бесчинства интервентов? Чтобы повредить интервентам, для этого вовсе не нужно обязательно связаться пространственно со страной революции. Для этого достаточно ужалить интервентов в тех пунктах их собственной территории, которые являются наиболее уязвимыми, чтобы интервенты почуяли опасность и поняли всю реальность пролетарской солидарности. Допустим, что мы обидели буржуазную Англию в районе Ленинграда, причинив ей серьезный урон. Следует ли из этого, что Англия должна отомстить нам обязательно в Ленинграде? Нет, не следует. Она могла бы отомстить нам где-либо в Батуме, в Одессе, в Баку или, скажем, во Владивостоке. То же самое надо сказать о формах помощи и поддержки со стороны пролетарской диктатуры пролетарской революции в одной из стран, скажем, Европы против империалистических интервентов.

Но если нельзя признать интервенцию, а значит и военный коммунизм **абсолютно обязательным** явлением для всех стран, то их все же можно и нужно признать вероятными. Поэтому, не соглашаясь с аргументацией тов. Варги, я согласен с его выводом о том, что можно было бы в проекте программы заменить формулу о **возможности** военного коммунизма для стран пролетарской революции, при известной международной обстановке, формулой о **вероятности** военного коммунизма.

Вопрос о **национализации земли**. Я не согласен с теми товарищами, которые предлагают изменить формулу национализации земли для капиталистически развитых стран и требуют объявить национализацию **всей** земли в первый же день проле-

тарской революции в таких странах. Я имею в виду тов. Лозовского. Я не согласен также с теми товарищами, например с т. Осинским, которые предлагают умолчать вовсе о национализации **всей** земли в капиталистически развитых странах. По-моему, лучше было бы сказать о последующей национализации **всей** земли, как это и сказано в проекте программы, с добавлением об обеспечении права на землепользование мелким и средним крестьянам. Эту последнюю поправку можно было бы принять.

Осинский. Я так и говорил.

Сталин. Нет, вы говорили не только это, но и нечто другое.

Осинский. Я как раз читаю стенограмму этого места.

Сталин. Тем лучше, но мне послышалось нечто другое. Неправ тов. Лозовский, думая, что чем развитее капиталистически страна, тем легче провести там национализацию **всей** земли. Наоборот, чем развитее капиталистически страна, тем труднее провести национализацию **всей** земли, ибо тем сильнее там традиции частной крестьянской собственности на землю и тем труднее, стало быть, бороться с этими традициями. Прочтите тезисы Ленина об аграрном вопросе на II конгрессе[107], где он прямо предостерегает от опрометчивых и неосторожных шагов в этом направлении, и вы поймете всю неправильность утверждения тов. Лозовского. В капиталистически развитых странах частная крестьянская собственность на землю существует сотни лет, чего нельзя сказать о капиталистически менее развитых странах, где принцип частной собственности на землю не успел еще войти в плоть и кровь мелкого крестьянства. У нас в России даже говорили одно время крестьяне, что земля ничья.

Г о л о с. Земля божья.

Сталин. Этим, собственно, и объясняется, что Ленин еще в 1906 г., в ожидании буржуазно-демократической революции, выдвинул у нас лозунг национализации всей земли при обеспечении землепользования мелким и средним крестьянам, считая, что крестьянство это поймет и примирится с этим. Разве не характерно, что тот же самый Ленин в 1919 г. на II конгрессе Коминтерна предостерегает коммунистические партии капиталистически развитых стран не выдвигать сразу лозунга национализации всей земли, так как проникнутое собственническим инстинктом крестьянство этих стран не переварит сразу этого лозунга. Можем ли мы не учитывать этой разницы и не принимать во внимание указания Ленина? Ясно, что не можем.

Вопрос о **внутреннем характере** проекта программы. Оказывается, что некоторые товарищи считают проект программы по своему внутреннему содержанию не вполне интернациональным, ввиду того, как говорят, что он носит «слишком русский» характер. Я не слышал здесь подобных возражений. Но такие возражения, оказывается, имеются кое в каких кругах около Коминтерна.

Что могло подать повод к таким возражениям? Может быть, то обстоятельство, что в проекте программы имеется специальная глава о СССР? А что может быть в этом плохого? Разве наша революция является по своему **характеру** национальной и только национальной революцией, а не революцией интернациональной по преимуществу? Почему же мы называем ее в таком случае **базой** мировой революции, **рычагом** революционного развития всех стран, **отечеством** мирового пролетариата? У нас были люди, например наши оппозиционеры, которые считали революцию в СССР исключительно или главным образом национальной революцией. Они сломали себе шею на этом. Странно, что имеются, оказывается, около Коминтерна люди, готовые идти по стопам оппозиционеров.

Может быть, по своему **типу** наша революция является национальной и только национальной революцией? Но наша революция есть революция советская, а советская форма пролетарского государства есть в основном **обязательная** форма для

диктатуры пролетариата в любой стране. Недаром Ленин говорил, что революция в СССР открыла новую эру в истории развития, эру советов. Не следует ли из этого, что не только с точки зрения своего характера, но и с точки зрения типа революции наша революция является революцией интернациональной по преимуществу, дающей картину того, чем должна быть в основном пролетарская революция в любой стране?

Несомненно, что интернациональный характер нашей революции накладывает на пролетарскую диктатуру в СССР известные обязанности в отношении пролетариев и угнетенных масс всего мира. Ленин исходил из этого положения, когда он говорил, что смысл существования пролетарской диктатуры в СССР состоит в том, чтобы сделать все возможное для развития и победы пролетарской революции в других странах. Но что из этого следует? Из этого следует по крайней мере то, что наша революция является частью мировой революции, базой и инструментом мировой революции.

Несомненно также, что не только революция в СССР имеет и осуществляет свои обязанности в отношении пролетариев всех стран, но и пролетарии всех стран имеют некоторые довольно серьезные обязанности в отношении пролетарской диктатуры в СССР. Эти обязанности состоят в поддержке пролетариата СССР в его борьбе с внутренними и внешними врагами, в войне против войны, направленной к удушению пролетарской диктатуры в СССР, в проповеди прямого перехода армий империализма на сторону пролетарской диктатуры в СССР в случае интервенции. Не следует ли из этого, что революция в СССР неотделима от революционного движения в других странах, что торжество революции в СССР есть торжество революции во всем мире?

Разве можно после всего этого говорить о революции в СССР как о революции национальной, изолированной, взятой вне связи с революционным движением во всем мире? И наоборот, разве можно после всего этого понять что-либо в мировом революционном движении вне связи с пролетарской революцией в СССР?

Чего стоила бы программа Коминтерна, трактующая о мировой пролетарской революции, если бы она обошла основной вопрос **о характере и задачах** пролетарской революции в СССР, **об ее обязанностях** в отношении пролетариев всех стран, **об обязанностях пролетариев всех стран** в отношении пролетарской диктатуры в СССР?

Вот почему я думаю, что возражения насчет «русского характера» проекта программы носят печать, как бы это выразиться помягче...

Г о л о с. Печать нехорошего.

Сталин. Печать неприятного привкуса.

Перейдем к отдельным замечаниям.

Я считаю, что тов. Скрыпник прав, когда он предлагает на 55 странице изменить фразу насчет трудящихся слоев деревни, «идущих за диктатурой пролетариата». Эта фраза является явным недоразумением или, может быть, корректурной ошибкой. Ее надо изменить. Но тов. Скрыпник совершенно неправ, когда он предлагает включить в проект программы все определения диктатуры пролетариата, данные Лениным. (С м е х.) На 52 странице имеется следующее определение диктатуры пролетариата, взятое в основном у Ленина:

«Диктатура пролетариата есть продолжение его классовой борьбы в новых условиях. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества, против внешних капиталистических врагов, против остатков эксплуататорских классов внутри страны, против ростков новой буржуазии, возникающих на основе еще не преодоленного товарного производства».

В проекте программы имеется еще ряд других определений диктатуры в соответ-

ствии с теми или иными задачами диктатуры на разных стадиях пролетарской революции. Я думаю, что этого вполне достаточно.

Скрыпник. Упущена одна из формулировок Ленина.

Ворошилов. Скрыпник не прозевает, не беспокойтесь.

Сталин. У Ленина имеются целые страницы про диктатуру пролетариата. Ежели все это включить в проект программы, я боюсь, что его размеры увеличатся по крайней мере втрое.

Смирнов. Не втрое, а в сто раз.

Сталин. Неправильно также замечание тов. Скрыпника насчет нейтрализации среднего крестьянства. Ленин прямо говорит в своих тезисах на II конгрессе Коминтерна, что накануне захвата власти и на первой стадии диктатуры в капиталистических странах коммунистические партии не могут рассчитывать более, чем на нейтрализацию среднего крестьянства. Ленин прямо говорит, что только после упрочения советской власти, только после упрочения диктатуры пролетариата коммунистические партии могут рассчитывать на организацию прочного союза с середняком. Ясно, что, составляя проект программы, мы не могли не считаться с этим указанием Ленина, не говоря уже о том, что это указание в точности соответствует опыту нашей революции.

Не вполне правильно также замечание т. Скрыпника насчет национального вопроса. Тов. Скрыпник не имеет оснований утверждать, что проект программы не учитывает национальных моментов революционного движения. Вопрос о колониях есть в основном вопрос национальный. В проекте программы достаточно выпукло говорится об империалистическом гнете, о гнете в колониях, о национальном самоопределении, о праве наций и колоний на отделение и т. д. Если тов. Скрыпник имеет в виду национальные меньшинства в Средней Европе, то об этом можно упомянуть в проекте программы, но я против того, чтобы в проекте программы давать специальную трактовку национального вопроса в Средней Европе.

Наконец, о замечаниях тов. Скрыпника насчет Польши как страны, представляющей второй тип развития к пролетарской диктатуре. Тов. Скрыпник думает, что классификация стран на три типа, на страны с высокоразвитым капитализмом (Америка, Германия, Англия), страны со среднеразвитым капитализмом (Польша, Россия до Февральской революции и т. д.) и страны колониальные, – неправильна. Он утверждает, что Польшу надо отнести к первому типу стран, что можно говорить лишь о странах двух типов, капиталистических и колониальных. Это неверно, товарищи. Кроме стран капиталистически развитых, где победа революции приведет сразу к пролетарской диктатуре, существуют еще страны капиталистически мало развитые, с феодальными пережитками, со специальным аграрным вопросом антифеодального типа (Польша, Румыния и т. д.), где мелкая буржуазия, особенно крестьянство, обязательно скажет свое веское слово в случае революционного взрыва и где победа революции для того, чтобы привести к пролетарской диктатуре, может потребовать и наверняка потребует некоторых промежуточных ступеней в виде, скажем, диктатуры пролетариата и крестьянства. У нас тоже были люди, вроде Троцкого, которые говорили перед Февральской революцией, что крестьянство не имеет серьезного значения, что лозунгом момента является лозунг «без царя, а правительство рабочее». Вы знаете, что Ленин решительно отмежевывался от такого лозунга, возражая против недооценки роли и удельного веса мелкой буржуазии, особенно крестьянства. У нас некоторые думали тогда, что после свержения царизма пролетариат займет сразу господствующее положение. А что случилось на деле? Случилось то, что сразу после Февральской революции на сцену выступили миллионные мелкобуржуазные массы, давшие перевес мелкобуржуазным партиям, эсерам и меньшевикам. Эсеры и меньшевики, представляв-

шие дотоле ничтожные партии, «вдруг» стали господствующей силой в стране. Благодаря кому? Благодаря миллионным массам мелкой буржуазии. Этим, между прочим, и объясняется тот факт, что пролетарская диктатура установилась у нас в результате более или менее быстрого перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Едва ли есть основания сомневаться в том, что Польша и Румыния принадлежат к числу стран, имеющих пройти более или менее быстро некоторые промежуточные ступени на пути к диктатуре пролетариата. Вот почему я думаю, что Скрыпник неправ, отрицая наличие трех типов революционного движения на пути к диктатуре пролетариата. Польша и Румыния представляют второй тип.

Скрыпник. Но не Польша.

Бухарин. «И так далее» – там разные есть еще страны, Югославия, например.

Сталин. Таковы, товарищи, мои замечания по вопросу о проекте программы.

Что касается стиля проекта программы или некоторых отдельных формулировок, то я не могу утверждать, что проект программы является в этом отношении совершенным. Надо полагать, что здесь придется внести улучшения, уточнения, упростить, может быть, стиль и т. д. Но это дело программной комиссии VI конгресса.

Председатель. Слово имеет тов. Крупская.

Крупская. Конечно, самое важное, основное в программе – это оценка всего положения, и, конечно, ясно, что если правильна оценка, то это (какова бы ни была форма программы) имеет громаднейшее значение для единства действий, и вот, мне кажется, с точки зрения оценки, в общем и основном, мы имеем в этой программе очень большое достижение. Если коммунистические партии на этой оценке сойдутся, то это будет уже громаднейший шаг вперед. Но относительно формы, мне кажется, программа больше написана для руководящего слоя, чем для масс. Кроме верности оценки, в программе должно быть (я не знаю, достижимо ли это сейчас) нечто агитационное. Я не об агитке говорю, конечно. Но если мы возьмем, например, «Капитал» Маркса, то как ни научно, ни трудно он написан, несмотря на это «Капитал» Маркса является чрезвычайно агитационным произведением, потому что каждая глава там ориентирована на массы и зажигает энтузиазмом. Точно так же мне представляется, что программа, ориентированная на массы, должна быть точно так же написана, чтобы каждый ее раздел, не только вся программа в целом, а каждый отдел был особенно ясен для масс, близок им. И с этой точки зрения если мы подойдем к этой программе, то в ней есть отдельные отделы, которые эту цель лишь мимоходом разрешают.

Возьмем хотя бы вопрос о том, что такое коммунизм. Об этом сказано, но в довольно прохладных тонах, о том, что не будет при социализме религии, суеверий, но характеристика социализма не представляет чего-то ценного, спаянного, зажигающего. Но вот, поговорив с иностранцами, приходится это почувствовать. Я не говорю о коммунистах, коммунисты другое дело, а вот те, которых мы хотим разагитировать, сделать коммунистами. Первый вопрос, который у них проскальзывает во всем: что такое коммунизм, почему он лучше капитализма, что он даст? Вот у них в стране все как будто лучше налажено, и здания красивые, и хозяйство хорошо поставлено, и наука процветает, почему нужно бороться за коммунизм? Вот этот вопрос стоит перед массой рабочих-некоммунистов. У нас в России буржуазия была порядочная тяпа, потому что она, главным образом, только умела нажимать на массы, а развращать массы она не умела. Если сравнить, как действовала наша буржуазия, с тем, как действует, например, американская буржуазия или европейская, так надо сказать: американская и европейская буржуазия умеют гораздо лучше обманывать рабочих, разъединять их, развращать, втирать им очки. В этом, например, постоянно приходится убеждаться в области просвещения. Приемы одурачивания масс у современной буржуазии разрабо-

таны в тонкости, и в этом отношении нам нельзя недоучесть силы врага. И, мне кажется, в программе нужно сказать: для буржуазных стран, для передовых стран в промышленном отношении, там проблемы экономические легче разрешаются. Мы бьемся над нашей экономикой, над хозяйственными вопросами, а может быть, в передовых в промышленном отношении странах, там главные трудности после взятия власти возникнут не по этой линии, а по линии главным образом идеологического преодоления всех тех буржуазных предрассудков, понятий, привычек, которые буржуазия очень умело, через школы, через прессу, умеет внедрять в умы рабочих.

Тут в программе имеется одно место, в котором говорится о подкупе вождей. Подкуп-то подкуп, но его нельзя понимать упрощенно, потому что если дело только о том, что вожди подкуплены, то сбросить можно их в два счета, а тут нужно сказать не только то, что вожди подкуплены, но что буржуазия через этих вождей умеет влиять на рабочий класс. Возьмем мировую войну. Почему вожди сумели повести на войну с.-д. массы, почему социал-демократия была так охвачена патриотическим угаром? – Потому что буржуазия умела широко влиять на массы, заразить их буржуазным воззрением на вопрос о защите отечества. Нельзя себе упрощать задачу и говорить, что весь вопрос в вождях. Тут вопрос во всей сумме влияния на массы. Мне кажется, что в программе, говоря насчет подкупа вождей, нужно добавить, почему вожди так прочно держатся и какая задача стоит перед нами.

Далее. Мне кажется, что непременно надо сказать о том, о чем пишет тов. Цеткин, непременно надо больше сказать о женщинах. Правда, в нескольких местах это говорится, но надо сказать гораздо сильнее, гораздо объединеннее весь этот вопрос поставить, потому что вопрос этот далеко еще не разрешен, потому что программа обращается тоже к восточным странам, где положение женщин является одним из основных вопросов. Этот вопрос, мне кажется, надо несколько выделить и поставить более остро, чем он стоит.

Теперь относительно «русского характера» программы. Конечно, товарищи, говорившие о «русском характере» программы, имели в виду не то, что в программе учтен опыт русской революции и что программа пропитана духом революции. Я думаю, что никто ни на минуту не усомнился в том, что в этом отношении программа насквозь должна быть пропитана русским духом. Тут имелось в виду другое. Пережитая борьба, наш опыт дает нам возможность заметить, учесть то, что имеет громадное значение для иностранцев, именно для их борьбы, и мимо чего мы проходим, потому что для нас это теперь уже неважно. Например, для нас вопросы экономического строительства представляют наибольшую трудность, и им мы очень много уделяем места. Конечно, это основа, база, так что не уделять им места нельзя. Надо больше уделить места освещению вопросов идеологической надстройки, надо, чтобы вся программа учитывала больше психологию европейских рабочих, для которых вопросы «надстройки» представляют особый интерес.

Потом вот что я хотела сказать относительно учета русского опыта в связи с вопросом о советах. Правда, в программе говорится несколько раз об организационной роли советов, но, мне кажется, надо бы сказать о ней больше. То, о чем Владимир Ильич писал в «Государстве и революции»[108], было потом блестяще иллюстрировано всем русским опытом. И вот, когда иногда с иностранными товарищами говоришь, то замечаешь, что они организационной роли советов не замечают как-то. Они не замечают громадной организационной роли советов по перестройке всей структуры, всей общественной ткани. Ведь капитализм не только поверху идет, он идет до самого низу, он каждую ячейку общественной ткани по-своему складывает: на заводе вся организация такова, как это выгодно капиталисту, торговля, управление, школа, пресса. И тут

мы должны наш опыт революции осветить, показать, какие тут имеются трудности, как, не перестроив все до глубины, нельзя построить социализм. И вот то, что мы узнали, в чем мы убедились, – ведь до советской власти это не так ясно, не так понятно было, что надо было все перестроить до основания, – надо рассказать об этой стороне нашего опыта подробно, ибо в капиталистических странах, в колониях точно так же надо всю эту организационную перестройку произвести. А ее, кроме масс, никто не может проделать. То, что только массы могут эту громадную организационную работу проделать, – это надо было бы особенно подчеркнуть потому, что это вопрос большой важности и вопрос, который часто недооценивается.

И, наконец, последнее, что я хотела бы сказать, – это о том особом пути, который придется проделывать каждой стране.

В программе сказано, что нельзя рассматривать мировую революцию как одновременный акт. Но я думаю, что кроме этого надо сказать, что в каждой стране свой путь строительства социализма.

Бухарин. Это есть.

Крупская. Это есть, но не в достаточной мере.

Бухарин. Сказано о разных типах социализма.

Крупская. Там сказано очень общо, «по-русски», а надо сказать так, чтобы это было понятно и тем странам, которые нашего опыта не проделали. Русский характер программы в том и может проявиться, что мы не заметим, что на том или другом вопросе надо детальнее остановиться, потому что он не так ясен тем странам, которые не проделали того опыта, который пришлось проделать СССР за эти 10 лет. Вот те замечания, которые я хотела сделать.

Председатель. Слово имеет тов. Рютин. [Следующий – т. Сокольников. Я предлагаю на этом сегодня заседание окончить. Больше у меня записавшихся нет. Заключительное слово т. Бухарина перенести на завтра утром и после перерыва, завтра же утром, до обеда, заслушать т. Микояна. Нет возражений?]

Рютин. Товарищи, тут некоторые обвиняли программу в излишней теоретичности и непопулярности. Я думаю, что эти обвинения неосновательны. Эта программа в общем в достаточной мере популярна, а что касается вопросов теории, минимума теоретических вопросов вы никак не обойдете; они обязательно будут в программе и должны быть. Мне думается, что и о структуре программы говорить тоже не приходится; можно внести только частичные дополнения, изменения и поправки. Я лично считаю, что не мешало бы внести одно серьезное дополнение. В программе дана характеристика классов в условиях пролетарской диктатуры, но в программе не имеется, за исключением пролетариата, а это я считаю недостаточным, характеристики классов, какими они выглядят в эпоху империализма, характеристики природы самих классов.

Возьмите вы буржуазию. Буржуазия эпохи промышленного капитализма и буржуазия эпохи империализма, эпохи финансового капитала, – их природа в значительной мере отличается друг от друга, а отсюда кое-что вытекает и для тактики пролетариата, а следовательно, и для тактики Коминтерна. Точно так же и природа мелкой буржуазии. Характеристика мелкой буржуазии разных слоев, по крайней мере основных слоев мелкой буржуазии, в эпоху империализма не дана. Затем класс помещиков. Возьмите вы в Китае, возьмите вы в Польше, возьмите в Румынии, там помещики играют крупнейшую роль, а об этом в программе нет ни слова. А ведь это дает соответствующую ориентировку в тактических вопросах. Этой характеристики нет. Очевидно, составители программы считали, что дать характеристику классов в эпоху пролетарской диктатуры чрезвычайно важно. Я считаю, что не менее важно, а, пожалуй, бо-

лее важно дать характеристику классов в эпоху империализма, в эпоху империалистического господства, как эти классы здесь выглядят. Мне кажется, такая постановка необходима. Конечно, это несколько увеличит программу, скажем на 1–2 страницы. Некоторые товарищи высказывались за то, чтобы сократить программу в 2–3 раза. Мне кажется, сокращать программу в ущерб содержанию ни в коем случае не следует.

Эти вопросы никак нельзя обойти, потому что из этого будет всегда вытекать ряд тактических шагов, ряд тактических мероприятий. Затем отдельные поправки. На первой странице говорится: «Империализм со стихийной силой вскрывает и углубляет все противоречия капиталистического общества, доводит до крайнего предела классовый гнет, обостряет до исключительного напряжения противоречие между ростом производительных сил мирового хозяйства и национально-государственными перегородками, вызывает неизбежность империалистических войн мирового размаха, потрясающих всю систему господствующих отношений, и с железной необходимостью ведет к мировой революции пролетариата».

Империализм не только вызывает империалистические войны мирового размаха, но он связан с бесчисленными мелкими конфликтами и коллизиями, а здесь получается, что он вызывает только войны мирового размаха. Вся обстановка от того, что империализм охватывает все мировое хозяйство своими связями, не только не упрощается, но усложняется. И мы на практике этих коллизий, столкновений, конфликтов, противоречий больших и малых имеем бесчисленное количество.

На второй странице сказано: «Империализм создает необходимость теснейшего сплочения рабочих в единую интернациональную армию пролетариев всех стран, независимо от государственных границ, национальных или расовых отличий, пола или профессии.

Таким образом, империализм, создавая материальные условия для социализма, ставит вместе с тем пролетариат перед необходимостью организоваться в боевое международное товарищество рабочих, необходимое для свержения империализма».

Основные, элементарные предпосылки для такого международного товарищества рабочих дала уже эпоха промышленного капитализма. На этой основе образовался I Интернационал. Эти предпосылки в условиях финансового капитализма расширяются и углубляются. Мысль заложена в программе правильная, но она изложена так, как будто империализм впервые создает такие предпосылки. Я считаю, эта часть требует уточнения.

В отношении сельского хозяйства сказано: «В области сельского хозяйства он находил свое выражение не только в дифференциации крестьянства и в пролетаризации широких его слоев, но, главным образом, в явных и скрытых формах подчинения мелкого крестьянского хозяйства господству крупного капитала, причем мелкое хозяйство могло сохранять видимость своей независимости лишь ценою крайнего напряжения труда и систематического недопотребления».

Мне думается, что здесь было бы целесообразно подчеркнуть, что в сельском хозяйстве с известными модификациями действуют те же законы, что и в промышленности. Это необходимо подчеркнуть, потому что ревизионизм социал-демократии приобрел теперь право гражданства во всем международном меньшевизме.

На странице 34-й такая формулировка: «Отмена частной собственности и классов уничтожает эксплуатацию одних людей другими».

Классы не отменяются, это неправильная формулировка. Как государство не отменяется, а отмирает, так же отмирают классы вместе с государственной системой. Здесь необходимо внести соответствующую поправку редакционную.

Последняя поправка на странице 74-й – характеристика анархизма. Здесь сказано:

«Далекий от какого бы то ни было массового движения в важнейших центрах пролетарской борьбы, анархизм все более превращается в секту, всей своей тактикой и всеми своими выступлениями, в том числе выступлениями против диктатуры рабочего класса в СССР, объективно включающую себя в единый фронт антиреволюционных сил».

Здесь получается такое впечатление, что как будто анархизм когда-то в недавнем прошлом был массовым движением. Между тем даже в эпоху I Интернационала, в эпоху Бакунина, анархизм был массовым движением только в Испании. А если мы возьмем последние полтора десятка лет, в особенности за период революции, то мы должны сказать, что анархизм не был за это время массовым движением нигде. Я думаю, что формулировка во всяком случае является недостаточно точной.

Председатель. Слово имеет т. Сокольников.

Сокольников. У меня четыре кратких замечания по следующим пунктам. Во-первых, мне кажется, что то определение военного коммунизма, которое дается в проекте программы, вряд ли является исчерпывающим. Здесь говорится, что военный коммунизм: «... есть не что иное, как организация рационального потребления в целях обороны при падении производительных сил страны, при резком нарушении индивидуалистических производственных стимулов мелкого производителя (система конфискаций и реквизиций)».

Но дело-то в том, что если таким образом определять суть военного коммунизма (это стр. 51), то прежде всего можно с таким же успехом под это определение подвести так называемый «военный социализм», потому что если взять ту хозяйственную практику, которая во время войны при капитализме была в Германии, то это определение применимо и к нему.

Бухарин. То, которое со знаком диктатуры пролетариата.

Сокольников. Но вы описываете тут определенную хозяйственную организацию. Военно-коммунистическая хозяйственная политика пошла гораздо дальше, а вы ограничиваете дело нарушением навыков индивидуалистических производственных стимулов. На нарушение индивидуалистических стимулов мелкого производства идет и государственный капитализм, а не только коммунизм.

Бухарин. Это и есть эквивалент военного коммунизма.

Сокольников. То, что здесь сказано, верно, но оно неполно, и вследствие своей неполноты оно становится неправильным. Нужно здесь более точно сказать то, что в прениях указывали, т. е. то, что это есть общественная организация хозяйства, которая пытается осуществить непосредственное руководство хозяйством, минуя рынок, исключая рыночные методы хозяйства. Это гораздо ближе и точнее. Я обращаю внимание, что эта формулировка явно неполная, и вследствие своей неполноты она получает совершенно ложный смысл. Это первое замечание.

Теперь второе замечание, или, вернее, недоумение: я не понимаю, почему на страницах 55 и 56 по отношению к роли кооперации при диктатуре пролетариата и при социалистическом строительстве, почему взят такой условный язык. Здесь тов. Милютин указывал, что нужно внести в проект программы дополнение, отмечающее возможность неизбежной борьбы при установлении диктатуры пролетариата со старыми кооперативными центрами. Это совершенно верно. Но тем более тогда нельзя будет сохранить такую терминологию, которая здесь взята. Мне не ясно, почему это? Здесь сказано так: «Кооперативные организации рабочего класса, в условиях капитализма вопреки реформистским утопиям обреченные на сравнительно скромную роль, нередко вырождающиеся благодаря общим условиям капиталистической системы и превращающиеся в ее привесок, могут стать – при диктатуре пролетариата – важнейшими составными частями распределительного аппарата».

Могут стать – это значит могут и не стать. Это есть возможность, но не есть обязательность. Во всяком случае, это говорится даже по отношению к кооперативным организациям рабочего класса, что они могут стать важнейшей составной частью распределительного аппарата. Совершенно очевидно, что тут нужно сказать иначе, т. е. здесь должна быть указана совершенно точно задача превращения этих кооперативных организаций рабочего класса в важнейшую составную часть распределительного аппарата и что это есть их обязательная, а не возможная роль.

Бухарин. Кто знает, а может быть, муниципальные организации будут созданы.

Сокольников. Если это будут особые муниципальные организации, тогда почему же это не отметить здесь. Дальше говорится и относительно таких видов, которым никак не противопоставишь никакой формы муниципальных организаций. Дальше говорится таким образом: «Наконец, сельскохозяйственная кооперация крестьянства (сбытовая, закупочная, кредитная, производственная) – при условии надлежащего руководства и обеспечения влияния трудящихся слоев деревни, идущих за диктатурой пролетариата, – может превратиться в одну из основных организационных форм, связывающих город и деревню».

Мне кажется, что и тут формулировка должна быть изменена, т. е. должно быть, по крайней мере, сказано, что стоит задача превращения ее в такой рычаг. Та условная возможность – «может стать» – говорит о том, что может и не стать, ее здесь не должно быть, надо сказать более определенно и точно, как мы представляем организацию потребления, как мы представляем организацию перевода крестьянства, мелкого производителя и проч. на базу крупного хозяйства. Если мы этого не скажем, тут останется пробел. Я думаю, что эти формулировки способны посеять недоразумения и неясность.

Перехожу к вопросу относительно национализации земли. Я думаю, что в той формуле, которая дана по вопросу о национализации земли на странице 45-й, где говорится о сельском хозяйстве, и в другом месте, где говорится относительно колоний, – мы не получаем той формулы, которая нам нужна. Нужно прямо признать, что поставить в качестве прямой задачи, не сопроводив этого определенной гарантией интересов мелких земледельцев, национализацию всей земли в капиталистических странах – это значит с самого начала исключить возможность значительной поддержки со стороны мелкого крестьянства. Наша программная формулировка не должна быть таковой, чтобы давать в руки фашистским, капиталистическим и реформистским элементам такого орудия, как отделение мелкого крестьянства от пролетариата.

Я думаю, поэтому, что в пункте о сельском хозяйстве, где говорится о конфискации, пролетарской национализации всего крупного землевладения, нужно изменить формулировку. Эта формулировка должна быть изменена примерно так. Тут поставить точку перед словами «с последующей национализацией всей земли», и дальше читать так: в дальнейшем вместе с развитием социалистической организации национализация всей земли при строжайшей охране и обеспечении интересов трудового землепользования. Мы должны, конечно, сохранить постулат национализации всей земли при развитии социализма. Но нужно это сопроводить указанием на то, что дальнейшая национализация может проистекать в связи с процессом дальнейшего построения социализма и при строжайшей охране интересов трудового землепользования. Что же касается колоний, то сказать, что в колониях мы повсюду будем прямо требовать национализации всей земли, мне думается, нельзя, потому что не во всех же колониях сохранились докапиталистические формы земельной собственности. Было бы осторожнее сказать так: национализация всей земли, опираясь на сохранившиеся общинные формы землепользования. Тогда для тех отсталых стран, где тем не менее общинные

формы не сохранены, не было поставлено необходимостью иметь против себя мелкое крестьянство. В Индии, например. В Индии мы должны поставить задачу полной национализации всей земли, опираясь на сохранившиеся формы.

Бухарин. Ну, в Индии произошли большие перемены!

Сокольников. Это аргумент не против меня, а именно за такого рода оговорку.

Еще одно упущение, глава II «Общий кризис капитализма, первая фаза мировой революции». Здесь на стр. 21 говорится таким образом: «На основе могучего потрясения всего мирового капитализма, обострения классовой борьбы и под непосредственным влиянием Октябрьской революции пролетариата произошел ряд революций и революционных выступлений как на континенте Европы, так и в колониальных и полуколониальных странах».

Мне кажется, что эти абзацы отражают психологию сегодняшнего дня, потому что по этому изложению выходит, что Октябрьская революция положила начало международной революции пролетариата, вызвала целый ряд восстаний, революций и проч., но не сказано, что она удержалась, опираясь, в свою очередь, на них. Эта сторона здесь отсутствует, т. е. что эти восстания, эти революции, эти хотя бы терпевшие поражение движения, они-то и оказались формами международной революционной борьбы пролетариата, и что наше укрепление, сохранение диктатуры пролетариата в СССР в известной степени было результатом именно этого процесса международной борьбы пролетариата и международной революции. Эта вещь совершенно бесспорная и элементарная. Но второй части здесь нет, а в программе Коминтерна это совершенно необходимо. Здесь, по-видимому, упущение, недосмотр.

Председатель. Сегодняшнее заседание окончено. Завтра в 11 час. утра заключительное слово тов. Бухарина.

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТОЕ

Утро, 6 июля

Председатель (Рыков). Тов. Бухарин имеет заключительное слово.

Бухарин. Я считаю, что имевшая здесь место дискуссия обнаружила, как и следовало ожидать от пленума ЦК, довольно значительный интерес к программным вопросам. Я не успею и не смогу со всей подробностью ответить на каждый из затронутых в дискуссии вопросов, т. е. дать ответ на каждое выступление. Целесообразнее, мне кажется, и здесь поступить по тому же методу, по которому я действовал, давая обзор вопросов, поднятых в печати, а именно – выделить некоторые **основные** вопросы, **основные** возражения и на них сосредоточить все свое внимание: что же касается второстепенных, хотя бы и правильных поправок, то их обсуждение можно перенести в программную комиссию конгресса Коминтерна. Вообще, что касается работы над программой, я предлагаю, чтобы пленум ЦК в основном одобрил проект программы, а затем поручил делегации ВКП(б), или ЦК, или Политбюро обеспечить всем товарищам, которые вносили здесь поправки, участие в работе программной комиссии конгресса. Тогда мы не дублировали бы работу. Другое дело, если бы у нас были крупные принципиальные разногласия, тогда необходимо было бы, чтобы пленум ЦК в комиссии конгресса занял определенную принципиальную позицию в связи с той или другой поправкой. А так как вы видите, что никаких принципиальных, или приближающихся к принципиальным, разногласий на пленуме ЦК не обнаружено, то, мне кажется, следует принять предложенный мною способ дальнейшей работы над программой.

Теперь перехожу к сути дела. Я думаю, что целый ряд поправок, которые были здесь внесены товарищами, можно было бы в той или другой форме принять. Например, я считаю, что можно принять и развить в программе вопрос о работе среди женщин, связав этот вопрос (как это постоянно делал Ленин) с необходимостью особливо настойчивой работы среди наиболее отсталых слоев пролетариата и среди наиболее угнетенных, наиболее обездоленных и, если хотите, наиболее культурно-политически отсталых масс трудящихся. Быть может, надо сделать ударение на вопросе о сельскохозяйственном пролетариате, указать на значение и характер работы среди него. В той или иной форме можно принять то, что говорил тов. Анцелович, помня, однако, об определенных пропорциях в построении программы. Должен сказать, что здесь вчера повторилась такая же история, как при обсуждении **бюджета**: каждая «специальность» и каждое «ведомство» требуют увеличения своего места, подчас не считаясь с тем, как отразится это требование на общей структуре бюджета.

Мы ни в коем случае не должны так размахнуться, чтобы сколько бы то ни было сильно увеличить размер программы. Мы можем увеличить ее на одну, две, три странички, но есть границы в этом увеличении. Эту предпосылку необходимо все время иметь перед глазами.

Я считаю, что можно **подчеркнуть более резко вопрос о разнообразии типов**

строящегося социализма, о разнообразии его исходных пунктов, т. е. разнообразии форм самого капитализма. Должен в скобках заметить, что в первом своем докладе (на IV конгрессе Коминтерна) я специально выделил этот пункт в качестве одного из ударных моментов, и в моем тогдашнем докладе ему посвящен был специальный раздел, довольно подробный и обстоятельный. Следовательно, я ничего не имею против более резкой формулировки этой мысли.

Я думаю, что мы можем развить более подробно вопрос **о подкупе вождей**, в связи с вопросом о завоевании идущих за **социал-демократическими** вождями масс. Я считаю, что можно принять и целый ряд других поправок, в частности поправки тов. Рютина, некоторые поправки тов. Осинского, на другие его предложения вчера был получен ответ со стороны тов. Сталина. (С этим ответом я совершенно согласен.)

Сейчас позвольте перейти к некоторым более крупным кругам обсуждаемых вопросов. Я беру, прежде всего, **проблему социал-демократии**. По этому вопросу выступал целый ряд товарищей, выступил тов. Лозовский, говорила Надежда Константиновна. Мне кажется вполне естественным, что этот вопрос привлек к себе большое внимание.

Прежде всего, относительно места. Я очень хорошо понимаю, что логическая стройность, абстрактно понимаемая, требовала бы от нас, чтобы мы сгрудили в программе все различные течения в одном месте. Я понимаю, что есть известное рациональное зерно в той постановке вопроса, которую дал тов. Лозовский, чтобы мы в конце проекта выстроили в ряд всех наших врагов, все идейно-политические враждебные нам течения внутри рабочего класса и ударили по ним «сообща». Известная логическая стройность благодаря этому была бы достигнута. Но я считаю, что аргументы, которые приводил тов. Сталин во вчерашнем своем ответе, вполне убедительны. Эти аргументы говорят за то, что мы должны изобразить политические действия и предательскую роль социал-демократии в связи с анализом конкретного хода мировой революции, потому что иначе ни вопрос о поражении этой революции, ни вопрос о роли социал-демократии в этой революции не получили бы полного освещения. Но я позволю себе дополнить эту аргументацию еще одним соображением, которое, мне кажется, имеет крупное политическое значение. Мне представляется бесспорным, что политически необходимо в программе подчеркнуть связь между социал-демократией и фашизмом. Нельзя разрывать и совершенно отделить эти вопросы один от другого. Если мы о социал-демократии скажем только в конце, т. е. в той главе, где говорится о различных идейно-политических течениях внутри рабочего класса, о «гильдейском социализме», о «конструктивном» и проч., то мы затемним связь между социал-демократией и фашизмом, а между тем идейно-политически нам нужно показать, что, по сути дела, это два метода спасения буржуазного режима от пролетариата. В силу этого можно пожертвовать соображениями архитектонической стройности, потому что правильно было замечено, что наша программа должна быть **боевым** документом Коминтерна, а разрывая связь между фашизмом и социал-демократией, мы обнаружили бы непонимание их роли в их **взаимной связи**, непонимание того, что буржуазия попеременно или в одно и то же время пользуется тем и другим методом, непонимание очень тесного сродства этих методов, несмотря на их различие. Эти **политические** соображения перевешивают все остальные, и им нужно все остальное **соподчинить**.

Я думаю, что можно несколько ярче сформулировать параграф относительно тех причин, благодаря которым известные и даже довольно значительные в некоторых странах массы рабочих идут за социал-демократией. Но я решительно против той теории, которую в связи с этим вчера развивал тов. Лозовский. Тов. Лозовский выдвинул совершенно абстрактное положение, которое, на мой взгляд, ничего не объясняет и ко-

торое, кроме того, еще неверно. Если выдвигать такое положение, что в самом социальном бытии рабочего класса существуют две стороны: одна – позитивная, созидающая, другая – разрушительная, причем созидательной стороне соответствует социал-демократия, а разрушительной соответствует коммунистическая партия, то, мне кажется, мы дадим совершенно **неверное** и слишком абстрактное «объяснение», которое, вообще говоря, увековечивает господство социал-демократии в рабочем классе.

Сталин. Что-то вроде старого учения о добре и зле.

Скрыпник. Для буржуазии.

Бухарин. На этой литературной стороне дела не буду останавливаться. Но я спрашиваю, прежде всего, что означает это выражение? Что значит, что в социальном бытии рабочего класса есть разрушительная сторона и созидательная сторона? Разве созидательная сторона, т. е. та сторона, которая проявляется в том, что рабочий класс «работает», создает ценность и прибавочную ценность, разве эта сторона представляется идеологией социал-демократии? Разве это все похоже на действительность? Ни капли не похоже. Разве трудовую психологию и идеологию рабочего класса, которая вырастает на базе производственных процессов, разве эту психологию и идеологию мы должны отдать в монопольное владение социал-демократии и этим объяснять роль социал-демократии? Мне кажется, что это абсолютно неверно. Трудовая психология и идеология пролетариата есть одна из предпосылок того, что в будущем пролетариат может играть строительную роль. Как мы можем отдать в монопольное владение весь этот комплекс идей нашему врагу, социал-демократии, и вписать его в приходную книгу социал-демократии? Это никак не выходит, ниоткуда не вытекает, эта теория неверна. Она не только очень абстрактна и проста, не только гигантски «упрощает» дело, – она **неверна** в самой своей **основе**.

Кроме того, она вредна **политически**, потому что если дело обстоит так, то это значит, что никак нельзя выйти из рамок капиталистического режима, потому что этот дуализм работы и «не-работы» сохраняется при всех условиях капиталистического строя. Значит, нужно, чтобы рабочий совсем вышел из производственного процесса, и **тогда** станет он на точку зрения коммунизма. Откуда это вытекает? Так что обобщение, которое хочет дать **Лозовский, неправильно**.

Гусев. Социал-демократы всегда изображают коммунистическую партию как партию разрушителей.

Бухарин. Конечно, мы – разрушители капиталистического режима и капиталистических государств. Но мы потому разрушители, что мы сознательно выражаем противоречие между **ростом производительных сил и оковами капиталистического строя**. Это противоречие **мы** выражаем. Революция, с точки зрения всемирной истории, **освобождает** производительные силы. Таким образом, разрушительная сторона, революционная позиция пролетариата по отношению к специфическим **формам** общественно-производственного процесса (капитализм) неразрывно **связана** с позицией пролетариата как класса, производящего прибавочную ценность.

Мне кажется, товарищи, что основы, которые были даны Энгельсом в его знаменитом положении о «буржуазном пролетариате» в Англии и Владимиром Ильичом в его работах, касающихся анализа империализма, мне кажется, что эти положения должны быть сохранены на все 100%. Эти основы вполне годятся для объяснения теперешнего положения социал-демократии и объяснения того, **почему** рабочий класс и теперь еще находится под влиянием социал-демократии.

Но эти основы требуют дополнений в связи с новыми фактами. И если говорить о новых фактах, нужно остановиться, в первую очередь, на том, о чем я намекал в первом своем докладе, а именно о новой системе коррупции, которая находится в связи с

фашистскими и социал-демократическими методами, которая имеет своей предпосылкой **сращивание** организаций профсоюзной верхушки и верхушки социал-демократии с трестированным капиталом и государственной его властью.

В этой связи, я думаю, можно было бы некоторую часть дополнений тов. Осинского принять, подчеркнуть момент относительно новых форм трестификации, сращивания верхушек рабочих организаций с государственным аппаратом и т. д., – мысль, которая уже закреплена в резолюциях последнего Исполкома Коминтерна, обосновывающих новую тактику в Англии и Франции.

Я думаю, эти тенденции новейшего капитализма можно подчеркнуть более резко, более решительно и в связи с этим дать несколько измененную формулировку относительно подкупа вождей и т. д. Но это не принципиальное новшество, здесь речь идет только об улучшении формулировки, которая дана в проекте. Вот первый круг вопросов, которые были затронуты во вчерашней дискуссии на пленуме ЦК. **Второй круг вопросов касается колоний**. Принципиальных возражений здесь по колониальному вопросу сделано не было, хотя известная «видимость» некоторых принципиальных возражений с очень тяжелым обвинением была налицо со стороны тов. Скрыпника. Скрыпник заявил, что в некоторых формулировках программного проекта звучит «европейское высокомерие» по отношению к отсталым нациям, народам и пр. и пр. Тов. Скрыпник, имея всегда при всех обстоятельствах времени и места монополию на сей предмет, вынуждает меня сделать некоторые замечания (Украина вообще центр всех обиженных наций!)...

Косиор. В мировом масштабе.

Бухарин. Да, «в мировом масштабе!» ...Сделать некоторые замечания, которые должны вытекать из сущности дела, а не из каких-нибудь других соображений. Мне кажется, что возражение тов. Скрыпника против формулировки «вовлекать» является неправильным. Эта формулировка, «вовлекать в процесс социалистического строительства» и пр., ничего **ни** криминального, **ни** высокомерного абсолютно не содержит. Она соответствует определенной реальной действительности. В самом деле, если брать в **мировом** разрезе соотношение между движением индустриального пролетариата передовых стран и колониальной периферией (даже в тех странах, где есть самостоятельное рабочее движение), если, следовательно, считать на миллионы, как выразился Владимир Ильич, то станет ясно, что руководящая роль должна неизбежно принадлежать **индустриальным центрам**. Именно они, в конечном счете, будут руководить и в борьбе, и в строительстве миллионами колониального и полуколониального крестьянства. И в этой формулировке относительно «вовлечения», «помощи» и пр. находит выражение вовсе не высокомерие со стороны «цивилизованного» народа по отношению к колониальным, а очень простой факт гегемонии **пролетариата** по отношению к **крестьянству**. А от гегемонии пролетариата мы **никак** не можем отказаться, и **не можем** рассуждать с точки зрения абстрактной теории, что для того, чтобы не обидеть угнетенных, мы должны ставить знак равенства между пролетариатом и крестьянством. Как мы можем это сделать? Как мы можем зафиксировать это в программном проекте, когда программа есть документ, центральной мыслью которого должна быть именно мысль о **гегемонии пролетариата**? Выбросить этого нельзя, и обвинения, которые тов. Скрыпник по этой линии сделал, совершенно неправильны. Я соглашаюсь не с мотивировкой, а с некоторыми выводами, которые пытался сделать тов. Лозовский, что у нас дана недостаточно четкая формулировка в том месте, где говорится, что колониальная периферия должна руководиться пролетариатом «**метрополий**». Я думаю, что мы должны пойти на то, чтобы эту формулировку несколько изменить, но не по соображениям, которые приводил тов. Скрыпник и некоторые другие товари-

щи. Формулировка эта может посеять неточность вот в каком отношении. Скажем, в Англии есть колонии или полуколонии. Но выставить такое положение, что сейчас китайское крестьянство и китайский пролетариат в общем и целом руководится **английским** пролетариатом, это было бы неверно, потому что сам английский пролетариат не марширует так быстро вперед, чтобы его можно было всерьез брать уже теперь в качестве чуть ли не монопольного **руководителя** по отношению к китайскому движению. Значит, здесь речь идет, во-первых, **не** о том, чтобы замазывать «местные» силы или замазывать гегемонию самого **китайского** пролетариата **внутри** Китая. Но факт остается фактом: китайская революция в общем и целом идет под гегемонией революционного пролетариата передовых стран, что и воплощается в руководстве Коминтерна.

Итак, здесь нужно правильно поставить и правильно сформулировать тот вопрос, что **массы** идут под руководством **пролетариата**, международного пролетариата других стран, а не то, что колониальные массы, предположим, Индии идут под руководством именно английского пролетариата. [Наша формулировка допускает такое параллельное руководство пролетариата метрополии и пролетариата колоний. Нужно высказать более широкую мысль, чтобы нельзя было представить себе этого параллелизма, но здесь должна быть полностью сохранена идея гегемонии революционного пролетариата передовых стран над всем этим движением.] Слово «метрополии» может сбить с толку в том отношении, что якобы пролетариат метрополии обязательно руководит пролетариатом соответствующей колонии, что не всегда бывает и что не всегда будет. Мне кажется, что можно зачеркнуть слово «метрополии» и вставить другое слово, но нужно полностью сохранить основной момент программы, который выражает мысль о **гегемонии пролетариата передовых стран**. Этот момент необходимо сохранить. И это нужно сделать **несмотря** на то, что большая часть западноевропейского пролетариата все еще идет за социал-демократией. Потому что значительная часть этого пролетариата идет и за партиями **коммунистическими**, за Коминтерном, и руководящее массовое ядро Коминтерна – это есть коммунистические партии индустриальных передовых стран. Это нужно прямо сказать. О роли СССР и прочем я здесь не говорю, потому что это само собой разумеется и об этом распространяться долго не нужно.

Теперь **третий круг вопросов**, самый основной, который возбудил наибольшие прения и наибольшую дискуссию, – это вопрос **о военном коммунизме** и в связи с этим **вопрос о так называемом «нэпе»**. Кстати, мы в проекте программы не формулировали **особо** нэп и не подчеркнули даже этого **названия**. Мне кажется, мы совершенно правильно сделали это, потому что это название лишено логически какого-нибудь смысла и пичкать другие страны этим термином ни из чего не вытекает. Должен сказать, что я солидаризируюсь с заявлением тов. Сталина относительно того, что можно слово «возможность» заменить словом «вероятность». Но я должен развить самую бешеную аргументацию против тех аргументов, которыми **тов. Варга** подкреплял свои позиции. Мне кажется, что аргументация тов. Варги не только неправильна в некоторых деталях, но она в решающих звеньях неправильна. И да простит меня тов. Варга, эти его аргументы **повторяют ошибки венгерской компартии**, которые в значительной мере привели к **поражению венгерской революции**. Я прежде всего должен сказать, что моя личная оценка опыта венгерской революции расходится с той оценкой, которая дана тов. Варгой. Я не считаю исключенным, что у венгерской революции были шансы на победу при другой политике партии. И я считаю, что тезис тов. Варги о неизбежном поражении венгерской революции **нельзя** доказать. Позвольте мне высказать несколько соображений по этому вопросу. Я не буду касаться ошибок, которые говорят о слиянии социал-демократической партии с компартией. Я хочу кос-

нуться здесь ошибок компартии по аграрному вопросу, которые идут по линии отношений **между рабочим классом, правительством рабочего класса и крестьянством** (**плюс** мелкая городская буржуазия). Прежде всего, некоторые факты, всем вам отлично известные, которые полезно повторить. Дело в том, что крестьяне от венгерской революции **не получили ни кусочка земли из помещичьих земель**. Там крупные помещичьи имения были превращены в «советские» имения, формально под управлением специалистов, а фактически под управлением старых помещиков, которые были назначены спецами по управлению. Так оформлялись отношения по линии аграрного вопроса. По линии отношения к мелкой буржуазии городов достаточно напомнить, что был издан правительственный декрет, согласно которому мелкий лавочник, осмелевший открыть свою лавку, приговаривался к смертной казни. Представьте вы себе, товарищи, это положение, и нужно только удивляться, как, вообще говоря, пролетарская диктатура в Венгрии держалась столько времени, сколько она держалась. Разве мыслимо в стране, где пролетариат составляет меньшинство, где внешнее окружение остро направлено против советов, сделать своим смертельным врагом мелкую буржуазию города, очень сильным смертельным врагом восстановить против себя, сделать своим врагом **все крестьянство**: потому что мы им ничего не дали, а реквизировать – реквизировали. Скажите, при таком положении вещей **можно** было сколько-нибудь прочно держаться? **Нельзя** было. Этой **политикой** венгерская диктатура была обречена заранее на падение. В этих вещах осведомлены далеко не все товарищи. Я говорю об этом не «вообще», но я аргументирую против тов. Варги, который недооценивает значения этих фактов. А **внешнее** окружение? Кто сказал, что румынские мужики, которые были потрясены своей революцией (потому что вы отлично знаете, что под влиянием нашей революции румынский мужик стал на дыбы и румынское правительство должно было выбросить в качестве подачки крупные земельные реформы, которые через несколько лет пришлось спускать на тормозах), кто сказал, что эти румынские мужики, которые армией шли душить венгерскую республику, где тоже живут румынские мужики, кто сказал, что если бы эти мужики, шедшие душить венгерскую республику, встретили мужика, получившего от советов помещичью землю, то не получились бы **другие** результаты? Никакого элемента революционного разложения не было в мужицкой румынской армии, вы его **не** внесли; никакого элемента разложения не было в чехословацкой армии, которая перла на вас. Где было оружие, которым вы могли драться против теперешнего врага? Его **не** было? Я спрашиваю, где доказательство, что там, где народы живут в близкой связи друг с другом, где есть языковая связка, этнографическая близость, родство кровное между этими мужиками различных стран, национальные перемычки, – где доказательство, что при **другой** политике мы не получили бы там и других **результатов**? Это в высшей степени сомнительно. Теоретический базис для неправильной политики был дан таков: разве можно-де мелкой буржуазии, которая не есть пролетариат, давать в раздел помещичьи земли и тем усиливать капитализм, нанося ущерб крупно-социалистическому производству, нарушая производственный процесс?

А что получилось?

Теперь, товарищи, что предлагает тов. Варга в своей аргументации? Он говорит так: во-первых, вокруг во всех индустриальных странах крестьянин – это аграрный капиталист. Во-вторых, система военного коммунизма – это система решительной экспроприации. В третьих – поэтому военный коммунизм совершенно обязателен. Можно экспроприировать или не экспроприировать, а если экспроприировать, то нужно здорово экспроприировать; а если здорово экспроприировать, то получается военный коммунизм. Эта аргументация во всех ее частях не выдерживает критики. Во-первых,

откуда взято, что чуть ли не всех крестьян можно отожествлять вообще с «аграрным капиталистом?» Этого нельзя сделать потому, что есть парацелльные крестьяне[109], существует крестьянская беднота, существует мелкое крестьянство. Пятерное деление Владимира Ильича всем известно, почему же вы скидываете его со счета? [Но вы, может быть, поместите его в лоно тех слоев крестьянства, которые ничего не продают и в торговле не заинтересованы. Это неправильно. Структура западноевропейских стран и Америки отличается от нашей отсталой доморощенной полуазиатской структуры в том отношении, что лестница передвигается на ступеньку выше. Если у нас кулачок – полукапиталист, но одной ногой он стоит чуть ли не в середняках, то там это действительно аграрный капиталист. Согласен. Поэтому верхушечный середняк, который у нас не кулак в собственном смысле, там есть настоящий кулак. Лестница передвигается. Но именно потому, что лестница передвигается, поэтому-то у нас на более низкой основе имеется весьма значительный слой крестьянской бедноты, которая в значительной степени сама покупает хлеб. Возьмите натуральное хозяйство. Там процент товарности вот этого соответствующего слоя выше, и они продают и покупают. Факт это или не факт? Это есть факт всем известный.] Следовательно, выставлять общий тезис (крестьянин – это аграрный капиталист) в такой сплошной формулировке **нельзя.** В этом проявляются старые ошибки в Венгрии. Ибо, если сказать: крестьянин – аграрный капиталист, а потом сказать: военный коммунизм – это метод решительной экспроприации, то из этого вытекает, как дважды два четыре, непонимание того, что меры экспроприации **против буржуазии** должны быть, но по отношению к целому ряду **больших слоев крестьянства** должны применяться **совсем другие** «меры». А у Варги что получается? Он выставляет тезис: крестьянин – аграрный капиталист, нужно реквизировать, поэтому – военный коммунизм. У него получается смазывание **различия между действительным аграрным капиталистом, между буржуазией вообще и довольно широкими и значительными слоями крестьянства**, низшими его слоями. А когда он переходит к обсуждению мер экспроприации, реквизиций и т. д., он тут же рядом, исходя из этих посылок, не различает мер нажима, экспроприации, «раздевания» и проч. по отношению к **буржуазии** и мер по отношению к **крестьянству**, потому что, раз зачислив чуть ли не всех крестьян в «ведомство» «аграрный капитализм», он «последовательно» приходит к своей «старо-венгерской» точке зрения. Тов. Варга! Это в новой форме ваша старая ошибка, если так будете действовать вперед, то наверняка второй раз загубите в Венгрии революцию.

(Реплики тов. Варги не слышно.)

А если не все крестьяне аграрные капиталисты, а если есть очень многие, не подходящие под категорию аграрных капиталистов, то первая, собственно, ваша теоретическая обязанность – это подчеркивать обязательно то, что является **основным признаком нэпа**, его сутью, его основой. А эта суть, с организационной экономической точки зрения, заключается в определенном **методе организации всего народного хозяйства**, который предполагает развитие социализма в условиях более или менее раскрытых **рыночных отношений**, а с точки зрения социально-классовой предполагает известную, конечно, не неограниченную, но известную свободу **хозяйственного движения** для **крестьянина,** то есть, рассматриваемая с социально-классовой стороны, основа нэпа – это есть определенный метод решения вопроса об **отношении между рабочим классом и крестьянством как мелким товаропроизводителем**. В этом – суть, и абстрагироваться, отвлекаться от этого никак нельзя, а если всех крестьян стричь под одну гребенку («аграрный капиталист»), то, конечно, все спутывается: тогда все кошки серы, тогда все – «аграрные капиталисты», тогда все подлежат решительной экспроприации. Такая политика не расчленяет вопроса, она неправильна теорети-

чески, базируется на непонимании нашего отношения к простому товаропроизводителю и нашего отношения к капиталистическому товаропроизводителю. Это есть старая ошибка, которая, повторяю, у тов. Варги в завуалированной форме была выставлена и здесь.

Я хотел, товарищи, остановиться еще несколько на аргументах тов. Осинского в связи с вопросом о нэпе. Тов. Осинский выступил против того аргумента, который мы здесь защищали и который защищает проект программы, с таким контраргументом: чего-де вы привязались к **рынку**, когда дело заключается в **организации производства**? Я считаю, что этот аргумент тов. Осинского неправилен, он неправилен потому, что отрывает рыночные отношения от производства. Что выражают собою рыночные отношения?

Осинский. Дело не только в рынке, но и в организации производства.

Бухарин. Погоди, я тебе, Валерьян, отвечу на все твои аргументы.

Прежде всего, что такое рынок? Рынок, согласно марксистскому учению, выражает собой раздробленность неорганизованного труда. Если мы будем говорить более конкретно, учитывая данную ситуацию, он выражает собой существование мелкого сельскохозяйственного **товаропроизводителя**. Это есть азбучная истина. И когда мы говорим относительно того, как организовать производство сельского хозяйства в целом, как сочетать социалистическую крупную промышленность с производством мелких товаропроизводителей, то можно подходить к этой проблеме двумя кардинально различными методами: либо сказать, что у меня есть достаточно сил, чтобы наложить узду на этих мелких товаропроизводителей и сразу их организовать на такой же манер, как я организую крупную индустрию, либо я говорю, что у меня не хватает на это ни сил, ни организационных возможностей и поэтому это будет и экономически и политически **нецелесообразно**; поэтому я даю определенную свободу купли-продажи в известных границах, чтобы, таким образом, иметь смычку между производством в сельскохозяйственном кругу и крупной социалистически организованной индустрией. Так что проблема рынка есть в то же время и проблема **организации производства**. Ясно, как божий день.

Осинский. Я говорю об организации производства на крупных предприятиях.

Бухарин. Я на этом тоже остановлюсь. Я должен сказать, что этот вопрос подробно обсуждался еще на IV конгрессе Коминтерна. И прошу не посетовать на меня за то, если я прочту здесь одну выдержку из своего собственного доклада, который был мною сделан. Там говорилось: «Я утверждаю, что пролетариат любой страны, становясь у кормила политической власти, сталкивается, как с наисущественнейшей экономически организационной проблемой, с проблемой соотношения между формами производства, которые данный пролетариат может рационально организовать и которыми он может планомерно управлять, и такими, которые он в начальной стадии своего развития не в состоянии рационализировать и которыми он не в состоянии планомерно управлять. Вот важнейшая экономическая проблема, с которой придется ему столкнуться. Если пролетариат не соблюдет правильной пропорции, т. е. возьмет на себя слишком много, он неминуемо очутится в следующем положении: производительные силы не только не будут развиваться, но окажутся скованными. Пролетариат не в состоянии единым взмахом организовать все. Он своими планами не может насильственно вытеснять мелкого производителя, мелкого крестьянина, ведущего свое индивидуальное хозяйство. Взамен общественно-полезной функции этих слоев пролетариат ничего не получит. Процесс обращения останавливается. Это означает дальнейшее понижение производительных сил и упадок экономической жизни вообще.

При таких условиях пролетариат окажется перед лицом еще одного явления. Бе-

ря на себя слишком много, он вынужден создавать колоссальный административный аппарат, для выполнения экономических функций мелких производителей, мелких крестьян и т. д. ему потребуется слишком много служащих и администраторов. Попытка заменить всех этих мелких деятелей государственными чиновниками – называйте их как хотите, фактически это государственные чиновники – породит такой колоссальный аппарат, что расходы по содержанию его окажутся несравненно значительнее непроизводительных издержек, являющихся следствием анархического состояния мелкого производства. В результате вся эта форма управления, весь экономический аппарат пролетарского государства не облегчит, но лишь затруднит развитие производительных сил. В действительности он выльется в прямую противоположность тому, чем должен был бы быть, а потому железная необходимость заставит сломать его».

И дальше есть очень резкое место, которое на IV конгрессе Коминтерна не вызвало ничьих протестов. Здесь говорится: «Явится ли это результатом контрреволюции, активного вмешательства мелкой буржуазии, или же аппарат будет сокращен и реорганизован самой партией, как это было в Советской России, – так или иначе это произойдет. Если это не сделает сам пролетариат, то выступят другие силы. Это должно быть понято всеми товарищами».

Следовательно, вся проблема эта есть проблема организационного сочетания (Владимир Ильич именно и употреблял это слово «сочетание») государственной промышленности с частным индивидуальным хозяйством простого товаропроизводителя, а с точки зрения **классовой** это есть проблема **взаимоотношении между рабочим классом и крестьянством**. Я считаю, что никем еще не доказано – хотя известная связь между этими явлениями есть, – никем не доказано, что мы не можем экспроприировать самым решительным образом крупную буржуазию и среднюю городскую буржуазию **без** того, чтобы на 100% зажимать товарооборот внутри круга мелких производителей, а также между мелкими крестьянскими товаропроизводителями и городской индустрией. Кто доказал, что обязательно нужно **запереть** этот товарооборот для того, чтобы «решительно экспроприировать» **крупную** буржуазию? [и вытекает ли отсюда какая-то особливо мирная политика. Я не думаю, что Октябрьский переворот мирно совершился, и я не думаю, что был совершенно мирный период, который датируется Октябрем, Октябрьской революцией непосредственно до, скажем, чехословацкого восстания.] Прежде всего, нужно, чтобы партии поняли крупнейшую принципиальную **разницу** между всей системой военно-коммунистического хозяйства и всей системой того, что у нас получило уродливое название нэпа. Вот поставьте перед собой такого рода вопросец. Когда мы переходили к нэпу в 1921 г., мы ни черта не получили ни от какого «американского дядюшки», никаких дополнительных средств, капиталов, ресурсов; однако мы обеспечили хозяйственное движение. Начало хозяйственного роста, начало восстановительного процесса датируется как раз с момента введения нэпа. **Почему**? По **какой** причине? Потому что мы **по-другому расставили хозяйственные факторы**, потому что мы **по-другому расставили хозяйственные силы**. Вы их можете одной политикой запереть, и тогда они лежат во всей частях страны мертвым капиталом и производительные силы не развиваются; вы их можете взять в **правильном** сочетании, и тогда вы получаете развитие производительных сил и обеспечите себе победу; вы их можете **совершенно** распустить и взять их в **неправильном** сочетании, и тогда вы подвергнетесь опасности того, что вас перехлестнет капиталистическая стихия, которая рождается из мелкого производителя.

Вот вам **три** разных способа, **три** разных метода, и эти **три разных метода дают различный и экономический, и политический результат**. Поэтому мне кажется, что мы совершенно правильно сделали, несмотря на всю аргументацию, которая была

здесь развита, подчеркнув момент рынка в нэпе и потребительский момент в военном коммунизме; это связано с самой сутью дела, и этого нельзя противопоставлять вопросу об организации производства.

Я считаю, что в постановке вопроса тов. Осинского до известной степени есть рациональное зерно, как и во всяком, даже неверном утверждении. В чем рациональное зерно? В том, что тов. Осинский нащупал известную большую и сложную проблему, которую во всем размахе здесь обсуждать нельзя, которую я бы формулировал таким образом: вопрос правильной хозяйственной политики – это есть вопрос различного сочетания хозяйственных факторов и хозяйственных **стимулов**. У мелкого крестьянина есть индивидуалистический стимул; кое-что от этой психологии есть и у рабочего. Этого никто не отрицает.

Осинский. И у коммунистов даже, говорят, есть.

Бухарин. Поэтому можно проделать специальные изыскания об индивидуалистических мотивах в деятельности у среднего рабочего и о том, каким образом, зацепляясь за частный интерес, за этот индивидуалистический мотив, вовлекать и рабочий класс в систему более быстрой хозяйственной жизни и деятельности. Вообще, постановка этого вопроса совершенно правомерна. Но в чем ошибка тов. Осинского? Ошибка тов. Осинского в том, что он такой постановкой вопроса **смазывает** то огромное различие, которое существует между индивидуальным производителем, его развернутыми индивидуалистическими стимулами, и между хвостиком индивидуального стимула у рабочего. Например, несколько карикатурно (я подчеркиваю это слово) позицию тов. Осинского можно изобразить так: так как и у рабочего есть индивидуалистический стимул, и у мелкотоварного производителя есть индивидуалистический стимул, то определения новой экономической политики и прочие нужно искать одинаково в этих половинках. В такой постановке вопроса **стирается** основная разница, больше того – **граница между рабочим классом и мелкой деревенской буржуазией**, т. е. мелким товарным производителем, хотя **кое-что** общее у них, с точки зрения их хозяйственных взаимоотношений, втягивания их в хозяйственный процесс, есть.

Теперь, когда мы подходим к определению того, что мы называем нэпом или соответствующей этому хозяйственной системой, тов. Осинский приходит к нам и говорит: вы видите суть нэпа (это когда он возражал мне и Сталину) в **рынке**, а я утверждаю, что нужно напирать на **другое**.

Осинский. Нужно и другое упомянуть.

Бухарин. А я утверждаю: то, на что напирает тов. Осинский, – это есть бесконечно **малая** величина перед **другими** вопросами, не в этом надо искать определение нэпа.

Осинский. А почему Ленин со сдельщины начал в 1918 году, объясните мне это? По-моему, это не маленький вопрос, это очень важный вопрос, хотя второй очереди.

Бухарин. Ну, подожди, тов. Осинский, я тебе говорю, и тов. Томский вчера совершенно правильно тебе возражал, что премиальная система во время военного коммунизма или академические пайки нашим ученым – это есть также зацепка за индивидуалистический стимул этих производителей; но это было до всякой новой экономической политики; и если ты так свою временную аргументацию хочешь развить, то можно видеть начало нэпа в премиальной системе и в тех индивидуальных пайках, которые выдавались ученым, да и рабочие, они также получали несколько больше, чем остальные.

Осинский. Сталин видит здесь начало нэпа.

Бухарин. Сталин говорит про совершенно другое: он говорит, что мы начали не с военного коммунизма.

Осинский. Правильно.

Бухарин. Ну что правильно? Если это правильно, то этот аргумент еще больше направлен против тебя.

Сталин. Мне казалось, что он отказался от своих аргументов.

Осинский. От некоторых отказался.

Бухарин. Я должен сказать, что та проблема, которую Валерьян Валерьянович поставил с точки зрения наших общих экономических задач, безусловно, очень большая проблема. Я, по крайней мере, лично считаю это очень большой проблемой, но не о них же идет спор, а спор идет о том, что считать за **сущность новой экономической политики**. И вот за сущность новой экономической политики, я считаю, необходимо принять определенные методы увязки между социалистической промышленностью и простым товарным производителем, т. е. **именно увязки через рынок**, а с точки зрения социально-классовой – это есть определенные **соотношения между рабочим классом и простыми товарными производителями – крестьянством**. Вот это сущность всего вопроса, от которого никак нельзя уехать ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево, от этого самого основного, самого существенного, что определяет собою все. И именно поэтому программный проект, когда он решает этот вопрос, говорит: так как в разных странах соотношение между государственной промышленностью и мелким товарным производством различно, поэтому с точки зрения **количественной** различно соотношение между рабочим классом и крестьянством, поэтому объем рыночных отношений должен быть различен.

Г о л о с. Может быть.

Бухарин. Даже наверняка будет различен. Я подчеркиваю: **объем**. Это значит не то, что здесь принципиально что-то другое. Объем и темп развития, т. е. тот исторический пробел, когда мы на рельсах нэпа душим нэп, т. е. **преодолеваем** нэп. Эти величины неизбежно будут с **количественной** точки зрения различными.

Затем я должен сделать другое замечание в связи с тем, что говорил Валерьян Валерьянович. Неправильная позиция привела его к рискованному, слишком смелому и неверному положению, касающемуся **зарплаты**. Тов. Осинский переложил центр тяжести при обсуждении вопроса о нэпе на разные формы капиталистической оплаты: как премиальная система, поштучная плата и т. д., хотя для современных капиталистических стран, особенно для Америки, это уже устарело и в Америке практикуется повременная плата при конвейерной системе. Он пришел логически к тому, что заявил, будто суть дела заключается в том, что мы вводим категории **зарплаты**, смазывая основное, что категория зарплаты – это «Федот, да не тот», строго говоря, «зарплата» предполагает обязательно **капиталистическую прибыль**. Зарплата в строгом смысле слова – это есть та сумма ценностей, которую получает у **капиталиста** наемный рабочий, а ее антипод есть промышленная прибыль. Это всем известная элементарная истина. Заработная плата предполагает, в строгом смысле слова, **классовое соотношение между капиталистом и наемным рабочим**, а у нас этого в социалистически промышленном секторе **нет** и заработная плата принципиально – чисто **формальная** вещь. Это – «иррациональная форма», капиталистическая оболочка для некапиталистической, антикапиталистической, социалистической сущности. А из чего вытекает эта форма? Это вытекает из того, что у нас есть **денежный счет, ценностный** счет, выражаемый в **денежных единицах**.

Сталин. Кроме того, есть труд квалифицированный и неквалифицированный.

Осинский. И есть пережитки в психологии рабочих, делающие сдельщину необходимой.

Бухарин. Подожди, Валерьян Валерьянович. Всякая экономическая вещь имеет

свою идеологическую сторону. Я этого не касаюсь. А вот сам денежный счет вытекает **из чего**? Вытекает **из рыночных отношений**. **А рыночные** отношения из чего вытекают? Из того, что **есть раздробленность труда мелкого производителя**. Вот и все. Если даже ты опять подходишь к заработной плате с точки зрения формальной, к чему ты придешь в качестве подосновы? **К рыночным отношениям**, к вопросу об особой форме смычки государственной промышленности и мелких производителей, смычке, **организованной через рынок**. Значит, с какой бы стороны ты ни подходил к вопросу, даже с той стороны, с которой ты подходишь, – все равно за основу основ мы должны обязательно взять рыночные отношения, которые мы не должны отрывать от производства, отлично понимая, что рыночные отношения, как Маркс неоднократно выражался, есть другая сторона производства, товарного производства. Достаточно прочесть для этого хотя бы главу о товарном фетишизме в I томе «Капитала». Эта сторона связана с рынком, и, мне кажется, мы совершенно правильно определили «новую экономическую политику», не упоминая этих **слов**. Правильно определили и с точки зрения **общественно-организационной**, и с точки зрения **социально-классовой**.

Теперь я должен сделать в связи с этим вопросом несколько замечаний, касающихся выступления тов. Сокольникова. Тов. Сокольников говорил, что в данном проекте программы заключены такие определения военного коммунизма, под которые, по сути дела, может подойти и форма так называемого военного капитализма или государственного военного капитализма, наметившегося в эпоху войны в капиталистических странах. Мне кажется, что это возражение не совсем правильно, или, вернее, довольно сильно неправильно. Формально здесь есть кое-что общее, как формально есть общее между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. И там и здесь диктатура, с некоторыми **формально** общими моментами: элемент подавления, элемент **самого решительного подавления**, элемент меньшей связанности своими собственными законами и т. д. Но значит ли это, что пролетарская диктатура то же самое, что буржуазная? Не значит. Потому что **классовый знак другой**. И когда мы здесь даем формулировку военного коммунизма, то в этой формулировке, в этих же строках черным по белому написано о системе хозяйства «**при пролетарской диктатуре**». А этот **классовый знак** все определяет. Итак, аргумент тов. Сокольникова неправилен. Разницу можно искать, однако, и по целому ряду других признаков, связанных с разными «классовыми знаками»: при военном **капитализме** происходит известная экспроприация средних классов в пользу крупной буржуазии, но не происходит экспроприации самих крупных классов; экспроприированные средства переходят в руки того же самого класса, т. е. его верхушки; при военном коммунизме мы экспроприируем нашего классового врага, т. е. буржуазию и помещиков. Конечно, можно эту разницу, если хотите, особо отметить. Но, я думаю, она настолько понятна, она содержится во всех тех абзацах, где говорится об экспроприации экспроприаторов, что еще раз ее повторять, пожалуй, излишне, это только отягощает проект. Я думаю, таким образом, что возражения по этой линии несправедливы.

Итог дискуссии заключается в том, что действительно можно пойти на **подчеркивание вероятности военно-коммунистической политики**. Мы здесь ничего не потеряем, потому что мы себя не ангажируем, мы имеем развязанные руки, а центр моей вчерашней аргументации заключался именно в том, чтобы не связывать себе рук. Мы этой формулировкой **не связываем** себе рук. И для того, чтобы отпарировать возможную опасность относительно «слишком мирной» (я об этом вчера говорил с тов. Эрколи) первой фазы революции, можно пойти на то, чтобы сказать здесь о **вероятности** военного коммунизма, а в отношении специальных абзацев можно подчеркнуть еще

резче насчет необходимости подавления своего классового врага в городе и в деревне. Мне кажется, на эти поправки вполне можно пойти.

Я теперь должен сделать несколько замечаний касательно аргументов, которые были выставлены **тов. Милютиным**, в первую очередь. Тов. Милютин, подобно тов. Лозовскому, говорил по своей специальности, о кооперации. Он говорил, что в программном проекте о кооперации сказано, во-первых, слишком мало, во-вторых, даны слишком неопределенные формулировки: кооперация рабочая-де **может** играть такую-то роль; с/х кооперация **может** играть такую-то роль. Отчасти и тов. Сокольников касательно кооперации выставлял такой же аргумент. Мне не показались эти аргументы убедительными. Общее возражение, которое делалось относительно профсоюзов и требования дать им отдельную рубрику, было отпарировано уже в речи тов. Сталина. Я хочу здесь сделать только несколько дополнений. Товарищи, если каждый будет предлагать по своей специальности соответствующую рубрику – вы не получите **программы**. Вы посмотрите, предлагалось дать отдельную рубрику о с/х рабочих, отдельную рубрику о профсоюзах, отдельную рубрику о кооперации, отдельную рубрику о социал-демократии. Поймите же вы, что вы тогда разобьете, говоря военно-коммунистическим языком, всю программу «на главки». У вас не будет внутренней связи между ними.

Лозовский. Не на главки, а на отдельные полезные главы.

Бухарин. Хорошо, очень «полезные главы». Но я говорю, что эти главы ваши, как это бывает в жизни, будут перерастать в «главки» и будут тормозом для дальнейшего «развития производительных сил». Мы из этого исходили при выработке программы: из необходимости **увязки всех** важнейших моментов. Мы исходили из **целостного** плана, главная идея моего доклада было обоснование того, что мы сделали попытку – насколько удачно или неудачно, судить не нам, – попытку **увязки** всех элементов, попытку дать известный **целостный кусок**. Я, товарищи, вас заверяю, что при методе разбивки по отдельным главам: о кооперации, о профсоюзах и пр., вы этой целостности не получите, потому что слишком много таких вещей, по поводу которых можно писать «главки». Кооперация – очень важная вещь. А монополистическая организация капитала не важная вещь? А социал-демократия не важная вещь? Слишком много у нас важных вещей, и нужно их так «уместить» в эту программную кошелку, чтобы они были внутренне связаны друг с другом. Это нелегкая задача, и я считаю, что при том методе, который предлагался некоторыми товарищами, нам с этим **не** справиться; мы раздробили бы внимание на отдельные специальные проблемы, механически соединенные. Очень хорошо до известной степени, что специалисты по тем или другим вопросам дают свои замечания, но, мне думается, программа должна как раз эту односторонность, которая звучит у специалистов в том или другом вопросе, **сгладить** так, чтобы получилась в общем известная **целостность**. И вот с этой точки зрения я подхожу к требованиям, которые выставлял тов. Милютин. Он говорит: мало о кооперации. А я утверждаю, что о кооперации не мало и больше сказать нельзя. О кооперации говорится в нескольких местах, и в одном месте, на 55–56 странице, говорится больше страницы. Я считаю, что, исходя из размеров программы, мы больше места кооперации отвести **не** можем. Поэтому я не считаю необходимым, чтобы эти абзацы были расширены. А по существу позвольте сделать такого рода замечание. Тов. Милютин предложил поправку. В проекте сказано: «Кооперативные организации рабочего класса **могут** стать важнейшими составными частями распределительного аппарата». Почему-де сказано «могут стать», а не **обязательно станут**? Вот почему. Мы не можем дать гарантию, что они обязательно станут, и доказать этого **не** можем. Ведь правильно от нас требуют, чтобы не было специфически «русского духа», но чтобы была мак-

симальная эластичность формулировок. По этому поводу говорила Надежда Константиновна, и я с ней соглашаюсь в этой части ее речи. А откуда же вам известно, что, скажем, рабочая кооперация будет **обязательно** играть «важнейшую роль»? Я этого не знаю. Я не знаю, например, что это будет обязательно так.

Г о л о с. Должна играть.

Бухарин. Должна играть? А вот представьте себе, что в странах с более мощной индустрией и с возможностью большей централизации местные **советы** могут тоже эту роль играть. Может быть, будут созданы совершенно новые формы **муниципальных местных советских организаций**, которые возьмут на себя организацию снабжения. А в целом ряде стран, может быть, кооперацию нужно будет **ломать**. Правильно кто-то сделал здесь замечание, что, может быть, ее придется ломать, если она будет в руках врагов. А разве исключено теоретически, что будут вообще выдвинуты новые формы организации, созданные местными советами, **на базе** которых будет основываться организация снабжения? Теоретически это не исключено.

Заметьте, что Владимир Ильич в частных разговорах с товарищами высказывал даже мысль о возможности некоторых модифицированных форм советской власти, несмотря на свое утверждение о международном значении советской власти. Целому ряду товарищей, в том числе и мне, он говорил это совершенно определенно. Но если речь идет о таком вопросе, то скажите, пожалуйста, можно ли утверждать, что рабочая кооперация обязательно станет **решающим рычагом** и что не будет создано никаких **других** форм? Не осторожнее ли будет сказать, что она **может** стать? По-моему, осторожнее.

Повторяю, у нас должен быть принцип, что мы можем в свою программу вносить только то, что мы знаем **наверняка**, и не совать в программу **сомнительных** положений.

Второй вопрос – вопрос о деревенской кооперации и о кооперативном плане Владимира Ильича. Я должен сказать, что если вы хотите в **том же масштабе**, что к СССР, приложить план Владимира Ильича к любой стране – это будет неверно.

Сталин. Слишком по-русски.

Бухарин. Вот именно, слишком по-русски. А Милютин именно для этого и требует. У нас же все увязано одно с другим. Нэп обязательной формой будет, но объем его будет **различен**, потому что в разных странах имеется разный удельный вес мелкого производителя. А если его удельный вес различен, то разве это не значит, что будет **различен** и «удельный вес» кооперативного плана Ленина? Поэтому у нас и сказано, что в одних странах больший объем будет иметь кооперативный план Ленина, в других – меньший. А вы хотите загасить это различие, которое необходимо отметить как страховку против шаблона, страховку, смысл которой глубоко интернационален. Итак, мы совершенно не можем сказать, что кооперация **всюду** будет важнейшим рычагом. Может быть, будут другие методы, мы этого не знаем, не все еще ясно, революционное творчество может создать ряд новых форм. Поэтому, на мой взгляд, мы здесь правильно поступили.

Еще одно соображение тов. Милютина, которое является альфой и омегой его речи. Он с этого начал и этим кончил: кто-то, мол, говорил, что программа должна быть **инструкцией**.

Должен сказать, что я это говорил, если не ошибаюсь, на **VIII съезде партии**[110]; но, когда я это говорил, я имел в виду **нашу** программу, программу РКП(б). И выводил это из того, что мы – партия, стоящая у власти, и поэтому у нас каждое слово превращается в конкретные действия. Но я не помню, чтобы кто-нибудь говорил, что программа должна быть только инструкцией. Мне кажется, и Сталин этого не говорил.

Сталин. Нет, нет, ни в коем случае.

Бухарин. Я не знаю, из чего исходил Милютин, когда он приводил эту фразу. Нельзя же применять программу и тактику в одной стране непосредственно к другой стране. Ведь мы условились, и никто не возражал против этого принципа строения программы, что каждая национальная секция Коминтерна за **общей** частью будет иметь свою **специфическую**, «национальную» часть программы.

Более того, я полагаю, что эти национальные части могут меняться скорее, чем общая часть. Та или иная партия может через два года сменить свою национальную часть, потому что в одной стране **скорее** может измениться положение вещей, чем в ходе **мирового** развития социализма. Говорят, проект очень «теоретичен». Но это упрек неправильный. Что значит «теоретична»? Программа есть и должна быть теоретическим сгустком. И наша старая программа была теоретическим сгустком. Другое дело – тот вопрос, который подымала Надежда Константиновна, вопрос относительно «формы изложения». Можно, конечно, попробовать поработать еще, **нужно** поработать над формой изложения; но что касается моего личного мнения, то я считаю, что больших переделок мы вряд ли в состоянии будем добиться, и понятно почему. Потому что если мы хотим придать более **манифестообразную** форму или более **популярную** форму, то это должно обязательно сопровождаться увеличением **объема** программы. Если мы говорим: «рост органического состава капитала», – это популярно? Нет, не популярно. А если хотите сказать популярно, то вместо этих четырех слов нужно сказать 15, а может быть, 20.

Сталин. 24.

Бухарин. Может быть, 24. Так что нужно попытаться внести те или иные поправки в смысле большей популярности, но решающих изменений вряд ли здесь можно будет ожидать. Это такая трудная задача, что она граничит с невыполнимостью. Ссылаться на такие вещи, как на «Коммунистический манифест», нельзя. «Коммунистический манифест» во всех отношениях является недосягаемым образцом и по стилю, и по форме, и по содержанию и проч. Но я должен сказать, что «Коммунистический манифест» все же развивал меньшее количество теоретических мыслей, потому что это было первое заявление о принципах коммунизма. Он был менее «деловым», он был менее «инструкционным». Это понятно, почему. Есть ли, например, там анализ империализма? Нет, и смешно об этом говорить. Есть ли там развернутая форма анализа переходного периода? Тоже нет.

Осинский. Есть.

Бухарин. Есть, но не развернутая форма. Что кое-что есть, я это тоже хорошо знаю, как и ты, но развернутой формы нет. Есть ли там конкретизация таких вопросов, как о колониях, специфичности их и проч. Тоже нет, и не может быть, и смешно было бы этого требовать. Дело не в том, что написано хуже или лучше, у нас, конечно, программа гораздо хуже написана, чем «Коммунистический манифест».

Косиор. Этого требовать нельзя.

Бухарин. Но я должен напомнить, что «Коммунистический манифест» – это все-таки солидная брошюра. Но по объему разных проблем, ясно, что там меньше проблем. Если ориентироваться на язык «Коммунистического манифеста», на его относительную популярность и проч., мы должны удвоить длину программы, это нужно прямо сказать.

В прошлом проекте, первом проекте, я старался из всех сил сжать и упростить изложение. Но там выпал целый ряд проблем, и мы вынуждены были **дополнять** проект. Вынуждены были дополнить под напором массовых потребностей со стороны работников различных партий. Вот иллюстрация к тому, как у нас проходило обсуждение

проекта программы в программной комиссии Коминтерна. Выходит тов. Катаяма и говорит: вы в перечисленных пунктах относительно основных фактов международной революции позабыли, что в Японии происходили так называемые «рисовые бунты», что в Корее происходила революционная борьба за независимость. Затем выходит мексиканский товарищ и говорит: здесь нет ни одного слова о Мексике. Выходит товарищ из Южной Америки и говорит: разве вы не понимаете, что Южная Америка играет все более колоссальную роль, потому что она является оплотом против империализма Соединенных Штатов Сев. Америки. Напор колоссальный со стороны всех товарищей. Это вполне понятно: люди чувствуют практическую потребность борьбы, они хотят, чтобы в общей программе Коминтерна об их партиях было «замолвлено словечко». С этим нужно считаться. Они требуют большей конкретизации. То, что я докладывал о росте коммунистического движения, если вопрос ставится не абстрактно, а практически, это должно было бы отразиться на увеличении объема программы и на языке программы. Мы не можем идти целиком навстречу этим требованиям, мы должны дать **обобщенную** картину, мы **вынуждены** поэтому сжать программу, а это дается только за счет популярности изложения. Ведь всякая алгебраическая формула сокращает арифметическую формулу в несколько раз, но для того, чтобы выразить алгебраически, нужно заранее считаться с тем, что алгебру знать труднее, чем арифметику.

Еще одно замечание. Я думаю, что придется устроить так, чтобы международный конгресс поручил выработать определенный комментарий к программе. Этот комментарий должен быть в форме одного какого-нибудь монолитного произведения, большой книжки, которая очень популярно размежевывает все проблемы. В то же самое время программа должна предполагать свою популяризацию в целом ряде брошюр, листовок, маленьких брошюрок, которые разбирают отдельные проблемы программы и т. д. Программа есть сжатое, конденсированное произведение, которое предполагает целый веер разъяснительной литературы. Иначе нельзя. И если бы эту задачу можно было реализовать хотя бы на известный процент, это было бы очень хорошо, потому что одним из величайших наших недостатков я считаю, что Коминтерн в последнее время производил сравнительно мало теоретической литературы, мало пропагандистской литературы. В то время как в первое время существования Коминтерна компартии и Коминтерн в целом очень решительно оплодотворяли коммунистическую мысль и «бросали» массу новых идей в рабочее движение, а социал-демократия находилась в состоянии обороны, теперь социал-демократия производит большую литературную продукцию. Я не беру литературы в наших советских условиях, которая очень однообразна, ибо она ориентируется СССРовски, но в общем и целом социал-демократия производит литературной продукции сейчас больше, чем мы. Ренегатской продукции, но больше. И при этом дает ренегатские теоретические обобщения, но большие теоретические обобщения. Я имею в виду, напр., двухтомную работу Каутского, работы Реннера, работы Отто Бауэра. Целый ряд крупнейших теоретиков социал-демократии работают изо всех сил. А мы даем слишком мало. Это один из наших недостатков. Я думаю, что недостаточное организационное закрепление нашего политического влияния в известной мере объясняется отсутствием хорошей пропагандистской литературы с нашей стороны, написанной с точки зрения потребностей соответствующих компартий. Вот почему мне кажется, что принятие программы со стороны VI конгресса Коминтерна оплодотворит и пропагандистскую продукцию. Это очень хорошо.

А засим от имени нашей комиссии я прошу пленум ЦК в основном одобрить тот проект программы, который мы представили.

Председатель (Рыков). Прения окончены. У меня имеется проект такого постановления пленума: «Проект программы в основном одобрить, по внесенным предло-

жениям об изменении текста программы решений на пленуме не выносить. Предложить всем товарищам, выступавшим на пленуме с поправками, внести их в письменном виде в делегацию ВКП(б). Предложить делегации ВКП(б) на VI конгрессе Коминтерна обеспечить рассмотрение их в программной комиссии конгресса, по возможности с участием авторов поправок».

Такого рода решения вытекают теперь из обстановки. Было бы наиболее целесообразным создать комиссию и ряд поправок, которые были внесены сюда, принять решением пленума, но заседание конгресса начнется с 13 июля, т. е. через несколько дней, и те же самые представители, которые будут принимать участие в работе комиссии, если мы ее выберем, они же обязаны работать над подготовкой конгресса, который на протяжении недели откроется. Поэтому для того, чтобы обеспечить наибольшую продуктивность работы пленума и нашей делегации ВКП(б) и конгресса, не отрицая правильности целого ряда поправок, которые внесены сюда, целесообразно было бы внести их непосредственно на обсуждение программной комиссии самого конгресса. Причем по смыслу резолюции, которая вносится на пленум, делегация ВКП(б) должна стремиться к тому, чтобы обеспечить личное участие в работе программной комиссии тех представителей, которые вносили поправки на этом пленуме.

Председатель. Слово имеет тов. Скрыпник.

Скрыпник. Я считаю, что формулировка в предложениях тов. Рыкова не отвечает его речи. В речи говорится о необходимости внесения предложений в программную комиссию Коминтерна, это правильное предложение, а в письменных предложениях говорится о внесении в делегацию ВКП(б), это неправильное предложение, ибо здесь предлагается дать формулировку, что в Коминтерн могут войти лишь те предложения, которые будут одобрены делегацией ВКП(б). Это было бы совершенно неправильно, ибо в вопросе о выработке программы нельзя, чтобы одна из секций Коминтерна могла бы глушить хотя бы какую-либо мысль, направленную к целому Коминтерну (с м е х).

Косиор. Зачем такие слова!

Скрыпник. У меня такая натура, немножко резкая; позвольте выразиться так для обострения – это умышленно сказано. Вот для того, чтобы не заглушать мысль, направленную к Коминтерну, я и предлагаю: там, где сказано «внести в делегацию ВКП(б)», добавить «и в программную комиссию Коминтерна».

Председатель. В проекте постановления сказано так, что товарищи, которые вносили поправки на пленуме, в письменном виде вносят их в делегацию ВКП(б), но не сказано, что эти товарищи не вносят их ни в программную комиссию конгресса, ни в самый конгресс. Никакого глушения и тормоза в этом нет. Нашей делегации ВКП(б) на VI конгрессе мы предлагаем дать такой наказ: «предложить делегации ВКП(б) на VI конгрессе обеспечить рассмотрение поправок в программной комиссии VI конгресса», т. е. смысл решения пленума заключается в том, чтобы наша делегация не только не заглушала Скрыпника, а помогала бы ему и настаивала в программной комиссии VI конгресса Коммунистического Интернационала на обсуждении поправок его, Скрыпника, и всех остальных. Сказано это здесь со всей ясностью, я прочту еще раз: «Предложить делегации ВКП (б) на VI конгрессе Коминтерна обеспечить рассмотрение поправок в программной комиссии VI конгресса, по возможности с участием авторов поправок». По-моему, формулировка самая широкая и обеспечивает всякую возможную демократию и помощь Скрыпнику.

Г о л о с а. Перевести на украинский язык. Ему Каганович переведет. (Ш у м, р а з г о в о р ы.)

Председатель. Слово имеет тов. Бухарин.

Бухарин. Я сейчас должен напомнить всем, что никаким нашим постановлением не снимается решение программной комиссии Коминтерна о том, что всякий член Коминтерна, какой угодно расы, народности, пола, вероисповедания, может и должен вносить свои поправки в программную комиссию конгресса, и притом на любом языке.

Скрыпник. Вызвавши товарищей Рыкова и Бухарина на эти объяснения, я целиком удовлетворен. (С м е х.)

Председатель. Голосую. Кто за это предложение? Кто против? Кто воздерживается? Принято единогласно. Объявляется перерыв. После перерыва доклад тов. Микояна.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Микоян.

По регламенту предполагается дать тов. Микояну час для доклада. В разговоре со мной он сказал, что едва ли сможет в час уложиться. Я предлагаю, ввиду важности вопроса, ограничить Микояна только тем условием, чтобы он до обеда кончил. Возражения есть? Нет.

Имеешь слово, Микоян.

ПОЛИТИКА ХЛЕБОЗАГОТОВОК В СВЯЗИ С ОБЩИМ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

Микоян. Товарищи, мы имеем ряд затруднений, мимо которых партия проходить никак не может: затруднения по хлебозаготовкам, которые за последнее время сказались в затруднениях продовольственного снабжения основных потребляющих районов. Мы не можем закрывать глаза на то ухудшение настроений известной части крестьянства в районах хлебозаготовок, а также в районах потребления, которое мы имеем за последнее время в результате трудностей хлебозаготовок и трудностей снабжения потребляющей полосы, в особенности крестьянства. Основные рабочие центры более или менее обеспечены хлебом, но крестьяне в этих районах, которые предъявляют усиленный спрос на хлеб, сейчас не удовлетворяются хлебом в достаточной степени. И на этом основании мы имеем некоторое ухудшение политических настроений известной части крестьянского населения. Когда мы говорим об этих затруднениях, я думаю, было бы неправильно замазывать их, потому что замазывание этих затруднений создаст обстановку для того, чтобы они углубились еще более, а это привело бы к еще большим осложнениям. С другой стороны, я полагаю, нельзя и преувеличивать чрезмерно эти затруднения и давать им паническую оценку, так как всякая паническая оценка ведет к паническим выводам. Вообще, паника – плохой советчик в трудных условиях. Нужен трезвый учет расстановки классовых сил, нужен трезвый учет реального хозяйственного и политического положения, нужен трезвый анализ всех причин имеющихся затруднений для того, чтобы поскорее и побыстрее эти затруднения пережить, для того, чтобы создать более нормальную обстановку для дальнейшего движения вперед.

Прежде чем перейти к оценке этих затруднений и наших перспектив в области хлеба, поскольку вопрос хлебозаготовок и хлебного снабжения тесно связан со всем общим народнохозяйственным положением, я хотел бы сказать несколько слов о показателях других отраслей народного хозяйства, для того чтобы определить место и размер хлебных затруднений в системе всего народного хозяйства. Имеем ли мы и там большие трудности, или там идет лучше дело? Несмотря на большие трудности хлебозаготовок и хлебного снабжения, трудности, вызвавшие политические осложнения в ряде крестьянских районов, все остальные показатели народного хозяйства, основные

показатели, являются здоровыми, и ряд показателей лучший, чем это было в прошлом году.

Первая основная сила народного хозяйства, решающая из наших командных высот, – это промышленность. Показатели промышленного развития значительно более благоприятны в этом году сравнительно с предыдущими годами. Рост промышленной продукции за 8 месяцев на 20% выше предыдущего года и выше, чем предполагалось по контрольным цифрам, правда, несколько ниже позже утвержденного промфинплана. Это громадный рост, ибо еще на XV партийной конференции[111] правильно утверждалось, что по мере вступления в период реконструкции темп роста будет медленнее, чем это было в полосу восстановительную.

Если мы возьмем производительность труда в нашей промышленности, то мы увидим, что в этом году за 8 месяцев мы подняли производительность рабочего труда больше чем на 13% против прошлого года. Правда, по плану мы наметили для всего года повышение на 17%, но надо сказать, что в прошлом году было более резкое расхождение между предположенным по плану поднятием производительности труда и фактическими достижениями. В этом году мы имеем значительный перелом, хотя он еще недостаточен.

По заработной плате был намечен рост в 7%, а за 8 месяцев мы имеем увеличение фонда заработной платы на 11%. Так что соотношение между производительностью труда и заработной платой более благоприятное, чем в прошлом году.

Себестоимость промышленной продукции за два года мы не смогли серьезно снизить, местами мы имели даже повышение. И вот, несмотря на все трудности, несмотря на то, что не все еще сделано в этой области, мы имеем за 6 месяцев, за первое полугодие текущего года, снижение себестоимости на 5,3%. По плану намечено 6%. Так что, вы видите, мы близки к выполнению.

Основные показатели в области промышленности более или менее здоровы и показывают тенденцию улучшения против прошлого года. Я думаю, что факт обнаружения величайших промахов, ошибок, недостатков, недочетов в области промстроительства и промработы не умаляет значения всех перечисленных мною благоприятных показателей. Дело в том, что эти факты промахов и ошибок, которые обнаружены, не являются специфическими фактами текущего года: они корнями тянутся за несколько лет до этого года, и вряд ли можно утверждать, что в этом году этих фактов больше, чем в прошлом году. То, что удалось выяснить в результате шахтинского дела и других подобных дел, нас не ослабляет, наоборот, мы от этого становимся сильнее, чем мы были до этого. Мы сегодня сильнее, потому что знаем гнойники нашего хозяйственного организма, их вскрыли. Мы узнали все слабые места нашей работы, все ее недостатки, мы подняли бдительность рабочего класса, направили все силы партии и пролетариата на борьбу с недостатками в профессиональной, партийной, советской и общественной работе. Недостатков в нашей работе много, но если сравнишь все это с тем, что было, то, конечно, мы увидим, что здесь имеются значительные улучшения. Но это не должно нас ни в коей мере успокаивать, и рабочая самокритика должна помогать исправлять ошибки и улучшать хозяйственную работу.

Если мы возьмем соотношение между рабочим классом и крестьянством в области экономической, беря соотношение цен между промтоварами и с/х продукцией, выраженное в так называемых «ножницах», то мы увидим, что и в этой области мы имеем соотношение более благоприятное, чем в прошлом году. Ведь факт, что трудности этого года не проистекают из упадка сельского хозяйства. Фактически мы имеем подъем сельского хозяйства, что было констатировано в резолюции апрельского пленума ЦК[112].

Эта диаграмма (см. приложение) кратко изображает движение «ножниц». Вот какое сильное расхождение «ножниц» мы имели в1925/26 и в1926/27 г., причем на протяжении этих двух лет расхождение продолжалось в сильной степени, но уже в1927/28 г. мы достигли серьезного сближения лезвий «ножниц» благодаря успешно проведенному снижению цен на промышленные товары. Во всяком случае, мы не имеем резкого расхождения ножниц, даже некоторое сближение в результате снижения промышленных цен и при некотором повышение цен на технические культуры и животноводческое сырье. Благоприятным надо считать то, что нам удалось в условиях жесточайшего товарного голода на промтовары сохранить цены на сниженном уровне, чего не удавалось сделать раньше. Это характеризует обстановку с лучшей стороны.

Далее, в сравнении с прошлым годом одним из важнейших показателей является состояние нашего денежного обращения, которое теперь лучше, чем было в прошлом году. В прошлом году тов. Рыков в своем сообщении на пленуме ЦК правильно утверждал, что с денежным обращением в тот момент было особенно тяжело, что было выпущено червонцев больше, чем надо, и в результате этого мы имели некоторые признаки инфляционных опасностей, оказавших влияние и на начало текущего хозяйственного года. В текущем году в этом отношении более благоприятное соотношение: рост червонной эмиссии происходит в полном соответствии с потребностями народного хозяйства, и никаких прорывов тут не будет, ибо нам, несомненно, удастся и впредь сохранить достигнутое соответствие между денежной массой и потребностью обращения.

Далее. В прошлом году мы имели трудности в финансовом положении транспорта, которые отразились на бюджете и на всем нашем положении, в том числе на кредитной системе. В этом году не только финансовые планы транспорта выполняются в полной мере, но мы уже имеем превышение выручки плановых предположений по линии транспорта и НКПочтеля на 40 млн. рублей. Ожидается превышение доходов против намеченного плана на протяжении всего года. Исполнение бюджета также даст примерно от 150 до 175 млн. рублей превышения доходных поступлений над расходными, что показывает оздоровление финансов страны.

Я хотел бы остановиться более подробно на двух моментах нашей хозяйственной жизни, где имеются и положительные стороны, и большие недостатки. Слабый пункт – это вопросы сырьевого хозяйства нашей страны, вопросы сельскохозяйственного сырья и вопросы внешнеторгового оборота и валютного положения, которые являются самыми узкими местами народного хозяйства, что было констатировано XV съездом партии. На них нужно сконцентрировать наше внимание.

В области сырья мы имели в 1925/26 г. резкий провал, выразившийся в сокращении посевных площадей технических культур благодаря произведенному тогда резкому снижению цен. Восходящая кривая развития технических культур сменилась нисходящей, представив опасную угрозу для развития нашей промышленности и для экспорта. В прошлом году наша работа прошла под знаком изживания кризиса сырьевого хозяйства. Благодаря принятым мерам: расширение контрактации посевов технических культур, улучшенное снабжение удобрениями, семенами и машинами, усиление кредитования, льготы по сельхозналогу, повышение цен по некоторым культурам, – благодаря всему этому мы скоро добились дальнейшего роста технических культур, их урожайности и товарности. Этот рост быстро продолжается и ярче всего виден из примера подсолнуха, табака, хлопка, свеклы и коконов. Однако даже при таком росте этих видов сырья нам полностью не хватит, ибо потребности еще большие. Вот почему нельзя ослаблять, а надо еще больше усилить работу по подъему сырьевых отраслей сельского хозяйства, представляющих базу развития нашей легкой индустрии. В част-

ности, говоря о подсолнухе, надо заметить, что, несмотря на превышения в заготовках подсолнуха довоенных норм, мы испытываем нехватку в подсолнечном масле. Это объясняется тем, что значительную массу подсолнечного масла приходится направлять на промышленное сырье, например на мыловарение, для чего до войны ввозилось из-за границы до 5 млн. пуд. различных жиров. Теперь же мы почти совершенно не ввозим жиров, удовлетворяя нужды промышленности подсолнечным, хлопковым и льняным маслом. Этим и объясняется, что в текущем году мы имеем подсолнечного масла больше, чем до войны, а население не получает его полностью и мы имеем резкий дефицит в подсолнечном масле.

Данные об итогах плановых заготовок с/х сырья за 8 месяцев текущего года в сравнении с прошлым годом говорят о том, что заготовки отстают против прошлого года лишь в области махорки. Коровьего масла заготовили почти одинаковое с прошлым годом количество. Я должен сигнализировать неудовлетворительность заготовок масла, в особенности за май-июнь по Сибири. Многие объясняют это недостатком кормов, что, несомненно, отразилось на ходе заготовок. Имеются, видимо, и другие причины, зависящие от заготовителей, которые надо устранить, чтобы укрепить этот слабый участок нашей работы.

По всем остальным видам сырья заготовки превышают прошлогодние. Так, по хлопку заготовлено 128%, по табаку – 138%, подсолнуху – 175%, кожи крупные – 131%, кожи мелкие – 132%, шерсть осенняя – 144%, шерсть весенняя – 145%. Значительный рост заготовок этих видов сырья ни в коей мере не разрешает сырьевой проблемы, ибо потребности в них далеко еще не удовлетворяются. По яйцам мы имеем заготовку в 142% против прошлого года. В отношении мяса надо указать, что, несмотря на большие плановые заготовки, давшие рост 308%, трудности имелись и могут оказаться благодаря резкому свертыванию частных заготовок и благодаря особенностям нового урожая.

Я считаю необходимым особо сосредоточить ваше внимание на вопросе о льноводстве и льняных заготовках, где после провала 1925/26 г. мы вот уже два года еще никак не можем выбраться из затруднений и изжить кризис льна. Чтобы дело исправить, СТО принимал ряд решений еще в прошлом году. Во-первых, были даны налоговые льготы посевщикам льна, во-вторых, снабжение дешевым хлебом, что мы выдерживали до последних месяцев затруднений по снабжению. Был проведен план по контрактации: правда, в прошлом году кооперация с этой задачей плохо справилась. Весенние посевы текущего года прошли несколько успешнее. С контрактацией мы связали снабжение минеральными удобрениями и чистосортными семенами в увеличенных, но еще в недостаточных размерах. Выдали авансы по контрактации в виде беспроцентной ссуды. Но площадь, охваченная контрактацией, еще очень мала. В будущем году надо будет сильно увеличить.

Наконец, в прошлом году мы подняли цены на лен примерно на рубль, чтобы усилить стимулы льноводства и его товарности. У нас были споры о размерах повышения, но СТО признал необходимым прибавить не больше, чем на рубль. Однако все это оказалось недостаточным, ибо мы еще не смогли поднять льноводство и льнозаготовки до уровня 1925 года, не говоря уже о довоенном уровне, от которого находимся очень далеко. Цифры говорят о катастрофическом положении со льном. Наша беда в том, что мы не можем добиться даже точных цифр о льне, о размерах его посевных площадей, валовых сборов и товарных излишков. Несмотря на это, цифры ЦСУ правильно отражают кризис льноводства. До войны валовой сбор был 26 млн. пуд., в текущем году – 16 млн. пуд.; урожай с десятины был до войны – 26 пуд., сейчас – 14 пуд. Самый катастрофический факт заключается в чрезвычайно низком урожае

льна. Здесь нужны систематические длительные меры по поднятию урожая льна: целая система мероприятий.

Второй вопрос – оседание в крестьянском хозяйстве. Если верить данным ЦСУ, до войны перерабатывалось самим крестьянством 3 000 000 пудов, в текущем же году – 6 000 000 пудов. Промышленные потребности возросли по сравнению с довоенными с 4 млн. в мирное время до 6 млн. 500 тыс. в текущем году, но ввиду слабости заготовок эта потребность не будет удовлетворена полностью и льняные фабрики значительное количество дней будут стоять. До сих пор мы тратим около миллиона пудов льна на выработку мешков, что нигде в мире не практикуется, кроме особых сортов мешков. СТО приняло решение о том, чтобы с 1 октября из льна мешки не делать, за исключением особо нужных сортов, чтобы перевести выделку мешков на кенаф, джут, пеньку, которые гораздо дешевле льна.

Экспорт составлял до войны около 12,5 млн. пудов, в текущем же году – только 1 млн. 500 тыс. пуд. Это говорит о том, что нужно принять особые меры в области льняного хозяйства и добиться во что бы то ни стало его поднятия, без чего не может развиваться наша льняная промышленность и экспорт. Этот вопрос нами поставлен в Политбюро и СТО для коренного его разрешения.

Наряду со всеми мерами по поднятию льноводства, в особенности в связи с повышением хлебных цен, я полагаю необходимым повысить цены на лен на 20%, чтобы поощрить льноводство в тех районах, где оно падает. Невыполнение плана заготовок льна в текущем году в значительной степени объясняется тем, что ЦСУ ошибся в учете выхода льна, а Наркомторг с утверждения СТО и согласия всех ведомств построил преувеличенный план заготовок. Если данные ЦСУ говорили о более благоприятном положении в этом отношении, то недавно полученные данные Наркомфина опровергают данные ЦСУ. Наркомфин также учел количество льна, причем если при исчислении налогового обложения обычно крестьяне скрывают размер посевов и преуменьшают его, то, поскольку в отношении льна были даны льготы, крестьяне были заинтересованы в том, чтобы не преуменьшать и не скрывать льняных посевов. И вот по этим данным Наркомфина видно, что льна было засеяно меньше, чем по данным ЦСУ. Первая цифра ЦСУ в начале года показывала посевную площадь в 1 150 000 гектаров. В декабре ЦСУ уменьшил цифру до 1140 тыс., а в апреле ЦСУ снова уменьшил до 1138 тыс. гектаров, Наркомфин же представил 943 тыс. гектаров. Большая разница. Видимо, данные ЦСУ преувеличены, а данные Наркомфина более близки к действительности. То же самое с урожаем. Вот те важнейшие факты из области льняного дела, где мы за два года не смогли добиться успеха, которые характеризуют кризис льняного хозяйства.

В отношении остальных видов сырья нам также необходимо будет быстро расширять сырьевую базу страны, ибо промышленность в дальнейшем своем развитии упирается в узость сырьевой базы. Мы не можем расширить хлопчатобумажную, кожевенную промышленность не потому, что производственный аппарат полностью загружен. У нас есть значительные производственные резервы благодаря системе нашего хозяйства, которые мы не использовали из-за отсутствия внутреннего сырья и из-за отсутствия валютных ресурсов для увеличения ввоза из-за границы.

Я полагаю, что за эти два года в ряде отраслей мы имели значительный успех. Успех всегда остается успехом. Но надо все силы направить на устранение трудностей, которые мы имеем. Первая и основная трудность в области сырья – льняная проблема.

Если вернуться к вопросам нашего экспорта-импорта, наших внешних экономических сношений, то хотя здесь нет никакого планового просчета (если не считать хлеб), но мы имеем чрезвычайно напряженное положение, более напряженное, чем

за два последних года. Чем это объясняется? Вы знаете всю отсталость нашего экспорта, я не буду останавливаться на его причинах. В ближайшее время Политбюро имеет в своем плане рассмотрение внесенного мною доклада о поднятии советского экспорта[113], я думаю, что там будет принят целый ряд мер, которые облегчат восстановление экспорта до потребностей нашей страны. Наш экспорт, если отбросить хлеб (о хлебе я буду говорить особо), характеризуется следующими данными. Если за 1926/27 г. мы подняли все остальные статьи экспорта, без хлеба, на 12%, то в текущем году все остальные статьи экспорта, кроме хлеба, мы поднимаем на 31%. Вы видите, что тут мы имеем большой прирост по всем (кроме хлеба) статьям экспорта, но еще недостаточный, чтобы облегчить положение, затрудненное прекращением хлебного экспорта. Сельскохозяйственный экспорт в целом, вместе с хлебом, отстает от промышленного экспорта. Поскольку промышленность восстановлена, промышленный экспорт идет быстрее, он в целом уже обогнал довоенный уровень, причем в экспорте участвуют преимущественно те отрасли промышленности, которые отражают особо благоприятные условия нашей страны с точки зрения естественных богатств: нефти, марганца, асбеста и т. д., за последнее время идут и спички, которые тоже связаны с нашими условиями (сырье)[114]. Плохо обстоит с лесным экспортом, несмотря на гигантские возможности нашей страны, которые мы еще не используем. Мы поставили задачу быстрого развития лесного экспорта. Но вообще положение с экспортом очень трудное, и задача поднятия экспорта является чрезвычайно важной, потому что без поднятия экспорта мы не можем ни создавать валютных резервов, ни удовлетворить потребность страны во ввозе необходимых нам видов сырья и предметов потребительского спроса, в которых мы нуждаемся и без которых мы не можем двигаться.

Что мы имеем с экспортом в текущем году? Если из-за выпадения хлеба, в сравнении с прошлым годом, мы теряем 168 млн. руб. выручки за хлеб, то благодаря росту экспорта других товаров нам удастся возместить выпадение хлеба на 150–155 млн. руб. Таким образом, в целом наш экспорт окажется на 15–20 млн. руб. меньше прошлого года. Несмотря на то, что в экспортном плане будущего года нами также исключен экспорт хлеба, было бы неправильно ставить крест на хлебный экспорт. Как быстро мы ни развивали бы остальные статьи экспорта, в особенности промышленные, без того, чтобы в ближайшие годы довести экспорт хлеба до 200–300 млн. пуд., нам не восстановить экспорт до довоенного уровня или до уровня потребностей нашего хозяйства. Вот почему внимание ко всем остальным статьям экспорта не снимает вопрос о хлебном экспорте. Здесь мы снова упираемся в хлебный вопрос, проблему зернового хозяйства, о чем я ниже буду говорить подробнее.

Благодаря правильному маневрированию во внешней политике Центральному Комитету удалось в чрезвычайно напряженной обстановке отсрочить угрозу войны уже больше, чем на год, без того, чтобы идти на особые жертвы в виде откупа от войны. Эту политику мы должны продолжать и впредь. Несмотря на это, наше внешнее положение очень напряженное, оно вряд ли серьезно облегчится. Все это имеет прямое отражение на наши внешнеторговые отношения, где нам приходится преодолевать большие трудности.

Мы преодолевали трудности во внешней торговле, вызванные разрывом Англии с СССР[115]. Мы ответили на разрыв сокращением импортных операций из Англии, продолжая экспорт без ограничения. Английская промышленность и торговля пошли на то, чтобы облегчить условия торговли, чтобы сохранить англо-русскую торговлю. Мидленд-банк пошел на то, чтобы подписать кредит на 100 млн. рублей, и это мы одобрили. Кредит он снял в момент разрыва, затем восстановил, расширив его до 150 млн.

руб. (15 млн. ф. ст.). Заказы в Англии стали постепенно восстанавливаться, но после разрыва произошло ухудшение кредитной обстановки в Германии. Немцы попытались использовать разрыв с Англией. Их встревожили перспективы расширения нашей торговли с Америкой, они очень ревнивые в этом деле и хотят стать монопольными посредниками между нами и всем миром. Мы имели нажим со стороны немцев на нас.

Вот, коротко, те голые факты напряженности внешней обстановки, которые еще более остро ставят необходимость валютных накоплений и которые упираются в вопрос о хлебе, без экспорта которого нельзя накопить валюту. Весь довоенный экспорт из СССР в нынешних пределах составлял 1 300 000 000 руб., из них 702 миллиона рублей составлял хлеб, т. е. больше половины довоенного экспорта. А сейчас у нас хлеб составляет такую ничтожную цифру, что и в расчет принимать нельзя. Всего зерновых культур мы вывезли за текущий год 27 млн. пудов (в 1926/27 г. – 165 млн. пудов), но было бы лучше, если бы мы их не вывозили, так как в конце года обстановка оказалась такой, что мы не можем удовлетворить даже внутренних потребностей. За предыдущие годы некоторый экспорт хлеба имел место благодаря хорошему урожаю. Между прочим, до войны экспорт хлеба при средних урожаях составлял 600–700 млн. пудов, т. е. если вы возьмете за последние три года вместо урожаев выше среднего средний урожай, то у нас никакого экспорта хлеба не было бы.

Вот почему зерновая проблема заостряется не только с точки зрения обеспечения внутренних нужд, но и с точки зрения экспорта, который является единственным средством обеспечения валютных резервов, во-первых, на случай стихийных бедствий, неурожая, голода и проч., во-вторых, на случай внешних осложнений, блокады, полублокады, нажима, войны и, в-третьих, для простого хозяйственного маневрирования. Без такого фонда мы не можем обойтись. Проблема валютных резервов, столь нам необходимых, целиком упирается в зерновое хозяйство. В него же упирается вопрос о государственных хлебных резервах, столь необходимых в качестве страховки от неурожая, на случай войны и для успешного регулирования внутреннего хлебного рынка. Вот почему валютные и хлебные резервы являются для нас повелительной необходимостью, а осуществимость этой задачи упирается в зерновую проблему.

Дополняя данные о нашем валютном положении, я должен указать, что единственным облегчением является миллионов на 40 завезенных из-за границы импортных товаров, которые у нас не производятся и которые имеют значение для обороны. Таким образом, у нас кроме чистой валюты есть еще на 40 миллионов рублей импортных валютных товаров. Это недостаточное обеспечение, но надо иметь в виду, что в прошлом году мы его совершенно не имели.

Два слова я хотел бы сказать о пассиве и активе нашей торговли. Если возьмем данные за ряд лет, то мы имеем тоже неблагоприятную картину. До войны в среднем за пять лет актив внешней торговли составлял 360 млн., за 1913 год – 146 млн.; в 1924/25 г. мы имели пассив – в 165 млн., в 1925/26 г. пассив – 79 млн. В прошлом году впервые мы добились актива в 56 млн. рублей. В текущем году у нас снова пассив, который уже составил 107 млн. руб., причем нужно иметь в виду, что этот пассив имеет особый характер. Такой пассив получился не потому, что имеется просчет, пассив по плану или срыв выполнения плана. Нет. Это потому, что германские кредиты, реализованные в 1925/26 г. и в 1926/27 г. на 150 млн. руб., не входили в импортный план. Из этих германских кредитов оборудования прибывает в текущем году миллионов на сто. С другой стороны, миллионов сорок составляет сверхплановый импорт для вышеуказанного резерва импортных товаров. Вот примерно 140 млн. руб. сверх плана, которые давят на баланс внешней торговли.

На будущий год мы наметили актив 100 млн. руб. по внешней торговле, хотя на-

копление валюты будет незначительное и может даже свестись на нет, если будут неблагоприятные обстоятельства в нашем хозяйственном развитии.

Таким образом, трудности хлебного снабжения в стране, трудности в области экспорта и импорта упираются в вопрос о хлебе, в вопросы зернового хозяйства. В выяснении хлебного вопроса нам нужно отличать двоякого порядка причины. Одни причины – длительные, коренные, которые составляют **базу** затруднений, **другие – специфические** причины текущего года, которые обострили обстановку и вызвали провал заготовок в первой половине года. Их нужно разграничить, потому что двоякого рода причины требуют двоякого рода мер для их устранения. Меры по устранению коренных причин дадут последствия на протяжении ряда лет. Для специфических же причин ответ должен быть найден в мерах, которые дадут эффект в ближайшее же время.

Базой наших хлебозаготовительных затруднений является **кризис нашего зернового хозяйства**. Он выражается в том, что наше крестьянское хозяйство отстало, раздробленно, причем измельчание крестьянского хозяйства продолжается, что отражается не только на урожайности, но и на том, что чем больше раздроблено хозяйство, тем меньше товарность его продукции. Это было достаточно ясно обосновано в докладе тов. Сталина слушателям Красной профессуры[116]. Присоединяясь к положениям этого доклада, я на этом останавливаться не буду.

Приведенные тов. Сталиным цифры ЦСУ о товарном хлебе, отчуждаемом различными социальными группами производителей хлеба в довоенное время, показывают, что раздробленность, распыленность и отсталость еще больше продолжаются в современной деревне и являются основной причиной уменьшения товарного хлеба. Картина будет еще более ясна, если к этому прибавить отсталость зернового хозяйства в отношении посевных площадей. Если посевные площади выше по техническим культурам, 130% от довоенного, то в области зерновых посевов мы имеем всего 92% от довоенного, т. е. 8% недобора, что в валовом сборе составит примерно 350–400 млн. пудов. 8% не восстановленных площадей под зерновыми культурами сокращают валовую продукцию хлеба в стране на 350–400 млн. пудов. Кроме того, нужно иметь в виду, что у нас быстро растет население, растет в городе и в деревне. Рост городского населения за последние годы составляет ежегодно примерно 6%, а все население страны ежегодно возрастает на 2%, а против 1914 года, по данным ЦСУ, население СССР возросло примерно на 11 млн. душ. Это приросшее население потребляет 140–150 млн. пудов дополнительного количества хлеба.

Таким образом, мы видим основную причину кризиса зернового хозяйства: раздробленность и распыленность крестьянского хозяйства, отсталость его, недовосстановленность посевных площадей при росте производственных и личных потребностей в хлебе в стране, как в городе, так и в деревне. В результате у нас исчез экспорт 600–700 млн. пудов хлеба. Мы не в состоянии не только при плохом, но и при среднем урожае обеспечить себя некоторым количеством экспорта хлеба.

В отставании зернового хозяйства большую роль играло также то обстоятельство, что цены на зерно у нас были всегда ниже, чем на другие сельскохозяйственные продукты. Поэтому большая тяжесть ножниц падала на зерновое производство, причем не надо забывать то обстоятельство, что размеры посевных площадей в районах нечерноземных, с одной стороны, и в районах производящих, с другой стороны, имеют совершенно различное значение для размеров отчуждаемого товарного хлеба. Большие посевы, например в центральных губерниях, большого значения для заготовок не имеют: оттуда мы товарного хлеба почти не получаем. Другое дело – Поволжье, Сев. Кавказ, Украина, Сибирь, Казахстан. Эти области являются хлебными фабриками с высокой товарностью хлеба. Надо принять во внимание, что именно эти районы в граждан-

скую войну были больше всего разгромлены, что кулачества там было больше всего, а раскулачивание их в гражданскую войну не было скомпенсировано бедняками и середняками в смысле восстановления и расширения посевных площадей. Вот почему в нетоварных районах посевы не меньше довоенного, но они сильно отстают от довоенного в производящих районах. Надо, кроме того, иметь в виду, что у нас единый налог строится или, вернее, строился до сих пор преимущественно на обложении земли и меньше на обложении всех остальных доходов крестьянства. Все это создавало менее благоприятные условия для развития зернового хозяйства.

В ряде мер содействия зерновому производству большое значение имеет политика цен. Но было бы, конечно, неправильно все сводить к вопросу о ценах. Цены имеют большое значение, от этого нельзя отвлекаться. Но одного этого недостаточно, и одно это еще не решает зерновую проблему. Мы должны предпринять целый **комплекс** мероприятий, которые окажут серьезное воздействие на наше крестьянское хозяйство. Для примера можно указать на наши мероприятия в отношении хлопководства и свеклосеяния. Здесь цены на эти культуры нами не были повышены, но сумма всех наших мероприятий дала величайший толчок к развитию крестьянского хозяйства, занятого производством этих культур.

Подходя к оценке болезней нашего народного хозяйства, мы должны констатировать, что народное хозяйство в общем развивается на здоровой базе, болезненные трудности вытекают из реконструктивной полосы его роста. Мы видим, что кризис имеется не во всем народном хозяйстве, мы видим кризис даже не всего сельского хозяйства, ибо в области технических культур, за исключением льна, у нас имеются успехи и развитие. Мы видим, что доходность крестьянского хозяйства растет и увеличивается. Особенно выросла доходность кулацкого хозяйства. Это доказано всеми фактами и данными. Доходность кулацкого хозяйства растет относительно быстрее, чем доходность остальной массы крестьянства. С другой стороны, самым слабым местом в хозяйстве является зерновое хозяйство. Вот почему базой хлебозаготовительных затруднений является проблема зернового производства. Именно слабое развитие нашего зернового хозяйства является **основной базой** хлебозаготовительных затруднений текущего года.

Специфические причины затруднений текущего года были выявлены в моем докладе на апрельском пленуме и зафиксированы в резолюции этого пленума[117]. Поэтому я считаю лишним подробно останавливаться на этих причинах. В текущем году на базе кризиса зернового хозяйства мы имели специфические причины в виде резкого нарушения равновесия рыночных отношений: прироста доходности деревни вообще, особенно кулацкого хозяйства, при недостатке промышленных товаров, или, вернее, при снижении цен на промышленные товары, которых у нас было недостаточно и при условии года* налоговое обложение не поспевало за ростом доходности зажиточных слоев деревни. При этих тяжелых условиях ошибки планового руководства еще более усугубили трудности. Мы недостаточно сманеврировали в отношении промышленных товаров, при недостатках нашего заготовительного аппарата, при смычке наших работников с различными слоями деревни, при срыве, зачастую при поддержке нашего заготовительного аппарата**, нашей политики.

В результате этих причин мы имеем затруднения в заготовках, которые достигли в январе максимума своей остроты, выразившись в 128 млн. пудов дефицита хлеба против прошлого года. Эта цифра, при отсутствии у нас резервов, говорит, что мы сто-

* Так в тексте (ред.).

** Так в тексте (ред.).

яли в январе не только перед хлебным кризисом, кризисом заготовок, но перед угрозой общего народнохозяйственного кризиса, кризиса жесточайшего. Если бы мы этого кризиса не устранили, мы должны были бы свернуть промышленность и все остальные отрасли хозяйства и сорвать наши планы хозяйственного развития. Принятые Центральным Комитетом меры в январе, одобренные пленумом ЦК в апреле, предотвратили эту опасность величайшего кризиса народного хозяйства, который неизбежно вытекал из кризиса хлебозаготовок. Благодаря успешно проведенной кампании за январь – март мы к 1 апреля почти восстановили размер заготовок по сравнению с прошлым годом. Этим самым были устранены затруднения.

Как же у нас получилось, что в конце года мы имеем новые затруднения? Каковы те факты после марта и апреля, которые определяют затруднения хлебозаготовок после апреля? Восстановление прошлогодних размеров заготовок обеспечивало при дальнейшем нормальном ходе хлебозаготовок нормальный переход к новым хлебозаготовкам и избавляло нас от необходимости вновь принимать чрезвычайные меры. В отношении этих мер пленуму ЦК и ЦКК пришлось констатировать, что они должны быть сняты и не могут применяться в меру устранения наших затруднений в хлебозаготовках. Мы предполагали, что после апреля мы будем иметь такую обстановку, когда нам удастся отказаться от практики чрезвычайных мер, для того чтобы другими мерами обеспечить ход хлебозаготовок. Однако после этого имел место ряд фактов, которые ухудшили обстановку и которые, по существу, определили те трудности, которые мы имеем сегодня. Каковы эти основные новые факты, которых не было у нас на том пленуме и которые были одним из важнейших обстоятельств, определивших новые трудности?

Основное из них – гибель озимых хлебов юга Украины и Сев. Кавказа, основной пшеничной житницы нашего Союза, которые давали большие заготовки и которые, по причине гибели озимых, выпали из этих заготовок. Мы полагали, что вследствие этого обстоятельства мы лишены были возможности заготовить в этих районах примерно 25 млн. пудов. Конечно, когда озимые погибли, то крестьяне, имевшие излишек, совершенно перестали продавать хлеб. Началась паника в пострадавших районах. Украина оказалась в величайших затруднениях. Она была основным снабжающим районом и вывозила огромное количество хлеба для центра Союза. В результате гибели озимых Украина выпала как снабжающий нас район, ибо она сама сводила концы с концами, чтобы себя снабдить. Сев. Кавказ оказался перед величайшими трудностями.

В результате этих обстоятельств, в условиях невыясненных видов на урожай мы снова нажали на заготовки, задев страховые запасы крестьян, что не могло не вызвать недовольства и протестов крестьян ряда районов. Факт гибели озимых поставил нас перед необходимостью полного пересева погибших культур в этих районах и перед необходимостью в ответ на угрозу кулака о сокращении площади посева поднять бедняцкие и середняцкие посевы. Мы в этом году оказали величайшую помощь крестьянству семенами, такую, какой в голодный год не оказывали. Больше 30 млн. пуд. семян было выброшено на помощь крестьянскому хозяйству. Хлеба было мало, но нам лучше было поменьше оставить для снабжения, но иметь побольше для посева, который даст через 3–4 месяца большие результаты. Надо сказать, что эта кампания прошла хорошо. Нам удалось поднять яровые посевы значительно выше и пересеять больше 85% площади погибших озимых. Обеспечение яровой посевной и пересевной кампании потребовало большого расхода заготовленного хлеба, предназначенного для снабжения.

Третьим фактом, затруднившим положение, явился перерасход в снабжении с января и февраля в особенности. Какие причины вызвали перерасход против планов?

Во-первых, расширение круга потребителей, которое происходило стихийно, и

нам не удалось, начиная с мест и доверху, удержать этот напор. Приходилось выдерживать величайшую борьбу для того, чтобы бороться с этим, потому что в ряде мест, когда мы нажали на кулака, он ответил бедноте тем, что хлеб не продавал, задерживал или вовсе не продавал. Мы были вынуждены совершить контрманевр: дать бедноте дешевый хлеб для того, чтобы обеспечить тыл для борьбы с кулаком, для того чтобы беднота была обеспечена, и в первую кампанию (январь – март) благодаря этому мы имели сплошную поддержку значительных бедняцко-середняцких масс в этой борьбе. Кроме того, практика экстраординарных мер и административного нажима сократила местный хлебный оборот, что вызвало увеличение снабжения за счет плановых заготовок. Нам не удалось устоять против этого напора, что вызвало большой перерасход хлеба в двух основных производящих районах: на Украине и Сев. Кавказе. Кроме того, мы были вынуждены снабдить хлебом основные сырьевые районы в максимальной степени, без экономии. Ведь у нас есть линия – решение СТО – и правильное решение, и правильная линия, которую мы ведем в Средней Азии: забросить столько хлеба, чтобы не было выгоды сеять в Средней Азии хлеб, а чтобы крестьяне расширили посев под хлопок.

Г о л о с. А директива там хлеб собирать?

Микоян. В Средней Азии есть особые районы, где можно сеять хлеб без ущерба для хлопка, в частности, на так называемых богарных землях, где мы провели в текущем году контрактацию 50 тыс. гектаров земли из 100 тыс. гектаров, находящихся под зерном. Благодаря этим мерам мы имеем в виду заготовить в Средней Азии до 10 млн. пуд. хлеба. В тех же районах, где имеются возможности развития хлопководства, мы сознательно выбросили до хлопковых посевов большую массу хлеба, что и обеспечило большой успех в деле расширения хлопковых посевов. Поэтому отгрузки хлеба за январь-февраль-март в Среднюю Азию были громадные. Эти цифры отгрузок фигурируют в цифрах расхода, меж тем это не есть расход, так как не все было съедено в месяцы отгрузок, а если мы в июне ничего не погрузили туда – это не значит, что там не едят хлеба. Накануне посевной кампании надо было снабдить эти районы столько хлебом*, чтобы крестьянин спокойно взялся за посев хлопка.

То же самое и в отношении льноводческих районов. Мы хотели им дать столько хлеба, чтобы крестьянин мог спокойно засеять лен, но эту линию смогли выдержать только до посевов. Позже хлеба оказалось мало, и мы были вынуждены сократить завоз хлеба в эти районы.

Затем для обеспечения лесозаготовок мы имеем неоднократные решения СТО, абсолютно правильные, которые нельзя оспаривать, обязывающие нас обеспечить хлебом лесозаготовки в больших размерах, чем в прошлом году. Благодаря всему этому лесозаготовки не сорвались, закончившись успешно. Оперируя цифрами отгрузок и расхода хлеба по месяцам, надо принять во внимание все эти обстоятельства.

Мы торопились форсировать отгрузку из районов заготовок, чтобы концентрировать на местах потребления основные запасы хлеба. Так, за январь отгрузки составили 53 млн. пуд., реализация – 40 млн., февраль – 59 млн. отгрузка, 45 млн. расход. Сюда входит и Средняя Азия, куда мы усиленно грузили. Март – отгрузка 54 млн., расход 50 млн., за апрель заготовка сократилась, отгрузки в Среднюю Азию закончились, отгрузки за апрель составили 38 млн. пудов, а расход – 28 млн. пудов. Май – отгрузка 27, а расход – 30 млн.

Косиор Ст. Это потребляющие только районы?

Микоян. Это все районы. Июнь отгрузка 20, расход примерно 25 млн. Июль – от-

* Так в тексте (ред.).

грузка 20, расход намечен у нас 27 млн. Если бы мы могли вести жесткую экономию на протяжении всего года, что не исключило бы перебоев на потребительских рынках, и если бы в заготовительных районах жестче соблюдались наши планы реализации, то, наверное, мы смогли бы с величайшим трудом сэкономить 15–20 млн. пудов.

Весь расход хлеба плановых заготовок в текущем году составляет 618 млн. пуд. всех культур против 480 млн. пуд. прошлого года, превысив прошлогодний на 138 млн. пуд. Из этого надо исключить 20 млн. пудов, лишь арифметически причисленных к расходу текущего года и ничего не меняющих. Таким образом, плановое снабжение в текущем году потребовало на 118 млн. пуд. больше прошлого года. Из них на Среднюю Азию, Закавказье и семссуду мы израсходовали на 41 млн. пуд. больше против прошлого года. Кроме того, если считать естественный рост населения городов в 6% за год, то это составит 37 млн. увеличения расхода, если даже удельный вес планового снабжения не был увеличен. Если все это откинуть, то мы имеем перерасход в 48 млн. пуд., из которых часть пошла на увеличение снабжения в рамках плана, часть же была израсходована сверх плана, главным образом на рынках заготовок и некоторых потребляющих районов. Это пошло частично на увеличение охвата нашего рынка. Часть перерасхода была неизбежна. Мы не могли удержаться на том же уровне. Увеличение должно было быть, но оно произошло в больших размерах, чем мы предполагали.

Ворошилов. Из 40 млн. пуд. можно было 30 млн. пуд. сэкономить.

Микоян. 30 млн. никак нельзя было сэкономить, можно было сэкономить максимум 15–20 млн. пудов, и то при сильной урезке снабжения. А какое это трудное дело, видно из тех последствий, которые мы имеем в мае-июне в результате сокращения снабжения. Не надо забывать, что беднота требовала в кампанию заготовок хлеба, говоря: «Если хочешь, чтобы я поддержал тебя в хлебозаготовках, ты оставь немножко хлеба мне, чтобы обеспечить меня до нового урожая. Тогда я нажму на кулака посмелее». Вот какую постановку мы имели. Губкомы настаивали на образовании фондов снабжения бедноты, на что мы должны были идти, если хотели обеспечить свой тыл борьбы с кулаком. Особенно резко это имело место на Сев. Кавказе и Украине, но было это и во всех районах заготовок и в потребляющей полосе.

Другое обстоятельство, которое объясняет трудности хлебозаготовок к концу весны, заключается в том, что все-таки когда мы подошли к крестьянскому хозяйству, то увидели, что хлеба не так много, как можно было ожидать, исходя из хлебофуражного баланса ЦСУ. Если в первую половину года затруднения были не из-за отсутствия хлебных излишков, то к концу года мы столкнулись с резким сокращением хлебных излишков в деревне. Какими обстоятельствами это определялось?

Одна причина, которая не была предусмотрена в хлебофуражном балансе и никем не могла быть предусмотрена, – большое запоздание весны, связанное с бескормицей, которое увеличило расход хлеба в крестьянском хозяйстве больше чем на 100 млн. пуд. против нормального.

Итого, по подсчету экспертного совета, произведенному недавно, на прокорм скота, на пересев и проч. крестьянство израсходовало 125 млн. пуд. сверх предположений хлебофуражного баланса, соответственно уменьшив товарные излишки. Кроме того, обнаружился просчет в хлебофуражном балансе текущего года на 94 млн. пудов, т. е. валовой сбор оказался на 94 млн. пуд. меньше, чем предполагалось вначале. Таким образом, хлебофуражный баланс ЦСУ, на котором строился план заготовок, оказался нереальным на 250 млн. пудов. Это уже цифры, которые даны экспертным советом ЦСУ, лучшими силами нашей страны, которые рассматривали все эти вопросы.

Невыясненность урожая, гибель озимых на юге, неясность положения в других

районах – все это создавало нервную обстановку, вызвав новые трудности в деле хлебозаготовок. Я полагаю (хотя не могу сослаться на экспертов, потому что их мнения еще не имеется, они обещали недели через две дать свое окончательное мнение), что в вопросе о невидимых крестьянских запасах также имеется значительный просчет. По исчислениям ЦСУ, эти хлебные остатки составляли в начале 1925/26 года 153 млн. пуд. В начале прошлого года – 423 млн. пуд., в начале текущего года – 720 млн. пудов, и предполагалось иметь к концу текущего года, т. е. на 1 июля 1928 года, 896 млн., т. е. около 900 млн. пудов страховых запасов крестьян. Я полагаю, что сейчас уже каждому практику ясно, особенно тому, кто побывал в хлебозаготовительных районах, что эти цифры явно преувеличены. Распыленных запасов у крестьян вряд ли больше 500–600 млн. пудов, т. е. и здесь оказывается просчет на 200–300 млн. пудов, что соответственно уменьшает товарные излишки, служащие базой заготовок. Вот почему наши заготовки за май-июнь задели страховые запасы крестьянства, что не могло, конечно, пройти безболезненно. Отчуждение страховых запасов накануне урожая, до его выяснения, конечно, должно было вызвать естественное недовольство и протесты крестьян, ибо некоторые хлебные запасы необходимы крестьянам в качестве страховки, без которых наш крестьянин не может вести нормально свое хозяйство, так зависящее от стихийных бедствий.

Вот те основные условия, которыми определялись трудности хлебозаготовок после апрельского периода. Эта обстановка создала почву для рецидива экстраординарных мер и для процветания незаконных действий и административного произвола в деле хлебозаготовок. Касаясь этих трудностей и недовольства крестьян, я должен сказать, что это недовольство, в отличие от недовольства, которое мы имели и могли иметь до апрельского периода, шло по двум линиям, по двум потокам. Дело в том, что мы имели трудности, жалобы, волнения, недовольства в районах хлебозаготовок, с одной стороны, вызванные одними причинами, и недовольства, трудности, осложнения в районах потребительских, вызванные совершенно иными причинами, – с другой.

Какие причины вызывали серьезное недовольство известной части крестьянства в районах производящих, в районах заготовок? Какие формы принимали экстраординарные меры, меры чрезвычайные, перегибы, административный нажим и проч. и проч.?

Мы имели, например, обходы дворов, насильственное отчуждение хлеба, когда обнаруживали хлеб в амбарах, оставление страховых запасов в самом малом количестве, закрытие базаров и т. д. и т. д. Все эти методы, по существу, являются продразверсточными и применялись не только к кулакам, как это было до апреля, но задевали также и середняков, что не могло не вызвать недовольства известной части середняцких масс.

Имели место случаи, когда применяли 107 статью[118] в ряде районов не только к кулакам, но и к середнякам. Все это не могло не вызвать большой тревоги среди крестьянства. Но было бы неправильно сказать, что бедняцко-середняцкие массы отшатнулись от нас. Например, в Сибири, где больше всего было применения 107 статьи, тт. Сырцов и Эйхе очень далеки от таких неправильных характеристик. Поскольку оценка сибирских товарищей сходится с оценкой северо-кавказских товарищей, я считаю нужным привести цитату из телеграммы тт. Сырцова и Эйхе[119], с которыми я согласен: «При наличии резкой враждебности кулачества, если бы оно чувствовало значительную опору в других слоях, несомненно, мы имели бы массовые случаи враждебных выступлений. Середняцкие слои, встревоженные в начале кампании слухами об отмене нэпа, в настоящее время, убедившись в неприкосновенности нэпа, успокаиваются. Это сказалось и на настроении воинских частей, хотя значительная часть

младшего комсостава настроена неважно. Кулакам удается толкнуть на известные эксцессы там, где организации совершенно не умеют хоть кое-как поставить разъяснительную работу или допускают исключительные ошибки. Обыкновенно при посылке ответственного толкового работника, проводящего разъяснение, сгущенные настроения рассасываются и бедняки и середняки, подтолкнутые кулаком, отходят с учетом своих ошибок. Посевная площадь большинства районов выросла. Недавно бюро крайкома подытожило выводы практике применения 107 статьи. Тщательно проанализировав весь фактический материал каждого дела осужденного, его хозяйственного положения, пришли к следующему: 93 процента осужденных бесспорно кулаки, семь процентов сомнительные или явно середняцкие хозяйства, в отношении последних приговоры отменяются.

В большинстве районов базары функционируют, хотя местные работники очень часто сбиваются на зажим».

Говоря о районах производящих, надо отличить двоякого порядка недовольства. Середняк протестовал против перечисленных мер нажима, протестовали и проявляли недовольство бедняки, которые оказались без хлеба, которым негде было купить хлеб из-за того, что были закрыты базары, и в отношении которых кулак говорил так: «Тебе нужен хлеб? Иди спроси у большевиков».

Г о л о с. И кооператив не дает. Только членам кооператива.

Микоян. И в кооперативе не всегда достанешь. Купить на рынке или на базаре нет возможности. Базары почти закрыты, свернуты. Кулак, который здорово был обижен той кампанией, которая проводилась, говорит крестьянину-бедняку: «Хочешь хлеба, так иди у других его найди, а если хочешь у меня, то ты должен его выслужить и я тебе уделю кое-что». Кулаки закабаляют хлебом неимущую бедноту. Это всегда было, но в этом году это происходило более усиленно, и мы имеем такое явление, что бедняки выступали в ряде мест с требованием к исполкомам: «Дайте хлеба. Хлеб забрали, нам нечего есть, мы против заготовки. Раз заготовляете, мы останемся без хлеба».

Это недовольство известной части середняков и в ряде мест даже некоторой части бедноты было использовано капиталистическими элементами деревни для того, чтобы ухудшить политическое настроение деревни и натравить на советскую власть известную часть бедняков и середняков. Это факт бесспорный. Очевидно, можно только говорить о размерах этого, о разной степени; причем надо сказать, что в особенности первое время, в начале мая – июне эти явления приняли распространенный характер.

В южных районах, где пострадали озимые, плохие виды на урожай также увеличивали тревогу крестьянства, ухудшая его настроение. Эти настроения по различным каналам связи рабочих с деревней не могли не просочиться и в известные прослойки рабочих. Это отражалось также в письмах к красноармейцам из деревни.

Все эти факты говорят об известном колебании в среде основной массы крестьянства, о некотором ухудшении нашего политического положения в деревне производящих районов как результат применения экстраординарных мер и их перегибов за последний период и умелого использования ошибок практики нашей работы со стороны капиталистических элементов деревни. Мы не имеем права ни замазывать эти факты, ни проходить мимо них, не приняв всех мер для их устранения.

В районах же потребительских, в особенности в Рязанской, Калужской, Смоленской губерниях, а также в ряде мелких городов в крестьянских районах, которые выделяют большое количество строительных рабочих, отхожников*, которые нуждаются в

* Так в тексте. Правильно «отходников» (ред.).

хлебе, в результате сокращения снабжения возникли продовольственные затруднения, требования хлеба как в городе, так и в деревне. В связи с этим образовались «хвосты» у хлебных лавок, в ряде мест были введены карточки или их различные суррогаты. Недовольство среди известной части крестьян этих районов имело характер чисто продовольственных затруднений.

Вот два потока затруднений, причем второй поток – район потребительский – не был связан с теми экстраординарными и административными мерами, которые обусловили недовольство в заготовительных районах. Здесь играл роль недостаток снабжения нами хлебом. Хотя базары здесь не были закрыты, но нарушение хлебного оборота в ближайших производящих районах сократило или свело на нет приток хлеба на потребительский рынок, помимо планового снабжения.

Экстраординарные меры целиком оправдали себя, поскольку за январь – март мы покрыли дефицит в 128 млн. пудов хлеба и таким образом избежали жесточайшего кризиса всего народного хозяйства. В последний период заготовок, когда товарного хлеба в деревне мало, экстраординарные меры, не давая большого хлебного эффекта, порождают много отрицательных явлений. Распространение практики этих мер на середняка тем более кроет в себе величайшие политические и экономические опасности. Кроме того, поскольку этим экстраординарным мерам с самого начала их применения был придан временный характер, то не может быть никакой речи о превращении их в постоянную практику, в постоянный курс политики, ибо это обозначало бы создать угрозу ухудшения настроений бедняцко-середняцких масс, усиление активности кулака благодаря умелому использованию наших ошибок и колебаний в среде крестьян и прямую угрозу рабоче-крестьянскому блоку. Вот почему мы должны решительно прекратить практику экстраординарных мер административного произвола и продразверсточных методов заготовки. Было бы неправильно ответственность за различные перегибы и за административный нажим сваливать все на места, что вот места допускали перегибы, несмотря на наши предупреждения. Это было бы абсолютно неправильно и фальшиво с нашей стороны. Если отвлечься от различных глупостей или прямо уголовных поступков со стороны отдельных работников, которые имели кое-где место и за которые местные организации ответственности нести не могут, ибо они боролись с такими явлениями, то все административные меры и различные виды нажима, которые применялись на местах, – все это вытекало из суммы всех обстоятельств, из характера тех заданий, которые давались центром. Поэтому нам нечего сваливать все на места, но и не в чем раскаиваться.

Местные организации за это время выросли в тяжелой работе, очистились от гнилых элементов, окрепли, закалились, проявили величайший героизм в своей работе. Ведь масса коммунистов, которые работали на хлебозаготовках, – подлинные страдальцы нашей работы. Многим из них приходилось в нечеловеческих условиях работать в деревне, они несли на себе всю тяжесть хлебозаготовок и других кампаний партии.

Г о л о с. В газетах поносят этих страдальцев в последнее время.

Косиор. Зря.

Микоян. Я считаю, что этого допускать нельзя, ибо благодаря местным организациям и мобилизованным коммунистам нам удалось предотвратить угрозу жесточайшего кризиса. Нужно открыто признать, что наши организации вынесли величайшую тяжесть хлебозаготовок на своих плечах, проявив подлинную большевистскую энергию и твердость, целиком оправдав доверие партии. Теперь речь идет не о том, почему, где и какие меры принимались. Речь идет о том, что практика продолжения экстраординарных мер, не давая больше значительных результатов в области заготовок, таит

в себе опасность ухудшения отношений между городом и деревней, ухудшения отношения между рабочим классом и крестьянством, таит в себе опасность ослабления рабоче-крестьянского союза, таит в себе эффекты отрицательные не только в области политической, но и экономической.

Из всей сложившейся обстановки вытекает задача решительного прекращения не только практики всяких извращений, перегибов и административного произвола, но и применения экстраординарных мер. Нужно войти в новую кампанию хлебозаготовок с такой подготовкой и с такими рычагами в своем арсенале, которые устранили бы необходимость в чрезвычайных мерах, нужно создать обстановку, при которой, правильно сочетая гибкое регулирование рынка с экономическими рычагами государства (налогово-финансовая система, контрактация урожая на корню, промтоварная масса, некоторое повышение цен и проч.), мы бы сумели наладить хлебозаготовки.

Это в данной обстановке задача величайшей трудности, осуществление которой требует напряжения всех сил. Особо важно оживление местного хлебного оборота, крестьянских базаров, без чего будут громадные трудности. Ведь внутри крестьянства хлебный оборот громаден по своим размерам, громаден больше, чем наши заготовки. Закрывать местный хлебный оборот – значит брать на себя громадные обязательства по снабжению нового распыленного круга потребителей, что совершенно невыполнимо и что никакого смысла не имеет. Ряд в особенности мелких городов должны снабжаться в порядке местных заготовок и местного оборота хлеба.

Переживаемые трудности вызвали разброд в головах отдельных партийных товарищей и в кругу различных околопартийных элементов, кроющий в себе опасности с двух сторон. Особо отличаются троцкисты, которые в своих письмах и обращениях утверждают, что экстраординарные меры, с их различными перегибами и административным нажимом, являются постоянным курсом партийной политики в деревне, и стараются свернуть отдельные элементы партии на путь разверстки, на путь ссоры с основной массой крестьянства. Такое толкование временных чрезвычайных мер целиком вытекает из троцкистской установки в отношении деревни. Некоторые элементы внутри партии поддаются этому, считая, что мы должны экстраординарные временные меры превратить в постоянный курс политики партии.

Само собой понятно, что это не может соответствовать нашей партийной политике, потому что превращение экстраординарных мер и административного произвола в постоянную политику партии, с узаконением закрытия базаров и т. д., и длительное их применение угрожает прочному рабоче-крестьянскому союзу; оно угрожает срывом этого союза, подрывом прочности пролетарской диктатуры и успешного социалистического строительства. Вот почему мы должны с этим решительно бороться. Однако мы должны борьбу вести на два фронта. Этот второй фронт, кроющий в себе громадные опасности, не менее, а, пожалуй, даже более резко стал проявляться среди некоторых элементов партии. Видя трудности хлебных заготовок, трудности в стране, которые мы переживаем, люди стараются использовать эти трудности для того, чтобы свернуть нашу ленинскую политику, утвержденную съездом и партийными решениями, на другие рельсы, которые им угодны, но которые расходятся с ленинизмом и тащат нас в буржуазное болото.

Эти обе опасные тенденции, ничего общего не имеющие с нашей партийной линией и представляющие величайшую угрозу пролетарской диктатуре, являются отражением буржуазных тенденций в нашей стране на нашу партию, на ее отдельные звенья. Отдельные товарищи перед лицом переживаемых затруднений пытаются воспользоваться этим и изменить партийную политику, отменить решения XV съезда партии о наступлении на кулака и частника, развязать силы капитализма, широко раздви-

нуть рамки нэпа, дать больше прав и возможностей для капиталистических элементов города и деревни, смазать курс XV съезда на коллективизацию как одну из основных задач партии, сорвать строительство новых совхозов и поднятие старых. Партия должна дать дружный отпор всяким попыткам нападений на решения своего съезда и установленную им ленинскую политику. Мы против перегибов, мы против того, чтобы курс политики партии в отношении деревни был бы изменен, мы против того, чтобы экстраординарные, административные меры превратились в постоянный курс политики партии, который представлял бы угрозу смычке с крестьянством. Без смычки с основными массами крестьянства будет сорвано строительство социализма и будет подорвана диктатура пролетариата. Основное условие успешного социалистического строительства состоит в том, чтобы с основной бедняцко-середняцкой массой иметь прочные отношения союза. Надо бить на два фронта, дав отпор всяким попыткам, откуда бы они ни исходили, изменить партийную политику, утвержденную XV съездом.

Иногда тех, которые желают экстраординарные меры, административный нажим и продразверсточные методы превратить в постоянную нашу политику, в частности троцкистов, называют представителями **левой** опасности; точно так, как тех, которые желают свернуть партийную политику на буржуазные рельсы, на то, чтобы побольше поблажек дать кулакам и частникам, чтобы не выполнять лозунга XV съезда о наступлении на кулака, не ставить вопроса о коллективизации как одну из основных задач партии и т. д., называют представителями **правой** опасности. Такое деление чрезвычайно условно и часто вносит лишь путаницу. Ленинизм не имеет ни левой, ни правой стороны. Он монолитное учение пролетарской революции, учение революционного марксизма. В рабочем движении нет ничего левее и революционнее ленинизма. В обе стороны от ленинизма, будь правая или левая, – есть антиленинская, буржуазная политика. А разве на примере «левой» троцкистский оппозиции так блестяще не оправдался теоретический прогноз партии? XV конференция и XV съезд утверждали, что троцкистская «**левая**» оппозиция и ультралевый уклон в Коминтерне – это есть явный социал-демократический **правый** уклон, что им нет выхода – или к социал-демократии, или к нам, другого выхода нет. Это целиком оправдалось, так быстро и так очевидно, как будто мы имели лабораторный социальный эксперимент для испытания теории. Разве ультралевые через два месяца после XV съезда не перешли к социал-демократии, прямо как враги рабочего класса? Это было так доказано, что не только опытному политику, но и любому человеку, неискушенному в политике, стало очевидным, что всякая левая болтовня против ленинизма есть ширма для оппортунизма. Вот почему всякие тенденции под правым или левым флагом, нападающие на ленинизм, представляют один и тот же антиленинский социал-демократический мелкобуржуазный уклон. Вот почему надо бороться на два фронта, чтобы отстоять чистоту ленинской линии, которую мы должны вести при всех трудных условиях с тем, чтобы не допускать никаких искажений этой линии. Решения XV съезда мы должны проводить в жизнь еще с большей энергией потому, что послесъездовская практика показала всю правильность решений этого съезда. Мы должны провести эти решения целиком и в отношении дальнейшего наступления на кулака, однако не мерами раскулачивания, а теми мерами, которые вытекают из всей нашей экономической политики.

Недавние статьи в прессе и различные выступления отдельных товарищей поставили в плоскость дискуссии вопрос о мелком индивидуальном крестьянском хозяйстве. Некоторыми высказывалась мысль, что всякие возможности роста мелкого крестьянского хозяйства исчерпаны. Это, по-моему, не только неправильно, но просто глупо. Вряд ли требуется доказывать, что крестьянское хозяйство, мелкое бедняцко-середняцкое хозяйство, имеет возможности дальнейшего поднятия, что возможности его

еще не только не исчерпаны, но даже мало использованы. А разве одно снабжение чистосортными семенами крестьянских хозяйств не подымает их урожайности? Разве посевная площадь везде поднята? Разве всюду соха заменена плугом? Разве всюду мы имеем правильный севооборот? Разве используются минеральные удобрения? Да разве мало еще агрикультурных мер, которые не применяются и которые возможно применить со значительным эффектом производительности? Было бы абсолютно глупо утверждать, что исчерпаны всякие возможности дальнейшего поднятия индивидуального крестьянского хозяйства. Это неверно.

В отношении мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, бедняцких и середняцких, надо сказать, что на ряд лет и длительный период индивидуальное крестьянское хозяйство будет являться основной базой сельскохозяйственного производства. Наша задача кооперировать их, содействовать их развитию, подходя к индивидуальным крестьянским хозяйствам мерами, доступными им, как Ленин говорил, добиваясь практического соглашения с крестьянством по каждому вопросу социалистического переустройства его хозяйства, где затрагиваются его жизненные интересы, достигать соглашения с ним о конкретных путях поднятия его мелкого хозяйства на более высокую социальную и техническую базу, постепенно вести крестьянское хозяйство от одних, более простых и более доступных форм к другим, более сложным формам обобществления.

Индивидуальное крестьянское хозяйство мы должны поднять. Наш долг оказать содействие поднятию этого хозяйства. Задача товаризации основной массы крестьянских хозяйств – одна из острых задач нашего времени. Большое значение имеет развитие производства и применения минеральных удобрений, и не только для колхозов, но и для индивидуальных хозяйств; развитие сельскохозяйственного машиностроения, более сложных машин как базы машинизации сельского хозяйства; развитие практики контрактации посевов не только с целью организации сбыта крестьянской продукции, но и для снабжения крестьян улучшенными средствами производства – машинами, чистосортными семенами, удобрениями, добиваясь поднятия техники и производительности сельского хозяйства, подходя к крестьянству с доступными ему добровольными путями соглашения.

Опыт контрактации, проведенный в Средней Азии, сначала в отношении сырьевых, а в этом году и зерновых культур, оказался весьма удачным. Мы имеем огромный опыт контрактации, целиком оправданный практикой. Этот опыт покоится на добровольном соглашении с крестьянином о снабжении его и получении товарной продукции, о реконструкции крестьянского хозяйства. Мы должны усиленно развивать и продолжать практику контрактации. Большое значение имеет снабжение крестьянства не только по линии потребительских товаров. Мы должны будем развивать в деревне спрос на средства производства: на машины, на удобрения, – на все, что открывает рынок для нашей промышленности в области производства, что связывает еще более тесно сельское хозяйство с промышленностью. Особое внимание мы должны обратить на производство и внедрение в сельское хозяйство минеральных удобрений. Мы должны дать мощный толчок развитию химической промышленности, производящей минеральные удобрения. Это важная задача, которая решает вопрос об обороне и о крестьянском хозяйстве, о регулировании крестьянского хозяйства через рост промышленности как двигателя сельского хозяйства по пути к коренной социально-технической реконструкции.

Вот почему, товарищи, вопрос об индивидуальном хозяйстве нельзя смазывать. Индивидуальное мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет являться предметом больших забот нашей партии и советской власти. Правильно развивая свой взгляд на

возможности развития индивидуального мелкого крестьянского хозяйства, иногда недостаточно оттеняют значение ленинского кооперативного плана как пути движения крестьянства к социализму и задачу коллективизации, выдвинутую XV съездом, как основную задачу[120]. Опираясь на бедноту, устраивая прочный союз с середняком, ни на минуту не прекращая борьбы с кулаком, надо не забывать особенностей и характера каждого из этих классов. В особенности надо помнить ленинскую характеристику среднего крестьянства, союз пролетариата с которым имеет такое решающее значение для судеб социализма.

Не надо забывать ту классическую характеристику, которую дал Ленин решающей особенности среднего крестьянства на съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 года. Как Ленин говорил о середняке, о крестьянстве вообще, имея в виду осередняченное крестьянство? Он говорил: «Вы знаете, какая это сила – крестьянство, с точки зрения ее политического настроения? Это сила колебания». Эта формулировка, помоему, неподражаема: крестьянство середняцкое – это сила колебания. Эта сила колебалась между руководством пролетариата и руководством буржуазии. И он приводит далее пример: «Потому что экономические условия жизни этой массы таковы, что объединиться и сплотиться сама она не может. Это ясно для всякого, кто не дает себя во власть пустых слов о „всенародном голосовании“, об учредилке и тому подобной „демократии“»[121].

Сила крестьянства, имея в виду среднее крестьянство, это сила колебания. Мы должны систематически укреплять союз пролетариата с ним. Мы должны всегда иметь в виду, что в характере этого класса лежат колебания, которые будут себя давать знать в моменты обострения борьбы сил социализма и капитализма. Он может колебаться между нами и капиталистическими слоями деревни. Наш долг укрепить союз и вести такую систематическую политику, которая уменьшила бы возможность таких колебаний, затруднила бы капиталистическим элементам поколебать наш союз с середняком.

Правильно утверждая о возможностях развития индивидуального хозяйства, иногда умаляют значение задачи коллективизации. XV съезд формулировал точно эту задачу как основную задачу партии в деле коллективизации крестьянского хозяйства. Съезд прямо сказал: «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда. Такое усиление подъема сельского хозяйства необходимо и в интересах повышения благосостояния основной массы крестьянства, и в интересах увеличения рынка (сбыта и сырья) для крупной промышленности, и в интересах технической перестройки и социалистического кооперирования деревни с преодолением тем самым капиталистических элементов деревни» (Стеногр. отчет XV съезда, стр. 1282)[122].

Вот почему нельзя смазывать задачу коллективизации, которая так важна, как никогда до сих пор. Однако было бы неправильно думать, что сразу, быстро, за два-три года мы сможем добиться таких успехов, чтобы значительная часть деревни была коллективизирована. Это было бы увеличением и преувеличением. Партия должна принять все зависящие от нее меры, чтобы помочь содействовать росту коллективов. Само собой понятно, что должно быть исключено всякое насильственное насаждение колхозов. Коллективизация идет путем убеждения на основе успехов практики кооперирования крестьян и вовлечения их постепенно, по мере практического доказательства выгодности колхозов в сравнении с индивидуальными хозяйствами. Мы должны на

добровольных основах организовывать коллективы. Но мало образовать, а нужно уметь укреплять эти коллективные хозяйства, создать действительно крупные хозяйства, которые решат проблему товарности крестьянского хозяйства и хозяйственного подъема беднейших слоев крестьянства, которые могут лучше и быстрее всего поднять свое хозяйство через коллективы, через обобществленную форму хозяйства.

Далее, строительство новых совхозов и поднятие старых – задача, которая является добавочной задачей нашей партии, поставленной наряду с этими двумя основными задачами. О них будет докладывать тов. Калинин. Я скажу лишь только, что совхозы должны, с одной стороны, наряду с колхозами представлять социалистический хозяйственный авторитет для среднего крестьянства и, с другой стороны, дать некоторую базу для маневрирования против кулака на хлебозаготовительном фронте. Вот почему организация новых зерновых совхозов и развитие старых должны найти горячую поддержку всей партии.

Поднятие мелких индивидуальных хозяйств, организация колхозов, строительство новых и поднятие старых совхозов – вот три основные задачи в области сельского хозяйства, которые неукоснительно и неуклонно должны выполняться всей партией. Всякие попытки свернуть с этого намеченного партией пути или смазать одну из этих задач должны найти решительный отпор. Без одновременного решения этих трех основных задач нельзя будет решить и зерновой проблемы, имеющей для нашей страны колоссальное значение. Без решения этих трех задач одновременно мы не можем решить задачи установления правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, не можем правильно решить задачи социалистического строительства в городе и в деревне.

Еще до апрельского пленума распространялись контрреволюционные сплетни о том, что якобы ЦК идет на отмену нэпа, на введение разверстки и проч. Такие сплетни имеют одну цель – тащить нас назад, отказаться от всякого регулирования рынка, развязать силы капитализма. Нэп – это единственно правильный путь, через который в нашей стране, а как это выявилось при обсуждении программы Коминтерна, и в других странах, рабочий класс, взявший власть в свои руки, может строить социализм, имея на своей стороне мелких производителей. Нэп – это путь, который ведет нас к социализму. Эту политику мы должны неуклонно проводить. Но нэп не обозначает свободы капитализма, ибо тогда нэп был бы путем не к социализму, а к капитализму.

Вот почему регулирование со стороны пролетарского государства товарооборота и ограничение капитализма является основной чертой новой экономической политики. Было бы неправильным думать, что нэп дан в определенных застывших формах и что и в начале нэпа и в конце его будут одно содержание и одна форма его осуществления. Думать так было бы абсолютно неправильно. Конкретное содержание и формы нэпа на каждом данном этапе развития определяются конкретными соотношениями сил социалистического и частного сектора в экономике, конкретной расстановкой классовых сил.

Вот почему нужен трезвый учет классовой расстановки сил. Успехи социализма на путях нэпа будут определяться темпом, которым мы будем переходить с одной ступени на другую, более высокую ступень развития нэпа, тем, насколько мы отдаляемся от капитализма и приближаемся к социализму. С этой точки зрения, нельзя не считаться с тем фактом, что мы находимся на более высокой ступени нэпа, чем были в начале. Если в начале нэпа частный капитал играл решающую роль, а социалистический сектор был слаб как в производстве, так и в обращении, то соотношение сил теперь резко изменилось. Если мы возьмем данные о положении частного капитала и о росте социалистического сектора народного хозяйства, то мы увидим огромные успехи именно

социалистического сектора народного хозяйства. XV съезд партии дал в отношении частного капитала совершенно ясные директивы, и какие-либо попытки уклониться от этих директив должны найти решительный отпор со стороны партии. «По отношению к возросшим в своей абсолютной массе – хотя и в гораздо меньшей степени, чем социалистический сектор, – **элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения**».

Вот директива XV съезда партии. Эта директива XV съезда дает партии руководящую линию, и мы должны неуклонно и в дальнейшем проводить на практике эту линию.

С точки зрения конкретного соотношения сил, громадный интерес представляет динамика частного капитала и социалистического сектора в области торговли. Я обращаю ваше внимание на следующие итоговые цифры.

В контрольных цифрах на 1926/27 г. Госплан предполагал, что частник будет иметь 5 млрд. 247 млн. оборота, это будет составлять в общем обороте 21,4%. Таково было предположение Госплана. Что фактически мы имели в 1926/27 году? Оборот частника оказался тот же, что и в контрольных цифрах Госплана, но удельный вес его оказался 18,5% против плана в 21,4%. Почему это получилось? Дело в том, что мы недооценили возможностей роста нашей кооперации и госторговли. Недооценили также рост всего оборота в целом. По контрольным цифрам рост оборотов кооперации предполагался в 10 млрд., на деле оказался рост оборота в кооперации – 13 с лишним миллиарда, т. е. этим самым кооперация заняла на рынке более крупное место, чем предполагалось. Вместо предположенных 44,5% в общем обороте кооперация заняла 47,7%. Таким образом, мы видим довольно значительный рост удельного веса кооперации в общем обороте. Сокращение удельного веса частного капитала в общем обороте было с лихвой перекрыто ростом кооперативного оборота, ростом социалистического сектора обращения.

За первое полугодие текущего 1927/28 г. имеется очень решительное вытеснение частного капитала. Контрольные цифры предполагали, что частник против прошлого года сократится на 8%, а в первом полугодии мы имеем сокращение на 26,9%. Предполагали, что удельный вес кооперации вырастет на 26,6%, а за первое полугодие мы имеем рост кооперации в 36,7%, т. е. мы видим тенденцию систематического более быстрого роста кооперативного оборота, а у нас все время контрольные цифры недооценивают возможности, которые получает кооперация в дальнейшем. Вытеснение частного капитала происходит быстрее, чем контрольные цифры предполагают, и рост оборотов кооперации замещает вытесненный частный капитал. Но, говоря об этом и о необходимости решительного выполнения директив XV съезда о дальнейшем вытеснении частника, я должен отметить, что на практике на отдельных рынках и по отдельным товарам не всегда удается нам правильно увязать нормы и процент вытеснения частника с организационно-финансовыми возможностями кооперации и госторговли. В этом процессе вытеснения, несмотря на то, что в общем и целом работа кооперации перекрывает сокращение частника, у нас бывают перебои, ибо, вытесняя частника, кооперация не всегда и вовремя занимает его место или плохо его занимает. Это вытекает из перегибов практики борьбы с частником и из неувязки собственных финансовых и организационных возможностей с теми возросшими обязанностями, которые вытекают из необходимости заместить частника.

Конечно, очень трудно и невозможно точно увязать в плановом порядке каждый шаг отступления частника и наступления кооперации как по времени, так и по размерам. Получается так, что он закрывает лавки, а мы открываем не в тот же день, а через

месяц, и не на том углу, а на другом углу, и вместо 2-х магазинов один и т. д. И понятно, ибо мы здесь имеем не шахматные ходы, а подлинную классовую борьбу, где невозможно в нашем плане точно учесть ресурсы и силу сопротивления противника. Ведь вытеснение частника и рост кооперации не есть процесс местного поглощения одних хозяйственных форм другими, а происходит процесс ломки одних и постройки других на месте сломанных. Вот почему неизбежны отдельные неувязки, отдельные перебои. В процессе вытеснения частника кооперацией происходит ломка старой структуры товарооборота, происходит укрупнение лавок, ослабление роли базаров и перемещение пунктов торговли от базаров в гущи потребительской массы. Разве не факт, что деревенская торговля, раньше происходившая в базарных селах и в базарные дни, перенеслась непосредственно во все седа? Кооперация приближает торговлю к населению, ломает его прежние навыки, сокращает роль базаров, переводит торговлю на стационарные пункты в селах.

В деле вытеснения частника надо отличать две области, в которых совершенно отличная обстановка борьбы. В области сбыта продукции социалистической промышленности наши успехи большие, дело идет глаже, ибо мы в первую очередь загружаем кооперацию этими товарами. В этом первое преимущество кооперации над частником. Во-вторых, мы ведем политику максимально низких торговых накидок на промтовары и низких розничных цен, несмотря на то, что рыночная конъюнктура позволяет продавать дороже и получать сверхприбыли. Эти обстоятельства привлекают широкие массы потребителей от частника к кооперации, ибо в этой конкурентной борьбе кооперация в глазах потребителя оказывается в особо выгодном положении. Соответственно быстрым темпом растут обороты кооперации по сбыту промтоваров. Другое дело в области заготовок тех с/х продуктов, где государство не является единственным почти монопольным потребителем (кроме свеклы, табака, хлопка). В деле заготовок хлеба, мяса, кожи, шерсти и других товаров частник имеет возможность использовать конъюнктуру и вздувать цены, чем зачастую срывает наши заготовки, и платит крестьянину дороже нас, и выглядит в глазах крестьян как производителей в лучшем свете, чем мы, наподобие того, как в сбыте промтоваров он в глазах крестьян как потребителей выглядит в худшем свете, чем наши органы. Говоря о неизбежности неувязок наших планов вытеснения частника, различных временных перебоев и трудностей в результате того, что никакой план не может с абсолютной точностью предусмотреть ход и исход классовой борьбы, в данном случае в сфере экономики, я должен указать, что иногда перебои происходят от перегибов, переадминистрирования и перебарщивания в борьбе с частником без должной увязки с нашими возможностями. В виде иллюстрации я тут приведу три примера таких перегибов и ошибок.

Первый пример тот, который привел тов. Молотов в своей речи на Московском комитете[123]: в борьбе с частными кожевниками в больших масштабах были применены аресты их, что не вызывалось необходимостью, ибо у нас много экономических мер воздействия. Но неправильно было бы ответственность за это взваливать на ГПУ. Я должен сказать, что, когда этот вопрос обсуждался в ноябре месяце на совещании у тов. Рыкова, мы все высказались против ареста, хотя до этого начальник сырьевого управления Наркомторга и ВСНХ под давлением Кожсиндиката[124] с такой мерой обращались в ОГПУ. Позже уже без нашего участия такое разрешение было дано.

И вторая ошибка, которую мы заметили и стали поправлять в апреле, – это снабжение Москвы мясом. В начале года мы наметили в плановом порядке усилить роль госорганов и кооперации на московском мясном рынке с тем, чтобы вместо 50% удельного веса в прошлом году добиться около 70–80%, чтобы получить в свои руки командное влияние на московском рынке. Однако в апреле-мае обнаружилось, что част-

ник резко сократил свою торговлю, дойдя до 3% вместо предположенных 20–30%, вынудив наши организации заняться снабжением в больших размерах, чем это было намечено по плану и что они могли поднять. Отсюда, несмотря на успешное выполнение плана заготовок мяса, – трудность снабжения Москвы.

Г о л о с. Почему?

Микоян. Я скажу. Мы сразу в апреле вместе с Моссоветом обратили внимание на это обстоятельство. Несмотря на то, что план снабжения Москвы выполнялся, мы 2–3 дня имели перебои. В чем дело? Оказалось, что для вытеснения частника разные органы с разных сторон нажали, не сосчитав силы своего удара, и его придавили больше, чем это было в наших расчетах. Наркомторг провел через тарифный комитет правильное решение о том, что для частника устанавливаются более повышенные тарифы перевозок, т. е. был принят метод экономического регулирования через транспорт. Это мы считали достаточным и думали, что этим решили вопрос полностью. Оказалось, что, так как все хотят работать против частника, наш московский торготдел решил обязать частника продавать по нашим ценам. Частник не может так продавать, кроме как в убыток, ибо он платит высокий тариф и повышенные налоги, а мосфинотдел не хочет отстать в деле борьбы с частником и за ловлей его сверхприбылей, он одновременно с этими мерами проводит удвоение размеров обложения московских мясников. И вот, когда одновременно прибавляется вдвое тариф, налоговое обложение и начинают назначать твердые цены, частнику нельзя работать и он свертывается. Мы вместе с Моссоветом обсуждали этот вопрос и пришли к заключению, что когда мы в данное время имеем 15 или 20% частника на рынке, а остальное в руках государства и кооперации, тогда мы можем управлять рынком достаточно свободно, и приняли соответствующие меры. У нас же все любят работать по-ударному и любят хорошие цели сразу осуществить. Когда мы решили в снабжении Москвы и Ленинграда мясом резко поднять роль госорганов и кооперации, имея в виду, что в других городах, в особенности в мелких, большую роль будет играть частник, то оказалось, что в мелких городах есть свои крупные люди, которые решили последовать примеру Москвы и Ленинграда и также сокращать частника, ибо им не хочется отставать от пролетарских столиц. А у нас средств, мощи не хватает, чтобы брать на себя такую ношу, и естественно получаются перебои.

Вот это и есть то, что мы не всегда соразмеряем вытеснение частника с нашими финансовыми и организационными возможностями. Мы должны будем и в дальнейшем, продолжая вытеснять частника, но при этом не давая людям зарываться, строго соразмерять свои силы и возможности.

Еще третий пример того, как некоторые товарищи стали уже думать, что вообще частник незаконен. Этот пример касается Запорожского округа и нашумевших водяных крыс. В Запорожском округе Госторг заготовлял через частника крыс. Окружная РКИ объявила выговор работнику Госторга за то, что он заготовляет крыс через частника, а не через кооперацию. Газета «Красное Запорожье» под шумным заголовком клеймит этот преступный факт и сообщает решение окр. РКИ: «Коллегия РКИ признала заготовку шкурок через частников явлением **недопустимым**. Заведующему запорожской конторой Госторга Бродовскому объявлен выговор». Конечно, когда даже руководящие окружные органы признают заготовку шкурок крыс через частника явлением недопустимым, тогда понятно то большое количество глупостей, которое у нас совершается и которое недешево нам обходится. Вот три случайных примера, которые иллюстрируют ошибки и перегибы в практике борьбы с частником, ошибки и перегибы, которые мы должны устранить.

Далее, я должен специально остановиться на проблеме планирования, на вопросе

о том, какое место имеют и какую роль играют недостатки нашего планирования хозяйственной политики. Конечно, просчеты и ошибки планового руководства играют большую роль в хлебозаготовительных затруднениях. Без выяснения этих ошибок нам не объяснить причины затруднений. Апрельский пленум был целиком прав, отметив эти ошибки. Я в своем докладе на том пленуме также заострил свое внимание на ошибках хозяйственного руководства. Однако было бы неправильно объяснять все хозяйственные затруднения плановыми просчетами, объяснять все хозяйственные явления, в особенности крупные явления в экономике, целиком и исключительно хорошим или плохим планированием, считать, что все зависит от нашей воли. Неправильно утверждать, будто в нашей переходной от капитализма к социализму экономике все можно предусмотреть и предотвратить планом и что можно составить абсолютно точные планы.

Точных планов не составить хотя бы по одной элементарной причине, что у нас нет элементарной культурности. В некультурной, в полуграмотной стране является утопией думать, что можно составлять идеальные планы. Но если даже отвлечься от этого момента и условно предположить, что у нас и культуры предостаточно и навыков по планированию предостаточно, – предположим, что мы являемся идеальными работниками по планированию.

Разве при таком условном допущении идеального планирования можно избегать прорывов плана, срывов их выполнения и просчетов при их составлении? Думать так – значит считать, что у нас полный социализм без капиталистического окружения, значит допустить вредное идеалистическое приукрашивание конкретной действительности.

Нельзя отвлекаться от мелкокрестьянского характера нашей страны, от отсталости сельского хозяйства и его зависимости от стихии рынка, нельзя забывать «мелочь», что у нас еще классовое общество, классовая экономика. Поэтому наши планы строятся на учете классов в экономике и их борьбы, борьбы между социалистическими и капиталистическими силами при многомиллионной массе крестьянских хозяйств, за влияние и руководство которыми борются социализм и капитализм.

Наличие различных хозяйственных укладов в нашей стране, предполагающее непрестанную борьбу между ними, ставит объективные пределы плановым возможностям пролетарской диктатуры. Разве возможен какой-нибудь план, который мог бы точно учесть и предвидеть ход и исход борьбы между классами? А разве наш план может точно учесть ресурсы и силу сопротивления классов так, чтобы вся хозяйственная жизнь шла точно по плану? Думать так – значит допускать, что наш план обязателен и для классового врага.

Объективные ограничения возможностей планирования вытекают не только из наличия классов и их борьбы внутри страны, но и из факта ее капиталистического окружения, из факта включения советского хозяйства в мировой капиталистический рынок.

Было бы до смешного наивно думать, что можно в плановом порядке предвидеть конъюнктуру мирового рынка, спланировать, например, политику нью-йоркской биржи и лондонского Сити. Между тем колебания цен на импортируемые и экспортируемые товары, которые нами не могут регулироваться, не представляют значительных поправок к планам. Разве сорокапроцентное снижение цен на нефть на мировом рынке не лишило нас нескольких десятков миллионов валюты, разве резкое снижение цен на американский хлопок в прошлом году не дало нам до пятнадцати миллионов валюты?

Таких примеров – сколько хотите.

А такие поправки при нехватке валюты представляют серьезные поправки и ограничения нашему внешторговому, <а> значит, и общехозяйственному планированию.

Я уже не говорю о политике Болдуина, Пуанкаре и Пилсудского, что имеет не отдаленное отношение к нашему хозяйственному планированию.

Итак, помимо культурной и технической отсталости нашей страны, факт наличия наряду с социалистическими капиталистических элементов, ожесточенная борьба между ними, факт наличия классов и нашего развития через классовую борьбу в политике и экономике, факт наличия капиталистического окружения пролетарской диктатуры и наличия хозяйственных отношений между ними, представляющими особую форму классовой борьбы между социалистической страной и окружающим ее капиталистическим миром, – все эти **основные** факты ставят определенные объективные пределы возможности планирования советской экономики. Вот почему, жестоко разоблачая собственные ошибки и учась на них, нельзя все затруднения приписывать плановым просчетам, объяснять их теорией просчетов, забывая, что классовая борьба, происходящая в различных формах и на различных участках, ставит ограничения нашему планированию и создает различные затруднения.

Именно так понимая вопрос, можно обосновать правильность следующего важнейшего места из постановления XV съезда партии: «**Истекшая полоса экономического развития есть несомненный шаг вперед в сторону социализма. Этот итоговый успех не означает, однако, устранения трудностей, опасностей и противоречий, связанных с особенностями нашего роста, с технико-экономической отсталостью страны и с напором враждебных пролетариату социально-классовых сил, в систематической борьбе с которыми только и можно достигнуть преодоления этих трудностей и дальнейшего продвижения к социализму**»[125].

Задача улучшения планирования со стороны пролетарского государства имеет целью добиться максимума предвидения соотношений классовых сил в экономике, наметить более крепкие позиции в этой борьбе за социализм и находить более правильные пути борьбы и преодоления капиталистических элементов. Вот почему каждая победа социалистических элементов над капиталистическими, каждый новый шаг в росте организованности социалистического сектора хозяйства и его ведущей роли в отношении крестьянского хозяйства открывает новые объективные возможности нашему планированию.

Из факта этих объективных ограничений нашего планового руководства нельзя делать вывод, как будто в нашей экономике заложена объективная неизбежность экономических кризисов и острых затруднений. Несмотря на наличие значительных просчетов наших планов, все-таки мы за последние годы в деле планирования кое-чему научились, и с каждым годом ошибки в этой области становятся меньше. Это можно видеть хотя бы на примере составления и выполнения экспортных планов. У нас экспортные планы за последние два года почти полностью выполняются. Но если даже сравнить выполнение экспортных планов с контрольными цифрами Госплана, то мы увидим следующую динамику: в 1925/26 г. контрольные цифры были намечены в 1 100 000 000 рублей, фактически было выполнено 61% этой суммы, т. е. ошибка составляла 40%; в 1926/27 г. контрольные цифры предусматривали экспорт в сумме 820 млн. руб., а выполнение составило – 94%, т. е. ошибка всего на 6% вместо 40% предыдущего года. В текущем году благодаря срыву хлебного экспорта эта ошибка все-таки составит не больше 7–8%.

Для такой страны, как наша, эти ошибки не так уж велики, но они больно нас бьют, потому что мы живем без серьезных резервов, во-первых, и потому что эти малые проценты ошибок относятся к очень большим цифрам и в абсолютных величинах представляют большую сумму.

Единственный способ избегнуть острых затруднений и кризисов при ограничен-

ности наших плановых возможностей – **политика резервов**. Для того, чтобы в известной мере неизбежные просчеты планов или частичные срывы в процессе их выполнения в результате указанных факторов не вызывали кризисов или хозяйственных затруднений, необходимо иметь известные резервы по наиболее уязвимым линиям хозяйственной политики.

Никакими улучшениями в деле планирования, в руководстве хозяйством без подкрепления их известными резервами мы не гарантированы от провалов и затруднений на пути хозяйственного развития. Будь у нас достаточный резерв хлеба, скажем, 100–150 млн. пуд., или валюты на 100–150 млн. руб., даже при невыполнении плана хлебозаготовок мы не имели бы сегодняшних затруднений. По существу, теперь нам не хватает 20–25 млн. пуд. дополнительного хлеба до нового урожая, чтобы безболезненно выйти из хлебных затруднений.

Проблема резервов давно осознана партией и зафиксирована в решениях ее съездов и пленумов ЦК.

Беда заключается в том, что при нищете наших ресурсов и необходимости использования мирной передышки для максимального усиления темпа социалистического развития у нас не хватает выдержки, чтобы на деле образовать резервы. Ибо, чтобы из нищенских ресурсов образовать неприкосновенные резервы, надо иметь жесткую выдержку, кого-то урезать. Вот когда сталкиваются интересы резервов и острейших нужд хозяйства на деле – **сегодняшние** нужды темпа развития берут верх над интересами резервов для будущего.

Вот почему мы должны перейти от слов к делу, проявить должную выдержку характера, чтобы добиться постепенного образования резервов по всем основным линиям. Эти резервы явятся единственной гарантией от всяких затруднений в результате неизбежных ошибок и плановых просчетов. Они явятся страховкой на случай внешних осложнений и стихийных бедствий в хозяйстве и дадут возможность более свободного хозяйственного маневрирования внутри и вовне. Без этих резервов невозможно бесперебойное развитие нашего хозяйства.

В реконструктивный период нашего хозяйственного развития неизбежные трудности, которые могут несколько обостряться или смягчаться зависимо от неудач или успехов планирования, базой своей имеют соотношение сил классов и борьбу между ними. Трудности вытекают из обстановки классовой борьбы. Та же обстановка вызывает обострение классовых противоречий.

Осуществление лозунгов более усиленного наступления на кулака и более решительного вытеснения частника, а эти лозунги мы выдвинули не для красного словца, а для последовательного проведения в жизнь, не может не вызвать обострения противоречий. Ведь в ответ на эти лозунги партии кулак и частник не будут выносить приветствия и благодарности большевикам, спокойно подставив свою спину или спокойно отступив. Они неизбежно должны усилить свое сопротивление, чтобы задержать или сорвать наше более усиленное наступление. Они могут и должны переходить кое-где в контратаку, мобилизовав резервы своих сил, и попытаться внести разложение в наши ряды и в ряды наших союзников, ударив по самым слабым звеньям нашей цепи, использовав всякую ошибку с нашей стороны. Кулак и нэпман имеют связи с городской и деревенской мелкой буржуазией. Мобилизация заключается в том, что они натягивают эти нити связей для внесения колебаний в ряды наших союзников.

Наша задача так наступать и такие контрманевры предпринимать, которые в значительной мере парализовали бы попытки классового врага и не дали бы дрогнуть основным массам населения. Вот почему был совершенно прав XV съезд. Указавши на неизбежность трудностей и обострения противоречий, он поставил задачей партии

умелое преодоление этих затруднений, что со своей стороны требует правильного хозяйственного и политического руководства страной.

Закончив беглый обзор затруднений и причин и способов их устранения, я перехожу к ближайшим перспективам хлебозаготовок и хлебозаготовительной политике.

Прежде чем перейти к характеристике обстановки...

Г о л о с а. Перерыв!

Председатель. Вносится предложение окончание доклада перенести на время после обеда. Возражений нет? Итак, объявляю перерыв до 6-ти часов.

ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ

Вечер, 6 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Микоян.

Микоян. Перед нами стоит центральная задача обеспечить новую кампанию хлебозаготовок так, чтобы была совершенно исключена необходимость принятия чрезвычайных мер и была бы создана более нормальная обстановка для развития хлебозаготовок. Прежде всего, перед нами возникает вопрос о видах на урожай, которые определяют общие рамки предстоящих хлебозаготовок. Конечно, очень трудно сейчас, в первых числах июля, что-нибудь определенно сказать об урожае. В прошлые годы к этому времени мы не имели никакого хлебофуражного баланса и никаких данных об урожае, кроме балловой оценки. Ввиду особой важности этого вопроса, в текущем году ЦСУ и экспертный совет решили составить наметку хлебофуражного баланса. Я подчеркиваю: наметку, а не баланс, ибо баланса сейчас составить нельзя, так как виды на урожай еще не окончательные, они могут меняться.

Экспертный совет установил, что на основе практики предыдущих четырех лет всякая наметка хлебофуражного баланса на 15 июля при его осуществлении оказывается преувеличенной примерно на 2,5%. Это показал также опыт последних лет до войны. Бывали случаи, когда к моменту уборки урожай снижался до 10%, не больше. Поэтому и ЦСУ и экспертный совет взяли два варианта возможного урожая. По первому варианту виды на урожай, имеющиеся на 15 июля, не изменятся ни к худшему, ни к лучшему. Второй вариант предполагает, что среднее ухудшение получится в 2,5–3%. Недавно вы, вероятно, читали в газетах данные метеорологической станции о состоянии погоды. Эти данные не вносят иных изменений в состояние погоды, кроме незначительного ухудшения по Башкирии, по Ленинградской и по Северо-Западной областям, а в остальных местностях свидетельствуют даже о некотором улучшении. Больших изменений в отношении видов на урожай против тех, которые были на 15 июля, не предвидится. Я должен сказать, что, поскольку еще нет точных данных о посевных площадях, имеющиеся цифры урожая, конечно, условны. Так, по Сибири в основу подсчетов взяты прошлогодние посевные площади, между тем как по предварительным данным там имеется увеличение на 3%.

Г о л о с. Как на 3? Говорят, на 14.

Микоян. Окончательных данных о посевных площадях нет к 15 июля. По предварительным итоговым данным ЦСУ, яровые посевы в текущем году увеличиваются, в то время как в прошлом году озимая посевная площадь дала сокращение из-за метереологических условий и проч.

Попытаемся на основании имеющихся данных сравнить урожай этого года с прошлогодним. Здесь я должен сказать следующее: прошлогодний урожай (1926/27 г.) по зерновому балансу был ниже позапрошлого года на 150 млн. пудов. В настоящее вре-

мя при окончательной проверке баланса выяснилось, что урожай 1926/27 г. ниже на 250 млн. пудов урожая предыдущего года.

ЦСУ намечает два примерных варианта, являющихся лишь наметками. По первому из них, если виды на урожай не ухудшатся, не изменятся, валовой сбор определяется в 5233 млн. пудов, по второму – 4902 млн. пуд.

Г о л о с. 4907.

Микоян. Ну, 4907... 4902 млн., т. е. урожай по первому варианту будет выше прошлогоднего на 483 млн., а по второму варианту – на 352 млн. пуд. Если учесть предположения ЦСУ, что расходы крестьянства повысятся против прошлого года ввиду особого характера урожая, то за покрытием этих повышенных расходов по первому варианту будет увеличение на 375 млн., по второму – на 275 млн. пуд.

Вот каковы данные об урожае. Обратимся к тем особенностям, которыми отличается урожай нового года и которые необходимо учесть, чтобы правильно оценить перспективы хлебозаготовительной кампании и наметить задачи для хлебозаготовительной политики. Пока я укажу только на общие данные. Во-первых, мы имеем резкое изменение против прошлого года и против нормального в соотношении между кормовыми культурами и между хлебными товарными культурами. Мы видим в этом отношении, что по кормовым культурам имеется увеличение валового сбора на 280 млн. пуд., а по продовольственным уменьшение против прошлого года на 36 млн. пуд., причем особенно сильно уменьшается доля озимой пшеницы, хотя яровая пшеница перекрывает сокращение по озимой и дает по пшенице в целом увеличение на 250 млн. пудов против прошлого года. Наряду с тем рожь дает уменьшение на 316 млн. пудов против прошлого года. Такова первая особенность нового урожая. Вторая особенность состоит в том, что урожай резко перекинулся с Запада на Восток. Западная полоса Союза в отношении валового сбора продовольственных культур находится в худшем положении, чем это было в прошлом году. Следующие данные показывают это (п р и в о д и т д и а г р а м м у). Как мы знаем, продовольственных культур получается в этом году на 36 млн. пуд. меньше прошлого года при резком сокращении ржи. Сбор всех хлебов увеличился. По отдельным культурам: кукуруза дает резкое увеличение на 120 млн. пуд., ячмень – на 160, овес – на 214 млн. пудов, и прочие культуры также дают увеличение, за исключением проса и гречихи, которых будет немного меньше или стабильно по сравнению с прошлым годом. Какова же география урожая? Имеющаяся карта показывает валовой сбор всех культур. По Западной полосе, на Украине, в Белоруссии, в потребительских районах, в Центрально-Черноземной области, в Волжско-Камском районе урожай ниже, чем в прошлом году. Восточная полоса, в том числе Северный Кавказ, дает урожай больше прошлого года, причем особенно большой урожай мы видим в Казахстане и в Сибири. Эксперты указывают, что в отношении урожая в Сибири и в Казахстане дальнейшего улучшения ждать не приходится, ибо там посевы в прекрасном состоянии. Вот, примерно, распределение урожая. Особенность урожая настоящего года такова, что если в прошлом году в потребительской полосе был хороший урожай и должно было уменьшиться потребление хлеба, покупаемого здесь, то в условиях этого года спрос на привозной хлеб в потребительской полосе резко увеличится. В прошлом году в Средней Азии и Казахстане мы имели в потребительской полосе* плохой урожай – в этом году лучше, что уменьшит спрос на привозной хлеб, но это обстоятельство не уменьшит потребительского спроса на завозной хлеб, вообще не скомпенсирует спроса, потому что потери огромны, особенно по ржи.

С другой стороны, особенность текущего урожая заключается в том, что урожай

* Так в тексте (ред.).

запаздывает примерно недели на две благодаря климатическим условиям. Из той особенности, что урожай передвинулся на Восток и еще запаздывает, вытекает, что бурный рост заготовок возможен, но не раньше, чем в ноябре-декабре месяце. К этому нужно прибавить, что хлеб из Казахстана и Сибири прибывает к нам примерно через 45 дней. С другой стороны, ввиду особых условий Казахстана и Сибири, условий географических, условий транспортных, заготовки там встретят величайшие трудности. Районы заготовок хлеба на Украине разрезаны очень густой железнодорожной сетью – с одной стороны; с другой стороны, заготовки хлеба в Казахстане ведутся в районах, где магистраль кругом их окружает, но вся полоса, дающая хлеб, находится на расстоянии 200–300–400 верст от железной дороги. Задача здесь будет заключаться в том, чтобы организовать гужевой транспорт; может быть, нужно будет мобилизовать автомобили и прочие средства. Эти вопросы в Наркомторге и НКПС разрабатываются – нужно будет мобилизовать транспорт любыми средствами, нужно увеличить выход товарного хлеба. С другой стороны, будут большие транспортные затруднения на железной дороге. Если в прошлом году, когда урожай и заготовки были ниже нашей наметки на этот год для Сибири и Казахстана, мы имели большие трудности в деле перевозок, то надо полагать, что в этом году будут громадные трудности и нужно будет подготовиться, во-первых, к тому, чтобы промышленные грузы, в частности уголь из Кузбасса, и другие перевозки произвести заранее, чтобы в ноябре-декабре и январе транспортная способность Сибирской магистрали целиком была использована для перевозки хлеба, имея в виду и Урал, половина которого живет и работает на этой магистрали. Нужно иметь в виду в предстоящей хлебозаготовительной кампании серьезные транспортные затруднения.

С другой стороны, из того факта, что у нас кормовых культур будет больше, чем продовольственных, вытекает необходимость возместить дефицит в продовольственных культурах за счет кормовых культур. Мы подготовились к тому, чтобы произвести в большом масштабе подмешивание кукурузы и ячменя в пшеничный хлеб, для того чтобы компенсировать недостаток ржи и пшеницы, вообще продовольственных хлебов. Но так как кукуруза появится лишь только в октябре-ноябре месяце, не раньше, то до этого момента, чтобы не потерять много пшеницы, мы будем вынуждены смешивать ее с ячменем. Для этого необходимо приспособить мельницы. Опыты в этом отношении мы сейчас ведем. Мы ведем опытную выпечку хлеба в Ростове-на-Дону, и эти опыты нам придется расширить, чтобы мы могли в широком масштабе смешивать кукурузную и ячменную муку с пшеничной. Таковы главные трудности, которые перед нами будут стоять на протяжении всего года, трудности, которые в особенно концентрированном виде будут отражаться в первом квартале до октября.

Когда мы попытались наметить перспективы заготовок на 1-й квартал, то мы столкнулись с величайшими трудностями. Мы наметили два варианта: заготовки минимальные в 135 млн. пуд. за три месяца, второй вариант – заготовки 155 млн. пуд. При обоих вариантах чрезвычайно трудное положение, а при 135 млн. пуд. невозможно выбраться.

Ворошилов. В смысле заготовок?

Микоян. Если заготовим 135 млн. в первом квартале, то не сумеем удовлетворить потребности страны; при 155 млн. будет тоже очень трудно, но есть физическая возможность эти трудности терпеть, преодолеть их без больших перебоев, без опасных перебоев. Из чего это вытекает? Дело в том, что обычно в этот период заготовки на юге бурно идут, особенно пшеница и ячмень. В прошлом году в сентябре мы имели на Украине бунты, но другого порядка, не из-за хлеба. Говорили – возьмите хлеб, покупайте хлеб. На улице лежали бунты хлеба, складов не хватало, транспорт не справлялся, –

не знали, куда деть хлеб. Украинские крестьяне не могли управиться со своим хлебом. В этом году мы этой счастливой возможности лишены, потому что озимой пшеницы там очень мало, пшеницы вообще мало. Пшеница перенеслась за восточную полосу, туда, где урожай собирается, и поступает в качестве товарного хлеба начиная с конца сентября месяца, и может появиться на рынках потребления большой массой не ранее октября-ноября месяца. Это обстоятельство ставит нас в эти три месяца в чрезвычайно трудное положение, тем более трудное, что мы вступаем в новую кампанию с самыми минимальнейшими остатками фондов, которые могли бы нас застраховать. Остатки у нас исчисляются на 1 июля ориентировочно примерно в 42 млн. пудов. В прошлом году было 66 млн пуд., и это при условии, когда прошлогодний урожай вызрел на две недели раньше текущего года. Когда мы произвели расчеты, то оказалось, что не хватает для самых насущных нужд 15 млн. пудов хлеба. Для того чтобы облегчить переход к новому урожаю, обеспечить семенную кампанию и затем облегчить продовольственное снабжение, мы вынуждены были в Политбюро принять решение о ввозе до 15 млн. пудов хлеба из-за границы[126]. Однако даже при условии ввоза 15 млн. пуд. будут большие трудности, поскольку балансы спроса и наличия не сходятся. Особенно малы будут остатки на 1 августа – очень сильное сокращение. Мы считаем, что для снабжения нам удастся выделить примерно миллионов 100, не более, что является очень низкой нормой потребления, исходя из потребности прошлого года. При этом я должен сказать, что мы обязаны будем до 1 сентября не менее 14 млн. пудов пшеницы и немного ржи заготовить и выделить специально для цели обсеменения на Украине и на Северном Кавказе: на Украину – 11 млн. пудов, а на Северный Кавказ и в некоторые районы СССР – 3 млн. пудов. Это мы должны будем сделать для того, чтобы не сорвать посевную кампанию. Это должно быть обязательно выполнено. Это создает еще большие трудности, поскольку мы рассчитывали на снабжение за счет Юга, а урожай восточных районов не будет еще собран и не поступит. Тут нужно еще иметь в виду, что крестьяне Юга в первую очередь выбросят нам ячмень. Мы будем смешивать. Мы всего на первый квартал думаем смешать 7 млн. пудов ячменя с пшеницей. Это трудности, вытекающие из географии урожая, из иного соотношения между рыночными культурами, и все эти трудности будут тяготеть над нами. Как мы думаем выйти из этого положения? Мы принимаем меры к тому, чтобы произвести ускоренный обмолот хлеба колхозами и совхозами. В этом отношении заключен договор с колхозами и совхозами, чтобы они раньше обмолотили свой хлеб и дали бы нам маневренный базис.

Мы полагаем, что совхозы с колхозами вместе дадут примерно 41 млн. пудов хлеба. Надо сказать, что трудно было выяснить товарные излишки совхозов, но сейчас местные организации этим делом занимаются и поставили дело лучше, чем было. Потребуются величайшие усилия, потребуются уборочные машины и пр., чтобы это дело наладить. Тут будут, конечно, трудности в связи с урожаем в восточных районах. Болезненно скажется также нехватка уборочных машин. Если не принять чрезвычайных мер для усиленного использования уборочных машин и снабжения машинами, то в таких районах, как Казахстан и Сибирь, много останется необмолоченного хлеба до будущего года.

В течение первого полугодия сбыт сельскохозяйственных машин сильно возрос. Так, например, по Украине мы имеем рост снабжения машинами за шесть месяцев на 55% против прошлого года. По РСФСР на 53% усилился сбыт сельскохозяйственных машин, и сейчас вопросы машиноснабжения еще более обостряются.

Мы проводим меры в отношении покупки урожая на корню там, где есть годные семенные материалы, с доплатой против цен, которые будут существовать, в размере до 15 копеек, по разным районам и культурам, что, несомненно, должно заинтересо-

вать крестьянство. Эти меры уже применялись нами в кампанию 1925/26 года и оказались удачными. Они должны дать положительные результаты. Кроме того, придется провести поощрительные меры для крестьян, которые не имеют договоров, но будут свозить годное для обсеменения зерно на наши пункты.

Это неизбежные издержки, но мы должны на них пойти, так как они необходимы для обсеменения.

В районах, где нет семенных материалов, мы проводим контрактацию на корню, с тем чтобы крестьяне раньше обмолотили и привезли зерно. Предполагается таким образом получить до 15 млн. пудов зерна в районах Актюбинска, Поволжья и Крыма, где раньше, чем в Казахстане и Сибири, возможно снять урожай во время обмолота и получить для нужд снабжения. Все указанные меры должны помочь делу развития заготовок.

Перехожу к другим стоящим перед нами задачам и трудностям. Прежде всего, о политике цен. Нам придется провести некоторое повышение цен на хлебные продукты. Этот вопрос стоял уже во время прошлой уборки урожая. Политбюро его не обсуждало, но была большая дискуссия на объединенном заседании Совнаркома и СТО по поводу контрольных цифр Госплана[127]. Тогда большинство требовало снижения цен на 4%. Представители Госплана стояли на точке зрения общей стабильности. Мы были за повышение. Но мы не могли при пониженных ценах и при неблагоприятных условиях спроса и предложения провести это положение, тем более что мы не хотели войти в конфликт с бедняцко-середняцкими слоями, которые продали хлеб осенью. Провести такую политику в середине кампании было невозможно. Большим достижением нашей политики является то, что мы удержали весенние и осенние цены на одинаковом уровне, обеспечив соотношение цен для неимущих слоев деревни. Если бы мы провели повышение цен весной, на этом выиграли бы более зажиточные слои деревни. Мы этого не произвели, и правильно сделали. Однако с новой кампанией мы получим возможность, и это диктуется необходимостью, некоторое повышение хлебных цен произвести. Повышение хлебных цен, во-первых, должно поощрить увеличение товарного хлеба, во-вторых, улучшить соотношение цен хлебов и других сельскохозяйственных культур, чем обеспечить большее расширение посевных площадей под хлебом. Эта мера направлена на поддержку индивидуальных беднейших и средних хозяйств.

О размерах повышения цен у нас еще нет окончательного решения. Я полагаю, что в этом вопросе мы должны руководствоваться несколькими соображениями. Во-первых, нам нужно такое повышение цен на хлеб, которое, хотя и увеличивает, усиливает стимулы крестьянского хозяйства по расширению зерновых посевов, но резко не нарушает соотношения цен во вред техническим культурам. Во-вторых, размеры повышения должны быть приемлемы для основных масс рабочего класса с точки зрения зарплаты. Необходимо провести повышение цен на хлеб таким образом, чтобы по возможности не повысить продажные цены на хлеб. В случае некоторого незначительного роста продажных цен необходимо будет соответственно повысить и зарплату рабочих. Также необходимо сохранить конкурентность нашего хлеба на мировом рынке. Вот, по-моему, та точка зрения, с которой нужно подходить при решении вопроса о размерах повышения хлебных цен.

Повышение цен должно быть разное по разным районам и по разным культурам, в соответствии с особыми условиями отдельных районов и культур. Имеется наметка Наркомторга, которая еще не утверждена никем и в ближайшее время будет рассматриваться в СТО. Но если ориентировочно взять среднее повышение в 12%, это дало бы большое увеличение по пшенице и ржи и меньшее – по ячменю и кукурузе, по кото-

рым в прошлом году было проведено некоторое повышение цен: по ржи – 14 коп., по пшенице – 13 коп., по овсу – 2 коп. и по ячменю – 2 коп. Это даст по Украине на пшеницу 1 р. 25 к. – 1 р. 30 к., на Северном Кавказе – 1 р. 25 к. примерно, в Сибири хлеб может дойти до рубля.

Г о л о с. А жито?

Микоян. Это дает по разным районам разные цены, но общая установка одна: поощрить, увеличить товарный выход и увеличить посев зерновых культур. Одновременно было бы желательно и необходимо, чтобы по некоторым выпятившимся вперед продуктам сельского хозяйства немного снизить цены, во-первых, потому что они чрезвычайно высоки, и, во-вторых, для того, чтобы частично компенсировать повышение хлебных цен. Для удержания общего уровня с/х цен по продуктам животноводства, как мясо и кожа, хорошо было бы цены снизить. По этим товарам цены почти в два раза выше довоенных, и мы некоторое снижение в этом году провели. На этом пути трудности встретятся, если – благодаря прекрасному урожаю трав и кормов – у крестьянина не будет стимулов к выброске скота на рынок.

Весьма трудно сегодня сделать какие-нибудь точные расчеты и дать более ясные перспективы соотношения спроса и предложения на будущий год. Это трудно потому, что еще нет контрольных цифр, которые сводят все народное хозяйство к определенным показателям и связывают воедино отдельные его элементы. Без контрольных цифр, без лимитов, которые ложатся в основу, трудно определить спрос и предложение. Соотношение между ними будет зависеть, во-первых, от выхода технических культур, во-вторых, от того, какую политику цен мы наметим в отношении промышленных товаров, в-третьих, какое количество займов и проч. мы предполагаем провести, и от ряда других моментов, которые сегодня неясны, по которым можно иметь только перспективную наметку, но никаких твердых цифр. Пока приходится исходить из наметок разных комиссариатов, которые (наметки) могут расходиться, которые не сведены воедино. Но если считать, что зарплата, как ВСНХ предполагает, будет повышена и фонд зарплаты увеличится на 10–11% в будущем году; если иметь в виду, что квартирная плата в этом году повышена и составит 150 млн. руб.; если взять, что у служащих зарплата повысится до 4% и взять рост деревенской продукции примерно на 10%; если все эти условия собрать и иметь в виду, что из деревни налогов соберем больше на 100 млн. против прошлого года; если иметь в виду, что в деревне мы несколько больше разместим займов, чем в прошлом году, да самообложение даст около 100 млн. рублей, если мы будем проводить его другими формами и методами, то получится, что спрос может вырасти на 5–6%. Продукция нашей государственной промышленности возрастет по предположениям ВСНХ, которые могут целиком оправдаться, на 15,5%, а с учетом кустарной, цензовой и мелкой частной промышленности рост всей промышленной продукции предполагается в 10%. Если предположить, что цены на промышленные товары мы не снизим, то соотношение спроса и предложения сложится более благоприятно, чем в текущем году. Нам даже удастся по некоторым товарам создать некоторый запас. Если бы не повышение хлебных цен, то нам пришлось бы снизить цены на промышленные товары. Однако нам не под силу выполнять сразу две задачи: повышать цены на хлеб и на лен и одновременно снизить цены на промышленные товары. Но и этот один факт – повышение хлебных цен – явится для крестьян довольно ощутительным плюсом. Благодаря этому мы можем не проводить в текущем году и в будущем году снижение промышленных цен. Во всяком случае, мы можем оставить за собой свободу в отношении снижения цен на промтовары до конца будущего сельскохозяйственного года, когда коньюнктура будет более ясна. Тогда это можно будет провести.

Когда мы подходим к кварталу, мы видим отражение специфических особенностей нашего рынка, вытекающих из структуры нашего хозяйства. Мы видим, что соотношение спроса и предложения на протяжении всего года не сходится с соотношением в отдельные сезонные моменты. Мы имеем большое обострение в этом отношении летом и осенью в момент усиленной реализации с/х продуктов и улучшение в пользу наличия товаров зимой и к весне. Этот хозяйственный год мы закончили некоторым улучшением товарного баланса. Мы выходим на 1 июля с запасом ходовых дефицитных товаров на 65 млн. руб. Правда, в четвертом квартале промышленной продукции будет меньше на 7%, чем в первом квартале, потому что начинаются отпуска и выпуск кустарной промышленности уменьшается. С прибавкой резерва дефицит промышленных товаров, хотя и будет значительным, но составит все же около одной трети прошлогоднего дефицита. В прошлом году дефицит промтоваров составлял примерно 300 млн. рублей, в этом году он исчисляется в 120–150 млн. рублей. Конечно, неверно думать, что дефицит в одинаковой степени будет распространяться на различные товары. В одних товарах будет острый дефицит, по другим товарам будет более благополучно.

В отношении хлопчатобумажных и прочих тканей мы имеем расширение против прошлого года. Я бы мог привести цифры по отдельным товарам, но я не хочу задерживать вашего внимания. Однако дефицит промтоваров будет, и я полагаю, что в первый квартал хлебозаготовок, октябрь – декабрь, будет достаточно сильный спрос на промтовары, потому что начиная с октября развернется усиленная реализация крестьянством своих товаров. Хлопковый урожай будет хороший, и это будет требовать больших денег. Увеличится доходность крестьянства и по другим статьям. Так как строительство оттягивается на осень, и в большем масштабе, чем в прошлом году, этот фактор также сильно увеличит спрос на промышленные товары и в городе и в деревне. До января, до зимы в отношении промтоваров будут значительные трудности, хотя и меньшие, чем в прошлом году. Перед нами стоит задача спланировать так, чтобы промтовары, даже в ущерб городу, дать в хлебные районы. Имеется постановление СТО о сохранении специального резерва, который не может быть израсходован до выяснения новых видов на урожай[128]. В ближайшее время этот резерв, вероятно, будет распределен с тем, чтобы некоторую часть его сохранить до октября месяца. Мне кажется, промтоварное снабжение будет зависеть от того, сумеет ли промышленность вовремя получить промышленное сырье. Я говорю это потому, что текстильная промышленность, например, работает сейчас на самом минимальном количестве остатков.

Очень важным фактором является с/х налог, который благодаря проведенной реформе дает возможность более гибкого маневрирования. В этом году к первому октября мы должны собрать вместо прошлогодних 40 млн. руб. – 115 млн. руб. с/х налога. Ясно, что это важный рычаг, который, если он будет правильно использован, будет действовать на верхушечные слои крестьянства, даст стимул к ранней выброске хлеба на рынок. Затем большую сумму составляют страховые взносы. Затем займы, которые должны распространяться добровольными методами. Намеченная контрольными цифрами сумма займов составляет 500 млн. рублей для распространения среди масс города и деревни и 750 млн. рублей вместе с суммами, реализуемыми среди хозорганов. Собрать эти займы – задача тяжелая, но дается время для того, чтобы сманеврировать, подготовиться к более безболезненному проведению ее в жизнь. Вот примерно та обстановка, которая складывается в связи с конъюнктурой хлебных заготовок, с теми задачами, которые перед нами стоят на будущий год в этом первом квартале. Трудности, я сказал, для всего года имеются значительные. У нас этот квартал будет самый труд-

ный и в отношении дела снабжения, и в отношении дела заготовок, но в наше распоряжение поступает большое количество экономических орудий воздействия на рынок для того, чтобы хлеб вывезти. Система налогов, которая имеет большое значение, промтоварная масса, система контрактации и проч. должны будут облегчить нашу задачу, если мы сумеем правильно сманеврировать хлебные заготовки. Я думаю, что в тезисах ясно очерчена та политика, которую мы должны вести. Мы должны будем сманеврировать этими рычагами, чтобы избежать необходимости применения экстраординарных мер, которые нам очень дорого обходятся. Очевидно, мы должны будем немедленно устранить те перегибы и административный нажим, который был. В особенности насчет базаров. Мы считаем необходимым одновременно открыть базары и свободный подвоз хлеба на базары, заменив административные меры, меры милицейского вмешательства более гибкими мерами экономического регулирования, более гибкими формами регулирования со стороны органов государства.

Поменьше административного произвола, восстановление революционной законности – вот что мы должны будем обязательно обеспечить. В отношении снабжения мы должны будем, во-первых, карточки и проч. отменить решительно. Практика показала, что карточки не экономят хлеб, а наоборот, при наличии карточки каждый считает революционным долгом использовать полную норму карточки. Кроме того, создается очень опасное положение, надо будет самым решительным образом отказаться от этой системы там, где она введена, ее надо устранить.

Г о л о с. Надо устранить перебои в снабжении.

Микоян. Это ясно, это самый верный способ. Не будь перебоев, не было бы и карточек и некоторых других методов. Нужны наиболее гибкие формы снабжения рабочих центров и ряда крестьянских районов, которые нуждаются в хлебе. В отношении местного хлебного оборота я должен сказать, что этот оборот был несколько сокращен во второй половине года. В будущем предполагается, что примерно 80% снабжения хлебом должно пасть на долю плановых заготовок и планового снабжения, остальные – на долю местного оборота, местной заготовки – государственной, кооперативной и частника. Эту норму мы в настоящем году нарушили, и нам придется вернуться к тому, чтобы в мелких городах и в крупных городах частично снабжение было и за счет местных заготовителей, кооперативов и за счет частников. Конечно, в отношении частного капитала необходимо сохранить методы транспортного регулирования с тем, чтобы регулирование это провести экономическими мерами и ограничить деятельность частника местными базарами и местным хлебооборотом.

Вот основные вопросы, которые перед нами стоят. Какой же план заготовок на год мы можем принять? Сейчас было бы рано об этом говорить, потому что нет всех данных для составления плана. Однако я полагаю, что мы должны будем к составлению плана в текущем году подходить более осторожно. Для того чтобы было ясно, как трудно составлять планы, я просто расскажу историю прохождения плана прошлого года, о том, какие страшные трудности планирования мы имели, сколько противоречий нам приходилось преодолеть. В июле месяце 1927 года впервые Наркомторг обсуждает план и намечает его в размере 675 млн. пудов зерна. Госплан требовал 750 миллионов – разверстали 675 миллионов. В августе было созвано совещание торготделов, работников НКТорга с мест. Они собрались и сказали, что больше 584 млн. пудов нельзя заготовить. Это был невозможный план, а после этих данных Госплан настаивал, что можно заготовить 740 миллионов пудов. Мы не могли этого принять. Хлебофуражное управление Наркомторга предложило 618 млн. пудов. Коллегия Наркомторга требовала 675 миллионов, причем за год расхождения и раскол в коллегии были только по этому вопросу, когда часть членов коллегии – Эйсмонт, Куликов и Вейцер –

требовали 650 миллионов, а мы говорили, что надо принять максимально 675 миллионов. Вместе с тем по контрольным цифрам Совнарком принял 740 млн. пуд., а потом СТО утвердил 675 млн. пуд. – цифру Наркомторга. Почему это было? Я понимаю и Госплан, и все другие органы. Хлеб нам нужен для экспорта, поэтому нужно дать побольше заданий, чтобы его добыть. Побольше, но поосторожней. Это я понимаю. Во всяком случае, расход хлеба должен быть более осторожным, для того чтобы на случай невыполнения плана иметь страховку.

Рыков. Но расход СТО строго не установлен?

Микоян. Нет. СТО утвердил 675 млн. пудов. Нам придется в этом году осторожнее поступить. Мы наметили примерно возможность заготовок в 700–725 млн. пуд., в зависимости от того, каким будет урожай. Во всяком случае, мы должны будем хлебные излишки, если таковые будут, направить на образование фонда и на пополнение запасов, потому что без этих запасов нам никак не обойтись.

Вот, товарищи, та обстановка, которую мы имеем. Какие основные задачи стоят перед нами? Более напряженное положение, которое будет на протяжении всего года, но в особенности в первом квартале, требует активности заготовительного аппарата, бдительного внимания партии и партийных органов, напряжения всех сил и средств для выполнения плана, гибкого маневрирования товарной массой, своевременного сбора сельскохозяйственного налога и прочих платежей, использования всех финансовых рычагов для воздействия на рынок и устранения всех перегибов, экстраординарных мер с целью обеспечить новую кампанию на рельсах более нормальной организации дела, на основе восстановления местного хлебного оборота. Мы должны заменить административные меры нажима, произвола гибкими мерами регулирования рынка для того, чтобы не задушить местный хлебооборот. Намечающееся улучшение нашего хлебозаготовительного аппарата, при всем напряжении, в конце первого квартала, к осени, даст нам некоторое улучшение хлебозаготовок, которое решит дальнейший темп нашего хозяйственного развития. Мы должны добиться всей партией, всеми силами таких заготовок, чтобы исключить необходимость принятия экстраординарных мер.

Председатель. Слово имеет тов. Лепсе, следующий тов. Чубарь.

Лепсе. Тов. Микоян начал свой доклад с хозяйственных показателей, причем он приводил цифры и указывал на промышленность, которая имеет определенные достижения. Если прибавить к этим достижениям нашей промышленности, скажем, финансовое хозяйство, если бы мы имели из доклада Наркомторга такой же хороший показатель по его линии и по линии работы нашей кооперации, можно было бы сказать, что мы этот хозяйственный год закончим вполне удовлетворительно. Но все-таки по линии работы Наркомторга мы имеем некоторые недочеты. Я думаю, что тов. Микоян должен был свой доклад начать с более подробного анализа того положения, какое мы имели в начале хлебозаготовок в прошлом хозяйственном году, т. е. примерно в то же время, которое мы сейчас проводим, или позже немножко. Он, главным образом, останавливался на заготовках будущего хозяйственного года, говорил об экстраординарных мерах, которые проводились в январе – марте с.г. и обсуждались на последнем пленуме, но все-таки для того, чтобы вскрыть все недочеты, которые имели место, нужно было начать с того, как начались эти хлебозаготовки осенью прошлого года. Я считаю, что кое-что не было учтено.

Во-первых, я считаю, что мы слишком надеялись, что было отмечено пленумом, на самотек и на то, что нам удастся удержать низкие хлебные цены. Эта уверенность у нас у всех была. И, без сомнения, как это сегодня вытекает из доклада, был некоторый просчет с теми хлебными резервами, которые имелись у крестьянства, и теми возмож-

ностями заготовок, которые перед нами стояли. Кроме того, мы начали хлебозаготовительную кампанию в августе-сентябре прошлого года при очень натянутой обстановке на хлебном рынке, потому что и в прошлом году мы имели перебои в хлебоснабжении, т. е. имели их потому, что был **повышенный** спрос на хлеб в рабочих центрах, городах и т. д. Поэтому вот эти моменты следовало бы учесть, т. е. то, что мы и в прошлом году имели повышенный спрос, то, что нам всем известно, что наше сельское хозяйство не обладает большой товарностью, то, что низкие цены на хлеб по сравнению с другими продуктами сельского хозяйства не стимулируют крестьянство особенно расширять эти площади под зерно.

Вот с этими фактами и надо было бы считаться, но мы все вместе взятые стараемся их обойти, считая, что нам удастся удержать хлебные цены. Это нам, наверное, удалось бы, если бы мы располагали соответствующим хлебным резервом, но этого достаточного хлебного резерва нет. Кроме того, если бы мы своевременно учли обстановку, которую мы имели в прошлом году, мы бы иначе подошли к вопросу экспорта, что создавало бы в нашем торговом балансе определенные трудности, но, с другой стороны, мы при этих условиях имели бы более спокойную обстановку внутри страны на нашем хлебном рынке. Я думаю, что нужно, чтобы те мероприятия, которые сейчас предлагает здесь Политбюро, были Наркомторгом решительно проведены в жизнь, чтобы не было особых колебаний. Тов. Микоян говорил здесь, что в вопросе закрытия базаров и т. д. нельзя упрекать места. Я думаю, что Наркомторг не вел достаточно решительной борьбы с тем фактом, который имел место и который партия осудила. Помимо закрытия базаров, в некоторых районах наблюдались такие случаи, когда крестьянин может вывезти на рынок один мешок хлеба, а не 2–3 и больше. Этим самым искусственно суживается рынок. Ясно, что крестьянин, приезжая с одним мешком, требует за этот мешок больше, чем если бы он привез 2–3 и т. д. С этими нарушениями, которые имели место, несомненно, нужно покончить, потому что благоприятных результатов при этих условиях мы не получим.

Я считаю, что в настоящее время с этими хлебозаготовками, с делом снабжения наших основных рабочих районов у нас, несомненно, будет еще ряд трудностей, потому что эту нервную обстановку на хлебном рынке мы еще не изжили. В целом ряде районов мы сейчас имеем еще затруднения. Поэтому нам нужно будет к снабжению районов подходить очень осторожно. У нас был в этом году ряд случаев, когда, скажем, кооперация имела резервы, но не умела сохранить эти резервы, не умела правильно их использовать и т. д. Такие явления также имели место. Проводя хлебозаготовки, проводя нормальное снабжение наших районов, мы на первом этапе, несомненно, будем иметь такие случаи, когда на этот хлеб будут особенно набрасываться, будут всячески стремиться иметь запасы, делать значительные запасы...

Ворошилов. Сверх тех, которые имеются теперь.

Лепсе. Что создаст дальнейшие значительные трудности, потому что очень трудно учесть, выявить, узнать, кто имеет эти хлебные запасы и кто их не имеет, а по существу бывает так, что больше кричит тот, кто имеет эти хлебные запасы, чем тот, который их не имеет. Поэтому мы должны будем тут варьировать таким способом, чтобы усилить выпечку хлеба, с одной стороны, и по какой-то определенной норме, как временную меру, выдавать и мукой, поскольку в целом ряде районов рабочее население привыкло получать мукой и отсутствует хорошо налаженное хлебопечение.

Я вот неоднократно слушал тов. Микояна, раньше он в своих выступлениях всегда останавливался на вопросе о снижении торговых расходов, рационализации торгового аппарата и т. д., а вот сегодня он этот момент совершенно упустил. Поскольку стоит вопрос о повышении цен, то ясно – чтобы это повышение цен особенно отрицатель-

но не отразилось на рабочем бюджете, нужно будет принять необходимые меры к сокращению заготовительных торговых расходов и т. д. Тут мы еще имеем все-таки довольно большие возможности и многое в этой области можем сделать, если за это дело решительно взяться.

Микоян. Правильно!

Лепсе. Я думаю также, что нужно будет принять меры к лучшему охвату нашего хлебного рынка. Нам, например, на съезде металлистов[129] пришлось спорить с тов. Микояном по этому вопросу. Тут у Народного комиссариата торговли была такая установка, что ему удастся все охватить, возможно больше захватить позиций. Можно ведь их захватить столько, что не будет сил справиться, поэтому перераспределение (как это правильно отмечается в тезисах), определенное перераспределение между основными заготовителями и между местными заготовителями, которые должны удовлетворять местный спрос, нужно признать необходимым, чтобы на государственных заготовителей, на основных заготовителей этот местный спрос не ложился. А мы сейчас имеем такую картину, когда кооперация стоит в стороне и ждет сложа руки, когда Народный комиссариат торговли преподнесет хлеб. Такая обстановка в дальнейшем недопустима, и в работу по заготовкам нужно самым решительнейшим образом втянуть и нашу кооперацию, тесно привлечь ее к этой работе.

Я считаю, что совершенно правильно тов. Микоян заострил вопрос о резервах. Но этот вопрос о резервах стоит не впервые, он и раньше стоял, нужно лишь решительно взяться за создание этих резервов. Без резерва мы часто будем подвергаться различным рыночным колебаниям. Тут, мне кажется, одними общегосударственными средствами нельзя будет обойтись, нужно будет к этому делу привлечь средства промышленности. Мы, например, по Уралу имели такую картину, что из всех наших хозяйственных организаций, государственных организаций никто никаких хлебных запасов не имел, в то время когда концессионер «Лена Гольдфильдс» имел эти хлебные запасы, и получалась такая картина, что у кооперации нет муки, нет хлеба, в то время как у концессионера этот хлеб имеется. Тов. Шварц высказал мысль, что нужно передать снабжение хлебом хозяйственным организациям, изъяв это снабжение из кооперации. Когда-то это было, но такая установка является неправильной, мы к этому назад не должны идти, но привлечение наших хозяйственных организаций, чтобы они помогали создавать местные резервы, помогали рабочей кооперации иметь кое-какие резервы, – это необходимо, потому что рабочая кооперация имеет настолько незначительные оборотные средства, что она не может держать крупных резервов. Мы имели такую картину по Брянской губернии, когда кооперация получила довольно значительное количество хлеба, но не могла удержать этот хлеб, не имея необходимых средств и складов и т. д., и упустила этот хлеб. Поэтому привлечение хозяйственных организаций путем дачи им некоторых средств для того, чтобы помочь создать эти местные резервы, необходимо. Я считаю, что это мероприятие сейчас крайне нужно.

Я тут хотел привести некоторые сведения, которые только что получены из ряда районов, о состоянии хлебного рынка сейчас. Вот, например, по Днепропетровску – очень крупный наш металлургический район – заместитель председателя тов. Ряничев сообщил, что «положение начиная с 1 мая на хлебном рынке до настоящего времени продолжает быть очень тяжелым, в пекарнях создались очереди за хлебом».

Г о л о с. Сейчас этого нет.

Лепсе. Это получено только несколько дней тому назад. На заводе им. Петровского в заводской комитет явилась группа рабочих и требовала дать им разъяснение, будут ли они уволены с завода, если уйдут с работы, так как не могут работать, не имея хлеба. На Севастопольском заводе имеется такая картина. Целая группа рабочих опоз-

дала на работу на полчаса. Когда их спросили о причинах, они указывали на очереди. Мы в целом ряде районов имеем до сих пор очереди, и нужно принять меры к тому, чтобы это изжить. Например, по Уралу мы имеем очень тяжелое положение с хлебом, особенно остро недостача хлеба отразилась в Златоустовском районе. Тут нужно сделать отступление в том смысле, чтобы прийти Уралу на помощь, так как он со своими хлебными ресурсами не дотянет до нового урожая, который к тому же запаздывает.

Я думаю, что с экспортом нам в этом году придется обождать, и в первую очередь поставить вопрос об обеспечении хлебом основных рабочих районов, и о создании внутренних резервов, и лишь тогда, после этого, если конъюнктура на хлебном рынке сложится благоприятно, обстановка будет исправлена, только тогда можно будет приступить к экспорту.

Председатель. Слово имеет тов. Чубарь.

Чубарь. По вопросу о хлебозаготовках можно было бы очень много говорить, но я думаю, что о прошедших хлебозаготовках говорить много не приходится, нужно бы сказать только о том, что можно использовать в качестве урока для подготовки к будущей хлебозаготовительной кампании. И вот, с этой точки зрения, трудности, которые легли в основу всех явлений, имевших место в прошлой хлебозаготовительной кампании, на мой взгляд, явились результатом состояния наших хлебных ресурсов в стране. Нам на одном из пленумов ЦК[130] раздали предварительный хлебофуражный баланс, и там значилось, что недобор зерновых хлебов по всему Союзу в 1927/28 году мы имеем 132 млн. пудов, причем недобор пшеницы составлял, если не ошибаюсь, что-то около 117 млн. пудов, а недобор кормовых, ячменя, овса и пр. – около 129 млн. пудов. Таким образом, мы не добрали по пшенице, не добрали кормовых и вынуждены были больше расходовать ржи. Сейчас ЦСУ уточнил цифры и определил недобор хлеба гораздо выше. Недостача кормовых вызвала потребление пшеницы и ржи для корма рабочего скота, и в целом ряде районов благодаря этому перерасход продовольственного хлеба сильно давил на рынок. Это мы чувствовали на Украине, особенно в степной ее части, это чувствовалось и в других районах. Особенно остро это чувствовалось к концу заготовок в потребляющих районах. Например, в Москве кормили лошадей печеным хлебом, то же самое мы имели и в Одессе, потому что корма для рабочего скота не хватало и цены на корма превышали цены на хлеб.

Г о л о с. И сейчас кормят.

Чубарь. Очевидно, хлебные ресурсы и кормовые у нас были недостаточны для того, чтобы безболезненно, без потрясений, без напряжения прожить этот год.

Отыскивая основную причину недостатка хлеба, мне кажется, нужно все же остановиться на малой товарности нашего хозяйства. Основа – это малая товарность, причина к этому – низкая урожайность. На апрельском пленуме ЦК мы в резолюции написали о том, что нужно принять ряд мер по повышению урожайности. Но я хочу здесь со всей решительностью подчеркнуть то положение, что партия, советская власть, местные органы и само крестьянство для повышения урожайности еще не сделали и десятой доли того, что нужно сделать. Без повышения урожайности повсеместно во всех группах хозяйства, и в государственных, и в коллективных, и в индивидуальных хозяйствах, мы не повысим наших хлебных ресурсов, вернее сказать, наших зерновых ресурсов. Урожайность, на мой взгляд, является самым уязвимым, самым слабым местом нашего сельскохозяйственного производства на ближайшие годы, и на эту сторону нужно нажать. Нажать со всех сторон: со стороны плановых мероприятий, в части капиталовложений, удобрений (как за счет развития производства их внутри страны, так и ввоза), машинизации, тракторизации, создания семенных фондов чистосортных и улучшенных семян и т. д. Параллельно с плановыми государственными мероприяти-

ями должен быть проведен целый ряд мероприятий и за счет развития самодеятельности самого крестьянства, особенно бедняцко-середняцких масс, организованных в кооперацию. Без того, чтобы крестьянство под руководством наших партийных организаций, при повышении самодеятельности низового советского актива, кооперативного актива и всего передового крестьянства, не взялось за это дело, наши плановые мероприятия не могут дать того эффекта, которого мы должны добиться для успешного строительства социализма. Немало можно привести примеров, когда наши ассигнования на сельское хозяйство не дают должного эффекта. Да взять такой простой пример. У нас на пленуме ЦК КП(б)У об этом много говорилось, мне в повседневной работе приходится сталкиваться с этим, – это очистка семян. Выписали мы триера, дали на село, устроили прокатные пункты, чтобы триерами и другими зерноочистными машинами обслужить крестьянство. И вот имели немало случаев, когда триер, который за сутки может перечистить 200 пудов, за всю весну перечищал всего 30 пудов. Зачем же вкладывать деньги в машины, если потом мы имеем такое использование этого капитала?

Г о л о с. А чем это объясняется?

Чубарь. Да тем, что никто не интересуется этим делом как следует. Мы по плану все это расписали, высчитали, что это даст такое-то улучшение сельского хозяйства, дали селу тысячи триеров, а там внизу недостаточно организовались для правильного использования этих машин, недостаточно расшевелилось само крестьянство для того, чтобы помощь государства использовать с наибольшей эффективностью. Я думаю, что это происходит не из-за боязни. Бояться пользоваться машиной с прокатного пункта нечего, тут больше безрукость действует, чем какая бы то ни было боязнь, и наше недостаточное проникновение в толщу крестьянства.

В резолюции нужно особо, а не в скобках, сказать о проблеме урожайности. Переходя от проблемы урожайности к тем формулировкам, которые имеются в первом разделе проекта резолюции, где ударение ставится на зерновой проблеме, я хочу высказать одно сомнение. Мне кажется, что вот такое заострение очередных задач на зерновой проблеме может быть истолковано и во многих случаях поведет к тому, что к этому лозунгу подойдут неправильно. Зерновая проблема, на мой взгляд, ни в какой степени не может быть противопоставлена задаче интенсификации хозяйства, задаче рационального хозяйствования и индивидуального хозяйства, и коллектива, и совхоза. Для Союза в целом зерновая проблема понятна и правильна, но для отдельных районов, для отдельных хозяйств, для отдельных объединений зерновая проблема как таковая не может быть принята как рецепт, который спасает от всех бед и напастей. Во многих случаях зерновое хозяйство невыгодно, и крестьянские капиталовложения направляются по другим линиям. Вот, например, середняцкое хозяйство у нас в степи имеет 10 десятин земли, 5 душ семьи. Если он ведет пусть даже четырехполку (а большинство хозяйств в этом районе имеет трехполку), имеет 7,5 десятин посева, из которых половину озимых, четверть яровых и четверть пропашных, средний сбор зерновых – 50, в лучшем случае – 60 пуд., всего с площади зерновых 250–300 пудов. Он в среднем продает по 1 рублю пуд (у нас средняя цена на хлеб в текущем году была 1 р. 01 коп.), и если выбросить из этого, что на собственное потребление пойдет около 80 рублей, остается в лучшем случае 240 руб., и сельхозналога нужно заплатить минимум рублей 40, то остается 200 руб. – на 5 душ по 40 рублей. Это в лучшем случае, если урожай был сравнительно хороший. Затем тут начинается удовлетворение хозяйственных и личных потребностей: купить машину, купить сапоги, купить мануфактуру, купить что-нибудь для хозяйства. Тут у него при наших ценах баланс так сходится, что он не может прочно себя чувствовать, и он за этот хлеб, конечно, будет держаться, что-

бы не остаться без хлеба, без товара и всего необходимого. Цены на хлеб и на промтовары определяют рентабельность хозяйства, которая дает очень низкий уровень при исключительно зерновом хозяйстве. Это в самом лучшем случае, когда хозяйству удается выручить 1 рубль за пуд зерновых культур, а может получиться и хуже. При таких условиях стимул для развития хозяйства и действительного повышения его производительности очень ограничен. Я лично считаю, что если бы мы сумели добиться повышения урожайности вместо 50 пудов в среднем до 100 пуд. на десятину, то тогда даже при цене в среднем 1 рубль за пуд он имел бы больше стимулов для развития хозяйств, а так он вынужден в погоне за бездефицитностью своего бюджета свое зерновое хозяйство переводить в продукты животноводства и в продукты птицеводства и комбинировать его так, чтобы на рынок хлеба выбрасывать гораздо меньше. Каждый крестьянин, конечно, считает и свой баланс сводит и старается так его свести, чтобы сапоги приобрести, и разные хозяйственные орудия приобрести, и чтобы детям можно было купить, и учебники в школу и пр. И вот в этом балансе исключительно зерновое хозяйство в целом ряде районов не выдерживает. Взять такие наши украинские округа, густо населенные, где плотность населения равна западноевропейской, 116–120 душ на квадратный километр. Там на зерновом хозяйстве никак не выедешь. Крестьянин там живет на свекле, на технической культуре, там он разводит хмель, там он разводит скот и старается комбинировать хозяйство так, чтобы баланс его сходился без дефицита. Районные особенности сельского хозяйства нужно учесть, и мне кажется, что нам нужно некоторую дифференциацию лозунга о зерновой проблеме произвести применительно к отдельным районам с тем, чтобы нажим делать на общую интенсификацию хозяйства и на общее повышение эффективности полеводства, животноводства и прочих отраслей хозяйства. Я лично также считаю, что на ближайший период в нашем экспортном плане зерновые продукты большого места не займут. Без повышения урожайности земли на экспорт зерновых культур рассчитывать трудно, потому что происходит колоссальный процесс реконструкции хозяйства, а компоновка всех продуктов сельскохозяйственного производства на рынке в части соотношения цен недостаточна для того, чтобы можно было выталкивать на рынок именно зерновые культуры, да и вряд ли зерновые культуры действительно так безапелляционно выгодно нам вывозить на экспорт, не заменяя их другими продуктами, которые, может быть, следовало бы больше развить, поощрить. Этот вопрос нужно тщательно проработать и выяснить выгодность вывоза тех или иных продуктов. Чтобы избежать противопоставления зерновой проблемы проблеме общего подъема нашего сельского хозяйства, общей его товарности и наличию выходов товарной продукции на рынок и чтобы не толкать хозяйство на экстенсивные формы, для этого нужно дать такие формулировки, такие указания, которые в отдельных районах не вызывали бы никаких сомнений. Поэтому районирование задач по отдельным хозяйственным областям абсолютно необходимо.

Относительно кризиса или некризиса зернового хозяйства. Мне кажется, кризисным в первую очередь мы должны считать тот почти стабильный чрезвычайно низкий уровень урожайности, который мы на протяжении последних лет имеем. Тут действует не сокращение площади, не вытеснение зерновых хлебов другими культурами, которые нам не нужны. Такого положения у нас нет. Если у нас сеют сахарную свеклу – она нужна, если сеют лен – также он нам нужен. Такого противопоставления и вытеснения зерновых культур нет. Все культуры нам крайне нужны. Я считаю, что нельзя назвать данное положение кризисом зернового хозяйства, так как в кризисе лен и еще ряд культур. Кризис зернового хозяйства заключается в низком уровне урожайности, в его низкой рентабельности для крестьянина, а не в сопоставлении с другими культурами.

И вот, если подумать, как цены влияют на развитие зерновых культур, не являются ли они решающими, то утверждение Микояна, что они не являются решающими, неправильно. У нас на Украине цены имеют решающее значение, потому что доходность нормативная, исчисленная по сельхозналогу, исчисляется независимо от цен на хлеб, а так как цены установлены определенные, то изъятие из чистого дохода сельского хозяйства ложится тяжелым бременем на плечи крестьянина, ведущего зерновое хозяйство, потому что он выручает за хлеб меньше, чем от технических культур, продуктов животноводства, птицеводства и пр., которые в счет нормативного дохода не учитываются. Если бы цены на хлеб были выше, то и тяжесть налога была бы меньше, так как ставки налога устанавливаются раньше, чем цены.

Тов. Микоян прав, что тяжесть налога на полеводство ложится большим бременем.

Трудности, которые на нас навалились к концу хлебозаготовок вне общих условий, это гибель озимых. У нас на Украине гибель озимых явилась решающим фактором в деле задержки хлеба, особенно пшеницы и ржи, и для потребления, и для пересева, и для страхового запаса на осень, когда многим хозяйствам нечего будет собирать. Эти трудности будут в будущем году влиять на состояние хлебного рынка еще больше, чем в истекшем хлебозаготовительном году.

Те расчеты, которые демонстрировал здесь тов. Микоян, являются сугубо приближенными, ориентировочными. На них строить твердый план невозможно. Но и в них нужно некоторые поправки внести. Например, указание на то, что Украина не добирает $8^1/_2$ миллионов пудов, абсолютно ни на чем, кроме ошибок ЦСУ Союза, не основано. Мы по состоянию урожая на 15/VI не добираем минимум 90 млн. пудов. По последним сведениям, в конце июня пронесся суховей по южным степным округам и снял миллионов 45. Так что у нас 130–135 миллионов будет недобор. Это тоже ориентировочные расчеты, потому что в этом году и по данным на 1 июля строить твердые выводы рискованно. У нас будут еще данные, более полные, чем эти, на 15 июля, вот на них и придется строить оперативные планы заготовок на 1928/1929 год. Если будут дожди во время уборки, это тоже несколько процентов у нас отнимет. Но тогда этот процент измеряется гораздо меньшим количеством. Но еще было бы полбеды, если бы мы недобрали 130 млн. общих культур. Беда в том, что на Украине недобор продовольственных культур исчисляется примерно в 280 млн. Ржи и пшеницы не добираем 315 млн., но кое-что лучше уродилось: гречиха, просо и т. д., – и это дает недобор в 280 млн. Получится больше ячменя, подсолнуха, кукурузы и т. д., но все-таки валовой сбор получили меньше, чем в прошлом году. Вывод отсюда какой?

Тут тов. Микоян правильно подчеркнул все трудности, которые создаются из-за выделения этих 280 млн. продовольственных культур в первый период заготовки, да и на протяжении всего года придется маневрировать самым сложнейшим образом.

Но вывод для нас, Украины, и для Союза в целом такой, что экономию пшеницы, ржи и других продовольственных культур нужно проводить с самого начала года и не допустить той ошибки, которая была допущена в истекшем году. Я помню, в начале года в высших органах были разговоры о стандартизации помола, о примесях, но до мая у нас реальной экономии потребления хлеба не было. Этот промах нужно учесть в начале года и в начале года уже взять нервы в руки. Конечно, легко сказать, что нужно принять меры, чтобы устранить затруднения со снабжением хлебом. Но дело в том, что затруднения будут, затруднения величайшие, и чтобы не сорваться, не допустить прорыва, экономию потребления хлеба нужно ввести с самого начала года.

В отношении резервов. Если у нас недостаток важнейших продовольственных культур, если у нас потребление будет чрезвычайно ограниченно, то какой разговор может быть о резервах? Я не верю в возможность создания общих резервов, когда у

нас везде тонко, а где тонко, там и рвется. Резервы в этом году создать, проводя хлебозаготовки обычными методами, при том распределении урожая по районам СССР, какое получилось, чрезвычайно трудно, и я думаю, что это безнадежное дело. Я бы поставил здесь вопрос так: если бы мы сумели семенные резервы создать для осенней посевной кампании и на весеннюю посевную кампанию кое-что сберечь для помощи бедноте, которая должна с государственной поддержкой, организовавшись в коллективы, повышать товарность своего хозяйства, засевая землю хорошими семенами, которые мы должны дать, то это было бы хорошо. Это ограниченная задача, и то чрезвычайно трудно выполнимая.

Относительно удовлетворения спроса на хорошие семена. Ведь в этом году, когда у нас очень трудно было с хлебом в потребляющих районах, мы прекрасный семенной материал возили на мельницы, и не могли не возить. И сейчас кушаем пшеницу, которую нужно было бы бронировать для посевов. Почему? Потому что, когда нечего есть рабочим Криворожья, Донбасса, Харькова, Москвы, Ленинграда и т. д., то ничем не отбояришься и приходится давать хлеб из забронированных семенных резервов. Я очень опасаюсь, что если мы сразу не поставим задачу о полном обеспечении семенным материалом для выполнения определенных посевных программ, то мы осенью и весной в ряде важнейших районов вступим в полосу новых трудностей. Те цифры, которые назвал здесь тов. Микоян, размеры семенных фондов, выделяемых для осенней посевной кампании, сравнивать с голодными годами абсолютно не приходится, ибо тогда неоткуда было брать и не давали; не давали, зная, что это сокращает темп нашего развития.

Косиор. И было бы просто съедено.

Чубарь. И было бы съедено. Но вот в этом году мы, Украина, предъявили план осенней посевной кампании на 14 млн. с лишним пудов озимых семян. Что это такое? Это меньше 50% потребностей для восстановления площадей озимых в степных округах в размерах, которые были засеяны осенью 1927 года. Надеемся, что 50% обеспечим мы, а остальные 50% само крестьянство обеспечит. Но само крестьянство этих округов по тем видам на урожай, которые сейчас имеются в степи, 50%, пожалуй, не сможет обеспечить. Урезая план снабжения семенами, мы тем самым сознательно идем на сокращение озимого клина, т. е. на сокращение урожая озимых в будущем году. Это совершенно ясно и бесспорно. Эту угрозу я подчеркиваю.

А восстановление площади что значит? В Одесском округе, например, в прошлом году по климатическим условиям недосеяно было 30% озимых. Мы им в этом году не предполагаем восстанавливать эти 30%, а обеспечиваем лишь то, что было в прошлом году, т. е. на 30% меньше, чем следовало бы дать по севообороту. Это угроза, которая будет сказываться на нашем хозяйстве и в дальнейшем. Поэтому к проведению осенней посевной кампании, на мой взгляд, нужно будет подойти не так, что «ежели выйдет, так дадим, а ежели не выйдет, так не дадим». Если цифры на этих диаграммах и картах правильны, то нужно сделать так, чтобы полностью покрыть семенные потребности. Надо сказать, что цифры эти могут ввести нас в заблуждение. Они показывают почти на полмиллиарда пудов урожай больше прошлого года. Как же это так получается: урожай повышается на полмиллиарда против прошлого года, а мы при этом будем сокращать посевные площади? Я, грешным делом, не верю в эти полмиллиарда. Но если бы даже было собрано такое количество, как написано сейчас на этих диаграммах, то нам все равно придется маневрировать с большим напряжением. Мы должны не только сохранить посевные площади, осенние и весенние, но и постараться их расширить. Весной нам придется иметь дело с беднотой, когда она будет требовать от нас семенной помощи, особенно организованная в колхозы, и мы должны дать

ей эту помощь. Ставить ставку на то, что кто-то придет и засеет без нашей помощи, не приходится. На самотек в повышении урожая, на самотек в повышении зерновой продукции мы рассчитывать не можем, а должны активно содействовать этим процессам, особенно в части подъема бедняцких хозяйств. И это основной вывод, который должен быть сделан и учтен в планах хлебозаготовок и использования заготовленного хлеба.

И последнее замечание – относительно соотношения цен. Поскольку продовольственных хлебов у нас мало, то естественно, что некоторое повышение цен должно быть, и те цифры, которые назвал здесь тов. Микоян, они, на мой взгляд, являются приемлемыми для Украины, если их считать для рядового зерна. Приплаты за качество и срочность сдачи должны быть особо. Но тут другой момент. Если мы цены на пшеницу будем держать на уровне, который назвал здесь т. Микоян, а цены на кукурузу, на ячмень и на другие культуры оставим прошлогодними, то у нас получится провал в пропашных культурах, опять получится ломка правильного севооборота. Соотношение цен на культуры полеводства должно быть такое, чтобы радикальной ломки в севооборот не вносить, ибо от правильного севооборота зависит урожайность, а следовательно, и эффективность полеводства. Если после кукурузы сеять озимые, то урожай получается гораздо выше, чем после ячменя или после яровой пшеницы. Севооборот в крестьянском хозяйстве – решающий фактор полеводства, и поэтому соотношение цен здесь должно быть так подсчитано, чтобы не ломать правильного севооборота.

Цены на продукты животноводства. На мой взгляд, на некоторые продукты животноводства следовало бы снизить цены, но тут тот факт, о котором говорил тов. Микоян, будет действовать вовсю. Поэтому продукты животноводства на рынок будут идти очень туго, и весь вопрос сводится к тому, чтобы рычаги, которыми мы пользовались в прошлом году, в частности и сельхозналог, более умело, более гибко применить в этом году для выталкивания на рынок, кроме хлеба, и продуктов животноводства.

С этой точки зрения мы должны подходить к маневрированию товарными запасами для того, чтобы стимулировать продажу крестьянами своей продукции. Нужно отпускать промтовары не только под хлеб, но и под технические культуры и под продукты животноводства. Может быть, тов. Микоян скажет, что у Чубаря нет хлеба, так он ораторствует за то, чтобы давать товары под другие продукты. До известной степени это правильно, но я хочу предупредить одну опасность. Если мы товаров не дадим в такие районы, где покупательная способность крестьян за счет сахарной свеклы, яиц, продуктов животноводства и др. будет расти, – это будет задерживать выбрасывание на рынок хлеба и других продуктов полеводства. Это опасный момент, и его нужно учесть.

Относительно цен на промышленные товары. Украинская конъюнктура показывает, что, поскольку покупательная способность крестьян из-за недобора продовольственных культур снизится, мы будем иметь трудности, в частности, с внедрением товаров производственного характера, ибо сапоги и одежду он обязательно будет покупать, а машины – подумает, да и отложит покупку до последнего момента. У нас уже сейчас цифры, которые оглашал тов. Микоян о сбыте машин, не совсем отражают действительность.

Микоян. За шесть месяцев.

Чубарь. За шесть месяцев, а сейчас десятый месяц и у нас машины идут очень туго, особенно несезонные. Не рискуют даже в кредит брать, не уверены в урожае. Мы предложили в другие места продать часть машин. Но если мы так будем маневрировать, что орудия производства и производственные товары на село будут продвигаться слабо, то тогда в конечном итоге мы будем сами одной рукой придерживать рост хо-

зяйства, а другой писать резолюции о его развитии. Здесь маневрирование должно быть более гибкое.

В отношении кулака, середняка и бедноты. Конечно, нельзя считать, что мы кулака обобрали целиком, но перегибы в отношении середняка и недовольство бедноты из-за недостатка хлеба имели довольно широкое распространение, особенно в последний период заготовок.

Рыков. Имели или имеют?

Чубарь. Имеют и сейчас. Мы перешли на самоокупаемость с конца мая, т. е. то, что заготовишь, то и кушай.

Косиор. На самоснабжение.

Чубарь. Нет, вернее, на самоокупаемость. Запасов мы не имеем, а мы обязаны кормить пролетариев Донбасса, Кривого Рога, Харькова, Одессы, Днепропетровска и проч., и поэтому мы вынуждены все имеющиеся в нашем распоряжении способы применять, и поскольку был нажим – были и перегибы. Конечно, нельзя считать, что базары были закрыты по директивам или чьим-либо распоряжениям. Базары ликвидировались потому, что был произведен нажим на каждого отдельного хозяина. Обходили по дворам, выкачивали по пуду, и соответствующие разговоры при этом: не оставляешь ли ты этот пуд для спекуляции, а со спекуляцией мы боремся. Не закрывая базара, арестовывали тех, кто продает хлеб. (С м е х, р а з г о в о р ы.)

Такие методы вызывались необходимостью борьбы с вздуванием цен. Конечно, на пленуме ЦК это смешно, а на практике приводит к очень плачевным результатам, потому что хлеба у заготовителей и на рынке не прибавляется, а не имея достаточно хлеба для рабочих, мы не имеем что дать бедноте. Сельской бедноте дать хлеб, чтобы она целиком и полностью шла на дальнейшую выкачку хлеба у кулака, мы не могли, и это создавало трудности. Правда, в первый период, когда начали снабжать бедноту, тут снабжали по спискам всех, которые приходили, щедрость проявили и перерасходовали хлеб. Были ошибки и промахи, и на селе перерасходовали его, и в городе. Ограничение плана снабжения на будущий год, конечно, даст установку всем партийным организациям, чтобы не разбазаривать того хлеба, который мы будем иметь. Но тут будут колоссальные трудности: угроза срыва цен в этом году будет у нас больше, чем была в прошлом году, ибо при ограничении контингента снабжаемых остальные будут требовать с рынка, а раз спрос на рынке будет достаточно интенсивен, то цена рыночная будет отрываться от цены плановых заготовок, а следовательно, и влиять на темп наших заготовок.

Сталин. Это вполне возможно.

Чубарь. Это, я говорю, угроза. И нам на местах некоторые возможности маневрирования, очевидно, нужно будет предоставить. Я прошу не понимать меня в том смысле, что нужно будет ценами маневрировать. Я стою за то, чтобы цены, установленные в начале года, были рассчитаны так, чтобы до конца года их держать твердо, и даже возможно пойти на некоторые экстраординарные мероприятия, если нам будет туго. Иначе не выкрутишься. Но насчет планов снабжения, насчет удовлетворения спроса, насчет соотношения местных заготовок с общесоюзными – тут надо все эти вопросы проработать так, чтобы не создавать одной рукой нам угрозу там, где другой как будто мы имеем успех. Вот эти обстоятельства, по-моему, должны быть учтены, и, возвращаясь к первоначальной постановке, я еще раз подчеркиваю, что нам нужно заострить внимание не просто на зерновой проблеме, а на урожайности и на правильном ведении хозяйства, на его товарности. К этому путь через кооперативное объединение бедняцких и середняцких хозяйств, через коллективизацию. Повышение урожайности в миллионах крестьянских хозяйств может дать нам сразу дополнительные сотни мил-

лионов пудов, и притом реальных. Мы у себя разрабатывали вопрос о повышении урожайности в связи с пятилеткой, и оказалось, что на этом участке у нас много слабых мест. Один из профессоров говорил, что вредители ежегодно уничтожают сотни миллионов пудов хлеба, а ведь это товарный хлеб.

Г о л о с. Не шахтинские, конечно?

Чубарь. Нет, конечно, а вот суслики, которых мы экспортируем, саранча, гессенская муха и т. д., они сотни миллионов пудов ежегодно снимают. На одной Украине 100 миллионов пудов хлеба ежегодно из-за сорняков мы недополучаем, а сколько по СССР? Скверные семена мы высеваем на 90% площадей, а хорошие семена повышают на 20 пудов на десятине урожай, и это при площади зерновых в 87 млн. десятин даст дополнительного сбора свыше 1,6 миллиарда пудов. Если дать хорошие селекционные семена из совхозов и колхозов, если стимулировать очистку семян самим крестьянством, если эти семена посеять не вразброс из кошелки, а машиной, то урожайность будет повышена и товарная масса хлеба будет выше. Целый ряд мероприятий, которые, на мой взгляд, мы можем, в состоянии провести, мы должны провести, и таким образом отставание нашего зернового хозяйства от потребностей социалистического строительства мы изживем.

Председатель. Нет возражений объявить перерыв? Следующий оратор после перерыва – т. Осинский.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Рыков). Тов. Осинский имеет слово, следующий оратор тов. Андреев.

Осинский. Я сначала хочу выяснить несколько фактических вопросов, а потом перейти к рассмотрению того, **что** мы сейчас переживаем: к формулировке положения, к оценке положения, а затем – к выяснению **причин** положения.

Я думаю, что из того, что, по моему мнению, является причинами положения, довольно ясно вытекут соответствующие меры для ликвидации этих причин.

Итак, прежде всего фактические вопросы. Тов. Микоян в своем докладе неопределенно говорил о том, что мы имеем в отношении посевной площади в этом году, а тов. Молотов в прочитанном, вероятно, всеми вами ответе на записку тов. Фрумкина[131], цитируя данные конъюнктурной анкеты ЦСУ, такой придал вид постановке вопроса, что как будто у нас даже увеличиваются посевные площади, довольно значительно увеличиваются.

Микоян. Яровые?

Осинский. Дело не в яровых, сейчас увидите.

Итак, прежде всего насчет посевных площадей. Разрешите вам огласить следующие сопоставительные данные...

Г о л о с. Чьи?

Осинский. ЦСУ, конечно. В 1925 г. посевная площадь зернового хлеба по сравнению с 24 годом увеличилась на 5,6%, в 1926 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 7,8%, в прошлом году она увеличилась только на 2,6%. Теперь в нынешнем году – что получается? По резолюции экспертного совета от 3-го июля 1928 г., где он принимает цифру посевной площади в основу хлебофуражного баланса в нынешнем его проекте, он считает, что в нынешнем году площадь **зерновых** хлебов крестьянского хозяйства будет равна 84 621 тыс. десятин, а в прошлом году было 86 929 тыс. дес., т. е. уменьшение на 2,7%. При этом площадь **всех** культур не сократится, а, по мнению экспертного совета, увеличится на полпроцента, но площадь зерновых культур сократилась на 2,7%. Таким образом, мы имеем снижающуюся линию в течение последних лет, которая при постепенном сокращении темпа роста в нынешнем году

перешла уже к сокращению посевной площади, как, по крайней мере, может учесть положение экспертный совет.

Теперь я остановлюсь несколько на справке, которую дал тов. Молотов. Он там дает следующие цифры: посевная площадь яровых в 1928 г. по сравнению с посевной площадью яровых в 1927 г., насчитывая в площадь яровых пересев яровых озимых...

Молотов. Это подчеркнуто.

Осинский. Это подчеркнуто, оговорено, но, тов. Молотов, вы отлично знаете, что в том же самом источнике, из которого вы брали цифры, есть еще следующие данные: во-первых, площадь яровых в 1927 г., по сравнению с 1928 г., без пересева; во-вторых, озимые и яровые вместе в 1927 и 1928 г. Теперь, позвольте вам, для выяснения положения по тем районам, по которым тов. Молотов свои цифры привел, привести и эти цифры. Первая цифра, которую я буду читать, будет цифра тов. Молотова, цифра яровой площади 1928 г. по отношению к 1927 г., включая пересев в процентах. Вторая цифра будет, если отбросить пересев, а брать чистый яровой клин, и последняя – озимые и яровые вместе.

Я читаю: **Украина** – первая цифра тов. Молотова – 128%, вторая цифра – чистый яровой клин – 96%, озимые и яровые – 99%. Видите, какая получается разница.

Северный Кавказ. Цифра тов. Молотова – 108%, чистый яровой клин – 91%, озимые и яровые вместе – 92%.

Крым. Цифра тов. Молотова – 86%, чистый яровой клин – 75%, яровые и озимые вместе – 89%.

Центральная Черноземная область. Первая цифра – 105%, чисто яровой клин – 101%, яровые и озимые вместе – 100%.

Средняя Волга. 112%, 112 и 110%. Здесь пересева не было, и здесь имеется действительно рост посевной площади.

Г о л о с. 116%.

Осинский. Давайте спорить не будем, я выписывал эти цифры из данных экспертного совета ЦСУ.

Нижняя Волга. 106% – цифра тов. Молотова, 105% – чисто яровой клин, 101% – озимые и яровые вместе.

Словом, так, если вывести взвешенную среднюю из того, что тов. Молотов опубликовал, получается прирост на 16%. Если вывести взвешенную среднюю относительно яровых и озимых в нынешнем году и в прошлом году...

Молотов. У меня ни о какой средней не было речи.

Осинский. Получается, что никакого изменения нет, т. е. никакого прироста. Это я привожу для того, чтобы уяснить вопрос, потому что он запутан такими цитированиями или тем, что т. Микоян на этом вопросе не остановился.

Молотов. Там общих «средних» не может быть.

Осинский. Я привел среднюю экспертного совета. Экспертный совет по всему Союзу сделал прикидку, и у него получается даже сокращение.

Молотов. В этом надо бы вам получше разобраться.

Осинский. А выведение средней из коньюнктурной анкеты я делаю просто для того, чтобы показать, **что** при известном способе использования цифр можно получить в одном случае и что можно получить нечто другое, если цифры использовать правильно.

Теперь дальше, вывод у меня какой?

Калинин. Беда с вами, бывшими статистиками.

Осинский. Мы имеем нисходящую кривую движения посевных площадей, а в

нынешнем году, несомненно, я уверен, что это так и обнаружится, мы имеем **сокращение посевной** площади, конечно, объясняемое и гибелью озимых и проч.

Теперь дальше, относительно еще одного вопроса. Здесь говорили насчет запасов и высказывали соображения, что цифра невидимых запасов в крестьянских хозяйствах недоучтена ЦСУ. Я думаю, что это весьма возможно и вероятно, но я думаю, что есть еще один пункт, по которому, может быть, произошел также недоучет, и он, пожалуй, также влияет на баланс, а о нем не хотят подумать, – это именно усиленное скармливание хлеба и в прошлом и в нынешнем году скотине...

Микоян. Верно.

Осинский. Благодаря чему получается сокращение баланса.

Дальше № 3. Тов. Чубарь говорил о том, что в нынешнем году сбор на 130 с чем-то миллионов пудов меньше прошлого года. Вот этим, может быть, и объясняются затруднения. Позвольте вам констатировать, что в прошлом году было вывезено 160 миллионов пудов за границу, а в нынешнем году 27. Так, видите ли, одно другое покрывает, и дело, очевидно, не в этом.

Разрешите мне после этих фактических справок, выясняющих некоторые основные вещи, пойти уже по той линии, **что** мы имеем и **от чего** имеем. То, что мы имеем сейчас, начинают называть кризисом. Когда в декабре 1927 г. Алексей Иванович Рыков делал доклад на съезде партии[132], он говорил, что кризиса мы не имеем, а имеем перебои в хлебозаготовках. Я, между прочим, тогда же говорил, что мы имеем кризис, и Алексей Иванович это, вероятно, подтвердит. В настоящий момент мы имеем кризис **зернового хозяйства,** как выражается тов. Микоян.

Какая постановка вопроса была в декабре 1927 г.? Такая: какой же кризис, если только перебои, и в одной области, именно в хлебозаготовках? Это не означает никакого **общего** кризиса. Так и теперь мы имеем неосторожную тенденцию обуживать происходящие события и говорить, что мы имеем кризис только в отношении зернового хозяйства. Я считаю, что мы имеем бесспорный кризис не только зернового хозяйства, а имеем определенное общее кризисное состояние. В чем выражается это кризисное состояние? В размычке между городом и деревней, в обороте города и деревни. Понятие – противоположное понятию смычки, явление в высшей степени опасное, к которому надо подойти весьма серьезно.

Г о л о с. Не понимаю.

Осинский. Что же непонятного? Ленин говорил: заботьтесь о смычке, чтобы товарооборот города и деревни стоял на нормальной экономической базе, но не на базе принуждения, а мы имеем противоположное.

Г о л о с. Это называется разъяснить свою мысль до конца. Как раз убил себя (с м е х).

Осинский. Может быть, это смешно.

Г о л о с. Вы же убили себя самого этим разъяснением.

Сталин. Авось не убьет.

Осинский. Я подожду, пока Михаил Иванович выяснит, что он хочет сказать. Я, товарищи, потому не склонен возражать на перерывы с мест, что, мне кажется, вопрос весьма серьезен и положение весьма серьезно, и поэтому нужно к этому делу подойти с сугубой серьезностью, и никак нельзя это делать предметом шуток или сбивания оратора остроумными словечками. Итак, разберем по существу и как следует, какие причины того, что происходит, вот этой размычки? Я так примерно это называю. Тов. Сталин, допустим, это назвал иначе. Но как он объясняет то, что происходит? Вот четыре причины, выставленные тов. Сталиным и в его брошюре на «хлебном фронте»[133], и вошедшие в проект резолюции:

а) производительность сельского хозяйства развивается весьма медленно, медленнее, чем растущие потребности, и, между прочим, медленнее, чем темп развития промышленности;

б) произошло перераспределение, по сравнению с довоенным уровнем, товарной продукции между отдельными социальными категориями сельского хозяйства, так можно сказать;

в) «кулак подкачал». Можно так это сформулировать вкратце;

г) ошибки планового регулирования.

Между прочим, тов. Сталин в своей брошюре ни слова не говорит относительно **цен**, относительно соотношения хлебных цен с ценами на другие культуры. В резолюцию это уже вошло.

Сталин. В тот момент невозможно было сказать это.

Осинский. Может быть. Я согласен с тем, что для публики, может быть, и не нужно было этого говорить по тактическим соображениям. Но в резолюцию это вошло, однако вошло в виде последней фразы в одном из абзацев, где говорится: кроме того, имело влияние еще снабжение машинами, сеялками, семенами и пр., а **между прочим** и цены.

Давайте разберем в отдельности все эти объяснения. Во-первых, насчет **кулака**. Кулак, очевидно, является фактором, **оформлявшим** противодействие заготовкам, и фактором **преходящим**, потому что мы по нему произвели удар и из-под него – не полностью, но в довольно значительном масштабе – базу его оформляющего воздействия вышибли.

Ошибки планового регулирования – это тоже фактор не основной, и утверждать, что «Микоян виноват» в том, что произошло, – это, конечно, было бы совершенно неправильно. Разумеется, НКТорг в некоторых случаях переработал, перестарался, в других – недоработал, недостарался, в некоторых случаях прозевал. Прозевал, например, в октябре-ноябре 1927 г., когда всякий старый компродчик увидел бы, что кривая заготовок стремительно падает, что она ниже прошлого года, непонятно почему, в тот момент, когда заготовки должны идти вверх. Т. е. набат-то нужно было забить в ноябре. Здесь было несомненное упущение, за что падает ответственность на НКТорг, потому что он своевременно не надавил на ЦК. Но это, конечно, является второстепенным пунктом в данном случае.

Теперь – перераспределение товарной продукции по социальным категориям.

Но ведь оно случилось в 1919 г. или в 1918 г., в 1919 вполне оформилось, а до сих пор все не действовало, а в 1928 г. вдруг заработало. Я думаю, все-таки, на этот фактор ссылаться как на решающий не приходится. Можно по этому поводу, конечно, говорить, что количество перешло в качество, что наконец это созрело и стало решающим обстоятельством и т. д. Но все-таки положение это представляется малодоказуемым и не совсем вероятным.

Таким образом, мы приходим к последнему положению: к тому, что производительность сельского хозяйства развивается медленно, и медленнее, чем промышленность. По этому поводу я должен сказать, что объяснение всех кризисов диспропорциями между чем-либо и чем-либо встречается очень часто в экономической литературе. Но Маркс давно сказал, что такие объяснения – тавтологические, что они другими словами **описывают** состояние кризиса. Вопрос в том, **почему** диспропорции создаются, почему одно идет скорее, другое медленнее.

Милютин. Насчет рыночных.

Осинский. Да ведь это рыночная диспропорция и есть, Владимир Павлович, если хотите.

Теперь дальше. В нашей не только литературе, но и в наших речах, которые произносились по этому вопросу, очень часто менялась точка зрения при использовании этих самых положений. Вот, например, тов. Рыков, он два раза высказывал различные точки зрения по этому вопросу. В один период он, например, говорил, что слишком быстро развивается и восстанавливается сельское хозяйство, а промышленность не поспевает; в другой раз выходило, что промышленность быстрее развивается. Вы можете сказать, что это было в разное время, когда были разные тенденции, хотя это не вполне доказуемо. Лучше сказать, что он свою точку зрения углубил или перешел к другому объяснению.

Калинин. Это как будто не Рыков говорил, а все говорили.

Осинский. В данном случае тов. Сталин изображает эту постановку вопроса так, что вот, видите ли, медленно происходит развитие сельскохозяйственной производительности. Я думаю, что поскольку меня при рассмотрении программы усиленно и тов. Бухарин и тов. Сталин направляли в ту сторону, что по вопросу военного коммунизма и нэпа определяющая характеристика – «ищи на рынке», то я думаю, что и здесь нужно так вопрос поставить: **поискать на рынке**, и тогда станет понятно, почему одно развивается медленно, другое скорее. Ведь в конечном счете вопрос о медленности развития сельского хозяйства и его производительности можно **всегда** так ставить, как т. Чубарь дополнительно ставит, раскладывая дальше понятие отставания производительности сельского хозяйства на факты формального характера. Можно-де поднять урожай применением сортировки, которая не применяется, применением большего количества удобрений, еще более простыми вещами, которые под рукой валяются, а вот почему-то крестьяне их не применяют. Товарищи, я думаю, что крестьянин русский и украинский очень хорошо понимает, что все такие вещи при применении дают хороший эффект. И если почему-либо он их не применяет, если появляется остановка в развитии посевной площади, то надо искать разрешение вопроса не в этом непонимании, как технически подойти к расширению производства, а в том, что **экономический стимул сократился**. Вот так и надо в конечном счете ставить вопрос. Тут нужно поискать на рынке и под этим углом дать ответ на поставленный вопрос, причем, по-моему, объяснение того, что произошло, надо искать в других вещах, чем те, на которые указывают.

Конечно, много причин можно при объяснении всяких явлений наметить, но решающими, важнейшими, по-моему, являются следующие. Я начну не с самых важнейших, с **цен на** хлеб, которые были установлены в прошлую хлебозаготовительную кампанию. Теперь, мне кажется, уже совершенно ясно, что была сделана в этом деле определенная ошибка. Что сейчас в лучшем случае говорят? В середине кампании невыгодно было менять цены, потому что тогда бы мы поссорились с беднотой. Ну, а если бы в начале кампании мы повысили цены, тогда разве мы поссорились бы с ней? Ясно, что тут была ошибка – слишком низкие цены на хлеб и цены, расходящиеся, кроме того, с ценами на другие более интенсивные культуры и продукты с/х производства, которые получили преференс перед зерновыми культурами. Далее, может быть, и это не самое главное, ибо я сперва буду говорить не о самом главном, поэтому второстепенный фактор упомяну. Этот фактор состоит в следующем...

Председатель. Сколько вам еще времени нужно?

Осинский. Минут 15.

Г о л о с а. Дать.

Председатель. Возражений нет? Нет.

Осинский. Так вот, второй фактор следующий, и обстоятельства следующие. Ведь октябрьским манифестом[134] в прошлом году что мы, собственно говоря, делали по существу, когда понижали цифру налога и т. д. и т. п.? Мы вели дело к такому поло-

жению, когда, в сущности, снимали все меры внеэкономического принуждения, прессы внеэкономические, которые действовали на получение нами из деревни продуктов, мы довели в этом отношении дело до известного предела, сделали сильное облегчение. В сущности, мы на что сделали ставку? На переход к такому способу товарообмена между городом и деревней, который базировался бы не исключительно, конечно, но главным образом на коммерческом расчете, лишь с очень небольшим применением внеэкономических факторов (я подразумеваю налоги и т. п.). И вот, что же получилось, когда мужик, после этого манифеста в особенности, оказался на такой базе: хочу продаю, хочу – нет, если я имею экономическую и коммерческую выгоду – продаю, не имею – не продаю. Что у нас получилось? Пластинка была проявлена, и на ней проявилось следующее: для мужика при существующем положении, для **массы** крестьян (это только оформлено было кулаком и **форсировано**), для массы, для середняков оказалось, что при этом положении просто невыгодно продавать хлеб. В этом суть вопроса.

Разрешите мне эту штуку еще дальше генерализовать и поставить самые общие и основные вопросы. Разрешите мне процитировать для того, чтобы сделать введение к их рассмотрению, речь Владимира Ильича, как будто на последнем из наших партийных съездов[135] или на предпоследнем, где он выступал. Он в этой речи говорил следующее: «Наша цель – восстановить смычку (ту самую, которая теперь пропала. – Н. О.), доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина, – доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищалого, мучительно голодающего мелкого крестьянина (Ленин говорил это тотчас после голода 1921 г., в 1922 году. – Н. О.) ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо»[136].

Дальше: «Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Но этот кредит не может быть неисчерпаемым».

«Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными»[137].

Еще несколько дальше Ленин говорит: «Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая»[138].

«Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете?.. Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете». Вот самая простая и самая убийственная, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих, направляло против коммунистической партии»[139].

И вот последнее, что он говорил: «Надо, повторяю, начать учиться с начала. Если мы это сознаем, тогда мы экзамен выдержим, а экзамен серьезный, экзамен, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться. Экзамен этот серьезный, ибо тут могут побить нас и экономически, и политически»[140].

Я думаю, что это не в бровь, а в глаз, и то, что мы сейчас имеем, – это, так сказать, первый вступительный экзамен, который нам делает русский массовый мужик, а не специально кулак. Кулак его в этом отношении подталкивает, но середняк сам сделал выбор, когда вы дали возможность ему выбирать, будет ли он это продавать на основе простого экономического расчета или не будет. Он сделал нам тут первый экзамен.

В чем он вообще будет состоять? Разрешите вам огласить несколько хорошеньких цифр, которые относятся к всем известному вопросу о «ножницах», но все-таки стоит их еще раз хорошенько рассмотреть и хорошо осознать. Вот индекс заготовительных цен Наркомторга за второй квартал нынешнего года. Зерновые продукты, цены в процентах от довоенного, – 125, маслосемена – 134, технические культуры – 135, продукты животноводства – 172. Заметьте, между прочим, тут очень хорошо причина ясна, почему хлеб не сдают. В среднем – 139. Теперь общеторговый индекс розничных цен Конъюнктурного института[141]. Впрочем, вот предварительная маленькая справка. На какую же сумму чего заготовил Наркомторг, и какие все эти вещи, зерновые продукты, маслосемена, технические культуры и продукты животноводства, какое значение имеют они в обороте? За первое полугодие нынешнего года заготовил Наркомторг так: хлеба и маслосемян на 416 млн. рублей, технических культур (без хлопка) на 192 млн. рублей, животноводческих продуктов на 199 млн. рублей, а всего на 807 млн. рублей. Из этого половина, т. е. на 416 млн. рублей, эти самые зернопродукты, которые идут по таким низким ценам, затем лишь почти 200 млн. рублей дороже животноводческие продукты, и несколько меньше приходится на немножко повышенный индекс технических культур. Теперь разрешите огласить, что и как мужику продается. Мануфактура – по цене 226% довоенного, обувь – 217%, соль – 180%, сахар – 202%, керосин, единственное исключение, показывающее, что отношения могли бы быть иными, – 106% довоенного. Тут кончается список товаров по розничному индексу, но я продолжу по оптовому индексу ЦСУ. Это будет приблизительно то же самое, только в абсолютных размерах будет разница. Гвозди (по оптовому индексу) – 179%, веревки – 201%, а вот плуги, опять по нашей доброте, – 109%. Но плуг крестьянин покупает максимум один раз в пять лет. Это очень хорошее наше положение, что мы ему оказываем при покупке средств производства помощь, даем возможность их дешевле покупать. Но ведь это в смысле непосредственного ежегодного товарооборота отражается на нем очень мало. А в текущем обороте мы только керосин ему даем по индексу 106% довоенного, а все остальное – вдвое, платим же ему только на 39% выше.

Теперь позвольте сказать вот что. Я часто, когда был еще в оппозиции, то своим оппозиционерам говорил, что самое важное для политика свойство – иметь политический здравый смысл. Им в колоссальном масштабе обладал Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Я, между прочим, также говорил, что из всех наших работников наибольшим политическим смыслом обладает тов. Сталин, здесь присутствующий. Так вот, к этому здравому политическому смыслу я сейчас обращаюсь и спрашиваю: если вы имеете такое положение на одиннадцатом году советской власти, когда вам уже Ленин говорил, что мужик вам дает кредит, ждет, чтобы была смычка с ним, что это долго не может продолжаться, и когда на одиннадцатом году мы имеем такое положение, что мужик, покупая сапоги, гвозди, веревки, за что ни возьмется, за все платит вдвое дороже и притом качество товаров все-таки дрянь (так что по качеству еще надо скинуть), так вот, спрашивается, при таком положении вещей можно ли думать на одиннадцатом году, чтобы такое состояние долго продолжалось? Ведь Ленин же правильно говорил. Эти самые крестьяне, даже частью и рабочие, – аналогичная постановка вопроса может быть применена и к рабочим, только по другим вопросам, – эти крестьяне, которые идут с нами вместе, делают вместе с нами путь не потому, что они знают, что такое коммунизм, а потому, что они хотят лучше жить, и для этого они боролись, и не для «будущих поколений» они это делали, а хотят, чтобы им при их жизни свет какой-то увидеть, они-то и хотят ходить в таких же сапогах, в каких ходили до войны, чтобы рубашку могли бы они носить, которая стоила бы по довоенной цене.

Г о л о с. Они тогда босиком ходили.

Осинский. Ну, не везде они босиком ходили. Во всяком случае, они **теперь** хотят ходить в сапогах. А теперь они **не могут** ходить в сапогах, потому что мы крестьянам давали все что угодно, но не заботились о том, чтобы эта примитивная штука была осуществлена.

Г о л о с а. А что надо сделать?

Осинский. Это вытечет из того, что я сейчас скажу. Вот я заинтересовался следующей книжкой: «Материалы пятилетнего плана развития промышленности», изд. ВСНХ СССР[142].

Г о л о с. Забракована.

Осинский. Забракована или нет, но крайне характерна, во всяком случае. Я полез в нее смотреть, что же сделал ВСНХ, которому я уже два года назад публично выражал пожелание, чтобы с текстильной и кожевенной промышленностью было сделано что-то, дабы их продукция была дешевле в продаже, – потому что именно так нужно союз с середняком осуществлять, экономически он означает «смычка», – что сделал и наметил ВСНХ по части капитальных вложений в эту промышленность. Оказалось, обстоит так, что ВСНХ характеризует 1926/27 год как «провал 1926/27 года» и говорит, что «под давлением узких контрольных цифр пришлось ограничиться нищенскими ассигнованиями на ремонт фабрик» и т. д. И оказывается, что по плану ВСНХ текстильная промышленность в течение пятилетнего плана должна накопить за счет амортизации и прибылей 2020 миллионов, а вложения в капитальную промышленность предположены – точной цифры тут сейчас не разыщу – гораздо меньшие, и **разница 664 миллиона рублей**, оказывается, **передвигается в другие отрасли промышленности**. При этом теперь, если мы посмотрим (я составил целый список, какие отрасли промышленности по капиталовложению дефицитны и какие дают избыток), дефицитными оказываются все, кроме текстильной, химической и пищевой промышленности. В общем балансе: химическая имеет избыток – 59 миллионов, пищевая – 22 миллиона, текстильная – 664 миллиона, все остальные в сумме имеют дефицит 1567 миллионов. И оказывается, текстильная промышленность для ВСНХ является главной дойной коровой, чтобы финансировать все остальные отрасли промышленности.

Я заинтересовался и полез разобраться, что делается с сахарной промышленностью. Мужик тоже сахар покупает, платит вдвое против довоенного. Сахарная промышленность тоже будет дефицитной, и ей хотят добавлять в течение пяти лет около 100 миллионов при общем расчете на капитальное строительство.

Г о л о с а. Неверно.

Осинский. 100 миллионов на капитальное строительство, которые также берутся из текстильной промышленности. А так ли это нужно?

К чему это в результате приведет? Это тоже очень интересная вещь. ВСНХ считает, что в исходной позиции первого года пятилетнего плана средний индекс отпускных цен составляет 193% довоенного, в последнем же году пятилетки он будет 152%, причем он проводит снижение этого индекса путем капитального переоборудования предприятий, рационализации и т. д. При этом он поступает таким образом, что по силикатной промышленности понижает индекс на 34%, по металлической на 26%, по электрической на 44%, по химической на 30%, по лесной на 31%, по бумажной на 31%, по пищевой на 27%, **по текстильной на** 16% **и по кожевенной на** 19%. Что это, собственно говоря, означает? Это означает то, что в результате передвигания средств из текстильной промышленности, недачи достаточных средств в текстильную промышленность, нет надежды и в будущем на снижение цен в текстильной промышленности. Дело у них обстоит так, что в 1926/27 г. по их индексу отпускные цены на текстиль были 206%, а через пять лет, в 1931 г., они все еще хотят иметь 177% довоенного. По ко-

жевенной он будет в 1931/32 г. 132% довоенного, но по текстильной в 1931/32 году все еще будет 177% довоенного! Т. е. не только мы имеем положение сейчас безобразное, но ВСНХ фиксирует здесь, что, не давая развиваться текстильной промышленности, не вкладывая достаточных капитальных средств, он, таким образом, задерживает и далее высокий индекс на текстильные товары и препятствует тому, чтобы один из элементов нынешнего кризиса был изжит.

Я когда это прочел, то, должен сказать откровенно, сказал себе: я понимаю, из чего рос дух В. М. Смирнова[143] и в чем смысл этой программы состоит. ВСНХ и сейчас хочет понижать цены на те предметы и товары, которые потребляет сама промышленность, но те, которые выходят на широкий рынок, на них он удерживает высокие цены, получает высокую прибыль, передвигает ее в другие отрасли промышленности и тем ее развивает. Чем это отличается от требований Смирнова? Тот только хотел еще **повысить** цены, а здесь **задерживают понижение**. Это градусом пониже будет, но по существу идея та же самая и она идет вразрез с тем, что у нас должно делаться в нашем товарообороте с деревней.

Меня спрашивают, что я предлагаю? Я отвечу на это весьма кратко, потому что и так затянул.

Скрыпник. Это можно и более полно.

Косиор И. Это ты зря затянул.

Осинский. Нет, не зря.

Что я предлагаю? Я предлагаю совершенно конкретно в дополнение к тем планам, беру за основу план ВСНХ, вложить в течение ближайших 1–2 лет 200–300 млн. в те отрасли промышленности, которые обслуживают потребности деревни.

Куйбышев. Даем 800 миллионов.

Осинский. Я очень слабо верю, тов. Куйбышев, что вы это осуществите. Вы говорите – 800 млн. **дополнительно** вкладываете или **всего** за пять лет 800 млн?

Куйбышев. Всего 800 миллионов с лишком на хлопчатобумажную промышленность.

Осинский. А я говорю о том, сколько дополнительно вложить. Я выставляю такой лозунг: минимум нужно 200–300 млн. бросить на это дело в течение ближайших 2–3 лет.

Г о л о с а. А сырье откуда взять?

Осинский. Насчет сырья положение совершенно возмутительное. Если начать вам цитировать, каково сейчас вздорожание сырья против довоенного (как оно мало) и каково вздорожание пряжи и готовых товаров, то вы рот разинете от безобразия. И я утверждаю, что если керосин продается 106% довоенного, то почему это получается? Потому что была проведена рационализация нефтяной промышленности в Баку и оказалось, что мы можем производить по 106% довоенного.

Ломов. Не совсем поэтому.

Осинский. На 75% поэтому. Я утверждаю категорическим образом, что если мы бросим реальный настоящий капитал, который, может быть, вовсе не нужно стремиться взять только из своего кармана, можно попробовать достать из-за границы (в частности, я утверждаю, что в текстильной промышленности мы не пытались серьезно привлечь иностранный капитал), если мы бросим 200–300 млн. в ближайшие годы, мы можем добиться сильнейшего снижения цен на текстильные товары, и мы должны во что бы то ни стало в течение не более двух лет изжить эту постановку вопроса, которую мы имеем сейчас, чтобы действительно крестьянство у нас получало эти товары, по крайней мере по тому же проценту вздорожания, который имеется на его основные продукты. Тогда только это затруднение будет разрешено.

Теперь меня спрашивают: а как же индустриализация? Это прямо замечательная постановка вопроса. Я понимаю, когда Сокольников говорил о том, что нужно сперва развивать сельское хозяйство возможно шире, чтобы можно было больше экспортировать, – это было против индустриализации. Это вполне понятно. Но когда я говорю, что нужно во всяком случае обеспечить то, чтобы **смычковые** отрасли **промышленности** были приведены в порядок, что думать об этом надо с такой же степенью интереса, как о постройке Днепростроя, например, то это не индустриализация!

Г о л о с. Нет сырья для пуска существующих фабрик.

Осинский. Нет сырья? Вы сырье можете закупить в Америке таким же манером, как в прошлом году закупили, по довоенным ценам с небольшой надбавкой. Если вы делаете вложения в большие работы, почему вы не делаете их для того, чтобы оросить новые районы и получить сырье у себя, внутри страны? А вы думаете только о том, чтобы построить Днепрострой, на который придется затратить 200 млн., а потом к нему еще 800 миллионов пристраивать. (Ш у м.) Я говорю, что этот вопрос столь же важный, как вопрос о больших капитальных работах, и если мы этим вопросом хотим серьезно заняться, мы его разрешить, безусловно, сможем. Причем один из способов разрешения следующий: реальное сокращение нашего государственного бюджета. Наш государственный бюджет все время характеризуется Наркомфином как напряженный. Я бы сказал, что он вовсе не напряженный, а он просто бюджет страны, которая живет не по средствам. Взять такую одну частную вещь: мы все с вами ездим на курорты. Я не знаю, сколько человек ездит ежегодно в Крым, на Кавказ и т. д., но очень много, миллионы. И там мы живем очень роскошно. Эта вещь в несколько сотен миллионов рублей нам обходится. Я не знаю точно цифры, но уверен, что цифра эта исчисляется сотнями миллионов рублей. Мы гоняемся за тем, чтобы сократить на 20% наши административно-управленческие расходы, при этом мы сокращаем штаты, уменьшаем расходы на канцелярские принадлежности, на ручки и т. д. Мы во многих отношениях в нашем бюджете живем сейчас не по средствам. Если мы не сделаем этого сами, т. е. не дадим дополнительных средств на указанные отрасли и не уменьшим наш бюджет, то дальнейшее развитие кризиса, который приведет к очень тяжелым последствиям, заставит нас это сделать. Скептики, присутствующие здесь, могут смеяться сколько угодно. Я сегодня это говорю для того, чтобы вы вспомнили это через 6 месяцев, если не сделаете данного вывода сегодня.

Председатель. Слово имеет тов. Андреев.

Андреев. Я сначала хочу сказать несколько слов по адресу тов. Осинского. Он так легко представляет дело для решения кризиса, что если бы оно действительно так обстояло, то всех нас здесь сидящих и ЦК надо бы назвать дураками, которые не додумались до сих пор выполнить такую простую вещь, которую предлагает тов. Осинский.

Г о л о с а. Правильно.

Андреев. У тов. Осинского нашлись и 200 млн. рублей, у тов. Осинского нашлась и возможность громадного снижения цен на товары легкой промышленности для сельского хозяйства и т. д. Но я думаю, что тов. Осинский забыл только одну вещь – что смычковой с сельским хозяйством отнюдь не является только текстильная промышленность.

Осинский. Я этого не говорю совершенно.

Андреев. Вся линия наша на индустриализацию построена на том, чтобы добиться прочной смычки с крестьянским хозяйством всей госпромышленности, в том числе и тяжелой. Почему тов. Осинский выделяет только одну легкую промышленность...

Осинский. Я вовсе не выделяю одну текстильную промышленность.

Андреев. И приспособляет ее для смычки с крестьянским хозяйством, а про все

остальное забывает? Я думаю, что тов. Осинский хочет жить только сегодняшним днем.

Г о л о с а. Правильно.

Андреев. О завтрашнем дне он не хочет позаботиться. Я думаю, что эта точка зрения Осинского, она, в известной степени, представляет собой попытку пересмотра нашего плана на индустриализацию. Я думаю, что это так.

Теперь я хотел, товарищи, сказать несколько слов по части поставленных вопросов. Я думаю, что совершенно правильно, что политбюро ЦК предлагает такую развернутую резолюцию по хлебозаготовкам, которая охватывает не только узкохозяйственные вопросы хлебозаготовок, но ставит целый ряд хозяйственных проблем, делает целый ряд политических выводов, общеполитических установок и т. д. Я думаю, что даже такой объем резолюции еще недостаточен и она кое-чего еще не охватывает. Прежде всего, я хотел сказать пару слов насчет оценки положения наших отношений с крестьянством, потому что этот вопрос в итоге хлебозаготовок есть главный вопрос и всех интересует.

Косиор. Является центральным.

Андреев. Является центральным вопросом, из которого нам нужно сделать все соответствующие выводы, а это я обязан сделать в связи с тем, что Сев. Кавказ является наиболее характерным для оценки этого самого состояния. Я должен сказать, что за последние 2 месяца, май и июнь, у нас положение обострилось, ухудшилось по сравнению с тем, что мы имели в 3-м квартале заготовок: в январе, феврале и марте. Ухудшилось не потому, как здесь говорил тов. Микоян, что были перегибы, дело не в перегибах, у нас, я думаю, перегибы в течение мая и июня были значительно меньшие, чем были в январе, феврале и марте, потому что мы опыт недостатков работы в третьем квартале использовали, чтобы не повторять перегибов и т. д. Основное, что влияло на ухудшение настроения крестьянства, – это то, что мы в мае и июне заготовками затронули самые настоящие середняцкие страховые запасы, которые середняк не хотел отдавать, особенно имея в виду поражение озимого клина. Громадное поражение озимого клина, вообще неясности урожая нынешнего года поставили и середняка перед перспективами возможного голода. Вот что обострило у нас положение в течение майских и июньских заготовок. Меньшую массу хлеба мы должны были брать с гораздо большими усилиями, за гораздо более дорогую цену. Но я далек от того, чтобы делать какие-нибудь пессимистические выводы насчет того, что мы имеем в деревне (и все товарищи, работающие со мной на Сев. Кавказе, придерживаются этой позиции при оценке деревни), будто бы какой-то сплошной антисоветский фронт в результате хлебозаготовок, что середняк от нас отвернулся, что нарушен союз с середняком и т. д. Я думаю, что это не так. Положение рисуется иначе: мы по Сев. Кавказу, чтобы делать какие-нибудь выводы теперь, тщательно прощупали всю обстановку в крае через людей. Тысяча-полторы тысячи людей работали в майских и июньских заготовках, а в предыдущий квартал $4^1/_2$ тысячи. Через этих людей мы прощупывали настроения, через органы ГПУ, которые работают у нас неплохо, прощупали настроения крестьянства и через производственные совещания[144], которые мы практиковали два раза. Мы такие крестьянские производственные совещания созывали перед весенней посевной кампанией и вот теперь, в самое последнее время, для того чтобы поговорить насчет сева, выявить настроение, дать возможность как следует высказаться мужику, прощупать его настроения и т. д. И этот опыт у нас удался хорошо. При проверке через все эти каналы настроений крестьянства у нас на Сев. Кавказе, я думаю, что можно дать такую оценку, что кулака мы обозлили до чертиков. Кулак, если бы он имел возможность, пошел бы с нами на открытую войну; перегрыз нам шею, потому что кое-чем мы все-таки его ударили очень

крепко. Конечно, не раскулачили, до этого далеко; он прошел через огни и воды и медные трубы периодов настоящего раскулачивания комбедов* и остался кулаком, и теперь мы его не раскулачили, но ограничили мы его все-таки значительно. И за это он на нас зол до чертиков. Что касается середняка, то наша оценка такова, что середняк, оставаясь советски настроенным, основательно встревожен тем концентрированным нажимом, который был проведен в деле хлебозаготовок (самообложения, заем, мобилизация работников и т. д.), и насторожен, а что-де будет дальше. Так нам рисуется настроение середняка: встревожен и насторожен за будущее, что будет дальше.

Что касается бедноты, я думаю, что в общем и целом беднота настроена советски и работает с нами. Без нее мы бы не провели в северокавказской деревне никаких мероприятий. Говорить о том, что середняк отвернулся от нас... Если бы это было в самом деле так в условиях Северного Кавказа, то Северный Кавказ кипел бы сейчас буквально в обстановке восстаний и гражданской войны. Кулак на Северном Кавказе наиболее инициативен, наиболее грамотен, наиболее культурен, наиболее влиятелен и составляет примерно 6–7% хозяйств. Если бы он имел на своей стороне середняка, то Кавказ сейчас кипел бы, бил бы ключом. Отчасти отдельным кулацким прослойкам, духовенству и т. д. удавалось и теперь кое-где делать попытки восстания; это было в Кабарде, в связи с хлебозаготовками, где, воспользовавшись трудностями хлебозаготовок, обактивились старые группы мулл и остатки дворянства, выставляя целый ряд политических требований в этом движении. Сейчас, в самый последний момент, обстановка характеризуется еще большим спадом настроений потому, что нажимы всякие мы ослабили совершенно сознательно, чтобы иметь известный свободный интервал для входа в новую хлебозаготовительную кампанию и для того, чтобы подготовить население к озимой посевной кампании. Острое настроение сейчас спадает, но, однако, мне кажется, что даже такое положение чрезвычайно серьезно для нас. Мы не имеем еще разрыва союза с основной массой середняцкого крестьянства, но надо признать, что для такого разрыва создалась серьезная угроза и опасность. Все наши мероприятия, поэтому, которые мы будем предпринимать для будущих хлебозаготовок и т. д., должны исходить из того, чтобы не повторять нынешнего опыта, нынешний опыт хлебозаготовок ни в коем случае не повторять. Если бы мы повторили, продолжили бы эти хлебозаготовки и на нынешний год, то уже тогда наверняка мы потеряли бы середняка, наверняка середняк уже тогда повернулся бы к нам спиной, если бы мы сделали продолжение этих хлебозаготовок на нынешний год. Отсюда задача дать трезвую оценку положения, не впадая в панику и использовав все те уроки, которые дают нам хлебозаготовки, и повести дело иначе, и при этом условии настроение середняка, а главное нас интересует союз с середняком, в течение ближайшего времени мы решительно изменим. Ему надо доказать, если он насторожен за будущее, надо сделать все для того, чтобы доказать ему, что никакой коренной перемены нашей политики мы в крестьянском вопросе и не собираемся делать, и не делаем. Особенно в этом отношении нам кое в чем помогают виды на урожай.

Я думаю, что мы поправим настроение середняка, я в этом не сомневаюсь; однако трудности, конечно, мы не изживем, трудности будут и в этом году очень большие, эти трудности вытекают из того, как уже некоторые товарищи говорили, что мы страдаем большим недостатком товарности сельского хозяйства. Вот откуда будут проистекать все трудности для нашего развития, для нашего строительства. Отставание товарности сельского хозяйства – основная почва для трудностей, а во-вторых, то, что если мы будем проводить решения XV съезда, а никто как будто из присутствующих не делает заявки, чтобы не проводить решений XV съезда, если мы будем проводить

* Так в тексте (ред.).

решения XV съезда о наступлении на кулака, то это тоже будет создавать известные трудности в работе нашей партии в деревне, потому что если мы будем наступать на кулака, то он не отгорожен китайской стеной от всего остального населения, он известным образом связан с середняком, связан с середняцкой прослойкой, он в известной степени проникает в армию, и даже и в отдельных слоях рабочего класса его настроения будут отражаться, будут сказываться. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Г о л о с а. Продлить время.

Председатель (Рыков). Дать еще?

Г о л о с а. Да! Продлить время!

Андреев. Так вот, я думаю, что трудности благодаря этому не исчезнут у нас, к этому мы должны быть готовы. Особенно на Северном Кавказе эти трудности будут велики, если мы будем проводить решения XV съезда. Кулак, повторяю, у нас очень грамотен, очень влиятелен, инициативен, если мы будем жать на него, как говорит XV съезд партии, то трудности будут, классовая борьба в деревне будет обострена.

Теперь я хочу сказать несколько слов насчет того, на что мы должны делать упор. Я считаю, в вопросе внимания наших организаций к делу хлебозаготовок, пожалуй, нечего беспокоиться, это внимание будет достаточным, может быть, даже чересчур достаточным. Главный вопрос – освободить себя от обязанности широкого снабжения хлебом. Если мы себя не освободим от этого обязательства, которое мы на себя взяли благодаря уничтожению и сокращению рынка, то мы из этого рода трудностей не вылезем. Рынок восстановить необходимо. Трудности восстановления частного товарооборота, рынков будут упираться в инертность лиц и организаций, которые будут стремиться продолжать линию периода нынешних хлебозаготовок. С другой стороны, некоторая боязнь крестьянства вывозить хлеб на рынок, боязнь прослыть спекулянтом и т. д. Эта самая отрыжка останется. Кроме того, сильная опасность может быть та, о которой говорил тов. Чубарь. Эта опасность – влияние рынка на возможность срыва наших цен. Но, несмотря на это, мы должны от Наркомторга добиться такой гибкой линии в его работе и работе на местах, чтобы обеспечить восстановление нормального товарооборота и рынка и этим самым снять с себя обязанность кормить всех и вся. Если мы этого не сделаем, мы можем задохнуться от требования хлеба.

Второй вопрос, который я хотел отметить, это вопрос относительно экспорта. Хотя в резолюции говорится насчет того, что зерновая часть экспорта будет составлять одну из основных частей в нашем экспорте, я думаю, однако, что правы те товарищи, которые говорили, что нам нужно вынести некоторый урок о большей осторожности при составлении нашего плана на будущий год: может быть, даже придется вычеркнуть зерновые продукты.

Г о л о с. Пока вычеркнуто.

Андреев. Очень хорошо, потому что, хотя некоторые товарищи говорили, что до войны у нас экспорт зернового продукта составлял 700 млн. пудов, но нельзя говорить о каком бы то ни было сравнивании в настоящее время с довоенным экспортом зерновых продуктов. Вывозилось это, во-первых, при большей товарности крестьянского хозяйства и за счет недоедания населения, а теперь мы имеем расширившиеся потребности, как-никак революцию сделали, едят немножко получше, и крестьянин и рабочий, потребляют побольше, а вместе с тем мы урожая довоенного еще не добились; и до тех пор, пока урожайность у нас не будет поднята достаточно основательно и товарность не поднята, до этих пор, по-моему, к экспорту зерновых продуктов надо относиться с большей осторожностью. Пусть лучше, если мы больше заготовим хлеба, это будет нашим резервом.

Микоян. Правильно.

Андреев. И валютным резервом, и всяким другим резервом, а ставить под знак вопроса, под опасность срыва наши экспортные планы – этого делать не нужно, и ставить упор надо на другое: лучше добиться больших результатов в отношении экспорта леса, в отношении экспорта других продуктов, возможности у нас в стране в этом отношении громадны. В этом смысле мы и должны будем изменить статьи нашего экспортного плана.

Третий вопрос, на который я хотел обратить внимание, – это недостаток резолюции, которая предлагается и которая очень мимоходом говорит о таком основном вопросе, как вопрос относительно кооперации. Я думаю, что это недостаток, пробел в резолюции. Резолюция о кооперации говорит в двух строчках, а я думаю, что одним из основных выводов и уроков из этой хлебозаготовительной кампании является недостаточность и слабость кооперирования, слабость нашей кооперации. Я думаю, то, что нам пришлось пойти на применение чрезвычайных мер в деле хлебозаготовок, это отчасти говорит о том, что мы сельское хозяйство через кооперативный оборот, через вовлечение индивидуальных крестьянских хозяйств в кооперативный оборот не вовлекли, не охватили даже в незначительной степени, и мне кажется, что из всей оценки положения дел хлебозаготовок приходится прийти к тому выводу, что роль нашей кооперации была чрезвычайно мала в деле хлебозаготовок. Заготовляла часто не кооперация, а хлеб заготовляли другие органы: заготовляла партия, заготовлял судебный аппарат, заготовляло ГПУ, а кооперация являлась приемщиком хлеба. Нет еще смычки, нет зависимости крестьянского хозяйства от нашей системы кооперации. Иногда зависимость бедноты и середняка от кулацкого хозяйства значительно выше, чем от нашей кооперации, допустим, в вопросе относительно борьбы за бедноту. Беднота иногда зачастую колебалась. Почему? Потому что она зависела от кулака, считала кулака в известной степени своим кормильцем. Если, например, у кулака возьмут хлеб, то, мол, мы останемся голодными, вы нам хлеба не дадите. Зависимость от кулака, от капиталистического хозяйства зачастую была выше, чем от наших общественных и кооперативных форм.

Я думаю, что в резолюции должно быть учтено это положение, уделено вопросам кооперирования большое внимание, особенно по линии производственной кооперации, по линии сельскохозяйственной кооперации, которая гораздо слабее, больше отстает от потребительской кооперации, а она вместе с тем приобретает гораздо большее значение в деревне, чем потребительская кооперация, потому что задачей своей мы ставим задачу производственного влияния на крестьянское хозяйство.

Нашей важнейшей задачей является повышение товарности сельского хозяйства, а поднимать эту товарность только через одни совхозы, через колхозы, которые мы должны теперь развивать более усиленно, мы не сможем. Вопрос усиленной товарности сельского хозяйства будет решать все же индивидуальное крестьянское хозяйство, а повысить товарность крестьянского хозяйства мы можем только через производственную сельскохозяйственную кооперацию, включая в кооперативный оборот раздробленные крестьянские хозяйства. Я думаю, что этому вопросу, на основе опыта и итогов хлебозаготовок, мы должны будем отвести большее место в нашей работе. Надо неотступно бить в эту точку и развивать бешеный темп в деле развития кооперирования населения, особенно по линии производственной кооперации, и тогда нам не страшно влияние капиталистических элементов деревни.

И, наконец, последний вопрос, который я хотел также затронуть, который, я думаю, надо в резолюцию вставить. Это вопрос относительно бедноты. Беднота имеет громадное значение в смысле опоры проведения всяких наших мероприятий в деревне, а вместе с тем проведение хлебозаготовок показало, что с беднотой дело обстоит

очень плохо, что беднотой занимаются только по сезонам, только в связи с какой-нибудь кампанией.

Г о л о с а. Правильно.

Андреев. Только в связи с тем, что припрет, а как только кампания прошла, сезон прошел, из деревни уходят – бедноту оставляют, кулак ее подбирает и зачастую направляет против нас. В резолюцию должна войти задача систематической, постоянной работы с беднотой, если мы хотим считать бедноту серьезной опорой для нашего строительства в деревне.

Председатель. Слово имеет тов. Шеболдаев.

Шеболдаев. Сначала о посевной площади. Тов. Осинский сейчас мне не мог дать справку о том, какие источники лежат в основе приведенных им данных. Между тем сейчас на местах мы проводим дополнительное выявление площадей по Нижне-Волжскому краю. Результаты этой работы говорят о некотором дополнительном увеличении в сравнении с теми цифрами, о которых говорил тов. Осинский. Нельзя прошлогодние цифры посевных площадей, включающие и дополнительно выявленные, сравнивать с предварительными статистическими данными и делать из этого выводы. Тем более такое отношение недопустимо, что вопрос об изменении посевных площадей является одним из главнейших вопросов при учете итогов хлебозаготовительной кампании.

Второй вопрос – о «кризисе размычки», как сформулировал его тов. Осинский. Дело в том, что такое серьезное заявление требует доказательств. Тов. Осинский ни слова не сказал, чем он обосновывает свое положение, кроме сомнительных намеков на посевную площадь.

В отношении политической оценки настроений в деревне можно присоединиться к тов. Андрееву, так как его выводы по Северному Кавказу, смежному с нами, в основном совпадают с оценкой, которую дает наш актив. Середняк действительно насторожился, особенно за время майской кампании, проходившей с большим административным нажимом; закрепить организацию бедноты во время хлебозаготовок, по-моему, мы не сумели; кулак злобствует открыто. Наряду с этим происходит рост посевных площадей, огромный спрос на уборочные машины. По краю мы не можем привести фактов, являющихся обычно первыми признаками обострения отношения крестьянства к советской власти: роста хулиганства, бандитизма и т. п., – наоборот, терсборы[145] показали, что отнюдь нет тех настроений, которые должны были быть, если принять постановку тов. Осинского. Какое объяснение даем мы этому? Мы подсчитали, что крестьянство в этом году получило товаров больше, чем в прошлом году. Можно дать цифры Наркомторга, которые говорят о резком увеличении завоза товаров по отдельным губерниям, например по Саратовской (на 25–30% в сравнении с прошлым годом). Это основной ответ, почему все-таки с крестьянством у нас дело обстоит не так, как это кажется тов. Осинскому.

Следующий вопрос, о ценах. Я думаю, что в вопросе о ценах мы допустили ряд ошибок. Я хочу вам проиллюстрировать, что получается в результате изменения урожая и цен на месте, в крае, в смысле того, что получает крестьянство в нынешнем году в денежном выражении. В 1925/26 г. – 27 млн. руб. по всем культурам (зерновые, бобовые и проч.); в 1926/27 г. – 37 млн., на 10 млн. увеличение, и в нынешнем году – 21 млн. Таким образом, мы имеем, что в нынешнем году в крае в силу того, что урожай был пониженный, в силу того, что выпала пшеница – наиболее ценная культура, и в силу того, что цены остались почти на прежнем уровне (о ценах я потом скажу), получилось, что за хлеб крестьянство по краю на 15 млн. руб. получило меньше.

Когда мы уточняем вопрос дальше, то оказывается, что эти 15 млн. в результате рас-

пределения урожая и в результате установленных цен по губерниям почти целиком падают на Саратовскую губ., причем установленные в текущем году (1927/28 г.) цены усугубляют положение по отдельным губерниям: несмотря на значительное ухудшение урожая, по Саратовской губернии увеличены цены пуда зерна только на 1–2 копейки, по Сталинграду, где в нынешнем году заготовлено больше прошлого, – увеличение на 7 копеек на пуд и т. п. Я думаю, что нужно поставить общий вопрос о том, что нам несколько решительнее и гибче надо увязывать наши цены с результатами урожая. Ведь массе промышленных товаров, величине постоянной, несколько возрастающей из года в год, противостоит переменная величина урожая, которая в зависимости от дождя, солнца и других условий претерпевает очень большие изменения. При капитализме вопрос разрешался поднятием цен на хлебные товары: на урожай хлебный рынок реагировал очень быстро и чутко. Сейчас мы, конечно, не можем так решать вопрос. Установление цены крестьянского хлеба должно исходить из соотношения темпа индустриализации страны и темпа поднятия сельского хозяйства и, следовательно, соответствующего распределения национального, то же народного, дохода между городом и деревней. Однако в гораздо большей мере должен приниматься во внимание результат урожая при определении цен. Не должно быть такого положения, что по Сталинграду в прошлом году мы увеличили цены, в то время как он заготовил больше прошлогоднего, а в Саратове – наоборот. Это неправильно с точки зрения хозяйства в целом и с точки зрения стимулирования поступления хлеба. Конечно, никаких колебаний цен в течение заготовок допущено быть не может.

Картина распределения доходов от хлеба по краю, о которой я говорил, зависящая в известной части от недостаточно тщательной проработки вопроса о ценах, по-моему, приносит зря серьезный вред развитию крестьянского хозяйства и осложняет нам вопрос смычки. Я думаю, товарищи, что вопрос об учете хлеба надо поставить гораздо серьезнее, чем мы его сейчас ставим. Несомненно, имеется в указанных неувязках доля вины тов. Осинского, учреждения которого, статистические управления в первую очередь, работают над составлением хлебофуражного баланса и о которых тов. Микояну пришлось говорить при просчете 280 млн. пудов. Если мы не знаем, сколько у нас хлеба с некоторой точностью, то мы не можем вопросы регулирования товарооборота с деревней решать правильно. Мне кажется, что мы должны вопрос об учете хлеба поставить более остро, чем это ставится до сих пор. Тов. Микоян указывал на 10% колебаний по американскому (или не знаю, еще по какому) хлебному балансу. Нам необходима бульшая точность, и этого можно добиться. Когда мы работали по хлебозаготовкам, то мы по поселенным спискам эту работу делали, чтобы затем можно было бы прийти к мужику и сказать: у тебя вот такой-то излишек, пожалуй его в государственный хлебный фонд. Надо эту работу иначе поставить, но надо знать, сколько у нас хлеба.

То же самое и с распределением хлеба. Недопустимо было учитывать потребление хлеба так, как это делаем мы. В Сталинграде 150 000 населения. Решили сократить потребление хлеба, решили ввести контрольные листы. Оказалось, что контрольных листов выдали больше 200 000. Это говорит о том, что у нас нет аппарата, который учитывает это дело, нет людей, которые над этим работают. Аппарат Наркомторга в Балашевском уезде, заготовившем 8 млн. пуд. хлеба, состоит из одного человека. Вопрос о лучшем учете хлеба, если мы хотим по-серьезному регулировать товарооборот с деревней, – вопрос, от которого мы никак отказаться не можем.

Теперь о частном рынке, об ущемлении частного рынка. При тех мероприятиях, которые мы проводили, неизбежно было известное его ущемление. На это надо смотреть прямо. При тех мероприятиях, которые проводили, неизбежно получался разрыв между ценами государственных заготовителей и частного рынка, а это вело нас к неизбежной борьбе в известных рамках с частником, вздувающим цену.

В связи с этим стоял вопрос об экономном расходовании хлеба на местах – это вопрос о хлебе для населения. Органы Наркомторга и партийные организации выдерживали большой напор обывательской массы, служилой массы, требующей «дешевого» хлеба, и не всегда выдерживали это давление. Как грибы росли последние полтора месяца хлебопекарни, даже в деревнях, в волостных центрах (инвалиды и др.). Все они получали муку гарнцевого сбора и пекли из него хлеб, который продавался по 3 коп. фунт, в то время как овес на рынке стоил гораздо больше, а отруби примерно стоили столько же. Ясно, что этот хлеб гарнцевого сбора, учета которого тоже совершенно не было до мая месяца, просто расхищался. А ведь гарнцевый сбор составляет 10–15% хлебозаготовок. Эти миллионы пудов раздавались обывателям, раздавались извозчикам и др., потому что мы хлеба не научились еще беречь.

Еще одно замечание: мы должны сказать на этом пленуме, что нужна бульшая ответственность кооперации, заготовителей. Нельзя, чтобы эти органы оставались в качестве органов, получающих готовый хлеб. Нужен перелом психологический, потому что народ так настроился, что они будут сидеть, давать сведения в партийный аппарат, а советские и партийные органы будут проводить хлебозаготовки. В этом отношении нужен резкий перелом.

Еще, мне кажется, нужна более широкая постановка вопроса относительно закупки на корню и контрактации, причем необходимо приближение сроков сдачи хлеба. Сейчас дается двухмесячный срок со времени уборки урожая. Я документов не проверял. Не знаю, почему такой срок, но это надо изменить.

Вопрос о кооперативных доплатах: если это развернуть всерьез, тоже может стимулировать поступление хлеба. Во-первых, нужно выплатить доплаты, которые были обещаны, а для новых доплат необходимо дать некоторые средства кооперации, расширить расходы на заготовку хлеба, для того чтобы до определенного срока иметь лишний стимул к получению хлеба.

В заключение скажу о кампании, которую мы проводили. Мне кажется, у тов. Осинского проскальзывает отрицательное отношение к этой кампании. Во всяком случае, по этому поводу он поставил ряд вопросов, которые показывают, что он отрицательно относится к работе, которую проделала партия. Мне кажется, надо все-таки прямо дать оценку тех мероприятий, которые проводила партия, и сказать, необходимы были они или нет.

Ведь могут быть такие рассуждения, что, если бы мы не проводили такого нажима, если бы мы еще немного потерпели – хлеб бы потек сам. Наше убеждение обратное. Когда посмотришь по месяцам, по декадам ход хлебозаготовок, то в январе мы пришли к нулю, в начале мая у нас было то же. В мае мы не принимали никаких новых экономических мер, а только вновь развернули работу партии и советов и заготовили дополнительно 3 млн. пудов. Без 107 ст., без нажима мы этого хлеба не имели бы. Из 32 млн., заготовленных по краю, мы недосчитались бы миллионов 12–15, если бы своевременно и решительно не развернули кампании.

Кроме того, для широких партийных и беспартийных масс ясно, почему именно теперь так остро вопрос поставлен, почему такая кампания проводилась: для рабочих нет хлеба, хлеб надо дать, и нужно проводить эту работу. И если серьезно говорить о борьбе с кулаком, то по этому вопросу, о борьбе за хлеб для городов, легче всего эту работу проводить: понятно всем, что надо бороться с кулаком, срывающим хлебозаготовки в такой момент. Эта кампания была совершенно необходимой и единственно правильной мерой.

Председатель. Заседание закрывается. Завтра первый оратор тов. Голощекин, второй – тов. Стецкий.

ЗАСЕДАНИЕ СЕДЬМОЕ

Утро, 7 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Голощекин.

Голощекин. Резолюция, которая нам здесь предлагается, делает, несомненно, значительный шаг вперед по отношению к резолюции апрельского пленума, в том смысле, что она дает политическую ориентировку, и тем, что вопрос о хлебозаготовках она связывает со всем нашим хозяйственным положением. Правда, если судить по началу доклада тов. Микояна, который говорил о том, что все показатели нашей хозяйственной жизни положительные, а имеем пробелы только в хлебозаготовках, то следовало бы оглавление резолюции переформулировать: «О нашем хозяйственном положении в связи с хлебозаготовками», а не так, как здесь указано. Но одно несомненно – что исходным положением хлебозаготовок является вопрос о кризисе зернового хозяйства, или, правильнее, кризисе товарности зернового хозяйства. Это, несомненно, правильно, но это обязывает нас предвидеть следующее.

Во-первых, вопрос о кризисе зернового хозяйства и разрешение этого вопроса не может быть вопросом одного года, это вопрос очевидно 4–5 лет, а стало быть, трудности хлебозаготовок в связи с этим будут в течение довольно продолжительного времени. Отсюда следует, что мы должны это предвидеть в нашей планировке и в наших мероприятиях.

Во-вторых, трудности этого года, о чем трактует резолюция, надо предвидеть.

И третье: я полагаю, что не исключена такая возможность на протяжении этих же лет, в связи с трудностями хлебозаготовок, на почве того, что кризис не будет разрешен в течение 1–2 лет, что у нас могут возникнуть трудности так называемого сезонного характера, как это было в январе этого года.

Кто может ручаться, что мы так все можем предвидеть, что так хорошо будем планировать, так хорошо скомпонуем все, что не сможем очутиться перед такими же трудностями в один из месяцев или кварталов на протяжении этих лет? Если ручаться нельзя, то, очевидно, не исключена и возможность применять при этом экстраординарные меры, кампанию экстраординарных мер. Я не предлагаю это включить в резолюцию, поскольку нужно взять твердый курс на то, что нужно выйти из экстраординарных мер и начать этот год, продолжать этот год, кончить год нормальным путем заготовок. Поэтому включать в резолюцию этого не нужно, но говорить об этом нужно. Именно потому, что не исключена такая возможность, нужно более точно и лучше и глубже проанализировать положительные и отрицательные стороны прошедшей кампании. Я отрицательно отношусь к тем товарищам, которые сейчас на почве обострения наших отношений в деревне отрицательно относятся ко всей прошлой кампании. Это звучало вчера и в речи тов. Осинского.

Осинский. Именно.

Голощекин. Да, тов. Осинский. Мне кажется, что ваши выводы не соответствуют вашим предпосылкам.

Сталин. Немного есть.

Голощекин. По вашим предпосылкам, о которых вы говорили, все ждали, что вы скажете что-то глубже: «углубить нэп» приблизительно. Вы не сказали того, что вы хотели сказать, или же вы просто не свели концов с концами. Но я считаю, что не только тов. Осинский, но и многие товарищи сейчас на почве некоторых ошибок или больших ошибок, которые были сделаны, находятся в паническом настроении и хотят совершенно смазать положительные стороны проведенной кампании. Ведь эта кампания решила вопрос о хлебе, всколыхнула партийные массы, оживила советы.

Конечно, неправы и те, которые приписывают этой кампании развитие производительных сил, как это делает сегодня в «Правде» тов. Крицман[146]. Развитие и увеличение получилось не на основе хлебозаготовительной кампании, а на основе нашей весенней кампании, об этом не надо забывать. Неправильно не видеть отрицательные стороны и совсем неправильно не видеть неизбежность, необходимость и положительные стороны проведенной кампании. С другой стороны, я считаю неправильным общий взгляд на положение у нас в деревне сейчас, как к сплошному отрицательному явлению.

Нужно различать, во-первых, недовольство верхних слоев деревни, которые неизбежно возникают и будут возникать на почве нашего продвижения вперед в социалистическом строительстве. Это есть обострение классовой борьбы на этой почве, и это есть положительное явление. Кто будет хныкать по этому поводу, тот действительно не хочет и не в состоянии понять, каким образом мы будем продвигаться в области строительства социализма.

Другое дело – о захвате недовольством более широких слоев деревни, отношение которых к нам должно быть дружественно на все время нашего продвижения в социалистическом строительстве. Это уже вытекает из наших ошибок, и об этих ошибках я и хочу говорить, потому что, как я уже сказал, не исключена возможность, что в течение этих лет мы будем вынуждены прибегнуть к экстраординарным мерам.

Уже на прошлом пленуме я сказал то, что говорил вчера тов. Микоян: нельзя все взваливать на низы. Кстати, какие элементы в низах нашей деревни сделали перегиб наиболее вредный для нас? Я утверждаю – окулачившиеся коммунисты.

Микоян. Правильно.

Голощекин. Но если ошибки в руководстве есть, то первой ошибкой я считаю следующее: когда перед нами встал вопрос о хлебе, как стоял вопрос в январе, этот вопрос надо было решать не шифрованными архисекретными телеграммами[147], а надо было решать открыто, лозунгами для массового действия.

Все равно это не осталось секретом, и не могло остаться секретом решение такого большого вопроса, где мы должны были вовлечь огромные массы. Нужно было этот вопрос поставить перед пролетариатом, перед деревенской беднотой, поставить как партия, поставить как советская власть.

Были у нас моменты в нашей истории, когда стоял так вопрос, и Владимир Ильич, наша партия, советская власть приходили к массам и говорили: вот перед нами стоит такая задача, пролетариат, беднота деревенская должны ее решить. Я считаю, что мы решили бы ее значительно легче и лучше, и мы были бы гарантированы от целого ряда перегибов. Почему бы не представить такое положение, когда тт. Калинин и Рыков поехали бы на места, созвали более широкое совещание крестьян, выступили перед ними и разъяснили, что можно делать, что нужно делать и чего нельзя делать, и это распространили бы очень широко среди крестьян. Мы имели бы значительно лучшее

положение и избежали целый ряд неправильностей со стороны наших партийных и советских органов.

Вторая ошибка – это характер наших директив. Нужно понять весь путь наших директив. Наши задания были таковы, что деревенские ячейки, деревенский коммунист почти были вынуждены так поступить. ЦК давал телеграмму краевому или областному комитету, мотивируя определенное положение: необходимо давать определенное задание на ваш край или на вашу область, вы должны в течение этого месяца выполнить такое задание. Этого требуют интересы пролетарской диктатуры. Крайком, обком распределял общую сумму по губерниям или по округам, усиливал мотивировку и давал такую же директиву: на «вашу губернию», на «ваш округ» стоит такая-то задача. Окружком или губком распределял общее задание по уездам и еще более усиливал мотивировку. И когда эта директива докатывалась до волости, до села, там получалось: вам необходимо, иначе ты контрреволюционер, если ты в течение месяца не выполнишь такое-то количество хлеба, такое-то количество самообложения, такое-то количество займа. Так получалось. И тут уже ошибка не ЦК, а наша, что мы наряду с этим не давали точных указаний о методах, каким образом он должен решать. Это мы говорили после того, как он уже сделал эти перегибы. Таким образом, товарищи...

Постышев. Не всегда так было, т. Голощекин.

Голощекин. Если на Украине лучше, почему же у вас были такие перегибы? Если вы дали такие хорошие директивы, почему вас не слушали?

Постышев. Апрельские директивы мы, наоборот, ослабляли против директив ЦК. Знали, что там посев начинается.

Голощекин. Я не знаю, может быть, на Украине очень хорошо обстоит дело.

Молотов. Лучше, чем в Казахстане.

Голощекин. Так ли?

Сталин. А как это вышло, что у вас на два года хлебного запаса оказалось в Кзыл-Орде?

Голощекин. Ну, что же, мало ли недочетов делалось на местах. Не об этом идет разговор. Я сейчас говорю об ошибках, которые логично вытекали из нашего руководства, которых мы должны избежать.

Наконец, я считаю, что и сейчас наша ошибка в том, что мы всю нашу политику в деревне недостаточно разъяснили крестьянам, недостаточно выступали перед массой, отгораживая ее, показывая, что она ничего общего не имеет с политикой оппозиции. Я утверждаю, что огромные массы, в том числе и наши партийные, путаются в этом вопросе, думают, что это то же самое, что говорила оппозиция, в то время как наша политика по всем решающим вопросам – и в области коминтерновской, и в области рабочей политики, и в области самокритики, и, в частности, наша крестьянская политика – ничего общего не имеет со взглядами и политикой оппозиции. Это нам чрезвычайно легко и просто показать. А это имеет громадное значение. Иначе на этом многие сбиваются. Ибо даже то, что мы в этой резолюции осуждаем эти перегибы, это тоже есть осуждение в основном политики оппозиции. То, что она оправдывает, то, что она считает своим, – это мы считаем ошибкой. В то время как оппозиция видела причину хлебозаготовительного кризиса исключительно в неправильности нашей политики по отношению к кулаку, в то время как оппозиция считает кулака основным держателем хлеба, мы считаем основным держателем хлеба середняка, мы считаем основной причиной кризиса хлебозаготовок малую товарность крестьянского хозяйства. Наша революционная политика, которая не дает расти кулацким хозяйствам, крупным товарным хозяйствам, является и основой этого кризиса. В этом заключается различие между нашими взглядами и взглядами оппозиции.

Председатель. Время уже истекло. Записалось еще 40 ораторов. Мы каждому даем по 10 минут.

Г о л о с. По хлебному вопросу 15 минут.

Председатель. Да, верно. Имеете еще 3 минуты.

Голощекин. В то время, когда оппозиция ставила вопрос так: удар не только по кулаку, удар по всему крестьянству (чем иначе является их политика цен на промышленные товары, как не ударом по всему крестьянству), мы ставим вопрос так: удар по кулаку, ни в коем случае не затрагивая середняка. Наконец, в их постановке не было сочетания удара по кулаку с развитием совхозов и колхозов. А это имеет огромное значение. Я считаю, что этот вопрос должен быть отмечен или в резолюции, или в выступлениях наших вождей с полной ясностью перед страной и перед массами. Кроме того, в резолюции надо еще более резко оттенить, или если не в резолюции, то в нашей практике оттенить, кто будет заготовлять. Это есть вопрос о нормальном ходе хлебозаготовок. Нужно определенно и ясно сказать, что заготовляют наши хлебозаготовительные аппараты. Мы стоим перед угрозой, что наши низовые организации, хорошо наученные нашим нажимом на них, с первого дня по инерции будут продолжать это и будут бояться, если они прозевают, что на них опять будет произведен сильный нажим. Поэтому надо сказать о роли партячеек с начала года в этом деле.

Второе, о чем нужно сказать, – это контингенты, которые мы беремся снабжать, ибо от этого будет зависеть, как на местах будут составлять хлебофуражные балансы. Ведь мы на местах можем включить целый ряд таких контингентов, которые, по существу, не надо включать, а от правильного решения этого вопроса будет зависеть правильное составление хлебофуражного баланса и, косвенным образом, правильное решение вопроса о базарах. Если ясно будет для такой-то части населения, что государство не берется его снабжать, если будет ясно сказано, что оно может само запасаться, – от этого будет зависеть правильная организация хлебных базаров. На этих двух вещах, я считаю, что нужно было бы более подробно остановиться.

Председатель. Слово имеет тов. Стецкий, следующий Хатаевич.

Стецкий. В той оценке положения, которую дал тов. Микоян, мы наблюдаем некоторое перемещение центра тяжести по сравнению с тем, что имеется в резолюции апрельского пленума и что имеется в той резолюции, которую предлагает сейчас Политбюро. В резолюции апрельского пленума и в резолюции Политбюро говорится относительно того, что наши теперешние затруднения имеют своим источником нарушение рыночного равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, имеют ошибки планового характера, которыми воспользовался кулак. У тов. Микояна упор был сделан в другую сторону: упор был сделан на так называемые объективные причины. Причем тов. Микоян перечислил здесь достаточное количество этих объективных причин: и наша техническая и хозяйственная отсталость, и кризис зерновых культур, и раздробленность крестьянского хозяйства, и недостаток товарности сельского хозяйства и т. д. и т. д. Когда тов. Микоян перечислял все эти объективные причины, у многих возник вопрос, не слишком ли много тов. Микоян объясняет за счет этих объективных причин. Нельзя же, в конце концов, все сваливать с больной головы на объективные причины, нельзя же, в конце концов, записывать все за счет господа бога. Я думаю, что кое-что надо оставить и на наш собственный счет. Для нас гораздо полезнее посмотреть именно на то, что от нас зависит, посмотреть на те ошибки, которые мы сделали для того, чтобы найти соответствующую линию в будущем. Мне кажется, что это было сделано у тов. Микояна недостаточно, и на это нам надо обратить самое серьезное внимание. Если взять даже те объективные причины, о которых говорил тов. Микоян, то совершенно несомненно, что среди этих объективных причин многие

самым непосредственным образом зависят от нашей собственной политики. Если мы возьмем такой вопрос, как задержка в развитии посевных площадей под зерновыми культурами, то этот факт точно так же зависит от нашей политики. Не так давно мы имели другое соотношение роста посевных площадей под зерновыми культурами и техническими культурами. Если мы возьмем 1926 г., то соотношение между ростом посевных площадей под зерновыми культурами и под техническими культурами выражалось следующим образом по сравнению с 1925 г.: в 1926 г. мы имели 107% зерновых культур и 92,9% технических культур (данные ЦСУ). Это было как раз в то время, когда мы имели низкие цены на технические культуры. В 1927 г. происходит пересмотр цен на технические культуры, и соотношение резким образом меняется. В 1927 г. мы имеем прирост площади посева зерновых культур 102% и технических культур 109%, по сравнению с 1926 г. Таким образом, мы видим, что этот вопрос относительно зерновых культур самым непосредственным образом связан с нашей политикой.

Если вы сейчас возьмете такую объективную причину, как товарность сельского хозяйства, конечно, в известной мере и она точно так же связана с нашей политикой: она зависит от нашей политики цен, от предложения промышленных товаров, ибо она есть функция товарного рынка. И мы знаем, что в этом году, когда мы имеем неблагоприятное соотношение цен на зерновые культуры с ценами других продуктов, можно наблюдать такого рода факты, когда зерновые культуры скармливались в крестьянском хозяйстве вместо того, чтобы идти на рынок. Совершенно ясно, что товарность сельского хозяйства точно так же в известной мере определяется нашей политикой. Поэтому мне кажется, что в связи с этим нам необходимо обратить серьезное внимание на нашу политику цен. Совершенно естественно, что для крестьянского хозяйства цены являются главным при наших рыночных отношениях, потому что цены определяют для крестьянина, сколько он может получить за свою продукцию. И в связи с этим, конечно, громадное значение имеет тот пункт резолюции, который говорит относительно того, что Наркомторгу предоставляется известная возможность маневрировать хлебными ценами. Этим маневрированием он должен воспользоваться для того, чтобы самым тщательным образом учесть соотношение цен между отдельными продуктами сельского хозяйства и продуктами промышленности и этим путем регулировать и направлять развитие сельского хозяйства.

Я думаю, что с этой стороны тов. Осинский, который здесь пытался произвести переоценку ценностей в области нашей политики индустриализации и пересесть на легкую индустрию и с общей линией которого мы никак не можем согласиться, он был в известной степени прав, когда он делал упор на этот вопрос, на проблему цен.

Осинский. С одной стороны, нельзя не признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться.

Стецкий. Вы должны предоставить мне право выбрать из вашей речи то, что мне представляется правильным. Я считаю правильным, когда вы делали упор на политику цен. Но само собой разумеется, что при наших условиях одной политикой цен дело не определяется. Об этом тов. Осинский не говорил; мы можем иметь великолепные индексы, поднять индексы сельскохозяйственного производства, и крестьянин может ничего не получить потому, что мы имеем в нашей стране товарный голод, и потому, что одни цены на хлебные продукты сами по себе далеко не определяют, сколько может получить крестьянин промышленных товаров. И поэтому мне кажется, что в дальнейшем нам придется идти на то, чтобы в определенные моменты, особенно в горячие периоды проведения хлебозаготовительной кампании, направлять в деревню промтовары за счет городского рынка.

Я думаю, товарищи, что нам, однако, теперь на этом пленуме никак нельзя ставить вопрос о заготовках как вопрос узко экономический, как вопрос хозяйственно-технический. Он всегда являлся вопросом политическим, а сейчас, в этот период он приобретает **сугубо политический характер**. Так мы этот вопрос и должны поставить. Мы никак не можем обойти сейчас те настроения, которые имеются в настоящее время в деревне и которые в значительной степени вызваны теми мерами, которые мы принимали в последнее время. И сейчас редакции наших газет получают ежедневно сотни крестьянских писем, сейчас приходят отпускники рабочие из деревень, которые приносят нам крестьянские настроения. И эти письма, и то, что говорят рабочие-отпускники о крестьянских настроениях, – это чрезвычайно тревожно. Владимир Ильич учил нас тому, чтобы мы самым внимательным образом следили за всеми обстоятельствами взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, чтобы учитывали настроения основной массы крестьянства и на этом проверяли нашу политику. Так мы должны делать сейчас. О чем говорят рабочие-отпускники? О чем говорят крестьянские письма? О чем говорят местные работники? Они говорят о том, что если мы на апрельском пленуме отметили, что в верхушечной части середняка имеется недовольство нашими мерами, то теперь приходится сказать больше: эти настроения недовольств распространены гораздо шире; они охватили не только середняка, но и известную часть бедноты, которая выражает свое недовольство тем, что сдала хлеб государству по заготовительным ценам, а сейчас этот хлеб не может получить ни от кооперативных органов, ни от кулака. В деревне идут разговоры, что вернулся 1919–1920 год, что вернулась продразверстка, что наша советская власть взяла курс против крестьянина и проч. и проч.

Г о л о с. А кто это говорит?

Стецкий. Это говорят крестьяне (ш у м, р а з г о в о р ы, в о л н е н и е в з а л е).

У меня есть пачка писем (если хотите, я могу эту пачку писем представить) и заявления рабочих-отпускников. Прав был тов. Андреев, сказав, что в деревне нет сплошного антисоветского фронта, что середняк не повернулся к нам спиной. Но известное охлаждение в его отношении к советам и партии несомненно есть. Если я говорю неправильно, если в деревне все хорошо обстоит, то вы должны меня поправить. Но мне кажется, что мы должны чрезвычайно трезво оценивать обстановку и избегать излишнего приукрашивания положения потому, что это может привести нас к самым скверным результатам. Еще на прошлом пленуме мы слушали речь тов. Иванова с Северного Кавказа, который рассказывал, как прекрасно обстоит в деревне на Северном Кавказе, как крестьяне чуть не аплодисментами встречают нашу хлебозаготовительную политику. И что получилось, тов. Иванов, потом? Оказалось, что за аплодисменты...

Иванов. Тогда не было всего этого, и дело было не плохо, вы забыли, что с того времени прошло три месяца дальнейшего нажима. (Ш у м, к р и к и, р а з г о в о р ы.)

Стецкий. Оказалось, что за аплодисменты вы приняли выстрелы в Кабарде.

Иванов. Что? (Ш у м, р а з г о в о р ы.)

Стецкий. За аплодисменты вы приняли выстрелы в Кабарде.

Иванов. Это демагогия, очень дешевая, ни гроша не стоящая. (Ш у м, р а з г о в о р ы.)

Стецкий. Я думаю, что мы самым внимательным образом должны присмотреться к тому, что делается в настоящее время в деревне и каковы настроения основной массы крестьянства.

Когда Владимир Ильич говорил относительно нашей политики по отношению к крестьянству, он говорил следующее:

«Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства».

«Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянства, к тому, чтобы учиться у крестьянина переходу к лучшему строю и не сметь командовать! Вот правило, которое мы себе поставили» (Собр. соч. Ленина, т. XVI, стр. 151)[148].

Мы кое в чем погрешили в нашей практике во время последней хлебозаготовительной кампании против этого правила, которое выдвигал Владимир Ильич. Я считаю, что мы погрешили не только в отношении нашей практики, – это мы должны отметить – кое-где создалась и своеобразная психология в связи с хлебозаготовительной кампанией, высказывались соображения, что мы можем припугнуть среднее крестьянство и таким образом провести нашу хлебозаготовительную кампанию, что мы можем путем применения 107 статьи, путем применения решительных мер против кулака воздействовать припугивающим образом и на этого среднего крестьянина для того, чтобы провести хлебозаготовки. Мне кажется, что эта психология чрезвычайно опасна, с нею мы должны бороться, и что на этих методах, на методах принуждения, мы строить смычку со средним крестьянством не можем. Мне представляется также чрезвычайно тревожным то, что нам в резолюции июльского пленума снова приходится повторять о том, что у нас были перегибы и извращения в нашей политике по отношению к среднему крестьянству и что эти извращения и перегибы, которые были несмотря на решительные указания апрельского пленума ЦК, что эти перегибы и извращения должны быть исправлены.

Это говорит относительно того, что наши организации были недостаточно настроены против этих перегибов и извращений и что нам нужно в дальнейшем приложить много усилий для того, чтобы их соответствующим образом настроить. Этот вопрос имеет огромное значение, особенно в связи с тем, что мы сейчас ведем политику наступления против кулака. Когда мы боролись с оппозицией, в частности в вопросе о кулаке, мы постоянно говорили, что кулак для нас опасен не только сам по себе, но и, главное, опасен потому, что может в известный момент опереться на среднее крестьянство.

Сталин. Мы этого не говорили. Либо опасен, либо не опасен.

Стецкий. Мы говорили, что сам по себе кулак опасен, но становится гораздо опаснее именно потому, что он может повести за собой среднего крестьянина. Я думаю, это совершенно ясно, что главная опасность кулака заключается именно в этом. Именно поэтому теперь, когда мы ведем наступление против кулака, нам всячески необходимо избегать всякого рода мер, которые могут задеть среднего крестьянина. Именно для того, чтобы осуществлять наше наступление против кулака по тем линиям, которые намечены XV партийным съездом.

И в связи с этим, это нужно со всей силой подчеркнуть в нашей резолюции, нам нужно настроить наши организации на то, чтобы не только избегать всякого рода извращений, перегибов и т. д., но употребить все усилия, чтобы загладить те ошибки, которые были сделаны, и изменить настроения среднего крестьянства в лучшую для нас сторону.

В связи с этим то заявление, которое сделал тов. Андреев, заслуживает самого серьезного внимания. Тов. Андреев сказал, что при повторном применении экстраординарных мер мы можем потерять середняка. Я думаю, что это заявление брошено не на ветер, что нам нужно самым тщательным образом учесть это заявление и в нашей резолюции, и в нашей практике.

Председатель. Слово имеет тов. Хатаевич, следующий тов. Угланов.

Хатаевич. Речь тов. Стецкого на меня лично произвела такое впечатление, что он своей сугубой, будто бы объективно критической позицией по отношению к деревенской политике нашей партии за последний период хочет нажить какой-то политический капитал. Он отделяет докладчика тов. Микояна от тезисов Политбюро, наводит какую-то тень на плетень, пытается создать мнение, что в партии и даже в ее руководстве есть такие люди, которые хотят продолжать политику перегибов и извращений по отношению к середняку, которые хотят экстраординарные временные меры превратить в постоянные и т. д.

Я не знаю, но до сих пор я думал, что у нас в партии как будто таких нет. Он нас агитировал, что не нужно к середняку применять те же методы нажима, которые проводились в отношении кулака. Но ведь это азбука, и против этого никто не спорит. Он именно тень на плетень наводил, и это дает право заключить, что Стецкий как бы представляет отсутствующего здесь тов. Фрумкина, письмо которого мы читали; тот ставит вопрос более четко: назад к XIV съезду[149], или назад к кулаку... (Ш у м, с м е х.) Позвольте, я хотел сейчас же пояснить... Фрумкин, который требует отказа от данной XIV партсъездом линии решительного наступления на кулака... (Ш у м.) Так мыслит тов. Фрумкин. (С м е х.) Товарищи, нечего смеяться, я не такой уж гладкий, лакированный оратор и прошу не ловить меня на обмолвках. Я имел в виду сказать, что так мыслит тов. Фрумкин и те, которые разделяют его точку зрения. Они считают, что мы раньше проводили политику, которая была более приемлема для кулака, и предлагают вернуться к этой самой политике.

С кем вы полемизируете, кого вы убеждаете, что не нужно нажимать на середняка, кого вы убеждаете, что по отношению к середняку не нужно применять и допускать административных перегибов, которые партия не рекомендует, кого вы пугаете, что можно середняка потерять, кого вы убеждаете, что не нужно прикрашивать положение в деревне? Кто прикрашивает? Не зря вы это говорите, вы-то прикрашиваете в другую сторону, вы освещаете положение в деревне в слишком мрачном свете. Вы говорите, что вся деревня сплошь толкует о том, что у нас возвращение к продразверстке, что вся она резко пропитана недовольством. То же самое написано в письме тов. Фрумкина, установочка та же самая.

Вы в Ленинграде живете, весьма в большом расстоянии от натурального всамделишнего мужика и середняка, а мы работаем в районах, которые поближе, и позвольте нам также знать настроение крестьянства. Вот мы недавно в Среднем Поволжье проводили территориальные сборы. Это очень хорошая проверка настроения крестьянства. Ни в каких других военных округах, кроме Приволжского, территориальные сборы не проводились. Разрешите доложить, что территориальные сборы в Поволжье, привлекшие много десятков тысяч крестьян, прошли много лучше, чем в прошлом году. Правда, мы там имели ряд ярких проявлений кулацкой активности и отдельные выступления, которые показали, что в армии имеются такие социальные элементы, которые не должны в армии состоять. Но эти выступления не захватили и совершенно не были общими для всей массы крестьян, которых мы притянули на эти самые сборы. В целом сборы прошли гораздо более организованно, с гораздо меньшим количеством неполадок, недовольств, конфликтов, чем в прошлом году.

Это все-таки что-то говорит, это показывает, что в деревне в целом мы имеем устойчивое положение, хотя, несомненно, в июне положение в деревне хуже, чем оно было в апреле и в марте. В марте, в результате проводившихся в январе и феврале мер по усилению хлебозаготовок, мы имели очень хорошее политическое положение в деревне. Мы имели значительный рост активности бедняцких масс, имели в общем и целом благоприятное положение среди основных середняцких масс. Сейчас положение

ухудшилось, но не надо рисовать это все в слишком уже мрачных красках. У нас в Советском Союзе более 100 млн. крестьян и 25 млн. крестьянских хозяйств. Если из них полмиллиона зажиточных, сейчас проявляющих в этом особо большую активность, напишут письма, то одного вагона не хватит, а надо целый поезд, чтобы погрузить эти письма, и вот вы берете одну пачку этих писем, потрясаете ими и кричите, что вся деревня волнуется, потрясена. Я имею все основания сказать, что вы впали в такую же панику, как и не присутствующий здесь тов. Фрумкин, что вы так же, как он, испугались возросшего озлобления и недовольства кулачества. Я не имел в виду заниматься спорами на общеполитические темы, я хотел использовать свои 10 минут исключительно для того, чтобы сделать некоторые чисто практические замечания, и к ним хочу сейчас перейти.

Вопрос, который сейчас многие задают, – это повезет ли хлеб кулак и крепкий середняк, сдаст ли он свои излишки без применения экстраординарных мер? На основании небольших данных из практики нашей Средне-Волжской области, я думаю, можно сказать, что без особых резких мер воздействия, нажима они значительную часть своих излишков сдадут. У нас в Хлебопродукте[150] сейчас уже много есть предложений от зажиточных крестьян, которые имеют 20–30 десятин посева, о том, чтобы у них купили хлеб на корню. До 1 июля мы этих покупок не производили, потому что мы сейчас занимаемся хлебозаготовками и считаем, что неудобно деньги завозить в деревню.

Ворошилов. Совершенно напрасно не покупаете.

Хатаевич. Не покупали потому, что до последнего времени это могло отразиться на текущих хлебозаготовках. Всего таких предложений к 15–20 июня было на 400–500 тыс. пудов. Эти предложения исходят от таких крестьян, которые имеют по 20 десятин посева, т. е. от хозяйств безусловно зажиточных. Я не знаю, везде ли такое положение или это только у нас в Среднем Поволжье, где виды на урожай весьма неплохи. Но для нашего района я не сомневаюсь, что не только середняки, но и значительная часть более зажиточных слоев деревни значительную часть своих излишков будут сдавать без необходимости повторения мер экстраординарного порядка. У нас в Среднем Поволжье урожай благоприятный, и если не будет какой-нибудь мглы, суховея и проч., а этого надо бояться только еще в течение 5–6 дней, то урожай у нас очень приличный.

Тов. Осинский вчера давал неверную справку насчет посевных площадей. Посевные площади в нашей области возросли на 15,6%, и озимые и яровые вместе взятые.

Косиор. Комбинированные данные?

Хатаевич. На 15,6% – это данные неполные. На деле мы имеем даже несколько большее увеличение посевных площадей. Я недавно был в Оренбургской губернии и некоторых других наших округах и убедился в том, что значительная часть посева не учтена. В Оренбургской губернии они считают, что у них посевная площадь 800 тыс. дес. при общей площади удобной земли в 3600 тыс.

Г о л о с. Это по всей области?

Хатаевич. Только по Оренбургской губ. По всей области посевная площадь у нас составляет $5^1/_2$ млн. гектаров. Я лично убежден, что фактическая посевная площадь по Оренбургскому округу не меньше 900 тыс. гектаров. Значительная часть посевной площади у нас спрятана, укрыта, и надо ее выявить. Так что фактическое положение...

Рыков. А увеличение посевной площади в ваших цифрах – это по всей области?

Хатаевич. По всей области. По Оренбургской губернии посевная площадь выросла на 30%, по Самарской губ. – на 20%, по Пензенской и Ульяновской – на 2,3%. В среднем 15,6%. Это рост по официальным данным, которые я считаю несколько преуменьшенными.

Косиор. Вся посевная площадь?

Хатаевич. И озимая и яровая – все вместе. Надо сделать некоторое разъяснение. Дело в том, что в 1927 г. в той же Оренбургской и Самарской губ. посевная площадь сократилась процентов на 10 по сравнению с 1926 г.

Г о л о с а. Вот то-то и оно.

Ворошилов. По сравнению с 1926 г.?

Хатаевич. По сравнению с 1927 г. – на 16%, так что благодаря этому у нас могут быть более благоприятные перспективы с хлебозаготовками. Я не знаю, как на Украине и Сев. Кавказе, но что касается нашего района, то я считаю, что крестьяне хлеб безусловно повезут.

Ворошилов. Виды на урожай какие?

Хатаевич. Виды на урожай благоприятные, но есть угроза, что часть урожая останется неубранной из-за чрезвычайно острого недостатка уборочных машин. Тов. Фрумкин пишет в своем паническом письме, что крестьяне не берут машин, что нет спроса, а у нас, наоборот, небывалый спрос на уборочные машины, который мы покрываем только на 35–40%. Мы забросали Москву телеграммами и имеем на бумаге благоприятный ответ, но машин не привезли и не отгрузили, а через несколько дней уже будет поздно.

Тов. Чубарь говорил, что у них без нагрузки стоят триера, а у нас работали в 3 смены ночью и днем не только триера, но даже самые скверные и паршивые сортировки. Мы их даже отбирали у частников на время и использовали, реквизировали для сортировки семян. Очевидно, на Украину завезли слишком много триеров. Здесь мы имеем дело с чьими-то ошибками в области регулирования и планирования машиноснабжения. Надо полагать, что не без воздействия тов. Чубаря НКТорг перерегульнул и с уборочными машинами. На Украине машинам оказалось делать нечего, а у нас значительная часть семян оказалась неотсортированной не потому, что крестьяне не желают сортировать, а потому, что не было не только триеров, но остро не хватало самых примитивных сортировок. В Татреспублике в марте-апреле стоял стон и крик от местных волостных работников: дайте сортировки, дайте триера.

Еще пару слов о нашем нажиме на деревню в последние 2 месяца. Тут тов. Андреев вчера сказал, что у них на Северном Кавказе в мае и июне было меньше перегибов; в нашем же районе нажим последних месяцев был значительно более жесткий, неприятный для крестьянина. Это был тяжелый нажим, ибо поневоле пришлось поднажать на значительно более широкие слои деревни, и всякого рода перегибов при этом было неизбежно больше, так как хозяйств, у которых были тысячи пудов хлеба, уже не было, и пришлось нажимать на такие, какие имели по 200–100 и менее пудов. Но нельзя в этих перегибах обвинять низовых работников. Мы ведь их замордовали; в январе-феврале мы им говорили: нажимай, работай изо всех сил – после, в апреле и дальше, маленько отдохнем, а оказалось, что не только об отдыхе говорить не приходится, а еще больше напрячь все силы для усиления заготовок. Даже в последние недели, когда мы им одновременно говорили: открывайте базары и усиливайте заготовки во что бы то ни стало, мы их ставим в тяжелое противоречивое положение. Повышение заготовок теперь достигается только методами подворной заготовки, а подворная заготовка – это значит обыск, лазание по амбарам, нажим: у тебя 100 пудов – вези 70. Из доклада т. Микояна все же выходит, что виноваты в перегибах местные работники. Это неверно.

Г о л о с. Микоян этого не говорил, наоборот, он защищал.

Хатаевич. В своем большинстве все факты и случаи даже наиболее резких перегибов неизбежно вытекали из того общего нажима, который проводила партия.

На апрельском пленуме ЦК мы записали, что не нужны меры экстраординарного порядка, – в апреле же, 30-го, мы получили телеграмму из ЦК[151], очень длинную, на 3 страницах, которая на деле обозначала: усиль нажим, потому что хлеба нет, а усиление нажима мы могли только проводить мерами экстраординарными.

Два замечания насчет снабжения в районах потребляющих и в районах производящих тех групп населения, которые не имеют своего хлеба, в частности бедноты. Тов. Шеболдаев уже говорил здесь, а я хочу подтвердить, что с гарнцевым сбором, который был выделен для снабжения бедноты, дело обстоит чрезвычайно скверно: во-первых, потому, что мы никак не можем наладить контроль за его поступлением. Как можно наладить контроль за каждым арендатором и владельцем ветрянки и всякой другой мельницы? В результате этот хлеб все равно в своей большей части идет по каналам спекуляции. А с другой стороны, еще хуже обстоит с использованием того гарнцевого хлеба, который нам удается заполучить. Он попадает служилому элементу, кому угодно, а беднота очень мало получает из него. Нужно отказаться в дальнейшем, чтобы за счет гарнцевого сбора обеспечивать те группы крестьянства, у которых не хватает своего хлеба до нового урожая. Пусть гарнцевый сбор поступает в кооперацию, хлебозаготовительным органам, Хлебопродукту в нормальном порядке хлебозаготовок, а на местах нужно создавать фонды в порядке местных заготовок для снабжения бедноты по устойчивым ценам.

Насчет снабжения этих же групп крестьянства в потребляющих районах. В проекте резолюции сказано, что это снабжение нужно проводить за счет местного товарооборота. Очень хорошо, я это поддерживаю, потому что, если сказать каким-то другим образом, это может быть истолковано так, что мы предоставили широкую возможность частнику завозить хлеб в эти районы, а было бы очень плохо, если бы мы допустили обратно крупного оптовика-хлебника на межгубернский всесоюзный хлебный рынок. В связи с этим нужно как-нибудь записать в резолюцию о сохранении экономического регулирования хлебных грузов на транспорте, так как у НКПС имеется мнение, чтобы от него отказаться. Нужно сохранить на транспорте экономическое регулирование, ибо в противном случае частник-оптовик вылезет на всесоюзный рынок и окажется в состоянии внести нам дезорганизацию на хлебном рынке. А на местах нужно усилить местные внеплановые кооперативные заготовки в потребляющих районах.

До последнего времени мы почти не заготовляли в потребляющих районах, а хлеб-то ведь там имеется. В этом году после сильного нажима в хлебозаготовляющих районах, когда на полях было хоть шаром покати – ни одной скирды хлеба, а в какой-нибудь соседней потребляющей губернии – Нижегородской, Чувашской, Вятской области – можно было видеть множество необмолоченного хлеба. Надо, чтобы внеплановые заготовки в потребляющих районах были больше развернуты, чтобы кооперация заготовляла, а если не хватает своего хлеба для внутреннего снабжения – пусть покупает из внеплановых заготовок в производящих районах. Надо этот вопрос более четко, организационно проработать.

В основном, товарищи, те предложения, которые включены в проект резолюции Политбюро ЦК, они полностью отвечают тому, что нам нужно делать, и никаких поправок и дополнений принципиально-политического порядка и повторений того, что уже было сказано в резолюции апрельского пленума ЦК, по-моему, не нужно делать, а то мы постоянно грешим слишком пространными резолюциями, грешим тем, что повторяем в резолюциях то, что написано три месяца тому назад, полгода, год назад.

Председатель. Тов. Угланов, следующий Угаров.

Угланов. Хотя тов. Хатаевич и рекомендовал не заниматься политикой, – он заявил, что приехал на пленум ЦК партии, чтобы не заниматься политикой...

Хатаевич. Я этого не говорил.

Угланов. Я думаю, что все-таки это маловато для секретаря областного комитета партии. Правда, он потом поправился и говорил о политике. Я считаю, что если для тов. Хатаевича вопрос о середняке является азбучной истиной, то этот вопрос, вообще как крупнополитический вопрос, для нашей партии является очень ясным. Но все же я думаю, что нельзя согласиться с тем доводом, к которому тов. Хатаевич отсылает, что раз все ясно, то говорить не о чем. В этой общей ясности вопроса наряду с теоретической ясностью вопроса есть конкретная обстановка, которая меняется. И тов. Микоян в своем докладе, и затем Андреев в своей речи определенно указали, что кое-какие изменения в этой конкретной обстановке, т. е. в вопросе взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, со средним крестьянством, произошли за этот год; и мы тут ни в коем случае уклониться от обсуждения и выяснения этого вопроса не можем, так, как это рекомендовал тов. Хатаевич. Наряду с тем, что говорил тов. Микоян о колебаниях среди середняцкой и беднейшей части крестьянства, заведующий отделом по работе в деревне ЦК партии тов. Бауман после поездки в Башкирию и Татарию[152] высказывал свои соображения, что крестьяне осенью не повезут хлеб, он высказывал предположение, что не придется ли приступить к обложению натурналогом верхних слоев крестьянства. Это вещь серьезная, а тов. Хатаевич рекомендует, что это вопрос ясный. Да, теоретически он ясен, но в конкретной обстановке, так, как этот вопрос о середняке сейчас сложился, есть неясности, которые требуется на пленуме ЦК со всей полнотой и спокойствием выяснить, для того чтобы принять такие исчерпывающие мероприятия и решения, которые в эту конкретную обстановку внесли бы полную ясность, для того чтобы колебания, которые есть в известной части крестьянства, в кратчайший срок преодолеть. Исходя из этой обстановки, нельзя говорить, что «я приехал на пленум ЦК с тем, чтобы не заниматься политикой».

Хатаевич. Так мною не было сказано.

Угланов. По этому вопросу вступать в прения с вами я не буду, тов. Хатаевич. Я считаю, что правильно указание тов. Андреева, который сказал, что середняк сейчас насторожен, не зная, что дальше будет; и второе определение положения в Сев. Кавказе, которое сделал тов. Андреев: «Нам нельзя так заготовлять хлеб в будущем году, иначе мы середняка потеряем». Я думаю, что это заявление тов. Андреева, когда он сказал, что он это свое мнение излагает, опираясь на мнение товарищей из краевого комитета партии, заслуживает самого серьезного внимания. Если мы скажем, что это определение, которое дал тов. Андреев для Сев. Кавказа, нехарактерно для всей нашей страны, то, во всяком случае, Сев. Кавказ – мы знаем, что он собой представляет в нашей стране. Эту казацкую Вандею[153], мы знаем, каких усилий советской власти стоило усмирить, и поэтому мимо этого вопроса проходить нельзя. Это не паника, товарищи, не что-нибудь отвлеченное, а конкретная оценка вещей как они есть, для того чтобы из этой конкретной оценки сделать правильный вывод, чтобы трудности, которые есть, преодолеть. Вот в чем суть. Я думаю, что нужно будет решение ЦК партии, которое будет принято в советском порядке, так принять, так его сформулировать, так его опубликовать, чтобы действительно крестьянская масса, основная крестьянская середняцкая масса, действительно ясно поняла, полностью поняла, что говорит им это решение партии, что говорит им это решение советского правительства, чтобы это решение было бы не обычным решением, а политически крупным решением, которое сразу начало ломать ту психологию, которая есть в известной части крестьянства, что якобы мы идем к военному коммунизму. Вот как нужно поставить вопрос. Эти решения, которые вносятся Политбюро на пленуме ЦК, подчеркиваю и говорю, что в советском порядке надо их так опубликовать, чтобы ту силу колебаний, которые имеют ме-

сто в середняке, о чем тов. Микоян цитировал Владимира Ильича, – что эта «сила колебания» огромная и что при других условиях она может нам причинить большой вред, – нужно эту силу колебаний сделать устойчивой, чтобы было меньше элементов колебаний в теперешний период. Мы крестьянский вопрос не можем поставить изолированно от рабочего класса. Как-никак, во мне будет тут говорить потребительская точка зрения, но мы такой потребитель, который представляет миллионную армию пролетариата в гор. Москве, мы знаем, что у нас сейчас в большом количестве городов или карточки, или суррогат карточек, или какие-то ограничительные, регулирующие, потребительские мероприятия. Вот в чем суть. Давайте добросовестно ответим на вопрос: такое положение на одиннадцатом году нашей революции разве не вызывает тревоги и сомнений в рабочем классе? Я вам прямо говорю, товарищи, – а мы не оторвались от партийной массы и широких рабочих масс, мы настроение знаем, – мы прямо говорим, что это очень настораживает рабочие массы. Они ищут корней наших затруднений. Вот в чем суть. Это можно сейчас видеть на каждой фабрике, заводе и т. д. Само собой понятно, если бы у нас это дело затянулось – всякого рода перебои в снабжении и недостаток продовольствия, суррогатные мероприятия нашего регулирования и т. д. – они рабочим классом не могут быть одобрены, это ясно, и это долго продолжаться не может. Об этом надо на пленуме ЦК партии сказать, и это я говорю потому, что мы чувствуем это. Я ни в какой степени не стесняюсь это сказать, я считаю своим долгом это сказать, нисколько не боясь, что кто-нибудь из товарищей, не желающих заниматься политикой, пожелает мне пришить уклон в панике. Мы этого не боимся, а мы говорим Центральному Комитету партии то, что есть.

Другая сторона вопроса – это рабочие, связанные с деревней. Ведь природу-то российского пролетариата мы прекрасно все знаем, он в очень большом проценте связан с деревней, и сила колебаний или размер колебаний, степень колебаний, происходящих в деревне, в середняцкой среде, переносится на рабочий класс. Я вам скажу, что в особенности пролетариат Центральной России, в особенности московский пролетариат, его многомиллионная армия, является выходцем, в громадном своем большинстве, из Центральной России, бесхлебной России и т. д. Здесь деревенские колебания на рабочий класс переносятся в большой степени. Вот в чем сила. От того, что природа пролетариата Центральной России плоха, связана с деревней, от этого фактическое положение вещей не меняется, остается таковым, и нам с этим приходится считаться. Вот почему сейчас эти деревенские настроения в некоторой степени усилились, когда сейчас создалось положение, что из Москвы рабочими отправляются в Калугу, Рязань, Смоленск, Тулу, Ярославль, Владимир и в другие северные губернии хлебные посылки своим семьям (само собою разумеется, это временно, мы это преодолеем). Это, несомненно, изменения в настроение рабочих вносит, и надо на пленуме Центрального Комитета об этом сказать отчетливо, и надо сказать, что такие явления в кратчайший срок времени должны быть преодолены. Как преодолеть эти трудности?

Ворошилов. Это самое главное!

Угланов. Я считаю, что о наших мероприятиях по поднятию крестьянского хозяйства в последнее время стали больше говорить в печати. О том, что записано в резолюции Политбюро ЦК, об этих мероприятиях по поднятию крестьянского хозяйства надо сказать еще с большей отчетливостью, а после резолюции сказать о них в решениях советского правительства, подчеркивать это в выступлениях руководителей советского государства, чтобы путаницы не было. А путаница есть и на рабочих собраниях, и на партийных собраниях. Мне самому пришлось с ней столкнуться. Когда я сказал, что задачу поднятия индивидуального крестьянского хозяйства мы не снима-

ем, мне сказали: что же вы выступаете против решения XV съезда, XV съездом постановлено, что ставка должна быть на колхозы. Есть такая путаница.

Сталин. Есть, есть.

Угланов. Надо это сказать отчетливо. Если это ясно нам самим, то надо сказать так, чтобы ясно было всем, сказать отчетливо. Возьмите решения XV съезда партии. Я думаю, нам нужно всегда помнить одно правило: если мы, квалифицированная часть партии, руководители партии, ее Центральный Комитет, понимаем данный вопрос, он нам ясен, то далеко не всей миллионной партии и миллионам пролетариата он также ясен. Тут по отношению к партии и пролетариату педагогикой, популяризацией и разъяснением решений XV съезда партии надо заниматься почаще, иначе путаница неизбежна, в особенности в таких важнейших вопросах, как крестьянский вопрос.

Перейду теперь к мероприятиям по преодолению трудностей по части регулирования. Тов. Сталин в своей опубликованной речи, произнесенной недавно[154], признавал, что государство слишком много взяло на свои плечи и что нужно кое-что с него снять. В резолюции также это признается, и выступавшие до меня товарищи признавали также, что мы слишком много взяли на свои плечи. Это правильно. Очевидно, мы несколько перегнули. Очевидно, мы на плечи пролетарского государства взвалили ряд материальных функций, которые на данной стадии развития нашей страны выполнены быть не могут, мы с ними не справились. Берем много, а выполнить не можем. Исходя из этого, вырастают тенденции к более жесткой централизации, которая на деле выполнена быть не может и превращается в бюрократическую штуку.

Раз мы признаем, что нужно от некоторых задач отказаться, я считаю, что в число мероприятий по подготовке к новому хлебозатовительному году, которые предлагает Наркомторг на утверждение Центрального Комитета и правительства, должно быть включено указание о серьезных изменениях на предмет сокращения плана заготовок, о чем говорили тов. Андреев и тов. Голощекин.

Я думаю, что нам на это нужно пойти, а раз так, то нам нужно сделать из этого соответствующий вывод. За счет сокращения централизованного плана какие нужно проделать мероприятия? Очевидно, в известных размерах нужно предоставить право местным органам производить заготовки, а также частнику. Как, в каких размерах – это вопрос деловой, практический, его можно подсчитать, а принципиально нужно внести в этот вопрос совершенную ясность и на это нужно идти.

Теперь перейду к другим показателям нашего регулирования. Вот, за последний год возьмем масло подсолнечное, снабжение городов, в частности по Москве (ну, а о Москве больше всего заботятся!), на протяжении всего года снабжение подсолнечным маслом идет на 30–40% потребности населения. Это один из показателей того, как большой централизованный план снабжения, который имеется у нас на бумаге, как он выполняется на деле. С коровьим маслом в течение года целый ряд перебоев, а сейчас наши московские заготовительные органы на 1 июня уже для зимнего запаса должны были заготовить около 100 тысяч пудов коровьего масла и ничего не заготовили. А ведь сейчас самый лучший и самый боевой сезон для масляных заготовок. Тут неуспех лежит в общих наших экономических причинах, в общих трудностях, в общих наших ошибках и в ошибках регулирования. Но все-таки нам нужно подумать конкретно, как их преодолеть. Вот в чем суть.

Мясные заготовки – они тоже за истекший год шли скачками. Тов. Микоян говорил, что у нас дело так идет: местные органы хватают, чтобы самим побольше взять в свои руки. Эта тенденция есть, но все-таки ваши централизаторские тенденции ограничить местные органы – налицо. Ведь ты, тов. Микоян, знаешь, как мы с Калининым в президиуме ЦИКа СССР провалили твою идею организовать птично-яичный синди-

кат. Он перенес в Политбюро. Сначала было приняли, а потом, когда разобрали, то все по очереди, и тов. Сталин, и тов. Ворошилов и др., признали: да, это ошибка была.

Рыков. Еще «Союзсено».

Угланов. Здесь нельзя сваливать на то, что у местных органов есть тенденция наступательная, вышибить частника и т. д. Мы большевики-централисты, но каждому из нас понятно, что если зацентрализуешь, завяжешь не вовремя, то получится каша.

Косиор. То не успеешь развязать.

Угланов. Силы за 7 лет новой экономической политики, правильной политики по отношению к крестьянству, у нас накопилось много, а даже те трудности, которые создались за последние полгода, если мы по-настоящему, твердо, реально возьмемся за них, мы эти трудности преодолеем.

Но я считаю, что нам в области нашего регулирования нужно внести серьезные изменения. Если зацентрализуешь на несоответственной стадии хозяйственного развития, то этот централизм может превратиться в бюрократический централизм, который является тормозом в хозяйственном развитии. У нас, несомненно, этот недостаток есть, его нужно преодолеть, исправить и т. д. Я вам могу привести пример с рыбой. К сожалению, я не взял официальной справки из Рыбного синдиката. Надо сказать, что нынче у нас большой недолов рыбы. Я имею к этому делу некоторое касательство и потому им интересуюсь. Весной ко мне пришел председатель Астраханского губисполкома т. Амосов, бывший нижегородский рабочий, хороший, толковый товарищ. Зачем он пришел? Затем, чтобы получить совет, как поступить с капиталистическими элементами на рыбном фронте. Он говорит мне: план рыбной ловли у нас на 15 млн. пуд. У нас имеются материальные средства и организованные силы для того, чтобы получить улов в 13 млн. пудов. Частнику мы хотим дать 2 млн. пудов, а он просит поймать 5 млн. пудов рыбы. Я ему говорю: пусть ловит, рыбы у нас не хватает, мы удовлетворяем потребность в рыбе на одну треть, пусть ловит. Он говорит: я не могу получить ясного, членораздельного ответа на этот вопрос. Решение партии говорит: наступай на капиталистические элементы, повышай удельный вес социалистических элементов, снижай удельный вес частника и т. д. Мы хотим снизить. В ответ на это я ему сказал: нам нужна рыба, в первую голову. Можете поймать 15 млн. пудов рыбы – ловите. Частник может поймать 5 млн. пудов – пусть ловит, потому что рыбы у нас не хватает. Я не знаю, как они поступили, но у нас на рыбном фронте в Астрахани большой недолов рыбы, мы будем сидеть с воблой, но без селедки. Я привожу этот пример для того, чтобы показать, какая путаница по этому вопросу существует в головах даже наших ответственных работников. По вопросу о борьбе с частником, о наступлении на капиталистические элементы надо исходить из того, что решения съезда партии приняты, но нужно учить, как проводить эти решения в жизнь. От этого отказываться нельзя, мы должны это сделать. Если нам, здесь присутствующим, этот вопрос ясен, то на примере даже очень квалифицированного политического работника, хорошего рабочего, председателя губисполкома мы видим, какая путаница получается в головах наших даже руководящих работников.

Перейду теперь к вопросам планирования, о чем говорил здесь тов. Микоян и о чем говорится в резолюции ЦК. Я считаю, что те ошибки, которые нами были допущены, так и должны быть названы ошибками, так прямо и надо сказать, что то, что мы нагромоздили, напутали, это является нашими ошибками. Эти ошибки в области планирования создают серьезные трудности. За примерами в этой области нам далеко ходить не приходится. Я с тов. Куйбышевым беседовал по вопросу о льне. Он сказал, что тоже будет говорить об этом. Но я его опережу, потому что этот вопрос нас за печенки берет. Я хочу напомнить, что на апрельском пленуме ЦК я выступал и говорил, что к

числу трудностей, ошибок планирования хозяйства относится неумение организовать получение сырья. Очень яркий пример этому мы видим на вопросе о льне. Этот вопрос стоял у нас на пленуме Московского комитета. Он достаточно подробно был освещен в моей речи[155]. Тов. Килевиц, председатель Текстильного синдиката[156], официально заявил, что льняные фабрики текстильной промышленности с количеством 100 тыс. рабочих из-за недостатка сырья будут стоять 72 дня. На такие вещи надо смотреть. К чему это нужно отнести: тут общие социально-экономические причины, тут вопрос о соотношениях города и деревни, но все-таки, товарищи, нельзя на это сваливать. Этот прорыв продолжается уже 3 года. У нас падение посевной площади льна продолжается 3 года. В 1927/28 г. мы по посевной площади льна не достигли 1925 года. Такие вещи разве можно обходить мимо? Нельзя обходить.

Тов. Микоян, я не помню, в своей речи или в заключительном слове на апрельском пленуме сказал в ответ на мою речь, и в личной беседе он говорил, что дело будет обеспечено, лен будет.

Косиор. На Политбюро говорил.

Угланов. И просчитался. Мы потребовали составления комиссии. Политбюро поручило СТО составить комиссию, чтобы рассмотреть этот вопрос. Сначала определили, что фабрики будут стоять 29 дней, потом – 42, а теперь – 72, а сведущие практические люди утверждают, что это будет больше 3-х месяцев. Мимо такой проблемы можно проходить или нет?

С кожей тоже дело не блестяще обстоит. Кожевенный синдикат в полемику вступил с тов. Молотовым и хвастается тем, в ответ на критику Молотова, что у него все хорошо. Они закрыли 7 тысяч различных мелких предприятий, кустарных и частных, собрали при помощи этого сырье и считают себя именинниками и говорят, что будут так продолжать. Я думаю, что если Кожсиндикат будет такую политику впредь продолжать, то государственная кожевенная промышленность процентов 40 населения обует в сапоги, а процентов 60 будет ходить в лаптях. Я знаю, что по этой линии у нас пойдет обострение отношений с средним крестьянством, и едва ли оно нас будет за это благодарить.

Я по дороге говорил с тов. Осинским, он зря насчет текстильной промышленности пугает. Дело наших взаимоотношений со всей массой крестьянства лежит не только по линии потребления, наши взаимоотношения социалистической индустрии с крестьянским хозяйством лежат и по линии непрерывной систематической помощи для поднятия крестьянского хозяйства, культуры и техники сельского хозяйства.

Сталин. Именно! А не только потребительских нужд.

Угланов. А раз стоит задача поднятия культуры и техники в сельском хозяйстве, то дело помощи и обслуживания сельского хозяйства должно идти по линии тяжелой индустрии. У нас в понятие «тяжелая индустрия» больше всего вкладывается металлургическая промышленность. Я согласен с тов. Бауманом, когда он последние месяцы говорит о том, что нам нужно, очевидно, химическую промышленность перечислить в тяжелую индустрию.

Сталин. Она перечислена давно.

Угланов. Мы-то ее перечислили, но еще нет этого понятия у широких масс.

Рыков. И ты спутал, зачислив в своей стенограмме ее в легкую промышленность.

Угланов. Когда я говорил, Алексей Иванович, на пленуме Московского комитета об изъятии прибылей из химической промышленности и называл ее легкой, я под этим понимал ту, которая делает туалетное мыло, косметику и у которой нужно отчислять средства. Это жировая промышленность, и об этой промышленности я говорил, что надо у нее отчислять деньги на тяжелую индустрию.

Таким образом, выполняя задачу планомерного снабжения крестьянского хозяйства средствами для поднятия его производства, мы должны заботиться об удовлетворении и его потребительских нужд, что тоже имеет актуальнейшее значение. Вот по какой линии это должно пойти. Когда на эти вещи посмотришь, то нужно признать, что в области регулирования и планирования все-таки у нас дело обстоит не блестяще; ошибки, которые мы имеем, нельзя перекрыть бурным ростом. Бурный рост хозяйства мы имеем, но вчерашний день тов. Микоян и целый ряд ораторов говорили, что у нас разрастается кризис. При бурном темпе роста нашего хозяйства разрастается кризис. Значит, что-то у нас неладно. Наряду с ростом классовых противоречий, которые имеются в стране, все-таки этим перекрыть нельзя те крупные ошибки в области организации хозяйства, которые имеются налицо, и надо будет подумать и найти корни этих ошибок. Вот в чем суть.

Я думаю, что на пленуме ЦК это надо говорить, я говорил в Политбюро это и говорю здесь. Нам нужно самым внимательным образом следить за соотношением развития города и деревни, о чем говорил Владимир Ильич много раз. Надо делать так, чтобы экономическое наше движение вперед было все время непрерывно и вместе с тем чтобы мы все время вели за собой многомиллионную крестьянскую массу. Все ли тут правильно, не нарушены ли пропорции и т. д., когда мы стоим перед целым рядом трудностей, вот этот вопрос надо поставить, посмотреть на него добросовестно: есть ли ошибки, если есть – исправить с тем, чтобы внести ясность. Вот какие вопросы сейчас напрашиваются. Лишний раз вопрос просмотреть, лишний раз проверить, внести ясность, отчеканить дорогу, по которой надо идти, – это, я думаю, товарищи, одно из правил нашей большевистской партии по руководству рабочим классом и крестьянством.

Председатель. Слово имеет тов. Угаров.

Г о л о с а. Перерыв, перерыв.

Председатель. Я думаю, дадим слово т. Угарову, а потом объявим перерыв. После перерыва первый оратор тов. Мельничанский.

Угаров. Я думаю, всем ясно, что мы в нынешнюю продовольственную кампанию этого года вступили в худших и более тяжелых условиях, чем мы вступили в эту кампанию в прошлом году. Как мы видим из доклада тов. Микояна, у нас никаких почти запасов хлеба сейчас не имеется, и отсюда все те настроения, вопросы, которые появились в последнее время в разговорах и в нашей печати. У нас принято так делать, что, когда нам тяжело, мы бросаемся искать корень этого вопроса, ставится вопрос о крестьянстве, о середняке и т. д. Я думаю, никто не будет здесь говорить, что нашу политику по отношению к середняку нужно изменить или по отношению к кулаку. Тут ясные директивы партийного съезда, мы по ним пойдем. Но у нас сейчас получается тяжелое положение из-за того, что мы не выполнили всех обещаний, которые мы давали бедноте. Нельзя сказать, что бедняк против нас, он за нас, но бедняк стоит за продолжение той политики, которую мы проводили несколько месяцев тому назад. Хлеба у бедноты нет, вы знаете, они говорят нам: вы обещали дать нам хлеба, мы, для того чтобы поддержать вас, свои небольшие запасы хлеба, которые были, вывезли, давали вам, и сейчас мы очутились действительно в тяжелом положении. И бедняк напирает на нас. Дать мы этому бедняку, как видно, на ближайшее время ничего не можем, и отсюда плохое настроение. Сейчас в деревне, конечно, хуже настроение, чем было несколько времени тому назад. Об этом спора нет. У рабочих хуже настроение, чем было несколько времени тому назад. Мы в наитягчайших условиях проводили новую колдоговорную кампанию, мы из нее вышли, к этому прибавились другие вопросы – хлебозаготовительная кампания.

Я недавно делал доклад на активе Московско-Нарвского района по вопросу о самокритике, и там мне была подана масса записок, и большинство этих записок относится к вопросам о хлебозаготовках и об отсутствии хлеба.

Косиор. Вообще о хлебе.

Угаров. И сейчас еще у нас, хотя пролетарий в Ленинграде и меньше связан с деревней, но он все-таки в деревню ездит, с деревней он связан и оттуда привозит эти деревенские настроения. И тут, конечно, начинаются разговоры среди рабочих, задаются вопросы, известная настороженность есть. В деревне хлеба нет, и они в городе стараются запастись хлебом. У нас к тов. Комарову, председателю исполкома, приходили рабочие и говорили: «Разрешите нам отсюда послать в деревню хлеб». Я был у одного товарища, у него работница ходила на рынок, и эта работница там в лавке увидела своих знакомых, за 60 верст приехавших за хлебом. От этих настроений никуда не уйдешь, кругом Ленинграда хлеба мало.

Косиор. Урожай плохой?

Угаров. Урожай плохой, дожди каждый день идут, вся картошка погнила, на лен виды тоже не блестящие. О настроениях можно судить еще и по другим, отдельным нашим каналам. Я был недавно в одной территориальной дивизии, подшефной ленинградским рабочим, в 20-й дивизии. Я говорил с рабочими (там есть разная публика: есть рабочие, есть и деревенская публика), у рабочих настроение более или менее хорошее, а у крестьян настроения зависят от того, какие письма они получают из деревни. В эту территориальную часть приезжают из деревни крестьяне и питают ее своими настроениями. Я думаю, конечно, в панику впадать нечего. Были положения и похуже.

Ворошилов. И будут положения похуже еще.

Угаров. Партия выходила из этих трудностей, но тут, я думаю, есть некоторая опасность, которая заключается в том, что у некоторых товарищей как будто проскальзывает, что все хорошо, все благополучно. Я думаю, о таком благополучии никто сказать не может. Такие благополучные настроения есть. А с другой стороны, у иных товарищей настроения панические. Я думаю, что с этими настроениями нужно бороться, чтобы они не передавались дальше. В резолюции я читаю такой пункт: «Решительно отметая контрреволюционную болтовню об отмене нэпа...». А дальше идет об ограничении кулака. Я хотел остановиться на вопросе об отмене нэпа. Надо поглядеть, откуда идут эти разговоры и что мы сделали по этой линии. Мы перерегулировали и перепланировали на этом участке. И у некоторых создается впечатление такое, что партия идет по линии уничтожения нэпа. Возьмите деревню так, как она есть. Что в этой деревне осталось сейчас? Ведь под нэпом мы подразумевали, что на известных условиях допускаем частника и спекулянта...

Косиор. Может кормиться.

Угаров. Вот именно, «может кормиться». Но в деревне нэпа осталось немного, кое-где вы можете найти и найдете нэп под вывеской «чайная».

Сталин. Спрятался.

Угаров. Видел я, я ездил кругом Ленинграда, был и в других губерниях, я видел – написано «чайная» купца такого-то, а остального нет, больше ничего нет. Лавочек больше никаких нет.

Косиор. Поэтому мужик недоволен.

Угаров. Может быть, поэтому. Мы пошли по линии того, что отвернули голову этому частнику, но ошибка наша заключается в том, что мы не пошли по линии вытеснения частника экономическим путем, а вытеснили его другим путем, каким – вы все знаете.

Косиор. Через Наркомфин?

Угаров. Да, через Наркомфин. Если здесь будет выступать тов. Комаров, он вам расскажет, как валится торговля в Ленинграде, как частник с рынка сейчас свертывается и уходит. Куда уходит? Мы ищем следы и находим их (с м е х).

Г о л о с. В подполье уходит.

Угаров. Часть в подполье, а часть уходит в артели, которые частник организует.

Косиор. А ты как, через ГПУ ищешь?

Угаров. Ты знаешь, что у нас много методов есть.

Создают какую-нибудь фиктивную артель либо какой-нибудь фиктивный кооператив, чтобы ускользнуть от нашего налогового меча, который применяется нашими органами НКФина, ускользает от фискального обложения, свертывается. В деревне частника нет, а в городе мы его задушим. Отсюда пошли разговоры о том, что наша партия взяла курс на уничтожение этого самого нэпа. Я думаю, что это было бы нашей величайшей ошибкой. Тут многие товарищи говорили о том, что тов. Микояну по своей работе не следует уже так рассчитывать на планы и верить в них на все 100%. Тов. Микоян написал план, на бумаге он хорош, а на деле он все-таки не сходится с теми предположениями, которые были. И если мы выдали вексель, что будем забирать весь хлеб, что государство монопольно будет закупать его и потом всем давать, то из этого в ближайший период времени ничего не выйдет. Тут нужно в известной мере допустить, чтобы был какой-то местный товарооборот. Чем живет беднота? Беднота живет тем, что она осенью заготовляет хлеб на целый год, а в этом году мы не дали ей этой возможности. Беднота с осени закупает 2–3 четверти хлеба, запасается им и как-то питается, а в этом году, благодаря той политике, которую мы проводили, она этого сделать не могла. Кроме того, было обещание, что советская власть, что наша большевистская партия накормит бедноту.

Теперь относительно вопроса о ценах. Я не знаю, какое будет повышение, тов. Микоян не сказал об этом.

Г о л о с. Сказал, 20–25 коп.

Микоян. Это предположение, которое не утверждено Политбюро.

Угаров. Я думаю, что придется пойти на повышение цен на хлеб, потому что иначе мы не выйдем из тяжелого положения.

Микоян. Сбытовых цен.

Угаров. Теперь я остановлюсь еще на одном вопросе. Мы закупаем рожь дешево, но нельзя ли как-нибудь, тов. Микоян, уменьшить наросты, которые бывают, пока хлеб доходит до потребителя. Их слишком много. Нельзя ли срезать те накидки, которые образуются, когда рожь доходит от производителя до потребителя, и за этот счет прибавить...

Рыков. На индивидуальном хлебе советский нарост.

Угаров. Нарост есть, потому что невыгодно производить хлеб. Тут говорили, что хлебом кормят лошадей, так как он стоит дешево, а овес – 8 целковых. Картошка дороже хлеба стоила нынче, и тут нет стимула у крестьян идти просто по линии производства наших зерновых культур. Крестьяне переходят на что-нибудь другое, но не на эти культуры, поскольку это невыгодно.

Теперь последнее замечание. В этом году у нас чрезвычайно плохая урожайность. Я вот работаю в одном учреждении, в Осоавиахиме, председателем областного Осоавиахима, и мы проделали следующее: наши профессора заложили в деревне несколько агрономических участков в Северной области. И вот недавно, месяц тому назад, профессор (фамилия его Сытин, кажется) делал у нас доклад в президиуме Осоавиахима о тех опытах, которые он под флагом Осоавиахима в деревне проделал. Были

привезены образцы урожайности крестьянских полей и урожайности этого самого профессора, где он проделывал эти опыты. Овес на поларшина длиннее, рожь у него на три четверти длиннее. Тогда я задал вопрос: это сделано на маленьком участке, а можем ли мы на большом участке так поднять урожайность?

Г о л о с. Солома или зерно длиннее?

Угаров. И солома длиннее, и зерно длиннее, и все. (С м е х.)

Шверник. А в весе?

Угаров. По весу я не вешал, товарищи (с м е х). Но должен тебе сказать, тов. Шверник, что эта рожь поконкурировала бы с твоей уральской рожью.

Мы должны по линии той пойти, чтобы сейчас часть средств, которую мы даем на поднятие сельского хозяйства, больше бросить в эту область.

Г о л о с. Куда?

Угаров. В область минеральных разных удобрений. Профессора там сидят, какие-то минеральные удобрения нашли. Это я плохо понимаю в химии (с м е х). Не те, которые называют суперфосфатом, а иные нашли.

Сталин. Есть, есть.

Угаров. Вот видите, товарищи, говорят, что есть. Надо все использовать в этой области для того, чтобы пустить на поднятие нашей урожайности.

Сталин. Правильно.

Угаров. Совхозы – дело хорошее, они наша база, но я боюсь, что мы всегда так по-большевистски делаем: навалимся всей деревней на одно, а другое забываем. (С м е х.)

Сталин. По всем линиям надо идти.

Угаров. Я боюсь, чтобы мы не занялись только совхозами и не затеряли индивидуальное крестьянское хозяйство. Нужно помнить, что мы в течение десятков лет будем кормиться крестьянским хозяйством.

Сталин. Правильно.

Угаров. Следовательно, для этого не нужно забывать эту нашу главнейшую задачу.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет тов. Мельничанский.

Мельничанский. По-видимому, проект, предложенный Политбюро, является правильным и приемлемым для всех, потому что никто из товарищей не спорил против вносимых предложений, некоторые товарищи лишь отмечали о необходимости некоторых дополнений. Товарищи правильно указывали на необходимость, чтобы эти самые предложения были переработаны в советском порядке: необходимо возможно шире выявить перед крестьянами и рабочими ту линию, которую наша партия будет проводить. Я с этим вполне согласен.

Я хотел бы остановиться, однако, на некоторых моментах доклада тов. Микояна. Нам уже приходилось неоднократно с тов. Микояном спорить, когда он выдвигал те или другие предложения, те или другие цифры, и потом нам приходилось расхлебывать эти цифры, просчеты, правда, вместе с тов. Микояном.

Тов. Микоян правильно сделал, что увязывал в докладе вопросы положения промышленности с вопросами хлебозаготовок. Мне кажется, однако, что ему нужно было бы немного углубить вопрос о состоянии нашей промышленности, потому что в разрезе его доклада создается такое впечатление, что в области нашей промышленности все у нас обстоит благополучно – производительность поднялась, зарплата поднялась, что мы имеем кризис только в области хлебозаготовок.

Микоян. И льна.

Мельничанский. О льне я скажу. Я к этому вопросу подойду. Я думаю, что здесь вопрос не только о льне, но и хлопке и о целом ряде серьезных проблем, которые стоят перед нашей промышленностью.

Тов. Микоян говорил о льне. Мы с тов. Микояном спорили в Политбюро, когда он уверенно заявлял, что обеспечит полностью льном льняную промышленность. Он тогда гарантировал, что соберет 9 200 000 пудов и предоставит промышленности 7,5 млн. пудов льна. Мы тогда уже указывали, что не выйдет, давали свои цифры и предлагали целый ряд мероприятий, в том числе сокращение экспорта льна, чтобы льняная промышленность была обеспечена. Но уверенность и заявления тов. Микояна, поддержанные тов. Куйбышевым, кое-кого несколько успокоили. Тов. Куйбышев тогда же, после выступления Микояна, взял также слово и сказал, что мы гарантируем льняной промышленности 7 с половиной млн. пудов. Тов. Угланов, Сталин, Калинин и другие товарищи, присутствовавшие там, наверное, помнят об этом. В результате, однако, было получено промышленностью не 7 с половиной миллионов, а 5 с половиной миллионов пудов. Тут просчет был большой, и правы те товарищи, которые говорят, что льняная промышленность будет стоять 3 месяца, а не 75 дней. И сейчас 100 000 человек не работают и 75 дней работать не будут, и после этого остановка, предприятия будут долгое время работать 3 дня в неделю. Предыдущий год в этой области имел также просчет, и он повторился в этом году в более тяжелой форме. Перспектива будущего года сейчас вырисовывается, в Наркомторге намечается уже только 5,5 млн. пудов льна для льняной промышленности. Тов. Микоян тут сделал следующую оговорку: возьмите, как тратится лен, мы до сих пор производим льняные мешки, на что уходит один миллион пудов. СТО дал поручение, чтобы мешки в дальнейшем изготовлялись из джута. Такое поручение действительно имеется, но я должен заявить, что оно не будет осуществлено. Прежде всего потому, что вся наша джутовая промышленность, те несколько предприятий, которые мы имеем, сейчас производят 41 миллион мешков. При полной нагрузке в 3 смены они смогут дать только 45 миллионов мешков, а нам нужно 81–82 миллиона мешков. Кроме того, мы джут ввозим, вам придется увеличить, удвоить и покупку количества джута, а отсюда будут соответствующие изменения и в ценах, которые вспрыгнут. Но, кроме того, стоит еще один вопрос, еще одна большая трудность. Я уже не говорю, что джутовый мешок не удовлетворит потребителя. При переводе промышленности на джут 13 000 человек будут уволены. Когда мы разбираемся в вопросе о кризисе льна, мы видим, что нужно серьезно, осторожно делать предложения, давать цифры, чтобы не встретиться с теми сюрпризами, которые разрушают всю работу. Ведь этот вопрос о льне был поднят только пару месяцев тому назад, ведь вопрос об остановке льняной промышленности на 29 дней, потом на 47 дней, а затем на 75 решался только две-три недели тому назад. Когда мы подойдем к вопросу о хлопке, мы сейчас также имеем спорный вопрос, мы еще в Политбюро с этим вопросом не входили, пока это идет по советской инстанции. Но сейчас предлагают такое количество хлопка, при котором наша промышленность не будет полностью работать круглый год. Те данные, те цифры, которые выдвигали Наркомторг и Наркомфин, были таковы, чтобы мы не могли пустить в ход новые, отстроенные предприятия, которые закончены, и использовать новое оборудование.

Микоян. Наше предложение не такое.

Мельничанский. Я был на заседании СТО, ваши представители там выступали, там это зафиксировано. И в настоящее время нет еще ясности, сколько же хлопка мы получим для текстильной промышленности, как текстильная промышленность будет работать. Это в высшей степени серьезный вопрос, тесно связанный с вопросом дальнейших хлебозаготовок. Мы считаем, что нам нужно обеспечить 24 600 000 пудов для

того, чтобы вся текстильная промышленность была загружена, причем ни одно предприятие не будет дополнительно переведено на три смены. Мы не знаем до сих пор, как в дальнейшем будет работать текстильная промышленность.

Возьмите вопрос о шерсти. Вопрос стоит здесь очень остро о минимальных ассигновках на шерсть: вместо 91 млн. дают 81 млн. Все идет по линии урезки тех планов, которые намечались раньше. Тов. Осинский выступил вчера. Я должен его поправить. Я думаю, что для статистика-экономиста неладно выйти на пленум ЦК и дать такую цифру, как 600 млн. рублей на капитальные вложения текстильной промышленности, тогда как цифра в самом деле вдвое больше.

Осинский. Это цифры того, что берут из нее другие отрасли.

Мельничанский. О том, что берут другие отрасли, я знаю. Знаю, и сколько берут. Вы в то же самое время говорили, что нужно вложение увеличить на 200 млн. Мы, текстильщики, поддерживаем полностью мысль, что надо увеличить. Но дело в том, что вкладывается по пятилетнему плану 1269 тыс. руб., ВТС требует 1483 тыс. руб. Так это выглядит по плану, и текстильная промышленность и страна будут удовлетворены, если этот план будет выполнен. Вся беда в том, что цифры, которые намечены по пятилетке (мы бы не требовали увеличения на 100–200 млн.), срываются и не будут выполнены. Само собой разумеется, что текстильная промышленность – это не все. Вопрос не стоит в той плоскости, и мы понимаем, что если текстильная промышленность будет поднята на соответствующий уровень, тогда все тяжести, все вопросы, связанные с деревней и хлебозаготовками, будут полностью разрешены. Но мы считаем, что текстильная промышленность играет крупную роль в этой области и что нельзя идти по той линии, по которой сейчас идут. В самом деле. По пятилетке установлено определенное ассигнование на капитальное строительство, но об этом уже не говорят, только лишь месяц-полтора тому назад предполагалось уже 252 млн., а теперь срезали и остановились на цифре в 200 млн., причем эти 200 млн. еще не зафиксированы, не закреплены. Есть разговоры о том, что цифра эта будет еще раз урезана. Что это значит по отношению к текстильной промышленности? Это обозначает, что текстильная промышленность ставится перед большой угрозой. Выпуск текстиля в 1926/27 г. по отношению ко всей промышленности выразился в 34%, а капитальные вложения были сделаны только лишь в пределах 16%, в 1927/28 году выпуск текстильной продукции по отношению ко всей промышленности дал 33,5%, а вложения в капитальное строительство были снижены до 15%, а в 1928/29 году вложения уже выражаются в 12,5%. Мы видим, что все время идем по линии урезки вложений в текстильную промышленность для капитального строительства и переоборудования. В этом, несомненно, кроется большая опасность. Мы считаем, что те мероприятия, которые раньше были намечены, если бы они были проведены, если бы здесь не было просчета, само собою разумеется, это дало бы нам возможность значительно укрепиться. Тов. Ройзенман спрашивает о ценах на мануфактуру. Я должен сказать тов. Ройзенману, что не только в СССР, но и в Соединенных Штатах, в Англии, Германии, везде и всюду на мировом рынке цены на мануфактуру сейчас не те, которые были в довоенное время, они всюду выше, в то время как цены на хлеб имеют те же недостатки, что и у нас. Что это значит? Когда мы идем по линии урезки вложений в текстильную промышленность, то мы в ближайшую пару лет можем столкнуться с таким вопросом, что не сумеем дать то, что мы даем сейчас стране. Оборудование до невозможности изношенное, а теперь мы большую часть промышленности нагрузили тремя сменами. Оборудование значительно быстрее теперь изнашивается, чем изнашивалось раньше. Теперь в области производительности имеется также большая нагрузка. Имеется 3–4 станка у рабочего, он так сейчас не ухаживает за станками, как раньше, они быстрее изнашиваются.

А что представляет собой наше оборудование? Веретена ватерные установлены с прошлого столетия, из них свыше 28 лет, до 45–50–60 лет, мы имеем 45%. В мюльных веретенах их 64%. Ткацких станков таких 40%, паровых котлов 57%. Эта изношенность текстильного оборудования, нагрузка предприятий текстильной промышленности тремя сменами и 3–4 станками – все это говорит о том, что та линия, которая сейчас проводится по отношению к текстильной промышленности в смысле урезки капитальных вложений, неправильна. Мы не считаем, что текстиль – единственная проблема, но мы считаем, что в интересах разрешения тех проблем, которые связаны с вопросом хлебозаготовок, с вопросом смычки города и деревни, текстиль играет большую роль, и если в дальнейшем будет проводиться та же политика в смысле урезки капиталовложений в промышленность, то несомненно, что мы станем в ближайшие годы перед новыми трудностями.

Я хотел еще остановиться на одном важном моменте, на который, мне кажется, нужно обратить внимание. Само собой разумеется, предложения Политбюро нужно как можно быстрее и энергичнее проводить в жизнь и начать их разъяснять, но надо остановиться на тех настроениях, которые имеются сейчас в наших предприятиях. Мне приходилось проводить целый ряд собраний на текстильных фабриках и знакомиться с материалом других предприятий. При изучении настроений рабочих для нас ясно то, что у нас имеется в области хлебозаготовок в деревне, тамошние настроения отразились соответственно на настроениях рабочих. Мы везде и всюду наблюдаем такое явление, что общественная наша работа, союзная работа в значительной степени ослаблена, что рабочие почти не посещают собраний, не голосуют за резолюции. Когда спросишь рабочего, в чем дело, ответ такой, что – вот вы нас накормите раньше хлебом, а потом устраивайте собрания. Само собой разумеется, что в некоторых районах не так уж остро временами обстоит с хлебом, нужно об этом прямо сказать, даже у того же самого текстильщика не так уж дело обстоит, что он не получает свои $2–2^1/_2$ фунта хлеба, но факт затруднений, введение в некоторых местах карточки создали настороженность и панику. Наши же партийные организации, профессиональные организации в последние месяцы не сосредоточили свое внимание на необходимости организации отпора настроениям и слухам, соответствующего усиления работы на предприятиях вне тех районов, где производились заготовки хлеба. Если в те районы, где производилась заготовка хлеба, были переброшены товарищи, если там была развернута работа, чтобы усилить хлебозаготовки, то в наших предприятиях в других районах очень мало делается, или почти ничего не делается, чтобы бороться с теми настроениями, которые вносят в рабочую среду, когда возвращаются из отпуска, или когда их питают разными слухами, ничего почти не делается, чтобы бороться с теми влияниями и настроениями, которые складываются сейчас в предприятиях. Я думаю, что наряду с мероприятиями, которые здесь намечаются в смысле преодоления кризиса, необходимо принять меры, чтобы партийные и профессиональные организации настроились для преодоления настроений, которые имеются перед нами; большие трудности впереди, и необходимо для их преодоления настроить все наши организации. С кем ни поговоришь в предприятии из партийцев, оказывается, что многие неясно себе представляют положение вещей, многие просто не знают. Спросишь, почему вы не выступаете, чтобы бороться со слухами, почему не стараетесь преодолеть настроения рабочих, получаешь ответ, что трудно, что они не знают, в чем дело, не знают мероприятий партии. Такие же ответы слышишь и от многих местных руководящих работников.

Председатель. Слово имеет тов. Сокольников, следующий Клименко.

Сокольников. Проект резолюции, который предложен по вопросу о хлебозаготовках, касается в первой части некоторых общих вопросов нашей хозяйственной по-

литики, непосредственно примыкающих к проблеме хлебозаготовок. Я хочу, прежде всего, высказаться по вопросу об этой первой части резолюции, об общей хозяйственной политике в ее связи с хлебозаготовительным кризисом. Положения, которые сформулированы в этой вводной части, делают очень большой шаг вперед. Когда в проекте резолюции подчеркивается значение сельского хозяйства как базы хозяйственного развития, когда проект резолюции подчеркивает значение восстановления сельскохозяйственного экспорта для индустриализации, когда в проекте подчеркивается значение сельского хозяйства для дела образования валютных резервов, когда возвращается, таким образом, сельскому хозяйству то место в нашей хозяйственной системе, которое оно должно занимать, – этим делается основной сдвиг в сторону предупреждения борьбы против обострения и повторения зернового кризиса, хлебозаготовительного кризиса. Ибо, я думаю, основной причиной, которая создала нынешние затруднения, подготовила их, сделала неизбежными, является то, что в нашей хозяйственной практике последних лет мы получили такой крен в отношении сельского хозяйства, который не дал возможности решать задачу гармонического подъема сельского хозяйства и промышленности. Между тем только в условиях такого гармонического развития сельского хозяйства и промышленности заложены гарантии против наступления подобных кризисов.

Меня очень часто обвиняли в аграрном уклоне и очень часто выставляли противником промышленности, индустриализации и т. д. Я не буду сейчас входить в детали этого вопроса. Предположим, что я ошибался. Несомненно, что при постановке этого вопроса я и не мог кое в чем не ошибиться. Но важно, что в нашей хозяйственной практике получился в отношении сельского и особенно зернового хозяйства перегиб за последние годы в такой мере, которая, может быть, и не была предусмотрена при формулировках нашей партийной и советской линии.

Эти перегибы получились, и мы не подготовили укрепления и расширения аграрной базы для нашего хозяйственного подъема. Мы столкнулись пару лет тому назад и не могли не столкнуться прежде всего с кризисом по линии технических культур, и мы увидели, что подъем нашей промышленности невозможен, если мы не обратим большего внимания на сельское хозяйство по линии технических культур. Но неизбежно мы должны были перейти и пришли к тому, что мы столкнулись с тем, что не только технические культуры ограничивают развитие нашей промышленности, но что точно так же недостаточное с нашей стороны поднятие зернового хозяйства в нашей земледельческой стране, при слабости нашей промышленности, при отсталости сельского хозяйства, обязательно приводит к более острому кризису, чем тот, с которым мы столкнулись по линии недостаточного развития технических культур.

Я оспаривал и продолжаю оспаривать теорию «диспропорции», как она у нас за последние годы была очень широко распространена. Утверждали, что основное бедствие заключается в том, что мы имеем диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью, выражающуюся в перепроизводстве сельскохозяйственной продукции и недопроизводстве промышленной продукции, и что поэтому дело заключается в том, чтобы дать возможность нашей промышленности догнать сельское хозяйство. Я считаю, что эта формула и эта теория совершенно неправильно представляют действительное соотношение. Не в том смысле, что можно бы отрицать или сомневаться в недостаточном развитии нашей промышленности или сомневаться в том, что мы не можем ни на минуту забывать задачу необходимости поднятия этой промышленности, и, конечно, прежде всего поднятия промышленности, производящей средства производства, но эта теория нас потому сбивала с толку, что искажала действительную основную диспропорцию, существующую в нашей стране, диспропорцию между

чрезвычайно отсталым, варварским, полуазиатским характером нашего сельского хозяйства, необычайной примитивностью сельскохозяйственной культуры, необычайно низким уровнем сельскохозяйственной техники, необычайно низким уровнем производительности земледельческого труда, с одной стороны... словом, между величайшей слабостью аграрной базы, которая не гарантировала нашу страну и наше хозяйство от голодовок, не гарантировала, что первый неурожай и колебания его не нанесут удара по всему хозяйству, по всему делу строительства, и, с другой стороны, между высоким уровнем развития техники нашей промышленности, которая строится по образцу наиболее передовой техники капиталистических стран. Между этими различными силами и возможностями, заложенными в сельском хозяйстве и промышленности, между возможностью движения промышленности вперед и между величайшим консерватизмом и неподвижностью сельского хозяйства существует основная диспропорция, и она должна быть нами изжита. Изжить остатки крепостничества, изжить этот величайший груз на наших ногах, который заложен в нищете, в отсталости, в слабости нашего сельского хозяйства, – эта задача ни на минуту не может нами забываться. Это задача, которую подчеркивал Владимир Ильич, и я думаю, что он правильно подчеркивал ее. Какие бы успехи мы ни сделали к нынешнему времени в промышленности, хотя мы подошли к довоенному уровню и даже превзошли его, все-таки формулировка Ильича, которая дана нам в его последних статьях, остается в силе и теперь. Мы еще вынуждены ехать на деревенской коняге, хотя ни на минуту не перестаем стремиться, чтобы «пересесть с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой» на «лошадь крупной машинной индустрии, электрификации» и т. д. Это проклятие наше, это сковывает нас, но мы недостаточно сильны для того, чтобы в данный момент мы могли слезть с этого деревенского коняги и полагать, что достигли такой степени общего хозяйственного подъема и мощи, что, исходя из достигнутой мощи крупной индустрии, можем непосредственно руководить крестьянским хозяйством. И так как мы экономически не можем еще подчинить раздробленное крестьянское хозяйство и, наоборот, находимся в зависимости от него, то пускаются в ход другие методы, методы административного воздействия, методы административного подчинения и т. д. Но, товарищи, достаточно же взглянуть на некоторые элементарные цифры – и теперь эти цифры получают все большее и большее признание, – чтобы увидеть, в чем у нас действительно основная диспропорция, отвлекаясь от различных рыночных трудностей, сезонных трудностей, конъюнктурных трудностей. Если валовой сбор составляет 95%, – это выходит и по цифрам тов. Сталина, которые он приводил в своем докладе, хотя он сказал, что достигли довоенного сбора...

Микоян. 95% не по сбору, а по посеву.

Сокольников. Ну, по посеву. Это не изменяет дела, потому что тогда сбор будет несколько меньше. Вообще, цифры нашего ЦСУ и наши данные – довольно спорные. По одним данным получается, что у нас 92–94% довоенных посевных площадей. Но если вы возьмете не общую посевную площадь, а возьмете площадь посева хлебов, ту, с которой мы столкнулись, то ведь там дело еще хуже обстоит, там эта цифра еще меньше. А население, то, чего не противопоставил тов. Сталин? Население для прошлого года – 107% по сравнению с довоенным, а для теперешнего года приблизительно 110%. Мы имеем ежегодный рост населения в 2 с лишним процента. Таким образом, на 110% населения, которое хочет есть лучше, чем ело при царе, приходится кругло 95% довоенного валового сбора хлебов. Вот что мы имеем в качестве продовольственной базы. А с другой стороны – по промышленности. По промышленности мы обогнали довоенный уровень. Мы вышли из него. Посмотрите продукцию угля, продукцию по целому ряду других отраслей. Как же при условии, когда мы по промышлен-

ности вышли за довоенный уровень, а по сельскому хозяйству значительно отстаем от довоенного уровня, за счет чего мы можем сводить концы с концами? Спросите любого экономиста-политика, он вам скажет: при таком положении мы должны начать с того, чтобы ликвидировать экспорт. В дореволюционной России, при ее соотношении сельского хозяйства с промышленностью, был хлебный экспорт. Этот хлебный экспорт подрывается теперь со стороны расширения питания, что совершенно неизбежно, ибо рабочий хочет есть сытнее и крестьянин хочет есть сытнее, он понимает, что, если он сверг помещика, он сверг человека, который вырывал кусок хлеба у него изо рта. Но при условии роста населения, роста городов и при условии невосстановления размеров довоенного сельского хозяйства, и в особенности зерновой продукции, при этих условиях вы пройдете вот какие стадии. Сначала вы встретитесь с затруднениями по линии падения экспорта, а потом и по линии прокормления рабочих центров и городских центров. Так должно было обстоять это дело, так оно и пошло, так мы и имеем это в действительности. Почему? Я здесь говорю об этом не для того, чтобы спорить по поводу наших старых формул, но говорю, исходя из опыта сегодняшнего дня. Мы не повели хозяйство так, как нужно было бы вести большой социалистический, организованный, хозяйственный комбинат. В большом социалистическом, организованном, хозяйственном комбинате совершенно очевидно, что если ты увеличиваешь количество рабочих, которые работают в металлургии, то ты одновременно должен позаботиться о расширении количества хлебной продукции для прокормления этих рабочих, должен расширить сырьевую базу, которая даст возможность снабдить их переработанной кожей, переработанным хлопком и т. д.

Но если мы не сумели, и, конечно, эта задача грандиозная, и мы встретили тут величайшие затруднения, если мы не сумели этой задачи решить, то это происходит отчасти потому, что мы имеем денежное хозяйство и поставлены как бы перед занавесом этой денежной системы, которая скрывала от наших глаз реальное соотношение элементов хозяйства. Выходило так, что если можно оплатить деньгами зарплату рабочим металлургии или в капитальном строительстве, то это и есть решение вопроса, и автоматически получается в то же время приращение со стороны сельского хозяйства. Но этого автоматизма не получилось, потому что автоматически, без нашего организованного воздействия, без того, чтобы мы держали подъем сельского хозяйства в должной степени в фокусе нашего внимания, принося для этого необходимые жертвы, этого произойти не могло. Вот это мне кажется основной причиной, и поэтому наше хлебное оскудение нарастало из года в год, обострялось, и мы подошли к такому положению, когда, развертывая, с одной стороны, и пустив полным ходом нашу хозяйственную машину, мы уперлись в то, что у нас нет продовольственного материала для того, чтобы обеспечить дальнейший нормальный ход его, и тогда мы перешли в своей хлебозаготовительной практике к мероприятиям... (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.) Я прошу продлить мне время. Мне нужно минут 10.

Председатель. Голосуется. Кто за то, чтобы продлить время тов. Сокольникову? Принято.

Сокольников. Резолюция, которая предложена пленуму ЦК, мне кажется, признает в значительной степени ряд положений, которые способны выправить ситуацию. Но это в вводной части, а в практическом заключении из этого не сделано должных выводов, между тем это является основным.

Мне часто говорят: вы враг промышленности, не хотите ее развития, противник индустриализации. Но давайте после уроков нынешних последних месяцев поставим задачу о том, как нам нашу промышленность развивать более быстрым темпом, нашу индустриализацию, которая, ясно, нужна как свет и как воздух, поставить на твердую

почву, на реальные рельсы. Я думаю, что это можно сделать только в том случае, если в ближайший хозяйственный год и в наших дальнейших планах правильно решить задачу сочетания промышленного подъема и с/х подъема. На словах это просто, а на деле трудно. Вы знаете, что у нас был один вариант пятилетки, который предлагал сократить машинизацию в сельском хозяйстве, который предлагал остановить там применение сельскохозяйственных машин.

Сталин. Когда это было?

Сокольников. Это план Струмилина, предпоследняя пятилетка. Я по этому поводу выступал на съезде Госплана[157]. Там была прямая формула, которая гласила так: мы страдаем от сельскохозяйственного перенаселения, нет работы для людей. Если машины применять будем, это приведет к еще большей безработице. Мы должны ставить ставку на интенсификацию ручного труда, а машинизация – это наша гибель. Между тем очевидно, что мы не можем принять такую постановку вопроса. Я ни раньше, ни теперь не мыслил себе возможности подъема сельского хозяйства иначе, как при очень значительной роли поднятия нашего государственного хозяйства в земледелии, чтобы мы поднимали советские хозяйства и кооперативные хозяйства. Если иногда говорят о том, что только крупная промышленность является базой социализма, то это, конечно, была неправильная формула. Крупное хозяйство является базой социализма, и я считаю, что совхозы, организованные при пролетарской диктатуре, зерновые фабрики, являются такой же базой социализма, как текстильная фабрика. У нас иногда противопоставляют промышленности сельское хозяйство, думая, что мы имеем рост социалистических форм только в промышленности, а сельское хозяйство несет в себе неизбежно рост мелкого товарного, индивидуального, частного, перерастающего в капиталистические формы хозяйства, – это неверная постановка с самого начала.

Сталин. Абсолютно неверная, буржуазная постановка.

Сокольников. Гибельная, та, которую нам, помните, и целый ряд товарищей помнят, та, которую Троцкий подсовывал на XIII съезде партии[158].

Сталин. Правильно.

Сокольников. Вот как было в действительности. В эту сторону ни одного шага. Скажут – это вопросы академические и чего о них горячиться. Нет, оказывается, что мы тут немножко блуждаем. В сельском хозяйстве, если мы ему уделяем внимание, жертвуя пролетарские государственные ресурсы, мы имеем возможность вести социалистическое строительство не в худшей мере, чем в промышленности, и мы не можем решить задачу однобоко, мы не можем развивать социализм в промышленности и предоставить сельское хозяйство самому себе.

Сталин. Правильно.

Сокольников. Это значило бы торжество капиталистической формы в сельском хозяйстве.

Сталин. Это разрыв города с деревней.

Сокольников. Да, это есть разрыв города с деревней, это есть разрыв промышленности и сельского хозяйства, есть нарушение основного понимания марксистского, которое не противопоставляет промышленность сельскому хозяйству, которое рассматривает сельское хозяйство как известного рода производство, где в основе лежат химические процессы, которые связывают с/х производство с промышленностью через ряд стадий переработки этого самого с/х продукта.

Вот такое понимание, оно нам нужно и оно позволит нам укреплять социалистические формы в сельском хозяйстве, и я думаю, что мы ничего не потеряли бы, если бы пошли на большие материальные жертвы, на большее ускорение развертывания совхозов, если бы больше внимания партия и советская власть уделила этому вопросу;

тогда мы будем получать гармоническое сочетание хозяйственного подъема в промышленности и в сельском хозяйстве, мы не будем наталкиваться на сырьевой кризис, на продовольственный кризис и т. д. И вместе с тем, конечно...

Милютин. Это есть проблема крупного хозяйства.

Сокольников. Да, это есть проблема крупного хозяйства, совершенно верно, но эта проблема крупного хозяйства не есть только проблема совхозов. В чем состоит кооперативный план Ильича, примененный к сельскому хозяйству? Он состоит в том, что правильно поставленная поддержка мелкого середняцкого хозяйства, подготовляющая процессы производственного кооперирования, что она ведет нас к тому же самому крупному хозяйству. Можно ли это оспаривать? Нельзя это оспаривать. Поэтому мне и кажется, что было бы неправильно, если бы мы сейчас противопоставили бы, столкнули бы лбами две формы поддержки сельского хозяйства: одна поддержка через совхозы и колхозы, а другая поддержка – мелкого хозяйства. Это совершенно неверно. Мы не можем не поддержать, не развивать мелкое хозяйство, оно для нынешнего дня господствует, оно определяет товарную массу, которая выносится на рынок. Но, поддерживая, укрепляя это мелкое середняцкое хозяйство, разве делаем мы этим самым работу, которая обязательно ставит его в противоречие с нашим социалистическим хозяйством? Допускать это, мне кажется, значит именно в известной мере сомневаться в основных теоремах Ильича.

Калинин. Вот этим надо проникнуться...

Сокольников. Позвольте... (Ш у м, р а з г о в о р ы.)

Калинин. В этом очень много колебаний всегда, очень многие в этом колебались. (Ш у м, р а з г о в о р ы.)

Сокольников. Мне кажется, что если мы поддерживаем мелкое середняцкое хозяйство, то мы этим ни в какой степени не подрываем почву для его кооперирования и его коллективизации, ни в какой степени; наоборот, поддерживая его, толкая его к большей культурности, уча его хозяйственности, показывая результаты, мы в то же время обеспечиваем возможность на более высокой культурной базе его кооперирование. Но и здесь есть одно совершенно решительное «**но**», это может быть достигнуто только в том случае, если поддержка мелкого хозяйства не превратится в поддержку капиталистической тенденции развития мелкого хозяйства, только в том случае, если мы одновременно будем вести решительно борьбу против эксплуататорских тенденций кулака.

Г о л о с. Это серьезная поправка.

Сокольников. Совершенно очевидно, что мы должны поддерживать мелкое хозяйство сегодня, потому что сегодня мы не имеем возможности его кооперировать, мы можем его сегодня учить поднять производительность труда, но мы не можем сегодня дать ему трактор; однако мы его учим, скорее, поднимать производительность труда для того, чтобы завтра объединить его вокруг трактора. Но если мы одновременно не ограничим роста капиталистических элементов в деревне, если мы не будем бить по капиталистическим тенденциям в деревне для того, чтобы не дать балансу искривиться против нас, то тем самым будет обостряться вопрос – кто кого. Нас могут разыграть: нашу вынужденную неизбежную поддержку индивидуальному мелкому хозяйству капиталистическая реставрационная тенденция может повернуть против нас. Это есть поле борьбы. Можно ли было не пойти на это? Конечно, нельзя. Никто не оспаривает того, что коллективное и советское хозяйство дадут хлеб в большом количестве только через 3–4 года.

Сталин. Даже позже.

Калинин. Лет через 8.

Сокольников. Что мы должны делать сейчас? Есть ли у нас другая ставка, кроме того, чтобы эти 20 млн. дворов, которые товарную продукцию имеют, связать с нашим социалистическим хозяйством на почве повышения их продукции? Конечно, другого выхода нет. Это мы должны сделать: поставить мелкого товаропроизводителя на службу социалистическому хозяйству, умея сохранять его в подчиненном положении. Это задача, которую мы должны поставить перед собой. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Можно мне еще пять минут?

Г о л о с а. Дать.

Председатель. Записано 40 ораторов.

Сокольников. Я попросил бы некоторую льготу мне дать. Почему? По моему адресу распространяется чрезвычайно много легенд, это все знают. Мне приходилось говорить очень мало за последнее время, а поэтому, если вы дадите возможность мне высказаться, вы мало потеряете, а мне дадите известное удовлетворение.

Ворошилов. Дать 10 минут. Хорошо говорит пока.

Председатель. Это единственное ведомство, в котором резерв есть. Поэтому он и предлагает 10 минут. Возражений нет? Принято.

Сокольников. Позвольте мне в дальнейшей части говорить короче и по необходимости не совсем связно.

Какие пункты я хотел затронуть еще? Прежде всего, то, о чем говорил здесь тов. Микоян, – вопрос о наших резервах, прежде всего – о наших валютных резервах. С чем это связано? Тов. Микоян назвал цифру состояния наших валютных запасов и правильно связал ее с объемом нашего экспорта и с той ролью, которую играл в этой части зерновой экспорт.

В 1924/25 году наш золотой запас составлял <...>* рубл. Был неурожайный год, мы ввезли хлеба на <...> рубл. Это было предостережением нам, неурожай, который потрепал наши валютные запасы. Мы ввезли хлеба на <...> рублей, но так как по другим линиям был прирост, то золотой запас сократился всего на <...> рублей. Его осталось <...> рублей в настоящее время. После трех урожайных лет этот золотой запас сократился до <...> рублей, а если из него исключить гарантийные письма НКФина на будущее золото, на имеющиеся родиться золотые килограммы, то его имеется сейчас кругло <...> рублей, т. е. мы имеем за последнее время сокращение золотого запаса вдвое. Но параллельно с этим что мы получили? Мы за это время увеличили в 10 раз свою заграничную задолженность, которая является краткосрочной задолженностью, заграничная задолженность составляет сейчас <...> рублей. Мы с этой стороны попадаем в самое невероятно тяжелое положение, чтобы не говорить сильнее. Мы рискуем попасть при таком положении в некоторую зависимость от наших кредиторов. Мы попадаем в положение, когда они могут нам подложить величайшую свинью. Наконец, мы подходим к тому, что наша промышленность в своем подъеме ограничивается реальными размерами экспорта, который является очень ограниченным. Мы не имеем возможности больше тратить валютные резервы, и мы были бы близоруки, если бы дальше залезали в заграничный краткосрочный кредит. Дальше идти по линии использования такого иностранного кредита – это значило бы попадать в петлю кредитора, который держит нас за ниточку краткосрочного кредита. Тов. Микоян говорил об этом, и в основном совершенно правильно. Что же нужно сделать для того, чтобы это исправить, что же дальше? Нельзя продолжать больше таким образом ни одного года, мы тут дошли до последней черты. Нельзя, чтобы дело у нас шло дальше в порядке инерции по наклонной плоскости. Все с этим согласны; найдите в этом зале человека, ко-

* Вероятно, цифры в силу их секретности в стенограмму не включались (составители).

торый не понимал бы, что нельзя дальше тратить валютные резервы. Это азбука. Год тому назад мы то же самое знали. Ясно, что решение этого вопроса для нас не может заключаться в развитии промышленного экспорта. Я принимал активное участие в выработке мероприятий по усилению промышленного экспорта и считаю, что это должно сыграть свою роль, что промышленный экспорт может дать больше, чем в довоенное время. Но это не выход, так как, когда не хватает промышленной продукции для внутреннего рынка, когда не хватает средств для развития целого ряда отраслей промышленности, мы не можем развернуть экспортные отрасли промышленности в ущерб другим. Мы должны пересмотреть положение сельского хозяйства, мы должны направить на него гораздо больше внимания, мы должны поставить это в центр своей работы, так, как мы умеем это делать.

И последний вопрос – о ценах. Тов. Микоян здесь уже говорил о необходимости поднятия цен. Это вопрос конкретный, но позвольте мне в порядке совершенно откровенного разговора сказать, что я думаю, что это повышение цен на 12%, предлагаемое тов. Микояном, является недостаточным. Я думаю, что мы на нем не удержимся, это дело не выйдет. Мы платим крестьянству абсолютно недостаточную цену на хлеб. Если грубо сформулировать и сравнить индекс хлебный и товарный, то мы покупаем у крестьян, скажем, 600 млн. пудов, а платим в лучшем случае за 400, а 200 млн. пуд. мы просто берем даром при нынешнем соотношении цен.

Г о л о с. Бездоказательно.

Сокольников. Можно ли дальше выдерживать такое соотношение промышленных цен и цен на зерно? Нельзя. В чем смысл нынешнего хлебозаготовительного кризиса? В том, что мы имеем предупреждение не только со стороны кулака – кулак, конечно, хотел бы на этом поживиться, – но и со стороны середняцких масс крестьянства. Больше это соотношение цен, когда зерновой индекс составляет 110 (принимая довоенный уровень за 100), а животноводческий 180, при розничном индексе промтоваров свыше 200, выдерживать нельзя, нужно его менять. Мы должны поставить выравнивание индексов в пользу зерна неотложной задачей своей политики. Хотите, начните с 12%, попробуйте, но для себя, не публикуя, не объявляя, мы должны поставить вопрос о том, чтобы соотношение цен радикально переменить, сроки кончились – мы должны тут действовать, необходимо подготовиться к перспективе более существенного повышения зернового индекса.

Позвольте мне, не входя в обсуждение этого вопроса, сказать одно в пояснение. Вопросы цен – это есть вопросы сейчас номинальных цен. Ведь все это упирается в ту финансовую организацию, которую мы создали в 1924 г. Что осталось от денежной реформы и т. д.? Не все 100%. Тут кое-что должно быть изменено, и я думаю, что мы можем правильной хозяйственной политикой выправить дело. Но кроме этого есть еще одно условие. Тов. Андреев здесь сказал, и при всей осторожности сказал правильно: есть некоторая трещинка в наших отношениях со средним крестьянством. Эту трещинку мы должны замазать и исправить. Мы должны доверие среднего крестьянства – не останавливая своей борьбы с кулаком – доверие среднего крестьянства мы должны суметь себе вернуть. Если мы его вернем, это и будет гарантией того, что в будущую осень мы сможем провести нормально хлебозаготовительную кампанию и нам не придется опять слушать доклад о перегибах, об извращениях, об экстраординарных мерах и т. д. Если мы доверия не вернем, если не сумеем создать необходимого впечатления в крестьянстве, то опять придется применять чрезвычайные меры, относительно отрицательных результатов которых мы все согласны.

Председатель. Слово имеет тов. Клименко. Следующий тов. Жуков.

Клименко. Если говорить о настроениях крестьянства, то та установка, которую

дал тов. Андреев в отношении Сев. Кавказа, она будет правильной и является типичной для большинства наших районов, в первую очередь для Украины и во вторую очередь, очевидно, и для ЦЧО. Оптимистическое настроение тов. Хатаевича объясняется тем, что в Среднем Поволжье урожай в этом году выше среднего. Это единственная область...

Косиор. Не урожай, а виды на урожай.

Клименко. Согласен, виды на урожай. Это единственная область, которая у нас закрашена сплошь зеленым цветом.

Косиор. Закрасить можно что угодно.

Г о л о с. Тут красным.

Клименко. Это НКТорг. В НКТорге другие цвета определяют показатели, чем в НКЗеме.

Г о л о с. Более яркие.

Микоян. Кажется, в цифрах нет расхождения. Я не видел ваших цифр и цветов, а невидимое, несуществующее... (Н е с л ы ш н о.)

Клименко. Я говорю о цифрах ЦСУ и вношу некоторые коррективы согласно данных корреспондентских сведений и сведений опытных станций НКЗема.

И вот, благоприятные виды на урожай нам облегчают преодоление тех трудностей, которые перед нами стоят и в отношении сельского хозяйства (повышение валового сбора), и в отношении крестьянства (повышение доходности маломощных хозяйств, которые в этом году расширили посевы).

В отношении посевных площадей, весенних посевов. Если говорить о количественной стороне, у нас сокращений нет, а есть даже некоторое повышение. Сокращения, о которых говорили здесь товарищи, ссылаясь на данные экспертного совета, – это относится исключительно к гибели озимых. Но если посмотреть, что из 5 млн. гибели озимых в течение одной недели наше крестьянство процентов 85 пересеяло, этот факт говорит о колоссальнейших способностях нашего крестьянства к хозяйственному возрождению.

Рыков. И о наличии тяговой силы.

Клименко. Конечно, все это в меру. Эти способности связаны с реальными возможностями крестьянства и помощью государства. Основная задача, которая сейчас стоит перед нами в области сельскохозяйственной экономики, – это прежде всего **повышение урожайности**. Здесь тов. Чубарь был совершенно прав, когда он на этом вопросе заострил внимание. У нас несколько сократилась посевная площадь за счет гибели озимых, а по подсчетам ЦСУ у нас в этом году валовой сбор больше будет примерно на 400 млн., чем в прошлом году. Эта цифра говорит о том, что повышение урожайности – вопрос **центральный**, в смысле количественного увеличения продукции сельского хозяйства. Но для того, чтобы радикально поставить проблему урожайности перед собой, здесь встает целый ряд вопросов общих, в том числе и о ценах. Ведь повышение урожайности связано, во-первых, с государственными затратами на нужды семеноводства, машинизации, удобрения, землеустройства и мелиорации и предприятия по переработке продуктов; во-вторых, необходимо иметь более благоприятную рыночную конъюнктуру; и в-третьих, иметь способность нашего аппарата снизу доверху понять, что задача урожайности – это есть задача чрезвычайно важная. Например, по данным наших опытных станций, научным данным, уже опубликованным, которые построены не только на работе опытных станций, но и на крестьянских опытах, а таких имеется по РСФСР примерно 10 000, урожай можно поднять при агротехнических улучшениях следующим образом. Если распределить наш Союз примерно на 3 типичных района: Центральный – нечерноземный, потом Центральный – черно-

земный, потом – так называемый засушливый, то получается так: по всем районам, при условии применения улучшенных семян, повышается урожайность от 20 до 25%. Это ко всем районам относится. При улучшенной обработке по нечерноземной полосе повышается урожай от 25 до 35%. Удобрения в этом районе повышают урожай от 60 до 75%.

Косиор. Это если дать всем удобрение?

Микоян. Тому, кому дашь.

Клименко. В ЦЧО по части семян условия одинаковые, улучшенная обработка повышает урожай от 30 до 35%, удобрения от 40 до 50%. По засушливой полосе (главный наш хлебный массив) здесь такие цифры: по части семян 20–25%, от улучшенной обработки повышение от 40 до 100%, причем в этих засушливых районах правильная обработка почвы играет значительную роль, иногда решающую роль, в отношении засухоустойчивости хозяйства. Если это верно, а это так, эти данные проверены опытом нашей практической работы, то отсюда нужно сделать вывод такой, что в части семеноводства, землеустройства и мелиорации, особенно в отношении ликвидации дальноземелья и чересполосицы, а в хлебных районах дальноземелье режет наше хозяйство, в части удобрения, машинизации, тракторонаснабжения необходимо финансирование усилить и довести до полной потребности. У нас тракторная проблема находится все время в подвешенном состоянии. Еще практически очень мало сделано, в особенности в отношении внутреннего производства. Профессионалисты заинтересовались крестьянским вопросом, хлебным вопросом.

Косиор. Что надо приветствовать.

Клименко. А наши промышленники что-то молчат. Нечего греха таить, тракторное дело чуть ли не за уши приходится тянуть. У нас очень медленно развивается работа относительно внутреннего тракторостроения. Нужно более решительно поставить дело относительно Путиловского, Сталинградского и, может быть, и Харьковского заводов.

Чубарь. Не может быть, а обязательно.

Г о л о с. Оторвался.

Клименко. Территория не важна, нужны трактора и хлеб нужен. По нашему пятилетнему плану развития с. хозяйства мы требуем примерно 150 000 тракторов по всему Союзу.

Микоян. В год или всего?

Клименко. В пятилетие. 100 000 – по РСФСР, а по Союзу – 150 000. Я говорю о примерных цифрах, мы их экономически обоснуем, когда будет рассматриваться план, мы это будем доказывать. Но все эти пять лет, даже больше, мы будем зависеть все время от ввоза из-за границы. Мы строим план, а у Форда свой план, он свертывает конвейер на другое производство, мы рыщем по Европе и Америке, собираем эти трактора. Нужно иметь твердый план тракторонаснабжения сельского хозяйства.

Еще пример по части семеноводства. Правительством утвержден план семеноводства: в определенный срок заменить рядовые семена улучшенными, чистосортными. И вот за два года работы по плану мы имеем сокращения ассигнований в 1927/28 году на 3700 тысяч, в этом году план предполагают снизить вместо 10 миллионов до 5 миллионов, т. е. эти мероприятия гарантируют нам некоторое повышение урожайности; от того, что весь наш аппарат снизу доверху недостаточно осознал задачу ассигнования на эти мероприятия, которые дают чрезвычайно хороший материальный эффект, – снимают одновременно улучшенные семена, которые имеются в совхозах, и тратят на продовольствие. Мне кажется, что по линии партии надо будет дать директиву в этом отношении.

Конечно, повышение урожайности связано с тем, чтобы более решительно нам проводить кооперативный план Ленина. Причем нужно иметь в виду, что колхозы входят в кооперативный план Ленина как часть. Нужно, чтобы практическое проведение кооперативного плана Ленина захватывало основную массу крестьянства, бедняков и середняков, не обязательно сейчас вот немедленно в коллектив, но именно через кооперацию, ибо без производственного кооперирования, без обобществления отдельных элементов, или же в особенности полеводства, мы не сможем поднять технику нашего земледелия, ибо у нас мелкое и мельчайшее крестьянство. Но нужно, чтобы все это шло развернутым фронтом на основе кооперативного плана Ленина.

Теперь второй вопрос, который тоже связан с подъемом урожайности, – это цены. Рост урожайности и, следовательно, увеличения товарности сельского хозяйства в дальнейшем будет происходить за счет интенсификации производства, а это требует затраты, т. е. дополнительного вложения труда и капитала. Ведь если посмотреть на наши индексы, мы видим чрезвычайно низкую доходность земли от зерновых культур. Иногда просто думаешь: почему крестьянин сеет хлеб? Либо по привычке, либо по нужде.

Косиор. Почему не производит трактора?

Клименко. Крестьянин трактор производить не может, а хлеб может.

Рыков. Это есть ответ на ваш вопрос.

Клименко. Настолько нерентабельны хлебные культуры в крестьянском хозяйстве, что каждый хозяин старается как можно скорее от них избавиться. Отсюда чрезвычайно медленный рост товарности хлебных культур, и тут нужно подтянуть цены. Мы, например, предполагаем, что для расширенного воспроизводства части гибели озимых – ибо озимые как раз для Северного Кавказа и Украины наиболее товарная, наиболее засухоустойчивая и сравнительно доходная культура – нужно повысить цены таким образом. Я беру примерные цифры, мы у себя в Наркомземе достаточно внимательно подсчитали и наше мнение все-таки таково, что эти цифры минимальны. Например, повысить цену на рожь с 75 коп. до 97 коп. В отношении пшеницы с 1 р. 06 коп. поднять до 1 р. 27 коп.

Г о л о с. За чей счет?

Клименко. Я скажу. Мы экономическое обоснование этому даем. Я говорю, что это примерные цифры. Овес повысить с 63 коп. до 70 коп.

Ворошилов. Скажи уж до 71 коп.

Клименко. Тут всякие расчеты, но я говорю примерно. Здесь тов. Микоян говорил относительно повышения, но, мне кажется, это будет недостаточно. Теперь – за счет кого? Вот это повышение, по нашим расчетам, повысит доходы крестьян примерно на 140–150 млн. рублей. Мы в этом году увеличили сельхозналог, кажется, на 100 млн. рублей – это раз. Теперь второе. Если посмотреть заготовительный индекс наших аппаратов, так это что-то такое ужасное. Там есть 300–400%. Мешок 80 коп. стоит, а раньше он стоил двугривенный.

Г о л о с. 12 коп.

Клименко. А сейчас 80 коп. Если мы вывозим за границу, то по целковому заготовляем, а по 2 рубля золотом продаем, это уже значит по 4 рубля на наши деньги. Затем снабжение потребляющих районов. Здесь мы продаем и по 1 р. 50 к., и по 1 р. 60 коп., и даже выше. Нужно решительно нажать в сторону сжатия заготовительного индекса, притом, если мы миллионов 20 или 30 прибавим из госбюджета на расширенное воспроизводство зерновых культур, это будет немного. Вопрос, главным образом, упирается именно в цены. Нужно хлеб рассматривать не как просто товар, который поступает в оборот, его продают, покупают, получают прибыль и т. д. Хлеб нужно рас-

сматривать с точки зрения снабжения в интересах рабочего бюджета, в интересах самого производства. И вот тут я перехожу ко льну.

Председатель. Вы немножко поздно перешли – время кончилось.

Г о л о с а. Пускай до обеда говорит.

Председатель. Минут пять дать еще? Нет возражений? Вы имеете еще пять минут.

Клименко. Так вот, о льне. Тов. Микоян говорил, что надо повысить цены. Это хорошо. Тов. Микоян говорил, что мы даем дешевый хлеб льноводческим районам, но, к сожалению, тов. Микоян не сказал, в каком проценте они эти районы удовлетворяют хлебом, они, кажется, удовлетворяют в размере 30%. Например, на рынке в льноводческих районах 2 рубля пуд ржи.

Г о л о с. Четыре рубля.

Клименко. Я называю осторожную цифру. Допустим, два рубля. Конечно, тут соотношение получается между хлебом и льном неблагоприятное. Ведь крестьянин, который сеет лен, он кушает хлеб не по 75 коп. и не по рублю за пуд, как заготовляется хлеб в производящих районах, а его продовольственный хлеб получается за два рубля. Вместо того, чтобы основной культурой этому производственному району заниматься – льном, тут занимаются в первую очередь продовольственными культурами. Отсюда – посевные площади льна не расширяются, а сокращаются. Отсюда – сокращается и урожайность, а потом, что самое главное, только 50% товарности льна, а 50% оседает в деревне. Тут, кроме того, чтобы повысить цены на лен, нужно полностью снабдить хлебом эти районы, и действительно дешевым хлебом, и потом принять еще целый ряд экономических и агрономических мероприятий с тем, чтобы не держать нам в тревожном состоянии текстильную льняную промышленность. То, что она 75 дней постоит, это нам будет стоить больших денег, в несколько раз больше, чем затраты на восстановление льняного хозяйства.

Последний вопрос, на котором я хочу остановиться, – это колхозы и совхозы. По нашим предположениям в пятилетнем плане, если затратить на колхозы 500 миллионов, на существующие и вновь организуемые, на новые совхозы – 335 миллионов, на старые совхозы – 280 миллионов, – всего около миллиарда с лишним, то мы валовую продукцию совхозов и колхозов подымем с 2% до 10% и товарную – с 4 примерно до 20%.

Г о л о с. Точные цифры?

Клименко. Точных цифр у меня нет, я говорю об относительных цифрах.

Тут совершенно ясно, что наряду с энергичной работой по строительству совхозов, которые действительно должны в ближайшее время стать на собственные хозяйственные ноги, наряду с развертыванием работы по строительству колхозов нужно обратить внимание на индивидуальные крестьянские хозяйства. Я решительно буду поддерживать первый пункт резолюции относительно индивидуальных хозяйств.

Микоян. Только первый?

Клименко. Я поддерживаю всю резолюцию, если бы были несогласия, я бы сказал об этом. О первом пункте об индивидуальном хозяйстве вот почему я говорю: во-первых, у нас в последний год очень мало говорили об индивидуальном хозяйстве... (Р е п л и к а н е у л о в л е н а.)

У меня была на днях делегация крестьян с Урала, 38 человек, и первый вопрос, который они мне задали, – об индивидуальном хозяйстве. Мы даже немного забыли на время о с/х кооперации – такая полоса у нас была (период подготовки и проведения съездов колхозов). Даже к концу пятилетия по максимальным расчетам в отношении совхозов и колхозов последние дают около 20% товарной продукции, а 80% дают ин-

дивидуальные хозяйства. Директивы о возможности подъема индивидуального хозяйства – это хорошо.

Закончу следующим. Тов. Микоян говорил, что мы имеем только хлебный кризис, и попутно сказал относительно льна. Мне кажется, нужно этот вопрос крепче поставить, в том смысле что наше сельское хозяйство отстает от роста потребления населения и промышленности. И через год, через два мы будем иметь такой же кризис с мясом, ибо население не только хлебом, но и мясом питается, а кризис в отношении зерна, шерсти, хлопка, кожи уже имеется и теперь. Из этой обстановки нужно сделать выводы более широкие и более глубокие, т. е. необходимо решительно увеличить товарную массу всех с/х продуктов.

Председатель. Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ

Вечер, 7 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Петровский, следующий тов. Жуков.

Петровский. Мне можно было бы не выступать по вопросу о хлебозаготовках на пленуме Центрального Комитета, так как на апрельском пленуме я высказал такие мысли и положения, которые теперь в большой мере оправдались.

Г о л о с. Не все.

Петровский. По-моему, все. Прибавились лишь кое-какие новые явления, потому что жизнь не стоит, а развивается. Но выступить нужно потому, что критика нашей работы была у некоторых товарищей неправильная. С одной стороны, товарищи хотели оправдать все свои действия в хлебозаготовках, ссылаясь на то, что у нас классовая борьба возрастает, – и тут, конечно, наша оппозиция торжествует. Она тоже кричала, что вот, мол, прозевали все и везде, классовая борьба вас захлестывает. Упирать только на это не следует, потому что это не соответствует реальному соотношению сил. Хлебозаготовительный аппарат показал, что мы можем уже все сделать и классовая борьба внутри страны играет не ту роль, какую раньше она играла. (С м е х.) Говорить, что это играет первостепенную роль, – значит лить воду на мельницу оппозиции. У нас был такой перегиб, что у кулаков будто бы весь хлеб, и если потрусить, то достанем его. А жизнь показала вместе со 107 ст., что это не так. С другой стороны, критика объективных причин кроется в переходном состоянии нашего хозяйства, в том, что все более и более крестьянство осереднячивается и весь запас урожая постепенно распределяется между этим середняцким крестьянством. Попробуй-ка его теперь оттуда взять! Жизнь показала, что это очень трудно и надо лучше приспособляться.

Политический момент у нас создался приблизительно такой, какой нарисовал более или менее правильно тов. Андреев, с некоторым коррективом для Украины, где к недовольству середняка нашей хлебозаготовительной, хозяйственной политикой прибавилось в некоторых местах и недовольство бедноты. Но недостаток хлеба кроется в первой объективной причине, прежде всего в том, что хлебные запасы распылены среди среднего крестьянства, а с другой стороны, нужно не забывать, что у нас в этом году был недоурожай миллионов двести-двести пятьдесят. Вот вам вторая причина, которая показывает, что нам очень трудно сейчас. И когда тов. Андреев рисовал тяжелое положение переживаемого сейчас момента и говорил, что нужно строить сейчас так политику, чтобы не повторять тех ошибок, которые были у Наркомторга и в нашей политике, то нужно не забывать того, что совсем другие песни пел тов. Иванов на апрельском пленуме.

Самое важное тут: нужно, чтобы ЦК всегда так информировал партию, чтобы она правильно умела ориентироваться во всех местах. Неправильная информация, неправильное освещение может повести к усилению или административного нажима, или отжима. Вместе с этим, товарищи, мне сдается, что та самая критика, о которой я го-

ворил, отразилась и на составлении нашей резолюции, над которой, мне кажется, надо еще поработать. Эта резолюция должна отразить в себе то, что происходит в хозяйстве. Насчет осереднячивания сельского хозяйства, что хлеб растекается по средним хозяйствам, что крестьяне больше потребляют теперь сами хлеба, – всем известно. По старым расчетам, даже при большом экспорте оказывалось: если вывозили хлеб, то вывозили за счет недоедания крестьян и рабочих.

Сталин. Не только.

Петровский. Больше того, были расчеты: если правильно и нормально распределить хлеб в прежнее время между крестьянским и рабочим народом, то для нормального питания нужно было добавить еще привозом. Какие меры отсюда вытекают? Нужно принять все меры к увеличению урожайности. Всем вам, вероятно, известны последние сообщения о том, что такой кризис сельского хозяйства переживается во многих странах за границей и там ставится вопрос об индустриализации сельского хозяйства. Например, в Германии, где урожай в четыре раза выше нашего, там поднимается вопрос об удвоении его в ближайшее время. Если в такой стране, как Германия, где урожай превышает наш урожай в 4 раза, ставится вопрос об удвоении урожая, понятно, что нам нужно как можно скорее поставить этот вопрос у себя, форсировать действия, направленные к тому, чтобы поднять во что бы то ни стало, всеми доступными нам мерами урожайность крестьянских хозяйств до необходимого обеспечения развития социалистической промышленности и укрепления диктатуры пролетариата. Вот это основное, мне кажется.

Вторым моментом, на котором необходимо остановиться, является критика действий Наркомторга. На прошлом пленуме многие говорили о необходимости более точного подсчета наших хлебных запасов, запасов, имеющихся у крестьянства, чтобы можно было более правильно определять нашу хозяйственную политику на местах и практику действий, связанную с этим. Надо сказать, что до сих пор мы в этом отношении путались. Но если, товарищи, у нас имеются и происходят затруднения, то совершенно неправильными являются объяснения тов. Осинского, который сразу в панику вдарился, когда он говорит, что у нас «пропала смычка» с середняцким хозяйством. Неверно говорит и т. Стецкий, когда он нападает, в общем и целом, на линию партии, исходя из писем, поступающих в редакцию, и строит свои умозаключения на основании бесед с отпускниками. Ведь это только кусочек жизни, если бы действительно на самом деле это было так и если бы эта линия правильна была...

Стецкий. Не только в письмах отпускников.

Петровский. То нужно помнить, что во все времена в эти два месяца царская Россия переживала тяжелые кризисы, связанные с голодом и большими страданиями в бедняцких слоях населения, а так как мы переживаем все те недостатки, о которых здесь говорилось, что у нас недоурожай, недосев, да вот еще суховей и другие моменты, которые не дают возможности пока что стихию перебороть, то и затруднения сейчас отзываются на нас, и поэтому, строго говоря, партию судить за то, что она кое-где административные перегибы делала, нельзя, потому что она вместе со 107 статьей защищала диктатуру пролетариата. А иначе хлеб как можно было достать? Мы знаем, что его нет, а надо его дать в города и промышленные центры. Жизнь показала, что этого хлеба у нас не хватило и пришлось выписывать на несколько миллионов из-за границы. Вот как поставлен вопрос. Но даже при этих условиях чрезвычайно трудно было заготовлять хлеб, и мы против себя насторожили и враждебно настроили середняка, кое-где озлобили бедноту, потому что она голодает. Нам всем на месте удалось видеть чрезвычайно любопытную картину, как, в общем, середняцкие массы относятся к переживаемому кризису. Мне пришлось видеть характерную картину этих взаи-

моотношений на днепропетровщине в одном из середняцких районов, где крестьянский митинг тысяч в пять это выявил. Незаможники выходят с такой речью, что они готовы всегда помочь советскому правительству, сознают его трудности, будут переживать недостатки. Другое дело – кулак, он сорвался и прямо в бой пошел.

Он тоже начал с приветствия советской власти, но потом он так говорил: «мы все боролись за волю, за свободу, но хлеб от нас забирают, вывозят, наши поля пожелтели, вымерзли, голод 1921 года стучит в окно». И седобородый кулак говорил с большим подъемом, он на три четверти поколебал митинг. Зато характерно, что после этого кулака середняки выправляли линию, выступали и говорили: «верно, что наше крестьянское затруднительное положение, но нечего кулаку поднимать паники, еще может пойти дождь и будет урожай. Нам нужно, чтобы советская власть умела заготовлять хлеб и разъяснила, почему ей недостает хлеба». И это типичный митинг, выявивший взаимоотношения разных групп в крестьянской среде к партии и советской власти, в большинстве случаев на Украине. Когда мы получали из Москвы наряды и наши секретари и хозяйственники не знали, как их выполнить, не один секретарь и член ЦК ВКП(б), сидящий здесь, брался за голову и думал, как бы это выполнить. А ГПУ наше кричит, что и так черт знает сколько зарегистрировано контрреволюционных ячеек на Украине, сейчас еще прибавится. Нужно просить Москву, чтобы она уменьшила наряд заготовок, потому что невозможно их выполнить. При этих условиях, конечно, выполнение работы Наркомторгом требовало величайшей осторожности, величайшего внимания, и здесь нужна гораздо большая гибкость и ловкость, которая, надо сказать, не была проявлена, товарищи; и если с апрельского пленума пошла зажимательная линия, то с теперешнего, июльского пленума идет немножко отжимательная линия в хлебозаготовках – шарахаемся опять то в одну, то в другую сторону. Поэтому надо Наркомторгу тут выработать директиву, чтобы шараханья не было. Потом нужно лучше производить балансирование товарными массами для каждого района, своевременное выполнение планов, которые страшно страдали, и обязательно чтобы не изменялись несколько раз наряды. Комиссариат Наркомторга, приобретший такое большое значение в нашей политике, нужно обязательно еще подкрепить лучшими работниками, прошедшими большую продовольственную практику у нас от прежнего времени. Потом мне сдается, товарищи, что нужно пересмотреть тех товарищей из оппозиции, которые теперь признали решения XV съезда ВКП(б) правильными, и скорее некоторых из них, лучших экономистов, поставить на руководящую работу.

Г о л о с а. Кто, кто – не ясно. (Ш у м, р а з г о в о р ы, в о л н е н и е в з а л е.)

Петровский. Например, тов. Каменев и тов. Зиновьев, они хорошие экономисты, почему нельзя посадить работать в Госплан и на другую работу? (Ш у м, р а з г о в о р ы в з а л е.)

Вы знаете, как тов. Ленин людьми очень дорожил; мы находимся все еще при трудном положении: шахтинское дело[159], затруднение в промышленности, в новом строительстве требуют того, чтобы собрать все способные силы для выполнения наших важнейших задач.

Что же касается насчет самих тезисов и того, как в них отразился момент колебаний, то сразу бросается в глаза, что крестьянство есть основа всего: и экспорта, и развития социалистической промышленности, и существования городов, и всего на свете. Мне сдается, что такую характеристику нельзя давать; я думаю, что пролетариат все-таки представляет первую производственную функцию в нашей стране, и отдавать все это сразу крестьянству – это такая штука, что прочитает кулак и скажет беднякам и середнякам: смотрите, как вас характеризуют, а что вам дают; а эсеры и монархисты будут контрреволюцию разводить. Этот пункт следует переработать.

Бухарин. Хлеб на машинах не растет в индустриальных городах.

Петровский. Но, Николай Иванович, ты знаешь, что производительность рабочего на станке в 3–4–5 раз более производительности крестьянина на селе. Это аксиома. Или возьмите Германию, где 27% крестьянства кормит страну.

Рыков. Да.

Петровский. Говорят, что все от крестьянства зависит. Посмотрите сами, как вы это написали.

Рыков. А ты прочти.

Петровский. Смотрите, какое противоречие: «между тем сельское хозяйство все еще находится на крайне низком уровне», «и темп его развития чрезвычайно отстает от темпа развития промышленности».

Второй пункт: «нарушение рыночных отношений, нарушение рыночного равновесия благодаря быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных слоев».

Выходит так, что крестьянин как будто с низким уровнем производительности...

Калинин. Так и есть.

Петровский. И он отстает от промышленности, а тут выходит, что у крестьянина средства увеличиваются, платежеспособность увеличилась. Тут, товарищи, концы с концами не сведены у нас в резолюции.

Сталин. У кого-то не сведены, это верно.

Петровский. По-моему, в резолюции. (С м е х.)

Сталин. Наоборот.

Петровский. Нет, не наоборот. Мне сдается, что резолюцию нужно переработать, потому что она слишком много дает козырей, во-первых, оппозиции, когда говорится, что все как будто упирается в обострение классовой борьбы, а во-вторых, что крестьянству непомерно большая роль дается.

Голос. Это ты тоже к оппозиции относишь?

Петровский. Это не оппозиция, это мы шарахаемся сейчас, потому что, когда мы взяли курс на коллективизацию и промышленность, потом в сельском хозяйстве начали строить колхозы и совхозы, тогда ропот пошел, что мы забыли индивидуальное крестьянское хозяйство, а теперь оно выпячено в необыкновенно большом масштабе.

Сталин. Тов. Петровский, там сказано не «крестьянское хозяйство», а «сельское хозяйство». Это не одно и то же. Сюда и колхозы и совхозы входят.

Петровский. Да, сельское хозяйство. Пусть так. Но мне сдается, что в таком духе нужно перередактировать тезисы, чтобы они не создавали противоречий, и эти противоречия нужно исключить, где указывается, с одной стороны, на низкий темп развития сельского хозяйства, а с другой стороны, у него появляется платежеспособность, которую не в состоянии удовлетворить промышленность.

Председатель. Слово имеет тов. Жуков, следующий тов. Каганович.

Г о л о с а. Жукова нет.

Председатель. Тогда слово имеет тов. Каганович, следующий оратор тов. Квиринг.

Каганович. Трудности, переживаемые нами в связи с хлебозаготовками, настолько значительны, что мы, конечно, испытываем на себе серьезное давление недовольства как значительных слоев деревни, так и в связи с затруднениями в снабжении и некоторых слоев рабочих. Но именно поэтому мы должны с максимальным спокойствием подходить к анализу этих трудностей и к разработке соответствующих мероприятий. Все мы, и особенно члены Центрального Комитета, должны учитывать факты как

они есть, но мы должны быть не простыми фотографами отдельных фактов из настроений рабочих и крестьян. Мы должны переварить все эти факты, подвергнуть их критическому анализу и уж после этого делать соответствующие выводы. Вот с этой точки зрения я считаю, что особую ценность представляет резолюция, предлагаемая нам здесь, которая из факта хозяйственных хлебозаготовительных затруднений делает общие выводы и дает партии общую перспективную установку. Она ставит и принципиально разрешает зерновую проблему, проблему увеличения товарного хлеба, причем ставит и разрешает эту проблему по-классовому, т. е. она сочетает развитие индивидуального крестьянского хозяйства с развитием социалистических форм сельского хозяйства – колхозов и совхозов. В этом центр тяжести этой резолюции.

Ведь в хлебозаготовительных затруднениях огромную, я бы сказал решающую роль сыграли не только те ошибки, которые мы имели, – ошибки налоговые, ошибки в снабжении товарами, – и не только то, что у нас нехватка товарного хлеба, но также и то, что значительная часть этого товарного хлеба, не большая, а **значительная**, находилась в руках кулака. Чем же, в самом деле, объяснить тот факт, что на Украине мы до декабря месяца заготовили 55% хлеба по нашему плану? Хлеб этот мы заготовляли самотеком, сравнительно легко, а в декабре месяце, когда мы подошли к остальным 45%, мы столкнулись с жесточайшими сопротивлениями.

В чем тут было дело? Мне кажется, что 55% заготовок, которые мы провели до декабря, были заготовками хлеба по преимуществу из запасов середняка и той части бедноты, которая его продавала. Они продавали хлеб самотеком, везли его добровольно. Середняк, правда, не весь хлеб продал, но продал значительную часть своего товарного хлеба. И как только мы подошли к запасам кулака – мы столкнулись с затруднениями. Кулак объявил, по существу, хлебную забастовку и пошел в наступление на нас. Я не говорю, что все эти 45% были в руках кулака, но во всяком случае к концу кампании кулак был главным держателем оставшегося товарного хлеба и организатором задержки хлеба, оставшегося у середняков. Вот решающий вопрос. И экстраординарные мероприятия, которые мы вынуждены были применить, явились обороной советского государства против наступающего кулака. Они были нашим ответом на задержку хлеба со стороны кулака. Вот этого не понимают часто те товарищи, которые сейчас выступают в роли «объективных» людей, осуждающих принятые партией экстраординарные меры.

Конечно, ошибки у нас были, были перегибы. Мы, например, у себя на пленуме ЦК КП(б)У дали резкую оценку этим ошибкам и извращениям, мы признали, что в будущем необходимо избежать применения экстраординарных мер вообще, но вместе с тем мы решительно высказались против того, чтобы вместе с ошибками, которые у нас были, замазывать то ценное, что мы получили в результате хлебозаготовительной кампании.

Мы мобилизовали всю партию. Мы выдержали очень серьезный экзамен. Партия показала свою боеспособность, и забывать этого сейчас ни в коем случае нельзя. После декабря мы пережили три периода хлебозаготовительной кампании. Первый период – это период, когда мы мобилизовали все силы, нажали, когда были некоторые недоумения и даже растерянность среди бедноты, вызванные неясностью причин нашего нажима, когда в деревне даже наши кадры и аппарат немного растерялись. Второй период – период подъема настроения бедноты. Ведь это факт. Ведь апрельский пленум ЦК, когда он писал, что мы имеем серьезный подъем бедноты, он же говорил сущую правду. Те, кто был на селе, могут подтвердить это десятками фактов. Получился серьезнейший подъем бедноты, классовый подъем, беднота ожила, организовалась. Вначале наши комитеты незаможных селян на Украине показали себя как будто немножко

растерявшимися, но в феврале-марте мы имели организованную массу, которая поддерживала наши мероприятия. Иначе как же можно объяснить, что мы на Украине за три месяца – январь, февраль, март – заготовили около 90 млн. пуд. хлеба. Ведь одними уполномоченными, которых мы посылали на места, нельзя было заготовить столько хлеба. Мы заготовили хлеб при поддержке бедноты и без сопротивления середняков. В этот период середняк давал свой еще резервный товарный хлеб.

И, наконец, третий период хлебозаготовительной кампании характеризуется тем, что хлебозаготовки коснулись уже страхового фонда середняка. К этому следует добавить момент, связанный с гибелью озимых посевов и возможностью неурожая. Например, у нас на Украине, не будь гибели озимых, вряд ли были бы такие серьезные затруднения. И мы из хлебозаготовительной кампании вышли бы сравнительно легко.

Экстраординарные меры, облегчившие нам выход из кризиса, в который мы были поставлены в декабре, коснулись и середняка. В этих экстраординарных мероприятиях, которые мы предприняли, было, конечно, много отрицательных сторон. Нельзя их вводить в систему. Абсолютно правильно, что нельзя экстраординарные меры вводить в систему, тем более нужно объявить решительную борьбу идеологии, которая хочет извращения узаконить. Но в отдельных случаях положение работников на местах было крайне тяжелое. Пришлось ведь проводить не просто хлебозаготовки, но и самообложение, заем, – и довольно форсированным темпом.

Вот тут, например, говорили о базарах. Мы все время давали директиву: ни в коем случае базаров не закрывать; мы боролись с фактами, когда производились обыски на базарах, но ведь цены взвинчивались. У нас, например, на Украине много мелких городов, местечек, внутренний рынок которых довольно большой. Цены на рынках взвинчивались, с взвинчиванием цен нужно было бороться соответствующим образом. Ясно, что тут частников-спекулянтов мы вынуждены были арестовывать, мы должны были соответствующие меры принимать, потому что они мешали нам, не давали возможности развернуть хлебозаготовительную кампанию. Конечно, тут проявлено было много излишеств. Нельзя узаконивать эти мероприятия. Но закрытие базаров в ряде мест получилось не в результате злой воли местных работников, а из необходимости борьбы со спекулянтом. Здесь я хочу сказать следующее, хотя, может быть, оно встретит некоторое возражение и не попадет в тон ряда ораторов. Я должен сказать, что сейчас мы слышим тона немного покаянные, тона, осуждающие вообще принятые экстраординарные мероприятия и слишком жестоко критикующие ту работу, которая проделана за эти месяцы.

Г о л о с а. Правильно.

Каганович. Я думаю, что это неправильно, мы должны осудить извращения, которые были, мы должны в будущем не прибегать к таким экстраординарным мероприятиям, но **мы не должны поддаваться этому тону осуждения той работы, которую вся партия проделала**.

Г о л о с а. Правильно.

Каганович. Некоторые товарищи неправильно хотят ввести экстраординарные мероприятия в систему, но другие впадают в недопустимую крайность и рассуждают так: «долой административные меры воздействия, да здравствуют чисто экономические меры воздействия на хлебном рынке». По-моему, нельзя становиться только на этот путь. Что означает чисто экономическое воздействие в хлебной торговле? Оно означает вот что: если на рынке цены поднимаются, мы должны прекратить хлебозаготовки в данном месте на 2–3 недели, взять на выдержку торговцев, частника и взять на выдержку продавца хлеба. Мы должны соответствующим образом конкурировать экономически с ценами частника и спекулянта. Если частник платит 1 руб. – мы платим

1 руб. 10 коп., частник платит 1 руб. 50 коп. – мы платим 1 руб. 60 коп. и т. д. Мы на это не можем пойти. Тов. Сокольников сегодня, например, начал за здравие, а кончил за упокой.

Косиор. Начал благочестиво.

Каганович. И поскольку он повторял азбучную истину, это было несомненно правильно. Но кончил он тем, что сроки кончены – давайте установим «свободные» экономические отношения между городом и селом, и конкретно предлагал он это применить к ценам. Если тов. Осинский говорил тут, что сельскохозяйственный индекс равняется 139, а промышленный 220, то мысль Сокольникова сводится к тому: давайте эквивалентные цены, давайте сравняем их. Можем ли мы на это экономически теперь пойти или нет? Ни в коем случае не можем: это будет жесточайший удар по нашей промышленности. При всем моем уважении к тов. Сокольникову я не могу не сказать, что это есть отражение мелкобуржуазного наступления против индустриализации, против нашей промышленности. Вот до чего можно договориться, ставши на путь развернутого до конца чисто экономического соревнования, т. е. вольного рынка.

Закон стоимости, хотя и действует еще в нашем народном хозяйстве, но далеко не так свободно, как в капиталистическом хозяйстве. Постепенно нашим планированием и всей нашей экономической политикой мы ограничиваем его действие. И цены у нас не являются продуктом игры стихии вольного рынка. На службу экономической политике пролетариата становятся не только хозяйственные командные высоты, но в случае крайней нужды и политико-административные меры и даже 107 ст.

В условиях советского государства, я считаю, что общая постановка вопроса о противопоставлении политики и администрирования «чистой» экономике совершенно неправильна. Одним из отличий советского государства от буржуазного является, между прочим, то, что в буржуазном государстве хозяйство принадлежит частным капиталистам, но государство, будучи приказчиком буржуазного класса в отношении подавления пролетариата, не имеет функции регулирования, а тем более непосредственного административного вмешательства в буржуазную экономику. У нас же промышленно-финансовое хозяйство принадлежит непосредственно советскому государству, которое, допустив нэп, должно регулировать и направлять частное хозяйство. В этом смысле у нас экономическая власть переплетается и неотделима от политической власти. У нас «хозяйствующий субъект» входит непосредственной составной частью государственного аппарата.

Администрирование надо понимать по-ленински, не сбиваясь на понимание административных функций как чисто милицейских. Наше администрирование есть функция политики, ей подчиненная. На службу экономической политике пролетарского государства становятся все функции госаппарата, вот почему нельзя впадать в крайность и отвергать применение и, в известной мере, административно-политическое воздействие в экономике. Я, конечно, не идеализирую администрирование, я не хочу сказать, что мы должны действовать административными мерами направо и налево, игнорируя законы экономики, законы рынка, и, конечно, надо отвергнуть и эту крайность переадминистрирования в экономике в условиях нэпа и особенно по отношению к крестьянскому хозяйству.

Тот нажим, который мы сейчас вынуждены были провести, серьезно отразился на политическом состоянии деревни. На происходившем у нас недавно пленуме ЦК товарищи об этом подробно докладывали, но я должен сказать, что у некоторых товарищей были преувеличения, были и такие речи, как у тов. Стецкого здесь. Конечно, значительная часть середняков встревожена, не все, нельзя брать всю середняцкую массу как одну массу. Надо брать разные районы. У нас на Украине, например, есть районы,

где по-разному проявляется настроение середняка, но закрывать глаза не нужно и замазывать нечего: у значительной части середняков есть сейчас настроение против нас, они готовы поддаться настроению кулаков.

Но есть ли разрыв с основной массой середняков? Вот вопрос, который надо поставить. Насколько градусы на селе у середняков достигли такой высоты, чтобы они готовы были пойти на авантюру против советской власти вместе с кулаками? Вот как надо ставить вопрос. Но прежде всего я хочу сказать вот что. Некоторые товарищи готовы изобразить дело так. Раньше середняк был такой идеальный, такой прекрасный, что аплодировал целиком всем мероприятиям советской власти, а сейчас стал резко против советской власти. Это неправильно.

У середняка как у колеблющейся группы, с которой мы осуществляем союз, известное недовольство бывало всегда, ибо союз означает, что известные противоречия между пролетариатом и крестьянством есть и эти противоречия мы преодолеваем в процессе строительства. Когда я в прошлом году объезжал округа Украины – я объехал больше 10 округов, пробыл целый месяц в пограничной полосе, – когда я в деревне собирал крестьян и говорил с ними, то кулачки заявляли, что же цена на товар у вас такая, а на хлеб вот какая, вы нас грабите, то середнячки сочувствовали им. Недовольство середняков бывало, но градусы были невысокие и мирные. Сейчас мы должны констатировать, что градусы поднялись. Настроение, конечно, серьезно ухудшилось, но можно со всей ответственностью сказать, что мы не имеем у середняка таких градусов, которые толкнули бы его на авантюру против советской власти вместе с кулаком, тем более что сейчас неплохие виды на урожай. Середняк не пойдет сейчас на авантюру с кулаком, потому что нами не задеты настолько его социально-классовые интересы, чтобы он решился на это. Союз середняка с нами сильнее временных колебаний некоторых его слоев в сторону кулака.

Я могу привести некоторые цифровые данные, относящиеся к Украине, данные нашего ЦСУ, которые показывают, как реагировали отдельные социальные слои деревни на политику нашей партии в связи с хлебозаготовками в весенней посевной кампании. Я имею в виду данные о размерах посевов, как раз наиболее показательный итог нашей политики. Что же мы имеем? Наша деревня реагировала тем, что посевная площадь ярового клина вместе с пересевом погибших озимых превысила площадь яровых прошлого года на 29%, а общая посевная площадь, несмотря на гибель $4^1/_2$ млн. десятин, уменьшилась всего на 3%. Это, мне кажется, наиболее яркий показатель отношения к нам со стороны деревни, в том числе и со стороны **середняка**.

К этому надо прибавить некоторые интересные данные деления посевной площади по группам хозяйств (данные добыты ЦСУ по выборочному обследованию и носят предварительный характер). По всей Украине по группе хозяйств без рабочего скота мы имеем прирост общей посевной площади на 6,9%, а если взять прирост ярового клина, то он равен в этой группе 41,4%; в группе хозяйств с одной головой рабочего скота прирост общей посевной площади равен 2,2%, в группе с двумя головами – уменьшение общей посевной площади на 2,9% и, наконец, в группе с тремя головами и больше – уменьшение посевной площади на 11,9%. Из приведенных данных видно, что более зажиточная часть крестьянства снизила посевную площадь на 11,9%. Наоборот, беднота увеличила свой посев. У большей массы середняков посевная площадь осталась почти стабильной. Мне кажется, мы на примере Украины можем с полным правом заключить, что у основной массы крестьянства доверие к советской власти не подорвано, что у **середняка стимул к** хозяйственному развитию также не подорван.

Вот почему для паники и разговоров о разрыве с середняком не должно быть ме-

ста. Трудности большие, но не надо их преувеличивать. По Стецкому выходит, что мы виноваты в этих трудностях, и если бы не применять экстраординарных мер, то не было бы таких трудностей. Так ставить вопрос смешно. Выходит так, как будто ЦК в одно утро проснулся в плохом или хорошем настроении и решил: давайте навинчивать, давайте наворачивать. Кризис был очень серьезный, нам угрожала опасность жестокого хозяйственного кризиса. А мы вышли из трудностей именно благодаря усилиям партии. Мы имеем сейчас меньшие трудности, чем те, которые были бы в декабре в случае, если бы мы не нажали. А тов. Стецкий выходит и поучает насчет отношений с середняком, как будто кто-либо когда-либо забывал значение середняка. Он приводит цитату из Ленина и на ней хочет доказать, что кто-то эту истину о середняке забывает. Позвольте сказать, что выдернуть одну цитату из Ленина, но в то же время не брать того, что Ленин говорил о бедноте и кулаке, – это не по-ленински. Как же вы думаете провести союз с середняком без связи с вопросом о борьбе с кулаком и об опоре на бедноту? Я должен сказать, что речь тов. Стецкого на меня произвела очень плохое впечатление. Тов. Стецкий почти ничего не говорил о кулаке и о классовой борьбе на селе.

Стецкий. Прочтите стенограмму.

Каганович. А этот решающий вопрос все-таки у нас остается, мы не должны этого забывать. Борясь с извращениями, безобразиями, которые у нас были, мы должны сейчас вопрос о борьбе с кулаком, о дальнейшей организации бедноты, об объединяющей политической силе на селе поставить во всей остроте. Кто осуждает извращения, кто осуждает безобразия, которые были, не заостряя тут же вопрос о борьбе с кулаком, готовящимся сейчас с нами вступить в борьбу в предстоящую хлебозаготовительную кампанию, тот, по-моему, делает крупнейшую политическую ошибку, чреватую большими последствиями.

В отношении будущей хлебозаготовительной кампании я думаю, что мы не должны впадать в чрезмерный оптимизм. Я должен это прямо сказать, начистоту, может быть, кто-нибудь будет меня упрекать, но я должен сказать вот что: у некоторых товарищей складывается такое впечатление, что мы примем резолюцию, запретим всякие извращения, начнется хлебозаготовительная кампания и все будет гладко, хорошо и проч. Такой оптимизм был бы вреден, потому что этим мы могли бы демобилизовать партию. Мы должны объявить решительную борьбу извращениям и отменить экстраординарные меры. Это правильно. Но мы должны сказать партии, что кулак сейчас обострился против нас.

Я должен сказать, что в третьем периоде хлебозаготовительной кампании, когда озимые погибли и когда мы подошли к страховым фондам середняка, кулак отнял у нас часть того политического капитала, который мы завоевали во второй период. Это произошло потому, что мы затронули середняка в нашей работе и его настроения ухудшились. Сейчас кулак является руководителем всех волынок, которые были в тех районах, где часть бедноты голодает, часть бедноты была спровоцирована бывшими урядниками, бывшими полицейскими, и кулак является сейчас, это нужно прямо сказать, предводителем их. В будущей хлебозаготовительной кампании мы столкнемся с жесточайшим сопротивлением кулака. Сейчас, когда мы выезжали с Украины, некоторые члены ЦК, приехавшие с мест, докладывали и говорили, что в связи с неплохими видами на урожай у середняка настроение поднялось, кривая плохих настроений в деревне падает. Хотя в городе сейчас, потому что мы задерживаем сейчас снабжение, кривая поднимается, временно настроение рабочих ухудшается. Я думаю, что, если мы дадим некоторую передышку в хлебозаготовках, середняк нам хлеб повезет, тем более при некотором намечающемся повышении цен и увеличении завоза товаров. Се-

редняк воспримет повышение цен, которое мы даем на 15–20 коп., хорошо. Но нельзя думать, идеализировать, что кулак будет хлопать в ладоши и с энтузиазмом повезет хлеб. Мы 20 коп. прибавим, а он скажет: прибавьте 50, прибавите ему 50, а он скажет: прибавьте 1 руб. Борьба кулака с нами будет жестокая. Вот почему я думаю, что к этому надо подготовиться.

Мы должны сейчас, по-моему, не только ограничиться той резолюцией, которую мы примем здесь и которая является совершенно правильной резолюцией. Мы должны сейчас разработать ряд практических мероприятий и в области экономики, и в области ассортимента товаров по соответствующим районам, в области организации хлебозаготовительной кампании вообще. Возьмите, например, такой вопрос, как срок хлебозаготовительной кампании. Сколько времени должна она продолжаться? Хлебозаготовительную кампанию можно было бы как можно больше укоротить, сжать сроки заготовки хлеба. Нужно поставить дело так, чтобы в декабре-январе мы подходили к завершению заготовок основной массы хлеба.

Сталин. Тут не только от нас, а и от мужика кое-что зависит.

Каганович. Совершенно верно. От мужика очень много зависит, но и от нас очень много зависит. Несмотря на самотек, мы уже к декабрю заготовили 55% хлеба. Если мы соответствующие меры примем заранее, то мы сумеем в феврале-марте кампанию закончить, а апрель-май-июнь могут у нас остаться на подчистку хвостов. Для того чтобы мы успешно провели хлебозаготовительную кампанию, мы должны принять ту резолюцию, которая здесь предложена как линия в нашей работе без применения экстраординарных мер; но мы должны, вместе с тем, поручить Политбюро ЦК сейчас же заняться практической разработкой, углубленной разработкой всех практических вопросов, связанных с хлебозаготовительной кампанией. Ведь посылали же мы лучших наших товарищей на хлебозаготовки, снимали же их с работы. Почему мы не можем на две недели освободить здесь, в Москве, ряд товарищей членов Политбюро ЦК, чтобы разработать не только аппаратом Наркомторга – я говорю это не потому, что я выражаю недоверие Наркомторгу... Лучшие силы надо привлечь, чтобы досконально разработать вопрос и чтобы на местах имели практические директивы, как вести хлебозаговительную кампанию.

Председатель. Слово имеет тов. Квиринг, следующий тов. Медведев.

Квиринг. Тов. Микоян говорил о положении всего народного хозяйства страны. Прения наши сконцентрировались почти исключительно на вопросе о хлебозаготовках, так как именно в этом вопросе сейчас находится узел политических и хозяйственных проблем, стоящих перед нашей страной, ибо именно в этом пункте мы опять и опять стоим перед вопросом о взаимоотношениях с крестьянством.

Тов. Осинский пустил крылатое словечко «размычка». Как это часто бывает у тов. Осинского, и здесь он, гонясь за словечком, за формулировкой, пересолил. Но все же, когда мы анализируем положение страны, взаимоотношения с различными группами крестьянства, мы должны сказать, что положение достаточно серьезно, и это было здесь в значительной мере подчеркнуто рядом товарищей. Очень хорошо это было формулировано тов. Андреевым, который говорил о том, что кулак, как это совершенно понятно, сейчас против нас враждебен больше, чем в предыдущие годы, середняк в значительной мере встревожен и выжидает. Но я думаю, товарищи, что эту характеристику необходимо дополнить, и тов. Каганович частично на этом останавливался. Разве не ясно, что в последние месяцы хлебозаготовительной кампании, когда мы вынуждены были снять со снабжения не только сельские, но и часть городских районов, когда у нас обнаружились определенные недочеты в области снабжения широких масс и прежде всего бедноты, – разве не ясно, что этот факт должен был значительно встре-

вожить значительную часть бедноты, той бедноты, которая вместе с нами воевала против кулака. Теперь мы ее кормить не можем, потому что не таковы хлебные резервы. И разве не прав тов. Угланов, указывая о тех настроениях, которые довольно широко распространены среди рабочих? Разве среди рабочих нет беспокойства? Разве среди рабочих мы не имеем настороженности? Но было бы совершенно неправильно говорить, что это беспокойство и эта настороженность значительной массы рабочих и деревенской бедноты – это то же самое, что настороженность середняка. Это не то же самое. Это имеет другой оттенок. Это настороженность таких групп, которые крепко стоят за советскую власть, но которые видят, что мы в тяжелом положении, ищут выхода и ждут слова от партии, слова и дела. Огромное значение решений нашего пленума состоит именно в том, чтобы в первую очередь этим слоям рабочих и деревенской бедноте сказать слово о ближайших перспективах, слово о нашей хозяйственной политике в отношении крестьянства.

Я думаю, что проект резолюции, который Политбюро представило пленуму ЦК, такой ответ дает. Он дает такое направление работы правительства и партии, которое может гарантировать нас от дальнейшего обострения отношений с середняком, от дальнейшего напряжения и может обеспечить более или менее бескризисное развитие и удовлетворение основных потребностей масс. Но именно потому, что решения пленума затрагивают целый ряд важнейших и крупнейших вопросов, нам приходится на них здесь останавливаться для того, чтобы иметь не только единые формулировки этих решений, но и единую их трактовку, единое понимание, ибо огромное значение будет иметь именно то, каким образом резолюция пленума будет проводиться в жизнь, каким образом вся партия будет мобилизована для ее проведения, каким образом весь наш советский аппарат в практике своей повседневной работы будет проводить эти решения.

Несомненно, у нас были и есть целый ряд вопросов, в которых полной ясности не было и в которые полную ясность необходимо внести.

Молотов. У кого полной ясности не было?

Квиринг. У очень многих товарищей.

Молотов. Теперь понятно.

Квиринг. Вопрос относительно единоличного хозяйства трактовался различно, разве это не известно? Я говорю именно о последнем периоде, и говорю именно о том, как партия должна сейчас установить трактовку этих вопросов. На одном рабочем собрании несколько рабочих упрекали меня в том, что я много говорил о будущем, т. е. о колхозах и совхозах, и мало о крестьянском хозяйстве. Как видно, решения XV съезда о крупном земледелии и последние решения Политбюро о новых совхозах[160] недостаточно поняты. Я попытался (может быть, это происходит потому, что нам вообще приходится думать в пятилетнем масштабе), пытался представить себе, какое же конкретное соотношение в деле хлебного снабжения нашей страны могут иметь через пять лет совхозы, колхозы и единоличные хозяйства. Это дает нам цифровое представление о той роли, которую играют указанные хозяйственные группы.

Мы знаем из статьи тов. Сталина[161], что сейчас совхозы и колхозы вместе взятые дают 6% товарного хлеба. Сколько эти группы могут дать через пять лет? Если мы возьмем программу новых совхозов, я считаю, что рядом с этой программой мы должны еще иметь программу старых совхозов, но об этом нужно будет поговорить по докладу тов. Калинина, потому что сейчас получается такое одностороннее отношение к вопросу о совхозах, как будто нам нужно развивать только новые совхозы.

Чубарь. Это в Госплане?

Квиринг. Ничего подобного, в Госплане имеется иная тенденция. Между тем, по

нашим расчетам, старые совхозы, при соответствующей механизации, могут к концу пятилетия дать около 50 млн. пуд. товарного хлеба. Таким образом, совхозы и старые и новые, при максимальном напряжении, считая, что новые совхозы дадут около 100 млн. пуд., дадут всего примерно около 150 млн. пудов товарного хлеба. Сколько могут дать колхозы через пять лет? Я думаю, что при всем напряжении, если исходить из того, что колхозы дают в настоящее время около 50 млн. пудов, все колхозы дадут не больше тех же 150 млн. пудов товарного хлеба. Таким образом, мы будем иметь от этого сектора хозяйства 300 млн. пудов товарного хлеба. А сколько товарного хлеба нам нужно будет через пять лет? Я думаю, что минимально 1 миллиард.

Чубарь. А может быть, тогда мы научимся меньше кушать?

Квиринг. Я не думаю, что мы будем тогда меньше кушать. Во всяком случае, надо принять во внимание, что рост народонаселения у нас идет довольно основательным темпом. Поэтому наша потребность в хлебе, если даже не рассчитывать на значительное развитие экспорта, должна быть определена к концу пятилетия не менее чем в сумме один миллиард пудов. Если же рассчитывать на некоторое поднятие экспорта, то мы должны будем иметь 1,2–1,3 млрд. пудов товарного хлеба. Повторяю, в лучшем случае совхозы и колхозы могут дать при всем напряжении около 30% потребного нам товарного хлеба. А это значит, что 70–75% товарного хлеба мы должны получить от единоличных хозяйств. Я думаю, что эта справка дает нам представление о тех соотношениях, которые устанавливаются в нашем хозяйстве, а следовательно, и о той политике, которую мы должны вести. Я повторяю, что в резолюции Политбюро это достаточно хорошо подчеркнуто. Необходимо максимальное напряжение для развития совхозов и колхозов, но и при этом условии единоличные крестьянские хозяйства будут главной базой сельского хозяйства.

Теперь я перехожу к хлебозаготовкам. У нас громадные трудности. Тут уже со всех сторон к этому вопросу подходили, и я остановлюсь только на некоторых частях. Здесь указывалось уже, что хлебофуражный баланс, из которого мы исходили, был несколько превышен. Указывалось также, что в настоящее время пересматриваются так называемые «невидимые» запасы хлеба, которые имеются у крестьян и которые исчислялись к 1927/28 году суммой около 700 млн. пудов. Одним словом, просчеты хлебофуражного баланса сводятся к тому, что хлеба в действительности у крестьянских масс было меньше, чем мы ожидали. Это одна из важнейших предпосылок к тем трудностям, которые у нас были. Затем второе – это большой хлебозаготовительный план. Если уж угодно говорить тут о виновниках, я должен сказать, что в этой части – и в вопросе о хлебофуражном балансе, и в вопросе о большом плане хлебозаготовок – Госплан несет полную ответственность. В частности, я со всей энергией защищал на Политбюро хлебозаготовительный план в 740 млн. пудов, исходя из хлебофуражного баланса, который был представлен. Теперь мы ясно видим, что это была ошибка. Но эта ошибка чревата тем, что, основываясь на большом плане хлебозаготовок, мы повели хлебоснабжение в гораздо большем масштабе, чем это было в наших силах. С планом хлебоснабжения у нас получилось следующее. Мы недовыполнили план хлебозаготовок примерно на 100 млн. пудов. Но примерно на 100 млн. пуд. мы уменьшили экспортный план. Таким образом, для снабжения страны у нас осталось именно то количество хлеба, которое было по нашему плану. Следовательно, внутреннее снабжение страны у нас должно было быть совершенно удовлетворительным, потому что мы имели как раз столько хлеба, сколько мы хотели иметь по плану хлебоснабжения. Каким же образом все-таки получилось, что мы находимся в таком тяжелом положении, когда не хватает хлеба? Случилось это потому, что, развивая широкие планы хлебозаготовок, мы вынуждены были прибегнуть к таким мероприятиям неэкономического

порядка, которые затронули те ресурсы, которые при нормальных условиях, при иных условиях должны были идти в порядке так называемого внутрикрестьянского оборота. Вот в чем сущность дела. А этот самый внутрикрестьянский оборот – это огромная махина. Конечно, тут статистика врет в гораздо большей степени, чем она врет во всех остальных наших планах, но по расчетам получается, что этот самый внутрикрестьянский оборот составляет 600 млн. пудов хлеба в год, помимо отработок и всего остального прочего. А если причислить и отработки, то внутрикрестьянский оборот составляет около 900 млн. пуд. в год. Так вот, поскольку мы разрушили базары, на которых происходил этот внутрикрестьянский оборот, поскольку мы стеснили внеплановые заготовки кооперации и, наконец, поскольку мы почти полностью вытеснили частника из хлебозаготовок, мы взяли на себя вместе с тем обязательство восполнить то, что дает нормальный внутрикрестьянский оборот, а также снабжение мелких городов. А это нам не по силам. Ясно, товарищи, что если вот за счет этого внутрикрестьянского оборота мы в порядке государственных хлебозаготовок получили только какие-нибудь 100 млн. пудов, то едоков мы получили на гораздо большую сумму, чем 100 млн. Отсюда и разрыв, отсюда и неувязка плана и значительные трудности. И вот почему те внеэкономические мероприятия, которые мы применяли в этом году, вот почему они так опасны при повторении, вот почему мы должны организовать все наше хозяйство таким образом, чтобы избежать в дальнейшем необходимости прибегать к таким мероприятиям. Когда мы говорим о внутрикрестьянском обороте, то надо ясно представить себе, что это, собственно, такое. Тут один из товарищей, кажется тов. Хатаевич, хотел это дело формулировать таким образом, что внутрикрестьянский оборот – это есть нечто похожее на тот местный товарооборот, который мы применяли в первоначальный период нэпа, т. е. товарооборот вне железных дорог. Это не выйдет, товарищи. Такой местный товарооборот не удовлетворит положения. 600 млн. пуд. хлеба – это второй план государственных хлебозаготовок, а ведь нужно говорить не только о хлебе, а о всех других с/х продуктах. Чтобы провернуть такие массы, нужен развернутый торговый аппарат. Это большая задача, и Наркомторгу нужно отказаться от той инерции аппарата, которая естественно вытекала из практики работы этого года.

Микоян. Транспортное регулирование, аппарат тут ни при чем, это я и Совнарком. Чего ты на аппарат киваешь?

Квиринг. Я говорю об аппарате вот почему. В Совнарком или СТО от Наркомторга внесен проект изменения установленных тарифов на внеплановые и частные перевозки. И вот там сказано следующее: «поскольку ныне действующая форма экономического регулирования носит для внепланового заготовителя определенный запретительный характер, постольку и тарифы на перевозки частных грузов в системе двух тарифов, по мнению Наркомторга, должны приобрести форму запретительного тарифа, и причем как для частника, так и для государственных, кооперативных внеплановых заготовителей».

Это означает, что для всех внеплановых заготовителей Наркомторг проектирует запретительные тарифы на железной дороге.

Чубарь. Он хочет, чтобы потребители Союзхлеб растерзали?

Квиринг. Этот проект подписан тов. Хинчуком и находится в СТО, и тов. Микоян обратно его не взял, и поэтому-то я и сказал, что есть инерция старого, и от этого надо отказаться, надо найти иные пути регулирования хозяйства.

Председатель. Слово имеет тов. Медведев, следующий тов. Шверник.

Медведев. Я не буду касаться вопроса о промышленности, поскольку он здесь оттенен, а коснусь одного основного вопроса – о хлебозаготовках. Конечно, данные предложения, которые исходят от Политбюро, вполне приемлемы, возможна лишь де-

тализация, о чем товарищи указывали, но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что у нас неоднократно принимаются хорошие и принципиально выдержанные постановления, но когда начинаем проводить в жизнь, они отклоняются, летят в сторону. Вот это основные недостатки, которые мы имеем в своей повседневной работе, – не всегда можем выполнить то, что намечаем в наших тезисах и постановлениях.

Рыков. Хорошие постановления мало летят, а плохие чаще летят.

Медведев. Да, хорошие постановления мало летят, а плохие чаще, но и хорошие постановления в практическом проведении не всегда проводятся как надо. Чем это объяснить? Объяснить нужно тем, что у нас больше всего принято проводить нашу работу в ударном порядке, всколыхнуть, подтолкнуть, воздействовать, нажать, провести мероприятия и отсюда уже идти общим хладнокровным порядком. Если взять прошлогодние заготовки, я возьму только украинские заготовки, то посмотрите, какая градация. Допустим, в июле мы заготовили 6 миллионов, в августе – 35, в сентябре – 47, в октябре – 29, ноябрь – 17, декабрь – 14, до минимума дошли, январь – 28, февраль – 40, март – 23 и т. д. Правда, здесь нужно учесть всю сложность обстановки, которая была в октябре. Мы имели в октябре демонстрацию наших уважаемых оппозиционеров, которая отразилась на всей нашей работе. Внимание центральных партийных организаций и всех партийных организаций во всей работе было обращено на идеологическую борьбу внутри нашей партии. Но спрашивается, в этот момент, когда на одном фронте направляется наш удар, нужно ли ослаблять темп хлебозаготовок? А в этот момент мы силы бросили на идеологическую борьбу внутри партии. Что касается общей практической работы в области хлебозаготовок, то мы не обратили внимания, в декабре довели до минимума размеры и лишь после XV партийного съезда закрутили на все 100 градусов. Каждая организация работала так, как ей бог на душу пошлет. Отсюда извращения, а раз не ставился вопрос на обсуждение, то, конечно, извращения получились, и чем дальше нажимали, тем они усиливались. Поэтому основная наша задача в дальнейшем не только в хлебозаготовках, а во всей нашей работе, нам нужно систематически ставить основную нашу работу, избегая скачкобежности.

И дальше, как сейчас стоит вопрос, как сейчас определяются отношения середняка к рабочему классу? Что касается кулака, то говорить о нем не приходится. Поэтому излишне повторяться, поскольку к нему имеется определенное наше отношение. Я хотел бы дать свое определение, как смотрит середняк. Когда мы, действительно, пошли по домам и начали заглядывать в амбары, то этот момент создал самые тяжелые настроения у середняка. Он не понял, что это означает: означает ли это, что мы отказываемся от свободы торговли, раз мы пошли по амбарам, потому что несколько раз мы подтверждали о нэпе, о свободе торговле и т. д., а глядишь – приехали из города и пошли но амбарам. Насторожился середняк, а в некоторой части озлобился, и часть середняков пошла за кулаком, который, пользуясь нашими трудностями, старался направить против нас середняка. Так было на Украине, потому что у нас погибло 4 млн. дес. озимой пшеницы и перед нами встал вопрос: или голодовка, или что-нибудь иное. Правда, усилиями ЦК и советских органов, которые, действительно, со всей энергией поставили вопрос максимальной помощи посевным материалом, мы пересеяли почти полностью погибшую площадь. Если на Украину мы выбросили 11 млн. пуд. семян, то этим мы подняли настроение как бедноты, так и середняка. Несчастье в том, что мы много израсходовали семян. Я возьму опять-таки Украину. Как мы расходовали хлеб? В прошлом году мы съели 48 млн. пуд. хлеба, а в этом году, Алексей Иванович и все другие слушатели, мы съели 63 млн. пуд. хлеба.

Г о л о с а. Ну!

Медведев. Конечно, на первый взгляд, это много, много съели. Почему съели? Мы взяли на себя монополию снабжать и рабочих, и крестьян, и мещан, и кого угодно.

Рыков. Правильно.

Медведев. Мы взяли непосильное обязательство на себя: ответственность за снабжение всего населения хлебом.

Рыков. Как могло быть иначе?

Медведев. Иначе? – Надо подумать. Я даже решусь здесь отчасти на смелость сказать, может быть, меня кто-нибудь и стукнет за уклон, но я считаю, что мы взяли монополию хлебозаготовок и взяли монополию снабжать все население.

Рыков. Вышло так.

Медведев. Мы не справились с этой задачей. Конечно, с крупным частником нужно бороться, но ведь нужно подготовить кооперацию, чтобы она на месте могла снабжать известную часть населения и заготавливать хлеб. В то же самое время государственным заготовителям нужно взять на себя действительную обязанность – снабжать рабочие районы, снабжать города по возможности, а отсюда усилить, чтобы кооперация больше снабжала местное население, а где это необходимо – допустить и мелкого заготовителя, строго указать его пределы, чтобы не сорвать установленных государственных цен. Я говорю о мелком заготовителе. Я считаю, что известная обстановка заставила нас на это пойти. О данных заготовках, о данных ненормальностях снабжения я приведу характерные наблюдения по Украине. У нас на Украине кулак и середняк, которые были недовольны отсутствием хлеба, направлялись в поле, а активизировались женщины, которые ставили заградительные отряды и не пускали заготовителей, поднимали шум и т. д. Я считаю, что это явление очень опасное, когда выступает на арену женщина как организующая сила населения.

Скрыпник. Так не везде было, а только в голодных районах.

Медведев. Я не говорю, что везде, я говорю, что только в некоторых районах на Украине. Если бы это было повсюду, это было бы весьма опасно. Но симптом такой был, такая тенденция у населения имеется. Поэтому в дальнейшем надо поставить вопрос так: с начала заготовительного года в плановом порядке поставить работу, нажать на кооперацию. Конечно, нужно еще целый ряд других мер провести, которые в резолюции учитываются. Но я только считаю, что сейчас, подходя к данному вопросу, нельзя попутно с повышением цен на с/х продукты понижать цены на промышленную продукцию. Некоторые товарищи, отчасти тов. Клименко, приводили такое соотношение, что у нас сейчас увеличение сельскохозяйственного налога на 100 млн., а отсюда у селянства будет накопляться меньше излишков. Нужно учитывать, что в этом году, хотя некоторые и говорят о понижении урожая, урожайность повысилась и излишков у крестьянства будет больше, диспропорция с нашей промышленностью имеется, и нам будет трудно выкачивать излишки средств, которые будут накопляться у крестьянства, а отсюда будут затрудняться наши хлебозаготовки. Нужно точно подсчитать, какие излишки у крестьянства останутся, какие действительно мероприятия можно провести, чтобы их выкачать, и тогда можно ставить вопрос, в каком % должно быть повышение цен на с/х продукцию, не говоря уж о каком-нибудь понижении цен на промышленную продукцию.

Далее, я хотел бы выдвинуть еще одну проблему. Я сейчас ставлю вопрос о необходимости снабжения рабочих. Мы не ставим вопроса о развитии овощных культур, тов. Микоян, а это требуется больше, чем что-либо другое. Нам нужно эту проблему поставить, чтобы иметь регулярное снабжение рабочих, потому что иначе у нас получатся большие перебои и потеря реальной зарплаты.

Поскольку время истекает, я остановлюсь еще на одном вопросе. Когда ставится

сейчас вопрос о государственной помощи крестьянству в смысле обсеменения, то, мне кажется, надо конкретно ставить этот вопрос. Мы действительно представляем собою какой-то собес, все время помогая крестьянству. Надо поставить вопрос таким образом, чтобы крестьянство из года в год накопляло излишки у себя на селе, чтобы крестьяне по старому принципу стали строить гомозеи*. Этот вопрос нужно поставить очень серьезно, нужно заставить крестьян заготовлять на черный день, т. е. по старому принципу создавать гомозеи. Или же, может быть, в виде самообложения. Может быть, в декрете нужно будет указать, что самообложение происходит частью деньгами, а частью семенами. Это будет запас, который можно использовать в тяжелые моменты, которые возможны и в дальнейшем. Я считаю, что этот вопрос необходимо поставить, а также подумать о самообложении и городского населения. Заканчивая, я должен сказать, что на трудностях мы учимся, и в дальнейшем, я думаю, не будет таких недочетов, которые у нас выявлялись за последнее время.

Председатель. Слово имеет тов. Шверник, следующий тов. Эйхе.

Поступила записка с предложением перерыва во время вечернего заседания не объявлять, а закончить его в 9 часов вместо 10-ти. Кто за это предложение? Кто против? Меньше.

Слово имеет тов. Шверник.

Шверник. Разрешите мне поделиться тем опытом в хлебозаготовках, который у нас, на Урале, был после апрельского пленума. Я должен сказать, что условия работы после апрельского периода по хлебозаготовкам были значительно тяжелее, чем это было в январе и феврале.

Г о л о с а. Это верно.

Шверник. Это объяснялось главным образом тем, что все же хлеб в массе своей оставался в небольшом количестве у середняцких хозяйств, и в этом, мне кажется, была трудность его изъятия. Правда, был хлеб и у зажиточной части. С их стороны если мы и видели более активное сопротивление, то подход к этой группе у нас был несколько иной и решающего значения эта группа в заготовках после апрельского пленума не имела. После апрельского пленума мы должны были подготовиться к посевной кампании, и это обстоятельство значительно повлияло на ход хлебозаготовок в мае, мы должны были мобилизовать партийный аппарат для проведения вопроса расширения яровых посевных площадей, и поэтому центр тяжести в хлебозаготовках был перенесен на хлебозаготовительные организации. Мы оказывали им содействие в работе и возложили на них ответственность за выполнение плана хлебозаготовок. Мы вынуждены были в мае отозвать своих уполномоченных из деревни, потому что их присутствие в деревне отнюдь не содействовало созданию таких условий, при которых можно было бы иметь оживление на хлебном рынке. Наличие уполномоченных в деревне в апреле создало такое положение, при котором вольный рынок не мог развиваться, и поэтому нам надо было в мае отозвать их. В результате принятия этих мер мы наблюдали некоторое оживление хлебного рынка. Крестьяне начали выбрасывать свой хлеб на рынок, но цены на этот хлеб были слишком высоки. В общем, хлебозаготовки в мае дали нам ничтожные результаты, и это создало угрозу снабжения хлебом рабочих. Урал отличается тем от других областей, что это есть своеобразный комбинат: там имеется промышленность и сельское хозяйство. Мы не только питаемся за счет этого сельского хозяйства, но часть заготовленного хлеба вывозим с Урала в другие районы. Такое сочетание сельского хозяйства с промышленностью создает вполне благоприятные условия для развертывания уральской промышленности. На 1 июня

* Гамазеи (укр.) – амбары (ред.).

мы вышли с такими остатками хлеба, что они обеспечивали всего одну треть месячной потребности в хлебе на Урале. Это обстоятельство заставило нас в конце мая бить тревогу. Если бы мы снова не мобилизовали партийного аппарата, то я уверен, что мы были бы в весьма тяжелом положении. К этому времени мы получили сведения из Центрального Комитета о том, что на Украине вымерзли озимые, на Северном Кавказе тоже ухудшение с озимыми. Таким образом, нам надо рассчитывать не только самим на себя в хлебозаготовках, но нам надо было бы оказать братскую помощь и Украине, и другим, в особенности рабочим, районам.

Вот примерно положение, которое у нас создалось в июне; ясно, что это требовало от нас снова мобилизации партийных сил для того, чтобы усилить хлебозаготовки.

При мобилизации партийных сил мы, конечно, обращали главное внимание на методы хлебозаготовок, потому что после апрельского пленума мы перестроили свои ряды так, чтобы не нарушать решений апрельского пленума. И это не могло не сказаться на партийном аппарате и мобилизованных на хлебозаготовки товарищей. Поэтому неправильно, когда здесь говорят о том, что у нас имеется в партии такая психология, которая продолжает гнуть линию до апрельского пленума. Эти утверждения неверны, потому что аппарат в целом и партия перестроили свои ряды, были только отдельные лица, которые пробовали вести заготовки такими методами, которыми велись они до апреля. Я повторяю, что таких людей было у нас немного, а в целом партийный аппарат и партийная масса проводили работу совершенно правильными методами. Какие в основе у нас были методы в хлебозаготовках?

В основу нашей работы в хлебозаготовках мы положили создание общественности среди крестьян, и это было центральным вопросом, вокруг которого мы организовали общественные настроения в деревне.

Как было приступлено к хлебозаготовкам, к усилению хлебозаготовок в июне? Мы, во-первых, собирали собрания бедноты, на этих собраниях рассказали о тяжелом положении нашего государства с хлебом, просили, чтобы беднота помогла нам в усилении хлебозаготовок и поддержала нас на общем собрании граждан. Затем созывали общие собрания земельных обществ[162] и на общем собрании ставили во всю ширь вопрос о затруднениях, которые переживает наш союз. Я должен сказать, что такая постановка вопроса в деревне дала очень многое. Она, во-первых, вызвала сочувствие среди середняцких масс к делу помощи рабочему государству и заставила середняцкую массу принять активное участие в хлебозаготовках. В результате такой общественности на селе мы создали положение, при котором нам удалось в июне заготовить 3 328 000 пудов вместо 309 000 в мае. Эти 3 миллиона пудов с лишком, они спасают фактически положение. Если бы мы этих 3 миллионов пудов не заготовили, тогда, конечно, мы не могли бы рассчитывать на правильное снабжение рабочего населения и, ясно, это привело бы к большой угрозе, к срыву нашей промышленности. Конечно, товарищи, я должен оговориться, что в этом большом деле были отдельные перегибы. Я подчеркиваю, были отдельные перегибы, но мы с этими перегибами вели решительную борьбу. Перегибы, которые наблюдались в отдельных случаях, они получали жесточайший отпор, и мы быстро на них реагировали. Когда мы начали развивать работу в селе, это не могло не сказаться на сокращении хлебного рынка. Мы увидели, что на рынок стало мало поступать хлеба, так как крестьянин-середняк принимал активное участие в хлебозаготовках, которые мы проводили в июне, и в связи с этим начали подниматься базарные цены на хлеб. У меня имеются цены: в мае пуд пшеничной муки стоил 2 р. 60 к., в июне скакнул до 3 р. 50 к., а теперь, в начале июля, у меня имеются сведения, доходит до 5 руб. Ржаная мука в мае стоила 2 р. 7 к., в июне – 2 р. 60 к., теперь несколько выше.

Каковы в результате этой работы мы имеем политические настроения в деревне? В начале усиления хлебных заготовок в июне мы наблюдали такие явления, когда беднота, очутившаяся в тяжелом продовольственном положении, требовала от нас помощи. Эту помощь мы оказали ей в мае. Мы бросили в деревню что-то около 340 тыс. пудов хлеба. Это ничтожная сравнительно цифра, но она имела большое значение и сразу создала другие настроения. Кулак вел агитацию за то, чтобы не вывозить хлеб из деревни, так как бедноте придется голодать; в отдельных районах беднота поддавалась на эту удочку, и были случаи в 2–3 районах в отдельных местах, что беднота препятствовала вывозу хлеба из деревни, надо сказать, большую роль в этом играли женщины. У нас есть станица Магнитная, где предполагается постройка завода, там было заготовлено 150–200 пудов хлеба, бабы окружили амбар и не дают вывозить хлеб, но в это время подошла наша хлебная помощь.

Ворошилов. Тоже 200 пудов? 200 ввезли и 200 увезли?!

Шверник. Может быть, и 200 пудов, но эта помощь имеет громадное значение.

Мы начали разъяснять бедноте, что она нами не забыта, не поставлена в положение, при котором она может сдохнуть с голода. Мы бедноте оказываем продовольственную помощь. И в результате принятых мер сразу же наметился общий поворот: даже в тех районах, где раньше препятствовали вывозу хлеба, там беднота начала вместе с нами идти и помогать нам заготовлять хлеб. Женщины рассказывали, как их подкручивали и кто подкручивал, чтобы не вывозить хлеб. Впоследствии оказалось, что в этой станице была тройка бывших атаманов, которая и создавала общественное настроение в деревне. В результате расследования пришлось соответствующее воздействие оказать на эту тройку (с м е х).

Несмотря на попытку кулака повести бедноту за собой, мы усилили работу среди бедноты, оказали ей продовольственную помощь, и беднота активно помогала нам. Конечно, были случаи, и сейчас есть в деревне так называемые подкулачники, которые горлопанят, их очень немного, но голос у них звонкий, они называются подкулачниками, ведут агитацию на общих собраниях в пользу кулаков. Когда кулак увидел, что нам удалось сломить настроение за невывоз хлеба из деревни, он начал свой хлеб рассовывать среди бедноты, этим самым он создает впечатление, что помогает бедноте, говоря: вот тебе десять пудов, пять пудов израсходуй, а пять отдашь мне, когда уедут заготовители из села, или отработаешь.

Я повторяю, что это отнюдь не дает нам права делать такой вывод, как тов. Фрумкин, который говорит, что «деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас». Это такой абсурд, дальше которого идти некуда.

Из вышесказанного я могу сделать вывод, что благодаря усилению работы среди бедноты нам удалось ее сорганизовать и она нам помогала в хлебозаготовках. Без ее помощи мы бы не могли увеличить количество заготовляемого хлеба в июне. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.) Я прошу продлить мне время, у нас только один от Урала говорит, а с Украины было четыре.

Чубарь. Сколько заготовили хлеба? (С м е х.)

Шверник. 38 млн.

Чубарь. А мы заготовили 260 млн.

Шверник. Я не спорю.

Председатель. Возражений нет? Дать пять минут. Урал имеет пять минут.

Шверник. Отношение середняка к хлебозаготовкам. Я считаю, что после апрельского пленума мы затронули все же верхушку середняков. Я это подчеркиваю. Мне товарищи после моего выступления на апрельском пленуме говорили, что у меня очень оптимистическое настроение. Но я повторяю и настаиваю, что именно после апрель-

ского пленума мы затронули верхушку середняков, потому что середняки в массе участвовали в хлебозаготовках, они принимали активное участие на общих собраниях, они решали, что надо помочь рабочему государству, они сами шли в комиссию и сами принимали участие в сборе хлеба. Мы наблюдали такое явление, когда середняки давали по одному пуду, по пять пудов, по десять пудов, но в результате такой заготовки мы имеем в июне три с четвертью миллионов пудов. Я считаю, что середняк принимал активное участие в хлебозаготовках, и говорить, что середняк от нас отвернулся, что он против нас, это значит совершенно не представлять себе обстановки в деревне. Я считаю, что без помощи со стороны середняка мы бы не могли собрать такого количества хлеба, какое мы собрали в июне.

Неверно, что мероприятиями по хлебозаготовкам мы подорвали союз рабочего класса с середняком. Я повторяю, что мы тронули верхушку середняка, это ясно. Фактически получается такое положение в деревне: мы нажимали на кулака, и этот нажим имел некоторое отражение и на середняцкой части. Почему? Да потому, что неизбежно, когда нажимают на кулака, получается крик не только в кулацкой среде, но кричат и те, на кого не нажимают. Но это не значит, что создается такое положение, при котором середняк отвертывается от нас. Я повторяю, что этого у нас нет, мы прощупали настроение не только в деревне. Мне пришлось перед пленумом объехать 5 округов и до 25 районов. Я говорил с целым рядом мужиков, мы прощупали эти настроения и по территориальному сбору. Настроение на территориальном сборе выявилось такое, что только одиночки среди призванных, и то те из них, которые имеют связь с кулаками или с зажиточной частью деревни, пытались создать нездоровое настроение. Но таких одиночек по пальцам можно пересчитать. В общем, в массе настроение среди территориальников было в пользу нас, и те маневры, которые у нас прошли, показывают о хорошем отношении к маневрам со стороны крестьянства, что также говорит не против нас, а в нашу пользу.

Несколько слов о кулаках. В хлебозаготовительной кампании в июне кулак проявил себя тем, что пытался создать и в некоторых районах создал враждебное нам политическое настроение в деревне, использовав для этого продовольственную нужду в хлебе бедноты. Мы наблюдали характерные явления, он доходит до того, что ведет индивидуальную обработку бедняков против вывоза из села хлеба. Что было в мае месяце? Мы были не в состоянии вести в массовом порядке хлебозаготовки. Посевная кампания была, а кулак на поле работает и индивидуально обрабатывает мужиков, создает настроение против хлебозаготовок. Когда мы начали усиливать хлебозаготовительную кампанию в июне, то наблюдали некоторые колебания среди части бедноты. Потребовалась широкая разъяснительная кампания со стороны партии и оказание продовольственной помощи бедноте, чтобы вести бедноту за собой, мы этого добились, беднота и середняки нам помогли в хлебозаготовках. Я считаю, что кулак, несомненно, очень обозлен, и если бы он имел возможность открыто оказать нам сопротивление и если бы он имел поддержку в деревне, он, несомненно, перешел бы в драку немедленно, но ему это не дано, ибо деревня его не поддерживает. Мероприятия, намечаемые в проекте резолюции ЦК, дают правильную линию в нашей работе, потому что бьют и по паникерам, имеющимся в нашей среде, и по тем товарищам, которые недооценивают всех трудностей, связанных с хлебозаготовками.

Несколько слов относительно подготовки к хлебозаготовкам. Я считаю, что мы затронули в июньскую хлебозаготовительную кампанию страховые запасы крестьянства и что нам надо сейчас очень осторожно подходить к предстоящим хлебозаготовкам. Нам нужно, чтобы Наркомторг не вообще планировал, а подходил к каждому району с учетом его особенностей. Мы, например, и Сибирь входим в хлебозаготовитель-

ную кампанию гораздо позднее, потому что у нас хлеб снимается позднее, а нам на июль и на август намечают планы хлебозаготовок. Я считаю, что не можем мы ни в июле, ни в августе иметь планы. Мы можем начать осуществлять планы с сентября. Нам надо дать передышку мужику, это первое. И надо сочетать наше вхождение в практическую работу хлебозаготовок с началом съемки урожая и поступлением его на рынок. Я считаю, что эту особенность Урала надо иметь в виду при составлении плана хлебозаготовок на 1928/29 год.

Несколько слов насчет учета урожая будущего года.

Учет урожая. Мы в прошлом году никаких споров не имели с ЦСУ относительно того, что в 1927/28 году общая цифра валового сбора составляет 268 миллионов пудов. А теперь ЦСУ оспаривает эту цифру и говорит, что общий валовой сбор в 1927/28 году на Урале составлял 233 миллиона пудов. На основании этого у них получается, что мы имеем в текущем году прирост урожая, валового сбора будем иметь на 50 миллионов пудов, между тем наша цифра говорит о приросте урожая на 5–7 миллионов пудов. Это обстоятельство надо учесть и уточнить план валового сбора.

Последний вопрос: относительно настроения рабочих. Мы провели большую разъяснительную работу среди рабочих о имеющихся у нас затруднениях в связи с хлебозаготовками. Наличие у нас на Урале хлеба было таково, что мы вынуждены были посадить рабочих на норму. Мы сейчас выдаем по кооперативным книжкам по 30 фунтов муки. Эти затруднения рабочими осознаны. Рабочие нас крыли, и здорово, за то, что мы зимой не экономили хлеб, и правильно, но нельзя долго сидеть на таком пайке, и надо сделать все возможное, чтобы в августе центр пришел нам на помощь. Нам надо в начале августа получить от центра один миллион пудов хлеба. Мы по-пролетарски поступили, мы вывезли по нарядам центра с Урала 7 миллионов пудов, но в августе нам не хватит прокормиться и нам надо извернуться, а для того, чтобы извернуться, нам надо миллион пудов хлеба.

Я считаю, что в резолюции надо особенно подчеркнуть, как говорил тов. Андреев, о роли кооперации. Так работать, как работала кооперация до сих пор, дальше терпеть нельзя. Нельзя же все время идти на помочах. Мы мобилизуем на хлебозаготовки партийные массы, а кооперация взвешивает, подсчитывает, сколько она надбавки получит, а сама работы не ведет.

Сталин. На готовом хотят сидеть.

Шверник. Надо, чтобы хлебозаготовители – кооперация уже теперь подготовлялись к хлебозаготовкам.

Последний вопрос – о работе среди бедноты. Тов. Андреев прав: как только мы начинаем уходить из деревни, так и начинает изменяться настроение бедноты. Мы должны непрерывно вести работу с беднотой. Сейчас начинается работа по сельхозналогу, участие в налоговых комиссиях по раскладке налога бедноты должно быть обязательно.

Г о л о с. Раскулачивание.

Шверник. Никакого раскулачивания нет, если есть отдельные перегибы, то мы с ними боремся, но как массового явления этого нет, мы этого не боимся. Мы бьем и по тем, кто хотел бы раскулачивать, и по тем, кто недооценивает трудностей, которые у нас в связи с хлебозаготовками имеются.

Я считаю, что резолюция Политбюро вполне соответствует положению, которое мы сейчас имеем на местах.

Председатель. Слово имеет тов. Эйхе.

Эйхе. Тов. Каганович в своей речи выдвинул положение, которое мне кажется неправильным. Он предложил форсировать хлебозаготовки с таким расчетом, чтобы за-

кончить хлебозаготовительную кампанию в декабре месяце. Это неприемлемо по двум причинам. Во-первых, потому, что у нас не будет эквивалента для противопоставления товарной массе хлеба, который мы будем изымать у крестьян. И, во-вторых, если мы так будем форсировать ход хлебозаготовок, то неизбежны некоторые из тех перегибов, против которых правильно высказался тов. Каганович. Так что, мне кажется, что это предложение неприемлемо и неправильно. Но правильно, мне кажется, предложение, которое выдвинул тов. Шверник, указывая, что в руководстве Наркомторга нужно больше отойти от радиосхемы. Есть мероприятия, которые подходят для отдельных губерний и районов нашего большого Союза, а Наркомторг эти мероприятия по радио преподносит всему Союзу.

В Сибири мы только в половине июня заканчиваем в некоторых районах посев, в это же время за подписью тов. Вейцера получаем грозную телеграмму: «Представьте хлебофуражный баланс 1928–1929 года, а если вы не представите, то Наркомторг составит хлебофуражный баланс Сибири по материалам, имеющимся в Наркомторге». Приходится только пожимать плечами. Это конкретный маленький пример, но он характерен в том отношении, что есть руководство по схеме, не учитывающее особенности отдельных районов. Нужно руководство более конкретизировать. И когда мы подходим к хлебозаготовкам в будущем году, нельзя подойти с такими же требованиями к Сибири и Уралу, с какими мы подходим к Центральной России, к Юго-Востоку, к Украине. Эти восточные районы могут дать хлеб только к началу октября, а если вы будете по радиосхеме требовать хлеб в августе или в начале сентября, то мы его дать не сможем.

Далее, мне кажется, тоже к этой области неправильного руководства нужно отнести рецидив очень давнишнего периода, периода, я бы сказал, 1919 года: последнее время как-то в моду вошло со стороны Наркомторга посылать из Москвы очень много уполномоченных. Мы очень довольны, когда товарищи приезжают к нам для работы и нам помогают в работе. Но когда они являются в виде сверхуполномоченных над всеми местными организациями, с мандатом, в котором написано, что они имеют право провести в жизнь свои решения, не согласовывая с местными организациями, то мне кажется, что мы допускаем здесь такой шаг назад, такое положение, которое у нас не всегда проводилось даже в 1919 году и против которого все работники на местах протестовали давно. Я имею в виду письмо СТО и мандат за подписью тов. Микояна, по которым одному работнику Наркомторга предоставляется право, не согласовывая с крайисполкомом, принимать свои решения, которые являются обязательными для местных организаций.

Чубарь. Это когда брать, а когда давать, то они таких прав не имеют.

Эйхе. Когда нужно брать – и тогда нужно исходить из того, что на местах сидят работники, которые руководствуются не только интересами данной территории, не только интересами местной работы, но сидят работники, которые руководствуются интересами всего Союза, всего государства, и нельзя такими уполномоченными пытаться наладить нашу работу. Из всех выступлений, которые здесь были, меня особенно поразило вчера выступление тов. Осинского, с грозными словами о размычке и о кризисе смычки. Мне кажется, оно поразило и всех членов пленума. Я, работая в Сибири, помня опыт сибирский, который мы имеем, попытался найти материалы для сравнения, что мы имеем в нашей экономике, что можно было бы характеризовать как такую экономическую размычку. Мне кажется, что такого положения нет, и тов. Осинский здесь допустил, я бы сказал, ну, преувеличение, искажение того положения, которое у нас имеется.

Сзади висит, вы ее видите, диаграмма о ножницах, которую демонстрировал тов.

Микоян. Ведь это есть характеристика того экономического положения, того экономического соотношения, которое имеется у нас в стране.

Что же мы видим? Мы видим в 1925/26 году разрыв гораздо больший, чем теперь. Мы подсчитали по сибирским материалам, что в этом году крестьянин на снижении цен по промышленным товарам выиграл 20 млн. рублей, а весь с/х налог собран в сумме 22 млн. рублей. Это же является ярким показателем того положения, которое создалось для крестьян. При таком положении, которое у нас сейчас существует, выходить на эту трибуну и говорить с нее о кризисе смычки, о размычке, что, мол, была смычка, а теперь произошла размычка, по меньшей мере странно.

Я не знаю, что произошло с тов. Осинским, но, во всяком случае, надо потерять большую дозу здравого смысла, чтобы выходить здесь и произносить такие слова. Надо учесть то положение, которое сейчас имеется, надо учесть те изменения, которые произошли. Мы имеем не понижение сельскохозяйственных цен, а повышение цен на некоторые виды с/х продуктов. Таким образом, крестьяне получили выигрыш, так сказать, двусторонний: крестьяне выиграли на понижении промышленных цен и на повышении цен на некоторые с/х продукты. За последнее время как будто вошло в моду козырять письмами неизвестных авторов, письмами крестьян, неизвестно к какому слою принадлежащих. Тут тов. Стецкий пытался крестьянские настроения мотивировать такого рода письмами. Я думаю, что подходить к оценке настроений, существующих в крестьянстве, подобными письмами является неправильным делом.

Нам, местным работникам, мне кажется, нужно обратиться в Политбюро, чтобы в будущую хлебозаготовительную кампанию нам прислали бы на места для того, чтобы поработать вместе с нами, для проведения хлебозаготовок, работников, которые сидят в центральных учреждениях и которые теперь питаются только письмами. Они, приехав к нам месяца на два и поработав вместе с нами, помогли бы нам во многом, а также увидали бы то, что происходит в действительности, что происходит в жизни.

Г о л о с а. Правильно.

Эйхе. Я думаю, что тогда многое из того неправильного представления, что у них сейчас имеется, с них как рукой снимет. Я должен сказать, что в Сибири перед отъездом на пленум ЦК мы попытались произвести тщательный анализ того, что делается в деревне, какие политические настроения среди сибирского крестьянства. Для этой цели мы поставили на бюро крайкома доклад о настроениях крестьянства, с привлечением всех председателей исполкомов, находящихся в это время в краевом центре на пленуме крайисполкома, и подробно обсуждали этот вопрос. Должен сказать, что никак нельзя согласиться с теми выводами о настроении крестьянства, которые делает в этом отношении тов. Стецкий. Эти выводы являются неверными, не отражающими действительности. Мы в Сибири во время текущих хлебозаготовок произвели немалый нажим, немало применяли 107 статью. Есть у нас перегибы и ошибки. Это надо признать. Когда анализируешь настроение в деревне, вредно замалчивание тревожных моментов, но так же вредно удариться в преувеличения. А мне кажется, что преувеличение со стороны некоторых товарищей здесь было допущено.

Назову несколько характерных фактов, которые характеризуют политическое настроение сибирской деревни. Мы в прошлом году не проводили во время хлебозаготовок 107 статьи. В этом году с нашей стороны был довольно значительный нажим, и 107 статью мы немало применяли. Обострение отношения, враждебное отношение кулака к нам является теперь наибольшим, несравненно большим, чем в прошлом году. Кулак к нам очень враждебно настроен и готов на любую авантюру. Если бы положение было такое, что середняк солидаризовался с кулаком, то что бы мы имели в деревне? Мы имели бы в деревне массу террористических актов, избиение наших работни-

ков проявилось бы в массовом порядке. А что мы имели на самом деле в сибирской деревне? В прошлом году были убийства наших работников, в которых подозревается участие кулаков, всего 23 случая за год.

В этом году мы имеем за первое полугодие 6 случаев. Избиений наших работников было в прошлом году 98, в этом году за первое полугодие – 50. Разве эти цифры в некоторой части не характеризуют положение в деревне и не подтверждают того положения, что середняк не отвернулся от нас, что середняк не пошел с кулаком, несмотря на все подманивание, на всю враждебную агитацию, которую ведет кулак? Когда мы анализируем политические настроения деревни и констатируем некоторую настороженность середняка, мы не должны забывать ошибки, допущенные на местах, когда мы закрыли очень много кустарных предприятий.

Ройзенман. Кустарей напрасно закрыли.

Эйхе. Насчет посевной площади. Здесь многие товарищи, и тов. Осинский в том числе, пытались доказать, что у нас неблагополучно в деревне потому, что роста посевной площади не имеется. Я не имею данных по всему Союзу, не могу об этом говорить, но у меня имеются данные по Сибири, по учету объектов с/х налога. По 20% всех сибирских хозяйств мы имели к 15 июня данные, и эти данные показывают рост посевной площади по сравнению с прошлым годом на 10,9%.

Сталин. И озимые и яровые?

Эйхе. Все вместе. Мы не относим эту цифру целиком за счет увеличения посевных площадей, а частично мы относим ее за счет лучшего выявления, но, несомненно, и это подтверждают все работники на местах, у нас имеется рост посевной площади.

Сталин. Это яровой клин?

Эйхе. В Сибири озимого клина очень мало, основной клин – это яровой. Особенно вся западная часть, там почти весь клин яровой. Так что предположение, что мы имеем сокращение посевной площади, по нашим данным не подтверждается.

Насчет настроения бедноты. Несомненно, положение таково, что если бы имели возможность в мае или июне месяце подбросить хлеб, чтобы накормить бедноту, то настроение бедноты было бы лучше. Само собой разумеется, когда мы не смогли дать хлеба, это дало возможность кулаку вести агитацию и у некоторой части бедноты настроения ухудшились. Это, несомненно, так, но я думаю, что нельзя забывать, что та работа, которую проделали мы зимой, – а мы проделали большую политическую работу с беднотой – дала возможность сдвинуться значительно вперед. Правы тт. Андреев и Шверник, что мы все еще работаем с беднотой порывами и что это положение надо исправить. Но не всегда установка на максимальное втягивание бедноты в нашу работу правильно отражается в наших ведомственных инструкциях и законах. Скажем, кампания сельскохозяйственного налога, когда надо максимально привлечь бедноту для того, чтобы выявить доходы и правильно облагать кулака и середняка. В инструкции НКФ об этом говорится, что надо бедноту привлекать в комиссии, а также что ее надо оплачивать. Но что Наркомфин отпускает для оплаты бедноты? Не забывайте, что беднота должна работать в комиссии летом, когда, как говорится, день год кормит, когда батрак зарабатывает рубль и больше. НКФ для оплаты бедняка, участвующего в этой работе, отпускает полтинник. Конечно, мы не можем найти бедняка и батрака, который летом в самую горячую пору за полтинник пошел бы сидеть в комиссию, и здесь есть ножницы между нашими разговорами о привлечении бедноты и между тем, как практически это проводим в жизнь. Практически проводим недостаточно, и надо обратить внимание, чтобы наши разговоры не расходились с нашими делами.

Еще два слова, как мы могли бы работать. Здесь тов. Каганович, по-моему, совершенно правильно говорил, что те товарищи, которые плачутся насчет перегибов, забы-

вают о других трудностях, которые были бы, если бы партия не сделала большего нажима на хлебозаготовки. Перед нами было два пути, две возможности: или мы принимаем ряд мер, этим путем избегаем кризиса в рабочих центрах, или другой путь – больших уступок, которые в значительной части пошли бы в пользу кулаку и не решили бы вопроса о хлебе. На такой путь нас толкали. Вот мы получили телеграмму Фрумкина из Петропавловска. Вот что он нам предлагал: «Урале, Петропавловске проводим снабжение сдатчиков хлеба независимо входят, нет кооперацию дефицитными промтоварами, в том числе 30–35% стоимости мануфактурой необходимо организовать выдачу по квиткам сдатчикам отдельном помещении, рекомендую провести по Сибири, нет другого пути».

Мы ответили, что это есть паника, что это есть подрыв нашей валюты, что это путь для нас неприемлемый, и отказались от этого пути. Мне кажется, что партия делала правильно, совершенно правильно, когда пошла по линии нажима на весь аппарат, мобилизации всего нашего аппарата, нажима на кулака и этим избегла того кризиса, который грозил нашему хозяйству.

Когда выступают и говорят о плохих настроениях, плохом положении, забывают, что у нас был апрельский пленум, когда мы слушали доклад о хлебозаготовках и никто не вносил других предложений, чем те, которые апрельский пленум принял[163].

Председатель. Слово имеет тов. Комаров.

Г о л о с а. Нет его.

Председатель. Тогда тов. Милютин.

Г о л о с а. Нет его. Закрыть заседание, объявить перерыв.

Председатель. Объявляю заседание закрытым.

ЗАСЕДАНИЕ ДЕВЯТОЕ

Утро, 9 июля

Председатель (Косиор). Слово имеет т. Комаров, следующий Милютин.

Комаров. Я вам хочу рассказать, как мы неэкономно расходовали хлеб в нашей области. Мы в этом году, за исключением Ленинграда, уже израсходовали 20 млн. на крестьянские районы, и, по-видимому, до осени еще миллиона три придется израсходовать. В таких размерах расходования хлеба никогда не было по нашей области.

Теперь, какие причины вызвали такой усиленный расход? В прошлые годы наша цена отпускная в кооперативах и лабазах Хлебопродукта до некоторой степени подравнивалась под рынок. Если там хлеб был 2 р. 50 к., то наши организации продавали по 2 р.; а в этом году рожь продавалась по 1 р. 20 к. с самой осени, на картошку цена была тоже 1 р. 29 к., на овес – 2 р. – 2 р. 50 к., и сено было по 60 к. за пуд с осени. Если крестьяне сами имели излишки у себя и у них была возможность продать пудов 30–40 на рынок ржи, то каждый такой крестьянин рожь не продавал, а предпочитал выбросить на рынок картошку, сено и др., а хлебом предпочитал кормить свиней. Я с осени на это указывал товарищам, что здесь происходит ненормальное явление у нас в области. Мы получили сведения, что это соотношение цен есть политика Наркомторга и что это происходит главным образом потому, чтобы не сузить площадь посева льна, т. к. у нас есть три района льноводческих. В прошлые годы крестьяне указывали на советских съездах, что соотношение цен совершенно ненормальное, мы не можем развивать и сеять лен, и все время добивались снизить цены на муку. Но если так поставить вопрос, это, конечно, очень важный аргумент, что крестьянам нельзя продавать хлеб по 2 р. 50 к. за пуд при цене на лен 5–6 р. пуд. Когда крестьянин за пуд льна получит всего 2 пуда муки, то, конечно, он сеять не будет.

Мы заготовили в этом году 1 млн. пудов льна. Если бы мы за этот лен заплатили одним хлебом, то потребовалось бы 4 млн. пудов хлеба. Но крестьянин от нас брал не только хлебом, он брал и одеждой, и обувью, и тканями, и орудиями производства и т. д. Процентов 50 мы заплатили хлебом и должны были потратить 2 млн. пудов хлеба на лен. А как же было с ценами? Ведь цены так легко не выправишь, на будущий год гораздо труднее сужать снабжение хлебом крестьян. Нужно с осени, чтобы наши кооперативные организации, которые торгуют хлебом, подравнивали цены. Предположим, на рынке цена 3–4 рубля, и в это время нужно бросить известную массу хлеба на рынок, чтобы снизить цену на хлеб на 20–30 коп. Только такой путь возможен, а иначе чего стоят разговоры о восстановлении рынка. Какой дурак пойдет продавать хлеб, когда по 1 р. 20 к. за пуд мука имеется везде в кооперативах.

Поэтому, тов. Микоян, заключайте договор с крестьянами по такой цене на хлеб, а они пусть сдают по такой-то цене лен, а остальное снабжение равняется по частному рынку. У нас в области никогда не было такого огромного расходования хлеба, не было до этого года и таких низких цен, чтобы продавался по 1 р. 20 к. пуд хлеба. Мы никогда не расходовали 22 млн. пудов хлеба по области, кроме Ленинграда.

Я хочу указать на это ненормальное явление, чтобы его с осени исправить.

Теперь я хочу сказать о речи тов. Стецкого. Я сегодня прочитал стенограмму его речи, разговаривал с некоторыми товарищами, т. е. нашими цекистами, и заявляю, что речь тов. Стецкого в оценке положения может быть отнесена к его личному мнению, а не к мнению Ленинградской организации.

Председатель. Слово имеет тов. Милютин.

Милютин. Я коснусь трех, мне кажется, основных вопросов, которые сейчас перед нами стоят. Это, прежде всего, оценка положения, во-вторых, выводы из этой оценки, в-третьих, уроки от бывшей хлебозаготовительной кампании, и из этого оценка отношения крестьянства и те выводы, которые из этой оценки нужно сделать.

Относительно оценки положения. Как-то весной я говорил тов. Рыкову, что опасаюсь неурожая, что перед нами в перспективе может стоять неурожай. Три года урожайных, которые мы имели перед этим, и затем скверная весна, которая уже имелась в наличности, по-видимому, говорил я, предрешают то, что у нас будет неурожай. Эта пессимистическая оценка не оправдалась. По тем данным, которые мы имеем до сих пор, **неурожая не будет**.

Но тем не менее по этим же данным у нас все же получается тяжелое положение, несмотря на то, что по балловой оценке, имеющейся на 15 июня, как об этом докладывал тов. Микоян, у нас в итоге по хлебофуражному балансу получится некоторое превышение против прошлого года. Почему так?

Во-первых, я должен предупредить насчет сугубой относительности этих данных. Ясно, что давать в июне месяце оценку урожая очень трудно, и данные, имеющиеся у нас сейчас, вряд ли могут являться достоверными данными об урожае. Мы не можем еще сказать, как у нас пройдет уборочная кампания. Ведь достаточно вспомнить 1925/26 урожайный год, когда дожди смыли нам, по расчетам Госплана, 5% валового сбора, что означало значительную подмочку нашего экспорта. Сейчас по продовольственным хлебам мы имеем, по сравнению с прошлым годом, ухудшение на 36 млн. пока, но все-таки ухудшение на 36 млн. пудов мы уже имеем. Это первое, с чем нам приходится считаться.

Второй момент – это географическое распределение урожая. В самом деле, одно дело – товарный хлеб на Украине и Сев. Кавказе, и совсем другое дело повышенный урожай в Казахстане и Сибири. Нельзя никак эти две вещи смешивать. Ведь с Украины тов. Микоян получал хлеб, так сказать, по телефону, а реализация хлеба в Казахстане представляет величайшие трудности. Несмотря на то, что в Казахстане в этом году великолепный урожай, в два раза превышающий прошлогодний, реализация этого урожая, в силу географического положения Казахстана и в силу затруднительного транспорта, представляет величайшие трудности. То же самое можно сказать и насчет реализации урожая в Сибири. Поэтому у нас имеется пока что один козырь – Поволжье, где мы имеем хорошие виды на урожай. На Украине, по сравнению с прошлым годом, мы имеем значительное ухудшение и в части, касающейся урожая, и в части, касающейся посевов. На Сев. Кавказе мы имеем несколько лучшие виды на урожай, но зато имеется сокращение площадей посевов. Вот то экономическое положение, которое мы сейчас имеем и которое мы должны расценивать для предстоящего года как положение, сулящее громадные трудности в деле проведения хлебозаготовительной кампании и в деле снабжения страны хлебом.

Самые трудные месяцы будут у нас июль и август. Тот провизорный баланс, который ЦСУ выработало и докладывало в СТО, рисует ухудшающуюся картину в июле и августе, по сравнению с тем, что мы имеем сейчас. Во второй половине сентября мы сможем получить облегчение. Это объясняется тем, что мы в прошлом году уже в ав-

густе могли получить на рынок урожай нынешнего года. В этом году, в силу затянувшейся весны и в силу некоторого запоздания с урожаем, мы получили реализацию урожая недели на две-три позднее, чем в прошлом году, а это будет означать, что мы будем запаздывать по крайней мере на месяц, и в силу этого же получилось и то, что крестьянство проело столько, сколько оно в прошлом году не проедало, а лишний хлеб из прошлых запасов скармливало скотине. Что сейчас мы имеем? **Несомненно, мы имеем ухудшение положения значительное, по сравнению с прошлым годом**. Вот то положение, которое мы сейчас имеем. Но, повторяю, из той оценки предварительной, которую мы имеем, неурожая у нас нет – вот то, что мы можем сказать.

Какие экономические выводы мы должны сделать пока из этой оценки? Прежде всего, сугубая роль **уборочной кампании в нынешнем году**. К сожалению, если вы посмотрите нашу печать, то вы увидите, что там забывают об уборочной кампании, и те жалобы, которые мы слышали с этой трибуны, крайне показательны. Мы здесь правильно заботимся об осенней кампании на следующий 1929/30 год – это очень важно, но уборочная кампания для нас, для всего сельскохозяйственного года будет иметь величайшее значение в нынешнем году. Быстрое ее проведение может нам спасти не одну сотню миллионов пудов, потому что благодаря запаздыванию мокрая осень тоже стоит в виде опасной перспективы. Таким образом, вопрос об уборочной кампании получил величайшее значение, а у нас недоснабжение уборочными машинами, необращение на это внимания. Я должен здесь это констатировать.

И второе, огромнейшее значение получают в нынешнем году **резервные фонды по хлебу**. Нам придется в предстоящем году больше маневрировать, чем в прошлом году. Я должен сказать, что мы несколько лет говорим насчет резервов, говорим на съездах и на пленумах, а до сих пор вопрос о резервах не разрешен и не осуществлен. Это форменнейшее безобразие! Намечали цифры, намечали запасы, затем, когда заготавливали, получали фонды – об этих решениях забывали и все пускали в потребление. Основная ошибка, которую, мне кажется, приходится на свою душу брать, – это то, что мы резерв не образовывали и что мы в первые 3 квартала слишком много съели. Если мне память не изменяет, мы в 3 квартале съели на 27% больше, чем в прошлом году. Мы эти самые фонды проели самым подлинным образом, и, если бы мы сейчас имели в запасе 50 млн. пудов, мы не должны были бы прибегать к таким экстраординарным мерам, к которым мы сейчас прибегаем. Положение было бы значительно лучше. Можно было бы это сделать? Можно. По всем ресурсам можно будет это сделать. Конечно, если бы мы не так роскошествовали в первые 3 квартала, то в результате имели бы более спокойный и равномерный ход снабжения хлебом в течение всего года, и если мы этого не сделаем на предстоящий год – это будет самое форменное преступление.

Теперь относительно крестьянства. **Недовольство крестьянства – это, мне кажется, факт, который приходится констатировать**, но объяснять этот факт, анализировать его нужно с сугубой осторожностью, и, мне кажется, некоторые выступления, которые были сделаны, указывают, что анализ этого факта недовольства крестьян ударяется в неверную сторону. Могут быть две причины недовольства крестьян. Или наша политика неправильна относительно крестьянства вообще, т. е. политика, намеченная XV партийным съездом в сторону постановки основной задачи перед сельским хозяйством: это задача перехода к крупному хозяйству – что, может быть, мы слишком круто взяли курс на коллективизацию, – это одна ошибка; или же ошибки заключаются у нас в неверной установке наших отношений на рынке, – это другая задача.

Когда здесь выступал т. Осинский, он хотел доказать, что у нас получается размычка вообще с крестьянством, и он доказывал это от производственных моментов.

Он говорит: происходит размычка, и посмотрите, что получается с с/х производством. Кривая посевных площадей падает. Вот вывод, к которому тов. Осинский пришел: что идет размычка по всему производственному фронту, что недовольство это не конъюнктурного, так сказать, характера, а недовольство глубокое, которое он характеризует как размычку. Это в корне неправильная постановка, не подтверждаемая фактическими данными, ибо тот анализ посевных площадей, который произвел тов. Осинский, неправилен и неверен.

Тов. Осинский сделал странную вещь. Он, так сказать, стихийную гибель озимых посевов приписал на счет нашей политики. Действительно, если вы возьмете, и сам Осинский приводил эти цифры, там, где гибели озимых посевов не было, какую картину мы видим? Огромный рост посевных площадей, и озимых и яровых, хотя я должен предупредить относительно этих данных: это неполные данные, у нас сделаны оговорки насчет этих данных, но так как эти методы разработки анкет применены и в тех районах, где не произошла гибель озимых, и в тех районах, где произошла, то картина получается общая. Что же мы видим? Мы видим, что там, где не было гибели озимых посевов, там площадь и озимых посевов, и яровых выросла. Вот вам Средневолжский район, здесь не произошла гибель озимых посевов. Мы видим, что площадь озимых – 104% по сравнению с прошлым годом, по площади яровой – 112%. Выросло и то и другое. Нижневолжская область – площадь озимого посева меньше 93%, площадь яровых посевов – 105%. Башкирская АССР – площадь озимых 104%, площадь яровых – 100,1%.

Когда мы переходим к тем районам, где произошла гибель озимых, какую мы видим картину? Возьмем Украину, там было – площадь озимых посевов – 104%, на 4% увеличение против прошлого года, погибло 42%, осталось около 60%. На Украине произошел характерный сдвиг от яровых посевов к озимым. Озимой пшеницы больше засеяли. Если яровые были 95,8%, то яровые с пересевом составляют 128%. Политически как это можно расценить? Крестьянство на 30% почти выше затратило усилий на яровой посев, чем в прошлом году. Тов. Осинский это расценивает как уменьшение в производственной области, уменьшение к нам доверия, это падение посевной площади. Неправильный совершенно анализ, неправильный подход, который ни из чего не вытекает. Такую же картину, в сущности, мы получаем и по Северному Кавказу, где точно так же мы имели некоторое снижение. Тут – 91–92% и 108% по яровому посеву. Так что по тем данным, которые мы имеем, нельзя сказать, что производственная наша линия так повлияла на мужика, что он стал сокращать, как во время военного коммунизма, посевную площадь, что мы стоим перед этой опасностью.

Мне кажется, **наша линия на коллективизацию**, на укрупнение сельского хозяйства **была правильна**, и больше того, там, где мы это проводили в отношении помощи крестьянству, там % посевной площади вырос в огромнейшей степени. Искать нужно причины недовольства в нашей рыночной политике, вот где их нужно искать. Отсюда неравномерность нашей хлебозаготовительной кампании, то, что, не имея резервов, живем напряженнейшим образом, с перенапряжением, причем я должен заявить, что, к сожалению, эта наша политика перенапряжения ведется по всем у нас областям, что является совершенно неправильным. У нас перенапряжение, когда у нас цены на хлеб, на животноводчество, на технические культуры не согласованы.

Мужик нам продал в нынешнем году значительно больше своих с/х продуктов, чем в прошлом году, значительно больше. Нельзя от мужика требовать еще, чтобы он соблюдал нашу пропорцию, требование такой плановости по отношению к нему мы предъявить не можем. Он продал с/х продуктов в нынешнем году гораздо больше, чем в прошлом году, получил больше средств, но хлеб он придержал к новому урожаю.

Беднота и середняк сдали хлеб в первые два квартала, а сейчас наступил период, когда более зажиточные элементы сдают хлеб, когда сдает хлеб кулак. Это повлияло, безусловно, точно так же на хлебозаготовки. Цены на хлеб были низкие, факт тот, что все это повлияло, потому что мы понижали цены и это вызвало недовольство, но отсюда делать выводы и такие решения, что нельзя ли нам повернуть от твердо взятой линии на коллективизацию к индивидуальному хозяйству, – это было бы неправильно.

Я должен сказать, что на меня здесь, вероятно, будут нападать за мою речь на сессии ЦИКа по поводу закона о землепользовании и землеустройстве.

Рыков. Это я ему сказал, а он заранее защищается. (С м е х.)

Милютин. Дело в том, что у меня имеется в том разделе, где я говорю об укрупненных хозяйствах в капиталистических странах и у нас, анализ, в каких условиях переход к крупному хозяйству возможен. У нас, я говорю, есть две линии возможности перехода к укрупненному хозяйству: линия капиталистическая, линия создания крупных фермерских кулацких хозяйств, и линия коллективизации. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве – это значит переход к крупному хозяйству, причем я говорю, что этот переход у нас совершается на фоне **общего подъема бедняцких и середняцких хозяйств**. Это означает, что развитие производительных сил может происходить только в формах коллективизации. Дело в том, что перед этим в заседаниях, которые мы проводили по поводу этого закона, проф. Макаров выступил против меня с заявлением, что у нас развитие производительных сил должно и может совершаться в смысле фермерского американского типа хозяйства. В своей речи я сделал такое заявление: «Развитие производительных сил у нас совершается в формах коллективизации сельского хозяйства и в иных формах совершаться не может. Так что сейчас улучшение техники, поднятие техники – это одновременно и улучшение коллективизации. Укрупненное хозяйство – это не насаждение новых кулацких хозяйств, а насаждение новых коллективных, товарищественных, артельных и всех иных форм коллективизации сельского хозяйства. Вот тот основной путь, по которому идет развитие нашей деревни».

И перед этим я говорю: «Эти основы заложены в том, что мы усилили, увеличили экономическое наше положение, экономическое наше благосостояние; экономический и политический удельный вес основной массы крестьянства – бедняков и середняков, введя новую технику через кооперирование».

Вот та установка, которую я делаю. Это означает, что у нас коллективизация, в отличие от военного коммунизма, идет на почве поднятия всей массы, всех миллионов крестьянства бедняцкого и середняцкого, всей хозяйственной основной массы. Коллективы растут снизу. И вот, я говорю, что доверием крестьянства, вызванным нашей политикой, и ответом на эту политику являются те 26 тыс. коллективов, которые в этом году выросли в деревне. Я опасаюсь того, что мы, вызвавши, всколыхнувши, толкнувши эти массы на путь коллективизации, не сможем в достаточной мере обслужить это грандиозное, важное для нас течение. Мы запоздали с постройкой тракторных заводов, мы запаздываем сейчас с постройкой заводов уборочных машин и т. д., у нас количество сельскохозяйственных машин в общей цифре значительно выше довоенного, а самое количество их еще ни к черту не годится.

Косиор И. А Осинский деньги предлагает на текстиль передать.

Милютин. Нам нужно сейчас производственные нужды деревни обслужить во что бы то ни стало. Вызванные к жизни 26 тысяч по одной РСФСР новых коллективов, сможем ли мы их в нынешнем году обслужить тракторами, теми или другими потребностями производства? Не сможем.

Сталин. И то нужно, и другое – и текстиль, и машины.

Милютин. Правильно, и текстиль и машины, но здесь, тов. Сталин, главная наша беда, главная прореха не в текстиле. Если по той цене, которая сейчас имеется на текстильные товары, дать достаточно товаров в деревню, она их поглотит.

Осинский. Все же в иных формах, кроме коллективов, может совершаться развитие производительных сил? Вы скажите: может или не может.

Милютин. Тов. Осинский, нельзя так философски ставить вопрос.

Бухарин. Философски?

Милютин. Подъем крестьянского хозяйства у нас совершается, но развитие производительных сил, если вы расшифруете в смысле укрупнения, перехода к крупному хозяйству, оно может совершаться только по двум линиям: или по линии создания фермерских, кулацких хозяйств, или по линии коллективов. Третьей формы не выдумаете.

Г о л о с. Совхозы.

Милютин. Да, совхозы, конечно. Если вы будете выдумывать третью форму развития и реабилитации индивидуальных хозяйств, то вы скатитесь на ревизионистский путь.

Бухарин. Господи!

Сталин. Что за разговор?!

Милютин. Переход к крупному хозяйству может происходить только по двум линиям: или по линии перехода к коллективным хозяйствам, или по линии перехода к капиталистическим формам хозяйства. Поэтому, мне кажется, что нам нужно взятую нами линию в производственном отношении продолжить, но в области рыночных отношений – здесь я согласен, здесь мы должны сделать то необходимое урегулирование, которое сводится к установлению и повышению цен и соотношения цен на сельскохозяйственные продукты, и так, чтобы это мужик почувствовал. Если мы пойдем здесь с мелкими поправочками, мы здесь определенного эффекта не достигнем. Это первое.

Второе – это то, что мужику нужно дать возможность поднять урожайность, его производство, и это необходимо подчеркнуть. Между прочим, здесь в резолюции этот вопрос обойден – вопрос об урожайности.

В-третьих, необходимо создание резервных фондов как в центре, как общегосударственных, так и на местах.

Председатель. Слово имеет тов. Крицман, следующий Рыков.

Крицман. Здесь в прениях было брошено очень серьезное слово о размычке города и деревни, сельского хозяйства и промышленности. Это, конечно, основной, коренной вопрос. Я постараюсь вам доказать, что это утверждение неверно, что хозяйственной размычки в этом году у нас не наблюдалось, если брать сельское хозяйство в целом. У нас в этом году не только не было падения сельского хозяйства, не было даже и замедления его подъема, если брать сельское хозяйство в целом, если не брать только одни зерновые культуры. Но прежде чем сказать об этом, я хочу два слова сказать относительно толкования значения этого подъема.

В своей статье в «Правде» я привел факты, показывающие, что у нас имел место подъем сельского хозяйства и что, в частности, он имел место весной этого года, уже после проведения решений XV съезда. В примечании, которое редакция «Правды» сделала к моей статье, сказано, что я «явно переоценил наши достижения, говоря **о подъеме** крестьянского хозяйства в связи с хлебозаготовками». Ну, в моей статье речь идет о подъеме сельского хозяйства за первую половину 1928 (нынешнего) года, которая включает в себя и период хлебозаготовок, но утверждения, что именно хлебозаготовки вызвали подъем сельского хозяйства, у меня нет. Само примечание редакции «Правды» неясно: не то оно отрицает подъем сельского хозяйства у нас, не то оно отрицает (не имеющееся у меня) утверждение, что подъем вытекает именно из хлебоза-

готовительной кампании, из тех методов хлебозаготовок, которые у нас применялись. Я слыхал и такое рассуждение, что будто бы в моей статье сказано, что именно от экстраординарных мер получился рост сельского хозяйства и что тогда отсюда, мол, вытекает, что нужно те экстраординарные меры, которые мы применяли, продолжать.

Ничего подобного я не утверждал. Раз имел место подъем сельского хозяйства, то, вообще говоря, если это явление рассматривать в связи с проведением решений XV съезда, с одной стороны, и с нашей хлебозаготовительной кампанией и теми экстраординарными мерами, которые в ней применялись, с другой, то можно предположить следующие три мыслимых варианта. Либо что влияние проведения нашей политики, ее положительное влияние, перевешивало то отрицательное влияние, которое вызвали экстраординарные меры, или можно предположить, что положительное влияние нашей политики усиливалось еще положительным влиянием экстраординарных мер. И, наконец, третья, абстрактная и совершенно нелепая возможность была бы такая, что, мол, наша политика дала отрицательные результаты, а как раз экстраординарные меры, перевешивающие их положительные результаты. Это явная нелепость. Если ее отбросить, то, во всяком случае, несомненно, что **результаты нашей политики в деревне после XV съезда дали подъем сельского хозяйства**, а отнюдь не его падение. **Этот именно вывод я и сделал в своей статье**, и этот вывод направлен против тех товарищей, которые недовольны политикой XV съезда и которые зовут назад, к XIV съезду. С их стороны было понятно безусловное оспаривание моих утверждений, но было бы странно и непонятно, если бы товарищи, которые не стоят на такой позиции, стали оспаривать установление связи между подъемом сельского хозяйства и между реализацией политики нашего XV съезда. Экстраординарные меры, которые принимались, являются результатом тех трудностей, в которые мы попали. Поскольку эти трудности преодолены, не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы эти экстраординарные меры продолжать, и вопрос, мне кажется, не в том, продолжать или не продолжать экстраординарные меры. Ясно совершенно, что их продолжать нельзя и незачем, а вопрос заключается в том, с какой мерой настойчивости проводить ту политику, которая вытекает из решений XV съезда партии.

Теперь, после этих замечаний, разрешите перейти к вопросу о темпе подъема нашего сельского хозяйства. Здесь уже приводились данные о движении посевных площадей. Нужно сказать, что вполне сравнимых данных за последние пять лет еще не имеется. Есть сравнимые данные за 1924–1925–1926 гг., вычисленные одним способом, данные за 1927 г. вычислены несколько иным способом и поэтому не совсем сопоставимы, и, наконец, данные за 1928 г. вычислены третьим способом, поэтому их все сопоставлять нужно с большой осторожностью. Если же мы их все-таки сопоставим, то мы получим, что в 1925 г. мы имели 6% прироста посевных площадей; в 1926 г. – 6 с небольшим процентов; в 1927 г. – только 2%, а если внести соответствующие поправки, то этот процент может повыситься до 4%. В 1928 г. прирост посевных площадей составил только полпроцента. Правда, и здесь нужно сделать значительные поправки, которые эти полпроцента могут повысить примерно до 2–2$^1/_2$%. Кроме того, не меньше процента надо отнести на гибель озимых, так как $^3/_4$ процента площади осталось не пересеянной, и сверх того – та огромная затрата сил, которая потребовалась для пересева, не дала возможности осуществить полностью расширение яровых посевов в яровом клину. Все же факт тот, что за последние два года мы имеем определенное понижение темпа роста посевной площади, хотя не такое сильное, как непосредственно показывают приведенные цифры посевных площадей, взятые из разных источников.

Обратимся теперь к анализу этого факта. Здесь надо отметить два момента.

В 1925 и 1926 годах, когда шла посевная кампания, мы имели дело с далеко еще не восстановленной посевной площадью. Тогда, в 1924 году, 18% посевной площади было еще не восстановлено, в 1925 году – 13%, а в 1926 году – только 7%, в 1927 году – 5%. В 1927 году большинство районов уже восстановило свою довоенную площадь или даже перешло за нее. Естественно, что в этих районах не могло быть значительного темпа расширения посевных площадей, так как речь шла уже об освоении новых земель. Там, где мы не дошли до довоенного уровня посевных площадей, там нередко и в этом году наблюдалось огромное расширение: например, по Самарскому – Оренбургскому району в этом году мы имели расширение на целых 19%. Но в районах, где посевная площадь восстановлена, там нельзя ожидать большого расширения посевных площадей. Это – первый момент.

Теперь – второй момент. Рассмотрим отдельно площадь зерновых культур и остальную площадь. По зерновым культурам, если сопоставлять те данные, которые, как я уже говорил, не совсем сопоставимы и требуют известных поправок, то получится такая картина: в 1925 г. рост площади зерновых культур составлял $5^1/_2$%, в 1926 г. – неполных 8%, в 1927 г. – около 2%, а если внести поправку, то может подняться до 4%; в 1928 г. мы имеем сокращение на $2^1/_2$%, а если внести поправку, то сокращение будет около 1%. Оно объясняется гибелью озимых, т. е. в 1928 г. мы имели, скорее всего, стабильность по зерновым культурам. Следовательно, мы имеем снижение роста площади зерновых культур или даже остановку его. Это, товарищи, факт, но ограничиться только этим фактом нельзя, а потому перехожу к другим незерновым культурам – интенсивным и техническим.

Осинский. Насчет льна расскажи.

Крицман. Ладно, ладно, и насчет льна расскажу. По отношению к незерновым культурам мы имеем такую картину: в 1925 г. – рост на $8^1/_2$%, в 1926 г. – сокращение на $1^1/_2$%, в 1927 г. – рост на 4%, на самом деле, вероятно, немного больше, а в 1928 г. – рост на $18^1/_2$% по неполным данным, а на самом деле, вероятно, на 20%, т. е. совершенно неслыханный, гигантский рост незерновых, технических и интенсивных культур, мимо которого абсолютно нельзя пройти, если хочешь дать себе отчет в том, что происходит в сельском хозяйстве. Ибо это совершенная неграмотность – приравнивание десятины незерновых, технических и интенсивных культур к десятине зерновых культур. По данным за 1925/26 г. продукция десятины незерновых, технических и интенсивных культур в среднем превышает продукцию десятины зерновых культур в 6–7 раз. И вот, если принять во внимание это обстоятельство, если принять во внимание, что одна десятина интенсивных и технических культур равна в среднем хотя бы шести десятинам зерновых культур, тогда для полеводства получается такая картина. О животноводстве данных еще нет. С ним дело как будто обстоит относительно неплохо (в частности, благодаря урожаю кормовых хлебов).

Я говорю о производственной стороне дела. Если взять полеводство в целом, приравняв десятину интенсивных и технических культур в среднем к шести десятинам зерновых, то мы в итоге будем иметь в 1925 г. прирост на 7%, в 1926 г. – на 3%, в 1927 г. – на 4 неполных процента и в 1928 г. – почти на 9%. Таким образом, мы в этом году по полеводству в целом имеем не снижение, а увеличение темпа его роста, и увеличение, значительно превосходящее даже тот прирост, который был в 1925 г., когда мы имели в значительном объеме не восстановленную посевную площадь.

Вот отсюда я и делаю вывод, что говорить о том, что крестьянство задерживает рост своего хозяйства, это абсолютно не обоснованно, оно роста своего хозяйства не задерживает, и в этом году оно, наоборот, его еще расширило.

Еще дополнительный момент. Рост этот идет однобоко, и нужны, конечно, меры к

тому, чтобы эту однобокость исправить, потому что это грозит посевам зерновых культур. Но разрушения смычки нет; потому что, когда мы приглашаем крестьянина – давай такую-то культуру, – он дает ее в значительном размере.

Далее. Рост этот идет как раз по **товарным** культурам. Нужно отметить, что в любом районе наибольший рост дают как раз наиболее товарные культуры. Я скажу, к сведению тов. Осинского, что в московском промышленном районе мы имеем прирост всех незерновых, технических и интенсивных культур на 6%, а прирост льна, наиболее товарной для этого района культуры, на 11%. В Вятском районе все интенсивные и технические культуры поднялись на 5%, а лен – на $12^1/_2$%. Аналогичное положение и с другими наиболее товарными культурами в других районах.

Таким образом, рост сельского хозяйства в 1928 г. есть одновременно **рост его товарности**, т. е. как раз **рост хозяйственной смычки города и деревни**. И мы не будем удивлены этим, если не будем слишком однобоко рассматривать то, что в деревне происходит. Были экстраординарные меры, они, конечно, неблагоприятно отзывались на хозяйстве тех, кого они затронули, но эти меры концентрировались, главным образом, на кулацком фланге и там мы имеем сокращение посевов, а на другом фланге концентрировалась помощь нашего пролетарского государства. Я в статье показывал, как громадно влияние этой помощи. Эта помощь широко охватила и середняков. Конечно, не беднота дала рост сельского хозяйства в целом, **в основном дал этот рост середняк**, и то, что он дал рост, показывает, что наша политика, взятая в целом, оправдала себя целиком. Мы не имели никаких оснований говорить о том, что у нас происходит размычка; наоборот – происходит усиленная хозяйственная смычка с крестьянством.

Председатель (Рыков). Я взял слово. Заметь время, Косиор.

Косиор. Я-то замечу (с м е х).

Рыков. Речи некоторых ораторов произвели на меня такое впечатление, что на пленуме ЦК коммунистической партии идет обычное обсуждение обычного, повторяющегося из года в год, доклада о задачах хлебозаготовительной кампании. Я думаю, что такое отношение к этому вопросу, который поставлен теперь на обсуждение пленума, является правильным. Конечно, можно спорить о тех или иных терминах, характеризующих современное положение, но очевидно, что за словесным различием отдельных формулировок того социального и политического состояния, в котором теперь находится страна, скрывается общая предпосылка, что политическое положение ухудшилось, что отношения с деревней натянулись. Одни задаются вопросом о том, имеется ли у нас начало разрыва с середняком, другие говорят – отшатнулся середняк, третьи добавляют, что и бедняк местами против нас.

Косиор. И это даже на рабочих перекинулось.

Рыков. Даже на рабочих, говорят, перекинулось известное недовольство. Ст. Косиор сделал восклицание с ясным намеком на то, что есть-де такие паникеры, которые так утверждают. Если такой смысл хочет вложить в свои слова Станислав, то я должен совершенно определенно себя причислить к этим «паникерам» и ничего плохого в этом обстоятельстве не вижу. Мы, правящая рабочая партия, должны иметь непосредственное общение с рабочими и крестьянами, должны изучать их настроения. Общение с рабочими и крестьянскими массами происходит на митингах, съездах, через письма рабкоров и т. д. – нужно быть в величайшей степени внимательным к тому, что думает рабочая масса, что думает крестьянство и его различные прослойки. Не замечать теперешних политических настроений, не пытаться дать трезвой оценки их было бы политической близорукостью. Владимир Ильич во время военного коммунизма по заводам ездил, иногда конспиративно, потихоньку, чтобы послушать, что говорят рабочие, и читал письма этих рабочих. Из этих разговоров с крестьянами и рабочими он

умел с исключительной проникновенностью выводить и общую ситуацию. И ничего плохого в том, что товарищи изучают крестьянские или рабочие письма, внимательно прислушиваются к тому, что говорят на фабриках, заводах и в деревнях, нет и быть не может! Я не знаю, многие ли из вас бывали в последнее время на фабрично-заводских собраниях и разговаривали там о хлебных делах и отношениях с крестьянством. Я имел удовольствие разговаривать по этому поводу с рабочими и вовсе не могу сказать, чтобы они находили, что у нас все обстоит благополучно по всей территории СССР. Никакого сраму для нас нет в том, что мы будем – по письмам ли, разговорам или другими путями – это самое недовольство рабочих выявлять и учитывать.

Мы же, черт возьми, рабочая партия! Вопрос, однако, сводится не только и не столько к тому, надо ли или не надо судить о политическом состоянии страны по письмам, разговорам, митингам и т. п. Можно, повторяю, спорить о терминах и отдельных формулировках, но все это не освобождает нас от обязанности дать себе ясный отчет в том, что, собственно, произошло за последнее время.

Мы на одиннадцатом году революции, в первый раз за время нэпа произвели в большом масштабе административный нажим на крестьянина-производителя хлеба. Такого опыта применения административного воздействия на крестьянство в массовом масштабе у нас не было за период нэпа. Поэтому можно и нужно анализировать этот опыт, подводить итоги, находить положительные и отрицательные черты его, но отнюдь не сводить дело к беспредметной взаимной ругани: к тому, что если один скажет – вот то-то и то-то было плохо, другой возразит – ты паникер, ты не смей. Но почему, собственно, «паникер» и почему «не смей»? Мы, кажется, не последний год живем как правящая партия и, быть может, еще не раз столкнемся с затруднениями в области хлебозаготовок. Подвести, поэтому, и положительные и отрицательные итоги кампании мы обязаны, и ничего плохого в такой попытке анализа нет и быть не может! Что плюсы чрезвычайных мер перевешивают минусы – это несомненно, но это не значит, что нельзя говорить об этих минусах. И когда Каганович выводил здесь административные меры и 107 статью из закона стоимости (!) и ограниченного действия его в условиях нашей экономики, подводя сомнительные «теоретические» обоснования под практику применения чрезвычайных мер, то из его речи вытекала сплошная апологетика (вместо анализа) этих самых чрезвычайных мер. Для нас же вопрос о применении чрезвычайных мер стоял как выбор меньшего из **зол**, и эти меры мы считали наименьшим злом. Но если бы, допустим, меня спросили, предвидели ли мы, вводя эти меры в январе, все те результаты и отрицательные последствия их, которые мы теперь имеем в действительности, то я откровенно сказал бы, что нет, и не думаю, чтобы в такой откровенности было бы что-нибудь плохое. Причем под чрезвычайными мерами я разумею не только те директивы, которые мы давали из центра, но всю совокупность директив центра и мест и весь тот режим в деревне, который был создан проведением их. Если бы мне задали, например, такой вопрос: скажите, какое количество хлеба вы получили в результате выполнения директив и какое количество – в результате «извращений», то я не взялся бы на него ответить, ибо очень многое из того, что мы называем извращениями, вошло в систему этих мер. Больше того, никто из нас не может снять с себя ответственности за то, что мы называем извращениями. Мы же, Центральный Комитет партии, и отвечаем за свои местные организации.

Сталин. Правильно.

Рыков. Я не смогу, например, на митинге заявить, что обход крестьянских дворов был нарушением директив Центрального Комитета партии. Я принужден буду защищать на любом собрании крестьян эти обходы, потому что мы за них отвечаем. Как же иначе? И если мы говорим о чрезвычайных мерах, то было бы ошибкой отделять их от

«извращений». Под извращения иногда подводят уголовные и полууголовные преступления, совершенные отдельными лицами в процессе хлебозаготовок, но это совершенно неправильно – преступление есть преступление. Целый же ряд «извращений» является органической частью всей системы хлебозаготовок, применявшейся с января. Может быть, неправо было Политбюро, что давало такие директивы, которые без ряда широких добавочных мер нельзя было провести. Но ясное дело, если еще раз придется – не дай господи! – проводить аналогичные меры, то это мы обязаны учесть и директивы должны быть соответственно несколько иными.

А тов. Каганович, выступая здесь с речью, по-моему, просто-напросто смешал в ряде вопросов настоящий пленум с апрельским. Везде и всюду он говорит об извращениях, но не о чрезвычайных мерах в целом. Вот в стенографической записи речи Кагановича, где дается обобщающая характеристика решений, которые внесены Политбюро на рассмотрение пленума, сказано буквально следующее: «мы должны принять ту резолюцию, которую мы сейчас примем, которую нам предлагают, как общую перспективу, как борьбу с извращениями», т. е. Каганович исходит из того, что чрезвычайные меры еще должны остаться, а мы будем бороться только с извращениями. Весь смысл речи Кагановича сводился к защите чрезвычайных мер как таковых, во все времена и при всяких обстоятельствах.

Каганович. Это неверно. Вы процитируйте там, где я говорил, что эти экстраординарные меры нельзя вводить в систему.

Рыков. Я с удовольствием процитирую сейчас ваши слова относительно административных мер:

«Отличие советского государства от буржуазного заключается в том, что у нас политика теснейшим образом переплетается с экономикой и администрирование также переплетается с экономикой».

Как будто в буржуазных государствах этого нет. А как же в буржуазных государствах? Очевидно, что и там политика и администрирование тоже переплетаются с экономикой.

Для того чтобы дать, если можно так выразиться, глубокую постановку вопроса о чрезвычайных мерах, Каганович неожиданно пускается в рассуждения о законе стоимости и «выводит» из него... 107 статью уголовного кодекса. Для чего все это понадобилось тов. Кагановичу? Основная задача всего его изложения заключается в том, чтобы доказать отсутствие разницы между административными и неадминистративными, экономическими мерами. Но нэп отличается ведь чем-нибудь от военного коммунизма! Конечно, когда мы прибегаем в отдельных случаях к административным мерам, то мы осуществляем их в интересах успешного строительства социализма. Но в отношениях с мелким производителем в условиях нэпа не этим мерам принадлежит основная роль в том, чтобы экономически преобразовать на социалистический лад огромные массы мелкобуржуазных производителей, вовлечь их в систему социалистических производственных отношений. Конечно, и в период военного коммунизма мы ставили себе определенные политические и экономические задачи, вытекавшие из самого характера пролетарской революции. В период новой экономической политики партия, разумеется, не только не отказывается от задач социалистического преобразования общества, которые были поставлены самим Октябрем, а, наоборот, успешно решает их, применяя для этого лишь иные методы. Но из того, что и в период военного коммунизма и в период нэпа мы стремимся к одной и той же конечной цели, вовсе не следует, что приемы и методы социалистического строительства в эти различные периоды совершенно одинаковы. Наоборот, разница между системой нэпа и военного коммунизма очень большая! И как военный коммунизм теоретически не исключает

применения методов экономических, так и в условиях нэпа возможны случаи внеэкономического (административного) воздействия. Но это совершенно не означает, что администрирование и экономическое воздействие тождественны. Вся же речь тов. Кагановича покоилась, во-первых, на утверждении, что между административными и экономическими мерами разницы нет – «доказательством» чего служили ограничение закона стоимости в наших условиях и противопоставление советской системы хозяйства буржуазной, – и, во-вторых, на том взгляде, что наш пленум должен заниматься осуждением «извращений», а не вопросом о дальнейшем применении самих чрезвычайных мер и анализом итогов истекшей кампании. Мы зашли в применении чрезвычайных мер довольно далеко и теперь можем и должны подвести итоги пройденного.

Я не могу похвастаться тем, что, применяя чрезвычайные меры, мы добились в полной мере всего того, что хотели. Я лично был уверен в том, что административные меры приведут к ликвидации хлебного кризиса. Этого, к сожалению, не произошло, как не случилось и того, что наши отношения с бедняком и середняком не испортились. Надо признаться в этом совершенно откровенно. Но значит ли это – как здесь был сделан упрек по чьему-то адресу, – что я целюсь куда-то дальше?

Я один из главных виновников произошедших событий, во всяком случае, я ничем себя не отгораживаю от всего того, что партией в целом было сделано. Мы для того и собрались сюда, чтобы можно было критиковать и себя и других, и ничего позорного и одиозного в этом нет и быть, по-моему, не может. В чрезвычайных мерах были свои плюсы и свои минусы. Если бы мы их не применяли, мы имели бы еще худшее положение, потому что невыдача хлеба в рабочих центрах, ясное дело, вызвала бы еще большее осложнение в виде общего кризиса. Что применение чрезвычайных мер было необходимо – это несомненно. Но я здесь не могу быть таким фетишистом, как один из ораторов, который, доказывая необходимость применения чрезвычайных мер, говорил, что иначе пришлось бы повысить в середине года цены на хлеб и это-де очень плохо.

Если бы нам могло дать выход и окончательно разрешило хлебный кризис повышение хлебных цен, хотя бы в середине года, ничего плохого в этом не было бы. Нигде, ни в какой конституции не установлена невозможность вообще изменения цен в середине года. Для нас тот или иной уровень цен не является каким-то фетишем. Я, например, возражал против повышения хлебных цен в январе вовсе не потому, что исходил из какого-то непреложного «закона природы», по которому цена, установленная в июле, должна оставаться неизменной до июля следующего года. Я исходил из отсутствия в тот момент каких-либо прочных гарантий, что благодаря такому повышению цен хлебная проблема будет решена. Для иллюстрации вредности фетишистического отношения к вопросу о хлебных ценах я приведу один пример. Посмотрим, что случилось в действительности с одним из политических аргументов против изменения хлебных цен в январе, с главным аргументом: о необходимости дать бедняку хлеб весной по дешевой цене. Бедняку, покупающему хлеб весной, нужно дать дешевый хлеб. Это правильно. Говорят, что если бы мы повысили хлебные цены в середине года, то вышло бы так, что, купив у бедняка осенью хлеб по дешевой цене, мы заставили бы его покупать хлеб весной по дорогой, а зажиточным слоям заплатили бы больше, чем беднякам. Ну, а в действительности, дали ли мы бедняку хлеб по дешевой цене? Не дали, и не только по дешевой цене, но и вообще ни по какой! Бедняк принужден теперь покупать хлеб по спекулятивным ценам, закабаляться кулаку. Таким образом, ниоткуда не вытекает, что мы должны фетишистически относиться к ценам, не допуская никакой их ломки. Мы не могли в тот момент поднять цены потому, что срок для форсирования хлебозаготовок оставался у нас очень небольшой, а перемена цен всегда вы-

зывала у крестьянина настороженность. Он рассуждал примерно так: с ценами начали что-то делать, уже прибавили, подождем – прибавят еще. Но если бы меня спросили – лучше ли было бы, если бы мы в январе прибавили 20 коп. на пуд, но зато хлеба собрали гораздо больше, – я бы не колеблясь ответил: лучше было прибавить. Но в том-то и дело, что тогда не было никаких гарантий в том, что это случится, и, наоборот, было много аргументов против этого.

Знакомясь с прениями, которые имели место в ЦК национальных компартий, в областных комитетах по вопросу о хлебном кризисе, я столкнулся с такими рассуждениями: мы-де переживали в прошлом (имея, очевидно, в виду период военного коммунизма) большие трудности, с большим нажимом с ними боролись, но все-таки из них вышли с честью. Мне кажется, что такого рода аналогии неверны. Ошибка их заключается в том, что крестьянин теперь стал иным, чем это было в период военного коммунизма, социальная среда, в которой осуществлялись чрезвычайные меры, стала другой. Мы приучили мужика на протяжении ряда лет к революционной законности, самоорганизации и проч., стремились повысить его сознательность. При проведении каждого кусочка мер понуждения перед крестьянином вставал весь режим военного коммунизма.

Молотов. И земля.

Рыков. Мужик знает, что он боролся в гражданскую войну за землю. Но теперь он думает, что эта земля завоевана. Во всяком случае, у него нет в сознании непосредственной угрозы со стороны помещика, который стремится отобрать землю.

Сталин. Выветривается.

Рыков. Это выветрилось у него. Он уверен, что на земле сидит прочно. Поэтому в теперешних условиях хозяйственного, а не военного союза с мужиком апелляция к тому, что было в период военного коммунизма, совершенно неверна. Применение мер военно-коммунистического образца в теперешних условиях дает гораздо больше отрицательных последствий, чем это было раньше. Глубоко ошибочен также и тот преувеличенно оптимистический взгляд, согласно которому выходит, что если середняку по природе положено колебаться, то и пусть он колеблется. (С м е х.) Это, говорят, написано и у Маркса, и у Ленина. Ну, колебнулся середняк в этом году. Что же вы удивляетесь? Везде ведь сказано, что середняк – слой колеблющийся, вот он и колеблется. А если вы этого пугаетесь, то вы – паникеры и ничего не понимаете в социальной природе середняка. Но сущность вопроса как раз и заключается в том, чтобы постоянно увеличивать амплитуду его колебаний в нашу сторону и уменьшать возможность колебания в противоположную сторону. Если этот середняцкий маятник будет колебаться в обратную сторону, в сторону кулака, буржуазии, то это приведет середняка к разрыву с нами. Что должно вызывать в отношении середняка наш дальнейший подъем, укрепление и расширение строительства социалистического хозяйства? Упрочение союза с бедняком и с середняком. Мы должны в период развернутого социалистического строительства все крепче и крепче привязывать его к себе. У нас никогда не пользовалась никаким «кредитом» та «теория», согласно которой развитие социализма должно будет происходить так же, как и развитие капитализма, т. е. путем разорения промежуточных социальных слоев: мелкой буржуазии, кустарей, ремесленников, среднего крестьянства. В отношении этих слоев мы применяем совершенно иные методы, исходя из того кооперативного плана, который был выдвинут Лениным, охватывая эти слои простых товаропроизводителей кооперативной организацией и через нее переделывая все их «бытие». Конечно, капиталистическая верхушка, вырастающая из этих промежуточных слоев, будет с большей ожесточенностью сопротивляться, противодействовать и бороться с нами по мере того, как мы ее будем ущемлять. Нам надо все крепче

и крепче привязывать к себе эти промежуточные слои. Дальнейшее продвижение социалистического строительства связано с улучшением положения гигантских слоев народа, кроме кулаков, капиталистов и нэпманов, которые будут ожесточенно бороться по мере нашего наступления на них.

К чему пришла большая часть ораторов в анализе опыта хлебозаготовок, в проведении которых был сделан ряд ошибок и местными, и центральными органами? К тому, что дальнейшее продолжение чрезвычайных мер означало бы, в сущности, политический кризис в стране, к тому, что чрезвычайные меры надо отменить. При этом некоторые товарищи, анализируя настроения крестьянства, говорили, что нужно мужику-де дать «отдохнуть» 1–2 месяца. Отсюда можно сделать вывод, что, когда он отдохнет, мы опять сможем применять январские меры, снова дадим отдохнуть и опять будем применять их. С такой политикой мужик не примирится!

В проекте резолюции есть специальный абзац на тему о двух уклонах. Один из них состоит в стремлении рассматривать чрезвычайные меры в качестве постоянного принципа нашей политики. Микоян уже указывал на то, что троцкисты, например, видят в этих мерах осуществление «нового курса», т. е. своей политики, которую они хотели и хотят навязать партии. Не поддался ли кто-либо в нашей среде на эту троцкистскую удочку? Я приведу одну цитату из стенограммы заседания мартовского пленума Сибирского краевого комитета, на котором тов. Кисис, заместитель тов. Сырцова, второй секретарь Сибкрайкома, говорил так: «Хлебозаготовки (речь шла о заготовках именно чрезвычайными методами. – А. Р.), несомненно, дают нам нечто новое во всей нашей работе. Многие думают, что хлебозаготовки – временная заминка, хотя и большая, но, когда мы с ней справимся, она пройдет и все пойдет по-старому. Нет, товарищи, ничего по-старому не пойдет. Хлебозаготовки (чрезвычайные меры! – А. Р.) есть начало нового этапа нашей работы, о котором говорилось на XV съезде».

Как видите, в этом прегрешении повинны не одни только троцкисты, – и в недрах нашей партии начинает создаваться соответствующее умонастроение. Я думаю, что у тов. Кисиса оно не имеет сколько-нибудь прочного характера, и было бы неправильно дискредитировать его за какой-то сложившийся у него уклон...

Косиор Ст. И читать то, чего там нет.

Рыков. Я повторяю, это напечатано в издании 1928 года, стр. 94 (Пленум Сиб. крайкома ВКП(б) 3–7 марта 1928 г. Стенографический отчет, выпуск 2-й). Я текстуально прочел то, что там напечатано: я не редактировал стенограмм пленума Сибкрайкома и ничего не могу сказать ни в объяснение, ни в оправдание всего напечатанного в этом сборнике.

Вторым, менее ярким примером этих умонастроений может служить одно рассуждение, которое развивал здесь тов. Шеболдаев. Тов. Шеболдаев привел пример с артелью инвалидов, которая, пользуясь льготами, получала хлеб и перепродавала его с большой выгодой для корма лошадей, так как жмыхи дороже печеного хлеба. Любой грамотный экономист из этого примера увидит, что страна переживает какие-то кризисные явления, и сделает отсюда какие-то экономические выводы в смысле необходимости так поставить дело, чтобы лошадь не ела печеного хлеба, а жмыхи не стоили бы в $1^1/_2$–2 раза дороже печеного хлеба. А тов. Шеболдаев из этого делает вывод: нужно учесть потребление людей и лошадей. Это значит, что мышление по инерции развивается в направлении военно-потребительского хозяйствования. Мысль направляется на изыскание приемов непосредственного учета потребления, а тот самый факт, что лошади в очередях за хлебом стоят, что жмыхи стоят дороже печеного хлеба, – этот основной экономический факт, являющийся необычайно красочным выражением переживаемого кризиса, совершенно упускается из виду.

Ярославский. Учитывать все равно надо.

Рыков. Даже если бы у нас сейчас был военный коммунизм и тов. Ярославский вместе с т. Шеболдаевым совершенно точно учли бы, с одной стороны, всех лошадей и потребность их в жмыхах и, с другой, всех людей и потребность их и в хлебе, но установили бы такой порядок, при котором жмыхи стоят в $1^1/_2$–2 раза дороже хлеба, то и в этом случае никакого правильного распределения, несмотря на самый точный «учет», добиться было бы нельзя. Некоторые оттенки, свидетельствующие об указанном выше умонастроении, проскользнули и в речи тов. Кагановича, с которой он здесь выступал.

У нас в партии имеется другой вид уклона. У тов. Фрумкина в его письме было, например, такое выражение: «Каждый миллион пудов хлеба, от какой он группы ни поступал бы, укрепляет диктатуру пролетариата». Это совершенно неверно в качестве общего принципа нашей политики.

Ясное дело, в период кризиса мы можем, избегая гражданской войны, идти на довольно значительные уступки.

Сталин. Мы у капиталистов покупаем.

Рыков. Мы и у капиталистов покупаем. Каждый миллион пудов хлеба, полученный социалистическим путем, созданный в обобществленном производстве, является выражением совершенно иных социальных отношений, чем миллион, полученный от частного собственника; увеличение хлеба, получаемого из социалистического сектора, является лучшим выражением у нас укрепления диктатуры пролетариата. Поэтому не только при общих равных условиях необходимо предпочесть социалистический хлеб капиталистическому. Это предпочтение мы должны оказывать всегда, когда есть выбор. Когда выбора нет, мы покупали, покупаем и будем покупать хлеб и у капиталистов и привозить его даже из-за границы.

Когда отношения с деревней натягиваются, подобно струне, настолько сильно, что могут разорваться совсем, тут не исключены уступки. Ясное дело, если выбирать между гражданской войной и этими уступками, то нужно выбрать последнее. Но мы теперь перед этой дилеммой не поставлены. Если бы мы переживали «Кронштадтское положение», то тогда не были бы исключены крупные временные маневры для того, чтобы собрать силы и вновь двигаться по намеченному пути. Деревню брать в лоб во что бы то ни стало часто невозможно, и тогда приходится выбирать обходные пути. Неправильно далее у тов. Фрумкина и рассуждение о XIV и XV съездах. Ясно, что, вынося решения на XV съезде, мы не отменяем тем самым решений XIV съезда. Но на XV съезде был вынесен ряд постановлений, которые давали на основе достигнутых нами преимуществ новое направление работы в отношении сельского хозяйства.

Г о л о с. Правильно.

Рыков. Неправильно рассуждают те, которые думают, что XV съезд отменил решения XIV съезда. Но совершенно несомненно, что XV съезд внес новую страницу в наши отношения с деревней.

Микоян. Правильно.

Рыков. Вы все, вероятно, помните, как средактировано в резолюции XV съезда основное положение: «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне».

Теперь, когда я слушал Милютина, мне показалось, что здесь формулировка не очень осторожна, потому что она дала возможность тов. Милютину буквально заявить (на то, чем он пытался защищаться, я возражать ему не буду, так как всему пленуму совершенно ясно, что он себя защитить не смог) так: «Развитие производительности у

нас совершается в формах коллективизации сельского хозяйства и в иных формах совершаться не может».

Он взял и объявил это беспартийным крестьянам на сессии ЦИКа, а здесь пытался доказывать, что поступил совершенно правильно. Ей богу, это недопустимо! Чтобы у нас теперь ни в какой степени не могла развиваться производительность индивидуального хозяйства – ведь это ниоткуда не вытекает!

Милютин. Это неверно.

Бухарин. И это базируется как раз на ревизионистском законе убывающего плодородия почвы.

Рыков. Может быть, это базируется на многом другом, но я готов согласиться с тов. Милютиным, что он не хотел этого сделать. (С м е х.)

Но он не может же каждому крестьянину, не только на сессии ЦИКа, но и в стране, объяснить, что надо понимать не так, как у него сказано, а наоборот. (С м е х.) Так можно утверждать, лишь исходя из такого толкования решений XV съезда, что основные задачи партии в деревне ограничиваются только коллективизацией. Из такого толкования и исходил Милютин.

Сталин. Такое толкование абсолютно неправильно.

Рыков. Такое толкование абсолютно неправильно. И мы с вами наживем гораздо большие кризисы, чем ныне переживаемый, если уйдем с пленума без ясного сознания того, что сельское хозяйство нужно развивать по всем трем линиям: и коллективные хозяйства, и совхозы, и индивидуальные хозяйства. Тот факт, что колхозы и совхозы обладают ничтожным удельным весом в общей продукции сельского хозяйства, должен побудить партию всеми силами поднять этот обобществленный сектор, не забывая, однако, что, пока этого не достигли, мы будем получать 90 с лишним процентов хлеба от индивидуальных хозяйств. На перестройку же сельского хозяйства на иной лад понадобятся многие годы. Эта неправильность была не только у тов. Милютина, но и у ряда других товарищей. Я как-то попросил, чтобы мне привели такую речь нового наркома тов. Кубяка, которая учитывала бы, что социалистические ростки в деревне еще слабы и что пренебрежение или нейтральное отношение к развитию середняцкого и бедняцкого индивидуального хозяйства недопустимы. Этого, к сожалению, я не добился. Нужно всеми мерами поднимать значение с/х коллективов, но нельзя ломать себе голову в ожесточенной борьбе с индивидуальным хозяйством середняка или относиться к нему с полным пренебрежением. Кормить-то в течение всего времени, пока не будет перестроено сельское хозяйство на началах коллективизации, будут все-таки индивидуальные хозяйства. Некоторые товарищи говорят, что вот через 5 лет мы будем получать сто или двести миллионов пудов хлеба от совхозов и тогда мы от веревки, связывающей нас с крестьянством, будем гораздо свободнее. Это совершенно неправильно. Совхозы гигантски улучшат наше положение в проведении правильной политики в хлебозаготовках, они облегчат наше маневрирование на хлебном рынке, поднимут сельское хозяйство, но они же не решают вопроса о классовых взаимоотношениях между сотнями миллионов крестьян и рабочими. Это вопрос о людях, а не о пудах хлеба, так просто он не решается. Мы не можем построить нового общества, не можем построить социализма без союза с крестьянством. Что совхозы будут увеличивать преимущество за рабочим классом в этом союзе, это верно, но основная линия на укрепление союза с крестьянством вопросом о совхозах ни в коем случае не изменяется.

В резолюции сказано, что сельское хозяйство чрезмерно отстало от промышленности. В связи с этим тов. Петровский стал говорить по-гречески, рассказывая про «альфу и омегу» (с м е х).

Косиор. Что-то ты сегодня очень зло настроен.

Рыков. Я хочу сказать несколько слов об этом во избежание ложных толкований.

Если мы допустим одинаковый темп развития сельского хозяйства и промышленности, то это будет означать процесс аграризации страны. А этого допустить мы не можем. Промышленность должна опережать в темпе сельское хозяйство. Вопрос в установлении правильной меры в этой разнице в темпах. Сельское хозяйство будет отставать и дальше и должно будет отставать, если мы будем страну индустриализировать, но теперь оно отстало чрезмерно. Поэтому в резолюции и вставлено это слово «чрезмерно», которое означает, что сельское хозяйство нужно несколько подтянуть. Но из этого ни в каком случае нельзя сделать того вывода, что ему нужно давать преимущества перед индустрией.

Кстати, тов. Осинский пытался найти у меня противоречия. Я должен признаться, что тов. Осинский прав, укоряя меня в этом. По хозяйственному вопросу я говорю чуть ли не каждый год, и в 1923 г., когда было такое положение, что промышленность имела 30% довоенного уровня, сельское хозяйство – 70%, я сказал: сельское хозяйство опередило промышленность. По-моему, в тот период это было именно так. А тов. Осинский от меня требует, чтобы я во все годы, как ворона Якова, твердил бы одно про всякое (с м е х). Я этого не могу сделать. Никто не может опровергнуть, что из приведенного отношения – сельское хозяйство 70% от довоенного уровня и промышленность 30% – вытекала необходимость нажима на то, чтобы промышленность как можно скорее восстановить, рабочих на фабриках собрать. Однако что же положил во главу угла своей речи тов. Осинский? Он утверждал, что у нас бюджет слишком разбух и его надо уменьшить. А когда мы его уменьшим, то мы должны побольше, чем до сих пор, давать на легкую индустрию и на сельское хозяйство. К чему это поведет, если мы из меньших средств, из меньшего бюджета будем больше давать на легкую промышленность и на сельское хозяйство? По-моему, к генеральному пересмотру всего нашего плана индустриализации страны.

Г о л о с а. Правильно.

Сталин. Правильно.

Рыков. Тов. Осинский эти два тезиса выставил как главные и после этого говорит, что стоит на основе решений партии об экономической политике. Это неправильно. Точно так же неправильно и заявление тов. Сокольникова, которое, в сущности, сводится к необходимости установить эквивалентные соотношения в обмене промышленных товаров на сельскохозяйственные. В этом отношении (но только в этом!) был совершенно прав тов. Каганович, не соглашавшийся с тов. Сокольниковым. «Перекачка» средств в некоторых размерах из сельского хозяйства, из частного сектора в социалистический должна будет продолжаться и дальше. Если бы мы отказались от нее, это означало бы, что мы сделали ряд таких уступок, которые изменили бы основы всей политики.

Сталин. Закрывай промышленность тогда.

Рыков. Перекачка средств из частного сектора (в котором крестьянин занимает одно из главных мест) в социалистический должна быть и дальше. Система цен вытекает из этой перекачки, и скрывать тут нечего. Мы все теперь пришли к тому, что конкретный размер перекачки – сила насоса, с которой она производится, – оказался для с/х сектора не по силам и что ее нужно ослабить. У нас может быть спор о том, как и насколько ослабить, но не о том, чтобы отказаться от самой перекачки.

К чему сводятся, в сущности, все предложения, которые вносились: увеличение ассигнований на колхозы и совхозы, большее внимание сельскому хозяйству, повышение производительности сельского хозяйства и т. д.? По сравнению с тем, что было раньше, это означает такое перераспределение средств, в котором сельское хозяйство

было бы меньше обижено, чем ныне. Это некоторый пересмотр перераспределения национального дохода. Но гранью этого пересмотра является сохранение максимального преимущества для социалистического сектора вообще, и в деревне, и в городе, и для промышленности, для индустриализации страны в частности. Тут основная линия должна быть сохранена полностью.

Сможем ли мы выйти из того кризиса, который совершенно несомненен, который уже можно нащупать, так сказать, голыми руками, прочитав лишь письма крестьян и рабочих, сходив на митинги. Есть ли возможность благополучного выхода? По-моему, есть, и тов. Микоян был прав, когда указывал на ряд благоприятных показателей в развитии нашего хозяйства, к числу которых относятся и благоприятные виды на урожай, и утверждал, что имеются все экономические предпосылки к тому, чтобы кризис ликвидировать на протяжении сравнительно короткого времени. Сюда входит и рост промышленности, и хорошее выполнение бюджета, и твердая валюта, и сравнительно благоприятное положение кредитной системы, и снижение себестоимости, и повышение производительности труда рабочих, и увеличение товарной массы и т. д. Во всем этом заложены возможности для того, чтобы из этого кризиса выйти. Но в ряде выступлений здесь сквозил этакий невысказанный вопрос о том, что будет, если не удастся заготовить хлеб на основе резолюции пленума. К тому же подходил в известной мере и Каганович, который говорил, что мы должны вести дело так, чтобы к декабрю закончить нашу заготовительную кампанию.

Каганович. К марту.

Рыков. Вначале вы сказали – к декабрю, а когда с места раздались Zwischenruf[164], вы через две страницы (у меня имеется стенограмма) сказали – к марту.

Каганович. Я говорил об основной массе хлебозаготовок.

Рыков. На основе той резолюции, которую мы принимаем, мы к декабрю не сумеем исполнить наш хлебозаготовительный план. Отсюда опасность столкнуться вновь с тем, чтобы идти на применение чрезвычайных мер, с теми последствиями их, о которых говорил тов. Андреев и которые будут означать разрыв с середняком. А что значит разрыв с середняком – это каждый знает. Тем, что теперь нет полного разрыва с середняком, объясняется отсутствие открытой массовой борьбы против советской власти.

Косиор. Говоришь, полного разрыва нет?

Рыков. Хотя некоторые элементы этого разрыва уже есть, т. е. есть элементы отшатывания от нас определенных слоев на селе. Полный разрыв означает состояние, близкое к гражданской войне, или самую гражданскую войну. Другой выход будет заключаться в том, чтобы покупать хлеб за границей. Я думаю, что теперь эта дилемма, заставляющая многих товарищей держать список чрезвычайных мер близко под рукой, чтобы на протяжении одной минуты без всякого усилия можно было бы их двинуть в ход, по-моему, едва ли вероятна. Во всяком случае, политический итог чрезвычайных мер таков, что партия должна предпринять все возможные меры к тому, чтобы их избегнуть.

Сталин. Правильно.

Рыков. Если мы это решим, а мы это должны сделать, то я думаю, что на успокоение крестьян и на переход на новые рельсы, на рельсы нэпа, понадобится значительный срок. Вероятно, в первые месяцы заготовки будут вестись до некоторой степени под давлением тех настроений крестьянства, которые создались в процессе применения чрезвычайных мер, и не смогут дать сразу нужного количества хлеба. Поэтому нужно обнаружить достаточную выдержку в проведении той резолюции, которая предложена вниманию пленума.

Если все-таки выяснилось бы, что нам не удастся добиться успешного хода заготовок, то необходимо собрать пленум ЦК специально для того, чтобы установить всем вместе, какие меры мы будем предпринимать.

Одним из основных моментов, которые определят успех в проведении резолюции, по-моему, являются цены. Для того чтобы избегнуть возможности новых неудач с хлебозаготовками, едва ли нужно особенно скупиться на прибавку цены на хлеб. Ее нельзя довести до установления эквивалентных соотношений, она должна быть такой, чтобы обеспечила преимущества промышленности. Но до этого предела у нас осталось еще очень много.

В заключение я хотел только сказать, что имевший место здесь анализ нашей политики и критика деятельности руководящих партийных и советских органов и, в частности, меня как председателя СНК и СТО в период таких затруднений, какие мы переживаем, являются совершенно недостаточными. Я считаю отрицательным моментом в речах всех выступавших здесь товарищей то, что никто из членов пленума не вышел на трибуну и не покритиковал нас, хотя бы меня или тов. Рудзутака, вместе с которым мы разрабатывали все хозяйственные планы. Это в период самокритики мне кажется совершенно недопустимым. Ибо, если допустить такое положение, что, напр., и я, и тов. Бухарин, и Сталин, и все остальные поступали совершенно правильно на протяжении истекших лет, то неужели в результате совершенно правильных решений и правильного руководства всплыл бы такой кризис, который мы переживаем? Такой взгляд был бы выражением грубо-фаталистического отношения к делу. Неужели к тем решениям, которые мы принимаем теперь, мы должны были придти обязательно через кризис в нашем хозяйстве? Неужели нельзя было кое-что предусмотреть раньше и хотя бы некоторые меры принять заблаговременно? Мы пришли к новым решениям в результате кризиса, это указывает на то, что не все и не всегда в нашей политике проводилось совершенно верно, потому что иначе не было бы такой очень трудной обстановки, которая создалась.

Сталин. В резолюции сказано.

Рыков. В любом другом государстве правительство, которое довело страну до такого положения, подверглось бы ожесточенной атаке, стоял бы вопрос об его смене. У нас этого нет и быть не может, но у нас должно быть больше критики, больше живой мысли и меньше благодушия и казенного благополучия.

Г о л о с. Сами себя критикуйте.

Рыков. И я, и другие, мы можем ошибаться и дальше. И мы будем тем больше ошибаться, чем меньше ЦК и члены ЦК будут нас поправлять. Если вы, например, от меня потребуете безгрешного поведения во всей громадной массе вопросов, которые все время приходится решать, и не будете со всей активностью думать над ними, помогать в их решении, критиковать за ошибки, то ошибок будет больше. Ведь, повторяю, многие правительства в других странах, особенно в аграрной стране, слетели бы при таких условиях, когда после трех лет среднего урожая создается положение, при котором жмыхи в полтора раза дороже хлеба, нэпман в Москве может купить хлеба сколько угодно, а бедняк в селе не может хлеба ни купить, ни достать, идет в кабалу к кулаку.

И думать, что такого рода кризис явился в результате совершенно правильных наших решений по всем вопросам руководства хозяйственной жизнью, это совершенно неправильно. Повторяю, ничего плохого не будет в том, что мы будем анализировать создавшееся положение. Если мы этого не сделаем, мы будем возвращаться к этим кризисам не один раз. Это основной вывод, который вытекает отсюда. Когда, кажется, не помню точно, тов. Стецкий сказал, что слишком много взваливается на объектив-

ные <причины>и слишком мало берется на себя, ему кто-то с места крикнул: «он целит куда-то дальше». Я подумал: вероятно, он целит в меня, потому что я много работал над хозяйственными вопросами и докладывал пленуму контрольные цифры. Подумав это, я ничего плохого в таком «прицеливании» не обнаружил, потому что такая критика является задачей ЦК партии и каждого из его членов.

(После перерыва.)

Председатель (Рыков). Слово имеет т. Яковлев, следующий т. Жуков.

Яковлев. Я хотел сделать только несколько замечаний. Прежде всего, по поводу того, что говорил тов. Осинский.

Если взять каждое предложение тов. Осинского в отдельности и при этом реальные размеры каждого из предложений тов. Осинского рассматривать в возможном минимуме, то мы в них ничего бы не увидели, кроме таких деловых коррективов к нашей практике, подобные которым нам приходится рассматривать в повседневной работе наших органов очень часто. Если же рассматривать предложения тов. Осинского в целом, как взаимно увязанную программу действий, то придется признать, что у тов. Осинского получилась программа, чересчур похожая, весьма подозрительно похожая на то, что мы недавно читали в Кондратьевском ежегоднике Конъюнктурного института Наркомфина, теперь закрытого. В самом деле, возьмите его программу в целом. Из чего она складывается: во-первых, решительно сократить перекачку средств из текстильной промышленности на нужды тяжелой индустрии, т. е. отказаться от форсирования развития тяжелой индустрии; во-вторых, решительное сокращение санаториев – под этим «скромным» предложением скрыто изложенное в Ежегоднике Конъюнктурного института предложение о сокращении заработной платы; в-третьих, привлечение иностранного капитала; в-четвертых, более решительное, чем это предполагается Центральным Комитетом, повышение цен на продукты сельского хозяйства (что означает также, в конечном счете, ослабление одного из имеющих пока что огромное значение источников финансирования промышленности); и, в-пятых, намеки насчет того, что не надо преувеличивать значения классового момента в наших затруднениях.

Осинский. Где я это говорил? Ни одного слова.

Яковлев. Прочтите свою речь по стенограмме и вы увидите. Если вы сопоставите все эти предложения одно с другим и рассмотрите их в целом, то получится определенное «качество продукции». У меня нет времени дискуссировать с тов. Осинским по этому поводу, но я могу ему доказать документальной справкой, что тов. Осинский копирует программу Конъюнктурного института в очень большой степени. Вы найдете в Кондратьевском ежегоднике каждое предложение тов. Осинского и всю систему этих предложений в целом.

Осинский. Может быть, найдете отдельные слова.

Яковлев. Перехожу к следующим замечаниям. Ни на одну минуту нельзя отказаться от прямого ответа на вопрос о том, что является основным, задерживающим развитие сельского хозяйства моментом. Постановка этого вопроса, данная на XIV съезде и на XV съезде, не изменяется: недостаточное развитие промышленности является решающим фактором, задерживающим развитие сельского хозяйства. Именно в форсированном развитии промышленности мы имеем основную гарантию того, что в конечном счете мы сможем изжить те трудности, перед которыми нас ставит в настоящий момент сельское хозяйство. Степень быстроты развития сельского хозяйства **главным образом** определяется степенью удовлетворения сельского хозяйства машинами, удобрениями, переработкой. Иначе говоря, те трудности, перед которыми нас ставит недостаток ряда сельскохозяйственных продуктов, могут быть в конечном сче-

те решены только таким развитием промышленности, которое сможет удовлетворить основные потребности технической революции и социальной реконструкции в крестьянском хозяйстве.

Здесь необходимо еще остановиться на одной опасности, которая может встать перед нами, если возникнут неправильные толкования постановлений настоящего пленума. Я думаю, что поступлю правильно, если изложу здесь соображения, с которыми мне пришлось на днях столкнуться в разговоре с несколькими московскими рабочими. Меня спрашивали примерно следующее: «не происходит ли сейчас поворот направо?» Я, дивясь этому, стал расспрашивать, откуда вы это берете?

Угланов. Ты только оговорись, что это московские работники, а не работники Московского комитета.

Яковлев. Это не нуждается в оговорке. В этом никто не сомневается. Я не знаю, на основании чего возникли у товарищей, которые со мною говорили, такого рода опасения. Но если у одних предполагаемые решения пленума вызывают опасения поворота вправо, то ведь другие, может быть, могут их понять как такой поворот и соответствующим образом строить свою практическую работу. Вот, во избежание того, чтобы у рабочих, поддерживающих линию Центрального Комитета, не возникло неправильных представлений о повороте направо и чтобы у людей, действительно желающих такого поворота, не возникло представления о том, что им развязываются руки, необходимо со всей ясностью подчеркнуть те опасности, которые повлекли бы смазывание линии по отношению к кулаку, данной XV партийным съездом.

Каково у нас фактическое положение в деревне? Прежде всего, основной факт в отношении кулака: кулак, несомненно, на нас нажал во время хлебозаготовок. Хотя ошибки наши, несомненно, сыграли роль в заострении затруднений, но основное, конечно, в том, что в силу ряда условий, в том числе в силу наших ошибок, кулак в этом году получил возможность нажать на нас весьма основательно. Он на нас нажал тогда, когда сократил решительно продажу хлеба. Мы оказали ему решительный контротпор.

Товарищи рассказывали, изображая положение в северокавказской деревне, примерно так: «кулак, который недавно гоголем ходил по северо-кавказским улицам, сейчас здорово поджал хвост».

Ройзенман. Сдачу дали.

Яковлев. Сдачу дали весьма основательно. Но при этом нужно иметь в виду, что весною недостатком хлеба кулак кое-где воспользовался, чтобы кое-какие из потерянных позиций вернуть.

Таким образом, если общий баланс такой, что мы на него нажали больше, чем он на нас, что он, получив большой контротпор с нашей стороны, убедился, что мы не являемся правительством таким, с которым можно шутить, – то весною кое-какие позиции кулак вернул. В то же время именно весною по ряду районов, в частности там, где сумели достаточно ясно кулаку противопоставить бедняка и середняка, обострение отношений между кулаком и бедняком весною получилось дополнительное. Вот с этим фактом развернувшейся в деревне борьбы с кулаком нам необходимо считаться целиком. Больше того, из него надо исходить. Чтобы моя мысль была яснее, я вам прочту из крестьянских писем несколько выдержек, которые иллюстрируют степень обострения этой борьбы бедняка с кулаком.

Из Кустанайского округа (Воробьевский сельсовет, пос. Янушевский): «Деревенский кулак имеет излишки, но не продает их, а говорит: подохни вся беднота, мне до этого дела мало, пусть вас правительство снабжает».

Из Саратовской губ. (Петровский у., дер. Булыгино): «У зажиточных есть хлеб, но они притворяются казанскими сиротами».

Из Сибкрая (Барабинский окр., д. Мухинская): «Кулаки все почти торгуют хлебом. Вот 6 и 7 июня все две ночи спекулировали хлебом кулак Клячин Петро и кулак Понибратенко Григорий. Если придет свой деревенский крестьянин и скажет: «Дядюшка, нет ли у тебя хотя бы с пудик пшеницы», – то он отвечает: «Нет, сам с голоду сижу». И торгует всю ночь с фонариками. Таких бы кулаков стоит сразить 107 ст. Уголовного кодекса».

Из Вологодской г. и уезда, дер. Ковшино: «Мое мнение такое, нужно во что бы то ни стало спасти бедноту от кулацких лап. А к более видным злостным элементам, укрывающим излишний хлеб, применить ст. 107 Уголовного кодекса, а по окончании кризиса все выяснившиеся вынужденные сделки кулаков с беднотой на этой почве расторгнуть и не дать кулаку воспользоваться бедняцким трудом».

Из Уральской обл. (Ишимский окр., село Малахово): «У нас в селе Малаховском кулаки не любят бедноту и готовы зубами ее съесть. Весною сего года решили бедноту заморить с голода, чтобы не продавать ни одного пуда своей деревенской бедноте. А из-за этого приходится бедноте тяжело. Неужели нельзя у кулака взять хлеб».

Из Кубанского окр. (Тихорецкой р., ст. Хоперская): «У зажиточного Козлова Филиппа обнаружено большое количество хлебных излишков, раскиданных по разным местам. И таких элементов в нашей станице много. Например, Ковалев Иван. Кулаки, о вас плачет 107 ст.».

Из Калужской губ. (Мятлевской у., Юхновская вол., д. Ступино): «Куда делся хлеб? Оказывается, что хлеб лежит в запасе у зажиточных кулаков. На днях одного крестьянина местная власть заставила продать много хлеба, и его посадили в тюрьму; между прочим, он, имея такое количество хлеба, идет в очередь за 5 ф. муки, но идет с целью отвести глаза волости и показать, что он не имеет хлеба. Вот какие случаи в нашей волости, в частности, в юхновской кооперации».

Из Семипалитинской г. и у. (Калинская вол.): «Кулак не везет хлеба, а у него имеется 2–3 тыс. пудов. Вот почему мало заготовок. Мое мнение: взять в оборот кулака и пойти навстречу бедняку на деле».

Из Курской г. (Рыльский у., Глышковская вол., с. 2-й Мордок): «В моем районе большое усердие показали три эксплуататора: Лещенко Василий, Лещенко Константин, Чербаков Дмитрий (последний лишен избирательных прав). Эти Тит Титычи хорошие арендаторы советских садов, но государству они сдали только один пуд овса, когда у них таких пудов очень много».

Из Черниговского окр. (Сновский р., хут. Попельня): «Слабо идет заготовка хлеба, потому что кулаки свой хлеб на ссыпной пункт не везут. Надо всех этих зубров в корне пресечь, чтобы они не мешали нам прокладывать дорогу к социализму».

Из Сев.-Кав. края (Сальский окр., Белоглинский р., с. Жуковское): «Лопнуло терпение у горячинской бедноты, жуковского с.с. Да и как не лопнуть, глядя на подвоз хлеба к ссыпному пункту. Уж больно неповоротливы в этом деле зажиточные, неохотно подвозят излишки хлеба. Им не по нутру мероприятия советского правительства, направленные против кулацкого плана. Но кулаки у нас просчитались. Беднота хорошо уяснила необходимость выполнения государственного плана и приложила все усилия, чтобы этот план был выполнен. Как кулаки ни старались, они все же вынуждены были хлеб вывезти, хотя, конечно, далеко не все».

Из Крыма (ст. Срабус, п. о. Спас-Корога): «В нашем районе в прошлом году был недород. Все же у нас есть такие крестьяне, что запасы пшенички у них находятся не на десятки, а на сотни и даже тысячи пудов. Но эти мужички не намерены везти хлеб на ссыпной пункт.

Вот тут-то мое мнение: не нужно церемониться с такими паучками, нужно их под-

жать, чтобы они свои излишки продали государству. Чем скорее они это сделают, тем лучше будет для бедноты и середнячества».

Из Харьковского окр. (Задичевский р., х. Андреевка): «Кто повез у нас хлеб? Беднота и середняк. У зажиточного же амбары трещат от хлеба, но он своего хлеба ни фунта не вывез. Можно ли это допустить? Ни в коем случае. И наша беднота и середняки этого и не допустят. Для того чтобы беднота и середняки имели хлеб, нужно заставить всех кулаков этот хлеб сдать государству».

Дальше я не читаю. Тут потребуется читать целый час все эти письма. Смысл их в одном, что снимать со счетов в какой бы то ни было мере классовую борьбу в деревне было бы не только неправильно, но и в высшей степени опасно. Если бы наши решения бедняк понял бы как уступку кулаку, или как отказ от линии XV съезда, или как смягчение этой линии, этот бедняк оказался бы в роли спровоцированного нами на борьбу с кулаком, притом не получившего от нас поддержки, на которую он рассчитывал, когда шел на борьбу с кулаком.

Наша обязанность не тушить этой бедняцкой ненависти к кулаку, а ее сорганизовать, вместе с этим ее вложить в такие формы, которые бы усилили значение бедноты как нашей опоры и соответствовали бы нашей политике. Если с этой точки зрения посмотреть на проект резолюции, то в нее нужно было бы внести дополнение специально о бедноте. Из этого вытекает то, что нам нужно сразу противопоставить возможным кулацким разговорам, кулацкому торжеству насчет нашего «отступления», возможным провокациям со стороны оппозиции прямое наше решение о том, что организацию бедноты, ее политическую мобилизацию нужно одновременно всячески усилить, потому что это, в конце концов, есть одно из решающих условий того, чтобы середняк шел с нами. В противном случае колебания середняка в сторону кулака будут всячески облегчены. Мы недавно проводили специальную проверку работы среди бедноты по линии НК РКИ СССР. Наш основной вывод заключается в том, что степень организации бедноты отстала от степени нажима на кулака по линии административной. Мы имеем прямое отставание организации бедноты даже там, где нажим на кулака по линии советов и пр. шел «чересчур» энергично, с перегибами. Даже в этих местах мы видим несоответствие размаха организации бедноты размаху наступления на кулака по линии административной. Нам нужно ликвидировать, снимать целый ряд извращений, отказаться от ряда чисто административных приемов регулирования, но одновременно нужно компенсировать это в классовом смысле тем, чтобы дать основу для дальнейшего развития и всяческого укрепления организаций бедноты. Иначе нам грозит бесспорно опасность того, что наши решения будут перетолковываться кулаками, и, конечно, кулаки пояснят их бедняку как наше отступление, а его, кулака, торжество. Надо считаться с тем, что кулаки попытаются поднять голову, попытаются новый нажим произвести на бедноту, – этому нужно противопоставить рост организаций бедноты, иначе классовое соотношение сил изменится в худшую для нас сторону, несмотря на то, что будут лучшие экономические предпосылки для приближения к нам середняка.

Следующая сторона дела, на которой я остановлюсь очень коротко, сводится к следующему. Мне кажется, что проблема хлеба стоит сейчас в большей мере, чем проблема всего сельского хозяйства в целом. Попытка подменить проблему хлеба проблемой развития всего сельского хозяйства едва ли правильна.

Остроту вопроса именно о хлебе подчеркивает состояние нашего экспорта, исключение из которого хлеба чрезвычайно сократило наши импортные ресурсы. Дальнейшее развитие технических культур, в особенности льна и хлопка, зависит также в первую очередь от степени удовлетворения соответствующих районов хлебом. Вот

почему речь в первую очередь идет о хлебе. Я считаю, и здесь я должен повторить то, что говорил на партийном съезде, что вопрос о развитии хлебной продукции есть в первую очередь вопрос поднятия урожайности. В этом отношении дело у нас обстоит в высшей степени отвратительно. Все имеющиеся наметки перспектив роста урожайности (6–9–11%) в высшей степени неудовлетворительны, построены на полном непонимании тех возможностей подъема сельского хозяйства, которые дают в наших условиях производственное кооперирование и техническая революция в крестьянском хозяйстве.

В этом отношении работа Наркомзема (и прежнего и нынешнего) отличается одним чрезвычайно существенным пороком. При довольно больших вложениях государства на сельское хозяйство (в этом году примерно 200 млн. вложено из бюджета в сельское хозяйство) нет целевой установки в их использовании, нет такой целевой установки, которая бы позволила вытянуть весь вопрос об урожайности за звено, действительно имеющее решающее значение. Мы разбрасываемся часто, как расточители, и не умеем решать в необходимом масштабе таких задач, решение которых действительно позволило бы удвоить урожайность в масштабе одного десятилетия.

Я категорически утверждаю, так же, как я говорил это на XV партийном съезде, что задача удвоения урожайности в масштабе одного десятилетия – задача практически разрешимая. Условием ее разрешения является все большее ускорение темпа производственного кооперирования, в частности, темпа роста колхозов, в связи и на основе настоящей технической революции в крестьянском хозяйстве.

Мне кажется, что формулировка резолюции в этой части немножко недостаточна. Там, где говорится об урожайности, о кооперировании сказано совсем вскользь. Между тем все дело в том, что без кооперирования и в конечном счете без производственного кооперирования мы настоящего необходимого нам темпа подъема крестьянского хозяйства не получим. Я неоднократно уже приводил данные, сравнившие эффективность мелкого крестьянского хозяйства с эффективностью крупного крестьянского хозяйства.

Если сравнить мелкое и мельчайшее хозяйство с крупным, кулацким, то это сравнение показывает, что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство дает, по сравнению с нашим кулаком, который отнюдь не является образцом культуры, урожай с десятины вдвое меньший, себестоимость единицы продукции в $1^1/_2$–2–3 раза большую, и это в то время, когда на одну десятину мелкий хозяин тратит физического труда в полтора-два раза больше, чем кулак. Если вы имеете такое малопроизводительное мелкое и мельчайшее хозяйство, то проблема повышения его урожайности в конечном счете превращается прежде всего в проблему кооперирования. Именно кооперирование дает мелкому и мельчайшему хозяйству в том или ином отношении те преимущества, которые в капиталистическом обществе являются прерогативой кулака. И вот этим мы должны воспользоваться. Поэтому я думаю, что в этой части постановление Политбюро должно быть поправлено. Должно быть ясно сказано, что именно по линии кооперирования, по линии постепенного производственного объединения мелких и мельчайших хозяйств, мы можем достигнуть здесь успехов в масштабе нам необходимом, предоставив мелкому и мельчайшему хозяйству, хотя бы в некоторых отношениях, те преимущества, которые имеет хозяйство крупное.

И, наконец, последнее замечание относительно приемов регулирования рынка, которыми мы должны заменить ныне отпадающие приемы. По этому вопросу, к сожалению, ни Микоян не сказал почти ни слова, и никто из ораторов над этим не остановился. Ведь мы отказаться от регулирования не можем, это совершенно ясно. Совершенно ясно также, что кулак, который продает ныне по 6–8 руб. пуд, не так легко от

этого откажется. Поэтому необходимо продумать те методы и приемы регулирования, которые заменят те приемы и методы регулирования, от которых мы отказываемся, решительно ликвидируя так называемые чрезвычайные меры. В частности, такой вопрос, как вопрос о прекращении покупки хлеба в районах особо высоких базарных цен. Мы во всех районах являемся наиболее крупным покупателем. Если будем брать мужика такой выдержкой, которой он нас берет (это невозможно на большом пространстве в условиях, когда мы не имеем хлебных резервов, но в тех или иных частях страны вполне возможно), то мы немалого достигнем.

Далее, вопрос об использовании наших товарных фондов. Почему бы нам кое-где не попытаться кулака взять измором по линии товаров так же, как он пытался нас брать измором по линии хлеба? И это также, конечно, при нынешнем недостатке хлебных резервов, или, правильнее сказать, при нынешнем недостатке хлеба в особо широком масштабе не проведешь, но кое-где это можно попытаться сделать. Также я думаю, что вопрос о хлебной инвестиции в тех или иных необходимых нам районах является вопросом деловым: во всяком случае, 5% заготовок на это можно было бы бросить, чтобы таким образом оздоровить в некоторых узловых пунктах рыночные условия. Таким образом, подлежит немедленному практическому обсуждению ряд приемов регулирования: прекращение покупки нами хлеба, осуществление нами инвестиции хлеба, завоз промышленных товаров в усиленном порядке и прекращение этого завоза.

Думаю, что в этой части нужно включить особое дополнение в резолюции, которое бы дало хотя бы предварительную наметку тех форм регулирования, которые необходимо будет применять в настоящем году.

Председатель. Поступило предложение об изменении списка ораторов. Вызван уже тов. Жуков. Предлагаю дать ему слово и после него обсуждать предложение. Слово имеет тов. Жуков.

Жуков. Я хотел обратить ваше внимание на один или несколько чисто практических вопросов. Вот перед нами стоят эти вопросы сегодня, они перед нами встанут и завтра и все время будут стоять, пока мы их не изживем целиком. Это вопрос о ценах. Возникает ли у кого-либо сегодня вопрос о том, можем ли мы в дальнейшем получать хлеб по той цене, по которой мы получали до сих пор. Конечно, ни у кого такого вопроса не возникнет. Ясно, цены на хлеб будут подняты. Но если только поднимать цены на хлеб, хотели бы мы этого или не хотели, без отношения к этому, все равно цены на остальные продукты будут подняты. А раз это так...

Г о л о с а. Почему, почему?

[**Ройзенман**. Какое отношение имеет мясо к хлебу?

Жуков. И мясо имеет отношение к хлебу, и картошка, и овес, и свекла, и капуста, и т. д., если ты этого не знал, так надо немножко разбирать, а раз все это имеет отношение к хлебу,] цены на продукты поднимутся, и непосредственно перед промышленностью и перед рабочим классом встанет вопрос о повышении заработной платы. А если этот вопрос встанет, то нам нужно будет сегодня предусмотреть повышение заработной платы, увязать его придется и с производительностью труда, программой, промфинпланом и прочее... Все это нужно увязать с ценами на промтовары. Если возникнет вопрос о том, чтобы в значительной мере поднять заработную плату, как можно будет этот вопрос разрешить? Я считаю, что это будет колоссальной трудностью для нас, потому что это вопрос не простого пересчета цифр или увязки цифр промфинплана, а перед нами встанет вопрос практический, откуда все эти деньги взять, чтобы этот вопрос разрешить. Это первый вопрос.

Второй вопрос: если цены на рожь и цены на пшеницу или на ржаную муку останутся приподнятыми немного против того, что мы имеем на сегодня, то какая цена бу-

дет на остальной хлебофураж? Это для нашей Ленинградской области является основным вопросом, потому что та наметка промфинплана и контрольных цифр, которая уже известна, дает нам картину большего развертывания лесозаготовок, значительно большего развертывания отдельных отраслей промышленности, которые будут работать не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Здесь стоит вопрос о нашем экспорте. Если мы не урегулируем вопроса с ценами на овес в первую очередь, то вопрос о лесозаготовках станет во всей остроте и ни о каком экспорте не может быть и речи.

Чубарь. Овес подает надежды вот по этой диаграмме.

Жуков. Видите ли, товарищи, у тов. Микояна были раньше и другие надежды, но на деле это результатов не дало. Нам нужны не только надежды тов. Микояна, но нам нужно получить ответ его и реально добиться. Одно дело выступать с надеждами, а другое дело – сделать. Я ставлю этот вопрос, потому что с ним тесно будет связан вопрос о ценах не только на хлеб, а об увязке этих цен с ценами на хлебофураж. Иначе получится такая картина, о которой говорил тов. Комаров, что мы вынуждены будем лошадей кормить хлебом, вынуждены будем туда бросать хлеба больше, а по той перспективе, которую мы имеем перед собой, мы этого сделать не сможем. Это будет очень трудно сделать.

Если ставить вопрос об экспорте лесоматериалов и других изделий, то я выражаю сомнение, чтобы все прошло гладко без перетряски аппарата, который этим делом руководит. Если у нас внутри страны, где партия довольно большая, где рабочий класс довольно большой, имеется наличие дел вроде шахтинского процесса, то как дело обстоит там, где мы реализуем экспорт, как дело обстоит с нашим заграничным аппаратом?

Ройзенман. Правильно.

Жуков. Там мы беспрерывно натыкаемся на такие вещи, что дело могло бы быть сделано, а не сделано. И все наши жалобы, вопли и крики иногда получают ответ, а иногда нет. Когда мы ставим вопрос, что это дело надо форсировать, наладить и т. д., то мы не получаем ответа, как реально практически все эти мероприятия проводятся в жизнь. И вот я ставлю перед тов. Микояном вопрос: думает ли он практически сделать так, чтобы наш торгпредский аппарат, которому надлежит этим вопросом ведать, какими-то способами исправить и заставить его делать нужное.

Второй вопрос, который я ставлю перед тов. Микояном, такой: практически будет ли твердая гарантия на месте, а не просто заявление о том, что мы в надлежащем количестве этот хлебофураж на местах в известный срок получаем, потому что у нас такой возможности, которая давала бы нам уверенность в том, что мы сможем это сделать на месте, нет. Если мы услышим просто заявление, что беспокоиться не о чем, хлеба мы вам дадим, по-моему, этого будет немножко маловато. Надо будет услышать о более реальных мерах: о том, что будет практически сделано, что хлеб будет на местах в известные необходимые сроки. Это все будет сильно отражаться и на стоимости всего остального, потому что сегодня цена на овес, если он даже где есть, во всяком случае не меньше 8–9 рублей за пуд. Ясно, никакой крестьянин не будет этим овсом кормить лошадь, а будет кормить ее хлебом, который достает всеми легальными и нелегальными путями. [Вот те вопросы, которые я хотел бы поставить перед тов. Микояном и на которые просил бы ответа.]

Председатель. Список ораторов включает в себя 49 человек, из них высказалось 25. Поступило предложение дать слово следующим ораторам: Бауману, Сталину, Бухарину, Молотову и Томскому. [Следуют подписи: Андреев, Скрыпник, Скворцов...

Скрыпник. Моей подписи там нет.

Председатель. Мы теперь подписываемся, как министры, не поймешь, кто подписался. Под предложением 6 человек расписалось.] Кто желает слово по этому поводу?

Анцелович. Я все-таки не понимаю, какой принцип кладется в основу предлагаемого списка ораторов.

Г о л о с. Регулирование.

Анцелович. Вот это-то регулирование, если выражаться языком прений, носит несколько административный характер по отношению к списку ораторов. Здесь предполагают применить к списку ораторов вроде чрезвычайных мер, а тем самым нарушить партдемократию по отношению к записавшимся членам пленума (с м е х). Я не вижу целесообразности в том, что лишают ряда товарищей возможности высказать свое мнение в порядке прений и осветить некоторые вопросы на основе имеющихся у них материалов.

Сталин. Я поддерживаю товарища, пусть говорит.

Анцелович. Почему, например, меня, который имеет сейчас слово по записи, лишают этого слова, а тем самым не дают возможности сказать о настроениях батрачества и высказать взгляд на другие вопросы. Если выдвигается соображение, что время дорого, то можно вообще прекратить прения.

Г о л о с. Включить еще Анцеловича.

Анцелович. Я настаиваю на слове не потому, что думаю открывать какие-либо «Америки», но хочу высказать пленуму свое мнение по обсуждаемому вопросу.

Председатель. Кто-нибудь желает слова?

Микоян. Предлагаю включить Зеленского.

Председатель. Кто за то, чтобы в основе принять это усекновение списка? Кто против? Меньше. Предложено дополнить список тов. Зеленским.

Сталин. Я прошу слова. Предлагаю тов. Анцеловича добавить и потом товарищей из областей. Есть кто-нибудь из ЦЧО?

Голос. Варейкис.

Сталин. Надо добавить тов. Варейкиса.

Председатель. Анцелович, Зеленский, Варейкис, так? Там еще записана Надежда Константиновна. Может быть, прибавим Куйбышева и Надежду Константиновну? Возражений нет?

Г о л о с а. Нет.

Председатель. Слово имеет тов. Анцелович, следующий – тов. Зеленский.

Анцелович. Товарищи, прежде всего, так как время крайне ограниченно, я хочу сказать несколько слов по вопросу о настроениях батрачества в связи с хлебозаготовками. Считаю, что целесообразно при этом использовать имеющиеся в распоряжении ЦК Союза сельхозлесрабочих и газеты «Батрак» многочисленные письма от с/х и лесных рабочих. Хотя тов. Стецкий сделал неправильные, грубые обобщения на основе крестьянских писем, но это не значит, что на основании писем нельзя иметь правильное суждение о настроениях той или иной группы трудящихся. Само собой разумеется, что одни письма не являются достаточными для суждения об этих настроениях. О чем же говорят имеющиеся у нас письма и материалы, а также посещения мест работниками ЦК Союза? Прежде всего, нужно учесть, что настроение батрачества не было особенно хорошим и раньше. Правда, оно советское, но вся обстановка жизни батрачества не такова, чтобы оно было особенно довольно своим положением (с м е х). Это известно всем, кто работает или следит за работой в деревне. В связи с хлебозаготовками эти настроения нужно разделить на два периода. Первый период – до апрельского пленума. Письма батраков и информация местных товарищей говорят о том, что в этот период многие батраки, особенно члены союза, принимали активнейшее участие в хлебозаготовительной кампании. Они участвовали в раскрытии запасов хлеба у кулаков, подпадающих под 107 статью, выступали на сходах, помогали укреп-

лению блока батрака, бедняка и середняка против кулака. Я считаю, что батраку нужно проявить в этих случаях большое мужество, рисковать заработком, последним куском хлеба. Нужно иметь большое мужество, чтобы выступить на сходе и сказать (часто против своего же нанимателя): «не верьте ему, он врет, у него не 50, а 500 пудов хлеба».

Косиор. Это не то, что Рыкова критиковать.

Анцелович. Да, это трудное дело. Дальше, наступает второй период – после апрельского пленума. Здесь нужно отметить резкое ухудшение в настроениях батрачества. Прежде всего, в связи с тем, что мы не смогли обеспечить в этот период в самых минимальных размерах снабжение хлебом пролетарских и полупролетарских слоев деревни. По многочисленным письмам и сообщениям товарищей с мест видно, что батрачество почувствовало себя как бы обманутым. Некоторые из них говорят: «черт побери, мы указывали советским органам, где хранятся какие запасы у кулака, мы разоблачали кулаков, когда они врали, а в результате мы остались без куска хлеба». К этому нужно прибавить, что и сама кооперация – сельскохозяйственная и потребительская – палец о палец не ударила для удовлетворения потребностей этой прослойки трудящихся деревни в ряде районов. А если учесть еще, какие настроения у батрака или батрачки могли создаться, когда им отказывали в продаже хлеба даже тогда, когда хлеб имелся в распоряжении кооперации, только из-за того, что они не внесли пая, а большинство из них – не пайщики, будет вполне объяснимым ухудшение настроения батрачества. Повторяю, батрачество настроено в своей массе советски, особенно профессионально организованная часть. Но настроение деревенских пролетариев и полупролетариев за последние месяцы значительно ухудшилось. Только теперь, на днях Комвнуторг вместе с Центросоюзом догадались и собираются дать директиву о том, чтобы кооперативные и др. органы батраков и бедноту обслуживали вне зависимости от того, являются ли они пайщиками или нет. При таком отношении к батрачеству нет ничего удивительного, что в его среде ширятся отрицательные настроения. А ведь в ряде районов (Сев. Кавказ, Урал, Сибирь, Узбекистан и др.) это довольно значительная прослойка деревни. Эти настроения, как я уже сказал, связаны с тем, что не были приняты самые элементарные меры, чтобы обеспечить хлебом те слои деревни, которые собственного хлеба в большинстве случаев не имеют, а живут покупным. Комвнуторгом и кооперацией не были приняты самые элементарные меры, чтобы помочь тем, кто активно помогал в борьбе с кулаком в первый период затруднений в области хлебозаготовок. Понятно, тут многие объясняют тем, что есть объективные трудности; но есть и субъективные: неряшливость органов Комвнуторга, невнимательное отношение кооперации к бедноте, особенно батрачеству. В результате мы имеем и без того тяжелое положение бедноты и батрачества, еще более ухудшившееся в ряде районов. Мне кажется, что и при наличии тех запасов, которыми мы располагали в течение прошедших месяцев, мы могли, во-первых, кое-что сделать для снабжения хлебом батрачества, хотя бы в местах его значительного скопления; а во-вторых, лучше провести во второй период разъяснительную работу среди пролетарских и полупролетарских слоев деревни. Правда, словами не накормишь. Но меньше было бы в этом случае растерянности среди бедноты. Без проведения разъяснительной работы среди батрачества и бедноты, не позаботившись даже, повторяю, в пределах возможности, о снабжении хлебом, мы создали такое положение, когда деревенская беднота почувствовала себя, грубо говоря, просто в дураках. Помогать-то помогли вывозить хлеб из деревни, а сами остались без хлеба.

Косиор. Ты что все на Микояна смотришь, как будто он виноват.

Анцелович. В первой части (в отношении разъяснительной работы) я смотрел на

Косиора, а во второй, в отношении снабжения хлебом, хотя бы мест значительного скопления с/х и лесных рабочих, где они работают тысячами, я действительно смотрел на Микояна. Понятно, речь идет не только о персональной ответственности.

Но я не согласен с теми товарищами, которые так обобщают положение вещей в деревне, что в результате получается не освещение положения, а скорее паникерство. Кроме писем и митингов, о которых здесь товарищи говорили, средством для оценки настроений среди крестьянства и рабочих, а также среди партийцев является и общение с отдельными товарищами.

Рыков. Ты на всех по очереди смотришь: сначала на Косиора, потом на Микояна, теперь на меня.

Анцелович. Дело не в этом. Я пробыл около 10 дней в Смоленской губернии. Был на некоторых конференциях и собраниях партийцев и беспартийных. Вернулся к пленуму в Москву. Меня один товарищ, ответственный работник, спрашивает: ну, как там дела? Я отвечаю: так-то и так-то. «Факты верны?» – спрашивает он. Я говорю, что в 10 раз хуже. «Ну, тогда, значит, нужно власть отдавать». Что это, товарищи, если не паникерство?

Это паникерство, если не больше. Оно на различных этапах в тяжелые периоды свойственно некоторым людям, которые...

Г о л о с. К этому предрасположены (с м е х).

Анцелович. Кто-то говорит, что это свойственно некоторым батракам. Да, свойственно некоторой части батрачества, но иногда и некоторым членам Центрального Комитета.

Ворошилов. Среди батраков тоже есть члены Центрального Комитета.

Анцелович. Я считаю, что если не паникерски оценивать положение, то это значит, с одной стороны, не ударяться в казенный оптимизм, не прикрашивать положения дел, а с другой – не преувеличивать. Но прежде всего нельзя недооценивать трудностей. Нужно помнить, что трудности еще большие могут быть впереди. Поэтому нужна постоянная готовность преодолеть эти трудности, нужна мобилизация партийного сознания, чтобы партийцы не растерялись при еще больших трудностях. По-моему, со стороны сельских, волостных и др. местных партийных организаций в период хлебозаготовок было немало растерянности. Иногда вследствие этой растерянности, а не по злой воле некоторые местные парторганы делали отдельные перегибы.

Теперь разрешите коротко остановиться на следующем вопросе, на вопросе о путях развития сельского хозяйства. В этом вопросе некоторые товарищи путают. Ряд товарищей говорят, что не нужно забывать индивидуальное хозяйство. Это верно, но не в этом главная опасность. Может быть, кто-либо из литераторов в «Правде», Карпинский или другой товарищ, в статье обмолвился или ошибся, говоря, что исчерпаны ресурсы для развития индивидуальных хозяйств.

Косиор. Бухарин сбоку стоит.

Анцелович. В самой-то жизни, в практической работе эта опасность – недооценить значения индивидуального хозяйства – невелика. Скорее, есть другая опасность – недооценка значения колхозного и совхозного строительства. Я говорю это на основании опыта пятилетней работы в профсоюзе сельхозлесрабочих. Я считаю, что есть опасность, если мы будем продолжать только декламировать о колхозах и совхозах, а не строить их. Вот это – опасность. Повторяю, нет опасности, что мы забудем индивидуальное хозяйство. Оно само о себе сильно напоминает. А другое дело – вопрос об укреплении социалистического сектора в сельском хозяйстве. Я придаю большое значение партийным резолюциям. Но на основе того же опыта знаю, что нередко мы пишем за здравие совхозов и колхозов, а практика проводится за упокой их.

Косиор. Это ты плохо смотришь.

Анцелович. Это другое дело. Если Алексей Иванович берет на себя ответственность, то мне, в моей более узкой отрасли работы, тем более приходится брать ответственность за эти утверждения. (С м е х, ш у м.)

Ворошилов. Тем более что это тебя ни к чему не обязывает. Сказал и забыл назавтра.

Анцелович. Дело не в этом, а дело в том, что на одиннадцатом году революции мы продолжаем ликвидировать совхозы. Можно подвести некоторый итог. Об этом подробно я собираюсь сказать по докладу Михаила Ивановича. За прошедшие годы мы потеряли около миллиона десятин совхозной земли и ликвидировали несколько сот не всегда плохих совхозов. Причем это было сделано не во время аграрной революции, а уже в период нэпа. В период нэпа, повторяю, потеряли около миллиона десятин совхозной земли.

Рыков. Как потеряли?

Анцелович. В порядке проявления местной инициативы и самодеятельности каждый год в среднем ликвидировали по двадцать-тридцать совхозов. Совхозы ликвидировали, а землю передавали крестьянам.

Г о л о с. Потому что кое-какая группа батраков их скушала.

Анцелович. Нет, дело обстояло далеко не так. Но при этом я считаю бессмыслицей всякую постановку вопроса о том, что можно нашу страну в 3–5 лет просто осовхозить или околхозить. Эта постановка говорит об отсутствии здравого смысла. Кто знает сельское хозяйство, тот не будет утверждать, что у нас исчерпаны ресурсы индивидуального хозяйства. Как может идти речь о том, что эти ресурсы исчерпаны, когда еще нужно в ряде районов менять соху на плуг, когда нужно вводить самые элементарные меры агрикультурных улучшений. Но при этом, повторяю, что центр тяжести нашей практики не в том, что кто-то (Карпинский или Милютин) этого не понимает. Дело не в этом. Весь вопрос в том, чтобы наконец серьезно, по-настоящему, не на словах, а на деле содействовать коллективизации сельского хозяйства, росту и укреплению совхозов. Весь вопрос в том, чтобы не идти по линии наименьшего сопротивления. Я считаю, что вопрос об урожайности, который тов. Чубарь выдвинул, в высшей степени важный вопрос, но это не политическая установка.

Чубарь. Извините.

Анцелович. Да, тов. Чубарь, извините.

Чубарь. Урожайности до нужных размеров не подымешь, если будешь иметь раздробленное хозяйство.

Анцелович. Это верно. Но, например, производительность труда рабочего не является политическим лозунгом, хотя поднять производительность труда наших фабрик и заводов нужно; без поднятия урожайности в сельском хозяйстве развивать хозяйство невозможно. Но нельзя вопрос об урожайности противопоставлять общей линии развития сельского хозяйства в наших условиях.

Чубарь. Нельзя противопоставлять одно другому.

Анцелович. Вот именно. Развитие нашего сельского хозяйства в ближайшие годы должно идти по пути все большего роста социалистического сектора.

Чубарь. Правильно.

Анцелович. Но, само собой разумеется, что урожайность должна быть поднята, и прежде всего должен быть достигнут максимум урожайности в совхозах и колхозах. Иначе совхозы и колхозы не дадут примера, образца правильного хозяйствования для того же крестьянства.

Г о л о с. Правильно.

Анцелович. Но для того, чтобы этого достичь, тов. Чубарь, на деле, практически, нужно куда больше сделать в отношении совхозов и колхозов, чем это делается, например, в частности, на Украине. Гораздо больше.

Чубарь. Правильно.

Анцелович. Но для этого нужно, прежде всего, правильно подойти к самому совхозному строительству. Тов. Сокольников правильно оценил роль совхозов в развитии нашего хозяйства по пути социалистического переустройства. Но, правда, при этом не связал концов с концами в последней части своей речи. Если согласиться с концом его речи, то ничего не удастся сделать не только для развития совхозов, но и социалистического сектора в нашем народном хозяйстве вообще. Если, Михаил Павлович, серьезно подойти к вопросу о совхозах, подойти так, как мы подходим к химической и текстильной промышленности...

Томский. Я ничего о колхозах не говорю.

Анцелович. Нужно будет иначе подходить и к вопросу о сельскохозяйственном пролетариате. Нужно к с/х рабочим предъявлять большие требования в области производительности труда, но наряду с этим ставить со всей серьезностью вопрос об их положении. Я считаю, что по вопросу о совхозах я буду иметь возможность высказаться по докладу Калинина. Сейчас же разрешите подчеркнуть важность правильной установки в отношении колхозного и совхозного строительства. Весь вопрос, как я уже говорил, не в отдельных удачных и неудачных статьях и выступлениях. Опасность, повторяю, не в этом. Куда большая опасность в том, что мы размельчаем проблему укрепления старых совхозов, строительства новых совхозов и ограничимся кустарными агрикультурными мероприятиями в этой области и не укрепим социалистического сектора земледелия. Мы и так в этой области значительно запоздали на несколько лет. Есть величайшая опасность, что мы будем запаздывать и в дальнейшем. Но само собой разумеется, что нельзя противопоставлять развитие совхозов и колхозов и индивидуальных хозяйств друг другу. Кто противопоставляет, тот не понимает органической связи между развитием социалистического сектора и развитием сельского хозяйства в целом. Эти же товарищи не понимают, очевидно, и связи между развитием социалистического сектора в земледелии и народного хозяйства в целом.

Теперь разрешите перейти к вопросу об экспорте. Я хочу на этом коротко остановиться в связи с вопросом о лесоэкспорте. Считаю правильным, что в ближайшее время отпадает возможность усиления экспорта за счет хлеба. Нам, вероятно, придется с этой невозможностью считаться. Но ведь легко сказать – хлеба не будем экспортировать. Ведь без экспорта развивать народное хозяйство более чем затруднительно. Что же делать? Нельзя же ограничиться экспортом за границу наркомпросовской продукции, вроде, например, театральных трупп и т. п. Нужно обязательно значительно увеличить экспорт. Для этого прежде всего необходимо сделать в ближайшее время ударение на лесном хозяйстве, лучше использовать для этого наши лесные богатства. Вопрос о лесном хозяйстве уже был недавно предметом обсуждения Совнаркома СССР. Но этим вопросом надлежало бы заинтересоваться в ближайшем же будущем Центральному Комитету партии, Политбюро ЦК.

Не являются ли, товарищи, для нашего народного хозяйства, в частности экспорта, позорными следующие цифры: СССР за последний год вывез 4 млн. кубометров леса, Финляндия – 9 млн., Швеция – 5 млн., Польша – 8 млн., Чехословакия – 4 млн., Польша, с ее ничтожными лесными богатствами, вырубает за 4 года вперед и вывозит 8 млн. кубометров. Наша же страна, с величайшими лесными богатствами, не может их использовать, когда это так важно для всего народного хозяйства. Ведь на сельское хозяйство чересчур жать вредно. И вот мы вынуждены иногда чересчур жать, не умея

нажать на наши лесные богатства. Понятно, это не значит, что для этого нужно просто вынести резолюцию. Это значит кое-что вложить в лесное хозяйство, нужно продумать ряд мероприятий в области организации производства и труда в лесном хозяйстве, увязав их с задачей всемерного усиления лесного экспорта. Прежде всего, нужно лучше учесть то богатство, которое представляет такую ценность. У нас рубится в лесоэкспортных районах 27 млн. кубометров, а в этих же районах мы недовырубаем 23 млн. Но сам экспорт леса, как мы видели, крайне ничтожен. Лесные богатства в нашей стране гниют и хищнически вырубаются без пользы для дела, вырубаются даже там, где это представляет военно-стратегическую опасность. Я думаю, в несколько минут нельзя как следует осветить этот вопрос, но и сказанного достаточно для того, чтобы согласиться, что вопрос об усилении лесоэкспорта должен быть поставлен и решен. А для этого необходимо лучше вырешить ряд организационно-хозяйственных и финансовых вопросов по упорядочению лесного хозяйства СССР. Я считаю, что все эти вопросы должны быть обсуждены Политбюро в ближайшее же время. На его повестке дня часто стоят куда менее важные вопросы. Вопрос о лесном хозяйстве и лесоэкспорте требует проведения более серьезных, радикальных мероприятий. Нужно прямо сказать, что мы по отношению к лесу уподобляемся тому, кто сидит на сене и его не ест (с м е х). Вопрос о лесном хозяйстве, лесовосстановлении и лесном экспорте должен стать предметом обсуждения партии. Мы можем многое и многое получить от лесного хозяйства, но для этого, повторяю, нужно вложить некоторую сумму денег, внимательно, как следует продумать формы организации лесного хозяйства и методы его ведения. Большего хаоса, большей анархии, чем у нас имеется в лесном хозяйстве, по-моему, ни в одной капиталистической стране не найдешь.

Осинский. Он против индустриализации говорит.

Анцелович. Нет, это в интересах индустриализации. Что же касается индустриализации, тов. Осинский, я должен вам сказать следующее. Вы вчера неправду сказали, что сахарная промышленность убыточна. Сахарная промышленность не убыточна. Она за последние годы давала и дает десятки миллионов рублей прибыли, несмотря на то, что платила за аренду земли, вносила сельхозналог по кулацким ставкам. Кроме того, государство получало большие доходы по линии акциза. Почему вы для своих не особенно веских мыслей по вопросу о промышленности прибегаете к не особенно веским аргументам? Что касается основной мысли тов. Осинского[165], по вопросу о размычке с крестьянством, как он говорит, т. е., иначе, об остром, безнадежном кризисе смычки с крестьянством, то я считаю, что все это явное преувеличение.

Осинский. А я говорил не об остром и не безнадежном.

Анцелович. Я считаю, что сказать о полном или остром кризисе, или просто сказать «размычка» – это одно и то же. Во всяком случае, если я вас не понял, то меньше всего вашу постановку о размычке поймут рядовые члены партии. Размычка – величайшая опасность. Но именно потому, что это величайшая опасность для партии и диктатуры пролетариата, не следует этими словами играть и прибегать к преувеличениям, говоря о размычке между рабочим классом и основными массами крестьянства, когда этого нет. Эти преувеличения безусловно вредны.

Председатель. Слово имеет тов. Зеленский, следующий тов. Варейкис.

Зеленский. В оценке этого положения и тех мер, которые партия должна принять в связи с хлебоснабжением и хлебозаготовками, мне кажется, нужно поставить следующий вопрос: что было бы, если бы мы в результате этих мер или без применения этих чрезвычайных мер не заготовили хлеб? В каком положении оказались бы мы сейчас? В лучшем положении или худшем положении? Положение, если бы нам не удалось заготовить хлеб, представлялось бы следующим образом. В потребляющей поло-

се, в крестьянских районах мы все равно в это время имели бы недостаток хлеба. В потребляющих районах в период, когда оканчиваются старые запасы хлеба и когда не подоспевает урожай нового хлеба, мы без ввоза со стороны имели бы, несомненно, наряду с обострением хлебного кризиса сумасшедший рост цен на хлеб. И этот рост цен не только в результате принятия административных мер мы имеем. В целом ряде мест, где административные меры не применялись, где даже заготовку хлеба в сколько-нибудь серьезном масштабе не вели, все равно благодаря недостатку хлеба в этих районах, благодаря тому, что эти районы живут всегда за счет привозного хлеба, мы имели бы неизбежно сезонное обострение хлебного кризиса и рост хлебных цен. Не меньшее обострение было бы со снабжением хлебом рабочих. Об этом здесь говорилось в достаточной степени. На этой основе мы имели бы, несомненно, жесточайший политический кризис, из которого выходить нам пришлось с гораздо с большими трудностями, чем выходим сейчас, в результате тех методов хлебных заготовок, которые мы применяем.

Несомненным мне кажется одно – что без применения чрезвычайных мер вряд ли возможно было нам заготовить достаточное количество хлеба и обеспечить бесперебойный ход хозяйственной жизни.

Я не имею возможности поделиться здесь опытом хлебных заготовок по нашему району, т. к. в нашем районе хлебных заготовок нет. Мы принадлежим как раз к такому району, который потребляет хлеб...

Г о л о с. Который успешно кушает.

Зеленский. Который успешно кушает; но это отнюдь не означает, что мы не можем иметь мнение, как ведутся хлебные заготовки и к каким результатам мы приходим в связи с этими хлебными заготовками. Экономика у нас в Средней Азии различна, от хлебозаготовительных районов расстановка классовых сил, поэтому, у нас тоже своеобразная. Но мы должны сказать следующее: в результате правильного проведения кампании хлебоснабжения в этом году мы имели возможность увеличить предположительно продукцию хлопководства на 22–23% против прошлого года. Положение было бы совершенно иное, если бы Наркомторг не выполнил плана завоза хлеба или выполнил план с некоторыми перебоями. И хотя Алексей Иванович выходил и призывал к самокритике и критике, чтобы ругали не только самих себя, но ругали и его, но я должен сказать, что в нынешнем году тот крайний минимум, который был определен и который являлся совершенно необходимым для равновесия хозяйственной жизни края, был выполнен у нас и это дало возможность обеспечить быстрый подъем хозяйственной жизни и рост технических культур у нас в Средней Азии.

Г о л о с. А ты говорил, что роста не будет даже при выполнении плана.

Зеленский. Каждый живет своими запасами. Я говорил осенью об этом.

Каганович. Он хотел немножко запастись резервами.

Зеленский. Теперь я хочу остановиться на одном вопросе, на котором бегло останавливался т. Микоян, и останавливаюсь на нем потому, что его затронул. Тов. Микоян считает возможным в нынешнем году значительно сократить завоз хлеба в Среднюю Азию. Это будет большая ошибка, тов. Микоян. Ошибка заключается в том, что мы, поставив целью увеличить хлопковый клин на будущий год на 150–180 тысяч гектаров, без обеспечения хлопкоробов хлебом, без достаточных хлебных ресурсов не сможем этого выполнить. Поэтому лучше не пожалеть 3–5 миллионов пудов хлеба с тем, чтобы обеспечить возможность дальнейшего развития хлопководства.

Мне кажется, совершенно правильно резолюция поставила в центр внимания вопрос о поднятии зернового хозяйства. Но мне кажется также, что в вопросе о поднятии зернового хозяйства некоторые товарищи сбиваются на такой тон, который может при-

вести нас к тому, что у нас наряду с поднятием зернового хозяйства будет ослаблен темп роста технических культур. Допускать этого ни в коем случае нельзя. Такую тенденцию я видел со стороны тех товарищей, которые не ставят вопроса о том, чтобы проблема зернового хозяйства была районирована и чтобы проблема зернового хозяйства была теснейшим образом увязана с политикой цен на зерно. Мы уже имели в истории нашего хозяйственного развития такое положение, когда высокие цены на хлебную продукцию отражались на сокращении площади посева и размерах продукции технических культур. Если мы дадим непомерно высокие цены на зерновые культуры, не сообразуя их с районами и ценами технических культур, мы будем иметь удар на другом участке, отрыжку на других участках нашего хозяйственного фронта, что может оказаться не менее вредным, чем недостаточность зерновой продукции. В этом смысле тов. Сокольников неправ, когда он требует повышения на 25% против существующих цен. Такое повышение цен, помимо уже указанной выкачки средств из промышленности в сельское хозяйство, ударит также и по самому сельскому хозяйству замедлением темпа роста технических культур.

Рыков. Отпускные цены мы не хотим повышать.

Зеленский. Тов. Рыков, тут вопрос не только потребительский, сколько платить за тот хлеб, который идет в рот, крестьянин заинтересован и как производитель. Нам нужно, чтобы ему невыгодно было производить зерно, а выгоднее было производить технические культуры.

Г о л о с. В отдельных районах.

Зеленский. В резолюции имеется также совершенно правильный пункт относительно необходимости дальнейшего роста и развития индивидуальных мелких крестьянских хозяйств. Само собой разумеется, что сбрасывать со счетов свыше 20 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств, имеющих на ближайший период развития только один путь развития – путь поднятия его индивидуального хозяйства, – невозможно. Но нам необходимо найти формы увязки крестьянского плана, плана индивидуального хозяйства, с планом государственного хозяйства. Положение здесь такое: при поднятии крестьянского хозяйства крестьянин строит свой хозяйственный план, у него есть и должны быть свои хозяйственные перспективы. Но в этом росте не происходит достаточной увязки хозяйственного плана отдельных мелких крестьянских хозяйств с нашим планом, с планом государства. В результате этого мы неизбежно будем иметь ошибки, просчеты и т. д. в нашем плановом руководстве. Ошибки, например, в хлебном деле, как показывает опыт и наша практика, грозят нам осложнениями политическими и величайшими хозяйственными осложнениями. Поэтому, мне кажется, резолюцию следовало бы дополнить пунктом о том, как наилучшим образом увязать в процессе роста индивидуальных крестьянских хозяйств его крестьянский план с нашим государственным планом. Здесь имело бы смысл целиком использовать тот опыт, который имеется у нас в Средней Азии, где мы сумели в полнейшей мере увязать наш план с хозяйственным крестьянским планом. Крестьянство в Средней Азии в товарной части своей продукции в значительной степени охвачено системой договоров с государством. Благодаря этому и крестьяне знают, что им производить, и государство также примерно знает, какое количество сырья или другой продукции оно будет иметь в тот или иной момент. Мы в нынешнем году имели возможность по важнейшим видам сырья охватить огромную долю (по хлопку 98–99%, по другим до 70%) товарной части крестьянской продукции нашими договорами. Эту возможность мы получили благодаря выполненному плану завоза хлеба. Мы в большей степени, чем когда бы то ни было, гарантировали себя в плановом порядке от каких бы то ни было просчетов. Но мы, конечно, не гарантированы тут от погоды, от воды. Но с крестьянским планом

мы добились полнейшей увязки нашего плана. Я думаю, что, когда мы ставим проблему развертывания зернового хозяйства, мы должны найти способы увязки плана отдельных крестьянских хозяйств с нашим государственным планом. Это необходимо сделать во избежание ошибок и просчетов – неизбежных в противном случае. Мне кажется, что то решение, которое было принято XV съездом насчет контрактации, должно быть в дальнейшем проведено гораздо более решительно и последовательно, чем это проводилось до сих пор. Вопросы контрактации надо рассматривать не только как задачу, поставленную накануне посевов и связанную только с посевной кампанией. Вопрос о контрактации – это вопрос об организации сельского хозяйства и об увязке этого крестьянского хозяйства с государственным хозяйством. Мы имеем все возможности, все меры воздействия на крестьянское хозяйство и увязку его с государственным хозяйством. Но расценивать контрактацию как систему только денежных отношений между крестьянским хозяйством и государством недостаточно. Контрактация должна заменить нам анархичность рынка системой твердого договора между государством и крестьянским хозяйством. Мы должны не забывать ни на одну минуту того положения, что до сих пор кооперативная сдача хлеба не всегда есть наиболее выгодная продажа товара. Она не всегда, с точки зрения рыночных цен, в данный момент наиболее выгодна. На хлебном рынке цена на хлеб у частника выше. Мы должны воздействовать через контрактацию на крестьянское хозяйство таким образом, когда крестьянство, даже сдавая хлеб по ценам ниже рыночных цен частника, имело бы выгоду, которая отражалась бы на повышении его хозяйства. Мы должны связать контрактацию со снабжением семенным материалом, с удобрениями, с преимуществами получения сельскохозяйственного инвентаря и т. д., и тогда мы получим отчетливую и твердую базу увязки нашего плана с крестьянским планом. Мне кажется, что если бы мы поставили в нынешнем году законтрактовать 5 млн. дес. зерновых посевов с осени (а мы имеем эту возможность), мы имеем достаточно твердую базу при вступлении в хлебозаготовки будущего года. Если бы мы начали эту работу проводить сейчас через наш заготовительный аппарат, то нам удалось бы провести в гораздо большей степени и с более значительными результатами, т. к. сельскохозяйственная кооперация для этого у нас достаточно сильна.

Последний вопрос заключается в следующем: опять-таки об этом самом поднятии мелкого хозяйства. Само собою разумеется, что это поднятие есть одна из важнейших задач, но, товарищи, никем не доказано то положение, что в вопросе о поднятии мелкого хозяйства, в особенности на зерновой базе, есть определенные границы, дальше которых это крестьянское хозяйство поднять никак нельзя.

Рыков. Мы еще не дошли до этих границ.

Зеленский. Мы кое-где дошли, и мне кажется, что вопрос об этих границах лежит вот где. Мы имеем пределы роста мелкого индивидуального хозяйства, и они заключаются в вопросе о возможности целесообразного использования инвентаря и рабскота. Нет возможности безынвентарному хозяйству рассчитывать на то, что оно будет быстрее подниматься, а вопрос о целесообразном использовании инвентаря есть вопрос об увеличении, об укреплении крестьянского хозяйства. Мне кажется, точно такую же крупнейшую роль в вопросе крестьянского хозяйства, в укреплении методов поднятия индивидуального крестьянского хозяйства на базе зернового хозяйства будет играть вопрос о возможности использования рабочей силы внутри крестьянского хозяйства. Этого вопроса ни в какой степени упускать нельзя. Мелкое крестьянское хозяйство с маленькой посевной площадью не может установить правильного севооборота, а если оно установит севооборот на основе размера посевной площади, то освобождается избыточная рабочая сила, которую употребить некуда. Вот почему, мне кажется, вопрос

о мелком хозяйстве и среднем хозяйстве должен находиться в теснейшей увязке с вопросом об усилении темпа колхозного строительства.

Председатель. Слово имеет тов. Варейкис, следующий тов. Бауман.

Варейкис. Вначале позвольте сделать несколько замечаний насчет общего хлебофуражного баланса, представленного тов. Микояном.

Микоян. Не балансы, а наметки.

Варейкис. Пусть «наметки». Мне кажется, что эта наметка очень далека от действительности.

Бухарин. Это не та, которой рыбу ловят.

Варейкис. Я не знаю, та ли, которой рыбу ловят. Если тов. Микоян имеет какое-либо намерение построить такую наметку, она тоже окажется крайне неудачной. Я считаю, что ни в коем случае нельзя исходить из таких расчетов, учитывая общехозяйственное положение, которое мы в деревне в настоящий момент имеем. В деревне такое положение с урожаем, что мы не имеем возможности строить столь оптимистические представления о предстоящем хлебофуражном балансе. Я считаю, урожай, а стало быть и хлебофуражный баланс не будет больше прошлогоднего. В текущем году урожай в ряде районов, надо считать, будет ниже, в частности и по нашей Центрально-Черноземной области, тоже по наметке, мы имеем на $87^{1}/_{2}$ млн. хлебофуражный баланс ниже прошлогоднего. Таким образом, надо признать, что представленный баланс значительно преувеличен. Заранее можно заявить ориентировочный план, если принять еще во внимание, что переходящие запасы у мужиков меньше, чем в прошлом, если исходить из стабильных запасов, то тогда это станет еще яснее. Тов. Микоян, когда он свой доклад произносил, исходил из того, что мы имеем в настоящем году стабильные запасы у крестьян. Это неверно. Трудности заготовок, которые были в последний месяц у нас, именно и заключались в том отчасти, что мы захватывали у крестьян старые запасы. Нынешние запасы у крестьян ниже прошлогодних. В хлебозаготовках мы захватили так называемые страховые, переходящие из года в год. Поэтому эти запасы ниже, нежели они были у крестьян в прошлом году. Это бесспорно.

Почему эти замечания я счел необходимым сделать? Потому что из этого нужно исходить при составлении плана хлебозаготовок. Вы считаете, что нужно составить план хлебозаготовок в 700–720 млн. пудов. Я, однако, считаю такой план преувеличенным. Мне кажется, что заготовительный план надо составлять более или менее реальный, потому что преувеличенные планы есть один из огромных источников того, чтобы стимулировать всякие ошибки, всякие перегибы и вызывать излишние нажимы на местах. Это бесспорно так. Потому что, когда получают на месте план, его надо выполнять. Мы люди дисциплинированные, все выучились точно выполнять директивы партии. Разумеется, каждый стремится выполнить как можно лучше и как можно скорее, ибо это в общих хозяйственных интересах. Между тем планы даются очень часто нереальные, преувеличенные. Разве не факт, что во втором этапе хлебозаготовок, которые развернулись после апрельского пленума, планы Наркомторга были чересчур преувеличены? Разве не факт, что тов. Микоян прямо-таки заведомо давал иногда план в два-три раза больший? Заведомо иногда давал в два раза больший план. Я утверждаю: такое отношение к планам есть, бесспорно, ошибка, потому что такая линия приучает либо к халатному отношению к планам, либо толкает к перегибам, чрезмерному напряжению. Мы достаточно дисциплинированны. Вот, скажем, у вас можно заготовить 2 млн. пудов в такой-то области. План дайте на 2 млн. пудов. Мы будем заготовлять. Но когда дается вместо того план 7–8 млн., это приводит к тому, что на местах мобилизуются сотни людей и на этой почве допускаются крупные ошибки. Так надо подходить к общему плану. Мне кажется, что мы могли бы ориентировочный план наметить

в 650 млн. пудов с тем, чтобы сюда включить заготовки местные и государственных и кооперативных организаций, которые будут заготовлять.

Теперь позвольте сделать несколько замечаний по вопросам нашей дискуссии на пленуме по основным вопросам политики в деревне. Мне кажется, что здесь Алексей Иванович Рыков выставил позицию тов. Кагановича в чрезвычайно преувеличенном, карикатурном виде. Бесспорно, так. Карикатурность эта состоит в том, что Алексей Иванович выставил тов. Кагановича как исключительного сторонника политики и методов, обусловливаемых чрезвычайными мерами, который оказался якобы сторонником лишь положительных поправок к этим чрезвычайным методам, которые узаконивает и на будущее. А себя, очевидно, относит к сторонникам какой-то другой позиции. К сожалению, я достаточно точно все-таки не уяснил, какая же примерно позиция именно в данном вопросе и в этих разногласиях с тов. Кагановичем у Алексея Ивановича? Мне кажется, вопрос не так стоит, что будто бы Каганович за сохранение чрезвычайных мер, а Рыков за их немедленную отмену[166]. Разве Каганович не за немедленную отмену чрезвычайных методов?

Говорят об ошибках хлебозаготовок. В чем ошибка тут, спрашивается, в политике или в практике? Так вопрос примерно стоит. Тов. Каганович как будто выражал здесь ту точку зрения, что, дескать, мы имеем ошибки, связанные, вытекающие из перегибов и т. д. Он говорил, что это есть сумма тех вещей, которые мы должны дезавуировать, отменить. Алексей Иванович не удовлетворен и говорит: надо глубже посмотреть, надо прийти посмотреть и сказать прямо, в чем мы ошибались. Хорошо. Давайте так поставим вопрос. В чем мы ошибались? В чем ошиблось руководство? В чем ошибался и Алексей Иванович, выступавший здесь? Мне кажется, тов. Рыков должен был сказать, что он считает ошибкой. Я так думаю, он должен был сказать, в чем он считает ошибку нашей политики в деревне. Если принять за исходное анализ его речи, то оказывается – **чрезвычайные меры** были ошибкой? Однако он говорит, что нет, заявляя прямо: без чрезвычайных мер мы заготовить хлеб не могли. Я напомню Алексею Ивановичу, что 18 декабря 1927 года по его инициативе было созвано совещание, с участием нас, работников мест, во время XV съезда партии. Я выступил тогда с предложением, насколько я помню, повысить цены. Тов. Рыков выступил и сказал так: «То, что говорит Варейкис, надо запретить категорически».

Шверник. Он говорил: «Не только говорить, но и думать надо перестать».

Варейкис. Когда мы говорили тогда о том, что ежели бы цены повысить, то мы бы могли действительно легче заготавливать хлеб, отчасти были правы.

Осинский. Это было еще в июле 1927 года.

Варейкис. Это говорилось в декабре месяце, когда мы стояли перед фактом необходимости во что бы то ни стало добыть хлеб. Так стоял тогда вопрос. И тогда тов. Рыков говорил: «Либо мы должны в ближайшее время встать перед необходимостью ввозить хлеб из-за границы, либо мы должны хлеб заготавливать так, чтобы действительно без хлеба не остаться». Вот как стоял вопрос тогда. Если тов. Рыков признает, что оценка тогдашнего положения совершенно ясно показывает правильность, горькую необходимость, вынужденность, неизбежность применения этих чрезвычайных мер, без которых мы не могли выйти из кризиса хлебного, который у нас в стране назревал, то в чем же тут ошибка? В применении чрезвычайных мер, которые по существу дела решили, хотя и не полностью, задачу, решили в худших формах, чем это было раньше, в прошлой кампании, решили так, что мы имеем некоторые ошибки, перегибы, обострения недовольства середняка, верхушечных групп, то, что говорил тов. Каганович, но все-таки **решили** задачу. Задача решена. Другого решения вопроса не было у нас.

Постышев. Правильно.

Варейкис. Это основное, и из этого надо исходить. А теперь Алексей Иванович выходит на трибуну (между прочим, с позволения сказать, очень просто и легко быть пророком задним числом) и заявляет: «судите нас, мы наделали ошибок»! Но все здесь присутствующие знали великолепно, что гладко в деревне такая работа не пройдет. В частности, и я, когда мне пришлось в начале января текущего года в связи с директивой ЦК объехать ряд районов, я тогда же ЦК послал записочку с замечанием, что мы имеем в деревне ряд трудностей, что эти трудности приведут нас в конечном счете к некоторому недовольству крестьян и к обострению в отношениях с середняком. Но разве распространение «добровольно-принудительного крестьянского займа»[167] не было частичным нажимом на середняка? Разве вся система финансовых мер, которая послужила одной из важнейших предпосылок к тому, чтобы двинуть хлеб из деревни наряду с встречным движением товаров из города, – разве это не было тем же частичным нажимом на середняка? Я помню, что Алексей Иванович издал свой манифест о том, чтобы не нажимать при распространении займа после того, как истек срок распространения займа.

Рыков. Когда узнал, тогда и дал.

Варейкис. Нет, извините, вы, по-видимому, до того выжидали, а я считаю, что вы правильно тогда поступили, вы политически правильно поступили. Вы 2-го апреля дали обращение, а 1-го апреля была закончена кампания распространения. Факт это? Факт. (С м е х.)

Мне кажется, Алексей Иванович неправ постольку, поскольку он не говорит здесь об основном: в чем корень, центр переживаемых хлебных затруднений? Когда он подходит к тому, что мы наделали крупные политические ошибки и отсюда вытекает вся трудность и вся сложность положения деревни, – тем самым он коренной вопрос о причинах источника трудностей замазывает. Либо причина трудностей хлебозаготовок является продуктом нашей ошибочной политики, нашего неправильного планирования, наших громадных промахов, либо она лежит в том, о чем говорится в резолюции:

«...потому что крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, при неизбежности быстрого темпа развития социалистической промышленности, диктуемого всей внутренней и внешней обстановкой, таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкой крестьянской деревней, стало быть опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства».

Факт это или не факт? Вот в чем источник кризиса.

Рыков. То, что она чрезвычайно отстала, мы с тобой виноваты?

Варейкис. Мы виноваты в том смысле, что не имеем достаточных средств. Очень хорошо выступать здесь тов. Осинскому и говорить: «туда перекиньте средства, сюда перекиньте». Иногда умные люди говорят такие вещи, что прямо-таки курам на смех. Вы представьте себе: мы сейчас осуществляем план капитального строительства. Вы знаете – никак не можем его полностью выполнить, не можем закончить некоторые начатые нами большие сооружения, которые в процессе работы, достройки мы должны либо приостановить, либо на известном промежутке времени давать неизбежно средства, дабы достроить. Заграница нам денег не дает. Смешно искать их сейчас там в нынешней международной обстановке, крайне неблагоприятной для получения средств. Вам, тов. Осинский, их не дают, вы их не имеете, и вы ищете какие-то мифические миллионы для того, чтобы дать в текстиль и сельское хозяйство (с м е х). Мы виновны, конечно, объективно в известной степени за все, что в стране происходит. Мы – партия, которая руководит диктатурой пролетариата, руководит всем строительством.

Рыков. Не только объективно, но и субъективно.

Варейкис. Верно, и если руководство плохо, мы тоже виноваты, и никто не оспаривает, что у нас есть и политические ошибки, и недостатки в работе. Но нельзя же выходить на трибуну и говорить, что вся добродетель состоит в том, чтобы решительно «критикнуть руководство». Я думаю, что критиковать руководство мы всегда можем, и на этот счет искать в нашем Центральном Комитете кротости излишне. Надо подходить к основному, а основное в том, что сказано в резолюции, в этом основное, т. е. сельское хозяйство отстает в своем развитии чрезмерно. Я думаю, что тов. Каганович был прав, что главное для нас отказаться от перегибов, от неправильной практики в деревне во взаимоотношении с середняком, постараться в дальнейшем так повести политику и практическую работу в деревне, чтобы она обеспечила нам действительно более или менее нормальные прочные отношения с середняком в той обстановке, в которой мы живем в деревне. Мне кажется чрезвычайно странной утопия тех товарищей, которые думают, что отказ от системы чрезвычайных мер сразу приведет к положению в деревне, когда классовые противоречия точно снимутся рукой.

Рыков. Правильно.

Варейкис. Ошибаетесь, товарищи! Мы входим в такую полосу, когда противоречия обостряются, классовая борьба растет. Примирить эту классовую борьбу путем того или иного мудрого решения, конечно, можно, но в таком случае может быть двоякая позиция. Либо мы сейчас, скажем, снимаем лозунг наступления на кулака и таким образом частично примиряем классовую борьбу на основе уступки кулаку, на основе того, что капиталистические элементы деревни и верхушка середняка получают уступку, получают возможность свободно накоплять, развиваться, даем им расширительную избирательную инструкцию и, таким образом, происходит некоторое примирение классовой борьбы. Может это быть? Может. Приведет это к примирению? Приведет, но это приведет также и к тому, что беднота, которая более или менее стала вставать на ноги и представляет в деревне за последние годы самостоятельную классовую силу (что, между прочим, послужило и одной из предпосылок обострения классовой борьбы в деревне, потому что бедняцкие элементы деревни под руководством партии начали приступать к действительному руководству советами), усиливает там свою роль, начала наступать на капиталистические элементы. И вот эта беднота будет деморализована таким поворотом с завоеванных позиций в деревне. Я думаю, что такое решение было бы в корне неправильным. Либо второе решение – борьба с кулаком, организация бедноты при укреплении смычки с середняком. Надо исходить из того факта, что классовая борьба в деревне происходит в настоящий момент на более высокой и обостренной основе. Это обстоятельство требует от нас некоторых новых дополнительных практических, организационных и политических шагов. Мне кажется, что совершенно прав был тов. Яковлев, говоря, что вопрос об организации бедноты приобретает первостепенное значение.

Г о л о с. Яковлев всегда прав.

Варейкис. Это очень хорошо, желательно, чтобы все товарищи, которые выступают, тоже бывали почаще правы. Вопрос об организации бедноты, об организации классовой базы в деревне...

Г о л о с. И рабочим надо разъяснять получше.

Варейкис. <Этот вопрос> является основным, главным в настоящий момент. Вот почему мне кажется, что о вопросе снятия лозунга дальнейшего наступления на кулака, на капиталистические элементы не может быть и речи.

Когда тов. Яковлев здесь говорил, что рабочие приходили и спрашивали его: «Нет ли поворота направо?» – то я должен сказать, что даже ответственные партийцы гово-

рят таким образом: «На апрельском пленуме ЦК шел налево, а теперь, после июльского пленума, мы пойдем направо».

Я думаю, что подобное представление о линии ЦК, о политике партии является действительно представлением обывательским. Ошибаются те, которые думают, что можно разрешать политические противоречия в деревне, вопросы классовой борьбы путем принятия решения сегодня одного, а завтра другого. Мы должны выйти из опыта хлебозаготовительной кампании с тем убеждением, что деревня действительно, Алексей Иванович, не та, что она значительно изменилась, что противоречия в деревне гораздо острее, обнаженней развиваются, что поэтому расстановка классовых сил пролетариата в деревне должна быть, несомненно, такая, чтобы более усиленное было пролетарское руководство, опираясь еще крепче на бедноту, ведя систематическое, хозяйственное и политическое наступление на кулака, идя всемерно на уступки середняку и даже на жертвы в таких случаях, когда идет речь о социалистическом преобразовании деревни.

Председатель. Слово имеет тов. Бауман.

Г о л о с а. Обедать, три часа.

Председатель. В тот список, который утвержден, я предлагаю внести изменения: тов. Куйбышев из списка выпадает, по соглашению с ним предлагаю вместо него включить тов. Каминского, который стоит во главе колхозов и сельскохозяйственной кооперации. По-моему, нужно дать ему высказаться. Нет возражений? Нет. Первый оратор тов. Бауман, второй тов. Каминский после перерыва.

ЗАСЕДАНИЕ ДЕСЯТОЕ

Вечер, 9 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет т. Бауман.

Бауман. Тов. Рыков призывал нас к критике руководства. Я думаю, что Политбюро Центрального Комитета соблюло лозунг самокритики и в своей резолюции отметило ряд моментов, которые относятся к исправлению руководства. В той резолюции, которая предлагается пленуму Центрального Комитета, имеется указание и насчет ошибок планового руководства по линии завоза товаров и налогового обложения, и на недостатки заготовительных и партийно-советских организаций, и на неблагоприятное соотношение цен на хлеб и т. д. Так что уже известным образом эта самокритика проведена. Еще можно было бы отметить один важный момент – это то, что мы несколько, пожалуй, запоздали с реконструкцией сельского хозяйства, что нам надо было бы раньше обратить на эту сторону внимание. Бесспорно, что если мы в 1923/24 гг. раздавали земли части совхозов и вообще не принимали достаточно мер к укреплению совхозов, то теперь надо сказать, что это было неправильно, но если от нашего руководства и нашего планирования зависит весьма многое, то все же, не будучи фаталистом, я должен сказать, что и при самом лучшем руководстве нельзя было бы избежать тех или иных затруднений. Мы могли бы их смягчить, но избежать их полностью невозможно в связи с отсталостью нашего хозяйства в целом и сельского хозяйства в особенности. И в резолюции Политбюро ЦК, и у тов. Микояна в его докладе совершенно правильно сделан упор на эту основную причину – на распыленность и отсталость нашего сельского хозяйства. Это, мне кажется, есть вывод, относящийся к целому периоду лет, а не только к данной хлебозаготовительной кампании, и несомненно, что статистика, и фактическая проверка, проведенная в настоящей хлебозаготовительной кампании, и общие соображения доказывают совершенную правильность такого положения. И неправильна была бы поэтому та точка зрения, которую защищал тов. Осинский, когда он преимущественно и в первую очередь усматривает **основные** причины всех наших затруднений в области рыночных отношений. Конечно, рынок теснейшим образом связан с производством, но все же есть различные периоды и в различные периоды нужно делать различное ударение, различный упор. Если в первый период новой экономической политики этим упором был как раз рынок, если Ленин в первый период нэпа прямо призывал нас учиться торговать, то теперь, в период реконструкции, несомненно, центр тяжести все больше переносится в область производства. Конечно, мы должны продолжать учиться торговать, мы еще плохо этому научились, хотя кое-чему научились, но нам в гораздо большей мере нужно **научиться производить**.

Мы многое еще можем сделать по линии розницы, по линии сближения розничных цен с оптовыми, но нашей центральной проблемой является уже снижение себестоимости в самом производстве. И в области сельского хозяйства, и в области изживания затруднений во взаимоотношениях города с деревней центральной проблемой ста-

новится социалистическая реконструкция сельского хозяйства через создание крупного государственного земледелия, развертывание коллективизации сельского хозяйства, подъема индивидуальных крестьянских хозяйств и внесение большей плановости в обмен между городом и деревней.

Когда мы на XV съезде и на основании решений XV съезда подчеркиваем лозунг коллективизации, то отдельные товарищи стремятся изобразить это как затушевывание тех или других мер для поднятия индивидуального хозяйства. Это, несомненно, какая-то сплошная глупость, если бы мы из-за коллективизации забывали индивидуальное хозяйство. Я не думаю, чтобы реально в партии существовала такая опасность, за исключением отдельных статей, отдельных неудачных выражений и т. д. Совершенно ясно, что, когда у нас существует еще в огромнейших размерах трехполка, когда урожайность полей зачастую составляет урожайность 80-х годов, то, что было 40 лет назад, когда у нас столько сох и проч., – то перед нами вплотную стоит поднятие урожайности, потому что поднятие урожайности затрагивает огромнейшие массы – десятки миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств. У нас есть примеры, когда отдельные индивидуальные хозяйства достигали урожая более высокого, чем даже колхозы и совхозы. У нас по Московской губернии есть примеры таких индивидуальных хозяйств, где урожай достигает до 200 пудов с десятины. Но если посмотреть, каким образом это хозяйство шло вперед и достигло урожая в 200 пудов с десятины, то мы сразу замечаем, что оно было втянуто в общую сеть нашей кооперации и по линии сбыта, и по линии снабжения, и производственного кооперирования. Возьмите вы пример из Дмитровского уезда, крестьянина Шалыгина, он самый крупный общественник в своем селе, он участвует во всех видах кооперативных объединений, он использует в своем хозяйстве кооперативные машины, он связан с агропунктом и он достиг в прошлом году урожая в 220 пудов с десятины. Затем общие данные, которые приводились в достаточном количестве, – например, в сборнике, вышедшем к XV съезду партии[168], под редакцией тов. Яковлева, также в материалах РКИ, – совершенно ясно показывают, как объединенные в кооперацию хозяйства имеют большую производительность труда, бульшую урожайность, чем не объединенные.

И поэтому, когда мы говорим о необходимости поднятия индивидуального хозяйства, то мы вплотную одновременно подходим к вопросу о путях этого подъема. Этот путь подъема лежит, несомненно, в основном и главном, через развертывание кооперирования, через осуществление кооперативного плана Ленина. Особенно это верно по отношению к бедняцким хозяйствам. Ведь не так давно, на XV съезде партии, приводились материалы Наркомзема, по которым в 8 миллионах маломощных хозяйств даже лошадь нерентабельна, лошадь не окупается. Тут же надо вплотную поставить вопрос: а как изменить так, чтобы лошадь окупалась в этих 8 миллионах маломощных хозяйств. У нас есть целый ряд случаев, когда мы даем кредит бедняцкому хозяйству на лошадь и этот кредит не окупается; бывает даже, что бедняцкое хозяйство в связи с этим кредитом попадает еще в более тяжелое положение. В гораздо большей мере нам надо научиться использовать этот кредит в целях производственного кооперирования, когда бы мы ту же самую сумму кредита могли бы гораздо правильнее использовать на трактор, на лошадь, на корову – так, чтобы в общей совокупности мероприятий этот кредит давал бы действительный подъем бедняцких хозяйств.

Возьмите движение безлошадных хозяйств за несколько лет, за пять лет. По Центральной Черноземной области, где мы начали проводить реорганизацию, отпустили сравнительно большой кредит, в 1922 г. безлошадных хозяйств было 37,3% по отношению к общему количеству хозяйств, а в 1926 г. – 36,5%, т. е., вы видите, за пять лет, довольно продолжительный срок, мы имеем совершенно ничтожное уменьшение безло-

шадности. По целому ряду районов мы имеем аналогичные цифры. Есть, правда, районы, где сокращение безлошадных хозяйств происходило быстрее. Тов. Рыков в своем докладе на последнем съезде советов приводил цифры, которые также характеризуют весьма медленный темп понижения безлошадности. Если мы таким темпом будем продвигаться вперед, если захотим каждому бедняку дать лошадь, дать еще вдобавок инвентарь, то поистине понадобится сотня лет, чтобы поднять их производственную мощь и материальное благосостояние.

Я считаю одной из больших погрешностей в политике Наркомзема то, что кредит, отпущенный на реорганизацию ЦЧО, не был на практике в достаточной мере увязан с проведением производственного кооперирования. Несомненно, что мы в результате этого получили недостаточный подъем всей основной массы бедняцких и середняцких хозяйств и зачастую получили выращивание кулака и подкулачника.

Теперь дальше. Я считаю необходимым подчеркнуть бесспорное положение, что если кооперирование неотделимо от подъема индивидуальных хозяйств, то коллективизация неотделима от общего кооперативного плана Ленина, она есть неразрывная его часть. Это бесспорное положение, признанное всей партией. Отсюда совершенно ясно вытекает, что глупо было бы делать какое бы то ни было противопоставление коллективизации поднятию индивидуального хозяйства. Противопоставления тут быть не может. Необходимо их теснейшим образом **сочетать**. Есть отдельные уклоны в области понимания коллективизации. Мне кажется, они, главным образом, идут по той линии, что пытаются рассматривать коллективистское движение как бедняцкое движение, почти исключительно как бедняцкое движение. Это уклон нездоровый. Мы должны рассматривать коллективистское движение как движение не только бедняцких, но и огромных середняцких масс; в партии по этому вопросу точка зрения, несомненно, совершенно ясная. Мы имеем целый ряд переходных ступеней к крупному общественному хозяйству, к законченным колхозам через обобществление отдельных производственных процессов; например, вводится трактор и идет совместная пахота, покупается сложная молотилка и проводится совместный обмолот или строится общественный сарай, общественный утепленный хлев. Через организацию переработочных предприятий (с/х индустрия) крестьяне переходят на совместную переработку продукции. Это все ведь является уже подготовкой обобществления в той или другой мере отдельных процессов сельскохозяйственного производства и создает основу, фундамент для развертывания крупного общественного хозяйства. При этом мы наблюдаем все больший размах. Уже на практике, например на Украине, осуществляется действительно идея обобществления отдельных производственных процессов **целых селений**. Вам достаточно известен опыт, освещаемый на страницах печати, это опыт Шевченковского совхоза[169], в районе которого развертывается на почве применения тракторных колонн совместная обработка земли крестьянскими хозяйствами, или в Московской губернии, в одном из сел, где мы имеем 400 десятин земли на 70 дворов, и там под общественную запашку отведено 100 десятин, и эти 100 десятин используются как база для поднятия индивидуального хозяйства, для применения агрикультурных начинаний, для применения машинной культуры, для оказания помощи бедноте и т. д. Это огромнейшей важности и значения дело, своего рода социалистический сектор в данной деревне. Когда я был в Башкирии[170], то в одной из деревень, весьма бедной, которая каждый год получает от нас значительный кредит на семена, я говорил о том, а нельзя ли вам совместно запахать хотя бы 50 десятин земли (у них порядочно пустующей земли), чтобы создать из них показательное поле и базу для создания семенного фонда. И комсомольцы, и партийцы, и ряд передовиков-крестьян с этим согласились, и несомненно, что там это можно развернуть. Я хочу этим сказать,

что успехи коллективизации нельзя измерять только строительством одних колхозов как крупных законченных хозяйственных объединений. Здесь мы имеем длительный процесс нарастания в различных формах, по разным путям колхозов, являющихся наиболее выгодной формой для **радикального** подъема крестьянского хозяйства.

Далее, я хотел бы несколько слов сказать о контрактации[171]. Она, конечно, для нас имеет огромнейшее значение как внесение все больших элементов плановости в обмен между городом и деревней, а также для поднятия производства крестьянского хозяйства. И здесь нам необходимо всемерно поощрить ту практику, которую мы имеем, в частности, в области зерновой культуры. По данным Колхозцентра и Семеноводсоюза, законтрактовано уже на 1927/28 год яровых посевов на 1 млн. 800 тысяч гектаров, в том числе около $^{2}/_{3}$ зерновых культур, и ожидается от них получить более 40 млн. пудов продукции. Эти хозяйства сдают нам полностью весь свой произведенный хлеб.

Сталин. Это без контрактации с колхозами?

Бауман. Да, без контрактации с колхозами, причем в этом году приступили к практике контрактации не только чистосортных семян, но и к практике контрактации рядовых семян. Несомненно, что нам надо всячески поощрять развитие практики контрактации. Я хотел бы здесь привести маленькую цитатку из Ленина, которая говорит о необходимости поддержки такого кооперативного оборота, который организует действительно массы населения:

«...Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть **строй кооперативный**. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова; т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота, – под этой **поддержкой** надо понимать поддержку **такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения**. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, – это формула, безусловно, верная, но при этом проверять это участие **и проверять его сознательность и его доброкачественность, – вот в чем гвоздь вопроса**» («О кооперации», Ленин, т. XVIII, часть II, стр. 131. Изд. 1925 г.)[172].

И бесспорно, что контрактация посевов целых селений является одной из лучших форм кооперативного оборота.

Вот почему комиссия, образованная по инициативе Политбюро[173] как комиссия СТО, считала необходимым утвердить ряд мероприятий, которые содействовали бы росту практики контрактации и по линии авансов, и премировки в ценах, хотя бы и в небольших размерах, потому что законтрактованные хозяйства сдают нам организованным порядком всю свою продукцию.

Также необходимо оказывать содействие по линии снабжения семенами и машинами. Нам, несомненно, можно и должно приступить к долгосрочной контрактации и в целях развертывания долгосрочных контрактаций, особенно целых селений, необходимо принять в этом отношении положение, что мы удовлетворяем коллективные заказы целых таких селений на сельскохозяйственные машины, на минеральные удобрения в первую очередь.

Чубарь. Удобрений же нет.

Бауман. Это очень жалко, что нет. Надо развернуть их производство. В предстоящей озимой посевной кампании нам надо широко развернуть практику контрактации, используя на это дело в гораздо большем объеме общие кредиты, отпускаемые на сельское хозяйство. И если мы в этом году через контрактацию получим 40 млн. пуд., то через пару лет мы сможем иметь 200 и более млн. пудов таким путем.

Теперь несколько слов о наступлении на кулака. Необходимость наступления, развертывание этого дела для нас совершенно бесспорны, и спорность может быть только в одном: мне кажется, спорность вопроса заключается в том, **как** именно должно вестись это наступление на кулака.

Мне кажется, здесь мы имеем в этом наступлении на кулачество и извращения в сторону недостаточности борьбы с кулачеством, и перегибы в этом отношении. Так, например, в Мясопутовском кантоне в Башкирии уполномоченный обкома давал такую директиву: не только раскулачивать, но раздевать кулака донага. Конечно, такое понимание неправильно. И основная наша задача не в том, чтобы сегодня «раздеть кулака», не в том, чтобы действовать методами так называемого раскулачивания, но в том, чтобы, ограничивая эксплуататорские устремления кулака, через организацию бедняцких и середняцких масс, в особенности в области хозяйственной, двигаться вперед к осуществлению кооперативного плана Ленина. Развертывание положительной программы нашего социалистического строительства – в этом заключается гвоздь нашего наступления на кулачество в современный период.

При постановке вопроса о подъеме сельского хозяйства нам необходимо также более решительно повернуть промышленность лицом к деревне. Об этом уже указывал ряд товарищей, и, в частности, об этом говорил тов. Угланов, ссылаясь на мой частный разговор с ним. Я считаю необходимым возможно большее развитие сельскохозяйственного машиностроения и химической промышленности, и в особенности производство минеральных удобрений, имеющих такое громадное значение в смысле повышения урожайности. Развитие этих отраслей одновременно подымет производительность труда десятков миллионов людей, занятых в сельском хозяйстве. У нас сейчас производится всего 200 тысяч тонн удобрений, а если бы мы захотели полностью удовлетворить потребность крестьянских хозяйств, нам понадобилось бы не меньше 25 миллионов тонн. Мы имеем здесь гигантские перспективы. В области машиностроения нам необходимо особенно налечь на производство более сложных машин. Неправильно было бы думать, что если у нас еще до сих пор применяется соха, то мы должны сначала обязательно перейти к плугу, а потом только к трактору. Нам необходимо теперь же переходить к широкому производству тракторов и прицепных к нему орудий, само собой разумеется, не прекращая замену сох плугами. Далее, товарищи, мне кажется, что местный бюджет недостаточно обращает внимание на поднятие сельского хозяйства. Главным образом, помощь оказывается по линии развертывания агросети, в то время как можно было бы, несомненно, оказывать поддержку и через использование новых земель, бросовых земель, расширяя таким образом посевную площадь. При этом, давая небольшое ассигнование из средств местного бюджета, необходимо организовывать средства самого населения и его трудовую силу.

Теперь я перехожу к вопросу относительно оценки общего состояния деревни. Я должен коснуться его в нескольких словах, поскольку тов. Угланов касался этого, что я делал информацию на закрытом заседании бюро МК о своей поездке по Башкирии. Мой основной вывод заключается в том, что бедняк несколько отошел от нас в связи с тем, что мы его не кормим, что середняк несколько отошел к кулаку, потому что мы переадминистрировали в целом ряде районов по отношению к середняку, и отсюда кулак укрепил свой тыл, укрепил свои позиции в деревне. Но, конечно, ни в коем случае нельзя отсюда делать вывод, что мы имеем размычку с середняком. Мы имеем известный холодок, определенную натянутость отношений с середняком на почве хлебных заготовок. Мы имеем определенное усиление позиций кулака, укрепляющего свой тыл, что создает тревогу в деле смычки. Но отсюда, конечно, далеко до рассуждений вроде тов. Осинского и отчасти тов. Стецкого, говорящих уже об очень «боль-

ших вещах». Мне хотелось бы подчеркнуть, что мы этим обязаны точно так же слабости нашей массовой работы. Массовая работа у нас в деревне крайне слаба, и мы, главным образом, в целом ряде случаев проводим кампании административным нажимом. Это не всюду, но в целом ряде случаев это имело место, и порой забыта необходимость привлечения середняка. Тов. Шверник об этом рассказывал, что они привлекают середняка, но есть ряд районов, где это весьма слабо использовано. Оживление работы советов отошло совершенно на задний план. Тон командования стал в целом ряде районов главенствующим, и несомненно, что нам теперь в период самокритики и привлечения все большей массы рабочих и трудящихся крестьян к делу государственного управления нужно выпрямить палку и развернуть массовую политическую работу в деревне.

Теперь о последнем вопросе: даст ли мужик хлеб. Я так, тов. Угланов, не ставил вопроса, что мужик вообще не даст хлеба. Я ставил вопрос о бедняке, середняке и кулаке. Я говорил о том, что бедняк свой хлеб в первый период не так быстро сдаст, как в прошлом году, потому что он несколько напуган тем, что мы его не снабжаем, что ему весной пришлось покупать хлеб по весьма высоким ценам, что кулак, несомненно, в первый период придержит хлеб, а что середняк будет свой хлеб продавать. Я делал определенное различие между хлебом бедняцким, середняцким и кулацким.

[**Угланов**. Только сегодня делаешь.

Бауман. Нет, тов. Угланов, я об этом говорил не одному, я говорил и делал информацию на совещании отделов по работе в деревне, так что я думаю, что это смогут подтвердить очень многие товарищи.]

Косиор Ст. Это правильно.

Бауман. Я говорил об этом тов. Косиору по приезде из Башкирии и другим товарищам. И тут нужно внести поправку в речь тов. Угланова, хотя он уже исправил свою стенограмму относительно якобы моих проектов введения продналога. Я не предлагал заменить сельхозналог продналогом, а речь шла о том, как изъять хлеб у кулацкой верхушки так, чтобы не иметь те осложнения с середняком, которые мы имели в этом году. И тут правильно ты поправил в своей стенограмме, что я говорил об изъятии этого хлеба в порядке натурализации части сельхозналога у кулацкой верхушки, однако сохраняя денежное исчисление размеров сдачи, но не у крестьян вообще. Причем я выдвигал это в частном разговоре с тобой попутно с целым рядом проектов, и относительно возможности проведения контрактации в той или иной форме с кулаком, и относительно возможности того, что размер сельхозналога определяется вперед на три года, и одновременно обязываем зерновые хозяйства, наиболее крупные, наиболее капиталистические, сдавать по твердым ценам нам часть своей хлебной продукции. Причем я одновременно с доводами за приводил и соответствующие доводы против. Это был частный обмен мнений, совершенно сырой, неоформленный, и я не понимаю, почему тов. Угланов его вытащил на пленум ЦК. Ведь если бы я считал этот проект достаточно продуманным, я в информации о своей поездке в Башкирию мог бы об этом сказать на закрытом заседании бюро МК. Но я об этом не говорил, потому что не считаю возможным официально выдвигать какой-нибудь проект, для самого себя недостаточно ясный. Я просто ставил вопрос о том, какими способами наиболее удобно можно будет получить у кулацкой верхушки хлеб, если кулак не будет сдавать его добровольно. Допустимы ли такие частные размышления и разговоры с товарищами без того, чтобы их ставить на пленум ЦК? Я думаю, что допустимы.

Ворошилов. Можно и не то еще загнуть.

Бауман. Тов. Рыков в своем выступлении также не исключает вопроса о том, что нам, может быть, придется на следующем пленуме поставить вопрос, как вести себя в

случае, если будут затруднения в хлебозаготовках. Я буду очень рад, если все пойдет благополучно. Это будет очень хорошо. Я голосую обеими руками за резолюцию и буду надеяться, что все пройдет благополучно и мы получим хлеба 800 млн. пудов и более. Но я могу поставить вопрос: а если мы хлеба не получим в достаточном количестве, если кулацкая верхушка заупрямится и не будет сдавать хлеб, какие меры тогда нужно принять против кулака – 107 статью, или ввоз из-за границы, или натурализацию части сельхозналога, или своеобразную политику контрактации с кулаком в обязательном или частном порядке? Все эти вопросы в случае затруднений перед нами встанут.

Сталин. Обязательно.

Бауман. Я говорил с некоторыми товарищами, которые начинают придерживаться своеобразной теории перманентного ввоза хлеба из-за границы. Они говорят так: если будут затруднения, ввезем хлеб из-за границы. Но ведь наши валютные ресурсы сейчас напряжены, кроме того, мы говорим о необходимости экспортировать хлеб, а не импортировать его. Это надо принять во внимание, и нельзя ставить ставку на перманентный ввоз хлеба из-за границы. Трудности перед нами будут, и не исключена возможность, что нам придется подумать о необходимости применения тех или других экономических и административных мер. Очень хорошо, конечно, если затруднений не будет. Тогда нечего будет и думать.

Рыков. Думать все равно нужно. (С м е х.)

Бауман. Я говорю, что можно думать об этом вопросе и обмениваться мнениями без обязательного выставления этих неоформленных мнений на пленуме ЦК.

Рыков. Правильно.

Бауман. Теперь относительно извращений нашего курса. Я здесь не вполне согласен с Алексеем Ивановичем, когда он говорил, что мы несем ответственность за **все** извращения. В известной мере мы ответственны за извращения, потому что ряд извращений вытекал органически из нашего курса. Но вот возьмем Мелитопольский район, где по 107 статье было больше осуждено середняков, чем кулаков. Это извращение, которое отнюдь не вытекало из нашего курса, потому что наш курс заключается в том, чтобы применять 107 статью против кулаков, против кулацких хозяйств, тогда как применение 107 статьи было здесь направлено против середняков. Я думаю, что в дальнейшем нам нужно обязательно избегнуть тех форм, которые имелись при применении 107 статьи, потому что они, несомненно, влияют на наш союз с середняком и отталкивают середняков от нас. Их поэтому нужно устранить. Что касается законодательно-административных мер регулирования вообще, то тут, если будет необходимость, их придется применять, но так, чтобы не создавалась угроза смычке с середняком, об этом нужно будет подумать. Я думаю, что если мы развернем массовую работу по линии организации бедняцко-середняцких масс и правильно поведем наступление на кулака, то, несомненно, и наша работа по хлебозаготовкам значительно облегчится по сравнению с тем, что мы имели в последнюю хлебозаготовительную кампанию.

Председатель. Слово имеет тов. Каминский. Следующий тов. Сталин.

Каминский. Все мы сходимся на необходимости немедленной отмены чрезвычайных мер. Но при этом необходимо дать точный ответ, чем заменить эти чрезвычайные меры, как обеспечить переход к нормальному хлебообороту. Существенную роль должно сыграть в этом отношении увеличение промышленной продукции, изменение положения о сельскохозяйственном налоге и сроки взимания его, более активная политика по вовлечению мелких крестьянских накоплений в кооперацию и государственные займы. Важнейшее значение в ближайший период будет иметь поднятие заго-

товительных цен на хлеб. Мне кажется, что предложение тов. Микояна в этой части явно недостаточно. 10–15% повышения цен не разрешат вопрос.

Г о л о с. А что же решит?

Каминский. Нужно сделать так, чтобы разница в ценах была достаточно ощутительной, чтобы она действительно могла повлиять на увеличение товарности зернового хозяйства.

Г о л о с. Примерно?

Каминский. Я думаю, что цены должны быть увеличены на 25–30%.

Г о л о с. А что будет с реальной заработной платой?

Каминский. Нужно, конечно, сделать все возможное, чтобы повышение цен не повлекло за собой понижения реальной заработной платы. Многое в этом отношении может быть достигнуто путем дальнейшей рационализации хлебозаготовительного аппарата и уменьшения торгово-накладных расходов. Но, несомненно, кое-где придется повысить и сбытовые цены. Нельзя закрывать глаза на то, что кое-где на практике не удалось обеспечить нормальное снабжение рабочих и деревенской бедноты по тем ценам, которые мы установили. Ведь не секрет, что бедноте приходится кое-где платить за хлеб по 4–6 и до 10 рублей за пуд. Ведь факт, что рабочим приходится стоять в очередях за хлебом или получать хлеб чуть ли не по карточкам или членским книжкам. Вопрос заключается в том, чтобы установить такие заготовительные и сбытовые цены на хлеб, действительное бесперебойное снабжение рабочих по государственным ценам, хотя бы и несколько более высоким, чем мы пытались сделать в этом году. Надо прямо сознаться, что в вопросе оценок мы допустили большие ошибки. Уже во втором квартале, когда началось падение хлебозаготовок, было совершенно очевидно, что установленные в начале кампании цены неприемлемы для основной массы крестьянства. Получился огромный раствор ножниц между ценами на зерновые культуры и ценами на продукты промышленности. Отсутствовала гибкость в практике регулирования цен, в частности, цены устанавливались без учета урожая по отдельным районам. В урожайных и неурожайных районах цены были одинаковые. Как сильно было влияние низких цен на ход хлебозаготовок, можно видеть на примере заготовок ржи. Известно, что в этом году урожай ржи был особенно высок в противоположность урожаю пшеницы. В начале кампании все ожидали затруднений с выполнением плана заготовок пшеницы и рассчитывали на успешное выполнение плана по ржи. Получилось наоборот. Мы имеем гораздо большее недовыполнение плана заготовок именно по ржи, чем по пшенице. Это объясняется тем, что индекс ржи особенно низок (101).

Такая культура, как ячмень, которая занимала громадное место в дореволюционном экспорте, у нас почти исчезла.

Алексей Иванович справедливо говорил о том, что в вопросе о ценах наблюдался какой-то фетишизм со стороны многих товарищей, но нужно прямо сказать, что носителем этого фетишизма в значительной мере был сам Алексей Иванович. Я вспоминаю, как нас во время партийного съезда собрал Алексей Иванович для обсуждения вопроса о ходе хлебозаготовок. Когда Варейкис и я поставили вопрос о ценах, Алексей Иванович ответил на это вроде того, что тем, кто будет говорить о повышении цен, надо свинца в рот налить.

Рыков. Не в этих словах, но смысл приблизительно правилен.

Куйбышев. Правильно.

Каминский. Да, во всяком случае, смысл был таков.

Косиор. Напросились на критику.

Каминский. Во всяком случае, я должен сознаться, что я не совсем убежден в

том, что наше решение не менять цены, которое мы вынесли в момент выявления кризиса на хлебном рынке, было правильно. Мне кажется, что вряд ли мы можем стать на такую точку зрения, что если мы в июле при определении цен на хлеб допустили ошибку, то мы обязательно должны довести эту ошибку до июля будущего года. Конечно, гораздо лучше установить правильные цены в начале года, чем менять их среди года. Конечно, перемена цен в середине года прямо ударяет по бедняцкой части деревни и особенно выгодна кулачеству. Но все же нельзя делать такой вывод, что вся наша политика не допускает исправления ошибок в цене в середине года. Я не убежден, что не надо было менять цен. Тов. Куйбышев подал реплику «Правильно».

Куйбышев. Я говорил, что правильно Рыков сказал, что тогда нельзя было повысить цены на хлеб.

Каминский. Мне кажется, что, если бы мы имели решение об известном увеличении цены, мы бы лучше могли обеспечить рабочий класс и деревенскую бедноту и, во всяком случае, мы могли бы с большим успехом применить даже те чрезвычайные меры, к которым мы вынуждены были прибегнуть для усиления хлебозаготовок.

Г о л о с. Хлеб все равно не везли.

Каминский. Хлеб не везли. Я вовсе не хочу сказать, что повышением цен можно было разрешить вопрос об усилении хлебозаготовок, но мне кажется, что можно было облегчить проведение кампании.

Г о л о с. Бедняк бы спасибо сказал.

Каминский. Ведь дело с бедняком обстоит так, что он и сейчас не везде говорит спасибо, будучи вынужден покупать хлеб в ряде мест втридорога.

Я уже на прошлом пленуме говорил о наметившихся затруднениях в деле снабжения бедноты. Эти затруднения особенно выросли за последний квартал. Сплошь и рядом бедняку приходилось ехать за хлебом в город.

Сталин. А на семена он кое-что получил от нас?

Ворошилов. 32 млн. пудов – это что-нибудь значит?

Каганович. Бедняк в результате увеличил посевную площадь на 7% на Украине.

Каминский. Ваши реплики относятся, мне кажется, к другому. Я отнюдь не хочу замалчивать громадные положительные достижения этого года в деле помощи бедноте. Я говорю только о том, что наши мероприятия по преодолению кризиса на хлебозаготовительном рынке, по борьбе с кулачеством, помощь деревенской бедноте и проч. могли бы протекать более успешно, если бы мы наряду с другими мерами вовремя исправили некоторые грубые ошибки в политике цен.

Теперь по второму вопросу, по вопросу об индивидуальном хозяйстве. В последние дни много говорят и пишут об индивидуальном хозяйстве. Создается впечатление, что кто-то кого-то обвиняет в недооценке индивидуальных хозяйств, в желании перепрыгнуть через индивидуальные хозяйства и т. п. При этом мероприятия по подъему индивидуальных хозяйств обычно противопоставляются мероприятиям по коллективизации, и получается такое впечатление, что мы увлеклись колхозами и забыли индивидуальные мелкие крестьянские хозяйства.

Прежде всего, об увлечении колхозами. Мне кажется, что такие голоса раздаются совсем некстати, без всякого основания. Можно ли говорить об увлечении колхозами сейчас, когда с полной очевидностью выявился недопустимый, медленный темп работы по строительству колхозов? Можно ли говорить об увлечении колхозами, когда на 11-м году революции колхозы охватывают меньше 2% населения? Мы впервые в этом году серьезно поставили перед собой этот вопрос. Мы делаем самые первые шаги по усилению колхозного движения, а уже начинают раздаваться предостерегающие голоса и начинаются разговоры об увлечении колхозным движением. Это в корне непра-

вильно. Нужно еще и еще раз сказать, что наши трудности объясняются недостатком внимания к колхозам, слабым развитием колхозов.

Подводя итоги хлебозаготовительной кампании этого года, мы должны еще и еще раз призвать партию к максимальному усилению работы по строительству колхозов, по укреплению существующих колхозов и строительству новых коллективных хозяйств.

Теперь об индивидуальных хозяйствах. Было бы просто глупостью не видеть громадной возможности подъема мелкого индивидуального хозяйства в наших условиях. Совершенно бесспорно, что урожайность и товарность крестьянских хозяйств могут быть значительно расширены и на базе индивидуального мелкого хозяйства, и мы должны усиленно работать над этой задачей. Но вопрос заключается в том, как поднимать мелкое индивидуальное хозяйство. И тут я должен прямо сказать: массовый подъем индивидуальных крестьянских хозяйств возможен только через кооперацию. Возможен только по пути осуществления кооперативного плана Ленина, неразрывной частью которого является и колхозное движение. Нельзя говорить о подъеме мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, не говоря о кооперации. Даже для того, чтобы дать безлошадным крестьянам кредит на приобретение лошади, нужна кредитная кооперация; чтобы дать ему улучшенные семена – нужна семеноводческая кооперация. Чтобы поднять мелкое крестьянское хозяйство, нужно освобождать его от кабалы и эксплуатации ростовщика и кулака. Все это немыслимо без кооперации. Между тем многие товарищи, которые здесь говорили о необходимости усиления работы по подъему индивидуальных хозяйств, ни словом не обмолвились о с/х кооперации.

Коллективизация – длительный процесс. Мы будем идти к массовой коллективизации крестьянских хозяйств путями, наиболее понятными и доступными для широкой крестьянской массы, т. е. путями с/х кооперации. В корне неправильно отрывать вопрос о подъеме индивидуальных хозяйств от вопроса о с/х кооперации, как неправильно отрывать от сельского хозяйства колхозное движение. Все эти задачи неразрывно связаны между собой. Когда мы говорим о подъеме индивидуальных хозяйств, мы должны одновременно отвечать на вопрос, как поднимать индивидуальные хозяйства, а ответ на этот вопрос возможен только один: поднимать бедняцко-середняцкие массы распыленных, отсталых крестьянских хозяйств через кооперирование и коллективизацию.

На одном из заседаний Политбюро Алексей Иванович отпустил по моему адресу реплику: «Вот который путается по вопросу коллективизации».

Сталин. Кто старое помянет...

Каминский. Мне нужно сейчас для обсуждения вопроса. Алексей Иванович обвинял меня в путанице в вопросе коллективизации именно потому, что я не отделял коллективизацию от общего кооперативного плана Ленина, когда я говорил о контрактации как массовой форме постепенного вовлечения крестьянских хозяйств в процесс коллективизации. И теперь я должен сказать, что из речи, которую произнес Алексей Иванович, я не почувствовал, что Алексей Иванович связывает задачу подъема индивидуальных хозяйств с планом кооперирования. Без кооперации может развиваться только индивидуальное кулацкое хозяйство, но те массовые индивидуальные хозяйства, о которых мы должны заботиться, – мелкие и мельчайшие бедняцко-середняцкие крестьянские хозяйства – они могут подниматься и развиваться только в кооперативных рамках.

Я боюсь, что некоторые разговоры по этому вопросу начинают отражаться и на практике нашей работы. Взять, например, вопрос о контрактации. Мы явно не встречаем здесь со стороны советских органов той поддержки, которую заслуживает этот

метод работы. Вот уже несколько недель, как комиссия под председательством тов. Баумана разработала вопрос о подготовке к озимой кампании. Вопрос застрял в Совете труда и обороны и не двигается с места. Между тем мы запаздываем к озимой посевной кампании. Мы говорим о подъеме крестьянского зернового хозяйства, но и сейчас еще, несмотря на тяжелые уроки этого года, мы слишком медленно раскачиваемся в этой области, слишком мало предпринимаем практических мер для действительного подъема крестьянских зерновых хозяйств.

Тут я опять должен вернуться к вопросу о кооперации. Основной вывод, который мы должны сделать из уроков этого года, об этом же говорил тов. Андреев и некоторые другие товарищи, – это вывод о необходимости всемерного ускорения темпа развития с/х кооперации. Одной из важнейших причин слабой товарности крестьянских хозяйств является недопустимо слабое развитие у нас с/х кооперации. Нужно прямо сказать, что мы все еще делаем слишком мало для действительного кооперирования. То, что Ленин писал в своей статье о кооперации, о том, что некоторые товарищи недооценивают кооперацию, третируют кооперацию, – остается почти в полной мере в силе и по сей день. Мы имеем ряд прекрасных постановлений и Центрального Комитета нашей партии, в частности, постановление Политбюро от 19 августа 1926 г.[174], и постановления советских органов[175] – Совета труда и обороны и ЭКОСО[176], принятые в осуществление постановления Политбюро от 19 августа 1926 г., но мы должны прямо сказать, что эти прекрасные резолюции в жизни не проводятся. В кооперативных кругах постановление от 19 августа сейчас называют пропавшей грамотой.

Мы имеем вопиющий разрыв между решениями партийных съездов и ЦК партии по вопросу о с/х кооперации и тем отношением к с/х кооперации, которое мы на практике встречаем со стороны регулирующих, торговых и других органов. Я мог бы привести сотни тысяч фактов, говорящих о прямом издевательстве над кооперативным планом Ленина со стороны многих и многих почтенных наших органов.

Г о л о с. Кто вам это сказал?

Каминский. Об этом говорит весь наш опыт, вся наша практика.

У нас многие утешают себя цифрами количественного роста с/х кооперации, но не следует забывать ни на одну минуту, что, несмотря на количественный рост, с/х кооперация еще очень слаба, недопустимо слаба кооперативная самодеятельность, материальное участие населения в кооперативном обороте. Кооперация делает только первые шаги в деле реорганизации крестьянского производства. С/х кооперация не в состоянии выполнить стоящих перед ней громадных задач переделки мелких и мельчайших крестьянских хозяйств без действительной помощи, без действительной поддержки, каждодневной поддержки со стороны всей партии и всего советского аппарата.

Микоян. Правильно.

Г о л о с. Почему хлеб плохо заготовляете?

Каминский. Между тем приходится все время проламывать какие-то стены, пробивать льды.

Косиор. Как на полюсе.

Сталин. Вы только не сердитесь.

Каминский. Мы все вместе с вами еще очень плохо научились заготовлять хлеб. Но меньше всего, мне кажется, следует обвинять в этом с/х кооперацию. Нужно сказать, что, несмотря на громаднейшие недостатки в работе кооперации, все же кооперация сельскохозяйственная и потребкооперация показали в эту кампанию, что они больше чем кто-либо умеют заготовлять хлеб, более чем кто-либо приспособлены к этой работе. Ведь факт, что Хлебопродукт, владеющий громаднейшими капиталами,

громадной технической базой, старым опытным аппаратом, занимал в этом году на хлебном рынке не более 10%.

Мы, несомненно, можем быстрее поднимать индивидуальные крестьянские хозяйства. Об этом говорит каждый день нашего опыта кооперативной работы. Вот сейчас происходит съезд хлебной кооперации. Работники с мест приводят целый ряд в высшей степени интересных фактов. Вот, например, один из делегатов с Дона рассказывает: целое селение под названием «Степанидин дар» под влиянием с/х кооперации и по договору с ней перешло к чистосортным посевам и засеяло всю свою площадь селекционной гарновкой, селекционными семенами кукурузы и подсолнуха, организовали общественную молотьбу и подходят к организации тракторных колонн.

Чубарь. А авансы вы даете?

Каминский. Авансы даются. Мы даем населению чистосортные семена. Мы даем бедноте, кроме того, кредиты на обработку земли, заключая договора с населением, по которым все земельные общества обязуются засевать всю земельную площадь чистосортными семенами с применением улучшенных способов производства, со сдачей всей продукции с/х кооперации в установленных договором количествах и в установленные сроки.

Чубарь. Сколько там безлошадных?

Каминский. Я сейчас не имею точных данных об этом, но это селения обычные, типичные. Это вовсе не единственный случай. Мы имеем уже десятки, пожалуй, сотни таких селений. Мы имеем целые районы, переходящие по договорам с с/х кооперацией к сплошным посевам чистосортного зерна, к новым улучшенным формам с/х производства. Имеем ли мы должную поддержку в этой работе? Нужно прямо сказать: нет. Вот, например, сейчас с/х кооперация фактически лишена возможности непосредственно вести хлебозаготовки почти в 700 пунктах – во всех пунктах расположения мельниц и элеваторов. Этим предприятиям предоставлено монопольное право заготовок, а с/х кооперации приходится работать здесь в совершенно ненормальных условиях, путем выдачи населению путевок и направления их на элеваторы Хлебопродукта, где их обслуживает аппарат Хлебопродукта. Кооперация теряет связь с населением, и чем больше улучшается техническая база хлебной работы, чем больше развивается строительство элеваторов, тем труднее становится работать хлебной с/х кооперации. Наркомторг дошел до того, что он считает мелкий линейный элеватор и механизированный склад командными высотами, которые должны находиться только в руках госзаготовителей.

Косиор. А вашего брата на эти командные высоты не пускают.

Каминский. А между тем мы много говорим о кооперативной индустриализации, и XV партийный съезд указал на кооперативную индустриализацию как на один из основных путей индустриализации сельского хозяйства. На практике – развитие строительства кооперативных элеваторов не встречает поддержки со стороны регулирующих органов, а, наоборот, наталкивается на громадное сопротивление. Так в целом ряде других случаев. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.) Я прошу две минуты только.

Председатель. Можно?

Г о л о с а. Да, да.

Каминский. Я хотел бы обратить внимание пленума еще на один момент. Об этом как-то говорил на одном из заседаний Политбюро тов. Сталин. За последнее время у нас как-то начинает стираться грань в деревне между госорганами, парторганами и кооперацией. Неизвестно, где кончается кооперация и где начинается парторганизация.

Регулирующие органы до сих пор упорно не различают грани между кооперацией и госорганами. Опять-таки приходится говорить о переадминистрировании, о не-

допустимом административном вмешательстве в работу низовых звеньев с/х кооперации.

Г о л о с. Мы сами с усами.

Каминский. Дело, конечно, не в том, что мы против регулирования, но мы против целого ряда извращений в области регулирования. Мы против такого регулирования, которое на деле ведет к фактическому уничтожению всякой кооперативной самодеятельности и хозяйственного расчета в работе кооперативных организаций. Нужно установить какой-то предел вмешательству регулирующих органов в работу с/х кооперации, разграничить функции между регулирующими и оперативными органами, определить ответственность каждого из них.

Г о л о с. Не конкурируйте.

Каминский. Я прошу не понимать так, что я какую-то ведомственную драчку с Наркомторгом устраиваю.

Калинин. И надо подраться.

Каминский. Я говорю для того, чтобы не быть неправильно понятым. Я считаю, что в работе Наркомторга так много трудностей, и я не хотел бы прибавить еще одну ложку дегтя ко всем тем нареканиям, которые приходится слышать по адресу Наркомторга.

Рыков. Микоян – мед, а он деготь.

Г о л о с. Не подмажешь – не поедешь.

Смирнов. Как смазочный материал деготь хорошо помогает.

Каминский. Да. Представление о меде действительно мало подходит к Наркомторгу. Но если в центре мы еще можем договориться, хотя и с большим трудом и не всегда, то что же происходит на местах. Мне приходилось не раз приводить факты из практики местных регулирующих органов. В ряде мест, где имеются мельницы, закрываются ссыпные пункты с/х кооперации. С/х кооперацию заставляют укладываться в искусственные планы, устанавливаемые регулирующими органами, принимают все меры, чтобы она не могла превысить эти планы. На деле получается то, что кооперативы не имеют права принимать хлеб от мужика, а мужик не может сдавать хлеб своему кооперативу. Мне кажется, что вопрос о методах регулирования, о формах взаимоотношений между регулирующими органами и хозяйственными органами, в первую очередь с с/х кооперацией, является одним из наиболее больных и наименее урегулированных вопросов.

В заключение я хотел бы просить пленум о следующем: необходимо поставить на одном из ближайших пленумов вопрос о с/х кооперации. Мы имеем сейчас очень много нового в работе с/х кооперации и, мне кажется, много интересного. С/х кооперация выросла количественно, начинает занимать первое место в товарообороте страны и вплотную начинает подходить к задаче организации крестьянского производства. Можно прямо сказать, что с/х кооперация сейчас находится на переломе. Она вступает в новую полосу своего развития, в полосу действительного производственного кооперирования крестьянских хозяйств. Мне кажется, что вопросы строительства с/х кооперации – о ее методах работы и организационной форме ее строительства – должны быть обсуждены на одном из пленумов Центрального Комитета.

Председатель. Слово имеет тов. Сталин.

Сталин. Товарищи, раньше чем перейти к конкретному вопросу о наших затруднениях на хлебном фронте, разрешите коснуться некоторых общих вопросов, имеющих теоретический интерес и всплывших здесь во время прений на пленуме.

Прежде всего, общий вопрос **о главных источниках развития нашей промышленности**, о путях обеспечения нынешнего темпа развития промышленности. Этот

вопрос вплотную задели, может быть, сами того не сознавая, тов. Осинский и вслед за ним тов. Сокольников. Вопрос этот является вопросом первостепенной важности. Я думаю, что главных источников, питающих нашу промышленность, имеется у нас два: во-первых, рабочий класс и, во-вторых, крестьянство. В капиталистических странах индустриализация обычно происходила, кроме внутреннего накопления, за счет ограбления чужих стран, за счет ограбления колоний или побежденных стран или же за счет серьезных займов извне. Вы знаете, что Англия сотни лет собирала соки со всех колоний, со всех частей света и вносила таким образом добавочные вложения в свою промышленность. Этим, между прочим, и объясняется, что Англия превратилась одно время в «фабрику мира». Вы знаете также, что Германия развила свою индустрию, между прочим, за счет пятимиллиардной контрибуции, взятой у Франции после франко-прусской войны. Известно также, что Америка развила свою промышленность за счет займов в Европе. Точно так же Германия восстанавливает теперь свою промышленность за счет займов, главным образом в Америке. Наша страна тем, между прочим, и отличается от капиталистических стран, что она не может, не должна заниматься грабежом колоний и вообще ограблением чужих стран. Стало быть, этот путь для нас закрыт. Но наша страна не имеет также займов извне. Следовательно, закрыт для нас и этот путь. Что же остается в таком случае? Остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет **внутреннего** накопления. При буржуазных порядках обычно промышленность, транспорт и т. д. развивались у нас за счет займов. Возьмете ли постройку новых заводов или переоборудование старых, возьмете ли проведение новых железных дорог или постройку больших электрических станций, – ни одно из таких предприятий не обходилось без внешних займов. Совершенно иначе обстоит дело у нас при советских порядках. Мы проводим Туркестанскую железную дорогу в 1400 верст длиной, требующую более сотни миллионов. Мы строим Днепрострой, требующий также более сотни миллионов. Имеем ли мы здесь какой-либо заем? Нет, не имеем. Все это делается у нас за счет внутреннего накопления. Но где главные источники этого накопления? Их, этих источников, как я уже говорил, два: во-первых, рабочий класс, создающий ценности и двигающий вперед промышленность; во-вторых, крестьянство.

С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще **переплачивает** на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности – это во-первых, и **недополучает** на ценах на сельскохозяйственные продукты – это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти «ножницы» между городом и деревней. Дело это, что и говорить, неприятное. Но мы не были бы большевиками, если бы замазывали факт и закрывали глаза на то, что без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна **пока что** обойтись не могут.

Почему я об этом говорю? Потому что Сокольников и Осинский не понимают, видимо, этой бесспорной вещи. Они построили свои речи на том, что крестьянство переплачивает на товарах, что абсолютно верно, и что крестьянству не доплачивают на ценах на с/х продукты, что также верно. Чего же требуют тт. Сокольников и Осинский? Они требуют того, чтобы были введены восстановительные цены на хлеб, чтобы эти «ножницы», эти недоплаты и переплаты были бы уничтожены **теперь же**. Но что зна-

чит уничтожение «ножниц», скажем, в этом году или в будущем году? Это значит затормозить индустриализацию страны, в том числе и индустриализацию сельского хозяйства, подорвать нашу еще не окрепшую молодую промышленность и ударить таким образом по всему народному хозяйству. Можем ли мы пойти на это? Ясно, что не можем. Нужно ли уничтожить «ножницы» между городом и деревней, все эти недоплаты и переплаты? Да, безусловно, нужно уничтожить. Можем ли мы их уничтожить теперь же, не ослабляя нашу промышленность, а значит, и наше народное хозяйство? Нет, не можем. В чем же должна состоять, в таком случае, наша политика? Она должна состоять в том, чтобы постепенно ослаблять эти «ножницы», сближать их из года в год, снижая цены на промышленные товары и подымая технику земледелия, что не может не повести к удешевлению производства хлеба, с тем чтобы потом, через ряд лет, уничтожить вовсе этот добавочный налог на крестьянство. Может ли крестьянство выдержать эту тяжесть? Безусловно, может: во-первых, потому что тяжесть эта будет ослабляться из года в год, во-вторых, потому что взимание этого добавочного налога происходит не в условиях капиталистического развития, где массы крестьянства обречены на обнищание и эксплуатацию, а в условиях советских порядков, где эксплуатация крестьянства исключена со стороны социалистического государства и где выплата этого добавочного налога происходит в условиях непрерывного улучшения материального положения крестьянства.

Тов. Осинский спрашивал: чем же тогда отличается линия ЦК от линии оппозиции? Ответ здесь ясен: между линией ЦК и линией оппозиции лежит пропасть, что доказано всем ходом и исходом дискуссии с оппозицией. А вот что касается линии тов. Осинского в этом вопросе, то она ничем, ровно ничем не отличается от линии оппозиции. Не следует забывать, что требование о немедленном введении восстановительных цен на хлеб является требованием оппозиции. Это факт, который странно было бы не признавать. Это может показаться невероятным, но это факт несомненный. Могут спросить: как можно совместить сверхиндустриализаторские глупости оппозиции с требованием введения восстановительных цен на хлеб? Да, верно, что их нельзя совместить логически. Однако они совмещались в платформе оппозиции. Дело в том, что у оппозиции имеются две души: одна крикливая, «левореволюционная», пытающаяся обличать ЦК в нежелании поддержать индустриализацию; другая – демагогическая, практически-оппортунистическая, имеющая своей целью пощекотать крестьян насчет необходимости введения восстановительных цен и поплыть по течению. Первая душа апеллирует к так называемым «левым» элементам и имеет целью собрать их вокруг оппозиции. Вторая душа апеллирует к «правым» элементам и имеет своей целью также собрать их вокруг оппозиции. Именно поэтому и говорится у нас, в наших резолюциях об оппозиции, что оппозиция представляет сброд самых разношерстных элементов, от «крайне левых» до «крайне правых». Странно, что тов. Осинский не подметил наличия этой второй души у оппозиции. Тогда бы он знал, что он здесь повторил, по сути дела, требование «крайне правых» элементов оппозиции. Вот один из документов оппозиции, демонстрирующий наличие у них второй, «крайне правой» души. Я имею в виду заявление Н. Муралова на заседании фракции IV съезда советов СССР 23 апреля 1927 года.

«Хлебозаготовительная кампания должна расцениваться не только по количеству заготовляемого хлеба и среднему годовому уровню цен, но и по соответствию этой кампании интересам смычки пролетариата с крестьянством. Политика хлебных цен должна удовлетворять следующим основным требованиям: во-первых, **производитель должен получить за свой хлеб восстановительную цену**, во-вторых, необходимо стремиться к тому, чтобы маломощные группы крестьянства получили бы одинаковую с зажиточными группами цену на хлеб».

Если иметь в виду, что заявление Муралова было подано от имени всей объединенной оппозиции, что это заявление было с полным единодушием отклонено большевистской фракцией съезда советов как **в корне расходящееся** с линией нашей партии, – то вы поймете, в какой просак попал здесь тов. Осинский, а вслед за ним тов. Сокольников.

Так обстоит дело с вопросом об основных источниках развития индустриализации нашей страны в данный момент.

Второй вопрос касается вопроса **о смычке с середняком**, вопроса о целях и средствах этой смычки. Я опять-таки должен коснуться выступления тов. Осинского. У него выходит так, что смычка между городом и деревней, между рабочим классом и основными массами крестьянства проходит **исключительно** по линии текстиля, по линии удовлетворения **личного** потребления крестьянства. Верно ли это? Это совершенно неверно, товарищи. Конечно, удовлетворение личных потребностей крестьянства по линии текстиля имеет громадное значение. Мы с этого и начали строить смычку с крестьянством в новых условиях. Но говорить на этом основании, что смычка по линии текстиля исчерпывает все дело, что смычка по линии личных потребностей крестьянства является исчерпывающей основой хозяйственного союза рабочего класса и крестьянства, – значит впадать в серьезнейшую ошибку. На самом деле смычка между городом и деревней проходит не только по линии удовлетворения **личных** потребностей крестьянства, не только по линии текстиля, но и по линии удовлетворения **хозяйственных** потребностей крестьянства как **производителя** сельскохозяйственных продуктов. Мы даем крестьянству не только ситец. Мы даем ему еще машины всякого рода, семена, плуги, удобрение и т. д., имеющие серьезнейшее значение в деле поднятия и социалистического преобразования крестьянского хозяйства. Смычка имеет, таким образом, своей основой не только текстиль, но и металл. Без этого смычка с крестьянством была бы непрочной. Об этом забывает тов. Осинский.

Чем отличается смычка по текстилю от смычки по металлу? Тем, прежде всего, что смычка по текстилю касается главным образом личных потребностей крестьянства, не задевая или сравнительно мало задевая производственную сторону крестьянского хозяйства, тогда как смычка по металлу касается главным образом производственной стороны крестьянского хозяйства, улучшая это хозяйство, машинизируя его, подымая его рентабельность и подготовляя почву для объединения разрозненных крестьянских хозяйств в крупные общественные хозяйства.

Ошибочно было бы думать, что цель смычки состоит в сохранении классов, в частности, в сохранении класса крестьян. Это неверно, товарищи. Цель смычки состоит вовсе не в этом. Цель смычки состоит в том, чтобы сблизить крестьянство с рабочим классом как с руководителем всего нашего развития, укрепить союз крестьянства с рабочим классом как с руководящей силой этого союза, **переделать** постепенно крестьянство, его психологию, его производство **в духе коллективизма** и подготовить, таким образом, условия для уничтожения классов. Цель смычки состоит не в сохранении классов, а в их уничтожении. Если смычка по текстилю мало задевает производственную сторону крестьянского хозяйства и поэтому, вообще говоря, не может иметь своим результатом переделку крестьянства в духе коллективизма, уничтожение классов, то смычка по металлу, наоборот, касается прежде всего производственной стороны крестьянского хозяйства, его машинизации, его коллективизации и именно поэтому должна иметь своим результатом постепенную переделку крестьянства, постепенную ликвидацию классов, в том числе и класса крестьян.

Как вообще можно переработать, переделать крестьянина, его психологию, его производство в духе сближения с психологией рабочего класса, в духе социалистиче-

ского принципа производства? Что требуется для этого? Для этого требуется, прежде всего, широчайшая агитация среди крестьянских масс в духе коллективизма. Для этого требуется, во-вторых, насаждение кооперативной общественности и все более расширяющийся охват миллионов крестьянских хозяйств нашими снабженческо-сбытовыми кооперативными организациями. Не может быть никаких сомнений, что без широкого развития нашей кооперации мы не имели бы того перелома среди крестьян в пользу колхозного движения, которое мы наблюдаем в настоящее время, ибо развитие снабженческо-сбытовой кооперации в наших условиях есть подготовка перехода крестьянства к коллективизму. Но всего этого далеко еще не достаточно для переделки крестьянства. Основной силой в деле переделки крестьянина в духе социализма является новая техника в земледелии, машинизация земледелия, коллективный труд крестьянина, электрификация страны.

Тов. Осинский сослался здесь на Ленина, цитируя известное место из сочинений Ленина о смычке с крестьянским хозяйством. Но изображать здесь Ленина как крестьянского философа, но брать Ленина в одной части, не желая брать его в целом, – значит искажать Ленина. Ленин вполне понимал, что смычка с крестьянством по линии мануфактурных товаров – вещь очень важная. Но он на этом не останавливался, ибо наряду с этим он настаивал на том, чтобы смычку с крестьянством проводить также по линии металла, по линии снабжения крестьянства машинами, по линии электрификации страны, т. е. по всем тем линиям, которые благоприятствуют переделке и переработке крестьянского **хозяйства** в духе коллективизма. Не угодно ли, например, выслушать следующую цитату из Ленина: «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификации в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца» (т. XVIII, часть 1, стр. 139)[177].

Дело ясное: союз рабочего класса и крестьянства не может быть прочным и длительным, смычка не может быть прочной и длительной, и она не может достигнуть своей цели постепенной переделки крестьянина, приближения его к пролетариату и перевода его на рельсы коллективизма, если смычка текстильная не будет дополнена смычкой металлической.

Вот как понимал смычку тов. Ленин. И он понимал ее так потому, что он был пролетарским революционером, а не мелкобуржуазным крестьянским философом, как пытаются иногда изображать его некоторые, с позволения сказать, «ленинцы».

Третий вопрос касается вопроса **о нэпе и о классовой борьбе в условиях нэпа**. Необходимо, прежде всего, установить, что основы нэпа были даны нашей партией не после военного коммунизма, как утверждают иногда некоторые товарищи, а до него, еще в начале 1918 г., когда мы получили впервые возможность начать строить новую, социалистическую экономику. Я мог бы сослаться на известную брошюру Ильича «Об очередных задачах советской власти», изданную в начале 1918 г., где изложены основы нэпа. Вводя по окончании интервенции нэп, партия квалифицировала ее как новую экономическую политику, потому что она, эта самая политика, была прервана интервенцией и мы получили возможность проводить ее только лишь после интервенции, после военного коммунизма, в сравнении с которым нэп был действительно новой экономической политикой.

Бухарин. Позабыв ее тогда на известное время.

Сталин. В подтверждение этого я считаю нужным сослаться на известную резо-

люцию, принятую на IX съезде советов[178], кажется, по докладу Ленина, где черным по белому сказано, что основы новой экономической политики были изложены еще до военного коммунизма.

Осинский. Я против этого не возражал.

Сталин. Возможно, что вы не возражали, но возражают другие.

Осинский. Я даже сам это говорил.

Сталин. Вы, может быть, разрешите все-таки привести цитату из этой резолюции. В этой резолюции, принятой на IX съезде советов в конце 1921 г., спустя почти год после объявления нэпа...

Ворошилов. Это было в начале 1920 г.

Сталин. Это было в конце 1921 г., в декабре, на IX съезде советов...

Ворошилов. Правильно, правильно!

Сталин. В этой резолюции «О предварительных итогах новой экономической политики» сказано следующее:

«Так называемая новая экономическая политика, основные начала которой были точно определены **еще во время первой передышки**, **весною 1918 г**., основывается на строгом учете экономических сил Советской России. Осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контрреволюционных сил русских помещиков и буржуазии и европейского империализма, стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции, к началу 1921 г.» (см. «Постановления IX Всероссийского Съезда Советов», стр. 16).

Вы видите, таким образом, до чего неправы некоторые товарищи, утверждающие, что партия осознала необходимость строительства социализма в условиях допущения рынка и вообще новой экономической политики будто бы лишь после военного коммунизма.

А что из этого следует? Из этого следует прежде всего то, что нельзя рассматривать нэп как только лишь отступление. Из этого следует, далее, что нэп предполагает победоносное и систематическое наступление социализма на капиталистические элементы нашего хозяйства. Оппозиция в лице Троцкого думает, что ежели введен нэп, то нам остается лишь одно – отступать шаг за шагом, как мы отступали в начале нэпа, «расширяя» нэп и сдавая позиции.

Бухарин. Пока не наступит «международная революция».

Сталин. Совершенно правильно – пока не наступит международная революция, которая избавит нас от дальнейших отступлений. На этом неправильном понимании нэпа и базируется утверждение Троцкого о том, что партия «расширила» будто бы нэп и отступила от позиции Ленина, введя в деревне аренду земли и наемный труд. Не угодно ли послушать слова Троцкого: «А что такое последние меры советской власти в деревне – разрешение арендовать землю, нанимать рабочую силу, – все, что мы называем **расширением** деревенского нэпа... Но можно ли было **не расширять** нэп в деревне? Нет, потому что тогда захирело бы крестьянское хозяйство, сузился бы рынок, затормозилась бы промышленность» (см. «8 лет. Троцкий», стр. 16–17)[179]. Вот до чего можно договориться, ежели забить себе в голову неправильную мысль о том, что нэп есть отступление и только отступление.

Можно ли утверждать, что партия, введя в деревне наемный труд и аренду земли, «расширила» нэп, «отступила» от Ленина и т. д.? Конечно, нельзя! Люди, утверждающие такую глупость, не имеют ничего общего с Лениным и ленинизмом. Я мог бы здесь сослаться на известное письмо Ленина на имя тов. Осинского от 1 апреля 1922 г., где он прямо говорит о необходимости применения наемного труда и аренды земли в деревне. Это было в конце XI съезда, где широко обсуждался среди делегатов вопрос

о работе в деревне, о нэпе и его последствиях. Вот цитата из этого письма, представляющего проект резолюции для делегатов партийного съезда:

«По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли партийный съезд рекомендует всем работникам в данной области не стеснять излишними формальностями ни того, ни другого явления и ограничиться проведением решения последнего съезда советов, а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях» (см. «Ленинский сборник», IV, стр. 396)[180].

Вы видите, до чего глупы и бессодержательны разговоры о «расширении» нэпа, об «отступлении» от Ленина при введении аренды земли и наемного труда в деревне и т. д.

Почему я об этом говорю? Потому что люди, болтающие о «расширении» нэпа, ищут себе оправданий в этой болтовне для отступлений перед капиталистическими элементами в деревне. Потому что у нас народились внутри партии и около партии люди, видящие в «расширении» нэпа «спасение» смычки рабочих и крестьян, требующие, ввиду снятия чрезвычайных мер, отказа от ограничения кулачества, требующие развязывания капиталистических элементов в деревне... в интересах смычки. Потому что против таких антипролетарских настроений необходимо застраховать партию всеми силами, всеми средствами.

Чтобы не идти далеко, сошлюсь на записку одного товарища, сотрудника «Бедноты» Осипа Чернова, где он требует целого ряда облегчений для кулачества, означающих не что иное, как действительное и неприкрашенное «расширение» нэпа. Я не знаю, коммунист ли он или беспартийный.

Бухарин. Теперь, кажется, коммунист.

Сталин. Кажется, он еще беспартийный, но в смысле преданности делу советской власти ему мог бы позавидовать иной коммунист.

Калинин. Правильно!

Сталин. И вот этот товарищ, Осип Чернов, стоящий за советскую власть и за союз рабочих с крестьянством, до того запутался в крестьянском вопросе, что его трудно отличить от идеолога деревенской буржуазии. В чем видит он причины наших затруднений на хлебном фронте? «Первая причина, – говорит он, – это, безусловно, система прогрессивно-подоходного налога... Вторая причина – это правовые изменения перевыборочной инструкции, неясности в инструкции, кого считать кулаком». Что нужно сделать для того, чтобы устранить затруднения? «Необходимо, – говорит он, – первым долгом **отменить систему подоходно-прогрессивного налога** так, как она есть теперь, и заменить системой обложения по земле, слегка обложить рабочий скот и крупные сельскохозяйственные орудия... Вторая мера, не менее важная, это **пересмотреть инструкцию по выборам**, грубее сделать признаки, откуда начинается эксплуататорское, кулацкое хозяйство».

Вот оно – «расширение» нэпа. Как видите, семя, брошенное Троцким, не пропало даром. Неправильное понимание нэпа порождает болтовню о «расширении» нэпа, а болтовня о «расширении» нэпа создает всякого рода записки, статьи, письма и предложения о том, чтобы дать кулаку волю, избавить его от ограничений и дать ему возможность свободно обогащаться.

По этой же линии, по линии вопроса о нэпе и классовой борьбе в условиях нэпа, я хотел бы отметить еще один факт. Я имею в виду заявление тов. Петровского о том, что классовая борьба в условиях нэпа в связи с хлебозаготовками имеет будто бы лишь третьестепенное значение, что она, эта самая классовая борьба, не имеет и не может иметь будто бы сколько-нибудь серьезного значения в деле наших затруднений по хле-

бозаготовкам. Я должен сказать, товарищи, что не могу никак согласиться с этим заявлением. Я думаю, что и не может быть в условиях диктатуры пролетариата ни одного сколько-нибудь серьезного политического или экономического факта, который бы не отражал наличие классовой борьбы в городе или в деревне. Разве нэп отменяет диктатуру пролетариата? Конечно, нет! Наоборот, нэп есть своеобразное выражение и орудие диктатуры пролетариата. А разве диктатура пролетариата не есть продолжение классовой борьбы?

Г о л о с а. Верно!

Сталин. Как можно после этого говорить, что классовая борьба играет третьестепенную роль в таких важных политических и хозяйственных фактах, как выступление кулачества против советской политики во время хлебозаготовок, контрмеры и наступательные действия советской власти против кулаков и спекулянтов в связи с хлебозаготовками. Разве это не факт, что во время заготовительного кризиса по хлебу мы имели первое в условиях нэпа серьезное выступление капиталистических элементов деревни против советской политики? Разве в деревне нет больше классов и классовой борьбы? Разве это не верно, что лозунг Ленина об опоре на бедноту, союзе с середняком и борьбе с кулаками является основным лозунгом нашей работы в деревне? А что такое этот лозунг, как не выражение классовой борьбы в деревне?

Конечно, наша политика не есть политика разжигания классовой борьбы. Почему? Потому что, коль скоро мы стоим у власти, коль скоро мы упрочили эту власть и командные высоты сосредоточены в руках рабочего класса, мы заинтересованы в том, чтобы классовая борьба не принимала формы гражданской войны и чтобы мы имели возможность продолжать в более или менее спокойной обстановке свою строительную работу. Но это еще не значит, что тем самым отменена классовая борьба или что она, эта самая классовая борьба, не будет обостряться. Это тем более не значит, что классовая борьба не есть решающая сила нашего продвижения вперед. Нет, не значит. Мы говорим часто, что развиваем социалистические формы хозяйства в области торговли. А что это значит? Это значит, что мы тем самым вытесняем из торговли тысячи и тысячи мелких и средних торговцев. Можно ли думать, что эти вытесненные из сферы оборота торговцы будут сидеть молча, не пытаясь сорганизовать сопротивление? Ясно, что нельзя. Мы говорим часто, что развиваем социалистические формы хозяйства в области промышленности. А что это значит? Это значит, что мы вытесняем и разоряем, может быть, сами того не замечая, своим продвижением вперед к социализму тысячи и тысячи мелких промышленников. Можно ли думать, что эти разоренные люди будут сидеть молча, не пытаясь сорганизовать сопротивление? Конечно, нельзя. Мы говорим часто, что необходимо ограничить эксплуататорские поползновения кулачества в деревне, что надо наложить на кулачество высокие налоги, что надо ограничить право аренды, не допускать право выборов в советы и т. д. и т. п. А что это значит? Это значит, что мы давим и тесним постепенно капиталистические элементы деревни, доводя их иногда до разорения. Можно ли предположить, что кулаки будут нам благодарны за это и что они не попытаются сорганизовать часть бедноты или середняков против политики советской власти? Конечно, нельзя. Не ясно ли, что все наше продвижение вперед, каждый наш сколько-нибудь серьезный успех в области социалистического строительства является выражением и результатом классовой борьбы в нашей стране?

Но из всего этого вытекает, что по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего

класса, наконец политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства.

Нельзя представлять дело так, что социалистические формы будут развиваться, вытесняя врагов рабочего класса, а враги будут отступать молча, уступая дорогу нашему продвижению, мы вновь будем продвигаться вперед, а они – вновь отступать назад, а потом глядь – и все без исключения социальные группы, как кулаки, так и беднота, как рабочие, так и капиталисты, окажутся «вдруг», «незаметно», без борьбы и треволнений, в лоне социалистического общества. Таких сказок не бывает и не может быть вообще, в обстановке диктатуры пролетариата – в особенности. Не бывало и не будет того, чтобы отживающие классы сдавали добровольно свои позиции, не пытаясь сорганизовать сопротивление. Не бывало и не будет того, чтобы продвижение рабочего класса к социализму при классовом обществе могло обойтись без борьбы и треволнений. Наоборот, продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы. Вот почему нельзя усыплять рабочий класс разговорами о второстепенной роли классовой борьбы.

Четвертый вопрос касается проблемы **чрезвычайных мер** в отношении кулаков и спекулянтов. Нельзя рассматривать чрезвычайные меры как нечто абсолютное и раз навсегда данное. Чрезвычайные меры необходимы и целесообразны при известных, чрезвычайных условиях, когда нет у нас в наличии других мер для маневрирования. Чрезвычайные меры не нужны и вредны при других условиях, когда мы имеем в наличии другие, гибкие меры для маневрирования на рынке. Неправы те, которые думают, что чрезвычайные меры плохи при всяких условиях. С такими людьми надо вести систематическую борьбу. Но неправы и те, которые думают, что чрезвычайные меры всегда необходимы и целесообразны. С такими людьми необходима решительная борьба.

Было ли ошибкой применение чрезвычайных мер в условиях хлебозаготовительного кризиса? Теперь все признают, что не было ошибкой, что, наоборот, чрезвычайные меры спасли страну от общехозяйственного кризиса. Что заставило нас применить эти меры? Дефицит в 128 млн. пуд. хлеба к январю этого года, который мы должны были восполнить до распутицы и создать вместе с тем нормальный темп хлебозаготовок. Могли ли мы не идти на чрезвычайные меры при отсутствии хлебных резервов этак миллионов в 100 пудов для того, чтобы выждать и интервенировать рынок, или при отсутствии достаточных валютных резервов для того, чтобы ввезти из-за границы большие партии хлеба? Ясно, что не могли. А что было бы, если бы мы не восполнили этот дефицит? У нас был бы теперь серьезнейший кризис всего народного хозяйства, голод в городах, голод в армии. Если бы у нас был резерв хлеба миллионов в 100 пуд. для того, чтобы переждать и взять потом измором кулака, интервенируя рынок...

Ворошилов. На будущее время обязательно нужно иметь резерв.

Сталин. Мы, конечно, не пошли бы на чрезвычайные меры. Но вы знаете хорошо, что у нас такого резерва не было. Если бы у нас был тогда валютный резерв миллионов в 100–150 руб. для того, чтобы ввезти хлеб из-за границы, мы, пожалуй, не пошли бы на чрезвычайные меры. Но вы знаете хорошо, что у нас не было этого резерва. Я должен заявить, что не считаю позорным импорт хлеба при известных условиях нашей внешней торговли. Я могу вполне представить такую обстановку, при которой один сорт хлеба, одну культуру ввозим из-за границы, а другую вывозим и в балансе остаемся в выигрыше.

Г о л о с. Правильно!

Сталин. Но у нас не было этих резервов. И именно потому, что не было этих ре-

зервов, мы оказались вынужденными прибегнуть к чрезвычайным мерам. Едва ли можно отрицать, что без этих мер мы имели бы теперь серьезнейший кризис во всем народном хозяйстве.

Г о л о с а. Правильно!

Сталин. Значит ли это, что мы должны и впредь остаться без резерва и прибегнуть вновь к помощи чрезвычайных мер? Нет, не значит. Наоборот, мы должны принять все зависящие от нас меры для того, чтобы накопить резервы и исключить необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер. Люди, думающие превратить чрезвычайные меры в постоянный или длительный курс нашей партии, – опасные люди, ибо они играют с огнем и создают угрозу для смычки.

Не вытекает ли из этого, что мы должны раз навсегда отречься от применения чрезвычайных мер? Нет, не вытекает. Мы не имеем оснований утверждать, что не могут когда-либо повториться чрезвычайные условия, требующие применения чрезвычайных мер. Такое утверждение было бы пустым знахарством. Ленин, обосновавший новую экономическую политику, не считал, однако, возможным зарекаться в условиях нэпа даже от комбедовских методов при известных условиях и в известной обстановке. Тем более мы не можем зарекаться раз навсегда от применения чрезвычайных мер, которые не могут быть поставлены на одну доску с такой острой мерой борьбы с кулачеством, как комбедовские[181] методы. Может быть, нелишне будет восстановить в памяти один эпизод с Преображенским на XI съезде нашей партии, имеющий прямое отношение к этому делу. Известно, что Преображенский в своих тезисах о работе в деревне на XI съезде попытался отклонить «раз навсегда» политику комбедовских методов борьбы с кулачеством в условиях нэпа. Преображенский писал в своих тезисах: «Политика непринятия этого (кулачества и зажиточного крестьянства) слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 г. была бы вреднейшей ошибкой» (§ 2). Известно, что на это Ленин ответил следующим образом: «Вторая фраза второго параграфа (против «комбедовских способов») вредна и неверна, ибо война, например, **может принудить к комбедовским способам**. Об этом сказать надо совсем иначе, например так: ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов **в данный момент** (курсив мой. – **И.Ст.**) политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена, главным образом, на ограничение его эксплуататорских стремлений и т. д. Как ограничивать эти стремления, как защищать бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы пусты» (см. «Ленинский сборник», IV, стр. 391)[182].

Ясно, что чрезвычайные меры нужно рассматривать диалектически, ибо все зависит от условий времени и места.

Так обстоит дело, товарищи, с вопросами общего характера, всплывшими во время прений.

Позвольте теперь перейти непосредственно к вопросам **хлебозаготовительной политики**.

Я думаю, что ряд товарищей, в том числе тов. Осинский, Стецкий, Крицман в своей статье, допустили погрешность в том отношении, что свалили в одну кучу разнообразные причины наших затруднений на хлебном фронте, смешали причины временные и конъюнктурные (специфические) с причинами длительными и основными. Существуют двоякого рода причины хлебных затруднений: причины длительные, основные, для ликвидации которых необходим целый ряд лет, и причины специфические, конъюнктурные, которые можно ликвидировать теперь же, если принять и провести ряд необходимых мер. Валить в одну кучу все эти причины – значит запутать весь вопрос.

В чем состоит основной смысл и основное значение наших затруднений на хлебном фронте? В том, что они ставят перед нами во весь рост проблему хлеба, хлебного производства, проблему сельского хозяйства вообще, проблему зернового производства в особенности.

Есть ли у нас вообще зерновая проблема как актуальный вопрос? Безусловно, есть. Только слепые могут сомневаться, что зерновая проблема бьет теперь во все поры советской общественности. Мы не можем жить, как цыгане, без хлебных резервов, без известных резервов на случай неурожая, без резервов для маневрирования на рынке, без резервов на случай войны, наконец, без некоторых резервов для экспорта. Даже мелкий крестьянин при всей скудности его хозяйства не обходится без резервов, без некоторых запасов. Разве не ясно, что великое государство, занимающее шестую часть суши, не может обойтись без хлебных резервов для внутреннего и внешнего маневрирования?

Допустим, что не было бы у нас гибели озимых посевов на Украине и мы кончили бы хлебозаготовительный год «так на так», – можно ли считать, что этого было бы для нас достаточно? Нет, нельзя. Мы не можем впредь жить «так на так». Мы должны иметь в своем распоряжении известный минимум резервов, если хотим отстоять позиции советской власти по линии внутренней так же, как по линии внешней.

Во-первых, мы не гарантированы от военного нападения. Думаете ли вы, что можно оборонять страну, не имея никаких резервов хлеба для армии? Тов. Рыков был совершенно прав, когда он говорил, что нынешний крестьянин уже не тот, каким он был лет шесть назад, когда он боялся потерять землю в пользу помещика. Помещика крестьянин уже забывает. Теперь он требует новых, более хороших условий жизни. Можем ли мы в случае нападения врагов вести войну и с поляками на фронте, и с мужиками в тылу ради экстренного получения хлеба для армии? Нет, не можем и не должны. Чтобы оборонять страну, мы должны иметь известные запасы для снабжения армии, хотя бы на первые шесть месяцев. Для чего необходимы эти шесть месяцев передышки? Для того, чтобы дать крестьянину очухаться, освоиться с опасностями войны, разобраться в событиях и подтянуться ради общего дела обороны страны.

Г о л о с. Давно бы надо создать резерв.

Сталин. Если мы будем довольствоваться тем, чтобы выйти «так на так», у нас не будет никогда никаких резервов на случай войны.

Ворошилов. Слушай, Микоян.

Микоян. Я знаю это без тебя.

Сталин. Во-вторых, мы не гарантированы от осложнений на хлебном рынке. Нам безусловно необходим известный резерв для интервенции в дела хлебного рынка, для проведения нашей политики цен. Ибо мы не можем и не должны каждый раз прибегать к чрезвычайным мерам. Но у нас не будет никогда таких резервов, если мы будем ходить каждый раз по краю оврага, довольствуясь тем, что имеем возможность кончить заготовительный год «так на так».

В-третьих, мы не гарантированы от неурожая. Нам абсолютно необходим известный резерв хлеба для того, чтобы обеспечить в случае неурожая голодные районы, хотя бы в известной мере, хотя бы на известный срок. Но мы не будем иметь такого резерва, если мы не увеличим производство товарного хлеба и не откажемся круто и решительно от старой привычки жить без запасов.

Наконец, нам абсолютно необходим резерв для экспорта хлеба. Нам нужно ввозить оборудование для индустрии. Нам нужно ввозить сельскохозяйственные машины, тракторы, запасные части к ним. Но сделать это нет возможности без вывоза хлеба, без того, чтобы накопить известные валютные резервы за счет экспорта хлеба.

В довоенное время вывозили от 500 до 600 млн. пудов хлеба ежегодно. Вывозили так много потому, что сами недоедали. Это совершенно верно. Но надо понять, что все же в довоенное время товарного хлеба было у нас **вдвое** больше, чем теперь. И именно потому, что мы имеем теперь товарного хлеба вдвое меньше, – именно поэтому хлеб выпадает теперь из экспорта. А что значит выпадение хлеба из экспорта? Это значит потеря того источника, при помощи которого ввозились у нас и должны ввозиться оборудование для промышленности, тракторы и машины для сельского хозяйства.

Можно ли жить так дальше, не накапливая хлебных резервов для экспорта? Нет, нельзя.

Вот до чего необеспеченно и неустойчиво состояние наших хлебных резервов.

Я уже не говорю о том, что у нас нет не только хлебных резервов по всем этим четырем линиям, но у нас не хватает также известного минимума запасов для того, чтобы безболезненно перейти от одного заготовительного года к другому заготовительному году и снабжать бесперебойно города в такие трудные месяцы, как июнь-июль.

Можно ли после этого отрицать остроту зерновой проблемы и серьезность наших затруднений на хлебном фронте?

Но в связи с хлебными затруднениями у нас возникли также затруднения политического характера. Об этом нельзя ни в коем случае забывать, товарищи. Я имею в виду то недовольство среди известной части крестьянства, среди известной части бедноты, так же как и середняков, которое имело место у нас и которое создало известную угрозу смычке. Конечно, было бы совершенно неправильно сказать, что у нас есть уже размычка, как говорил об этом тов. Осинский или как говорил в известной своей записке тов. Фрумкин. Это неверно, товарищи. Размычка – дело серьезное. Размычка – это начало гражданской войны, если не сама гражданская война. Не надо пугать себя «страшными» словами. Не надо предаваться панике. Это недостойно большевиков. Размычка – это значит разрыв крестьянства с советской властью. Но если крестьянин действительно порвал с советской властью, **являющейся основным заготовителем крестьянского хлеба**, он уж не будет расширять вам посевов – ни в коем случае! А между тем мы видим, что яровой клин расширился **во всех без исключения** хлебных районах. Какая же это размычка? Разве можно назвать такое состояние «бесперспективностью» крестьянского хозяйства, как говорит об этом, например, т. Фрумкин? Какая же это «бесперспективность»?

В чем состоит основа наших хлебных затруднений, если иметь в виду длительные и основные причины затруднений, а не временные, конъюнктурные причины?

Основа наших хлебных затруднений состоит в прогрессирующей распыленности и раздробленности сельского хозяйства. Это факт, что сельское хозяйство мельчает, особенно зерновое хозяйство, становясь все менее рентабельным и малотоварным. Ежели мы имели до революции около 15–16 миллионов крестьянских хозяйств, то теперь мы имеем их до 24–25 миллионов, причем процесс дробления имеет тенденцию к дальнейшему усилению. Это факт, что мы имеем теперь посевы, немногим уступающие размерам посевов в довоенное время, а производство хлеба всего каких-нибудь на 5% меньше довоенного производства, тогда как производство товарного хлеба отстает у нас от довоенного производства **вдвое**, т. е. процентов на 50. Отчего это происходит? От того, что мелкое хозяйство менее рентабельно, менее товарно, менее устойчиво, чем крупное хозяйство. Известно положение марксизма о том, что мелкое производство менее выгодно, чем крупное, сохраняет за собой полную силу и в сельском хозяйстве. На этом именно и зиждется сила и экономическое значение кулацкого хозяйства в деревне.

Где выход из положения?

Выходов у нас три, как говорит об этом резолюция Политбюро.

1. Выход состоит в том, чтобы поднять производительность мелкого и среднего крестьянского хозяйства, заменить соху плугом, дать машину мелкого и среднего типа, дать удобрение, снабдить семенами, дать агрономическую помощь, кооперировать крестьянство, заключать контракты с целыми селами, сдавая им в ссуду лучшие семена и обеспечивая, таким образом, коллективное кредитование крестьянства; наконец, давать им напрокат крупные машины через прокатные пункты.

Неправ тов. Карпинский, утверждая, что мелкое крестьянское хозяйство исчерпало возможности своего дальнейшего развития и что, стало быть, не стоит дальше помогать ему. Это совершенно неверно. Возможностей развития имеется у индивидуального крестьянского хозяйства еще немало. Надо только уметь помогать ему и развивать эти возможности максимально.

Неправа также «Красная газета»[183], утверждая, как сообщил мне об этом тов. Бухарин, что план кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств по линии сбыта и снабжения не оправдал себя. Это совершенно неверно, товарищи. Наоборот, план кооперирования по линии снабжения и сбыта целиком оправдал себя, создав реальную базу для перелома среди крестьянства в сторону колхозного движения. Несомненно, что без развития снабженческо-сбытовых кооперации мы не имели бы того перелома в отношениях крестьянства к колхозам, какой имеем теперь и который помогает нам вести дальше колхозное строительство.

2. Выход состоит, далее, в том, чтобы помочь бедноте и середнякам объединять постепенно свои разрозненные мелкие хозяйства в крупные коллективные хозяйства на базе новой техники и коллективного труда, как более выгодные и товарные. Я имею в виду все формы объединения мелких хозяйств в крупные, общественные, от простых товариществ до артелей и коммун, являющихся несравненно более товарными и производительными, чем разрозненные мелкие крестьянские хозяйства.

Неправ тов. Милютин, когда он, ратуя за колхозы, обвиняет товарищей в «реабилитации» мелкого крестьянского хозяйства. Тов. Милютин, очевидно, думает, что отношения коллектива к индивидуальному крестьянскому хозяйству должны быть отношениями борьбы и изничтожения, а не отношениями помощи и подтягивания к себе. Это совершенно неверно, товарищи. Индивидуальное крестьянское хозяйство вовсе не нуждается в «реабилитации». Оно малорентабельно, это верно. Но это еще не значит, что оно совершенно невыгодно. Мы разрушили бы смычку, если бы стали на точку зрения борьбы и изничтожения индивидуального крестьянского хозяйства, сойдя с ленинской позиции повседневной помощи и поддержки со стороны коллективов индивидуальным крестьянским хозяйствам.

Еще более неправ тов. Сокольников, когда он, восхваляя колхозы, объявляет индивидуальное крестьянское хозяйство нашим «проклятием». Это пахнет уже прямой войной с крестьянским хозяйством. Откуда это взялось у тов. Сокольникова? Если крестьянское хозяйство является «проклятием», то как объяснить союз рабочего класса с основными массами крестьянства? Союз рабочего класса с «проклятием» – разве бывают на свете такие несообразности? Как можно говорить такие вещи, проповедуя вместе с тем смычку? Тов. Сокольников вспомнил слова Ленина о том, что нам нужно постепенно пересаживаться с крестьянской клячи на стального коня промышленности. Это очень хорошо. Но разве так пересаживаются с одного коня на другого? Объявить крестьянское хозяйство «проклятием», не создав широкой и мощной базы в виде разветвленной сети коллективов, – не значит ли это остаться без всякой базы?

Г о л о с а. Правильно, правильно!

Сталин. Ошибка тов. Сокольникова состоит в том, что он **противопоставляет**

коллективы индивидуальным крестьянским хозяйствам. Ну, а мы хотим, чтобы эти две формы хозяйства не противопоставлялись друг другу, а **смыкались** друг с другом, чтобы в этой смычке коллектив оказывал помощь индивидуальному крестьянину и помогал ему помаленьку переходить на рельсы коллективизма. Мы хотим, чтобы на колхозы крестьянство смотрело не как на своего врага, а как на своего друга, который помогает ему и поможет ему освободиться от нищеты.

Милютин. Верно.

Сталин. Если это верно, тогда не надо говорить о «реабилитации» индивидуального крестьянского хозяйства или о том, что крестьянское хозяйство является для нас «проклятием». Надо было сказать, что мелкое крестьянское хозяйство является менее выгодным или даже наименее выгодным в сравнении с крупным коллективным хозяйством, но все-таки не лишенным известной немаловажной выгоды. А у вас получается, что мелкое крестьянское хозяйство вообще невыгодно и, пожалуй, даже вредно. Не так смотрел Ленин на мелкое крестьянское хозяйство. Вот что он говорил на этот счет в своей брошюре «О продналоге»: «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно объединялось, сорганизовало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так представляли себе все это социалисты всегда. Именно так смотрит и наша коммунистическая партия» (т. XVIII, ч. 1, стр. 189)[184].

Выходит, что индивидуальное крестьянское хозяйство все же представляет известную выгоду.

Одно дело, когда высшая форма хозяйства борется с низшей и разрушает ее, и совершенно другое дело, когда высшая форма хозяйства помогает низшей подняться, перейти на рельсы коллективизма.

А вот что говорит Ленин о взаимоотношениях между коллективами и индивидуальными крестьянскими хозяйствами: «В особенности надо добиваться, чтобы действительно проводился в жизнь и притом полностью закон советской власти (о колхозах и совхозах), требующий от советских хозяйств, сельскохозяйственных коммун и всех подобных объединений **оказания немедленной и всесторонней помощи окрестным и средним крестьянам**. Только на основе такой, **фактически оказываемой помощи осуществимо соглашение со средним крестьянством** (курсив мой. – И. Ст.). Только так можно и должно завоевать его доверие» (т. XVI, стр. 160)[185].

Выходит, таким образом, что коллективы должны помогать крестьянским хозяйствам именно как индивидуальным хозяйствам. Наконец, третья цитата из Ленина: «Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу» (т. XVI, стр. 391–392)[186].

Вот как высоко ценил Ленин значение колхозного движения в деле социалистического преобразования нашей страны.

Крайне странно, что тт. Осинский и Стецкий в своих больших речах сосредоточили все внимание на вопросе об индивидуальных крестьянских хозяйствах, не сказав ни одного, буквально ни одного слова о задаче поднятия колхозов как актуальной задаче нашей партии.

3. Выход состоит, наконец, в том, чтобы укрепить старые совхозы и поднять новые как наиболее рентабельные и товарные хозяйственные единицы.

Таковы три основные задачи, выполнение которых дает нам возможность разрешить зерновую проблему и ликвидировать, таким образом, самую основу наших затруднений на хлебном фронте.

Особенность текущего момента состоит в том, что первая задача по поднятию индивидуального крестьянского хозяйства, являющаяся все еще главной задачей нашей работы, **стала уже недостаточной** для разрешения зерновой проблемы. Особенность текущего момента состоит в том, чтобы первую задачу **дополнить** практически двумя новыми задачами, по поднятию колхозов и поднятию совхозов. Без сочетания этих задач, без настойчивой работы по всем этим трем каналам невозможно разрешить зерновую проблему ни в смысле снабжения страны товарным хлебом, ни в смысле преобразования всего нашего народного хозяйства на началах социализма.

Как смотрел на это дело Ленин? У нас имеется известный документ, говорящий о том, что предлагаемая вниманию пленума резолюция Политбюро целиком совпадает с тем практическим планом по развитию сельского хозяйства, который набросал в этом документе Ленин. Я имею в виду «Наказ СТО», писанный рукой Ленина[187].

Микоян. В августе 1921 г.

Сталин. Он издан в мае 1921 г. В этом документе Ленин разбирает три группы практических вопросов: первая группа касается вопросов товарооборота и промышленности, вторая группа – вопросов подъема сельского хозяйства, третья группа – всякого рода экосо и областных совещаний по регулированию хозяйства. Что сказано там, в этом документе, о сельском хозяйстве? Вот цитата из «Наказа СТО»:

«Вторая группа вопросов. Подъем сельского хозяйства: а) крестьянское хозяйство, б) совхозы, в) коммуны, г) артели, д) товарищества, е) другие виды общественных хозяйств» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 247)[188].

Вы видите, что практические выводы резолюции Политбюро по разрешению хлебной проблемы и вообще сельскохозяйственной проблемы целиком совпадают с планом Ленина, изложенным в «Наказе СТО».

Крайне интересно отметить ту чисто юношескую радость, с какой Ленин, этот великан, ворочавший горами и сталкивавший их друг с другом, встречал каждую весточку об основании пары-другой колхозов или о присылке тракторов для того или иного совхоза. Вот, например, выдержка из письма «Обществу технической помощи Советской России»: «Дорогие товарищи! В наших газетах появились чрезвычайно благоприятные сведения относительно работ членов вашего Общества в советских хозяйствах Кирсановского уезда Тамбовской губ. и при станции Митино Одесской губ., а также о работе группы шахтеров Донецкого бассейна... Я вхожу с ходатайством в президиум ВЦИК о признании наиболее выдающихся хозяйств образцовыми и об оказании им специальной и экстраординарной помощи, необходимой для благоприятного развития их работы. Еще раз выражаю вам от имени нашей республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ваша помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной. Особенное удовольствие мне доставляет возможность поздравить вас с предполагаемой вами организацией 200 сельскохозяйственных коммун» (т. XVIII, ч. 2, стр. 78–79)[189].

А вот еще выдержка из письма «Обществу друзей Советской России» в Америке: «Дорогие товарищи! Я только что проверил специальным опросом Пермского губисполкома те чрезвычайно благоприятные сведения, которые были опубликованы в наших газетах относительно работы членов вашего Общества, во главе с Гарольд Веер, с тракторным отрядом Пермской губернии **на совхозе** (советском хозяйстве) «Тойкино»... Я вхожу с ходатайством в президиум ВЦИК о признании этого советского хозяйства образцовым и об оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в

отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и другими материалами, необходимыми для организации ремонтной мастерской. Еще раз выражаю вам от имени нашей республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и столь важным, как оказанный вами» (т. XVIII, ч. 2, стр. 77–78)[190].

Вот с какой радостью ловил Ленин каждую малейшую весточку о развитии колхозов и совхозов. Пусть послужит это уроком для тех, которые думают превратить Ленина из пролетарского революционера в крестьянского философа.

А теперь позвольте перейти к вопросу о временных конъюнктурных затруднениях, превративших наши хлебные трудности в заготовительный кризис.

В резолюции сказано об этих причинах достаточно ярко. Перечислены четыре главные причины: нарушение рыночного равновесия, ошибки планового руководства, недостатки заготовительного и партийно-советского аппарата и использование затруднений капиталистическими элементами в деревне (кулаками и спекулянтами). Так как обо всем этом говорилось здесь достаточно много, то я думаю, что не стоит дальше распространяться об этих причинах.

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу замечания тов. Петровского. Я беру пункт первый резолюции насчет нарушения рыночного равновесия и насчет того, что деревня вообще, зажиточные и кулацкие слои деревни в особенности подняли свою доходность, повысили спрос на товары и на этой основе создали нарушение равновесия между спросом на товары и их предложением. Тов. Петровский не хочет признать правильности этого определения. Он говорит: как же так, с одной стороны, сказано, что деревня подняла доходность, с другой стороны, говорится в резолюции, что крестьянское хозяйство является наиболее отсталым, – здесь, дескать, имеется противоречие. Я думаю, что здесь нет никакого противоречия. Дело в том, что в пункте, говорящем о поднятии доходности деревни, доходность этого года сравнивается с доходностью предыдущих годов, причем несомненно, что доходность деревни в этом году действительно поднялась, ввиду хотя бы трех лет урожая. Если бы это было неправильно, тогда нечего было увеличивать сельхозналог, нечего было пороть горячку насчет самообложения и т. д. Что касается другого пункта резолюции, то там говорится о чрезмерной отсталости сельского хозяйства в смысле темпа его развития **в сравнении с промышленностью**, что опять-таки верно, ибо несомненно, что темп развития сельского хозяйства действительно чрезмерно отстает от темпа развития нашей индустрии. Ясно, что тут нет никакого противоречия. Поэтому оба эти пункта резолюции нужно считать правильными.

Я думаю, что к числу временных причин, вызвавших затруднения на хлебном фронте, надо добавить еще одну причину, а именно – перерасход хлеба, неправильное расходование хлеба органами нашего снабжения.

Г о л о с. Обязательно.

Сталин. И пусть не кивают здесь на Наркомторг, ибо не он один виноват в этом, а виноваты все мы.

Г о л о с а. Правильно!

Ворошилов. Но в первую голову виноват Наркомторг, так как он сидел на этом деле. (С м е х.)

Сталин. Поэтому необходимо внести в резолюцию соответствующий пункт о перерасходе хлеба.

О том, что нужно предпринять меры, исключающие необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер, – об этом я уже говорил, ввиду чего и не стоит здесь распространяться.

Я хотел бы только остановиться на трех вопросах чисто практического характера, отмеченных здесь во время прений товарищами из хлебных районов.

Во-первых, надо признать, что во время хлебозаготовительной кампании наши парторганизации слишком высунулись вперед, оттеснив назад советские и кооперативные организации, а иногда даже заменяя их собой.

Г о л о с. Ничего нельзя было сделать иначе.

Сталин. Я это понимаю и говорю об этом не с целью обвинить кого бы то ни было. Это явление было вызвано тем обстоятельством, что слишком трудно было раскачать наши заготовительные организации, ввиду чего и появилась необходимость максимального контроля со стороны парторганизаций.

Г о л о с. И директива была больно грозная.

Сталин. Директива была действительно грозная, так как парторганизации тоже медленно раскачивались, между тем как положение с хлебом создавалось грозное и медлить дальше нельзя было. Как бы то ни было, надо иметь в виду, что парторганизации не должны впредь заменять собой кооперативно-советских организаций.

Г о л о с. Верно.

Сталин. Надо запомнить раз навсегда, что руководство со стороны парторганизаций – это одно, а оттирание на задний план советско-кооперативных организаций – это совершенно другое. Первое абсолютно необходимо. Второе недопустимо и вредно. Первое не должно превращаться во второе ни в коем случае, ни при каких условиях. В противном случае мы можем загубить дело нашего строительства.

Во-вторых, вопрос о гарнцевом сборе. Я думаю, что тов. Шеболдаев поставил здесь серьезнейший практический вопрос о гарнцевом сборе. Дело обстоит так, что около миллиарда пудов хлеба крестьянин перемалывает на мельницах для своих личных потребностей. Хлеб этот перемалывается отчасти на ветряных мельницах, отчасти – говорят, около половины всей этой суммы – на наших государственных и кооперативных мельницах. Платят обычно за перемол три или пять фунтов с пуда натурой. Это составляет для кооперативных и государственных мельниц около 50 млн. пудов хлеба, если не больше. Куда девается этот хлеб? Нельзя ли установить строжайший контроль над тем, чтобы этот хлеб поступал в общий фонд наших заготовительных организаций?

Микоян. Правильно!

Сталин. Надо помнить, что 50 млн. пудов хлеба представляют совершенно обеспеченный и бесспорный фонд, который следовало бы иметь в виду при составлении наших резервов.

Микоян. Можно и должно.

Г о л о с. Сейчас взяли в работу.

Сталин. В-третьих, вопрос об общественных магазинах, поставленный здесь тов. Медведевым. Было бы в высшей степени целесообразно завести такие магазины, где можно было бы накопить известный минимум запасов для обслуживания бедноты и маломощных слоев середняков в наиболее трудные месяцы заготовительного года.

Я кончаю, товарищи. Я думаю, что хлебные затруднения не пройдут для нас даром. Наша партия училась и продвигалась вперед, преодолевая трудности и всякого рода кризисы. Я думаю, что нынешние трудности закалят наши большевистские ряды и заставят их вплотную взяться за разрешение хлебной проблемы. А разрешить эту проблему – значит снять с дороги одну из самых больших трудностей, стоящих на пути к социалистическому преобразованию нашей страны.

Председатель. Объявляется перерыв. Первый оратор Бухарин, следующий Молотов.

Г о л о с а. Значит, до завтра? (Ш у м.)

Председатель. Прошу сесть, товарищи.

Г о л о с а. Сейчас половина десятого. (Ш у м.)

Председатель. Сейчас десять минут десятого, а регламент мы приняли до десяти часов. Я говорю по тем часам, которые здесь, и не могу смотреть вам в карман. По регламенту мы должны работать до десяти часов. Тут некоторые товарищи поняли, что мы до завтрашнего дня объявляем перерыв. Голосуется. Кто за то, чтобы до завтрашнего утра объявить перерыв? Кто против этого? Большинство. Значит, сегодня Бухарин говорит.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Бухарин.

Ворошилов. Нужно установить, сколько он будет говорить.

Г о л о с а. Посидим, ничего.

Председатель. Тов. Ворошилов имеет слово.

Ворошилов. Я предлагаю установить, сколько времени нужно тов. Бухарину. Мы все время говорим о рациональном использовании времени и т. д., может быть, здесь мы будем рациональными. Если Бухарину нужно полтора часа, он, вероятно, зарядит на два часа, тогда лучше перенести на завтра. Если ему нужно полчаса или сорок минут, тогда можно сегодня.

Председатель. Давайте обсудим. Сколько намечает тов. Бухарин?

Бухарин. Я бы просил дать мне час.

Г о л о с а. Это значит два. (С м е х.)

Бухарин. Час по любым часам, которые на столе или в карманах у товарищей, в том числе у тов. Ворошилова. Но я бы просил, это вполне понятно с моей стороны, чтобы вы меня не дергали, а если настроение такое, что публика будет нервничать, торопить, тогда лучше перенести на завтра.

Председатель. Голосуется еще раз. Кто за то, чтобы перенести на завтра дальнейшие прения? Большинство. (С м е х.)

ЗАСЕДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Утро, 10 июля

Председатель (Рыков). Тов. Бухарин имеет слово.

Бухарин. Товарищи, я хотел бы в своей речи затронуть не только вопросы, непосредственно связанные с хлебозаготовками, но и некоторые общие вопросы нашей хозяйственной политики. Мне кажется, что, обсуждая вопросы, связанные с хлебозаготовками, мы, по сути дела, быть может, не вполне это сознавая, подводим известный баланс нашей работе за определенный, качественно новый период времени. Мы живем, как это уже давно всем известно, в **реконструктивный** период, и вопрос о хлебозаготовках, по сути дела, разрастается в вопрос о том, насколько мы оказались приспособленными к решению задач реконструктивного периода. Вот с этой точки зрения мне хотелось бы прежде всего сказать несколько слов. Подводя итог нашей работе за время с конца восстановительного периода, следовательно, за первые шаги периода реконструктивного (в скобках замечу, что я отлично понимаю **условность** этих границ), мы можем констатировать, прежде всего, громадные завоевания, которые сделало советское государство. Эти огромные достижения идут по целому ряду самых различных направлений. Не подлежит никакому сомнению, что мы в области **технической** реорганизации, несмотря на все пробелы и ошибки, сделали все же большое продвижение вперед. Не подлежит никакому сомнению, что, с точки зрения роста производительных сил и развития **социалистического сектора** хозяйства, мы можем отметить самые несомненные и очень значительные успехи. Не подлежит никакому сомнению, далее, что, с точки зрения подведения социалистической базы под **сельское** хозяйство, мы вошли в полосу (которую никак нельзя недооценивать!) гораздо более быстрого развития общественных, коллективных форм в нашем сельском хозяйстве; наконец, точно так же не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что и в смысле подготовки **кадрового состава** нашего людского аппарата мы точно так же имеем кое-что сказать в «свое оправдание» перед всемирной историей. Но, товарищи, наряду с этим (и, мне кажется, это-то и составляет специфическую особенность момента), наряду с несомненным продвижением вперед и с огромным положительным балансом, который мы можем зачислить в свой исторический счет, опыт реконструктивного периода, вернее, того отрезка реконструктивного периода, который мы уже имеем за своей спиной, обнаружил такие огромные, зияющие дыры, такие провалы, которые ставят перед нами целый ряд **серьезных проблем общехозяйственной политики**. Когда мы вступили в реконструктивный период, партия написала в своих решениях, на своем знамени, партия это **подчеркнула**, пароль: **хозяйство с резервами**! Если вы посмотрите на решения наших съездов и пленумов ЦК – и в связи с внутренней обстановкой, и в связи с внешней обстановкой, неизбежно обостряющейся, – вы увидите, что мы все время ставили себе задачу хозяйствовать **с резервами**: валютными, товарными, хлебными, золотыми. Мы этой основной директивы **не выполнили**, и мы в этом отношении находимся в крайне **тяжелом** положении.

Г о л о с а. Верно!

Бухарин. Недооценивать этого мы никак не можем, в особенности если мы будем иметь перед собой большую вероятность крупных **внешних осложнений**. Это, мне кажется, товарищи, тема, на которой не нужно останавливаться, чтобы ее популяризировать. Она настолько бьет в нос, что пары каких-нибудь цифр нашей задолженности по одним краткосрочным обязательствам и нашего уменьшения золотых запасов (плюс сравнение с колоссально быстрым накоплением золотых запасов западноевропейских стран, в первую очередь Германии) вполне достаточно даже для общей оценки положения на **этом** фронте. Оно, это положение, таково, что, конечно, не может не внушать нам определенной тревоги, не может не ставить перед нами очень остро **коренных задач нашей хозяйственной политики**. Затруднения, связанные с невыполнением директив насчет резервов, исключение хлебного экспорта, крупные провалы в нашем капитальном строительстве, которые всем нам хорошо известны и за которые, конечно, все мы несем ответственность, сплачивание контрреволюционных сил на этой базе против нас и крупнейшие провалы в деле хлебозаготовок, что составляет предмет, политическое ядро обсуждения хозяйственных вопросов на данном пленуме, – все это сигнализирует нам какие-то общие задачи, касающиеся нашей хозяйственной политики.

Прежде всего, товарищи, я хотел бы поставить перед пленумом Центрального Комитета вопрос общего порядка, такой вопрос, который, может быть, сначала покажется товарищам слишком академическим или почти излишним, а именно, я хочу поставить со всей откровенностью и честностью перед самими собой такого рода проблему: не вытекают ли огромные колебания и трудности такого масштаба, какие мы имеем сейчас в связи с хлебозаготовками, и то большое социально-политическое колебание, которое этому сопутствует, – не вытекает ли все это **из самой сути**, из самой **природы** реконструктивного периода? Не вытекает ли из **общих** трудностей реконструктивного периода огромный диапазон социально-политических колебаний в стране? Не являются ли эти трудности общим законом нашего развития в **реконструктивный период**? Не есть ли это нечто, навязанное нам самим ходом вещей, от чего мы не можем никак и ни при каких условиях избавиться? Я должен сказать, что на этот вопрос я лично даю **отрицательный** ответ. Трудности **такого** масштаба, какие мы имеем, вовсе не **вытекают непосредственно** из общих трудностей реконструктивного периода. Мне кажется, что по этому вопросу нужно строго различать две вещи, которые не совпадают друг с другом. Известный рост объективных трудностей вообще есть реальный факт. Если мы хотим догнать Западную Европу (а мы этого хотим); если мы хотим усилить темп накопления в социалистической промышленности (а мы это делать хотим); если мы примем во внимание общий наш хозяйственный фон, нашу отсталость, нашу нищету, то совершенно понятно, что из всего этого вытекают огромные трудности для нашего строительства. Мы хотим зараз решить целый ряд больших задач: **максимум** накопления в социалистической индустрии; **максимум** подъема в сельском хозяйстве; **максимум** потребления рабочего класса и трудящихся масс вообще, **максимум** их подъема и т. д., – мы всюду хотим достигнуть **максимума**. Нетрудно понять, что, во-первых, в такой формулировке эти задачи одновременно **не разрешимы**. Мы их решаем частично, делая крен то в одну, то в другую сторону и поправляя себя. У нас существуют неизбежные перегибы в одну сторону, вызывающие реакцию противоположной стороны, и мы двигаемся все время в противоречии. Само собой разумеется, что такого рода трудности действительно лежат в природе нашего реконструктивного периода. Обращаю ваше внимание, например, на такой любопытный факт, что мы жалуемся на хозяйственную диспропорцию то с одного конца, то с другого.

Ворошилов. Давай твою панацею.

Бухарин. Панацеи давать я не хочу, а ты меня, пожалуйста, не дразни.

Я хочу сказать, что реконструктивный период совершенно естественно вызывает ряд осложнений и трудностей. Но вместе о тем для меня не представляет никакого сомнения, что **трудности трудностям рознь**, что трудности такого порядка, которые бы влекли за собой обязательно, говоря формулировкой т. Сталина во вчерашней речи, **угрозу смычке с крестьянством**, что **такого** рода трудности **не вытекают** обязательно из характера реконструктивного периода. И мне кажется, что когда Ленин оставлял нам свое политическое завещание (оставляя его, он, конечно, отлично понимал, что мы вступим когда-нибудь в реконструктивный период), то он совершенно точно формулировал **границу** тех трудностей, которые **допустимы** для нас и которые могут иметь место в ходе нашего исторического развития. Он, мне кажется, дал точную **количественную** формулировку этих трудностей. Владимир Ильич писал: «Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами» (т. е. между пролетариатом и крестьянством), «тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, **и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы следить за обстоятельствами**» (следить за обстоятельствами! – Н. Б.), «из которых может вытечь раскол, и **предупреждать их**»[191].

Когда, беря формулировку т. Сталина, мы говорим теперь: «у нас есть угроза смычке», – подходит ли это под категорию «обстоятельств, из которых может вытечь раскол»? Конечно, подходит. Угроза смычке есть «обстоятельство», «из которого может вытечь раскол». Ленин отлично понимал, что пролетариат и крестьянство – это два разных класса, что, конечно, между ними есть классовые разногласия, потому что не может быть двух классов, между которыми не было бы классовых разногласий. Но Ленин писал, что главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, заключается в том, чтобы не допустить возрастания этих разногласий до степени «серьезных классовых разногласий», т. е. до таких разногласий, которые могут вызвать угрозу смычке. И если мы сейчас говорим, что есть известная угроза смычке, то совершенно естественно, что здесь классовые разногласия начинают **перерастать** количественно в такие классовые разногласия, из которых «может проистечь раскол», и задача нашей партии, согласно политическому завещанию Ленина, заключается в том, чтобы следить за этим и предупреждать это.

Если бы мы расценивали дело иначе, т. е. если бы мы считали, что сама **природа** реконструктивного периода ведет с неизбежностью к такого рода социально-политическим потрясениям, которые вызывают угрозу смычке, мы неизбежно пришли бы к той теории, которую формулировал когда-то Троцкий, а именно, что в ходе развития и проч. неизбежно столкновение между пролетариатом и крестьянством и гибель пролетдиктатуры, если не будет государственной помощи западноевропейского пролетариата. Следовательно, на вопрос относительно того, вступили ли мы в период больших осложнений и больших трудностей, я должен ответить: вступили. Вступили ли мы в период больших осложнений и трудностей, которые могут вызывать, в особенности в условиях разнообразных наших просчетов, ошибок и проч., известные колебания (а в известной мере наши просчеты и проч. тоже неизбежны, потому что мы не всеведущи, и наши ошибки – это есть накладной расход нашего собственного обучения)? Такие колебания не исключены.

Ворошилов. Когда обучишься, тоже будешь ошибаться.

Бухарин. Но, с другой стороны, такого рода трудности, которые приводят к **постоянному воспроизводству угрозы смычке, не лежат объективно и неизбежно в**

природе реконструктивного периода. Я, товарищи, обращаю ваше внимание еще на другое положение Ленина, которое целый ряд товарищей выдвигал на последних наших партийных собраниях, и, если не ошибаюсь, на XV съезде об этом говорил ряд ораторов, а именно положение, что нам **недостает культуры и уменья управлять**.

Ворошилов. Вот это правильно!

Бухарин. Когда мы сейчас подводим итоговый баланс разных наших недочетов, то, мне кажется, одним из главных выводов, который мы должны сделать, – это то, что **мы не научились еще хозяйственно управлять и не достигли той ступени хозяйственной культуры, которая нам необходима с точки зрения объективных потребностей реконструктивного периода**.

Ворошилов. Правильно!

Бухарин. Недавно один выдающийся немецкий профессор поместил огромную статью относительно Советского Союза. Он писал про нас, большевиков: замечательнейшие первоклассные политики, прекрасные политические стратеги, великолепные агитаторы, прекрасные учителя того, как нужно политически переделывать людей; но у них нет хозяйственной тренировки, нет хозяйственной культуры, и несмотря на то, что какие-нибудь 10–20 тысяч большевиков, стоящих на хозяйственном фронте, прямо погибают и изнывают в работе, в героическом труде, они не имеют еще достаточного хозяйственного, культурного тренажа, расчета, уменья считать и тех хозяйственных добродетелей, которые необходимы, чтобы делать большое хозяйственное дело.

И достаточно посмотреть и на малое, и на большое, и на то, как мы строим мостовые и дома, и как мы, скажем, справляемся с нашим импортным оборудованием, чтобы сказать: **эта характеристика не так далека от истины**.

Г о л о с. И денежек-то у нас мало.

Бухарин. И вот, товарищи, я считаю, что если мы с этой точки зрения подойдем к итоговому балансу нашей хозяйственной политики, то вряд ли сейчас правильно, и **тактически и политически**, развивать целую кампанию против так называемой «теории просчетов». Когда мы на прошлом пленуме обсуждали вопрос о причинах нашего заготовительного кризиса и когда мы искали этих причин в нашем прошлом, то все вы, вероятно, помните, как тогда мы аргументировали. Вот, например, речь т. **Микояна** на прошлом, апрельском пленуме ЦК и ЦКК. Тов. Микоян прямо выставил следующее положение в своем докладе, он говорил: «Я считаю, во всяком случае, можно прямо утверждать, ***что две трети причин этих затруднений могли быть устранены нами, если бы своевременно по линии экономического руководства и по линии организационной были нами приняты все необходимые меры***». (Курсив т. Микояна.)

Микоян. Говоря о специфических причинах затруднений текущего года, правильно.

Бухарин. В решениях апрельского пленума, которые вы все, вероятно, помните и которые никем еще не отменены, есть два места: в одном из них говорится о том, что причины этих затруднений не случайны, что они связаны с трудностями быстрой подготовки индустриализации страны, с ошибками планового хозяйственного руководства и т. д. Это абсолютно верно...

Но если мы возьмем специфические причины, то мы в резолюции апрельского же пленума имеем ответ и на вопрос о специфических причинах трудностей. На стр. 12 имеющегося у меня издания резолюций апрельского пленума говорится о затруднениях хлебозаготовок, затруднениях, «**которые не имели бы места при своевременном правильном сбалансировании основных элементов хозяйства и при устранении недочетов хозяйственного и партийного аппаратов**». Это написано в резолюции ап-

рельского пленума, и это место так же, как слова т. Микояна, является совершенно правильной трактовкой наших затруднений с точки зрения **специфических** причин.

Политбюро предлагает вниманию пленума определенную резолюцию по вопросу о хлебозаготовках. В этой резолюции очень подробно и совершенно правильно очерчены два круга причин. Большой круг причин или, если хотите, **условий** для появления затруднений: наша хозяйственная отсталость, дробность сельского хозяйства, мелкокрестьянский его характер, наша нищета и т. д. С другой стороны, совершенно правильно указано, что эти общие причины **реализуют возможности** затруднений, превращают затруднения из возможных в действительные на основе ряда особых, специфических причин. Резолюция говорит и об этих **специфических** причинах:

а) **Нарушение рыночного равновесия** и обострение этого нарушения благодаря более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьянства в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев.

б) **Неблагоприятное соотношение цен на хлеб** в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства, что ослабляло стимул к реализации хлебных излишков и чего, однако, не могла изменить партия во второй половине заготовительного года, не вступая в конфликт с маломощными слоями деревни.

в) **Ошибки планового руководства**, главным образом по линии своевременного завоза товаров и налогового обложения (низкий налог для имущих слоев деревни).

г) Недостатки заготовительных и партийно-советских организаций (отсутствие единого фронта, отсутствие активности, ставка на самотек).

д) Использование всех этих минусов капиталистическими элементами города и деревни (кулаки, спекулянты) для подрыва хлебозаготовок.

Подводя итог, резолюция рассматривает этот процесс и с **социально-классовой** стороны, говоря об «использовании» всех этих минусов капиталистическими элементами города и деревни. Это совершенно правильная формулировка. Но если мы спросим себя касательно каждого из этих факторов, является ли он объективным (в смысле **независимости от нашей политики**), то мы должны будем ответить отрицательно. Возьмем эти факторы по порядку. «**Нарушение рыночного равновесия, в связи с недостаточным предложением промтоваров**» – это связано с нашими ошибками, в смысле недостаточного обложения деревенской верхушки, т. е. связано с нашей политикой. **«Неблагоприятное соотношение цен на хлебном рынке»** – это не есть богом данная величина, она зависит также от нашей политики. А дальше указаны: **«ошибки планового руководства»** и **«недостатки заготовительных и партийно-советских организаций»**, – все это точно так же не от бога данные величины, а целиком зависящие от нас. Следовательно, наша резолюция, которую, надеюсь, пленум примет с полным единодушием, говорит: вот ряд специфических факторов, и все они, как вы видите, имеют самое **ближайшее отношение к нашей хозяйственной политике**. Отсюда следует, что при более умелом хозяйственном руководстве, поскольку от этих факторов зависят **специфические** причины затруднений, ясное дело, мы получим **другой специфический результат** и не дадим наглеющему и растущему кулаку, который является организующим началом сил, стоящих против нас, маневрировать так, как он маневрировал в переживаемый нами период времени.

Я целиком разделяю такого рода постановку вопроса, что хлебозаготовительные затруднения раскрыли перед нами во всей остроте двоякого рода затруднения и поставили перед нами двоякого рода задачи: 1) затруднения **общего** характера. которым соответствуют **общеперспективные**, длительного характера задачи, требующие от нас твердой генеральной установки **на ряд лет** (таковы затруднения, вытекающие из на-

шей отсталости, из мелкоты нашего сельскохозяйственного производства, такова наша установка, данная на XV съезде партии, линия на усиленную работу по коллективизации сельского хозяйства); 2) затруднения **специфического**, при этом крайне острого характера, которые образуют существо так называемого текущего момента в узком смысле этого слова и которые требуют от нас специфических ответов (отмена чрезвычайных мер и т. д.). Само собой разумеется, что эти проблемы непосредственно связаны с вопросами **классовой борьбы**. Никакая хозяйственная проблема вообще не бывает «чистой» хозяйственной проблемой; чистых хозяйственных проблем, т. е. проблем хозяйства, не связанных с проблемами классовой борьбы или не выражающих другой стороны этой классовой борьбы, в природе не бывает (на этом я подробно останавливался в своем докладе об апрельском пленуме)[192].

Речь идет, натурально, о классовом обществе, в бесклассовом обществе нет классов. Совершенно понятно, что отрывать вопросы классовой борьбы от наших хозяйственных вопросов ни в коем случае нельзя, это было бы принципиальной методологической неверностью, ошибкой, против которой нужно было бы изо всех сил и самым решительным образом бороться.

Микоян. Правильно!

Бухарин. Но когда мы анализируем специфические причины нашего кризиса, когда мы переходим от обсуждения вопроса о наших общих задачах, от вопросов генеральной линии на колхозы и совхозы, от вопросов о наступлении на кулака и пр. к **специфическим** причинам, причинам «малого порядка», то делается ясным, что из **общих** причин мы не можем объяснить резкого и судорожного потрясения, которое испытала наша хозяйственная система в текущем году. В самом деле, в прошлом году мы вывезли хлеба на 277 млн. руб. и всех накормили, в этом году мы не только ничего не вывезли, но, кроме того, испытываем жесточайшие признаки недопотребления в целом ряде районов. Ясное дело, что за **один** год кулак не мог вырасти в такую силу, за **один** год не мог совершиться такой процесс дробления, чтобы вызвать такое быстрое и кризисное потрясение всей нашей экономики. Именно поэтому резолюция и ставит вопрос о **специфических** причинах, которые превратили возможные затруднения, основанные на общих наших недостатках, на общей нашей отсталости и дробности, **в реальность**, из **возможности** кулацкого наступления эти причины сделали **реальность**. И кулак **смог** повести за собой другие слои крестьянства именно в силу этих особых, добавочных, специфических причин. В прошлом году в среднем, если учесть и частные хлебозаготовки, когда частник платил цены выше наших, в общем цена хлеба для мужика была несколько выше, чем в этом году. В прошлом году налог не мог быть заплачен техническими культурами, а в этом году был заплачен техническими культурами; в прошлом году не было такой суммы добавочных денег от строительства, как в этом году. Теперь зерно было поставлено в совершенно исключительное, чрезвычайно неблагоприятное **положение на хлебном рынке**. Именно **поэтому** стимул для продажи хлеба был крайне понижен. Именно **поэтому** как раз в данном году кулак и смог повести за собой **на вопросе о ценах** (не на каком нибудь вопросе, а на вопросе о ценах на хлеб) известные слои в деревне. Именно поэтому в **этом** году и **на зерне** мы испытали потрясение нашего хозяйственного организма.

Следовательно, главнейшим вопросом, который здесь играет роль, является вопрос **о ценах**. Неправильно преуменьшать значение именно этого фактора, и не совсем правильно как раз для данного случая рассуждать таким образом, что цены-де вообще у нас играют ограниченную роль, что у нас не капиталистическое хозяйство, что у нас при пролетарской диктатуре вообще цены в значительной мере не играют роли регулятора производства и не имеют такого решающего значения. Это **так** и **не так**. Конеч-

но, внутри нашего государственного круга цена или форма стоимости является известной фикцией, если хотите; это есть наш счетный метод, а не выражение анархического хозяйства. Это все верно, но в соотношении между нами и мелким крестьянским кругом, где **рыночные отношения являются решающими** (мы все здесь единым фронтом сражались против тов. Осинского и отчасти против тов. Варги и др.), там и категория цен является решающей, там не может быть, чтобы цена не являлась регулятором производства. Неправильно также думать, будто в условиях совершенного планового хозяйства, где формы цены вообще нет, можно было бы «назначать» какие угодно пропорции между различными отраслями производства. Это тоже неправильно. Если какая-нибудь отрасль производства, будь то сельское хозяйство, промышленность или отдельная ветвь этих крупных подразделений, систематически отдавала бы много больше труда, чем она получала бы, и если бы она не покрывала бы своих трудовых издержек, то эта отрасль производства вынуждена была бы сжиматься. В коммунистическом обществе не будет никакого рынка, не будет никакой цены. Но из этого вообще не следует, что плановое руководство коммунистического общества может как угодно относиться к данной отрасли производства. Если вы ее «обидите», она перестанет развиваться. Закон цен умирает, но остается закон пропорциональных трудовых затрат, и если какая-нибудь отрасль производства не получает достаточного питания от совокупного хозяйственного организма, она хиреет. Из этого закона выскочить никак нельзя, и поэтому, оставив в стороне весьма ученый вопрос о соотношении между ценой и ценностью, о перерастании цены во что-то другое и т. д., все-таки нужно сказать: если какая-нибудь отрасль производства «обижена» с точки зрения распределения ресурсов, она неизбежно идет назад, а у нас распределение совокупных наших сил и ресурсов идет главным образом по двум каналам: через политику цен и через политику налогов, как всем нам очень хорошо известно.

Должен сказать, что, несмотря на то, что правильная статистика есть элементарная предпосылка для правильной хозяйственной политики, достать нужные цифры очень трудно. Я хотел бы показать, что руководство хозяйственной политикой опиралось на совершенно странные показания наших статистических ведомств. Я навел справки по вопросу о ценах на зерно, о том, как действительно обстоит это дело. О некоторых цифрах, которые я получил из Госплана РСФСР, из ЦСУ и т. д. касательно ряда районов, можно сказать, что они говорят о каком-то сумасшедшем доме. Одна только надежда, что они не совсем правильны, – речь идет именно о ценах. Я пошел очень простым путем. У нас один из самых неблагополучных районов по хлебу – это Северный Кавказ. Я просмотрел цифры по Северному Кавказу с точки зрения того, что будет, если мы вычислим доходы, т. е. деньги, выручаемые крестьянином, не только с пуда пшеницы, но и с **десятины**, потому что всякому отлично известно, какую роль этот подсчет дохода на десятину играет для крестьянского хозяйства.

Если верно то, что я получил, – ответственности за цифры я на себя не беру, – тогда нужно удивляться, каким образом те затруднения, которые мы имеем сейчас, не произошли раньше.

Цифры, которые я получил по Северному Кавказу, гласят следующее.

Валовой сбор **пшеницы** с десятины в **1925/26** г. составлял **69**,**9** пудов, в **1926/27** году – **37**,**9** пудов в **1927/28** году – **29**,**8** пудов. (Ш у м.)

Г о л о с а. Не может быть.

Бухарин. Да, да.

Г о л о с. Цифры правильные. Там 3 года был неурожай.

Бухарин. Я взял для проверки другие цифры. Справочник ЦСУ. Цифры, за маленькими отклонениями, сходятся.

Теперь, товарищи, посмотрим, как было бы дело с точки зрения анархического рынка. Анархический рынок для данного сбора хлеба поднял бы немножко цены.

[**Микоян**. Неверно. «Немножко» не могло бы быть.

Бухарин. Ты мне не навязывай, я говорю «может быть, немножко».] Так вот, товарищи, если посмотреть, как реагировали **мы** на такое положение, то, оказывается, **мы** реагировали таким образом, что при сборе с десятины в **69**,**9** пудов крестьянин получал за пуд **115** копеек, а при сборе в **37**,**9** пудов (когда **урожай пал** чуть не вдвое) **цена пала** чуть не на целый гривенник – **1 р**. **2** копейки. А если мы посмотрим и поставим вопрос, как изменилась **выручка крестьянина** за эти годы, если перемножить эти цифры и вычесть то, что он затратил на семена, то окажется, что в **1925 г**. он выручал с десятины **72** рубля, в **1926– 1927 г**. **– 32** рубля, в **1928 г**. – **24** рубля.

Г о л о с. По льну тоже так.

Осинский. С американским фермером так всегда бывает.

Бухарин. Я не знаю, всегда ли так бывает...

Ворошилов. А ты должен знать, ты докладчик.

Бухарин. Я очень хорошо знаю, что если вы повышаете цену в каком-нибудь одном районе, то это имеет последствие для других районов, где никаких коррективов не нужно. Поэтому было бы совершенной дикостью исходить из указаний одного района, по одному району выравнивать цены, или исходить из одной закономерности для всех других районов. Но мы исходим из того, что мы все же по районам варьировать **должны**. И тов. Микоян говорил в своем докладе, и мы из этого исходим, что если мы будем повышать цены, мы должны варьировать по районам в связи с конкретным положением вещей, которые в данном районе происходят. Мы этого **не** делаем. Поэтому мне кажется абсолютно правильной та настойчивость, с которой теперешний пленум выдвигает **проблему зерна**, та настойчивость, с которой товарищи говорят о **ценах**. Это, мне кажется, вытекает из самой сути текущего экономического момента.

Естественно, при таком положении вещей с **зерном** (и по налогам, и по ценам), при отсутствии хлебных резервов, при таком положении вещей, когда мы взяли на себя почти с самого начала чересчур много объектов снабжения со стороны государственного аппарата, – естественно, мы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам. Я должен со всей решительностью заявить, что сейчас не должно быть вопроса о каком бы то ни было покаянном тоне по отношению к чрезвычайным мерам. Не может быть и речи о том, чтобы задним числом их охаивать, или о том, чтобы задним числом говорить, что не надо было их применять. Совершенно ясно, что, просчитавшись в прошлом, застигнутые врасплох, мы должны были прибегнуть к чрезвычайным мерам. Не подлежит никакому сомнению, что мы стояли перед проблемой: или остановить фабрики, или хлеб брать (в значительной степени именно не покупать, а брать).

Г о л о с а. Неверно.

Бухарин. Ну, это вовсе не неверно, а, по-моему, это весьма верно. Однако я считаю, что даже при такой формулировке, которую я даю, все же эти мероприятия были правильными. У нас не было **никакого другого выхода**. И задним числом здесь сейчас давать отбой и говорить: «ах, вот что мы наделали, ах, какие мы меры приняли, ах, что мы наделали, ах, как мы накуролесили», – это ни к чему не приведет, потому что никто не указал другого рецепта, как выйти из этого положения. Мне кажется, мы могли бы прибегнуть к другим рецептам, если бы подумали гораздо **раньше** об этом, на **несколько месяцев** раньше. Но после XV съезда, когда было упущено время для всякого другого маневра, когда мы были застигнуты событиями почти врасплох, у нас не было возможности другого маневра. И колебать этот маневр, вставлять палки в колеса

этим чрезвычайным мерам, плакаться, что они повлекут за собой крупные последствия, – это означает вредить единственному мероприятию, которое вытекало из тогдашнего положения вещей.

Г о л о с а. Правильно.

Бухарин. Это нужно сказать полным голосом. Никакой здесь ревизии в этом отношении не может быть допущено. Но мне кажется, что напрасно вообще переносить в эту плоскость центр нашей дискуссии, центр нашего обсуждения. **Не в этом центр вопроса сейчас**. Не в нашем прошлом, а в нашем **настоящем**. И тут мы должны спросить у себя: вот собрался ЦК нашей партии, собрался на некотором трудном переломе нашей хозяйственно-политической жизни; что же является тем **политическим звеном**, за которое пленум должен ухватиться сейчас? Что является той задачей, которую пленум в первую очередь, с точки зрения теперешней **политической конъюнктуры**, должен разрешить? Ответ на этот вопрос дает наша резолюция, которую Политбюро предлагает пленуму. Ее политический смысл? **Политический смысл есть снятие чрезвычайных мер**. Поэтому совершенно понятно, что когда люди выходят и предлагают такую резолюцию, так они в первую очередь должны мотивировать именно снятие чрезвычайных мер. Потому что партия должна знать, почему пленум, собравшись в трудной обстановке, признавая, что чрезвычайные меры были совершенно правильными и другого выхода не было, почему этот пленум своей **главнейшей** задачей поставил **снятие чрезвычайных мер как ответ текущей политики на конъюнктуру сегодняшнего дня**.

По этому вопросу должна быть у всей партии полная ясность, и **мы должны сказать так: мы сейчас должны снять чрезвычайные меры, которые исторически оправданы** и к которым мы совершенно правильно прибегли. Мы должны снять эти чрезвычайные меры, **потому что они переросли самих себя, они изжили себя исторически**, они хозяйственно нам больше почти что ничего не дают, они хозяйственно если имеют какой-нибудь результат, то результат этот состоит в усилении тех тенденций, еще не очень больших, но растущих, которые ведут в сторону военного коммунизма (перехода на карточки, исчезновения продуктов с рынка и целого ряда других автоматически развивающихся явлений).

С другой стороны, политически они дают чрезвычайно резкий, большой, но, к сожалению, отрицательный эффект, ссоря нас со все более широким кругом крестьянства. На этом сходятся все товарищи, и это лежит в основе того, что пленум, собравшийся в такой момент, постановляет **чрезвычайные меры снять** и пленум в своей резолюции мотивирует и аргументирует, **почему** нужно снять эти чрезвычайные меры, хотя мы целиком, на все сто процентов эти чрезвычайные меры оправдали.

Я, товарищи, абсолютно согласен с тем, что **вопрос о классах** должен быть поставлен со всей остротой. Но вопрос о классах, целый комплекс вопросов о классах, – этот вопрос в первую очередь сводится к проблеме наших отношений со **средним крестьянством**. Когда Владимир Ильич писал в своем политическом завещании о необходимости беречь наш союз с крестьянством, двигаться со всей массой и т. д. и при этом не упоминал ни одним словом о кулаке, то ясное дело, что он не упоминал о кулаке вовсе не потому, что он «не видел» кулацкой опасности, а потому, что он считал, что важнейшей проблемой является **вопрос о середняке**, который в значительной мере разрешает и вопрос о победоносной или не победоносной борьбе с кулачеством. И когда мы сейчас говорим: нам нужно проанализировать классы, классовое соотношение, ибо всякая марксистская политика предполагает точный анализ положения классов, анализ соотношения классовых сил, а при наших условиях – соотношение между рабочим классом и крестьянством, мы, конечно, прежде всего, должны поста-

вить вопрос о том, что случилось за это время в отношениях между пролетарской властью и середняцким крестьянством. Я должен здесь в первую очередь реабилитировать письма, против которых выступали здесь некоторые товарищи. Мы несколько времени тому назад не жалели громких и торжественных слов на предмет восхваления рабкоров, селькоров, военкоров и прочих «коров». Мы тут делали ошибку.

Косиор. Нельзя только на основании писем судить о положении.

Бухарин. Это, конечно, верно. Но преуменьшать значение писем совсем не гоже. Мы правильно говорили, что это огромнейшая армия, она опосредствует нашу смычку с массами. Возьмем любого «руководящего работника», которому редко приходится бывать на местах, а к числу таких людей принадлежит огромнейшее большинство наших руководящих товарищей. Как мы можем узнать положение вещей на местах иначе, как через сведения, которые нам передаются по партийной линии, по профсоюзной линии, через этих самых рабкоров, селькоров и военкоров, которые действуют в самой гуще масс? Ясное дело, что если мы заткнем ухо по отношению к тому, что доходит к нам из глубины масс, мы обнаружим известную **бюрократическую однобокость**. Ибо и так мы затрепаны до чертиков работой, мы не видим живого человека, мы видимся только друг с другом, да и то не всегда. Мы очень сильно оторвались физически от масс, и для того, чтобы нам политически от них не оторваться, нам нужны какие-то многочисленные провода, которые доносили бы до наших ушей то, что делается в глубине масс. При опыте, который у нас есть, когда мы хорошо отмечаем всякое письмо, поддельное, или жульническое или настоящее, я считаю, что нам нельзя замахиваться на этот важнейший источник нашей информации, иногда более правдиво передающий факты, чем официальный источник. На этот источник ни в коем случае замахиваться нельзя.

Молотов. Правильно.

Бухарин. Я тоже думаю, что правильно. Мне кажется, не совсем правильно то, что товарищи, которые собрались со всех концов нашего Союза, чрезвычайно мало говорили **о фактах**. Ведь нельзя сводить анализ текущего момента к тому, какая разница между размычкой и началом размычки, между кризисом и началом кризиса. Из таких логических понятий очень трудно что-нибудь вывести. **Факты** нужно приводить...

Варейкис. Мы их знаем.

Бухарин. Ты знаешь, что у тебя под носом, но не знаешь, что есть в других местах нашего Союза.

Постышев. Пишут же вам о настроениях.

Бухарин. Мы должны ответить на вопрос о том, что происходит, на основании известных **фактов**. Я, товарищи, не собираюсь говорить относительно всех фактов, это было бы утомительно и завело бы нас далеко, но я должен в общем сказать, что безусловно мы имели перед собой известную **волну массового недовольства**. Около 150 разных выступлений в целом ряде мест нашего союза: на Украине, на Сев. Кавказе, в Казахстане, Сибири и т. д.

Ворошилов. На одной шестой части земной поверхности.

Бухарин. Мы знаем целый ряд, несколько десятков различных террористических актов, да вот и тов. Эйхе заявил, что улучшение положения он видит в том, что меньше стреляют в наших товарищей. Мы имели мятеж или бунт в Семипалатинске[193], мы имели погромчики на Ленинградской и Московской бирже[194]. Мы имели восстание в Кабарде[195] и целый ряд других вещей.

Скрыпник. Все это было и в прошлом году, только теперь острее.

Бухарин. Не совсем так было в прошлом году, потому что в прошлом году не бы-

ло того, что было сказано на пленуме ЦК Украины. На пленуме ЦК Украины были некоторые высказывания, которых не было на прошлом пленуме ЦК Украины. Позвольте мне вам привести выдержки из некоторых выступлений.

Например, тов. Бадеев говорит: «Мы имеем большущие политические осложнения среди крестьянства. Нам приходится встречать единый фронт села против нас. Это не шутка для нас, это надо учитывать. Если нам после всех этих ошибок придется полезть на чердаки, то нас с чердака спустят». Разве хоть один товарищ говорил в **прошлом году** что-нибудь подобное?

Тов. Сапов: «Мы имели примерно их (массовых выступлений) до 50 в своем округе, имели крестьянские демонстрации в городе, и везде и всюду, на основании самых точных, самых объективных проверенных документов, мы установили, что руководство везде и всюду принадлежало кулаку». Были в прошлом году крестьянские демонстрации в городе.

Г о л о с. 1-го мая.

Бухарин. (П р о д о л ж а е т ц и т а т у.) «Известный надлом отношений города с деревней у нас имеется и в союзе рабочих и крестьян тоже имеется». «Тут определенная трещина есть. Мы имеем сейчас **отход из блока середнячества к кулацким кругам**, мы имеем такой момент, особенно среди верхушечной части середнячества».

Тов. Ткаченко: «Сейчас оптимизма разводить, смотреть оптимистически на настроение села не приходится. Сейчас настроение в селе много хуже, чем было в апреле месяце... Я считаю, что сейчас нужно принять уже экстраординарные меры в отношении всего, чтобы сгладить эти настроения в деревне». Вот еще одна выдержка: «Смычка до некоторой степени нарушена, и я считаю, что на это надо обратить серьезное внимание».

Тов. Чернявский: «Мы имеем такое положение, когда беднота в своих демонстрациях в городе не идет к представителям советской власти, а идет к рабочим – к своим шефам, на предприятия».

Тот же тов. Чернявский говорит: «Мы имеем выступления старых партизанов-революционеров, когда они приходят к советской власти, к военкому и заявляют: «Что, дадите нам хлеб? Мы в очень тяжелом положении, мы вам помогали в хлебозаготовках, мы выкачивали хлеб у кулаков, у середнячества, помогали вам провести большую работу по самообложению и т. д., а теперь мы очутились в таком положении, что мы не имеем чего есть. **Мы советскую власть завоевали, мы можем ее развоевать**». Это, товарищи, не один факт в Одесском округе – это массовые явления».

Тов. Икс: «Мы получили первый звонок от истории в дни Кронштадта[196], второй звонок был во время грузинского восстания[197], и тогда мы открыли нечто новое на селе. Теперь, нужно ли нам сейчас дожидаться третьего звонка, а что если история третий звонок отменила? Я считаю, что, конечно, очень легко отделаться от этих назойливых проблем аргументацией от паникерства. Но те, кто видел село в 1924 г., и те, кто видел село сейчас, должны прийти к неумолимому выводу, что положение вещей на селе грознее, чем оно было в тот период, когда мы бросили лозунг „лицом к деревне“».

Тов. Гулый: «Совершенно согласен с выступлением Икса (предыдущий оратор). Нельзя отделаться таким положением, когда у нас внедрилась, как какая-то традиция, что на верхушке боевое спокойное настроение, а всякая точная информация о том, что делается на местах, считается паникой. Я считаю, что с этим боевым спокойствием нужно покончить и всякую точную информацию...

Каганович. Но боевая паника еще хуже.

Бухарин. <Точную информацию,> которую считают за панику, – это чрезвычайно вредно для партии».

«Неправильно, тов. Сапов, когда приходите на трибуну и говорите, что у нас никакого надкола с крестьянством нет...»

Каганович. Он этого не говорил.

Бухарин (п р о д о л ж а е т ц и т а т у). «Это значит, что вы замазываете сейчас, с этой трибуны, глаза партии».

Я мог бы читать еще довольно много таких же выступлений, имевших место на пленуме ЦК Украины.

Каганович. Там и другие речи были, надо бы и те цитировать.

Бухарин. Там были и другие речи. Но я не считаю, что то, что я сейчас прочитал, это есть правильная оценка положения. Я считаю, что, скажем, рассуждения о «втором» и «третьем» звонке есть действительно крупнейшее перебарщивание. Но, товарищи, если на пленуме ЦК одной из братских партий, входящей в состав нашей партии, раздаются такие речи, **то это все-таки кое-какой симптом**.

Стецкий. А генеральный секретарь т. Каганович приезжает сюда и ничего не говорит нам об этом.

Каганович. Дайте мне два часа, как т. Бухарину, я вам все расскажу и речи процитирую.

Косиор. Стецкому из Ленинграда дальше всех видно.

Бухарин. Я говорю, что все-таки нельзя сказать, что «в прошлом году» были такие речи! Когда Владимир Ильич встречался с людьми, наводящими панику, он говорил, что паникеров надо расстреливать, что нужен единый фронт и т. д. **Но он никогда не требовал, чтобы замалчивались факты. Наоборот, он требовал правдивого освещения**. Факты нужно знать наперед и каждый такой факт регулировать.

Ворошилов. Кем это отрицается? Кого ты убеждаешь?

Бухарин. Я не знаю, кем это отрицается, но только знаю, что сам я об этом узнал только вчера.

Ворошилов. Я от тебя знал об этом полтора месяца тому назад. Ты же меня информировал.

Бухарин. Я тебя информировал по части того, что я узнал; специально для этого дела потребовалось, чтобы я два дня в ГПУ просидел.

Ворошилов. А я об этом знал по долгу службы.

Косиор. За что вы его посадили в ГПУ? (С м е х.)

Менжинский. За паникерство. (С м е х.)

Бухарин. Так вот, если мы поставим перед собой вопрос относительно нашего теперешнего положения, можно ли оценивать наше теперешнее положение таким образом, что мы имеем перед собой два звонка, а третий на очереди...

Косиор. Третьего звонка у нас вообще не бывает.

Г о л о с. Третий звонок отменен на железной дороге.

Бухарин. Мне кажется, что такая оценка неправильна. Но можем ли мы сказать, что у нас есть **реальная угроза смычке между рабочим классом и крестьянством**? Можем, и мы должны исходить из констатирования этого факта...

Молотов. При продолжении чрезвычайных мер.

Бухарин. При дальнейшем продолжении чрезвычайных мер, это верно. То есть угроза сейчас есть, и если бы мы продолжали чрезвычайные меры, угроза росла бы; поэтому мы чрезвычайные меры сейчас снимаем.

Г о л о с. Навсегда снимаем? (Ш у м.)

Бухарин. Погодите, я вам отвечу на все.

Ворошилов. Ты часа на три зарядил, как видно, недаром перенесли твое слово.

Бухарин. Нужно исходить из того, что, когда мы в период прошлого времени при-

меняли чрезвычайные меры, мы имели действительно процесс известного перерастания чрезвычайных мер в то, что можно назвать «тенденцией в сторону военного коммунизма». Этого отрицать нельзя. Мы только что во время программной дискуссии определили военный коммунизм как систему, которая ставит своей целью рациональное потребление при урезке индивидуалистического стимула мелкого производителя, при реквизициях, конфискациях и проч. Не стоит говорить, что такие элементы в нашей теперешней системе **есть** и что они могли бы **развиваться** при продолжении системы чрезвычайных мер.

Я, товарищи, обращаю только ваше внимание на три пункта, о двух из которых здесь упоминалось. Если бы мы не сняли чрезвычайные меры, то мы бы усилили эту тенденцию, которая развилась бы автоматически, перекидываясь из одной отрасли в другую. Это было бы системой военного коммунизма, но, первое, без войны, второе – когда «земельный» аргумент, как это отмечалось целым рядом товарищей, для мужика исчез. И еще я хотел бы отметить одну вещь, которую чрезвычайно важно иметь в виду на все будущие случаи. Это следующее: когда мы прибегали к военно-коммунистическим мероприятиям в прежние годы, у нас было до известной степени «равенство в нищете», т. е. кадровый состав наших работников точно так же сидел на пайке, а когда сейчас вводится карточная система, то бытовые, потребительские и всякие иные условия различны, так как те, кто вводит карточную систему, сами на пайке не сидят.

Г о л о с. Можно посадить.

Бухарин. Я говорю сейчас о том, что **есть**. Поэтому совершенно естественно, что эта самая история чревата очень крупными социальными опасностями и это нужно иметь в виду. А результат какой? Подытоживая то, что у нас есть, мы говорим: чрезвычайные меры изжили себя, они сыграли крупнейшую историческую роль, целиком себя оправдали, сейчас их действие превращается в собственную противоположность – поэтому мы их **снимаем**.

Но перед нами сейчас уже стоит вопрос насчет **перспектив**, насчет дальнейших перспектив, и мне кажется, что этот вопрос будет потруднее. И вот первое предложение, которое выражено в известном письме тов. Фрумкина и которое подкреплено целым рядом других документов.

Рудзутак. Повторено, но не подтверждено.

Бухарин. Тов. Сталин читал один документ, я бы мог прочитать целый ряд других документов, напр. письмо тов. Яковенко – оно выражает собою целую большую систему взглядов. Должен сказать, что мимо этого проходить нельзя, потому что это чревато большими опасностями с точки зрения расположения классовых сил в нашей стране, оно чревато большими опасностями не потому, что существует ряд товарищей, дающих такие-то и такие-то формулировки, а потому что сила инерции, хвост, который по этому направлению развевается, это не наш резерв, не наш классовый резерв, дать какой-нибудь малейший повод в стране, скажем, возврату к отмененной нами избирательной инструкции, – это значит мобилизовать еще в большей степени кулацкую стихию против нас, мелкую буржуазию целого ряда городов, среднюю буржуазию, мелкобуржуазные прослойки и т. п. В нашей стране резервы этих сил постоянно очень велики, и малейшее колебание в рядах нашей партии по этому вопросу имеет непропорционально огромное политическое значение. Стоит только в современной тяжелой обстановке, при таком колебании классов сделать известный шажочек, стоит сделать намек насчет политических прав кулака и проч., как внутри партии могут вздыбиться огромные силы, и поэтому абсолютно правильно, тактически верно, политически необходимо сомкнутым строем бороться против этой опасности и этой опасности дать отбой.

Вопрос относительно возврата к XIV съезду – это не есть такой простой вопрос. XIV съезд принял целый ряд решений, и лозунг возврата к XIV съезду имеет совершенно определенное политическое значение. Лозунг возврата к XIV съезду – это есть вовсе не реабилитация или подтверждение решений XIV съезда. Его политический смысл есть **отмена решений XV съезда**.

Г о л о с. Правильно.

Бухарин. Вот как политически стоит вопрос. И поэтому, когда выдвигается лозунг «назад к XIV съезду», то нам нужно понимать и очень хорошо видеть, что по сути дела это есть лозунг «**долой XV съезд и его решения**».

Г о л о с а. Правильно.

Бухарин. Я должен сказать, что марксистская политика нашей партии, она всегда проверяется на практике, у нас решения съездов не фетишизированы, и если бы мы увидали, что решения XV съезда неправильны, партия бы решила на пленуме ЦК предложить созвать съезд и пересмотреть эти решения.

Г о л о с. Чрезвычайный съезд.

Бухарин. Но никакого фетишизма, даже по отношению к решениям нашей высшей инстанции, у нас абсолютно нет. Совершенно объективно анализируя положение вещей, мы говорим: **решения XV съезда подлежат не пересмотру, а усиленному проведению в жизнь**.

Должны ли мы сейчас положение, получившееся в результате хлебозаготовок, исправлять тем, чтобы идти на какие-то уступки по отношению к кулакам, снять лозунг усиленного наступления на кулачество? **Абсолютно** нет, **не в этом** сейчас проблема. Центральная проблема в настоящее время заключается в том, чтобы нам снять ту **угрозу размычки** с середняком, которая у нас есть. Мы снимаем чрезвычайные меры и **ни в коем случае мы не отождествляем чрезвычайных мер с решениями XV съезда. Это нужно, мне кажется, заколотить железными гвоздями во все головы членов нашей партии**. Решения XV съезда нашей партии дают генеральную установку **не конъюнктурного** характера: укрупнение нашего сельского хозяйства, усиленное экономическое окружение кулака, без методов его раскулачивания, на рельсах новой экономической политики, с возрастающим влиянием моментов регулирования и государственного вмешательства. А чрезвычайные меры – они стоят особо. Это есть реакция на конъюнктуру в узком смысле этого слова, реакция на специфические затруднения, как теперь снятие чрезвычайных мер. Реакция на длительные причины – это есть **подъем нашего сельского хозяйства**, это есть подъем **индивидуального** хозяйства, это есть усиленный **курс на коллективизацию**, совхозы, **индустриализацию сельского хозяйства и дальнейшее наступление на кулака**. В связи с этим должен сказать, что тов. Микоян правильно сделал, когда он наряду с ударом против правой тенденции ударил и против другой правой (я не считаю ее левой), против правой **троцкистской** тенденции. Эта опасность точно так же существует, об этой опасности точно так же ни в коем случае не нужно забывать.

У нас, товарищи, такое положение вещей, что против такой теории, которая была здесь развита целым рядом товарищей относительно пределов развития индивидуального хозяйства, нужно действительно возражать изо всех сил. Экономическую аргументацию против этого положения об исчерпанных уже возможностях развития индивидуального хозяйства развил целый ряд товарищей, но есть еще и политическая аргументация, которая идет параллельно экономической. Если вчера тов. Сталин говорил относительно того, что необходимо изо всех сил драться против такого предрассудка, что индивидуальное хозяйство у нас уже заперто, и экономически это аргументировал, то я должен сказать, что есть еще политическая сторона этого дела. Если мы скажем

нашему крестьянину, что тебе как индивидуальному производителю при советских условиях **каюк**, ты дальше **не можешь сделать шагу вперед**, он скажет: «спасибо за такие условия, покорно благодарю советскую власть». Это вывод, который напрашивается сам собой. Мы можем таким образом отбить это самое среднее крестьянство, отогнать его черт знает на сколько километров от нас. Именно поэтому Вл. Ильич давал иногда чрезвычайно острые формулировки, предупреждающие нас на целый ряд лет о том, чтобы мы не наделали каких-нибудь глупостей по отношению к среднему крестьянству. Вам всем известна такой исключительной резкости формулировка, которая есть у Владимира Ильича: «Нам нужно было спешить, во что бы то ни стало, путем отчаянного прыжка, выйти из империалистической войны, которая нас довела до краха, нужно было употребить самые отчаянные усилия, чтобы раздавить буржуазию и те силы, которые грозили нас раздавить. Все это было необходимо, без этого мы не могли бы победить. Но если подобным образом действовать по отношению **к среднему крестьянину, – это будет идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы**» (О работе в деревне. VIII съезд партии. Т. XVI, стр.150)[198]. Здесь со всей силой ленинского убеждения дана такая формулировка, что от нее кое у кого волосы дыбом могут встать.

Косиор. Смотря у кого.

Бухарин. У тебя не могут и у меня также. (С м е х.)

Г о л о с. Тогда нам не опасно, пусть Микоян боится, у него вон сколько. (С м е х.)

Бухарин. Но я, товарищи, должен сказать, что, когда мы подчеркиваем важность развития индивидуального хозяйства, мы должны иметь в виду то, что мы это индивидуальное хозяйство должны зацеплять **за личный стимул** его развития. И тут ничего тоже зазорного нет. Владимир Ильич ставит этот вопрос так, он говорил: «Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на **личной заинтересованности** крестьянина. Нам говорят: личная заинтересованность крестьянина – это значит восстановление частной собственности. – Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия – она не уничтожалась по отношению к крестьянам никогда. Мы уничтожили частную собственность на землю, крестьянин вел хозяйство без всякой частной собственности на землю, например на земле арендованной. Эта система существовала в очень многих странах. Тут экономически невозможного ничего нет. Трудность в том, чтобы **лично заинтересовать**» (Речь на съезде политпросветов. Т. XVIII, ч. 1-я)[199].

И это остается правильным и до сего времени. Но неправильным является, когда эти методы **зацепки** за личный индивидуалистический стимул крестьянина понимают таким образом, будто они являются не методами зацепки, чтобы вести **от** индивидуального **к общественному**, а когда полагают, что эти методы зацепки вообще не имеют **никакого** отношения к переводу от индивидуального к общественному. Когда это считают самоцелью – это неправильно. Поэтому неправильно противопоставление задач подъема индивидуального хозяйства и строительства коллективов. Нужно ставить проблему таким образом, что коллективизация сама строится на подъеме индивидуальных хозяйств. Наша политика по отношению к индивидуальному хозяйству заключается в том, чтобы с одной стороны его поднимать, строить на нем, а с другой стороны, не забывать об **обобществлении** этого крестьянского индивидуального хозяйства и, наоборот, в этом видеть свою основную установку. Коллективизировать не на упадке, а **на росте** производительных сил. Ленин прямо возражал против такой оценки, что чем беднее индивидуальное хозяйство, тем легче оно пойдет к коллективизации. Он прямо ставил вопрос: «Организуем ли мы мелкое крестьянство на **основе развития его производительных сил**, поддерживая это развитие пролетарской властью, или

подчинят его капиталисты, от этого зависит исход борьбы. В десятках революций было то же самое, но такой войны не видал еще мир. Опыта у народа в таких войнах быть и не могло. Мы его должны создавать сами, и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чем девиз и величайшая трудность» (Речь на съезде политпросветов)[200].

Так ставил вопрос Ленин: «на основе развития его производительных сил». И поэтому абсолютно неправы те товарищи, в частности Милютин и другие, которые говорили, что закрыта возможность роста индивидуального сельского хозяйства. Это абсолютная чепуха. В скобках я должен заметить, что этот закон базируется на законе убывающего плодородия почвы, и если говорят, что на данном участке дальше невозможно развитие, даже при условии добавочного вложения труда и капитала, тем самым проповедуется чуждый марксизму закон убывающего плодородия почвы. Но, во всяком случае, при переходе на более крупное хозяйство имеется ряд огромных преимуществ. Нужно всячески бороться **против скептического отношения к колхозному и совхозному строительству**, против того, что это будто бы только для разговоров, что это сравнительный пустяк и прочее. Это не пустяк, а одна из важнейших наших политических задач.

Разрешите теперь, товарищи, остановиться на вопросе о классах и классовой борьбе, в связи с нашими перспективами. Я должен сказать, что касательно перспектив я лично настроен не так радужно, как говорившие здесь товарищи. Мы, например, возьмем известную сейчас ходячую цифру, что у нас будет урожай выше среднего, больше среднего – чуть не на полмиллиарда, на 500 000 000 пудов.

Менжинский. Это пустяки. (С м е х.)

Бухарин. Менжинский говорит, что это пустяки, хотя Менжинский и не экономист.

Г о л о с. Он первый наркомфин после Октябрьской революции.

Бухарин. Мы должны посмотреть, из чего складываются эти 474 миллиона. По данным ЦСУ, они дают увеличение по всему хлебофуражному балансу.

А если вы возьмете **рожь** и **пшеницу**, то вы получите по ржи и пшенице, по сравнению с **прошлогодним**, дефицит на 36 млн. пудов. 315 млн. пуд. по ржи меньше прошлогоднего, по пшенице на 279 млн. пуд. больше прошлогоднего, в общем балансе на 36 млн. пуд. меньше прошлогоднего. Но это данные по самой предварительной оценке. Фактическая урожайность, исчисленная в процентах на 15 июня, обычно оказывается ниже: в 1924 г. она составляла 92% предполагавшейся, в 1925 г. было исключение – 104%, в 1926 г. – 94%, в 1927 г. – 96%. Следовательно, если фактический урожай отклонится от июньской оценки на 5%, то вместо превышения валового сбора всех хлебов на 474 млн. пуд. мы будем иметь превышение на 224 млн. пуд., а в случае отклонения на 2% – только на 325 млн. пуд. А если возьмете продовольственные культуры, то при первом варианте мы будем иметь пшеницы и всякого зерна меньше, чем в прошлом году, на 130 млн. пуд., а по второму варианту – на 100 млн. пуд. Следовательно, мы примерно должны считаться с тем, что на **будущий год** получим **на 100 млн**. **пуд**. **меньше**, чем в этом истекшем году. Это есть добавочная, очень крупная трудность.

Трудности, о которых я говорю, возрастают, потому что те хлебные ресурсы, которые будут по ржи и пшенице, сокращаются на 100 млн. пудов.

Теперь, товарищи, я должен сказать, что этот вопрос поднимает перед нами вопрос о **перспективах**. Как мы действительно ориентируемся в нашей будущей политике? В этом году мы имели трудности. Можем ли мы иметь такие трудности в будущем году? Можем. А какая у нас перспектива **нашей политики**, как мы будем на это реагировать, будем ли ориентироваться на применение чрезвычайных мер, если встре-

тятся в следующем году такие трудности? И если мы их будем применять, то в таком же примерно объеме или не в таком? Как продумать **всю эту перспективу в целом**? Мне кажется, это есть самый трудный вопрос, самый мучительный и самый главный вопрос, который сейчас стоит перед нами.

Я предварительно хотел бы, товарищи, привести такого рода соображение или аналогию, которая точно так же, быть может, с первого взгляда, покажется дикой или шуточной. Представьте себе, что у вас есть пролетарская власть в мелкобуржуазной стране...

Ворошилов. Это легко представить.

Бухарин. Но что эта пролетарская власть, скажем, насильно вгоняет мужика в коммуну.

Ворошилов. Как в 1918–1919 году, скажи?

Бухарин. Тогда вы получите такую историю: вы получите восстание мужика, которого берет на цугундер кулак, кулак его организует, им руководит. Мелкобуржуазная стихия встает против пролетариата, бьет его по голове, и в результате ожесточенной классовой борьбы пролетарская диктатура исчезает. Что вы тут получаете?

Сталин. Страшен сон, да милостив бог (с м е х).

Бухарин. Могут найтись умники, которые скажут: что здесь было? Была здесь классовая борьба? Да, была. Мелкий собственник скинул рабочий класс? Да, мелкий собственник скинул рабочий класс. Руководил мелким собственником кулак? Да, мелким собственником руководил кулак, и в результате классовой борьбы мелкий собственник под руководством кулака, злейшего врага пролетариата, скинул пролетарскую диктатуру. Все, таким образом, было бы результатом классовой борьбы. Но если бы вот этакий «пролетарский руководитель» посмотрел в зеркало, то он бы увидел не только пролетария, но пролетарского **балбеса**.

Именно поэтому Владимир Ильич предупреждал изо всех сил: пролетарская власть, но давайте двигаться **вместе** с основной массой крестьянства. И вот, когда я подхожу таким образом к вопросу, когда прислушиваюсь к некоторым речам здесь на пленуме, скажем, к речи т. Андреева или к общей формулировке т. Сталина (тов. Андреев заявил, что положение довольно грозное; тов. Сталин заявил, что мы имеем сейчас угрозу смычке), то я продумываю вопрос в целом, я хочу его продумать и для будущего года. Ну, хорошо, если мы через несколько месяцев очутимся снова перед такими же затруднениями и если мы в той же мере примем экстраординарные меры, как, по-вашему, эти экстраординарные меры должны быть более или менее крутыми? Они будут неизбежно **более** крутыми.

Ярославский. Зависит от обстоятельств.

Г о л о с. Зависит от конъюнктуры.

Ворошилов. Это гадание на кофейной гуще.

Бухарин. Нет, это не гадание на кофейной гуще. Я хочу вывести из этого одно положение, которое, мне кажется, должно лежать в основе нашей политики. Мы ни в коем случае не должны ориентироваться на допущение расширенного воспроизводства экстраординарных мер.

Косиор. Это верно.

Лозовский. Это сейчас не от нас зависит.

Бухарин. От нас еще, к счастью, зависит **много**. Поэтому **центр** нашей политики, **главное**, что мы должны сказать самим себе, нашей партии и прочее, это следующее: мы ни в коем случае не должны допускать до угрозы смычке – иначе мы не выполним основного совета т. Ленина.

Ворошилов. Форсированное наступление на кулака.

Бухарин. Это, между прочим, абсолютно **правильная** вещь.

Ворошилов. Тогда смычка будет более крепкая.

Бухарин. Я отличаю смычку с **середняком** от желаемой тобой смычки с **кулаком**.

Ворошилов. Да, я «жажду», конечно, этой смычки!

Бухарин. При противоречивости нашего положения рост производительных сил тащит за собой рост кулака, а между тем мы без роста производительных сил обойтись не можем. Это объективное противоречие может быть устранено такими мерами, которые **не будут** бить середняка. У нас есть, напр., такой рычаг, как налоговая политика, которая нам дает возможность почти экспроприировать кулака, не задевая середняка, но мы только чрезвычайно мало думаем над тем, по какому расчету и как этот рычаг пустить в ход, чтобы постоянно снимать пенки с накоплений кулака и обращать их на дело социалистического строительства и в то же самое время **не обижать** середняка. Поэтому, мне кажется, здесь нет никакого безвыходного положения, и поэтому наша главная задача, наша главная решающая задача – как вести наступление на кулака такими методами и так, чтобы от этого середняк не пострадал.

Молотов. Но налог все-таки середняк должен платить, а это составляет не менее чем три четверти всего налога, что немного его «задевает».

Бухарин. А кто же против этого спорит, что приходится задеть, но повышение ставки, Вячеслав Михайлович, для середняка – одно, а повышение ставки для кулака – другое, и если хочешь, я тебе скажу, какой у нас здесь критерий должен быть. Очень простой. Если мы считаем, что крестьянское хозяйство, даже индивидуальное, должно развиваться, если мы хотим – правильная мысль, которую Сталин вчера развивал, – если мы хотим установить смычку не на миткале и ситце, а на сельскохозяйственном удобрении и металле, то имейте в виду, что крестьянин-середняк должен это самое удобрение, эти самые машины и прочее **покупать**.

Если он должен их покупать, он должен иметь у себя лишнее, чтобы не только прошлое восстанавливать, но что даст ему возможность известного **реального накопления**, потому что покупка машин или удобрения есть накопление в крестьянском хозяйстве. На экономическом языке покупка машин или удобрения есть накопление, расширенное воспроизводство.

Значит, ты должен вести по отношению к крестьянству такую политику, чтобы крестьянин мог подыматься. Этим дается граница цен и граница обложения...

Г о л о с. И для самообложения.

Бухарин. Это совершенно другая тема. Этим дается граница, потому что, несмотря на то, что неправильно сейчас исходить из теории эквивалентов, это абсолютно верно, неправильно также исходить из «закона первоначального социалистического накопления» Преображенского. Лозунги троцкистов: взять все, что «технически досягаемо», с мужика и не давать ему возможности развития производительных сил, в конце концов ударяют и по промышленности (через хлеб, через сырье, через рынок). Нам нужно иметь в виду, что накопление в социалистической промышленности есть функция, зависимая величина от накопления в сельском хозяйстве. А кулака мы можем держать в границах так, чтобы оставлять ему немного, а все остальное снимать.

Г о л о с. И он доволен.

Бухарин. Если хочешь подойти к этому концу, я должен, товарищи, сказать, что кулак очень недоволен и он будет все больше и больше артачиться против нас. Но его **сила сопротивления реально будет зависеть от того, какие резервы он поведет за собой**. Если он не поведет никого, если масса середняка с ним не пойдет, он нам не страшен, он может подымать какие угодно заговоры, мы можем расстреливать его из пулемета, но он нам не опасен и не может потрясти нашу страну.

Сейчас у нас положение таково: действительно, экономика у нас стала дыбом, когда лошади едят печеный хлеб, а люди в некоторых местах едят мякину; когда часть крестьянства вынуждена покупать хлеб в близлежащих городах, когда аграрная страна ввозит хлеб, а вывозит продукты промышленности. Ясно, что эта стоящая дыбом экономика может поставить дыбом и классы, а чтобы этого не случилось, чтобы эта экономика не поставила дыбом классы, необходимо исправить эту стоящую дыбом экономику. И здесь я должен сказать то, с чего я начал и чем я кончу.

Когда мы говорим, выдержали ли мы экзамен реконструктивного периода, мы должны ответить: **очень плохо** выдержали. Нам недостает **культурности** для решения задач этого периода. И когда мы посмотрим, как быстро сейчас идет реконструктивный процесс в Западной Европе, то мы видим, что там происходит прямо технический переворот. Мы не должны обольщать себя иллюзиями на этот счет. За два года вокруг Берлина вырос целый ряд слившихся с ним городов. И в Германии, и в других странах Европы, и в Америке мы видим огромный переворот в смысле роста техники, темп этого роста сейчас перегоняет наш темп. При этом нужно сказать, что сюда присоединяется то обстоятельство, что если, напр., миллион прибавляется в качестве накопления в Германии и миллион в качестве накопления у нас, то это не одно и то же. Там этот миллион имеет совершенно иное значение, потому что там другие улучшения в виде громадных машин, гораздо более совершенных. Когда мы читаем о таких улучшениях, мы видим, насколько мы еще **провинциалы**. Чтобы догнать их, нам необходимо утилизировать, использовать **все** силы, **все** хозяйственные факторы, которые у нас есть.

Мы должны поставить сейчас вопрос о **методах хозяйственного руководства и хозяйственного управления**. Мне кажется, наши центральные органы и Центральный Комитет партии берут на себя слишком большую обузу: и «мелкое», и «среднее», и «большое» руководство. Вместо того, чтобы ограничить руководство целым рядом хорошо продуманных, взвешенных, прекрасно разработанных основных хозяйственных проблем, мы маленькую фабричку, маленькую концессию десятки раз решаем. Но просчитались **на зерне**, это мы все теперь признаем. Мы просчитались на **распределении** зерна, о чем т. Сталин говорил, хотя для Микояна есть целый ряд извиняющих факторов; в **экспорте** мы просчитались и т. д. Или по другой линии. (Я отнюдь не имею в виду здесь частника.) Но по отношению к **нашим** хозяйственным органам, по отношению к **нашим** собственным аппаратам мы **все виды инициативы заменили единым видом инициативы со стороны государства и исключительно сверху**. Мы низовую кооперативную инициативу, местную инициативу и всякую прочую инициативу придушили, и так как мы гиперцентрализовали все дело, получился такой гиперцентрализованный бюрократический аппарат и такая ответственность наверху, что она превратилась **в свою собственную противоположность**. Над этим мы должны подумать, потому что, только пуская в ход эту местную инициативу, кооперативную инициативу, инициативу фабрик, заводов, трестов и проч., только в правильной **пропорции** между всеми этими организациями мы можем достигнуть гораздо более мобильных, подвижных, плодотворных хозяйственных факторов.

В недавно вышедших записках известного всем нашего «друга» Черчилля написано[201], что, когда он был призван к власти во время воины, когда он приступил к исполнению своих министерских обязанностей, у него в кабинете очутилось более 50 отделов и получилась такая гигантская концентрация ответственности и власти, что он первым делом, на ходу во время войны уничтожил три четверти этих вещей; децентрализовал оперативные части механизма. Я не знаю, нужно ли нам децентрализовать в такой пропорции, но я считаю это серьезнейшей проблемой, идущей по линии известного разбюрокрачивания нашего аппарата.

Здесь говорилось относительно кооперации, но то же можно сказать относительно нашего хозяйственного управления, в частности промышленного управления. Это задача очень крупного порядка, и ее нужно разрешить.

В общем и целом проблема хлебных заготовок – это есть часть этой крупной проблемы о нашем государственном аппарате и о борьбе с бюрократизмом этого государственного аппарата. И, мне кажется, если мы правильно разрешим эту проблему с хлебом, или будем идти правильно по линии разрешения этой проблемы, мы должны поставить перед собою рано или поздно вопрос в еще более широком масштабе, в еще более широком порядке и точно так же эту проблему разрешить.

Председатель. Объявляю перерыв.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель. Слово имеет т. Молотов, следующий т. Томский.

Молотов. Товарищи, я начну с вопроса о том, в чем заключается основная задача настоящего пленума ЦК в связи с обсуждением вопроса о хлебозаготовках.

Эта основная задача, очевидно, заключается в следующем: во-первых, решить, как **кончить настоящую** хлебозаготовительную кампанию, а во-вторых, наметить меры, которые должны **определить ход будущей** кампании. Из всей обстановки текущего момента вытекает, что ответ на вопрос о том, как кончить хлебозаготовительную кампанию 1927/28 г., должен состоять **в решительной ликвидации чрезвычайных мер** в деревне, и притом **ликвидации немедленной**. Но этим задача настоящего пленума не исчерпывается, так как мы должны обеспечить проведение начинающейся уже новой хлебозаготовительной кампании без применения чрезвычайных мер и в связи с этим должны дать ответ на вопрос о том, что является основным для подготовки новой кампании. Отвечаю и на этот второй вопрос, тоже кратко: основным здесь является **повышение заготовительных цен на хлеб**.

Конечно, к вопросу о заготовительных ценах далеко не сводится вся подготовка и проведение будущей хлебозаготовительной кампании. Но вопрос о хлебных ценах, о ценах на рожь и пшеницу, является здесь основным, и, вне всякого сомнения, в данный момент ответ на этот вопрос приобрел крупнейшее политическое значение.

В этом вопросе следует сейчас разобраться основательнее.

Мы должны, прежде всего, поставить перед собой вопрос: почему именно в этом году мы имели такие крупные затруднения на хлебозаготовительном фронте? Предлагаемая Политбюро резолюция дает ответ на вопрос о причинах затруднений, указывая, что основой этих затруднений является экономика и социальная структура нашей деревни («распыленность, дробность и отсталость зернового хозяйства», «мелкокрестьянский тип зернового производства и связанный с этим полунатуральный характер этого производства»), и вместе с тем отмечает целый ряд специфических причин (обострение рыночных диспропорций в связи с недостатком промтоваров для удовлетворения возросшего спроса повысившей свои доходы деревни, особенно в лице ее зажиточно-кулацкой части; неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие с/х продукты; ошибки планирования; недостатки заготовительных и других организаций; использование затруднений кулачеством и спекулянтами), с которыми связаны острые затруднения на хлебном фронте именно в этом году.

Все это требует, чтобы вопрос о причинах затруднений в хлебозаготовках этого года мы сопоставили со следующим вопросом, а именно с вопросом о том, чем объясняется то, что в прошлом году крестьянин продавал хлеб по тем самым ценам, по которым в этом году он продавать не хотел? Чем же это объясняется? Не объясняется же это тем, что в этом году у нас хлеба в деревне имеется меньше, чем в прошлом году, а

заготовить мы хотели больше прошлогоднего? Нет, конечно, не этим. Хлеба в деревне в этом году не меньше, а больше, чем в прошлом году, так как мы имеем третий урожайный год. Нынешний заготовительный план также был не больше прошлогоднего. И вот, несмотря на это и несмотря на оставление прошлогодних заготовительных цен на хлеб, мы натолкнулись уже в первой половине кампании, начиная с октября, на серьезные затруднения в хлебозаготовках.

Этот факт требует к себе усиленного нашего внимания. Тем более что смысл этого важнейшего факта никак не объяснишь и тем, что в этом году мы наделали будто бы особенно много ошибок и просчетов в планово-регулирующей работе. Эти ошибки и просчеты имели место и несомненно значительно обострили положение, но по сравнению с прошлым годом роль их отнюдь не могла быть настолько велика, чтобы в них (ошибках и просчетах) могла корениться основная причина серьезного ухудшения нынешних хлебозаготовок **по сравнению** с прошлогодними. Все это приводит к необходимости более серьезно остановиться на вопросе о ценах, точнее говоря, на вопросе о соотношении заготовительных зерновых цен и с/х цен в целом – с одной стороны, и промышленных цен – с другой. Мы должны прийти к тому, чтобы поставить этот вопрос как один из важнейших экономических и вместе с тем политических вопросов, с точки зрения его **классового** содержания.

Перед нами поставлен вопрос: почему в этом году крестьянин-середняк, обладающий основной массой зерна, не стал продавать зерно на тех же условиях, на каких он это делал в предыдущем году, несмотря на то, что зерна в стране в этом году не меньше, чем в прошлом? Ответ на этот вопрос в **основном** заключается в том, что деревня экономически окрепла, причем особенно окрепла ее зажиточная и кулацкая верхушка, и этот **социально-экономический** факт обусловил возможность более настойчивой защиты интересов деревни на том участке ее смычки с городом (на хлебном участке), на котором до сих пор оставалось наименее благоприятное для деревни соотношение цен. Увеличившаяся доходность деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев, создавшая возможность более гибкого и выгодного для крестьянства, а особенно для верхних его слоев экономического маневрирования, привела при данных условиях, т. е. при недостатке промтоваров, ошибках планирования, низком сельхозналоге для имущих крестьян и т. д., к тому, что деревня сильно уменьшила против прошлого года продажу зерна, но охотно продавала другие с/х продукты. В этом факте нашло свое отражение то, что в настоящем году укрепивший свои экономические позиции мелкий собственник деревни поставил перед нами вопрос о необходимости изменения соотношения хлебных и промышленных цен в сторону повышения цен на зерно. Это не значит, что экономические позиции мелкой собственности в нашей стране укрепились в этом году относительно больше, чем экономические позиции социалистического пролетариата. Напротив, факты показывают, что хозяйственная база социализма в нашей стране неизменно и притом быстро укрепляется, что выражается в последовательном и неуклонном возрастании удельного веса социалистического сектора хозяйства. Но, с другой стороны, было бы нелепостью отрицать несомненный факт экономического подъема деревни и особенно рост доходов ее социальной верхушки. А этот факт (подъем) не может не облегчать ее (деревни) способности экономического маневрирования на рынке и тем самым способности лучшей защиты ее отставших и потому более чувствительно задевающих деревню участков экономической смычки с городом. И это совершенно естественно в наших условиях. При советской власти хозяйственное развитие страны происходит на основе союза рабочего класса с крестьянством, т. е. все большее укрепление социалистических позиций Советского Союза происходит не за счет разорения и обнищания крестьянских масс, а путем сочетания (смычки)

дела укрепления социалистического строительства с делом экономического подъема мелкособственнической деревни, с делом все большего улучшения положения крестьянских масс при обеспечении в ходе этого развития все большей роли социалистического крупного хозяйства в городе и в деревне, что, в свою очередь, связано с коренной переделкой крестьянского хозяйства и с постепенным созданием условий для полного уничтожения классов.

В этом году, являющемся не только третьим урожайным годом, но и не первым годом роста внедеревенских заработков крестьян, – доходность деревни и особенно ее зажиточных и кулацких слоев возросла больше, чем когда бы то ни было за прошлый период. К тому же сельхозналог для экономически окрепших слоев был в этом году низким, в промтоварах был острый недостаток, особенно из-за запоздания с завозом их в деревню, а заготовительные цены на хлеб оставались значительно менее выгодными, чем цены на другие с/х продукты. При таком положении наступление кулачества и спекулянтов по линии срыва хлебных цен не могло получить должного отпора со стороны поддерживающих политику советской власти крестьян-середняков. Если основная масса держателей хлеба благодаря повысившимся у нее доходам и ряду других указанных уже моментов (в совокупности своей заметно ослаблявших стимулы к продаже хлеба по прошлогодним ценам) сократила, по сравнению с предыдущим годом, продажу хлеба государственным и кооперативным органам, выполняя свои государственные платежи, платежи по кредитам и т. п. за счет продажи других с/х продуктов и за счет других своих доходов, то эту позицию основной массы мелких собственников в данном вопросе капиталистические элементы деревни (кулачество) всячески стремились использовать по-своему, для прямой атаки против советской власти. Кулачество пыталось создавшиеся для советской власти затруднения сделать исходным моментом для контрреволюционного наступления на советы. На нас лежала обязанность дать этому наступлению кулаков и спекулянтов решительный отпор. Вот почему мы должны были применить чрезвычайные меры, которые на практике, однако, нередко задевали и середняка. Отмена чрезвычайных мер теперь, конечно, не может означать прекращения наступления на кулака, наоборот, мы должны систематически развивать наступление на кулака, но делать это другими методами, с учетом интересов середняцкой массы. У нас имеется достаточно для этого возможностей.

Однако опыт последней хлебозаготовительной кампании ясно говорит о том, что для проведения плана хлебозаготовок в наступающем году мы должны начать с того, чтобы несколько «исправить» заготовительную цену на хлеб. Следует теперь поставить вопрос: что означает то, что мы теперь наметили в отношении цен на зернопродукты? Это, товарищи, означает не что иное, как практическую **уступку середняку** со стороны рабочего класса. В этом заключается смысл проводимого сейчас повышения зерновых цен в деревне.

Г о л о с. Правильно!

Молотов. Да, это необходимая со стороны стоящего у власти пролетариата практическая уступка классу мелких собственников, т. е. середняцкому слою деревни. Тот, кто не видит, что за вопросом о соотношении цен на промышленные и с/х товары стоит вопрос о классовых взаимоотношениях, вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, – т. е. прежде всего его середняцкой массой, являющейся главной обладательницей хлеба и вообще сельскохозяйственных продуктов, тот не видит в этом вопросе основного, не видит главного. Конечно, вопрос о соотношении промышленных сельскохозяйственных цен вместе с тем связан и с вопросом об отношении к кулачеству. Однако в наших условиях это прежде всего, как ясно из предыдущего, вопрос о взаимоотношениях пролетариата и среднего крестьянства.

Политика партии заключается в том, чтобы выравнивать имеющиеся «ножницы» между промышленными и сельскохозяйственными ценами путем систематического снижения промышленных цен. Правильна эта политика или нет? Безусловно, правильна. Практическое проведение этой политики требует того, чтобы в каждый данный момент мы внимательно взвешивали и определяли возможные, т. е. посильные для пролетарского государства меры по снижению промышленных цен. Это, конечно, не требует особых пояснений. Но как раз в теперешней обстановке проблема «ножниц» имеет явно свои особые черты и поставлена в своеобразной плоскости.

В данный момент проблема сжатия «ножниц» стоит не в плоскости понижения промышленных цен, а в плоскости повышения сельскохозяйственных цен. Мы должны сейчас пойти в этом деле по менее выгодному для рабочего государства пути, по пути поднятия цен на зерновые культуры, оставляя на ближайший период промышленные цены стабильными, что, впрочем, не исключает частичного снижения и промышленных цен. Разница между сближением «ножниц» путем проведения мер по снижению промышленных цен и путем повышения сельскохозяйственных цен для всех очевидна. Понижение промышленных цен выгодно не только середняцко-бедняцкой массе деревни, но и рабочему классу как потребителю. Выгодное же для основных держателей хлеба повышение цен на зерно в лучшем случае можно лишь компенсировать рабочему-потребителю рядом напряженных мер со стороны государства (жесткой экономией в аппарате, рационализацией в постановке дела и т. п.), но при значительном повышении заготовительных цен может и потребовать известных жертв со стороны пролетарского государства. Это легко понять, если помнить о той ниточке, которая тянется от заготовительных цен на хлеб к ценам на другие с/х продукты.

И все же сейчас мы должны идти по пути некоторого повышения цен на зерно – так сложилась вся обстановка. Хотя это для пролетарского государства менее выгодный путь выравнивания «ножниц», но мы должны в данный момент идти по этому пути, сделав в этом уступку середняку ради усиления заинтересованности крестьянских масс в деле увеличения сельскохозяйственной продукции, без чего невозможно осуществление и самого курса на быструю социалистическую индустриализацию страны. Само собой разумеется, что этот шаг советской власти капиталистическая верхушка деревни (кулачество) будет стремиться использовать по-своему, и прежде всего для того, чтобы сорвать советскую политику цен на хлеб путем максимального их вздувания. Этой неизбежной со стороны кулака атаке против нас мы должны противопоставить дружное и решительное контрнаступление с нашей стороны. И это мы, конечно, сделаем. Без этого невозможно правильное проведение большевистской политики союза со средним крестьянством.

Теперь следует остановиться на двух возможных извращениях этой политики. Действительно, на практике встречаются в более или менее законченном виде двоякого рода ошибки в этом вопросе.

Ошибкой одного типа было бы следующее рассуждение: так как в течение двух-трех лет установились определенные цены на зерновые культуры и так как повышение этих цен невозможно без тех или иных жертв со стороны пролетарского государства, то не следует уступать в этом деле. Из ошибки этого рода, сводящейся к нежеланию делать какие-либо практические уступки среднему крестьянству, в данных условиях вытекает с неизбежностью политика «постоянного или длительного курса» на применение чрезвычайных мер в деревне. Эта ошибка толкает к такому выводу: если крестьянин не даст нам хлеб по старой цене, то мы будем продвигаться в деревню на рельсах чрезвычайных мер! А что это означает? Это, на деле, означает замену политики союза с середняком политикой насилия над средним крестьянством. Ясно, что подобная

линия несовместима с политикой партии. К этой политике может скатиться только тот, кто не верит в возможность строительства социализма в нашей стране на основе союза пролетариата с крестьянством. Эту политику мы вправе назвать пораженчеством, в чем, на деле, и заключается сущность троцкизма. Становиться на позицию недопустимости каких-либо практических уступок середняку – значит скатываться к чуждой большевизму политике, ведущей к разрыву союза с середняком, скатываться к политике, имя которой – троцкизм-пораженчество.

Ошибкой, хотя и другого типа, было бы и такое рассуждение: так как мы натолкнулись на значительные затруднения в хлебозаготовках и стоим перед необходимостью поднять цены на хлеб, то наша уступка в этом деле должна удовлетворить не только основную массу крестьянства, но и ее капиталистическую верхушку, требующую так называемых «восстановительных» цен на хлеб. Известно, что оппозиция во время прошлого съезда советов выступила с этим требованием на фракции съезда. Следовательно, подобные требования могут проникать и в ряды нашей партии. Однако не только защита «восстановительных» цен, но и защита немедленной прибавки в 50–70% представляла бы в настоящих условиях прямую сдачу позиций под напором кулачества и спекулянтов. Приемлема ли эта политика для нашей партии? Нет, абсолютно неприемлема. Идти по этой линии – значит идти на поводу у кулака и тем самым подрывать социалистические позиции рабочего класса. Насколько вполне соответствует политике партии и тем самым политике Ленина линия на сглаживание имеющихся еще и временами обостряющихся «классовых разногласий» (Ленин) между пролетариатом и классом мелких собственников путем некоторых посильных для рабочего класса практических уступок основной массе мелких собственников (середнякам), настолько же в корне противоречит этой политике линия панического отступления перед напором капиталистических элементов (кулачества и спекулянтов), перед напором, особенно усиливающимся в моменты острых хозяйственных затруднений и направленным на прямой срыв советской политики цен и вообще на укрепление позиций капиталистических элементов за счет социалистических. Эту линию, ведущую (как бы иногда ни замаскировывалось ее существо) к сдаче пролетарских позиций кулаку и спекулянту, быть может, кто-нибудь по наивности тоже изобразит как линию на укрепление союза пролетариата с крестьянством. Партия же ни в каком случае не может признать правильной линию, сущность которой, при всех оговорках, сводится к такому рассуждению: коль уж делать некоторые уступки главному держателю хлеба и вместе с тем нашему союзнику – середняку, то лучше при этом удовлетворить и кулака в его грабительских требованиях на спекулянтское вздувание хлебных цен. Кто скатывается к этой линии, тот подменяет большевистскую политику союза с середняком такой, по сути дела, мелкобуржуазной политикой, которая во всяком случае не выражает собой политики союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса. Эта линия ведет на деле **к отказу от руководящей роли пролетариата** в рабоче-крестьянском союзе, что и вскрывает ее ликвидаторскую сущность. С этой линией **ликвидаторства** в отношении политики партии и в отношении социалистического строительства большевик должен вести постоянную и беспощадную борьбу.

Обе указанные ошибки несовместимы с линией партии. Наша линия в данном случае, как и во всей политике, вытекает из того, чему мы учились у Владимира Ильича. Мы должны в определенных случаях идти на практические уступки середняку, поскольку это вытекает из его насущных экономических интересов и поскольку это совместимо с проводимым пролетарским государством курсом на строительство социализма. В связи с этим для нас особенно важен вопрос о размерах уступок, вопрос о посильном для пролетарского государства характере их. В этом, в сущности, и заклю-

чается осуществление политики союза с середняком **под руководством** рабочего класса.

Если по этому случаю кто-нибудь скажет, что это политика «золотой середины», что это политика «центризма», то мы совершенно спокойно ответим на это, как отвечали не раз троцкистской оппозиции: что бы нам ни говорили господа троцкисты, а это и есть настоящая ленинская политика. Указанные мною две основных ошибки можно условно назвать: первую – ошибкой левого типа, вторую – ошибкой правого типа. Борьба против обеих этих ошибок нередко изображалась Троцким как борьба «центризма» против «левых» и «правых». При этом Троцкий, причисляя себя к «левым», явно исходил – даже тогда, когда еще находился в рядах ВКП(б), – из невысказанного предположения, что он находится в социал-демократической партии, что он имеет перед собой не коммунистов-большевиков, а социал-демократов (среди которых он пока, конечно, был бы «левым»!). Понятно, что в ВКП(б) эта «левизна» давно уже была разоблачена как подлинная социал-соглашательская правизна, прикрываемая «левыми» фразами и «красивыми» позами (все это «лево» и «красиво» только с мещанской точки зрения!). Это лишь доказывает, что, даже находясь почти 10 лет в рядах большевистской партии, Троцкий остался верен своим социал-демократическим представлениям о партии, и даже ВКП(б) Троцкий пытался и еще теперь безнадежно пытается изобразить ничем иным, как центристским течением, за ее борьбу против всяких извращений ленинской линии и особенно против ошибок так называемого «левого» типа, на деле представляющих из себя цветистое прикрытие социал-демократических тенденций. Нет нужды доказывать теперь, что «левизна» Троцкого есть на деле прикрытый левыми фразами социал-демократический оппортунизм, пытавшийся найти себе место в рядах нашей партии. Попытка же приравнять ленинскую политику ВКП(б) к «центризму», в социал-демократическом смысле слова, есть типичный вывернутый обанкротившихся политиков, стремящихся прикрыть свой крах бессильными выпадами против ВКП(б), так как на деле «центризм» ВКП(б), т. е. борьба и против «левых» пораженцев и против «правых» ликвидаторов, как раз и есть то, что представлял и представляет собою большевизм и что всегда должна представлять из себя настоящая ленинская политика.

Сталин. Большевистская политика.

Молотов. Это и есть большевистская политика, которая борется против извращений с обеих сторон, т. е. против извращений «слева» и «справа», на деле представляющих не что иное, как мелкобуржуазные извращения большевистской политики.

Я хочу остановиться дальше на вопросе об уступках с точки зрения истории цен за последние годы.

Приведу только четыре цифры, из которых две получены из такого источника, который у нас не пользуется особой популярностью, а именно из данных Конъюнктурного института Наркомфина[202], доставленных мне Наркомторгом СССР. Особенно важно остановиться на переломе в ценах на промышленные и сельскохозяйственные продукты в один из важнейших и притом переломных моментов нашего экономического развития – в период 1923–1924 г. Нечего говорить о том, что конец 1923 года был важнейшим моментом с точки зрения взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в нашей стране. К этому периоду относятся те существенные практические уступки, которые советская власть сделала, идя навстречу своему союзнику – мелкобуржуазной середняцкой массе деревни.

Калинин. Недурно сказано!

Молотов. Как обстояло дело в 1923–1924 году? Приведу цифры о заготовительных ценах на зернопродукты по данным Наркомторга, а цифры о ценах на промтова-

ры – по данным Конъюнктурного института, к сожалению, исходящим исключительно из цен в частной торговле. Но ввиду того, что в 1923–1924 г., а также в следующем году частная торговля играла еще в высшей степени важную роль, а в деревне безусловно главную роль, то эти данные дают в основном верное представление о соотношении промышленных и сельскохозяйственных цен того периода. Вот эти данные, дающие сравнение 1923/24 г. со следующим, 1924/25 г. Оказывается, заготовительный индекс зерновых продуктов в 1923/24 году составлял 0,78% к довоенному уровню, а в 1924/25 году он уже достиг 1,23%; в то же время розничный индекс промышленных цен за эти годы был таким: в 1923/24 г. он был 2,73% к довоенному уровню, а в 1924/25 г. он упал до 2,43%. Это значит, что за один год цены на сельскохозяйственные продукты поднялись в полтора раза, а промышленные цены за то же время несколько понизились. В этом существенном изменении соотношения цен на сельскохозяйственные и промышленные товары заключалось то, что пролетарское государство считало необходимым тогда сделать для укрепления экономической смычки города и деревни и для обеспечения дальнейшего укрепления руководящей роли пролетариата в рабоче-крестьянском блоке.

В этом существенном изменении соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары в период 1923/24 года нельзя не видеть существенной практической уступки середняку со стороны пролетарского государства, поскольку это последнее в связи с этим должно было пойти на некоторые жертвы (напр., лишиться известной части промышленных прибылей). Больше того, именно с этого момента партия в особенности стала заострять внимание на задаче систематического проведения политики снижения промышленных цен в целях ускорения дальнейшего сжатия «ножниц». Известно, что эта политика партии неизменно встречала решительное сопротивление со стороны определенной части товарищей во главе с так называемой оппозицией 1923 года. Но, как теперь каждому ясно, она полностью оправдала себя, дав толчок к усилению подъема сельского хозяйства и вместе с тем закрепив экономическую основу всего дела социалистической индустриализации страны. Пример с существенным изменением соотношения промышленных и сельскохозяйственных цен в 1923/24 году лишь подчеркивает то, как дорого партия ценит союз с середняком и на какие большие уступки идет пролетарское государство для сохранения и укрепления этого союза. В существенном изменении цен, охарактеризованном приведенными мною четырьмя цифрами, как бы подчеркнута высокая, с точки зрения интересов пролетарского государства, так сказать, **«стоимость» союза** пролетариата и крестьянства. Что в этом изменении цен в тот период была сделана со стороны рабочего класса определенная уступка середняку, требовавшая известных временных жертв со стороны рабочего класса для укрепления союза с крестьянством, – в этом для нас не может быть сомнения. Истекшее пятилетие показало, что эта уступка была совершенно правильна и необходима для дальнейшего социалистического строительства, но мы должны смотреть на уступки как на уступки, не уклоняясь от понимания и не замазывая классового существа соответствующих мер со стороны пролетарского государства.

Возвращаюсь к текущему моменту.

Мы обсуждаем сейчас вопрос о повышении сельскохозяйственных цен. Это требует того, чтобы мы взвесили связанные с этим решением выводы. Нам должно быть понятно, почему здесь тов. Жуков так настойчиво выпытывал: а скажите, говорил он, во что обойдется принятие этого решения? А прикинули ли вы, как это отразится на цене хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для рабочего? Что с этим связано в отношении зарплаты, нашей валюты и всего хозяйственного положения? Эти вопросы более чем законны со стороны рабочих, стоящих у власти. Наш рабочий не мо-

жет не требовать, чтобы государственные органы, принимая решение о повышении хлебных цен, сосчитали бы, во что это обойдется. Ясно, почему это необходимо. Тов. Жуков совершенно правильно подошел к вопросу, исходя из стремления сохранить идущее развертывание промышленности, сохранить и по возможности развернуть дальше темп индустриализации. И без того мы хорошо знаем о трудности осуществления взятого партией быстрого курса на индустриализацию страны. После меня будет выступать тов. Томский, которому как руководителю профсоюзов должно быть особенно понятно, что существенная уступка в цене на хлеб действительно связана для нас с большими трудностями.

Из решения о повышении хлебных цен мы должны заранее сделать выводы в отношении ряда практических заданий.

Перед нами стоит задача: повысить заготовительные цены на зерновые культуры, но по возможности не допускать повышения цен на хлеб для потребителя. Мы должны этого добиваться, хотя, быть может, это будет связано с тем, что придется кушать не белый, а серый хлеб. Об этом мы прямо должны сказать рабочим, и рабочие нас поймут.

Ворошилов. Совершенно верно!

Молотов. Рабочие нас поймут, если в целях недопущения повышения хлебных цен мы должны будем заменить белый хлеб серым.

Нам, может быть, придется для сохранения индекса цен на сельскохозяйственные продукты в Москве продавать здесь не свежее, а мороженое мясо. Надо и с этим считаться. Надо, дальше, нажать на экономию в расходах по заготовительному аппарату. Тут надо зверски нажать для того, чтобы добиться максимального уменьшения влияния повышения заготовительных цен на потребительском рынке. За всем этим тянется нить к общему вопросу о максимальной экономии во всех государственных расходах. Тов. Осинский абсолютно был прав в том, что насчет экономии в государственных расходах мы делаем недостаточно. [Это абсолютно правильно, это вытекает из всей ленинской постановки вопроса: уступай середняку, но экономь во всем, что касается аппарата, уменьшай содержание этого аппарата, курорты, если потребуется.]

В данном случае обстоятельства дела лишний раз напоминают нам об этом, на что так решительно указывал и В. И. Ленин.

Ворошилов. Даже в отношении сессий пленумов: не две недели заседай, а четыре-пять дней!

Молотов. Сокращать говорильню – с этим тоже нельзя не согласиться. Из всего сказанного вытекает, что и в отношении нашей работы в промышленности, на производстве, перед нами лишний раз подчеркивается задача большего понижения себестоимости, большего поднятия производительности труда. [Коли нам уступки приходится делать – напрягайся. Таково положение класса, руководящего в нашей стране. Он не эксплуататор, он своей собственной мозолистой рукой тянет пролетарское государство, он не просто руководит в общем и целом, а он везет эту машину, но не один, а вместе с середняком. Это и есть союз.

Говорят, что слова т. Сталина о том, что мужик платит дань и должен платить государству, что это неловкие слова. Это абсолютно правильные слова. Дань платит и рабочий класс, и середняк, и крестьянство.

Ворошилов. Платит самому себе.

Молотов. А на чем мы держимся, когда капиталистов и помещиков мы выгнали? Нам не приходится надеяться на повышение дохода у частного капитала в городе и деревне, этот слой у нас гибнет, отживает, мы его умерщвляем и загоняем в могилу. На

кого мы можем надеяться? Мы можем надеяться только на себя, на рабочих и крестьян, вот они и несут дань.]

В 1923 году Ленин говорил о том, что мы продвигаемся вперед на крестьянской лошадке. Это было абсолютно правильным, но для настоящего времени надо учесть, что по сравнению с 1923 годом доля рабочего класса в развитии хозяйства советского государства возросла и продолжает возрастать. Рабочий класс делает это, повышая производительность труда и усиливая интенсивность своей работы. Без этого не может укрепляться дело строительства социализма. Это дело выносит на своих плечах рабочий класс и крестьянство.

Рыков. Интенсивность – да, а производительность – нет.

Молотов. У нас идет процесс повышения производительности труда, что связано и с повышением напряжения труда рабочих[203]. Но положение рабочего и крестьянина отличается тем, что хотя оба платят одному и тому же пролетарскому государству, а руководит-то государством рабочий класс. Нельзя забывать того, что, хотя диктатура пролетариата основана на союзе рабочего класса и крестьянства, однако стоящим у власти классом является только пролетариат.

Это не исключает того, что рабочий класс, выполняя свою руководящую роль, является одним из двух основных классов, на основе труда которых развертывается социалистическое строительство. Пролетарское государство тем и отличается от государственной власти всякого другого класса, что только в пролетарском государстве у власти стоит класс трудящихся, а не паразитов, не эксплуататоров. При этом социалистическое строительство связано с тем, что не только увеличивается количество рабочих в промышленности, но и поднимается производительность их труда и вместе с тем возрастает удельный вес труда занятых в крупной индустрии рабочих во всем деле развития хозяйства советской страны. Вот почему в рабочем государстве стоящий у власти пролетариат не может не быть активнейшим участником производства. При советском строе пролетариат, в интересах победы социализма, должен быть первым примером в труде, примером во всей работе по социалистическому строительству. В этом заключается одна из важнейших сторон союза рабочих и крестьян, союза, в котором руководящая роль не может не быть за рабочим классом. Такова, если можно так выразиться, «**стоимость**» **руководства** рабочего класса в этом союзе.

Вернусь опять к примеру с 1923 годом.

Тогда, в 1923–1924 г., мы провели существенные изменения в соотношении между промышленными и сельскохозяйственными ценами в пользу последних. Известно также, что уже с лета 1924 г. партия по инициативе тов. Дзержинского проводила напряженную кампанию по поднятию производительности труда. Эта кампания по поднятию производительности труда, несомненно, до известной степени была связана с той уступкой, которую рабочий класс должен был сделать в отношении цен на сельскохозяйственные продукты в этот период. Для того чтобы, несмотря на крупные изменения в соотношении цен в пользу сельскохозяйственного индекса, не только не уменьшить темп индустриализации страны, но и, опираясь в том числе и на новый подъем сельского хозяйства, еще больше усилить работу по поднятию индустрии, пролетариат Советского Союза должен был с особой энергией взяться за дело поднятия производительности труда. Поэтому, делая те или иные практические уступки среднему крестьянству, рабочий класс не может не ставить перед собой вопроса о том, что из этого вытекает для него в смысле новых обязанностей, обязанностей каждого отдельного рабочего перед своим пролетарским государством, перед делом социализма.

Особое положение у нас теперь создается для рабочих легкой промышленности.

Нам приходится в данный момент перекачивать средства из легкой промышлен-

ности в тяжелую индустрию. Что из этого вытекает в данных условиях? Из этого вытекает, что рабочий легкой промышленности, с одной стороны, понимает, что его промышленность прибыльная и что его положение можно было бы быстрее улучшать, а с другой стороны, он видит, что это делается не так быстро, как бы хотелось. Нам нельзя не учитывать неизбежного в связи с этим некоторого недовольства среди рабочих легкой промышленности. Кроме того, надо учесть, что рабочие этой промышленности больше связаны с деревней и поэтому больше отражают настроения последней. Помня обо всем этом, мы должны, однако, твердо и ясно ставить перед рабочими легкой промышленности вопрос о необходимости максимального укрепления тяжелой индустрии. Мы должны улучшать положение рабочих легкой промышленности, нередко еще весьма тяжелое. Но при этом ни в коем случае мы не можем забыть об **основной задаче** рабочего класса в настоящий период, о задаче восстановления и максимального развертывания тяжелой промышленности. Рабочие легкой индустрии, несомненно, поймут нас при правильной постановке этого вопроса. И в данном случае гарантией является высокая сознательность наших рабочих и их ясное понимание основных классовых интересов. Конечно, и в отношении перекачки средств из легкой промышленности в тяжелую надо знать меру, надо это делать с правильным государственным расчетом. Но такая переброска значительной части доходов легкой промышленности в тяжелую индустрию, в металлургию, в угольное дело и т. д. абсолютно необходима на весь ближайший период. Только так мы можем осуществить курс на быструю индустриализацию страны. Трудности, переживаемые нами в связи с хлебозаготовками, лишний раз напоминают нам о необходимости последовательного проведения взятого партией курса на индустриализацию страны, на основе которого только и может идти быстрый подъем всей промышленности, а также ускорение подъема хозяйства основных масс крестьянства, в том числе путем все более массовой коллективизации крестьянских хозяйств с переходом на новую, более высокую технику.

Теперь перейду к вопросу о пределах уступки в отношении повышения сельскохозяйственных цен. Конкретное цифровое решение этой задачи требует учета не только экономической, но и политической стороны дела. Эта политическая сторона дела, естественно, связана с оценкой теперешнего политического положения в деревне.

Из высказанных здесь мнений следует отметить оценку положения, данную тов. Андреевым для Северного Кавказа. Эта оценка в основном правильна для большинства хлебозаготовительных районов, как это и признали многие выступавшие здесь товарищи. Тов. Андреев сказал, что повторение чрезвычайных мероприятий в деревне поссорит нас с середняком, но он не допустил ни приукрашивания действительности, ни паникерского преувеличения отрицательных моментов в отношении теперешней политической обстановки в деревне. Ничего страшного не сказал и тов. Стецкий, когда ссылался на то, что поступающие в редакцию «Ленинградской правды» письма рабочих говорят о недовольстве некоторой части рабочих этими мероприятиями. Не сомневаюсь, что в «Ленинградскую правду» пишут не кулаки и не нэпманы, а рабочие и бедняцко-середняцкие элементы деревни. Нам нечего скрывать, что и у части рабочих есть недовольство последними чрезвычайными мероприятиями в деревне. Другое дело, что тов. Стецкий из писем, получаемых редакцией, сделал неправильные выводы и сказал речь с явно неправильной политической тенденцией. Мы назовем неправильную политическую тенденцию тем, чем она является, а факты – фактами, отнесясь к ним совершенно спокойно и взвесив их действительный политический смысл.

Какую же оценку пленум должен дать теперешнему политическому положению в деревне?

Мне кажется, что эта оценка может быть формулирована кратко примерно в таких

словах: в деревне в результате чрезвычайных мероприятий несомненно **ухудшилось** политическое положение, но **союз с середняком не подорван**. Ухудшение политической обстановки в ряде районов несомненно, но никто не докажет, что союз с середняком у нас сорван. Кто отступит в основном от этой оценки, тот неизбежно собьется с правильного пути и наделает кучу ошибок. Что союз с середняком не подорван, доказательством этого является продолжающийся подъем сельского хозяйства. Несмотря на чрезвычайные меры, в этом году увеличился яровой клин. Этого факта никак не оспоришь, а это, несомненно, одно из основных доказательств того, что сельское хозяйство продолжает идти на подъем, что отражает и отношение середняка к советской власти.

Тов. Крицман в «Правде» подтвердил этот факт бесспорными данными, но допустил ошибку, не проведя ясной грани между основными результатами политики партии в деревне, включая и развертывание решительного наступления на кулачество, – с одной стороны, и непосредственным влиянием на деревню последних чрезвычайных мер – с другой. «Правда» в примечании к его статье старалась исправить эту ошибку. Но эта поправка «Правды» оказалась недостаточной и однобокой. В примечании редакции «Правды» говорится: «Автор явно переоценивает наши достижения, говоря о подъеме крестьянского хозяйства в связи с хлебозаготовками». Это правильно. Но в этом примечании следовало бы также прямо указать и на то, что подъем крестьянского хозяйства у нас все же налицо. Этого добавления в примечании нет, и потому тут получилась неясность в постановке вопроса и некоторая однобокость. Дальше в примечании редакции говорится: «Если бы это было так (т. е. если бы тов. Крицман был прав), то союз пролетариата с основными массами крестьянства за последние месяцы стал бы еще крепче». Редакция права, что автор недооценивает факта ухудшения политического положения в связи с последними мероприятиями в деревне. Но если неправильно говорить в данный момент об укреплении союза пролетариата с середняком, то, безусловно, правильно – и важно это ясно сказать, – что союз с середняком не подорван. Однако об этом в примечании редакции ничего не сказано, и потому и в данном случае примечание редакции остается несколько неясным и до известной степени однобоким. Дальше «Правда» говорит, что тов. Крицман «сваливает в одну кучу временные экстраординарные меры, вынужденные экстраординарными трудностями, и длительный курс наступления на кулачество на основе решений XV съезда». И в этом редакция права. Но с ее стороны было бы, для полной ясности, еще лучше сказать, что, несмотря на то, что автор «сваливает в одну кучу» чрезвычайные мероприятия и основной курс развертывания наступления на кулачество, автор верно отметил, что правильность политики партии в деревне подтверждена именно тем фактом, что, несмотря на чрезвычайные меры, мы имеем подъем сельского хозяйства и в этом году и, в частности, имеем расширение ярового клина. А это один из важнейших показателей положительного отношения середняка к советской власти. Если бы «Правда» на это указала в своем примечании, то действительное положение было бы освещено полнее и точнее и тем самым не было бы никакой однобокости в этом редакционном примечании.

Оценка политического положения в деревне приобретает теперь исключительное значение. Особенно ввиду того, что в партии имеются такие элементы, которые явно скатились к ошибочным политическим выводам.

В связи с этим приходится остановиться на известном письме тов. Фрумкина. Последний заявляет: «Основным и решающим фактом наступления капиталистического мира на СССР является политическое и экономическое ослабление наших сил». Эту мысль тов. Фрумкин подкрепляет таким аргументом: «**Деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас**». И дальше: «**Союзник – середняк**

повернулся к нам спиной». В нашей среде, кажется, не может быть насчет этих заявлений тов. Фрумкина двух мнений. Никто из нас не захочет и уклониться от той или иной оценки позиции тов. Фрумкина. Во всяком случае, надо по поводу этой позиции добиться устранения всякой двусмысленности: либо она правильна и тогда требуются какие-то крупные перемены в проводимой партией политике в деревне, либо она неправильна и тогда она должна быть определенно осуждена.

Выступавший здесь тов. Квиринг прав, что у некоторых товарищей были в последнее время известные неясности в оценке теперешнего политического положения. С фактами приходится считаться, но поэтому-то мы и должны неясности назвать неясностями, колебания – колебаниями. Надеюсь, что тов. Квиринг это признает правильным.

Однако на этом вопросе мы должны сейчас остановиться, так как оценка тов. Фрумкина в отношении политической обстановки в деревне нашла поддержку даже со стороны отдельных товарищей на этом пленуме Центрального Комитета. Из выступавших здесь таких было два товарища.

Во-первых, тов. Осинский.

Процитирую из его речи два характерных места. Первое: «В чем выражается это кризисное состояние в настоящий момент? В размычке между городом и деревней». Так сказал тов. Осинский в одном месте своей речи. Далее он еще вернулся к этому вопросу и, приведя слова Ленина о необходимости восстановить смычку, заметил по этому поводу: «**ту смычку**, **которая пропала**». Вот оценка тов. Осинским вопроса о положении со смычкой. С этой оценкой пленум ЦК никак не может согласиться. Не может согласиться потому, что если бы действительно у нас смычка «пропала», то в теперешних условиях, при теперешней несколько уже экономически окрепшей деревне, страна, в которой произошла размычка с крестьянством, неизбежно оказалась бы в состоянии жестокой гражданской войны. А ведь это – не шутки! Если тов. Осинский в приведенных здесь фразах допустил случайные оговорки, которые, как известно, с каждым могут случиться, и если он на своем положении, что «смычка у нас пропала», не будет настаивать, то тем самым вопрос о солидарности тов. Осинского с тов. Фрумкиным отпадет. Но если он будет защищать указанные места своей речи, тогда, помимо всего прочего, мы просто должны позавидовать спокойствию его духа. Как же не позавидовать тов. Осинскому, если он, сказав о «размычке» с деревней и о том, что смычка у нас «пропала», ограничивается чуть ли не одним практическим советом насчет сокращения расходов на курорты (с м е х) и, сделав это «практическое» замечание, спокойнехонько уходит с трибуны пленума ЦК. В этом случае можно было, действительно, «позавидовать» его великолепному спокойствию при самой пессимистической оценке с его стороны положения дел в нашей стране.

Осинский. Даже при тех извращениях моей точки зрения, которые вы допустили, я сохраняю спокойствие духа.

Молотов. Нелепо говорить об извращениях, когда я ссылаюсь на точные цитаты из вашей речи. Зачем же бросаться такими словечками?

Как бы то ни было, а неясностей в коренном вопросе, в вопросе о смычке с деревней, партия ни в коем случае допускать не может.

Приходится, между прочим, пожалеть, что выступавший передо мною тов. Бухарин, затрагивавший ряд важных вопросов, мало остановился на этом основном вопросе, важность которого достаточно ясна и особенно понятна нам, не раз обсуждавшим за последнее время вопрос о политическом положении в деревне. Надо сказать, что чем больше ясности в партии будет по этому коренному вопросу, тем лучше будет для всей нашей дальнейшей работы.

Вот почему придется остановиться и на речи другого члена ЦК, который в этом вопросе занял явно неправильную позицию. Я имею в виду тов. Сокольникова.

В связи с речью тов. Сокольникова мы имеем основания поставить вопрос о наличии кое у кого в нашей среде несомненной паники.

Тов. Рыков говорил, что нечего бояться того, что кого-либо объявят паникером, если он говорит правду, хотя бы и весьма неприятную. С этими словами тов. Рыкова нельзя не согласиться. Где же, в самом деле, и не говорить полной правды, как не в Центральном Комитете своей партии? Здесь-то уж, во всяком случае, нечего бояться говорить, хотя бы и о самой неприятной правде, нечего смазывать отрицательных сторон действительности. В Центральном Комитете, больше чем где бы то ни было, необходимо говорить прямым и честным партийным языком обо всех действительных трудностях, обо всех действительных ошибках и неудачах в нашей работе. В этом не будет никакого паникерства, это соответствует основным обязанностям большевика.

Но посмотрите, что получилось у тов. Сокольникова. Его речь здесь уже критиковали. Мне придется остановиться только на ее последней части. Тов. Сокольников сказал: **«В чем смысл нынешнего кризиса... больше этого соотношения цен выдерживать нельзя, нужно его менять»**. И дальше тов. Сокольников заявляет: «**Мы должны поставить вопрос о том, чтобы соотношение (цен) радикально переменить**, **сроки кончились, мы должны тут действовать**».

Микоян. «Сроки кончились».

Молотов. Итак, тов. Сокольников заявляет: необходимо «соотношение (цен) радикально переменить, сроки кончились, мы должны тут действовать». Скажите, как назвать эту философию: паника это или не паника? Чем, в самом деле, отличается формула «сроки кончились» от формулы «кукушка уже прокуковала»? Ясно, что в этих обеих формулах дана одна и та же оценка политического положения, хотя эти оценки и относятся к разным периодам и к разным лицам. Такая оценка ведет неизбежно не только к известным практическим уступкам основной середняцкой массе деревни, но и к опасным уступкам напирающему на нас кулаку.

Сокольников. Это уж вы изобретаете от себя.

Молотов. Тот, кто говорит нам сейчас «**сроки кончились**» и что соотношение сельскохозяйственных и промышленных цен надо «**радикально переменить**», – тот явно находится в состоянии паники, паники перед трудностями социалистического строительства С таким настроением и с такой оценкой политического положения легко оказаться в плену у наступающего на нас кулачества, потому что выводы тов. Сокольникова из оценки создавшегося в стране положения идут навстречу кулацким требованиям «восстановительных» цен на сельскохозяйственные продукты. Если т. Сокольников этого не предвидел и согласен с недопустимостью в настоящее время требования «восстановительных» или близкого к ним уровня сельскохозяйственных цен, то он должен в дальнейшем сделать соответствующее разъяснение к тому, что он здесь сказал. К сожалению, вся его речь говорит о другом. Его речь на настоящем пленуме ЦК пропитана духом неверия в силы пролетариата, духом неверия в то, что мы можем выйти из затруднений на основе намечающихся партией практических мер. Его речь проникнута паникой перед трудностями строительства социализма и, в частности, перед трудностями настоящего периода. Но паника плохой советчик в трудные моменты. А после речи тов. Сокольникова и отчасти после речи тов. Осинского приходится сказать, что предупреждения против паники в нашей среде вовсе не пустые слова. Эти предупреждения неизбежно вытекают из того, что мы должны отметить в этих выступлениях на настоящем пленуме ЦК.

Между тем нам, особенно в трудные моменты, необходимо максимальное спокойствие при оценке политического положения и при принятии практических решений.

Легко понять настроение отдельного товарища, который, желая ярче подчеркнуть отрицательные элементы данного политического положения, сосредоточивает на этом, скажем, главное ударение в своем выступлении. Иногда это не только естественно, но и целесообразно, если необходимо подчеркнуть новые факты, не вызывавшие до того должного внимания. В таких случаях подчеркнуть эти факты, сделать это с соответствующим нажимом...

Косиор. Побольше чувства.

Молотов. И вложить, если хотите, «побольше чувства» для того, чтобы острее выдвинуть новые проблемы, прямо необходимо. Это само по себе хорошее качество. Но и хорошее качество только тогда хорошо, когда оно в меру, потому что в отношении товарища, который односторонне увлекается подчеркиванием трудностей и при этом заходит в этом слишком далеко, приходится поставить вопрос: а что будет с ним, когда наступит время гораздо больших трудностей, найдутся ли у него тогда нужные слова?

Г о л о с. Он тогда спокойнее, может быть, будет.

Молотов. Хорошо, если он будет спокойнее, но пессимистическое настроение при первых трудностях не всегда предвещает нужную выдержку на случай еще больших трудностей в дальнейшем. Нельзя забывать, товарищи, о том положении, в которое попал известный всем пастух, несколько раз звавший к себе помощь против волка тогда, когда волка не было, и поэтому не получивший помощи тогда, когда волк пришел, так как его зову на этот раз, когда действительно пришла опасность, просто не поверили.

Смирнов А.П. Бывают и другие пастухи.

Молотов. Бывают всякие пастухи, но я говорю про пастуха, который пугал волком (с м е х).

Что касается до критерия возможных уступок со стороны пролетариата в отношении повышения сельскохозяйственных цен, то и в этом случае полезно сравнить теперешнее положение с 1923 годом. Некоторые товарищи пытаются к теперешнему политическому положению в деревне применить формулу «размычки», «полразмычки», «начала размычки» и т. п. Следует поставить более простой вопрос: а что, теперешнее положение немножко лучше или хуже, чем то, что у нас было в 1923–1924 году?

Сталин. Грузинское восстание.

Молотов. Чего, в самом деле, стоит одно восстание в Грузии? Ведь это была много более серьезная штука, чем недавнее выступление кулачества и дворянчиков в Кабарде. А факт так называемой «забастовки» крестьян в отношении покупки промышленных товаров, который мы имели в конце 1923 года? Известно, что теперь, несмотря на все еще сравнительно высокий промышленный индекс, крестьяне нарасхват берут промышленные товары. Разве такое положение было в 1923 году? И все-таки тогда мы не приходили к таким пессимистическим выводам, как выводы тов. Сокольникова насчет того, что «сроки кончились». Затруднения 1923 года, как известно, вызвали к жизни троцкистскую оппозицию и гнилые группки, вроде так называемой «рабочей правды» и «рабочей группы», на деле отражавших мелкобуржуазные колебания меньшевистского типа. Теперешние затруднения нельзя недооценивать: они, если бы партия недооценила их важности, могли бы привести к срыву союза рабочих и крестьян. Однако вряд ли могут быть сомнения, что в данной обстановке имеющиеся элементы колебаний и неясностей, о которых говорил тов. Квиринг, нельзя сравнить с тем, что мы имели в период 1923 года. Мы не можем недооценивать трудностей тепе-

решнего момента и еще предстоящих немалых трудностей в дальнейшем. Однако не может быть никакого сомнения в том, что за выводами, до которых теперь договариваются тов. Сокольников и отчасти тов. Осинский, партия не пойдет и ни одна наша партийная организация с ними не согласится.

Но необходимо перейти к центральному практическому вопросу.

При всем том, что мы наметили сейчас для подготовки новой кампании хлебозаготовок, стоит вопрос: получим ли мы в этом году нужное для пролетарского государства количество хлеба? Хлебозаготовительная кампания еще не началась, но мы не можем не думать уже теперь о возможных результатах этой кампании. Каждый партиец теперь вдумывается в перспективы этого дела.

В связи с этим тов. Бауман, как здесь уже говорилось, ставил перед отдельными товарищами вопрос о возможности в этом году заменить для верхушки деревни денежный налог соответствующим натуральным налогом. Ясно, однако, что было бы неправильно упрекать тов. Баумана в данном случае, так как он ставил этот вопрос только в индивидуальных беседах с двумя-тремя товарищами[204] и вовсе не выдвигал соответствующего предложения в качестве практического вывода из своей оценки настоящего момента.

Вот и выступавший здесь тов. Квиринг также по-своему ищет таких путей, которые бы, наряду с прочими мерами, обеспечили выполнение необходимого для государства плана хлебозаготовок. Его мысль сводилась к необходимости развязывания рынка, но он правильно сделал, что подошел к этому делу весьма осторожно. Нельзя, в самом деле, возлагать надежды на то, что путем развязывания рынка и расширения участия в теперешнем обороте частника можно легче обеспечить снабжение городов хлебом. В теперешних условиях, на данной стадии хозяйственного развития Советского Союза, нельзя с этой мерой связывать больших надежд на улучшение снабжения хлебом рабочих центров и вообще городов. Возложить большие надежды в этом деле на увеличение роли частника было бы ошибкой, было бы неправильной политической тенденцией в хозяйственной политике.

Это не значит, что в некоторых случаях мы и теперь не могли бы пойти на временное увеличение роли частника в отдельных хозяйственных районах.

Беру пример тов. Угланова с астраханской рыбой. Он указывал на то, что при несколько ином отношении к частнику-рыбнику в Астрахани мы смогли бы в этом году иметь на несколько миллионов пудов больше рыбы на рынке. Поскольку это так, то замечание тов. Угланова насчет неправильности, допущенной по отношению к частнику на астраханских рыбных промыслах, мне кажется абсолютно правильным. Ничего страшного не было бы в том, чтобы в данном случае частник против предыдущего года относительно даже несколько повысил долю своего участия в заготовках рыбы.

Калинин. А потом вздуете этого рыбника.

Молотов. Я повторяю, что практический вывод тов. Угланова насчет допустимости в данном случае некоторого увеличения доли частника, при условии увеличения количества рыбы на рынке, по-моему, правилен. Надо бы побольше вскрывать конкретных ошибок нашего экономического регулирования и перегибов в сторону бюрократического централизма в этом деле для того, чтобы поменьше этих ошибок повторялось в дальнейшем.

Но тот, кто от отдельных ошибок и от конкретного исправления их захотел бы перейти к обобщающему лозунгу в виде ставки на увеличение роли частника в нашей хозяйственной жизни в целом, тот сделал бы грубую политическую ошибку, тот политически пошел бы по явно неверной дорожке. Против подобного общего вывода (вместо исправления отдельных конкретных ошибок) партия не может не восставать и не может не предупреждать об опасности такого рода выводов.

Однако надо вернуться к решениям, которые нами намечены в отношении будущей хлебозаготовительной кампании.

Мы все считаем необходимым исключить применение чрезвычайных мер в новой хлебозаготовительной кампании и вместе с тем несколько повысить заготовительные цены. Достаточно ли этого для обеспечения необходимого нам плана хлебозаготовок? Нет, недостаточно, и особенно недостаточно потому, что мы должны думать не только о ближайшем годе, но и о следующих годах. Поэтому необходимо остановиться, хотя бы кратко, на основных практических мерах, без которых хлебозаготовительная кампания не может быть проведена успешно.

Вопросу о практических мерах мы все еще уделяем слишком мало внимания. Слишком еще много у нас общих рассуждений, но совершенно недостаточно изучена богатейшая практика местных органов, а в наметке новых практических мер мы нередко больше смотрим назад, чем вперед, и нередко не замечаем тех орудий осуществления своих задач, которые лежат у нас под боком, но значения которых мы еще недооцениваем и потому пользуемся ими совершенно недостаточно.

Предлагаемая пленуму резолюция указывает три основных задачи в деле разрешения зерновой проблемы и в деле уничтожения самой основы возможных затруднений на хлебном фронте. Эти три задачи, неразрывно связанные с проведением быстрого темпа индустриализации страны, следующие: первая – дальнейший подъем индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства и его массовое кооперирование; вторая – развертывание массовой работы по строительству крупных колхозов; и третья – развитие существующих и организация новых, особенно зерновых, совхозов. Иногда говорят, что за последнее время мы забываем об индивидуальном крестьянском хозяйстве. Это неверно. Может быть, кто-нибудь в той или иной речи о колхозах и совхозах мало уделил места специально вопросу об индивидуальном крестьянском хозяйстве, но ведь совсем не в этом дело. Главный показатель того, что наше внимание к индивидуальному крестьянскому хозяйству было и остается в центре всей нашей практической работы, заключается в том, что почти $^{9}/_{10}$ государственных средств идет по этой линии, по линии содействия индивидуальному хозяйству.

Между тем XV-й съезд партии поставил перед нами в качестве боевого лозунга – лозунг развертывания колхозного и совхозного строительства. Однако кое у кого даже из видных членов партии – возьмите, например, письмо того же тов. Фрумкина – имеется большое желание смазать и свернуть этот лозунг XV-го съезда. Тов. Фрумкин договорился даже до провозглашения нового лозунга: назад, к XIV-му съезду! Но подобная идеология товарищей, желающих тащить нас назад и пытающихся игнорировать важнейшие директивы партии и, в частности, решения XV-го съезда, должна встретить и, безусловно, встретит сокрушительный отпор. Тем, кто теперь считает своей главной задачей подчеркнуть необходимость поддержки индивидуального крестьянского хозяйства, мы должны сказать следующее: еще на ряд лет задача поддержки и развития производительных сил индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства является главной нашей задачей в деревне. Это верно. При этом не надо забывать, что задача действительного массового подъема индивидуального хозяйства осуществима только при помощи массового кооперирования крестьянства. Таким образом, подъем хозяйства крестьянских масс неразрывно связан с действительным кооперированием действительных крестьянских масс, т. е. со всесторонним развертыванием социалистического строительства в деревне.

Составной частью осуществления ленинского кооперативного плана является и развертывание строительства крупных колхозов. Без широкого развертывания мер по практическому переходу крестьянского хозяйства к крупному коллективному произ-

водству на основе машинной техники нет перспективы для действительно мощного подъема производительных сил сельского хозяйства, особенно маломощных слоев крестьянства. Это и сказал в своих решениях XV-й съезд. В соответствии с этим находятся и решения партии по развертыванию сети совхозов. Практическое осуществление широкого развертывания колхозного и совхозного строительства стало теперь в ряду самых основных и неотложных задач партии в деревне. Значит, это дело, дело строительства колхозов и совхозов, нельзя рассматривать только с точки зрения ближайших одного-двух лет. Если, например, для ближайшей хлебозаготовительной кампании развертывание крупных зерновых колхозов и совхозов еще не сможет приобрести крупного значения, то в перспективе нескольких ближайших лет колхозы и совхозы в этом деле сыграют, несомненно, весьма крупную роль.

Поскольку здесь тов. Рыков процитировал одно место из резолюции XV съезда «О работе в деревне» и высказал мнение, что это место резолюции может дать повод к неправильному толкованию, придется остановиться и на этом. Тов. Рыков процитировал следующую фразу из съездовского решения: «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве **основной задачи** партии в деревне». Легко показать, что эта цитата в связи со всей резолюцией «О работе в деревне» совершенно правильно выражает главную мысль решений XV-го съезда в отношении деревни.

Следует, прежде всего, учесть, что процитированная фраза идет в той главе резолюции съезда, в начале которой говорится следующее: «Социалистический город может вести за собою деревню только на **этом** пути (т. е., как видно из предыдущей фразы резолюции, на пути подъема производительных сил деревни. – **В**.**М**.), всемерно при этом способствуя постепенному переходу от индивидуального собственнического хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к его коллективным формам». Таким образом, перед цитированной тов. Рыковым фразой имеется прямое указание на то, что **индивидуальное** крестьянское хозяйство «еще ***значительное время будет базой*** всего сельского хозяйства» (курсив мой. – **В**.**М**.). Кажется, ясно, что XV съезд точно и правильно сказал как о значении индивидуального хозяйства, так и о значении колхозного строительства в деревне. XV съезд указал, что задача строительства крупных колхозов должна быть поставлена в числе основных задач партии.

Рыков. Основная!

Молотов. Да, основная, но это не значит, что единственная. Тем более, что перед этим ясно говорится о роли индивидуального хозяйства в деревне. Мне кажется, недоразумения в этом пункте должны отпасть.

Дальше подробней остановлюсь на практических мерах, которые должны иметь большое значение для выполнения плана хлебозаготовок этого года.

В числе таких мер на первом месте должна стоять, конечно, отправка в деревню промтоваров. О важности этой меры здесь нечего распространяться. Большое значение имеет и должная подготовка к кампании хлебозаготовительного аппарата. И это не требует особых разъяснений.

Остановлюсь на других мерах.

Государство дает с каждым годом все большую массу средств в виде денежных и натуральных кредитов деревне. А что мы получаем за это? Только деньги. Этого, конечно, теперь мало. Почему мы не можем поставить дело таким образом, чтобы направление машин, удобрений, кредитов и т. п. в деревню сопровождалось бы получением от нее сырья и хлеба для нашей промышленности, для наших рабочих? Почему

этого нельзя сделать? Почему банки капиталистических государств умеют в своих эксплуататорских интересах, по-своему, своими капиталистическими методами широко воздействовать на крестьянское хозяйство? И почему наше государство, оказывающее огромную помощь трудящимся крестьянам в деле подъема их хозяйства и дающее на это дело крупные государственные средства, не могло бы значительно развернуть в деревне свои мероприятия, целиком идущие навстречу интересам трудящихся крестьян и, вместе с тем, лучше обеспечивающие дело социалистического строительства в целом? Главное в этом отношении должна сделать, конечно, деревенская кооперация. А она (кооперация) далеко еще и здесь не использовала всех своих возможностей. Если с работой кооперации связать широкие мероприятия по контрактации сельскохозяйственной продукции, притом проводить эту контрактацию в разнообразных и гибких формах и применить при соответствующей степени осторожности и постепенности метод контрактации в связи с направлением в деревню машин, минеральных удобрений и семян, то можно не сомневаться, что проведение хлебозаготовок будет значительно облегчено этими мерами. В связи с этим на плечи кооперации должны лечь огромные новые задачи, к которым она еще только-только приступила и осуществлению которых еще страшно мало помогают наши государственные и партийные организации.

Теперь по вопросу о регулировании рынка.

За этот год в деле регулирования рынка мы наделали ряд больших ошибок, и, кажется, полученные уроки не должны пройти даром. Надо особенно обратить внимание на преодоление бюрократических элементов в практике экономического регулирования. В частности, надо усилить борьбу против таких методов воздействия на рынок, которые ведут к бюрократической централизации нашей хозяйственной работы, недостаточно учитывают особую роль и характер работы кооперации и т. п. Однако ни в коем случае нельзя ослаблять общей линии на укрепление регулирующей роли пролетарского государства на рынке, в том числе и на хлебном рынке. В связи с этим следует подчеркнуть необходимость систематической борьбы со спекуляцией на хлебном рынке и в дальнейшем.

Хлебозаготовительную кампанию, имеющую крупнейшее политическое значение в деревне, мы не можем рассматривать иначе, как в связи с курсом партии на развертывание наступления против кулачества. Партия решительно прекратила применение чрезвычайных мер, которые были связаны с экстраординарными затруднениями в хлебе. Но во всей своей работе в деревне партия исходит сейчас из задачи развертывания наступления на кулачество, и эта линия должна найти свое отражение во всей работе, связанной с хлебозаготовками.

Совершенно верно, что мы не можем сейчас выдвигать лозунга раскулачивания. Это было правильно в 1918 г., когда мы должны были подорвать корни кулачества в деревне. Теперь, с одной стороны, несмотря на некоторый рост кулацких элементов за последние годы, наши позиции несравнимо сильнее того, что мы имели в 1918 году. С другой стороны, мы не можем ставить перед собой такой неосуществимой задачи, как немедленное уничтожение кулачества. Поэтому, неизменно держа курс на победу социализма, т. е. на уничтожение классов, для настоящего периода мы ставим задачу развертывания мер по все большему ограничению роста кулацких элементов и по все большей политической изоляции кулачества в деревне. С этим связано усиление работы партии по организации бедноты. Недостатком наших методов наступления на кулачество за последние месяцы являлось то, что суровые меры против кулака во многих случаях все еще не закреплялись одновременной работой по организации бедняцких элементов. В деле организации бедноты, которая только и может быть надежной опо-

рой партии в деревне, нами сделано пока чрезвычайно мало. За настоящую организацию и работу среди бедноты мы должны взяться в ближайшую кампанию хлебозаготовок во всех районах, по всей линии нашей работы в деревне.

Тов. Бухарин указывал здесь на то, что наше наступление на кулака не должно задевать середняка. Конечно, при этом мы не должны забывать того, что не во всех случаях середняки будут и теперь довольны установленными нами повышенными ценами на хлеб. Конечно, мы не должны забывать и того, что середняцкие слои будут выражать известное недовольство произведенным в этом году повышением сельхозналога, которое частично коснется и середняка. Но, несомненно, нашей задачей является предупредить такие шаги, которые возложили бы на середняцкую массу непосильную ношу, и вместе с тем мы должны добиться того, чтобы меры, непосредственно направленные против кулацких элементов, действительно не сваливались бы на голову середняка.

Все это требует в нашей деревенской работе сокращения размаха узко административных мероприятий за счет максимального развертывания общественно-политической работы в крестьянских массах.

Организация бедноты, вместе с усилением всей общественно-политической работы в крестьянских массах, должна обеспечить нам укрепление союза середняков с беднотой и рабочими против кулацких элементов и вообще против капиталистических элементов в стране. Несмотря на многие недостатки в общественно-политической работе, проводившейся местными партийными организациями в связи с последними хлебозаготовками, в некоторых районах мы все же имели успехи. Об этом могли бы много интересного сказать наши товарищи, работающие в Сибири, на Урале, на Украине и на Сев. Кавказе. Правда, за последние месяцы мы порядочно испортили успехи, достигнутые нами усилением общественно-политической работы в деревне в начале года, т. к. в последние месяцы были затронуты так называемые «страховые запасы» хлеба у части середняков, что сопровождалось в некоторых районах применением чрезвычайных мер в отношении этой части среднего крестьянства. Но в теперешних более благоприятных условиях хлебозаготовок роль общественно-политической работы в деревне должна быть во чтобы то ни стало значительно поднята. Мы имеем в деревне не только советы и кооперативы, но и тысячи **партячеек**, еще большее количество ячеек комсомола, значительное количество делегатских собраний крестьянок и, наконец, работу шефских организаций. Мы должны при их помощи решительно двинуть вперед нашу общественно-политическую работу в эту кампанию хлебозаготовок.

На настоящем пленуме ЦК мне бы хотелось еще раз подчеркнуть ту большую роль, которую в деревне могут и должны сыграть в настоящее время профсоюзы. Об этом, в связи с развертыванием новых форм шефства в деревне, говорилось на XV съезде. Профсоюзы как будто за последнее время начинают подходить к этой задаче. Однако сделано в этом отношении еще так мало, что без всяких колебаний можно сказать, что в этой области мы немедленно могли бы развернуть работу по крайней мере в десять раз большую, чем то, что в данный момент мы здесь имеем. Нельзя сомневаться в том, что эта работа профсоюзов, через разнообразные формы шефства в отношении деревни, может иметь крупное значение для улучшения всей нашей работы в деревне, что в значительной мере отразилось бы и на ходе хлебозаготовок. Роль профессиональных рабочих организаций должна быть в ближайшее время серьезно повышена в деревне, и это скажется самым лучшим образом на улучшении методов нашей общественно-политической работы в крестьянских массах, на усилении наступления против кулака, на усилении опоры партии в бедняцких слоях, на укреплении союза рабочих с крестьянством.

Еще об одном. Перед нами обострилась задача идейного отпора всяким попыткам оживления буржуазной идеологии. В этом году мы имели попытку со стороны некоторых буржуазных идеологов, сгруппировавшихся в Конъюнктурном институте НКФина, открыто и коллективно выступить со своей особой, ярко буржуазной программой в печатном органе этого института. Известно, что ЦК после этого произвел реорганизацию всего Конъюнктурного института. Следует, кстати, отметить, что против попытки открытой апологии буржуазных взглядов в нашей печати весьма энергично выступила «Экономическая жизнь»[205], совершенно правильно поняв свою политическую обязанность перед партией.

Из всего этого следует, что, проводя решительную отмену чрезвычайных мер и повышая заготовительные цены на хлеб, мы должны одновременно развернуть усиленную работу по ряду направлений. Мы должны обратить особое внимание на следующие меры: на всемерный подъем крестьянского хозяйства и на то, чтобы на практике осуществлялась задача **действительного** кооперирования **действительных** крестьянских масс; на развертывание колхозов и совхозов и, в частности, на поддержку новых зерновых совхозов; на максимальное развертывание контрактации и на установление практической связи между нашим снабжением деревни сельскохозяйственными машинами, удобрениями и семенами и получением необходимых нам сельскохозяйственных продуктов; на снабжение деревни промтоварами; на развертывание наступления на кулака при усиленной работе по организации бедняцких и батрацких элементов; на всемерное усиление общественно-политической работы в крестьянских массах и, в связи с этим, на действительное оживление советов и кооперативов как основных и притом стоящих под руководством пролетариата массовых организаций в деревне. Все эти мероприятия могут и должны обеспечить нам проведение новой кампании хлебозаготовок без чрезвычайных мер и с дальнейшим укреплением союза рабочего класса и бедноты со средним крестьянством. Если мы не примем этих мер или запоздаем с ними и сделаем слишком мало в этом отношении, то мы должны заранее видеть, что это ведет к опасности нового применения чрезвычайных мер, что сделает угрозу смычке с крестьянством совершенно реальной. Мы должны избежать этого, и мы можем этого избежать при напряженной общей работе по осуществлению выдвинутых партией практических задач.

Из всей теперешней обстановки вытекает особая важность полной ясности в политической линии, необходимость действительной стойкости в принципах. Это приходится, в частности, сказать в связи с вопросом о причинах теперешних хозяйственных затруднений.

Нельзя не видеть того, что для марксиста было бы грубой ошибкой объяснять теперешние затруднения исключительно или главным образом недостатками нашего планирования, просчетами и т. п. При всей необходимости видеть опасность просчетов и ошибок в нашей государственной планово-регулирующей работе нам еще более важно видеть классовую подоплеку таких явлений, как затруднения в хлебозаготовках.

В качестве примера ошибочного подхода к этому делу, к делу объяснения наших затруднений, можно взять то, что мы слышали здесь от тов. Сокольникова. Тов. Сокольников нарисовал здесь примерно такую, так сказать, «стройную» картину: если, говорил он, мы будем подходить к нашей хозяйственной жизни как к «хозяйственному комбинату», состоящему из промышленности плюс сельского хозяйства, и если мы внесем «гармоничность» в соотношение частей этого хозяйственного комбината, тогда у нас, пожалуй, не будет крупных затруднений, не будет хозяйственных кризисов. Однако эта картинка – картинка для детей. Она хороша, быть может, на бумаге, но жиз-

ни она не соответствует. В ней нет главного, в ней нет классов, нет классовых противоречий, без понимания которых нельзя понять наше хозяйственное развитие. Наше хозяйственное развитие не может пока идти без известных противоречий, а, следовательно, и без тех или иных затруднений, по той простой причине, что мы еще не перешли к полному социалистическому хозяйству и не могли к нему перейти при наличии факта, что бульшую часть населения страны составляет класс мелких собственников – крестьян. В данном случае тов. Сокольников явно погрешил против марксизма, забыв о классовой подоплеке настоящих затруднений.

Нельзя не видеть, что теперешние затруднения в основном связаны с осуществлением быстрого курса индустриализации страны, который проводится партией потому, что он для нас необходим, и который вытекает из всей нашей внутренней и международной обстановки.

Бесспорно, что при проведении курса индустриализации мы не должны зарываться, мы не должны брать непосильного для нас темпа. Бесспорно и то, что в отдельных моментах, для отдельных отраслей или для отдельных районов, мы должны вносить изменения в намеченные нами планы. Но дело не в деталях. Дело в том, что в основном взятый партией курс индустриализации страны является тем курсом, который только и может обеспечить необходимое первому пролетарскому государству укрепление его позиций в борьбе против капиталистических элементов внутри страны и в победоносном отстаивании его социалистических позиций перед внешним империалистическим миром. Допустить колебания или отступления в этом основном курсе – значит допустить гибельную ошибку. Между тем истекшие годы показали, что на основе взятого партией курса индустриализации Советский Союз неизменно укрепляет основы первого социалистического государства, причем рабочий класс все больше, хотя и с временными перебоями, укрепляет и свой союз с основной массой крестьянства. Поэтому по принятому партией пути мы должны неуклонно и дальше идти вперед. Это путь, закрепленный решениями и последнего съезда партии, в которых наряду со старыми выдвинут и ряд новых крупнейших задач, в частности, в отношении деревни.

В связи с допускаемой некоторыми товарищами ошибкой, заключающейся в забвении классовой подоплеки теперешних затруднений, теперь приходится особо останавливаться на этом моменте. Для нас всегда было ясно, что мы не должны забывать насчет роли кулака в жизни деревни. Теперь, после первых лет нэпа, когда капиталистические элементы в деревне несколько окрепли, об этом особенно не мешает помнить. Об этом достаточно говорилось в решениях партии за последние годы. В связи с хлебозаготовками достаточно уже говорилось о том, какую заметную роль в этом отношении сыграли кулацкие элементы.

С другой стороны, приходится встречаться и с такими замечаниями: нельзя же все валить на кулака в теперешних затруднениях! Поскольку этим хотят указать на необходимость особого учета в хозяйственных затруднениях роли наших собственных ошибок, влияния сказывающихся в их обострении просчетов в нашей работе, – с этим нельзя не согласиться. Понятно и то, что у некоторых товарищей складывается как будто совершенно законное в данном случае партийное самолюбие, поскольку все мы не можем не помнить о совсем недавней борьбе партии против оппозиционной паники перед кулаком. У этих товарищей естественно возникает такой вопрос: не получается ли теперь так, что мы плетемся в объяснении причин теперешних затруднений за прежней оппозицией, когда подчеркиваем классовый момент и, в частности, усилившуюся роль кулачества в теперешних условиях деревни? Однако, если доля законного «партийного самолюбия» в этой постановке вопроса более или менее и понятна, то все же нельзя не указать на следующее: здесь может быть затронуто партийное самолю-

бие лишь тех отдельных товарищей, которые, борясь вместе с партией против оппозиционной паники перед ростом кулака, недостаточно учитывали другую опасность – опасность забвения происходившего за последние годы усиления капиталистических элементов в деревне. Партия же этим забвением второй опасности не страдала, и потому перед ней вопроса о «партийном самолюбии» и в данном случае существовать не может. Партия во всех своих решениях, в том числе и в самый разгар борьбы с оппозиционным блоком, неизменно указывала на обе опасности. Как против недооценки классового момента и, в частности, роли кулачества в хозяйственных затруднениях, так и против недооценки роли наших собственных ошибок в обострении этих затруднений партия всегда боролась и будет бороться впредь. Большевики должны решительно бороться против таких настроений, которые отождествляли или отождествляют в настоящий момент линию партии с такой линией, которая в корне чужда ленинизму, – против линии недооценки классового момента в вопросах крупного хозяйственного значения. То, что борьба с «объединенной» оппозицией могла придать представлениям некоторых товарищей известную, по сравнению с оппозицией, обратную однобокость, заставляет нас лишь решительнее выступить против того и другого извращения партийной линии.

Итак, и в этом случае мы должны избежать **двух ошибок**, двух извращений партийной линии.

Первая ошибка: ошибка оппозиции. В чем она заключалась? Оппозиция еще в конце 1925 года говорила, что в наших хозяйственных затруднениях виноват кулак, и при этом добавляла: **кулак нас побеждает**! Такова была линия оппозиции за последние два-три года. Эта линия толкала оппозицию к выводам, несовместимым с политикой прочного союза с середняком. Она отражала неверие мелкобуржуазных элементов в дело строительства социализма в нашей стране. Эта линия явно отражала панику перед происходившим в последние годы ростом кулака. Между тем наши рабочие хорошо знают, что не кулак нас побеждает, а мы его бьем и все успешнее подготовляем его окончательную гибель. За это красноречиво говорит рост удельного веса социалистических элементов в нашем хозяйстве. Из этого вытекает, что линия оппозиции была и остается в корне фальшивой и в корне неприемлемой для партии.

Мы должны избежать и **ошибки другого рода**. Эта вторая ошибка сводится примерно к следующему выводу: так как мы побеждаем и так как мы все больше усиливаем наши социалистические позиции, то мы будто бы можем не обращать внимания на рост кулацких элементов и можем «забыть» о роли классового момента и, в частности, кулачества в наших хозяйственных затруднениях. Во всех своих решениях, относившихся к деревне, партия всегда и, в частности, за последние годы неизменно предупреждала от этой скользкой линии, достойной кого угодно, но только не ленинца, но только не марксиста. Эта линия была бы ничем иным, как сдачей пролетарски-классовых, марксистских позиций в угоду иллюзиям непролетарских элементов, и представляла бы собою принципиально недопустимую уступку давлению мелкобуржуазных слоев на эти позиции. Это в другой форме, но тоже отражало бы неверие в возможность выполнения пролетариатом своей коренной классовой задачи, неверие в социалистическую победу рабочего класса в нашей стране. Эта линия вела бы на деле к недопустимым уступкам грабительским требованиям капиталистической верхушки деревни по вздуванию цен до «восстановительных» и пр. и, в конце концов, толкала бы нас **к прямой сдаче на милость кулаку**.

Следовательно, необходимо избежать двух ошибок в вопросе об оценке роли кулака. Этого можно достигнуть только на основе нашей партийной линии.

Партия учитывает известную роль в теперешних затруднениях тех ошибок и про-

счетов, которые мы сделали в государственной планово-регулирующей работе. Но сводить к этим просчетам и ошибкам в плане объяснения теперешних затруднений – значит забыть о классовой основе теперешних затруднений, значит забыть о необходимости для марксиста социально-экономического объяснения причин крупных экономических явлений. Памятуя о роли плановых органов в нашем хозяйственном строительстве, нельзя преувеличивать роли Госплана там, где дело касается социально-экономической стороны вопроса. Троцкизм в свое время преувеличивал роль планирования и самого Госплана, забывая об основных условиях (экономика, классы), от которых зависит наше хозяйственное развитие. Эта троцкистская ошибка с теоретической точки зрения являлась ошибкой идеалистического порядка. Этой идеалистической ошибки мы не можем допустить, т. к. она ведет к разрыву с марксизмом.

Было бы очень плохо, если бы мы стали замазывать наши ошибки, если бы мы стали скрывать даже от себя роль наших промахов в государственной работе при оценке тех или других хозяйственных затруднений. Но забывать об объективных условиях (экономика, классы) при объяснении крупных хозяйственных затруднений – значит забывать об основных теоретических обязанностях марксиста. [Говорят: ну как же Микоян на прошлом пленуме ЦК говорил, что 2/3 зависит от нас? Правильно, я думаю, что 3/3 зависит от нас.

Г о л о с а. Правильно.

Молотов. Но что это означает? Надо учесть, что это зависит не только от Госплана, а от ЦК, от партии. Конечно, если бы вовремя сделали уступку середняку в прошлом году, да если бы не допустили тех ошибок в ценах (сельскохозяйственных и промышленных), да между зерновыми и остальными ценами, да если бы лучше работал аппарат, то, конечно, мы бы избежали теперешних затруднений, но тогда мы должны были бы учесть, прежде всего, то соотношение классовых сил, которое Госпланом не учитывается, которое учитывается партией, где возможны ошибки, но где действительно ошибки эти зависят от нас, исправление их зависит от нашей сознательности, от нашей политической оценки дела.]

Мы исходим из того, что, как говорил Ленин, разрыв союза рабочих и крестьян не заложен с неизбежностью в нашем строе. Опыт последних лет, наоборот, говорит о том, что мы можем укреплять и на деле укрепляем этот союз. Это не исключает известных временных противоречий внутри рабоче-крестьянского союза. Нельзя не понимать и того, что ошибки в наших хозяйственных планах не могут не осложнять отношений внутри союза рабочих и крестьян. Поэтому, между прочим, нам необходимо особое внимание уделять делу улучшения работы плановых и регулирующих органов. Однако никакие плановые органы не могут точно учесть в своей работе, как именно сложатся в результате хозяйственного развития, в известной мере регулируемого этими плановыми органами, отношения между классами и в какие именно определенные формы будут выливаться имеющиеся еще «классовые разногласия», а значит и элементы классовой борьбы. Плановых органов, умеющих точно заранее учитывать эту классовую сторону дела, не существует в природе и существовать не может. Пока есть классы, – а об этом у нас напоминает достаточно увесисто факт существования мелкособственнической крестьянской массы! – сохраняются и известные классовые противоречия, роль которых не всегда в точности может быть заранее учтена не только со стороны плановых учреждений, но и со стороны руководящих политических органов. При всем огромном политическом опыте нашего Центрального Комитета было бы пустой фразой утверждать, что он в силах это сделать. Правильный учет классовых отношений в ряде случаев возможен только при том условии, когда они уже найдут свое отражение в тех или иных объективных хозяйственных или политических явлениях.

Вот почему, с одной стороны, нельзя не видеть роли объективных моментов (экономика, классы) в таких затруднениях, которые мы сейчас переживаем, а с другой стороны, нельзя требовать того, чтобы плановые органы могли заранее в точности предвидеть конкретную роль этих моментов, как она скажется на протяжении определенного периода лет. Пока существуют классы, забыть о роли этого основного объективного момента в затруднениях, подобных теперешним, – значит «забыть» об обязанности для нас классовой точки зрения, что несовместимо с марксизмом.

Между тем приходится привести конкретный пример того, как даже в нашем центральном органе была допущена ошибка такого рода. «Правда» охотно сделала примечание к статье т. Крицмана, в которой была допущена некоторая однобокость. Но, к сожалению, «Правда» не сделала примечания к одной статье тов. Астрова. Эта статья называется «К текущему моменту»[206]. Мне кажется, что эта статья заслуживала бы по крайней мере нескольких оговорок, а еще лучше коренного исправления допущенных ошибок в этой статье. Хотя после статьи «К текущему моменту» тов. Астров должен был напечатать на другой день статью «На два фронта»[207], исправляющую некоторую однобокость его первой статьи, однако это исправление было недостаточным. Статья т. Астрова «На два фронта» исправила ту часть статьи «К текущему моменту», где однобоко говорилось о чрезвычайных мерах и о поддержке индивидуального крестьянского хозяйства. Автор в данном случае учел то примечание, которое т. Сталин сделал к своей статье «Ленин и вопрос о среднем крестьянстве»[208], напечатанной как раз в том номере, в котором появилась и статья тов. Астрова «На два фронта». Но т. Астров не исправил той части своей первой статьи, где он говорил о причинах теперешних хозяйственных затруднений. В этом отношении автор статьи «К текущему моменту» свел дело, во всяком случае, главным образом, если не целиком, к просчетам и ошибкам в планировании. После сказанного ясно, что т. Астров допустил здесь ошибку против марксизма. Жаль, что «Правда» не исправила этой ошибки т. Астрова.

Стецкий. Причем тут антимарксизм и троцкизм?

Молотов. Тов. Стецкий, дайте мне договорить до конца и прямо указать на этом заседании на отдельные ошибки, мимо которых партия не может пройти равнодушно. Вам же, тов. Стецкий, следовало бы подумать по поводу неловкости вашей фальшивой ноты насчет Кабарды и «аплодисментов». Этой неловкой фразе здесь никто не может сочувствовать. Что же касается т. Астрова, то при всем том, что он очень ценный работник и хороший товарищ, нельзя проходить мимо его ошибок, особенно когда они допускаются в нашем центральном органе. Так же точно, как мы обязаны факты называть фактами, так мы должны и ошибки называть ошибками. Тов. Астров сделает лучше, если исправит свои ошибки.

Стецкий. Зачем бросаться антимарксизмом и троцкизмом.

Молотов. Никто здесь ничем не бросается, но, несмотря на то, что вы в данном случае недовольны, придется ошибку назвать ошибкой. В «Правде» появилась и моя речь на пленуме МК[209], в которой я решительно полемизировал с указанными местами в статье т. Астрова, хотя из нежелания обострять дело мне пришлось воздержаться от названия статьи и фамилии автора. Но невозможно не отметить неловкость, создавшуюся для центрального органа партии, печатающего статьи с противоположной оценкой крупных политических фактов. Получается, что «Правда» предоставляет своему читателю на выбор объяснение причин хозяйственных затруднений: или по статье Астрова, или по речи Молотова. Между тем вопрос имеет серьезное политическое значение. Поэтому гораздо лучше было бы порешительнее и поскорее исправить допущенную т. Астровым ошибку. Тов. Астров написал немало великолепных статей, но было бы неправильно обходить допущенные им ошибки, могущие получить распрост-

ранение через центральный орган партии. Помимо всего прочего, это будет полезно и т. Астрову, хотя т. Стецкий так несочувственно к этому относится.

Стецкий. Я только возражаю против того, чтобы бросаться зря антимарксизмом и троцкизмом.

Молотов. Итак, мы не можем допускать каких-либо принципиальных уступок, уступок в линии, уступок в теории. Там, где дело касается защиты марксистских позиций, надо быть особенно стойким. Следует учесть, что в настоящее время вопросы теории приобретают особо крупное значение и всем нам придется этими вопросами больше заниматься, чем это было в последние годы.

Наши практические уступки в отношении мелкого и среднего крестьянства должны быть соединены с неуступчивостью в отношении ошибочной политической линии. Не говоря уже о троцкизме, это следует сказать и в отношении линии тов. Сокольникова. На настоящем пленуме у нас нет и не может быть представителей троцкистской линии, тем более необходимо дать отпор ошибочной линии тов. Сокольникова, которая, хотя и с другого конца, но также сворачивает с партийного пути. Наша линия – против оппозиции, за прочный союз с середняком. Без союза с середняком нет диктатуры пролетариата. Наша линия также и против линии тов. Сокольникова, сводящейся к недооценке значения руководящей роли пролетариата в этом союзе. Мы должны помнить, что нет иного союза пролетариата с крестьянством как основы диктатуры пролетариата, кроме такого союза, при котором обеспечено руководство рабочего класса. Поэтому стоящий у власти пролетариат, идя на посильные для него уступки своему союзнику-середняку, не может идти на такие уступки, которых от него добивается капиталистическая верхушка деревни – кулачество, в противном случае пролетариат не сохранил бы за собой руководящей роли в отношении крестьянства.

В заключение приведу одну цитату из Ленина, подчеркивающую эту сторону дела в вопросе о союзе с крестьянством. Ленин говорит: «...Союз с крестьянством. Когда мы об этом говорим, мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата». Вот что говорил Ленин о союзе с середняком. Вот что такое смычка пролетариата с крестьянством – смычка, обеспечивающая победу социализма. Под этим знаменем партия шла и пойдет дальше, преодолевала и будет впредь победоносно преодолевать все встречающиеся на ее пути препятствия и затруднения.

Председатель. Объявляется перерыв до 6 часов.

ЗАСЕДАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Вечер, 10 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет Надежда Константиновна, следующий тов. Томский.

Крупская. Я хочу сделать только несколько замечаний. Как-то Владимир Ильич писал о том, что у нас любой политический вопрос перерастает в организационный и обратно. В данном случае мы как раз видим, что вопрос организационный, о хлебозаготовках, перерос в большой политический вопрос, именно в тот вопрос, который у нас, должно быть, будет стоять еще много раз, который ставится каждый раз, когда у нас создается новая ситуация. Это вопрос, который вытекает из того, что наша страна – страна крестьянская в буржуазном окружении и что она идет по пути строительства социализма. Этот вопрос стоял у нас во весь рост на XIV съезде. На XIV съезде шел вопрос об отношении рабочего класса и разных слоев крестьянства, и все присутствующие тут в зале достаточно обломали себе языки, говоря о необходимости смычки, говоря о том, что нет таких интересов, которые были бы противоположны между рабочим классом и крестьянством, и говорили, повторяли, читали цитаты из Владимира Ильича, который говорил, что сейчас задача стоит перед нами – идти далее всей массой, ориентируясь на крестьянство в целом, продвигаясь, может быть, гораздо медленнее, но продвигаясь непременно всей массой. Об этом говорилось в достаточной степени, чтобы это нужно было опять вновь и вновь повторять. И вот, если мы посмотрим на промежуток времени между XIV и XV съездом, то нужно сказать, что за это время был сделан очень крупный сдвиг вперед. Владимир Ильич писал: когда вы сами себя хвалите, это значение имеет очень малое, а когда вот вас похвалит мужик, когда похвалит вас крестьянин, похвалит рабочий и скажет: да, это лучше, чем старый строй, – так это достижение.

И вот, когда во время празднования Октябрьских дней подводились итоги, мы видели, что крестьянство бедняцкое и середняцкое говорило: «да, мы за советскую власть». Вот эта смычка, которая дана в самом советском строе, смычка между рабочим классом и крестьянством, она в Октябрьские дни проявилась особенно ярко, и, может быть, весь наш внутрипартийный вопрос, под давлением широкой массы, довольной советской властью и партией, был разрешен гораздо более благополучно, чем можно было ожидать.

Но вот далее. Можно ли говорить, что нужно вернуться «назад, к XIV съезду»? Конечно, нет. Если можно употребить выражение, что мы идем по трудной дороге, очерченной нам историей, то к XV съезду эта дорога до известной степени расширилась, и тут встал вопрос о том, что мы можем идти к той цели, которую ни на минуту не оставляли, уже другим темпом, темпом более быстрым, что можно уже и вопросы планирования ставить гораздо глубже, и вопросы кооперирования, и вопросы коллективизации сельского хозяйства можно ставить, опираясь на эту более широкую базу, на доверие массы, уже более основательно. Мне кажется, споры о том, изжило ли себя

мелкое хозяйство или не изжило, довольно праздное занятие. Тут нельзя говорить в средних цифрах. Мы очень часто говорим о средних цифрах, прикладывая одни и те же мерки к очень разным районам. Если мы возьмем, например, Северный Кавказ и Центральную Черноземную область, так это две совершенно разные области с разным характером. И если мы возьмем, например, ЦЧО, так мы должны сказать, что там при громадном аграрном перенаселении, при громадной истощенности земли, при мелком наделе, который существует несмотря на то, что крестьяне взяли помещичьи земли, растет стихийное тяготение к коллективистическим формам хозяйствования, к коммуне. Конечно, это тяготение не повсеместно, не одинаково. Бок о бок, рядом в одной деревне Курской губ., по словам одной крестьянки, выговорить не дадут слово «коммуна», а рядом создается коммуна, которая ставит себе цель раз навсегда покончить с «соломенной» собственностью. И это в ряде мест. К моменту XV съезда ощущалась уже растущая снизу некоторая тяга к коллективистическим формам хозяйства. Налицо имелось не только наше понимание необходимости крупного хозяйства, не только наше желание пропагандировать это крупное хозяйство, но и в массах уже гораздо более сознательно стали подходить к этому вопросу в некоторых местах. Нельзя, конечно, сказать, что это является массовым явлением, повсеместным, но зачатки коллективистического движения налицо были. Если мы посмотрим, как мы вели за последнее время пропаганду крупного хозяйства, ту задачу, которую мы поставили на XV съезде, то, мне кажется, нужно сказать, что мы ее вели недостаточно энергично. Я не буду говорить о хозяйственных мерах, которые представляют собою, конечно, основное, но в отношении той агитации, которую мы вели вокруг этого вопроса и в отношении той помощи в инструктировании, которая должна была быть, мне кажется, что в этом направлении нами недостаточно было сделано, начатое надо продолжать.

Возьмем другой вопрос, вопрос об отношении рабочего класса и разных слоев крестьянства. Нельзя считать, что то, что было пять лет тому назад, те отношения, которые тогда были между рабочим классом и крестьянством, остались неизменными. Они изменились даже со времени XIV съезда. Ведь идет вопрос не только о классовой борьбе, но и о влиянии в процессе этой борьбы рабочего класса на крестьянство. Идет переработка разных слоев крестьянства, организация бедноты, рост сознательности середняка. Если сравним картину взаимоотношения разных слоев к моменту XIV и XV съезда, то мы увидим, что кое-какие изменения есть, например изменения в составе рабочего класса. Рабочий класс стал более крестьянским, влились туда кадры крестьян. Что это – плюс или минус? Это может быть и плюсом, и минусом. Это зависит от того, как мы это используем. Плюс в каком отношении? В том, что через эти пути, через связь с деревней усиливается влияние рабочего класса на крестьянство. Минус тот, что закаленные кадры рабочего класса несколько ослабевают, растворяясь в крестьянском составе. Все это должно влиять на методы, на характер нашей борьбы. Все это мы должны учесть. Это относится и к борьбе с кулаком. Я всегда насчет борьбы с кулаком стояла на той точке зрения, что эту борьбу нужно вести как можно энергичнее, и не раз выступала в этом направлении. Но есть борьба и борьба. Есть борьба, когда мы ограничиваем эксплуататорские стремления кулаков. В этой борьбе середняк и бедняк с нами, когда мы не даем кулаку избирательных прав, ограничиваем во время какой-нибудь кампании для кулака возможность проявить свой эксплуататорский нажим, даем в снабжении льготы бедняку и середняку, то тогда массы крестьянства, середняк и бедняк, с нами, но если мы нашу борьбу с кулаком организуем таким образом, что только разоряем хозяйство у кулака, задевая и хозяйство середняка и бедняка, тогда мы в классовой борьбе только спутываем карты.

И, мне кажется, говоря о текущем моменте, говоря о предпринятых чрезвычай-

ных мерах, мы должны сказать, что мы недостаточно четко проводили водораздел между эксплуататором и хорошим хозяином и у нас получалось смешение карт. Мы не всегда это замечали. Тов. Варейкис очень энергично говорил о борьбе с кулаком. Он думает, что в Саратовской губ., где он работает, шла только борьба с кулаком, а так ли это было на деле? Я знаю, как там бывало, по довольно объективным письмам, письмам ребячьим, которые иногда мимоходом, среди ребячьей болтовни, дают крайне живую фотографию того, как дело происходит на самом деле. Мальчонка не дает оценки, а только дает фотографию. В Саратовской губ. та борьба, которая была направлена против кулака, задевала и бедноту. Мальчонка описывает: страховку берут те, у кого деньги есть, платят, а те, у кого денег нет, у тех берут «теленков» и «козленков», и описывает сцену, как козу поставили в сельсовете на стол, все стоят и хохочут, а крестьянин-бедняк, хозяин козы, плачет, и крестьянка плачет. Это как будто не очень-то значит бить по кулаку. Я не хочу обобщать, я не хочу сказать, что это общая картина по Саратовской губ., но у нас перегибы и нажимы были несомненные. Еще в 1926 г. мы вели борьбу за революционную законность, она не вошла еще в плоть и кровь, и вот сейчас, когда мы лозунг даем о нажиме, то должны учитывать, что перегиб будет неизбежно. Как конь, услышав трубу, начинает вытанцовывать известным шагом, так и призыв нажать оживляет старые приемы. А с другой стороны, нажим потому ощущается особенно болезненно, что за это время поотвык крестьянин от нажима и особенно чутко относится к такой издевке, когда ставят отнятую козу на стол и смеются. Это вносит много нежелательного, портит отношения. Я не хочу говорить о размычке, я не хочу говорить о том, что в корне испорчены отношения между рабочим классом и крестьянством. Это преувеличение, это впечатление от вокзальных разговоров, от разговоров и писем, которые ведутся и пишутся с определенным желанием поднажать. Раз говорю с работницей, она говорит: на рабочих внимания не обращают, того-то не сделали, другого не сделали, а я спрашиваю: ты это мне говоришь для того, чтобы я нажала, что ли? Она рассмеялась, говорит: ну, а зачем же? Так и тут бывает иногда. Картина часто не столь трагична, как ее описывают. И говорить о том, что испортили в корне отношения, конечно, не приходится, что подпортили их – это есть. Поднажали, переборщили, перенажали. А уже определять, на сколько процентов тут центр виноват, на сколько процентов места виноваты, – я думаю, об этом говорить не приходится. Тут дело ясное.

Поскольку тов. Молотов говорил, что надо ясно поставить вопрос, что чрезвычайных мер не будет дальше, я думаю – это надо приветствовать, не потому, что в трудный момент нельзя было комбедовские методы употреблять, но портить отношения с крестьянством там, где можно не портить, не резон и не расчет. А вот эти слова тов. Молотова, что мы прекратим нажим, они как будто заставляют думать, что можно было немножко полегче нажимать. Конечно, ни на каких весах не взвесишь, на сколько полегче и где полегче. И сейчас вопрос не в том, чтобы говорить о том, что настолько-то процентов виноват тот-то, а весь вопрос в том, чтобы дальше идти с той осторожностью, о которой Владимир Ильич на XI съезде партии и во всех своих последних сочинениях говорил: архиосторожное проведение своей линии. Если сравнить 1922 год с настоящим, то надо сказать: международная обстановка та же осталась, которая была раньше, мы во враждебном окружении, уровень нашего хозяйства по-прежнему низкий, отсталый, немножко подвинулся, но не настолько, чтобы в корне можно было бы отменить осторожность, и тут архимедленное и архиосторожное продвижение вперед, но непременно со всей массой, со всем крестьянством, о котором говорил Владимир Ильич, оно диктуется и теперешним положением. Тут отчасти тов. Молотов, отчасти другие товарищи говорили, хотя в меньшей мере, чем надо, о том, что у нас недоста-

точно широко развиты методы агитации. И методы агитации, и методы убеждения были. Тут мне товарищ с Северного Кавказа говорил, что я не учитываю, какая большая работа велась в этом направлении на местах. Я беру это немножко под сомнение. Возьмем 1917 год, апрельскую конференцию, на которой Владимир Ильич выступал и подробно говорил о том, как надо подходить с агитацией о войне. Этот вопрос обсуждала конференция[210]. Вопрос о формах и методах пропаганды обсуждался на партийных конференциях каждый раз, когда возникала новая ситуация, а в данном случае мы проходим мимо этого вопроса. Его бы необходимо четко поставить. Сами прения на пленуме указывают, что товарищи считают нужным подчеркивать разные стороны дела. И в нашей пропаганде и агитации на местах нет той стройности и четкости, которая особенно важна в трудные моменты. Я тут с тов. Осинским согласна, когда он говорил о том, что мы иногда зря транжирим деньги. Когда 300 тыс. рублей надо на то, чтобы снабдить избычитальни, т. е. деревню, агитационной литературой, то тут поднимается и РКИ, и все наркомфины, и говорят о том, чтобы не давать этих денег; а когда речь идет о 6 миллионах, чтобы строить новое здание под Ленинскую библиотеку, такое, какого нет в Европе, то мы не подождем до более удобного времени, а говорим: «ну что же, стройте. На то же мы культурные люди, чтобы это сделать». С моей точки зрения, тут надо было бы больше рассчитывать и денег на пропаганду, агитацию, культурную работу не жалеть. Метод убеждения может быть сложен, но нельзя идти по линии наименьшего сопротивления, а все усилия нужно употребить к тому, чтобы кол не вбивать между рабочим классом и крестьянством. Это я, конечно, говорю не в том смысле, что кто-нибудь это хочет сделать, но в наших методах надо быть архиосторожным, и то, за что нас хвалил мужик – за вежливый подход к крестьянину, – это надо стараться сохранить елико возможно. Тогда мы будем иметь большие успехи. Ведь вопрос не только в одних ценах. Почему часто не дается на рынок хлеб? Мы развели широкую агитацию о возможности нападения на нас соседей, очень остро поставили агитационно вопрос о возможности войны[211], и многие крестьяне стараются попридержать запасы на случай войны, кто с точки зрения предохранения себя и своей семьи от голода, кто в надежде на крупную наживу. Вопрос агитации, вопрос создания определенной атмосферы, – это, конечно, один из чрезвычайно существенных вопросов, который надо всячески подчеркивать.

Председатель. Слово имеет тов. Томский.

Томский. Мне хотелось бы остановиться на нескольких чертах, которые вытекают из прений вокруг резолюции, единогласно принятой Политбюро, формулировки которой единогласно нами приняты и никаких дополнительных поправок к ней с нашей стороны не вносилось. Так, как будто?

Г о л о с а. Так.

Томский. Поэтому те прения, которые ведутся вокруг резолюции, особенно интересны, особенно занимательны, и на них следует остановиться. Очень характерно, что эти прения проходили по трем вопросам, старым, знакомым нам вопросам, которые всегда, как правильно говорила Надежда Константиновна, развертываются во все затруднительные моменты нашей революции: вопрос об отношении к середняку, вопрос о методе руководства со стороны рабочего класса крестьянством, вопрос о классовой борьбе в деревне. Все старые вопросы, с которыми сталкиваемся на каждом затруднительном этапе. И немудрено, что здесь, в процессе этих внешне элементарных, всем знакомых нам вопросов, когда мы слушали речи отдельных ораторов, часто приходилось себе задавать вопрос: вроде как присутствуешь на уроке политграмоты, и тем не менее, несмотря на простоту разбираемых здесь вопросов, еще и еще раз приходится пройтись по всем этим вопросам для того, чтобы выяснить, есть у нас какие-нибудь разногласия или нет разногласий.

Тут, во-первых, наметились как будто бы две оценки относительно настоящего периода, причем с некоторым, несомненно, преувеличением этого разногласия. Тех, кто дает более пессимистическую оценку настоящему периоду, называет другая сторона «паникерами». Вторая сторона обвиняет другую сторону в недооценке. Я думаю, что самокритика в низах может только тогда развиваться, когда мы в верхах научимся товарищески полемизировать и в то же время не скрывать того, что думаешь. Вообще, приклеивание ярлыков «паникер», «бюрократ», «ограниченность», оно неуместно. Мы на Центральном Комитете не первый год живем, и немало пронеслось над нашими головами бурь, пугать друг друга страшными словами нам непристойно. Это первое.

Все мы сходимся в одном: период по меньшей мере серьезный. В этом мы сходимся, а в серьезные периоды, в ответственные периоды, лично считаю очень небольшой добродетелью сохранять бесстрастие и только. Само по себе бесстрастие есть пассивная добродетель, как и многие другие добродетели. Бревно – оно бесстрастно, но проку от этого никому никакого нет, оно ничего не отражает, никогда не колеблется, никак не реагирует, но это же бревно! Паникеры бывают двух сортов: одни бестолку кричат, другие более опасные, они проявляют активность, начинают с перепугу бить направо и налево. Это также паникеры, но они опаснее, они думают, что они проявляют бурную деятельность, на самом деле они бьют направо и налево и могут таких чудес натворить – беда, только держись!

Мы говорили здесь о вопросах смычки, о вопросах взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством. Я думаю, что, несмотря на прения, здесь есть все еще кое-что туманное, не обессудьте меня, товарищи, если на первых порах вам будет казаться, что я вроде как бы читаю лекцию в школе политграмоты. Я ставлю вопрос, который здесь уже ставили.

Первый вопрос – исторической задачей рабочего класса на данном историческом отрезке времени является обеспечение практического строительства социализма, при непременном условии сохранения союза рабочего класса с крестьянством. Сохранить союз с крестьянством, со средним крестьянством – это есть основная историческая задача периода. Вот почему вокруг этого вопроса вертятся все остальные вопросы, этот вопрос является, как мы не раз говорили, – вопросом вопросов. Когда мы говорим о смычке между рабочим классом и крестьянством, то вправе, конечно, задать вопрос: для чего нужна рабочему классу эта смычка? И на это мы отвечаем очень коротко: потому что в стране крестьянской при капиталистическом враждебном нам окружении, в стране крестьянской, имеющей отсталое хозяйство в море миллионов и десятков миллионов мелких производителей, рабочий класс может сохранить свою диктатуру и обеспечить свое строительство социализма, только идя рука об руку с основной массой крестьянства, ведя их за собой. Строительство социализма осуществимо руками не только рабочего класса, но и крестьянства под руководством рабочего класса. Как вы вспоминаете, вероятно, это буквально ленинская формулировка, которую я говорю на память, но которая вам всем известна.

Итак, смычка нужна не для смычки вообще, а для полного обеспечения диктатуры пролетариата и успешного практического строительства социализма. Истина первая. Но как мыслимо осуществить эту смычку рабочего класса с крестьянством? Как она осуществляется? Осуществляется эта смычка под руководством рабочего класса, но этого мало сказать. Мало сказать, что она осуществляется под руководством рабочего класса. Нужно сказать, каким образом она осуществляется. Что это – берет рабочий класс середняка за ворот и «руководит» им? Нет, она не так осуществляется. Она осуществляется путем постоянных известного рода уступок со стороны рабочего

класса основной массе крестьянства, учитывая его специфические интересы как мелкого производителя, с одной стороны, и как труженика – с другой стороны. Формулировка не моя, а кто-то другой это говорил. Это, как будто, буквальные слова Ленина. Мыслима ли другая форма обеспечения союза между рабочим классом и крестьянством, без ряда уступок со стороны рабочего класса этому среднему крестьянству? Нет, немыслима. Попытались бы мы сказать: союз с основной массой крестьянства необходим, но так как мы считаем более необходимой коллективизацию сельского хозяйства, поэтому вот вам декрет – потрудитесь вступать в коллективы. Не вышло бы так. Поэтому, хотя мы считаем коллективные формы гораздо более высокими, более прямым путем к социализму, чем индивидуальные, раздробленные формы хозяйства, мы идем на уступки мелким производителям и этот большой план коллективизации приспособляем к их отсталости, и технической, и психологической. Факт первый. Такая уступка с нашей стороны есть.

Попробуйте завтра сказать – все мы знаем, что нам нужны технические культуры, попробуйте предписать крестьянину Тульской губернии: засеивай такую-то часть льном, а такую-то часть другими культурами, это ей-ей было бы хорошо. Но, товарищи, как бы это ни было прекрасно, мы с вами идем на уступки, предоставляем этому самому крестьянству, в изъятие из плана нашего, вести свое хозяйство так, как он это считает выгодным, поощряя его стремления и иными методами регулируя крестьянское хозяйство. Таким образом осуществляется смычка между рабочим классом и крестьянством. Как будто все бесспорно до сих пор идет. Но она осуществляется **под руководством рабочего класса**. В чем же заключается это руководство со стороны рабочего класса над основной массой крестьянства? Оно выражается в том, что рабочий класс, в лице его партии, руководит всей политикой советского государства. Это руководство распадается на ряд ручьев, на ряд отдельных категорий. Оно выражается в общем руководстве международной политикой, которая осуществляется в экономическом и политическом отношении к различным капиталистическим государствам, в политике по отношению к отсталым, слабым народностям, в политике в области колоний и т. д.; оно осуществляется в международной нашей политике, в монополии внешней торговли и т. д. и т. д.; оно выражается в нашей финансовой системе; оно выражается в нашем хозяйственном руководстве, в нашей хозяйственной политике, в курсе на индустриализацию; оно выражается в регулировании хозяйства, ибо рабочий класс не может, не имеет права, и это немыслимо в стране отсталой, руководить большим хозяйством, не регулируя его в обстановке диктатуры пролетариата, мы не можем это позволить. Мы в известной степени регулируем и планируем все народное хозяйство. Само регулирование распадается на ряд звеньев этого регулирования, цены – повышением одних, понижением других, своевременным завозом, маневрированием товарами и т. д. Так и таким образом осуществляется политика и экономика пролетариата в руководстве его всей экономической и политической жизнью страны. Политика и экономика, как мы знаем, неотделимы друг от друга. Не раз доказывал Владимир Ильич, что политика и экономика – это суть одно и тоже. Когда Шляпников сказал, что Центральный Комитет должен заниматься политикой, а профсоюзы экономикой, Ленин сказал: нельзя ли иначе – вы будете заниматься политикой, а мы – экономикой. Политика без экономики – это сплошная болтовня.

Каким образом осуществляется руководство рабочего класса через свою коммунистическую партию над основными массами крестьянства? Оно проводится при условии ряда уступок со стороны рабочего класса среднему крестьянству, при непременном сохранении своей основной линии в осуществлении социализма и в практическом построении его в нашей стране, путем сохранения в своих руках и закрепления ко-

мандных подступов к строительству и осуществлению социализма – монополии внешней торговли, нашей финансовой системы, национализированной промышленности и т. д., т. е. того, что мы называем очень часто командными высотами. На этих линиях никаких уступок мы делать не можем.

Возможно ли, что среднее крестьянство потребует от нас на этой линии уступок, которых мы сделать не можем? Если бы это было так, то тогда бы кризис между рабочим классом и средним крестьянством был бы неизбежен. Однако нам Ленин сказал, что в нашей экономике, во всем нашем политическом строе не заложены с неизбежностью такие основания, которые предопределяли непременно наш разрыв со средним крестьянством. Это следующая истина.

Итак, нам в нашей экономике, в обстановке диктатуры пролетариата, обеспечено практическое строительство социализма, сохранение всей нашей принципиальной линии при обеспечении за собой необходимых подступов и командных высот, необходимых для обеспечения победоносного построения социализма, при ряде допустимых уступок, продиктованных внимательным отношением к мелкому собственнику, к его интересам, при сохранении и обеспечении союза рабочего класса с крестьянством как необходимой практической предпосылки успешного строительства социализма. Однако существуют классы, у классов есть свои интересы; классы эти интересы защищают, классовая борьба идет в разные периоды по-разному и разными методами. Кулак и другие капиталистические элементы наступают, пытаются наступать на рабочий класс. Есть эта борьба? Есть. Должны ли мы ослаблять нашу борьбу с капиталистическими элементами? Не должны ослаблять, никогда не должны ослаблять, ни при каких обстоятельствах, здесь у нас бой до последней роковой черты.

Но как должна вестись эта борьба, в чем наши трудности, в чем опасность? Для нас капиталистические элементы внутри страны, и в том числе кулак, опасны при двух условиях. Условие первое: тогда, когда они получают поддержку международной буржуазии, внешней силы, в форме блокады, интервенции и т. д. Второе условие: тогда, когда они против нас поведут за собой основную массу мелких производителей, среднее крестьянство. В каких же случаях удается капиталистическим элементам, и, в частности, кулаку, вести за собой основную массу крестьянства? Я отвечаю на это: тогда, когда мы, рабочий класс и его партия, со своей стороны неправильно осуществляем смычку, когда мы эту смычку нарушаем, когда рабочий класс, в лице его партии и соввласти, не проявляет достаточно правильного, достаточно внимательного руководства, чтобы эту смычку обеспечить. Рассмотрим три случая: первый – крупнейший, острейший этап наших столкновений с крестьянством; второй, более слабый, – недовольство; третий, как вам угодно, я согласен на все формулировки, давайте назовем это – натянутые отношения с крестьянством, – это теперешний. Можно так назвать? Первая большая размычка – это кронштадтская размычка. Чем она вызывалась? Тем, что руководство рабочего класса слишком задержалось на одном этапе, слишком крепко прижали мелкого производителя, закрыли ему все ходы к товарообороту, замкнули его хозяйство, сделали его изолированным. Мы сделали уступку, перешли к нэпу всерьез и надолго, этого требовали обстоятельства. Эта была крупная размычка и крупная уступка. Вторая – в 1923 г. В 1923 г. тов. Молотов изображал дело так, что тогда на нас мужик поднажал, а мы мужику немножко уступили. Но я не знаю, кто на кого нажал, давайте вспомним. В 1923 г. мужик, привезя на Украине воз пшеницы, получал в обмен сапоги, и то не всегда их мог купить, таково было соотношение индексов. Не забывайте, что наш торговый аппарат доводил до крестьян товар с 300% начисления. Вы вспомните те прекрасные диаграммы, где было показано, как шли спички из Москвы с завозом в 14 мест, пока не доходили до места назначения, плюс 200–300% организа-

ционных расходов. Если из-за такого руководства мужик стал становиться мало-мало на дыбы, то какая же с нашей стороны особо большая уступка была, кроме обычного перехода к правильным методам руководства со стороны рабочего класса над своим торговым аппаратом, когда мы лишние звенья в торговом аппарате упразднили, цены удешевили, индексы сблизили?

Перехожу к настоящему времени. Чем вызывается настоящий момент? Я считаю, что то, что дала резолюция Политбюро, единогласно принятая, дает исчерпывающую характеристику: она говорит не только об отсталости всего сельского хозяйства, она говорит об особой отсталости зернового хозяйства. Она указывает в числе объективных условий распыленность, дробность, общий низкий уровень сельскохозяйственного и в особенности зернового производства, она указывает на несоответствие цен как на одну из больших причин этого, и она указывает на специфические особенности настоящего кризиса, которые заключаются в ряде причин, и если эти причины вскрыть, то это будут причины неправильного регулирования, неправильного планирования, в чем, конечно, нельзя обвинять одного тов. Микояна, который не один планировал и регулировал, и в конечном счете возложить наши ошибки на одного Микояна было бы глупостью и неправильностью с нашей стороны. Мы регулировали все вместе. Политика Микояна не была противопоставлением политике Политбюро. Таким образом, это есть ошибки нашего регулирования и планирования, а это же самое, в более общем смысле сказанное, – ошибка руководства со стороны рабочего класса в лице партии. Недостаточно мы были внимательны, раньше нам нужно было бы посмотреть на то, что делается в сельском хозяйстве. Когда мы разбираем настоящий кризис и говорим: а позвольте, почему мужик в прошлом году за эту цену вез хлеб, а в этом году не везет? А вот почему: потому что в прошлом году он вез, а в этом году подсчитал, что зерновое хозяйство при этих условиях для него невыгодно, и он перегруппировал за год свое хозяйство, и получилось несоответствие, которое только классовой борьбой, как пытается это объяснить тов. Молотов, разбирая эту резолюцию, объяснить нельзя; я думаю, что он дает **свое** толкование этой резолюции. У него выходит таким образом: крестьянин окреп, позиция среднего крестьянина, мелкого производителя окрепла, и он начинает более энергично, более настойчиво защищать свои классовые интересы. Я задаю себе вопрос: от кого он защищает свои классовые интересы? От кулака? Нет, он не от кулака защищает свои интересы, не о нем речь идет. От пролетарского государства, от рабочего класса защищает свои интересы? По-видимому, так. Если бы это было так, что крестьянин окреп и эта крепость дает ему возможность перейти к лучшей защите своих классовых интересов, то давайте называть вещи своими именами. Переход к лучшей защите своих классовых интересов – это называется наступлением. На кого? На рабочий класс. Спрашивается, а позиции рабочего класса за это время усилились или не усилились? Если они усилились, то в чем же заключается преимущество позиции кулака и мелкого производителя перед позицией рабочего класса? Если они не параллельно усилились, тогда усиливается позиция только мелкого производителя и не усиливается позиция рабочего класса. А это абсолютно неправильно, это опасная теория позиции мелкого производителя. Если они усилились, то на какой базе, на производственной базе или на базе только некоторого обогащения верхушки деревни? Если они усилились на производственной базе, то правильно ли тогда мы пишем об отсталости сельского хозяйства? Тогда мы неправильно пишем об этом. Я думаю, что эта новая теория тов. Молотова – неправильная теория. Я с Молотовым согласен в том, что если расстановка классовых сил такова, что грозит обострить отношения между рабочим классом и крестьянством, что грозит обострить отношения пролетариата с основной массой крестьянства, а это обострение в свою очередь может

угрожать переходом в размычку между рабочим классом и крестьянством, я тогда смотрю, в силу чего происходит такая классовая передвижка, невыгодная для рабочего класса, тогда, когда середняк отходит от бедноты, от пролетариата и начинает тащиться за кулаком. Вот когда подобная передвижка опасна. Сам по себе нам кулак был бы не страшен, без середняка. Он нам опасен потому, что он соприкасается в самой гуще деревни с середняком, с массой этих самых мелких производителей, и в решительные моменты, на почве ошибок нашего руководства или на почве международных осложнений, он станет той силой, которая действительно сможет повести за собой в деревне, в самом нашем больном месте, эту основную массу крестьянства, конечно, против диктатуры пролетариата. Когда есть такая опасность, когда хоть сколько-нибудь грозит опасность смычке рабочего класса с крестьянством, долг каждого марксиста-ленинца посмотреть, как и каким образом должно перегруппировать классовые силы, чтобы выйти из такого положения, ибо здесь лежит угроза пролетарской диктатуре. Мы должны смотреть опасности прямо в глаза, не боясь того, что мы будем называть друг друга страшными именами, – ругательство не есть доказательство.

Когда перед Лениным и перед его партией ставился подобный вопрос так, то как он решался? Подобные задачи тактики могут решаться двояко. Если моему классу угрожает опасность, что данный класс может встать против диктатуры моего класса, то я должен либо бить его по мордам, дабы смирить, или я должен идти с ним в соглашение. Середняк – это такой класс, которого бить по мордам нельзя. Можно, может быть, его побить сегодня, но если ограничиться этим, то завтра он наверное нас отколотит. Поэтому Ленин всегда шел на уступки середняку. Это вовсе не сдача наших командных высот, это совершенно правильная марксистская, ленинская постановка вопроса об уступке.

Теперь давайте говорить, какие уступки. Из той теории, о которой я говорил, это выходит правильно, но из той теории, какую развил тов. Молотов, я боюсь, что это неправильно.

Молотов. Но мы побеждаем: у нас идет непрерывное возрастание удельного веса социалистических элементов в хозяйстве.

Томский. Тов. Вячеслав, ты ведь знаешь, что я глуховат, ты не сомневаешься, что если я твою реплику не услышу, я тебе на нее не сумею ответить. Но я считаю неудобным потом в стенограмме помещать ответ на реплику, которой я не слышал. Поэтому я прошу реплик мне не давать (с м е х).

Г о л о с. А вопросы можно?

Томский. Вопросы можно, когда я окончу речь. Если председатель даст мне особое слово, то я тебе отвечу на все вопросы, сколько бы их ни было.

Так вот, из той теории, которую развивал здесь тов. Молотов, выходит, что ошибки опасны. Почему? Посмотрим ход его мыслей. Он говорит так: мелкий производитель, середняк, окреп, усилился, он начинает лучше защищать свои интересы, тогда давайте уступим ему. Но тогда в результате наших уступок он еще больше окрепнет и еще крепче станет наступать. А мы не должны забывать, что при таких условиях каждая наша уступка являлась бы фактором, усиливающим мелкого производителя и его наступление на пролетариат.

Такой теории я боюсь. Я пересматривал этот вопрос, потому что здесь целый ряд глубоких экономических факторов, целый ряд объективных причин и субъективных причин, о которых нечего умалчивать. Нечего говорить, что на кого-то валят ответственность, – я на любое беспартийное собрание пойду и признаю, что это ошибки наши и в том числе мои. Мы люди, которые делают ошибки, и никогда не может рабочий класс предъявить к нам такие строгие требования, чтобы мы были, как римский папа

или римская мама, непогрешимы, нужно их просто и честно признать, иначе за этим последует вторая серия этих ошибок. Поэтому, когда рабочий класс замечает ошибки в своем руководстве, он должен их исправлять, как поступал Ленин, и должен это делать не как уступку наступающему классу, а как уступку своему союзнику, который недоволен его руководством, ибо это руководство слишком сильно задело экономические интересы этого союзника.

Я не согласен с тем положением, которое выставил тов. Молотов. Это его положение таково: классовая борьба идет, кулака мы били и будем бить, но не без того, чтобы попало и середняку. Но я против этой теории и второй раз заявляю, что если мы будем так бить кулака, что мимоходом всыплем и середняку, то плохой это будет союз, потому что кулаков-то относительно мало, середняков во много раз больше, пожалуй, тогда больше попадет середнякам. Не надо так размахивать руками, хотя бы и в драке с кулаком, чтобы задевать середняка. Так вот, угроза союзу, угроза в том, что могут испортиться отношения между рабочим классом и крестьянством, всегда начинается тогда, когда мы либо своим руководством задеваем интересы середняка, либо своей борьбой с кулаком, которую мы так своеобразно ведем, что задеваем локтем по зубам середняку. А это тоже есть недостаток руководства, мы руководящий класс, мы руководим борьбой с кулаком и никто другой. Значит, наше руководство иногда задевает середняка, он начинает протестовать, и тогда ему нужно уступить, свое руководство крестьянством исправить.

Как должны делаться эти уступки и как должны ликвидироваться, мягко говоря, недоразумения между средним крестьянством и рабочим классом, его партией, советской властью, диктатурой пролетариата, что одно и то же? Они должны ликвидироваться таким образом, чтобы в результате необходимых уступок середняка удовлетворить, отрезать его от кулака, кулака изолировать, а середняка сплотить с сельской беднотой. Вот что мы должны делать.

Прежде чем перейти к этому же вопросу практически, я позволю себе коснуться еще вопроса о чрезвычайных мерах. Я приветствую заявление тов. Сталина, абсолютно решительное, абсолютно исчерпывающее, относительно того, что мы должны исключить чрезвычайные меры, мы должны сделать все, чтобы к чрезвычайным мерам не прибегать. Я скажу больше того. Нечего нам тут говорить о прошлом, чрезвычайные меры мы принимали все вместе, конечно, не от хорошей жизни, но чрезвычайные меры были абсолютно необходимы. Но вот я усмотрел все-таки в речах некоторых товарищей опасную нотку: эти товарищи говорят, что чрезвычайные меры действительно очень плохи, но все-таки зарекаться от них не нужно. Зачем особенно далеко их откладывать? Еще посмотрим, мол, как пойдут новые хлебные заготовки, а от чрезвычайных мер не будем, дескать, пока отказываться.

Я вспоминаю речь тов. Андреева, на основной формулировке которой все сходятся. Он сказал: середняк очень насторожен, т. е., картинно говоря, отношения у нас с середняком натянутые и второй порции чрезвычайных мер он не пожелает принять.

Я хочу с другой стороны, со специфической стороны посмотреть, почему в настоящий и ближайший момент опасны чрезвычайные меры и почему в данный момент нам нужно особенно щекотливо отнестись к подобным речам.

Я боюсь вот чего, товарищи, и я очень буду рад, если ошибусь, так как в таких случаях приятно ошибаться. Я боюсь того, что вот первая у нас волна недовольства крестьян нами почти прошла там, где мы заготовили хлеб, хотя бы с чрезвычайными мерами, – это Северный Кавказ и Украина. А теперь у нас начнется недовольство там, где хлеба нет в тех потребляющих районах, которые мы не снабжаем.

Микоян. Началось уже давно.

Томский. Вот где оно начнется, недовольство. А так как у нас весь пролетариат Москвы и Ленинграда вербуется в губерниях, потребляющих хлеб, а не производящих, то это отразится и может отразиться волнообразно на некоторых слоях рабочего класса. Я думаю, что вы на меня не рассердитесь за то, если я скажу вам, что на некоторых наиболее отсталых слоях рабочего класса это уже отразилось, как, например, на кирпичниках, торфяниках, на строительных рабочих. Это вы знаете без меня. Я боюсь этих затруднений.

Я целиком подписываюсь под тем, что говорила Надежда Константиновна Крупская о том, что состав рабочего класса, соотношение и группировки изменились с 1920 года очень сильно. Что у нас было при Кронштадте? При Кронштадте у нас в городах осталось только самое ядро пролетариата. Рабочие, связанные с деревней, разбежались по деревням от голодухи. Так было у нас тогда, и то наиболее квалифицированные рабочие металлисты отразили тогда первое Кронштадское настроение, это вы прекрасно помните. К 1923 году мы собрали старых рабочих на фабриках и заводах, и рабочие также отразили в ряде забастовок настроение деревни того периода. Надежда Константиновна абсолютно правильно говорит, что есть у нас хорошие, выкристаллизовавшиеся кадры пролетариата, но они сильно разбавлены вновь прибывшими молодыми рабочими, которые революцию не делали, за революцию не боролись, на фронтах не были, не привыкли рассматривать фабрики и заводы как свое собственное завоевание, которые еще сидят корнями в деревне и которых мы пока что не переварили и переварить которых еще очень трудное дело. Что усилилось влияние рабочего класса на крестьянство – это бесспорно. С этой точки зрения, позиция пролетариата в деревне усилилась. В 1920 году мы не имели, например, никакого союза работников земли и леса, в 1923 году мы имели зачаток этого союза работников земли и леса. В настоящее время мы имеем слабый союз работников земли и леса – да простит меня тов. Анцелович, – но который уже объединяет полмиллиона батраков и под влиянием которого имеются большие батрацкие массы, под влиянием которого имеется примерно трехмиллионная масса батраков. Но, с другой стороны, если усилилось воздействие пролетариата на крестьянство, то усилилось и взаимодействие, отражение некоторых крестьянских настроений на рабочий класс. Если мы примем во внимание то, что всем вам известно, а именно, что следы после сурового пересмотра норм производительности и сдельных расценок еще не изгладились на ряде заводов и фабрик, что те усилия, с которыми мы проводили снижение цен и которые дали сперва хорошие результаты, что они впоследствии аннулировались и мы имеем сейчас индекс, сниженный против прошлого года всего лишь на 1%. Я говорю здесь о бюджетном наборе, который снизился всего только на 1%. У рабочего опять есть повышение зарплаты, но оно будет идти за счет повышения номинала, а не за счет снижения индекса. Имейте также в виду прирост квартирной платы. Можно, конечно, набраться бодрости и сказать, что все обстоит благополучно и хорошо: рабочий класс непоколебимо советский, крестьянство отнюдь не отвернулось от советской власти. Это правильно, но тем не менее, если бы мы в этих условиях попытались бы повторить чрезвычайные меры и еще немножко обострить наши отношения с крестьянством, то нетрудно предвидеть, какой может быть ответ на это. А ответ будет такой, что если карточки были введены в двух-трех городах, то их придется вводить во всех городах. Можно, конечно, философски сказать: карточки, ну что ж такое карточки! Конечно, карточки будут не страшны, когда будет война, тогда мы посадим всех на карточку, и тогда все будут понимать эту меру, что эта мера является необходимой. Но если мы с вами на 11-м году диктатуры пролетариата посадим людей на карточку и будем говорить, что все у нас обстоит благополучно, что руководство у нас было правильное и что, мол, кулак все напакостил, – ей-ей, никуда

это не годится! Вопрос заключается в том, где проходит та линия, которая обеспечила бы нам изоляцию кулака от середняка, обеспечила бы нам союз с середняком. Где тот последний пятачок, который следует прибавить крестьянину на хлеб? Когда здесь приходится решать этот вопрос, мы видим, что никто конкретных цифр не называет – будет ли это 15, 20 или 30 копеек. Я думаю, что этот вопрос нужно считать вопросом очень точного, тщательного и умного регулирования. Здесь ведь мы можем ошибиться и в другую сторону. Если в 1928 году, как здесь смеялись, лошади кушают печеный хлеб, а овса нет, то в будущем году, если будет неправильное планирование, может случиться так, что нам придется есть овес, а хлеба не будет. (С м е х.) Вопрос о ценах для меня практическая установка. Где есть опасность: слишком много уступить или недоуступить, а потом уже под нажимом уступить во второй раз, где этот решающий пятачок, который должен перейти туда или сюда? Я откровенно говорю, называйте меня как хотите, хоть капитулянтом, я считаю, что если на пятачок ошибемся в цене и дадим на пятачок больше, то мы можем это десятью методами исправить, мы можем поднять цены на сахарок или на керосинчик и сократить сейчас же ошибку, но если мы недодадим, крестьянина не удовлетворим и нам потом придется еще пятачок прибавить, тогда он скажет: можно еще нажать, еще прибавят, пусть прибавляют до отказа! Это очень серьезная и опасная вещь, и этот вопрос нужно очень хорошо и внимательно подсчитать.

Относительно цен на хлеб. Я не согласен с товарищами, в частности с тов. Молотовым, относительно цен на хлеб. Я думаю, что не станет спорить против этого Микоян. Ничего я в этом не вижу зазорного, если мы сейчас признаем, что мы слишком большую тяжесть взяли на свои плечи. Если в Москве каждый нэпман, каждый спекулянт сухаревский, просыпаясь утром, вправе требовать, чтобы советская власть дала ему булку по дешевой цене, по себестоимости, то равным образом в каждом уголке СССР – в Царево-Кокшайске, в Козельске, всюду и везде, просыпаются и требуют от Наркомторга: дай дешевого хлеба. Нельзя ли немножко разгрузиться, чтобы не все лежало на наших плечах, и, здесь об этом уже говорили, местный товарооборот нужно как-то развязать.

Молотов. Правильно!

Томский. Правильно? Я боюсь вот чего – все мы за нэп, но немножко веет от некоторых речей таким душком: хорошо, если бы этот нэп был, но без нэпманов, без кулаков и без концессионеров. Вот это был бы прекрасный нэп. (С м е х.) Но позвольте вам сказать, что это был бы не нэп. Если бы вы меня спросили, ты за какой нэп: с концессионером, кулаком и частником? Я бы сказал, что я за нэп без концессионеров, без кулака, без частника. Но, однако, чтобы это был нэп, служащий смычкой с основной массой крестьянства, и тем самым была обеспечена незыблемая опора диктатуры пролетариата. Но так как такого нэпа в природе пока еще не дано, то приходится брать тот нэп, который нам дал Владимир Ильич, не забывая того, что он тогда сказал: если вы были до сих пор хорошими организаторами пролетариата, умели вести его к величайшим классовым боям, если вы умели организовывать профсоюзы, партию, произносить речи, возбуждать у угнетенных святую ненависть к эксплуататорам, – научитесь теперь торговать. Я боюсь, что мы забываем это. Это первое. Так вот, я считаю, что в нашей стране будет величайшей ошибкой, если мы дадим крестьянину повышенные цены, потерпим убыток и будем всех московских обывателей, высших служащих и всех прочих, снабжать хлебом, перенося убытки, беря убытки на себя. Это абсолютно неправильная линия.

Микоян. Как разграничить?

Томский. Вот что я предлагаю. Если мы прибавку сделаем такую большую, кото-

рой здесь никто не называл, 40 коп. на пуд, то это будет всего лишь копейка на фунт хлеба. Если мы не будем скептически относиться к тому, что предлагал Михаил Иванович Калинин на одном из наших заседаний, а именно держать на относительно низком уровне низшие сорта хлеба, но сделать серьезную надбавку на высокие сорта хлеба, то получится, что, если кто любит беленький мягонький хлеб, плати подороже, тогда рабочий увидит, что у нас в хлебных ценах классовая политика. (Ш у м в з а л е.)

Ройзенман. Рабочий сам любит беленький хлеб.

Каганович. Тогда рабочий скажет, что буржуи едят белый хлеб, а я должен есть черный хлеб.

Ройзенман. А за что боролись?

Томский. Вот-вот, я рад, что вы так теперь заговорили. Вы говорите так, что рабочий сам любит беленький хлеб и спросит, за что он боролся, но не считайте это идеалом и простой вещью, когда вы говорите, что мы его переведем на серый хлеб. Не считайте это героизмом. От хорошей жизни на серый хлеб не переводят.

Г о л о с. Верно.

Томский. Вы дайте ему дороже, но белый хлеб.

Г о л о с. Неверно.

Томский. И вы дайте ему по себестоимости, а разницу возместите на зарплате. Я себе представляю это так – может быть, эти цифры будут не соответствовать реальному выражению, – но я считаю, что надбавка на хлеб потребует убытку примерно 50 млн. рублей, на глаз. Так? Причем я беру сюда служащих, это, конечно, очень примерная цифра. Прибавив на эту сумму зарплату рабочих, мы можем поднять цену на хлеб и т. д. Я могу тут варьировать, я могу низшим слоям промышленных рабочих побольше поднять, я могу высшим служащим совершенно ничего не прибавлять, для них копейка на фунт хлеба никакого значения в бюджете не имеет, но, по крайней мере, я, подняв цену на хлеб, возьму себестоимость его с нэпмана, с высшего служащего, с сухаревского торговца, с комиссара. Поэтому я буду высказываться против того, чтобы хлеб продавать ниже себестоимости.

Косиор. Ты говорил, что не надо ругаться, а ругаешься.

Томский. Нет, я же никого не ругал, я говорю: надо взять с комиссаров, в том числе и от меня с тобой. Я тебя от себя не отделяю.

Я хотел коснуться еще одного вопроса. Я думаю, что, конечно, правильно положение то, которое Ленин высказывал в своем письме к V съезду профсоюзов[212], которое заключается в том, что нигде в мире никто не видел, чтобы тяжелая промышленность после таких потрясений восстанавливалась на внутренние средства, без иностранных займов. Такова была мысль Ленина: нам никто из иностранных капиталистов займов не дает, рабочему классу и крестьянству нужно своими руками строить свое хозяйство. Это абсолютно правильная мысль. Нам приходится руками крестьянства под руководством рабочего класса восстанавливать всю разрушенную промышленность, реконструировать, индустриализировать отсталую страну, причем мы многое сделали довольно быстрым темпом. Конечно, тяготы этого строительства ложатся на всех трудящихся, ложатся на рабочий класс, ложатся на крестьянство. Но я бы отсюда не рекомендовал делать рискованного вывода, во всяком случае, я считаю опасной формулировкой, если мы будем говорить, что середняк и рабочий платят дань за восстановление промышленности и ее реконструкцию. Они просто своими руками с величайшими трудностями, с величайшими затратами восстанавливают и развертывают то, что нигде в мире такими же способами не восстанавливалось и не строилось. Что тут от рабочего класса требуется жертва – совершенно правильно. Мы эти жертвы требовали раньше, мы эти жертвы будем требовать и впредь, ни капельки этого не боясь.

Достаточно сказать о кампании этого года. В частности, даже товарищи хозяйственники не могут сказать, что в первый период этого года мы, профессионалисты, не звали рабочих к жертвам. Я говорю о пересмотре норм выработок. Тут для отдельных категорий рабочих жертвы были громадные, колоссальные. Надо сказать, что за последнее время многое из достигнутого используется неумело: неправильное применение самокритики, без подготовки кадра хозяйственников и т. д., деморализовало их ряды. Это мы, конечно, поправим, и в дальнейшем, конечно, эти жертвы и самоограничения от рабочего класса потребуются. Но за счет чего, главным образом, будет компенсироваться это? Что явится источником для дальнейшего поступательного развития наших производительных сил? Если мы будем на 11 году диктатуры пролетариата говорить, что это будет за счет увеличения интенсивности труда, это будет неправильно. Я прямо скажу: мы должны говорить о поднятии производительности труда в результате наших рационализаторских усилий. Наконец, пора на 11 году пролетарской диктатуры не только говорить о рационализации, но начать всерьез рационализировать. Ведь мы выпускаем новые машины, мы должны пустить их в работу. Мы должны уметь правильно организовать производство, правильно организовать труд, и пора к этому приступить. Мы должны, я целиком поддерживаю, максимально срезать все накладные расходы, суметь жить гораздо скромнее, не размахиваясь по американскому масштабу, когда нос вытираем по-русски.

Я хотел бы коснуться еще одного вопроса. Чего хочет пленум? Я очень внимательно слушал все прения, происходящие здесь, и я думаю, очень важно понять, чего данный пленум хочет и каковы наши общие настроения.

Я думаю, что все мы понимаем стоящие перед нами трудности. Иначе чего мы три дня толчемся у простого и ясного вопроса?

Скрыпник. Разъясните.

Томский. Вопрос заключается в трудности, и если есть оттенки, то они заключаются в оценке того, насколько опасен этот период, насколько он серьезен. Что он трудный и серьезный период – кто это будет отрицать? Надо дойти до крайних чертиков, чтобы это отрицать. Период очень серьезный и очень трудный. Соотношения натянутые. Имейте в виду, что хозяйственные трудности в этом году будут опять стоять перед нами. В каменноугольной промышленности должны проводить 6-часовой рабочий день, – это не так легко достанется. А во всей другой промышленности мы должны все вместе проводить 7-часовой рабочий день. Хозяйственники дают такую программу, что с ранее переведенными предприятиями на 7-часовой рабочий день мы доведем в этом году количество переведенных на 7-часовой рабочий день предприятий до 10% от общего числа. Я думаю, что такой эффект не соответствует тому, что мы декларировали. Я думаю, что это нам создаст некоторые трудности и потребует от нас больших расходов, я боюсь, что под влиянием нашей агитации это выльется в переход на 7-часовой рабочий день самотеком. Трудности большие, и все это обойдется очень дорого. Мы все прекрасно понимаем, что общую сумму всех этих трудностей мыслимо преодолеть только при условии сохранения смычки между рабочим классом и крестьянством, мы также прекрасно понимаем, что это можно достигнуть при максимальной сплоченности и единстве наших сил, единстве понимания стоящих перед нами задач, единстве волевых устремлений всей партии в целом. Поэтому мы позволили себе роскошь трехдневных прений, поэтому позволили себе роскошь с разных сторон подходить к этим вопросам. Но я думаю, что это самое единство и необходимость этого единства, оно и предполагает то, чтобы мы с разных сторон, по-разному, с начала до конца, в терпимой товарищеской обстановке вскрыли все нюансы, которые между нами есть, если они есть, показали бы, в чем они заключаются. Если мы на Политбюро

сумели договориться в течение двух дней на единогласной резолюции, я утверждаю, что говорить о возможности каких-нибудь у нас больших принципиальных расхождений – это совершенно несерьезно. Тем больше нужно с нашей стороны проявлять терпимости, внимания и терпения к мысли другого, тем больше в нашей среде, наикультурнейшей партийной среде, наиквалифицированнейшей, наиотборнейшей среде, давать примеры, образцы товарищеской полемики, образцы терпимости. Чтобы так было, нужно иметь при каждом случае, в каждый затруднительный момент, при каждом серьезном вопросе, ставшем перед партией, общее желание разобраться по-товарищески во всей обстановке и всех вопросах, стоящих перед нашей партией, не приклеивая друг другу ярлыки: «паникер», «правый уклон», «сбивание к кулаку» и т. п. милые эпитеты. Если мы так будем поступать, как иногда поступаем теперь, это будет плохо; наоборот, если мы будем в своей партии, внутри своего ЦК, терпимо и по-товарищески исправлять отдельные ошибки, я допускаю даже колебания, ей-ей они нам не будут опасны и мы, наоборот, достигнем максимально дружной работы. Ей-богу, я не считаю высокой добродетелью человека, который прожил 60 лет, 40 лет, занимался политической деятельностью, никогда не ошибался, никогда не колебался, никогда не сказал связного слова, никогда рта не раскрывал (с м е х). Так вот, такого человека, который никогда не ошибался, я не считаю идеалом. Я буду считать, наоборот, высшим достижением нашего Центрального Комитета, когда мы будем совершенно спокойно, не боясь ни в какой степени, что кто-нибудь тебе пришьет уклон, говорить все то, что каждый из нас думает. ЦК – это такое место, где мы обязаны говорить то, что думаем. Я обязан высказать свои опасения. Если мы будем иные методы применять, то мы в своей среде будем иметь уклонистов, т. е. и правых и левых, если будем подозрительно искать где-то уклона, ковырять и царапать людей по живому месту. Это будет не то, что требуют интересы партии. Это тогда не обеспечит того, что нужно для настоящего момента. Момент очень серьезный, мы должны максимально дружно работать.

Постышев. Это верно!

Томский. Посмотрите всю полемику, которая здесь была. Она велась в таком деликатном тоне, что люди не называли даже имен. «Товарищ такой-то говорил, многие товарищи думают», а потом начинают накладывать в деликатной форме (с м е х). Я не приветствую такую полемику.

Петровский. Потом пооткрывали псевдонимы.

Томский. Я равным образом должен откровенно сказать: на меня произвел несколько странное впечатление конец речи тов. Молотова. Я не могу понять, что это такое значит: секретарь тов. Молотов недоволен центральным органом нашей партии, ведь «Правда» есть центральный орган нашей партии, ответственный редактор этого центрального органа Бухарин Николай, избранный (если мне память не изменяет) на этот пост на пленуме нашего ЦК, как и секретарь партии. Мы не обсуждали на Политбюро вопроса о линии «Правды». Если она неверна, как будто бы это нужно было обсуждать на Политбюро, и, может быть, мы бы также пришли к единогласному мнению, как по этой резолюции, которую предлагает ЦК, пришли к единодушному мнению. Если тов. Астров или другие какие-нибудь товарищи что-то написали в «Правде» и чего-то такого недоговорили, разве это нужно поправлять не обычным политбюровским методом? Разве из ошибки (ошибка ли это – еще под сомнением) нужно ставить такой большой вопрос? Ибо я вовсе не обязан на этом пленуме реагировать так, Вячеслав Михайлович, как вы ставите вопрос: нужно сказать, я прав или Астров. Я должен сказать, вы в процессе речи в некоторых формулировках сделали ошибки, ошиблись о причинах этого кризиса, мол, «лучше стали защищать свои интересы» и проч. Но не могу же я делать отсюда какого-нибудь «большого» вывода, пришивать вам уклон. Ей-

богу, не раз мы «ошибались», и вы ошибались, и я ошибался, нужно ли заострять вопрос об ошибке тов. Астрова и так ставить вопрос: либо я ошибаюсь, либо Астров?

Сталин. Может быть, ты заостряешь?

Томский. Я не боюсь быть за Астрова, и меня этим испугать нельзя (с м е х).

Г о л о с. Тов. Сталин не так сказал, он сказал: «это ты заостряешь».

Томский. Я тебе говорю, реплик не давай. Тов. Сталин говорит: может быть, я заостряю вопрос. Видите ли, товарищи, есть Политбюро, где мы должны решать такие вопросы, которые могут обостриться при другой системе обсуждения, есть такое.

Молотов. Есть и пленум ЦК.

Томский. Может быть, другие члены Политбюро обсуждали этот вопрос, но я этого не знаю, не присутствовал при обсуждении вопроса об Астрове. Но по той установке, которую дал Вячеслав, я должен сказать, что не могу пройти мимо этого, что это неправильно, когда он требует чуть не осуждения Астрова. Либо для меня это непонятно. Ну, пускай, когда соберемся в Политбюро, может быть, Вячеслав объяснит, чем это вызвано, почему из хлебозаготовок вытекает, что необходимо ударить Астрова. Я с одним согласен, что он хороший парень, пишет хорошие статьи, но из этого никак не вытекает, что, если он сделал ошибку, непременно на **пленуме ЦК** нужно ударить и в сотне стенограмм разослать по всем организациям. Ведь это для стенограммы.

Молотов. Да, видимо, для стенограммы.

Томский. Вот это и не надо делать.

Медведев. Ведь попало и не только Астрову.

Томский. Когда бьются в форме товарищеской, когда равный бьет равного, который здесь же может и ответить, то это не так страшно, но когда делается таким образом, как сейчас, по-моему, это нехорошо, потому что, знаете, давайте не стесняться... Что это такое значит, этого никто не может объяснить, никто членораздельно не может разъяснить, зачем это нужно. Я думаю, это неправильно. У нас в основном выработана резолюция. Я лично слышал заявления Рыкова, Сталина, Бухарина, что они поддерживают эту резолюцию с начала до конца со всеми ее формулировками. Я присоединяюсь также с начала до конца к этой резолюции, как голосовал, никаких поправок не имею.

Позвольте выразить скромное пожелание, чтобы мы все с начала до конца, от буквы до буквы, как написано, начали проводить эту резолюцию не за страх, а за совесть. Тогда мы со всеми этими затруднениями справимся. Будем же ее выполнять.

Председатель. Объявляется перерыв.

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Косиор). Слово имеет тов. Микоян.

Микоян. Товарищи, в течение четырех дней пленум ЦК обсуждает хлебозаготовки. Само собой понятно, поскольку это сейчас узел всех хозяйственных вопросов, мы в процессе прений по этому, казалось бы, частному вопросу затронули все основные проблемы хозяйственной политики нашей партии. После XV съезда мы ни разу с такой глубиной, с такой широтой не затрагивали всех вопросов нашей хозяйственной политики не только под углом зрения практики, но и с точки зрения освещения этой практики нашей большевистской теорией. Я думаю, что очень полезно время от времени, когда с одного этапа мы переходим на другой этап, рассматривать вопрос с точки зрения теоретической и теоретически его освещать, потому что теоретический свет в нашей практической работе все больше нам нужен, чтобы не ошибаться. Вот почему, я считаю, что прения были очень богаты. Тот факт, что высказалось около 30 ораторов

и пленум слушал их с напряженным вниманием, говорит о том, насколько интересны и важны были прения по этому вопросу. Хотя многие аргументы, цитаты и теоретические положения не представляли чего-либо нового для членов ЦК, но во всем комплексе, во всей постановке вопроса было очень много важного и интересного, что сослужит, по-моему, величайшую службу нашей партии – тем слоям, которые будут читать стенограмму, чтобы иметь более правильное и ясное представление о хозяйственной политике партии в этот трудный момент, – и станет основой для дальнейшей работы.

Я лично прениями удовлетворен. Я считаю, что, действительно, более подробного освещения вопросов, более всестороннего освещения, и с точки зрения практической и с точки зрения теоретической, вряд ли могла требовать партия от своего ЦК. Я думаю, что не так уж много резкостей было у нас в прениях. Тов. Томский жаловался на то, что в прениях было много резкостей. Я думаю, что их так мало, что даже в большевистской среде обычно полагается больше резкостей.

Ярославский. Смотря в какое время.

Микоян. Я думаю, в самое обычное спокойное время мы говорим иногда резче, чем здесь на пленуме. Нам, большевикам, бояться резкостей – хуже всего. Опасность будет заключаться в том, что из вежливости друг к другу мы не сумеем ясно, иногда грубовато, но ясно поставить все принципиальные проблемы. По-моему, лучше жертвовать амбицией людей, деликатной внешней формой, но в существе не уступать, никаких неясностей не оставить. Конечно, тов. Томский прав: поменьше резкостей. Вообще, это правильно. Но это не главное. Из-за этого нельзя жертвовать ни одной каплей теоретической правды, ни одной частицей большевистской линии. Вот почему, я считаю, что он также был неправ, осуждая тов. Молотова за то, что он «осмелился» на пленуме ЦК в своем выступлении задеть тов. Астрова. Такое выступление т. Томского для меня совершенно непонятно. С какого времени и почему можно задевать т. Карпинского, Крицмана и других испытанных большевиков, против этого тов. Томский не возражает, а вот считает, что члены ЦК не могут критиковать статью тов. Астрова и поправлять его ошибку. Странно. Почему это тов. Астрова нельзя критиковать на пленуме без того, чтобы не иметь на это особого разрешения Политбюро, я не понимаю.

Почему о члене ЦК здесь можно говорить со стенограммой, а о той статье, которая вышла в миллионах экземпляров и которая неправильна, об этой статье нельзя говорить? О членах ЦК с записью в стенограмме здесь на пленуме говорить можно, их критиковать можно. А об авторе статьи, которая, правда, без стенограммы, но в миллионах экземпляров распространена, – нельзя говорить. Такой привилегией, которую требуют для т. Астрова, не пользуется ни один член партии, ни один член ЦК. Величайшим вредом для партии было бы введение таких привилегий для отдельных членов партии. Мы, конечно, должны поддерживать таких способных и растущих товарищей, как Астров, но мы их совершенно погубим, если положим под сукно их ошибки, не поправив их вовремя, – мы этим еще больше попортим нашу партию, которая должна учиться на своих ошибках и ошибках отдельных товарищей. Совершенно недопустимо, чтобы интересам теоретической чистоты партии противопоставить амбицию отдельных лиц и во имя их позволить гулять по партии ошибкам, допущенным в статье Ц. О. партии. Тов. Молотов был прав с точки зрения единогласно принятых тезисов Политбюро, критикуя статью Астрова, которая не соответствует этим тезисам, т. е. расходится с партийной линией. Мы и тов. Крицмана здесь критиковали, хотя никаких решений об этом Политбюро принято не было.

Несмотря на все это, я считаю прения очень богатыми и очень ценными, на них партия будет учиться по-ленински решать хозяйственные вопросы. Мы получили,

кроме того, очень много ценных практических указаний со стороны членов ЦК, не говоря уже о теоретическом освещении, которое поможет нам дальше двигаться в трудных условиях.

Переходя к прениям по существу, я должен остановиться, в первую очередь, на речи тов. Стецкого, потому что он был единственным оратором, который бросил мне упрек в том, что якобы я расходился с тезисами своего доклада. Я должен с этого именно начать, потому что, если бы это было верно, это было бы очень серьезным обвинением докладчику от Политбюро ЦК. Но из всего обсуждения доклада на пленуме и из выступлений товарищей стало очевидно всем, что я не расхожусь с тезисами, а расходится сам тов. Стецкий, и, видимо, для прикрытия собственного расхождения он стал говорить, что якобы расхожусь я.

Стецкий. Я прикрываться не привык.

Микоян. Я не знаю ваших личных свойств и привычек. Парень вы хороший, я это знаю. Но зачем же вам было приписывать мне совершенно не существующие вещи в то время, когда с тезисами вы не согласны? Вы по этому вопросу сказали следующее. Стенограмма неправленая, я другой не имею, но это дела не меняет. Вот что сказал тов. Стецкий:

«Товарищи, в той оценке положения, которую дал тов. Микоян, мы наблюдаем некоторое перемещение центра тяжести по сравнению с тем, что имеется в резолюции апрельского пленума и что имеется в той резолюции, которую предлагает сейчас Политбюро. В резолюции апрельского пленума и в резолюции Политбюро говорится относительно того, что наши теперешние затруднения имеют своим источником нарушение рыночного равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, имеются ошибки планового характера, которыми воспользовался кулак. У тов. Микояна упор был сделан в другую сторону – упор был сделан на так называемые объективные причины. Причем т. Микоян перечислил здесь достаточное количество этих объективных причин: и наша техническая и хозяйственная отсталость, и кризис зерновых культур, и раздробленность крестьянского хозяйства, и недостаток товарности сельского хозяйства и т. д. и т. д.».

Тов. Стецкий здесь спутал многое, не понял разницы между апрельским пленумом и июльским пленумом. Некоторая разница должна быть между ними, хотя бы потому, что, во-первых, тогда был апрель, а теперь июль, а во-вторых, если бы не было никакой разницы, то зачем после апрельского пленума мы над тем же вопросом сидим четвертый день в июле? Значит, есть что-то новое, чего не заметил т. Стецкий. В апреле мы обсуждали **специфические** затруднения хлебозаготовок в первую половину кампании, мы установили наличие **специфических** причин и дали им оценку. А сейчас мы расширяем вопрос, разбираем не только специфические причины трудностей текущего года, анализируем не только ту специфическую обстановку, в которой разыгрались хлебные затруднения, но добираемся до той **базы** народного хозяйства, на которой развернулись эти трудности. Это ясно сказано в тезисах и в моем докладе, чего не хочет понять тов. Стецкий. Вот почему он не согласен ни с моим докладом, ни с тезисами его и безуспешно пытается вбить клин между ними. Тов. Стецкий патетически заявляет, что от нас и от нашей воли зависят и те объективные трудности, которые лежали в основе затруднений. Он заявляет: а разве дробность крестьянского хозяйства не зависит от нашей воли? Если в отношении полного социалистического общества правильно ставить вопрос так, ибо общественные отношения будут зависеть от людей, то в переходящем от капитализма к социализму классовом **обществе** ставить вопрос так – значит перестать пользоваться диалектическим материализмом Маркса как единственно правильным оружием понимания явлений в классовом обществе. Дробность

крестьянского хозяйства и низкую товарность можно приписать нашей воле в том случае, если предположить, что, совершая Октябрьскую революцию, мы могли и должны были не разрушать помещичьи и кулацкие крупные хозяйства, что, конечно, абсурдно. Или что у нас были все возможности строить за это время много крупных совхозов и перевести значительную часть крестьянства в колхозы, но этого мы не сделали, допустив ошибки в руководстве. Все это неверно. Все знают вредные последствия наличия ножниц и высоких цен промтоваров на наши отношения с деревней и на развитие сельского хозяйства. Было бы неправильно видеть в этом нашу ошибку или вину. Если исходить из нового метода тов. Стецкого, можно сказать: разве наличие ножниц и высоких цен на промтовары не зависит от нашей воли? Конечно, мы в силе завтра же ножницы совершенно устранить, но этого нельзя сделать, не отказавшись совершенно от индустриализации страны и от строительства социализма. Вот почему нет ничего марксистского приписывать все нашей «воле», забывая об ограничениях этой воли объективными фактами нашей нищеты и наличия классов и их борьбы.

В методе обсуждения тов. Стецкого о значении плана, о субъективных ошибках и объективных трудностях кроется опасность сползания с марксистской идеологии на идеалистическую, народническую субъективную идеологию.

Было бы неправильно преуменьшать значение ошибок хозяйственного руководства, которые обострили положение. Конечно, две трети специфических причин текущего года можно отнести к ошибкам руководства. Об этом достаточно говорил я на апрельском пленуме. Но было бы неправильно говорить о затруднениях, все целиком свалить на ошибки, ни одним словом не упоминая о том, что есть классы, что есть борьба между ними, что не позволяет даже при максимальном улучшении руководства не допускать никаких трудностей. Мы не можем целиком предвидеть все шаги и силы противника. Тов. Стецкий, вы совершенно забываете, что есть классы, даже слова «классы» у вас во всей речи нет.

Стецкий. Прочтите по стенограмме: я говорил, что наши затруднения использовал кулак.

Микоян. У вас выходит, что все целиком зависит только от планирования, что трудности являются результатом только ошибок планирования, планового руководства. По-вашему, будь у нас хороший план, у нас никаких трудностей не было бы и все шло бы по маслу в социализм.

Какие были у нас ошибки планового руководства? С товарами плохо маневрировали. Вовремя налогового обложения для верхушки деревни не провели. Были недостатки хлебозаготовительного аппарата, административного и партийного. Мало внимания обращалось...

Сталин. Перерасходовали хлеб.

Микоян. О перерасходах я дальше скажу. Ведь, тов. Стецкий, к апрельскому пленуму мы из деревни изъяли 250 млн. рублей по линии займа и самообложения сверх плановых предположений. Забросали деревню товарами, увеличили продукцию легкой индустрии, восстановив нарушенное равновесие между спросом и предложением. Мы аппарат поправили, подтянули партию и все же трудности еще имеем. Значит, причина хлебных затруднений не только в этих специфических причинах и ошибках руководства, а в чем-то еще в другом, о чем должен сказать июльский пленум. База затруднений – кризис зернового хозяйства. В январе никто не мог сказать, что заготовки идут плохо, потому что хлеба нет, а сейчас мы говорим, что хлеба мало, и отсюда мы подходим к проблеме зернового хозяйства. При вашей постановке к этой проблеме никак не подойти. Из широкой постановки изучения причин и базы хлебных затруднений вытекают широкие выводы. А вы исходите из узкой базы, вертитесь только в кругу специ-

фических причин, поэтому вы лишаетесь возможности делать широкие выводы, которые не только устраняют специфические причины текущего года, но решают сложную задачу зерновой проблемы мерами на длительный период и на долгое время.

Такую же ошибку в оценке роли планирования в переходной экономике допустил тов. Сокольников, забывая о наличии классов и классовой борьбы и о том, что план не может заменить классовую борьбу, забывая, что план, являясь стратегическим планом нашего класса, не заменяет, а учитывает и отражает конкретную расстановку классовых сил в экономике.

Тов. Сокольников сказал: «Мы не повели хозяйство так, как нужно было вести большой **социалистический организованный хозяйственный комбинат**».

Говорить так – значит забывать, что у нас еще нет единого соц. комбината, ибо нет еще полного социализма, а есть переходная экономика, в недрах которой борются социалистические элементы с капиталистическими, постепенно вытесняя их.

Здесь возник еще такой вопрос: как это так, ведь кулак вырос не в этом году, дробность сельского хозяйства тоже возникла раньше, а трудности проявились именно в этом, а не в прошлом году.

Смирнов. До Октября был кулак, не только в этом году.

Микоян. Мы уже установили на апрельском пленуме, что кулак вырос больше, чем раньше. Задают вопрос: ведь кулак не за один год вырос, ведь дробность не за один год возникла, а прошлый год все шло хорошо и благополучно.

Я считаю, что такая постановка вопроса совсем не похожа на диалектическую постановку. А разве силы класса, как только они возникают, так сразу и проявляются? Ни в какой мере. Потенциальные силы класса проявляются в момент обострения классовой борьбы. У каждого класса имеются скрытые силы, которых никто не видит, которые накапливаются годами и которые разворачиваются в особо благоприятный момент. У нас не было острого столкновения в деревне в прошлом году? Не было. Эти силы капиталистических элементов еще больше выросли, при более быстром росте наших сил. Конъюнктура текущего года – резкое расхождение спроса и предложения плюс допущенные нами ошибки – все это оказалось благоприятным фактором для выявления в действии всех сил капиталистических элементов. Потенциальные силы классов, накапливаясь постепенно, могут обнаружиться в специфические моменты, содействующие их проявлению. Забывать это – значит перестать быть диалектиком.

В прениях затрагивались вопросы о классах и о нэпе. Наш подход к классам на данной стадии нэпа выражается в линии вытеснения частника-капиталиста, ограничения кулака и вовлечения мелкого производителя в социалистическое строительство. Об этом говорят все постановления нашей партии. Т. е. мы класс капиталистический вытесняем, мелкого производителя вовлекаем в социалистическое строительство путем добровольного соглашения с ним о методах этого вовлечения. Вот разные подходы к классам, ибо с одним классом – с мелким производителем – мы имеем союз, мы его не вытесняем, а вовлекаем. А классы, с которыми боремся открыто, класс капиталистов города и деревни, мы вытесняем.

Характеризуя нэп, было бы неправильно сказать, например, так, что у нас в ряде деревень нет частника и поэтому никакого нэпа там не осталось. Это совершенно неправильно. Может быть, в деревне, где товарооборот целиком охвачен кооперацией, нет ни одного частника, но нэп там есть. Например, есть ли нэп в области покупки свеклы? Есть. Между тем ни одного частника в качестве посредника между сахарной промышленностью и свекловодами-крестьянами не имеется. Однако отношения между ними держатся на основе нэпа. А разве в хлопковом хозяйстве нет нэпа? Есть. Хотя частник как посредник совершенно отсутствует в заготовках хлопка. Ведь крестьян-

ское хлопководство растет быстрее, чем все отрасли сельского хозяйства. А разве XV съезд не сказал, что в ряде отраслей мы монопольно охватываем сбыт сельскохозяйственных продуктов? Но ни одного слова не было сказано съездом в том смысле, что это есть факт нарушения нэпа или отмена нэпа.

В отношении кулацкого хозяйства и относительно кулака XV съезд вынес решения, и мы эти решения съезда должны будем провести в жизнь безо всяких колебаний. Но тов. Чубарь был абсолютно прав, когда отрицал, что мы кулака совершенно подшибли и обобрали. Такой задачи мы себе не ставили. Мы хотели применить 107 ст. для верхушки кулачества, даже не для всех кулаков и не по всем статьям, а по хлебной. За последнее время были факты, когда попадало крестьянам-середнякам, что нельзя считать правильным.

Сталин. Маленько кулака подшибли, а потом он взял некий реванш.

Микоян. Мы имели ряд случаев, когда наши чрезвычайные меры касались и середняков, задевали и их. Насчет кулака надо сказать, что мы и не думаем его раскулачивать. Кулак есть, он ряд лет еще будет, возможности для его роста остаются, хотя мы эти возможности будем сильно ограничивать.

Смирнов А.П. Местами инвентарь отбирали. Это же настоящее разорение.

Микоян. Мы сильно задели в этом году кулацкую верхушку, но только в хлебной области. А кто сказал, что в хлопководстве, животноводстве, свекловодстве и т. д. кулака нет? Кто это вам сказал? Никто этого не говорил. Мы задели только кулацкую верхушку и только по хлебу. И я думаю, что было бы неправильно говорить, что кулака совершенно подшибли, он сошел на нет. Кулак есть, кулацкая опасность перед нами стоит, мы должны на кулака наступать, и никакого отступления от решений XV съезда не может быть. Видимо, те, которые, оказавшись перед трудностями, в частности тов. Фрумкин, выступили с требованием изменения курса партии, думали, что решения XV съезда являются ловким маневром против оппозиции, что мы хотим на время выкинуть хороший лозунг, а когда побьем оппозицию – отказаться от их проведения. Но так думать о партии могут только оппозиционные враги. Мы решения принимаем, чтобы их твердо проводить, иначе мы не были бы большевистской партией. Или же эти люди так испугались, что хотят перепрыгнуть через решения XV съезда в этом вопросе и предлагают Центральному Комитету, который был избран XV съездом, нарушить решения этого XV съезда, говоря на государственном языке, произвести переворот, ибо мы обязаны выполнять решения съезда, который нас избрал. И такие голоса раздаются в то время, когда вся послесъездовская практика работы партии целиком оправдала линию XV съезда.

Апрельский пленум сделал очень важные заявления о хозяйственном авторитете кулака в деревне. Политический авторитет советской власти очень высок и среди середняков, и среди бедноты. Середняк и бедняк не пойдут так легко за кулаком против советской власти, даже при известном недовольстве ею; не обладая политическим авторитетом в деревне, кулак пользуется большим **хозяйственным** авторитетом в основных массах крестьянства потому, что в деревне лучшим хозяйством является кулацкое хозяйство, которое имеет большую урожайность, которое умеет хозяйничать лучше, чем мы хозяйничаем. Наша же опора в деревне, беднота, еще не умеет так хозяйничать, чтобы остальные крестьяне учились у бедноты. Без этого не может быть серьезного хозяйственного авторитета. Партия должна сделать вывод из констатации этого положения. Какой же вывод из этого вытекает? Вывод, который дают представленные вам тезисы и который дан в резолюции XV съезда партии, состоит в том, что **мы должны противопоставить хозяйственному авторитету кулака в деревне свой социалистический хозяйственный авторитет в лице совхозов и колхозов**. Когда

середняк увидит, что совхозы и колхозы дают больший урожай, чем кулацкие хозяйства, применяют лучшие машины и подымают жизненный уровень членов колхозов и т. д., тогда мы будем иметь в деревне не только политический перевес над кулаком, но и наш хозяйственный авторитет среди бедноты и середнячества будет крепнуть и подавлять авторитет кулака. Поэтому колхозы и совхозы являются не только средством разрешения зерновой проблемы и товарности сельского хозяйства, но они являются и средством противопоставления капиталистическому хозяйственному авторитету кулака в деревне нашего социалистического хозяйственного авторитета.

Но при этом, конечно, ясно, что как бы быстро ни развивались наши колхозы и совхозы, индивидуальные крестьянские хозяйства на ряд лет будут являться основной базой сельского хозяйства. Поэтому нужно поднимать эти индивидуальные крестьянские хозяйства, нужно их развивать. Неправы в этом вопросе были, поэтому, тов. Карпинский и Милютин, которые вплоть до прямого отрицания преуменьшают возможности дальнейшего развития и подъема индивидуальных крестьянских хозяйств. Их позиция является необоснованной, и вряд ли есть надобность в нашей партии, работающей в мелкокрестьянской стране, подробно доказывать неправильность утверждений о том, что индивидуальные мелкие и средние хозяйства лишены возможностей дальнейшего развития. Возможности громадные, и нами они далеко еще не использованы. В чем заключается ошибка тт. Милютина и Карпинского? Вместо того чтобы сказать, что мелкое хозяйство, которое может подниматься, имеет возможность быстрее подниматься через кооперирование, через колхозы, через общественные формы, чем если будет идти врозь, – это было бы абсолютно правильной постановкой – они этого не сделали. Они ударились в крайность, что без колхозов мелкому хозяйству некуда двигаться, что все пути перед ним закрыты. Это неправильно.

Правильно критикуя эту точку зрения, тов. Бухарин заявил, что эта точка зрения – отрицание возможности развития для мелкого хозяйства – корнями своими имеет реакционный закон убывающего плодородия земли. По-моему, это утверждение тов. Бухарина неправильно. Ведь эти товарищи не отрицают **вообще** возможности развития сельского хозяйства; они отрицают возможность развития мелкого хозяйства, допуская быстрый рост и удвоение урожайности для крупного хозяйства. Как же можно приписывать им закон убывающего плодородия? Само собой разумеется, что при помощи крупного хозяйства имеется больше возможности поднять сельское хозяйство, его урожайность. Закон убывающего плодородия говорит: никакие капитальные вложения, никакие технические средства не помогут соответственно поднять убывающее плодородие этой земли. Между тем товарищи, которые придерживаются неправильной точки зрения, приводят правильные мотивы, что нам нужно уделять больше внимания возможности поднятия сельского хозяйства через кооперирование. На это надо идти, чтобы удвоить урожай. Вот почему нельзя связывать эту точку зрения с законом убывающего плодородия. Закон убывающего плодородия ничего общего не имеет ни с нашими позициями, ни даже с неправильной точкой зрения этих товарищей. Ясное дело, что крупное хозяйство будет иметь больше машин, может быстрее употребить машину, будет иметь более интенсифицированное хозяйство и даст большую производительность.

В том новом, которое дал XV съезд наряду со всеми нашими задачами, которые очень важны и вытекают из всей обстановки, наиболее важной является постановка вопроса о крупном хозяйстве в области земледелия. Вот то новое, которое мы имеем и на которое должны будем обратить самое серьезное внимание. Совхозы и колхозы – это та новая дополнительная задача ко всем задачам партии в области сельского хозяйства, которую партия должна со всей настойчивостью осуществлять. Организовывая

колхозы и строя совхозы, с одной стороны, мы должны расширить дело кооперирования всего остального крестьянства – с другой стороны. Вот почему прав был тов. Каминский, когда ставил ударение на том, что мы должны будем добиться расширения кооперативного движения и большего охвата им крестьянства.

Здесь, по-моему, тов. Клименко преувеличил, когда говорил, что мы забыли об индивидуальном крестьянском хозяйстве. Это большое преувеличение. Откуда оно появилось? Ведь мы даем $^{9}/_{10}$ средств на индивидуальное хозяйство, на его поднятие; мы все знаем и видим, что мы поднимаем и организовываем это хозяйство. Мы его не забыли и не можем забыть.

Как мы должны будем подходить к индивидуальным хозяйствам? Мы должны будем предложить им такие формы кооперирования и объединения, которые были бы самыми простейшими, которые были бы доступны этому крестьянству и имели бы успех в его среде, поднимая крестьянское хозяйство на более высокую ступень организации. Мы должны проявить организационную ступенчатость подхода к крестьянству, к отдельным его слоям, соответственно его предрассудкам, навыкам и привычкам, и по мере успеха практического кооперирования переводить его с одной ступеньки на другую.

В этой цепи громадное значение имеет практика контрактации посевов. Что означает контрактация? Это то, что Ильич говорил, договорные отношения с крестьянством, – о способах социалистического преобразования сельского хозяйства. Практика договоров показала, что можно через год заслужить доверие крестьянства, в тот же год обслужив его обсеменением чистосортными семенами, лучше обработав его землю, на основе практических успехов переходить в контрактах к большему охвату производственных процессов и таким способом ниточкой за ниточку, год за годом притягивать крестьянство к нашему плану хозяйственного развития, связывать наш государственный план с крестьянским планом и таким путем осуществлять государственное воздействие на разрозненное многомиллионное крестьянское хозяйство.

Такая задача стоит перед нами, и я думаю, мы должны будем опыт контрактации технических культур, который имеет большое распространение и громадные успехи, перевести на зерновые культуры, хотя должен сказать, что между зерновой контрактацией и технической имеется большое различие. Почему в технических культурах мы имеем много успехов, как в области рынка, так и в области контрактации и производственных процессов? Потому что здесь потребителем является одно только государство, нет другого потребителя, нет другой промышленности, нет другого покупателя этой продукции, кроме государственного. Между тем хлеб покупают все. Тут имеются большие трудности особого свойства. И в нашей работе, борясь с кулаком за середняка, укрепляя союз со средним крестьянством, всеми практическими своими шагами стремясь к тому, чтобы нашими мерами его не задевать, не оттолкнуть в объятия кулака, мы должны еще больше усилить работу среди бедноты. Тов. Андреев был прав, когда делал на это упор, когда говорил, что мы часто с беднотой работаем по сезону. Мы сумеем привлечь бедноту на свою сторону только тогда, когда мы будем ей оказывать систематическую помощь и повседневно поднимать ее организованность. Это важнейшая задача партии. И опыт, имеющийся на местах за последние месяцы, необходимо еще больше улучшить, обобщить, чтобы беднота была прочной опорой партии в деревне.

Переходя к вопросу об оценке положения, я должен сказать, что Алексей Иванович Рыков был прав, когда говорил, что при оценке того, насколько мы обидели середняка и насколько возбудили его недовольство, могут быть различные оттенки оценок. Конечно, нет таких аптекарских весов, при помощи которых можно точно сказать,

что середняка обидели настолько-то: здесь всегда могут быть различные оценки размера обиды. Но есть некоторый предел, дальше которого оттенки в оценке положения вынуждают к выводам иным, чем те, которые Политбюро представило на ваше утверждение. Я думаю, что за этот предел перешли тов. Осинский и особенно тов. Сокольников.

Я в своем докладе предупреждал, что нам нужно дать трезвую оценку положения, не прикрашивая тех отрицательных фактов, которые мы имели, для того, чтобы легче исправить ошибки. Но я предупреждал и от панической оценки обстановки. Нам тов. Осинский дал свою оценку. Что сказал тов. Осинский? Он говорил: «В чем выражается это кризисное состояние? В размычке между городом и деревней, между оборотом города и деревни».

Так говорил Осинский. Если бы это было верно, мы стояли бы перед гражданской войной. Ясное дело, что это неверно. А давая такую паническую оценку, тов. Осинский скатывается к выводам неверным, выводам паническим, требующим пересмотра всей хозяйственной политики партии. Тов. Осинский, может быть, этого не хотел сказать, он в личной беседе заявил: «Я вовсе не говорил, что я хотел тяжелую промышленность ослабить; я за автомобиль даже». В том-то и дело, тов. Осинский, что вы концов с концами не свели. Если принять вашу оценку, нужно было бы всю политику пересмотреть. Если мы стоим перед фактом разрыва союза рабочего класса и крестьянства, то нужны большие перемены, чтобы добиться устранения этого разрыва. Между тем мы имеем только угрозу этого разрыва, которая может усилиться, если факты, отталкивающие среднее крестьянство, будут продолжаться систематически. Если экстраординарные меры будут применяться и в дальнейшем, такая опасность неизбежно будет. Вот почему мы стоим за то, чтобы исправить эти ошибки, чтобы решительно устранить всякие экстраординарные меры, чтобы этой опасности не усиливать.

Тов. Сокольников пошел дальше, чем тов. Осинский. Партия знает, что тов. Осинский не всегда настаивает на своих ошибках и старается их исправлять в процессе обсуждения и на опыте практической работы. У него нет такой системы долголетнего проведения политики, отличной от общепартийной, от которой он бы не отказался и не порывал с ней. Между тем у Сокольникова наоборот, у него своя политика все время. У него было много правильного в речи, к чему можно присоединиться, но, по-моему, все то правильное, что было произнесено тов. Сокольниковым, было прикрытием, чтобы скрыть неправильное в его речи. А неправильное было самое важное. То, в чем он согласен с нами, это у нас останется, а то, что он прибавляет от себя, – это не одна, а несколько ложек дегтя в бочке меда. Он даже начал так, как будто хочет признать свои ошибки, но какие – он не сказал. Он добавил, что в партии идет много легенд о его позиции. Я не знаю, тов. Сокольников, почему вы объявляете действительные ваши ошибки мнимыми легендами, когда ваши ошибки констатированы партийными съездами и пленумами ЦК. Это для вас легенда? Это не легенда, а реальные ошибки, которые вместо того, чтобы исправить, вы объявляете легендами. Что он дальше сказал? «За последние годы» (видимо, когда тов. Сокольников перестал управлять хозяйством)[213] «в практике хозяйственного руководства получился перегиб». Мы знали о перегибах в деле хлебозаготовок. Оказывается, имеется новый перегиб: три-четыре года мы имеем перегиб хозяйственного руководства. Нельзя ли было, тов. Сокольников, поведать нам, о каких перегибах вы говорите, чтобы их исправить? Но самым главным из заявлений тов. Сокольникова была следующая замечательная фраза его: «мы должны поставить вопрос о том, чтобы соотношения радикально переменить, сроки кончились – мы должны тут действовать». Это не просто паническая оценка, это лозунг: отступай, сворачивай, не теряй ни одной минуты, все сроки кончены. Это вро-

де того, что тов. Анцелович приводил, когда кто-то сказал по поводу смоленских дел[214]: тогда лучше сдавать власть. Видите ли, куда гнет? И как он ловко сумел в букете многих правильных мыслей, в которых, как мы думали, он хочет исправиться, спрятать этакий цветочек! Вы понимаете, что значит целиком устранить «ножницы»? Хотя он в своем письме пленуму ЦК сообщил, что он не требует немедленного устранения «ножниц», но то, что я вам прочитал, ясно и понятно каждому. Что это обозначает? Ведь мы по линии цен получаем от крестьянства около миллиарда рублей. Если принять предложение Сокольникова и Осинского, мы должны миллиард рублей из сумм наших накоплений совершенно сбросить. Но вы понимаете, что это можно сделать, только если отказаться от плана социалистического строительства, взять курс на то, чтобы держаться как-нибудь до международной революции. Вот какая позиция! По-моему, это очень смахивает на капитулянтство, на капитулянтское отступление, на неверие в наши силы и преувеличение тех опасностей, которые у нас имеются.

Конечно, мы должны ножницы устранить целиком.

Сокольников. Вы сейчас говорите за сохранение ножниц.

Микоян. Я вам скажу, я иногда грубо, но прямо говорю то, что я хочу. Ножницы мы должны устранить, но я считаю, что ножницы мы не можем устранить в ближайшие годы, не можем устранить, если не хотим отказаться от того, чтобы быстро двигаться вперед по пути к социализму, используя передышку, которую нам дала международная буржуазия. Передышка важна, каждый день ее могут перервать, мы должны все средства мобилизовать, чтобы строить социализм, командные высоты нашего пролетарского государства. Вот в чем дело. Поэтому я за ножницы, которые постепенно сближаются, но дают возможность роста социалистической индустрии.

Осинский. Герой «ножниц».

Сокольников. Вы за 12%, а я за 25% повышения хлебных цен – вот в чем разница.

Микоян. Подождите, я же читал дословно то, что говорили. Вопросы о «ножницах» и о том, терпимы ли они для крестьян, стояли перед нами и в прошлом году на февральском пленуме ЦК[215]. Тов. Сокольников в своей речи на этом пленуме сказал то, что в феврале 1927 г. говорил тогдашний соратник и шеф тов. Сокольникова – Троцкий. Троцкий, приводя ряд цифр переплат деревни нам по линии цен, говорил: «Классы обмануть нельзя. На таком соотношении, какое я характеризовал двумя цифрами, не только нельзя было бы «построить социализм в одной стране», но нельзя было бы удержать длительно и диктатуру пролетариата»[216].

Не только нельзя на таком соотношении строить социализм, но длительно и власть удержать нельзя – вот позиция Троцкого. Чем отличается эта постановка от заявления Сокольникова о том, что «все сроки кончились, нужно повернуть коренным образом эти отношения». Здесь нет никакой разницы, полное сходство позиции. Я думал, что тов. Сокольников пришел к нам не для того, чтобы свернуть нашу линию на путь оппозиции, не для того, чтобы протянуть под шумок предложения оппозиции, а для того, чтобы идти вместе с нами. На февральском пленуме 1927 г. я был докладчиком по хозяйственному вопросу. Я вынужден был критиковать это выступление Троцкого по моему докладу. Я считаю нужным повторить тов. Сокольникову тот ответ, который я тогда дал Троцкому. Я сказал следующее: «Рабочий класс должен будет издержки строительства социализма возложить на все классы – на нэпмана большую часть, на крестьянство в тех размерах, которые сделали бы для крестьянина приемлемым сотрудничество с рабочим классом»[217].

Какая страна, какая власть могла бы восстановить народное хозяйство таким темпом, как мы, без того, чтобы не переложить значительную долю тяжести на другие классы, в частности на крестьянство? Об этом Троцкий забыл, забыл и тов. Сокольни-

ков. И в отличие от другого бывшего вашего соратника, тов. Преображенского, – мы против бешеной беспредельной выкачки средств из деревни; мы за определенную пропорцию, мы за такую норму, за такую меру, которая исходит из необходимости и из приемлемости для блока рабочего класса с крестьянством. Вот почему мы постепенно сближаем ножницы, уменьшаем изъятия из деревни, сохраняя прочность союза рабочего класса с крестьянством. Вот та основная мысль, которую, может быть, не понял тов. Сокольников, а может быть, и понял, но не согласен с ней.

Тов. Осинский оспаривал мое положение, что мы не можем за один год и цены на хлеб повысить, и снизить промышленные цены. Это, мол, похоже на установку оппозиции. Это неверно, тов. Осинский.

Осинский. Что вы выдумываете?

Микоян. Зачем вы, тов. Осинский, так горячитесь, нервничаете и обижаетесь, принимая за личную обиду, когда я цитирую то, что вы сказали?

Осинский. Я не обижаюсь, но вы не выдумывайте того, чего не было. Вы усиленно говорите не то, что было и что говорил тов. Сталин.

Микоян. Вы сказали в своей речи, что никакого отличия нет между тем, чтобы не снижать цен, и предложением оппозиции о повышении цен.

Осинский. Ничего подобного я не говорил.

Г о л о с. Тов. Микоян, не занимайтесь полемикой.

Косиор. Вы теперь двое на одного Микояна.

Микоян. Вы лучше много не волнуйтесь, я приведу точную цитату из вашей речи. Вот что вы сказали:

«Я понимаю, где продолжает пребывать дух Ю. Пятакова и В. М. Смирнова, из чего он рос и в чем смысл этой программы состоит. Мы стали понижать цены на те предметы и товары, которые потребляет сама промышленность, а на те, которые выходят на широкий рынок, мы удерживаем высокие цены, получаем высокую прибыль, передвигаем ее в другие отрасли промышленности и развиваем. Чем это отличается от требований Пятакова и Смирнова? Те хотели повысить, а здесь задерживают повышение. Это градусом пониже будет, но по существу идея та же самая».

Это ваше заявление совершенно неправильно. Разница между нашей постановкой и оппозиционной большая. Мы снизили цены и будем систематически снижать, мы говорим только, что не можем одновременно повысить хлебные цены, дать крестьянину 120 млн. рублей и в то же время снизить промышленные цены на 5–10% – если на 5%, это будет 400 млн., если на 10% – 800 млн., – мы не можем сразу дать крестьянину 320–520 млн. рублей. При повышении цен на хлеб, оставляя на некоторое время стабильными промышленные цены, мы сближаем ножницы значительно, мы двигаемся к сближению ножниц. Пятаковские предложения нам этого не давали. Вот почему наши предложения абсолютно правильны, а тов. Осинский абсолютно неправ.

Я думаю, товарищи, что неправы были и Осинский и Стецкий, которые весь упор делали на рынок, предлагая искать все причины трудностей на рынке и разрешить их только через рынок. Конечно, рынок является тем фокусом, в котором отражаются все классовые и все хозяйственные противоречия. Это стык, где скрещивается все противоречие. Однако решать всю хозяйственную проблему через рынок нельзя. Рынок есть производное от производственных моментов. Будучи производным, конечно, рынок оказывает обратное воздействие на производство.

Осинский. Это противоречит программе Коминтерна.

Микоян. Никакого противоречия нет, ибо это азбучное марксистское положение, – лечить все через рынок неправильно. Здесь в прениях ставили вопрос так, что цены – регулятор всего производства. Это было бы верно для экономики чистого клас-

сического капитализма, но неверно в отношении советской экономики и не совсем верно даже для современного капитализма, ибо кроме цен есть и другие регуляторы производства.

В своей речи тов. Бухарин затронул проблему трудовых затрат как регулятора производства. В чисто плановом социалистическом бесклассовом хозяйстве производство регулируется планом трудовых затрат, т. е. планом решается, сколько и в какую отрасль производства вложить общественного труда. Но нельзя забывать, что понятие трудовых затрат в классовом хозяйстве не заменяется проблемой цен, и цены не являются единственным регулятором, не охватывают всех каналов вложения труда в хозяйство. Цены не разрешают всю проблему трудовых затрат. Кроме цен, играющих важную роль, определяющее значение имеют размеры капитальных вложений и кредит в ту или другую отрасль, имеют значение налоговая политика и все другие рычаги воздействия на производство. Поэтому не только цены, но весь комплекс хозяйственных мероприятий, которые государство предпринимает, решают размеры трудовых затрат в той или другой области, в данном случае и цены, и налоговая политика, и снабжение машинами, и капитальные вложения, и с/х кредит и проч. и проч. Конкретный пример развития хлопководства является очевидным доказательством этой моей мысли.

Вот почему цены, будучи важнейшим фактором на рынке, ни в коем случае не исчерпывают основного вопроса. Если по этому пути идти – это значит впадать в ошибку; сказать, что зерновой кризис можно изжить одним повышением цен, не приняв других мер, это было бы неправильно. Вот почему наряду с повышением цен мы ставим задачу снабжения машинами и удобрением, кредитования, контрактацию и другие меры, которые в комплексе должны действовать на поднятие зернового хозяйства, на поднятие сельского хозяйства.

Критика тов. Томским выступления тов. Молотова, видимо, явилась результатом неправильного понимания тов. Молотова, ибо в изложении тов. Томского взгляд тов. Молотова оказался не тот, который развивал тов. Молотов. Когда т. Молотов говорил о том, что середняцкое хозяйство выросло, позиция его окрепла, он, во-первых, говорил в связи с этим, что и наши позиции выросли, наше могущество окрепло. Тов. Молотов говорил, что выросло все крестьянское хозяйство, кулацкое в особенности, а кулак воспользовался ростом позиций среднего крестьянства для того, чтобы организовать середняка в защиту высоких хлебных цен, чтобы потребовать их повышения. И когда Молотов говорит об уступке середняку, он говорит об этом как о средстве нашего усиления, ибо, уступая середняку, мы облегчаем свое наступление на кулака. Борьба с кулаком по вопросу о хлебных ценах – это самая опасная позиция борьбы. Надо принимать бой с кулаком не по этому вопросу; это наименее выгодная позиция борьбы с кулаком, потому что основная масса крестьянства производящих районов заинтересована в высоких хлебных ценах. Надо бой с этой плоскости перенести в другую. Когда мы уступаем середняку в цене в размерах, приемлемых для нас, мы тем самым выбиваем почву из-под выступающего против нас кулака.

В этом отношении я ничего неправильного у тов. Молотова не вижу.

Теперь о хлебных ценах. Сперва несколько слов об истории хлебных цен. Некоторые товарищи ставят вопрос так, как будто существующие низкие хлебные цены являются простым недоразумением, результатом простого планового просчета, результатом того, как будто никто не знал раньше, что это низкая цена. Ставя вопрос так, они забывают, что это не простой плановый просчет, а что повышение цен обозначает вложения в сельское хозяйство нескольких сот миллионов рублей, которые надо иметь и откуда-то, за счет кого-то надо взять и перераспределить в пользу крестьян. Повысить хлебные цены – это не просто бумажку написать и все. Это значит, что нужно сейчас

150 миллионов дополнительно изыскать и отдать крестьянам, ведь об этом нужно подумать. Рассматривая историю хлебных цен, я считаю, что Рыков в январе и ныне был абсолютно прав, когда говорил, что мы не должны были повышать хлебные цены зимой и весной во время кризиса. Мы поступили абсолютно правильно, не повысив цен в январе. А разве не свеж в вашей памяти пример, о котором рассказывал тов. Эйхе и который целиком подтвердил Косиор, что, когда в 1924 году в Сибири цены весной повысили, мы вступили в острый конфликт с близкими к советской власти слоями деревни, коммунистам в деревне тогда появляться нельзя было, а хлеб все-таки не пошел, заготовки не поднялись.

Другие товарищи говорят: мы должны были с начала кампании поднять заготовительные цены. Конечно, эта возможность была, но при одном условии. Если бы в июле прошлого года мы решили всерьез повысить цены на хлеб, нам пришлось бы не производить такого, какое мы произвели, снижения цен на промышленные товары, иначе диспропорция между спросом и предложением была бы еще большая, чем мы имели. При низких хлебных и пониженных промышленных ценах, при громадной диспропорции между спросом и предложением одновременно провести такое большое повышение хлебных цен не могли. Был возможен, к примеру, такой маневр: мы промышленные цены снизили бы на 5%, а не на 10, зато хлебные цены прибавили бы на 10%. Это было возможно без нарушения рыночного равновесия.

Тов. Осинский был прав, когда критиковал меня, я с ним согласен, что я недостаточно резко и своевременно в октябре-ноябре поставил вопрос о трудностях хлебных заготовок. Это верно. Нужно было сигнализировать вовремя и крепко нажать на ЦК, хотя предсъездовская обстановка сильно мешала. Но в области хлебных цен я сигнализировал своевременно – в июле прошлого года. Неудобно о себе говорить, но раз речь зашла о сигналах, хочу рассказать одну поучительную историю.

Когда мы наверстывали контрольные цифры народного хозяйства, в таком же большом зале объединенный Совнарком и СТО[218], с приглашением многих хозяйственников с мест, обсуждали политику хлебных цен. До этого в комиссии Госплана по контрольным цифрам (тогда тов. Кржижановский был в отпуске, а Госпланом руководили товарищи Квиринг и Гринько) пришли к тому выводу, что хлебные цены нам нужно снижать, иначе нам не свести баланса спроса и предложения. Тов. Квиринг пришел к Рудзутаку на совещание и спрашивает: как поступить? Мы сказали, что решит СНК, но вряд ли он это поддержит. Тогда тт. Квиринг и Гринько внесли предложение: немедленно отменить повышение, произведенное мною с разрешения СТО некоторое повышение хлебных цен, и добиться полной стабильности цен, а при лучшем качестве хлеба текущего года это означало прямое снижение хлебных цен. А меньшинство Госплана во главе с тов. Громаном вышло с предложением о снижении цены на 4 коп. на пуд хлеба. А до этого мы в СТО при участии тов. Рыкова провели решение о некоторой прибавке цен 3–4% на лучшее качество хлеба и 3–4% на корректировку цен по районам и культурам, т. е. итого около 6–7%, что и было проведено в жизнь.

Объединенное заседание Совнаркома и СТО в отсутствие т. Рыкова согласилось не со мной, а с Госпланом и предложило Наркомторгу немедленно сравнять цены, чтобы средневозвышенная* годовая цена полностью соответствовала прошлогодней. Я поставил вопрос в Политбюро, Политбюро меня не поддержало, согласившись с решением Госплана и Совнаркома, я дальше никуда не полез. Это решалось в обстановке, когда в августе-сентябре заготовки на юге самотеком пошли с неожиданным успехом, успокаивающе действуя на тех, которые так решали вопрос.

* Так в тексте. Вероятно, «средневзвешенная» (ред.).

Во всяком случае, если бы даже приняли мое предложение, трудности заготовок были бы, ибо, кроме всех других причин, товарный голод еще сильнее чувствовался бы из-за произведенного снижения цен при недостаточном росте продукции промышленности, что не могло не повлиять на хлебозаготовки.

Обсуждая методы установленных цен, тов. Бухарин указывал на один момент, который представляет и теоретический, и практический интерес: давать ли цены за пуд хлеба независимо от урожая с десятины или уровень цены поставить в зависимость от урожая? Этот вопрос передо мной ставили ряд экономистов Наркомторга, а также тов. Шеболдаев. Эта мысль сводится к тому, чтобы при построении цен каждый год, в каждом данном районе исходить не только из того, чтобы дать цену за пуд хлеба, но исходить из доходности с десятины и в зависимости от урожая менять цены. Тов. Бухарин привел пример Северного Кавказа. Хотя цифры падения урожайности у него были неверны, но это не меняет сути дела. Он указал, что там урожай снизился, цены тоже снижались. Но дело в том, что допускать резкий разрыв между ценами урожайных и неурожайных районов нельзя, ибо тогда, если разница будет большая, крестьяне урожайных районов, где цены низки, будут возить хлеб продавать в неурожайных районах, где цены высоки. Нельзя не считаться с некоторыми законами рынка. Мы не можем падение доходности с десятины из-за неурожая компенсировать соответствующим повышением цен в данном районе. Хотя при недороде в стране в целом цены будут несколько выше, чем при среднем урожае.

Коррективы между районами и культурами нужно будет сделать. Соотношения между культурами и районами у нас еще не совсем правильны; мы должны это внимательно поправить.

Говоря о размерах повышения цен, тов. Томский прав, что у нас ни у кого нет еще окончательных цифр и нужны еще дополнительные подсчеты. Однако это не значит, что можно рассчитывать на беспредельное повышение. Здесь мы должны будем знать некоторые границы и пределы, за которые не можем переходить. Хотя положение сейчас очень трудное, но исправлять его опасаюсь, как бы мы в вопросе о ценах не шарахнулись так, что после придется бить отбой. Если мы настолько повысим цены, что по сравнению с ними станут неконкурентоспособны технические культуры, пшеница и свекла, пшеница и табак, пшеница и хлопок...

Сталин. Заработная плата.

Микоян. О заработной плате я дальше скажу.

Если мы так поступим, то может быть два выхода: или оставить цены на технические культуры те же и, значит, явно, не закрывая глаза и без того, чтобы потом строить новые теории, без просчетов идти к кризису технических культур, т. е. сырьевой базы промышленности, или вслед за зерновыми поднимать цены и на технические культуры. Но это значило бы поднять и промышленные цены, подорвать заработную плату, сорвать всю нашу финансовую систему, вызвав общий кризис в стране. Вот почему мы должны знать меру в повышении цен. Когда хлеба мало, когда идут хлебные волнения, конечно, трудно слабонервным людям меру соблюдать, оставаться спокойными и сохранять выдержку. Тов. Томский очень презрительно высказался о твердости и спокойствии политики, заявив, что и бревно твердое. Зачем сравнивать с бревном, ведь могут быть сравнения и с резиной. Легко пренебрегать твердостью и спокойствием, но, к сожалению, не всякому даже большевику в адски трудных условиях, в опасной обстановке удается сохранить спокойствие и твердость. Эти качества очень ценны для большевика.

Косиор. Да, это не одно и то же, что бревно.

Микоян. Совершенно верно – не одно и то же. Спокойствие, правильная оценка

положения, трезвый учет реальных материальных средств и соотношение классовых сил, большая чуткость и выдержка – это не такое легкое дело и не такие уж пренебрежительные качества революционера. Я и боюсь, что не хватит у нас необходимой твердости; под влиянием трудностей сегодняшнего дня мы так сильно повысили цены на хлеб, что нам придется непосильно дорого расплатиться за это. При этом мы не имеем права ни на одну минуту забывать о заработной плате рабочих. Если мы цены на хлеб повысим, чересчур сильно повысятся и сбытовые цены, ударив по зарплате рабочих, ухудшив их материальное положение.

Сталин. И цены на товары.

Микоян. И придется тогда сорвать всю нашу политику цен на промтовары. Мы хотим установить такое повышение хлебных цен, чтобы было возможно цены на промтовары сохранить стабильными, чтобы можно было удержать промышленные цены на определенном уровне, чтобы сохранить равновесие хозяйства, чтобы снова не стать перед расхождением спроса и предложения, ибо размер увеличения цен на хлеб при всех равных условиях и есть размер увеличения дефицитности промышленных товаров.

Г о л о с. А самообложение?

Микоян. И самообложение мы должны провести, но умеючи, без перегибов текущего года. Несмотря на это, трудности будут еще большие. Если даже на 10–15% повысить цены на зерно, нам все-таки придется провести некоторое повышение сбытовых цен, хотя, по-моему, в основных рабочих районах или совсем не должны поднять, или придется поднять в очень ничтожной степени цены на печеный хлеб с тем, чтобы поднять цены в других районах.

Тов. Комаров, по-моему, прав абсолютно, когда сказал, что мы – о льне я буду позже говорить, – что мы сорвались со своей установкой снабжения хлебом льноводных районов. Когда в прошлом году мы цены на лен пересматривали, мы большего повышения цен не провели, а так как эти цены были еще выгодны для льноводства, СТО решил снабжать эти районы дешевым хлебом, чтобы поощрить в них производство льна, поскольку хлеб конкурирует со льном. Мы установили твердую государственную продажную цену с тем, что в 15-верстной полосе от железных дорог цены на рожь должны быть не дороже 1 руб. 15 коп. А так как лен распылен по многим губерниям и так как мы давали хлеб не только льноводам, но и всему населению по дешевой цене и без ограничения, то, конечно, сильно расширилось потребление хлеба в этих районах и нам не удалось бесперебойно снабжать их хлебом. Говоря об этом, тов. Комаров был прав. Нужно поднять цены на лен процентов на 20, но тогда и хлебные цены придется поднять. И в производящих районах придется проделать то же самое.

Тов. Томский прав, что мы не должны снабжать имущие слои города дешевым хлебом. Это верно, что нэпман покупает у нас хороший хлеб по дешевым ценам, а как мы можем это устранить, если у нас нет карточной системы? Ведь у нас открытый рынок, открытые магазины; любой может купить, при этом покупает даже не сам нэпман, а его прислуга, пролетарка.

Ройзенман. Он одевается в плохое платье и покупает в магазине.

Микоян. У нас нет такого правила, чтобы не продавать тем, кто хорошо одет. Нет такой техники, при помощи которой можно было бы устранить покупку нэпманом хороших товаров по дешевым ценам, кроме карточной системы. Может быть, как предлагает тов. Томский, на белый хлеб назначить цены выше, а на черный ниже? Да и теперь у нас убыток на ржаном хлебе и прибыль на пшеничном. Это предложение тов. Томского было бы возможно, если бы мы установили, что белый хлеб предназначается для нэпмана, а черный для рабочих. Между тем, например, в Москве около 70% по-

требляемого хлеба составляет пшеница, а 30% рожь, а вы знаете, что рабочий в перерыве хочет завтракать белой булкой с колбасой? Мы не можем установить такой классовый принцип, чтобы черный хлеб для рабочих, а белый для буржуазии. Попробуйте сказать рабочему, чтобы он не ел белого хлеба.

Сталин. Это легче сказать, чем сделать.

Микоян. Я говорил с рабочими. Он вам на это скажет: раньше больше ели черного хлеба, а теперь белого. Мы революцию делали для того, чтобы не сидеть на черном хлебе. Теперь, если не хватает сливочного масла, и то уже ругаются. Можно было бы сказать рабочему: подожди, ешь что-нибудь другое, а пускай белый хлеб и масло ест нэпман. Рабочий совершенно резонно скажет: зачем же делали революцию, если я не могу насытиться маслом, яйцами и белым хлебом? Даже тот факт, что мы перешли на смешанный хлеб, и то вызывает известное недовольство среди рабочих. Между прочим, в Москве пекарни плохие, в Ленинграде Бадаев выпекает из той же муки гораздо лучший и более вкусный хлеб. Вот строим хлебные заводы и в Москве, может быть, тогда и хлеб станет лучше в Москве.

Я хочу сказать несколько слов о посевных площадях, о динамике, о которых развилась дискуссия между тов. Молотовым и тов. Осинским, о яровых посевах в особенности. Я думаю, что этот вопрос можно рассматривать с двух точек зрения. Если рассматривать с точки зрения того, насколько рост посевных площадей удовлетворяет наши потребности, соответствует необходимому темпу роста зернового хозяйства, – нужно прямо сказать, что он не удовлетворяет, он недостаточен. Это бесспорно. Но тов. Молотов в своем письме рассматривал вопрос не с этой точки зрения. Он рассматривал динамику яровых посевов с точки зрения того, произошло ли сокращение в результате тех мер, которые партия провела в связи с хлебозаготовками. То есть крестьянин своими посевными яровыми площадями дал ли отрицательный ответ, выразил ли протест против нашей политики? Иначе говоря, есть ли размычка с крестьянином, ибо, если она была, в первую очередь крестьянин сократил бы посевы. Вот с какой точки зрения рассматривал вопрос тов. Молотов. Почему я не привел в своем докладе окончательные цифры о посевах? Потому что их не имеется, подождем дней 10 и получим окончательные данные. Одно установлено окончательно, что яровые посевы расширились значительно.

У тов. Осинского была такая ошибка, что он отделил пересев от яровых посевов. Конечно, разница между ними имеется. Но нельзя забывать, и в этом ошибка тов. Осинского, что нельзя производить пересев озимых в значительных размерах без ущерба для роста яровых посевов, потому что пересев требует дополнительную тягловую и рабочую силу, дополнительное количество семян и проч. Вот почему нельзя целиком откидывать пересев от общей суммы площадей весеннего посева.

Почему у нас расширились яровые посевы? Конечно, было бы неправильно утверждать, что чем больше мы применим экстраординарных мер, тем больше расширяются посевы. Это было бы неправильно. Дело в том, что наряду с экстраординарными мерами мы весною провели массовую кампанию поддержки бедняцкого и середняцкого хозяйства и расширения посевных площадей. Мы дали лозунг: расширить посевы бедноты и середняка, чтобы перекрыть возможность сокращения кулацких посевов. Мы дали свыше 30 млн. пуд. семян, усилили машиноснабжение, облегчили условия кредитования машин, увеличили сельхозкредит, словом, привели в действие все рычаги для расширения яровых посевов. В результате этой политики партии мы имеем расширение яровых посевов. Именно политика партии дала помощь яровой посевной кампании, дала возможность расширить посевные площади. Как же иначе можно объяснить? С экстраординарными мерами, но без кампании партии по расширению посе-

вов мы не имели бы такое расширение посевов. Говоря о политике партии в деревне в связи с хлебозаготовками, некоторые видят только экстраординарные меры и перегибы, забывая об успешно проведенной партией яровой посевной кампании. Меж тем разделить или противопоставить неправильно, если мы хотим объективно оценить то, что имело место у нас весной в отношении деревни. Вот что важно, и, по-моему, абсолютно прав тов. Молотов, утверждая, что яровые посевы расширились при нашей помощи и, что очень важно, расширились посевные площади бедняцкого и середняцкого хозяйства.

Переходя к вопросу о политике снабжения, и об ошибках снабжения текущего года, и к нашим предположениям на будущее, я должен сказать, что, конечно, скрывать здесь нечего, ошибки были и на них нужно указать. Мы могли бы более экономно расходовать хлеб, который у нас был, и кое-что сберечь. Это верно. Но было бы неправильно все это рассматривать так примитивно, что вот разбазарили хлеб, можно было не кормить, удержать и проч. Это очень примитивное рассуждение, задним умом, ибо, когда еще в октябре были хвосты за хлебом, многие сильно волновались и было трудно хлеб экономить. Во-первых, вы имеете следующие трудности: не всегда, например, ограничение потребления вызывает сокращение расходования хлеба. Были случаи, когда в городах вводили карточную систему для ограничения продажи хлеба, а расходовалось больше, чем было до карточной системы. С другой стороны, у нас нет карточной системы. Мы не запрещаем, не ограничиваем потребления хлеба. С третьей стороны, лавки открыты, милиция там не стоит, любой гражданин может подойти и купить. И образуются хвосты. Или нужно хвосты разогнать, или нужно ввести карточную систему, чтобы хвостов не было, или нужно удовлетворить спрос, чтобы рассеять эту обстановку. Когда мы начали кампанию по заготовке хлеба, мы, видимо, увлеклись немного, решив укрепить свой тыл потребительской полосы, чтобы спокойнее орудовать на хлебных заготовках.

Я железнодорожникам говорил: отмените провизионки для своих железнодорожников, мы готовы кормить их сколько угодно, но чтобы они не мешочничали, не срывали наших цен и хлебозаготовок. Конечно, Транспосекция разбазарила много хлеба. Но мы добились того, чтобы не было мешочничества, которое срывало хлебозаготовки. Я был в Орловской губернии. Там мне говорили: калужские мужики едут тысячами на наш базар и срывают наши заготовки. Они резонно говорили: лучше снабжайте их в Калужской губернии заготовленным нашим хлебом, но чтобы они не срывали наших заготовок. Вот почему для того, чтобы успокоить заготовительный рынок и обеспечить тыл, мы вынуждены были не экономить хлеб по снабжению. Нелегко против этих явлений бороться в такой трудной обстановке.

Или, когда я был на Северном Кавказе, там получилась такая история: как только по кулаку ударили, он сразу сманеврировал и перестал продавать хлеб в деревне. Цены вскочили. В таком месте, как станица Кавказская, были по два дня очереди за хлебом. Бедноте негде было хлеба покупать. Мы вынуждены были произвести контрманевр против кулака, начав продавать бедноте в деревне хлеб из наших заготовок по низким ценам, чтобы сбить фронт кулака. Конечно, нам пришлось благодаря этому понести большие расходы хлеба, но мы добились обеспечения поддержки бедноты. Январь, февраль, март месяцы мы снабжали ее хлебом по низким ценам. В мае-июне мы не выдержали этой линии, у нас не хватило хлеба. Сокращение местного хлебного оборота привело к значительному перерасходу хлеба. Когда мы подсчитали, какой перерасход хлеба у нас получился и по каким районам, то мы увидели, что большей частью перерасходование падает на производящие районы – на Украину и Северный Кавказ. На Украине мы имели довольно значительное перерасходование, причем за вто-

рую половину года израсходовали на $9^1/_2$ млн. пудов больше против плана и на 15 млн. пудов больше прошлого года. На Северном Кавказе в первую половину года израсходовали меньше, а во вторую половину израсходовано было на 4 млн. пудов больше, чем в прошлом году.

В Москве хвосты были в июне – августе – сентябре прошлого года, хотя хлеба давали больше, чем в предыдущие годы. На печеный хлеб очередей не было, но на белую муку стояли хвосты. Тогда по этому вопросу во все инстанции были поданы докладные записки, была организована комиссия СНК, было несколько обсуждений в Политбюро[219]. Я тогда говорил, что хлеба больше чем нужно, но что очереди стоят за мукой, которою обыватели хотят запастись. Тов. Ворошилов простоял в очередях целый день, чтобы убедиться, что стоят не голодные, а покупают муку для запаса.

Какие данные получили мы от ЦСУ по части перерасхода хлеба? ЦСУ говорит, что в этом году население городов сделало экстренных, сверх своих нормальных потребностей, закупок хлеба 26 млн. пудов, а в прошлом году – 18 млн. пудов, итого более 40 млн. пудов. Мы по Москве перерасходовали 3 млн. пудов. Мы не могли избегнуть этого перерасходования, это было бы чрезвычайно трудно, так как политика требовала, чтобы в предоктябрьские дни не было никаких хвостов. Мы устранили хвосты тем, что перестали продавать муку. Как только мы перестали продавать муку, хвостов не стало, а печеного хлеба было вдоволь. В Ленинграде, где это дело вообще было поставлено более организованно, мы давно перестали продавать муку, а продавали только печеный хлеб. Там обходилось без хвостов, хотя давали хлеба меньше, чем в Москве.

При всех этих трудностях, когда рабочие центры, профсоюзы предъявляли свои требования, трудно было экономить. На Украине мы могли бы меньше расходовать хлеба, если бы мы там чересчур не свернули базары, мы могли бы иметь больше хлеба.

Какие планы мы намечаем на будущее? Я думаю, что нашими планами должно быть охвачено примерно 80% заготовок. В общем, план этого года, наверное, будет примерно такой же, как и план прошлого года. Мы должны будем охватить нашими заготовками товарного хлеба примерно на 80%, с тем, что 20% идет на местных заготовителей и на местный товарооборот, в том числе на частника. Вот, примерно, те наметки, которые мы имеем.

Здесь тов. Варейкис выступил с критикой возможного плана. Я сказал, что плана у нас еще нет. Но я думаю, что если виды на урожай останутся такими же, как и сейчас, то миллионов 700–720 всех зерновых культур мы должны будем заготовить. Конечно, выполнить такой план нам будет нелегко. Если виды на урожай будут хуже, чем в настоящее время, нам, конечно, придется взять меньший план. Но я думаю, что мы не должны давать преуменьшенные планы заготовок, как говорил тов. Варейкис. Хлеб мы должны расходовать более экономно, должны иметь в планах известные резервы. Все это должно быть учтено в нашем плане.

Тов. Варейкис жаловался на то, что месячные планы заготовок мы давали в преувеличенных размерах. Но имейте в виду, тов. Варейкис, что страшно трудно было не делать этого. Для того чтобы иметь страховку, мы должны были давать несколько больший план.

Варейкис. Почти в два раза.

Микоян. Не в два раза. Но мы должны были несколько увеличить план, чтобы иметь некоторую страховку. Во-вторых, надо иметь в виду, что при составлении плана мне приходилось быть между двух огней. Места мне предложили для всего года дать заготовку 590 млн. пудов. Объединенное заседание СНК и СТО[220] предложило заготовить 740 млн. пудов. Что я должен был сделать? Я вошел с планом 675 млн. пудов.

Я считал, что этот план был напряженным, но, в общем, реальным. Если бы не особенности весны, мы бы заготовили 650–670 млн. пудов.

Г о л о с. Сколько заготовили?

Микоян. Если произвести расчет, сравнимый с прошлым годом, мы заготовили в 1927/28 году 625 млн. пудов.

Вот тов. Квиринг резко критиковал план. Но ведь Совнарком и Политбюро поверили не мне, а ему, что 740 млн. можно заготовить и из этого можно взять на экспорт, на снабжение и проч. Партия была ориентирована на заготовку именно 740 млн. пудов по предложению и настоянию тов. Квиринга. И вот после этого действительно громадного планового просчета тов. Квиринга, против чего я боролся в течение всего года, он начинает критиковать чужие ошибки. Было бы лучше тов. Квирингу рассказать, как он собирается больше таких просчетов не допускать.

Здесь затрагивали вопрос о резервах и экспорте хлеба. Правильно говорилось, что мы должны создать резерв. Но я в своем докладе говорил, что у нас хлеба не хватит и что сохранить резерв будет очень трудно. Мы не могли сохранить резерв. В прошлом году мы вывезли 65 млн. пудов. Какие у нас планы? Резерва нет, и валюты не хватает. А если хлеб продать, валюта будет, но зато хлеба не будет. И поэтому экспортный план падает в первую очередь, валюты не хватает. Надо поправить положение.

[**Сталин**. В арифметике нет одного правила.

Микоян. Да, нельзя из одной цифры сделать две величины, которые были бы больше, чем основная цифра. Никак это не выходит.] Исходя из внешней обстановки и всех трудностей, придется иметь хлебный фонд, и первоочередно перед экспортом. Было бы неправильно экспорт исключать. В этом году мы его исключили, но было бы неправильно исключить и на будущий год. Вряд ли мы можем полностью восстановить наш довоенный экспорт, если не производить экспорта хлеба в значительных размерах. Нам не обязательно необходимо полностью восстановить довоенный экспорт хлеба в размерах 600–700 млн. пудов. Если 200–300 млн. пудов хлеба в год мы будем вывозить, то это нас вполне устроит. Мы и не можем полностью восстановить довоенный экспорт хлеба. Потому что у нас население будет расти, город будет расти, промышленность будет расти, личное и производственное потребление хлеба будет расти в меру успехов индустриализации страны, и вряд ли окажутся экспортные излишки в 600–700 млн. пудов. Но мы должны рассчитывать и ориентироваться на 200–300 млн. пуд. экспорта ежегодно с тем, чтобы иметь валютный резерв, хлебный резерв и правильно разрешить проблему импорта, который является узким местом нашей промышленности.

Касаясь вопроса регулирования и подходя к концу своего заключительного слова, я должен сказать, что в прениях было много правильных замечаний. Не может быть, чтобы в практике регулирования не было ошибок. Бывали перегибы и перебазаривания. Вот тов. Эйхе передал мне циркулярное письмо аппарата московского торготдела некоторым волисполкомам о том, чтобы они начали регулировать цены на зубные щетки и добиться вытеснения частника из этой области. Конечно, ставить теперь перед собой такие задачи является глупостью. Конечно, дело регулирования – большое и сложное, аппарат малоквалифицированный, недостаточно опытный. Надо поддерживать органы Наркомторга, пополнив их квалифицированными работниками. В области регулирования мы должны эти перегибы исправлять, и только при помощи партии можно будет это сделать. Мы должны добиться, чтобы партийные органы были ближе к вопросам регулирования рынка.

Переходя к отдельным предложениям, я должен сказать, что приведенные некоторыми ораторами примеры относительно того, что Наркомторг слишком много взял на

себя, неудачны. Мы взяли на себя лишь те обязанности, которые на нас возложила партия в лице ЦК и советы в лице СТО. Я должен особо остановиться на выступлении тов. Угланова о яично-птичном экспортном синдикате, ибо это приводилось как пример неправильной линии регулирования Наркомторга. В этом вопросе тов. Угланов неправ. Сперва несколько справок. Неверно, что ЦИК провалил мое предложение. Впервые такое предложение было выдвинуто три года тому назад тов. Цюрупой, когда он был наркомом торговли. В этом году вопрос поднял я. Совет труда и обороны принял мое предложение, постановив организовать экспортный яично-птичный синдикат. Это было принято почти без возражений, я не помню возражений на СТО.

Смирнов. Неверно, я возражал.

Микоян. Ты был дома, и я не знаю, что ты думал.

Смирнов. Я в Совете возражал. Значит, если Смирнов возражает – пустяки для вас?

Микоян. Там тебя не было, ты возражал в ЦИКе.

Смирнов. Докладная записка есть, я могу ее представить.

Микоян. СТО принял предложение об организации яично-птичного синдиката, и это предложение пошло во ВЦИК не в качестве предложения Наркомторга, а в качестве постановления СТО[221]. Защищал в ЦИКе не только я, но и тов. Цюрупа, зам. пред. Совнаркома. Совещание у тов. Рыкова с его замами приняло то предложение, которое я вносил, и вошло в ПБ с предложением, что ЦИК неправ, отклоняя постановление СТО. Верно, что в ЦИКе Угланов, Смирнов и другие выступали решительно против нашего предложения. Политбюро приняло компромиссное предложение, но не утвердило решения СТО. Это фактическая справка.

Далее, в порядке самокритики и самозащиты два слова уже от себя. Я считаю, что наше предложение было абсолютно правильно. Если Политбюро не приняло его, оно в этом вопросе ошиблось.

Г о л о с. Объясните.

Микоян. Пожалуйста, я объясню. Речь шла не о том, чтобы организовать союзный синдикат по яично-птичным заготовкам, нет, заготовители остались бы те же, а речь шла о том, чтобы на заграничном рынке советская страна выступала в качестве одного хозяина, в качестве одного продавца, а ведь этих яиц и птицы мы продаем на 62 млн. руб. больше, чем добываем золота. У нас во внешней торговле и во внешних отношениях нет никакого нэпа. У нас нэп внутри страны. Мы против конкуренции между советскими органами на заграничном рынке. А разве можно отрицать этот подтвержденный всеми факт, что на берлинском рынке против десяти немецких фирм выступало восемь советских бюрократов, конкурируя друг с другом, играя на руку немецким фирмам. Это факт, подтвержденный НКФиновскими агентами, факт, подтвержденный работниками РКИ и всеми коммунистами, которые были за границей, это факт, который подтвердил тов. Орджоникидзе, председатель ЦКК, который знакомился с этим вопросом. Политбюро решило компромиссно. Политбюро не стало ни на сторону ЦИКа, ни на сторону Наркомторга и СТО, решив, что не надо сразу объединять и ЦИК неправ, что хочет все распылить. И Политбюро решило пока на время передать это дело 2–3 организациям. Значит, основная принципиальная линия, которая выдвигалась, была одобрена Политбюро, была взята в основу. Дан только медленный темп ее осуществления. Вот почему я прошу этот пример не причислять к нашим искажениям или перегибам.

Сталин. Не надо только сердиться.

Микоян. Я считаю, что такое положение угрожает монополии внешней торговли, я буду драться против всего, что срывает или ослабляет монополию. Кто может отри-

цать то обстоятельство, что в нашей стране, в нашей экономике заложена опасность срыва монополии внешней торговли? Это мы все знаем, а какие меры мы принимаем против этой опасности? Где конкретное проявление этой опасности? Я говорю, вот конкретное проявление этой опасности: наши хозорганы, которые конкурируют друг с другом, срывают эту монополию.

У нас с тов. Углановым расхождение по вопросу о яично-птичном синдикате, но полное единодушие о рыбе. По поводу приведенного тов. Углановым примера об астраханской рыбе я еще три месяца тому назад, когда обратились ко мне за директивой, ответил так же, как тов. Угланов высказался здесь.

Тов. Петровский сделал много правильных критических замечаний, требовал, чтобы Наркомторг более точно учел крестьянские запасы. Мы не в состоянии этого сделать. Я отказываюсь учесть крестьянские запасы, я этого делать не буду.

Тов. Эйхе прав, я согласен с ним, когда он выдвинул вопрос о том, что руководство районными областями должно быть не однотипным, а дифференцированным, приспособленным к особенностям этих районов. Но пример, которым он хотел подтвердить это, был неудачный. Он сослался на то, что я через тов. Вейцера послал распоряжение о том, чтобы все области сообщили к 15-му июня свои предположения об урожае и возможных заготовках. Почему я это сделал? Пленум ЦК намечался 25 или 20, я должен дать тезисы, хлебофуражный баланс ЦСУ даст в конце месяца, и я хотел к пленуму иметь мнение и данные мест. Мы получили эти предварительные данные[222].

Тов. Эйхе возражал против мандатов уполномоченных, но он не мог привести примера того, что хоть один из уполномоченных воспользовался этим мандатом. Иметь мандат от высшего союзного органа не мешало бы, тем более <тем>, кто имел эти мандаты. Самые лучшие руководящие работники нашей партии, по решению ЦК, были отправлены и имели мандаты на тех правах, которые НКТорг имеет сам. Мы сочли нужным права, которые я в качестве наркома имею, передать нашим уполномоченным членам ЦК. Правильно мы здесь сделали? Правильно. Ни при чем 1918 и 1919 гг.? Мандат и права не мешает иметь и в 1928 г. Дело шло прекрасно, мы проводили нашу работу через партийные комитеты, и никаких разногласий между уполномоченными и областными органами не было.

Тов. Каминский жаловался на перегибы регулирования кооперации. Я не отрицаю, что многое надо устранить, улучшить дело регулирования, побольше использовав кооперацию как фактор регулирования, и поднять регулирование, но это будет в меру роста организованности кооперации, в меру роста ее внутренних хозяйственных маневренных способностей. И это не должно быть понято так, чтобы кооперацию отделить от государственных органов. Ни в какой мере кооперация не должна себя противопоставить государству, от государства отделяться. Мы должны улучшить руководство кооперацией со стороны государственных органов с тем, чтобы задания государства выполнялись кооперацией лучше, а не хуже. Нужно освободить кооперацию от мелочного руководства, от путаницы в руководстве и укрепить внутреннюю дисциплину и инициативу кооперации. Тов. Каминский говорит, что мы одно решение Политбюро не выполнили. Он говорит, что есть общее решение ЦК насчет того, что на кооперацию нельзя возлагать убыточные задания, что таким образом мы кооперацию пускаем в трубу. Тов. Каминский, скажите, какие кооперативы в трубу вылетели за эти два года? Ни один кооператив не вылетел в трубу, хотя некоторые были достойны этой судьбы. Наоборот, факт, что за эти два года кооперативная система укрепилась.

Дальше. В одном городе хлеб продается с громадной прибылью, а в льняном районе хлеба нет, у Хлебопродукта не хватает хлеба, мы предлагаем завезти сельхозкооперации, она не хочет, ибо здесь нет прибыли. Скажите, какой даже частный коммер-

сант продает все с прибылью? Одна операция прибыльна, другая убыточна, а в общем получается прибыль. Мы общую прибыль обеспечиваем. Он говорит, что это есть нарушение директивы ЦК. Я считаю, что это не нарушение, пусть нам это докажут, ибо никогда ЦК не давал указания, что ни одна кооперация не должна быть убыточной. Этого в мире не бывает. Мы должны быть приличными советскими коммерсантами, а не спекулятивными торгашами. Конечно, многое должно улучшаться в регулировании кооперации, я готов разобрать каждую конкретную жалобу и все исправимое устранить.

Теперь еще об одном вопросе, который поднял тов. Квиринг, вопросе о транспортном регулировании хлебных перевозок. У нас третий год на Северном Кавказе и два года по всем основным районам страны существует транспортное регулирование, которое ограничивает свободу перевозок хлеба частным и неплановым заготовителям.

Тов. Квиринг выступал против этого. Я должен сказать, что я за замену этого метода регулирования дифференциальным тарифом, но это можно провести только при улучшении хлебного рынка, а пока у нас расстройство на хлебном рынке, мы не можем этого провести.

Далее, когда говорят об улучшении руководства хозяйством, то верно, конечно, что во многом оно нуждается в улучшении, но я думаю, что мы должны будем идти не по линии того, чтобы отменить или ослабить плановое руководство хозяйством со стороны центра. Я думаю, что централизованное планирование народного хозяйства и право распоряжаться основными сырьевыми, хлебными, топливными и другими ресурсами должно сочетаться с самодеятельностью оперативных хозяйственных органов и мест. Развитие инициативы ни в коем случае не должно идти по линии разбазаривания всех и вся и оставления без руля и без ветрил, без планового охвата и плановой увязки важнейших отраслей всего народного хозяйства. Я думаю, что надо остерегаться и обратной опасности: скат от плановости к беспланости. Оперативная самодеятельность и инициатива мест должны сочетаться с централизацией планового руководства. Я думаю, что здесь никаких разногласий нет и мы их не сможем найти на основании практических предложений. Заканчивая свое слово, считаю своим долгом обратить внимание на те трудности, которые перед нами еще стоят, в ближайшие месяцы в особенности. Нам нужно во что бы то ни стало избегнуть необходимости применения чрезвычайных мер, сейчас устранив их и связанные с ними перегибы в практике. Для того чтобы эту задачу успешно выполнить, в новой кампании заготовок должны быть полностью учтены все недостатки аппарата, должны быть подняты активность и организованность наших организаций, должно быть правильное и гибкое маневрирование всеми рычагами нашего воздействия на хлебный рынок, как-то: промтовары, всякие сборы с крестьян, контрактация и проч. При величайшем напряжении всех наших сил есть все данные, что партия справится с этой задачей.

Прения показали, что пленум ЦК целиком одобряет внесенный Политбюро проект резолюции. Борясь за правильную ленинскую политику, отметая всякие попытки ее искажения, борясь на два фронта против этих искажений и уклонений, мы сможем с честью решить все основные проблемы социалистического строительства.

Председатель. Как делать дальше с резолюцией о хлебозаготовках? Принять в основу и избрать комиссию для ее рассмотрения и внесения поправок, или утвердить ее тут без комиссии окончательно?

Были предложены отдельные поправки: о кооперации, об урожайности, о распределении хлеба. Эти поправки сравнительно узкого характера.

Давайте сначала проголосуем вопрос о принятии в основу, потом сдавать ли ее в комиссию или нет, и если не сдаем, то можно принять и так: резолюцию утвердить и

поручить редакцию Политбюро, с учетом прений, которые были, и поправок о распределении хлеба, об урожайности, о кооперации.

Каганович. Я думаю, что не редактировать резолюцию поручать Политбюро, а все практические мероприятия, которые здесь предлагали, передать Политбюро для учета при разработке мероприятий.

Председатель. Голосуется. Кто за то, чтобы внесенную Политбюро резолюцию положить в основу решений пленума? Кто против этого? Кто воздержался? Принято единогласно.

[У меня есть несколько документов, которые подали товарищи для оглашения на пленуме.

Косиор. Из пострадавших.

Председатель. Трое товарищей: Сокольников, тов. Крицман и сибиряки по поводу той цитаты, которую я приводил в своей речи; здесь не все пострадавшие – Осинский ничего не подал. Разрешите их не голосовать, а приложить к стенограмме. Возражений нет? Принято.]

Второе предложение – принять ли окончательно или создать комиссию. Кто за то, чтобы создать комиссию для внесения поправок? Мало. Кто за то, чтобы утвердить окончательно? Практические поправки, в соответствии с прениями, внести в Политбюро. Голосуется. Кто за это? Принято единогласно.

Завтра в 11 часов доклад тов. Калинина о колхозах.

ЗАСЕДАНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Утро, 11 июля

Председатель (Рыков). Для доклада по вопросу о совхозах слово имеет тов. Калинин.

Калинин. По совести говоря, у меня абсолютно отпал аппетит делать доклад (с м е х); серьезно это я вам говорю, не лицемеря, потому что я ведь думал три дня тому назад докладывать, а доклад все откладывается и откладывается, и я чувствовал себя, как человек, приговоренный к смертной казни, который перед смертью больше мучается, чем во время самой казни. Сейчас многие товарищи мне говорили: не затягивай (с м е х). Можете себе представить, каково мое состояние, когда главная мысль всех слушателей – не затягивай.

Г о л о с. Резолюция краткая, можно коротко.

Калинин. Да, резолюция короткая, это верно. Но как бы там ни было, придется перейти к делу (с м е х).

Г о л о с. К сожалению.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НОВЫХ (ЗЕРНОВЫХ) СОВХОЗОВ

Калинин. Я начну свой доклад со следующего постановления Политбюро[223]. Слушали: Об организации новых совхозов. Предложение тов. Сталина. Постановили: «Принять предложение об организации в продолжение 3–4 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где не могут быть задеты новыми совхозами крестьянские наделы, в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 млн. пудов».

Это пункт «а», и к нему есть подпункт «б»: «Поручить всестороннюю разработку этого вопроса комиссии в составе тт. Калинина, Кубяка, Молотова, Микояна, Квиринга (Госплан), Баумана и Яковлева (РКИ). Созыв комиссии за тов. Калининым». Вот по этой причине и являюсь здесь докладчиком (с м е х), т. е. потому, что созыв этой комиссии был за мной.

Это постановление внешне не выходит из огромного ряда постановлений Политбюро. Если кто-нибудь будет изучать протоколы Политбюро, скажем, будущий партийный летописец...

Ворошилов. Он должен будет прежде всего заглянуть в особую папку.

Калинин. Он удивится, что такой серьезнейший вопрос, который предопределяет расход свыше 300 млн. руб., один раз слушался в Политбюро и сразу же решен положительно и окончательно. Это – необыкновенное, или, во всяком случае, ненормальное до известной степени явление в работе Политбюро. Обыкновенно в Политбюро такие вопросы ставятся по несколько раз; они переходят в подработку, по ним бывает много разногласий, и обыкновенно 2–3 месяца они не сходят с повестки дня и потом уже окончательно разрешаются. Возьмите для примера хотя бы вопрос о Днепрострое. А тут вдруг предложение, которое несет расход около 350 млн. рублей, сра-

зу принято Политбюро. Могут подумать, что Политбюро без обсуждений, или, во всяком случае, без больших прений приняло это постановление. Но партийный летописец обманется в этом вопросе, если он так подумает. В действительности этот вопрос очень много дебатировался, но не прямо, не непосредственно о совхозах, а он дебатировался в связи с определением путей и методов коллективизации, при изыскании способов повышения товарной продукции сельского хозяйства. И когда тов. Сталин поставил этот вопрос, психологически все были к этому вопросу подготовлены. Следовательно, раньше мы об этом говорили так обстоятельно, что когда вопрос поставили, то он как бы вытек из общего умонастроения Политбюро и поэтому прошел единогласно. В документах вот эта внутренняя, или, вернее, психологическая и политическая работа нигде не зафиксирована, а по существу была проделана огромная предварительная работа, которая подготовила принятие этого вопроса сразу.

Да, я забыл вам сказать, что постановление Политбюро о совхозах было вынесено 23 апреля 1928 года. И вот с этого времени до сегодняшнего дня комиссия Политбюро по организации новых совхозов собиралась 8 раз. Материалов в комиссии довольно много, останавливаться на всем материале, вы сами понимаете, невозможно, поэтому я коснусь только ограниченного количества постановлений, которые имеют, с моей точки зрения, большое значение.

Привожу важнейшие постановления из первого протокола заседания комиссии. Там есть такой пункт, который говорит: «Признать, согласно представленным данным, план получения товарной хлебной продукции с земельной территории вновь организуемых совхозов в размере 100 млн. пудов в течение ближайших 3–5 лет возможным и целесообразным как с точки зрения обеспечения новых совхозов земельными массивами, так и с точки зрения финансовых возможностей государства и экономической целесообразности и выгодности их».

Вполне естественно, что на первом же заседании комиссии встал принципиальный вопрос: Политбюро дало директиву организовать совхозы в определенное количество времени с такой же производительностью; спрашивается – можно ли это сделать? Комиссия обсудила материальную возможность в заданное количество времени проделать эту работу практически и вынесла решение громадной важности: она признала, что экономически это для государства возможно; она признала, что это целесообразно и что экономически это выгодно. Это было признано после громадных прений, в которых участвовало значительное количество людей.

В этом же первом протоколе было еще вынесено решение: «При расчетах и проектировании планов исходить из того, что хозяйство должно быть зернового типа и что отрасли животноводческие в них должны явиться лишь подсобными».

Здесь очень сухо записано. Само собой понятно, что прежде, чем вынести вот это решение, была громадная дискуссия, в которой доказывались преимущества животноводческих хозяйств, их прогрессивность сравнительно с зерновыми хозяйствами и т. д. и т. п. Но здесь зафиксировано мнение большинства комиссии.

В решениях комиссии есть еще следующий пункт:

«Признать необходимым указать НКЗему на необходимость изучения опыта постановки работы в виде типичных зерновых хозяйств Советского Союза, а также в Америке и в Пруссии, в целях чего считать необходимым командирование в них необходимого количества руководящих работников. Руководителей совхозов привлечь к делу организации новых совхозов, ряд крупнейших специалистов по постановке зерновых хозяйств – из Америки и Германии».

Вот это – постановления первого заседания комиссии Политбюро[224]. Задача комиссии была, во-первых, провести огромную разъяснительную работу среди совет-

ской и партийной верхушки с тем намерением, чтобы привлечь ее симпатии к строительству совхозов. Другая задача была – способствовать налаживанию аппарата по руководству организацией совхозов, какие должны были руководить совхозами. Вот в протоколе 4 читаем: «Для руководства оперативной деятельностью новых совхозов организуется трест общесоюзного значения под названием «Зернотрест». Правление Всесоюзного «Зернотреста» утверждается Советом труда и обороны». Опять привожу тоже очень короткое постановление, но для вас, умудренных, так сказать, опытом повседневной работы, я думаю, это краткое постановление будет понятно. Вы поймете, что прежде, чем его редактировать, нужно было много над этим поработать. Тов. Петровский упомянул альфу и омегу, а я скажу насчет Сциллы и Харибды (с м е х).

Ворошилов. Ты конкурируешь со своим коллегой – ударился в мифологию (с м е х).

Калинин. Вот вы смеетесь!

Ворошилов. Начинаете щеголять вашей образованностью.

Калинин. Это я историю организационной деятельности расцвечиваю маленьким экскурсом в историю древнего мира для того, чтобы было легче слушать.

Сталин. Это не мешает.

Калинин. Вот эти экскурсы, которые прорываются у нас, – это хороший признак, что мы, старики, прошли хорошую общеобразовательную школу. Имейте это в виду.

Ворошилов. Вы в культурной революции сейчас не нуждаетесь.

Калинин. Ну, иногда невпопад попадешь (с м е х). Это ничего, тут надо быть, конечно, посмелее.

Г о л о с. Замечательно (с м е х).

Калинин. И, наконец, товарищи, я хочу вам привести еще одну цитату (я вас долго этими цитатами мучить не буду) из седьмого протокола заседания комиссии. Она очень важная: «1) Признать необходимым организовать управление «Зернотрестом» в составе пяти человек во главе с председателем».

Вы видите, как постепенно, из одного заседания за другим, все вылупливается организационное ядро (с м е х).

Ворошилов. К земле приближаетесь.

Калинин. Конечно, может быть, это все можно было решить и в одном заседании (с м е х).

Медведев. А вы устроили до восьми.

Калинин. Вчера у меня был рекомендованный мне тов. Ворошиловым очень интересный человек. Он хочет работать в совхозе и представил мне письменный план своей работы, в котором он говорит: для того чтобы был успех, я должен нанимать людей свободно и увольнять людей свободно.

Чубарь. И платить свободно?

Калинин. Я ему ответил: вы забываете, что мы находимся в **советском** государстве. А в чем принцип советского государства? Нужно не только выполнять заданную вам работу. Если вы выполнили заданную вам работу и больше ничего, вы еще не все сделали. А надо, чтобы **массы** участвовали в выполнении заданной вам работы. Вот вы и сумейте это сделать, не просто вы выполнили, а чтобы **все ваши сотрудники** чувствовали, что они **активно** участвуют в выполнении этой работы. Я так, между прочим, поучал людей, пришедших к нам из другого мировоззрения. Вполне естественно, если я поучаю других, так я этот метод должен применить в своей практической административной работе. Вы поняли меня?

Г о л о с а. Поняли.

Ворошилов. Поняли, как не понять (с м е х).

Калинин. И поэтому, когда я это решение вынес на VII заседании, не я пришел к этому, а все окружающие меня сотоварищи пришли к этому (с м е х). Если бы я его на первом заседании провел (это можно было бы провести), то это было бы бюрократическим методом (с м е х), а здесь – уже общественный метод, выработанный, выболевшийся.

Рыков. И с самокритикой.

Калинин. И с самокритикой.

Так вот, первый пункт – правление с председателем. Второй пункт: «Юридическим лицом всей системы совхозов является правление».

Три: «Зерновые совхозы, со всеми входящими экономиями, являются хозяйственно-производственной единицей, с вполне законченной отчетностью и самостоятельным балансом».

Четыре: «Система управления зерновыми совхозами устанавливается централизованная. Управление зерновыми совхозами получает от правления непосредственно утверждение организационных и производственных программ, смет, годового бюджета и отчитывается перед правлением в годовом отчете».

Пять: «Зерновые совхозы организуются и управляются на основе специального положения об управлении совхозами».

Шесть: «На первоначальный период создающихся совхозов признать целесообразным назначение со стороны НКЗема РСФСР, а также Наркомземов союзных республик уполномоченных для оказания содействия по выделению земли и организационному оформлению работы совхозов».

И еще есть постановление о том, что «Зернотрест» находится временно, до организации таких же совхозов в других республиках, в мандатном управлении Наркомзема РСФСР.

Вот, в сущности говоря, основная организационная работа, так сказать, скелет, остов организационной работы. Разумеется, параллельно этому у нас шло и фактическое строительство. Понемножку, осторожно подбираются люди. Затем на местах, когда почувствовали, что тут пахнет деньгами, тоже активность начали развивать, несомненно (с м е х).

Г о л о с. Это совершенно верно.

Калинин. Я же знаю, что верно. Это очень хорошо, и нам нужно не забывать, что значат материальные средства. Все-таки организационная работа налаживается, но, товарищи, я должен вам прямо сказать, что это очень трудная работа. Когда налаживаешь что-нибудь реальное, не просто резолюцию пишешь, всякие резолюции мы умеем писать, и очень скоро, а вот чтобы конкретное дело наладить, требуется громадное количество времени.

Я хотел бы остановиться еще на двух очень интересных заседаниях комиссии. Одно заседание было с профессорами, с агрономами и вообще с более или менее крупными деятелями сельского хозяйства, с знатоками заграничного сельского хозяйства[225]. И я должен прямо сказать, что это заседание дало меньше, чем можно было ожидать. Во-первых, именно это заседание с такой ясностью показало, насколько мы убогие организационные формы и жалкий состав специалистов получили в наследство в области сельского хозяйства от старого помещичьего строя. Никаких навыков, абсолютно никаких навыков. И даже почти никаких научных сил и технических средств, если они и есть, то только оставленные при университетах, только теоретики. Но мало того, в том разрезе работы, который намечен теоретически Политбюро в области построения совхозов, когда мы обратились к заграница – можно ли там получить какие-нибудь показатели в этой области, чтобы узнать, что, может быть, можно послать

туда людей поучиться с тем расчетом, мол, что если есть готовые формы, есть готовые организации, то зачем нам самим мудрить и выдумывать, когда гораздо проще овладеть готовым, над чем люди уже раньше нас думали, – то оказалось, что и за границей больших опытов в этом отношении нет, что заграница, по существу говоря, в производстве зерновых продуктов и вообще в с/х производстве поучительных примеров почти не может нам дать, ибо оно основано на среднефермерском хозяйстве, где, вероятнее всего, более значительную роль играет...

Ворошилов. Частная инициатива.

Калинин. Скорее узкая, ограниченная, индивидуальная инициатива.

Ворошилов. Правильно, индивидуальная инициатива.

Калинин. Совершенно верно – узкая индивидуальная инициатива. Во всяком случае, для построения новых совхозов мы получили вот что за границей. Вот там есть карты, вероятно, все их видели, они были расклеены, там имеется так называемое крупное хозяйство Кемпбеля. Но это почти единственное предприятие, близкое по своей технической организации к совхозу. Конечно, может быть, можно найти еще, но, во всяком случае, такие с/х предприятия во всем мире являются уникумами. Нельзя сказать, чтобы их было много, чтобы с них можно было брать образец и т. д.

Г о л о с. Но ведь это не совхозы.

Калинин. Конечно, нужно сказать: капиталистического типа хозяйства. Поэтому, так как мы не имеем никакого опыта построения крупных совхозов, то, вероятно, нам придется строить их самим, как с организационной, так и с научной, технической стороны. Во всяком случае, повторяю, что это заседание нам дало меньше, чем можно было от него ожидать, а там были все, которых мы более или менее знаем как опытных людей.

Затем было еще второе заседание. Второе заседание было устроено с директорами заводов, которые производят трактора[226]. Это было очень интересное заседание. И вот здесь тоже выяснилось, что в области тракторостроения, хотя, безусловно, есть успехи, но по существу успех имеется только на одном заводе – Путиловском, а все остальные заводы трактора делают серийные, но о поточном переходе и мысли не может быть. Совершенно естественно, когда делаются трактора не тысячами, а по 150–180–100, причем 180 тракторов производится, например, на Харьковском заводе «Коммунар», как максимум, что он может изготовить, – то спрашивается: как тут быть? У них построение механическое, индивидуальное построение, серийное, как паровозостроение.

Мы с директором говорили: он говорит, может быть, они на 20 увеличат. Но это не имеет значения. Во всяком случае, о переходе на конвейер, на массовое изготовление не может быть и речи.

Путиловский завод, вероятно, скорее к этому перейдет, он сейчас переживает муки родов, уже пятый год он мается. В этот год он выпустит 1200 – это уже переход от серийности к массовому производству.

В чем у нас основная ошибка наших заводов организационная? В том, мне кажется, что если Путиловский завод делает трактора, то он считает, что все части к этим тракторам он должен делать сам, в то время когда в Америке заводы, как я заметил, удивительно комбинируют методы работы. Почему нельзя мелкие части изготовлять в Москве или Харькове? Я думаю, если этот метод принять у нас, это было бы очень хорошо. Одно можно сказать, что директора – патриоты своего дела.

Сталин. Каждый хочет у себя все делать.

Калинин. Теперь они поняли это, и, во всяком случае, эта техническая проблема поставлена на очередь. Мне кажется, нам надо будет поднажать, не пожалеть средств

и заставить Путиловский завод в текущем году выпустить 3000. У меня такое впечатление, что, когда Сталин нажал на директора на заседании, тот, как ни мялся, а сказал, что мы выпустим 2 тысячи, если нам дадут готовыми 14 частей деталей. Мне кажется, Куйбышеву также придется нажать на них. Мы написали: изготовить в будущем году 3000 тракторов, отказ Путиловского завода считаем технически необоснованным.

Почему я, председатель комиссии Политбюро по зерновым совхозам, проявляю такую активную требовательность к тракторостроению, к русскому тракторостроению?

Чубарь. Вы проявляли активность и в другом деле.

Калинин. В чем? Могут подумать, что в каком-нибудь нехорошем деле.

Чубарь. Не только в производстве, но и в отобрании тракторов.

Калинин. Ну что же, на то и центр, чтобы «отбирать». Это и хорошо: чем большее количество центр «забирает», тем, значит, он «крепче», «самостоятельнее»; и чем места «беспрекословнее» подчиняются решению центра, тем «здоровее» они считаются (с м е х). Вы же сами согласились их отдать.

Я все-таки думаю, что базироваться в построении наших совхозов на ввозном оборудовании – опасная, ненадежная штука, ибо мы всегда можем подвергнуться опасности и можем быть лишены этого. Поэтому я считаю, что мы должны максимально развернуть тракторостроение в наших условиях. Мы сговорились с военным ведомством, что забираем у них трактора, вопрос только о цене. Я считаю, что обижать военное ведомство нельзя, цена должна быть полной.

Ворошилов. Удивительная штука! Ты бы еще хотел их получить по дешевке!

Калинин. Я ничего не хочу, я тебе же пользу хочу сделать.

Одним словом, постройка новых совхозов и вопрос о построении тракторов – это две неразделимые проблемы. Если мы действительно хотим 100 миллионов пудов получить товарного хлеба, то мы должны построить трактора и наладить тракторостроение.

Ворошилов. Сколько нужно тракторов для вновь организуемых совхозов?

Калинин. Тысяч 25. Вот, товарищи, краткая, как сказать по-ученому, прагматическая история нашей комиссии.

Рыков. Оба председателя ЦИК изъясняются по-гречески.

Калинин. Как это перевести?

Осинский. Действенная.

Калинин. А все-таки интересно: после моего доклада спросят, почему Калинин сказал «прагматическая»? Это значит, что заинтересовавшиеся будут в курсе моего доклада.

Теперь я от прагматической, или от действенной истории непосредственно перейду к принципиальной стороне вопроса. Я уже оглашал вам постановление Политбюро. Оно принято единогласно, в то время как по всем остальным вопросам у нас почти никогда единогласия не было (с м е х) в тех случаях, когда требовалось значительное расходование средств.

Рыков. А голосуют единогласно всегда, обрати внимание.

Калинин. Но там, где требуется большое расходование средств, почти никогда не было единогласия, потому что одному кажется, что нужно дать, а другому – подождать. Здесь принято единогласно, хотя члены Политбюро очень ясно отдавали себе отчет, что этим решением мы предопределяем расход в 350 млн. рублей. Поэтому, когда я говорю «единогласно», это доказывает, насколько все объективные условия созрели, и были налицо благоприятные предпосылки для единогласного решения этого вопроса, и насколько были подготовлены умы. Вот этим решением, не вносим ли мы чего-нибудь нового, не забегаем ли мы вперед, хотя бы вперед нашей программы?

Вот я и хочу вам напомнить, что, в сущности, этим решением мы только приступаем по-настоящему к практическому выполнению нашей программы. Вот пункт 10-й нашей программы будет кстати напомнить вам сейчас. Что он говорит? «Советская власть, осуществив полностью отмену частной собственности на землю, перешла уже к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации крупного социалистического земледелия. Важнейшими из этих мер являются: 1) устройство советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий; 2) поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли; 3) организация государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель». Вот это не мешает напомнить, чтобы оно проникло в ваше сознание. Это – в пункте 10-м, подпункт 3-й: «Организация государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель». Вот, вместо того, чтобы спорить о середняке и кулаке, проведите-ка это решение (с м е х). И далее: «4) государственная мобилизация всех агрономических сил для энергичных мер по повышению сельскохозяйственной культуры; 5) поддержка сельскохозяйственных коммун как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства. Рассматривая все эти меры как единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда... ВКП большевиков стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к их распространению на более отсталые области страны и к дальнейшим шагам в том же направлении». Как видите, вот этим решением Политбюро мы только приступаем к практическому выполнению нашей задачи. Почему же мы к этому раньше не приступили? Что тут нового? Почему это Калинин докладывает об этом? Ведь, по существу, совхозы у нас есть, и, надо прямо сказать, они развиваются, хотя не так сильно, как промышленность, но из года в год повышается их товарность, повышается их процент в общем производстве, но этот процент в общем производстве пока очень низок. Организация растет, крепнет, и до известной степени создается пролетариат. Собственно, не пролетариат, пролетариата в Советском Союзе уже быть не может, так сказать (см е х). Но этот вопрос мы отложим на следующий пункт. Так почему же у нас поставлен этот вопрос? Очень ясно, почему. Я поставил вопрос: почему, а вы сами отвечаете мысленно: как это почему? Ясно, почему! Сама современная обстановка создала исключительно благоприятный момент для постановки вопроса об организации новых совхозов. Из года в год растет потребность промышленности в сельском хозяйстве, и в сырье, и в продуктах. Эта потребность гигантски растет. И, наконец, мы имеем все растущий недостаток продовольственных продуктов. Не только недостаток хлеба. Ведь хлеб – наиболее острый недостаток, а разве мясом мы полностью удовлетворены, а разве мы удовлетворены полностью молочными продуктами? Да ведь у нас сыр стоит 80 коп. фунт, тот сыр, который до войны стоил 25 коп. фунт. Это же факт. И если мы сейчас стоимость сыра, стоимость масла и стоимость яиц приведем к довоенным ценам по номиналу, как зерно, потребность на эти продукты в громадной степени увеличится. Сейчас дороговизна этих продуктов, как бы это сказать, скрывает их недостаток...

Ворошилов. Ограничивает их потребление.

Калинин. Скрывает их недостаток. Этот вопрос совершенно ясен. И поэтому, когда здесь до меня спорили: кризис у нас или не кризис, смычка или размычка, – это политики спорили, а я здесь выступаю перед вами как хозяйственник, производственник в данном случае. Я условно пока что отбрасываю все политические стороны этого вопроса. Я говорю, что хлеба не хватает. Кто может сказать, что хлеба хватает?

Косиор. А это с политикой ничего общего не имеет?

Калинин. Я не с политической, а с производственной стороны пока что рассматриваю вопрос. Кто-нибудь, хоть один человек скажет, что хлеба хватает? Не скажет и

не сказал. И сколько не хватает? По нашей минимальной необходимости – около 500 млн. пудов.

Все эти разговоры, что кулак скрыл хлеб, что хлеб есть, но его не дают, – это есть разговоры, только разговоры, потому что от кулака хлеб мы брать **умеем**. Учить Кагановича или Чубаря, как этот хлеб брать, – смешно. **Умеют** взять. Если уж Варейкис научился брать хлеб, а он раньше был эдакий народолюбец (с м е х), то что же вы хотите? Надо прямо вопрос ставить: если бы у кулака было много хлеба, мы бы этот хлеб имели. Верно это или нет? Скажите по совести, если бы у кулака было много хлеба...

Г о л о с. Столько, сколько надо.

Калинин. Если бы у кулака был хлеб в таком количестве, которое нужно, то разве нам не хватило бы? Нет этого хлеба. Но значит ли это, что у нас хлеба вообще нет? Если бы мы могли на аптекарских весах распределить, тогда бы у нас всем хватило и остаток был бы, но мы с ним подсчитали (у к а з ы в а е т н а т о в. К о с и о р а С.), я самостоятельно и он самостоятельно. Если у нас в каждом доме хлеба 50 пуд. запаса, то тогда будет 1200 млн. пуд. по Союзу. А когда «умные» статистики говорят: до войны было 600 млн. пуд., а теперь 800, можно свободно взять хлеб, кулак скрывает, то ведь до войны было 16 млн. хозяйств, а теперь **24 млн**.

Рыков. Правильно.

Калинин. Это такая разница, при которой все методы старого подсчета кувырком летят.

Рыков. Правильно!

Калинин. Эти методы никуда не годятся. А он взял 25 пуд. Если 25 пуд., то выйдет 600 млн. Вы найдите мне такую власть в мире, кроме коммунистической власти...

Чубарь. Кроме нас, нет в мире коммунистической власти.

Калинин. Мы в деревне – сила, это верно или неверно? А попробуйте взять эти 25 пудов, помимо продразверстки, не возьмешь никакими способами. В основе этого лежит недостаток производительности, недостаток хлеба, и этот недостаток хлеба повелительно толкает нас к организации совхозов. Мы не можем иначе, и нужно искать выход, и вот один из очень крупных выходов – это организация совхозов.

Тов. Смирнов, не знаю, здесь он или нет, он считает, что я уже изменил ему (с м е х), как только сделался председателем комиссии по организации совхозов. Я такие, говорит он, тезисы написал, что этими тезисами приблизил к себе Сапронова (с м е х). Однако я остаюсь защитником индивидуального хозяйства. Но не только Смирнов, Осинский тоже ядовито задает вопрос: а где же твой крестьянин?

Осинский. Где кулак твой?

Калинин. Где кулак твой? Где «мой» кулак? Он думает, я боюсь сказать, где «мой» кулак.

Сталин. Кулак твой на месте сидит.

Калинин. Я думаю, что тут у Осинского сказалось целиком мелкобуржуазное мировоззрение (в з р ы в с м е х а), когда он не может уразуметь, как это Калинин «поддерживает» кулака и вместе с тем поддерживает совхозы. Старый большевик, а «поддерживает кулака»... И он тогда думает, что это неясно, ненормально.

Он, должно быть, думает: Калинин марксист. А что это значит? Я всеми фибрами поддерживаю крупное хозяйство, я чувствую, что основа – крупное хозяйство. Почему я кулака «поддерживаю» (в з р ы в с м е х а). Вы что, думаете, что каждый «поддерживающий» кулака является представителем мелкобуржуазной идеологии?

Осинский. Нет, ничего подобного – капиталистической.

Калинин. Во-во-во! Вопрос стоит: как поддерживать кулака? Можно поддерживать и «поддерживать». Можно марксистски «поддерживать» кулака (в з р ы в

с м е х а). Как же Ильич говорил? Мы, говорит, помещиков как помещиков уничтожаем, а кулаков только... как это он сказал?.. давим.

Г о л о с. Ограничиваем.

Калинин. Нет, у него сильнее термин. Он сказал: подавляем. Не уничтожаем, а подавляем.

Ярославский. Но разве это значит «поддерживаем»?

Калинин. Подождите, подождите, не забегайте вперед. Очень часто я «поддерживаю» кулака, и не только я «поддерживал», недавно Политбюро в целом «поддержало» кулака в Смоленской губернии (х о х о т).

Г о л о с. А мы не знали этого.

Калинин. Смоленский губисполком вынес постановление выселить кулаков, а Политбюро постановило[227]: можно выселять только дворян-помещиков, а кулаков не выселять. Значит, Политбюро поддержало кулаков? Вот так, как Политбюро в данный момент «поддержало» смоленских кулаков, так и я «поддерживаю» кулаков, тов. Ярославский; «поддерживаю» тогда, когда вы неправильную политику ведете. Как же вы думаете? И вот теперь я объясняюсь с вами, милостивые государи (с м е х).

Я должен прямо сказать, что если бы вы побольше так «берегли» кулаков, как в данном случае, то большой беды не было бы. Чем руководствовалось Политбюро, принимая такое решение по поводу постановления Смоленского губисполкома? Политбюро руководствовалось, оно исходило из интересов укрепления диктатуры пролетариата. Вот в чем дело. Вы теперь понимаете, почему в данный момент Политбюро сочло нецелесообразным политически выселить кулаков? А есть у нас эта тенденция? Есть вообще. Недавно мне Полуян заявляет, что у него были два представителя: один из Рязанской губернии, известной кулацкой губернии, другой из Тверской губ., тоже не менее кулацкой губернии, и они просили, советовались, нельзя ли выселить кулаков из этих губерний. Из каких губерний? Из самых «архикулацких» (?!)* губерний. Пусть тов. Носов выйдет и скажет. Полуян спрашивает: как быть? Я говорю: прежде всего, нужно попросить письменно документы, они будут историческими документами для данной губернии.

Вы, руководители на местах, вы говорите, что нет хлеба. А практически, когда вы разоряете кулацкое хозяйство, вы перво-наперво должны подумать, а как нам эту производственную ячейку кулацкую, гнездо кулацкое заменить? А вот если бы каждый предгубисполком, когда он кулака выселяет, разоряет, предварительно создал бы комиссию в три человека с таким примерно заданием: до тех пор я этого кулака не выселю, пока вы не утилизируете на все 100% его производственную часть; если мне не даст гарантию каждый из вас, что ту производственную часть, которую выполняет кулак, вы не сохраните и не восполните, я скажу: я решительно против этого. А если вы это можете сделать, то бейте, вешайте, расстреливайте кулака. Как вы думаете, есть у вас боль, когда разоряют хозяйство, не думая о том, как восполнить вот эту производственную часть? Вы думаете над этим? Я прямо скажу: очень слабо думаете, и я вам тут обвинения целиком бросаю, ибо никто не пришел ко мне, ни разу не пришел и не сказал: тов. Калинин, вот у нас приказ выселить помещиков, дайте нам отсрочку; мы хотим лучше использовать это хозяйство; ну, что же, мы выселим, будет не засеяно, хозяйство упадет, дайте нам отсрочку на 2–3 месяца, чтобы мы это использовали. Нет, никогда, ни один не пришел. А выселить кулака пришли. Почему это делается? А потому, что ни председатель губисполкома, ни секретарь губкома даже малейшей ответственности за производительность сельского хозяйства в губернии не несут. А ведь это

* Так в тексте (ред.).

самая величайшая ответственность. Вы что, думаете, председатель губисполкома или секретарь губкома не отвечают за то, что производительность сельского хозяйства падает? Как вы думаете, если в Тверской губернии льна нет, то тов. Носов, что, святой голубь, в этом деле не виновен?

Носов. Виновен.

Калинин. Вот это – небольшевистская, недейственная постановка. Большевик должен ребят «уметь» рожать, хотя и мужчина (с м е х), а вы большевик и говорите, что от коммунистической партии это не зависит...

Когда говорил тов. Каганович, то, полемизируя, он, с моей точки зрения, перегнул палку немножко. А у него какой козырь был? Он говорил, что они увеличили засев на 27%.

Каганович. На 29%.

Калинин. Да, на 29%. Я и говорю, тов. Каганович, что вы не умели такой козырь использовать, с которым надо считаться. И вот, тов. Носов, вы говорите, что мы там ни при чем.

Носов. Нет, я сказал, что я виноват.

Калинин. Значит, если люди могут на 29% увеличить посев, значит, мы здесь «причем».

Носов. Я ведь сказал, что я виноват.

Калинин. Нет, извините, если бы вы перед ЦК отвечали, если бы Косиор вас тянул каждый год, спрашивал бы вас, каков урожай, спрашивал бы вас, что вы знаете об урожае, почему нет льна, если бы вас в нынешнем году потянули, в будущем году потянули, – тогда ваш предгубисполкома не пришел бы к выселению кулака. Он бы «берег» каждого кулака, он бы сказал: «черт возьми, его надо было бы выселить, но он дает 20 пуд. льна, поэтому его надо **пока** оставить» (с м е х).

Идет упряжь сельскохозяйственная, она косная, трудная, и надо эту упряжь поднять. Попробуйте-ка! Поэтому я говорю: когда поднимают вопрос о кулаке, то **надо понять, какая** «поддержка» кулаку. Почему я говорю смело, что я «поддерживаю» кулака? Потому что все знают, что я марксист и со мной солидаризируется целиком и полностью мой друг тов. Ворошилов (с м е х).

Потому что мы поддерживаем не кулака, а мы хотим, чтобы **производственная часть** была лучше сохранена.

Мы хотим, чтобы производственная часть была лучше, ибо производственная часть сейчас перехвачена. И вот я считаю, что ЦК отвечает за эту постановку. Как же так? Заметьте, вот передо мной сидит тов. Косиор, он ведь отвечает за производство, а почему же председатель губисполкома и секретарь губкома не отвечают за посев? Эту практику надо изменить, тов. Сталин! И я считаю, что эта часть более важная, чем сортовое зерно, потому что председатель губисполкома тогда очистит зерно, когда он будет знать, что он **отвечает** за рожь (с м е х). И тогда к нам он не будет ходить. Как связать все это, теперь вам будет понятно.

Почему я за совхозы? И не только я за совхозы, но мы с Молотовым были на самом передовом фланге по увеличению количества ассигновок на совхозы. Вот тов. Сталин говорил: «я к вам присоединяюсь целиком, потому что выхода другого нет». (С м е х.) Раз Калинин и Молотов – что же, и мне придется идти за совхозы? Почему? У меня одна идея, весь вопрос в производстве сельского хозяйства. Крупное кулацкое хозяйство рушится, а замена не идет, упряжь не подхватывается; распылять мы молодцы все, а производители очень слабые. Поэтому я стою за **максимальную** ассигновку на коллективные хозяйства и на совхозы. Исходя из этого, вам понятно, почему я стою за совхозы и колхозы. Я же понимаю, что индивидуальное хозяйство, даже при его

идеальной постановке в наших условиях, оно нас **не удовлетворит**; оно, может быть, удовлетворит нас в течение ближайших 5–6 лет, но **потом** оно нас **не удовлетворит**, потому что наши потребности **гигантски** растут. Мы должны готовиться, и совхозы – это есть будущая база. Все это вместе взятое и сделало меня **ярым** сторонником организации совхозов и колхозов и вместе с тем заставило меня очень бережно относиться к каждой серьезной производственной ячейке. Мне бы хотелось, чтобы и вы проникнулись этим сознанием. Если вы этим сознанием и пониманием проникнетесь, не беспокойтесь, кулачеством не заразитесь. Это будет только означать, что вы заразились производственной эффективностью. Но если вы тут немножко переборщите – в наших условиях может быть вред. Надо быть наивным человеком, чтобы думать, что окружающая обстановка сама собою обеспечит успешную реализацию всех устремлений. Бросьте говорить об этом! Наоборот, если человек не стремится к производственному эффекту, то дело совсем плохо; и если председатель губисполкома и секретарь губкома не стоят во главе движения за увеличение производства, то дело совсем плохо.

Но почему новые совхозы? Вот мы – новая организация, в то время как у нас есть организация старых совхозов. Не проще ли было бы всю сумму денег бросить на старую организацию и развить ее? Вот защитников этой линии очень много. Я думаю, что это неправильная постановка, товарищи. Надо прямо сказать, что сама организация старых совхозов – я бы назвал ее деревенской промышленной организацией или сельскохозяйственной промышленной организацией – мало действенная: в ней методы управления директивные, она связана с деревенской общественностью, в ней много политических сентиментальностей, она связана с НКЗемом, и совершенно естественно, что, поскольку она связана и идет по НКЗемовской линии, перед ней ставят целый ряд педагогических, побочных задач. Затем старые совхозы – бывшие помещичьи хозяйства; они создавались не там, где это выгодно, а чисто случайно. Я считаю, что сама принципиальная установка наших совхозов иная, иная организация наших совхозов. Это, картинно выражаясь, можно формулировать таким образом... Тов. Эйхе, вы не бегите; он боится, мы ведь его в председатели совхозов метим, вот он и убегает. Я себе представляю картину таким образом, что сейчас город во всеоружии индустриальной техники и науки идет на землю, идет **город** – поняли? Городская техника – никакой сентиментальности деревенской. Техника, Косиор, идет!

Косиор С. Который?

Калинин. Да не ты, Косиор. Если ты пойдешь, не будет никакого толку, он же не производственник ведь. Именно идет индустриализация. Она идет с машиной, с техникой, подходит к земле, без всякого такого мужицкого...

Г о л о с. Романтизма.

Калинин. Романтизма земельного, а подходит с техникой и кроме техники, кроме машинной переработки ничего не знает. Вот в чем штука и вот в чем ценность новой установки! Сумеем ли мы так поставить – это вопрос другой, **но надо ставить**.

Поэтому, когда встал вопрос о том, куда передавать совхозы, я со скрежетом зубным согласился на передачу мандата НКЗему. По существу, моя симпатия лежит в том направлении, чтобы передать их в ВСНХ или в НКТорг – кому угодно, только не НКЗему (с м е х). Почему это? Не потому, что уважения НКЗему нет...

Г о л о с. Почему бы не НКПочтелю передать, парень хороший?

Калинин. Можно и НКПочтелю. Вы понимаете мою мысль: потому что методы управления, подход к управлению иной и **должен быть** иной. Если бы НКЗем смог в этом вопросе подойти по-ВСНХовски, тогда у него были бы перегибы в другую сторону. Мы же понимаем это. Поэтому я и говорю, что мы здесь идем во всеоружии техники, всякие сантименты долой, и поэтому вопрос о централизации тут стоит во весь

свой рост. Когда встал вопрос о том, нужна ли тут централизация или децентрализация, тов. Андреев говорил:

«Только вы, пожалуйста, не зацентрализуйте». Я второй раз повторяю: нужна централизованность в общесоюзном масштабе. Когда я столкнулся с постройкой сахарного завода в Америке (здесь, помните, тов. Чубарь боролся: вот, дескать, вы все централизуете), то я должен сказать, что лучшие предприятия там так централизованы, что черт знает.

Г о л о с. Они по-иному централизуют, умеют централизовать.

Калинин. Так вот умейте – вот в чем суть!

Теперь вопрос у меня как у организатора: я ощущаю, чувствую, что я еще не соприкасаюсь с самой работой на месте, я далек от нее. Я председатель комиссии Политбюро, но все-таки хотелось бы, когда ты централизованную организацию строишь, чтобы ты ощущал непосредственно, что делается на местах: представлял бы себе каждый винтик в движении, в том месте, где он находится. Это в данное время очень трудная работа.

Г о л о с. И невозможная.

Калинин. Директивы мы бы давали, но директивы – пустой звук. А когда я видел бы, что этот винтик завертелся, как эта работа идет, – это было бы другое дело. Если мы сумеем сделать так, что в центре будет ощущаться каждое движение винта на месте, – это будет централизованный аппарат, и без централизованного аппарата тут не выйти. Интересно, как относился тов. Ленин к организации совхозов. Очень любопытно. Вот набросок тезисов по аграрному вопросу: «В России, в силу ее экономической отсталости, преобладал раздел помещичьих земель в пользование крестьянства, и лишь сравнительно редким исключением было сохранение так называемых «советских хозяйств». Да, вот тут прочту с чувством, с расстановкой: «Советские хозяйства, которые ведет за свой счет пролетарское государство, превращая бывших наемных рабочих (т. е. пролетариев) в работающих по поручению государства»[228].

Вот, товарищи, помните, оппозиция говорила: социалистическая промышленность или нет? Эксплуатируется пролетариат или нет? Совхозы при Ленине вы же знаете, какие были, и он говорит: не наемный рабочий создает продукцию в государственной промышленности и совхозах, а рабочие, «работающие по поручению государства». И вот я в начале доклада заикнулся, что о пролетариях у нас не может быть речи: не пролетарии, а уполномоченные, работающие по поручению государства. Поэтому, разумеется, и требовать от них можно больше. Вы видите, что неправы те, которые говорят, что Ильич был невнимателен к совхозам. Он великолепно понимал необходимость совхозов.

Чтобы покончить с этим, я остановлюсь на неправильном толковании Ленина тов. Фрумкиным. Он говорит, что Ленин в своих замечаниях на книгу Варги[229] написал в том месте, где говорится у Варги, что в России центр тяжести в вопросе о снабжении города продуктами продовольствия, после тяжелых опытов с крестьянами в первые годы существования диктатуры, был перенесен на совхозы, что Ленин написал – вздор. Фрумкин цитату правильно привел, но истолковал ее так, будто Ленин считал совхозы вообще вздором. У Ленина же говорится, что вздор, будто мы перенесли центр тяжести в вопросе о снабжении государства продовольствием на совхозы, но Ленин отнюдь не говорил, что строительство совхозов – вздор.

Сталин. Ленин говорил: «через два года после упрочения советской власти».

Смирнов. Конечно, смешно было бы тогда переносить центр тяжести по снабжению государства на совхозы. Если бы и сейчас, предположим, вынесли бы решение перенести центр тяжести по снабжению государства на совхозы, мы бы и теперь сказали, что это вздор.

Сталин. И правильно бы сделали.

Калинин. Нельзя сейчас такое решение выносить. Совхозы очень долгое время будут только вспомогательным хозяйством, и еще долгое время главная и основная тяжесть в отношении снабжения государства будет лежать на индивидуальном хозяйстве.

Сталин. Правильно.

Калинин. Вот теперь-то я приведу цитату, ту, которую приводил вчера Сталин; только я ее с большим чувством прочту, чем читал тов. Сталин. У меня была эта цитата, но он предупредил меня и не с таким чувством читал, а я с чувством прочту.

Тут мы, в этой цитате, также объяснимся в любви с тов. Смирновым. Ленин говорит: «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков – есть дело, требующее поколений». Запомните. Ну, конечно, многие могут злоупотреблять, сказать, что сотни лет.

Смирнов. По-видимому, он не знал большевистской прыти, а мы можем и в 4 года.

Калинин. Вот что значит читать с чувством! «Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе». Вот в чем дело. «Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить его психологию», т. е. сделать его коллективистом, «можно только материальной базой». **Только материальной базой**! Поэтому нашим резолюциям и агитации решительно помогает техника, применение машин в земледелии в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделает мелкого земледельца. После этой цитаты и до этой цитаты тов. Сталин нарисовал картину мелкого хозяйства. Я целиком согласен с ним и присоединяюсь ко всему полностью.

Г о л о с. Ко всем точкам и запятым.

Калинин. Но он поставил очень хитро вопрос. Он говорит (напомню его слова): мелкое хозяйство еще долго будет базой нашего производства. Это правильно. Я должен прямо сказать, что оно будет очень долго не только базой, но затем очень долго будет выполнять целый ряд **вспомогательных** функций. Если государство через десять лет, я пример возьму, будет 50% зерна для нас добывать, то я это допускаю. Но чтобы государство яйца, фрукты и другие продукты через десять лет добывало, это почти невозможно, потому что слишком много индивидуального труда надо. Поэтому тот, кто разделывается с индивидуальным трудом походя, тот неправ.

Осинский. Америка доказывает, что это совершенно неверно. Яйца и фрукты производят крупные хозяйства.

Сталин. Ишь куда махнул – в Америку! (С м е х.)

Калинин. Я говорю, что индивидуальное хозяйство еще очень долго будет существовать, и кто против него размахивается, тот, по-моему, слишком неправильно действует. Но тов. Сталин дал анализ, к которому я ни капельки не могу прибавить, нечего прибавить: **этот анализ целиком с моим нутром совпадает**. Он говорит: у нас есть средства, чтобы помогать крестьянину. Я считаю, что средства есть, безусловно есть; но вот почему он не сказал, какие это средства?

Г о л о с. Всякие.

Калинин. Когда говорят «всякие», это значит почти никаких. Тов. Сталин в докладе в Институте красной профессуры перечислил все технические средства. Я считаю, товарищи, что индивидуальный хозяин нам нужен, мы его должны подымать. Но скажите мне, что основа основ развития или прогрессивности индивидуального сельского хозяйства, основа основ всего? Без чего хозяйство двигаться вперед абсолютно не может, как бы мы его ни осыпали золотом, как бы мы ни помогали ему?

Г о л о с. Рентабельность.

Калинин. Да не только рентабельность. Когда Сталин говорит, что Чернов – советский человек, то надо дополнить: все-таки он же сам хозяин, он знает, где главное и больное место индивидуального хозяйства, он говорит: дайте права. Слушайте, как ни говорите, но индивидуальное хозяйство может работать хорошо только тогда, когда у него есть минимум правового обеспечения. Как же иначе? Как ты будешь хозяйство развивать, если у тебя будут две или три коровы и на тебя налог наложат, который 35% твоей доходности берет, а вся доходность 600 рублей? – да еще в кулаки зачислят? Такой индивидуальный хозяин не знает даже, когда его зачислят в кулаки. В одном месте богатого не зачисляют, в другом месте зачисляют бедняка: это зависит от благорасположения Чубаря, Носова, Кагановича. Товарищи, вопрос же серьезный. Если вы не шутите, а серьезно подходите, то надо наладить индивидуальное хозяйство, дайте рамку, четко очертите ее. Я не говорю, что кулак с 10-ю коровами кулаком не будет считаться, но дайте крестьянину рамку, чтобы он знал, до каких пределов расширять хозяйство, дайте законность, законом ограничьте эксплуататорские замашки кулака, – нельзя без этого. Товарищи, ведь индивидуальное хозяйство основано на индивидуальной инициативе. Можем ли мы индивидуальному хозяйству помочь? Я прямо скажу, что материально помочь мы можем в очень слабой степени.

Ну, на самом деле, если бы мне сейчас предложили: вот у нас есть 100 миллионов рублей, что нам выгоднее, индивидуальным хозяйствам их дать или совхозам? Я знаю, что тов. Смирнов скажет: индивидуальное хозяйство даст больший эффект. Если предположить: вот у нас есть 100 миллионов рублей, спрашивается, дать их индивидуальным хозяйствам или совхозам, то я бы сказал: нет уж, извините, надо дать совхозам, потому что 100 миллионов рублей в крестьянских хозяйствах распылятся незаметно, эффект могут дать, но могут и не дать. Вообще, это темный эффект, очень темный. Мы не можем распылять свои средства так бесшабашно, мы не можем целиком и полностью полагаться только на индивидуальное хозяйство. Мы базу должны иметь, мы должны готовить гарантии. Трактора кому нам сейчас передавать, совхозам или индивидуальным хозяйствам? Конечно, я противник того, чтобы отнимать трактора у крестьян, которым их уже дали, но я против того, чтобы в данный момент, когда надо налаживать колхозы и совхозы, индивидуальным хозяйствам давать трактора. Это невыгодно, трактор будет меньше утилизирован. Кого мы будем в первую очередь снабжать орудиями? Конечно, колхозы и совхозы, и мы не можем иначе поступить!

Г о л о с. Правильно.

Калинин. Поэтому индивидуальное хозяйство у нас не может полностью получить материальную базу. Я понимаю, что мы увеличиваем с каждым годом нашу помощь, но думать о том, что мы можем удовлетворить индивидуальное хозяйство, нельзя. А поэтому, что мы должны давать? Мы должны давать то, что мы можем дать. Права мы можем дать? Можем! Мы же давали права раньше? Я не думаю, чтобы даже тов. Каганович, с которым мы вместе сидели на совещании по советскому строительству, стал бы возражать, что необходимо, чтобы была некоторая обеспеченность, чтобы крестьянин был уверен, что его не будут лишать прав, когда он разовьет свое хозяйство трудовыми методами, не становясь при этом кулаком. А что у нас произошло? У нас развился целый ряд хороших хозяйств, ведь у нас целый ряд хозяев получили премии, они получали премии на выставках года четыре тому назад. А что теперь? Теперь они все в кулаках находятся. На этой базе, хотите ли вы или не хотите, вы хозяйства не разовьете. Поэтому я и считаю, что такое узаконение, успокоение середняку, именно ему, надо дать. Конечно, я думаю, что наш сельхозналог невелик. Я прямо должен сказать, что наш сельхозналог невелик, но все-таки, когда он берет 35% из так называемого условного дохода, ведь человек не может так жить.

Г о л о с. Но ведь это с условного дохода.

Калинин. Мы сами понимаем, что такое условный доход: это условный доход, а не денежный. Какой это доход? Если я накосил сена 400 пудов и кормлю им корову, то считается доход с сена, а кроме того, и корова дает доход 20 руб. Налог взимается с десятины сенокоса, и корова облагается особо, как объект дохода. Но ведь я это сено употребил на корм корове. Поэтому, когда Чубарь говорит об условном доходе, то это есть доход, который ничего общего с настоящим доходом не имеет.

Косиор Ст. Так-таки ничего общего не имеет?

Калинин. Поэтому я считаю, что ввести в законные рамки хозяйства необходимо.

Сталин. Установить революционную законность.

Рыков. И кулацкие хозяйства незаконными не являются.

Калинин. Тов. Рыков, мы ведь это понимаем. Вот, по существу говоря, то, что можно сказать об индивидуальном хозяйстве.

Я считаю, если мы хотим действительно хозяйство наладить, мы должны обратить внимание на практику мест; я по совести вам скажу, что, в конце концов, не вяжется с нашими директивами работа на местах. Мы же понимаем, что наши директивы правильны, но делается это на практике иногда не так, как того требуют директивы. По существу, падение сельского хозяйства есть результат практики на местах. Вот наша практика. Я приведу пример только по одному вопросу.

Мы выслали около 15 тысяч помещиков в последние два года. Крестьяне видели, что мы помещиков высылаем, и, конечно, землю расхватали, значительная часть по родственным связям пошла. Это же факт. Наш аппарат на этой почве не растет, а разлагается. Я понимаю, когда Молотов говорит о борьбе с кулачеством, у Молотова есть очень глубокая и правильная мысль, он хочет на этом вопросе выявить, обострить классовую линию у местных работников, чтобы они не завязли в мелкобуржуазной тине. Это правильная сама по себе постановка вопроса, что, когда люди завязнут в тине, у них классовая линия выпадает из поля зрения, революционная линия вылетает у них из мозгов. Но когда борьба с кулачеством носит беспредметный характер – это разница громадная. Разница между нами и оппозицией была в чем? Мы как будто говорим одни и те же слова, но разница в том, что оппозиция сбивается на беспредметную борьбу с кулаком: кулак, кулака, вопрос о борьбе с кулаком – это все и вся в то время, когда у нас вопрос о борьбе с кулаком – это целеустремленная линия, рассчитанная на определенный политический и экономический результат.

Ворошилов. А принципиально разве мы не боремся?

Г о л о с. У оппозиции это словесность.

Калинин. Если тактические условия потребуют разрушения кулака, мы это проведем. Тов. Сталин был совершенно прав, когда приводил слова Ленина, что мы, может быть, комбедовским способом обрушимся на кулака, когда этого потребуют обстоятельства. Если тактическая необходимость потребует разрушить кулака, мы его разрушим. Все зависит от тактической полосы в данный момент. А когда человек ставит себе основной целью беспредметную борьбу с кулаком, упуская из виду всю совокупность условий и то, что мы государство, – это значит сбиваться с правильной политической линии. Вот недавно был декрет, подписанный, кажется, Рудзутаком, о том, чтобы всеми силами способствовать постройке частных домов. Вот я сделал выписку за последний год, сколько поступило заявлений: в гор. Казани поступило предложение муниципализировать 1056 строений – это после того, как там проводилась национализация и т. д., в Иваново-Вознесенске 166 строений было предложено национализировать. Костромским ГИКом – 28, в Рязани – 21, в Казани – 19, Моссоветом – 18, Вологодским – 13, Северным Кавказом – 1056, Сталинградским ГИКом – 370, Смолен-

ским – 120, Саратовским – 180. Посмотрите, одна линия – способствовать развитию постройки частных домов, а другая – их национализировать. Как же вы думаете, ваш декрет после такой практики поможет?

Г о л о с. Это злоупотребления были там.

Калинин. Не только злоупотребления. Я говорю, товарищи, местная власть сама себя не уважает.

Иногда бывает такая вещь: предположим, какой-нибудь замухрышка имеет домишко, который стоит полторы тысячи рублей. Сплошь и рядом домишко стоит полторы тысячи рублей, а владеет им какая-нибудь вдова, которой 75 лет. И с этой старухой 10 инстанций спорят, и когда приходят ко мне местные власти, я говорю: разве вы власти, как вас будут уважать? Вы представители коммунистической власти, которая занимает 1/6 часть света, и вы смеете от имени этой власти со старухой спорить. Вы не понимаете, кого вы в своем лице представляете. Ведь нет большей дискредитации власти, как именно такая, да еще сопровождаемая какими-нибудь этакими экивоками и юридическими каверзами. Разве может так власть делать? Я говорю, что практику нужно решительно изменить

Косиор. Какое это отношение имеет к совхозам?

Калинин. Я очень далеко ушел, я сказал, что диверсию сделаю, я диверсию сделал.

Смирнов. Если по такому пути совхозы пойдут, то дело будет плохо с ними.

Калинин. Я же политический представитель совхозов, так что могу говорить, а настоящие строители там.

Смирнов. А вдруг все политикой займутся по твоему примеру?

Калинин. Теперь перейду к совхозам. Значит, принципы построения совхозов: во-первых, мы стремимся к тому, чтобы выдел земли был на земле, не освоенной крестьянами и трудно осваяемой. Причины очень ясны: если мы будем совхозы строить там, где близко крестьяне, которые легко осваивают землю, то мы сразу станем в оппозицию к крестьянам. Наши потребности в культивировании новых участков земли очень растут. Поэтому, если мы сейчас будем нести жертвы, то эти жертвы окупятся в будущем, так как мы увеличим, несомненно, количество культивируемой земли. Затем совхозы в будущем должны стать индустриальными центрами.

Несомненно, около совхозов, при помощи совхозов, вероятно, будут новые переселенческие поселки, и совхозы будут теми индустриальными центрами, где в будущем будет развиваться как кооперативная, так и государственная обрабатывающая сельскохозяйственная промышленность. В настоящий момент мы совхозы называем зерновой фабрикой. Почему это так делается? Конечно, может быть, более рентабельны были бы совхозы смешанные, но в том-то и дело, что главный недостаток, который у нас ощущается, это недостаток зерна; поэтому и главное, ударное внимание именно направлено на создание зерновых фабрик. Тут решение, опровергающее или разрушающее все иные толкования, что можно поставить совхозы не зерновые: именно тут ударность на зерновые совхозы. Там будет часть животноводческая, но она будет играть подчиненную роль. Общая сумма затрат, как я уже сказал, будет около 350 миллионов рублей. В настоящем году мы думаем израсходовать 17 миллионов рублей. Сейчас идет подготовка к посылке как агрономов, так и отдельных организаторов за границу: в Германию и Америку, в крупные сельскохозяйственные экономии.

Косиор. А в будущем сколько будет стоить?

Калинин. В будущем около 40 млн. рублей.

Перед нами стоит вопрос об удешевлении продуктов. Это один из самых больных вопросов. Я думаю, что в первые годы они будут дороги: вероятно, пшеница будет обходиться рубля по два за пуд. Но, товарищи, ведь цена на хлеб растет. Как ни говори-

те, в нынешнем году цена на хлеб будет повышена. Затем, по предположению всех специалистов, через пять лет, как они думают, стоимость зерна будет от 90 коп. до 1 рубля, точнее, от 88 коп. до 1 рубля.

Г о л о с. На месте?

Калинин. Да, стоимость пудо-пшеницы от 88 коп. до 1 рубля на месте.

Программа работ предстоящего года, 1928 года, установила 4 района. Северный Кавказ выделяет около 200 000 гектаров в двух округах; затем Самарская губерния в Бугурусланском, Пугачевском и Бузулукском уездах выделяет 4 участка с площадью в 97 тыс. гектаров. Саратовская губерния выделяет на двух участках 64 тыс. гектаров. И, наконец, в Казахстане сначала думали начать дело только в одном месте, но теперь думают начать в трех губерниях. Всего думают за этот год вспахать 125 тыс. гектаров. На местах пашня уже кое-где началась. Впереди в этом отношении идет Северный Кавказ. Они там старый совхоз превратили в новый. Но ведь это только одно название, старый совхоз, потому что старый совхоз пахал 5 тысяч, они к нему прирезали 40 тысяч, так что только ячейка осталась, а по существу это есть новый совхоз. Мы получили 570 тракторов. Тракторы мы направляем на места. Получили $2^1/_2$ миллиона средств. Часть средств уже разассигнована.

Вот в грубых чертах то, что было сделано в отношении строительства новых совхозов.

Конечно, я ни в какой степени не хочу, как тов. Сталин говорил, противопоставлять совхозы индивидуальным хозяйствам. Я считаю, что не пришло время для отживания индивидуальных хозяйств, потому что у нас еще такой огромный недостаток зерна и сельскохозяйственных продуктов, что с какой бы энергией мы ни строили новых совхозов и колхозов и ни развивали индивидуальных хозяйств, все-таки у нас будет недостаток сельскохозяйственных продуктов. Поэтому я считаю, что вопросу совхозного строительства надо уделить максимальное внимание. Надо бросить туда наилучших людей. И вот меня удивляет, когда здесь предложили тов. Эйхе стать во главе совхозов, он решительно запротестовал: ни в коем случае, мол, не пойду. Мне кажется, что товарищи просто не учитывают огромной принципиальной важности постройки совхозов. Товарищи, если только удастся опыт с совхозами, – а он не может не удаться – то мы решим коренной вопрос социалистического строительства. Вопрос состоит в том, сколько средств мы вбухаем по неразумению. Для того, чтобы этого не допустить, нам нужно быть осторожными. Но в конечном счете дело совхозного строительства не может не удаться. Если только вопрос будет решен в положительную сторону. Что это означает, товарищи? Это означает решить вопрос социализма в деревне. Этот вопрос гораздо больше, чем только постройка совхозов. Этим мы практически построим социализм в деревне. Этим мы внедрим индустриализацию, технику, и к этому нужно принципиально подходить, и я буквально не понимаю, почему в такой момент коммунист отказывается от этой работы. Обыкновенно мы должны стремиться туда, где наиболее острое положение, на тот участок работы, который в данный момент наиболее нужен и ценен, и меня удивляет, как это Эйхе не хочет идти туда. Мы считаем, что надо переломить это настроение и Эйхе пойти на эту работу.

Ярославский. И его переломить надо.

Калинин. Я человек очень мягкий, не могу ломать, лучше действовать методами убеждения, общественным мнением. (С м е х.) Мне хочется, чтобы не было вотума ЦК, чтобы не было обязательства, но чтобы мнение ЦК было такое сильное, что против него Эйхе не решился бы пойти и сказал бы: ну, если весь ЦК стоит на такой точке зрения, то придется идти на эту работу. Поэтому, мне кажется, товарищи, что на эту работу должны быть поставлены самые ответственные товарищи, и, мне кажется, тов.

Рыков не должен тормозить в смысле расходования средств. Я не хочу сказать, что он сейчас тормозит, но вы знаете, что он сидит на деньгах...

Рыков. Я считать люблю.

Калинин. Да, считать очень нужно, и все-таки нужно это дело максимально развивать.

Я не знаю, будет ли выступать вот этот товарищ военный (указывает на тов. Ворошилова)...

Ворошилов. Подумаю.

Калинин. Но если у нас будет война, то запасы в 100 миллионов пудов хлеба, когда они будут лежать в наших закромах, что это означает? Я считаю, что это лучшие запасы, лучшие материальные запасы, и поэтому я призываю товарищей на эту работу. На эту работу нужно выдвигать лучших работников, потому что этот вопрос глубоко принципиальный, ведь решается вопрос построения социализма в деревне, и если мы этот вопрос решим, социализм будет построен и мы тогда можем снять с себя зависимость от индивидуального хозяйства. Наконец, это даст нам еще одно преимущество. Даст, как совершенно правильно тов. Сталин в частном разговоре сказал, что, если мы разовьем совхозы, мы можем либеральнее относиться к индивидуальному хозяйству. (Смех.) Тогда у нас не будет нужды быть жестокими (нас нужда заставила быть жестокими), у нас союз между рабочим классом и крестьянством будет крепче, потому что мы не будем в зависимости от мелкого индивидуального хозяйства. И поэтому я говорю, что решение Политбюро, единогласное решение, не является случайностью: оно вытекло из глубоких социальных, политических и экономических потребностей нашего государства в этих совхозах, и мне хотелось бы, чтобы этой мыслью проникся каждый член ЦК и особенно тов. Эйхе, относительно которого хочется, чтобы он был председателем.

На этом я кончаю.

Председатель. Объявляется перерыв.

(После перерыва.)

Председатель (Рыков). К порядку имеет слово тов. Косиор.

Косиор. Я предлагаю изменить регламент и вместо 15-ти минут давать каждому оратору по 10 минут.

Голоса. Правильно!

Председатель. По поводу предложения т. Косиора желает кто-нибудь слово?

Осинский. Товарищи, вопрос весьма сложный, и я утверждаю, что в 10 минут справиться невозможно. Если только заниматься скачками с препятствиями, то тогда можно в 10 минут что-нибудь сделать. Ежели нет терпения, можно прекратить прения. Если же прениями заниматься, то в 10 минут невозможно уложиться, потому что это не только общеполитический вопрос, а конкретный хозяйственный вопрос, в котором масса технических сторон. Поэтому нужно оставить прежний регламент.

Микоян. Я предлагаю Осинскому в виде исключения дать больше, ввиду того, что он хотел использовать американский опыт.

Председатель. Вопрос поставлен о регламенте, а не об исключениях из регламента.

Голосуется предложение тов. Косиора о сокращении времени ораторам до 10 минут.

Кто за это предложение? Кто против? Мало. Принято.

Слово имеет т. Анцелович, следующий тов. Ярославский.

Анцелович. Я считаю, что постановление Политбюро об организации новых сов-

хозов и постановка этого вопроса на данном пленуме ЦК является делом большого исторического значения. Но мне кажется, что в самом начале столь большого дела – а ведь это значит, что мы приступаем к настоящему капитальному строительству в сельском хозяйстве, – нужны не только бодрящие мысли, но нужно своевременно обратить внимание и на те опасности, которые это исключительное дело могут испортить. Само собой разумеется, что без напряжения воли всей партии, без энтузиазма со стороны организаторов такого большого дела не сделаешь. Но от организаторов и партии требуется не только энтузиазм в этом деле, но и учет всех трудностей. Я считаю, что в этом деле мы встретим куда больше трудностей, чем мы их имели и имеем при постройке Волховстроя, Днепростроя и т. д. В промышленном строительстве у нас значительно больше опыта, нежели в сельском хозяйстве, а однако были крупнейшие ошибки. В сельскохозяйственном капитальном строительстве мы имеем очень мало как собственного опыта, так и опыта других стран.

Первое, на что я хочу обратить внимание пленума, это на то, что не следует задачу капитального строительства в сельском хозяйстве, т. е. вопрос о постройке новых совхозов, превращать в какую-то проблему проблем. Не следует ставить перед собой задачу одновременно решить и проблему крупных совхозов, и проблему засухи. Еще менее допустимо думать, что можно построить новый крупнейший совхоз без своевременного получения тракторов и других с/х машин, приспособленных к уровню и типу данного хозяйства.

Мы ставим перед собой очень сложную, ответственную задачу. А поэтому недопустимо будет легкое отношение к вопросу о финансировании этого строительства. Не нужно забывать, что сельское хозяйство особенно не терпит перебоев. Всякие перебои, допущенные, например, в связи с несвоевременным финансированием, могут самым отрицательным образом сказаться на совхозном строительстве, на его рентабельности.

Нельзя также решать эту задачу при отсутствии четкого понимания того, чего мы хотим. Как, например, понимать постановление Политбюро? Понимать ли его так, что однажды нужно получить 100 млн. пуд. товарного хлеба, или нужно так организовать все хозяйство, чтобы ежегодно получать не менее 100 млн. пуд. товарного хлеба в новых совхозах?

Косиор. Конечно, ежегодно.

Анцелович. Но на меня производит впечатление, что взятое на практике направление работы в области совхозного строительства может привести к тому, чтобы однажды получить 100 млн. пуд. товарного хлеба, но не может таким образом обеспечить регулярное ежегодное получение товарного хлеба в таких размерах. Получить однажды 100 млн. пудов товарного хлеба не так уж трудно на миллионах десятин. А куда труднее поставить как следует сельское хозяйство с тем, чтобы на площадях новых совхозов ежегодно получать 100 и больше миллионов пудов товарного хлеба.

Если именно так ставить вопрос, то нужно к совхозному строительству подойти с большей серьезностью, нежели это делают некоторые товарищи.

Перед пленумом ЦК я считаю нужным выразить опасение по ряду вопросов. В частности, по вопросу об агрономических основах всего дела. Мне кажется, что в практических проектах имеются элементы некоторой агроэкономической безграмотности. Я не считаю особенно полезным совещание с учеными и специалистами, когда их собирают лишь на вечер и они вместе с нами начинают декламировать о совхозах. Кроме того, на эти совещания не были приглашены такие авторитеты, как Вильямс и др. Мне как председателю ЦК Союза сельхозлесрабочих приходится с сельскохозяйственными специалистами встречаться на ряде деловых совещаний. В частности, мною

были опрошены некоторые специалисты по вопросу об экстенсивном и интенсивном направлении новых совхозов. Все это побуждает меня сказать пленуму ЦК следующее. Нельзя так самоуверенно, а в то же самое время не совсем грамотно, как мне кажется, ставить вопрос о направлении этих хозяйств в течение 10 лет, как это ставит, например, тов. Анисимов из земплана НКЗ РСФСР. Тов. Анисимов, например, пишет в одном из журналов: «Это позволит в течение 5–10 лет вести использование плодородия почв путем посева главным образом ценных зерновых культур, без организации травопольных или плодосменных севооборотов».

Я, понятно, буду очень рад, если мое утверждение окажется малограмотным, так как это крайне облегчило бы строительство совхозов на ближайшие годы. Но мне кажется, что те товарищи, которые берут ставку на чистую экстенсивность в течение очень многих лет, ошибаются. Либо в основу будет положена такая система, при которой сегодня вспахали, посеяли, а завтра – бросили; опять вспахали и посеяли, перешли на другую территорию, на что в наших условиях земли не хватит, – или новым хозяйствам в течение ближайших лет будет придан зерновой характер, но с наличием травополья и животноводства. Нужно иметь в виду, что нельзя в течение 10 лет, как, например, об этом пишет тов. Анисимов, сеять в засушливых районах из года в год пшеницу и надеяться на средний урожай в 50 и более пудов с десятины. Нельзя не бояться, что при таком хозяйствовании мы не придем к урожаю в нуль. Ответственнейший работник земплана НКЗ утверждает, что применение такой системы даже в течение 10 лет будет рентабельно для совхозского* строительства. Мне же кажется, что если мы возьмем ставку на чистую экстенсивность даже в течение 10 лет, то не получим в будущем таких результатов, которые окупили бы расходы. Вопрос ставится прямо. Я против того, чтобы создавать нерентабельные совхозы. Мое отношение к совхозам в течение 5 лет работы в союзе сельхозлесрабочих таково, что его можно сформулировать следующим образом: я всем надоел с совхозами. Однако я считаю, что явно нерентабельные совхозы создавать не следует. Никакому совхозу этой нерентабельности не простят. А то, что делается, например, на Северном Кавказе, может к этой нерентабельности привести. На Северном Кавказе земли новых совхозов пашутся на крестьянской лошадке, с применением крестьянского труда. Словом, как у помещиков. Кого вы этим обманываете?

Калинин. Это неплохо.

Анцелович. А я думаю, что это плохо. Думаю, что всякое крупное хозяйство, если оно не будет машинизировано в наших условиях, когда рабочий или крестьянский труд обходится очень дорого, будет нерентабельным. Сама площадь не имеет преимуществ. Крупная площадь имеет преимущества перед мелкой в сочетании с лучшими орудиями производства, с применением новейших научных достижений техники и агрономии. Поэтому нельзя представлять себе так: берем крупную площадь, запахиваем ее крестьянскими клячами или волами и в результате – крупное социалистическое хозяйство. Я считаю, что даже опыт старых совхозов, где такие методы в большинстве хозяйств уже изжиты, не является образцовым. В новых хозяйствах нужно максимальное применение машинного труда. Машинное крупное хозяйство, сельскохозяйственная фабрика – вот это предприятие может быть рентабельным. Но и этого недостаточно. Нужно обязательно, хотя бы со 2 года, готовиться к тому, чтобы в ряде районов (я не говорю обо всех) полеводство было дополнено или овцеводством, или хозяйство зернового типа с каждым годом принимало все более травопольный и животноводческий уклон. Без этого новые совхозы будут убыточны. Вот почему нужно в самом на-

* Так в тексте (ред.).

чале, с максимальным спокойствием, с учетом всех имеющихся научных достижений, подойти к делу капитального строительства социалистического земледелия. Хорошо, что мы уже в этом году начали запашку земли новых совхозов. Но если мы и в дальнейшем будем проводить так эту запашку, как это намечается, например, в некоторых Поволжских районах, то перспективы для этих хозяйств будут не особенно блестящие. Вот вчера ЦК союза получил телеграмму из Поволжья: «Просим хотя бы 1000 волов». Начинаем с разговоров о машинном хозяйстве, о тракторах, а кончаем волами, ослами (с м е х).

Г о л о с. А как же вы без вола хотите строить хозяйство?

Рыков. В ослы кого метишь?

Анцелович. Этих ослов и козлов отпущения будет, когда нужно, достаточно много. По-моему, практически неправильна эта постановка вопроса организации новых совхозов. Новые совхозы должны быть обязательно с самого начала машинизированными хозяйствами. При этом необходимы не только трактора, но и другие сложные машины. Для совхозского строительства это имеет первостепенное значение. Не нужно забывать, что на землях советского хозяйства нельзя допускать в какой бы то ни было форме или степени помещичьей эксплуатации рабочих. Наемный труд в этих хозяйствах не может быть поставлен вне Кодекса и вне защиты союза. Сами рабочие, откуда бы они ни были взяты, не пойдут без КЗОТа работать. Ничего не поделаешь. Организаторы совхозов должны все это учитывать. Но чтобы возместить все эти издержки, которые связаны с существованием советской власти и тем фактом, что была Октябрьская революция, нужно суметь сочетать производительность труда квалифицированного, сознательно относящегося к своим обязанностям с/х рабочего с широким применением в хозяйстве машин: тракторов, сложных сенокосилок и т. п. В этом случае только и будет обеспечено выявление на практике преимуществ крупного хозяйства над мелким.

У нас же во всем крайности. Уж если экстенсивно вести хозяйство, то так, как ни в одной стране не делается; если интенсивно, то так же, как в других странах не делается. Я думаю, что чувство меры должно быть свойственно организаторам и в советских условиях.

Косиор. Ты так говоришь, как будто на шахтинском процессе.

Анцелович. Да, я считаю, что нигде так много элементов будущего шахтинского процесса не заложено, как в этом строительстве, если с самого начала мы не подойдем к нему со всей бдительностью и серьезностью.

Осинский. Правильно.

Анцелович. Да, если, повторяю, мы не подойдем к этому делу со всей серьезностью. Шахтинские элементы, например, могут быть даже в вопросе о земле. Нам могут подсунуть самые плохие земли, оставив в фонде лучшие.

Г о л о с. Кто?

Анцелович. Кто? Например, земельные органы.

Г о л о с. Члены Всеработземлеса[230].

Анцелович. Если хотите, и члены Всеработземлеса. Мы же видели в Смоленской губернии таких землеустроителей, из которых значительная часть проводила искусственно хуторизацию, а часть из них при этом понастроила и себе кулацкие хутора. Что же вы думаете, что я идеализирую специалистов? Нужно учесть все обстоятельства. Нам могут нарочно подсунуть самые худшие земли. Эта опасность есть. Поэтому необходимо самое тщательное отношение к вопросу о земле, самое внимательное отношение к вопросу о районах строительства новых совхозов. Нужно будет и самим не лениться – поехать, проверить работу местных комиссий. Земля – это важнейший фак-

тор, крупнейший капитал в новом совхозском строительстве. Кроме того, нам могут подбросить самые дрянные, нерентабельные машины.

Г о л о с. Кто?

Анцелович. И наши отечественные заводы, к сожалению, непрочь сбыть малорентабельные машины, и извне, заграничные фирмы непрочь использовать слабую компетентность наших торговых и хозяйственных организаций. Эти тенденции уже заметны и в настоящий момент. Вместо того, чтобы в совхозах создавать возможную однотипность машин, уже начинают совхозы превращать в какой-то Мюр и Мерилиз[231]: приобретают трактор «ВД», трактор «Коммунар», трактор «Интернационал», трактор «Фордзон» и т. д. Получается, что к каждому типу трактора нужно по специалисту. Получается какой-то конгломерат орудий производства, а не правильное снабжение новых совхозов необходимыми машинами. Понятно, не нужно обязательно вводить один тип, но подобное же снабжение новых совхозов тракторами тоже не годится.

Затем. Что это за политика – начинают строить новые совхозы без всякого учета рентабельности того или иного орудия производства? Ведь нужно вдолбить в сознание товарищей, что в новых совхозах себестоимость должна быть низкой. Это должно быть учтено и в постановке профработы среди рабочих в новых совхозах, но этот же вопрос о низкой себестоимости должен решаться и в производственном разрезе. А с чего начинают? Начинают с того, что новому совхозу дают трактор «Коммунар», который стоит 21 тысячу рублей. Пусть лучше этот трактор, если он будет отпускаться новому совхозу по такой цене, останется в военном ведомстве. Пусть за 21 тысячу он погромит, когда это нужно будет, наших внутренних врагов (с м е х). Я уже отметил возможное влияние «Коммунара» на себестоимость в новом совхозе. Но нужно указать на то, что, по мнению ряда специалистов подобного типа, тракторы вообще вредны для постоянной работы в новых совхозах: тяжелы, а это будет вредно отражаться на структуре почвы. Что же получится? Новый совхоз приобретает трактор за 21 тысячу рублей, а дальше... он не нужен в этом хозяйстве. Перевозить же «Коммунар» в новые районы – слишком дорого. Зачем, я спрашиваю вас, начинать с тракторных кладбищ? Александр Петрович, который немало возился с совхозами, помнит, что несколько тракторных кладбищ уже были однажды переданы старым совхозам. Результаты известны. Если мы так отнесемся к снабжению тракторами новых совхозов, то мы получим также машинное кладбище с кладбищенскими результатами. Повторяю, зачем давать новым совхозам явно не окупаемый никаким урожаем трактор стоимостью в 21 тысячу рублей?

Вот почему, приветствуя ту энергию, то настроение, которое Михаил Иванович вложил в это дело в процессе работы совхозской комиссии, нужно учесть, что партийная комиссия, понятно, компетентна только в разработке общих директив по организации новых совхозов. Но этого мало. Необходимо на основании этих общих директив проявить хозяйственное умение и учесть все практические моменты совхозского строительства. Как можно скорее должен быть найден человек и образовано правление Зернотреста, которое, надеюсь, не будет принимать трактора по 21 тысяче рублей, даже если они называются «**Коммунар**». Если замечательную идею организации новых совхозов задавить, наложить такой тяжестью...

Чубарь. Она сама наложится.

Анцелович. Да, с одной стороны наложится засуха в отдельных районах, с другой – невыгодное зерновое хозяйство, если оно не будет в ближайшие годы проведено в сочетании с травопольным и животноводческим уклоном, если будут в хозяйстве трактора по 21 тыс. рублей каждый и целый ряд других неизвестных. У нас у всех имеется плохая привычка: если мы ставим перед собой задачу, то обязательно превратим

ее в проблему проблем. Я считаю, что именно то значение, которое приобретают новые совхозы в нашей экономике, требует прежде всего того, чтобы как можно меньше неизвестных, как можно меньше случайностей и риска было введено в это дело. Не забудьте, товарищи, что кроме таких неизвестных, как качество организаторов, специалистов, пригодности машин и проч., будут еще такие неизвестные, как влияние стихии, погода...

Политбюро приняло важнейшее решение. И вот я считаю, что серьезнейшее решение должно быть дополнено серьезнейшей практикой. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Разрешите еще несколько слов сказать о старых совхозах.

Председатель. Разрешить две минуты?

Анцелович. Пять минут.

Председатель. Кто за две минуты? Кто за 5 минут? Приблизительное равенство. 3 минуты.

Анцелович. Решение должно быть, как говорят, в пользу бедных. Еще несколько слов о новых совхозах. Это как раз тезис, который я противопоставляю тезису Михаила Ивановича. Михаил Иванович говорит, что все психологически подготовлены к пониманию значения нового совхозского строительства. Да, члены Политбюро подготовлены, а рядовые партийные круги, я не скажу широкие, еще не совсем психологически подготовлены. Я считаю, что вопрос о форсировании колхозского строительства лучше понимается, чем вопрос о строительстве новых совхозов. В нашей партии, марксистской, ленинской партии, нужно прямо сказать, как это ни странно, до сих пор силен скептицизм, а нередко просто недоверие к делу укрепления старых совхозов и строительства новых совхозов. Правда, удивительно, но это так. Ведь еще несколько лет тому назад смеялись, когда говорили о необходимости усиления совхозов. Не везде еще изжито полушутливое отношение к совхозскому строительству. Агитпропу ЦК партии и вообще партийным организациям нужно хорошенько поработать, чтобы в партийной среде было осознано значение совхозов как одного из важнейших путей к социализму. Это имеет не только идеологическое, но и практическое значение. Только этим им можно объяснить, что до сих пор, например, в Саратовской и др. губерниях земли совхозов, насчитывающие по 2–4 тысячи десятин, сдают в аренду частникам. В аренду частникам сдаются не по одному, а даже по 2–3 совхоза в губернии. Во имя чего это делается? Неужели мы до сих пор, когда уже ставим вопрос о строительстве новых крупных совхозов, не умеем организовать эксплуатацию совхозов в 4–5 тысяч десятин? Ведь это вполне приличные размеры крупного хозяйства. Но дело не только в этом. Пример Смоленской губернии говорит нам о чем-то другом. Земельные и др. советские органы в этой губернии (прямо или косвенно) довольно упорно защищали сохранение помещичьих хозяйств и очень легко занимались ликвидацией совхозов. Когда идет речь о какой-нибудь части помещичьего или полупомещичьего хозяйства в несколько сот десятин, то пишутся прошения, протесты к Михаилу Ивановичу, даются благоприятные обоснования, даются не менее благоприятные заключения. А ликвидация совхозов, сокращение площади или изъятие из совхоза инвентаря делаются росчерком пера местного чиновника автоматически.

[**Калинин**. Ты тоже помогаешь.

Анцелович. Никогда и никому не помогал в этом деле, а наоборот. На комиссиях я дрался вплоть до того, что ты меня чуть не выставил с одной комиссии. Ты этого не можешь отрицать, Михаил Иванович.]

Анцелович. Понятно, отдельные герои и защитники не спасут совхозов. Но нужно, чтобы на одиннадцатом году существования пролетарского государства, наконец, поняли, что оно не может не создать мощного пролетарского государственного секто-

ра в сельском хозяйстве. Нужно, чтобы поняли, что к этому сектору нужно так относиться, как мы относимся к химической, текстильной и хотя бы кирпичной промышленности. Нужно, чтобы это понимали планирующие и финансирующие органы.

Михаил Иванович много говорил о крестьянском хозяйстве в своем докладе. Это его право. Он продолжал освещать вопрос по предыдущему пункту порядка дня. О крестьянском хозяйстве говорил, но почти ничего не сказал о старых совхозах. Он говорил, что там сохранилась какая-то сентиментальность, но забыл, что кроме недостатков, в том числе и какой-то «сентиментальности», там имеется еще возможность в этом же году дать более 25 млн. пудов хлеба. Как можно так небрежно относиться к старым совхозам, когда у нас такие затруднения с хлебозаготовками, когда некоторые товарищи, как, например, тов. Фрумкин, ставят даже вопрос о том, что каждый полученный даже в кулацком хозяйстве пуд хлеба нам дорог. С его постановкой вопроса можно спорить, но каждый миллион пудов хлеба, полученный от совхозов, нам должен быть действительно дорог. Сейчас мы переживаем хлебный кризис. И вот я спрашиваю тов. Микояна: откуда он получит первые 20 млн. пудов хлеба в конце лета – начале осени текущего года? От совхозов. А что если бы мы этой возможности не имели? Мы вынуждены были бы еще более затратить валюты на ввоз хлеба.

Вот почему, товарищи, я говорю с такой горячностью. Говорю с горячностью не только в силу того, что это присуще моей натуре, но и потому, что нужно, чтобы с этого пленума действительно началась новая полоса в нашем отношении к совхозам.

В заключение еще раз подчеркиваю: я не боюсь, что у нас забудут индивидуальные мелкие хозяйства. Этот уклон партия легче преодолеет. Но я боюсь, что мы будем только декламировать о совхозах и колхозах. Нужно живое дело, а не декламация, если мы хотим упорно усиливать социалистический сектор земледелия и постепенно в этом направлении перестраивать сельское хозяйство в целом.

Председатель. Слово имеет тов. Ярославский.

Ярославский. Мне кажется, что тов. Калинин, остановившись на ряде вопросов, чересчур мало уделил внимания основному вопросу – вопросу о совхозах. При этом, мне кажется, он допустил в этих общих рассуждениях целый ряд ошибок, мотивируя, например, необходимость организации новых совхозов тем, что он вообще за крупные хозяйства. При этом он заявил, что он «за поддержку» кулацких хозяйств, конечно, в определенном смысле. Но напрасно он ссылался при этом на Ленина, Ленин никогда не говорил, что он за поддержку кулацких хозяйств; он говорил о борьбе с кулацкими хозяйствами, о подавлении этих кулацких хозяйств, об ограничении их, но, во всяком случае, не о поддержке кулацких хозяйств.

Отсюда, из этой неправильной установки у тов. Калинина, у него были неправильные рассуждения и о том, в чем разница нашего отношения к кулаку и отношения к кулаку со стороны оппозиции. Я думаю, что то противопоставление, которое он сделал, будет просто-напросто подарком оппозиции, который нам делать не следует, – **будто бы мы принципиально не против** кулака. Отсюда же и неправильна его ссылка, мне кажется, на дело о смоленских помещиках. Я лично считаю ошибочным решение Политбюро о смоленских помещиках. Там речь шла о том, что выселению подлежало 470 человек. Губернская земельная комиссия, которая тщательно рассмотрела все представленные ВИКами и УИКами материалы по выселению, из 758 признала подлежащими выселению 470 человек, в том числе 172 из бывших помещиков-недворян. Для характеристики предназначенных к выселению лиц последней категории надо указать, что в то время, как выселяемые бывшие дворяне в среднем имели (конечно, до революции) 150–170 десятин земли, выселяемые других категорий имели 250–260 дес. земли, а в числе недворян есть бывшие владельцы одной и двух тысяч де-

сятин и т. д. Все мы знаем, что перед революцией много разоренных дворянских хозяйств переходили в руки кулаков, в руки купцов, они от этого не перестали быть помещиками – ведь мы говорим о борьбе с классом, а не о сословии. Вот почему, я думаю, что ссылка тов. Калинина на это дело неправильна, что она искусственно была привязана к вопросу о совхозах.

Я взял слово для того, чтобы обратить внимание партии на то, что у нас десятки тысяч десятин земли, нужных и годных на организацию совхозов и колхозов, в настоящее время находятся в руках реакционных организаций – в прямом смысле слова **реакционных организаций**. У нас больше пятисот церковных монастырских колхозов, распоряжающихся сейчас, на 11 году пролетарской революции, в нашем советском государстве десятками тысяч земли, – они на этой земле организуют хозяйство так, как **им** надо. Вот я вам приведу пример одного из колхозов, одной из передовых наших областей – Ленинградской; там имеется Чуриковский колхоз «Бич», владеющий 725 гект. земли.

Вот вам пункты устава: «Все декреты, издаваемые правительством РСФСР, подлежат беспрекословному выполнению, **за исключением того, что противно заповеди божьей. Все постановления коммуны являются окончательными и обжалованию перед советскими судебно-административными органами не подлежат. Членам коммуны не разрешается посещение театров, клубов, кинематографов и других общественных увеселительных мест**».

Вот какого рода у нас имеются учреждения, колхозы.

Г о л о с. Это и в Калужской губернии имеются такие.

Ярославский. Не в одной Калужской губернии. В Московской губернии ликвидировано недавно 4 таких хозяйства, а всего в Московской губернии имеется 12 довольно крупных хозяйств, с большим участком, около 1500 десятин, причем среднее количество десятин приходится на душу, в том числе и на **паразитическую душу** монахов и монахинь, обслуживающих **только монастырскую церковь**, больше, чем на душу всякого работника в наших советских колхозах по Московской губ. Я могу вам привести факты из целого ряда губерний, но, к сожалению, у меня слишком мало времени.

Г о л о с а. Давай.

Ярославский. Вот вам хотя бы Осташковский уезд, Тверской губернии. Там, например, имеется в Ждановском монастыре, который переименован теперь в колхоз «Могилевка», 458 гектаров земли на 85 монашек. Что же там, какое-нибудь образцовое хозяйство? Ничего подобного! Но зато когда им нужно было приобрести трактор, им Госсельбанк отпустил 2 тыс. рублей в долгосрочный кредит. А легко ли у нас получить долгосрочный кредит на покупку трактора любому с/х объединению? Вы знаете, что вовсе не легко. Я еще раз подчеркиваю: обратите внимание на то, что делается в этой области, где под прикрытием советских законов у нас контрреволюционные организации запрещают своим членам посещать клубы, театры, запрещают своим членам принимать участие в общественной жизни. Все это исходит из того – я разговаривал неоднократно по этому поводу с товарищами, – что мы, дескать, должны смотреть на них как на выгодные хозяйственные объединения. Но выгодны ли нам действительно эти хозяйственные объединения или нет? Вот это надо пересмотреть. Я не предлагаю выносить немедленно, **сегодня** постановления о закрытии всех этих коллективных хозяйств и перестройке их в колхозы и совхозы нужного нам типа, мое предложение сводится к тому, чтобы самым внимательным образом каждая окружная и губернская организация пересмотрела бы у себя, что это за организации, нужно ли их сохранять, нужно ли им помогать, нужно ли их поддерживать или же, наоборот, не лучше ли пе-

редать их крестьянам, хотя бы исходя из необходимости поддержать бедноту и помочь даже кое-где малоземельным середнякам, хотя бы той же Московской губернии, где земельный надел ничтожен, если уж их нельзя превратить в **советские** колхозы без поповщины. Почему эти земли не передать в таком случае крестьянству? Это в 20 раз политически выгоднее, целесообразнее и **хозяйственно** выгоднее. Я могу привести десятки примеров, из которых видно, что там ведется кустарное хозяйство, отсталое хозяйство, что эти «коммунары» убеждают население, что агроном не поможет, а поможет бог. Я по этому вопросу выступаю не только как председатель Союза безбожников, но раз вопрос поставлен о новых совхозах, я считаю необходимым обратить ваше внимание на этот участок фронта, на который вряд ли кто-нибудь из вас обращает когда-нибудь внимание. Я должен вам напомнить о том, что мы недавно в Политбюро разбирали вопрос, как некий Проханов, председатель всесоюзного совета евангельских крестьян, пользуясь поддержкой чиновников из Наркомзема и головотяпством некоторых хозяйственных органов, получив казенный автомобиль, поехал на Алтай и выбрал место для постройки города Евангельска, города Солнца, откуда евангелисты должны были начать евангелизировать окрестное население. Мы не можем оказывать поддержку такого рода начинаниям в советском государстве: этот вопрос имеет прямое, непосредственное отношение к нашим разговорам о дальнейшей коллективизации сельского хозяйства.

Смирнов. Тов. Ярославский, я дал вам уже справку, что Наркомзем не поддерживал. Им справку дал чиновник, который сообщил, что есть земля.

Ярославский. Зачем же вы имеете чиновников, которые ни за что не отвечают. Сажайте тогда таких чиновников, которые не стали бы поддерживать всесоюзный совет евангельских христиан.

По поводу новых совхозов. Я считаю, что тов. Анцелович прав, когда он обращает внимание на некоторые опасности, какие могут быть в этом новом деле. Конечно, ошибки неизбежны и мы не должны зарекаться от ошибок, но здесь мы должны предусмотреть, чтобы не делать таких ошибок, какие мы имели в капитальном строительстве промышленности.

Если мы строим новую фабрику или завод, где в области промышленности мы имеем гораздо больший опыт и все же непростительные ошибки, провалы мы имели в капитальном строительстве, то тем более они возможны и опасны в этом деле. Если мы возьмем хотя бы такие вопросы, как подготовка и подбор кадров специалистов, подготовка соответствующих отдельным районам технических средств, вопрос о химии, которую нужно развивать для этого, и вопрос о самой организации, то мы увидим, что мы к этим вопросам подходим, я бы сказал, прямо неподготовленными. Конечно, мы должны увязать эту работу с машиностроением и с тракторостроением, в первую очередь, и прежде всего увязать ее с работой **калийного треста**, а что мы сегодня имеем в «Правде» по поводу этого калийного треста[232]? Сосредоточили ли мы внимание в этом важнейшем участке нашей промышленности – химии? Конечно, нет. А затем, если мы к этому делу так будем подходить, так будем артачиться в смысле подбора работников, как тов. Эйхе, мы настоящего кадра работников не подберем. Нам нужно иметь в виду, что всякий провал в этом деле будет гораздо ощутительнее, чем провал в промышленности, потому что этот опыт будет иметь значение для десятков миллионов крестьян; крестьяне будут внимательно смотреть, что из этого выйдет, и потому здесь провал чрезвычайно опасен.

Конечно, неправильно, и я думаю, что Михаил Иванович обмолвился, что он не противопоставляет совхозов индивидуальному хозяйству. **Дело не только в том, чтобы их не противопоставлять, а в том, чтобы совхозы были ведущими индивиду-**

альное хозяйство, были средством радикальной переработки индивидуального хозяйства, средством радикальной переделки индивидуального хозяйства. Вот почему, я думаю, надо обратить самое серьезное внимание на то, чтобы обеспечить – и в смысле людского подбора, и в смысле техники, и в смысле проработки организационных вопросов, связанных с колхозами, – всестороннее внимание нашей партии и всех советских органов.

Председатель. Слово имеет тов. Осинский, следующий – Иванов.

Осинский. Я заранее предупреждаю, я уже по этому поводу выступал: я в десять минут никоим образом не могу уложиться. Я прошу полчаса.

Председатель. Голосуется. Кто за то, чтобы предоставить тов. Осинскому полчаса? Кто против? Меньшинство.

Осинский. Прежде чем приступить непосредственно к вопросу о зерновых совхозах, я вначале, по крайней мере в пять минут, должен дать некоторые ответы на целую серию не скажу даже возражений, которые раздавались против предшествующего моего выступления, также имеющего отношение к вопросам сельского хозяйства. И так как Михаил Иванович занимался в своем докладе философией сельского хозяйства, я также считаю себя вправе этой философией заняться.

Г о л о с а. Ближе к совхозам.

Осинский. Будет и о совхозах. Кроме того, это мне нужно для того, чтобы я не был неправильно понят в постановке данного вопроса – о новых зерновых совхозах. Итак, я хотел установить следующее. Есть выступления, которые изображали мою точку зрения в абсолютно карикатурном виде. Я возьму только выступление тов. Яковлева и сравню его формулировку с тем, что я предлагал, дабы показать разницу. Тов. Яковлев дошел до того, что сравнил меня с профессором Кондратьевым и изображал мое выступление таким образом, будто бы я предлагаю увеличить ассигнования на легкую индустрию **и сельское хозяйство** за счет **прекращения** перекачки средств из легкой индустрии в тяжелую и за счет Цустраха. Кроме того, я будто бы еще предлагаю изменить современную нашу политическую ориентацию на различные группы деревни. Конечно, если все это находится в такой совокупности и в такой дозировке, то это и есть, конечно, профессор Кондратьев. Но ведь все это изобретено Яковлевым, и история состоит прежде всего в том, что я ни слова не говорил насчет изменения нашей политической ориентации по отношению к различным группам деревни. Я считаю современную ориентацию правильной.

Меня другие упрекали, в том числе и тов. Сталин, за то, что я **не говорил** о вложении средств в сельское хозяйство, за то, что это у меня отсутствует. А тов. Яковлев, наоборот, мне подбавил: будто бы я предлагаю не перекачивать средства из легкой индустрии в тяжелую, а увеличить затраты на легкую промышленность **и сельское хозяйство**. Может быть, мой недочет состоит в том, что я ничего об этом не говорил. Может быть, это недостаток. Я именно считаю, что усиленное развитие ассигнований на сельское хозяйство вообще не нужно. Так что профессор Кондратьев здесь совершенно ни при чем, и тут просто политическое озорство со стороны тов. Яковлева: бросаться такими вещами, которых он доказать совершенно не может. Я также отнюдь не предлагал ни **прекращения** перекачки средств из текстиля, ни давать деньги на **легкую** индустрию – я говорил о **смычковых** отраслях промышленности и предприятиях. **Таковые не являются ни легкой, ни тяжелой промышленностью, но включают и легкую, и тяжелую индустрию**. Я не предлагал **прекращать** перекачку по той простой причине, что к перекачке из текстиля в другие отрасли намечено около 660 млн., а я говорил: додайте «смычковым» 200–300 млн. Беру среднюю цифру 250 млн., вычитаю из 660 млн., получаю 410 млн., которые **продолжают** перекачи-

ваться в другие отрасли. Значит, я никакого прекращения перекачки не предлагал. Кроме того, я не предлагал вовсе 250 млн. взять за счет только того, чтобы текстильной промышленности оставить ее деньги. Я указывал еще следующее: нужно сократить потребительские расходы бюджета и отсюда взять деньги, во-вторых, я говорил, что нужно во что бы то ни стало добиться заграничного кредита. И я утверждаю, что можно этого добиться, что можно на переоборудование текстильной и кожевенной промышленности новыми американскими машинами получить кредит года на три. В третьих, я говорил о больших капитальных работах. И я утверждаю, что если мы начали строить Днепрострой, то мы его **рано** начали строить, и что надо вообще быть осторожнее с большими работами. И это будет одной из сторон моей аргументации по поводу зерновых совхозов в том смысле, что мы затеваем сейчас такую работу, которая равняется двум Днепростроям минимум. Причем на это деньги есть, а вот попробуйте поставить вопрос о том, чтобы дать деньги на смычковые отрасли промышленности, скажут – нет. Скажут: что же вы хотите, деньги перекачивать из тяжелой индустрии? А я бы мог сказать: Сталин хочет брать средства на развитие совхозов за счет тяжелой индустрии. И он, значит, индустриализацию сокращает за счет того, чтобы развивать сельское хозяйство. Я мог бы так поставить вопрос...

Сталин. Так нельзя ставить вопрос.

Осинский. Но я более добросовестный человек и так его не ставлю, потому что это будет неверно. Это если хочешь сознательно оратора запутать и сбить, так будешь говорить.

Но что это показывает? **Есть** источники средств, **есть** возможности, если только **хочешь** найти. Оказывается, по лесной промышленности найти можно, по зерновым совхозам можно, а тут, для смычковых производств, – нельзя.

Что я далее предлагаю и в выяснение предшествовавших своих рассуждений хочу сказать? Я вовсе не предлагаю, во-первых, в **нынешнем году** понизить цены. Меня так поняли, что я хочу в нынешнем году повысить цены на сельскохозяйственные продукты и в нынешнем же году до рационализации производства понизить цены товарные. А я предлагаю: вложить сейчас **дополнительные средства** в смычковые отрасли промышленности и этим **затем** снизить **себестоимость**, без уменьшения прибыли, а возможно, с увеличением прибыли. Так что в результате-то и перекачка сохранится, хотя вы получите снижение цен. Кстати, я возражал насчет не понижения цен по материалам ВСНХ, по их проекту пятилетнего плана, но кое-кто понял так, что я возражал против решения ЦК не понижать цен в нынешнем году. Это неверно. Я говорил о ВСНХ и его материалах. Это у них получается объективно такая линия: они не рационализируют легкую промышленность, оставляют старые прибыли при несовершенных методах производства, даже при старых котлах, и хотят при этом зарабатывать деньги, не снижая цены. А надо там провести рационализацию, и тогда можно при пониженных ценах даже больше получить денег. Я думаю, этого совершенно достаточно для установления того, что я раньше говорил. Правильно это или неправильно – это дело другое, но нужно было с **этим** спорить **по существу**.

Я делаю еще заявление такого сорта. Тов. Сталин меня спрашивал: а скажите нам, чем ваша постановка вопроса отличается от политики восстановительных цен? Разрешите, тов. Сталин, ответить на это. Я думаю, что вы и сами прекрасно это понимаете, но только хитрите. Отличается вот чем. В отношении заготовительных цен на с/х продукты, которые вы предлагаете повысить на 15–20 коп., я полностью подписываюсь и **больше ничего не требую**. Ясный ответ? Разница, следовательно, состоит в том, что я с вашими предложениями совершенно не расхожусь. Если я сколько-нибудь понимаю эту совершенно нелепую и бестолковую формулу «восстановительных цен», то это оз-

начает следующее. Мужику платить не так, чтобы он мог оправдать текущие расходы своего хозяйства, а чтобы он мог восстановить свое хозяйство до более высокого уровня, «довоенного» или какого-то еще более высокого, «нормального». Что это означает по существу? Это означало бы не смыкание ножниц, а **разведение** их, но в **обратную** сторону, так, чтобы мужик мог дополнительно получить и восстанавливать свое хозяйство за счет раздвижки ножниц. Я, разумеется, не только не проповедую ничего подобного, но я считаю самую формулу абсолютно нелепой и противоречащей другим постановкам вопроса той же самой оппозиции, которая для того, чтобы как-то отписаться по крестьянскому вопросу, выдвинула демагогическую формулу. За такие глупости я ни при каких обстоятельствах не мог, конечно, выступать и совершенно отказываюсь отвечать за них в каком-либо смысле. Считаю простым недоразумением, что с меня требуют ответа, чем отличается от этой постановки моя постановка вопроса.

Последний вопрос. Насчет колхозов и совхозов. Мне поставили вопрос: вы ничего не сказали о том, что вы думаете насчет коллективизации. Я, тов. Сталин, об этом говорил на XV съезде партии[233]. Причем говорил, что для того, чтобы коллективизацией заниматься, нужно, в частности, мобилизовать достаточно людей. Между прочим, мое глубочайшее убеждение, что настоящей коллективизации и даже введения тракторных товариществ без непосредственного руководства пролетарских элементов нам провести не удастся, что сама по себе беднота не сумеет этого сделать. До сих пор мы не видим, чтобы эти меры предпринимались, и в этой части продолжается та постановка вопроса относительно коллективизации, которая была, т. е. легкомысленная, а серьезного **организаторского** подхода к этому вопросу нет. Вот ответ насчет того, что я думаю о коллективизации. Если хотите, допросите сидящего здесь тов. Каминского, с которым мы имели разговор летом 1927 г., до XV съезда партии, когда я приехал из Воронежской губ., куда я ездил по вопросам статистической работы. Я ему усиленно развивал тогда ту постановку вопроса, что сейчас главной задачей нашей работы в деревне является коллективизация. Он, вероятно, это помнит и может подтвердить, что это так и было.

Относительно совхозов. Тут мне кажется даже несколько комичным давать ответ. И вот почему. Кто же из нас кого должен спрашивать о приверженности к совхозам? Я помню, когда сидел в Наркомземе, а за мной последовал Александр Петрович Смирнов, мы повсюду дрались за эти совхозы и встречали в буквальном смысле слова издевательское отношение. Я говорил тогда так: надо либо эти совхозы ликвидировать, либо надо к ним относиться серьезно. И поэтому давайте на них средства. Но над этим смеялись. После этого приходят и спрашивают меня: как вы относитесь к совхозам? Я скажу, что в прошлом относился к совхозам гораздо лучше, чем многие другие товарищи, а в настоящем отношусь так же, как в прошлом относился. (С м е х.)

Перейду к вопросу непосредственно о новых зерновых совхозах. Я всемерно приветствую то, что начинают громким голосом кричать: мы – за совхозы, мы за колхозы. Прекрасное дело, но у нас всегда так получается, что когда мы начинаем стрелять, то либо даем недолет, либо перелет. И мы намечаем теперь колоссальный перелет с новыми совхозами. У нас в разрушенном состоянии находятся старые совхозы. Правильно здесь утверждал Анцелович, что можно было бы 100 млн. пуд. зернового хлеба получить при соответственных севооборотах, несмотря на то, что будем производить не только зерно, но и другие культуры в этих совхозах.

Анцелович. Дополнительно.

Осинский. Да. Обращаю ваше внимание вкратце, что в «Экономическом обозрении», № 6, есть статья лучшего специалиста вообще по проблемам зернового хозяйства с экономической точки зрения, профессора Лященко. Он приводит там данные от-

носительно того, какой процент площади в Германии, в высокоразвитой стране, занят зерновыми культурами. Они занимают 55% в Германии, где интенсификация хозяйства огромная, и при этой большой интенсификации всей остальной части поля они дают такой колоссальный урожай, что куда же вам с вашими новыми зерновыми фабриками, с 40 пуд. с десятины! Что же они по сравнению с этим дадут! Таким образом, я всемерно приветствую поднятие старых совхозов, но я считаю, что именно сюда нужно перенести центр тяжести.

Теперь насчет новых совхозов. Позвольте высказать, прежде всего, следующий тезис: не только является **агрономической** безграмотностью, как правильно выразился Анцелович, постановка вопроса, которую дал Анисимов в одном из журналов, но я утверждаю, что весьма заметно попахивает безграмотностью **экономической** с марксистской точки зрения такой подход к зерновым фабрикам, что они являются венцом, высшей формой крупного хозяйства в земледелии. Что такое зерновая фабрика? Вот тут давайте мы перейдем непосредственно к делу. Зерновые фабрики, дорогие товарищи, существовали, кроме САСШ, еще в Канаде. В последней одно очень крупное хозяйство можно было бы назвать, но это отвлекает нас в сторону. Зерновые фабрики так называемые существовали в Северных Американских Соединенных Штатах: 1) в Северной Дакоте, в долине Красной реки, и 2) в Калифорнии. Что представляли собой зерновые фабрики? Я почему говорю, что представляли, а не представляют? Когда я ездил в САСШ, меня как марксиста, разумеется, больше всего интересовало, какие там есть **крупные** хозяйства, чем они занимаются и проч.

Смирнов. Такое поручение было от Наркомзема.

Осинский. Правильно. И вот, еду я в Северную Дакоту, долина Красной реки. Беру немецкий путеводитель, издание Бедекера 1914 г., чтобы узнать все сведения. Читаю, около станции такой-то находится всемирно известная зерновая пшеничная фабрика – ферма Дальримпль, на расстоянии 20 миль от жел. дороги, ехать так-то и так-то. Я намечаю, что в бытность в Северной Дакоте эта фабрика самый интересный факт, самая интересная достопримечательность штата Северной Дакоты. Приезжаю в Северную Дакоту, в город Фарго, с/х столицу штата, и обращаюсь к заведующему отделом сельскохозяйственной экономики местного с/х учебного заведения. Спрашиваю, как туда попасть. Он говорит, что уже давно не существует этой фабрики.

Ярославский. Бедекер наврал?

Осинский. Не Бедекер наврал. Она существовала в 1914 году, но **распалась** после этого. Я предпринял специальный опрос и узнал, что ни одной зерновой фабрики более не существует во всей Северной Дакоте. Я поехал сам во вторую бывшую зерновую фабрику компании «Аминиа Шерон». Прочтите мою книжку, где я описываю путешествие по Соединенным Штатам, мой дневник, в котором я описываю, где был, что делал, с кем разговаривал. Я узнаю, что эта фабрика давно разбита на более или менее мелкие участки с большей интенсификацией хозяйства. Вот в чем суть.

Анцелович. По сколько тысяч гектаров разбита?

Ярославский. Почему разбита?

Осинский. Если вас интересуют вопросы сельскохозяйственной экономики, я могу отдельно вам объяснить, почему разбита.

Смирнов. Какие объемы этих хозяйств?

Осинский. Сейчас размер до 650 акров (250 десятин), а раньше в этой компании «Аминиа Шерон» было 27 000 акров. Как она образовалась и как она существовала? Земельная компания «Аминиа Шерон» основана в 1875 году, когда группа держателей облигаций Северной Тихоокеанской жел. дороги после банкротства дороги получила в виде компенсации землю, которой были обеспечены облигации. Железная дорога по-

лучила эту землю в порядке «пожалования» от федерального правительства, в качестве субсидии на постройку дороги в еще не заселенной местности... Компания «Аминиа Шерон» переняла 26 880 акров (10 000 десятин) такой земли» (Осинский, «По сельскохозяйственным штатам Сев. Америки», стр. 63).

Иначе говоря, эта фабрика, как и все другие, опиралась на массовое получение капиталистами плодородной земли за бесценок при постройке железных дорог. Теперь, чтобы показать, как велось там хозяйство, я вам расскажу, что делалось в Калифорнии. В Калифорнии в 90-х годах хозяйство зерновых фабрик было построено так: в центре всего хозяйства находилась одна единственная постройка, большой машинный сарай. Зимой остается у этой постройки сторож, который сторожит эти машины. В середине лета (посев производится осенью) является на эту зерновую фабрику масса рабочих с лошадьми, вывозятся эти машины и т. д. и производится ряд операций, главным образом уборка и молотьба одновременно комбинированными жатками-молотилками. Затем производится осенью вспашка и посев, и затем – до свиданья. Описание этой системе вы можете найти в «Аграрном вопросе» Крживицкого[234]. Зерновые фабрики в районе Красной реки были построены несколько более сложно, там оставалось на зиму человек 12, а летом работало до 200–300 человек. В общем, примерно такая же история. Земля, купленная по дешевке или полученная в качестве пожертвования при проведении железной дороги, – на ней никакого севооборота не было, каждый год «жарили» подряд пшеницу. Почему фабрики потом распадались? Во-первых, если прожарить 20 лет подряд пшеницу на одном месте, то даже и чернозем долины Красной реки начинает истощаться и необходимо переходить к какому-нибудь севообороту. Во-вторых, население сгущается, появляется спрос на более интенсивные продукты и культуры. В связи с этим там становится более выгодным обрабатывать более мелкие куски, чем продолжать вести зерновую. Для того чтобы организовать на том же пространстве более интенсивное хозяйство, не хватает средств у того, кто этим занимался, ибо их нужно в несколько раз больше. Короче говоря, что такое зерновая фабрика в американской с/х истории? Это есть форма проникновения капитализма в земледелие на той стадии развития земледелия и в тех местах, где оно проходит еще форму примитивного зернового хозяйства. Как только эта стадия пройдена, эта форма снимается, выражаясь диалектическим языком, и начинается новый подход и новый порядок проникновения опять того же капитализма в земледелие. Утверждать, что зерновая фабрика есть венец капиталистического развития, – это совершенные пустяки. Венец капиталистического развития нужно искать в других местах. Пример этого можно найти у Каутского в его «Аграрном вопросе»[235]. Там описаны некоторые прусские и австрийские имения, в которых имеется и винокуренный завод, и свекло-сахарный завод, и крахмало-паточный завод, и хорошо поставленное животноводство, в которых соединяются лесоводство с сельским хозяйством, в которых существует разделение труда между отдельными частями имения и т. д., громадный комбинат, в котором все может быть использовано, в котором рационально ведется и полевое хозяйство, где имеем не хищническую систему зерновых фабрик долины Красной реки, а действительно стоящие на высоком уровне развития предприятия. Это есть высокая форма и с точки зрения агрикультурной, и с точки зрения экономической, и с точки зрения развития капитализма в земледелии. Но если мы так подходим, что зерновые совхозы суть образец крупного хозяйства, – я утверждаю, что это пахнет экономической неграмотностью, так подходить не надо. Лучше уж говорить, что мы хотим добыть побольше зерна, разрешить хлебный кризис и т. д., но больше ничего утверждать нельзя.

Да, еще одно слово. Что такое знаменитая ферма Кемпбеля, о которой у нас столько говорят, единственная сейчас зерновая фабрика в С. Ш. Разрешите дать справку на-

счет этой фермы. Я, к сожалению, ее не имел возможности посетить, но я о ней разговаривал во время пребывания в Монтане. Вот что представляет собой ферма Кемпбеля. Я цитирую: «Гелльман рассказывает мне о колоссальной ферме Кемпбеля в Биг-Хорн (район на границе с Вайомингом, в юго-восточном центре штата). Здесь под пшеницей 70 000 акров, под льном 40 000 акров». Кстати сказать, товарищи, добавление льна (на семя) к пшенице не означает какого-нибудь севооборота: лен очень хорошо идет по девственной почве, и посевом льна снимают сливки со свежей земли. Далее: «Эта земля куплена Рокфеллером во время войны из патриотических мотивов. После банкротства предприятия земля скуплена Кемпбелем по 30 центов за доллар стоимости. Не вся, впрочем, площадь – собственная, часть посева идет на арендованной Ниле» («По сел.-хоз. штатам Сев. Америки», стр. 89). Иными словами: Рокфеллер во время войны скупал землю для спекуляции, но во время кризиса после войны это его предприятие лопнуло и Кемпбель купил землю по дешевке, как это было и раньше с зерновыми фабриками.

К этому можно добавить, что Кемпбель, кроме того, является рекламистом или его предприятие – рекламным предприятием для показа тракторов и сельскохозяйственных машин соответствующих фабрик. То и другое он также получает по дешевке. Вот как обстоит дело с пшеничной фабрикой Кемпбеля.

Теперь позвольте перейти специально к нашим перспективам. Что у нас затевается? У нас затевается масса **зерновых** совхозов. Предполагается ли на них севооборот? Я ничего об этом официально не знаю, потому что из доклада Михаила Ивановича никакой деловой постановки вопроса, никаких деловых предложений не видно. Выходит так, что у нас должны начаться прения, а мы его еще должны в прениях спрашивать: «а что у тебя предполагается насчет севооборота, себестоимости, вложения капитала и т. д.». А он нам только в заключительном слове будет отвечать и говорить, что мы неправильно его поняли и т. д. Следовательно, критиковать его нельзя. Мне известно также, что Наркомзем собирался раздать здесь брошюру о своем плане. Эта брошюра есть, но нам она почему-то не роздана. Я вынужден поэтому опереться на ту же статью профессора Лященко, который сообщает массу характернейших вещей. Вот что он рассказал об этом плане. Севооборот, я бы сказал «замсевооборота» «вместо севооборота», намечается такой, что сначала будут сеять твердую пшеницу, потом будут сеять мягкую пшеницу, потом – ячмень, потом – овес, т. е. подряд исключительно зерновые культуры. Да вам каждый агроном скажет, что это не севооборот будет. Севооборотом называется смена зерновых бобовыми, корнеплодами, пропашными – это другое дело. А если все время жарить пшеницу или зерновые, то это хищническая система хозяйства.

Смирнов А.П. Она не восстановит почвы.

Осинский. Производительные силы почвы не восстанавливаются.

Но, с другой стороны, если мы поставим вопрос о том, чтобы ввести севооборот, это что значит? Засеваю я траву, относящуюся к бобовым. **А кто траву будет кушать**? Надо, значит, чтобы в траве была скотинка. А это вам в копеечку влетит. Дальше: засеваю я кормовую свеклу – опять скотинка; или сахарную свеклу – я должен построить завод; засеваю я картошку – опять я должен построить завод. А эта штука вскочит в копеечку, и даже большую. Даже с точки зрения финансовой (отсутствия ассигнований на все это) ясно, что они жарят по направлению хищнической системы простого зернового хозяйства.

Если вы, дорогой Михаил Иванович, утверждаете, что вы какие-то Америки открываете и прогрессивную стадию в земледелии устраиваете, то это совершенно неверно.

Я только что выпустил книжку «Международные и межконтинентальные иммиграции в довоенной России и в СССР»[236], об эмиграции, иммиграции и **переселении** у нас. Я занимался этой историей полгода и очень хорошо знаю, как у нас шло это дело.

Сталин. Очень хорошо знаете?

Осинский. Тов. Сталин, вам что – нужно меня заранее подмочить для того, чтобы мои аргументы выглядели хуже? Я знаю вопрос настолько, насколько человек может постигнуть; вероятно, знаю как достаточно толковый средний человек, занимавшийся этим делом весьма интенсивно, в течение 6 месяцев не встававший из-за письменного стола. Так вот, я вам должен сказать следующее. Тут, кстати, и знать-то особенно нечего, потому что то, что я хочу цитировать, есть простейшая объективная статистика.

Как шла у нас переселенческая волна? В 60–70-х гг. движение шло таким образом: избыточное население отливало на Северный Кавказ и Закавказье. Потом, когда там земли оказались достаточно забитыми, началось движение на восток. Это ведь я рассказываю азбучные истины. Начали переходить в Западную Сибирь и одновременно с движением на Западную Сибирь шли еще и на Северный Кавказ. Дальше последовал выход из сибирской лесостепи в южную казахскую степь, началось усиленное давление на то, что теперь называется северною частью Казахстана, и в то же время переселенцы усиленно шли на Алтай. К чему это я все говорю? Уже около 1905 года обнаружилось, что на казахские степи происходит сильное, чрезмерное давление переселенцев. Пришлось провести статистическую экспедицию Щербины, которая жульническим порядком, я прямо это скажу, пониженно исчислив коэффициент обеспечения кочевого населения землей, доказывала, что свободные земли еще имеются. Дальше происходит еще более усиленное переселение, в результате чего пришлось отправить вторую экспедицию, которая абсолютно жульнически определяла норму землеобеспечения кочевников. Я скажу совершенно точно, что если в 1916 году в Казахстане произошло восстание, то это в значительной мере было обусловлено тем, что там раньше происходило в связи с переселенческим вопросом и обезземелением кочевников.

Теперь дальше, где же переселенцы садились? Понятно, что прежде всего на хорошие, лучшие черноземные земли. Казаков они оттуда вытесняли, и тем приходилось менять свои пастбища. Что самое интересное? При советской власти, когда восстановились переселения, прежние Степной край и Туркестан, беря районы в прежних границах, прежнюю свою роль, до 30% переселенцев, они принимали максимально одно время, а теперь свели к 10–12%. Начинается (вернее, возросла) тяга на Дальний Восток, потому что там еще имеются свободные земли. Дальний Восток теперь считается районом, в который еще можно сажать переселенцев, и туда в 1927 г. их пришло 28%. Итак, простой опыт переселенческого движения показывает, что в Казахстане переселенцы уже получили лучшие земли или те, которые уже конкурировали с землей кочевников. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Сталин. Целый доклад.

Осинский. Я на этом могу кончить, если хотите.

Председатель. У вас одна минута осталась.

Осинский. Мне бы хотелось сказать о следующих вещах: указать, какую себестоимость, какое вложение капиталов они намечают, какой урожай могут получить реально, и как обстоит дело с железнодорожной сетью. Мне нужно 10–15 минут.

Председатель. Кто за то, чтобы дать еще 10 минут? Кто против? Больше.

Г о л о с. Дать 5 минут.

Председатель. Кто за то, чтобы 5 минут дать? Большинство.

Осинский. Если вы возьмете дело с чисто климатической точки зрения, то тут можно цитировать Лященко, но и без того известно, где возможно хозяйство более или менее благонадежное: при 350 миллиметрах осадков. В этих районах, в этой полузасушливой местности мы как раз находимся на границе полосы с 300–350 миллиметрами осадков в год. Теперь, как дело обстоит в смысле того, переходят ли совхозы через эту границу или не переходят? История состоит в том, что те земли, которые будут запахиваться в нынешнем году, они через эту границу еще не проходят, но то, что будет в будущем году запахиваться, находится в этих границах. Американцы судят о пригодности земли для хозяйства по тому, сколько будет неурожаев и на сколько лет. Если на 3 года приходится один неурожайный – значит, эта местность не годится для земледелия. Так вот, надо вам сказать, что те места, где хотят закладывать главную массу совхозов, они лежат на границе или за границей этого самого района. И это очень просто объясняется, если примитивным образом знать историю переселения на восток: ведь лучшие-то земли уже заняты.

Дальше, вот вам Лященко, рекомендую ознакомиться с его статьей, рассказывает, какие затраты основного капитала НКЗем предполагает на новые совхозы: 70 руб. на десятину земли. Иначе говоря, сметы составляются таким манером, что преуменьшают необходимые расходы, ибо Лященко приводит следующую справку: в Америке – от 90 руб. до 260 руб. – вот основной капитал, вкладываемый фермерами; у нас, по расчетам наших комиссий по пересмотру госсельтрестов, расходы составляют: для Северного Кавказа 80 руб., для Сибири 99 руб. А здесь – расчет в среднем 70 руб. Можно заранее сказать, что этот расчет неверный, он пониженный. Когда начнем делать, мы влетим не в 390 млн. руб., считая с оборотным капиталом (а тут, заметьте, подсчеты были без оборотного капитала), но мы влетим в полмиллиарда на этом деле.

А с себестоимостью как обстоит дело? С исчислением себестоимости дело обстоит так: НКЗ считает средний урожай в 53 пуда, Лященко, человек в высшей степени осторожный, говорит, что максимальная урожайность может быть 45–50 пуд. Значит, себестоимость вытекает из урожайности в 53 пуда, понизьте-ка вот эту штуку при тех же затратах, и окажется, что себестоимость окажется гораздо выше. Лященко приходит к выводу, что зерно будет стоить...

Калинин. С неурожайными годами?

Осинский. Конечно, с неурожайными годами, иначе кто же считает. Что это зерно будет стоить дороже, чем то зерно, которое заготовляется в Сибири. Это при первом подходе к этому делу, а если вы к этому добавите, что обыкновенно получается в случаях, когда мы хотим в четыре года подобную штуку закончить, то я себе представляю, что из этого, вообще говоря, может проистечь. Может проистечь то, что мы не только оскандалимся, но мы всадим в дело колоссальные народные деньги и пустим их по ветру. Это будет иметь отрицательные результаты и с точки зрения экономической, и агрономической. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Я кончаю и скажу следующее: проект Днепростроя вырабатывался я не знаю точно сколько лет, он носился в воздухе 40 лет, вырабатывался 25 лет, было разработано четыре варианта проекта, их рассматривали я не знаю сколько комиссий, сколько времени они его пережевывали и проч., и только, наконец, приступили. А здесь в пару месяцев расписали все, 8 раз одна комиссия заседала. И тов. Калинин говорит, что и одного раза было достаточно, можно было приступить к делу без всяких разговоров. Я утверждаю, что надо сейчас же сделать следующее: этот проект поставить на широчайшую дискуссию агрономов прежде всего и всех специалистов этого дела вообще. Причем никакого нажима на них не проводить в ту сторону, что это поддерживается правительством, уже принято и проч. Потому что на это обстоятельство отклик у на-

ших спецов бывает сильнейший. Нужно вопрос прожевать со всех сторон самым тщательнейшим образом, и нужно серьезнейшим образом обследовать намечаемые районы. Потому что все эти вывешенные здесь карты, где нарисованы кривые осадков, свойств почвы и т. п., – кривые-то кривыми, но чтобы **фактически** эта местность была изучена, к этому нужно принять серьезнейшие меры. Ведь эта местность изучалась «рассейским порядком», старым переселенческим управлением, да и после него неважно. Там мы можем встретиться с такими неожиданностями, которые могут оказаться роковыми. Я думаю, что проект в таком порядке принимать сейчас не следует, а если мы его примем, то можно почти наверное предсказать, что произойдут не только нормальные ошибки, а произойдут более серьезные ошибки, которые очень дорого нам будут стоить.

Председатель. Слово имеет тов. Иванов, следующий тов. Чубарь.

Иванов. Мне кажется, что значение и необходимость создания крупных зерновых хозяйств, советских экономий, ясна из обсуждения на пленуме ЦК предшествовавшего вопроса. Одной из возможностей преодолеть трудности в нашей экономике на зерновом рынке является путь создания крупных совхозов. Поэтому, мне кажется, дискуссию о целесообразности или нецелесообразности организации крупных зерновых советских хозяйств не стоило бы поднимать. Но после выступления тов. Осинского на этом вопросе приходится останавливаться. У Осинского получается, что вообще-то в нашей практической работе, в нашей политике мы делаем или «перелет», или «недолет», что как будто вообще ни за что браться не стоит.

Он говорит, что предложение Политбюро о создании крупного зернового хозяйства – это экономическая и агрономическая безграмотность, что опыт Западной Европы и Америки нас учит, что крупного зернового хозяйства не может быть, что в крупном зерновом хозяйстве зерно будет стоить дороже и т. д. и т. д. Т. е. Осинский поставил под сомнение целесообразность создания крупного зернового советского хозяйства. Я думаю, что это ниоткуда не вытекает. Прежде всего, ссылка на опыт Западной Европы и Америки. По-моему, вполне понятно, что в капиталистических условиях крупное зерновое хозяйство долго жить не может, ибо весь уклад капиталистического общества толкает и будет толкать всякое крупное зерновое хозяйство обязательно пойти по пути развития более интенсивных культур в погоне за прибылью. Мы же, когда осуществляем строительство крупного зернового совхоза, имеем в виду иную установку. Для нас важно в данном случае, в теперешней обстановке, на данной стадии развития нашего хозяйства, возможно быстрее, в кратчайший срок получить определенный эффект в увеличении товарного зерна. Вот что превалирует над нами и почему вопрос строительства крупного зернового хозяйства является для нас сейчас актуальнейшим.

На первой стадии развития крупного зернового совхоза очень вероятно, что не совсем будет соблюдаться правильный севооборот, что зерно будет стоить несколько дороже того зерна, которое мы заготовляем в крестьянском хозяйстве. Может быть, эти факторы будут иметь место. Но могут ли они заставить нас отказаться от строительства крупного совхоза, который даст нам крупный эффект в увеличении товарного зерна? Если оно нам и будет обходиться дороже, то не окупит ли это и затраты благодаря укреплению нашего общего экономического положения, особенно в связи с увеличением зерновых ресурсов.

Рыков. Правильно.

Иванов. Вот какую задачу нужно поставить, а т. Осинский поставил этот вопрос отвлеченно, он забыл, что мы 3–4 дня обсуждали вопрос, как выйти из затруднений, создающихся в результате уменьшения товарности зерна. Осинский забыл задачу момента и поставил отвлеченно вопрос: вот вам крупное хозяйство, которое является не-

рентабельным, которое в Западной Европе и Америке не выдерживает никакой критики, разваливается, а следовательно, мол, нам не стоит браться за создание крупных зерновых совхозов. Так нельзя ставить вопрос. Подумать нужно, чтобы дешевле было зерно в совхозе, нужно поставить вопрос о том, чтобы к возможному минимуму свести хищническое пользование земель крупных совхозов, эти задачи нужно поставить. Но для нас актуальнейшей задачей сейчас является получение новых десятков миллионов пудов товарного зерна.

Мне кажется, что страхи, которые рисует Осинский, нужно оставить, и нужно пожалеть, что мы немного запоздали с этой задачей, что было бы для нас крупнейшим плюсом, если бы мы уже практические результаты в этом деле имели.

В связи с тем, что строительство крупных совхозов связано с задачей наискорейшего преодоления трудностей в зерновом хозяйстве, мы в короткий срок от совхозов должны получить возможно максимальный практический результат, а это предъявляет к нам требование максимального напряжения сил, внимания, быстроты действий в развертывании наших крупных советских хозяйств.

При каких условиях и когда мы в состоянии будем в этот короткий промежуток времени добиться наибольшего эффекта, наибольшего практического результата в разрешении поставленной задачи? Именно тогда, когда в это дело будет вовлечена вся наша партийная и советская общественность, когда интерес и внимание мест к этому делу будет подтянуто, когда и инициатива мест будет всецело и полностью использована, когда инициативе мест будет дан тот или иной простор. Для этого нужно, прежде всего, установить доверие к местам. А между тем есть опасность, Михаил Иванович, что слишком зацентрализуют с самого начала это живое боевое дело, требующее максимального внимания и общественного контроля. Тов. Калинин, когда делал доклад, он говорил о том, что мы, мол, «постепенно углубляем» централизацию, и подчеркнул, что все должно происходить на основе усиливающейся централизации. Мы не против того, чтобы производственные планы и общее руководство находились в одном центре и были централизованы. Но мы против опекунства, против связывания инициативы мест, а данная опасность начинает уже вырисовываться, а это приведет к ослаблению внимания местных организаций к строительству новых совхозов. Нельзя доходить до таких абсурдов, до каких начинают доходить некоторые работники, которые работают в комиссии, когда они требуют указать, где какой сарай будет построен, покажи им эту точку на карте. Это никуда не годится, из этого ничего не выйдет, вы отобьете желание у местных организаций принимать активное участие в данном большом строительстве. А без общественного контроля над ним, без близкого участия и руководства со стороны местных партийных организаций нам трудно предупреждать шахтинские дела в данном крупнейшем строительстве.

Мы согласны с тем, что строительство это придется вести в определенном централизованном порядке. Но нужно сейчас же оговориться и принять кое-какие предупредительные меры против опекунства и связывания всякой инициативы мест. Надо определить права совхозов. Эти права должны быть во всяком случае не меньшие, чем те, которые предоставлены трестам. В промышленности мы, после некоторых уроков, пошли по линии предоставления большей хозяйственной самостоятельности для работы соответствующих производственных единиц. А начиная строить новое дело, совхозы, мы берем крен в обратную сторону. Потом придется поправлять. Но мы можем сознать необходимость этой поправки несколько поздно, на чем получим издержки.

Тов. Анцелович здесь уже говорил о некоторых вещах, которые связаны с ускорением создания новых совхозов, я к этому хотел еще одну вещь добавить, в частности, о тракторах, потому что вопрос тягловой силы для советских хозяйств является основ-

ным вопросом. А мы даем в эти хозяйства трактора такие малосильные, что они удорожают обработку земли и повышают цены на зерно.

Мне кажется, что замечание тов. Анцеловича насчет старых совхозов должно встретить сочувствие и поддержку. Мне недавно передали наши товарищи кредитный план на IV квартал Сельхозбанка РСФСР, и в нем каких-то несчастных 57 тыс. целковых значится кредита для существующих совхозов. Мы таким путем создаем для них несомненные крупные затруднения. Они не являются совхозами зерновыми, мы не можем к ним взять ту установку, которую берем сейчас по отношению вновь создающихся совхозов, но все-таки вводить нельзя такую линию, которая усиливала бы для существующих уже совхозов затруднения, и забывать совершенно, преуменьшать значение старых совхозов также не следует.

Нужно, в связи с задачей создания крупных зерновых совхозов, поднять, продвинуть практически ряд вопросов, которые имеют очень большое значение для получения новых земель, необходимых для создания новых крупнейших совхозов. В данном случае я имею в виду вопрос о Приазовских плавнях на Северном Кавказе, которые прибавят 200 тысяч десятин прекраснейшей земли для севооборота.

Г о л о с. А сколько нужно затратить на их осушку?

Иванов. Главное здесь то, что мы можем частями, по мере осушения этой земли, вводить ее в севооборот. Вы сегодня осушили 1000 десятин, и в этом же году вы можете пустить их в севооборот.

Г о л о с. Это Приазовские плавни?

Иванов. Да. Проблема о зерновом крупном советском хозяйстве заслуживает большого внимания со стороны нашей партии. Неправ тов. Анцелович, что в нашей партии она не встречает сочувствия, не встречает поддержки, что эта проблема «обстреливается». Без скептиков в нашей миллионной партии трудно обойтись, и трудно иметь миллионную партию без сомневающихся людей. Важна партийная общественность. Куда она направлена? Она направлена к тому, чтобы задачу создания крупных советских экономий провести в жизнь, воплотить в жизнь. Именно такие настроения в партии есть, а это – залог того, что мы с этой задачей справимся.

Мне кажется, что на фоне затруднений с зерновым хозяйством задача быстрейшего создания крупных зерновых совхозов является актуальнейшей задачей, усиливающей пролетарское руководство и помогающей ему в планировании всего своего хозяйства на социалистической базе. Может быть, подчеркиваю, может быть, тогда и Стецкие придут в состояние равновесия и перестанут метаться как пуганые вороны от куста, ибо иначе как метанием нельзя оценить паникерскую, демагогическую болтовню их «о выстрелах в Кабарде» и «аплодисментах» (которые они, вероятно, приврали для усиления своей немощной аргументации).

Председатель. Слово имеет тов. Чубарь.

Чубарь. Мне представляется, что ни один коммунист не может отрицательно относиться к идее создания крупного производства в сельском хозяйстве. И даже, как бы он ни сомневался и ни колебался, он такой позиции не может защищать, если он считает себя коммунистом. Вопрос о создании новых совхозов не следует поэтому ставить и переносить обсуждение этого вопроса в плоскость защиты идеи создания крупного с/х производства. Правильнее было бы поставить вопрос, или осветить вопрос в докладе и в обсуждении, как лучше эту задачу выполнить, ибо от качественного выполнения этой задачи будет много зависеть и в смысле экономических результатов, и политического эффекта, и решения целого ряда практических задач, которые связаны с этой проблемой. И вот, когда Михаил Иванович в своем докладе два или три раза повторил, что с разрешением этой задачи социализм в деревне будет построен, мне ка-

жется, что он строит иллюзии, за которые потом придется расплачиваться. Совершенно ясно, что социализм для своего построения требует гораздо больше, чем разрешения задачи о получении 100 млн. пудов зерна из крупных советских хозяйств.

Калинин. Это ясно.

Чубарь. А почему же вы три раза это повторили? Создание крупных совхозов – крупнейший шаг в области укрепления социалистических позиций, это так, но если мы в защиту этих шагов и нашей программы организации совхозов будем строить иллюзии, то через год или два, когда столкнемся с трудностями, когда свалится засуха, мы будем разводить руками и говорить, что сорвалось социалистическое строительство.

Я считаю, что задача поставлена совершенно правильно – путем крупного сельскохозяйственного производства получить 100 миллионов пудов товарного хлеба, – это задача правильная, реальная и выполнимая, и весь вопрос в том, как лучше обеспечить выполнение этой задачи. Поэтому и в резолюции, и в проекте постановления пленума следует указать на те трудности, с которыми сопряжено решение этой задачи, и как мы собираемся преодолевать эти трудности. Ибо не указав, что эти трудности имеются, мы можем неправильно ориентировать партию, и когда трудности встретятся, тогда сомневающиеся будут улюлюкать, что наделали, мол, промахов. Не видеть трудностей не приходится.

Я не берусь решать вопросов технико-агрономических, какой размер совхозов должен быть, как их организовать, так как практически я этим не занимался, и я думаю, что тов. Осинскому правильнее было бы заняться в соответствующем плановом органе или в правлении зернового треста, чтобы свой практический опыт вложить в это крупное дело.

Но поскольку мне приходилось иметь дело с совхозами на Украине, я считаю, что понятие крупного советского хозяйства нисколько не исключает необходимости найти оптимальный размер площадей, где применение машин и людской силы было бы наиболее рациональным, эффективным. Может быть, это будет 1000 или 2000 гектаров, мне кажется, не больше. Нужно найти такие производственные ячейки в крупном хозяйстве, которые дали бы наибольшую производственную эффективность, чтобы не нужно было за десятки верст гонять трактора и машины, развозить людей. Эти ячейки нужно вписать в крупное хозяйство, ибо крупное хозяйство может состоять из нескольких ячеек, как завод состоит из цехов.

В отношении ведущего влияния совхозов, мне кажется, для привлечения внимания партии и устранения противопоставления советских хозяйств крестьянским хозяйствам следует выдвинуть пункт, в котором говорилось бы, что ведущее начало советских хозяйств будет использовано для подъема миллионных крестьянских хозяйств.

Сталин. Там это сказано.

Чубарь. Тут сказано в общей формулировке, а нужно сказать, что из советских хозяйств мы можем и должны будем получать в нужных количествах улучшенные семена, – конечно, для этого не придется забирать весь хлеб, а лишь часть. Улучшенные семена дадут более быстрый прирост товарных излишков, не только с площадей совхозов, но и с тех крестьянских, с которых мы хотим иметь больше, потому что на улучшенных семенах крестьянское хозяйство, колхозы и т. д., могут повысить товарность. Улучшенные семена с совхозов – это крупное средство для повышения товарных излишков вообще в стране. Если из 5–7 миллионов урожая мы 1 или 2 миллиона пудов лучших семян дадим в крестьянское хозяйство, мы не скушаем этой продукции, а пустим на дополнительное производство товарных излишков хлеба. Эту задачу нужно поставить перед совхозами, потому что она гораздо крупнее и политически гораздо

более понятна крестьянам, чем та, которая сформулирована во втором пункте, – и, в частности, пример украинского совхоза имени Шевченко. Я должен сказать, что этот совхоз имеет прекрасные результаты в части реконструкции крестьянского хозяйства, но с совхозом это связывать не так уж обязательно. Мы связывали это только потому, что мы использовали одних и тех же организаторов, ибо трактор, который пашет крестьянам, не может пахать совхозам в одно и то же время. Значит, нужно иметь при совхозе определенное количество тракторов, это так и сделано, колонны тракторные, которые целиком и полностью работают на обслуживание крестьян окрестных сел. Тут мы связаны расстоянием, рабочей силой, стоимостью вспашки и т. д. Можно организовать тракторные колонны вне совхоза, только при определенных ремонтных мастерских, ремонтных базах.

Г о л о с. Это будет хуже.

Чубарь. Я не знаю, будет ли это действительно хуже во всех случаях жизни, но я убежден, что если совхозам поставить собственную задачу: дай из земли не 53 пуда, а 153 пуда или даже 253 пуда, то нечего совхознику ездить и обслуживать крестьян – он должен все силы затратить на решение поставленной ему задачи. Для создания тракторных колонн нужно выделить новые средства, использовать новые людские силы и возможности, потому что это крупнейший рычаг обобществления сельскохозяйственного производства. Но я этот вопрос ставлю не для того, чтобы охаять опыт, а лишь для сравнения с тем, какой эффект мы получим от использования семенного материала из совхозов и какой эффект мы получим от того инвентаря, которого для самих совхозов не хватает. У нас совхозы на Украине обеспечены мертвым инвентарем ниже 50% для того, чтобы правильно, рентабельно вести хозяйство, чтобы максимально выжимать из земли то, что она может дать. Только к концу пятилетия намечается полное укомплектование живым и мертвым инвентарем до 100% потребности. Это одно даст повышение урожая примерно на 80%, по подсчетам нашего Совхозтреста и Сахаротреста[237].

С этой точки зрения, я считаю, что в резолюции, где говорится о новых совхозах, нужно сказать еще и о старых совхозах; о том, чтобы не снижать внимания к старым совхозам, о том, что с них нужно получить больше, чем они дают теперь. Это нужно сказать для того, чтобы не было впечатления, что старые совхозы, которые ведут комбинированное хозяйство, – это зло, а добро только в новых зерновых совхозах.

Я считаю, что в некоторых районах можно 5–6 лет хищнически использовать землю с большой пользой для получения хлеба, но и риск будет большой, потому что при этом хищническом использовании земли стихия, начиная от вредителей и кончая засухой, может ударить, и если урожай в этом случае будет только 40 пуд., то придется покрывать дефицит, и довольно большой.

В новых совхозах мы на зерно ставим ставку и можем первое время этим ограничиться, но в дальнейшем потребуются дополнительные капиталовложения. В существующих совхозах, которые прогрессируют в направлении интенсивных культур, интенсивного хозяйства, которые не выбрасывают зерновых культур, а повышают их рентабельность, в ряде случаев небольшие капиталовложения дадут более гарантированный успех. Вот почему и на старых совхозах нужно заострить внимание, поставив им задачу увеличения товарного хлеба и обеспечив их соответствующим финансированием.

В отношении пункта 7-го, мне кажется, что если Политбюро программу работ на 1928 год утвердило, рассмотрело, то после доклада т. Калинина пленум не может утвердить этой программы работ, ибо тогда ее можно изменять только с разрешения пленума. Программа работ не в том, чтобы добыть 5–6 млн., а программа работ – это кон-

кретный оперативный план, который на пленуме мы не можем детально обсудить, а потому утверждать незачем. Я считаю и подчеркиваю, что конкретная программа этого плана работ может обеспечить действительно такие результаты, которые мы ставим, если тщательным образом от одного к другому пункту, где создаются совхозы, переходить и учитывать местную обстановку. Тут ваше увлечение, Михаил Иванович, централизацией чревато теми опасностями, что если в центре сделать ошибку и помножить на все совхозы, то она будет в 10 раз больше, чем в том случае, о котором говорил тов. Иванов, когда местная инициатива, местный опыт, местные люди привлечены более полно к тому, что делается. Мы на Украине считаем, что можем выделить часть земель за счет ликвидации переселенческих операций, ибо в данных условиях финансировать переселенцев, вкладывать средства, которые недостаточно их укрепляют, невыгодно. Эти вложения не дают того эффекта, который можно получить от тех денег или той материальной помощи, которую обещал Михаил Иванович. Мы рассчитываем, что при организации совхозов эти земли государство и наше социалистическое строительство используют лучше, чем распыляя эти земли отдельным переселенцам, которые во многих случаях не врастают в новые для них условия и через 2–3 года уходят обратно.

Последнее замечание насчет тов. Осинского и Днепростроя. Этого вопроса коснулся здесь тов. Осинский. Я согласен с той оценкой, которую дал тов. Иванов, что тов. Осинский взял абстрактно крупное производство, вне конкретной обстановки, вне той необходимости, которая стоит перед нами, вне сравнения этого шага с теми, которыми мы шагаем сейчас. Между тем с этим надо сравнивать больше, чем с хлебными фабриками Америки, которые при известной экономической обстановке могли развалиться.

Калинин. Через 10 лет, может быть, они у нас превратятся в другие.

Чубарь. Так что он взял этот вопрос абстрактно. С его стороны был кивок на то, что Днепрострой рано начали строить. Я думаю, что отнюдь не рано начали строить, когда мы в настоящее время предполагаем автомобили и трактора строить в большом количестве, как здесь говорилось, когда мы стоим перед тем, что для крестьянина требуется не столько мануфактура, сколько железо и машины.

Сталин. Вот об этом забывают.

Чубарь. А у нас ни качественной стали нет, ни железа нет в достаточном количестве. Без этого всерьез индустриализацию не проведешь. Мы должны строить машины и развивать химию. Мы не можем ввозить всех необходимых нам для этого вещей из-за границы, а без электроэнергии мы у себя этого тоже не получим. Вы говорите о том, что мы должны от американского размаха отказаться. Вы нас пугаете тем, что мы начали рано строить Днепрострой. А я должен сказать, что поздно начали строить, ибо у нас такое положение, что мы должны форсированно строить металлургические заводы и при каждом заводе строить свою станцию, мы должны строить заводы химических удобрений и для каждого завода неизбежно строить свою станцию. Нам нужны сталь, алюминий и т. п., нам нужно развивать машиностроение, вы обо всем этом не вспоминаете, забившись в тупик. Вы и тут подходите поверхностно, оспаривая то, что было сделано совершенно правильно и что нужно твердо довести до конца. Каждый крупный шаг нужно делать без колебаний, довести его до конца, проверяя, конечно, каждую стадию работы, чтобы делать возможно меньше ошибок.

Председатель. Заседание закрывается. На вечернем заседании первый оратор Хатаевич, второй Петровский.

ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Вечер, 11 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Хатаевич, следующий Петровский.

Хатаевич. Я целиком поддерживаю предложение тов. Чубаря о необходимости включения в резолюцию специального пункта о старых совхозах. Тов. Калинин этого вопроса в своем докладе коснулся вскользь. Он приблизительно так сказал, что в старых совхозах, в их организации, в постановке их работы есть элементы сентиментальности, противопоставляя их в этом отношении новым совхозам, которые должны быть хозяйственно и рационально поставлены. Тот, кто прочтет этот доклад, невольно сделает из этого вывод, что на старые совхозы надо будет поставить крест. Если такой вывод будут давать на местах из доклада тов. Калинина, то это чрезвычайно вредно для работы. У нас на Средней Волге старые совхозы имеют площадь 260 тыс. гектаров, а под посевом имеют не более 60 тыс. гектаров. Новые совхозы предполагается организовать у нас на площади в $^1/_2$ миллиона гектаров. 1927 хозяйственный год старые совхозы закончили у нас с дефицитом в 1 млн. руб., и этот дефицит является не только результатом того, что очень скверно работали, но и результатом совершенно недостаточного внимания и помощи им. Резолюция Политбюро ЦК от 30 декабря 1926 г.[238] о совхозах оказалась реализованной не больше, чем на 15%, если на 20 – это, пожалуй, будет много. На деле все те решения, где говорилось о необходимости принять твердые решительные меры по поднятию старых совхозов, не проведены в жизнь. Новые совхозы сейчас организуются из расчета 80 руб. основного капитала на каждую десятину. Старые совхозы у нас имеют 21 руб. – 21 руб. 50 коп. основного капитала на десятину площади. Ясно, что при таком основном капитале и при полном отсутствии оборотных средств требовать от самых хороших работников, чтобы они поставили как следует старые совхозы, совершенно невозможно. А было бы совершенно неправильно при проведении столь грандиозной работы по организации новых совхозов ставить крест над старыми.

Сейчас в наших старых совхозах дело обстоит следующим образом, что у них нависла серьезная угроза срыва уборки урожая. Они должны собрать несколько миллионов пудов зерна. Благодаря тому, что они уже два месяца не платят зарплаты, благодаря тому, что у них нет ни копейки за душой, есть большие сомнения – удастся ли им убрать урожай или нет? Стоял вопрос в ЭКОСО РСФСР об отпуске кредита, специального краткосрочного кредита на уборку урожая. ЭКОСО РСФСР, несмотря на то, что была директива тов. Смирнова, постановило не отпускать; или потому, что председательствовал тов. Милютин – НКФин, который вообще против того, чтобы деньги отпускать, или по другим причинам, но постановили не отпускать. Ставят под угрозу уборку урожая, несмотря на то, что на это нужно 100–200 тыс. руб., не дают денег в порядке краткосрочного кредита. А сотни миллионов для того, чтобы иметь только в перспективе надежду получить хлеб, мы сегодня решим отпустить. Я не против новых совхозов, я не согласен с Осинским, который, по существу, предлагал сегодня отме-

нить уже состоявшееся по этому вопросу решение Политбюро, но я считаю, что, принимая меры, такие громадные мероприятия по созданию новых совхозов, нужно одновременно обеспечить более решительное проведение в жизнь прежних решений о приведении в приличное состояние старых совхозов.

Вопрос о результатах работы как старых, так и новых совхозов будет в значительной степени зависеть от людей. Люди сейчас в старых совхозах очень плохие. Во всех совхозтрестах сейчас сидят люди, которые не умеют поставить этого дела. Я думаю, что вопрос о людях нужно более решительно выпятить в резолюции. Надо провести специальную мобилизацию. Надо, чтобы ЦК проверил весь руководящий состав руководителей новых совхозов и старых совхозтрестов, надо специально дать туда две сотни подходящих крепких людей, которые сумеют поставить это дело. Надо заставить местные партийные организации, аппарат ЦК, чтобы две сотни человек самых солидных, самых надежных на это дело было поставлено. Без хороших людей это дело не сдвинется.

В работе по организации новых совхозов мы уже имеем целый ряд опасностей и перебоев. Нам нужно в нашей области поднять 18 тысяч гектаров под зябь. Для этого должны были дать 144 трактора, а через месяц после того, как получено задание, получаем сообщение, что вы получите не 144, а 80, а на остальные будьте добры достать волов и поднимать при помощи волов. Не знаю, получим мы 80 тракторов или нет, но если и впредь так будет продолжаться, то это дело с достаточным успехом не будет двигаться.

Затем встает вопрос о переселенцах. Под совхозы отводятся фонды, которые предназначали для переселенцев. Ходоки уже там были, земли отведены, но сейчас все это будет похерено, и мы на местах точно не знаем, как обойтись. Очевидно, этот вопрос не только у нас, но и в других районах, поскольку мы под совхозы отдаем наиболее удобные, наиболее близкие к жел. дорогам земли и т. д. Очевидно, это как раз те участки, которые были отведены в прошлом для переселенцев. Это вопрос, имеющий политическое значение, и надо дать по этому вопросу общие указания для всех районов, где организуются новые совхозы.

Поскольку здесь тов. Калинин и другие касались не только вопроса о совхозах, а говорили вообще о задачах поднятия сельского хозяйства, я хотел бы сказать несколько слов о перспективах нашей посевной осенней кампании. Мне кажется, эта осенняя посевная кампания находится под угрозой. Мы весной сильно раскачались, мы сильно подняли яровой посевной клин. Это является результатом отчасти тех самых чрезвычайных мер, о которых здесь много говорили и которые хаяли. И вот есть такая опасность, что мы весной раскачались, а осенью надо этот сдвиг закрепить и расширить. Нам нужно иметь нарастающий темп в работе по расширению посевных площадей, а есть опасность, что мы, наоборот, темп этот свернем. Это опасность очень серьезная и реальная. Ибо до сих пор еще нет никакого правительственного постановления о контрактации осенних посевов. Денег на это дело почти не отпускают или отпускают слишком мало. Есть разработанный проект декрета о контрактации осенних посевов. Тов. Рыков, как я слышал, чуть ли, что называется, этот проект не похоронил. Нужны кредиты на контрактацию осенних посевов. Когда мы у себя обсуждали вопрос о подготовке к осенней посевной кампании, то нам было сообщено официально, что будет производиться только контрактация чистосортных семян; в пределах Средневолжского района, где площадь засева 6 млн. гектаров, у нас имеется чистосортных семян только на 100–150 тыс. гектаров. Если мы в таких размерах проведем контрактацию, то по сравнению с работой, развернутой в весеннюю посевную кампанию, это будет чрезвычайно ничтожное дальнейшее развитие этой самой работы.

Рыков. Вы сказали, что я похоронил кого-то.

Хатаевич. Я слышал, что здесь комиссия тов. Баумана вместе с кооперативными работниками разработала проект контрактации осенних посевов. Вы этот проект задержали. Сейчас есть большая угроза...

Рыков. Бауман просил заслушать проект после пленума, и я его просьбу удовлетворил.

Хатаевич. Есть опасность, что никакого кредита на осеннюю посевную кампанию не будет отпущено. Есть такие разговоры, и если они имеют под собой реальную почву, то есть угроза, что сдвиг, который мы имели в весенней посевной кампании, не будет в дальнейшем закреплен и развит и что вместо нарастающего и развертывающегося темпа развития сельского хозяйства мы будем иметь свертывание и движение вспять. Если говорить о поднятии индивидуального хозяйства, то больше всего это будет достигаться через развертывание таких мероприятий, как контрактация, и через расширение средств, отпускаемых на это дело, и будет лучше и полезнее всякого рода статей и Марецкого[239] и др. На одних передовицах «Правды» осенней посевной кампании не проведешь. Нужны еще деньги и кредиты. Я думаю, что нужно попутно об этом вспомнить, чтобы обеспечить больший успех осенней посевной кампании, чтобы подвести под нее известную базу в смысле отпуска минимальных материальных средств.

Председатель. Слово имеет тов. Петровский, следующий тов. Клименко. Есть предложение о прекращении прений. Надо решить, готовиться ли следующему оратору или нет.

Заявление о прекращении прений подписано очень многими товарищами. В списке ораторов осталось сравнительно немного товарищей, после Петровского пять человек. На протяжении часа мы можем выслушать их всех. Вопрос сам по себе настолько важный, что не нужно, по-моему, прекращать прений. Если мы будем держаться в рамках 10 минут, – я думаю, исключение придется сделать для одного Муралова, который руководит практической стороной этого дела, – если остальным давать строго по 10 минут, то мы сумеем до вечернего перерыва закончить прения и заслушать заключительное слово Калинина, а после перерыва заслушать Молотова.

Поддерживает кто-нибудь предложение о закрытии прений?

Г о л о с а. Нет!

Косиор. Предлагаю закрыть список ораторов.

Председатель. Голосую. Кто за закрытие списка ораторов? Большинство.

Слово имеет тов. Петровский.

Петровский. Вопрос организации новых совхозов, несомненно, запоздал. К сожалению, по условиям прежней гражданской войны, а главное – по условиям аграрной революции нам не удалось планомерно эти совхозы организовывать по советской земле так, чтобы они захватили во всех областях и районах крестьянство. Теперь совхозы идут по узкой полосе и как бы в стороне. Но то, что приходится на них ассигновывать огромные средства, 350–400 млн. рублей, памятуя, что мы часто просчитываемся, требует осторожного отношения к этому делу. И я хотел бы, чтобы один пункт был сюда прибавлен к резолюции Политбюро, пункт 8-й, в котором сказать: во-первых, срок немного удлинить...

Сталин. Правильно.

Петровский. А затем первые ассигнования вложить тогда, когда бы можно было видеть наибольшую выгоду этих вложений. Тогда может появиться энтузиазм для продолжения этого дела.

Я исхожу из того положения, что, когда мы на что-нибудь напираем, часто выхо-

дит наоборот. Так, например, сейчас мы говорим о том, что необходимо помочь индивидуальному крестьянскому хозяйству, являющемуся на 90% основой нашего дальнейшего развития промышленности. Но если мы из наших средств изымем 400 млн. рублей, то само собой разумеется, что мы очень слабо будем помогать частному крестьянскому хозяйству. А сейчас ему помочь очень желательно и очень нужно.

Вам всем известно, какая сейчас идет большая волна организации крестьянских простых коллективов. У нас на Украине они организуются сотнями, и почти каждый такой простейший коллектив требует покупки трактора. Если мы много средств дадим на совхозы и трактора для них, мы не сможем поддержать организацию крестьянских коллективов, которые широкой волной развернулись по всему Союзу. А вам всем известно, что поддержка частного индивидуального крестьянского хозяйства, несомненно, принесет огромную пользу, и увеличит урожай крестьянского хозяйства, и мы сможем, быть может, быстрее выйти из того кризиса, в котором сейчас находимся по производству хлеба, чем совхозы нам дадут; если поддержим сейчас крестьянскую волну коллективов, то мы сумеем лучше организовать их, т. е. дать средства для лучшей их организации и, главное, производства. А вам известно, что дело помощи крестьянскому хозяйству только что начинает налаживаться: еще недостаточно мы даем сельскохозяйственных орудий, несколько миллионов имеется крестьянских хозяйств, которые пашут сохами, кредит слаб и незначителен, и только, может быть, года полтора, как мы лучше сорганизовались к тому, чтобы этот кредит давать бедняку и середняку, а то он попадал кулаку.

Рыков. Он семь месяцев идет из Москвы до деревни.

Петровский. Мы только что начинаем мало-помалу разворачиваться, чтобы действительно всю массу крестьянских хозяйств лучше сорганизовать. Стихийные бедствия, с одной стороны, наша пропаганда и агитация – с другой подняли сейчас волну крестьянского движения за коллективы, и они везде и всюду ищут выхода из создавшегося тяжелого, кризисного состояния. Голод – не тетка, и переживаемые всем крестьянством кризисы недородов здорово научили и тому, чтобы искать выхода из этого положения, периодически повторяющегося в стране. Если мы коллективистическую волну не поддержим, а мы не сумеем ее поддержать, если 400 млн. рублей бросим на организацию совхозов и этим отрежем средства от сельского хозяйства, то мы намного отобьем энтузиазм крестьян к тому, чтобы свое дело поправить путем своей организации и государственной помощи, которая в данном случае должна подоспеть крестьянскому хозяйству, и тогда у нас не будет по городам волынок безработных. Вот почему мне кажется, что нужно было бы серьезнее отнестись сейчас к этой самой коллективистической волне крестьянских хозяйств и обратить более серьезное внимание на замечания наших крупных практиков, которые тут выступали, как тов. Анцелович и тов. Смирнов, – я не говорю про тов. Осинского: он присяжный скептик по всем вопросам, – но таких практиков, как тов. Анцелович и тов. Смирнов, которые говорят...

Анцелович. Наоборот, я говорил, что деньги на это дело надо давать.

Петровский. <Которые говорят>, что нужно серьезнее приступать к этому делу, лучше изучать его. Поэтому нужно не сразу шарахаться на 400 млн. рублей, а посмотреть внимательнее и в первый тур миллионов 100 заложить на это дело; если оно даст рентабельность, тогда уже можно поспешить со второй порцией ассигнований и вызвать наибольшее желание и наибольшую преданность этому делу со стороны крестьян. Самое главное для нас – вызвать такое желание со стороны крестьян к организации коллективов. Всем известно, что много крестьян на наши крупные вложения смотрят как на налог, который ложится на их спину: на такие крупные вложения, каким является Днепрострой, другое капитальное строительство, на промахи в основном строи-

тельстве. Уже имеется несколько писем от крестьян, говорящих о том, нельзя ли прекратить постройку Днепростроя, потому что все деньги забираются на промышленность, крестьянское хозяйство не поддерживается, кредиты трудно достать, затеваете еще новое строительство и т. д.

Г о л о с. А как вы относитесь к этим разговорам?

Петровский. Вы напрасно задаете мне такой вопрос, вроде экзамена. Мое отношение вы можете проверить на той работе, которую я провожу, на том, что я пишу и говорю, а не тут говорить. У нас есть постановление съезда, постановление пленума, которые я защищаю, а как я отношусь к совхозному строительству – эту свою мысль я сейчас излагаю.

Тому, что сейчас крестьянство восстает против наших крупных вложений, надо противопоставить самую сильную агитацию, потому что в этом отношении крестьянство поддерживают реакционные оставшиеся помещики и кулацкие слои, которые за то, чтобы мы прекратили крупное капитальное строительство. Но в целях того, чтобы крестьянство было меньше заражено вредной агитацией, а особенно середнячество, мне кажется, к этому вопросу надо подойти так: постепенно, последовательно растянуть больше срок, установить часть совхозов, которые надо сразу заложить, показать их лучшую рентабельность и на основе этого идти дальше.

Председатель. Слово имеет тов. Клименко, следующий тов. Квиринг.

Клименко. Постановление Политбюро о строительстве новых совхозов – правильное постановление, но было бы лучше, если бы это постановление состоялось раньше, может быть, мы те земли, которые мы пустили под переселение, именно лучшие земли, использовали бы для строительства совхозов.

Г о л о с а. Правильно.

Клименко. И сейчас нужно подойти к строительству совхозов с точки зрения практической. Какие трудности мы встречаем? Прежде всего, трудности эти в людях. Вот мы ищем председателя треста, уже чуть ли не два месяца разговариваем и никак не подберем. Нам нужно 100 крупных работников, директоров этих совхозов, которые насчитывают 30 и 50 тыс. десятин. Потом нужно будет до 1000 заведующих экономиями, это от 3 до 5 тыс. десятин. Потом примерно около 5 тыс. нам нужно будет агрономов разной квалификации. И вопрос о людях – вопрос главный. Правильно подобрать и расставить людей – сделать полдела. Роль личности в совхозах чрезвычайно велика.

Г о л о с. Больше, чем в истории.

Клименко. Вот если взять практику украинских совхозов, работу тов. Маркевича – это действительно герой труда. Он проделал большую работу, которая является для всего Союза образцом и примером.

Чубарь. Ты не расхваливай, а то могут перетащить.

Клименко. Если на большое дело, почему же не перетащить? Это ничего, он колоссальную работу проделал. Мы только о ней говорим, но, в сущности, мы еще ее не изучили, не оценили работу этих совхозов, которые действительно начали на практике осуществлять ведущую роль в реконструкции, в социалистической реконструкции нашего крестьянского хозяйства, т. е. в строительстве крупного общественного сельского хозяйства. У нас в РСФСР, к сожалению, тут особенно похвалиться нечем, но, может быть, я еще не особенно хорошо изучил.

Анцелович. Имеются хорошие, лучшие совхозы.

Клименко. Совхозы есть лучше, но что мне из того, что они лучше, если они убытки дают?

Анцелович. Есть уже и неубыточные.

Клименко. Если посмотреть на строение основного капитала наших совхозов, то

занимает доминирующее значение постройка, потом идет мертвый инвентарь. Это, по существу, на 50% хлам, потом живой инвентарь, которого только на 1/3 потребности имеется.

Анцелович. Тут и герой без капиталов ничего не сделает.

Клименко. Это в достаточной степени характеризует убыточность. Анализ баланса говорит о том, что наши совхозы РСФСР находятся в чрезвычайно тяжелом положении, но это не значит, что нужно ослаблять энергию в отношении строительства новых совхозов. Мы все время ведем переселение крестьян. Переселение рентабельно и выгодно, прежде всего, с точки зрения колонизации. Дальний Восток – это очень острый вопрос. Дальний Восток надо колонизовать: там и людей недостаточно, и идет встречная колонизация со стороны японцев, корейцев и т. д. Плохо обстоит на Дальнем Востоке с хлебофуражным балансом, нам туда надо возить хлеб на очень большое расстояние.

Вот Сибирь. Это, в первую очередь, лесная промышленность, и прежде всего тут надо иметь в виду строительство дороги, которая свяжет Сибирь с Туркестаном. А по всем остальным районам переселение в большинстве является самым невыгодным, ибо каждое переселяющееся хозяйство нам обходится примерно в 1000 руб. Потом оно год или два висит у нас на шее, потому что оно не имеет продовольствия от своего хозяйства даже на прокормление, а потом уже оно начинает развертываться, а потом делается кулацким, мы начинаем вести с ним борьбу и т. д. Так что и хозяйственная, и принципиальная постановка вопроса о строительстве новых совхозов чрезвычайно правильны; тут только нужно точно рассчитывать все-таки, ибо как-то в каждом нашем строительстве получается так, что наметим план, а потом оно стоит в два раза больше. Я не верю в то, что обойдется нам это строительство в 335 миллионов рублей. У нас только грубая наметка относительно этого, контрольные цифры. Но если бы у меня спросили: что, если это строительство будет стоить 500 миллионов рублей, ты подписался бы под этим? Я бы подписался, лишь бы только не стоило дороже, потому что новые совхозы выгоднее, чем обычное переселение крестьянства.

Чубарь. Меньше даем.

Клименко. Меньше даем, но в общем обходится нам в 1000 руб.

Рыков. А почему совхозы делают ненужным переселение?

Клименко. Потому что мы пустые земли хозяйственно осваиваем.

Косиор. Что не под силу единоличным хозяйствам.

Рыков. Ведь переселяются крестьяне, которым жить нечем.

Клименко. Проблема аграрного перенаселения решается не переселением, а решается реконструкцией самого хозяйства и капитальными вложениями.

Рыков. Но не совхозами.

Клименко. Нет, не совхозами. Совхозы не решают проблему перенаселения, не решают проблему и переселения.

Калинин. Но они смягчают.

Клименко. Смягчают в некоторых районах. Но переселение в самом незначительном размере разрешает вопрос об аграрном перенаселении. Тут вопрос совершенно в другом коренится.

Здесь выступал тов. Анцелович и заявил о безграмотности статьи тов. Анисимова.

Анцелович. Не статья, а отдельные положения.

Клименко. Я такой же агроном, как тов. Анцелович. Тов. Анисимов настоящий агроном, коммунист, крупный работник. Он написал, что от 5 до 10 лет будет экстенсивное зерновое хозяйство в новых совхозах. Это верно, ведь мы поднимаем старозалежные земли.

Анцелович. Какие земли в отдельных районах – суглинок, песок?

Клименко. Как суглинок, как песок? Там в степях больше чернозем. Поднимаем старые залежи, и для того, чтобы их распахать, подготовить как следует, чтобы культурно вести хотя бы зерновое хозяйство, нужно два года потратить, потому что если сейчас вспахать и посеять, то вырастет не пшеница, а пырей. Ведь для того, чтобы из этих пустующих земель взять все, что они могут дать в экстенсивном, даже в хищническом порядке, мы можем минимум 5 лет на них сеять и пахать только хлеб. Это говорят агрономы и ученые.

Анцелович. Каждый год урожай будет понижаться.

Клименко. Я такой же агроном, как Анцелович.

Томский. А он порядочный агроном?

Г о л о с. Он вождь агрономов.

Клименко. Я считаю, что минимум 5 лет эти земли можно будет хищнически эксплуатировать, и одновременно нужно будет подготовляться к более культурной системе хозяйствования. Вопрос – травяной ли клин, а может быть, кукурузный. Кукуруза очищает поля и с точки зрения агрономической обновляет почву. Этот вопрос нужно разработать.

Анцелович. Только через 5 лет хотите перейти к травопольному или иному севообороту.

Клименко. Вы могли написать статью в журнале или в газете и полемизировать с т. Анисимовым, но выступать здесь с таким заявлением очень смело. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.) Что же мне делать? Я еще ничего не сказал. Дайте хоть 5 минут.

Председатель. Голосуется, кто за 5 минут Клименко? Кто против? Продолжайте.

Клименко. Теперь два слова товарищу докладчику, Михаилу Ивановичу. Он готов кому угодно передать строительство новых совхозов, лишь бы не Наркомзему.

Калинин. Это верно.

Клименко. Он говорит, что в работе Наркомзема и совхозов наркомземовских преобладают элементы сентиментальной и всякой прочей морали. Если будет такое «сентиментальное» отношение к Наркомзему, выражаясь языком Михаила Ивановича, то, конечно, мы наш Наркомзем не поставим на ноги с тем, чтобы он выполнил те колоссальные задачи, которые стоят перед ним. Например, к нам в Наркомзем ни один крупный специалист не хочет идти работать, потому что в смысле материального обеспечения мы приравнены к Наркомпросу, Наркомсобесу и проч., лучшие агрономы идут работать в ВСНХ, Наркомюст и Наркомторг. А если вызовем с места агронома более или менее приличного, он, как только акклиматизировался в Москве, познакомился, так и ушел, потому что зарплата в отношении специалистов чуть ли не в два раза ниже, чем в ВСНХ.

Я считаю этот вопрос существенным, это имеет отношение и к совхозам.

Вот относительно старых совхозов, перед которыми также стоят колоссальнейшие задачи, имеются большие возможности. Благодаря неправильному отношению к старым совхозам действительно никуда не годится такое отношение. Они и по сей день находятся в тяжелом положении. Например, по капитальным вложениям в совхозы в 1926 г. было 5834 тыс. и по бюджету дали 1 млн., а остальные пошли по линии кредита, в том числе и краткосрочного.

Анцелович. Часто по условиям кабального кредита.

Клименко. В следующем году из 9 млн. только 3 млн. пошли по бюджету, а остальные пошли по линии кредита. В последнем году из 16 млн. капитальных вложений только 4 млн. пошло из бюджета, остальные пошли из кредита. Это в то время, когда обеспеченность мертвым инвентарем у нас 56%, живым инвентарем – 32%; охват па-

хотной площади по Средневолжскому району – 58%, а остальные пустуют; по Нижневолжскому – 50%, по Сев. Кавказу – 37%. У нас колоссальные возможности в отношении старых совхозов, но отношение у нас было неправильное, ибо нужно вложить средства, составить план, послать людей. И если они не дали тех результатов, которые ожидаются, тогда нужно их привлекать к ответственности, а то ничего не дают, кроме резолюций и хороших пожеланий, и хотят, чтобы это дело было прибыльно. Так что в отношении старых совхозов, которые должны в ближайшие два года стать на собственные ноги, чтобы они действительно на практике выполняли роль последовательно социалистических предприятий, т. е. чтобы они начали осуществлять ведущую роль в социалистической реконструкции крестьянского хозяйства, – тут нужно коренным образом изменить отношение к ним.

Теперь две справки по выступлению тов. Ярославского. Вопрос относительно всяких религиозных коммун, конечно, это вопрос важный, его можно и нужно поставить, но, мне кажется, он к строительству новых совхозов отношения не имеет.

Ярославский. Постольку, поскольку у нас земли не хватает, а вы туда земли даете.

Клименко. Земля в этих коммунах разбросана, там больших массивов нет. Но этот вопрос важный, его нужно обсудить. Относительно города Евангельска. Во-первых, никакого города Евангельска нет и не было, и потом никакого содействия Наркомзем в организации несуществующего города не оказывал. Было дело так: явились представители евангелистов, которые просят: разрешите нам переселиться в далекий район, Сибирь или на Дальний Восток, мы организуем там крупную с/х коммуну.

Специалист НКЗема дал на руки отношение, что такие-то едут осматривать землю для организации крупной коммуны, просьба оказать им содействие. И только. Такое мы всем оказываем содействие (с м е х). Конечно, кто у нас не лишен избирательного права, кто у нас считается трудовым элементом. Я думаю, что от этой бумажки до города Евангельска, которого не было и о котором узнали из какого-то журнала, где они написали, что предполагают организовать город Евангельск. А почем мы знаем, что они предполагают? Поскольку мы узнали, что этот вопрос приобретает политический характер, все было ликвидировано.

Председатель. Слово имеет тов. Квиринг, следующий тов. Муралов.

Квиринг. Решение Политбюро о создании совхозов, вопрос о практической организации этих совхозов, о плане их построения имеет огромное значение, ибо, если мы здесь сделаем большие ошибки и не примем всех мер для правильной организации дела, мы можем это хорошее дело на первых же порах если не загубить, то, во всяком случае, можем ему значительно повредить. Вот я и считаю, что вопрос правильной организации новых совхозов прежде всего связан с вопросом о старых совхозах. Я поднимал этот вопрос на комиссии тов. Калинина, но меня там провалили. Создалось примерно такое положение: вот у нас есть старые совхозы, они пускай остаются так, как и были, а весь центр тяжести переносить на создание новых совхозов. Я хочу вам прежде всего привести несколько цифровых справок, показывающих, что такое наши старые совхозы, чем они являются и что от них можно получить. У нас имеется сейчас шесть тысяч совхозов, они владеют $3^1/_2$ млн. гектаров земли. Но из этих $3^1/_2$ млн. гектаров под пашней имеется всего $1^1/_2$ млн., а под посевами 1200 тысяч. Вы видите, как плохо организованы эти совхозы. Сюда входят и сахарные совхозы. При правильной организации этих совхозов, при правильном развитии у них посевов, при правильной механизации работы в том же масштабе, как мы это предполагаем в новых совхозах, мы можем свободно иметь посева в старых совхозах $2^1/_2$ млн. гектаров, которые могут нам дать 50 млн. пудов товарного хлеба, причем эти 50 млн. пуд. товарного хлеба из этих старых совхозов мы получим с гораздо меньшей затратой, чем 50 млн. из новых совхозов.

Менжинский. И гораздо скорее.

Квиринг. Вот почему, по-моему, совершенно естественно напрашивается вопрос о максимальном расширении старых совхозов. Ведь это же элементарное требование, которое мы предъявляем к каждому капитальному строительству: тратить деньги в первую очередь на такие предприятия, которые наиболее эффективны. Наиболее эффективными являются, конечно, старые совхозы. Поэтому рядом с планом новых совхозов, который нужно проводить в жизнь, обязательно нужно иметь план развития старых совхозов и финансирование их необходимо обеспечить. При правильной организации старых и новых совхозов через 5 лет мы можем получить не 100 млн. пуд. товарного хлеба, а примерно 150 млн. пуд. Но не только необходимо обеспечить их финансирование. Я считаю, что неправильно такое резкое разделение старых и новых совхозов. Я говорил на комиссии тов. Калинина и сейчас повторяю, что мы должны взять из старых зерновых совхозов те, которые можно укрупнять, и сделать их опорными пунктами новых совхозов. У нас есть такие, у нас и сейчас есть совхозы, которые имеют примерно 10–20 тыс. гектаров. Вот такие совхозы и надо взять как основу для новых больших совхозов, расширяя их за счет ближайших свободных земель. Такая возможность имеется в целом ряде мест. Здесь должно быть положено начало первым новым совхозам. Собственно говоря, так оно на деле и идет. Но идет прямо анекдотически. Я приведу такой пример, который сообщаю со слов только что приехавшего из Саратовской и Самарской губернии тов. Голендо, который ездил по совхозам и колхозам и который сообщает о таком факте: в Аржановском совхозе Пугачевского уезда Саратовской губернии старый совхоз имеет 14 тысяч гектаров земли. Этот совхоз решено превратить в новый совхоз. Но в этом совхозе имеется старое управление. Это совхоз Госсельсиндиката. В нем имеется полторы тысячи десятин посева из 14 тысяч площади, 150 лошадей и 500 пар быков. Но так как есть распоряжение Наркомзема старые и новые совхозы ни в коем случае не сливать, то этот старый совхоз в Аржановском сворачивается, скот, лошадей, быков собираются угонять на другой совхоз, а на новый совхоз приехал новый человек, управляющий, который снял комнату у старого совхоза, купил себе тройку лошадей, хотя у старого совхоза их имеется 150. Нанял себе кучера, сторожа и, таким образом обосновавшись, начинает организовывать новый совхоз. Как он его организует? Тракторов у него еще нет, но пахать ему надо. Он нанимает окружающих крестьян. Кого он нанимает? Конечно, только зажиточных, потому что только зажиточные крестьяне могут дать ему лошадей на эту запашку. А пахать надо целину, для чего надо немало лошадей.

Рыков. Штуки 4–5.

Квиринг. Во всяком случае, эти крестьяне заламывают огромные деньги за запашку и получают их. Значит, директива о запашке выполняется, но выполняется совсем не так, как мы предполагали. Намечали мы механические совхозы с тракторами, а получается, что в старом совхозе 150 лошадей и 500 быков не работают, а для нового лошадей нанимают.

Ройзенман. Надо обследовать.

Квиринг. Я не возражаю. Тов. Ройзенман говорит, что надо обследовать (с м е х). Допустим, что мы уже подошли к периоду, когда надо новые совхозы обследовать, хотя это, конечно, еще рановато.

Я напомню, товарищи, что кто-то из выступавших уже упоминал о том, что в Сальском округе тоже крестьян нанимают, так что, очевидно, это не единичный случай.

Г о л о с. Ничего в этом страшного нет.

Квиринг. Ну да, видите, товарищи, ничего страшного, конечно, нет, но если мы

таким путем начинаем их организовать, в то время когда мы можем начать организовать их иным путем...

Иванов. А 65 тысяч десятин...

Квиринг. Видите ли, тов. Иванов, если вы их произвели путем найма крестьян, то они никакого плюса к народному хозяйству не прибавляют, потому что тот крестьянин, который их вспахивал, он пахал бы вместо этого или себе, или другому крестьянину.

Рыков. Да ведь он новую землю запахивал.

Квиринг. Не в том дело, Алексей Иванович, что земли не хватает, а в том, что они на выгодных началах получают деньги. Вот почему, товарищи, я считаю, что для того, чтобы строительство совхозов поставить как следует, надо составить хороший план и развивать это дело по хорошо продуманному плану. Если слишком сильно торопиться, можно переторопиться, можно вместо успехов получить неудачи. Так как время мое истекло, я на этом кончу.

Председатель. Слово имеет тов. Муралов (30 минут).

Муралов. Я остановлюсь на тех практических вопросах, которые связаны были с выполнением постановления Политбюро о зерновых совхозах[240]. Постановление Политбюро получили в НКЗ в конце апреля, и тотчас же принялись обсуждать вопрос о том, каким образом выполнить это постановление и что собою представляет объем задания. Задание заключалось в том, чтобы в ближайшие 3–4 года организовать новые зерновые совхозы с тем, чтобы получить сто миллионов пудов товарной продукции. Михаил Иванович Калинин уже сообщил о том, что это задание было признано возможным к осуществлению и целесообразным. Кроме того, было дополнительное задание насчет темпа организации этих новых совхозов, кроме задания на 3–4 года. Новое задание заключается в том, чтобы в ближайшее время, в ближайшие месяцы так подготовить работу, чтобы в производственном году 1928/29 вновь организованные совхозы дали товарной продукции не меньше 5 млн. пудов. Поэтому в качестве первой задачи было выяснить вопрос, каким количеством земли мы располагаем. С точки зрения количественного учета земель, у нас этих земель достаточное количество: около 9 млн. гектар госфондовских земель. Но с точки зрения их расположения и удобств для зернового производства, они не составляют такой уж большой величины. Нам нужны для зерновых хозяйств определенные условия, которые связаны с качественным состоянием почвы – чернозем или каштановые земли, с экономическими условиями – с расположением земель к ближайшим пунктам транспорта железнодорожного или водного и с обеспечением урожайности, т. е. метеорологическими условиями, обеспечивающими выпадение определенного количества осадков. Мы наметили такую программу, что для того, чтобы зерновые хозяйства существовали, нам нужна плодородная почва, которая была бы расположена в районе путей сообщения, железнодорожных или водных, желательно на расстоянии минимум 25 верст и не больше 50 верст и при минимальном количестве осадков, не меньше 300 миллиметров годовых осадков. Когда с этим мерилом, а без такого мерила нельзя ручаться за успешность производства зерновой продукции, мы начали обследование госфондовских земель (была директива о том, чтобы не затрагивать надельных крестьянских земель, а идти по линии освоения новых земель, целины, или старой вспашки), наметили земли, которые удовлетворяют основным трем минимальным условиям в трех районах: в районе Сев. Кавказа, Казахстана и Поволжья. Конечно, очень большую роль играла, в особенности при намечении земель для этого года, чтобы обеспечить производственную программу ближайшего года в 5 млн. пудов товарного хлеба, инициатива местных организаций, которые в срочном порядке доставили сведения, необходимые нам для

разрешения этой проблемы. Мы остановились на землях на Сев. Кавказе в районе западного коннозаводства Сальского округа, отвергая совершенно восточное коннозаводство. В районе Волги мы наметили Самарскую и Саратовскую губ. и в Казахстане. Затем дополнительно уже, в течение этого времени, во время пленума, поступили материалы с Украины и с Урала. Дополнительно намечаем программу работ в Крыму. Таким образом, у нас по количественному размеру имеется программа удовлетворительная. Но с точки зрения расположения по районам, по расположению участков имеется несколько затруднительных обстоятельств, т. к. много хороших земель находится у других организаций. Мы включили Крым и Украину с точки зрения того, что они – районы наиболее скорого вызревания хлеба.

Нам чрезвычайно важно иметь такие зерновые совхозы и в таких районах, которые бы давали урожай скороспелой продукции. Из всей необходимой площади земли в количестве около 3–$3^1/_2$ млн. десятин на Казахстан приходится около $1^1/_2$–2 млн. Нам нужны для зерновой продукции лучшие земли. С точки зрения хозяйственного подхода, требований сплошных массивов, в этих землях мы имеем большое количество испорченных госфондовских земель. В районе Самары и Саратова у нас такая картина, что переселенческие фонды раньше распределялись и раздавались по выбору переселенцев, и поэтому мы имеем их не в определенных крупных массивах, а в лоскутном порядке, по 500 и больше десятин. Необходимо это дело упорядочить. В общем, земли как будто большое количество, но необходимо, чтобы это было в одном массиве и было в тех оптимальных размерах, которые обеспечивали бы минимальные накладные расходы. Мы должны это дело, несомненно, упорядочить, сделать выборку земли из переселенческих, колонизационных и других хозяйственных организаций. С другой стороны, трудности здесь такого рода, что в тот момент, когда раздавали эти земли, они предоставлялись хозяйственным предприятиям и организациям без учета того, что когда-нибудь нам понадобятся госфондовские земли под зерновое хозяйство, а зерновое хозяйство можно производить при определенных условиях качества почвы. Нельзя зерно производить на солончаке, в то время как пасти овец и лошадей на солончаке можно, и с большим успехом, при умелой организации. Нельзя зерно производить в очень засушливых районах, в то время как заниматься скотоводством в этих условиях можно. У нас сейчас же практически возникает и по инициативе местных организаций вопрос о том, нельзя ли перемещения какие-нибудь сделать, переместиться овцеводу, коневодческим товариществам и другим? Если овцеводу отвели хорошую черноземную или каштановую почву, то не можем ли мы ему отвести другую почву, а эту почву отвести под зерно. Нам нужно зерновую проблему обеспечить с этой стороны хорошими почвенными условиями, климатическими условиями и определенным количеством осадков, чтобы мы были застрахованы от неурожая, тем более что эти госфондовские земли расположены в засушливых районах.

Почему, спрашивается, мы выбрали эти районы? Почему нельзя на Севере этого сделать? Мы этот вопрос обсуждали со специалистами. И неправ тов. Осинский, выдвигая вопрос, что мы никакой консультации не применяли. У нас были два раза совещания с крупными специалистами, человек по 30, в НКЗ и у тов. Калинина, и там детально обсуждался этот вопрос. Профессор Дояренко предлагал идти на Север, но дело в том, что на Севере все другие условия связаны с большими капитальными вложениями. Мы обсуждали вопрос о приазовских плавнях, но эта проблема связана с большими дополнительными вложениями. Нам нужно на каждую десятину предварительно затратить 100 руб., а затем мы получим из 500 тыс. десятин общего массива госфондовских земель всего только 180 тыс. Это очень большая проблема, сейчас при больших затратах на это дело не можем начинать с корчевания, с больших мелиоративных

работ, которые требуют предварительно миллионных затрат. Поэтому первая директива была такая: нужно принять **то, что** предлагается в резолюции: необходимо со всей тщательностью произвести отбор земельных участков для организации зерновых совхозов, с учетом почвенных, климатических условий и т. д. С этим связан вопрос и о компенсациях в связи с перемещениями, имуществом, денежном и другими.

На вопрос о том, есть земля или нет, я отвечаю, что есть. Качественная сторона обеспечивается при выполнении условий почвенных, экономических и климатических. Но какую задачу мы должны ставить в зерновом хозяйстве, какое мы должны вести хозяйство – экстенсивное или интенсивное? По этому вопросу были дискуссии со специалистами и товарищами, прорабатывался вопрос, почему первые 5–7 лет возможно вести экстенсивное, а не интенсивное. Поэтому, если тов. Анцелович и тов. Осинский поставили вопрос так, что курс на экстенсивное зерновое хозяйство в первое пятилетие является агрономической безграмотностью, то я вам назову крупные агрономические авторитеты по этой части. Мы имеем по этому поводу мнение специалиста по засушливым районам Тулайкова. Это огромный авторитет. Он прямо говорит, что 7 лет на этих почвах, на этих самых, которые мы под зерновое хозяйство отводим, 7 лет можно работать по хлебу, ведя экстенсивное хозяйство. Профессор Бучинский тоже говорит, что можно на этих почвах работать. Об этом говорили также Макаров, Чаянов, Скорняков и другие видные специалисты и знатоки дела.

Теперь я перехожу к тому, какие же опыты у нас есть. Тов. Осинский здесь козырнул Америкой и говорит, что Америка не представляет собой организации, примерной для экстенсивного зернового хозяйства.

Косиор. Он лучше знает Америку, чем наш Советский Союз.

Муралов. Он лучше знает Америку, но он сам себя не знает, потому что он опирался на собственную книжку и говорил о примерах, в этой книжке заключающихся. Я утверждаю, – жаль, что его здесь нет, – что тов. Осинский свою книжку не знает, и я его же собственной книжкой буду его бить. Он говорил, что существовала, по Бедекеру, известная экономия, помещичье хозяйство, куда он направился, но оказалось, что эта экономия уже не существовала. И в то же самое время он дал справку, что эта экономия существовала целых 20 лет как зерновая. Содержит ли это аргумент против зернового хозяйства? Он сам же подтверждает, что она существовала 20 лет. В его же книжке на стр. 87, в этих же материалах есть ссылки и документы о том, что в районах, которые больше похожи в Америке на наши районы, в районах сухого земледелия в Монтане, распространено двуполье, причем одна половина земли находится год под ранним чистым паром, а другая – засевается пшеницей... Однако не более 1/4–1/3 земли у ферм засушливых районов обрабатывается таким образом. В остальных случаях либо вся пашня из года в год под посевом пшеницы, либо 1 год пара приходится на три сезона. Вот в его же собственной книжке что сказано! Тов. Осинский совершенно недобросовестно отнесся к своему собственному труду по Америке, в которую он был послан для того, чтобы изучить крупное сельское хозяйство. Он совершенно ее позабыл, очевидно. Если бы он присутствовал здесь, я бы ему в упор поставил такой вопрос и такой общеизвестный факт, что зерновую продукцию на мировой рынок дает Америка и Канада. Какое же хозяйство дает эту зерновую продукцию, экстенсивное или интенсивное? Конечно, экстенсивное. Он хотел этот общеизвестный факт опровергнуть. Это не удалось. Говорить, что наш курс на зерновое хозяйство на ближайшие пять лет является агрономической неграмотностью, я считаю, что этим обнаруживается экономическая неграмотность и незнание тех вещей, которые он, Осинский, изучал. Добросовестного отношения к делу не было у него тут.

Тов. Осинский дальше перешел к вопросу об исчислении средств. Вопрос исчис-

ления средств составлял у нас громадную работу, мы подсчитывали, во что же выльется вся эта проблема. Тут мы опять по этому вопросу должны заранее оговориться в том отношении, что это грубая ориентировочная прикидка. Но мы взяли все возможное, что имеется и в литературе, и у специалистов по этому вопросу и т. д., тот опыт, который имеется, мы взяли в самом добросовестном порядке. Это не значит, что мы не подвергнем это ни в коем случае еще раз, еще десятки раз экспертизе. После того, когда наши комиссии[241], организованные в конце мая, поехали на места и стали обследовать эти земли, намеченные нами ориентировочно, когда они привезут оттуда материал, тогда мы будем на основе этого материала составлять свой настоящий промфинплан. Эта работа начата, она будет выполнена.

Но что дают ориентировочные выкладки? Они дают такую прикидку, что мы 70 руб. думаем затратить на десятину, причем эти 70 руб. распределяются следующим образом: на капитальные затраты, на мертвый инвентарь, на тяговую силу и т. д.

Г о л о с. Для экстенсивного это много.

Муралов. Тут у нас были споры, тут грубая ориентировочная цифра 70, возможно, что много. Мы брали расчет на оптимальные размеры нашего хозяйства, считая, что совхоз будет в массиве в 30–40 тыс. дес., а экономии в 3–4 тыс. десятин. Та производственная база, которая, в конечном счете, будет осуществлять нашу производственную программу, – это будет экономия в 3–4 тыс. десятин. И таким образом, принимая во внимание, что районы засушливые, придется потратиться и на мероприятия по водоснабжению и прочее, особенно когда в Казахстане будет налаживаться это дело, мы считаем, что 70 рублей будет ориентировочно достаточно. Украинские выкладки для Украины несколько больше, около 87 рублей на десятину, но я думаю, что в среднем мы не ошибемся, если скажем 70 рублей. Конечно, нельзя ручаться и клясться и давать голову на отсечение, что эти 70 рублей являются точным выражением, но могу сказать, что на основе данных состояния этого дела, на основе изучения этого дела мы самым добросовестным путем эту цифру высчитали. Это будет зависеть от того, если мы организационный принцип управления изменим в ту или другую сторону; конечно, тогда и размеры, и накладные расходы могут измениться. Если мы оптимальный размер проектируем на 30–40 тыс. десятин, а если фактически большинство совхозов будет не в 30–40 тыс. дес., а только 15 тыс. дес., тогда накладные расходы увеличатся и на десятину себестоимости и дороговизна увеличится. На вопрос, без которого нельзя сделать выводы, рентабельно или нерентабельно это дело – в смысле наших первых ориентировочных прикидок, – мы можем утверждать, что это дело рентабельно, дело это выдерживает критику даже с точки зрения того автора, на которого ссылался тов. Осинский, профессора Лященко. Я приведу мнение профессора Лященко из статьи в «Экономическом обозрении», которое не дочитал Осинский, недобросовестно поступив с этим экспертом. Мы исходили не из максимальных исчислений. Мы взяли не 70 пуд. урожая на десятину, которые можно получить, а взяли 53 пуда, потому что крестьянское хозяйство дает в этих районах в среднем 35–40 пудов валовой продукции. Мы взяли 53 пуда валовой продукции, взяли поправку на некоторое повышение против среднего крестьянского урожая, эта поправка выясняет один из лучших приемов работы в совхозах, чем в крестьянских хозяйствах, будут сеять запашку и т. д. Нужно ли брать урожайность валовой продукции больше 53 пудов? Я думаю, мы были бы неосторожны, потому что, повысивши урожайность, мы показали бы дело более рентабельным, чем взяв 53 пуда, но это была бы одна видимость.

Мы остановились сознательно на 53 пудах. Некоторые коррективы, повышающие средний крестьянский урожай за последние 30 лет в этих районах, мы внесли; эта цифра вполне выполнима, считая, что в эти 5 лет входит один неурожайный год. И тогда

у нас получается рентабельное дело и около 90 копеек, как утверждает в своем докладе Михаил Иванович Калинин. Что же говорит профессор Лященко? Тов. Осинский приводил мнение профессора Лященко в статье, помещенной в «Экономическом обозрении», будто бы он против этих выводов. Он цитировал его как противника наших выводов рентабельности этого дела, но он не зачитал заключительных слов этой статьи профессора, который говорит: «Но все же, подходя к расчетам даже достаточно осторожно, мы думаем, что себестоимость этого государственного зернового фонда будет такова, что она не только даст натуральную массу товара, необходимого для воздействия на рынок, но по хозяйственному расчету эта операция может свестись без убытка».

Он берет все наши расчеты и дает им поправку. Вот мнение этого эксперта. Той паники, которую тут развил тов. Осинский, совершенно не может быть сейчас. У нас нет никаких документов того или иного специалиста, который бы дал, так сказать, худшее мнение по этому вопросу. Мы добросовестным образом прорабатывали этот вопрос в НКЗеме, и Михаил Иванович отдельно собирал по этому вопросу специалистов.

Теперь вопрос о тракторах. Мы ставим ориентировочно в среднем 60% механизации через трактора. Конечно, нам желательно больше, мы будем стремиться к большей механизации, но нужно исходить из реальности. Думать о том, что сейчас, за эти 3 месяца, в течение которых мы работаем, мы получим все трактора, – это значит не знать реальной обстановки. Одно постановление еще не дало нам тракторов, а задание есть, задание обеспечить на будущий год не менее 5 миллионов товарной продукции. Что это значит конкретно? Это значит, что сейчас же нужно пахать. Если имеются залежные земли, надо пахать лучше в мае, апреле, июне, чем позднее, ибо надо дать время земле перепреть, надо, чтобы произошли процессы окисления, нитрификации в почве. Ведь это залежные земли, никогда не паханные, а тут товарищи удивляются, как пахать без трактора. Тракторов нет, они только должны прибыть, сейчас они пришли в Новороссийск, а нам надо залежные земли вспахать, чтобы обеспечить продукцию. Если мы поздно вспашем, а весной придется посеять, то мы можем поставить под угрозу будущий урожай, и поэтому всякие анекдоты о том, что скверно, когда вместо тракторов пашут на волах, ослах и лошадях, не должны иметь места. Это очень хорошо, что на ослах пашут.

Анцелович. Получится ослиное, а не машинизированное социалистическое хозяйство.

Муралов. Не надо забывать, что мы имеем организационный период. Не нужно думать, что у нас все есть, чтобы дать этому зерновому хозяйству. Ничего нет, мы должны все сейчас еще получить. Нам не дали времени провести подготовительные организационные работы, и поэтому это все сущие анекдоты, когда местные организации обвиняются в том, что они начинают пахать. Нужно пахать, иначе директива не будет выполнена. Ведь нужно было сражаться на фронте, даже если не было ружья, сражались вилами и т. п. Директива есть, никто не может, не имеет права ее изменить. Пахать нужно, и правильно сделали местные организации, когда начали пахать.

Рыков. Правильно.

Муралов. В этом отношении нельзя обвинять местные организации, когда они использовали тунеядствующих ослов.

Вопрос о старых совхозах. Нельзя говорить о том, что НКЗем забывает о старых совхозах. Мы в НКЗеме разрабатываем программу, чтобы старые совхозы в 2 года полностью довели свою посевную площадь до определенных размеров, чтобы они в ближайшее пятилетие дали 100 млн. товарной продукции. Это будет, несомненно, вкладом, дополнительным вкладом, потому что государству недостаточны 100 млн., ему

нужны дополнительно еще 100 млн., так как нет другой темы, как тема о новых совхозах, то я на этом не останавливаюсь и вопрос о старых совхозах будет стоять самостоятельно на августовском пленуме. Я остановлюсь сейчас на практическом моменте, как понимать старые и новые совхозы.

Почему как раз говорят: в совхозе № 5-м Госсельсклада[242] нельзя пахать. Мы сейчас в таком положении находимся: по местной инициативе Северного Кавказа, Самарской и Саратовской губернии выдвинута такая предпосылка: есть госфонд 40 тыс. дес., новый госфонд, а в старых совхозах пашется из 40 тыс. только 7 тыс. Почему не пахать? Директиву им дали – наплевать, как называется: новый совхоз, госсельсиндикат или старый совхоз, – нужно пахать во что бы то ни стало, а эту организационную неразбериху мы потом разберем, кому что принадлежит. Приказ был пахать. Нечего анекдоты говорить, что ни того, ни другого. Был приказ пахать, пахать во что бы то ни стало, независимо от того, старый или новый совхоз. Нужно пахать во что бы ни стало, тов. Квиринг. Эта была директива, никакой новой директивы не было, и только бюрократы могут говорить, что это старые совхозы. Я не понимаю, почему при нашей единой советской власти нельзя зерновым хозяйством заниматься и старым, и новым совхозам? Это ерунда, это бюрократическое философствование на эту тему, которое затушевывает практическое дело. Нужно выполнять директиву Политбюро в отношении запашки. Мы сейчас разобрали трактора для выполнения директивы не по той марке, которая нам желательна. Тов. Анцелович остановился на этом вопросе и говорил, что нам желательно, чтобы была классически подобранная марка и чтобы работа шла классически в отношении техники.

Анцелович. Хотя бы те трактора, которые рентабельны, а не те, которые никому не нужны.

Муралов. Это программа максимум. Я совершенно присоединяюсь, такие марки нам желательны, но что делать практически, когда эту программу максимум нельзя ничем обеспечить полностью, когда мы имеем возможность получать трактора «Коммунар» для того, чтобы вспахать сотню тысяч десятин, чтобы получить 5 млн. пуд. товарной продукции на будущий год. Чем запахать? Этим «Коммунаром»?

Анцелович. От «В. Д.» отказались?

Муралов. От «В. Д.» мы потом отказались Если нам тов. Ворошилов дает «Коммунар», мы берем «Коммунар», потому что им можно работать, там будут военные инструктора.

Анцелович. Но каждый трактор будет стоить 21 тысячу рублей.

Муралов. Вопрос заключается в том, что это будет стоить 23 тыс.

Микоян. Государству придется покрывать разницу.

Муралов. Государству придется покрывать.

Косиор. Военное ведомство денег даст.

Муралов. Их нужно будет перечислить, это ясно. Я говорю, что нам желательно иметь все марки, иметь лучшие трактора. Когда этого ничего нет в жизни, я говорю: все равно пахать нужно, на «Коммунаре», на всем, чем угодно, что есть под руками, потому что мы должны этот год рассматривать как опытный год, который мы должны учесть для того, чтобы потом на этом опыте успешно провести работу в будущем году. И на опытном годе мы должны все марки испытать и создать такую обстановку, которая может быть более трудная, чем на самом деле. Надо иметь в виду, что могут быть опасности, может наступить война, интервенция, и мы тогда должны будем пахать как угодно – и лошадьми, и ослами будем пахать.

Анцелович. Хотя осел не стоит, как трактор «Коммунар», 21 тыс. рублей, но как тяговая сила в совхозах осел все-таки не годится.

Сталин. Не оскорбляйте ослов – нельзя.

Муралов. Я с Михаилом Ивановичем расхожусь только в одном вопросе: в чьем ведении должны быть зерновые совхозы? Он сказал: в каком угодно ведомстве, только не в НКЗеме. Я категорически против этого возражаю.

Я думаю, что тут в организационном отношении с сельским хозяйством трудно дело обстоит в НКЗеме, который не представлен ни в Совнаркоме, ни в СТО. Вопрос о тракторной проблеме, все вопросы, которые касаются всего сельского хозяйства, организационно не включаются в общую систему работы союзного правительства. Я считаю, что это является крупнейшим организационным пробелом. Нельзя рассматривать наше сельское хозяйство РСФСР изолированно от всего сельского хозяйства.

[**Рыков**. Это самоопределение дружественных народов.]

Муралов. Но в Совете труда и обороны и в Совнаркоме необходимо организационно иметь увязку с главнейшей отраслью народного хозяйства, каким является сельское хозяйство. Мы смычку всячески держим. Мы в своем федеративном масштабе держим смычку, мы держим смычку с Украиной.

[**Рыков**. Я хотел ввести в Наркомзем РСФСР, но Чубарь и Каганович заявили, что они тогда выделятся из Союза.]

Муралов. Я не знаю, как это провести организационно, но эта проблема должна быть поставлена и должна быть разрешена в этом отношении.

Председатель. Слово имеет тов. Кабаков.

Кабаков. Прения по хлебозаготовкам предопределили решение вопроса организации крупных зерновых советских хозяйств.

Г о л о с а. Громче, не слышно.

Косиор. Урал у него голос отнял.

Кабаков. Оттенки, идущие в противовес резолюции Политбюро, которые звучали в речах некоторых ораторов, особенно выделились у тов. Осинского. Он запугивал пленум Центрального Комитета большими расходами в 300–350 млн. руб., неурожаем, который может вспыхнуть и погубить зачатки организации новых советских хозяйств. Все приведенные аргументации в его речи со всей силой были направлены на то, чтобы отвлечь пленум Центрального Комитета на противоположные рельсы от вопроса разрешения зерновой проблемы. В таком же направлении движется предложение о превращении новых зерновых советских хозяйств в культурные центры для крестьянского хозяйства.

Так же обстоит дело и с предложением заняться восстановлением старых совхозов вместо организации новых. Анекдот, приведенный т. Квирингом для подкрепления его предложения, преподносит не живую творческую работу, а мертвый план, схему организации в будущем, но не разрешает вопроса сегодняшнего дня. По его предложению выходит так: нужно составить план, разработать вопрос, подсчитать, а потом уже и подойти к практической работе. Такой подход к разрешению вопроса неверен, так как он не мобилизует пленум ЦК для разрешения затруднений сегодняшнего дня, а отвлекает в сторону от разрешения важнейшей зерновой проблемы.

По моему мнению, в докладе Михаила Ивановича было допущено маленькое упущение, которое при недоучете может повлечь к очень большим последствиям. Он чрезвычайно много остановился на действенной форме работы комиссий и непропорционально мало уделил внимания вопросу о районах организации советских хозяйств, о предпосылках, которые послужили для выбора тех или других районов. Этот вопрос нужно было бы осветить на пленуме Центрального Комитета.

О рационализации советских хозяйств невредно было бы доложить с большим уклоном в сторону практического разрешения данного вопроса, и особенно следовало

бы остановиться на научных, экономических предпосылках, которые послужили вехами в выборе территориального расположения новых совхозов. Если бы вместо 8 заседаний, которые провела комиссия, было уделено внимание вот этому вопросу и пленуму Центрального Комитета партии действительно были преподнесены подсчеты, где выгоднее организовать советские хозяйства, как можно выгоднее использовать урожай в том или другом районе для смягчения зернового кризиса, как зерно из советских хозяйств можно использовать для улучшения хлебозаготовок, это было бы гораздо полезнее. Мне мыслится, что поставленная задача организации новых совхозов со всей стремительностью направляется в первую очередь в сторону разрешения вопроса, связанного со снабжением промышленных районов и крупных городов.

Такая задача перед советскими хозяйствами должна быть поставлена с тем, чтобы мы в июле, в августе могли получить хлеб и снабдить из наших советских хозяйств хлебом городские рынки и промышленные районы. Разрешая эту задачу, мы безусловно тем самым будем иметь возможность предопределять ход всей хлебозаготовительной кампании на целый год. Этот вопрос упустить ни в коем случае нельзя.

А раз это так, то такой подход, который допустил здесь Михаил Иванович, когда он сказал о том, что демократия на местах развернулась тогда, когда запахло деньгами...

Косиор. Появился энтузиазм.

Кабаков. И только тогда со всех мест, из различных районов посыпались различные заявки, всем понадобились крупные советские хозяйства, и это послужило материалом для выбора мест их расположения. Я считаю, вряд ли это является безапелляционным научным методом для разрешения столь важного вопроса, вряд ли это является и научным подсчетом тогда, когда здесь превалирует одно только стремление получить средства. Исходя из этого, он допустил и третью ошибку. Чем места беспрекословнее подчиняются центру, тем они здоровее. С этой стороны я должен привести пример из нашей уральской действительности. Михаил Иванович не может привести ни одного примера, где бы было указано то, что уральские организации не подчиняются центру, чтобы уральские организации не слушались центральных организаций. И мы считали, что комиссия Политбюро, вооружившись научными данными, определит районы, где должны быть советские хозяйства, и скажет: здесь организуется советское хозяйство потому-то, здесь организуются они с такой-то задачей, здесь они организуются для решения такой-то проблемы. Вместо этого получаем итог: целая область выпала из плана организации крупных советских хозяйств.

Г о л о с. Тебе везет, в Туле тебя обижали, на Урале тоже.

Косиор. Очень бедный, сирота казанская. (С м е х.)

Кабаков. Я считаю, что подходить таким образом к вопросу ни в коем случае недопустимо, и вряд ли такие прорывы явятся средством для оздоровления и прочности местных организаций.

Если бы мы взяли любой признак, который предъявляется к крупным советским хозяйствам, то все это имеется налицо в Уральской области. Хотите получить тундру – рядом с Ледовитым океаном имеется и такая территория. Возьмите другой край, который соприкасается с киргизскими степями, – вы здесь получаете сколько угодно солнца. Поднимитесь немного наверх, на середину Урала, – и вы получаете сочетание такого природного строения, которое предопределяет именно здесь организацию крупных зерновых советских хозяйств.

Возьмите плотность населения нашей области, и вы здесь найдете такую густоту: в Троицком округе семь человек на 1 кв. километр. Возьмите Тюменский округ, здесь точно такая же картина – тут имеется 9 человек и т. д. Громадные пространства, целые степи, не заселенные людьми. Рядом крупная металлургическая промышленность, на-

лицо здесь же целый ряд не менее важных других отраслей, которые имеют свыше 500 тыс. членов профсоюзов. Крупные города, крепкое уральское крестьянство. Все это предопределяет величайшую угрозу хлебозаготовительной работе в Уральской области.

Нашему уральскому крестьянину не придется за 200–300 верст возить свой хлеб, чтобы его сбыть, он везет его непосредственно в рабочие районы, где этот хлеб ждут, крестьянству не придется дожидаться того, когда хлебозаготовительная организация придет и купит крестьянский хлеб, ибо рядом с ним живет непосредственный потребитель. Представьте себе 500 тыс. рабочих, которые купят только по 1, по 2 пуда хлеба, это уже составит на область миллион пудов. А это, в конечном счете, приведет к полнейшей дезорганизации хлебного рынка в целой области. Каждому понятно, что Уральской области в большей степени, чем какому-нибудь другому району, необходимо иметь хлебный резерв, которым можно было бы снабдить на первый период хлебозаготовительной кампании потребительские рынки с тем, чтобы между производителем и потребителем создать стенку, чтобы локализировать стихию рынка экономическими методами.

Разрешение этой проблемы на Урале становится во весь рост. Содействия со стороны центра мы ждем с величайшим напряжением, ибо перебрасывать хлеб с Украины и с Северного Кавказа вряд ли будет выгодно для дела социалистического строительства. Этот хлеб, безусловно, должен быть найден на месте. Крупные советские хозяйства, связанные вплотную с нашей промышленностью, безусловно, предопределяют лучшую форму их организации, и в то же время они послужат сильнейшим средством для разрешения хлебного кризиса в важнейшем промышленном районе. Мы сделали заявку в Наркомзем, тов. Муралову, на организацию советских хозяйств на Урале, но оказалось, что для всех районов есть трактора, трактора есть для Украины...

Чубарь. Нет.

Кабаков. Есть для Казахстана...

Г о л о с. Нам только всего один дали.

Кабаков. Есть трактора для Северного Кавказа. Но не нашлось ни одного трактора для Уральской области. Вряд ли это можно назвать справедливым распределением и помощью местам. Но, несмотря на это, несмотря на такое отношение, мы все же учли, что крупные зерновые хозяйства на Урале должны быть созданы. Безусловно, это потребует напряжения всех сил – мы мобилизовали все ресурсы и приступили к организации крупных советских хозяйств собственными своими силами.

Калинин. Это очень хорошо, это хорошо.

Кабаков. Мы собираем сельскохозяйственный инвентарь там, где нужно было бы подождать, но это нас не останавливает. Разрешить эту труднейшую проблему уральские организации стремятся собственными силами. Я считаю, что выдвинутый вопрос об организации крупных хозяйств в Уральской области необходимо будет Наркомзему учесть и разрешить его в положительном направлении.

Председатель. Слово имеет тов. Носов, следующий тов. Сталин.

Носов. Вопрос о совхозах, поставленный на пленуме ЦК, мне думается, несомненно заслуживает большего внимания и обсуждения на этом пленуме.

Вопрос о совхозах касается не только организации новых совхозов. Я считаю, что в проекте резолюции не хватает одного пункта, в котором говорилось бы с решительностью, с настойчивостью о том, чтобы наши местные организации уделяли внимание не только организации новых совхозов, но и старым совхозам.

Мне пришлось, работая в ряде губерний, наблюдать, какое у нас отношение к старым совхозам. По-моему, это отношение самое безобразное со стороны всех организаций. На них совершенно не обращается никакого внимания. На какой-нибудь завод в

провинции, где работает 100 человек, гораздо больше обращается внимания, чем на десятки совхозов, имеющихся в губернии.

Такое отношение к совхозам нужно в резолюции пленума отметить, и нужно сказать в ней о старых совхозах, чтобы местные организации обратили на них более серьезное внимание.

В самом деле, возьмите хотя бы подбор людей для совхозов. Разве мы подбираем их так, как подбираем директоров фабрик или заведующих какими-нибудь учреждениями? Ничего подобного. А между тем от подбора людей очень многое зависит, ибо мы видим из практики, что если в совхозе плохой заведующий, то и совхоз ни к черту не годится, если заведующий хороший – совхоз идет. Тут должны быть не только материальные средства, но и организационные способности и любовь к делу.

Что мы имеем сейчас в совхозах? Нет оборотных средств, нет технических улучшений, нет хорошего организованного хозяйственного аппарата, который повседневно помогал бы ему в этой работе.

Мне думается, нужно иметь в виду, как бы мы не слишком увлеклись новыми совхозами. Та хорошая энергия и та уверенность, с которой говорил здесь тов. Муралов, если она распространится на всю нашу партию – это хорошо. Я думаю, нужно, чтобы партия целиком восприняла эту энергию и уверенность тов. Муралова. Это полезно. Но нужно также не увлечься только новыми совхозами и не оставить и старые. Нужно обратить внимание в первую очередь на существующие совхозы. Там уже кое-что имеется, имеются кое-какие ячейки, и я думаю, нужно те или другие средства, техническую и организационную помощь туда дать, чтобы поднять их на должную высоту.

Я считаю, что этот вопрос, о старых совхозах, в резолюции должен быть поставлен.

Понятно, вопрос о рабочей силе в совхозах, тов. Анцелович, у нас стоит не так хорошо. Совхозы – это проходной двор рабочей силы. Организовать это очень трудно. Рабсила там более мелкобуржуазна, чем в наших предприятиях, туда влились новые силы из крестьян, разбавили ее, и дисциплина пала. Большей расхлябанности, большего отсутствия дисциплины, как в совхозах, нигде не наблюдается. Провести закон о труде в совхозах гораздо труднее, чем в каком-нибудь предприятии, ибо тут не хватает средств, не хватает организованности. Совхозы у нас нерентабельны, и жалование там плохо платят. Поэтому работающие в совхозах не заинтересованы ни в какой степени работать там постоянно. Сегодня они здесь работают, а в следующий сезон работают в другом месте. Этот вопрос является очень важным вопросом, и на него нужно обратить серьезное внимание. Вопрос о рабочей силе для совхозов заслуживает внимания. Мы должны создать постоянные кадры работающих в совхозе рабочих.

Дальше. У нас имеется большое расхождение между директивами и практической организационной работой. Сейчас как никогда требуются практические организаторы, которые могли бы воплотить в жизнь наши хорошие идеи и хорошие решения. Для этого нужно провести большую внутреннюю организационную работу. Всякое новое дело требует большого внимания к себе, требует проведения большой организационной работы. Без проведения этой организационной практической работы мы можем только опошлить наши хорошие идеи и решения.

Тут Михаил Иванович навалился на Тверскую губернию. Тов. Жданов совершенно правильно сказал, что плохо иметь в центре земляка, потому что он радеет не в ту сторону, куда следует. Михаил Иванович говорит: надо быть большевиком, если нужно, должен родить.

Г о л о с. Пусть попробует.

Носов. Конечно, это дело очень трудное и выполнить его при всем желании невозможно. (С м е х.) Михаил Иванович хотел, видимо, сказать, что несмотря на все

трудности, которые перед нами стоят, мы должны во что бы то ни стало разрешить поставленные перед нами задачи.

Г о л о с. Ты расскажи, почему у тебя льна нет?

Носов. Это очень хорошо, что тов. Калинин задел этот вопрос относительно льна. У меня имеются некоторые статистические данные насчет засева под лен и вывоза льна. В 1913 году в нашей губернии было засеяно льна 140 тыс. десятин, и вывезли из губернии 4834 тыс. пудов льна-волокна, т. е. на десятину приходился вывоз 35,5 пуда. А какой посев и какой вывоз мы имели за последние годы? В 1925 году мы засеяли 124 500 десятин и вывезли 3100 тыс. пудов, т. е. 24 пуда на десятину. В 1926 году мы уже имеем понижение, засеяли 112,9 тыс. десятин, а вывезли 2220 тыс. пудов, т. е. 20 пудов с десятины. В 1927 году мы имеем засев 112,4 тысячи десятин и вывоз 2,07 млн. пудов, или 18 пудов на десятину. Таким образом, мы имеем снижение урожая льна на 50% с десятины. Понятно, это приносит большой ущерб всему хозяйству. Но вы посмотрите: площадь, по существу, не изменилась, разница в засеве составляет 12–15 тыс. десятин, а урожайность изменилась очень сильно.

Г о л о с. А почему?

Носов. Я сейчас скажу. Нужно посмотреть соотношение цен. Если в 1925 году за центнер льна давали 59 руб., в 1926 году стали давать 39 рублей, а в этом году – 43. Мы на 20 руб. меньше получили в 1926 г., а в 1927 г. на 16 руб. по сравнению с 1925 г.

Калинин. Тогда были спекулятивные цены.

Носов. Тогда были спекулятивные цены? А если вы в прошлом году сказали: снижайте цены! – и мы снизили, а весной сказали, что нужно повышать. Что получилось? Кулак получил деньги, а бедноты нет и сейчас по отношению к нашему льноводству. Я полагаю, что этому нужно уделить максимум внимания. Если винить губисполком, что он мало обращал внимания, то нужно винить и партийную организацию. Мы виноваты в такой же степени, как и вся партия. Мы не обращали внимание на культуры, тогда как наши льняные фабрики в этом году должны стоять 72 дня из-за отсутствия льна. У меня имеется записка одного агронома, который говорит о льняном хозяйстве следующее: «Если современная нам пора строит совершенно по-новому весь народнохозяйственный организм и выдвигает массу неотложных задач в любой отрасли советского хозяйства, то в отрасли льноводства выдвинуты такие задания, которые, если не разрешить сегодня, завтра решать уже будет поздно.

Все эти неотложные задачи диктуются тем кризисным состоянием льноводства, которое сейчас переживается деревней, причем этот кризис больше скрытый, ушедший внутрь и потому не особенно кричащий о своей опасности».

И дальше: «Это явление говорит о том, что прочная база для устойчивого развития льноводства не создана. Ее не создадим и в ближайшие годы, если только не будем прибегать в более значительных количествах к минеральным тукам и прочим удобрительным веществам, куда относим прежде всего торф».

Вот проблема, которая перед нами стоит. Ведь мы, Михаил Иванович, стоим на втором месте по льноводству. Тверская губ. занимает большое место, $4^1/_2$ млн. пуд. мы давали льна, в то время как в этом году требовалось для фабрик Союза $7^1/_2$ млн. Мы заслуживаем внимания. Я согласен, чтобы нас, партийную организацию, за это крыли, и если за снижение себестоимости нам вписывают в резолюции как минус партийной работы, то в такой же степени мы должны поставить вопрос о сельском хозяйстве и, в частности, о технических культурах. Сколько дает десятина, почему мало дает? Это должно быть поставлено в минус партийной организации, если десятина меньше дает урожайности. Я целиком с этим согласен, и нам необходимо это сделать, чтобы подтянуть местные организации.

Председатель. Слово имеет тов. Сталин.

Сталин. Товарищи! Я не думал сегодня выступать. Но тов. Осинский и некоторые другие товарищи вынуждают к выступлению. Я отниму всего минут 10–15, не больше.

Тов. Осинский в своей речи о совхозах вернулся к вчерашним спорам по вопросу о хлебозаготовках. Что ж, вернемся к вчерашним спорам. О чем шел наш спор вчера? Прежде всего, о ножницах между городом и деревней. Речь шла о том, что крестьянин все еще переплачивает на товарах по промышленности и недополучает на продуктах сельского хозяйства. Речь шла о том, что эти переплаты и недополучения составляют сверхналог на крестьянство, нечто вроде «дани», добавочный налог в пользу индустриализации, который мы должны обязательно уничтожить, но которого мы не можем уничтожить **теперь же**, если не думаем подорвать нашу индустрию, подорвать известный темп развития нашей индустрии, работающей на всю страну и двигающей наше народное хозяйство к социализму. Кое-кому это не понравилось. Не понравилось это и тов. Томскому, который, по-видимому, боится признать правду. Что ж, это дело вкуса. Одни думают, что не следует говорить всю правду на пленуме ЦК. А я думаю, что мы обязаны говорить на пленуме ЦК своей партии всю правду. Не следует забывать, что пленум ЦК не есть крестьянский митинг. Конечно, слова «сверхналог», «нечто вроде дани» – неприятные слова, ибо они бьют в нос. Но, во-первых, дело не в словах. Во-вторых, слова вполне соответствуют действительности. В-третьих, они, эти неприятные слова, для того именно и предназначены, чтобы они били в нос и заставляли большевиков взяться серьезнейшим образом за работу по **ликвидации** этого «сверхналога», по **ликвидации** ножниц. А как можно ликвидировать эти неприятные вещи? Путем систематической рационализации нашей промышленности и снижения цен на промтовары. Путем систематического подъема техники и урожайности сельского хозяйства и постепенного удешевления сельскохозяйственных продуктов. Путем систематической рационализации наших торговых и заготовительных аппаратов. И т. д. и т. п. Всего этого не сделаешь, конечно, в один-два года. Но сделать мы это должны обязательно в течение ряда лет, если мы хотим освободиться от всякого рода неприятных вещей и бьющих в нос явлений. Тов. Осинский гнул вчера линию на уничтожение ножниц **теперь же** и требовал, по сути дела, введения **восстановительных цен** на сельскохозяйственные продукты. Я вместе с другими товарищами возражал против этого, говоря, что требование Осинского идет вразрез с интересами индустриализации страны **в данный момент**, стало быть, вразрез с интересами пролетарского государства. Вот о чем шел у нас вчера спор, тов. Осинский. Сегодня тов. Осинский признает, что он высказывается против восстановительных цен. Что ж, это очень хорошо. Из этого следует, что тов. Осинский отходит от той односторонности, которую допустил вчера. А вывод? Вывод один: вчерашняя критика не прошла даром для тов. Осинского.

Второй вопрос касается колхозов и совхозов. Я отмечал в своей речи неестественность и странность того обстоятельства, что тов. Осинский в своей большой речи о мерах поднятия сельского хозяйства в связи с хлебозаготовками не коснулся ни единым словом таких серьезных мероприятий, как развитие колхозов и совхозов. Тов. Осинский обиделся, полагая, что к нему придираются. Это несерьезно. Разве это не факт, что в своей большой речи тов. Осинский не коснулся ни единым словом задач развития колхозов и совхозов, сосредоточив все внимание на задаче развития индивидуального крестьянского хозяйства? Как можно «забывать» о таких серьезных вещах, как задача развития колхозов и совхозов в сельском хозяйстве? Неужели неизвестно тов. Осинскому, что задача развития индивидуального крестьянского хозяйства, при всей ее важности в данный момент, стала уже **недостаточной**, что если мы эту задачу **не дополним** практически новыми задачами развития колхозов и совхозов, мы **не разре-**

шим проблемы зернового хозяйства и **не выйдем** из затруднений, ни в смысле социалистического преобразования всего нашего народного хозяйства (а значит, и крестьянского хозяйства), ни в смысле обеспечения страны известными резервами товарного хлеба. Как можно после всего этого обходить и замалчивать вопрос о колхозах и совхозах? Тов. Осинский явным образом недооценил вчера значения колхозов и совхозов. Так было дело вчера или позавчера. Сегодня несколько меняется картина. Сегодня тов. Осинский заявил, что он раньше еще стоял, стоит сейчас и будет стоять за колхозы и совхозы. Что ж, это очень хорошо, тов. Осинский.

Осинский. Если мне дадут два часа, то я скажу об этом более подробно.

Сталин. Очень хорошо, тов. Осинский. Стало быть, вчерашняя критика не прошла даром для тов. Осинского.

Третий вопрос касается так называемой смычковой промышленности. Здесь, в этом вопросе, у тов. Осинского осталась в целости старая ошибка. Он сегодня так же, как и вчера, признает смычковой промышленностью только текстильную.

Осинский. Только текстильную? Ничего подобного.

Сталин. Очевидно, вы себя не слушаете, когда выступаете, тов. Осинский.

Осинский. Разрешите прочесть сейчас стенограмму.

Сталин. Сегодня во время вашей речи вас поправляли товарищи с места по вопросу о текстильной промышленности, а тов. Чубарь поправил вас в своей речи, указав, что смычка не ограничивается текстильной промышленностью, что металл и вообще тяжелая индустрия является также базой смычки, причем такой базой, которая помогает преобразовать крестьянское хозяйство в духе коллективизма. Думает ли тов. Осинский, что все эти товарищи ошибаются, критикуя односторонность тов. Осинского насчет текстильной промышленности и смычки? Если теперь в своей реплике с места тов. Осинский признает, что смычка проходит не только по линии удовлетворения **личных** потребностей крестьянства (текстиль и т. д.), но и по линии удовлетворения его **производственных** потребностей, то тем лучше, ибо и здесь, в этой области, вчерашняя критика не прошла, стало быть, даром.

Перейдем теперь к вопросу о совхозах. Неправ тов. Осинский, утверждая, что в Северной Америке не существует образцовых крупных зерновых хозяйств. На самом деле такие хозяйства существуют, и в Северной, и в Южной Америке. Я мог бы сослаться на такого свидетеля, как профессор Тулайков, опубликовавший результаты своего обследования американского сельского хозяйства в журнале «Нижнее Поволжье» (№ 9). Позвольте привести цитату из статьи Тулайкова.

Осинский. Я об этом говорил.

Сталин. Вы говорили об этом, но вы так заплевали в своей речи приводимое Тулайковым образцовое пшеничное хозяйство Кемпбеля, что создали ложную картину, совершенно не соответствующую действительности. Позвольте привести выдержку из статьи Тулайкова: «Пшеничное хозяйство в Монтане принадлежит обществу «Кемпбель фарминг корпорейшен». Площадь его 95 000 акров, или около 32 000 десятин. Хозяйство находится в одной меже и разделяется для операций на 4 секции, по нашему хутора, которые находятся под ведением отдельного руководителя, а все хозяйство ведется одним лицом – директором этой корпорации Томасом Кемпбелем. В настоящем году по газетной информации, которая, конечно, сообщена из этого же хозяйства, из всей земли под культурой находится около половины площади, причем ожидается сбор около 410 000 бушелей пшеницы (около 800 000 пудов), 20 000 бушелей овса и 70 000 бушелей семян льна. Общий доход от предприятия ожидается в 500 000 долларов. Лошади и мулы в этом хозяйстве почти полностью заменены тракторами, грузовиками и автомобилями. Вспашка, посев и вообще все полевые работы и в особенности уборка

хлебов производятся днем и ночью, причем ночью машины в поле работают при свете прожекторов. Огромные площади посева позволяют работать орудиям на очень большое расстояние без поворотов. Так, жнеи-молотилки, если их возможно применять по состоянию растения, шириной в 24 фута проходят расстояние в 20 миль, т. е. немного больше 30 верст. Раньше для этой работы требовалось 40 лошадей и мужчин. Сноповязалки за трактором идут по 4 вместе, захватывая сразу полосу в 40 футов шириной и на 28 миль в длину, т. е. на расстояние примерно 42 верст. Уборка сноповязалками применяется в том случае, если хлеб недостаточно сухой для того, чтобы его можно было одновременно с жнитвом и молотить. Тогда у сноповязалки снимается вяжущий аппарат и при помощи особого конвейера сжатый хлеб укладывается рядами. Разложенный таким образом хлеб лежит 24 и 48 часов, за это время он подсыхает, а семена скошенных одновременно сорных трав высыпаются на землю. Потом пускается жнея-молотилка, у которой вместо ножа идет самоподаватель, подающий с земли подсохший хлеб прямо в барабан молотилки. При этом на этой машине работает только тракторист и человек на молотилке. Больше никого на машине нет. Зерно из-под молотилки ссыпается непосредственно в вагоны-телеги вместимостью 6 тонн и тракторами, поездом в 10 таких вагонов перевозятся на ссыпные пункты. В заметке указывается, что ежедневно при такой работе намолачивается от 16 до 20 тысяч бушелей зерна злаков». (См. «Нижнее Поволжье», № 9, стр. 38–39.)

Вот вам описание одного из образцовых пшеничных хозяйств-гигантов. Такие гиганты существуют и в Северной, и в Южной Америке.

Тов. Осинский говорит, что условия для развития таких гигантских хозяйств в капиталистических странах не всегда благоприятны, или не вполне благоприятны, ввиду чего такие хозяйства дробятся иногда на менее крупные единицы, от 1000 до 5000 десятин каждая. Это совершенно верно. На этом основании тов. Осинский думает, что крупные зерновые хозяйства не имеют будущности и при советских условиях. Это уж совершенно неверно. Тов. Осинский, видимо, не понимает или не видит разницы в условиях между капиталистическими порядками и порядками советскими. При капитализме существует частная собственность на землю, а значит и абсолютная земельная рента, что удорожает себестоимость сельскохозяйственного производства и ставит непреодолимые преграды его серьезному прогрессу. При советских же порядках не существует ни частной собственности на землю, ни абсолютной земельной ренты, что не может не удешевлять производства сельскохозяйственных продуктов и, следовательно, не может не облегчать поступательное движение сельского хозяйства по пути технического и всякого иного прогресса. Далее, при капитализме крупные зерновые хозяйства имеют своей целью получение максимума прибыли, или, во всяком случае, такой прибыли на капитал, которая может соответствовать так называемой средней норме прибыли, без чего они, вообще говоря, не в состоянии развиваться. Это обстоятельство не может не удорожать производство, создавая тем самым известные препятствия по пути развития крупных зерновых хозяйств. При советских же порядках крупные зерновые хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, вовсе не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней прибыли, а могут ограничиться лишь минимумом прибыли (а иногда могут обходиться и без всякой прибыли), что наряду с отсутствием абсолютной земельной ренты создает исключительно благоприятные условия для развития крупных зерновых хозяйств. Наконец, при капитализме не существует для крупных зерновых хозяйств ни льготных кредитов, ни льготных налогов, тогда как при советских порядках, рассчитанных на всемерную поддержку социалистического сектора, такие льготы существуют и будут существовать.

Все эти и подобные им условия создают при советских порядках (в отличие от капиталистических порядков) весьма благоприятную обстановку, необходимую для того, чтобы двинуть дальше дело развития совхозов как крупных зерновых хозяйств.

Наконец, вопрос о совхозах и колхозах как опорных пунктах для укрепления смычки, как опорных пунктах для обеспечения руководящей роли рабочего класса. Колхозы и совхозы нужны нам не только для того, чтобы обеспечить наши перспективные цели социалистического преобразования деревни. Колхозы и совхозы нужны нам еще для того, чтобы иметь в деревне **уже теперь** хозяйственные опорные пункты, необходимые для укрепления смычки, необходимые для обеспечения руководящей роли рабочего класса внутри смычки. Можем ли мы рассчитывать уже теперь на создание и развитие таких опорных пунктов? Я не сомневаюсь ни одной минуты, что мы можем и должны рассчитывать на это. Хлебоцентр сообщает, что у него имеются договора с колхозами, артелями и товариществами, в силу которых он имеет получить от них миллионов 20–25 пудов хлеба. Что касается совхозов, то данные говорят, что наши старые и новые совхозы должны дать в этом году тоже миллионов 20–25 пудов товарного хлеба.

Анцелович. Больше.

Сталин. Тов. Анцелович говорит, что больше, а я беру меньшую цифру для большей осторожности. Ежели к этому прибавить 30–35 миллионов пудов, которые должны быть получены сельскохозяйственной кооперацией от индивидуальных крестьянских хозяйств, связанных с ней в порядке контрактации, то мы будем иметь около 70–80 миллионов пудов вполне обеспеченного хлеба, могущего послужить известным резервом, по крайней мере на внутреннем рынке. Это все-таки кое-что. Вот вам **первые результаты** наших хозяйственных опорных пунктов в деревне. Я думаю, что если бы мы имели такой резерв в январе этого года, когда мы переживали хлебозаготовительный кризис, мы смогли бы, пожалуй, более гибко маневрировать на хлебном рынке, могли бы нейтрализовать игру на повышение цен, могли бы обуздать кулачество и спекулянтов иными средствами и, быть может, обошлись бы даже без чрезвычайных мер.

Косиор. Во всяком случае, вторично не пришлось бы их применять.

Сталин. Вот для чего нам нужны, прежде всего, хозяйственные опорные пункты в деревне в виде совхозов и колхозов, в виде снабженческо-сбытовой кооперации и товариществ всякого рода.

А что из этого следует? А из этого следует, что неправы те товарищи, которые думают, что рабочий класс беспомощен в деревне в деле отстаивания своих социалистических позиций, что ему остается будто бы лишь одно: уступать без конца и сдавать перманентно свои позиции. Нет, товарищи, это неверно. Рабочий класс вовсе уж не так безоружен в деревне, как это могло бы показаться поверхностному наблюдателю. Эта безотрадная философия не имеет ничего общего с большевизмом. Рабочий класс имеет целый ряд **хозяйственных** опорных пунктов в деревне в виде совхозов, колхозов, снабженческо-сбытовой кооперации, опираясь на которые он может укреплять смычку с деревней, изолировать кулака и обеспечить свое руководство. Рабочий класс имеет, наконец, ряд **политических** опорных пунктов в деревне в виде советов, в виде организованной бедноты и т. д., опираясь на которые он может укреплять свои позиции в деревне.

Поэтому я не могу солидаризоваться со вчерашней речью тов. Томского. У тов. Томского выходит, что в деле обеспечения смычки рабочий класс имеет в своем распоряжении лишь один резерв – резерв уступок. Уступил сегодня, уступай завтра, уступай послезавтра, уступай без конца, – в этом, дескать, залог того, что смычка будет укреп-

ляться, а рабочий класс усиливаться. Нет, товарищи, это неверно. Эта безотрадная философия не имеет ничего общего с политикой нашей партии. Нам нужна не всякая смычка. При капитализме тоже была своеобразная смычка города с деревней. Руководящей силой этой смычки была буржуазия. Нам нужна такая смычка, которая **усиливает рабочий класс** и обеспечивает **руководящую роль** рабочего класса. Я думаю, что политика перманентных уступок в условиях, когда нажим со стороны крестьянства организуется кулацкими элементами, может лишь ослабить рабочий класс и подорвать его руководство.

Г о л о с а. Правильно.

Сталин. Политика перманентных уступок не есть наша политика.

Плохи были бы наши дела, если бы наши резервы ограничивались резервами уступок. Мы оказались бы тогда целиком в плену у мелкобуржуазной стихии, особенно если придерживаться политики непрерывных уступок. Взять, например, некоторые, говоря мягко, чрезмерные требования крестьянства. Известные слои крестьянства требуют не только некоторого повышения цен на хлеб. Они, поощряемые кулацкими элементами, требуют еще полной свободы торговли, отмены регулирующей роли государственных органов, отмены заготовительных цен и т. д. Вы знаете, что большинство крестьян не возражает против такого требования. Что ж, может быть, пойти на уступки и объявить теперь **полную, неограниченную** свободу торговли? Но тогда пришлось бы отменить нэп и ввести капиталистическую систему, ибо нэп означает **ограниченную** регулирующей ролью пролетарского государства свободу торговли... Крестьяне, поощряемые кулаками, могут, далее, потребовать от нас снятия таможенных преград, снятия монополии внешней торговли для того, чтобы получить максимально дешевые товары заграничного производства. Вы знаете, что такое требование имеет известное распространение среди значительных слоев крестьян, особенно в пограничных районах. Что ж, может быть, пойти на уступки и снять монополию внешней торговли? Но тогда пришлось бы свернуть нашу молодую промышленность и зарезать рабочий класс... Наконец, крестьяне могут потребовать от нас свободу организации «крестьянского союза». Вы знаете, что значительные слои крестьянства, поощряемые кулацкими элементами, несколько раз выдвигали это требование. Что ж, может быть, пойти на уступки? Но тогда нам пришлось бы объявить свободу политических партий и заложить основы для буржуазной демократии.

Вот к каким выводам приводит теория непрерывных уступок.

Дело ясное. Известные уступки нужны и целесообразны. Но если строить все на уступках, да еще перманентных, можно загубить все дело.

Положение о том, что в нашем строе не заложена необходимость раскола между рабочим классом и крестьянством, совершенно правильно. Но, чтобы провести в жизнь это правильное положение, нужно вести в отношении крестьянства такую политику, которая бы усиливала (а не ослабляла) рабочий класс, которая бы укрепляла союз рабочего класса и крестьянства (а не союз буржуазии и крестьянства), которая бы обеспечивала (а не подрывала) руководство рабочего класса в отношении крестьянства. Только при этом условии можно быть уверенным, что раскола не будет и союз рабочего класса и крестьянства будет сохранен.

А что требуется для этого? Может быть, политика непрерывных уступок? Конечно, нет! Она может только погубить дело смычки. Для этого требуется, прежде всего, развитие **хозяйственных** опорных пунктов рабочего класса в деревне в виде совхозов и колхозов, в виде широкой сети снабженческо-сбытовых кооперации и всякого рода производственных товариществ. Для этого требуется, во-вторых, систематическое оживление советских и партийных организаций в деревне как **политических** опорных

пунктов, создающих вокруг рабочего класса широкий беспартийный крестьянский актив. Для этого требуется, наконец, всемерное усиление нашей работы среди бедноты, организация помощи бедноте, **организация самой бедноты в прочную опору рабочего класса в деревне**. Опираясь на эти хозяйственные и политические базы в деревне и используя все имеющиеся в распоряжении пролетарской диктатуры средства и силы (командные высоты и т. п.), партия и советская власть могут уверенно вести дело социалистического преобразования деревни, укрепляя шаг за шагом союз рабочего класса и крестьянства, укрепляя шаг за шагом руководство рабочего класса в отношении крестьянства.

Особое внимание должно быть обращено на работу среди деревенской бедноты. Нужно принять за правило, что чем лучше и успешнее идет у нас работа в бедноте, тем выше авторитет советской власти в деревне, и наоборот, чем хуже обстоит у нас дело с беднотой, тем ниже авторитет советской власти. Я думаю в связи с этим внести поправку в проект нашей резолюции, о всемерном усилении нашей работы среди деревенской бедноты.

Г о л о с а. Правильно!

Петровский. Только на это понадобятся деньги.

Сталин. Это верно. Но этого бояться не следует. Наоборот, дело помощи бедноте надо организовать по-настоящему, если мы хотим поставить коммунистическую работу в деревне на должную ногу. Мы говорим часто о союзе с середняком. Но, чтобы укрепить в наших условиях этот союз, надо вести решительную борьбу с кулачеством, с капиталистическими элементами в деревне. Поэтому XV съезд нашей партии совершенно прав, когда он дает лозунг усиления наступления на кулачество. Но можно ли вести успешную борьбу с кулачеством, не ведя усиленной работы в бедноте, не поднимая бедноту против кулачества, не оказывая систематической помощи бедноте? Ясно, что нельзя! Середняк есть класс колеблющийся. Если с беднотой у нас плохо, если беднота не представляет еще организованной опоры советской власти – кулак чувствует себя в силе, середняк колеблется в сторону кулака. И наоборот: если с беднотой у нас хорошо, если беднота представляет организованную опору советской власти – кулак чувствует себя в осадном положении, середняк колеблется в сторону рабочего класса.

Вспомните первый период заготовительной кампании, январь – март этого года, **когда мы имели возможность поддержать бедноту известным минимумом дешевого хлеба**. Мы имели тогда почти всю бедняцкую массу против кулачества, громадное большинство середняков шло за беднотой, кулак был изолирован. Апрельский пленум ЦК и ЦКК был, поэтому, совершенно прав, когда он заявил в связи с этим, что мы сумели улучшить нашу работу в деревне за январь – март, изолировав кулачество. Вспомните теперь второй период заготовительной кампании, апрель – июнь, когда мы **уже не имели возможности прийти на помощь бедноте дешевым хлебом** и когда кулачество само стало раздавать бедноте известную часть своих хлебных резервов. Не это ли обстоятельство послужило тогда одной из причин того, что работа с беднотой у нас ухудшилась и политическое состояние деревни стало не вполне благоприятным?

А много ли нужно для того, чтобы оказать помощь бедноте в наиболее тяжелые месяцы заготовительного года? Опыт говорит, что на это хватило бы всего каких-либо 10–12 миллионов пудов. Это составит миллионов 20 рублей, не больше.

А чего стоят наши нынешние уступки середняку по линии цен? Это ведь не пустяки какие-либо. Это ведь не то, что говорили нам вчера некоторые товарищи: немного меньше бюрократизма, немного больше планирования, и все, дескать, будет хорошо. Нет, товарищи, дело с нашими уступками середняку не так просто. Так могут

представлять дело лишь беззаботные люди. На самом деле наши уступки середняку обойдутся нам в миллионов 140 рублей, если поднять цены на хлеб на 15%. А если поднять цены на 40%, как предлагает нам тов. Томский...

Томский. Я не предлагал, а я говорил примерно.

Сталин. Если, стало быть, примерно поднять цены на хлеб на 40%, как говорит тов. Томский, то это будет нам стоить не менее 300 миллионов рублей ежегодно. Откуда взять эти деньги? Сами знаете, что деньги с неба не падают. Чтобы достать эти деньги, надо урвать кое-что либо у промышленности, либо у торговли. Как видите, дело с уступками середняку не так просто, как это могло бы показаться поверхностному наблюдателю. Сравните теперь эти 140 или 300 миллионов с 20 миллионами рублей, необходимыми для помощи бедноте, и вы поймете, насколько нам выгодно организовать **систематическую** помощь бедноте.

Вот почему я думаю, что усиление работы в бедноте, организация систематической помощи бедноте, наконец, превращение самой бедноты в организованную опору рабочего класса в деревне является одной из существеннейших очередных задач нашей партии.

Председатель. Слово имеет тов. Калинин.

Калинин. Я по поводу отдельных выступлений в прениях сделаю только следующие замечания. Совершенно правильно заметил тов. Ярославский, что у меня некоторые формулировки, что называется, были неправильные. Но я считаю, что замечание это не имеет никакого значения. Это все равно что, если бы я сказал: Волга, впадая в Черное море, песку много наносит.

Г о л о с. Это никого не задевает, а насчет кулака задевает.

Г о л о с. Волга впадает не в Черное, а в Каспийское море.

Калинин. Вот меня и поправили, что Волга впадает не в Черное море, а в Каспийское.

Косиор. Для точности не мешает.

Калинин. Вот и тов. Ярославский сделал, якобы, поправку, что Волга впадает не в Черное, а в Каспийское море. Сейчас, сейчас. Люди ищут очень большой точности. (С м е х.) Верно, в формулировках надо иметь очень большую точность. Но тот, кто из вас часто имел дело с Владимиром Ильичом и куда-нибудь уезжал, где дело нужно было делать, где были плохие обстоятельства, люди что-нибудь плохо делали, – тот знает, как Ленин, например, говорил: поезжайте и расстреляйте там, расстреляйте их. Так и говорил: расстреляйте! Если бы вы его не знали, так у вас была бы уверенность, что действительно нужно было расстрелять этих людей. Буквально можно было понять именно так. Но если бы человек поехал и в точности исполнил поручение...

[**Микоян**. Его бы тоже могли расстрелять.]

Калинин. Это было бы абсолютное извращение поручения Владимира Ильича. Я здесь говорю не для точных формулировок.

Ярославский. Стенограмму пленума читают все члены партии.

Калинин. А к стенограмме, извините, тов. Ярославский, к моей стенограмме вы не подкопаетесь. (С м е х.) Стенограмму я должен обдумать очень строго, а когда я говорю речь, я хочу свою мысль полнее внедрить в сознание людей. Когда вы говорили, что меня поправляли, то это – неверно, вы придираетесь к словам, ибо у Калинина мысль была другая. И это теперь великолепно каждый понимает. Не обладая моей точностью **по существу**, вы при установлении точности **по форме**, с моей точки зрения, стали поперек моему стремлению внедрить в сознание пленума необходимость увеличения производительности сельского хозяйства. Я ведь что говорил? – Надо «беречь» производственные ячейки, поскольку мы вынуждены к этому. И когда их ломаешь, то

всегда соображай: а что ты вместо них дашь, можешь ли ты их таким способом совершенно уничтожить, что будет потом? В тот момент, когда я говорил вам, что нужно «беречь», вы в это время отвечали: уважаемый товарищ, у нас есть религиозные производственные коммуны, надо их сломать. Это означает, что из центра два руководства идет. Я говорю: надо «беречь», а вы отвечаете на это: надо ломать. Конечно, надо ломать! Я знаю, что вы их ломаете, вас принуждать к этому не приходится. Я чувствую, что в этом направлении у вас есть достаточно пылкое настроение. Но как ломать? Если бы были обратные настроения – люди чрезвычайно и в действительности берегут кулака, берегут всякие такие организации, – я бы оказал: это **совершенно** не годится. Обратное бы я говорил, но уже по совершенно другим мотивам. Я исхожу из **конкретных условий**. Говорят, что эти коммуны проводят религиозные, реакционные идеи и т. д. и т. п. А что же вы хотите? Вы хотите, чтобы чуриковцы[243] пролетарский коммунизм строили? Что же вы хотите, чтобы они перестали быть самими собою?

Ведь у нас государство, давайте тогда всех противников пролетарского коммунизма перережем. (С м е х.) Как же иначе? Давайте всех утопим. (С м е х.)

Стенограмму, конечно, исправить придется – я это сам знаю гораздо лучше тов. Ярославского. Но вы не забывайте, что мы гегемоны. Помните, ведь еще при Троцком, когда у нас были дебаты, говорилось кое-кем, что и кулак-то – наше имущество, **дурное**, но имущество советской власти? (С м е х.) Вот как надо подходить.

Мы не можем этого сделать, вы сами понимаете, если бы мы изъяли всех противников советской власти, – а ведь они же измеряются сотнями тысяч, если бы совершенно запретили им работать, – мы бы создали огромную организацию активных борцов против советской власти. Наоборот, этот слой населения надо заставить работать на советскую власть. Припомните, как ставил вопрос Ленин на XI съезде партии. Он говорил: «Это еще полдела – мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать»[244].

У вас мелкобуржуазная точка зрения, если вы говорите: жаль, что потомственный рабочий не работает – предположим, не пашет; а когда бывшего графа заставили пахать, вы говорите: долой его с пашни, поставить опять рабочего. Это же дикая, непролетарская точка зрения! Нам надо, чтобы они работали, пахали, ватерклозеты чистили (с м е х), исполняли весь тот труд, который особенно тяжел, чтобы в этом труде переделывались, чтобы их психология облагораживалась. Поэтому я говорю: товарищи, когда мы коммунизм строим, к религиозным коммунам надо внимательнее отнестись, надо иногда их изучать: почему они держатся, почему не рассыпаются, почему наши коммуны рассыпаются? Надо изучать религиозные коммуны, использовать полезное, изучать ту дисциплину, тот организационный опыт, который у них есть. А просто разрушать, тов. Ярославский, – это не годится[245]. Потрудитесь их использовать, а потом преодолеть и изжить! Конечно, ведь тов. Ярославский – член президиума Контрольной Комиссии, уточнение ему необходимо.

Косиор. Он председатель антирелигиозной комиссии.

Калинин. И председатель антирелигиозной комиссии.

Скрыпник. Так что же, вы поддерживаете религиозные коммуны? Говорите прямо!

Калинин. Удивительная вещь, как будто хоть один из выступавших здесь ораторов говорил более прямо, чем я. (С м е х.) По крайней мере, в частных разговорах все говорили, что все выступления были половинчатые. И вдруг у меня по частному вопросу потребовали, чтобы я прямо говорил. (С м е х.) Я думаю, что моя мысль очень понятна, и прямее меня покамест еще никто не говорил. Поэтому вытягивать из меня более прямой ответ нет оснований.

Товарищи, я не буду отвечать Осинскому, потому что ему ответили в достаточной степени. Я только отвечу весьма кратко нескольким людям, которые делали упрек мне, что я в своем докладе сделал мало деловых конкретных сообщений, вернее, технических справок не показал, где, в каких районах будут совхозы, почему вот такие земли берем, а не иные, – одним словом, не показал техническую сторону. Я сознательно обошел и обхожу эти вопросы. Ведь вы бы тогда что сказали, если бы я развернулся, почитал, подготовился бы с помощью агрономов, представил бы картину с технической стороны? Вы бы сказали: Калинин в два месяца спецом сделался. (С м е х.) Это я считаю профанированием такого серьезного дела. Нужен ли будет этот доклад? Я допускаю, что этот доклад будет нужен и в ЦК.

Но, разумеется, не я буду его делать. Мое дело – защитить **политически** необходимость строительства новых совхозов, защитить тот ударный характер, который мы этому делу придаем. Вот была моя задача! Но все же я имею свою точку зрения и в организационно-технических вопросах: я стою, например, за то, чтобы эти совхозы строить по принципу полной механизации; я стою за то, чтобы в совхозах в первый период времени вести хозяйство экстенсивное, – я за это стою. Но чтобы доказывать это вам, я просто стесняюсь и не знаю, как это я мог бы сделать. У нас было собрание специалистов. Там были огромные дебаты. Я говорю, что я стою за такую-то точку зрения, но чтобы мне выйти с этими «знаниями», набранными на одном собрании, и убеждать вас – это просто неприлично, это не моя задача. Тут я сознательно к этому вопросу подходил осторожно, поэтому я этот вопрос обошел. Моя задача была поставить политически и защитить эту проблему. Ведь, в сущности говоря, прямых противников совхозов нет, все защитники совхозов. И Квиринг является их защитником. Правда, он член комиссии, не может не защищать. Но все говорят: обратите внимание на старые совхозы, а тов. Носов даже предлагает в резолюцию особый пункт ввести о старых совхозах. Я думаю, что нет никаких оснований этого делать. Но вовсе не потому, что мы к старым совхозам относимся невнимательно. Это – неверно. Вы знаете, что Центральный Комитет значительно переработал решение СТО по вопросу о кредитах в направлении улучшения положения совхозов, уделения большего внимания им, ассигнования больших кредитов совхозам и колхозам. Видите, ЦК изменил довольно значительно. Затем был целый ряд дополнительных указаний по этому вопросу, и каких-нибудь полгода или год тому назад комиссией под председательством тов. Молотова был принят проект постановления, который был затем опубликован ЦК, о необходимости обратить внимание на этот вопрос, с указанием на ряд практических мероприятий. Поэтому сейчас смешивать старые и новые совхозы нет никакого смысла. Почему? Потому что, по существу говоря, этим вы отвлекаете внимание от новых совхозов и не помогаете старым совхозам, потому что после такого внимания, которое уделил Центральный Комитет старым совхозам, **одним** пунктом не поможешь.

Г о л о с. Не выполняется это решение.

Калинин. Если оно не выполняется, то надо добиться его выполнения. Есть целое постановление Центрального Комитета, а вы говорите, что если будет один пункт, то его будут проводить. Я не хочу этим дополнением отвлекать внимание от новых совхозов. По существу же я целиком согласен, что на старые совхозы надо обратить внимание. Я с этим согласен целиком.

Вот, в сущности говоря, и все те замечания, которые я хотел бы сделать. Я только должен сказать, что, конечно, тот доклад, о котором говорил тов. Кабаков, в котором должно быть больше конкретности, я думаю, что такой доклад не может быть сделан раньше, как через полгода или год. Сейчас у нас идет многосторонний процесс: выясняются районы, которые можно использовать под совхозы, вырабатываются формы

совхозов, строится организация совхозов, и вместе с тем происходит и научное обследование этого вопроса. Я думаю, что через полгода или год выкристаллизуется эта работа, и тогда Центральный Комитет, вероятно, заслушает доклад, который будет уже иметь не политический характер, а более технический характер, – доклад о достигнутых практических результатах как в области обследования, так и в области строительства совхозов.

Здесь меня еще обвиняли в том, что я значение и роль строительства совхозов слишком расширил, сказав, что если мы решим проблему строительства совхозов, то этим будет решена проблема построения социализма в деревне. Когда я так говорил, то я имел при этом в виду совхозы в качестве одного из важнейших рычагов коллективизации и механизации сельского хозяйства. В этом смысле я продолжаю настаивать на выдающемся значении совхозов в социалистической переделке деревни. Припомните, как ставил вопрос Ленин о материальной базе. Она может и должна быть подведена также и со стороны совхозов. Украинский опыт – лучшее вам доказательство.

Меня еще упрекали в том, что я не обратил внимания на кооперацию. Я говорил о совхозах, но ни в малейшей степени не умалял значения кооперативной работы в деревне. Я эти вещи элиминировал в своем докладе, чтобы провести ударный вопрос о совхозах.

Я еще должен сказать, что если мы решим положительно проблему построения совхозов в деревне, то это будет означать, что мы сумели технику, технических работников настолько повысить, что они такую грандиозную задачу смогли решить практически, положительно. Если проблема крупного советского хозяйства в деревне будет решена, то параллельно будет также решен и целый ряд культурно-технических задач, и не может быть не решен. Параллельно будет решена задача создания действенного сельскохозяйственного пролетариата.

Г о л о с. Уполномоченных.

Калинин. Мы еще не привыкли к этому термину. Может быть, потом выработается новое слово, но пока что над нами слишком довлеет привычка и мы поэтому называем рабочий класс пролетариатом.

Вы понимаете, что вместе с положительным решением основного вопроса о совхозах разрешается целый ряд проблем попутно; вот почему я считаю, что это – одна из грандиозных социально-политических и экономических мер нашей партии.

Вот, например, на практических работах в совхозах летом будет занято от 500 до 1000, а может быть, и полторы тысячи студентов. Когда будет тысяча студентов экспериментировать на крупном хозяйстве под руководством профессоров – потому что тогда и профессор поедет в совхоз, где тысяча студентов работает, – поймите, какая грандиозная картина развертывается. Но я, к сожалению, имею слишком суконный язык, чтобы обрисовать эту картину. Если бы был Луначарский, он бы вам нарисовал такую прекрасную картину, что моя обрисовка, где я говорил о решении социализма построением совхозов, показалась бы вам слишком убогой и неяркой.

И все же, товарищи, от моей неяркой речи уже сегодня получились результаты. Вот тов. Косиор говорит: «я пойду руководителем совхоза в деревню», а это, я считаю, уже большое достижение. (С м е х.)

Председатель (Косиор). Предлагается проект резолюции принять за основу. Кто за это? Проект резолюции принимается за основу. Теперь имеется ряд поправок, которые были внесены. Прежде всего, насчет срока. Здесь указано: на срок 3–4 года. Предлагается: на срок 4–5 лет. Разрешите голосовать. Кто за старый срок? Меньшинство. Кто за 4–5 лет? Принимается 4–5 лет.

Петровский. А может быть, 6–8 лет?

Председатель. Давайте проголосуем восемь. Кто за 8 лет? Один.

Седьмой, последний пункт. Тут написано: «Утвердить программу работ на 1928 год с общей площадью вспашки» и т. д. Было предложение не утверждать этой программы.

Чубарь. Можно сказать так: «утвердить задание на 1928 год с общей площадью» и т. д.

Председатель. Нет возражений? Принимается. Затем была одна поправка Чубаря о том, чтобы вставить пункт о помощи со стороны совхозов окрестному крестьянскому населению.

Чубарь. У меня такое предложение в пункте втором: «новые совхозы должны строиться с таким планом, чтобы» и т. д., вместе с тем в программу работ совхозов должно быть включено максимальное содействие государству в деле замены крестьянским хозяйствам, и в первую очередь колхозам, плохих семян улучшенными семенами, это должно вести к форсированному повышению урожайности в массе крестьянских хозяйств, а также и колхозы будут давать хороший хлеб.

Председатель. Ясно, в чем поправка? Будем преть?

Калинин. Видите ли, товарищи, я почему против? Во-первых, мы этим предложением уменьшаем, так сказать, индустриальную ударность и вводим свою педагогическую линию. Во-вторых, тут маленькое хвастовство получается: еще ни одного пуда хлеба нет, он будет только в следующем году, а мы уже обещаем крестьянам помощь. Надо все-таки в этом вопросе умеренность соблюдать.

Г о л о с. А политически?

Калинин. А вот политически, когда мы, не имея еще ничего реального, будем крестьянину давать обещания, он скажет: вот хвастуны, хлеба еще нет, а они уже обещают (с м е х). Надо это лучше отложить. А в будущем году, когда у нас будет 5 млн. пудов хлеба, я не буду возражать против особого постановления ЦИКа или ВЦИКа о распределении среди крестьян (с м е х).

Председатель. Разрешите голосовать? Кто за поправку тов. Чубаря, прошу поднять руку. Кто против? Больше против, меньше за.

Чубарь. Тогда у меня другая поправка. Я предлагаю выкинуть второй пункт, потому что он обещает гораздо больше в части переработки, чем это за пять лет будет сделано. Где это будут индустриальные центры переработки с/х продуктов окружающего крестьянского населения? Да в этих районах и крестьянского-то населения нет. Это обещание будет вводить только в заблуждение.

Калинин. Это дает перспективу. (С м е х.)

Чубарь. Это совершенно неправильная установка. Я предлагаю второй пункт выкинуть.

Анцелович. У меня есть предложение, которое исключает внесенные предложения. Я предлагаю включить пункт о всемерной поддержке старых совхозов и увязать работу по укреплению и организации старых и новых совхозов с задачей по кооперативному пути переустройства крестьянских хозяйств.

Председатель. Я думаю, что нужно проголосовать поправку Чубаря. Предложение Анцеловича сюда не имеет отношения. Кто за предложение Чубаря выбросить второй пункт? Кто против? Мало. Значит, пункт остается.

Насчет старых совхозов – этот вопрос разъяснялся, и, кажется, тов. Сталин также говорил об этом. У нас речь идет о новых совхозах. Разрешите без прений проголосовать?

Я голосую поправку о том, чтобы вставить о старых совхозах. Я предлагаю ее без

прений проголосовать. Кто за то, чтобы проголосовать без прений? Принято голосовать без прений.

Скрыпник. У меня есть предложение: подтвердить прежнюю резолюцию Политбюро относительно старых совхозов.

Председатель. Кто за то, чтобы вставить о старых совхозах? Шестнадцать. Кто против этого? Большинство. Поправка отвергается. Этим самым исчерпывается вопрос о старых совхозах. Голосуется резолюция в целом. Кто за то, чтобы принять резолюцию в целом? Кто против? Нет. Кто воздержался? Тов. Чубарь.

Разрешите здесь к порядку предложение. Доклад тов. Молотова начать завтра, а заседание назначить на час раньше, в 10 час.

Г о л о с а. В 11 часов! Поработать надо!

Председатель. Голосую. Кто за то, чтобы в 11? Принято. Заседание закрывается.

ЗАСЕДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Утро, 12 июля

Председатель (Рыков). Слово имеет тов. Молотов.

ОБ УЛУЧШЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ (ВТУЗы)

Молотов. Товарищи, вопрос об улучшении подготовки специалистов встал перед пленумом Центрального Комитета в связи с шахтинским делом. Но само собою разумеется, что шахтинское дело только толчок, что оно только лишнее напоминание о той задаче партии, которая уже не первый день и не первый месяц буквально стучится к нам в дверь. Вопрос о технических кадрах для нашей промышленности, транспорта и вообще вопрос о кадрах для хозяйства, да и не только для хозяйства, но и о кадрах для всего социалистического строительства, относится в настоящее время к самым основным и к самым острым вопросам в СССР. По разным линиям партия в настоящее время должна подойти к этому кардинальному и пока в высшей степени неудовлетворительно разрешенному вопросу. В особенности остро этот вопрос поставлен перед нами в области техники, в области промышленного и с/х производства.

То, что мы до сих пор мало занимались этим вопросом, – а это несомненно так! – и то, что положение с подготовкой специалистов для промышленности и для других отраслей нашей государственной работы у нас в настоящее время находится в крайне неудовлетворительном положении, – это для нас не приходится считать новостью. Особенно потому мы не можем признать положение с вопросом о технических кадрах сколько-нибудь удовлетворительным, что практическое дело социалистического строительства у нас идет огромными шагами вперед. В нашей работе по строительству социализма мы двигаемся победоносно вперед, несмотря на нашу огромную отсталость в таком деле, как новейшая техника, несмотря на нашу страшную медлительность в таких вопросах, как практическое использование новейших достижений в различных областях науки. Наше основное преимущество в том, что сама система советского строя, те общественные условия, в которых мы ведем строительство, настолько жизненны, что несмотря ни на что могучие соки экономического развития СССР буквально бьют ключом. Нам нужны кадры организаторов для всех областей социалистического строительства. Нам нужны кадры социалистических организаторов, знающих свое дело не хуже иностранных специалистов и вместе с тем кровно связанных с интересами широчайших масс трудящихся. То, что мы отметили в резолюции апрельского пленума ЦК в связи с шахтинским делом как одну из главнейших наших слабостей и что действительно является весьма слабым местом в нашей хозяйственной работе, – это тот факт, что несмотря на исключительно усложнившиеся задачи мы еще зачастую работаем в хозяйственной области методами первого периода революции, что на практике превращается нередко в так называемое «общее руководство» и в этих случаях превращает наших хозяйственников в «комиссаров плохого типа» (см. резолюцию ап-

рельского пленума ЦК). Между тем мы должны вплотную взяться за осуществление важнейшей задачи – задачи создания новых кадров настоящих советских специалистов, а также за дело превращения коммунистов-практиков и вновь подрастающих кадров из коммунистической и рабочей среды в настоящих, знающих в совершенстве свое дело специалистов-руководителей, со скорейшим уничтожением остатков «комиссаров плохого типа» во всех отраслях работы. Это дело мы должны поставить теперь в качестве важнейшей задачи всей партии.

В отношении промышленности вопрос о кадрах имеет особенно крупное значение.

Теперь вопрос о кадрах специалистов для промышленности – это вовсе не только вопрос о кадрах **старых** специалистов. Конечно, пока новых специалистов, вышедших из рабочего класса, еще мало, главную и решающую роль в области специальных знаний, несомненно, должны играть и еще играют в действительности старые специалисты. Но теперь уже в огромной мере дело зависит от притока **новых** специалистов, которых пока до крайности мало. Между тем условия для подготовки этих новых и притом широких кадров квалифицированных специалистов у нас имеются, и это дело мы можем двинуть значительно вперед, если по-настоящему за него возьмемся. Для промышленности это теперь прямо вопрос жизни или смерти. Если мы поставили перед собой задачу «**догнать, а затем и превзойти**» передовые индустриальные страны, то ясно, что это мы можем сделать только и исключительно на основе новейших достижений техники, делая это, во-первых, путем перенесения к нам этих достижений и привлечением значительного слоя специалистов из капиталистических государств и, во-вторых, путем максимального поднятия дела подготовки специалистов из среды рабочего класса и вообще из трудящейся массы в нашей стране. Для промышленности вопрос о специалистах стал уже такой проблемой, без радикального решения которой настоящего прогресса, настоящего закрепления тех важных побед, которые у нас имеются в области советского строительства, в частности в хозяйственной области, мы иметь не можем.

В самом деле, стоит только привести данные насчет роста капитального строительства, чтобы ясно представить себе, насколько велики те средства, которые рабочий класс вкладывает в это дело уже в настоящее время. По промышленности и транспорту вложения в капитальное строительство за последние годы шли такими шагами: в 1924/25 г. мы вложили в это дело 609 млн., в следующем году – 1107 млн., в следующем году – 1430 млн. и, наконец, в этом году – 1878 млн. Одно это требует огромного кадра действительно квалифицированных специалистов, дабы рабочий класс не понапрасну затрачивал свои материальные ресурсы на поднятие хозяйства. Я взял из пятилетки промышленности те страницы, которые говорят о плане ВСНХ в области нового строительства, уже начатого и проектируемого. В моих руках эта книга. Вот, смотрите, товарищи, – один только **список** начатых уже и проектируемых работ на ближайшее пятилетие составляет в этой книге **50 страниц**! Значит, один список новых работ в области капитального строительства – и только в одной промышленности! – составляет целую брошюру! Поправки в этот план, конечно, будут вноситься, но не может быть сомнения, что в основном этот список работ мы должны провести, должны осуществить. А это дело настолько трудное, что любому из нас стоит лишь заглянуть в этот список, чтобы понять, что вопрос о кадрах специалистов представляет собою острейшую и неотложнейшую проблему Советского Союза. Это и означает, что перед нами стоит уже не только вопрос о кадрах старых специалистов, оставшихся от буржуазного общества, но и вопрос о кадрах новых специалистов, о тех кадрах, которые мы должны воспитать в соответствии с современными требованиями техники и в соответствии с новыми социальными условиями в СССР.

Каково же положение с этим делом в нашей промышленности в данный момент?

Я не буду подробно останавливаться на соответствующих данных: их каждый из нас по конкретным примерам своей работы знает достаточно. Мы не можем похвастаться тем, что наша промышленность обеспечена в сколько-нибудь достаточной мере инженерами и техниками с соответствующей теперешним требованиям квалификацией. В промышленности находится теперь $15^1/_2$ тыс. инженеров и столько же, т. е. $15^1/_2$ тыс., техников. Но достаточно прибавить, что на 31 тыс. инженеров и техников в промышленности на ответственных технических должностях имеется еще 20 тыс. практиков, чтобы понять, что мы находимся в таком положении, когда явно вскрылся острый кризис, острый недостаток в действительно квалифицированных специалистах. Эти цифры говорят нам о том, что каждый старый хороший специалист – будь он по своим убеждениям контрреволюционер из контрреволюционеров, белый из белых! – должен быть использован нами, пока он не совершил преступления, пока он не занимается вредительством и хотя бы капельку работы в области своей специальности исполняет для пролетарского государства. Мы согласны пока использовать и таких враждебных нам, но с пользой работающих в своей области специалистов под бдительным пролетарским контролем, хотя бы они и работали для советов скрежеща зубами! У нас настолько мало квалифицированных инженеров и техников, что мы должны каждым из них дорожить, каждого максимально использовать, но, само собою понятно, решительно отсекая прочь, как гниль, как разлагающуюся ткань, все элементы из этого старого спецовского слоя, которые пытаются поднять руку на пролетарское государство или занимаются вредительской работой в органах советского хозяйства.

Я пытался сравнить положение со специалистами в нашей промышленности с положением специалистов в иностранной промышленности. К сожалению, тут лишний раз мы доказываем свою техническую малограмотность и невнимание к элементарным азбучным задачам нашей практической работы. Никто не мог мне дать по этому вопросу данных хоть сколько-нибудь надежных – ни Наркомпрос, это ему и трудно, ни НКТруд, которому сие не мешало бы знать, ни НТУ ВСНХ, которое, как будто бы, уже во всяком случае должно интересоваться этим делом. Ни один из наших комиссариатов таких данных не имеет. Я могу только с известным риском ссылаться на конкретные заявления отдельных ответственных товарищей-хозяйственников, которые в основном свидетельствуют о колоссальной нашей отсталости от заграницы. Доказывать, что у нас заводы и фабрики, за редкими исключениями, сильно отстали от иностранной техники, как будто не приходится. Однако сравнительных точных данных у нас, к сожалению, не имеется.

Иллюстрацией могут быть следующие примеры.

Товарищи из ВСНХ, в частности работающий в этой области тов. Краваль, приводят цифры, которыми я и воспользуюсь.

Вот их данные насчет положения с техническими силами в нашей промышленности. На сто рабочих у нас приходится 0,98 инженеров и столько же – 0,98 – техников, а кроме того – 1,28 так называемых «практиков». В общем на технических должностях у нас находится 3,24 на каждые сто рабочих.

Г о л о с. Считая и аппарат, например в трестах?

Молотов. Да, считая весь технический аппарат.

Что касается других государств, то во всяком случае одних средних специалистов там не меньше, чем 2–4 на сто рабочих. В отдельных высокоразвитых отраслях промышленности количество их достигает 10, 15 и 20 на сто рабочих, а в области машиностроения, например в Швеции, достигает даже 50, о чем говорил тов. Рыков на предыдущем пленуме ЦК.

Во всяком случае, явную отсталость в деле обеспечения специалистами нашей промышленности мы должны признать. Приведенные данные говорят о том, что у нас в этой области положение в высшей степени тяжелое.

Нечего уже говорить, что в эти кадры входят и такие элементы, которые работают для советской власти из-под палки, а иногда свертывают прямо на дорожку контрреволюционного вредительства, как это мы видим в шахтинском деле. В этом отношении у нас положение до сих пор было хуже, чем в буржуазных государствах, так как специалисты в своей массе относятся к буржуазным слоям, и несмотря на то, что в их массе, несомненно, произошел за эти годы перелом в пользу лояльной работы для советской власти, однако настоящего энтузиазма у многих из них до сих пор нет, а у некоторой, правда, небольшой их части до сих пор остается скрыто или даже открыто враждебное отношение к советской власти.

Как обстоит дело с подготовкой новых специалистов?

На этом я должен подробнее остановиться. Приведу прежде характеристику положения с этим делом, которую дает тов. Луначарский.

Он напечатал в «Правде» 28 июня статью на тему «Промышленность и ВТУЗы»[246] и там говорит по этому поводу следующее: «Мы можем привести бесчисленные доказательства, статьи, доклады, речи, направлявшиеся Наркомпросом РСФСР во все инстанции, какие только могли помочь ему, а также к общественному мнению относительно **ужасающего неблагополучия** в деле подготовки специалистов высшего порядка вообще и, в частности, инженеров».

Слова «**ужасающего неблагополучия**» тов. Луначарский подчеркнул в статье курсивом.

Это, как видите, весьма резкая характеристика, но в основном она правильна. Действительно, у нас с подготовкой специалистов и, в частности, с подготовкой инженеров для промышленности дело обстоит в высшей степени неудовлетворительно и безусловно неблагополучно. Об этом говорит и наша резолюция, правда, в более мягких тонах, чем это сказал тов. Луначарский. В нашей резолюции, например, не говорится: «ужасающее неблагополучие», а просто сказано: «неблагополучно». И это сказано правильно.

Вне всякого сомнения, что при оценке положения с этим делом мы должны учесть объективную обстановку, в которой работали наши ВТУЗы. Вне всякого сомнения, что материальная сторона дела имела здесь в высшей степени важное, а в первый период прямо решающее значение, весьма неблагоприятно сказавшееся на положении с подготовкой новых специалистов. Кроме того, надо особо учесть, что самый состав новых втузовцев требовал коренной и притом весьма сложной перестройки в методах работы ВТУЗов. Мы продвинули во ВТУЗы огромные новые кадры из рабочей и отчасти из крестьянской среды – людей, которые не были подготовлены для того, чтобы проходить курс высшей школы. Коренным образом изменив социальный состав учащихся в высших учебных заведениях, мы должны были всячески помочь этому новому слою учащихся усвоить и пройти максимально быстро курс высшей школы. Следует признать явным анахронизмом, когда и теперь еще кого-то убеждают, что рабочие в наших ВТУЗах не отстают от остальных учащихся. Так говорить просто смешно, потому что молодые кадры рабочих, которые мы двинули во ВТУЗы, не только нисколько не хуже других учащихся, но во многих отношениях лучше и крепче берутся за дело изучения науки, хотя им и приходится при этом преодолевать «сверхкомплектные» трудности. Несомненно, что в этом отношении мы имеем за эти годы большие успехи.

Дальше. Большие трудности за эти годы мы имели и с преподавательским составом во ВТУЗах. Преподавательский состав у нас далеко не удовлетворителен с точки

зрения современных требований. К тому же и по политическим настроениям он в значительной своей части далек от нас.

И все же во всех основных моментах, определяющих положение наших ВТУЗов, мы за последние годы имеем значительные успехи. Если говорить об основных достижениях наших ВУЗов вообще, то, мне кажется, кратко можно было бы их сформулировать следующим образом. Мы радикально изменили социальный состав ВУЗов. Теперь у нас решающую роль в ВУЗах имеют рабочие, хотя они еще и не составляют большинства в среде учащихся. Дело с этой стороны обстоит вовсе не во всех отношениях благополучно, но, во всяком случае, решающее изменение в состав учащихся революцией уже внесено. Общий успех в развитии наших ВУЗов можно охарактеризовать в двух словах тем, что мы примерно **достигли довоенного уровня** в постановке этого дела. Несмотря на крайне тяжелые материальные и бытовые условия, несмотря на коренное изменение в социальном составе учащихся и несмотря на неудовлетворительное положение с преподавательским кадром, мы до довоенного уровня в общем и целом дошли. Это нельзя не признать за крупное достижение в работе Наркомпроса и, в частности, в работе Главпрофобра.

Но у нас имеется в этой области и много минусов. Остановлюсь и здесь лишь на самом главном. Сделаю еще только два замечания, прежде чем перейти к наиболее острым моментам специально в вопросе о ВТУЗах.

У нас развернулась сеть ВТУЗов – это большой плюс. Но вместе с тем существует в ряде случаев параллелизм одинаковых факультетов, иногда к тому же весьма малочисленных, в различных учебных заведениях. У нас есть факультеты, где учатся на отдельных курсах по 2–3 человека, и все же эти факультеты имеются в 2–3 местах. Если взять, например, электротехнику освещения в Электротехническом институте, в МВТУ и в Ленинградском политехническом институте, то, за исключением последнего, только единицы учатся на соответственно однородных факультетах и тем не менее мы подготовляем специалистов по электрическому освещению в трех ВТУЗах. Это одна из многих неувязок, подлежащих устранению.

Можно привести ряд других неувязок, которые упираются в общий вопрос **о плане**. У нас, к сожалению, нет плана подготовки специалистов. Вопрос об этом плане до последнего времени является тем вопросом, из-за которого скрещиваются шпаги Наркомпроса и ВСНХ. Эти ведомства – в данном случае именно как «ведомства» – без конца и теперь спорят о том, кто виноват, что у нас нет плана подготовки специалистов. Формально говоря, в этом в первую очередь виноват ВСНХ. Как заказчик он должен предъявлять соответствующие свои требования в соответствии с хозяйственным планом. А если неформально подойти к этому делу, то станет ясно, что при отсутствии хозяйственной пятилетки не могло быть и сколько-нибудь сносной пятилетки в подготовке специалистов. Это, конечно, очень плохо и очень неприятно, но это факт. Если бы ВСНХ при таких условиях и дал на 5–10 лет «заказ» на подготовку специалистов, то это была бы «филькина грамота», ввиду отсутствия общего хозяйственного плана. Тот, кто обвиняет за отсутствие плана подготовки специалистов в первую голову Наркомпрос, тот тем более делает ошибку. У Наркомпроса был до сих пор «свой» план строительства ВТУЗов, но из сказанного ясно, что это не тот план, который нам нужен. К настоящему же плану мы лишь подходили, и то ощупью, постепенно составляя настоящий план из отдельных его элементов и имея до последнего времени лишь самую общую ориентировку в отношении этого дела в целом. Известно, что и в отношении практического хозяйственного строительства мы не сразу взялись за пятилетку, а сначала проработали несколько лет над годовыми контрольными цифрами[247].

Скрыпник. Как бы это не получился план из трех пальцев.

Молотов. Тов. Скрыпник не хочет учесть, что мы до сих пор не имеем хозяйственной пятилетки, которую бы утвердили партия и советское правительство. Само собой понятно, что это в нашей работе громадный минус, но только теперь мы вплотную смогли подойти к этому делу практически, начав в свое время с годовых планов. С плановой работой в основных вопросах (пятилетка и т. д.) мы двигались вперед очень медленно, но ведь надо же помнить, что хороший хозяйственный план на ряд лет только и может опираться на настоящие успехи во всем социалистическом строительстве в нашей стране в целом, чего мы смогли добиться только в последние годы. Из этого ясно, что к плану подготовки специалистов мы должны подходить не формально, не с точки зрения вопроса о ведомственных взаимоотношениях: «кто виноват» и т. п., – мы должны, а теперь и вполне можем добиться составления этого плана в ближайшее время, связав это дело с общим хозяйственным масштабом развития на ближайшие пять лет.

В настоящий момент в постановке ВТУЗов самое главное, с точки зрения осуществления задачи «**догнать, а затем и превзойти**» индустриальное развитие капиталистических стран, заключается в следующем: во-первых, **темп** подготовки специалистов; во-вторых, **научный уровень** подготовляемых специалистов; в-третьих, **знание производства** и связь с этим производством; и, в-четвертых, чтобы это были, что само собой разумеется, действительно **красные** специалисты. Вот, мне кажется, четыре боевых задачи, которые неразрывно связаны с вопросом о плане подготовки новых специалистов и которые могут быть правильно разрешены только при наличии этого плана, без которого мы больше работать и в этой области не можем.

Перейду к поставленным мною основным вопросам.

Как дело обстоит с вопросом **о темпе** подготовки специалистов? В высшей степени неудовлетворительно. В настоящее время мы имеем такое положение: во ВТУЗах у нас обучаются от 6 до 9 лет, а в среднем – 7 с лишним лет. Явная ненормальность этого дела видна уже из этих цифр. Это можно подтвердить еще одной цифрой: ежегодный выпуск новых специалистов составляет в настоящее время только 7% к общей массе учащихся. А такой великолепный институт, который, кстати, мне хорошо известен, как Ленинградский политехнический институт, оказывается, выпускает в год только 3% из общего состава своих учащихся. Если мы таким темпом будем подготовлять новых специалистов и впредь, то это нас никак устроить не может. Можно, конечно, сказать, что в общем такая же картина была и в довоенное время. Но, товарищи, на это мы вправе в данном случае сказать: кто старое помянет, тому глаз вон! Довоенный уровень был более или менее близок к приведенной мною цифре годового выпуска, но этот довоенный уровень для нас – не указ. Если в этом (как, впрочем, и во многом другом) мы будем равняться по довоенному уровню, то как же мы сможем «догнать и перегнать» далеко ушедшие вперед капиталистические государства?

Нельзя не согласиться, что в деле научной подготовки новых кадров, несомненно, имеется куча препятствий к тому, чтобы ускорить темп этой подготовки, но эти препятствия мы должны во что бы то ни стало преодолеть. Материальные и другие условия жизни студенчества должны быть улучшены. Программы и планы должны быть пересмотрены, чтобы и они были приспособлены к более быстрому темпу выпуска специалистов. Как ни понятна осторожность Наркомпроса в деле пересмотра программ, как ни понятно, что Наркомпрос, в последний раз пересмотревший их только в 1926/27 году, теперь опасается новых пересмотров и ломок, – этот пересмотр теперь необходим. Конечно, постепенно, не сразу, не с бухты-барахты, но мы должны поставить это дело как одну из неотложнейших задач, под новым углом зрения, в соответствии со всей намечаемой в отношении ВТУЗов коренной переменой.

Приведу еще одну иллюстрацию по вопросу о темпе подготовки специалистов.

В Москве создан строительный техникум, который существует уже пять лет – с 1922 года. Наша комиссия получила специальное заявление от секретаря ячейки этого техникума. Из этого заявления я прочитаю одно место. Вот это место:

«Строительный техникум, имеющий семь отделений (факультетов), где обучается полторы тысячи человек, где ежегодный выпуск достигает 250 человек, за 5 лет своего существования не имеет **ни одного слушателя**, защитившего квалификацию».

Ясно, что если мы таким темпом будем готовить наших строителей-инженеров, то мы никого не перегоним, а будем отставать и от черепахи.

И, наконец, с точки зрения темпа подготовки специалистов, перед нами стоит вопрос: нельзя ли наряду с теперешними ВТУЗами, курс которых рассчитан на 5–6 лет, создать новый тип ВТУЗов, с более сокращенным сроком обучения, например с 3–4-годичным? Почему на Западе и в Америке такой сокращенный тип высших учебных заведений имеется, и почему мы не можем так же поступить? Разве мы можем в этом деле больше ждать, больше откладывать, чем эти передовые по технике государства? Конечно, не можем. Мы находимся в гораздо худшем положении, чем они, и потому вопрос о ВТУЗах нового типа, о ВТУЗах с более сокращенным курсом обучения для нас является абсолютно неотложным вопросом. Нам нужно иметь специалистов так называемого «широкого типа», т. е. с возможно максимальной научной подготовкой, но нам нужны и узкие специалисты. Тот спор, который нередко возникает между хозяйственниками и Наркомпросом, – какой тип специалистов нужен, «узкий» или «широкий», – мне кажется в значительной мере схоластическим спором.

Г о л о с. Правильно.

Молотов. Во всяком случае, абсолютно неправильно утверждать, что нам нужны специалисты только одного из этих типов, для промышленности нужно и то и другое. Нам нужно как можно больше самых лучших, самых квалифицированных специалистов. Но если дело с подготовкой самых лучших, самых квалифицированных специалистов двигается медленно, а часть своих запросов мы можем удовлетворить за счет кадров специалистов с более узкой подготовкой, то почему нам не воспользоваться опытом других государств и наряду с осуществлением основной задачи по подготовке квалифицированных во всех отношениях специалистов не прибегнуть также к подготовке специалистов более узкого типа и на этом выиграть в темпе. Только недопустимым игнорированием жизненнейшей и неотложнейшей проблемы можно было бы объяснить отказ от создания ВТУЗов с 3–4-годичным сроком обучения. Такого игнорирования запросов промышленности партия допустить не может.

Второй недостаток – **отсталость** теперешней **научной подготовки** во ВТУЗах.

Можно ли оспаривать это? Нет, нельзя. Мы бесконечно отстали в этом от передовых капиталистических государств. Это нечего доказывать. У нас, прежде всего, оборудование ни к черту не годится, так как оно страшно устарело. В оборудовании МВТУ есть станки 1847 года; там до сих пор учатся по некоторым пособиям 1895 года. Во многих случаях и оборудование и учебники недопустимо устарели.

Ворошилов. Учебники устарели, а станки и в Англии есть 1847 года.

Молотов. Я не отрицаю, что есть и хорошие части в оборудовании МВТУ, но станки 1847 года непригодны для обучения. Таких явных безобразий, которые являются результатом объективных тяжелых условий нашей страны в первые годы революции – прежде всего результатом недостатка средств, – у нас бесконечное количество. Мы не можем больше этого терпеть, если мы не отказываемся бороться с нашей исключительной отсталостью в технике, с нашим низким уровнем научно-технического развития. А надо признать, что, занятые бесконечной массой труднейших практических дел, мы не успеваем до сих пор по-настоящему взяться за борьбу с на-

шей малограмотностью в вопросах техники – малограмотностью, столь широко распространенной в рядах нашей партии. Наука в работе коммунистов пока еще не заняла того выдающегося места, которое должно быть теперь ей отведено. В этом наша беда.

Возьмите преподавателей. Несмотря на то, что у нас есть квалифицированнейшие, первоклассснейшие ученые, не уступающие, а иногда превосходящие в отдельных отраслях лучшие силы заграницы, мы имеем преподавателей в массе своей не только в прошлом недостаточно подготовленных, но еще более отставших за последние годы ввиду нашего отрыва от новейших достижений за время войны и революции.

Возьмите теперь наших «практиков», работающих на инженерских должностях в производстве. И в этом отношении у нас крайне тяжелое положение.

Я должен привести несколько иллюстраций для характеристики низкого уровня научной подготовки в теперешних ВТУЗах.

Наша комиссия[248] послала в четыре ВТУЗа специальные подкомиссии для обследования фактического положения на месте. Членами этих подкомиссий были преимущественно члены ЦК и члены президиумов ВЦСПС и ВСНХ – товарищи вполне квалифицированные и политически, и практически. Они обследовали четыре ВТУЗа: МВТУ (Криницкий и Косиор И.), Горную академию (Манцев и Догадов), Московский транспортный институт (Шмидт и А. Коростелев) и Институт им. Каган-Шабшая[249] (С. Косиор, Краваль и Ходоровский).

Из этих обследований мы извлекли много характерных и ценных материалов. Остановлюсь сейчас на данных МВТУ. Даже в одном из лучших наших ВТУЗов, каким является МВТУ, мы имеем на каждом шагу вопиющие примеры нашей технической отсталости.

Вот пример по инженерно-строительному факультету. Здесь наши обследователи говорят (беру цитаты из доклада тов. Криницкого):

«Даже такие предметы, как новые материалы и новые конструкции, являются факультативными. Новые строительные машины, полученные из-за границы и применяемые в Союзе несколько лет, студентам не известны. Дипломные проекты студентов отличаются чрезвычайной отвлеченностью, опыт иностранной техники в проектах отражен слабо».

По химическому факультету:

«Программа химического факультета требует переработки в смысле пополнения новейшими достижениями химии. Наблюдается крайняя отсталость от новейших достижений прикладной химии и отсталость, разрыв с теми общими организационными и экономическими задачами промышленности, без которых современный инженер в нашей стране работать не может».

Об учебных пособиях для студентов обследователи говорят:

«Чрезвычайно интересно, что мы увидели в смысле пособий, на которых работают студенты. Прежде всего, библиотека. Библиотека старая, новой литературы очень немного. Библиотека является образцовой по 1835 г. Учебники зарабатываются до дыр, до того, что некоторые страницы, наиболее боевые, читать невозможно. На станках, например, стоит марка 1847 года. Из предметов оборудования МВТУ можно организовать неплохой музей. Нового оборудования не только из-за границы, но даже с наших советских заводов не поступает, его нет».

Вот на чем обучаются студенты МВТУ, самого большого технического учебного заведения, которое мы имеем в СССР.

Косиор С. Самого сложного.

Молотов. Да, самого сложного и самого ответственного.

Теперь посмотрите, что говорит ответственный работник НКПС тов. Рудый о положении с подготовкой транспортных инженеров:

«Не учитывается то, что наши современные предприятия обладают новым оборудованием, которого студенты не знают. Студенты также указывают, что при преподавании не уделяется внимания такому важному вопросу, как вопрос рационализации производства».

Так подготовляются у нас студенты в нашем МИИТе. Что касается преподавания, то и здесь данные свидетельствуют о том, что большинство преподавательского состава сильно отстало. Вот что говорит тов. Шмидт, обследовавший МИИТ:

«Ввиду того, что лишь небольшая часть профессоров и преподавателей работает над наукой, большинство же пользуется своими знаниями для побочного заработка (консультация, совместительство и т. п.), большинство профессорского преподавательского состава сильно отстало в науке, что отрицательно влияет на успешность студенчества и на подготовку специалистов».

О том же говорит тов. Криницкий по поводу преподавания в МВТУ.

Но я думаю, что самым интересным документом по этому вопросу является то, что сказал один немецкий инженер в своей докладной записке-дневнике на имя одного из работников ВСНХ, т. Жуковского.

Эта записка представляет для нас исключительный интерес при оценке положения в деле со специалистами. Германский инженер Келлен, объективный беспартийный человек, главное достоинство которого в данном случае заключается в том, что он далек от политики и вместе с тем не ослеплен буржуазными классовыми предрассудками, без всякой предвзятости дал свою оценку работе наших хозяйственных органов, подходя к ней исключительно с точки зрения практики, с точки зрения фактического положения в производстве. Надо, кстати, отметить, что Келлен не какой-либо исключительный германский инженер, а один из средних специалистов Германии. Этот инженер был приглашен ВСНХ для консультации ряда наших строительных предприятий. Он побывал на строящейся Нижегородской электростанции – главным образом там он и мог наблюдать положение дел с электростроительством, – он был на постройке Сельмашстроя в Ростове, он был в Харькове...

Косиор И. На Эсхаре[250].

Молотов. На Эсхаре. Он был, наконец, в Донбассе, на Штеровке[251]. Что же он говорит о том, что он видел на этих предприятиях? Как, в частности, он оценивает тех специалистов, которых он там видел?

Вот что он говорит:

«Мне уже было сообщено в Берлине, что во всем СССР имеется лишь одна большая государственная лаборатория по испытанию материалов, а именно в Москве. Я поставил себе первой задачей отыскать эту лабораторию по испытанию материалов. Здесь я пережил первое свое большое изумление. Меня провели в подвальное помещение, которое состоит из 2-х или 3-х комнат, небольших, мрачных и убого оборудованных. Здесь находились два пресса и другие небольшие инструменты. В одном углу я заметил несколько бетонных кубиков; они лежали так, что сразу было заметно, что им не придается особого значения. Во время моего посещения этой так называемой лаборатории никого не было; и дверь в это подвальное помещение мне отпер профессор Лахтин, которого я нашел в другом институте. Лахтин считается в России самым выдающимся специалистом в этой области».

А теперь поглядим, как обстоит дело с этим профессором Лахтиным, лучшим нашим специалистом в этой области:

«Когда мы перешли к вопросам техники, то г. Лахтин спросил меня, каким образом

я предполагаю организовать испытание материалов на месте. Во время переговоров я очень удивился, обнаружив, что г. Лахтин в данном вопросе совсем не так осведомлен, как это можно было бы ожидать от такого специалиста. Кое-что он слышал о тех методах, которые я хотел применить при испытании материалов, кое-что он читал, но в общем все это было для него чем-то новым. При этом речь шла об анализе при помощи просеивания, чтобы состав смеси бетона мог быть правильно исчислен, и об испытании консистенции, чтобы примесь воды была приблизительно одинаковой при стройке. Эти вопросы в бетонных сооружениях чрезвычайно существенны. Теоретически эти проблемы освещены приблизительно за 3–4 года, а за 2 последних года они стали широко известны. На постройках за границей не повсюду это принимается во внимание; поэтому если я на месте стройки найду инженера-практика, который недостаточно знаком с современными методами испытания материалов, то я это сочту за пробел, но все-таки я пойму это, ибо речь идет о новых методах. Между тем меня чрезвычайно удивило бы...

Ворошилов. Московскому коммунхозу не мешало бы этим делом заняться.

Молотов. (Ч и т а е т.) <Удивило бы,> если бы я встретился с человеком, который является, как указано, самым выдающимся специалистом по испытанию материалов в целой стране и который, в сущности говоря, ничего не понимает в этих вопросах. Как это будет видно из последующего, я должен был прочитать ему целую лекцию и показать, как производятся эти работы. При этом я подчеркиваю, что испытание материалов не является моей специальностью».

Косиор. Это Келлен говорит?

Молотов. (Ч и т а е т.) «О способе испытания я узнал из книги У. Графа и других работ. Оказалось, что профессор Лахтин имеет эту книгу, но, как он сам сказал, он ее еще не успел прочитать, хотя немецкий язык он знает хорошо».

Вот, товарищи, один из ярких примеров того, в каком положении мы находимся даже тогда, когда имеем дело с лучшим специалистом, имеющим имя и, видимо, заработавшим его в свое время серьезным трудом в научной области. А вот еще характеристика, которую дает инженер Келлен в этом своем докладе-дневнике инженерам Сельмашстроя в Ростове. Пусть это учтут товарищи из Ростова:

«Местные инженеры очень старомодны по своим взглядам. Они просто не хотят замечать, что время идет вперед и что война вызвала также и за границей существенные изменения. Мне было также сказано, что тамошние инженеры очень критически относятся к работам и что работа у них идет индивидуально. Это явление, по-моему, недопустимо».

Заметьте, что это говорит буржуазный германский инженер! Келлен продолжает:

«Конечно, нельзя выполнять технические работы в условиях казарменной дисциплины, но ведь существует множество уже разрешенных проблем, и если кто-нибудь желает этим заняться, то это он может делать во внеслужебное время».

И, наконец, еще один пример. Этот пример касается очень почтенного учреждения – Энергостроя, находящегося в Москве. Вот что говорит инженер Келлен об Энергострое:

«Я разговаривал с профессором Сушкиным и сообщил ему, что я не пользуюсь симпатиями правления в Балахне. Он мне это подтвердил, однако заметил, что правление не лично против меня, но вообще против заграничной помощи. Правление уверено, что оно само в состоянии так же хорошо выполнить постройку».

Но еще более любопытные вещи об Энергострое мы узнаем из дальнейшей части доклада Келлена: «А вот, – сказал профессор Сушкин, – инженер Ступин, председатель Нигреса[252] в Балахне, – превосходный инженер, один из лучших русских инженеров-строителей. Я был вынужден внести поправку, говоря, что, насколько мне изве-

стно, инженер Ступин не инженер-строитель, а электроинженер. Этому Сушкин не хотел верить, и возник спор. Сушкин кого-то запросил, и ему было сказано, что инженеру Ступину как военному инженеру приходилось во время войны наблюдать за некоторыми постройками, но что в настоящее время он – электроинженер. Сушкин заметил при этом с большим удивлением: «Но ведь он в электротехнике ничего не понимает, это я могу спокойно утверждать, так как я электроинженер». Смеясь, я ему возразил: «О строительных работах он не имеет никакого понятия, это я могу спокойно утверждать, так как я инженер-строитель». После этих разговоров я могу себе представить, каковы здесь инженеры-строители средней марки, если Сушкин называет Ступина выдающимся инженером-строителем».

А мы, товарищи, чем заняты? Мы заняты именно строительством, да к тому же еще не каким-то обычным строительством, а строительством социализма! И вот руками специалистов, яркую характеристику которых дает Келлен, мы вынуждены это дело делать, и лучших у нас пока нет.

Г о л о с а. Опубликовать это надо.

Косиор. Келлена обязательно опубликовать.

Молотов. Хорошо бы опубликовать, так как это документ достаточно важный.

Осинский. Смотрите, не подведите этим Келлена.

Молотов. Это правильно, надо особо обдумать вопрос о том, в каком виде и как именно можно это опубликовать. При опубликовании имена привести мы не можем, потому что это оскандалит ряд наших работников-специалистов, между тем это все-таки лучшие наши силы, лучшие наши работники. Так вот, мы должны понять, насколько мы беспомощны с точки зрения научного уровня нашей техники...

Постышев. А кто учит?

Молотов. Они же и учат. И поэтому мы должны со всей серьезностью подумать о том, перед какой труднейшей задачей мы в настоящее время поставлены.

Теперь, в связи с вопросом тов. Постышева, я должен хотя бы в двух словах осветить еще один и притом исключительно интересный вопрос: как обстоит у нас дело с подготовкой новых научных и инженерно-технических кадров? Оказывается, для всех областей техники в настоящий момент у нас подготовляется научных молодых сил во всех ВТУЗах РСФСР всего 117 и, кроме того, так называемых стажеров при научно-исследовательских институтах ВСНХ – 170.

Г о л о с. Аспиранты.

Молотов. Первые аспиранты, а вторые стажеры, готовящиеся к аспирантуре. Еще имеется внештатных аспирантов 104 человека. Если же взять всех их вместе, то окажется, что мы подготовляем сейчас молодых научных сил только 391 человека, и это для всех отраслей промышленности! Это жалкая, позорная для нас цифра! Имейте еще в виду, что из теперешних 170 человек, подготавливающихся в научно-исследовательских институтах ВСНХ, до 1927/28 г. было только 24 человека, – только за последний год мы успели немного сдвинуть это дело в научно-исследовательских институтах ВСНХ. А до того времени научно-техническое управление ВСНХ, хотя оно уже давно так называется, никаким «управлением» в этой области не занималось. Вот то положение, которое мы имеем с научно-техническими молодыми силами.

Нужно ли еще доказывать, что мы отстали в научно-техническом отношении? Мне кажется, больше доказывать этого не нужно. Надо признать, что здесь дело обстоит у нас из рук вон плохо. Добавлю, что во ВТУЗах руководство профессуры этими молодыми научными работниками никем и никак не оплачивается. Остается сделать из этого вывод, а именно: все что угодно, но оставлять в таком положении дело подготовки новых специалистов мы не можем!

Третий вопрос – вопрос **о связи с производством**, о знании нашими молодыми специалистами производства, для работы в котором они готовятся.

Как дело обстоит в этом отношении? Для характеристики этого дела можно бы привести из полученных нашей комиссией материалов много примеров. Ограничусь минимумом.

Вот выдержка из заявления украинского бюро инженеров-металлистов по поводу учебных планов все того же МВТУ (это заявление было недавно напечатано в «Торгово-промышленной газете»). В заявлении говорится:

«Признавая правильной основную задачу училища – выпускать общественно-развитых и высококвалифицированных инженеров-организаторов, бюро отмечает, однако, что учебные программы по разным отделам и подотделам как механического, так и химического факультетов страдают весьма существенным недостатком. Специальные курсы не знакомят молодого инженера с той заводской обстановкой, в которой ему придется работать: недостаточно освещается организационная и экономическая сторона тех производств и производственных процессов, которые этими курсами охватываются».

А заканчивается заявление украинских инженеров-металлистов следующими словами:

«Бюро считает, что программы отдельных курсов и предметов механического и химического факультетов подлежат коренному пересмотру в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются в настоящее время к молодому инженерству».

Это насчет программ.

Возьмите теперь примеры из области того, как оценивают это положение наши работники, занятые подготовкой специалистов, начиная с самых крупных имен. Один из крупных наших специалистов, если не ошибаюсь, профессор Бах, как-то сказал, что «наша промышленность, видите ли, еще не доросла до науки».

Г о л о с а. Это не Бах!

Г о л о с а. Бах, Бах!

Молотов. Товарищи подтверждают, что это сказал Бах. Профессор Бах несомненно преданный соввласти и вместе с тем несомненно квалифицированнейший ученый, но он свысока глядит на нашу промышленность и заявляет примерно так: мы, люди науки, высоко стоим, а вы, практики промышленности, до нас не доросли. Мне кажется, что это – неправильная оценка. И в Политбюро уже было сказано, что в некоторых отношениях скорее следовало бы теперь сказать, что у нас наука не доросла до производства. Мы же знаем, что в ряде отраслей производство поставлено по-заграничному, с последними техническими достижениями, у нас имеется и новейшее оборудование, в котором наши технические силы иногда, к сожалению, плоховато еще разбираются.

И уж вовсе неправильно было бы хвастаться тем, что «мы, наука, стоим так высоко, что производство до нас не доросло». Нам необходимо поставить производство на основе высших достижений науки и техники. При этом нам особенно необходимо как можно больше и скорее приблизить работу наших научных сил к промышленности. Между тем наши ученые зачастую этой задачи не понимают, плетясь в хвосте плохих традиций отрыва научно-технической мысли от практики производства, отрыва, существовавшего в старой России.

Я должен привести из этой области еще один пример. Сошлюсь на заявление профессора Осадчего, в данном случае уж, собственно, не профессора, а чуть ли не олимпийца! Вот как он оценивает положение дел:

«Прогресс в технике производства идет несравненно быстрее, чем прогресс подготовки техников для производства. Отсюда неизбежна неудовлетворенность техника-

ми со школьной скамьи и периодически возникающие вопросы о несоответствии специалистов, выпускаемых ВТУЗами, требованиям промышленности. Так было до революции, и так продолжается после революции».

Вот старая, хорошо известная формула, сказанная весьма почтенным профессором по крайне актуальному вопросу – о подготовке специалистов для промышленности: оказывается, если ему в этом поверить, так было и так будет, и с этим будто бы нам надо примириться!

Однако никто из нас ни на одну минуту с этим «олимпийским» спокойствием, а вернее, с этой безмерной покорностью «судьбе» примириться не может. Мы должны самым радикальным образом сломать и здесь традиции, оставшиеся нам от царской России, и во что бы то ни стало на деле обеспечить живую и все возрастающую связь науки, техники и промышленности. Нам особенно необходимо, чтобы это усвоили те работники – а именно работники технической научной мысли, – от которых прежде всего и зависит дело поднятия нашего технического образования.

Я должен сказать, что сами работники Наркомпроса на наших глазах делают в этом отношении крупные шаги вперед. В своей статье, служащей введением к недавно вышедшей книге «Какого инженера готовят наши ВТУЗы», т. Ходоровский успокаивался еще на таких заявлениях, которые весьма странно звучат и которые теперь он и сам уже не повторил бы. Вот выдержки из этой статьи тов. Ходоровского:

«При осмотре ленинградских ВТУЗов мы, между прочим, ставили сопровождавшим нас инженерам и вообще представителям промышленности и самих ВТУЗов вопрос: достаточна ли связь ВТУЗов с производством? И неизменно получали утвердительные ответы, причем эти утвердительные ответы тут же подкреплялись фактами».

И дальше:

«Когда мы пытались поставить вопрос относительно связи ВУЗов с производством, люди просто пожимали плечами, они не понимали этого вопроса – настолько ВТУЗы тесно переплелись с хозяйственной жизнью».

Но надо сказать, что когда мы все, вместе с тов. Ходоровским, на протяжении длительной работы комиссии[253], работавшей сначала под председательством тов. Андреева, потом – тов. Ст. Косиора, когда мы вникли в это дело, то пришли к заключению, что и здесь наше положение совершенно неудовлетворительно. В этой области не выполнены неоднократные директивы партии. Кто в этом виноват? Но и здесь говорить о вине – значит сводить дело к узкой постановке вопроса. Тут вина прежде всего ВСНХ, но вместе с тем и Наркомпроса. Однако виновен не только ВСНХ и Наркомпрос, но и ЦК партии, который давно вынес решение связать ВТУЗы с производством, и специально подчеркнул необходимость тесной связи ВТУЗов с производством еще раз в конце 1925 г., и не сделал того, что было необходимо для обеспечения выполнения этой директивы на практике.

Следует остановиться подробнее на фактической стороне дела с производственной практикой.

Каково здесь положение в настоящее время? Теперь установлено, что производственная практика продолжается в среднем только $2^1/_2$ месяца в течение летних каникул. Производственная практика превратилась в летние экскурсии, в летние занятия, что нисколько не отвечает тому, чтобы студенты овладевали производством. Вот более подробные данные. У меня имеются материалы Ленинградского областного совнархоза по ряду заводов. Какая здесь продолжительность производственной практики? Эта практика продолжается иногда только один месяц, очень редко – 4–5 месяцев и больше, а в среднем – 2–3 месяца. Это после того, как Центральный Комитет и СНК постановили, чтобы она продолжалась 10 месяцев[254] и чтобы она была не просто летним от-

дыхом, а действительно серьезной производственной практикой. Это решение о десятимесячной производственной практике не выполнено.

Всю вину за это дело валить на Наркомпрос было бы глупо. Но закрывать глаза на неудовлетворительное положение в этом деле не приходится. Приведу и один из многих курьезов в области производственной практики. Вот что пишет студент в журнале «Красное студенчество» о своей летней практике:

«Создавшаяся неделовая атмосфера привела к тому, что студенты целыми группами убегали из мастерских. Некоторые, придя в мастерские и повесив свой рабочий номер до начала работы, уходили домой и являлись только к окончанию ее за тем, чтобы снять свой номер и уйти домой... Или еще лучше: идут группой в 3–4 человека на паровозное кладбище, находящееся на территории мастерских, и заваливаются всем «коллективом» спать» (Воронежский техникум путей сообщения – журнал «Красное студенчество», № 7, 1927/28 год, стр. 61).

Вот вам производственная практика студентов Воронежского техникума путей сообщения. Что может дать этим людям производственная практика?

Косиор. Причем добавь, что этот техникум находится в ведении НКПС.

Молотов. Да, этот техникум находится в ведении НКПС. Но дело не в ведомственной ответственности, а в том, что таких болячек у нас много и на них мы должны обратить теперь усиленное внимание.

Можно ли разрешить данную задачу только путем усиления представительства хозяйственных органов в органах Наркомпроса, Главпрофобра и т. д.? Нет, нельзя. Это было бы бюрократическим подходом к трудной задаче, делу это не помогло бы. Этот способ известную роль сыграть должен, но, чтобы добиться радикального улучшения, чтобы немедленно повернуть рычаг в этом деле, мы не можем ограничиться усилением представительства хозорганов в органах Наркомпроса, а нужно здесь живую связь и совместную работу этих органов иметь на деле.

Наконец, четвертый вопрос – о **составе** наших ВТУЗов.

Обеспечивает ли он теперь выпуск действительно красных специалистов? Мне кажется, что в основном эту задачу мы разрешаем удовлетворительно, хотя и здесь еще нужны крупные улучшения. Во ВТУЗах по РСФСР теперь имеется 42% рабочих, на Украине – 48%; коммунистов по РСФСР – 24%, на Украине – 16%. В техникумах мы имеем такое положение: дети рабочих и рабочие составляют по РСФСР 32%, по Украине – 44%; коммунистов – по 6% там и здесь. В основном мы имеем кадры, все большая часть которых являются выходцами из рабочей среды, и, кроме того, во ВТУЗах растет процент коммунистов. Последнее также является значительным достижением. Мы должны пойти дальше по этому пути. Но основной путь уже проложен, основательные успехи уже налицо.

Есть у нас и здесь больное место. Это – положение детей рабочих. Если рабочих через рабфаки мы довольно широкой волной вливаем во ВТУЗы, то с поступлением детей рабочих во ВТУЗы дело обстоит очень плохо, потому что школа II ступени не приспособлена для этого. Так, из всего состава учащихся, например, МВТУ только 2,7% составляют дети рабочих. В нашей республике такое положение является прямым безобразием, которое мы должны немедленно устранить. Наркомпрос это понимает. Здесь главное дело заключается в том, чтобы подтянуть школу II ступени. Необходимо создать ряд специальных облегчений для подготовки рабочих и в особенности детей рабочих, чтобы обеспечить им возможность поступления во ВТУЗы. В настоящее время дело обстоит так, что – как это выяснили товарищи Криницкий и И. Косиор при обследовании МВТУ – нередко приходится для поступления во ВТУЗы затрачивать 100, 200, а иногда и 400 рублей за дополнительную подготовку окончивших II ступени

пень, а это рабочим непосильно. Такое положение является нетерпимым, и мы должны произвести здесь радикальные перемены.

С точки зрения политической работы, во ВТУЗах дело обстоит тоже очень и очень плохо. Наши студенческие организации занимаются главным образом администрированием, массовая работа среди студенчества ведется плохо, партийное руководство в этом деле фактически отсутствует. Мы должны радикально улучшить и это дело, так как положение здесь явно неблагополучное.

Какие меры нам нужны, чтобы серьезно сдвинуть с места дело подготовки специалистов?

Вся резолюция говорит об этих мерах.

Меры, которые наметила комиссия и которые одобрены Политбюро[255], касаются основных сторон дела: ускорения темпа подготовки специалистов, поднятия научного уровня в этой подготовке, усиления связи с производством в этом деле, создания для студенчества соответствующих условий учебы. Все это вместе с дальнейшими шагами по улучшению социального состава студенчества является необходимым для обеспечения во ВТУЗах подготовки действительно необходимых нам кадров красных специалистов.

В советских условиях имеются благоприятнейшие условия для достижения поставленной здесь цели, для обеспечения нужной нам подготовки красных специалистов. Все это дело целиком находится в руках государства; всеми научными силами распоряжаемся мы. Экономически мы окрепли, социальный состав учащихся наших ВТУЗов благоприятный. Мы имеем теперь возможность получать из-за границы необходимые для наших ВТУЗов пособия и прочее. Связь наших ВТУЗов с производством может быть легко установлена благодаря тому, что и то и другое находится в государственных руках. Количество обучающихся в наших ВТУЗах уже теперь в два раза больше довоенного. За последние годы создан ряд новых учебных заведений и поставлен ряд новых факультетов, не существовавших ранее в России. Одним словом, мы имели налицо ряд благоприятнейших условий для того, чтобы добиться коренного улучшения в этом деле в ближайшее время. Мы только должны по-настоящему взять это дело в свои руки.

Однако надо остановиться и на таком факте, что на биржах труда в Москве и Ленинграде зарегистрировано $2^1/_2$ тысячи безработных инженеров (включая и сельскохозяйственную группу) из выпусков двух последних лет. Чем это можно объяснить? С одной стороны, у нас колоссальный недостаток сил, «практики» составляют 39% на технических должностях в промышленности, а с другой стороны – $2^1/_2$ тысячи безработных инженеров из выпусков двух последних лет! Если объяснять это только или прежде всего тем, что они не хотят ехать в провинцию, то это было бы поверхностно и неправильно. Конечно, основная причина здесь заключается в том, что они подготовлены не так, как надо для промышленности. Если бы это были те самые технические силы, в которых нуждается промышленность, они нашли бы место в производстве. Это – первая причина, но не единственная. Во-вторых, в этом печальном факте виноват и Наркомтруд, не наладивший дела распределения молодых специалистов. Наконец, дело в том, что у нас материальные условия для работы молодых инженеров в провинции из рук вон плохи, поэтому они не едут в провинцию. Прав тов. Шверник, что материальное положение молодых и соответственно подготовленных специалистов, в особенности в провинции, нужно серьезно улучшить.

Теперь я остановлюсь на материальной базе для ВТУЗов.

То, что в этой области приняло Политбюро[256] по предложению комиссии и что ставится сейчас на утверждение пленума, радикальным образом улучшает материаль-

ную базу всего дела подготовки наших специалистов. Сюда относится ряд мер: повышенные стипендии, особенно для ВТУЗов; серьезное улучшение положения преподавателей, особенно во ВТУЗах; увеличенные ассигнования на оборудование, постройки, научные командировки и проч. Все это даст (вместе с ассигнованиями ВСНХ) увеличение против прошлого года примерно на 55 млн. руб. Если исключить вопрос о стипендиях и зарплате профессуре, то такое дело, как оборудование и строительство, запущенное до последней степени, получает ассигнований в этом году в $5^1/_2$ раз больше, чем в прошлом году! Это важный и радикальный сдвиг, это является базой для улучшения всего дела.

Кроме того, Политбюро постановило[257] финансирование капитальных работ на ВТУЗы и техникумы приравнять к финансированию капитальных работ в области народного хозяйства, с перенесением значительной части затрат на эти надобности на общесоюзную часть бюджета. Этим самым обеспечено серьезное отношение к финансированию технического обучения как к важнейшему элементу капитального строительства в нашей промышленности.

Дальнейшее увеличение расходов в данной области в этом году нам явно непосильно. Мы дали максимум. Само собой понятно, необходимо правильное использование этих средств и внимательнейшее наблюдение партии за всем этим делом. При имеющихся у нас государственных ресурсах мы сделали максимальный сдвиг, потому что **мы должны во что бы то ни стало для дела низшего образования дать не меньшую прибавку**. Иначе будет явная неувязка дела народного образования с делом развития народного хозяйства в целом.

Товарищи, предлагаемая на ваше утверждение резолюция, конечно, не охватывает вопроса о постановке технического образования в полной мере. Она написана под углом зрения текущего момента, и при этом ее установка заключается в радикальном изменении теперешнего положения во ВТУЗах. Но основные проблемы в деле подготовки специалистов в данный момент в резолюции подчеркнуты ясно и, по-моему, вполне правильно.

Для того чтобы осуществить выдвигаемые в резолюции практические задачи, материальная база будет иметь колоссальное значение. Но не только в этом дело. Я не могу согласиться с тов. Луначарским, который пишет в уже цитированной мною статье в «Правде», что главное и чуть ли не исключительное значение для ВТУЗов имеет именно материальная сторона дела. В этом заявлении, мне кажется, есть преувеличение и явная однобокость. Без радикального улучшения материального положения дела мы, конечно, не улучшим положения наших ВТУЗов, но кроме того кое-что нам надо изменить и в практике работы самого Наркомпроса. И здесь я хочу остановиться на недочетах, к сожалению, являющихся в данный момент характерными для Наркомпроса.

Вот два примера, характеризующие недочеты Наркомпроса.

Я уже говорил, что нам давно следовало бы развернуть хотя бы несколько ВТУЗов нового типа с сокращенным сроком учебы. Но спросите, как относится к этой задаче Наркомпрос? Он до сих пор этой задачи не понял, до сих пор придерживается не то что консервативной, а прямо реакционной точки зрения в этом вопросе. Если в резолюции отмечено наличие консерватизма в постановке дела подготовки специалистов и этот факт консерватизма в своей работе Наркомпрос, в конце концов, до известной степени даже сам должен был признать, то, с другой стороны, мы не должны делать такого вывода, что нужно немедля сломать всю теперешнюю организацию подготовки специалистов. И обратно. Мы должны здесь подходить к нововведениям в этой области осторожно, только строго продумавши то новое, что мы хотим ввести в жизнь, но

нельзя, с другой стороны, бояться всего нового, и особенно недопустимо бояться того нового, что уже пробивает себе в жизни ВТУЗов свою особую дорогу и что в практике подготовки специалистов за границей дает благоприятные результаты. У нас это последнее, взятое из опыта передовых по технике стран, безусловно, применимо в большей мере, чем там, потому что мы больше отстали и более остро чувствуем нехватку в специалистах, и, в частности, нехватку в «узких» специалистах.

В связи с этим мне придется остановиться на примере с институтом им. Каган-Шабшая.

Этот институт находится в ведении НКПроса, но не пользуется никаким уважением, никакой любовью и никакой поддержкой Наркомпроса, а пользуется всем этим, так сказать, «с другой стороны». Это можно легко доказать. Что представляет собою институт Каган-Шабшая? Его задача – подготовить электромашиностроительных и электромонтажных инженеров, хорошо знающих производство, и притом подготовить в максимально короткий срок. Срок обучения в этом институте был до последнего времени всего два года, причем в течение каждой недели учащиеся заняты четыре дня на производстве и два дня в институте. Из института выходят узкие специалисты. Их нельзя во всем приравнять к тем, которые выходят из МВТУ, т. е. к инженерам с широкой научной подготовкой. По своему научному уровню они, несомненно, ниже тех специалистов, которые кончают, скажем, МВТУ. Несомненно и то, что два года – срок недостаточный; нужно минимум 3–4 года обучения в этом ВТУЗе. Крайностью является и то, что только 2 дня в неделю идут занятия в институте, а остальные 4 дня студенты работают на производстве. Наверно, можно для пользы дела переставить эти дни: 2 дня предоставить учащимся на производстве и 4 дня – в институте, или, по крайней мере, там и тут – по 3 дня. Поправки в этом роде и возможны, и целесообразны.

Но нельзя отрицать того несомненного факта, что институт Каган-Шабшая, при том положении, что курс обучения здесь был 2 года (а на практике срок обучения получался $2^1/_2$ года), все же уже дал для промышленности несколько сот квалифицированных специалистов с узкой, но очень сейчас ценной квалификацией. Действительно ли он дал этих специалистов? Я сам об этом судить бы не взялся, но и тов. Луначарский не специалист в этом деле, а вот директора заводов и трестов говорят, что это подходящие специалисты – узкие, но нужные специалисты. Безработных инженеров среди них нет, на бирже труда ни одного, кончившего у Каган-Шабшая, не имеется. Институт Каган-Шабшая имеет уже теперь запросы хозорганов, и на часть тех, которые еще не кончили. Плюс это или минус? Огромный плюс! Наркомпрос, к сожалению, до сих пор этого не понимал и до сих пор сопротивлялся такому здоровому подходу. Наркомпрос до сих пор относится свысока к этому делу: это, по его мнению, какие-то парии, это – техники, это – не инженеры, они, видите ли, «не доросли».

Ворошилов. Ничего подобного, это настоящие инженеры.

Молотов. Я не скажу, чтобы это были квалифицированные во всех отношениях специалисты, но что это нужные для нас специалисты, что это громаднейшая помощь нам в деле инженерного руководства производством – это для меня вне всякого сомнения. Надо быть чрезмерно консервативным, надо глядеть назад, а не вперед, чтобы не замечать того, что есть в жизни. Мне кажется, что опыт института Каган-Шабшая с соответствующими изменениями надо применять и в ряде других учебных заведений – в первую очередь, для строительных и текстильных техникумов, где особенно остра потребность в специалистах. Мы должны это провести, а Наркомпрос мы должны во что бы то ни стало убедить, сагитировать или «упропагандировать», но добиться положительного отношения к этим новым практическим мероприятиям с его стороны.

Это один пример того, что дело улучшения подготовки специалистов зависит не только от материальных средств.

А второй пример – дело с передачей нескольких ВТУЗов в ведение ВСНХ.

Если говорить о Наркомпросе, то он в этом деле проявляет не только недопустимый консерватизм, но и узкую ведомственность. На прошлом пленуме этот вопрос приобрел некоторую остроту, но это никак не вызывается существом дела. Этот вопрос нет необходимости ставить в принципиальную плоскость, этот вопрос практический. Никто не предлагал и не предлагает сломать Главпрофобр, упразднить его.

Скрыпник. А сами ломаете!

Молотов. Если бы мы поставили этот вопрос так, что вместо теперешнего Главпрофобра Наркомпросовского создали, хотя бы по отношению только к промышленным ВТУЗам, Главпрофобр ВСНХовский, то и это было бы в данных условиях рискованным делом. Вряд ли мы подготовлены к проведению этой меры в данный момент. Мы должны подойти к этому делу гораздо более осторожно, но дела все же не откладывать.

О чем идет речь? Речь идет сейчас не о том, чтобы признать принцип: все ВТУЗы должны быть в ВСНХ, – а о том, чтобы поставить этот вопрос чисто практически. Надо признать, что улучшить это дело руками одного Наркомпроса и притом быстрым темпом мы не сможем. Мы должны привлечь к этому делу и другие органы: ВСНХ и НКПС.

Почему нельзя передать несколько ВТУЗов ВСНХ и НКПС для того, чтобы...

Скрыпник. А зачем?

Молотов. Чтобы наладить их связь с производством, добиться быстрейшего усвоения нашими новыми специалистами всех элементов новейшей заграничной техники, с которой имеет теперь много дел именно ВСНХ, а не Наркомпрос, и, наконец, для того, чтобы ВСНХ мог придать новый темп и внести опыт заграницы в это дело, помогая Наркомпросу перестраивать и радикально улучшать все это дело. Здесь действительно следует сказать «сроки кончились», абсолютно невозможно больше откладывать дело коренного улучшения подготовки красных специалистов.

Скрыпник. Правильно!

Молотов. Поэтому и надо привлечь к этому делу, кроме Наркомпорса, и ВСНХ и НКПС. Пусть Наркомпрос ведает $^{4}/_{5}$ всех ВТУЗов. Нельзя одним разом перестроить всю систему подготовки специалистов. Но пусть и ВСНХ поможет Наркомпросу в этом деле, внесет новые элементы в это дело под контролем и наблюдением Наркомпроса и всей нашей партии.

Скрыпник. А где это в резолюции сказано?

Молотов. Это сказано в резолюции там, где говорится о контроле и руководстве – методическом и программном – со стороны Наркомпроса.

Даже при Владимире Ильиче мы сделали один опрометчивый шаг в этой области. В 1920 году был издан декрет о переводе всех ВТУЗов на 3-годичный курс[258]. До сих пор этот декрет формально не отменен в этой части, но фактически его не применяли, так как скоро все поняли, что в этом шаге была допущена ошибка. Это была попытка радикальной ломки всего дела сразу, в один момент. Но недаром Владимир Ильич в своих последних статьях говорил, что теперь мы лучше понимаем вопрос о сроках и темпе строительства, что теперь мы лучше умеем подойти к практическому делу, набивши в свое время порядочно шишек на этой работе.

Но если радикальной ломки мы не должны производить, то может ли быть польза от того, что мы введем в это дело новых организаторов помимо Наркомпроса, в лице ВСНХ и НКПС? Конечно, польза может быть. Будут ли при наличии такого реше-

ния к этому делу привлечены новые силы, новые средства и новый опыт? Да, будут. Мы должны обеспечить единство руководства со стороны Наркомпроса и недопущение всяких необдуманных экспериментов со ВТУЗами. Но пока в этом деле новые элементы прививаются медленно, туго, неподходящим темпом, и это абсолютно не отвечает жизненным требованиям пролетарского государства. Поэтому в этой области мы должны непременно использовать теперь не только усилия Наркомпроса, но и усилия наших хозяйственных органов. Боязнь сделать маленький шажок – а дело сейчас идет в действительности о маленьком шажке – для того, чтобы ускорить темп подготовки новых специалистов, улучшить их связь с производством, усилить перенесение из-за границы научного и технического опыта в нашу промышленность, бояться сделать ради этого некоторый шажок, некоторую реформу, не предрешая радикальной ломки дела, было бы неправильно. Может быть, через год-два или пять лет будет опять все возвращено Главпрофобру, но это можно представить лишь при том условии, что и само Главпрофобр тогда будет уже не теперешним, что он и сам будет радикально перестроен и связан по-новому со всеми основными хозяйственными задачами.

Но если из-за этого предположения мы откажемся от абсолютно назревшей реформы, предлагаемой в резолюции Политбюро, то мы будем похожи на тех, про которых Владимир Ильич говорил следующее: «Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями»[259].

Мы должны учесть это замечание Владимира Ильича. И если, с одной стороны, мы должны предостеречь от немедленных радикальных ломок в этой сложной машине – вернее, не в машине, а в целом агрегате, – то, с другой стороны, мы должны немедленно взяться за серьезное улучшение этого дела, мы должны привлечь сюда новые силы и проводить принцип соревнования в улучшении этого дела – соревнования между Наркомпросом и хозяйственными органами, конечно, под контролем партии. Мы должны и обязаны это сделать.

Должен отметить еще два момента.

Во-первых, в резолюции слабо отражены задачи, связанные с переподготовкой хозяйственников-практиков и инженеров, теперь работающих на производстве. У нас есть Промышленная академия для хозяйственников. У нас есть курсы красных директоров не только в Москве, но – для меня, признаюсь, это было новостью – у нас будто бы есть уже целая сеть курсов красных директоров в провинциальных городах. Нам нужно это дело поднять и развернуть. Есть у нас и такие курсы, где проводится переподготовка теперешних инженеров. В настоящее время имеется 5 курсов, намечено к организации 56 новых курсов на $2^1/_2$ тысячи человек для переподготовки работающих в промышленности инженеров.

Но, товарищи, все это дело ведется кустарно, без внесения сюда государственного плана, без систематической материальной помощи и без того, чтобы научно подковать это дело. Между тем мы должны в этой области пойти вперед более решительными шагами, дать на это дело деньги, давать длительные отпуска для хозяйственников-практиков, из которых у нас уже выросло немало великолепнейших руководителей заводов и трестов, но которые крайне нуждаются в повышении технической и общетеоретической квалификации. Мы «обозвали» в резолюции прошлого пленума определенную часть хозяйственников «комиссарами плохого типа», и сказали это правильно. Однако, давши такую резкую характеристику многим хозяйственным работникам,

партия обязана все сделать для того, чтобы лучшие их кадры, великолепно работающие в нашем хозяйстве, имели бы возможность (например, длительные отпуска) заняться повышением своей теоретической подготовки. Они должны обязательно иметь свободное время для чтения, особенно технической литературы. Мы должны для этого способствовать созданию для хозяйственников соответствующих материальных и вообще бытовых условий, что не только не должно вести к отрыву их от рабочих, но должно помочь тому, чтобы делу вовлечения рабочих в управление производством они имели возможность уделять больше внимания. Тогда теперешние кадры лучших хозяйственников пролетариата станут действительно прекрасными организаторами нашего хозяйства и покажут много примеров замечательной организации социалистического хозяйства.

И еще одно.

На прошлом пленуме мне пришлось говорить, что вопрос о работе специалистов для советской власти мы должны решать, как говорил Владимир Ильич Ленин, не только буржуазным, но и пролетарским методом. Оба эти метода для нас все еще абсолютно необходимы. Нам нужен и «буржуазный метод», т. е. привлечение специалистов к работе в промышленности и во всех отраслях нашего хозяйства с соответствующими высокими ставками и т. п. Но нам нужен и «пролетарский метод», т. е. создание таких условий для работы буржуазных специалистов, когда обеспечен должный пролетарский учет всех элементов хозяйства и участие во всем этом широких масс рабочих, что связано с развитием пролетарской общественности, с развертыванием работы производственных совещаний, с усиленной работой профессиональных союзов в инженерно-технической среде. Необходимо поднять на новый общественный уровень наших специалистов – уже пора в этой области добиться серьезных успехов. Оба указанных метода правильны, они нам абсолютно необходимы и в настоящих условиях. На прошлом пленуме мною была подчеркнута необходимость усиления пролетарских методов воздействия на инженерные кадры. Я держусь и сейчас того мнения, что это необходимо резче подчеркнуть и что мы в этом отношении делаем очень мало. Тут надо развернуть громадную работу, особенно профсоюзам, а также партийным организациям, через низовые производственные совещания – в первую очередь и через профработу – в целом.

Несколько слов о материальном положении специалистов. Здесь есть весьма неблагополучные участки.

Материальное обеспечение высших технических работников у нас, в общем, удовлетворительно, и вряд ли мы можем тут сделать какое-нибудь существенное изменение в смысле повышения ставок, кроме исключительных случаев, в частности для инженеров-иностранцев. Между прочим, инженер Келлен, по своим наблюдениям, тоже находит, что наши ставки для высшего технического персонала, по сравнению с германскими, удовлетворительны, и не считает необходимым их повышение. Но из знакомства с делом я пришел к совершенно твердому убеждению, что у нас дело с материальным обеспечением для средних кадров техников поставлено, по крайней мере в некоторых случаях, абсолютно неудовлетворительно. Дело материального обеспечения молодых научных работников также поставлено из рук вон плохо и лишний раз показывает нашу, я имею здесь в виду партийные кадры, отсталость и широко распространенное еще непонимание важности высокой техники для строительства социализма. Что мы должны радикально улучшить положение в этой области – для меня в этом нет сомнения.

Интересный факт пришлось встретить при ознакомлении с материалами о ВТУЗах. Оказывается, из студентов, оканчивающих Московский транспортный инсти-

тут, МИИТ, – только $^1/_3$ остается для работы на транспорте, а $^2/_3$ разбегаются по различным другим хозяйственным органам. Мало того. Оказывается, у нас есть такая железная дорога, если не ошибаюсь, Екатерининская, где за 2 года ушло 57% инженеров с работы, – и мы это терпим! Чем же это объясняется? Это объясняется совершенно недопустимым отношением к вопросу о материальном положении инженерских кадров в НКПС. Можно бы привести и соответствующие данные. Инженеры на транспорте находятся в явно неудовлетворительном материальном положении.

Г о л о с. Еще тем, что старые инженеры затыкают молодых.

Молотов. Это само собою, но это в данном случае второстепенный момент. НКПС допустил ошибку с материальным положением средних технических кадров. Это является моим личным мнением. Однако сказанное является иллюстрацией весьма характерной для положения дела с нашими специалистами на транспорте, где как раз вопрос о специалистах имеет и не может не иметь исключительной остроты.

Кончаю. Ряда общих вопросов в положении ВТУЗов мы не касались в резолюции. Верно и то, что нельзя совершенно отделять положения ВТУЗов от положения ВУЗов в целом – с одной стороны, и от положения школ II ступени – с другой. Мы не касались связанных с положением ВТУЗов вопросов и в тех случаях, когда они переходят за пределы самих ВТУЗов и касаются ВУЗов вообще. Например, вопрос об управлении ВТУЗами очень важен, но его следовало бы поставить в связи с общим вопросом об управлении ВУЗами, так как очень часто наши ВУЗы до сих пор находятся в руках студенческих организаций. Молодежь все еще нередко сама «командует» в ВУЗах и в том числе в некоторых ВТУЗах. Иногда и лучшие технические учебные заведения находятся фактически под руководством самих студентов. Но у нас настолько еще слаба система управления в Главпрофобре, что до сих пор даже производственная практика обычно находится под руководством студентов! Те, кто должен учиться, сами поставлены благодаря этому в положение управляющих своей учебой, производственной практикой и т. п.

Косиор. И даже преподают.

Молотов. До сих пор есть студенты-преподаватели общественных наук в тех же ВУЗах, где они сами учатся. Это – не вина студенчества, не вина студенческих организаций. Но такое положение и привело нас к тому, что студенческие организации теперь много администрируют, но плохо ведут массовую работу. Само собою разумеется, что вопрос о роли студенческих организаций в управлении высшей школой – это общий вопрос. Поэтому этот вопрос лишь частично мог быть затронут в резолюции.

В заключение хочу особо отметить одну характерную черточку, а именно, как обстоит дело с коммунистическими кадрами специалистов в промышленности. Вот какое положение мы имеем здесь в настоящее время. Во ВТУЗах учится в настоящее время 22% коммунистов, 11% комсомольцев, т. е. в теперешних ВТУЗах третья часть коммунистическая. Но из всех штатных аспирантов, находящихся у Наркомпроса, мы имеем коммунистов только 129 человек. Тут наша позиция явно не обеспечена молодыми кадрами. Еще пример: на всех предприятиях СССР коммунистов-инженеров всего 138 чел., а если к ним прибавить и экономистов, то всех коммунистов-инженеров в промышленности наберется лишь около 200 чел. Вот вся наша действительно жалкая коммунистическая прослойка, которая теряется в море старых специалистов. Мы уже имеем одиннадцатый год революции, а среди всей массы специалистов в промышленности у нас лишь маленькая коммунистическая капля. Терпимо ли дальше такое положение? Конечно, нетерпимо. Можем ли мы радикально и быстро улучшить это положение? Да, после одиннадцати лет соввласти в СССР мы можем радикально и быстро улучшить дело, если проведем намеченные сейчас мероприятия.

Для нас ясно, что техника и коммунизм не могут быть оторваны друг от друга. Поэтому одной из наиболее важных партийных задач следует признать решительное увеличение удельного веса кадра коммунистов-специалистов в общей массе специалистов, руководящих производством. Если мы научились готовить кадры для партийной, профессиональной и кооперативной работы, – как бы это дело еще ни требовалось теперь поднять! – то мы находимся прямо в отвратительном положении с кадрами коммунистов-техников. Дальше такого положения партия допускать не может. Дело подготовки квалифицированных специалистов в целом, дело подготовки пролетарских специалистов из молодежи и путем переподготовки теперешних кадров практиков-хозяйственников является сейчас самым острым и самым важным делом из того основного для коммунизма дела, которое называется вопросом о кадрах строителей, вопросом о кадрах организаторов социализма.

Председатель. Слово к порядку имеет тов. Петровский.

Петровский Г. И. Товарищи, как будто пленум у нас затянулся, поэтому, может быть, можно наметить такой план, чтобы сегодня вечером обязательно закончить его, хотя бы к часам четырем.

Председатель. Записалось двенадцать ораторов. Я думаю, что до обеда кончить трудно, придется вечером закончить.

Г о л о с а. Уменьшить список ораторов.

Председатель. Если кончить до обеда, тогда надо или ограничить время до пяти минут, или урезать список ораторов. Предложение тов. Петровского сводится к тому, чтобы вечером заседания не устраивать. Кто за то, чтобы вечернего заседания не устраивать? Большинство. Кто за вечернее заседание? Меньше.

Варейкис. Я предлагаю либо до четырех часов заседать, либо, если не управимся, в крайнем случае до пяти.

Председатель. Так пленум не может поступать: «если не до четырех, так до пяти». Голосуется предложение о том, чтобы данное заседание продлить до пяти часов. Кто за четыре часа? Больше. Кто за пять? Меньше. Давайте до половины пятого будем заседать (с м е х).

(П о с л е п е р е р ы в а.)

Председатель (Рыков). Товарищи, записалось теперь уже не 12 человек, а 14. В нашем распоряжении остается $2^1/_2$ часа.

Г о л о с. По пяти минут.

Председатель. Регламент 10 минут. Давайте держаться строго 10 минут. Если кому-нибудь нужно больше, пленум может продлить. Слово имеет тов. Луначарский.

Луначарский. Товарищи, при всем желании быть очень кратким и не затягивать прений я все-таки просил бы мне дать полчаса. Я думаю, это все-таки не слишком много.

Председатель. Голосуется. Кто за то, чтобы дать тов. Луначарскому 30 минут? Большинство. Регламент исполнен (с м е х).

Луначарский. Я думаю, пленум Центрального Комитета может быть вполне доволен тем решением, которое он принял на предыдущем своем заседании. Тогда мы хотели, немного наспех, передать некоторое количество ВТУЗов ВСНХ. Было бы это сделано тогда или нет, но, если бы тогда уже было принято окончательное решение, мы лишились бы тех результатов подробного обсуждения комиссией положения ВТУЗов, которое мы имеем теперь. Во всяком случае, с какой бы точки зрения ни подходить, получился очень большой плюс: партия гораздо лучше, чем прежде, познакомилась с положением вещей в этой важнейшей области нашего строительства, и мы

пришли к единогласному решению, которое охватывает $^{9}/_{10}$ резолюции, предлагаемой пленуму. Ни в коем случае, как бы ни были решены детали, которые остались спорными, нельзя отрицать, что эта резолюция будет источником значительного сдвига вперед в деле подготовки специалистов.

При внимательном изучении дела подготовки специалистов мы пришли к целому ряду общих выводов, например, мы констатировали, что у нас нет твердого плана ни относительно общего количества специалистов инженерного и технического порядка, необходимого для выполнения нашего пятилетнего плана хозяйственного строительства, ни сколько-нибудь твердой установки относительно пропорционального распределения инженеров и техников по различным отраслям.

Совершенно прав тов. Молотов: дело не в том, кто виноват. Не на этом надо останавливаться. Совершенно необходимо добиться того, чтобы мы вместе с ВСНХ и другими нашими заказчиками, из которых некоторые достигли лучших успехов в смысле определенности заказов, приступили к внимательной проработке плана. Я согласен с тов. Молотовым, что задача эта головоломная, что она основана на данных, которые на две трети нам неизвестны, и что мы немного в темноте. Но и в темноте можно несколько ощупать обстановку и не разбивать себе лоб, действуя наобум. И только при такой установке на разработку плана можно считать, что мы таких шишек на лбу будем иметь ограниченное количество.

Никто не может сомневаться, что теоретически Наркомпрос великолепно понимал всю важность задачи постановки производственной практики. Можно было привести доказательства тому, что никакое обучение не может быть состоятельным иначе, как с опорой на практику, и что практика должна быть соединена с теоретическим обучением для всех ступеней развития. Это положение является одним из наших credo, и нам, в ответ на это наше утверждение, в течение долгого времени говорили, что мы зарываемся, что мы несколько утопически ставим вопрос. Только в последнее время хозяйственники стали повторять то, что мы выставляли в течение продолжительного времени как основное требование постановки дела народного образования. Они начали говорить: вернитесь к политехнической школе. Они пришли здесь к нашему взгляду на этот вопрос. Но дело в том, что возвращение к политехнической школе будет стоить огромных средств. Я высказал такое опасение, что эта задача нам будет не по силам, и вызвал некоторое неодобрение от комсомола, который считает, что я с недостаточным доверием отношусь к могуществу наших строительных сил в этом деле; но я все-таки думаю, что к политехнической школе мы будем идти медленно.

Но общий принцип связи вопросов обучения с живой практикой всегда был и остается присущим нам, и этот принцип является неоспоримым. Мы всегда желали и продолжаем желать проведения этого принципа в жизнь. Я не буду заниматься ведомственными прениями и доказательствами того, что совнархозы не понимали необходимости практической подготовки специалистов, вообще упускали из виду вопрос о практической подготовке кадров специалистов, и даже после постановления СНК о 10-месячной практике мы не нашли достаточного отклика с их стороны, – что такой невнимательный подход к этому делу имеется, на это указывает тот пример, который привел здесь тов. Молотов, один, но достаточно блестящий пример того, как используется летняя практика студентов. Этот пример касался техникума, находившегося в распоряжении НКПСа, и практика проводилась при железнодорожных мастерских, т. е. на предприятии, также находящемся в распоряжении НКПСа. Если это ведомство не может прилично наладить практику для своих собственных студентов, то вы понимаете, что для Наркомпроса это было гораздо труднее, т. к. все условия правильной постановки этого дела находятся в руках ВСНХ и НКПС. Вывод, к которому мы все при-

шли, и производственники, и хозяйственники вместе с нами, непреложный вывод: терпеть дальше такое положение нельзя, практика должна быть поставлена реально, практика должна быть расширена, она должна быть увязана с теоретическим преподаванием. И этого не может сделать ни ВСНХ сам по себе, ни Наркомпрос сам по себе. Эта задача может быть решена только путем постоянного соглашения и контроля со стороны основных заинтересованных органов, только совокупными усилиями этих органов. Только таким путем мы можем добиться правильной постановки практики. Практика есть хозяйственный акт, это есть внедрение данного молодого специалиста в сферу хозяйственного предприятия. Но, с другой стороны, находясь на практике, студент продолжает свою учебу. Так вот, мы должны знать – учится он на этой практике или же бьет баклуши.

Наконец, о материальной базе. Тов. Молотов упрекал меня в том, что мы, много раз сигнализируя об ужасающем положении в этом деле, сгущали краски. Но сам он вряд ли мягче сказал о положении этого дела. Он не сказал, что это положение ужасающее, но он сказал, что мы имеем в этом деле дьявольское отставание, что положение этого дела из рук вон плохо, что тут имеется явное безобразие. Кто же не понимает, что от оборудования школ в значительной мере зависит и успеваемость, и преподавание, и получение нужной квалификации? И огромным плюсом нынешнего положения является то, что партия сама оценила так это положение, что, несмотря на всю нашу бедность, пропорция, в которой давались средства на дело подготовки специалистов, и то внимание, которое уделялось этому делу подготовки специалистов, подготовки организаторов нашего хозяйства, что эта пропорция была безобразно мала, из рук вон плоха, дьявольски несостоятельна.

Молотов. Суть дела не только в этом.

Луначарский. Я не сказал, что вся суть дела в этом. Я говорил, в чем суть дела. Но очень важным моментом является материальный момент. Я не уверен в том, чтобы те великие и богатые милости, которые обещаны, целиком будут выполнены, но мы знаем, что по дороге в наши ВУЗы столько раз падали серьезные части нашего груза и даже расхищались...

Косиор. У плохого возницы.

Луначарский. Всякому вознице можно заткнуть рот и бросить его в кусты. Мы неоднократно были жертвой разбоя. Я говорю, что сейчас, даже если воз наш в сохранности доехал бы до своего назначения, то все-таки наши ВТУЗы не были бы обеспечены средствами, которые позволили бы нам с гордостью сказать, что мы поставили их по крайней мере на уровень западноевропейских и поэтому можно требовать от них выработки инженеров, которые помогут нашей промышленности обогнать западноевропейскую. Но я согласен полностью с тов. Молотовым и не думаю требовать никакой прибавки, потому что я знаю, что при нынешних наших условиях сделано очень большое напряжение сил и сделан очень большой шаг, чтобы выровнять неправильную бюджетную линию. Я только об одном забочусь – чтобы мы не подвергались дальнейшему урезыванию, потому что цифры, которые вам представлены, – это уже урезанные цифры, по сравнению с мнением большинства комиссии. Политбюро не могло полностью принять эти цифры.

Я не буду сейчас вникать в историю. Сейчас дело находится в таком положении. С изложенной точки зрения, я считаю, что эта резолюция является большим плюсом; но, к сожалению, в эту если не бочку, то в некоторое количество меду комиссия влила достаточное количество и дегтя. Она приняла такой пункт постановления, который идет вразрез со всеми принципами, со всеми перспективами нашей дальнейшей работы и в корне портит наши отношения с ВСНХ. Поэтому пусть обвиняют нас в консер-

ватизме, в ведомственности (мы этих кличек и определений не испугаемся), во всяком случае, мы считаем своим долгом установить, что этот вопрос, практически и принципиально в одно и то же время, неправильно разрешен. Если вы вчитаетесь в резолюцию, то увидите немедленно, что из этой основы вытекает тот параграф, в котором говорится, что для накопления опыта по части связи с промышленностью и для ускорения подготовки специалистов необходима передача 6 ВТУЗов и 6 техникумов в ведение ВСНХ и 2-х ВТУЗов в НКПС, выделив их из Наркомпроса. Аргументация не находится в связи с тем, что сказано в резолюции, а стоит отдельно, и в этом все именно заключается. Надо попытаться ускорить выпуск специалистов, и надо накопить опыт по части связи с промышленностью. Я утверждаю, что возможности сокращения срока прохождения и возможности накопления такого опыта никак не проиграют, если во всей своей целостности дело подготовки специалистов останется в ведении Наркомпроса.

Позвольте кратко возразить на все основные доводы, которые приводятся авторитетными сторонниками того взгляда, который изложен в резолюции.

Во-первых, хорошо установить между двумя ведомствами конкуренцию; пусть они, каждый в свою очередь, развивают те ВУЗы, которые им доверили, возможно более блестяще. Этот принцип при данных условиях – пагубный принцип, и вот почему. Мы только что пришли к выводу, что ВСНХ должен заботиться обо всей массе подготовляемых специалистов, так как без внимательного отношения со стороны промышленности это дело не может двинуться вперед. Если Наркомпрос, который имеет в своей сфере достаточное количество ВУЗов, в этой области будет лишен такой поддержки и если на это дело не будет брошено достаточной энергии и мощности, то оно вперед не сдвинется. Тот, кто хоть сколько-нибудь знаком не только с политической психологией, но и с психологией обыкновенной человеческой, тот должен понять, что если вы говорите, что «у ВСНХ ВУЗы лучше будут развиваться, чем в руках НКПроса», то как же вы можете требовать, чтобы ВСНХ не стал обращать все внимание на свой сад, свой огород, конкурируя с соседями и выращивая у себя возможно лучшие плоды и овощи? Этого требовать никак нельзя. И этим самым ставится под угрозу принципиальный вопрос о самой дружной, самой согласованной работе между НКПросом и ВСНХ по всей линии. Тов. Краваль здесь и так все время говорит об этом. Но разве мы когда-нибудь отрицали, что нужна связь по всем линиям всех ВТУЗов и техникумов с соответствующими местными промышленными предприятиями? Если мы все время этого добивались, зачем же, заостряя вокруг этого внимание, неверно комментировать этот вопрос? Говорят: а кроме того, ВСНХ должен заботиться только о 6-ти ВТУЗах, и о них в особенности, и конкуренция даст возможность им лучше развиться, чем если бы они остались в сети НКПроса. Что это такое? По-моему, это никуда не годная, дезорганизующая идея. Я утверждаю: при всем нашем желании, кем бы ни возглавлялся НКПрос, тов. Скрыпником, тов. Куйбышевым или еще кем-нибудь, – при всем желании мы не сможем наладить подлинных добрососедских, дружеских отношений между НКП и ВСНХ, если вы положите принцип конкуренции в основу. Тогда каждый будет стремиться по приказу партии один другого обогнать, и в конце концов лошадей загонят.

Рыков. Надо пересадить возницу.

Луначарский. Да, будет хуже, если вы через год скажете: шесть ВТУЗов надо вернуть из ВСНХ в Наркомпрос, а особенно это будет плохо, если вы это сделаете после того, как перепоите этих лошадей и разобьете им ноги.

Второй аргумент. Говорят: дело трудное, дело сложное. Нужно поручить это дело двум наркоматам. Это соображение, на первый взгляд, будто хорошее и очень правиль-

ное – один ум хорошо, два – лучше, но откуда следует, что партия не может дать в НКПрос соответственного качества людей и дать туда не 2, а 22 самых лучших, первоклассных работника. Можно ли сказать, что так как у ВСНХ вообще не очень удовлетворительно, даже не на три с плюсом идет его капитальное строительство, а у НКПроса есть высшие учебные заведения, которые готовят специалистов по всем областям, то для того, чтобы облегчить строительство, надо часть этих специалистов взять у НКП и передать в ВСНХ? Я нисколько не претендую на то, чтобы в моей должности советского пирожника заниматься шитьем советских сапог.

Г о л о с. Это несерьезно.

Луначарский. Нет, товарищи, это очень серьезно, если вы не поймете всей серьезности этой мысли, то это очень жаль. Я утверждаю, что у нас по всем швам есть недочеты и трудности, но я утверждаю, что никогда мы не исходили из такого принципа улучшения работы, чтобы из известного отдела, из известной отрасли вынуть часть и отдать другому ведомству, которое фактически этим делом ведать не должно.

Молотов. Упаси боже!

Луначарский. Мы никогда этого не делали, а вы это делаете, вы вынимаете из Наркомпроса соответственное количество учреждений для ВСНХ и говорите, что нас разгружаете. Вот именно против такого принципа «разгрузки» я восстаю. Можно говорить так, что в принципе Наркомпрос должен иметь в своих руках все дело просвещения, но в смысле персонального состава он слаб. Тогда меняйте Наркомпрос, поставьте здесь достаточно образованных людей, но не рвите единого дела по двум отраслям, да еще в условиях конкуренции, которая безусловно вредна.

В-третьих, говорят: надо использовать нам все возможности для ускорения темпа прохождения студентами курса. Я не знаю, почему тов. Молотов не остановился здесь, или, вернее, я знаю, почему он не остановился на одном моменте, который обсуждался в нашей комиссии и для всякого объективного человека показывает, как именно надо действовать, чтобы добиться действительного сокращения учебного срока. Да, у нас зачастую по 7 лет сидят в ВУЗах, но обследованием МВТУ и МИИТа установлено, что есть и исключения. МВТУ некоторое количество студентов окончили в 5 лет. Кто это такие? Это студенты, которые пользовались поддержкой Наркомпочтеля. Наркомпочтель давал им солидную стипендию, и они все, способные и неспособные, все, которые получали больше денег, все окончили в 5 лет. Может быть, это единственный случай? Нет, товарищи. В то время, как в других ВТУЗах 7 лет – средний срок окончания, в МИИТе он равен 5 годам. Почему? Потому что Наркомпуть дает студентам МИИТа значительную стипендию, считаясь даже с их семейственностью и т. д. Если доктор лечит больного и видит, что от этого лекарства больному становится лучше, зачем же он будет искать других лекарств? Так и здесь. Все, которые стипендии получали, оканчивали в 5 лет, а там, где стипендии не было, там срок обучения увеличился до 7 лет. Можно ли установить курс меньше 5 лет? Я утверждаю, что этого сделать нельзя, если мы хотим иметь настоящих инженеров. Опыт Западной Европы (правда, несколько еще неясный) подтверждает это. В последние 3–4 года Дрезденская, Мюнхенская и ряд других школ с 4 лет расширили срок своего обучения до 5 лет, так как ими признано, что они инженеров в такой короткий срок дать не могут. Конечно, смотря кого называть инженером. В Англии инженером называют всякого рабочего металлиста...

Осинский. В Америке всякий машинист называется инженером.

Луначарский. Верно, в Америке всякий металлист называется инженером. Назвать инженером можно кого угодно, но вопрос в том, как выработать такой кадр инженеров, который необходим нам сейчас как кадр. Позвольте вам заметить, что вся ми-

ровая промышленность вступила в эволюционный, в мутационный период, где быстро изменяются все подходы, все время идет переучивание, а мы отстали дьявольски, по выражению тов. Молотова, и у нас процесс рационализации и реформ должен идти еще гораздо скорее. Здесь будет производиться целый ряд опытов. Совершенно правы те наши профессора, которые говорят, что теоретик может изучить любую практику в известное количество лет, работая на производстве, но узкого практика заставить понять совершенно новую практику, когда он не в достаточной мере знает основные научные, теоретические принципы, нельзя. Если бы у нас была промышленность, где вся работа состоит из первичных рефлекторных движений, то мы могли бы автоматизировать не только инженера, но и любого рабочего. Но нам приходится приспосабливаться к новым условиям, следить за развитием науки, а тот, кто следить за развитием науки не может, потому что он не знает основ химии, физики и математики, – тот безоружен в этом случае. Мы можем и должны иметь всякого рода техников и рабочих, каких угодно специалистов средней руки, но кто должен их переучивать? Кто должен их поставить на обе ноги, если понадобится новая реформа на данном заводе? Инженерный состав. И вот таких инженеров нам нужно готовить. Мы очень боимся, что если вы пойдете по линии снижения для всяких ВТУЗов, или некоторого количества их, срока обучения ниже 5 лет, то в свое время мы вынуждены будем признать, что уменьшение это принесет нам реальный вред. Примите во внимание, что наши инженеры в большинстве говорят только на русском языке – на языке, на котором меньше технической литературы, чем на немецком, а наш студент, вышедший из рабфака или школы 2 ступени, не знает ни одного иностранного языка и ему приходится изучать иностранные языки в самих ВТУЗах. Кроме того, мы налагаем на студентов общественные обязанности. Если мы сократим срок обучения, мы будем иметь разрыв по линии подготовки социалистических специалистов. Ведь они должны пройти определенный минимум социальных наук, и все это они должны усвоить в течение 5 лет! Нигде в мире нет школьной подготовки меньше 10 лет, а у нас девятилетняя школьная подготовка, причем мы на одного ученика тратим шестую часть того, что тратилось на него при царе. Вы думаете, что это не страшно отягчающее для подготовки специалистов обстоятельство? И вы будете говорить, что мы можем обогнать Западную Европу с такой сокращенной подготовкой специалистов? Это значило бы так снизить требования к инженерам, что мы могли бы оказаться без высшего кадра, без кадра этого порядка, в угоду несколько близорукой оценке некоторых руководителей промышленности. Тут говорят, что промышленность не всегда может и хочет освоить наших новых инженеров, пусть даже они имеют известную подготовку, но говорят, что подготовка «не такая». Что значит «не такая»? Я могу привести бесчисленное количество примеров – инженера подготавливают так, что он, попадая в промышленность, еще не может быть хорошим инженером. Ему нужно иметь годовой или минимум полугодовой стаж. Но наша промышленность не хочет этого понять, она ищет инженера от Каган-Шабшая – инженера, который раньше два года стоял у станка и который поэтому быстро входит в это дело. Входить-то он входит, а как он в случае чего выйдет – это другое дело.

Инженеры, которых мы готовим, – это такие инженеры, которые сами переучивались, которые ориентируются в новых условиях, которые имеют значительную, хорошую научную подготовку. Ускорение подготовки – дело очень хорошее. Мы хотим, чтобы у нас проходили учебу не в 7 лет, а в 5, может быть, поднятие стипендий, которые обеспечиваются вами, приведет к этому.

Скрыпник. Нет, еще рано.

Луначарский. Но другое дело – ускорение путем сокращения теоретической ба-

зы. На это ускорение не советую идти, ибо это будет большим ударом по будущему нашей промышленности.

Дальше. Если я считаю, что та точка зрения, на которую встала в этом пункте комиссия, и в частности тов. Молотов, ошибочна, то я должен сказать, что она, кроме того, значительно ухудшает положение в этом специальном пункте по сравнению с тем, что говорил тов. Сталин в своей речи на прошлом пленуме.

В самом деле, тогда тов. Сталин выразительно сказал: «3–4 ВТУЗа нужно передать», а тов. Куйбышев, который тут же сидел, сказал: «Может быть, 5–6», но тов. Сталин выразительно сказал: «3–4», даже с известной расстановкой. Спрашивается, можно ли полагаться на такое обещание тов. Сталина? Оказывается, нельзя, потому что сейчас это выросло в 6 ВТУЗов.

Косиор. Больше, 8 ВТУЗов.

Луначарский. Судите, 6 ВТУЗов передаются ВСНХ, 2 ВТУЗа – НКПС. Это вовсе не «маленький шажок», как говорит тов. Молотов, это равно половине наших ВТУЗов, а по своему удельному весу это даже больше.

Молотов. Неверно, докажите, пожалуйста.

Луначарский. Это зависит от того, какие учебные заведения вы будете брать. У нас в РСФСР 17–18 ВТУЗов.

Молотов. У нас имеется, между прочим, и СССР, а не только РСФСР.

Луначарский. По отношению к Наркомпросу РСФСР вы отрезываете половину.

Молотов. Возьмите цифры, пожалуйста.

Луначарский. На Украине вы берете только один. Мы находимся в таком положении, что вы берете половину всех имеющихся у нас ВТУЗов фактически и практически. Таким образом, делается не «шажок», а отрезывается огромная порция, совсем не та, которая намечалась прошлой сессией пленума.

Сталин. Вы тогда не шли на уступки, а комиссия теперь разобралась и требует больше.

Луначарский. Мы и тогда не шли и теперь не можем идти на уступки. Ваше дело решить этот вопрос, наше дело – выдвигать наши аргументы, которые нам кажутся объективно правильными и которые предостерегают от ошибки.

Что сделано комиссией по отношению к НКПС? Решением комиссии, к моему удивлению одобренным Политбюро, НКПС даются оба высших учебных заведения. А обследовано ли, как НКПС у себя разрешил вопрос своего профессионального образования, которое ему, по его линии, кроме ВТУЗов, принадлежит целиком? Знает ли НКПС пропорцию, в какой нужно готовить разных специалистов? Сумел ли он планировать это дело? Сумел ли как следует поставить практику? Вы даете ему оба ВТУЗа. Как же мы сможем конкурировать с НКПС, когда вы отдали оба ВТУЗа, и где тут «разделение труда», когда вы НКПСу передаете все это важное дело целиком, даже без обследования того, как он ведет это дело? Но тут есть и другие логические неувязки. На основании чего ВСНХ требует себе передачи ВТУЗов НКП? Он говорит, что недостаточно связан с этими ВТУЗами, но я думаю, что тов. Сулимов не будет отрицать того, что он со своей стороны заявлял: мы потому требуем передачи, что мы **чересчур** с ними связаны, фактически мы там хозяева, а Наркомпрос выполняет только чисто формальную работу. Я протестую против этого и мог бы доказать, что мы там выполняем значительную работу. Но такое заявление тов. Сулимова имело место. Говорят, что почти вся профессура МИИТ оказалась оторванной от НКПС, а тов. Сулимов говорил, что почти вся профессура – «наши» инженеры, но может быть верно либо одно, либо другое. Что же правильно? Аргументация до того шаткая, что мотивом остается лишь известный аппетит. Аппетит можно мотивировать чем угодно, басни Крылова это по-

казывают, но все-таки аппетит аппетитом, а объективная польза для дела – это другая статья. И поэтому странно неожиданное возникновение вопроса об НКПС, даже без малейшего обследования вещей по этой линии. Против этого мы в особенности будем протестовать как против неразумной меры.

Как я уже сказал, в каком бы виде резолюция ни была принята, она явится известным благом, она в известной мере сдвинет ВТУЗы. Но ее коренной порок заключается в том, что она стремится оправдать и обосновать план передачи известного количества ВТУЗов промышленности. Фактического материала, который бы доказал необходимость этой меры, в сущности говоря, не нашли, и поэтому прийти к выводу о необходимости передачи ВТУЗов никак невозможно. Не принимая это как принципиальное решение вопроса, можно было бы ограничиться известным минимумом, но этот минимум очень велик, и под видом этого минимума хотят передать почти все дело высшего профессионально-технического образования. Я этого совершенно не понимаю. Вряд ли могут быть серьезно оспоримы с достаточной силой мои аргументы, основанные на знании дела.

Последнее. Если вы не согласитесь с тем мнением, что нам не следует делать этого опыта, если вы все-таки захотите рвать это дело, то, по крайней мере, вернитесь в рамки опыта. Передача всех ВТУЗов Наркомпути и половины по РСФСР – ВСНХ – это не опыт, не шажок, а нечто вроде прыжка, который может обойтись довольно дорого той же промышленности.

Председатель. Слово имеет т. Серебровский.

Серебровский. Когда для нашей промышленности нам нужно бывает оборудование, станки изготовлять или машины, никто не спорит насчет того, что сама промышленность должна их вырабатывать для себя; когда же нам для промышленности нужны руководители, которые должны руководить развитием этой промышленности, получается спор: кто должен готовить этих руководителей.

Скрыпник. И хлеб получаете от земли, а не от фабрики?

Серебровский. О хлебе мы не говорим, в порядке дня стоит вопрос не о земле и не о хлебе, а о руководителях промышленности. Мое мнение такое, что руководителей промышленности, тех, кто будет проводить идею о том, как развивать дальше ход нашей промышленности, должна готовить сама промышленность. Это несомненно.

Теперь о сроках подготовки. Тов. Луначарский говорил о том, что мы не можем ограничиться короткими сроками, нужны сроки большие, чтобы инженер был универсалистом, чтобы он мог быть генералом промышленности, для этого нужно 7 лет, по крайней мере 6 лет. Я этого не думаю. Мы не настолько богаты и не находимся в таком положении, чтобы мы могли медлить и позволять себе роскошь давать большие сроки для подготовки командного состава нашей промышленности.

Теперь еще один вопрос: годится ли для промышленности тот техник, тот инженер, которого готовит теперь высшая школа? Тот инженер и техник, которого в настоящее время готовит высшая школа, для практической работы не годится. Выходя из ВУЗа, он снова должен идти учиться на заводе, потому что ни один проект в том виде, как он его дает, ни один его чертеж не годится для того, чтобы в мастерской возможно было его выполнить без исправлений. Ни одного проекта нельзя принять с тем, чтобы его детализировать и передать в мастерскую для исполнения. Почему? Потому что когда он сидит в ВУЗе, то разные дисциплины, преподаваемые ему, очень далеки от практики, и есть много совсем ненужного; они только служат для массажа его мозга, для развития эрудиции, для того, чтобы он мог освоить свою высшую инженерскую концепцию. Я с такой постановкой совершенно не согласен. Я думаю, что такая постановка возможна, например, в Германии при их богатствах, а у нас она совершенно не-

возможна. Нам инженер нужен такой, чтобы, сойдя со школьной скамьи, он мог пойти в предприятия, в рудники для того, чтобы там принести определенную и немедленную пользу. В Германии оканчивающие высшие учебные заведения могут идти в шахты, там сидеть 2–3 года и учиться. У нас для этого времени нет, у нас инженеров нет. Тут говорят, что инженеров 1%, а известно ли, что в некоторой промышленности, например в золотой, далеко не такой процент инженеров? В Читинском округе не имеется ни одного инженера во всем золотопромышленном районе. В Сретенском районе, где 6000 человек рабочих, мы имеем одного молодого инженера, которого получили в прошлом году. Как можно работать, имея на 6000 человек одного инженера? Это никуда не годится. Куда мы ни пойдем, везде находим такое положение в золотопромышленности. Мне скажут, что эта промышленность самая отсталая, самая захудалая. Верно, правильно. До сих пор мало в ней обращали внимания на подготовку работников, на улучшение постановки этого дела. Но где также обращали мало внимания на это, так это опять-таки в высшей школе. У меня имеется письмо Барбот де Марни, декана Ленинградского института. Что он пишет? Если мы получим от ВСНХ поддержку, пишет он, то на будущий год мы сможем поставить вопрос о флотации. Но позвольте, ведь в обработке руд это же самый главный вопрос, и вопрос о флотации для нашей промышленности имеет огромное значение, так как вопрос об обработке руд стоит вплотную перед нами. Когда мы сможем это провести, тогда мы будем обрабатывать руду механически и флотационным способом и применять это не только в золотой промышленности, но и во всякой другой: оловянной, цинковой и т. д. Это очень важно. Мы по плану ВСНХ должны несколько десятков миллионов отпустить на флотацию, а между тем до сих пор кафедры по флотации у нас нет. Только Механобр имеется, и то его ВСНХ поставил 2 года тому назад. Мы также не имеем никакого курса по дражному делу. Нет кафедры, нет специалистов, нет кадров. Их не готовят. А по рудному делу? Что преподается по рудному делу, по золоту, скажем? То же самое. Вот передо мною программа. Оказывается, мы не имеем понятия о камерных разработках. Мы до сих пор сидим на кварце и разрабатываем богатые руды, а не знакомы со способами, которые применяются в Америке при разработке бедных руд, которые наиболее постоянны, как это делается в Хомстеке[260], в Жюно и т. д. Этого у нас до сих пор нет, и в курсе рудного дела о камерных разработках бедных руд нет ни слова. О рудоподъемных механизмах читают у нас? Это странно, но мы имеем старое руководство, читается курс, который при массовой добыче руды совершенно не годится, потому что при разработке бедных руд, таких, как Березовские, нужны особые приспособления, особые механизмы. О химической обработке руды. До сих пор в курсе, который у нас читают в Горном институте, нет ничего, кроме пяти цианистых баков и несчастного цинкового фильтра, которые были в Америке в употреблении и давно оставлены. Что такое «Оливер» – никакого упоминания не имеем, должно быть, никто этим не интересуется. Это я говорю о горной промышленности, золотой и всякой другой, в которой применяется флотация. Как обогащать руду – не имеется достаточных курсов и руководств.

Мне знакомы несколько работы по нефтепромышленности. Я работал в московской Горной академии и в других высших учебных заведениях. Там дело несколько лучше поставлено. Там вырабатывают нефтяников, которые не побоятся буровых станков и не убегут от перегонных кубов, от крекингов, потому что там высокое давление – трудно регулировать разные клапаны, задвижки. Но почему это так? Это было потому, что ВСНХ держит в своих руках все нефтяное преподавание в московской Горной академии, потому что читающие там профессора являются инженерами ВСНХ и буквально вся практическая работа нефтяной кафедры находилась под руководством ВСНХ.

Здесь говорят, что трудно повернуть практику на новшество. Когда желают повернуть промышленность на новое русло, оказывается, будто бы там привыкли к старому, работники консервативны. Кто же, тов. Луначарский, промышленность двигает к новому, как не практики? Вы думаете, профессора, теоретики способны на это? Только тогда человек подготовленный, знающий математику, физику, сможет двинуть это дело, когда он на практике чувствует себя как дома, когда он знает наизусть, как поставлено дело в производстве, когда он этим живет. Теоретик не может создать этого, и его изобретение может оказаться оторванным от практики, может оказаться нежизненным, нам не нужным и не интересным. Мы знаем, что наша промышленность перестраивается и идет вперед, берет за образец Америку и другие страны, в которых высоко поставлено дело производства. И нам нужно, чтобы она в своем развитии вперед имела бы влияние на высшую школу. Я не хочу обвинять никого, но скажу прямо: промышленность у нас сейчас сильно американизирована, она переняла во многих местах и отраслях многие образцы западноевропейской и американской техники. В школе у нас этого до сих пор, однако, не заметно. Так вот, нужно, чтобы в школе у нас было сделано то же самое. По крайней мере, я имею право сказать это по тому делу, которое я знаю, – по горному.

Дальше, о разведке. Нам нужно, например, поднимать золотую промышленность, золотые рудники, россыпи и проч. А есть ли у нас разведчики? Известно ли вам, что новые залежи на Нижней Колыме открыли не разведчики, а старатели[261]? Ни одной партии нельзя было туда послать. А почему нельзя было послать? Потому что у нас нет ни одного инженера-геолога, которого можно было бы поставить во главе партии, и в этом году мы поставили во главе нескольких изыскательных партий студентов IV курса. Поглядите, как делается в Америке в отношении геологической службы, как там подготовлены к разведкам? А как мы работаем? У нас нет инженеров, нет геологов, нет разведчиков. Студент – какой же он разведчик? Когда нам требуется произвести разработку россыпей, мы не знаем, где поставить драгу, как вести разрез, мы работаем в потемках. Это положение мы имеем не только по золоту, но и по другим отраслям горного дела.

Скажу в заключение, что раз промышленность на первом плане, раз к ней проявлено столько интереса, раз она переходит на рельсы американизации, то, чтобы поставить себя основательно, она должна быть подкована со всех сторон. Никакое капитальное строительство дальше идти не может правильно, пока самые кадры руководителей не будут подготовлены в той же самой промышленности, и подготовлены так, как это нужно для нее.

Председатель. Тов. Криницкий, следующий Краваль.

Криницкий. Я ограничусь несколькими общими замечаниями. Сначала – относительно обычной постановки вопроса Наркомпросом. Когда речь идет о тех или иных недочетах в деле народного образования (не только по линии ВТУЗов, техникумов, но и в вопросе о всей системе соцвоса, о школах второй ступени и т. д.), мы, как правило, слышим одно: все дело сводится к материальной базе, все дело в недостатке средств, в слабом бюджете Наркомпроса. Конечно, очень многое в народном образовании, в работе Наркомпроса базируется на материальной основе. Это так. Но не только в материальной базе дело. Мне кажется, что в данном вопросе о ВТУЗах очень большая ошибка Наркомпроса; с самого начала дискуссии сегодня в выступлении тов. Луначарского (я не сомневаюсь и в выступлении тов. Яковлевой, если она будет последовательна и верна своим прежним выступлениям) ошибка состоит в том, что товарищи не понимают, что дело постановки народного образования, в частности высшего технического образования, зависит не только от средств, от того или иного состояния мате-

риальной базы. Немалое значение имеют и недостатки партийного руководства, в первую очередь партийного руководства в самом Наркомпросе. Неправильно преуменьшать значение и огромную силу консерватизма в работе.

Дело в том, что в Наркомпросе, в отличие от целого ряда государственных аппаратов, давление чужих нам по существу элементов аппарата еще сильно, как нигде. Так получается в значительной мере потому, что орабочение аппарата Наркомпроса и всей его сети проведено в наименьшей мере. Это неудивительно, ибо пролетариат начинает завоевывать позиции в культурном строительстве в последнюю очередь. Кроме того, Наркомпрос собрал у себя на работе наиболее компактные кадры старой интеллигенции, в частности Главпрофобр с его высококвалифицированным составом специалистов. Тем самым в работе Наркомпроса старые традиции, носителями которых являются большая часть этих кадров, консерватизм и косность, – все эти недостатки при проведении нужной партии линии основательно ощущаются. Этого многие из работников НКПроса не понимают и все дело сводят только к вопросам материальной базы. В этом корень многих ошибок, которые часто работники Наркомпроса, к сожалению, допускают.

И основное, положительное значение резолюции, которая внесена на пленум ЦК, – в том, что резолюция, говоря о трудностях, указывает на общие ошибки в линии Наркомпроса. Совершенно неправ т. Луначарский, который говорит, что в резолюции все хорошо и что есть в ней только одна ложка дегтя – относительно перехода ВТУЗов и техникумов в ведение ВСНХ. Ведь резолюция сводится не только к вопросу об этой передаче (передача – логический вывод из всей оценки дела) и к вопросу об укреплении материальной базы, – она в значительной степени поправляет общую линию НКПроса, правильно критикует ту косность и консерватизм, которые еще сильно чувствуются в аппарате Наркомпроса, указывает практические мероприятия к укреплению общей линии.

Второе, о чем я хотел говорить, это относительно основной аргументации за передачу ряда ВТУЗов и техникумов хозорганам, которая (аргументация) вытекает из той общей оценки технического образования, которая дана в проекте. Мне пришлось знакомиться с целым рядом ВТУЗов и техникумов по материалам и докладам товарищей, и, кроме того, в комиссии с тов. Иосифом Косиором мы непосредственно знакомились с постановкой дела в МВТУ. Основной вывод из изучения материалов: главный недостаток в постановке высшего и среднего технического образования – это отрыв его от производства и от задач социалистической реконструкции промышленности.

Г о л о с. И отрыв от хозяйственного опыта.

Криницкий. Да, и отрыв от хозяйственного опыта. (Я не говорю уже о сильном отрыве от достижений новейшей заграничной техники.) В одной записке активный работник МВТУ в основном правильно пишет: «В вопросе об учебных программах совершенно верно констатирование их непригодности. Они являются воспроизводством и штамповкой прежних программ. Нужно указать, что в практическом осуществлении этих программ даже те незначительные коррективы, которые в них внесены в процессе пересмотра, благодаря косности, привычке, консервативности преподавательского и профессорского состава МВТУ нарушаются: читают так же, как читали в старину, – слово в слово».

Если говорить о дипломных работах в МВТУ, крупнейшем техническом ВУЗе, то констатируются недочеты того же порядка: излишний масштаб темы, отвлеченность, опыт иностранной техники в проектах отражен слабо, налицо поверхностность освещения запросов в техническо-экономическом разрезе и т. д. Отсутствие проектов с определенной установкой на использование новых строительных материалов (по мате-

риалам инженерно-строительного факультета). Таких примеров можно привести много. Практикантство поставлено из рук вон плохо, по общему признанию. Я не буду, ради экономии времени, останавливаться на иллюстрациях. Чрезвычайно характерно, что конкретная прикладная экономика – то, без чего нельзя подготовить инженеров, действительных организаторов социалистической промышленности, – конкретная экономика, как правило, не поставлена. По этому вопросу до последнего времени никакой тревоги не слышно. При этом речь идет не только о ВТУЗах; если посмотреть в таком ВУЗе, как Промышленно-экономический институт, что там преподается, по каким учебникам и пособиям, по каким программам, то все это в большинстве случаев старье, которое совсем не годится для экономиста, нужного нашей социалистической промышленности. Этот недостаток еще в большой мере отражается в работе таких ВТУЗов, как МВТУ: вместо курсов конкретной экономики в программах МВТУ большей частью слабые неглубокие описательного типа курсы, и отсутствуют те дисциплины, которые увязывали бы технические знания инженера с задачами реконструкции, с перспективным планом, с задачами электрификации и т. д. и т. д. В этом, конечно, большая вина и беда всей партии. К целому ряду проблем конкретной экономики, крайне актуальных, требующих проработки, теоретические работники партии только еще переходят. Очевидно, Коммунистической академии необходимо начать систематическую работу в этой области.

Мне кажется, отрыв технической школы от экономических проблем современности и общих задач строительства находит свое отражение в примере, который, может быть, слишком резок, но который говорит, до чего доводит недостаточное внимание к факту такого отрыва. Этот пример – дипломный проект, представленный двумя студентами МИИТа, по проектированию глубоководного Ростовского порта. Квалификационная комиссия постановила считать этот проект «особо выдающимся»; комиссия нашла, что экономическая часть проекта разработана «наиболее полно», «очень интересно» и «отличается изяществом исполнения». Проект сдан в основную библиотеку МИИТа как примерный, на котором нужно учиться. Вот что в нем говорится: «Правительство, поставленное у власти революцией Октября 1917 года, не считает нужным изменять царскую политику по отношению к портам и внутренним водным путям, в которых заинтересованы крестьянские массы. По части советского бюджета, относящейся к водным путям сообщения, не задумываясь подписались бы чиновники старых министерств. Даже исходя из точки зрения нынешнего правительства, стремящегося к укреплению пресловутой диктатуры пролетариата, игнорирование интересов крестьянства является пагубным для государства. Правда, много красивых слов о так называемой «смычке» между городом и деревней потрясает воздух и покрывает сотни тысяч листов бумаги, но на деле деревня от подобной смычки только туже подтягивает ремень на подводимом от голода брюхе».

Г о л о с. Кто писал?

Криницкий. Два студента МИИТа – Лайко и Лифшиц. В этой дипломной работе, чрезвычайно интересной и «изящно выполненной», признана именно экономическая часть проекта. Конечно, в этом факте сказывается огромный прорыв нашего руководства. Но этот факт очень характерен в том смысле, что показывает, в какой мере мы на ряде участков работы недостаточно владеем руководством, в какой мере неудовлетворительно мы готовим специалистов, которые так нужны. Тут же приходится говорить не о материальной базе, а о том руководстве и контроле, который должен осуществлять, в первую очередь, аппарат Наркомпроса, правления ВТУЗов и т. д.

Председатель. Время истекло.

Криницкий. Я прошу дать мне 5–7 минут.

Председатель. Записалось 15 человек. Кто за то, чтобы продолжить время тов. Криницкому на пять минут? Большинство. Кто против? Мало. Регламент соблюдается (с м е х).

Криницкий. Непосредственно следствием консерватизма в системе Наркомпроса является также порядок подбора педагогического персонала. Комиссия по МВТУ встретила чрезвычайно интересную штуку. Коммунисты из правления МВТУ рассказали, что они ряд негодных профессоров (назвали три имени) очень долгое время не могли снять. Оказывается, существует такой закон, в силу которого профессор избирается на 10 лет, и для того, чтобы снять его до истечения этого десятилетнего срока, правление МВТУ должно перепрыгнуть через очень много инстанций: собрание цикла, собрание факультета, деканат, Главпрофобр и, наконец, ГУС. В ГУСе по таким вопросам – трудно, так как там положением в научно-технической секции владеет в большей мере старая профессура. Существует особая формула – «упросить профессора подать в отставку». (С м е х.)

Косиор. Упропагандировать.

Криницкий. Коммунисты чрезвычайно радуются, когда им удается такого негодного профессора «упросить подать в отставку».

Г о л о с. Всегда ли негодного?

Криницкий. В подавляющей части случаев негодного, когда правление ВУЗа ставит об этом вопрос.

Мне кажется, такая система подбора преподавательского персонала прекрасно отражает, как старые традиции (из плохих традиций) крепко еще держатся в высшей школе, как крепко сидит эта старая пыль.

Вывод основной из недочетов: необходимо, во-первых, преодолеть консерватизм и оторванность от производства и задач реконструкции во всем среднем и высшем техническом образовании и соответственно перестроить работу Наркомпроса и Главпрофобра, в первую очередь; во-вторых, необходимо передать пачку ВТУЗов и техникумов ВСНХ и НКПути.

Тов. Луначарский неправильно ставил вопрос, когда перечислял ряд якобы важнейших аргументов за передачу: нужна «конкуренция» между ВСНХ и НКПросом, дело чрезвычайно сложное и руководства одного Наркомпроса не хватает и т. д. Не в этом главное. Основной мотив резолюции, как я понимаю, за передачу заключается в том, что при острейшей нужде в специалистах и явно неудовлетворительной постановке дела нужно опыт подготовки их возможно больше обогатить, чтобы найти пути поставить дело так, чтобы в кратчайшие сроки получить инженеров, организаторов и техников, нужных нашей социалистической промышленности. Я лично считал бы целесообразным еще большее количество ВТУЗов и техникумов (может быть, все) в период социалистической реконструкции передать ВСНХ с тем, чтобы выработку программы и методическое руководство ими оставить за Наркомпросом. Думается, это дало бы наиболее положительные результаты. Но вопрос очень важен и не изучен, потому нужно проделать этот большой опыт, который даст те или иные результаты и выводы.

Передача теперь части ВТУЗов должна дать положительный и полный опыт именно потому, что при этих условиях за ВСНХ будут наиболее обеспечены и решающее непосредственное участие в выработке учебных планов и программ, и наиболее тщательная организация производственной практики, непосредственно связанной со всей учебой и с производством. Достигается непосредственная увязка в работе студентов с научно-исследовательскими институтами, решающее большинство которых находится в руках ВСНХ; связь учебы с этими научно-исследовательскими институтами

имеет очень большое значение. При условии передачи можно гораздо легче усилить и преподавательский состав ВТУЗов, при этом располагать не только старой профессурой – гораздо легче будет квалифицированных техников промышленности много ближе и непосредственней связать с работой ВТУЗов.

Кроме непосредственного улучшения дела подготовки, эта передача даст возможность на основе богатейшего нового опыта работы наиболее активно помочь Наркомпросу изжить элементы консерватизма и косности.

Два кратких последних замечания. Несомненно, что вопросы, поставленные относительно ВТУЗов и техникумов, в значительной части связаны и с положением школы второй ступени. Относительно второй ступени только в последнее время в партии и комсомоле поднята тревога. Необходимо и в этой части начать изучение, проверку и постановку дела народного образования силами всей партии.

Второе замечание касается ВУЗов и техникумов сельскохозяйственных. Положение там хуже, чем во ВТУЗах и техникумах, готовящих специалистов для промышленности. Вот почему совершенно правильной является та часть резолюции. где говорится, что нужно провести и распространить линию, касающуюся ВТУЗов и техникумов промышленности, также и на ВУЗы и техникумы сельскохозяйственные.

Председатель. Слово имеет тов. Краваль.

Краваль. Прежде чем перейти непосредственно к вопросу о ВТУЗах, я хотел сделать одно замечание, имеющее очень большое значение для дела пролетаризации наших ВТУЗов. Ильич на XI съезде сказал, что победитель может оказаться побежденным, если культура побежденных окажется выше культуры победителей. Наша задача заключается в том, чтобы культурно рабочий класс рос неизмеримо более быстрым темпом, чем остальные слои населения нашего Союза, ибо иначе нам угрожает опасность быть захлестнутыми более высокой культурой побежденных. Как обстоит дело в отношении темпа роста культуры рабочего класса и темпа роста культуры других классов, какое положение мы здесь имеем? Если взять школы второй ступени, то здесь мы имеем такое положение, что количество детей пролетариев, обучающихся в школе второй ступени, имеется всего-навсего 13,6%. Лучше всего в этом отношении поставлено дело в Московской губернии, где в школу второй ступени вступает почти половина детей рабочих и крестьян, т. е. 50% вступающих в школу составляют дети рабочих и крестьян и 50% – остальные. Но когда мы берем процент не поступающих, а оканчивающих, то картина здесь резко меняется. Из принимаемого состава детей рабочих оканчивают только 5,2%, в то время как из остальных процент этот доходит до 22.

Скрыпник. Вопрос о передаче ВСНХ школ второй ступени как будто не стоит!

Краваль. Тов. Скрыпник, вопрос о социальном составе школы второй ступени имеет к этому делу непосредственное отношение, так как от социального состава школы второй ступени зависит пролетаризация наших ВУЗов, а от пролетаризации наших ВУЗов зависит и искоренение целого ряда недочетов, имеющихся в настоящее время в отношении инженерного состава в нашей промышленности. Все это имеет самое непосредственное отношение к пролетаризации инженерных кадров. Тот факт, что через школы второй ступени в 4 раза больше проходит людей, чуждых рабочим и крестьянам, а мы в 4 раза отстаем, это говорит о том, что положение должно быть коренным образом изменено. К сожалению, это же относится и к нашим ВУЗам. Мы за последние 4 года выпустили 8 тыс. человек из ВУЗов, основная масса этих выпущенных поглощена промышленностью, а количество инженеров-коммунистов, работающих в союзной промышленности, составляет всего 139 человек, включая старых и новых инженеров. Это говорит о том, что в наших ВУЗах основная пролетарская часть вступа-

ющих в ВУЗы к сроку окончания ВУЗа вымывается и еще до сих пор ВУЗы кончает не наш, не пролетарский состав.

Так же неблагополучно обстоит дело с соотношением между индустриально-техническими и другими видами высшего образования. Если взять соотношение и удельный вес всех ВТУЗов, и сельскохозяйственных, и промышленных, и путейских, и сравнить с остальными видами высшего образования, то это индустриально-техническое образование по количеству учащихся составляет меньше $^1/_3$ остального количества студентов ВУЗов. На 106 тыс. студентов ВУЗов приходится студентов ВТУЗов по РСФСР (без сельскохозяйственного) только 34 тыс. Мы меньше $^1/_3$ нашего внимания уделяем на подготовку специалистов для НКПС, для НКПиТ, для промышленности, для всех остальных отраслей народного хозяйства, обеспечивающих индустриализацию. Для отраслей, работающих на реконструкцию нашего народного хозяйства, обеспечивающих тот темп, в котором мы крайне нуждаемся, мы уделяем всего $^1/_3$ нашего внимания, а $^2/_3$ внимания уделяем подготовке людей образованных вообще. Нам кажется, что нужно от этого отойти и перенести центр внимания на индустриально-техническое образование как для промышленности, так и для транспорта, ибо мы имеем, по существу, очень плохое положение в нашей промышленности с насыщенностью инженерно-техническим персоналом. Ведь у нас из занимающих инженерно-технические должности практики без специального образования составляют до 40%, остальная часть тоже не имеет достаточного для решения труднейших задач реконструктивного периода инженерно-технического образования, но из этой остальной части у нас большинство молодых специалистов и только сравнительно небольшое количество падает на старый инженерно-технический персонал, также значительно отставший от новейших достижений науки и техники, не говоря уже об абсолютной технической отсталости практиков. Между тем процент практиков к инженерам в текстильной промышленности составляет 320, металлической – в полтора раза, химической – 278% и в электрической – 55. Можно ли оставаться при таком положении дела, когда в решающих отраслях промышленности – электрической, металлической, химической и текстильной – у нас по существу нет достаточно подготовленных кадров инженерно-технического персонала. У нас есть тресты, у которых на 60 тыс. человек 3 инженера-ткача, как, например, в текстильной промышленности. **При таком положении вопрос темпа подготовки является одним из решающих вопросов**. При том положении, которое мы имеем сейчас, когда студент в нашем ВУЗе сидит 6, как правило, $7^1/_2$, а мы имеем и значительный процент сидящих и 8 и 9 лет, – при таком положении, когда в крупнейших ВУЗах, как, например, в Ленинградском политехническом институте, процент выпускаемых к общему числу студентов составляет 3,1%, в то время как за границей ежегодно процент составляет от 18 до 20%, – все это говорит о том, что без решающего перелома в этой области проблема насыщения промышленности техническим персоналом неразрешима. Для нас, по сути дела, подготовка инженерно-технического персонала – это есть важнейшее вложение в капитальное строительство, и не только важнейшее, но и самое рентабельное вложение в капитальное строительство.

Если действительно делать ВСНХ ответственным за капитальное строительство, то нужно обеспечить его решающее влияние в отношении подготовки кадров, которые проводят это капитальное строительство. Какова же подготовка кадров для решения важнейшего вопроса нашего капитального строительства, фабрично-заводского строительства – одного из решающих видов капитального строительства? На это дело по нашей пятилетке будет затрачено до 4 млрд. рублей, не считая стоимости оборудования. По этой важнейшей отрасли нашего народного хозяйства во всей системе наших ВУЗов и ВТУЗов, в которых обучается приблизительно 106 тыс. человек, только

17 чел. выпускается ежегодно специально по фабрично-заводскому строительству. Больше у нас нет. Когда мы этот вопрос поставили в коллегии Главпрофобра, что надо этим вопросом заняться специально, надо выявить необходимые потребности и сделать перегруппировку, чтобы центр тяжести сюда перенести, за счет ликвидации излишнего параллелизма в целом ряде ВТУЗов, для развертывания этой части, нам заявили, что наши специалисты так хорошо подготовлены, что у нас фабрики и заводы могут строить и транспортники, и водники, и все остальные специалисты. При таком положении, когда у нас фабрики и заводы все будут строить, и транспортники, и водники и др., а сейчас это так, ибо мы используем на нашем строительстве свыше трех четвертей инженеров, окончивших транспортные ВТУЗы, – мы не сможем строить дешево и рационально, т. к. это сложнейшая, самостоятельная специальность. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Председатель. Одна минута осталась.

Краваль. Я постараюсь сейчас кончить. Крупнейший вопрос, который ставил здесь НКПрос и которому нужно сейчас практически уделить исключительное внимание, это вопрос, связанный с производственной практикой. Тов. Луначарский говорит, что он всегда понимал важность производственной практики. Может быть, теоретически это и так. Может быть, действительно он теоретически прекрасно понимал важность производственной практики, но когда вопрос касается проведения практически этой производственной практики, то в этом отношении ничего не делалось. Оказывается, что в учебных планах, составленных только в прошлом 1927 году, в этих планах эта обязательная 10-месячная производственная практика не отражена. Теоретически вы это понимали, но когда вопрос касается практического проведения, чтобы обеспечить в нашем учебном плане эту практику в течение 10 месяцев, то оказывается, что это в программе не предусмотрено. Если есть постановление, что студент должен находиться на практике 6 мес.[262], то на IV курсе оказывается, что в то же самое время он по программе должен заниматься теоретическим изучением, и получается одно из двух: либо он изучает теорию, а на заводе не работает, или, если он на заводе работает, то пропускает изучение теоретических проблем. Получается полная неувязка.

Мало теоретически понимать важность производственной практики, надо эту работу поставить. Этому делу и со стороны НКПроса, и со стороны ВСНХ очень мало уделялось внимания, несмотря на то, что этот вопрос – важнейший вопрос для подготовки инженерно-технического персонала, от которого в значительной мере зависит успех нашего строительства. Вот пример того, как хорошо поставленная связь с производством отражается на темпе подготовки и качестве выпускаемых. Возьмем государственный электромашинный институт. Он готовит в 2,6 года. Наркомпрос туда не дает ни одной стипендии. Рабфаковец, попадающий в этот институт, лишается этой стипендии. Студенты получают только поддержку от некоторых хозорганов, как оплату за производственную практику. И несмотря на эти неизмеримо худшие материальные условия работы, без лабораторий, этот институт выпустил 140 человек годных для нашей промышленности инженеров, справляющихся с работой.

Поэтому основным вопросом является не только вопрос о материальной базе ВТУЗов, но и вопрос правильной постановки всей учебной работы в нашей втузовской системе, по линии связи ВТУЗов с производством.

Председатель. Слово имеет тов. Яковлева. Следующий оратор тов. Скрыпник.

Яковлева. Я хочу, прежде всего, остановиться вот на этом нашем консерватизме. Но прежде чем по существу по этому поводу поговорить, я хочу просить вас задать себе такой вопрос: допустим, что этот консерватизм в какой-нибудь мере существует; но что было бы к настоящему времени, вот к 1928 году, если бы дело специального обра-

зования находилось не в Наркомпросе, а в тех наркоматах, для которых мы соответственно готовим специалистов? Мы слышали, тов. Молотов в своем докладе это подтвердил, что до последнего времени хозяйственные наркоматы отличались полным невниманием к вопросу о подготовке специалистов для самих себя.

[**Молотов**. Оказались технически малограмотными.]

Яковлева. Вот при таком отношении наркоматов к этому делу, представьте себе, что это дело находилось бы у них в руках. Я думаю, вы должны будете признать, что в этом отношении мы вряд ли бы сделали значительный шаг вперед от старой постановки дела, от старых школ. Между тем Наркомпрос за это время очень многое сделал. Мы проделали большой опыт, проделали целый ряд экспериментов. Но все дело заключается в том, что вы с нашим опытом не хотите считаться, не хотите его изучить, не хотите его признать опытом нашей партии.

Взять хоть вопрос о 3-летнем сроке подготовки специалистов. Тов. Молотов говорит, что этот декрет не применялся. Неверно это. Этот декрет применялся; мы перевели наши ВУЗы, в том числе и индустриальные ВУЗы, на трехгодичное обучение и в течение 3–4 лет в таком состоянии их держали. Но жизнь нас сломила и заставила перейти на другие сроки. Мы были не одни в этом деле. Инженер ВСНХ, член президиума ВСНХ, профессор Долгов нам заявил, что 3 года обучения для инженера – вещь негодная, что нужно перейти на другой, более длительный срок обучения. И наши теперешние учебные планы мы вырабатывали вместе с представителями ВСНХ.

Дальше пойдем. Говорят, что нужно сделать опыт по подготовке инженеров узкой специальности. Был у нас и такой опыт; были у нас практические институты с трехгодичным сроком обучения. Промышленность, однако, не принимала этих специалистов и заявила нам, что «это не инженеры узкой квалификации, а техники, и, пожалуйста, не называйте карася поросем». И мы эти практические институты, два-три, превратили в высшие учебные заведения, а всю остальную массу – в техникумы. Этот опыт был, но вы его считаете несуществующим и не хотите его учитывать.

Даже эти два факта показывают, что нет никакого Наркомпросовского консерватизма. Мы все это перепробовали. Мы от этого отказались, но это не значит, что мы вернулись к старым формам. Если вы посмотрите постановку у нас учебного дела, то вы увидите, например, что если в старое время в том же самом МВТУ, в самом отсталом из наших ВУЗов, отношение часов лекций к часам семинарско-практических занятий составляло 150:100, то теперь отношение это составляет 96:100, т. е. лекций уже не вдвое больше, чем практических занятий, а даже несколько меньше. Но не только это изменено; вся система высшего образования за это время изменена. Если раньше высшее образование вовсе не являлось непременно специализированным, то теперь у нас нет высшего образования неспециализированного. Вы этого, товарищи, не хотите видеть. А когда мы опыт нашей работы вывозим за границу, то там люди, которые рассматривают наши педагогические выставки, это замечают сразу. Вот, например, в Чехословакии один писатель, который был на недавней нашей выставке в Праге и рассматривал экспонаты, касающиеся наших профессиональных учебных заведений, записал потом в качестве своей оценки: «Все то, что я видел, показывает, что СССР нуждается в специалистах, а потому уничтожил в своих школах весь балласт, который до сих пор остается в наших (чехословацких) школах. Такое понимание задач школ привело к тому, что были специализированы и высшие учебные заведения... О так хорошо и широко разветвленной системе образования нам никогда и не снилось!» (Р е п л и к а с м е с т а н е у л о в л е н а.)

Немало есть еще балласта и у нас, я с этим согласна. Но все-таки, вы видите, посторонний человек в буржуазной стране сразу заметил, что мы отнюдь не все остави-

ли по-старому, что мы в значительной мере усовершенствовали наши высшие школы, что мы коренным образом их изменили.

А вы твердите про наш консерватизм! Против этого я и протестую. Я считаю, что вы обязаны наш опыт принять и изучить, ибо не зря мы его делали; мы его делали как советские работники, как члены партии, и если вы хотите еще раз повторить этот опыт, то не забудьте, что он стоил денег государству. А вы упорно не хотите с этим считаться и ставите знак равенства между тем, что мы сделали, и тем, что было в старой школе. Это совершенно неправильно, и против этого мы и протестуем.

А при каких условиях мы за это время работали? Это возвращает меня опять-таки к материальной базе, и я совершенно не боюсь упрека тов. Криницкого, который говорил: «Как Наркомпрос тронешь, так он заговорит о материальной базе». Я утверждаю, товарищи, что, когда вы будете теперь подходить к вопросам народного образования, вы сами будете всякий раз говорить: «основное – деньги». Как вы до сих пор подходили ко всем другим учреждениям и к нам? Заработная плата у нас далеко не достигла довоенного уровня: профессор получает 30% довоенной заработной платы, учитель школ 2-й ступени – 31%, учитель начальной школы, о котором так много говорил Владимир Ильич, до сих пор, на 11 году советской власти, получает около 70% довоенной заработной платы!

Г о л о с. Правильно.

Яковлева. Сколько стоит содержание одного учащегося в наших высших учебных заведениях? 20–25% довоенного! И вы хотите, чтобы при таких условиях мы дали вам результат выше довоенного?! Почему? Вспомните, как вы подходите к другим отраслям! Возьмите ВСНХ. Какое соотношение этих факторов мы имеем в промышленности? Заработная плата всюду выше довоенной, а качество продукции, производительность труда – как они относятся к довоенным нормам?

Молотов. Не об этом речь идет, а об ошибках.

Яковлева. Я согласна признать все ошибки. Но я заявляю, опять-таки, что основное в плохой постановке народного образования, в том числе и высшего, – это материальная база.

Г о л о с. Совершенно верно.

Яковлева. Вы же это сами знаете, вы заявляли в комиссии: «преступно, преступно» и нас обвиняли в том, что мы не кричали. Но что же нам было делать, если вы на наши крики не обращали внимания? Вы на время заткнули уши. А когда ототкнули, то упрекаете нас, что недостаточно было у нас голоса, чтобы пробить эти пробки.

Косиор. О-о-о!

Яковлева. Напрасно, товарищи, сердитесь. Я говорю то, что есть. Когда вы будете теперь возвращаться к вопросам школы, чем вы будете кончать? Деньгами! Одно прикосновение к этому делу заставило вас дать 45 миллионов.

Молотов. Все же кое-что!

Яковлева. Но если бы вы не сказали этого, если бы не дали денег, а вынесли бы только эту прекрасную резолюцию, то она осталась бы только словами. Ничего мы не сделали бы! Поэтому я говорю: если вы хотите получить от нас продукцию выше довоенной – а мы должны ее вам дать, – то вооружите нас не тупым оружием, не гнилым, не рыбьей костью, а дайте нам все возможности жить и работать. Вы нам давали деньги на введение новейших достижений науки и техники? Я целый истекший год билась за то, чтобы получить один миллион дополнительно на это дело. И вот новый поборник высшего образования тов. Рудзутак в Политбюро высказывался и голосовал против этого, за то, чтоб отменить этот миллион.

При всех способностях тов. Криницкого, блестящих способностях, согласна при-

знать, если его посадят на наше место и дадут ту же рыбью кость, которой мы все время работаем, то я не думаю, что он даст большие результаты. Ведь за эти годы мы действительно научились за грош давать работу на полтинник, и то терзались, что мы не даем ее на рубль, страдали и терзались, что за это нас же будут костить.

Теперь пару слов относительно передачи. Что мы передаем? У нас 16 индустриальных ВУЗов в РСФСР; из них у нас пять берут для ВСНХ и два для НКПС, т. е. семь. Это составляет почти половину всех наших ВТУЗов. Если это опыт, то опыт в грандиозном масштабе. Ассигнования на эти отобранные ВУЗы составляют 45% всех ассигнований на высшее индустриальное образование. Это уж переходит границы опыта. Это говорит о том, что устанавливается какая-то новая система, в которой мы отныне должны будем жить и работать. И получается такого рода вещь: когда вы обратили внимание на это дело, когда вы увидели, что очень тяжело обстоит дело, когда пришли к тому, что нужно дать деньги, и даете эти деньги, то вы у нас теперь это дело отбираете! Мы за это время действительно перестроили всю систему образования сверху донизу – создали новую, создали систему рабфаков, наполнили рабочими ВУЗы. И вот, когда мы возвели этот самый дом, тогда вы у нас отбираете это дело без малейшего доказательства того, что те, кому вы его передадите, будут работать лучше и дешевле нас! Я думаю, что это вредно. Я думаю, по тем самым мотивам, которые здесь развивал тов. Луначарский, что это не принесет нам пользы.

Я хочу теперь остановиться на том, что здесь говорил тов. Криницкий. Он говорил насчет несменяемости профессуры, что это, мол, традиции старой школы. Неверно это! По традициям старой школы, раз профессура избрана, она несменяема. А у нас такое положение, что через 10 лет профессура обязательно должна переизбираться, какой бы она хорошей ни была. Разве это есть традиции старой школы? Это есть ломка традиций старой школы. Неверно также, что нужно упростить систему назначения профессуры.

Г о л о с а. Правильно.

Г о л о с. Зачем через 10 лет? (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

Яковлева. Я прошу три минуты.

Председатель. Возражения есть? Имеете слово.

Яковлева. Нельзя давать ВУЗам самим смещать и назначать профессоров. Они еще далеко не наши, и передать это дело в их собственные руки не всегда будет хорошо. В большинстве случаев это будет еще против нас. Смелость тов. Криницкого вообще не поддается описанию. Он говорит, что тот дипломный проект, который он видел, что он считает его типичным для всех проектов. На каком основании это он считает? Он видел все проекты? Он видел по крайней мере большинство их? Ничего подобного он не видел. Он к этому делу основательно не прикасался и берет на себя, мягко выражаясь, смелость говорить, что этот проект есть отражение всей постановки дела. Таким подходом к этому, таким освещением вопроса мы не поможем делу, не создадим верного представления о нем у высшего органа нашей партии.

Несмотря на это, однако, я считаю, что передача ВТУЗов неправильна, неправильна особенно в таких рамках, в каких ее предлагается осуществить. Я, как и тов. Луначарский, считаю, что нам теперь в значительной мере будет легче работать и многие препятствия будут расчищены с нашего пути. За эти годы, последние 3–4 года, мы только и знали, что бились за сохранение сети ВТУЗов и индустриальных техникумов. Еще совсем недавно, на днях появился один великолепный документ, вышедший из недр РКИ РСФСР. Там, в этом самом документе, направленном в Совнарком, имеется предложение ни больше ни меньше, тов. Молотов, как закрыть Горную академию. Этот проект предлагает из 70 ВУЗов закрыть 11...

Г о л о с. Это недоразумение. Это Ройзенмана касается.

Яковлева. 22 ВУЗа превратить в девять путем слияния различных ВУЗов в один. В частности, в Москве предлагается Менделеевский институт, Плехановский и Ломоносовский слить в один ВУЗ! То же предлагается сделать с тремя институтами в Ленинграде. Этот документ упрекает Наркомпрос за то, что стоит во главе угла резолюции, которую предлагает тов. Молотов, упрекает за то, что предложенный нами расчет количества специалистов для промышленности ориентируется на проблему догнать соотношение между инженерами и рабочими, которое существует в западноевропейской промышленности. Нас осмеивают за то, что проект резолюции ЦК ставит важнейшей задачей ближайших лет.

Я кончаю. Если я привела этот факт, то только для того, чтобы показать, в каких условиях мы до сих пор работали. То обстоятельство, что партия, наконец, на это дело обратила внимание, сейчас действительно по-настоящему даст нам возможность работать в обстановке внимания, а не в обстановке непрерывной борьбы за наше дело, бог знает на скольких фронтах.

Председатель. У меня имеется записка за подписью 10 человек, которая предлагает прения прекратить, и другая записка, предлагающая прекратить прения после выступления Скрыпника. Эта записка подписана 7 товарищами, и в числе их не только настоящие украинцы, но и бывшие, вроде Иосифа Косиора. Я голосую предложение этих 7 товарищей, чтобы прения закрыть после Скрыпника.

Молотов. Может быть, дать еще слово Куйбышеву.

Куйбышев. Молотов выступит и скажет то, что надо.

Молотов. Я предлагаю дать слово представителю ЦБ студенчества.

Г о л о с а. Не надо.

Председатель. Записан и представитель центрального бюро студенчества, и представитель профсоюза научных работников, тогда нужно дать обоим слово. Кто за прекращение прений после тов. Скрыпника?

Слово имеет тов. Скрыпник.

Скрыпник. Основное, что имеется в предложениях комиссии и в докладе тов. Молотова, – следующее: нужно найти некоторые новые пути, сделать перелом в теперешнем положении. Я с этими предложениями комиссии полностью и безусловно согласен. Да, нужно найти новые пути, нужно сделать перелом. Прежние пути создают расхождение между потребностями социалистического строительства, с одной стороны, а с другой стороны – между нашей продукцией в отношении новых технических сил. Какими путями нужно идти? Основное, что здесь сказано Молотовым, это то, что мы сейчас не можем поставить себе задачу в этом отношении работать по плану. Я с этим не могу ни в малейшей степени согласиться.

Молотов. С чем не можете согласиться?

Скрыпник. С предложением о том, чтобы в нашей продукции технических сил мы не ставили плановых задач. Я не могу с этим согласиться.

Молотов. Я этого и не говорил.

Скрыпник. Полагаю, что вы это говорили, но вы об этом скажете, если это не так, в своем заключительном слове. Имею же я право ошибаться в понимании ваших слов! Если к повороту в деле продукции наших технических сил мы будем подходить так, что будем заранее отказываться от постановки плановых задач, мы в этом случае заранее себе скажем, что ничего не сделаем и из болота, в котором находимся, не выйдем.

Припомним, что у нас на X съезде большевистской партии Украины[263], при обсуждении вопроса о положении народного образования, мы сказали, что задача народного образования должна быть неразрывной частью общего плана социалистического

строительства. Это положение должно быть исходным пунктом во всех наших суждениях. В резолюции Политбюро при обсуждении доклада комиссии была поставлена особая проблема, поставлена, однако, без введения в резолюцию пленума. А именно: «финансирование капитальных работ по ВТУЗам и средним техникумам, постройка новых ВТУЗов, расширение ныне действующих, постройка лабораторий приравнивается к финансированию капитальных работ в области народного хозяйства». Это правильное положение, это верное положение, но его нужно внести в резолюцию, из него исходить необходимо. А без этого что получается? Без этого получается декламация вроде той, что по предложению комиссии нам предлагается. Одна задача: обновить и дополнить оборудование. Этого мало заявить, тов. Молотов, это надо высчитать, подсчитать, ввести в план. А что до сих пор предлагается? Постановление Политбюро говорит: 45 млн. добавить на дело ВТУЗов в этом году. Рассчитаем, выясним: 23 млн. пойдут на повышение стипендии, на повышение зарплаты профессуры, а 22 млн. на повышение техники, базы индустриального образования. Сколько это будет по отношению к общей сумме, отпускаемой на капитальное строительство? В этом году мы вложили в промышленность 1800 млн., в будущем году предполагается повышение на 350–450 млн., я беру среднюю цифру – 400 млн. Значит, в будущем, наступающем году мы вкладываем в нашу индустрию 2200 млн. рублей. По отношению к сумме капитальных затрат промышленности капитальный вклад в дело продукции технической силы равняется 1%. Что же вы думаете, товарищи, за этот 1% вы построите необходимые нам силы? Ошибаетесь, обманываете себя. И если вы не поставите вопрос относительно капитальных вкладов в нашу продукцию живой силы надлежащим образом, ни черта у вас не выйдет. Как вы думаете, с машинами 1847 года можно делать настоящих инженеров? А в таком случае поставьте, пожалуйста, задачу купить, произвести необходимое оборудование, новые машины надлежащим образом, чтобы мы имели надлежащую продукцию. В этом отношении предлагаемая резолюция недостаточна.

Второе. Здесь выяснялся один специальный вопрос: расхождение между выступавшим здесь тов. Луначарским и докладом комиссии по вопросу об узких специалистах. Я здесь не могу не согласиться с комиссией. Я только считаю: почему бы это комиссии заявлять о новом опыте, о новом типе школы, причем ссылаться исключительно на опыт института Каган-Шабшая, когда этот опыт производства узких специалистов мы у себя на Украине, худо ли хорошо ли, но производим в довольно широком масштабе в наших техникумах, которые являются у нас высшими учебными заведениями для производства узких специалистов по отдельным отраслям производства. Имелась и имеется в этом вопросе большая борьба между Наркомпросом Украины и Наркомпросом РСФСР. Мы считаем, что развитие индустрии, специализация промышленности сама требует, наряду с инженером-организатором, также большого числа инженеров-узких специалистов. Хорошо, что резолюция, предлагаемая комиссией, ставит вопрос об этом в принципиальной плоскости. Нужно бы указать не только на использование ВСНХ СССР опыта института Кагана-Шабшая, но и на имеющийся у нас украинский опыт. В нем имеется много ошибок, нужно многое исправить, но имеется здоровое ядро приближения к потребностям промышленности.

В этом отношении ВСНХ СССР и нашей Украины были целиком и полностью согласны с Наркомпросом Украины в нашей борьбе против тов. Луначарского.

Хорошо, что поставлен вопрос об унификации системы народного образования. Это необходимое дело. Уже вскоре после моего назначения наркомпросом Украины на всесоюзном совещании Наркомпроса я предложил поставить этот вопрос. Но я не думаю, что это практическое предложение, когда говорится: «приступить с 1928/29 учебного года к унификации систем технического образования в СССР». Приступить – это

значит переделать, выработать единую систему, значит взять здоровое, хорошее из различных систем, проверить украинский опыт и т. д. Все это немалое дело. Соответственно этому перерабатываются программы, а программу переработать – это не блин испечь, не яйцо всмятку разбить, это значит провести серьезную работу с привлечением не только органов Наркомпроса, но и с привлечением профсоюзных организаций и широких слоев рабочих.

Дальше здесь говорится и делаются практические предложения, чтобы отменить стажерство (12 страница, раздел II, пункт 1). Вместо системы стажерства вводится обязательное для хозорганов размещение окончивших ВТУЗы. В каком порядке, тов. Молотов, обязательное? Обязательны как будто были и прежние постановления партии и советского правительства о предоставлении мест для стажеров, окончивших ВУЗы. Однако мы видим, что громадное количество их оставалось без мест, хотя было такое обязательное постановление. Вы не предложили мер к тому, чтобы это обязательство провести в жизнь, а дали одно предложение: установить для каждого окончившего ВТУЗ и техникум обязательный трехгодичный стаж по указанию хозорганов.

В чем разница? Раньше стаж был год-два, а теперь два-три года при обязательном предоставлении работы. А разница в том, что мы должны проверить всех этих втузовцев, когда он год, два, три поработал. Прежде чем дать ему ответственную работу, мы должны его проверить. Прежде чем окончившему втузовцу давать ответственную работу на производстве, прежде чем дать ему работу, от которой зависит жизнь десятков людей и успех всего предприятия, нужно его проверить. Диплом на право ответственной работы ему давать только после того, как он проверен на производстве, после определенной проверки, тогда можно дать ему работу, а пока он не проверен, ему диплома не давать. Он может работать на вспомогательных работах, но нельзя давать ему в руки такие отрасли, где от его решения зависит жизнь десятков рабочих и завод.

Возьмите горное дело. Вы хотите изменить положение о горном надзоре и поставить в зависимость от какого-нибудь шибздика, который только что кончил институт и через полгода хочет вести ответственную работу! Нет, покорно благодарю, после того, как он кончит институт и поработает год-два, проверьте его и лишь тогда давайте ему работу.

Теперь насчет передачи ВТУЗов. Я думаю, что товарищи, приводившие здесь доводы в пользу или против передачи некоторых ВТУЗов ВСНХ, один довод позабыли. Довод этот формулируется украинской пословицей, которая говорит: «Хочь гирше, абы инше». Хоть хуже, только иначе, чем теперь. Вот основной мотив, который имеется теперь в пользу передачи ВТУЗов. Если тов. Молотов, выступавший и говоривший по этому вопросу о методе тов. Калинина, о прямом и непрямом разговоре, этот вопрос обошел, то тов. Криницкий это изложил со свойственными агитпропу выражениями. Я считаю, что тут больше или меньше – лиха беда начать. Я считаю ошибочной передачу ВТУЗов в ведение ВСНХ. Но отчего же не попробовать? Давайте попробуем. (С м е х.) Но причем тут тов. Молотов заявляет о том, что через годик посмотрим и, может быть, возвратим?

Молотов. А может быть, и нет.

Скрыпник. Ну, мы слыхали заявление, например, когда конституцию СССР вырабатывали, о том, что наркоматы союзные через некоторое время попробуем, может быть, рассортировать. Но что-то на этот счет ничего не слышно, а вот насчет обсоюживания все больше и больше аппетиты разгораются у работников центральных аппаратов. Зачем же говорить, что посмотрим через годик, может быть, возвратим. Нет, это дело, кажется, всерьез и надолго. (С м е х.) Так вот, относительно передачи. Я думаю, уж если передать, так почему же передать в ведение ВСНХ СССР? Позвольте спро-

сить об этом. Как будто было бы вполне нормально, чтобы под общим руководством ВСНХ СССР сим делом ведали бы ВСНХ РСФСР, а у нас ВСНХ УССР. Комиссия не хочет, вероятно, чтобы у нас наряду с двумя передаваемыми горными институтами РСФСР в Москве и Ленинграде, комиссия не хочет, чтобы имеющийся в Сталино горный институт был, говоря по-кубански, деукраинизирован, а говоря по-русски, русифицирован? Почему я сказал «по-кубански»? Когда Таганрогский округ был в составе Украины, там были украинские школы. Когда Таганрогский округ был передан Сев. Кавказу, то там была директива деукраинизировать, а по-русски говоря, русифицировать школы. Я говорю: не имеет ли намерение комиссия, чтобы горный институт, находящийся на нашей территории, обратно деукраинизировать и русифицировать? Как будто этого намерения нет. Поэтому я считаю необходимым, если уж большинство высказывается за передачу этих ВТУЗов в ведение ВСНХ, то под руководством ВСНХ СССР, но с участием ВСНХ Союза республик.

Тут тов. Луначарский сказал, что «ни с того ни с сего два ВТУЗа передаются НКПСу». НКПС – это третий, радующийся. Он не дрался и получил за то, что он не дрался, два ВТУЗа. По теории, высказанной тов. Сталиным, выходит: если спорить, то вас обдерут больше. (О б щ и й с м е х.) Но, тов. Луначарский, вы позабыли одно, вы не заметили предпоследнего абзаца, где говорится следующее: «В хозорганах – ВСНХ, НКПС, Наркомпочтель, главных управлениях, директоратах и крупных трестах, дело подбора специалистов, контроль за их подготовкою, выдвижением и использованием должно стать основной работой одного из членов правления (коллегии) хозоргана, под руководством партии». Так что имейте в виду: кроме ВСНХ и НКПС, имеются еще ожидающий своей очереди Наркомпочтель! В общем, выходит, что если бы дальше спорили, то дело бы пошло еще дальше и от вас передали бы еще и другие ВТУЗы.

Здесь выступал тов. Молотов и говорил: нужно найти новые пути, идти новыми, небюрократическими путями. Это заявление я приветствую. Хорошее заявление. Только я должен сказать, что ни в докладе, ни в материалах комиссии новых путей не видно, мало их что-то. Здесь получается некоторая перетасовка: из одного ведомства передают в другое. Где же тут новые, небюрократические пути? Такой передачей из одного ведомства в другое вряд ли можно добиться улучшения дела, изжить бюрократический характер, да и самая эта передача из одного ведомства в другое имеет бюрократический характер. А почему вот в резолюции ни единого слова нет насчет того, чтобы дело народного образования поставить под больший контроль рабочих масс?

Молотов. Вся резолюция об этом говорит.

Скрыпник. Почему бы не поставить вопроса о том, чтобы нам приблизить свой контроль по отношению к ВУЗам? Я говорю, что происходит следующее явление: происходит набор во ВТУЗы, в приемочной комиссии имеются: директор ВТУЗа, один студент от комсомольской ячейки и представители различных хозяйственных органов, профсоюзов и т. д. Что же получается? У нас на Украине в прошлом году не было ни одной приемочной комиссии, где бы не блистали своим отсутствием представители хозорганов. Какое же участие в работе, когда у нас не было ни одного случая, чтобы представители профсоюзов после окончания работы в приемочной комиссии отчитывались перед профсоюзами. Ни одного случая не было, когда бы после окончания приема в ВУЗ директор отчитывался перед ВУЗом или делал доклад в исполкоме, профсоюзе, на рабочих собраниях, в губпарткоме и т. д. На деле не хотят, чтобы был контроль рабочих масс. На это дело нужно обратить серьезное внимание, и нужно изменить то бюрократическое отношение, которое у нас есть. Притом, тов. Молотов, не так в резолюции говорится, посмотрите предпоследнюю строчку: «улучшение дела подготовки

красных специалистов во всех отраслях государственного строительства в направлении настоящего постановления». Нет, не в направлении настоящего положения, а так, чтобы это практически было реализовано. Нам не нужно пустых благопожеланий в области культуры. Таких благопожеланий в области культуры, в области народного образования сколько угодно имелось, и благими пожеланиями ад нашей действительности мощён, я считаю, что кое-какие камешки попали и к вам в резолюцию. Нужно рассчитывать из практической возможности и всего необходимого для обеспечения проведения этого в жизнь, соответственно отпускаемым средствам и силам, под строжайшим контролем. Я согласен, дерите три шкуры с тех, кто поставлен на это дело. Можно одну даже в кредит содрать, но чтобы жизнь была обеспечена и чтобы было обеспечено все, что необходимо для жизни и необходимо для социалистического строительства. Нам нужно, чтобы не один процент отпускали, а были средства полные отпущены. И притом нужно организовать внимание партии. Этой резолюцией вы обращаете внимание партии, а ВСНХ и НКПрос должны это делать. Я считаю, что точно такое же постановление нужно добавить в отношении к партийным органам.

Председатель. Слово имеет тов. Молотов.

Молотов. Товарищи, я начну с ответа на те замечания, которые сделал тов. Скрыпник. Нельзя не согласиться с тов. Скрыпником, что все дело подготовки наших молодых специалистов необходимо поставить под контроль масс, под контроль рабочих организаций вообще и партии в частности. Но об этом в нашей резолюции сказано достаточно определенно. Так, в конце вводной части говорится следующее: «Коренное **улучшение** дела подготовки новых кадров специалистов является не только неотложнейшей задачей органов Наркомпроса, хозяйственных учреждений и т. д. Профсоюзы должны также коренным образом изменить свое отношение к этому делу, приняв самое активное участие во всем деле подготовки красных специалистов. Подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу **всей партии**».

Кроме того, в третьем разделе резолюции дается ряд практических указаний в отношении общественно-политического воспитания студенчества и в связи с этим указывается на то, что должны делать профсоюзы и партийные организации. Если будут предложения развить эту часть резолюции, то вряд ли у кого-либо из нас будут против этого возражения.

Дальше, насчет стажировки. Тов. Скрыпник говорит, что предлагаемая в резолюции замена стажировки обязательной, по указанию хозорганов, работой на производстве либо не вносит ничего нового, либо неприемлема, так как выпускаемым студентам нельзя сразу доверять ответственную работу на производстве. С этим нельзя согласиться. Хотя тов. Скрыпник – очевидно, в качестве наркомпроса Украины – невысокого мнения о выпускаемых Наркомпросами кадрах специалистов для промышленности, однако он в данном случае чрезмерный пессимист. Если не ставить окончивших ВТУЗы сразу после выхода из учебного заведения во главе завода, а делать их помощниками мастеров или начальников цехов и т. п., то опасения тов. Скрыпника потеряют почву. Существующая теперь стажировка не удовлетворяет ни промышленность, ни студентов. Практика показывает, что после годичной стажировки предприятия всячески стараются освободиться от «стажеров». Резолюция Политбюро предлагает вместо этого установить такой порядок, что поступающие во ВТУЗы должны заранее знать о своей обязанности проработать на производстве по указанию хозяйственных органов минимум 3 года. Это может дать в настоящих условиях значительное улучшение в деле прививки новых специалистов к нашей промышленности, так как заставит хозорганы ближе подойти к делу подготовки специалистов, а ВТУЗы заставит лучше удовлетворять запросы промышленности. С принципиальной же стороны вопрос о

трехгодичном обязательном сроке работы на производстве в наших условиях также нельзя не одобрить. В этом есть некоторый элемент трудповинности, однако в таком виде это вполне целесообразно и приемлемо. Недаром же пролетарское государство вкладывает огромные средства в дело подготовки специалистов!

Что касается материальной стороны дела, то тов. Скрыпник приводил просто не соответствующие действительности цифры. Мне остается дать более точную справку по этому вопросу.

Решение Политбюро о материальной части сводится к следующему: общая сумма прибавки против прошлого года составит примерно 55 млн. руб. Сюда входят и те трехпроцентные отчисления с прибылей промышленности, которые предусмотрены в резолюции. Из этих трех процентов половина включается в соответствующую часть бюджета Наркомпроса, другая же половина остается в распоряжении ВСНХ, который, однако, может расходовать ее исключительно на нужды технического образования. Расходование второй части отчислений промышленности (количественно это будет составлять примерно 10–12 млн. руб.) должно происходить по согласованию между ВСНХ и Наркомпросами, что важно с точки зрения воздействия на Наркомпросы в деле лучшего приспособления подготовки специалистов к действительным нуждам промышленности. Как известно, постановление предусматривает повышение стипендий студентов вообще и особенно учащихся во ВТУЗах и промышленных техникумах. Кроме того, предусмотрено повышение зарплаты для преподавателей (в ВУЗах – не менее чем на 15%, во ВТУЗах – не меньше чем на 30%). В общей сумме увеличение расходов на стипендии и зарплату составит примерно $17^1/_2$ млн. руб. Остальные же $37^1/_2$ млн. руб. пойдут на оборудование, строительство и пр. В результате ассигнования на материальные нужды самих ВТУЗов увеличатся против прошлого года примерно больше, чем в 5 раз. Из этого видно, какой крупный шаг мы делаем в отношении материальной стороны ВТУЗов и техникумов, а также в отношении стипендий и зарплаты. Нам придется очень и очень поднатужиться, чтобы провести это решение полностью в жизнь. Мы слышали пессимистические замечания тов. Луначарского по этому вопросу, однако, если пленум ЦК примет предложение Политбюро, мы добьемся выполнения этих решений без каких-либо урезок.

Кроме всего прочего, тов. Скрыпник упрекнул меня в том, что я будто бы высказался против плана в деле подготовки специалистов. На это возражение я отвечать не собираюсь, потому что оно явно не соответствует сказанному мною в докладе.

Теперь – по вопросу о передаче ВТУЗов, до сих пор вызывающему возражения со стороны руководителей Наркомпроса. Возьмем аргументы т. Луначарского.

Тов. Луначарский говорил, что в деле подготовки специалистов попытка вызвать соревнование между ведомствами приведет к плохим результатам. Почему? Потому что ВСНХ забудет обо всех ВТУЗах и займется только переданной ему группой ВТУЗов. Это опасение нельзя признать основательным. Прежде всего, все решение настоящего пленума говорит не о какой-либо части ВТУЗов, а о радикальном улучшении положения всех ВТУЗов. Поскольку тт. Луначарский и Яковлева считают особенно важным улучшение материальной стороны во ВТУЗах, то как раз в этой области наша резолюция предусматривает равные условия для всех ВТУЗов без исключения, и, следовательно, с этой стороны нет оснований говорить об опасности ослабления внимания к тем ВТУЗам, которые не переходят в ВСНХ и НКПС. Следовательно, первое возражение тов. Луначарского несостоятельно.

Дальше. Мне приходится дать фактическую справку о том, что именно согласно решению Политбюро передается из Наркомпроса в ведение ВСНХ и НКПС. К сожалению, народный комиссар по просвещению ссылался здесь на такие цифры, которые не

соответствуют фактическому положению дела. Вот точные данные. Во ВТУЗах, включая физико-математические факультеты, на которые также распространяется настоящая резолюция, обучается 54 000 студентов, в том числе 4000 в путейских ВТУЗах.

Луначарский. Во скольких ВТУЗах?

Молотов. Я говорю сейчас не о числе ВТУЗов, а о количестве учащихся. Ведь это является основным вопросом при установлении пропорции между отдельными частями дела подготовки новых специалистов. Ведь наша резолюция говорит о кадрах специалистов, а не о «кадрах» ВТУЗов. Так вот, из 50 000 (не считая 4000 студентов-путейцев) мы передаем в ВСНХ несколько ВТУЗов с 11 000 учащихся; к общему количеству учащихся во всех ВТУЗах это составляет 22%. Если взять ВТУЗы в целом, т. е. включая и путейские, то количество учащихся в передаваемых ВСНХ и НКПС ВТУЗах составит 28% общего количества учащихся во ВТУЗах.

Луначарский. Вы причислили физматы сюда?

Молотов. Приведенная цифра получена мною из Главпрофобра РСФСР и может быть признана совершенно точной.

Рыков. А физматы сюда входят?

Молотов. Да, в общую цифру 54 000 входят и учащиеся физматов.

Еще два слова по фактической стороне дела. Точные данные говорят о том, что по РСФСР в ведение ВСНХ переходят ВТУЗы с общим количеством учащихся 10 700 человек, что составляет 27% общего количества ВТУЗовцев в РСФСР. Если же взять учащихся во ВТУЗах, передаваемых ВСНХ и НКПС вместе, к общему количеству учащихся во ВТУЗах РСФСР, то это составит $34^1/_2$%. Значит, если даже не принимать в расчет количество учащихся ВТУЗов во всех остальных республиках, кроме РСФСР, то и тогда в ведение ВСНХ и НКПС по нашему проекту предлагается передать всего примерно $^1/_3$, а не половину учащихся во ВТУЗах. Жаль, что руководители Наркомпроса оперируют в подобных случаях не фактами, а, видимо, своими предположениями и расчетами на глазок.

Другим аргументом тов. Луначарского против передачи части ВТУЗов из Главпрофобра было заявление о нецелесообразности делить одно дело, и даже не только дело, но один «отдел» на две части. Оказывается, если мы покушаемся на урезание функций какого-либо почтенного отдела в том или другом ведомстве, то это чуть ли не противоречит основным организационным принципам большевизма. Более странного аргумента от тов. Луначарского нельзя было и ожидать. Нет необходимости опровергать такие аргументы. Тов. Луначарский приводил еще такой аргумент: какое получится соревнование у Наркомпроса с НКПС, если оба путейских ВТУЗа переходят в НКПС? Но в данном случае тов. Луначарский упростил постановку вопроса о соревновании. Действительно, после особого обсуждения Политбюро признало необходимым, чтобы оба путейских ВТУЗа находились в одних руках, в НКПС. Но когда дело идет только о двух ВТУЗах, смешно говорить о серьезном соревновании. Наркомпрос гораздо лучше сделал бы, если бы теперь, когда за ним осталось примерно $^3/_4$ ВТУЗов и вся остальная масса ВУЗов, подтянулся бы в работе по подготовке специалистов и показал бы, что он в дальнейшем не будет в этом деле сильно отставать от ВСНХ и НКПС. Поле для работы Наркомпроса более чем обширно и после передачи нескольких ВТУЗов ВСНХ и НКПС. Между тем раскачиваемся мы до последней степени плохо.

Я бы хотел представителям Наркомпроса задать здесь такой вопрос: а что сделано Наркомпросом после XV съезда партии, например, для улучшения постановки дела в Тимирязевской с/х академии, с точки зрения подготовки в ней работников кооперации, колхозов и совхозов? Мне известно, что беспартийный специалист Некрасов, заместитель тов. Ходоровского по Главпрофобру, дал ВУЗам свой циркулярчик со

ссылкой на XV съезд. Но разве этого достаточно? Это лишь доказывает, что на деле Наркомпрос и в этой области еще не расшевелился. Почему бы ему в интересах соревнования не показать и на этом деле, что он умеет проводить в жизнь решения партии? А то и Наркомпрос, да, к сожалению, в данном случае и Наркомзем еще даже и не подошли к серьезной постановке важнейшего дела, дела подготовки кадров кооператоров, колхозников и специалистов для совхозов. Про себя скажу, что если бы некоторые другие ведомства, например Наркомзем, больше интересовались подготовкой кадров для кооперации, колхозов и совхозов, то я ничего еретического не видел бы в том, чтобы привлечь и Наркомзем вплотную к этому делу, вплоть до передачи в его ведение той же Тимирязевской с/х академии. Ведь теперь дело поднятия сельского хозяйства уперлось в технику и химию, и именно технику и химию мы должны сейчас вовсю двинуть в сельское хозяйство, соединив эту работу со строительством крупного сельскохозяйственного производства. Именно поэтому и в отношении сельского хозяйства сейчас не будет сделано, пожалуй, главного, если не будет по-настоящему поставлен вопрос о соответствующих кадрах специалистов – тех специалистов, которые понесут в деревню широкое распространение техники и разнообразное применение химии и сочетают эти технико-химические задачи с задачей укрупнения сельскохозяйственного производства, с задачей строительства крупных перерабатывающих сельскохозяйственное сырье кооперативных предприятий, с задачей организации крупных колхозов, с задачей развертывания строительства совхозов.

Перехожу к вопросу о ВТУЗах нового типа, с сокращенным сроком обучения.

Руководители Наркомпроса говорят, что создание таких ВТУЗов поведет к ухудшению подготовки специалистов. «Вот, – говорят они, – и на Западе переходят от 3–4 лет обучения к пяти годам». Но ведь никто не предлагает все теперешние ВТУЗы переводить на сокращенный срок обучения. Предлагается другое. Предлагается создать хотя бы несколько ВТУЗов с сокращенным сроком обучения, так как этим путем мы ускорим темп снабжения промышленности специалистами. А ведь ускорение темпа подготовки специалистов, особенно такими способами, которые испытаны в передовых по технике капиталистических государствах, для нас абсолютно необходимо. Нельзя же забывать, что в этой области нам сейчас следует помнить пословицу: «не до жиру, быть бы живу». Наркомпрос с высоты своего величия пытается игнорировать действительность. Но это «величие» нас не может увлечь. Мы должны пойти по пути более широкого использования таких методов, которые применены в институте Каган-Шабшая. На Украине в деле организации ВТУЗов пошли, кажется, по этому пути, хотя я не хочу этим сказать, что в постановке ВТУЗов на Украине дело во всех отношениях обстоит благополучно. Во всяком случае, мы знаем, что тип ВТУЗов с сокращенным сроком обучения и на Западе и в Америке существует.

Г о л о с. В Германии есть высшие школы по 3–4 года.

Молотов. Вот именно: для Германии подходит, а у нас все как будто обстоит так блестяще, что мы, если согласиться с Наркомпросом, должны вести борьбу против этого типа ВТУЗов. Почему это происходит? Это происходит из-за отрыва Наркомпроса от действительно жизненных потребностей нашего хозяйства. Хозяйственники требуют создания ВТУЗов нового типа, а Наркомпрос не находит ничего лучшего, как вести борьбу против этих требований хозяйственников. Но все-таки, кто же больше понимает в хозяйстве: Наркомпрос или ВСНХ? Как будто не может быть сомнения в том, что хозорганы лучше понимают нужды хозяйства. Мы не обязаны и не должны идти во всем по линии требований хозяйственников, но в той части, в какой их требования действительно отвечают насущнейшим потребностям хозяйства, мы обязаны всячески идти навстречу хозорганам.

В резолюции по поводу создания ВТУЗов нового типа говорится следующее: «В целях наибыстрейшей подготовки новых специалистов и накопления опыта по приспособлению технического образования к интересам промышленности передать 6 ВТУЗов и 5 техникумов в ведение ВСНХ СССР и 2 ВТУЗа в ведение НКПС».

Следовательно, цель передачи нескольких ВТУЗов в ВСНХ и НКПС заключается в том, чтобы ускорить темп подготовки специалистов и больше приспособить ее к интересам промышленности. Кроме того, в этой части резолюции особо подчеркивается необходимость активного участия в руководстве этими ВТУЗами со стороны профсоюзов. Что тут плохого, что неприемлемого, что противоречащего интересам партии? Можно только удивляться ослеплению руководителей Наркомпроса, борющихся против создания таких ВТУЗов.

С другой стороны, не может быть никакого сомнения в том, что и переданные ВСНХ и НКПС ВТУЗы должны находиться под общим руководством и постоянным контролем со стороны Наркомпроса. Об этом сказано в резолюции, и это не может вызывать никаких сомнений. Надо учесть, что у ВСНХ вполне возможна такая тенденция в постановке дела подготовки специалистов, которая неприемлема для партии. Так, если бы ВСНХ, в интересах приспособления подготовки специалистов к сегодняшним нуждам промышленности, действительно повел линию на понижение общего научного уровня подготовки специалистов, то с этим, безусловно, нужно было бы повести решительную борьбу. В основных ВТУЗах мы не только не должны понижать научного уровня подготовки специалистов, а всемерно заботиться о повышении этого уровня. Поэтому-то нам и нужны и «широкие», и «узкие» специалисты. Сочетать работу Наркомпросов с работой хозяйственных наркоматов нам абсолютно необходимо, особенно в настоящий момент. В этом и заключается один из основных пунктов предлагаемого на утверждение пленума ЦК решения Политбюро.

Еще одно замечание к вопросу о передаче ВТУЗов. В нашей комиссии вначале было довольно много товарищей, настроенных против передачи. Но к концу работы комиссии почти все товарищи, за исключением работников Наркомпроса и еще, быть может, 2–3 членов комиссии, мы единодушно высказались за передачу нескольких ВТУЗов в ВСНХ и НКПС. Представитель ЦБ студенчества и все ЦБ были вначале против передачи, а после того, как вникли в дело, высказались за передачу. Недаром тов. Луначарский теперь так недоволен товарищами из ЦБ студенчества, что видно по напечатанной в сегодняшней «Правде» его статье[264].

Если на апрельском пленуме ЦК было понятно требование внимательно обсудить вопрос о ВТУЗах, то наша комиссия может теперь сказать, что в ее работе это внимательное отношение к делу было полностью обеспечено. Теперь видно, к чему привело это внимательное ознакомление с вопросом о ВТУЗах. Мы высказались против коренной ломки систематической подготовки новых специалистов. Но нам стало абсолютно понятно требование товарищей хозяйственников насчет внесения серьезных коррективов в это дело. На этом пленуме весьма характерна для настроения хозяйственников в этом деле речь тов. Серебровского. Товарищи из Наркомпроса, быть может, и сейчас пропускают мимо ушей подобные речи, но это с их стороны большая ошибка. Должны же руководители Наркомпроса понять, что если такие крупные хозяйственники и такие квалифицированные знатоки отдельных отраслей промышленности, как тов. Серебровский, буквально вопят о недостатках подготовки специалистов, то нужно считаться с этими голосами самым серьезнейшим образом. Мы должны поднатужиться и тут, но «упропагандировать» наш Наркомпрос насчет правильного отношения с его стороны к назревшим вопросам социалистического хозяйства.

Одно ясно, что, хотя Наркомпрос порядочно сил, умения и опыта вложил в это де-

ло, теперешняя подготовка новых специалистов нас удовлетворить никак не может. Однако, когда теперь приходится указывать на лучшее качество специалистов за границей, то подготовку специалистов за границей мы вовсе не можем считать за идеал для себя. В наших условиях, когда народное образование и промышленность находятся в руках государства, притом государства, за последние годы весьма укрепившегося, мы должны добиться коренного улучшения в этом деле, используя все подходящее и из заграничного опыта. В связи с этим нельзя не бороться против того консерватизма в системе подготовки специалистов, который в настоящее время весьма отрицательно сказывается в Наркомпросе.

Кто виноват в плохой подготовке наших новых специалистов? Легко обвинить в этом Наркомпрос, но это был бы слишком узкий и несправедливый подход к работе Наркомпроса.

Нам понятно, когда тов. Яковлева нервно реагирует на критику Наркомпроса. Слов нет, Наркомпросу приходилось работать в невероятно трудных условиях. И когда критики Наркомпроса этого недоучитывают, они допускают грубую несправедливость в отношении лучших работников в этой области. Последние могут совершенно законно на это сказать: «Хорошо теперь критиковать нас, а где были наши критики, когда так незначительна была поддержка и, в частности, материальная помощь этому делу?» Между тем при всех недостатках Наркомпросом сделана большая работа в этой области, несмотря на отсутствие серьезного внимания к этой работе со стороны советских, профессиональных и партийных организаций. Нашим запоздалым вниманием к вопросу подготовки специалистов мы обязаны широко распространенной в нашей среде технической малограмотности, с чем теперь мы ни в коем случае мириться не можем. Если же говорить о «вине», то за недостатки в этом деле несут ответственность не только Наркомпрос, ВСНХ и другие наркоматы, но и ЦК ВКП(б).

Это, однако, никак не оправдывает руководителей Наркомпроса в их чрезмерном консерватизме при подходе к современным задачам постановки технического образования. Как бы мы ни ценили преданность работников Наркомпроса делу поднятия технического образования, мы не можем не критиковать Наркомпрос за чрезмерное пристрастие к плохим традициям в этом деле. Нельзя мириться с тем отношением руководителей Наркомпроса к справедливым требованиям хозяйственных органов, которое мы видим еще до настоящего времени. Нельзя мириться с той чрезмерной привязанностью к привычным схемам в этой области, что до сих пор сковывает инициативу ряда руководителей Наркомпроса. Преодолеть пережитки старого в постановке ВТУЗов, сломить консервативные тенденции у некоторых работников Наркомпроса нам абсолютно необходимо для того, чтобы выйти на новую дорогу в развитии ВТУЗов.

Руководители Наркомпроса защищаются от обвинений в консерватизме. На это они имеют право, и здесь, на пленуме ЦК, они в особенности должны иметь возможность высказать свое мнение до конца. Однако тов. Луначарский не ограничивается этим и допускает в отношении ЦК довольно большие «неловкости». Я имею в виду напечатанную в сегодняшнем номере «Правды» статью тов. Луначарского. В этой статье тов. Луначарский пишет: «В МИИТ, где Наркомпуть установил усиленные стипендии, курс проходится в 5 лет с небольшим. Зачем тут расшибать себе лоб различного рода утверждениями о «консерватизме» Наркомпроса? Дайте этому консервативному Наркомпросу усиленные стипендии для всех студентов, и все студенты будут кончать курс в 5 лет. Меньше, чем в 5 лет, по большинству специальностей инженеров подготовить нельзя».

Тов. Луначарский весьма внушительно предостерегает нас от опытов с «расшибанием лба». Совет хороший, но в данном случае как будто не совсем уместный. Тов. Лу-

начарский напечатал указанную статью после того, как Политбюро в присутствии его приняло резолюцию, где говорится о наличии «известного консерватизма» в Наркомпросе. Таким образом, товарищи, ясно, в кого метил своей статьей тов. Луначарский. Вероятно, завтра в газетах появится решение пленума о ВТУЗах, причем у нас нет сомнений в том, что в резолюции пленума останется указание на «известный консерватизм» у Наркомпроса в этом деле. Что же получится в результате? Сегодня нарком выступил иронически против тех, кто «расшибает лоб» в обвинениях по части консерватизма в Наркомпросе, а завтра опубликовывается резолюция пленума ЦК, где как раз об этом консерватизме и говорится.

Ворошилов. Это нужно отнести за счет самокритики.

Молотов. Конечно, это можно отнести за счет самокритики, но думаю, что тов. Луначарский в глазах читателей «Правды» окажется в весьма неловком положении. Не следовало бы ему «расшибать лоб» о решения партии, о решения пленума ЦК.

Еще два слова по поводу сегодняшней статьи тов. Луначарского. Статья написана в очень боевом и прямо «задиристом» тоне. В ней, например, говорится следующее:

«Даже самые ревностные друзья опыта института Каган-Шабшая, которые хлопочут о превращении этого техникума во ВТУЗ, поступают по рецепту солдата из известной сказки. Помните, как солдат из гвоздя сварил щи...».

И дальше издевательски излагается известная сказочка, будто бы в данном случае уместная в отношении тех, кто «хлопочет» относительно перевода института Каган-Шабшая во ВТУЗ. Тов. Луначарский счел весьма уместным заниматься этими сказками после того, как в его присутствии Политбюро приняло решение[265] о переводе института Каган-Шабшая во ВТУЗ. Тов. Луначарский прямо воюет против того, что должно быть на днях опубликовано в качестве постановления Совнаркома. Не легкомысленно ли, поэтому, именно со стороны тов. Луначарского заниматься по этому поводу сказочками о солдате? Сказочки уместны тогда, когда они не ставят рассказчика в неловкое положение. Но об этом довольно!

Мне остается сказать о том, что я случайно пропустил в докладе.

У нас имеются и такие отрадные факты в развитии научно-технического дела, о которых нужно сказать на этом пленуме. При всей нашей отсталости от уровня мировой науки и техники, в 1926 г. у нас издано технической литературы значительно больше против 1910 г.: в 1910 г. этой литературы было издано в количестве 177 названий, а в 1926 г. – в количестве 1384 названий. За те же годы количество листов научно-технической литературы измеряется такими цифрами, как 2644 тыс. листов и 13 млн. листов.

Ворошилов. А качество? Масса макулатуры?

Молотов. О качестве я сам не берусь судить. Могу лишь сослаться на некоторые факты в разъяснение этого вопроса. По справке, полученной мною от тов. Луппола из секции научных работников при ЦК Рабпроса, видно, что в ряде заграничных научно-технических журналов печатается довольно большое количество статей наших научных работников. В одном из немецких химических журналов статьи ученых специалистов СССР составляют 12%, в другом – 19%. В одном германском журнале по физике напечатано за 1927 год 68 статей наших ученых в то время, как у нас имеется громадный завал таких не напечатанных статей.

Следует особо отметить безобразное положение с изданием научно-технической литературы и с изданием учебников для наших ВТУЗов. У нас имеется и Госиздат, и Гостехиздат, а между тем студенты получают нужные учебники у частника. Значительная часть учебников до сих пор издается частными издательствами. Разве это не показатель малограмотности в области техники и у наших государственных издательств? Несмотря на то, что за последние годы журналы по технике и химии у нас

росли, все это дело поставлено весьма неудовлетворительно и требует немедленного коренного улучшения. В связи с этим я считаю правильным предложение тов. Баранова, который вносит к одному из пунктов резолюции следующее добавление: «Обеспечить издание научно-технических журналов и научных трудов научно-исследовательских институтов и советских ученых». Это предложение тов. Баранова необходимо включить в резолюцию.

К этому следует добавить то, что говорил т. Рыков на прошлом пленуме ЦК о максимальном внимании к отдельным специалистам, которые чем-нибудь сумели себя выявить в деле развития научно-технической мысли. Надо всячески таких специалистов популяризировать. Надо максимально развернуть общественность в этой области. Надо оказать этому всяческую помощь со стороны хозяйственных органов, Наркомпроса и профсоюзов. Такой факт, как нахождение части экспедиции Нобиле нашим летчиком, мы должны протрубить вовсю, чтобы наши выдающиеся техники сделались популярными в широких массах. Наша печать должна проявлять особую чуткость к тем работникам-специалистам в области техники и химии, с именами которых связаны те или иные успехи в техническом развитии страны. Это будет иметь исключительно большое значение для поднятия уровня научно-технической работы в нашей стране, для поднятия всего социалистического строительства.

В заключение несколько слов о коммунистах. Из того, что я говорил о коммунистах-инженерах на предприятиях, вытекает один из пунктов, предлагаемых резолюцией, а именно мобилизация 1000 коммунистов, имеющих хорошую хозяйственную, профессиональную или партийную практику. Эта 1000 должна быть поставлена по возможности в благоприятные материальные условия и должна нам дать один из нужнейших коммунистических отрядов для строительства социализма. Нам необходимо во что бы то ни стало быстро увеличить кадры специалистов-коммунистов, особенно из среды тех товарищей, которые имеют хорошую практическую школу революционной работы. Настоящий коммунист, да еще техник, – это, пожалуй, сейчас самый нужный нам тип коммуниста. Во всяком случае, это сейчас тот тип коммуниста, в котором мы чувствуем наиболее острый недостаток.

Насчет резолюции. Я предлагаю следующие дополнения: во-первых, включить в резолюцию предложение тов. Баранова, во-вторых, согласно предложению тов. Скрыпника, включить в резолюцию решение Политбюро о том, что затраты на капитальное строительство ВТУЗов должны пойти в рубрику расходов на капитальное строительство, с перенесением большей части расходов на союзный бюджет. Одобрение же пленумом решения Политбюро об улучшении материальной базы будет означать, что по сравнению с прошлым годом на ВТУЗы будет ассигновано дополнительно 55 млн. руб., которые мы должны израсходовать по назначению и с полным обеспечением действительно целесообразного использования этой крупной суммы для улучшения подготовки новых специалистов.

Председатель. Прения окончены. Кто за то, чтобы принять проект резолюции за основу? Принято. Были внесены некоторые дополнения и предложения. Давайте сначала проголосуем несомненное – поправку тов. Баранова относительно технической литературы и обслуживания печатью. Кто за то, чтобы поправку тов. Баранова принять? Принято. Второе предложение: включить в резолюцию протокольное постановление Политбюро относительно приравнения капитальных работ в технических ВУЗах к капитальным работам по индустриализации. Это – предложение тов. Скрыпника. Кто за то, чтобы это сделать? Принято.

Молотов. Нужно это сделать, указав одновременно, что пленум одобряет мероприятия Политбюро, принятые по вопросу об улучшении материальной базы.

Председатель. Тут же указать на одобрение пленумом ЦК ВКП(б) принятых Политбюро мероприятий об улучшении материальной базы.

Луначарский. В раздел об организации учебной практики, в конце второго параграфа, после перечислений, я предлагаю внести такой абзац для определения связи между научно-теоретической подготовкой и практикой: «Беря таким образом решительную установку на всемерное увеличение роли производственного обучения...» (ч и т а е т).

Молотов. Я предлагаю принять это предложение, оно согласовано между нами.

Председатель. Возражений нет? Нет. Принимается.

Луначарский. Еще поправка: я предлагаю ограничить передачу ВТУЗов только по линии ВСНХ и отказаться от передачи ВТУЗов НКПСу. Затем ограничить списки передаваемых ВСНХ ВТУЗов.

Яковлева. Я предлагаю основной вопрос решить: я предлагаю исключить из резолюции Политбюро пункт о передаче ВТУЗов.

Председатель. Голосуется. Кто за исключение из резолюции Политбюро того абзаца, который говорит о передаче ВТУЗов из Наркомпросов союзных республик в ведение союзных наркоматов? 7 человек. Кто против? Большинство.

Голосую поправку Анатолия Васильевича. Кто за то, чтобы ограничить передачу по линии ВСНХ СССР? Мало.

Кто за то, чтобы поручить Политбюро пересмотреть в сторону сокращения список ВТУЗов, подлежащих передаче в союзные наркоматы? Мало. Какие еще есть поправки?

Скрыпник. Там, где говорится о передаче в ведение ВСНХ СССР, сказать: ВСНХ союзных республик.

Председатель. Голосуется. Кто за эту поправку? Один.

Анцелович задавал вопрос о том, говорит ли резолюция о ВУЗах вообще, включая сюда и педагогические ВУЗы и сельскохозяйственные, или только о высших технических учебных заведениях? Она говорит о высших технических учебных заведениях, из чего нельзя делать вывода о том, что ВУЗы агрономические будут поставлены в худшие условия. Конечно, и ЦК нацкомпартий, и совнаркомы отдельных республик должны эту резолюцию рассматривать как решение по отношению к высшим учебным заведениям специального типа вообще.

Луначарский. Тов. Молотов сказал, что физматы считаются по линии ВТУЗов. Это чрезвычайно важное обстоятельство, и я поэтому предлагаю констатировать, что, действительно, физматы, которые готовят химиков, должны быть включены в систему ВТУЗов.

Председатель. Я предлагаю этот вопрос не обсуждать и передать на окончательное разрешение Политбюро. Голосую. Кто за то, чтобы передать этот вопрос в Политбюро? Принято.

Коростелев А. В комиссии тов. Молотова было указано, чтобы в резолюции было отмечено, что мы ставим ставку не только на то, чтобы подготовлять молодежь, но что нужно также обратить внимание на переквалификацию, повышение уровня знаний настоящего нашего основного кадра профессуры. В резолюции, к сожалению, это указание не нашло своего отражения, хотя тов. Молотов в комиссии это поддерживал и говорил, что надо это отметить.

Председатель. Значит, вносится в резолюцию указание на необходимость переобучения и улучшения квалификации уже существующего кадра как техников на предприятиях, так и профессуры. Включаем это? Принято.

Яковлева. Из окончательной редакции этой резолюции выпало то, что было од-

ним из существенных моментов всего обсуждения, – это то, что нужно расширить очень значительно в ближайшие годы сеть вечерних рабфаков. Я прошу это включить.

Председатель. Это важнейший вопрос. Это нужно включить.

Скрыпник. Здесь в резолюции употребляется слово «техникумы». Техникумами здесь в России называются средние учебные заведения. У нас на Украине это высшие учебные заведения, подготовляющие узких специалистов. Я предлагаю там, где говорится «техникумы», сказать: «средние технические учебные заведения».

Председатель. Я полагаю, что только главнейшие вопросы будем обсуждать.

Более крупные поправки есть? Нет. Голосуется в окончательном виде резолюция. Кто за нее? Кто против? Кто воздерживается?

Резолюция принята единогласно. Нам необходимо принять еще два решения, одно – относительно состава делегации ВКП на VI конгрессе Коминтерна. В прошлый раз мы поручили организовать эту делегацию Политбюро. Угодно ли вам обсуждать на пленуме состав делегации или поручить организацию ее Политбюро?

Г о л о с а. Поручить Политбюро.

Председатель. Кто за то, чтобы поручить Политбюро? Кто против? Кто воздерживается? Принято.

Политбюро считает необходимым внести на утверждение пленума следующее свое решение, которое мы обсуждали уже во время работы настоящего пленума:

1) Удовлетворить просьбу тов. Кагановича об освобождении его от работы на Украине и предложить пленуму утвердить его секретарем ЦК ВКП(б).

2) Рекомендовать тов. Косиора Станислава в качестве первого секретаря ЦК КП(б)У, освободив его от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б).

Г о л о с а. Принять!

Председатель. По поводу этого предложения желает кто-нибудь слово? Нет. Кто за то, чтобы согласиться с решением Политбюро? Принято.

Предлагается принять еще следующее решение[266]: тов. Кагановича ввести в состав Оргбюро и освободить тов. Косиора от членства в нем.

Г о л о с а. Правильно!

Председатель. Разрешите считать это принятым.

Есть еще какие-нибудь предложения?

Г о л о с а. Закрыть пленум!

Председатель. Пленум закрыт.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРОТОКОЛ №3
ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б)
4–12 ИЮЛЯ 1928 ГОДА

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Члены ЦК ВКП: тт. Акулов, Андреев А. А., Антипов, Бадаев, Бауман, Бухарин, Ворошилов, Гамарник, Голощекин, Догадов, Жуков, Зеленский, Кабаков, Каганович, Калинин, Квиринг Э. И., Киркиж, Киров, Кнорин, Колотилов, Комаров, Косиор И. В., Косиор С. В., Котов, Кржижановский, Крупская Н. К., Куликов, Куйбышев, Лепсе, Лобов, Ломов, Любимов, Мануильский, Медведев, Менжинский, Микоян, Молотов, Москвин, Орахелашвили, Петровский Г. И., Постышев, Пятницкий, Рудзутак, Рухимович, Рыков, Скрыпник, Смирнов А. П., Сокольников, Сталин, Степанов-Скворцов, Стецкий, Стриевский, Сулимов, Сырцов, Толоконцев, Томский, Угаров, Угланов, Уханов, Чубарь, Чудов, Шварц С., Шверник, Шмидт В.

Канд. в члены ЦК: тт. Алексеев, Анцелович, Баранов, Брюханов, Варейкис, Гей, Грядинский, Жданов, Иванов В. И., Икрамов, Калыгина, Каминский, Киселев А. С., Клименко, Кондратьев Т., Криницкий, Леонов, Лозовский, Локацков, Ломинадзе, Марков, Мельничанский, Мирзоян, Мусабеков, Николаева, Носов, Осинский, Полонский В. И., Румянцев К., Рындин, Рютин, Семенов, Серебровский, Соболев, Строганов, Сухомлин, Уншлихт, Урываев, Хатаевич, Цихон, Чувырин, Чуцкаев, Элиава, Эйхе.

Члены ЦКК ВКП: тт. Беленький З. М., Булин А. С., Викман П. М., Гольцман А.З., Гончаров Н. К. Грязев, Гусев С. И., Енукидзе А. С., Затонский В. П., Землячка Р. С., Ильин Н. И., Каганович М. М., Калманович М. И., Караваев П. Н., Коковихин М. Н., Коростелев Г. А. Коротков И. И., Кривов Т. С., Лебедь Д.З., Ленгник Ф. В., Лисицын Н. В., Медведев Т. И., Мильчаков, Милютин В. П., Митрофанов А.Х., Мороз Г., Назаретян А. М., Павлуновский И. П., Петерс Я.Х., Радус-Зенькович В. А., Реденс С. Ф., Ривкин О. Л. Розмирович Е. Ф., Ройзенман Б. А., Сергушев М. С., Смидович С. Н., Сольц А. А., Стэн Я. Э., Терехов, Ульянова М. И., Фигатнер Ю. П., Филлер С. И., Цылько Ф. А., Шеболдаев В. П., Шушков П. С., Яковлев А., Яковлев Я. А., Ярославский Ем.

Члены Центральной Ревизионной Комиссии: тт. Быкин, Рябинин, Степанов, Юревич.

Итого присутствовало: членов ЦК – 64, кандидатов в члены ЦК – 44, членов ЦКК 48, членов Центральной Ревизионной Комиссии – 4, всего – 160 тт.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 4 ИЮЛЯ 1928 ГОДА	
1. Вопросы конгресса Коминтерна (тов. Мануильский).	Информационный доклад тов. Мануильского принять к сведению.
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 6 ИЮЛЯ 1928 ГОДА	
2. Программа Коминтерна (тов. Бухарин).	а) Проект программы в основном одобрить. По внесенным предложениям об изменении текста программы решений на пленуме не выносить. б) Предложить всем товарищам, выступавшим на пленуме с поправками, внести их в письменном виде в делегацию ВКП(б). в) Предложить делегации ВКП(б) на VI конгрессе Коминтерна обеспечить рассмотрение поправок в программной комиссии VI конгресса, по возможности с участием авторов поправок.
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 10 ИЮЛЯ 1928 ГОДА	
3. Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением (тов. Микоян).	а) Утвердить внесенный Политбюро проект резолюции по докладу т. Микояна о политике хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением. б) Все практические предложения членов ЦК в связи с обсуждением доклада т. Микояна передать для разработки в Политбюро ЦК.
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 11 ИЮЛЯ 1928 ГОДА	
4. Об организации новых (зерновых) совхозов (тов. Калинин).	Утвердить внесенный Политбюро проект резолюции по докладу т. Калинина об организации новых (зерновых) совхозов, со следующими поправками. Изменить цифры в первом абзаце: вместо «3–4 лет» – «4–5 лет». В пункте 7 слова «программу работы» заменить словом «задание».
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОТ 12 ИЮЛЯ 1928 ГОДА	
5. Об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗы) (тов. Молотов).	а) Утвердить внесенный Политбюро проект резолюции по докладу тов. Молотова об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗы) со следующими поправками. 1) В конце п. II § 2 дополнить следующим пунктом: ж) Обеспечить дело развития научно-технических журналов и издание научных трудов научно-исследовательских институтов. 2) Включить в резолюцию пленума постановление Политбюро о приравнении финансирования капитальных работ по ВТУЗам и средним техникумам к капитальным работам в области народного хозяйства (прот. ПБ № 32, п. 2-В).

3) Принять предложение тов. Луначарского о включении в резолюцию (в конце п. II) пункта об обеспечении повышения уровня научно-теоретической подготовки специалистов.
4) Ввести в резолюцию указание на необходимость переквалификации и улучшения квалификации существующих уже кадров, как техников на предприятиях, так и профессоров.
5) Включить в резолюцию пункт о расширении сети вечерних рабфаков.
6) Предложение тов. Луначарского о включении в состав ВУЗов, на которые распространяется настоящее постановление, физматов передать на окончательное разрешение Политбюро.

6. О составе делегации ВКП(б) на VI конгрессе Коминтерна.

Поручить Политбюро составить список делегации ВКП(б) на VI конгрессе Коминтерна.

7. О тт. Кагановиче и Косиоре Ст. (ПБ от 7.VII.28 г., пр. № 33, п. 1).

а) Утвердить решение Политбюро:
1) Удовлетворить просьбу тов. Кагановича об освобождении его от работы на Украине и утвердить его секретарем ЦК ВКП (б).
2) Рекомендовать тов. Косиора Ст. в качестве первого секретаря ЦК КП(б)У, освободив его от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б).
3) Ввести тов. Кагановича в состав Оргбюро ЦК ВКП(б), освободив тов. Косиора от обязанностей члена Оргбюро.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дорогой тов. Бухарин.
Дорогой тов. Сталин.

Замечания тов. Ломинадзе совершенно несправедливы и являются полным искажением политики и деятельности американской коммунистической партии в избирательной кампании.

Вкратце факты таковы.

1) Сотрудник в аппарате избирательной кампании составил глупый некоммунистический циркуляр, который давал советы, как получить подписи, чтобы помочь нашей партии на выборах.

2) Этот циркуляр был написан без санкции и в нарушение всей политики партии.

3) Он был задержан и отменен мной прежде, чем он мог быть распространен по партийным ячейкам.

4) Партийным ячейкам были разосланы письма и циркуляры, излагавшие партийную политику и подчеркивавшие тот факт, что цель нашей кампании по участию в выборах заключается в распространении коммунистической пропаганды и в завоевании новых членов и сторонников нашей партии.

5) Автор и некоммунистический документ, который никогда не был политикой нашей партии или какой-либо ее части, были единодушно осуждены нашим политическим комитетом самым суровым образом.

6) Вся избирательная политика нашей партии имеет своим основным содержанием классовую борьбу и настойчиво ставит перед рабочим классом наши конечные основные цели так же, как ближайшие требования.

Я протестую против такого явно неправильного изображения нашей партии, и я прошу, чтобы это мое заявление было включено в протоколы пленума Центрального Комитета ВКП(б).

С коммунистическим приветом,
Джей Ловстон,
секретарь Уоркерс (коммунистической) партии Америки

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ДИАГРАММЫ К ДОКЛАДУ ТОВ. МИКОЯНА О ПОЛИТИКЕ ХЛЕБОЗАГОТОВОК В СВЯЗИ С ОБЩИМ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б) 4–12 ИЮЛЯ 1928 г.

I. «Ножницы». Превышение индекса промышленных цен над заготовительным индексом сельскохозяйственных цен в %%.

II. Динамика среднегодовых индексов.

III. Сравнение ожидаемого сбора зерновых хлебов в 1928 году с фактически полученным в 1927 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ПОЛИТИКА ХЛЕБОЗАГОТОВОК В СВЯЗИ С ОБЩИМ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

Резолюция по докладу тов. Микояна, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 10 июля 1928 года

Основным фактом социалистического строительства в СССР является быстрый рост крупной социалистической промышленности на базе новой техники (реконструкция), рост строительства вообще, в том числе электростроительства, рост городов и промышленных центров, количественный и качественный рост рабочего класса.

Но социалистическое строительство не может исчерпываться одной лишь промышленностью. Чтобы быть полным и всесторонним, оно должно охватить сельское хозяйство, смыкая его с промышленностью и подымая уровень его развития. Между тем сельское хозяйство все еще находится на крайне низком уровне, а темп его развития чрезмерно отстает от темпа развития промышленности.

Если промышленность сама по себе является мощным двигателем сельского хозяйства по пути его преобразования на основе социалистической индустриализации, то сельское хозяйство представляет базу развития промышленности и как рынок, поглощающий изделия промышленности, и как поставщик сырья и продовольствия. Более того. От размеров экспорта сельскохозяйственных продуктов и прежде всего зерновых продуктов зависят в значительной степени размеры ввоза средств производства для промышленности, создавая некий предел для темпа ее развития. Наконец, от размеров экспорта сельскохозяйственных продуктов зависит в большой мере возможность накопления валютных резервов, совершенно необходимых для хозяйственного маневрирования.

Поэтому крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, при неизбежности быстрого темпа развития социалистической промышленности, диктуемого всей внутренней и внешней обстановкой, таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства.

Эта опасность становится особенно ощутительной в связи с отсталостью зернового производства, рост которого отстает от роста потребностей на хлебные продукты как для удовлетворения нужд внутреннего рынка, так и для развития экспорта. Из всех отраслей сельского хозяйства зерновое хозяйство является наиболее отсталым как в смысле его производительности (урожайности), так и в смысле его товарности. Наиболее характерным в этом отношении нужно считать то обстоятельство, что, несмотря

на достижение 95% довоенной нормы посевных площадей, товарный выход зернового производства едва превышает 50% довоенной нормы. Отсюда почти полное выпадение экспорта хлеба, составлявшего до войны 600–700 млн. пуд. ежегодно.

В основе этой отсталости зернового хозяйства и резкого сокращения его товарности (в сравнении с довоенным временем) лежит распыленность, дробность и общий низкий уровень сельскохозяйственного производства, мелкокрестьянский тип зернового производства и связанный с этим полунатуральный характер этого производства. Немалое значение имеют здесь такие обстоятельства, как недостаточное использование всех тех путей и возможностей, при помощи которых может быть повышена производительность мелкого и среднего крестьянского хозяйства, особенно в части повышения урожайности зерновых культур (чистосортные семена, машины, удобрения, землеустройство, агротехническая пропаганда), с одной стороны, и неблагоприятное положение зернового хозяйства в смысле цен на его продукцию в сравнении с ценами на продукты других отраслей сельского хозяйства – с другой стороны.

Поэтому зерновая проблема является одной из серьезнейших проблем хозяйственной политики.

Чтобы разрешить зерновую проблему, устранить опасность разрыва между городом и деревней, уничтожить самую основу возможных затруднений на хлебном фронте и обеспечить, таким образом, быстрый темп индустриализации страны, необходимо:

1. Обеспечить содействие дальнейшему подъему производительности индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства, которое значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране (цены, машины, минеральные удобрения, чистосортные семена, контрактация посевов, землеустройство и т. д.), все более и более охватывая его сетью кооперативных организаций и содействуя объединению производственных процессов крестьянских хозяйств. Исходя из явной недостаточности результатов вовлечения крестьянских хозяйств в кооперативный оборот, особенно по линии с/х производственной кооперации, пленум обращает внимание всей партии на решающее значение практического осуществления ленинского кооперативного плана в деле увеличения урожайности и товарности индивидуального крестьянского хозяйства и постепенного вовлечения его в русло социалистического строительства.

2. Неуклонно проводить в жизнь поставленную XV съездом задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы» как добровольные объединения, построенные на базе новой техники и представляющие высшую форму зернового хозяйства как в смысле социалистического преобразования сельского хозяйства, так и в смысле обеспечения радикального повышения его производительности и товарности.

3. Развить существующие совхозы и построить новые зерновые совхозы как «крупные социалистические экономии» (программа партии), обеспечивающие максимум товарности и представляющие наряду с колхозами опорные пункты содействия реконструкции крестьянского хозяйства.

Если распыленность, дробность и отсталость зернового хозяйства являются базой возможных затруднений на хлебном фронте, то возможность эта была превращена в реальность именно в текущем году, в результате чего и разыгрался заготовительный кризис, благодаря ряду специфических причин. К числу этих специфических причин следует отнести:

а) Нарушение рыночного равновесия и обострение этого нарушения благодаря более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев.

б) Неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства, что ослабляло стимул к реализации хлебных излишков и чего, однако, не могла изменить партия во второй половине заготовительного года, не вступая в конфликт с маломощными слоями деревни.

в) Ошибки планового руководства, главным образом по линии своевременного завоза товаров и налогового обложения (низкий налог для имущих слоев деревни).

г) Недостатки заготовительных и партийно-советских организаций (отсутствие единого фронта, отсутствие активности, ставка на самотек).

д) Использование всех этих минусов капиталистическими элементами города и деревни (кулаки, спекулянты) для подрыва хлебозаготовок.

В результате этих минусов государство оказалось к январю 1928 г. перед лицом дефицита в 128 млн. пудов хлеба в сравнении с предыдущим годом, что создавало угрозу кризиса для всего народного хозяйства.

Благодаря своевременно принятым мерам, в известной своей части носившим чрезвычайный характер, партии и советской власти удалось предотвратить эту угрозу, наверстать за январь – март упущенное в первой половине заготовительного года и довести к 1 апреля заготовки хлеба к прошлогодним размерам, что при дальнейшем выполнении плана хлебозаготовок обеспечило бы удовлетворение потребности внутреннего рынка до нового урожая.

Однако в результате гибели озимых посевов на юге Украины и отчасти на Сев. Кавказе, являющихся главными поставщиками хлеба, Украина полностью, а Сев. Кавказ частично выпали как снабжающие районы, что не только уменьшило заготовительные возможности государства до нового урожая миллионов на 25, но потребовало еще семенной помощи для пересева, поставив государство перед необходимостью довести яровую семенную помощь по всему СССР до 30 млн. пуд. Эти обстоятельства плюс перерасход в снабжении хлебом сверх плана для удовлетворения расширенного круга потребителей вынудили заготовительные организации усилить заготовку в других хлебных районах и задеть страховые запасы крестьянства.

Все это создало почву для повторного применения чрезвычайных мер и для административного произвола в заготовительных районах, нарушения революционной законности, частичного применения методов продразверстки (обход дворов, закрытие базаров, незаконные обыски и т. д.), а в районах потребляющих, в связи с резким сокращением плана снабжения, привело в ряде мест к образованию «хвостов» и частичному введению карточек на хлеб.

Эти обстоятельства вызвали недовольство среди некоторых слоев крестьянства, выразившееся в выступлениях протеста против административного произвола в ряде районов, облегчили капиталистическим элементам в деревне использовать это недовольство против советской власти, частично оживили деятельность контрреволюционных элементов и дали повод для разговоров об отмене нэпа. Центральный Комитет партии при введении чрезвычайных мер со всей решительностью подчеркнул их временный характер, и если, несмотря на это, возникли толкования этих мер как органически вытекающих из решений XV съезда партии об усилении наступления на капиталистические элементы деревни, то такого рода толкования свидетельствуют лишь о том, что на отдельные прослойки партии до сих пор оказывает влияние чуждая ей идеология. Партия в своей политике должна исходить из решительной борьбы как с теми элементами, которые являются выражением буржуазных тенденций в нашей стране и пытаются обойти решение XV съезда «развивать дальше наступление на кулачество», так и с теми элементами, которые стремятся придать чрезвычайным и временным ме-

рам характер постоянного или длительного курса и тем поставить под угрозу дело союза рабочих и основных масс крестьянства.

Решительно отметая контрреволюционную болтовню об отмене нэпа с требованием отмены ограничений прав кулачества, целиком отклоняя линию отступления от решений XV съезда и продолжая (отнюдь не методами так называемого «раскулачивания») наступление на кулака, пленум ЦК заявляет, что нэп является такой политикой пролетарского государства, которая «экономически и политически вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики» (Ленин). Пленум ЦК заявляет, что развитие социалистических форм хозяйства на основе нэпа ведет не к ослаблению, а к усилению сопротивления со стороны капиталистических элементов, при одновременном еще большем усилении советской власти и ее массовой базы, что не исключает известных колебаний некоторых слоев населения в случае обострения всей обстановки. Основной классовой установкой партии в деревне должна быть «политика опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака» (XV съезд). Если развитие социалистических форм ведет к усилению сопротивления со стороны капиталистических элементов, то ошибки планового руководства и минусы нашей политики повышают степень этого сопротивления, позволяя этим элементам повести за собой колеблющиеся слои мелкой буржуазии в городе и деревне. Поэтому внимание партии должно быть направлено в предстоящей хлебозаготовительной кампании на то, чтобы провести мероприятия, ликвидирующие эти минусы и ошибки и исключающие необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер.

К этим мероприятиям относятся:

1. Немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности.

2. Немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки и уничтожение каких бы то ни было попыток закрытия базаров, с обеспечением максимально гибких форм регулирования торговли со стороны государственных органов.

3. Известное повышение цен на хлеб с варьированием по районам и зерновым культурам.

4. Не допускать повторения ошибок в деле распределения промышленных товаров и обеспечить своевременный завоз промтоваров в хлебозаготовительные районы.

5. Сочетать политику возврата кредитов и сбора единого с/х налога с интересами хлебозаготовок, обеспечив своевременное их поступление.

6. Вести неослабную борьбу с самогоноварением.

7. Правильная организация дела снабжения хлебом, не допускающая перерасходов сверх установленных планов и возлагающая ответственность за снабжение потребителей, не входящих в общий государственный план, на местный товарооборот и местных заготовителей.

8. Обязательное образование государственного хлебного (продовольственного и семенного) резерва.

Серьезная семенная помощь, оказанная советской властью бедноте и среднему крестьянству, обеспечила значительное расширение яровых посевных площадей. Это обстоятельство совпало с благоприятными видами на урожай, оцениваемый ЦСУ СССР, по данным на 15 июня, выше среднего. Все это плюс рост промышленной продукции и реорганизации заготовительного аппарата, соединенное с вышеуказанными мероприятиями, должно облегчить, несмотря на недостаток маневренных запасов хлеба, достижение нормального темпа заготовок еще до осени.

Осуществление решений XV партсъезда в деле дальнейшего наступления на ка-

питалистические элементы деревни обязывает всю партию и всех коммунистов вести настойчивую и систематическую работу по усилению политической активности и организованности бедноты и подъема ее хозяйства.

Пленум не сомневается, что партия выйдет с честью из переживаемых затруднений.

Пленум призывает все организации партии и всех коммунистов напрячь все свои силы для успешного проведения политики партии в деле хлебозаготовок.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ЗАПИСКИ, ПОДАННЫЕ В ПРЕЗИДИУМ ПЛЕНУМА[267]

В Секретариат ЦК ВКП(б)

Просим приложить настоящее заявление к стенограммам пленума.

Тов. Рыков в своей вчерашней речи причислил тов. Кисиса, второго секретаря Сибирского краевого комитета, к идеологам превращения чрезвычайных мер, примененных во время хлебозаготовок, в постоянную систему.

Это совершенно неправильное утверждение построено на цитировании одной фразы, вырванной из контекста речи тов. Кисиса на пленуме краевого комитета.

[Вообще, последнее время как будто устанавливается практика судить о деятельности сибирских организации по произвольно вырываемым фразам и цитатам из речей и статей отдельных сибирских работников. При такой практике нет ничего легче, как приписать им неправильную линию (а то и несколько даже друг друга исключающих линий).

В своем выступлении на пленуме краевого комитета т. Кисис не говорил о чрезвычайных мерах и не предлагал их превращать в систему. Его выступление касалось лишь экономических мероприятий регулирующего характера и воздействия на крестьянскую стихию со стороны социалистических элементов, а также замены расхлябанного темпа энергичным и живым.

В этом контексте фраза тов. Кисиса («хлебозаготовки есть начало нового этапа нашей работы, о котором говорилось на XV съезде») приобретает совсем не тот смысл, который по недоразумению приписал тов. Кисису Алексей Иванович.

Вообще, если Рыков хотел ударить сторонника перегибов и извращений, то он явно промахнулся. А между тем на этом же пленуме кр. ком. Рыков мог бы найти подходящие объекты. Товарищи Кучмин и Зимин отстаивали на пленуме следующие положения: задача 107 статьи указать середняку, что его хозяйство не должно расти в индивидуальном направлении, в направлении превращения в кулацкое, и что выполнение хлебозаготовительного плана стоит в прямой зависимости от количества процессов по 107 ст., что те ограничения, которые ввел крайком при применении 107 ст., срывают хлебный план.

Против этих положений и практики указанных товарищей (в Иркутском округе) Кисис возражал самым энергичным образом. Линия Зимина и Кучмина в отношении частного капитала показывает, как перегибы и извращения одного порядка легко сочетаются с извращениями иного порядка. Бюро Иркутского окружкома (в неполном составе), руководимого Зиминым и Кучминым, поручило председателю окружного ИК обратиться к частникам с просьбой о помощи в деле восстановления местной промышленности. Причем это было сделано в такой форме и в таких выражениях, что иркутские частники решили, что начинается

полоса нео-нэпа, что речь идет о новом курсе правительства, и в своей докладной записке на имя председателя окрисполкома наряду с приветствием этого «нового курса» выдвинули требования политического порядка: гражданские права для торговцев и частных предпринимателей, свободный доступ их детям в высшую школу, отмена ограничений для частника в области торговли и промышленности и т. д. и т. п.

Нечего и говорить, что «полезная» деятельность названных товарищей в настоящее время в Сибири прекращена, но опыт их «перегибов» (если это можно назвать перегибами), в которых т. н. левые элементы сочетаются с правыми, более поучительны, чем случайная цитата из выступления Кисиса, линия поведения которого в период хлебозаготовок была безупречна.]

Сырцов. Эйхе[268]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 717. Л. 74.

Тов. Рыкову.

Прошу приложить к стенограмме пленума ЦК по вопросу о хлебозаготовках следующее заявление.

Мои соображения о необходимости лучшего учета хлебофуражного баланса, о недостатках учета хлеба при расходовании на местах гарнцевого сбора и об ошибках при попытках ввести карточную систему в г. Сталинграде (см. стенограмму речи) тов. Рыков изложил в своем выступлении как некоторый уклон «военного коммунизма», приводящий к необходимости учета всего потребления и к переходу к прямому распределению хлеба между потребителями.

Решительно возражаю против такого изложения и толкования моей речи, которые ни в какой мере не вытекают из моего выступления и не могут быть подтверждены ни одной цитатой. Наоборот, в качестве основной меры, направленной против трудностей хлебозаготовок, я указывал на необходимость более гибкого маневрирования хлебными ценами и создания ряда условий (контрактация, кооперативная приплата и др.), стимулирующих продажу хлеба крестьянством.

В отношении политической оценки положения деревни я присоединился к оценке тов. Андреева и, следовательно, считаю необходимым немедленную отмену исключительных мер по хлебозаготовкам и недопустимость их проведения в предстоящих хлебозаготовках.

Б. Шеболдаев
10.VII.28 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 717. Л. 63.

В президиум пленума

Прошу огласить следующее.

Тов. Каганович приписал мне предложение о необходимости удвоения хлебных цен. Это основано на очевидном недоразумении. Я говорил, что установление эквивалентного уровня цен требовало бы удвоения. Но, считая повышение на 12%, предложенное Наркомторгом, недостаточным, я, само собой разумеется, не мог предлагать и не предлагал повышения на 100%. Вместе с тем я думаю, что уничтожение так наз. «ножниц» продолжает оставаться нашей задачей, и в нынешней обстановке увеличение хлебных цен является правильным шагом по пути уменьшения существующего расхождения «ножниц».

[2) Сталин в своей речи заявил, что я назвал мелкое хозяйство – проклятием. В действительности в стенограмме моей речи (не исправленной) сказано: «Мы вынуждены ехать на деревенской коняге, это проклятие наше, это сковывает нас, но мы недостаточно сильны для того, чтобы в данный момент... мы могли слезать с этого деревенского коняги». Проклятием является, как совершенно ясно видно из этого абзаца, не мелкое хозяйство, а наша зависимость от отсталости крестьянского хозяйства. Толкование Сталина, по которому я игнорирую значение мелкого хозяйства, противоречит, кроме того, всему смыслу моей речи.][269]

Г. Сокольников

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 717. Л. 70.

[В ПРЕЗИДИУМ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б)

Так как в прениях мне ставилось в упрек, что в моей статье в «Правде» я не выявил отдельно влияния чрезвычайных мер, считаю необходимым довести до сведения пленума, что имевшийся в моем распоряжении статистический материал (об озимых и яровых посевах) позволял выявить только совокупное влияние всего, что развернулось в первой половине 1928 года.

Что речь у меня шла именно о совокупном влиянии всего происходившего в первой половине 1928 года, сказано в моей статье. В ней поставлен следующий вопрос: «Как же отразилось на сельском хозяйстве обострение классовых отношений в деревне, которое получило свое яркое выражение в истекшей первой половине 1928 года, в частности (подчеркиваю. – Л. К.) в хлебозаготовительной кампании?», т. е. как отразилось и наступление на кулака в осуществление решений 15-го съезда и вызванные трудностями чрезвычайные меры, взятые вместе.

Выявить объективно раздельное влияние того и другого я не мог за отсутствием материала.

Как я развивал в своей речи здесь на пленуме, приведенные мною данные доказывают, что осуществление решений 15-го съезда не привело к падению сельского хозяйства. Только это я и доказывал.

Л. Крицман.][270]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 717. Л. 64.

[Председателю пленума ЦК ВКП

Прошу огласить нижеследующее.

Я впал в неточность формулировки и вместе с тем мысли, когда утверждал сегодня, что при нэпе сохраняются категории заработной платы и прибыли наравне с категориями товара и денег.

Последние две действительно сохраняют реальное бытие, первые две только формальное существование. Их экономическая основа – отделение средств производства от непосредственного производителя и превращение средств производства в капитал – исчезла. Их (заработной платы и прибыли) форма продолжает существовать, с одной стороны, потому, что еще не прошло социально-психологического приспособления участников производственного процесса к новым производственным отношениям, с другой стороны, потому что товарообмен и расчет на деньги продолжаются.

В связи с тем к перечню экономических форм нэпа «рыночные формы хозяйственной связи, денежная система» нельзя прибавить слова «заработная плата», а можно добавить только «денежная форма участия рабочих в распределяемом продукте».

Осинский]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 717. Л. 58.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НОВЫХ (ЗЕРНОВЫХ) СОВХОЗОВ

Резолюция по докладу тов. Калинина, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 11 июля 1928 года

Одобряя мероприятия Политбюро, предпринятые во исполнение решений XV партийного съезда об усилении социалистического сектора сельского хозяйства на основе улучшения сельскохозяйственной техники, широкого применения усовершенствованных машин и орудий, вовлечения в сельскохозяйственный оборот свободных земельных фондов и увеличения выхода товарного зерна, – пленум ЦК утверждает данную Политбюро конкретную директиву «Об организации в продолжение 4–5 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где не могут быть задеты новыми совхозами крестьянские «наделы», в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 млн. пудов».

Пленум ЦК предлагает в дальнейшей работе по организации новых зерновых совхозов руководствоваться следующими положениями:

1. Необходимо со всей тщательностью произвести отбор земельных участков для организации новых зерновых совхозов, намечая эти участки в наиболее соответствующих – с точки зрения климатических, почвенных и экономических условий – районах, чтобы обеспечить при минимуме риска наибольшую рентабельность этих предприятий.

2. Новые совхозы должны строиться по такому плану и с таким расчетом, чтобы в будущем могли превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего крестьянского населения и стать мощными рычагами обобществления крестьянского земледелия (пример украинского совхоза имени Шевченко).

3. Принять меры к изысканию средств, необходимых для покрытия расходов по организации новых зерновых совхозов, с расчетом на получение к концу строительного периода товарного хлеба в размере 100 млн. пудов.

4. Обратить самое серьезное внимание обкомов, губкомов и профсоюзных органов на тщательный подбор руководящих кадров для строительства и ведения новых зерновых совхозов с тем, чтобы на эту работу выделялись лучшие специалисты с большим практическим стажем и наиболее энергичные, выдержанные и отличающиеся организаторскими способностями политические руководители.

5. Принять все меры к тому, чтобы снабдить новые зерновые совхозы достаточным количеством мертвого инвентаря и в первую очередь тракторов в целях полной механизации усадебных хозяйственных функций и для обеспечения машинизации полевых работ в наибольшем размере.

6. При строительстве новых совхозов необходимо широко учесть и изучить опыт строительства крупного сельского хозяйства за границей и в наших старых совхозах, чтобы обеспечить максимальную экономию средств и сократить до минимума непроизводительные расходы. Признать желательным частичное привлечение иностранных строителей в порядке сдачи отдельных строительств в концессии на основе подряда.

7. Утвердить задание на 1928 год с общей площадью вспашки, достаточной для получения в 1929 году 5–7 млн. пудов товарного зерна.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ОБ УЛУЧШЕНИИ ПОДГОТОВКИ НОВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Резолюция по докладу тов. Молотова, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 12 июля 1928 года

Выдвинутая партией задача «в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» (XV партконференция) требует всемерного внедрения в наше производство высших достижений не только нашей, но и заграничной науки и техники. Для осуществления этой задачи, неразрывно связанной с перестройкой промышленности на высшей технической основе и социалистической рационализацией ее, необходима теснейшая связь науки, техники и производства, необходимо решительное приближение научной работы к разрешению задач, стоящих перед промышленностью, транспортом и сельским хозяйством, и их обеспечение достаточными кадрами соответственно подготовленных технических сил.

Между тем теперешнее положение нашей промышленности характеризуется следующими моментами: чрезвычайно низким процентом инженеров и еще более низким процентом техников; ненормально высоким процентом на технических должностях «практиков» (39%); малым притоком новых кадров молодых специалистов и недостаточностью их научно-технической подготовки; крайним недостатком инженеров-производственников нового типа, могущих обеспечить проведение социалистической рационализации применительно к особенностям экономики СССР. Шахтинское дело подчеркнуло, что при наличии преобладающей массы добросовестно работающих специалистов до сих пор, особенно среди более привилегированных в прошлом элементов этой среды, имеются прямые проводники саботажа и вредительства социалистической индустриализации, и тем самым это дело еще острее поставило перед нами проблему подготовки новых кадров красных специалистов для промышленности и транспорта.

Несмотря на ряд достижений, имеющихся в работе ВТУЗов (коренное изменение социального состава студенчества с теперешним решающим весом в нем пролетарских элементов, расширение сети и некоторое упорядочение учебной жизни и т. д.), в целом дело подготовки специалистов следует признать в настоящее время неблагополучным. Система подготовки специалистов органически не увязана с промышленностью и не приспособлена к требованиям и темпу ее развития. В этой системе не обеспечено молодым специалистам усвоение новейших достижений нашей и иностранной науки и техники. Совершенно недостаточный наличный кадр преподавателей и профессоров нередко сам не стоит на уровне этих достижений. Техническое образование в настоящее время оторвано от производства. Производственная практика поставлена

неудовлетворительно. Громадным недостатком является чрезмерная продолжительность (6–8 лет) пребывания во ВТУЗах и малочисленные выпуски оканчивающих ВТУЗы. Подготовка учащихся ВТУЗов по экономике соответствующих отраслей промышленности, как правило, отсутствует. В отношении общественно-политического воспитания новых кадров специалистов во ВТУЗах, несмотря на большой размах деятельности студенческих организаций в них, дело также обстоит неудовлетворительно. В отношении подготовки среднего технического персонала большинство из указанных выше недостатков проявляется еще острее. К тому же здесь в гораздо большей мере сказывается недостаточность учебной сети (техникумов).

Все эти недостатки связаны с общей технико-экономической отсталостью страны и нашим отрывом за годы войны и революции от крупных достижений иностранной науки и техники. Тяжелые материальные условия работы ВТУЗов, особенно в первые годы революции, имели при этом особое значение. Вместе с тем крупнейшие недостатки в деле подготовки новых специалистов отражают пережитки старой, не связанной с производством высшей технической школы, наличие известного консерватизма в существующей постановке этого дела и отсутствие должного внимания к развитию новых способов подготовки специалистов. Существовавшее невнимание хозорганов к делу подготовки квалифицированной рабочей силы, в частности к делу подготовки новых кадров инженеров и техников, при отсутствии перспективного плана развития промышленности, привело к тому, что количество выпускаемых молодых инженеров и техников, особенно по ряду производств (текстильному, строительному и т. д.), находится в явной диспропорции с потребностями промышленности и требует скорейших мер к устранению создавшихся неувязок.

Таким образом, налицо резкое несоответствие между потребностями в квалифицированных специалистах для технически перестраивающейся промышленности и для все развертывающегося капитального строительства, с одной стороны, и состоянием дела подготовки новых кадров специалистов через существующие ВТУЗы и техникумы – с другой стороны. Задача устранения этого противоречия требует решительного перелома в темпе и методах всей подготовки новых кадров специалистов и в соответствии с этим установления органической связи с производством ВТУЗов и техникумов с обеспечением значительного усиления их материальной базы.

Коренное улучшение дела подготовки новых кадров специалистов является не только неотложнейшей задачей органов Наркомпроса, хозяйственных учреждений и т. д. Профсоюзы должны также коренным образом изменить свое отношение к этому делу, приняв самое активное участие во всем деле подготовки красных специалистов. Подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу всей партии.

I
ПЛАНИРОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ НОВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

1. В соответствии с перспективным планом развития промышленности увеличить вдвое удельный вес инженерно-технического состава в крупной промышленности к концу пятилетия, обеспечив в дальнейшем удовлетворение больших потребностей промышленности в следующем пятилетии.

2. Начать с 1928 г. организацию нескольких ВТУЗов нового типа, особенно для дефицитных специальностей (например, строительной и др.), с доведением срока обучения в них до 3–4 лет.

3. Расширить контингент и сеть техникумов с тем, чтобы к концу пятилетия соотношение между количеством инженеров и техников было не менее, как 2:3.

4. Систематически проводить курс на значительное увеличение процента научно-подготовленных технических сил среди занимающих инженерные должности и обеспечить расширение переподготовки практиков, особенно из рабочих.

5. Приступить с 1928–1929 учебного года к унификации систем технического образования в СССР.

II
УЧЕБНАЯ РАБОТА И СВЯЗЬ С ПРОИЗВОДСТВОМ

1. В целях усиления органической и постоянной связи учебной работы ВТУЗов и техникумов с производством:

а) прикрепить к главным управлениям, директоратам, трестам и крупнейшим предприятиям соответствующие ВТУЗы (или их факультеты и отделения) и техникумы с тем, чтобы хозорганы вместе с профсоюзами оказывали решающее влияние на постановку обучения;

б) поставить производственную практику сроком не менее 10 месяцев, установив непрерывность работы практикантов на предприятии круглый год, возложив ответственность за руководство ею на соответствующие хозорганы по согласованию со ВТУЗами (Наркомпросом);

в) систему стажерства заменить обязательным для хозорганов размещением окончивших ВТУЗы и техникумы на постоянную работу. Не допускать проведения экономии на предприятиях за счет уменьшения инженерно-технического персонала. Создать более благоприятные условия для инженерно-технического персонала на предприятиях, особенно в отдаленных районах;

г) использовать научно-исследовательские институты и лаборатории хозорганов для учебной работы ВТУЗов и техникумов, а последние – для разработки технических заданий хозорганов;

д) поднять число командировок молодых специалистов за границу (в текущем году не менее 250 человек).

2. В целях подготовки специалистов, действительно стоящих на уровне новейших достижений науки и техники, обеспечивающих активное участие в проведении социалистической рационализации:

а) постепенно пересмотреть учебные планы и программы при участии соответствующих хозорганов, а также профсоюзов;

б) значительно расширить кадр преподавателей и профессоров, целиком, без совместительства, занятых научной и преподавательской работой и систематически повышающих свою научную квалификацию, обеспечив печатание их научных трудов, заграничные командировки и т. п.;

в) в кратчайший срок расширить кадр молодых научных работников (аспирантуры), коренным образом улучшив их подбор и руководство научной работой, а также их материальные условия;

г) для работающего в предприятиях кадра инженеров и техников расширить возможность повышения специальной квалификации и ознакомления с новейшими достижениями нашего и иностранного производства;

д) привлечь к чтению лекций крупных иностранных специалистов и систематически издавать переводы основных иностранных пособий по технике;

е) обновить и дополнить оборудование, удешевить учебники, а также поставить систематическое снабжение библиотек новейшей технической литературой, в частности, за счет усиления ввоза оборудования и литературы из-за границы;

ж) обеспечить дело развития научно-технических журналов и издание научных трудов научно-исследовательских институтов;

з) сделать для студентов ВТУЗов обязательным знание по крайней мере одного из иностранных языков.

3. Ограничить 5–6 годами пребывание во ВТУЗах с 4–5-летним сроком обучения.

4. В качестве руководителей ВТУЗов должны выдвигаться крупные хозяйственники-коммунисты и активные в деле социалистического строительства специалисты, при обязательном освобождении их от всякого совместительства для работы во ВТУЗе.

5. В целях наибыстрейшей подготовки новых специалистов и накопления опыта по приспособлению технического образования к интересам промышленности передать 6 ВТУЗов и 5 техникумов в ведение ВСНХ СССР и 2 ВТУЗа – в ведение НКПС. Обеспечить за профсоюзами активное участие в руководстве этими ВТУЗами, а за Наркомпросом программно-методическое руководство. Материальное положение ВТУЗов, как остающихся в Наркомпросе, так и передаваемых в ВСНХ и НКПС, должно оставаться равным. Профессора ВТУЗов, передаваемых в ВСНХ, назначаются по соглашению с Наркомпросом.

6. Поддержать развитие таких нового типа ВТУЗов и техникумов, которые могут готовить в более сокращенный срок инженеров и техников с более резко выраженной специализацией и со значительной производственной практикой.

7. Всемерно усиливая роль производственного обучения в общей подготовке специалистов, одновременно обеспечить дальнейшее повышение уровня их научно-теоретической подготовки. Обязанностью Наркомпроса должно быть систематическое наблюдение за правильным соотношением производственного и теоретического обучения и за установлением между ними такой связи, при которой производственное обучение закрепляло бы приобретенные теоретические знания и в свою очередь давало бы возможность немедленного приложения их к живой практике.

III
ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСТВА

1. Студенческие организации должны сосредоточить свое внимание на общественно-политическом воспитании студенческих масс и на создании условий для повышения специальной квалификации студенчества с широким вовлечением беспартийного студенчества (особенно его пролетарской части) во всю их работу. Усилить руководство профсоюзов в отношении студенческих организаций и принять меры к упрощению их организационной структуры.

2. Административные функции (распределение стипендий, руководство производственной практикой и др.) должны на деле перейти к правлениям ВТУЗов, работе которых студенческие организации должны оказывать всяческое содействие.

3. Всячески поощрять работу научно-технических кружков, связывая ее с практическими задачами социалистической рационализации; освобождать активно участвующих в кружках студентов, в том числе коммунистов, от общественной нагрузки.

4. В целях более успешного и быстрого прохождения курса учебы освободить студентов первого и последнего курсов от всякой общественной нагрузки, кроме посещения общих партийных и профессиональных собраний.

5. Расширять вовлечение студенчества в работу вне ВТУЗа, по возможности на родственных по специальности предприятиях, для работы в производственных сове-

щаниях и проч. Развивать привлечение студентов к работе в органах РКИ. Вся эта работа не должна мешать учебным занятиям.

6. Поставить на должную высоту преподавание политэкономии, ограничив количество общих курсов общественных наук и введя преподавание конкретной экономики соответствующей отрасли промышленности. Мобилизовать группу научно-квалифицированных марксистов для составления курсов по конкретной экономике отдельных отраслей промышленности.

IV
КОМПЛЕКТОВАНИЕ ВТУЗов и ТЕХНИКУМОВ

1. Обеспечить дальнейшее повышение рабочего ядра во ВТУЗах и техникумах с тем, чтобы для 1928 года рабочие составляли не менее 65% общего приема во ВТУЗы. Для подготовки к поступлению во ВТУЗы рабочих и их детей организовать при ВТУЗах курсы.

2. В течение ближайших двух лет вовлечь в сеть рабфаков (дневных) сверх существующего контингента не менее 3000 рабочих. Значительно расширить сеть вечерних рабфаков, с обеспечением в их составе максимального процента рабочих с производства.

3. Добиться, чтобы оканчивающие школу II ступени были подготовлены для поступления в ВУЗы. В рабочих районах приступить к развертыванию сети 7- и 9-леток (в УССР – профшкол) с обеспечением улучшенных материальных условий для них и охватом этой сетью преимущественно детей рабочих.

4. Направить во ВТУЗы в этом году не менее 1000 коммунистов, прошедших серьезную школу партийной, советской или профессиональной работы, обеспечив для них материальные условия. Эту меру практиковать ежегодно в течение ближайших лет.

V
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОКАНЧИВАЮЩИХ

1. Распределение оканчивающих ВТУЗы и техникумы производить через соответствующие хозяйственные наркоматы с участием профсоюзов, Наркомтруда и Наркомпроса на основе общего плана распределения, вырабатываемого Наркомтрудом.

2. Установить для каждого оканчивающего ВТУЗ или техникум обязательный 3-х годичный срок работы на производстве по указанию хозоргана.

3. В хозорганах (ВСНХ, НКПС, НКПиТ, главных управлениях, директоратах и крупных трестах) дело подбора специалистов, контроля за их подготовкой, выдвижением и использованием должно стать основной работой одного из членов правления (коллегии) хозоргана под руководством партии.

VI
ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА

Одобрить решения Политбюро, обеспечивающие значительное увеличение финансирования технического образования и улучшение материального положения студенчества (стипендии, жилищные условия и медицинская помощь).

Пленум признает, что финансирование капитальных работ по ВТУЗам и средним техникумам (постройка новых ВТУЗов и расширение ныне действующих, постройка

лабораторий и пр.) должно быть приравнено к финансированию капитальных работ в области народного хозяйства с перенесением значительной части затрат на эти надобности на общесоюзную часть бюджета.

Принимаемые здесь решения вытекают из признания особой важности для настоящего момента дела подготовки новых кадров специалистов для промышленности. При этом ЦК отмечает, что улучшение дела подготовки красных специалистов для всех отраслей государственного строительства в направлении настоящего постановления стоит в ряду наших первостепенных задач.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 355–375, 715–717. Подлинники.

ДОПОЛНЕНИЯ

ДОПОЛНЕНИЕ 1

ПЕРЕПИСКА И.В.СТАЛИНА И Н.И.БУХАРИНА ПО ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ КОМИНТЕРНА

<не позднее 12 января 1928 г.>

ЗАПИСКА И. В. СТАЛИНА

1) По-моему, хорошо бы назначить нашу комиссию (Комиссию Пол<ит> Б<юро>) по просмотру проекта программы и его улучшению;

2) Это можно сделать в Понедельник или во Вторник на семерке;

3) У меня есть некоторые замечания насчет проекта и в смысле архитектоники, и по существу;

4) Удобно ли теперь кое-что менять, коль скоро проект уже принят за основу V-м конгрессом.

ЗАПИСКА Н. И. БУХАРИНА

Хотя есть и санкция Конгр<есса>, и санкция Ильича, но менять обязательно придется. Главное, что нужно будет по-другому формулировать:

1) кризис капитализма (нужны более эластичные формулировки),

2) нэп (теперь многое виднее),

3) СССР,

4) Колонии (?)

5) частичные требования и т. д.

ЗАПИСКА СТАЛИНА

Да. Нужна, кроме того, спец. глава о «Дикт<атуре> пр-<олетариа>та в отдельных странах в ее противопоставлении демократическим путям „завоевания власти“».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 137. Л. 3–6. Автографы.

ДОПОЛНЕНИЕ 2

ЗАМЕЧАНИЯ И. В. СТАЛИНА ПО ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ КОМИНТЕРНА

Тт. Бухарину, Рыкову, Молотову.

КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОЕКТЕ ПРОГРАММЫ КИ.

Признавая в основном правильными «заметки» Бухарина, считал бы необходимым дополнить их следующими замечаниями.

1) Я думаю, что придется заново написать программу, ибо проект программы, принятый за основу V конгрессом, нельзя считать удовлетворительным с точки зрения нынешних потребностей Коминтерна.

2) Имеющееся «Введение» к проекту программы V конгресса неудовлетворительно. Лучше было бы обойтись без «Введения». Если нельзя обойтись, можно дать такое «Введение», которое бы обосновывало идею необходимости общей программы КИ наряду с отдельными программами секций КИ.

3) Программу следовало бы, по-моему, начать (первый раздел) с анализа мировой капиталистической системы в ее империалистической фазе развития, а не капиталистического общества вообще, проводя этот анализ под углом зрения развивающегося кризиса мирового капитализма. Дело идет, конечно, не о том послевоенном кризисе 1919–1921 гг. который в основном уже изживается, а о том более серьезном кризисе мирового капитализма, который начался еще во время войны и который получил свое наиболее яркое выражение в факте образования советской системы хозяйства. Ясно, что этот кризис будет существовать и развиваться, несмотря на частичную стабилизацию капитализма, пока существует советская система, развивающаяся наряду и за счет мировой капиталистической системы. Под углом зрения этого кризиса и следует, по-моему, изложить анализ мировой капиталистической системы. При этом хорошо было бы дать характеристику экономической и политической неравномерности развития, вскрыть основные противоречия внутри мировой системы капитализма, с неизбежностью военных конфликтов, обосновать идею возможности победы социализма в отдельных странах и т. д. в духе «заметок» Бухарина.

4) В следующем разделе можно было бы дать характеристику мировой коммунистической системы хозяйства, взятой как противовес капиталистической мировой системе и как единственный способ разрешения противоречий капиталистической системы мирового хозяйства. Дело это, я думаю, не может вызвать никаких сомнений, и поэтому распространяться о нем не стоит.

5) Третий раздел следует посвятить вопросам политики и экономики переходного периода, вопросам о диктатуре пролетариата, о советской форме диктатуры, о «военном коммунизме», о нэпе и т. д. При характеристике переходного периода, в частности условий захвата власти пролетариатом и социалистического строительства в тех или

иных странах, следует говорить не о переходе от капитализма к социализму вообще, а о переходе при наличии диктатуры пролетариата в одной из стран, т. е. в нашей стране. Отметить это важно, так как этот факт меняет всю обстановку захвата власти и строительства социализма в других странах. При этом следовало бы, по-моему, разделить страны хотя бы на три категории: на категорию империалистических, категорию колониальных и категорию советских стран (республик), с характеристикой особого подхода к вопросам о переходном периоде в каждой из этих категорий стран. Это необходимо для того, чтобы дать некие предпосылки для составления отдельных программ различными секциями КИ как в общей их части, так и в аграрно-крестьянской.

6) Четвертый раздел следует посвятить СССР, его политике (диктатура пролетариата), его экономике (социалистическое строительство), его мировому революционному значению, вопросу об обязанностях пролетариата СССР в отношении пролетариата других стран, вопросу об обязанностях пролетариата других стран в отношении к СССР. Этот раздел будет иметь важнейшее значение во всей программе, если удастся разработать его с достаточной полнотой и ясностью.

7) Последний раздел можно будет посвятить вопросам об основах стратегии и тактики Коминтерна, как целого, представляющего общее и основное для всех секций.

8) По вопросу о послевоенном кризисе» (см. пункт 14 «заметок» Бухарина) я уже сказал в пункте 3-м своих замечаний.

9) По вопросу о военных соглашениях» (см. пункт 15 «заметок» Бухарина) я думаю, что следовало бы этот абзац выбросить вовсе из программы.

10) По вопросу о защите отечества»» (см. пункт 16 «заметок» Бухарина) я думаю, что следует строго различать между отечеством империалистическим и отечеством антиимпериалистическим, как и между буржуазией империалистической, с которой не может быть никаких соглашений, и буржуазией антиимпериалистической, соглашения с которой в обстановке борьбы с империализмом допустимы и желательны при известных условиях и на известный срок. Этот тезис придется развить в разделе об основах стратегии и тактики Коминтерна.

11) Я думаю, что не стоит останавливаться в программе на теории накопления (см. пункт 13 «заметок» Бухарина).

24.III.28 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 136. Л. 8–10.

ДОПОЛНЕНИЕ 3

ЗАМЕЧАНИЯ Н. И. БУХАРИНА ПО ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ КОМИНТЕРНА

<Ранее 24 марта 1928 г.>

ЗАМЕТКИ ПО ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ
Большие дополнения и изменения

A

1. – В общем анализе капиталистического строя нет ничего об аграрно-крестьянских отношениях. Необходимо коротко и сжато остановиться на роли капитализма в земледелии, заняв здесь совершенно определенную позицию. Это тем более необходимо, что ряд партий II Интернационала выработали за последнее время аграрные программы (немецк., австр., LP* и т. д.).

2. – То же нужно сказать и об анализе монополистического капитализма (рост диспропорции между индустрией и сельским хозяйством, дороговизна и аграрные кризисы, роль поземельной ренты и финансового капитала, капиталистически-аграрные верхи деревни, «пулы» фермеров, задолженность крестьянства, земельные реформы и т. д.).

3. – В связи с этим необходимо радикально переработать и дополнить часть, трактующую об аграрной программе в собственном смысле (конкретные лозунги, крестьянско-аграрный вопрос в переходный период и т. д.). Необходимо сверить соответствующие формулировки с тезисами Ленина на II Конгрессе, а также с резолюцией V (?) ИККИ (тезисы по докладу Бухарина были в свое время утверждены Политбюро ЦК ВКП(б)).

B

4. – Необходимо радикально переделать все абзацы, говорящие о послевоенном кризисе. Главное здесь в том, что в тексте взят упор на распад после войны. Теперь же необходимо развертывать новые противоречия капитализма на базисе складывающихся новых отношений (а также наметка нового тура империалистских войн). Сказать все это нужно, разумеется, в достаточно общей форме.

5. – В связи с § 4 необходимо будет оттенить и ярко поставить вопрос о гигантской трестификации капитала (также и о рационализации производства, о чем в проекте ни слова), о консолидации организованных верхушек капиталистов и т. д.

C

6. – Необходимо переработать весьма основательно разделы о переходном от капитализма к социализму периоде.

---

* По-видимому, Labour Party, т. е. Лейбористская партия (Рабочая партия) (ред.).

Здесь следовало бы вставить такие кардинальной важности пункты, которые выяснились за истекшие годы и которых совершенно не было в проекте программы:

а) принципиально другое соотношение между индустрией и сельским хозяйством;

б) переход от принципа прибыли к принципу удовлетворения потребностей (политика снижения цен, повышения заработной платы и т. д.);

в) вопросы органического роста плана;

г) вопросы социалистического накопления (индустриализации);

д) может быть, о борьбе с бюрократизмом и т. д.

7. – В той или другой форме следует поставить и так называемый вопрос о «строительстве социализма в нашей стране», т. е. о соотношении между СССР и внешним окружением. Интересно отметить, что эту проблему затрагивает программа австрийской соцдемократии («Programm und Organisation der ųsterreichischen Sozialdemokratie», § 21 в разделе «Переход от капиталистического к социалистическому общественному порядку»), но не по отношению к СССР, а по отношению к Австрии.

8. – Следует также поставить вопрос о социалистическом («не капиталист.») развитии колоний, по возможности держась здесь ближайшим образом ленинских формулировок на II Конгрессе Коммунистического Интернационала.

9. – В вопросе о новой экономической политике необходимо развить тезис о командных высотах (в проекте, например, нет ничего о роли кредита), а равно переделать некоторые старые формулировки.

D

10. – В разделах о врагах коммунизма необходимо, во-первых, гораздо больше остановиться на фашизме, дать его характеристику, характеристику его «идеалов», его типов, его исторического «смысла».

11. – Необходимо более полно обрисовать роль социал-демократии в Амстердаме (о коем в программе нет ничего). В частности, необходимо отметить установку на активную поддержку буржуазного государства, капиталистического строительства, отказ (и теорет.) от классовой борьбы, проповедь «промышленного мира», положит. отношение к Лиге Наций, коалиционную практику и т. д. и т. п. (здесь, таким образом, нужно посчитаться и с практикой с.-д. партий и с принятыми ими за последнее время программами*). Необходимо подчеркнуть предательскую внешнюю политику социал-демократии (СССР, колонии, Лига Наций, защита отечества и проч.).

E

12. – Общее замечание по всему фронту формулировок проекта. По-моему, было бы не вредно подчеркнуть более конкретно мировой характер переворота, целей КИ и т. д. Это можно сделать примерно в такой форме:

а) при анализе «конечной цели» (коммунизма) подчеркнуть, что мы строить будем в конечном счете мировое хозяйство, с мировым разделением труда, с мировым объединением народов, рас – и проч.;

б) при анализе теперешнего капиталистического кризиса более конкретно подчеркнуть, что речь идет не об абстрактном капитализме, а о теперешнем мировом хозяйстве (обозначить перегруппировки держав: заатлантические страны и Европу, СССР и колонии, назвав все это по именам);

---

* Программа австрийской партии, например, прямо говорит о коалиции и дает этому теоретическое обоснование.

с) при анализе последствий Октябрьской революции перечислить все критические пункты (и колон. восстания: Марокко, Индонезию, Китай; и национально-освободительные войны, напр. Турцию; словом, дать более конкретную картину международного кризиса);

д) при формулировке общих задач где-либо связать в один узел и отношение к центрам империализма, и отношение к СССР, и отношение к малым государствам, и отношение к колониям, сделав это так, чтобы ясна была международная установка (международная и по смыслу, и по объему);

е) при формулировке интернационального характера КИ прямо перечислить важнейшие народы, расы и т. д. с точки зрения подчеркивания объема организации.

Некоторые спорные вопросы

13. – Нужно ли останавливаться на теории воспроизводства, накопления и т. д. – в связи с пунктами об империализме? Дело в том, что к V съезду «германцы» стояли на точке зрения Розы Люксембург (накопление, теория реализации, – объяснение империализма). Теперь «розисты», я полагаю, наголову разбиты. Следовательно, можно было бы дать точные формулировки, не рискуя ничем (если бы кто-либо стал возражать, был бы бит на все 100%). Однако я не решаюсь на этом настаивать в силу сугубой теоретичности вопроса. Может быть, лучше оставить его открытым?

14. – Нужно ли давать более углубленную характеристику соотношения между специфически послевоенным кризисом и нарастающими новыми противоречиями? Дело в том, что, по-видимому, специфические черты послевоенного кризиса, как они наблюдались несколько лет тому назад, будут все более отходить в прошлое. Нужно ли давать здесь точную оценку? Или ограничиться самой общей формулировкой?

15. – В проекте программы есть пункт о допустимости для пролетарского государства компромиссов с буржуазными государствами «вплоть до военных» (последний пункт перед IV разделом: «Путь к диктатуре»). О торговле и проч. сказано очень слабо. Нужно ли развить, а также как быть с «военными соглашениями»?

16. – В пункте о защите отечества в компартиях явно наметилась упрощенная точка зрения, не такая, как у Ленина, У последнего есть строгое различие между империалистическим отечеством и просто буржуазным. У Ленина нигде нет формулы, что мы против защиты всякого буржуазного отечества (ср. Индия, напр., но были и более деликатные случаи). Как быть здесь? Ставить этот вопрос или обойти?

Вот, примерно, главные вопросы, которые у меня обрисовались после изучения программ социал-демократических партий, программ, принятых за последние годы.

Очень бы просил товарищей откликнуться на эти (а также, возможно, и другие вопросы). Сразу не написать. Поэтому я хочу сперва дать черновик, куда уже будут включены пожелания товарищей, чтобы потом легче было обсуждать текст.

Н. БУХАРИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 136. Л. 2–7.

ДОПОЛНЕНИЕ 4

ЗАПИСКА Н.И.БУХАРИНА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ И. В. СТАЛИНА О ДОКЛАДЧИКАХ НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б) ПО ВОПРОСУ КОМИНТЕРНА

23 июня 1928 г.

ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО

Бухарин прислал в ЦК следующее сообщение.

По вопросу о докладчиках на пленуме (вопр. КИ) я созвал у себя совещание работников КИ (Куусинен, Пятницкий, Мануильский). Мне будет, конечно, очень тяжело читать два доклада. Я ставил перед Кобой вопрос о том, чтобы он читал доклад о программе, – он предложил мне искать еще кого-нибудь. Обсудив между собой этот вопрос, мы пришли к заключению, что наилучшим методом будет такой:

I-й доклад (результаты выборов, положение в Европе, «поворот» и т. д.) – МАНУИЛЬСКИЙ.

II-й (о программе) – БУХАРИН.

Мотивы у нас были такие: Мануильский приехал с места, знает эти вопросы практически и со всеми деталями, имеет непосредственный практический опыт зап.-европ. бюро.

Н. БУХАРИН

МОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

1. Принять предложение т. Бухарина;

2. Считать необязательным представление в Политбюро тезисов для докладов Бухарина и Мануильского.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 138. Л. 17.

ДОПОЛНЕНИЕ 5

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ И. В. СТАЛИНА НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б) 5 ИЮЛЯ 1928 г.

(Первоначальная запись)

Рыков. Тов. Сталин, следующая Надежда Константиновна.

Сталин. Первый вопрос касается размеров проекта программы. Говорят, что проект слишком большой, громоздкий. Требуют сжать его вдвое-втрое. Требуют дать в программе несколько общих формул и ограничиться этим, назвав эти формулы программой. Те, которые предлагают сжать программу вдвое, тем более втрое, они просто не представляют себе, в чем состоит задача составления проекта программы. Ведь это не такой проект программы, не такого сорта программа, которые составлялись раньше, в старое, империалистское время. Когда речь заходила о программах, обычно имели в виду цивилизованные страны, не охватывая всех народов и всех наций мира. Посмотрите любой проект и набросок программы у Карла Маркса и Энгельса – цивилизованные страны там имеются как основной объект. Значит, объект был сужен. Возьмите нашу программу, она тоже касается передовых стран, не всех стран в общей части, хотя она и имеет тенденцию вообще обнять. Чем отличается нынешний проект программы с точки зрения нынешних ее размеров, с точки зрения охвата от всяких других проектов, которые мы до сих пор имели в истории коммунистической мысли? Тем, что это единственный проект, который имеет своей целью, задачей охватить все народы и нации мира, объединить Восток и Запад. Вот вам одна основная причина, которая заставляет программную комиссию расширить размеры программы. Вот почему, между прочим, нельзя требовать того, чтобы программа была сужена, сжата вдвое или втрое.

Но не только в этом состоит особенность этого проекта программы, есть другая особенность. Она, программа, охватывая основные нужды, основные линии в работе коммунистических партий всех стран, с точки зрения общих задач, она, программа, должна вместе с тем некоторую руководящую линию наметить по отдельным типам стран, иначе она будет слишком абстрактна. Так что, видите, программа должна быть обобщающей общую линию работы всех секций Коминтерна, она должна быть вместе с тем более или менее конкретной по расположению типов стран. Такие типы, основные, дающие основу, руководящую нить для классификации работы и задач коммунистических партий отдельных стран, Востока и Запада, они существуют в отдельности, их надо схватить. Вот эти две задачи, разнородные задачи, которые не дают никакого размаха для того, чтобы программу сжать вдвое или втрое. Это возражение всем тем товарищам, которые требуют от нас общей формулы и не считаются с тем, что перед программной комиссией стояла специфическая задача охватить все страны по общим линиям работы и схватить, вместе с тем, основные типы работы по всем странам мира.

Курьезнее всего то, что те же самые товарищи, которые предлагают сжать программу, они дают такие предложения, которые имеют тенденцию расширить программу втрое. Ежели бы тут сказать как следует, более или менее обоснованно, и о союзах, и о кооперации, и о культуре, и о национальных меньшинствах в Европе, то трех таких программ не хватит. Требуют от программы, чтобы она была инструкцией. Никто никогда не говорил, что программа должна быть инструкцией, это неверно. Другие требуют, чтобы она объясняла все. Такой задачи тоже не может поставить себе программа. Задача программы состоит в том, чтобы она дала основную линию работы, направляющую работу всех компартий Запада и Востока, основную линию, не обосновывая каждый пункт. Для этого комментария не нужно. Программа не может быть вместе с тем и программой, намечающей основные линии работы, и вместе с тем комментариями для этих линий. Так вот, все эти противоречия, характеризуемые тем, что, с одной стороны, требуют сужения программы, с другой стороны, вносят такие предложения, которые обязывают к расширению вдвое, исходят из того, что плохо усвоили товарищи те задачи и те цели, которые стояли перед программной комиссией, – это вопрос о размерах и объеме программы. Второй вопрос – о порядке и размере глав и отделов проекта программы. Тов. Осинский, кажется, требовал, а кроме Осинского и другие товарищи...

Бухарин. Милютин!

Сталин. И в печати, кажется, требовали того, чтобы IV глава о социализме, о коммунизме, о коммунистической системе, чтобы она была передвинута в конец. Это никак не выходит. Как это не видит тов. Осинский? Тов. Осинский представляет так. Вот – введение; после введения – анализ капиталистического развития в его конкретных империалистических формах. После этого он соглашается, чтобы была глава о послевоенном кризисе, т. е. о кризисе капитализма в послевоенных формах. Первая стадия мировой революции, такой разбег, который кончился победой только в нашей стране, а после этого перейти к переходному периоду. К переходному к чему? Когда люди переходят к чему-то, то нужно знать, к чему они должны переходить. Ежели здесь между переходным периодом и современным кризисом капитализма не имеется картины того общества, к которому надо перейти, то никакого перехода у вас не будет. С точки зрения педагогики, эта программа должна подводить читателя от неизвестного к известному. Есть у нас здесь анализ капитализма, история капитализма, его неизбежная гибель. Это первая глава. Есть у вас первая фаза мировой революции, в связи с империалистической войной, первый разбег этой революции. Это второе. Ставится вопрос о взятии власти; есть кризис, назревает, углубляется кризис капитализма. Ставится вопрос о переходе к следующей форме общества – к коммунистической. Но надо это коммунистическое общество изобразить на бумаге для того, чтобы в последующем люди знали – от капитализма переходим к чему? Прямо к коммунизму или к социализму, т. е. к его первой фазе? Вот почему и педагогически, и с точки зрения логики необходимо, чтобы вслед за двумя первыми главами была третья глава, о коммунистическом обществе. Это с точки зрения расположения глав внутри программы.

Касаясь этого вопроса, назвал его вопросом о структуре программы т. Лозовский. Он утверждал, что абзац о социал-демократии не должен входить в состав второй главы, где говорится о первой фазе мировой пролетарской революции. Глава вторая – общий кризис капитализма и первая фаза мировой революции, – что в эту главу не должны входить те абзацы, которые обрисовывают основные черты, корни, цели, задачи и, так сказать, дефекты действий социал-демократии. Это он назвал вопросом структуры. Это неверно, товарищи. Вторая глава трактует о первой фазе мировой революции, о том, какие попытки имели место после Октябрьской революции в различных стра-

нах к взятию власти со стороны пролетариата, как эти попытки были ликвидированы и как власть упрочилась только у нас, в нашей стране. Встает перед нами вопрос, каковы причины первого отступления первой волны мировой революции в других странах – не в нашей, а в других странах. Устанавливаются, между прочим, две причины: усиление фашизма, усиление социал-демократии, измена социал-демократии. Сказать об этом именно в этой главе следует, тов. Лозовский, иначе Вы не объясните того, что первый разбег революции не дал победы в нескольких странах.

А получилось отступление в ряде стран, в Баварии, Венгрии, в Латвии и проч., и в связи с этим создался некий новый период частичной стабилизации.

Чем вы объясняете некоторые неудачи, частичные неудачи в новой фазе мировой революции в ряде стран? Без социал-демократии здесь не обойтись. Поэтому здесь поставлен вопрос не структурный, а политический. Вы, очевидно, недооцениваете роли и значения социал-демократии, до чего она стала контрреволюционной, до чего она стала антипролетарской, причем без обозначения ее роли обойтись в главе о контрреволюции и о ходе развития капитализма нельзя. Здесь я вижу недооценку роли и значения социал-демократии со стороны тов. Лозовского. В программе этот пункт тем и хорош, что он делает упор на социал-демократию внутри рабочего движения как на главного врага, в этом его сила, именно потому, что социал-демократия является врагом рабочего движения, врагом коммунизма, главным врагом пролетарской революции, основной социальной опорой, классовой опорой буржуазии. Мы поэтому и называем ее буржуазной рабочей партией. В этом центр тяжести того, что стабилизационный период все еще длится у нас. Недооценка таких моментов имеет громадное значение для развития революционного движения во всем мире. Вот почему тов. Лозовский не понял, что вопрос о социал-демократии во второй главе – вопрос не структурный, а вопрос громадной важности, политический.

Это относительно порядка расположения глав. Теперь по отдельным вопросам.

Общее замечание. Конечно, в проекте программы не все хорошо сформулировано, и безусловно улучшить его можно и нужно. Должно быть, есть ряд ляпсусов, недосмотров. Стиль надо сделать лучше и можно сделать. Упростить его надо. Это верно, товарищи. Отдельные поправки можно принять. Отдельные поправки имеются в речах ораторов, которые можно принять. Но я не согласен принять принципиальные поправки, о которых здесь говорили.

Вопрос о нэпе или о военном коммунизме. Военный коммунизм является его антиподом, тов. Варга, когда вы говорите, что военный коммунизм является неизбежной фазой развития пролетарской революции, то у вас так выходит. Вы должны знать, что еще более неизбежной фазой является нэп. Надо доказать, что хоть одно государство, хоть одна страна после взятия пролетариатом власти может обойтись без тех или других элементов нэпа. Если вы докажете это, тов. Варга, я соглашусь, что военный коммунизм абсолютно неизбежен для всех. Что значит нэп? У нас были возражения со стороны отдельных товарищей, которые не были оторваны, – возможно, что в ряде стран капиталистически развитых можно обойтись без нэпа. Мы это отвергли, опираясь на Ленина. Было бы чудовищно представить себе, что в Англии или Германии пролетариат, взяв власть, мог бы установить на другой же день прямой продуктообмен и вовсю развернуть действия по линии конфискации и экспроприации средних и низших классов, если угодно; было бы странно предполагать. Ведь нужно понять, что нельзя представить того, что пролетариат, придя к власти, сразу же на другой день установит, сорганизует, создаст аппараты распределения товаров, земледельческих и промышленных, между городом и деревней – раз и между своей страной и другими внешними странами – два. Было бы странно. Наоборот, начало революции, начало взя-

тия власти есть высшая форма гражданской войны. Здесь рвутся связи. Здесь нужно заново, по-новому строить хозяйственные аппараты, потому что то, что называется у нас кооперацией, еще более серьезный аппарат для обращения товаров между городом и деревней, не товаров, а продуктов, прямо без рынка.

Если говорить о военном коммунизме и думать, что можно на другой же день наладить прямую связь между городом и деревней без посредства рынка, без помощи рынка, наладить аппараты прямого распределения между городом и деревней и между данной страной, взявшей власть, и другими внешними странами, думать так – это значит сойти с ума. Если такие связи существуют, они рвутся во время революции, их нужно заново наладить, а для этого нужно время.

Затем, что значит сразу ввести военный коммунизм? Это значит широкой волной размахнуться по линии конфискации и экспроприации. Это значит целый миллион мелких и средних слоев оставить без куска хлеба. Это значит взять на свою шею, на шею пролетарского государства, такое непосильное ярмо. Нельзя предполагать, что на другой же день пролетарской революции пролетариату удастся, хотя бы в Англии, всю промышленность взять и наладить, чтобы она работала, как часовой механизм. Нельзя этого предполагать, никак нельзя. А если этого нельзя предполагать, то разве можно предполагать, что пролетариат сразу сможет наладить прямой продуктообмен? Военный коммунизм есть конфискация, запрещение торговли. Вы знаете, как у нас было с военным коммунизмом? Лепешки нельзя было из-под полы продавать. Проводя все это, мы обречем миллионы людей на безработицу, не имея возможности дать им работу, потому что крупная промышленность еще не налажена. Было бы глупо со стороны пролетариата такую гирю на свою шею навязать.

Нет, товарищи, для того, чтобы перейти от взятия власти к налаживанию прямых связей между городом и деревней, между данной страной и внешним миром по линии экспорта и импорта, и для того, чтобы не брать на себя лишнюю обузу в виде экспроприации миллионов мелких слоев, мелких торговцев, ремесленников, чиновников, служащих и частных лиц, этих миллионов мелких и средних слоев в крупных городах, я говорю, что неразумно предположить, что можно на другой же день, в порядке прямой связи, все это наладить. Без рынка тут не обойтись никак, ни в смысле возможности поглотить в промышленности весь освободившийся от средств производства средний слой населения, ни в смысле налажения аппарата между городом и деревней, между данной страной и другими внешними странами, в которых имеется экспорт и импорт. Вот почему нэп является неизбежной фазой на другой день после взятия власти в каждой империалистической стране, как бы она ни была капиталистически развитой. У нас политика нэпа продолжится дольше, в Англии должна быть меньше, в Германии должна быть меньше, но везде она будет как неизбежная фаза. Это так, тов. Варга, вы должны с этим согласиться. Если вы с этим согласитесь, то вы не можете антипод считать неизбежной фазой. Нэп есть налаживание торговли на основе рынка. Пролетарское государство берет некоторые инструменты организации хозяйства у буржуазии.

Ворошилов. А два-три года гражданской войны, в это время хозяйство будет какое-нибудь?

Сталин. Я потом об этом скажу. Я хочу сначала дать принципиальное обоснование необходимости нэпа. Отсюда вывод, что нельзя одновременно считать и нэп абсолютно неизбежной фазой, и военный коммунизм абсолютно неизбежной фазой, потому что они являются антиподами. Этого никак не может быть. Это не мирится с марксистским представлением хозяйства. Либо вы организуете хозяйство через рынок, используя инструменты буржуазии – и деньги, и рынок, и товары для того, чтобы эти ин-

струменты в ходе развития превратить в орудие для преодоления остатков буржуазии. Тогда у вас один путь, тот путь, на который мы встали у нас, в нашей стране, на другой день революции. Ведь военный коммунизм у нас наступил после первых попыток привить нечто вроде новой экономической политики. Это так. Вы, должно быть, все читали брошюру Ильича «О задачах советской власти». Мы начали не с военного коммунизма, хотя гражданская война у нас была. Ошибка т. Варги состоит в том, что он отождествляет всякую форму, всякий шаг гражданской войны с военным коммунизмом. Это неверно. Можно вполне представить известные фазы, известные шаги гражданской войны без военного коммунизма. В Октябре мы берем власть. Взятие власти есть высшая форма гражданской войны внутри страны. Формы интервенции я потом введу. Мы громим буржуазию, однако мы стараемся по-новому строить наше хозяйство, не по линии военного коммунизма. Мы имеем брошюру Ильича «О задачах советской власти», где он излагает программу нашего хозяйственного строительства. Поэтому не всякий элемент гражданской войны, не всякий шаг гражданской войны равносилен военному коммунизму, как это думает т. Варга.

Ворошилов. Вопрос в названии?

Сталин. Нет, не в названии. Организовать хозяйство в порядке нэпа – значит организовать его через рынок. Организовать хозяйство путем военного коммунизма, если поставить себе такую задачу, это значит организовать его без рынка, в порядке прямого продуктообмена. Вот в чем заключается основная разница. Элементы необходимости введения военного коммунизма – это условие возводится в квадрат и в куб после того, как на нас нападают извне, после того как половина пролетарского класса уходит с фабрик и заводов на фронт, а пролетарский класс у нас и так немногочислен, – при этих условиях срываются первые шаги налажения нэпа и навязывается обстановка военного коммунизма. Но я бы хотел, чтобы принципиальные основы нэпа и военного коммунизма не были спутаны. Они – антиподы. При военном коммунизме организуется хозяйство, социалистическое хозяйство помимо рынка, в порядке прямого продуктообмена. При нэпе хозяйство организуется при помощи инструментов буржуазного хозяйства: при помощи рынка, денег, товара. Вот принципиальная разница между двумя системами хозяйств, разница, о которой т. Варга забыл.

После всех этих аргументов, которые мне необходимо было развить для того, чтобы выяснить принципиальные основы двух систем хозяйства, после этого я могу признать, что в программе сказано более осторожно о военном коммунизме, чем следовало бы сказать.

Г о л о с. Правильно.

Сталин. Я решительно против того, чтобы признать военный коммунизм такой же неизбежной фазой для всякой пролетарской страны, коль скоро пролетариат пришел там к власти, как нэп. Но я за то, чтобы мы признали и военный коммунизм, имея в виду, что интервенция будет вероятным фактором, имея в виду, что изнутри взрывы будут, вероятно, со стороны буржуазных классов, имея в виду, что отвлечение пролетарского класса, части пролетарского класса на фронт обязательно дезорганизует производство, имея в виду ряд других факторов, я за то, чтобы сказать в программе, что, должно быть, военный коммунизм будет вероятной фазой, не неизменной, не обязательной. Слово «возможный» заменить словом «вероятный». Хотел бы еще выяснить некоторую разницу в обстановке. Оговаривается т. Варга: изолированная обстановка не может обойтись без военного коммунизма, но после того, как у нас советская страна существует, изолированных революций уже не будет и не может быть.

Бухарин. Правильно.

Сталин. Позвольте, мы были изолированной страной, потому что в других странах не было социалистических республик. После того, как у нас республика Советов существует, революция где-либо в другой стране не может считаться изолированной никак. Нельзя расстояние смешивать. Никак нельзя так сказать, что у нас в России, в нашей стране Советский Союз, а где-либо в другом полушарии – республики.

Варга. В Венгрии была изолированна. (Р а з г о в о р ы.)

Сталин. Позвольте, в Венгрии республика была, кажется, в 1919 г., сейчас у нас 1928 г., с этим нужно считаться, тогда коммунистических партий почти не было. Теперь они имеются, с этим тоже нужно считаться. Тогда у нас армии не было, теперь она есть. Тогда у нас – это главное – не было кадра хозяйственников. Ведь мы бы помогли, если бы в какой-нибудь из стран революция разыгралась, помогли руководящими людьми, могущими организовать политическую борьбу, могущими организовать хозяйство, могущими поставить технику. Мы это делаем очевидно. Я не хочу распространяться, но я бы мог напомнить товарищам о тех мероприятиях, которые мы собирались сделать в 1923 году, когда в Германии революция разыгрывалась. Мы собирались там оказать материальную, военную, политическую помощь. Тов. Варга об этом должен знать. Попробуйте назвать какую-нибудь революцию изолированной.

Осинский. Изолированная революция во Франции, изолированная между Францией и Германией.

Сталин. Вы смешиваете пространственную дальность друг друга с политической изолированностью.

Осинский. Экономически пространство имеет значение, подвоз-то вам отрежут?

Сталин. Какие бы шаги мы ни предпринимали для того, чтобы ударить по самому больному месту буржуазии, если мы Англию обидим, скажем, где-нибудь в Питере, то что же, по-вашему, она должна обязательно в Питере отомстить? Она может отомстить во Владивостоке, она может отомстить в Батуме, ведь организм один, государство одно. Если буржуазия во Франции наваливается и давит рабочий класс, мы ее во Франции где-нибудь в другом месте ударим. Это все равно, организм Франции один. Нельзя территориальное расстояние смешивать с политическим представлением о близости. Мы всегда близки друг другу. Рабочие нашей страны, имеющие власть, взявшие власть, и рабочие других стран, не имеющие власти, близки между собой, и Коминтерн должен представлять какую-то силу. Я полагаю, что помощь нельзя понимать так – взяли да приехали во Францию, передали помощь. Так нельзя понимать, изолированных революций у нас не будет, товарищи, коль скоро у нас существует советская страна, коль скоро у нас имеются такие силы, которые опираются на советскую страну. Вот то, что я хотел сказать насчет нэпа, насчет военного коммунизма.

О национализации земли. Я не согласен с теми, которые предлагают оставить национализацию без оговорки – национализация всей земли в капиталистически развитых странах. Я имею в виду в данном случае т. Лозовского. Я не согласен с теми, которые предлагают умолчать о национализации всей земли, например т. Осинский. Наверно, можно было умолчать, но у вас была другая вариация. Можно было сказать, что национализация всей земли при обеспечении землепользования. Я эту поправку принимаю.

Осинский. Я так и говорил.

Сталин. Нет, вы говорили по-другому.

Осинский. Я как раз читаю стенограмму этого места.

Сталин. Тем лучше, значит я не так слышал, плохо слышал.

Неправ тов. Лозовский, когда думает, что чем развитее страна капиталистическая, тем легче национализацию всей земли провести. Неверно. В конце концов, возьмите и

прочитайте тезисы Ильича на II конгрессе, он прямо говорит, что было бы неразумно проводить прямую национализацию всей земли в таких странах, где принцип частной собственности вкоренился в головы людей. Возьмите такие страны, как Германия, Франция, где сотни лет живут крестьяне на основе частной собственности на земле, разве можно проводить сразу, сказав, что мы национализируем землю, обеспечивая землепользование. Другое дело – страна, где принцип частной собственности в деревне не вполне укоренился или недавно стал укореняться. Чем же иначе вы объясните, что Ильич по вопросу национализации всей земли в отношении капиталистически развитых стран, где принцип частной собственности у мужика сидит колом в голове, он был так осторожен, а в отношении России он не был осторожен, говоря в кавычках, а предлагал национализацию земли еще при демократической революции до Октября. Факт это или не факт? Факт. Чем это объяснить? А тем, что принцип частной собственности, повторяю, не был так внедрен в сознание широких слоев крестьянского населения. Это имеет громадное значение. То же самое можно сказать и о колониальных странах. Мы часто путаем в Коминтерне и не знаем, существует ли принцип частной собственности на землю в Персии, не могут прямо ответить, есть ли частная собственность у крестьян на землю, говорят – земля общегосударственная, а в России говорили – земля ничья.

Г о л о с с м е с т а. Божья.

Сталин. Так вот, две вещи разные, товарищи, укоренился ли исторически принцип частной собственности в голове крестьянина или нет, и насколько укоренился, и отсюда разница, потому аргумент как раз поворачивается против вас, чем более развита капиталистическая страна, чем старее, тем труднее проводить сразу национализацию земли. То, что сказано в программе, – это гибко, правильно. Если добавить то, что предлагает т. Осинский, будет еще лучше.

Затем, никто не коснулся одного вопроса, который имеет громадное значение. Да, об общем характере. Об общем характере программы я хотел сказать. Считают некоторые, что программа носит русский характер, слишком русский характер, может быть потому, что имеется специальная глава об СССР, может быть потому, что советская форма управления страной объявлена типической формой для стран, идущих к диктатуре пролетариата. Этот аргумент, товарищи, я считаю, как бы это помягче выразиться...

Г о л о с. Нехороший.

Сталин. Крайне неопрятный. Что это значит, что программа носит слишком русский характер? Очевидно, считают, что наша революция является национальной революцией и только. И по своему удельному весу, по своему характеру, по типу своему революция в СССР является национальной и только, одни так считают, на этом и сорвалась у нас и оппозиция, на этом сломала себе шею, что она считала нашу революцию только национальной. Между тем она является главным образом интернациональной, перевернувшей вверх дном все взаимоотношения во всем мире, и с точки зрения удельного веса, и с точки зрения типа революции. Удельный вес. Ведь это факт, что наша революция послужила базой начала новой эпохи, эпохи национальных войн и революций. Это ведь факт, об этом Ильич говорил, новая эра...

Ворошилов. Правильно совершенно.

Сталин. Эра советов – разве это не факт, разве это имеет только национальное значение?

О типе. Разве это неверно, что основное в нашей революции – это типично для всех стран, коль скоро мы говорим о диктатуре пролетариата в форме советов, а мы об этом говорим и не можем не говорить.

В-третьих, верно, что, исходя из того, что я сказал, нынешнее состояние нашей

страны дает некоторую картину будущего, дает некую картину того, чем должна быть страна, идущая к пролетарской революции, пришедшая к пролетарской революции. Это третье.

В-четвертых, разве можно при таком характере нашей революции, при ее интернациональном в основном характере, разве можно отвлечься от тех особых обязанностей, которые наша страна имеет в отношении пролетариев других стран? Ведь мы считаем нашу страну, если хотите, неким рычагом, мы так расцениваем все наши мероприятия, как некий рычаг, усиливающий, развивающий и двигающий вперед революцию во всех странах. Ильич так говорил: «Основная задача пролетариата в стране, где он пришел к власти, сделать все возможное для того, чтобы развить революцию в других странах». Это – наша обязанность перед пролетариями всех стран. И от этой обязанности нельзя отвлечься. Но есть обязанность пролетариев всех стран в отношении и нашего государства. Ежели мы, руководители нашей пролетарской республики, в известный момент кризиса революции, скажем, в Германии в 1923 году, проявили готовность поставить на карту существование всей республики, ежели мы хотели мобилизовать 3-миллионную армию, – это значит, что мы страна особая, которая ставит на карту всю жизнь ради пролетариата других стран. Разве какая-нибудь другая республика, разве какая-нибудь другая страна, кроме страны советской, способна на такие жертвы? Нет таких республик. Именно поэтому наша республика в корне своем интернациональна. Ежели мы ставим задачу перед пролетариями всех стран в случае войны переходить на сторону нашей республики, – разве это не специфичная и не особенная вещь? Какая буржуазная страна или какая буржуазная партия может поставить перед своей армией задачу перехода на сторону врага? Нет такой республики в мире. Нет такой партии, нет такой страны. Все основное в нашей республике, весь дух, вся линия работы нашей республики интернациональны. Как же можно после всего этого обойтись в программе Коминтерна без того, чтобы не уделить хотя бы одну главу стране, которая положила начало новой эры мирового пролетарского движения. Повторяю, только люди, сбивающиеся на позицию оппозиции, могут говорить, что слишком много русского в этой программе, считая, очевидно, что наша революция есть национальная революция, только национальная революция.

Теперь несколько мелких замечаний. Я скоро кончаю.

Я считаю, что тов. Скрыпник прав, когда он предлагает на 20-й странице изменить фразу насчет трудящихся слоев деревни, идущих за диктатурой пролетариата. Это явное недоразумение или корректурная ошибка. Это надо изменить. Но он совершенно неправ, когда он говорит насчет определения диктатуры в программе. (С м е х.) Как раз не в этой форме, ничего подобного. Определение диктатуры имеется на 52-й странице: «Диктатура пролетариата есть продолжение его классовой борьбы в новых условиях. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества, против внешних капиталистических врагов, против остатков эксплуататорских классов внутри страны, против ростков новой буржуазии, возникающих на основе еще не преодоленного товарного производства». Тут есть другое определение диктатуры пролетариата, несколько определений, определений пять по крайней мере есть. Все эти определения, формулировки тов. Скрыпник упустил из виду, и поэтому его критика пошла по ветру.

Скрыпник. Упущена одна из формулировок Ленина, а это действительно так.

Ворошилов. Скрыпник не прозевает, не беспокойтесь.

Сталин. У Ленина имеются целые страницы про диктатуру пролетариата; ежели все это включить, я боюсь, что в три раза увеличится программа.

Смирнов А.П. Не в три раза, а в тысячу раз расширится.

Сталин. Также неправильно замечание т. Скрыпника насчет того, что о коммунистических партиях не на том месте сказано. Это придирка. Насчет нейтрализации тоже придирка. Ленин прямо говорит в своих тезисах на 2-м Конгрессе, что при движении к диктатуре и на 1-й фазе диктатуры в капиталистических странах коммунистическая партия не может рассчитывать более, чем на нейтрализацию среднего крестьянства. Он это прямо говорит. Только после упрочения советской власти, после того, как середняк убедится, что власть стала крепкой, настанет период для союза с середняком. Прочтите тезисы т. Ленина на 2-м конгрессе. Мы не хотели расходиться с Лениным при составлении этой программы. Ни в коем случае, а т. Скрыпник просто придрался.

Далее, т. Скрыпник говорит, что в программе ничего не сказано по национальному вопросу. Мы считаем, что колониальный вопрос есть основа всякого национального вопроса. Может быть, надо специально сказать о тех специфических формах национального вопроса, какие имеют место в Центральной Европе. Это можно сказать, но отнюдь не в формулировке т. Скрыпника. Основа же национального вопроса, колониального вопроса, она дана. И вопрос о самоопределении национальностей, и об их отделении – все это нашло отражение.

Насчет Польши, насчет типов развития, или способов, путей подхода пролетариата в различных странах к диктатуре пролетариата. Я с т. Скрыпником не согласен и полагаю, что в проекте программы абсолютно необходимо наметить именно те три типа подхода к диктатуре пролетариата, которые там имеются. Эти три типа отражают три различных темпа развития диктатуры пролетариата.

Скрыпник. Но Польша не войдет, вы будете против самого себя спорить.

Сталин. И Польша войдет, и Румыния, вы меня не пугайте, что скажет такой-то товарищ в Польше. Надо руководствоваться известными теоретическими и политическими соображениями. Ежели имеются известные феодальные пережитки в Польше, ежели имеются пережитки в Румынии, ежели были пережитки в России до 1917 года – значит известный тип стран дан, где, очевидно, прямо – сегодня на завтра – к диктатуре не прийдешь, где, очевидно, первый разбег будет носить характер подхода к диктатуре пролетариата через буржуазно-демократическую революцию. У нас тоже многие так думали перед Февралем. Вы знаете, что так думал Троцкий: правительство рабочее, а насчет крестьян я ничего не знаю. А что получилось после Февраля? Мы себя считали сильнейшей партией, считали, что все нам перепадет в руки, а на сцену вышла мелкобуржуазная шваль. Разве не факт, что целых 8 месяцев ничтожная партия меньшевиков и эсеров в своей массе представляла серьезнейшую силу во всей стране и совершенно неожиданно вышла на сцену и заняла господствующее положение во всей политической жизни страны? Это разве не факт? Как только в Феврале прорвалась плотина, вместо того, чтобы в стране без царя образовалось рабочее правительство, образовалось другое правительство совершенно, хотя условия были зрелые у нас и подходили мы к тому, чтобы приближаться к социалистической революции. Условия натекли, набегли, на сцену вышли все эти мелкобуржуазные миллионы и подняли на щит не нас, не коммунистов, а антикоммунистов – эсеров и меньшевиков. И очень многие из нас поражались: как это так, из ничтожества эти две партии стали вдруг господствующей силой в стране. Неожиданно это было для нас, а между тем, с точки зрения социалистической, это ничего не представляет. Точно так же в таких странах, как Польша и Румыния, где крестьянство находится под гнетом феодальной буржуазии, как только прорвется плотина, они выступят на сцену и своих людей поставят. Вот эта фаза, эта неожиданность, перед которой мы были поставлены с февраля до октября, которую преодолевали с кровью в течение 8-ми месяцев, а 8 месяцев революции – это

почти что 8 лет обычной жизни, если не больше. Эту штуку забывать нельзя. Есть один подход, быстрый, в странах капиталистически развитых, прямым путем. Есть другой путь – с разбега, от демократической революции к социалистической, с большим или меньшим разбегом, как это было у нас: перерастание одной революции в другую, как это должно будет быть, если Польша останется той, какую она представляет из себя сейчас. То же самое возможно будет в такой стране, как Румыния. И третий тип – колониальный тип, где период диктатуры пролетариата и крестьянства в период революции будет более длительным, чем у нас, и где в ходе борьбы старых и новых сил пролетариат наш вызреет для того, чтобы стать фактически настоящим гегемоном, а не литературным над всей массой в стране. Все эти неожиданности надо учесть, т. Скрыпник, иначе какая же это программа будет, если мы такие особенности переходного типа не учтем? Мы можем людей спровоцировать на перебежку вперед, на то, что они – наши коммунистические партии – в других странах забегут вперед и сорвутся, точно так же, как нам предлагал Троцкий забежать вперед: правительство, говорит, рабочее, без царя, а о крестьянстве забыл, о мелкой буржуазии забыл. Мы этого забывать не можем и не должны. Вот почему я предлагаю сохранить эти три типа, характеризующие различные темпы завоевания диктатуры пролетариата в различных странах, добавив к Польше Румынию и т. д. и вообще.

Скрыпник. Но не к Польше.

Сталин. Вот и все замечания.

Бухарин. И так далее, там разные есть: Югославия и проч.

Председатель (Рыков). Слово имеет Надежда Константиновна, следующий т. Рютин.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1032. Л. 31–60. Подлинник.

ДОПОЛНЕНИЕ 6

ПИСЬМО В. М. МОЛОТОВА И. В. СТАЛИНУ

4/VI <1928>

Дорогой Коба!

Пишу два слова в пояснение предложенного нами (4) пор<ядка> дня пленума ЦК.

Два первых вопроса – международные. Это подходит – как раз накануне V Конгресса КИ. При этом первый пункт (В<опро>сы к<омис>сии КИ) нами мыслится так, чтобы при докладе были освещены такие вопросы, как последние выборы в парламенты Фр<анции> и Герм<ании>, а также предстоящие выборы в Англ<ии>. В связи с этим необходимо разъяснить «поворот» в тактике коммунистов этих стран.

Вопрос о хлебозаготовках уже стоял в апреле, и, пожалуй, рано бы ставить в начале июля о перспективах новой кампании. Однако он приобрел в данный момент большую остроту, требует усиленного внимания к подготовке будущей кампании, да и поможет развернуть осеннюю посевную кампанию.

О вузах и нов<ых> совхозах говорить не приходится.

Лично я считаю желательным и необходимым поставить и доклад о всеобщем обучении – иначе опять упустим год, сверстаем бюджет без выделения необходимых средств для этого дела.

Другие в<опро>сы «плана» лучше перенести на след<ующие> пленумы.

Вот и все.

Еще одно. Я хочу пробыть в отпуске до 20/VI (а по решению полагается до 15/VI). Есть ли возражения?

Привет всем друзьям.

В. Молотов

Насчет А. И. Врачи решили, что ему надо на днях переехать в Москву: там для ревматика климат сейчас лучше, и там можно поставить электролечение. Мы, живущие здесь члены ЦК, согласились с этим. Температура еще по вечерам держится около 37.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 83–84.

ДОПОЛНЕНИЕ 7

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНА В. М. МОЛОТОВУ

10/VI–28 г.

Т. Молотов!

1) Я только случайно узнал от Косиора, – и то после решения о Каминском – что ты, оказывается, против назначения Каминского во главе Колхозцентра. Против Анцеловича убедительно возражал Кубяк (вообще НКЗ). У Кубяка вообще тенденция слопать колхозы (не считаясь с тем, что колхозы есть добровольные организации кооперативного типа). Это последнее обстоятельство заставило меня высказаться за кооператора – Каминского.

2) Во главе новых совхозов думаем поставить Эйхе. Сибиряки возражают (об этом сообщил Косиор, ездивший недавно в Сибирь), но придется настоять. Дело очень серьезное, и требуется здесь крупный работник. Вопрос придется решить после твоего приезда.

3) Дело идет к тому, что было бы, пожалуй, лучше и для Кагановича, и для дела, если бы мы заменили его, скажем, Косиором. Об этом недавно заявил мне (еще и еще раз!) в присутствии Косиора Чубарь. Об этом же говорят некоторые другие «показатели». Косиор не возражает против такой комбинации (мне кажется, что он внутренне будет рад этому, т. к. хочет работать «на местах»). Говорил я об этом в порядке возможной перспективы с Кагановичем с оговоркой, что в случае его ухода целесообразнее будет ему войти в состав секретариата ЦК ВКП. Он не только не возражает, но, как мне показалось, даже рад уходу теперь, когда у них «затишье» и «атаки» против него «еще не начались». Придется поговорить об этом после твоего возвращения.

4) Был в Поволжье (созвал секретариат и предисполком губерний обеих областей Волги в Саратове). Урожай у них выше среднего. Яровой клин (а также озимый) расширился у них несомненно (5% до 10% «и больше»). Чтобы не продать лишнего хлеба, мужики сеяли, оказывается, с остервенением, не сомневаясь, что цены в будущем поднимутся, а чрезвычайные меры, принимаемые в этом году, являются временными. У мужика своя логика... Мне кажется, что за июнь-июль удастся собрать без Украины не более 20-ти, максимум – 25 млн. пудов. Между нами будет сказано – этого нам, оказывается, хватит вообще для основных нужд. Теперь ясно, что НКторг (и СТО) подвели нас по линии снабжения хлебом наших основных потребителей: в марте, в феврале снабжали, оказывается, по норме в 50–55 млн. пудов в месяц, а теперь приняли норму в 23 млн. пудов в месяц, – почему нельзя было снабжать за все эти месяцы по норме 30–32 млн. пудов? Что касается цен на хлеб, то придется поднять его на 10–15 коп. на пуд при некотором, но обязательном снижении цен на мясо и яйца.

5) Косиор говорит, что виды на урожай в Сибири хорошие, яровой клин расширяется и пр. На Украине и Северном Кавказе есть некоторое падение посевов.

Будешь 20-го в Москве?

Жму руку.

И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1420. Л. 196–197.

ДОПОЛНЕНИЕ 8

ПИСЬМО В. М. МОЛОТОВА И. В. СТАЛИНУ

13/VI<1928>

Т. Сталин!

Твое письмо от 10/VI получил.

1. В Москве буду 21/VI утром. Приду и на Политбюро.

2. Насчет Каминского у меня было только одно возражение – опасение насчет ослабления Союза союзов с/х кооперации. Считаю его кандидатуру для Колхозцентра хорошей, но и в Союз союзов надо члена или кандидата ЦК. Совместительство не годится. Кого же в С<оюз> союзов? Я думал об Эйхе.

3. Эйхе хорош для совхозцентра. Но все же для меня спорно, куда более нужен Эйхе: в союз союзов или в совхозцентр. Для последнего, пожалуй, мог бы подойти Антонов-Овсеенко. По приезде поговорим об этом. Во всяком случае, всецело сочувствую передвижке еще новых цекистов в область с/х работы.

4. Вопрос об обмене Каган<ович> – Косиор, пожалуй, своевременен. Хотя Косиор оказался в ЦК на месте и вообще работник хороший, но и положение на Украине требует «коррективов». На сработанность К<агановича> Чуб< аря> – Петр<овского>, видимо, расчитывать не приходится. То, что в ЦК будет тов<арищ>, хорошо знающий Украину, – большой плюс.

5. С хлебом, значит, выкрутимся. Это хорошо. Однако теперешние нормы снабжения явно тяжелы. Ты прав, что мы проморгали план снабжения. Надо было раньше взяться за его урезку. Насчет цен на хлеб – повысить придется, но при среднем урожае, мне думается, не больше чем на 10 коп. (снизив немного цены на яйца и мясо).

Как будто виды на урожай улучшаются. Это очень хорошо.

6. Не слишком ли растянулся Шахт<инский> процесс? Хорошо бы дать некоторую ориентировку в сроке его ведения (напр., кончить к 10/VI*). Объективность его ведения для наших спецов абсолютно необходима, но надо считаться с тем, чтобы не притупилось общественное внимание к «Шахтам» и смыслу этого дела. Если дело протянется пару месяцев – боюсь, не бросили бы читать о нем. И то «Правда» отчеты о процессе заменяет иногда 2–3 фельетонами.

Отдых мой проходит хорошо. Стало жарко. Погода хорошая.

Жму руку!

Твой В. Молотов

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 85–88.

---

* Так в тексте. Вероятно, Молотов имел в виду июль (ред.).

ДОПОЛНЕНИЕ 9

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ И. В. СТАЛИНА НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б) 9 ИЮЛЯ 1928 г.

(Первоначальная запись)

Сталин. Товарищи, раньше, чем перейти к конкретному вопросу о наших затруднениях на хлебном фронте, разрешите коснуться нескольких общих вопросов, имеющих теоретический интерес и всплывших здесь во время пленума. Прежде всего, общий вопрос о главных источниках питания нашей промышленности, о путях развития нашей промышленности, об источнике ее оформления. Этот вопрос вплотную задел, и, может быть, сам того не сознавая, тов. Осинский и вслед за ним тов. Сокольников. Это вопрос в высшей степени важный. Теми источниками, на основе которых кормится и развивается быстрым темпом наша промышленность, конечно, первым и основным источником является рабочая сила, рабочий класс. Но достаточно ли одного только источника для того, чтобы наша промышленность развивалась быстрым темпом? Вот вопрос. Обычно в капиталистических странах индустрия развивалась и страна индустриализировалась на основе крупнейших и систематических грабежей чужих стран.

Вы знаете, что так развивалась Англия, собирала соки со всех стран, вкладывала добавочный капитал и превратилась в конце концов в фабрику мира. Вы знаете, что так двигала вперед свою индустрию Германия, ограбив Францию в 70-х годах. Так двигает теперь свою индустрию Франция, грабя Германию и беря у нее репарации. Есть ли другие пути, пути исторически освященные в ходе капиталистического развития, капиталистической индустриализации страны? Вот новый путь, Германия, она двигает свою индустрию за счет займов, получаемых из Америки. Он не вполне нов, этот путь, такие пути были и раньше. Обычно различного рода пути скрещивались, и такая индустрия в той или иной стране развивалась быстрым темпом, индустриализируя всю страну.

Общий закон можно вывести такой из хода исторического развития индустриальной страны, что за счет только своей собственной страны индустрия быстрым темпом почти нигде не развивалась. Либо данная страна, имеющая целью индустриализироваться, грабила систематически другие страны, либо получала серьезнейшие займы и на этот счет изворачивалась. У нас также шла индустриализация при царе. Вы знаете, займов у нас было довольно немало, вы знаете, что ни одна железная дорога у нас не строилась без больших займов. Турксиб, строящийся теперь, 1400 верст длиной, это очень большое предприятие. Вы не назовете ни одного случая, чтобы в старой России этакая махина строилась только за счет внутренних средств. Не назовете. Строим Днепрострой, величайшую махину, она требует страшно много денег. Назовите хоть один случай в старой капиталистической России, где бы этакая махина строилась только за счет внутренних сил. Не назовете. Грабить других мы не можем, не хотим для того,

чтобы создать себе серьезный источник для кормления индустрии, займов нам не дают. Что же остается? Обратиться к внутренним силам. Где же эта внутренняя сила? Это крестьянство. Без того, чтобы не брать известную долю, серьезную долю дани, – я буду грубо выражаться, чтобы яснее было, – у крестьянства, мы двигать дальше быстрым темпом индустрию не в силах, не способны, не можем.

Почему я об этом говорю? Потому что этой простейшей штуки, видимо, тт. Осинский и Сокольников не понимают. Они построили свои речи на том, что крестьянство переплачивает на товарах, – это верно; что мы не доплачиваем крестьянству на сельскохозяйственных продуктах – это тоже верно. Я отвечаю тт. Осинскому и Сокольникову: мы без этого пока, к сожалению, обойтись не можем. Это один из серьезнейших источников для того, чтобы нашу промышленность двигать вперед. Поэтому кто хочет теперь же эту недоплату выплатить крестьянину, подняв цены до восстановительного уровня, и кто хочет одновременно с тем не брать лишнего у мужика за городские товары, снизить цены вдвое или втрое, тот отнимает у нас источник индустриализации нашей страны на данной стадии. Вот как стоит вопрос, товарищи. Вопрос идет общий, он имеет некоторый теоретический смысл, теоретическое значение для нас, но он вместе с тем в высшей степени практический вопрос для нас. Надо ли эти ножницы выравнивать? Безусловно, в этом наша политика. Можем ли мы теперь же их уничтожить? Не можем и не должны. Промышленность наша слаба, она еще не рационализирована, она не имеет внешних источников для своего развития дальше. Одного лишь источника в виде рабочего класса мало, а двигаться мы должны вперед, ежели мы не хотим пропасть как самостоятельная независимая страна, ибо без развития индустрии мы как независимая страна устоять не можем. Сближать «ножницы», их уничтожать мы должны, но ни в этом году, ни через два-три года мы не можем, потому что наша промышленность молода, слаба еще, не рационализирована. Кто этого не хочет понять, тот против индустриализации страны. Именно этого тов. Осинский и Сокольников не хотели понять. Тов. Осинский спрашивал: ежели дело обстоит так, в чем же тогда разница между позицией ЦК и между позицией оппозиции. Коренная разница, тов. Осинский, коренная, уверяю Вас. Он может быть удивлен моим ответом. Я скажу: он имеет некоторое формальное право удивляться. Действительно, как же это так? Оппозиция – сверхиндустриалисты, а вместе с тем они, оказывается, требовали у нас восстановительных цен на сельскохозяйственные продукты. Как примирить эти две крайности? Очень просто. У оппозиции две души; было две души и осталось две души. Одна душа крикливая. Сверхиндустриализацию подай! Это глупость, конечно, и несуразность. Однако они кричали об этом для того, чтобы привлечь внимание, «уличить» нас в том, что будто бы мы против быстрого темпа индустриализации нашей страны. Но это – душа фальшивая и крикливая. Другая душа, душа практическая, требует восстановительных цен на сельскохозяйственные продукты. Эта крикливая душа нужна оппозиции для так называемых ультралевых, а практическая душа для ультраправых. Мы ведь всегда говорили, что оппозиция есть сброд, сборище так называемых левых крикунов и так называемых правых практиков.

Микоян. Капитулянтов.

Сталин. Капитулянтов, полуменьшевиков и, если хотите, полусоциал-демократов, и мы всегда говорили, что левая крикливая фраза у оппозиции прикрывает правые дела. Оно так и вышло. Вот, не угодно ли. У меня на руках текст заявления всей оппозиции на фракции IV-го съезда советов по вопросу о заготовках. Чего она требовала? Выступал от них Муралов. Он был посланником всей оппозиции в целом. Слушайте: «Хлебозаготовительная кампания должна расцениваться не только по количеству заготовляемого хлеба и среднему годовому уровню цен, но и по соответствию этой кампа-

нии интересам смычки пролетариата и крестьянства. Политика хлебных цен должна удовлетворять следующим основным требованиям: 1) производитель должен получить за свой хлеб производительную цену; 2) необходимо стремиться к тому, чтобы маломощные группы крестьянства получали бы одинаковую с зажиточными группами цену на хлеб».

Уж, конечно, когда человек хочет предать индустриализацию, он обязательно ссылается на смычку, но это – отписка, мы это хорошо знаем. Тов. Осинский, в чем разница между вашей позицией и этой? Никакой разницы. Вот вам ответ на вопрос, в чем разница между позицией ЦК и оппозицией. Никакой разницы нет.

Второй вопрос – о смычке с середняком и для чего эта смычка нужна, какую цель мы ею ставим. Я опять-таки должен коснуться тов. Осинского. У него выходит, что смычка между городом и деревней, между рабочими и основной массой крестьянства проходит по линии текстильной, по линии удовлетворения личного потребления крестьянства.

Верно ли это? Это неверно, совершенно неверно. Конечно, удовлетворение личных потребностей крестьянства по линии текстиля имеет громадное значение. Мы с этого начали. Упрочение смычки в новых условиях, в условиях нэпа, мы с этого начали. Но сказать, что этим кончается дело или что это составляет основу смычки, основу, достаточную для смычки, – это совершенно неверно. Смычка между городом и деревней, между рабочим и крестьянином, происходит не только по линии удовлетворения его личных потребностей по текстилю, но по линии удовлетворения его потребностей как производителя. Вы дайте ему семена, дайте ему машины мелкого, среднего типа, дай ему плуг, дай ему удобрение, дай кредит как производителю. Это все элементы, делающие смычку прочной. Эту вторую сторону, ту сторону, в силу которой смычка становится прочной, не только по линии текстиля, но и по линии металла, эту сторону тов. Осинский забыл. А забывать этого нельзя, никак нельзя этого забывать. Ежели бы мы проводили смычку только по линии текстиля, это значит, мы на веки вечные оставили бы в том же состоянии индивидуальное мелкое крестьянское хозяйство, как оно есть. Производство его забрасывается, машинизация объединений мелких крестьянских хозяйств забрасывается как второстепенная вещь, и центр тяжести переводится только на удовлетворение личных потребностей крестьянства. Это не та смычка, которая нас удовлетворит.

Какова цель смычки? Во-первых, чтобы она, эта самая смычка, усиливала рабочий класс, предоставляла выгоды середняку и усиливала рабочий класс, и чтобы она, эта смычка, обеспечивала руководство рабочего класса внутри этого союза между рабочим и крестьянином. Смычка бывает различная. И буржуазия могла иметь смычку с крестьянством, но в этой смычке руководила буржуазия, а в смычке рабочих с крестьянами руководство принадлежит рабочим. Если нам предлагают смычку, в которой руководство не за рабочим классом, то нам такая смычка не нужна. Смычка вовсе не преследует цели утверждения классов. Ничего подобного. Цель смычки – подготовить уничтожение классов. Мы хотим смычки с середняком не для того, чтобы увековечить середняка как класс, ничего подобного. Мы хотим смычки, чтобы переделать этого середняка в духе социализма. Для этого нужна смычка, для уничтожения классов, а не для увековечения их. Кто думает провести смычку только по линии текстиля, тот увековечивает классы. Тот, кто проводит смычку по линии производства, тот подготовляет почву для того, чтобы переделать мужика, привести его к социализму и уничтожению классов.

Как вообще можно переработать мужика, где те средства, при помощи которых мы середняка постепенно переработаем, вытравим у него старую психологию и поста-

вим его на новые рельсы? Для этого нужна агитация, пропаганда, которые имеют значение, все это нужно для того, чтобы подготовить почву для социализма. Конечно, тов. Каминский прав – без той величайшей важности кооперативной работы, которая проведена по сбыту и снабжению, не было бы у нас базы для коллективов. Только на этой базе создался у мужика перелом к коллективам, в сторону, в пользу коллективов.

Но все-таки основное средство в чем состоит? В технике. Путем новой техники окончательно и решительным образом переделывается психология крестьянина.

Тов. Осинский ссылался на Ленина. Это очень хорошо, что он хочет покрыть себя Лениным. Но изображать здесь Ленина как крестьянского философа, брать Ленина в одной части, не желая брать его в целом, – это нехорошо, т. Осинский.

Вот вам одна из цитат, ставящая вопрос о том, каким образом пролетарское рабочее государство должно постепенно добиться того, чтобы переработать, переделать мужика в духе социализма: «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыка, есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин земледельческих в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с огромной быстротой может переделать мелкого земледельца». Где он об этом говорил? Может быть, до нэпа? Об этом Ленин говорил в брошюре, где обосновывал нэп, в брошюре «О продналоге».

Если тов. Осинский умеет приводить цитаты из Ленина насчет того, что нужно развивать далее мелкое крестьянское хозяйство, что совершенно правильно, то нельзя только ограничиваться такими цитатами, надо брать Ленина в целом. Вы хотите приводить целиком Ленина, в целом, извольте, и другую цитату приведу, говорящую о том, что нельзя упускать из виду при проведении смычки производственную сторону дела, увлекаясь только потребительской стороной. Нельзя, никакой смычки не будет сколько-нибудь прочной, основательной, имеющей своей целью постепенно переделать мужика, приблизить его к пролетариату и переводить его на рельсы пролетариата, если мы смычку текстильную не дополним смычкой металлической.

Третий вопрос – нэп и классовая борьба. Насчет нэпа у нас еще при обсуждении вопроса о программе Коминтерна... я, товарищи, извиняюсь, но 30 минут не хватит.

Г о л о с а. Дадим еще.

Сталин. Я вынужден эти общие вопросы вкратце здесь затронуть, т. к. они всплыли здесь во время прений и на них необходимо дать ответ.

Я утверждал тогда, что основы нэпа нашей партией были даны не после военного коммунизма, а до него, в начале 1918 года, после того, как мы получили впервые возможность начать строить по-настоящему Я ссылаюсь на известную брошюру Ильича «Задачи советской власти», где изложены основы этого нэпа, т. е. основы той политики, которая нужна для строительства. Эта политика названа «новой», потому что нам ее удалось проводить только после военного коммунизма.

Бухарин. Позабыв тогда ее на известное время.

Сталин. Тов. Осинский не возражал. Я не буду спорить, но я хочу сослаться на известную резолюцию, принятую на 9-м съезде советов по докладу Ильича, где черным по белому сказано, о чем я и тов. Бухарин говорили, что основы нэпа даны еще до военного коммунизма.

Осинский. Я не возражал.

Сталин. Допустим, что не возражали, но другие будут возражать.

Осинский. Я даже сам это говорил.

Сталин. Вы, может быть, разрешите все-таки несколько слов привести. В этой

резолюции, принятой на 9-м съезде советов в конце 1921 года, спустя почти год после нэпа...

Ворошилов. Это было в начале 1920 года.

Сталин. Это было в конце 1921 года, в декабре, на съезде советов.

Ворошилов. Правильно, правильно.

Сталин. Я так и говорил – на съезде советов. Там было принято постановление о предварительных итогах новой экономической политики и о промышленности республики. Замечательная резолюция, которую я рекомендую товарищам прочесть. «Так называемая новая экономическая политика, основные начала которой были точно определены еще во время первой передышки весной 1919 года, основывается на строгом учете экономических сил Советской России. Осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контрреволюционными силами русских помещиков и буржуазии, европейского империализма, стало возможным лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции – к началу 1921 года». Я это говорю к тому, что если даже считают... – а я это должен признать, что и т. Осинский не возражает, есть целый ряд людей и внутри Коминтерна и внутри нашей партии, которые думают, что мы необходимость строительства социализма в условиях допущения рынка и капитализма поняли только после военного коммунизма. Неверно это. Об этом знала партия в лице Ленина еще до военного коммунизма. Вот что я хочу сказать. Я об этом говорю еще и потому, что оппозиция тоже несколько иначе расценивает введение нэпа. Она его только так и понимает, что мы отступили и будем отступать, расширяя нэп.

Бухарин. Будем отступать до международной революции.

Сталин. Отступать до международной революции, когда она подымется и спасет нас от отступления. Вы знаете, что мы на XIV съезде приняли известное постановление о допущении аренды земли и найма рабочей силы. Вы знаете, что это допущение послужило поводом и причиной, если хотите, целого ряда атак со стороны оппозиции. Мы расширили нэп, отступили от Ильича, – они так это и говорят. Отступайте, но отвечать за это будет большинство ЦК. Мы вам говорим – вы отступили от Ильича, и в удобный момент мы вас ударим. Вот что говорила оппозиция. Так и расценивает это Троцкий. Глядите: «А что касается последних мер советской власти в деревне – разрешение арендовать землю и наем рабочей силы, – все, что мы называем расширением деревенского нэпа». «Но можно ли было не расширять нэп в деревне», – спрашивает он. И говорит: «Нет, нельзя было не расширять». Я спрашиваю: было это расширение, отступили ли мы в этом вопросе, хотя бы на йоту, от Ильича? Я утверждаю, что ни на йоту не отступили от Ильича и никакого расширения нэпа не было. Ибо что значило бы расширение нэпа? Это было бы дарование прав кулаку, восстановление нэпмана, безусловное снятие тех ограничений на рынке, которые имеются и которые будут всегда в виде регулирующей роли государства на рынке и т. д. и т. д. Я утверждаю, что еще в начале 1922 года на XI съезде Ильич черным по белому указал, что по этой линии надо идти, по линии допущения аренды, по линии найма рабочей силы. Сославшись на известное решение того же IX Всероссийского съезда советов в конце 1921 года, где о найме рабочей силы в деревне и об аренде говорит тоже черным по белому. Интересный факт, который, к стыду своему, я открыл только на днях, роясь в литературе. Смотрите, по вопросу о допущении аренды и найме рабочей силы что пишет т. Ленин в апреле 1922 года на имя т. Осинского. Вы должны это помнить, «Письмо т. Осинскому», он пишет в третьем пункте: «по вопросу об условиях применения наемного труда и аренды земли (пусть такое решение примет партсъезд) партсъезд рекомендует всем работникам в данной области не стеснять излишними формальностями ни того, ни

другого явления и ограничиться проведением решений последнего съезда советов (т. е. 9-го съезда), а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях». Вот вам расширение нэпа. На XIV съезде мы только в партийном порядке формулировали то, что нам указал Ленин в 1922 году в апреле. Почему я об этом говорю сейчас? Потому что у нас есть теперь люди, которые считают, что мы все сузили и теперь надо расширять, если мы хотим двигаться вперед.

Я имею документ человека, в честности которого никто не может сомневаться, который близко к нам стоит, головой за советскую власть, Чернов – крестьянин, из «Бедноты». Я не знаю, он коммунист или нет?

Бухарин. Теперь, кажется, коммунист.

Сталин. Кажется, беспартийный, но лучше некоторых коммунистов, ясная голова.

Калинин. Правильно!

Сталин. Он за середняка, против кулака, но человек, который так запутался, что так и ломится головой расширить все. Снять всякие преграды с пути деревенской буржуазии, вернуть ей избирательные права. Документ этот не напечатан. Он попал ко мне через Горького. Он просит меня, чтобы я с ним поговорил, конечно, я с ним поговорю, но этакие мыслишки, они бродят в головах, безусловно, людей, которые около нас живут, и даже у некоторых членов партии. Недаром мы в январе месяце, во время заготовительной кампании, при первом натиске вынуждены были целый ряд товарищей исключить из партии за то, что они не хотели браться за заготовки. Ежели вы рабоче-крестьянская власть, поднимите цены на хлеб, иначе мужик – не сдавай хлеба.

Позвольте привести два места, потому что, повторяю, мысли эти бродят в головах у людей и необходимо создать некоторую ясность. «Во-первых, основная причина затруднений – это, безусловно, система прогрессивного подоходного налога. Вторая причина – это неправильное изменение перевыборной инструкции, неясность инструкции». Чего же он требует? «Во-первых, необходимо первым долгом отменить систему прогрессивного подоходного налога, так, как она есть теперь, заменить систему обложений на землю и слегка обложить рабочий скот и крупные с/х орудия».

Вторая мера не менее важна – «пересмотреть инструкцию по выборам, другие сделав признаки, откуда начинается эксплуататорское кулацкое хозяйство».

Третью меру он не формулировал, но он в тексте указал на то, что мы слишком стеснили аренду в деревне, что надо ее расширить и это выгодно для всего населения, а не только для кулаков. А в случае борьбы он будет драться за советскую власть на баррикадах, я в этом не сомневаюсь.

Вот вам, так сказать, удочка, брошенная Троцким в свое время насчет расширения нэпа и подхваченная теперь рядом наших товарищей, очень близких к нам, готовых голову положить за советскую власть, но запутавшихся безусловно.

По этой же линии, по линии вопроса о нэпе и классовой борьбы, я хотел бы отметить один факт. Я имею в виду заявление одного из товарищей, здесь присутствующих, о том, что классовая борьба у нас в условиях нэпа, теперь, в связи с хлебозаготовками, имеет третьестепенное значение, что она, эта классовая борьба, не решает вопроса. Я считаю, товарищи, это заявление абсолютно неправильным, неверным и прискорбным на нашем пленуме. Верно, что мы не должны разжигать классовую борьбу, это в наших интересах, мы об этом говорили раньше, во время борьбы с оппозицией, мы об этом говорить будем все время, пока мы стоим у власти, пока у нас имеются командные высоты в наших руках. Не наше дело разжигать и раздувать классовую борьбу, наша задача, когда мы стоим у власти, состоит в том, чтобы нам принять те формы классовой борьбы, которые нам особенно выгодны, не разжигали бы классовую борь-

бу, а рассасывали элементы боевые, изолировали их. Почему такая политика нам нужна? Потому что мы стоим у власти, мы сильны, у нас командные высоты, нам нечего лишние трудности себе создавать. В порядке наступления на капиталистические элементы, по линии главным образом экономических мероприятий, мы нейтрализуем элементы из среды врагов, действительно нейтрализуем, ежели не раздуваем классовую борьбу, нейтрализуем элементы, мы умягчаем пыл борьбы, рассасываем и изолируем наиболее боевые элементы своих врагов, наиболее ретивые, наиболее непримиримые, это нам выгодно – оттянуть армию у врага в порядке мирных форм экономической борьбы и наступления на врагов, нейтрализовать его армию с тем, чтобы изолировать наиболее боевые элементы наших врагов и потом кокнуть. В этом наша задача, в этом наша политика. Может быть, это хотел сказать тов. Петровский, возможно, но ведь наша политика, она не обязательно для наших врагов. Мы даем директиву – не разжигай классовую борьбу, мы в этом не нуждаемся, мы и так сильны, мы должны в порядке экономических мероприятий наступать, вытеснять, ослаблять противника, нейтрализовать противные элементы, а наиболее ретивые изолировать, но враг нас не слушается. Возьмите шахтинское дело, как мы подошли к спецам, которые организовали заговор против нас. Кто такие эти спецы? Это часть буржуазии, безусловно, часть наших врагов, как мы к ним подошли – с предложением сотрудничества – это факт. Привлекли спецов, обеспечили и сказали – работайте на нас, получайте деньги, живите по-человечески, все равно мы сильны, вам с нами... (н е с л ы ш н о). Мы подошли в порядке сотрудничества к ним, а они что сделали? Они, люди, сторонники старых порядков, видя, что наше продвижение вперед означает вытеснение капиталистических элементов, ослабление старого мира, укрепление нового социалистического мира, они кинулись к заграничным капиталистам, кинулись к здешним буржуа, организовали заговор и хотели напасть на нас. Это ведь факт. Мы к ним с сотрудничеством, они к нам с войной. Очевидно, каждый шаг нашего продвижения вперед в порядке экономическом вызывает сопротивление со стороны наших противников, наиболее боевых элементов.

Нельзя представлять дело так, что у нас социалистические формы развиваются вперед, мы двигаемся вперед, вытесняем в порядке экономическом своих врагов, а они все отступают. Мы опять двигаемся вперед в порядке экономическом, они все отступают, а потом, глянь, оказались при социализме, в социалистическом обществе, без всякого сопротивления. Это не бывало. Никогда этого не было и не будет, чтобы отживающий класс сдавал свои позиции молча, не сопротивляясь, не брыкаясь, не организуя сопротивления. Стало быть, наше продвижение вперед, хотим мы этого или не хотим, оно давит, оно теснит наших врагов, те сопротивляются, отсюда – обострение классовой борьбы. То же самое с кулаком или с хлебозаготовками.

Как мы шли на хлебозаготовки в январе, до января? Возьмите август-сентябрь-октябрь-ноябрь прошлого года – самотеком. Никаких чрезвычайных мер абсолютно мы не принимали, никаких. Это вы хорошо знаете. Рубль за рубль – получай. Цена, конечно, тебя не удовлетворяет, она, конечно, неудовлетворительна...

Ворошилов. И далеко не восстановительна.

Сталин. Но ты в прошлом году по этой цене продавал хлеб, не артачился, продавай и теперь. И он продавал. Продавал в августе-сентябре сносно, очень хорошо даже до октября; в октябре стал снижать, в ноябре – еще больше, а в октябре дошел до того, что 39 млн. дал всего-навсего. Это есть известная форма сопротивления класса, который мы теснили, зажиточного класса деревни. Тесним мы, это верно, не даем размахнуться, не даем оглянуться, не даем организоваться в хлебный синдикат для того, чтобы играть на ценах, не даем аренды расширять. Все это факты. Накладываем на него

большие налоги, увеличенные прогрессивно, это правда. Конечно, на это сопротивление мы должны были ударить. Иначе нельзя было. Мы не хотели этих боев, но нам их навязали. Вывод какой? Вывод такой, что наше продвижение вперед, рост социалистических форм нашего хозяйства и в городе и в деревне, как бы мирно мы ни были настроены при этом продвижении вперед, оно давит капиталистические элементы обязательно, сокращает их размах, оно теснит их, и они вынуждены организованно сопротивляться против нас, чем обостряется классовая борьба. Ни одного акта советской власти вы не укажете, который бы нельзя было объяснить именно, исключительно, главным образом с точки зрения классовой борьбы. Как можно после этого говорить, что классовая борьба не играет первостепенной роли? Нет, она все решает. Сама диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы.

В о з г л а с ы. Верно!

Сталин. Формы борьбы меняются в различных условиях. В условиях нэпа мы хотим этим формам придать форму мирного соревнования. И хотя мы так хотим, но враг этого не хочет, потому что эта форма его ослабляет и он сопротивляется, ввиду чего и растет классовая борьба. Вот как обстоит дело, тов. Петровский! Вот почему нельзя говорить, что нэп не означает обострения классовой борьбы, что в связи с нэпом при хлебозаготовках классовая борьба имеет третьестепенное значение. Нельзя говорить, нельзя противопоставлять, что мы рельсы нэпа заложили, двигаемся по этим рельсам вперед, продвигаемся вперед, а все те, против кого мы продвигаемся, отступают и этак пребывают в состоянии мирного жития, без всяких треволнений. Мы продвигаемся вперед – они отодвигаются назад; мы еще вперед продвигаемся, они опять назад отодвигаются, глянь – социалистическое общество. Не бывает этого и не может быть, будь у нас трижды нэп! Классовая борьба обостряется, и к этому надо быть готовым. К этому надо готовить рабочий класс, чтобы нас вновь не застали такие дела, такие неожиданности, как неожиданность по части заготовок хлеба или как неожиданность по части шахтинского дела.

Четвертый вопрос из ряда общих вопросов, последний – о чрезвычайных мерах в отношении кулаков. Нельзя рассматривать чрезвычайные меры как нечто абсолютное. Ни в коем случае нельзя утверждать, что они «вообще» хороши, или «всегда» хороши, или что они вообще плохи, или всегда плохи. Нельзя этак идеологически подходить к в высшей степени важному вопросу, абсолютно недопустимо так подходить.

Было ли ошибкой с нашей стороны применение чрезвычайных мер во время хлебозаготовок? Теперь все признают, что это не было ошибкой, это было навязано нам обстоятельствами. Тов. Рыков совершенно прав: из некоторых зол, которые перед нами имелись в январе, это было наименьшее зло, но все же зло, средство, без которого мы обойтись не могли. В самом деле, судите сами. Наступает январь, заготовки падают, у нас дефицит в 128 млн. хлеба по сравнению с прошлым годом. Всевозможные меры обычного воздействия остаются, так сказать, без эффекта. Если бы у нас был резерв хлеба миллионов сто, скажем, для того, чтобы переждать и взять измором держателей хлеба...

Ворошилов. На будущее время обязательно нужно иметь. И Наркомату не давать этот хлеб.

Сталин. Это было бы другое дело, но у нас не было таких резервов; или если бы у нас был валютный резерв – миллионов сто-сто пятьдесят для того, чтобы выписать хлеб из-за границы. Я не считаю позором импорт хлеба при известных условиях. Я могу вполне представить себе такую обстановку, при которой один сорт хлеба, одну культуру мы ввозим, а другую вывозим и в балансе остаемся в выигрыше.

Ворошилов. Правильно.

Сталин. Это бывает иногда, если не хватает хлеба, надо ввозить, ничего позорного в этом нет, а ежели валюты нет, то тогда как быть? Так вот и выворачиваешься, как угодно. Хлеб не подвозят на рынок, хлебных резервов нет, валютных нет, остается одно – прибегнуть к чрезвычайным мерам. Теперь никто уже не утверждает, что чрезвычайные меры были ошибочны. Это была абсолютно необходимая мера, которая спасла...

Г о л о с. Правильно.

Сталин. <Которая спасла> страну от серьезнейшего кризиса во всем народном хозяйстве.

Ворошилов. Бесспорно.

Сталин. Судите сами, у нас не хватало 128 млн. хлеба, дефицит был. Мы должны были его наверстать, до распутицы оставалось 2,5 месяца, около 3-х месяцев. Мы должны были в этот период нагнать потерянное. Собрали в 3 м-ца 275 миллионов. Тов. Фрумкин высчитывает в своем письме, если бы мы подняли цену, по 60 миллионов в месяц, т. е. в 3 м-ца 180 миллионов, а мы собрали 275, и то не хватило.

Ворошилов. И то съели, а если бы еще было, съели бы все.

Сталин. Я буду говорить о том, как мы неразумно и недопустимо разбросали хлеб, собранный такими усилиями, я буду об этом говорить. Но значит ли это, что мы должны чрезвычайные меры и впредь применять? Не значит. Мы должны принять все меры к тому, чтобы нам никогда не пришлось бы применять чрезвычайные меры, не только в эту заготовительную кампанию, но никогда. Мы должны принять все меры к тому, чтобы исключить необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер, во всяком случае в эту предстоящую заготовительную кампанию. Неправы те, которые говорят, что чрезвычайные меры вообще великолепная штука, они нам нужны всегда и при всяких условиях. Неверно это, абсолютно неверно. Неправы и те, которые говорят, что применение чрезвычайных мер было ошибкой и их надо осудить. Есть и такие голоса, товарищи, и это неверно. Тут надо бить на два фронта: и тех, которые допускают одну крайность, и тех, которые допускают другую крайность. Мы, повторяю, должны принять все меры к тому, чтобы была исключена всякая необходимость принимать какие бы то ни было чрезвычайные меры в предстоящей хлебозаготовительной кампании, но это еще не значит, что мы должны здесь поклясться, что мы никогда их не примем. Не значит это. Что значат чрезвычайные меры по сравнению с раскулачиванием, с комбедовскими приемами? Пустышка. А вот Ильич даже насчет комбедов не давал клятву, что никогда их не примет в условиях нэпа. Наоборот, он считал, что могут быть такие условия, когда мы будем вынуждены даже комбедовские методы применить. Вам это, может быть, товарищи, неизвестно, но кое-кому это должно быть известно. Позвольте это восстановить в памяти товарищей. Вы знаете, что на XI съезде была выработана так называемая резолюция т. Преображенского «О работе в деревне», которую он предлагал внести на утверждение съезда. Вы знаете, что Ленин раскритиковал это письмо и разнес в пух и прах. Там есть вопрос и о комбедовских методах, по отношению кулаков. Преображенский пишет: «Политика неприятия этих (т. е. кулачества и зажиточных слоев) слоев и грубое внеэкономическое подавление его комбедовскими способами 1918 года было бы вреднейшей ошибкой». Значит, политика, которая неприемлема для кулаков и зажиточных; и он проповедует меры внеэкономического подавления. В порядке комбедовском, говорит, эта политика недопустима. Ильич ему отвечает: «Вторая фраза против комбедовских способов вредна и неверна, ибо война, например, может принудить к комбедовским способам». Об этом сказать надо бы совсем иначе, например так: «Ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов в данный момент политика пролетариата по отношению к кулаческим и зажиточным слоям крестьянства должна

быть направлена, главным образом, на ограничение их эксплуататорских стремлений. Как ограничить эти стремления? Как защитить бедноту должно и может наше государство? В этом вся суть. Это надо изучать, и заставить изучать практически, а общие фразы – пустяки». Вы видите, Ильич, который знает, что такое комбедовские методы, даже он от этих методов не хочет зарекаться, не дает клятвы, что никогда не будет их применять. Тем более мы заранее навсегда дать клятву, что никогда мы чрезвычайных мер не примем, не можем. Наша политика заключается в том, чтобы обстановка нашей работы исключала, повторяю, всякую необходимость применения каких-бы то ни было чрезвычайных мер, но ежели обстановка заставляет, возможно, что мы соберемся и решим, что нет другого выхода и мы, пожалуй, кое-какие чрезвычайные меры примем. Так что, ежели подойти к вопросу диалектически, брать вопрос в целом, то те уклоны, те крайности, которые замечаются по этому вопросу, из которых одна говорит абсолютно за чрезвычайные меры, другая абсолютно против чрезвычайных мер, они должны быть отброшены.

После этих вопросов позвольте перейти к хлебному делу. Я думаю, что целый ряд товарищей, в том числе тт. Осинский, Стецкий, Крицман в своей статье, допустили маленькую погрешность в том отношении, что свалили в одну кучу причины наших затруднений.

Причины наших затруднений – причины длительные, основные, которые мы не можем ликвидировать в один-два года, для ликвидации которых необходим ряд лет, и причины конъюнктурные, специфические, временные, которые мы можем теперь же ликвидировать. Путать эти причины, валить в одну кучу нельзя. Эту ошибку допускают товарищи, в том числе мною перечисленные.

В чем состоит смысл затруднений? В том, что они ставят перед нами во весь рост проблему хлеба, хлебного производства, проблему сельского хозяйства вообще, проблему производства в особенности.

Есть ли у нас вообще зерновая проблема? Тут кое-кто сомневался. Конечно, есть. Мы не можем жить по-цыгански, чтобы каждый год жить так на так, – не хватает, скажем, 10 миллионов, или осталось лишних 20 миллионов, и достаточно. Ни экспорта тебе, ни запасов для армии, ни страховки в случае неурожая, ни того, ни другого, – мы так не можем жить. Даже мелкий крестьянин, имеющий в своем хозяйстве достояния всего-навсего гроши, даже он без резерва не обходится. Как же нам, большому государству, величайшему хозяйству, без резерва по хлебу обойтись? Допустим, что у нас этот клин озимый не испортился на Украине и не подгадил бы он также на Северном Кавказе. Ну, мы вышли бы так на так, но разве этого достаточно для нас? Конечно, нет. Как же вы думаете, товарищи, можно ли в случае войны вести борьбу с поляками на фронте и одновременно драться с мужиком в тылу? Конечно, нет. Рыков был совершенно прав, что мужик уже не тот и, если война начнется, мы сразу не сможем нажать на него – давай хлеб. Он будет артачиться, и середняк, и бедняк, а особенно кулак. Скажут: а черт вас знает, как долго война протянется. Вы для армии хотите хлеба – это хорошо, а я как буду жить? Может быть, неурожай будет и не будет страхового фонда, я не привык без страхового фонда жить. И он прав будет. Вот такие речи пойдут. Если при теперешних, по сравнению с войной, маленьких затруднениях (затруднения по хлебу, конечно, небольшие), если при нынешних сравнительно небольших затруднениях мы имеем на политическом горизонте тучи и некоторую угрозу размычки в стране, а угроза создалась, так я спрашиваю, что будет в случае войны. Враги поднимут больше голову, будут апеллировать к армии, к бедноте, к середнякам и к известным слоям отсталых рабочих. Будут апеллировать – это определенно. На это время нам нужно иметь запас, в случае войны, миллионов 50–60, чтобы первые 6 месяцев или,

может быть, больше, в случае войны, пока эта молва о войне разойдется по стране, пока страна увидит, из-за чего началась война, что на нас напали, что мы правы, а не они, пока вся эта волна уляжется у нас (аксиоматичная истина, что для того, чтобы провести по стране, нужно 3 месяца), а молва о войне породит такую уйму слухов, что, пока все это уляжется, нужно 6 месяцев, потому что повторяю, что мы не сможем воевать и с поляками на фронте, и с мужиком в тылу. Мужик не такой, каким он был. Он даром не дает. Он не будет бояться того, что землю заберет помещик, он забыл об этом. Дескать, это дело пройденное, это было давным-давно. Забудьте об этом, дайте что-нибудь новое.

Ворошилов. И он будет прав.

Г о л о с. Давно бы резерв надо создать.

Сталин. Если мы будем выходить так на так, у нас резерва не будет на случай войны.

Ворошилов. Слушай, Микоян.

Микоян. Я знаю это без тебя.

Сталин. Не будет резерва на случай неурожая, не будет внутреннего резерва, а без этого трудно оборачиваться. То, что у нас хлеб выпал из экспорта в этом году и выпадет, может быть, в будущем году, ведь мы так долго жить не можем. Мы ведь должны постараться, чтобы хлеб опять включился в экспорт. Без этого нельзя, товарищи. Вот теперь миллионов тридцать у нас уходит на ввоз хлеба, а мы эти деньги берегли для того, чтобы ввезти трактора. Вот вам и оборачивайся. Хлеб выпал из экспорта, наоборот, нам приходится ввозить, минимальнейшие запасы валюты приходится на хлеб откладывать, ввозить его, мы не сможем ввезти трактора. Вот что значит выпадение хлеба из экспорта. В старину, при буржуазных условиях, вывозили от 500 до 700 миллионов. Это верно, что недоедали, вывозили. Но одного нельзя отрицать, т. Андреев, что товарного хлеба тогда было больше, чем теперь. Мы не можем на старой основе увеличить товарный хлеб, но на новой основе, на основе улучшения материального положения крестьянства, мы должны все-таки резервы товарного хлеба создать, потому что не вывезешь хлеба – не получишь оборудования, не получишь машин для сельского хозяйства. Вот вам четыре рода резервов. Вывоз хлеба нужен для того, чтобы ввозить все, что нам необходимо, – этого нет у нас; страховка на случай неурожая – этого нет у нас; страховка на случай войны – и этого нет у нас. Как же можно отрицать после этого, что нет хлебной проблемы? Нет, товарищи, она у нас главная, хлебная проблема у нас стала основной, она стала основной из ряда очередных задач.

Основа, основная причина, база того, что...* Раньше чем перейти к этому, после характеристики затруднений на хлебном фронте, после этого я бы хотел коснуться затруднений политического характера. Я только что говорил о затруднениях по хлебу, которые ставят перед нами основную проблему о хлебном производстве вообще и о сельском хозяйстве вообще. Наряду с этим у нас создались затруднения политического характера.

Этого, товарищи, нельзя отрицать, что настроение значительной части крестьян испортилось, что кулак кое-что политически на этом заработал, что это настроение стало передаваться известным слоям рабочих, даже в тех районах, где хлеба достаточно, даже в Питере и Москве, что создалась некая угроза смычке, – этого отрицать нельзя. Большевики на то и большевики, что они должны уметь смотреть прямо в глаза опасности. Но я бы не сказал, что это размычка, это неверно; «у нас уже создалась размычка» – нельзя играть словами, как т. Осинский говорит. Неверно это. Размычка – это

* Так в тексте (ред.).

преддверие гражданской войны, если не гражданская война. Разве у нас так обстоит дело? Ежели у нас размычка, то разве мужик так будет жить, как теперь живет? И разве в основных рабочих районах будет то относительное спокойствие, какое теперь имеется? Никогда. Угроза смычке есть, безусловно, размычки – никакой. Ежели есть размычка, ежели крестьянство хочет повоевать с советской властью, так оно вам расширять яровой клин не станет. Когда рабочий серьезно недоволен властью, он бастует по крайней мере, если не больше. Когда крестьянин серьезно недоволен властью, он вам не расширит ярового клина. Нельзя, конечно, одно с другим путать, как это тов. Осинский допустил, спутав яровой клин с озимым, и все это взвалил на чрезвычайные меры, которые нами были приняты. Это неверно, товарищи. Озимый клин засевался осенью прошлого года, когда чрезвычайных мер еще не было. Ежели хотите выяснить вопрос о том, как чрезвычайные меры могли повлиять или повлияли на рост посева, надо взять яровой клин и только его, потому что он засеян после чрезвычайных мер. Конечно, неправильно было бы думать, преувеличенно, как это делают некоторые товарищи, что делает вывод статья тов. Крицмана, будто бы чрезвычайные меры толкнули деревню, стимулировали ее, что ли, к расширению посевного клина. Это, конечно, слишком искусственно. Тов. Крицман этого не говорил, но впечатление такое получается, и в этом смысле, я полагаю, редакционная заметка правильна. Это было бы неверно, но вопрос не так стоит. Вопрос стоит так: действительно ли до того дошел крестьянин, что он потерял веру в советскую власть, смычку заменил размычкой, с сегодня на завтра готовится в поход против советской власти и ввиду этого создалась бесперспективность хозяйственного плана крестьянина, как Фрумкин выражается. Это неверно, это не соответствует истине. Я повторяю: когда рабочий хочет пойти в поход против власти, он по крайней мере начинает бастовать. Когда крестьянин хочет идти против советской власти и против власти вообще, он по крайней мере выжидает и не расширяет во всяком случае ярового клина. А что у нас случилось? По крайней мере, он должен стабилизировать посевы, по крайней мере как-то их сократить. А ведь что вышло у нас? Если взять не те путаные цифры, филькину грамоту, которая была т. Осинским преподнесена, а те реальные данные, которые мы имеем, если взять Волгу нижнюю, Волгу среднюю, Сибирь и, пожалуй, Урал, то везде... – я не беру Северный Кавказ, где был пересев и который путает дело; не беру также Украину, в которой также был пересев в еще большем масштабе, а беру пять районов и из них четыре основных хлебных района.

Скрыпник. Почему не брать пересев? Это тоже показывает активность крестьянства.

Сталин. Это факт, что яровой клин расширился. Ясно, что крестьянин, который сомневается, который готовится идти против советской власти, который дорвался до размычки и который чувствует, что создалась обстановка неустойчивая, когда не знаешь, что завтрашний день тебе принесет, такой крестьянин с такой размычкой расширять своего ярового и озимого клина не пойдет, это неестественно. Это один из показателей, говорящий о том, что о размычке и речи быть не может и нужно говорить только об угрозе размычки, которая создалась и которую мы должны устранить. Таковы экономические затруднения по хлебу.

Основа этих затруднений? База, на основе которой выросли эти затруднения? В резолюции сказано, и я добавлять не буду ничего. Основное состоит в прогрессирующей распыленности, раздробленности сельского хозяйства. Мельчает сельское хозяйство. Ежели до революции у нас было 15–16 млн. крестьянских дворов, а теперь имеется от 24 до 25 млн., то это значит – мельчает крестьянское хозяйство и поэтому оно становится нерентабельным.

Чем мельче хозяйство, тем оно менее рентабельно, тем оно менее товарно, а нам именно нужен товарный хлеб. Посевная площадь почти та же, процентов на 5 отстала от довоенной нормы. Производство хлеба почти то же. Если взять хлеб, то процентов на 5, на 6 отстает от довоенного, а количество товарного хлеба почти на 50–60% отстает, потому что мелкое крестьянское хозяйство малорентабельно, малотоварно, производит почти миллионов на 300 меньше по сравнению с пятью миллиардами хлеба, а дает товарного хлеба наполовину меньше, чем его имелось при буржуазном хозяйстве. У нас около 630–650, около 700 миллионов пудов товарного хлеба, это мало; того хлеба, который вывозится из деревенского оборота, вдвое меньше, чем было при царизме. Вот основное затруднение, которое мы переживаем теперь.

Если иметь в виду причины длительные, не конъюнктурные – каков выход из положения? Если поставить себе задачей ликвидацию основ этих затруднений, не указывая конъюнктурных специфических причин, о которых я дальше буду говорить, – выход из положения, как говорится в резолюции, должен быть в поднятии мелкого и среднего индивидуального хозяйства. Смешно, конечно, утверждать, что индивидуальное крестьянское хозяйство уже исчерпало все возможности своего развития. Это неверно. Возможностей уйма. Это неверно, конечно. И введение улучшенных семян, и введение орудий, и удобрение, и вообще тут десятки тысяч возможностей, которые могли бы вдвое поднять урожайность крестьянского хозяйства. Это факт. Наша беда, что мы не используем как следует этих возможностей, мало обращаем внимания.

Г о л о с. Не умеем.

Сталин. Отчасти и не умеем. Когда тов. Карпинский доказывает, что крестьянское хозяйство исчерпало все возможности развития, это абсолютно глупо.

Я не могу согласиться не только с теми, которые недооценивают возможностей мелкого крестьянского хозяйства, но и с теми, которые переоценивают эти возможности. Все-таки надо принять во внимание, что возможности развития мелкого и среднего крестьянского хозяйства ограниченны в значительной степени, и это надо принять во внимание. Вот почему вопрос о переводе мелкого крестьянского хозяйства на рельсы коллективизации является у нас вопросом в высшей степени животрепещущим, если мы действительно серьезно хотим двинуть вперед сырьевое хозяйство и вообще сельское хозяйство.

Значит, первый выход, за который необходимо ухватиться и который необходимо проводить в жизнь, – это дальнейшее поднятие мелкого и среднего индивидуального крестьянского хозяйства; поднятие его урожайности, снабжение удобрением, снабжение машинами, лучшими семенами и проч.

Есть средство, при помощи которого можно облегчить это поднятие мелкого крестьянского хозяйства. Это кооперация. Крайне странно, что некоторые товарищи в последнее время стали критически расценивать кооперативный план Ленина, не понимая, в чем он состоит. Недавно мне показал Бухарин выписку из ленинградской «Красной газеты», где говорится, что раньше мы крестьянские хозяйства объединяли по линии быта и снабжения в порядке кооперативном и таким образом подтягивали его к социалистическим формам, формам коллективизации.

Теперь это оказалось неправильно. Глупость, как это можно допустить? Понять не могу. Ведь если бы не было у нас той кооперативной общественности, которая создалась за эти последние годы, если бы не было у нас того собирания отдельных крестьянских хозяйств в одно общее по линии сбыта и снабжения, у нас не было бы никакого колхозного движения. Ежели что и создало у нас психологическую базу и материальную базу, если хотите, для такого перелома среди крестьянства в сторону колхозов, в сторону товарищеских хозяйств, то это та кооперативная общественность по линии

сбыта и снабжения, которая у нас развивается и будет развиваться, облегчая дело постепенного перехода мелких крестьянских хозяйств на рельсы коллективного хозяйства. Значит, в этом первый выход.

Второй выход – постепенный перевод, как указано в резолюции, мелких крестьянских хозяйств на рельсы коллективизации, имея в виду все формы этой коллективизации, от самых простых товариществ машинных, по обработке земли, артелей и проч., до колхозов и коммун.

Я не могу не отметить, когда некоторые товарищи говорят о том, что очередной задачей является развитие колхозов, некоторые, далеко не все, обычно пытаются повернуться спиной к мелкому крестьянскому хозяйству, дескать, теперь у нас новые задачи – колхозы, а мелкое крестьянское хозяйство – это цепи и поскорее от него освободиться. Я был поражен, когда слушал тов. Сокольникова и тов. Милютина. Тов. Милютин грозил, что, «если вы хотите реабилитировать мелкое крестьянское хозяйство, плохо вам будет». Странное дело. А тов. Сокольников пошел дальше: мелкое крестьянское хозяйство – это, говорит, проклятие наше. Я не понимаю. Если проклятие, зачем же у нас союз с ним? Как это совместить, что мы, оказывается, имеем союз с этим проклятием, мелким крестьянским хозяйством, вот уже 10 лет, 11-й год, и имеем основание придерживаться и далее этого союза. Как же так, где же это бывало, чтобы ленинец мог так смотреть на мелкое крестьянское хозяйство, которое мы стараемся не отталкивать от себя, от которого мы не стараемся освободиться, как от цепей, от проклятия, и которое мы не имеем целью реабилитировать, потому что оно не нуждается в реабилитации, а которое мы, наоборот, думаем переводить на рельсы коллективизации. Ежели вы, тов. Милютин или тов. Сокольников, исходя из необходимости развития коллективов, будете давать лозунг, или ежели не лозунг, то указание, или намек хотя бы, что мелкое крестьянское хозяйство это цепи для нас, проклятие или нечто провалившееся вконец, которое не стоит и нельзя нам реабилитировать, так я боюсь, что раньше, чем вам удастся сколько-нибудь поставить на ноги коллективы, вы уже разрушите тот союз, который у нас имеется с крестьянством.

Г о л о с а. Правильно! Правильно!

Сталин. На чем же вы будете сидеть, прививая такое чувство презрения, недооценки в отношении мелкого крестьянского хозяйства, с которым у нас имеется союз? Для чего же тогда союз? Это вовсе не значит помочь коллективному хозяйству, ничего подобного. Мы не противопоставляем одного другому, а говорим: и первая, и вторая задача должны быть одновременно разрешаемы, потому что мы первую задачу разрешаем через кооперацию, которая подготовляет базу для колхозов. Мы хотим, чтобы на колхозы крестьянство смотрело не как на своего врага, который его доймет, а как на своего друга, который поможет ему освободиться от нищеты.

Милютин. Верно.

Сталин. Если это верно, тогда нечего нам заниматься реабилитацией мелкокрестьянского хозяйства и нечего его называть проклятием нашего хозяйства. Надо было сказать так, что мелкокрестьянское хозяйство менее выгодно, менее рентабельно или даже наименее выгодно, – но известная доля выгодности все-таки есть, – чем крупное коллективное хозяйство, почему и надо мелкокрестьянское хозяйство постепенно переводить на рельсы коллективизации. Ильич не так смотрел на этот вопрос. Смотрите, как он расценивал мелкокрестьянское хозяйство с точки зрения нашего дальнейшего развития. Если крестьянское хозяйство может развиваться, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход. А дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодные и наиболее отсталые мелкие обособленные крестьянские хозяйства постепенно объединялись бы, организовывались бы в общественные крупные

земледельческие хозяйства. Так представляли мы себе всегда эту оценку, и так именно смотрит на этот вопрос наша партия.

Милютин. Я не так говорил.

Сталин. У вас выходит, что оно, мелкокрестьянское хозяйство, не только не выгодно, но оно вредно. Так у вас получается. Иначе оно не нуждалось бы в реабилитации. У Ильича выходит оно наименее выгодным, – но все-таки выгода известная есть, – менее выгодным, конечно, чем крупное коллективное хозяйство. Дальше Ильич говорит о тех отношениях, которые должны быть установлены между мелкокрестьянскими хозяйствами и хозяйствами коллективными. Он дальше говорит так: ежели поставить вопрос о том, в чем должна состоять задача коллективов, должны ли коллективы бороться с мелкокрестьянскими хозяйствами или притягивать, – это же два вопроса разных. Ежели перед вами стоят две формы хозяйства – одна с другой борется – это одно отношение, и другое – две формы хозяйства, высшая и низшая, одна другой помогает подняться. Это два разных вопроса. Ленин говорит далее: «В особенности надо добиваться, чтобы действительно проводился в жизни, и притом полностью, закон советской власти о колхозах и совхозах, требующий от совхозов, сельскохозяйственных коммун и всех подобных объединений оказания немедленной и всесторонней помощи окрестному мелкому и среднему крестьянству. Только на основе такой фактической организованной помощи осуществимо соглашение со средним крестьянством, только так можно и должно завоевать его доверие».

Тут не говорится о реабилитации или о том, что это хозяйство является нашим проклятием. Здесь говорится о том, что одно хозяйство менее выгодное, другое – более выгодное, более выгодное должно помогать подниматься менее выгодному хозяйству, а не отталкивать его от себя, должно оказывать ему помощь именно как единоличному хозяйству. Вот вам колхоз, его окружает крестьянство, в том числе и среднее крестьянство. Одно дело выживать мелкокрестьянское хозяйство, и другое дело оказывать ему помощь как мелкокрестьянскому хозяйству, чтобы на основе этой повседневной организованной помощи колхозов и совхозов индивидуальный крестьянин мог легче, без большого труда войти в колхоз.

Милютин. Я этого не отрицал... (К о н е ц р е п л и к и н е у л о в л е н.)

Сталин. Первая цитата, где говорится о том, что мелкокрестьянское хозяйство является наиболее отсталым, наименее выгодным и что его надо постепенно объединять. Эту цитату я взял из брошюры Ленина «О продналоге», которая обосновывает необходимость введения нэпа, в брошюре «О продналоге», где именно, прежде всего, говорится об индивидуальном мелком крестьянском хозяйстве и где он не забыл упомянуть о колхозах.

Вторую цитату я взял из его речи на 8 съезде, на том съезде, где у нас были выработаны основы нашей политики прочного союза с середняком.

И третья цитата, поясняющая перспективы нашего развития с точки зрения колхозного движения. «Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянину преимущество общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, если удастся при помощи товарищеского артельного хозяйства, тогда только рабочий, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянам свою правоту и действительно привлечет на свою сторону, прочно и настоящим образом, многомиллионные крестьянские хозяйства, еще не коллективизированные».

Эту речь он произнес тоже после 8 съезда, на первом съезде земельных коммун и с/х артелей. Вот, товарищи, установка: развивая всемерно индивидуальное крестьянское хозяйство как индивидуальное, используя все возможности, а их много, в его развитии, – это основная, это главная задача теперь, потому что, как правильно говорит

XV съезд партии, еще довольно значительное время мелкое крестьянское хозяйство останется базой сельского хозяйства – этого забывать не надо. Те, которые недооценивают этого, вроде т. Осинского или кого-либо другого, они идут против нашей политики, те, которые переоценивают и не видят того, что, кроме мелкого крестьянского хозяйства, нужно создавать крупные коллективные хозяйства, они тоже идут против нашей политики. Нам не нужно ни хулителей индивидуального крестьянского хозяйства, ни певцов этого хозяйства, и тех надо по носу, и этих по носу. И с этой стороны мне очень странно, что целый ряд товарищей, выступая здесь и говоря о мелком крестьянском хозяйстве и среднем хозяйстве, о его поддержке, ни одним словом не коснулись колхозов, как будто нет вовсе этой задачи. Тов. Осинский, я его речь 3 раза посмотрел, ни одного слова не сказал о том, что перед нами, кроме поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, есть другая задача – это поднятие колхозов. Ни одного слова об этом. Тов. Стецкий, великолепный большевик, не знаю, как мог забыть он эту штуку, говорил речь, покусал кое-кого, но ни одного слова не сказал, что, кроме задачи поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, есть важная задача – поднятие коллективного хозяйства. И одних и других, по-моему, надо поставить на место и сказать, что кроме одной задачи, задачи крестьянского хозяйства стоит задача поднятия колхозов и совхозов. Я о совхозах специально не буду говорить. Задача поднятия совхозов – это задача бесспорная, об этом будет говорить т. Калинин, и я распространяться не буду. Вот вам 3 задачи.

В чем состоит особенность нынешнего момента, с точки зрения сельского хозяйства? – В том, что старая задача, которая сейчас и новая, задача поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, для нас является недостаточной. Это задача главная, первостепенная, но она уже недостаточна. Эту задачу нужно дополнить двумя практическими задачами – задачей поднятия колхозного движения во всех его формах и задачей поднятия совхозного движения, и старых и новых совхозов. Кто этого не понимает, кто думает, что нашу задачу в отношении сельского хозяйства вообще, в отношении зернового хозяйства в особенности можно исчерпать этой одной задачей, задачей поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, тот ничего не понимает в современном положении нашей страны. Надо все эти три задачи взять как очередные задачи и по этим трем линиям двигаться вперед, если мы хотим действительно разрешить земельную проблему, если мы хотим поставить дело так, чтобы у нас были резервы и по нуждам внутренним, и внешним. Я говорю о резервах хлеба.

Интересно, как тов. Ленин рассматривал вопрос о сочетании этих трех задач. Вы, должно быть, читали наказ СТО тов. Ленина – это замечательное произведение.

Микоян. Август 1921 года.

Сталин. Он издан в мае 1921 г., наказ СТО.

Бухарин. И ЭКОСО.

Сталин. После введения нэпа он дал чисто практического характера, без лишних фраз, практического характера директивы о том, как повернуть нашу хозяйственную политику на практике для того, чтобы пойти вперед по рельсам нэпа. У него задачи, изложенные в этом наказе, разбиваются на 3 группы задач и на 3 группы вопросов. Первая группа касается товарооборота вообще и промышленности, во всех взаимоотношениях со всеми другими видами промышленности, кроме государственной. Вторая группа касается сельского хозяйства, третья группа вопросов об организации ЭКОСО и всякого рода таких хозяйственных руководящих регулирующих органов, абсолютно необходимых для того, чтобы овладеть высотами рынка. Я беру вторую группу вопросов – называется так. Подъем сельского хозяйства. Так и сказано – вторая группа вопросов – подъем сельского хозяйства: а) крестьянское хозяйство, б) совхозы,

в) коммуны, г) артели, д) товарищества, е) другие виды общественного хозяйства. Вот как он еще в 1921 г., 7 лет тому назад, когда у нас, так сказать, со свечой в руках искали единицы тракторов, когда у нас колхозов всего было как кот наплакал, вот как он, вождь, действительный вождь, расценивал наши практические задачи, он не противопоставлял одну задачу другой, он не разрывал одну часть задачи от другой, а он брал в целом и говорил: ежели хотите поднять сельское хозяйство – подъем сельского хозяйства, поднимайте крестьянское хозяйство, поднимайте совхозы, коммуны, артели и прочие виды товарищеской обработки земли. То же самое делает у нас резолюция, что выход для разрешения зерновой проблемы резолюция видит именно в нашем продвижении вперед по трем основным линиям, по линии поднятия крестьянского хозяйства индивидуального, по линии поднятия совхозов и по линии поднятия колхозов и прочих видов общественного производства.

Крайне интересно, как этот человек, Ильич, который ворочал горами и сталкивал их друг с другом, как этот человек, как ребенок, с радостью встречал каждую весточку об основании каждого захудалого колхоза, или какую-нибудь весточку о том, что пара тракторов прислана из Америки. Вот его письмо от 27... (н е с л ы ш н о), я его зачитаю. «Обществу друзей технической помощи Советской России из Америки. Дорогие товарищи. Я только что проверил... (ч и т а е т) как оказанная вами...».

Был прислан пустячок всего-навсего – несколько тракторов. Или другое письмо тому же обществу: «Обществу технической помощи Советской России. Дорогие товарищи... (ч и т а е т).

Ярославский. К сожалению, им не помогли.

Сталин. Не это важно, а важно то, каким оком он глядел на будущую организацию нашего сельского хозяйства, до чего он понимал, что от менее выгодного и страшно отсталого индивидуального хозяйства, являющегося базой для существования, надо переходить к совхозам и колхозам, что он был марксист, а не крестьянский философ, как здесь некоторые его изображали, цитируя его.

А теперь позвольте мне перейти к временным затруднениям, конъюнктурным, два слова сказать об этом, потому что здесь много говорилось, и кончить свою речь, которая страшно затянулась.

Тут сказано в резолюции, что временных причин, специфических причин, породивших опасность наших хлебных затруднений, таких причин было четыре. Тут они перечислены: нарушение рыночного равновесия, соотношение цен, ошибки планового руководства, недостатки заготовительного партийного аппарата и использование всех этих выводов капиталистическими элементами в деревне.

Я хотел бы сказать несколько слов по поводу замечания т. Петровского. Я беру пункт 1-й, насчет нарушения рыночного равновесия и насчет того, что зажиточные кулацкие слои деревни и вообще деревня подняли свою доходность, предъявили слишком много спроса, мы не удовлетворили их потребность и на основе этого разрыва создались затруднения. Он не хочет верить этому и говорит: «Как же так? С одной стороны, сказано у вас, что самым отсталым является сельское хозяйство, а с другой стороны, оно накопило, подняло свою доходность, крестьянское хозяйство, и до того оно в лице своих высших слоев подняло свою доходность, что промышленность не может удовлетворить ее». Я думаю, никакого противоречия здесь нет. Там у нас говорится об отсталости сельского хозяйства, о его чрезмерной отсталости в сравнении с промышленностью, а здесь говорится о том, что оно двинулось вперед не в сравнении с промышленностью, а в сравнении с предыдущими годами И это правильно. Это же факт, что в сравнении с предыдущими годами деревня выросла и свою доходность подняла. Иначе – зачем было поднимать налоги, зачем было гнать горячку насчет самообложе-

ния? Деньги деревня накопила. Это безусловно. За эти годы она подняла свою доходность, и эту доходность особенно подняли ее зажиточно-кулацкие элементы. Это факт, что тут берется сравнение нынешней доходности деревни с ее прежним состоянием, с ее прежней доходностью, а там берется сравнение сельского хозяйства, его темпа в отношении темпа промышленности, – здесь две различных плоскости, и путать их нельзя. Поэтому резолюция была права.

Я думаю, что в этом списке специфических причин, создавших нынешний заготовительный кризис, в этом списке не хватает одного: следует к этим пяти причинам еще одну добавить, что неправильно мы расходовали хлеб.

В о з г л а с ы. Обязательно.

Сталин. Не кивайте на Наркомторг, не он один виноват в этом, мы все виноваты.

Ворошилов. Все безусловно, но в первую голову виноват Наркомторг. Он сидел на этом деле. (С м е х.)

Сталин. Мы все здесь виноваты. В продолжение трех месяцев собрали 275 млн. пуд. хлеба, но у нас, очевидно, разбежались глаза.

Г о л о с. Много собрали!

Сталин. И давай раздавать. Вместо того, чтобы представлять из себя настоящего расчетливого хозяина, который знает, что кроме красных дней бывают и черные, и распределять помаленьку, мы начали разбазаривать хлеб, дали в один район, в другой. Почему надо было в марте раздавать по снабжению 55 млн.? Для того, чтобы в мае месяце или июне раздать только 23? Видите, какая разница, был месяц, когда мы 55 млн. давали по снабжению потребителям из общего котла, и вот, когда туго стало, перешли к 23-м. Почему нельзя было и тогда, в марте, и теперь, в июне, взять 35 млн., 15 млн. у нас осталось бы, а это имело бы большое значение. Вот этот пункт, по-моему, надо вставить в резолюцию.

О том, что необходимо предпринять меры, исключающие какую бы то ни было возможность применения чрезвычайных мер, – об этом я сказал и больше распространяться не буду. Я хотел бы только остановиться на трех фактах, которые здесь практиками были отмечены и которые я хотел бы подчеркнуть.

Во-первых, одним из недостатков нашей заготовительной кампании и в первый период, январь – апрель, и во второй половине, май-июнь, является то, что наши партийные организации слишком высунулись вперед, почти что заменив советские и кооперативные организации.

Г о л о с. Ничего нельзя было сделать иначе.

Сталин. Я это понимаю и говорю об этом не с целью обвинения. На какой почве создалось такое выдвижение партийных организаций? Вы знаете, что советские и кооперативные организации раскачивались туго, надо было их толкать, контролировать, руководить, помогать и проч.

Г о л о с. И директива больно грозная была.

Сталин. И директива больно грозная была, потому что жарко стало всем, но все-таки мы должны избегать того, что у нас случилось за этот период, т. е. мы должны избегать того, чтобы партийные организации заменяли советские и кооперативные организации...

Г о л о с. Верно.

Сталин. Чтобы крестьянин не бегал с жалобой обязательно к секретарю окружкома, не к председателю исполкома, не к заготовителю, не к председателю такого-то кооператива – их крестьянин не признает, – он лезет обязательно к секретарю окружкома. Не годится это. Чрезвычайная обстановка, чрезвычайные меры, потом ухудшение положения, ряд извращений – все это создало такую атмосферу, при которой, ко-

нечно, понадобились люди, которые энергично двинули дело. Высунулись партийцы. По-моему, дальше это допускать не надо, надо принять меры к тому, чтобы этакого высовывания вперед партийных организаций, когда они замещают собой советские, кооперативные и прочие организации, не было. Этого допускать нельзя, иначе советские, кооперативные и прочие организации не будут развиваться, не будут крепнуть, авторитет их упадет, и партия на этом провалится. Для того и нужна советская власть и советские формы власти, чтобы была оболочка, которая может отчитываться перед населением. Партия имеет дело со своими членами и окружающим ее партийным пролетарским активом, скажем, миллион членов партии и 2 миллиона актива вокруг партии – вот с кем партия говорит. А мы должны говорить не только с этими людьми, а со всем населением, а у нас 150 миллионов населения. Кто может с ними говорить? Советские и кооперативные органы. Партия должна внутри руководить, помогать, но не замещать. Для чего мы, черт побери, за советскую власть дрались, за советские формы, из-за нее ведь дрались мы в Октябре, чтобы создать формы управления, которыми можно было бы изнутри руководить. Ежели сегодня мы будем их у самого населения уничтожать, высовываясь слишком вперед и замещая их, мы загубим дело. Вот это я хотел отметить. Я понимаю, что нужно было, к этому необходимость вынуждала, но надо все-таки иметь максимальную гибкость и избегать этого, я бы сказал, извращения.

Второй вопрос – это вопрос о гарнцевом сборе. Я думаю, что т. Шеболдаев поставил очень серьезный вопрос перед нами. Можете себе представить, в чем состоит сущность этого вопроса? Больше миллиарда пудов хлеба мужик перемалывает на мельнице для своей потребности. Отчасти хлеб перемалывается на ветрячках, отчасти, около половины этого хлеба, перемалывается в наших мельницах, государственных или кооперативных. Причем все признают – и мужик, и беднота, и кулак, и середняк, – признают, что надо за это платить одну десятую или одну двадцатую часть, около этого. Сколько получается?

Г о л о с с м е с т а. Три фунта с пуда.

Сталин. Три фунта с пуда зерном платят, а где 4–5 фунтов платят. Это составляет, по подсчетам знающих людей, на долю кооперативных и государственных мельниц около 50 млн. вполне обеспеченного хлеба, бесспорного совершенно.

Микоян. Правильно!

Сталин. Вот в чем суть вопроса состоит, хлеб этот без контроля оказывается. Мне кажется, есть решение в НКТорге, я точно не знаю, насчет того, чтобы часть этого хлеба отдавалась в фонд бедноты, а другая часть чтобы поступала, как...* заготовки. Никакого контроля и никакой уверенности нет насчет того, что этот хлеб не расходится по пальцам на частный рынок. Ведь бывает и так (не в обиду будь сказано кооператорам), что известная сумма бесконтрольного хлеба выпускалась на частный рынок, потому что баланс хочет кооперация выправить, и вдвое больше ей платят, соблазн страшный. Нельзя ли установить контроль над этим хлебом? Ежели сумма составляет не меньше 50 млн. пудов, так это наш обеспеченный и совершенно бесспорный хлеб.

Микоян. Можно и должно.

Г о л о с с м е с т а. Сейчас взяли в работу.

Сталин. Этот вопрос надо практически разрешить.

И третий вопрос, поставленный т. Медведевым, насчет учреждения общественных магазинов. Вы, кажется, поставили этот вопрос? В резолюцию этого не впишешь, но, очевидно, этот вопрос будет иметь для нас величайшее значение. Ежели мы за январь, февраль, март бедноту расшевелили, привлекли к себе – это факт, это все пони-

* Так в тексте (ред.).

мают. Часть отобранного хлеба мы бедноте отдали в январе, феврале и марте, и настроение у нее было хорошее, и здесь в смысле настроения дело шло лучше, и только в апреле, мае, июне испортилось, только потому, что не оказалось возможности лишних 8–10 млн. пудов на потребительский фонд для бедноты отложить. Вот, как устроить, чтобы в этакие трудные минуты, перед новой заготовкой, перед уборкой урожая, можно было бы для бедноты иметь известную долю запаса? В этом смысле общественные магазины могут сыграть безусловно серьезную роль.

Г о л о с с м е с т а. Там и середняк участвует.

Сталин. Было бы в высшей степени хорошо, чтобы практически этот вопрос обсудить.

Я кончаю, товарищи. О затруднениях основных говорилось уже. О затруднениях специфических также говорилось, смысл этих всех затруднений состоит в том, что они заставили нас, большевиков, наконец обратить внимание на сельское хозяйство. Так всегда нас учила история, к сожалению. Только на затруднениях учились мы выправлять положение. Только благодаря затруднениям на восточном фронте, когда Колчак маленечко вздул нас, нам удалось создать пехоту. Только на затруднениях на южном фронте в борьбе с Деникиным поняли мы, что необходимо кавалерию создать. Только на затруднениях в связи с шахтинским делом начали понимать, что без создания своей рабочей интеллигенции, технической интеллигенции, без создания новой интеллигенции из людей рабочего класса, технической, которая была бы способна сама двигать техническую сторону дела вперед, нам не обойтись, мы погибнем без нее. Вот теперь новое затруднение, хлебное затруднение, только теперь большевики серьезно возьмутся за сельское хозяйство. До сих пор мы не обращали на это внимания и занимались промышленностью, кооперацией вообще, разговорами о сельском хозяйстве, вообще чем угодно занимались. Эти затруднения должны быть использованы для того, чтобы серьезно, по-большевистски взяться за дело сельского хозяйства, зернового хозяйства в особенности, принять все меры к тому, чтобы разрешить зерновую проблему, уничтожить специфические причины наших затруднений и пойти вперед.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1032. Л. 115–178. Подлинник.

ДОПОЛНЕНИЕ 10

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ И. В. СТАЛИНА НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б) 11 ИЮЛЯ 1928 г.

(Первоначальная запись)

Сталин. Я не хотел сегодня выступать, но тов. Осинский меня вынудил к этому. Я отниму всего минут 10–15, не больше.

О чем шел наш спор вчера? Между прочим, о том, что имеются ножницы между городом и деревней, о том, что мужик переплачивает на товарах и недополучает за сельскохозяйственные продукты. Речь шла о том, что для промышленности, для того, чтобы двигаться вперед побыстрее, необходимы два основных условия – рабочий класс, который держит на своей спине промышленность, и крестьянство, которое подпирает эту промышленность. Речь шла о том, что переплаты на цены на промтовары и те недополучения, которые крестьянство имеет по ценам на сельскохозяйственные продукты, они вместе составляют добавочный налог на крестьянство, и я это назвал что-то вроде дани. Кое-кому это не понравилось, между прочим, т. Томскому. Это дело вкуса, конечно, но называть вещи их собственными именами – это наша обязанность, мы на пленуме ЦК, а не на крестьянском митинге и должны правду сказать прямо. Это бьет в нос – дань, добавочный налог.

Пусть это бьет в нос. Тем больше и тем скорее мы постараемся с этой данью покончить, поднять промышленность, рационализировать ее, удешевить товары и таким образом «ножницы» свести. Об этом шла речь. К сожалению, мы этого сейчас доделать не можем, но мы к этому должны идти, чем дальше, тем больше. Сколько лет понадобится для того, чтобы свести «ножницы», я не знаю, но ни в этом году, ни в будущем году, ни в следующем покончить с «ножницами» нам не удастся, если мы не хотим сорвать нашу промышленность. Об этом шла речь. Тов. Осинский гнул линию на уничтожение «ножниц» в ближайшее время. Я вместе с другими товарищами назвал это теорией восстановительных цен на сельскохозяйственные продукты. Сегодня тов. Осинский признает, что он против восстановительных цен. Это очень хорошо. Может быть, тов. Осинский отходит от той односторонности, которую он допустил. Вывод? Выход такой, что критика не прошла даром.

Второй вопрос – вопрос о колхозах и совхозах. Я вместе с другими, особенно я подчеркиваю, что недопустимо, чтобы виднейший деятель нашей партии т. Осинский выступал с большой речью здесь по вопросу о путях поднятия сельского хозяйства, по вопросу о том, по каким каналам должно пойти быстрое развитие земледелия, особенно зернового хозяйства, – чтобы он в этой речи ни одного слова буквально не сказал ни о колхозах, ни о совхозах. Говорил он об индивидуальном хозяйстве. Резолюция признает, что индивидуальное хозяйство долго еще останется базой сельского хозяйства. Его развитие и поднятие есть главная задача, хотя и недостаточная. Зачем было всю речь т. Осинскому тратить на этот вопрос, замалчивая совершенно новые задачи,

стоящие перед нами, – о колхозах и совхозах. Я сказал, что тов. Осинский замолчал это дело. Сегодня он заявляет, что он раньше еще стоял, стоит сейчас и будет стоять за колхозы и совхозы. Очень хорошо.

Осинский. Если мне два часа будут давать, то я скажу об этом более подробно.

Сталин. Очень хорошо. Стало быть, опять критика не прошла даром.

Третий вопрос – вопрос о смычковой промышленности. Вот здесь у него ошибка осталась старая. Он сегодня так же, как и раньше, признает смычковой промышленностью только текстильную.

Осинский. Только текстильную... Ничего подобного.

Сталин. Очевидно, вы себя не слушаете, когда говорите.

Осинский. Разрешите прочесть сейчас стенограмму.

Сталин. Вам здесь с места крикнули и Чубарь вас поправил в своей речи, что нельзя признавать, что только текстиль представляет из себя смычковую промышленность, что есть еще металл и тяжелая индустрия. Так вот, ежели т. Осинский не слушал самого себя и заявил, что он признает, что смычка идет по линии не только потребительских товаров, но и промышленных товаров для сельского хозяйства, тогда между нами разногласий нет. Очень хорошо.

Теперь я перейду, товарищи, к вопросу о совхозах. Пару замечаний, опять же по поводу ряда заявлений т. Осинского. Конечно, неверно, что в Америке не имеется образцов крупного зернового хозяйства. Неверно это. Тов. Осинский не может не знать известного труда Тулайкова, который недавно ездил в Америку и свои впечатления передал. Тов. Осинский не может не знать этого. Тут описана одна из нескольких крупных сельскохозяйственных экономий зернового типа, одна из единиц, которая живет и развивается. Можно прочесть несколько строк на этот счет.

«Пшеничное хозяйство в Монтане принадлежит обществу Кемпбеля...»

Осинский. Я об этом говорил.

Сталин. Вы это общество так заплевали, что ничего не осталось, чтобы подражать, чтобы брать пример с этого общества.

«Площадь его 32 тыс. десятин. Хозяйство находится... (ч и т а е т) общий доход он исчисляет в 50 тыс. долларов».

Есть такие хозяйства и на севере, и на юге Америки. Они живут, но им там хуже живется: благоприятных элементов для таких крупных зерновых хозяйств меньше в капиталистическом обществе, чем у нас. Мои замечания касаются вопроса о том, что тов. Осинский несколько отвлекся от той разницы, какую представляет наша среда, советская среда, для крупного хозяйства и среда капиталистическая. Отсылаться хотя бы на то, что там есть абсолютная частная собственность, там землю надо купить, а у нас этого не происходит, земля у нас государственная, это очень важно; сослаться хотя бы на то, что там накладывают большие налоги на землю, а мы можем льготу предоставить своим крупным хозяйствам, безусловно льготную ренту, вообще целый ряд факторов можно было бы пересчитать, вскрывающих основную разницу между строем советским и строем капиталистическим, разницу, которая говорит не против крупных зерновых хозяйств, а за них.

А теперь о совхозах вообще. Я рассматриваю совхозы и колхозы не только с точки зрения социалистического строительства в деревне, но прежде всего с точки зрения укрепления смычки, с точки зрения создания хозяйственных опорных пунктов в деревне для укрепления смычки. С этой стороны к делу не подходили товарищи, поэтому я даю себе право с этой стороны вопрос осветить в двух словах.

Хлебоцентр сообщает, что у него имеются договора с колхозами и со всеми другими товариществами по общей обработке земли на 20 млн. пуд. хлеба в этом году, на

20–25 млн. пуд. в этом году. Данные говорят, что наши совхозы, старые и новые, в этом году могут дать не менее 20 млн. пудов хлеба.

Анцелович. Больше.

Сталин. Тов. Анцелович говорит – больше, я беру меньшую цифру. Вот вам уже 40 млн. пудов хлеба. Это очень хороший резерв. Если бы у нас во время прошлогодней заготовительной кампании была такая опорная база или такой резерв, как миллионов 50 пудов хлеба, для того, чтобы выждать время, давить на цены, сохранить уровень цен и нейтрализовать горячку на рынке, очень может быть, что нам не пришлось бы прибегнуть к чрезвычайным мерам. Очень может быть.

Косиор. Во всяком случае, вторично не пришлось бы.

Сталин. Ежели мы добьемся того, что наш опорный пункт по зерновому хозяйству – колхозы всех видов, вплоть до машинных товариществ, имеющие договора с сельскохозяйственной кооперацией, совхозы старые и новые вместе, затем кооперированный крестьянин-единоличник, связанный с контрактацией, с нашей кооперацией, а в этом году, имейте в виду, мы, как оказывается, имеем контрактов на 40 млн. пуд., – если бы мы по этим трем каналам сумели заполучить некоторый резерв, может быть, не очень обильный резерв, примерно в 80–100 млн., никаких чрезвычайных мер не понадобилось бы и нам незачем было бы тормошить середняка.

Вот для чего нам нужны эти опорные пункты – колхозы и совхозы, вот для чего мы должны двигать вперед всеми силами и всеми средствами эти опорные пункты вперед. Мы не так беспомощны в деле отстаивания смычки, как об этом вчера говорил тов. Томский. Слушая тов. Томского, я получил впечатление, что, черт побери, неужели же так безвыходно наше положение, неужели мы так безоружны в вопросе отстаивания смычки. Оказывается, что у нас остается только одна категория резервов для отстаивания – уступки. Уступили сегодня, уступили завтра, уступили послезавтра. Это, говорит он, нас усилит. Я очень сомневаюсь, что перманентные уступки по отношению к крестьянству после нажима с его стороны, после нажима, который был организован кулаком, перманентные уступки по отношению к среднему крестьянству, чтобы они очень уж усиливали советскую власть, – в этом я очень сомневаюсь.

Г о л о с. Правильно.

Сталин. Нет, у нас имеются не только резервы уступок для сохранения смычки, но и резервы для организации опорных хозяйственных пунктов – колхозов, совхозов, кооперации, а также резерв политический по созданию политической опоры в деревне. Что это за политическая опора – об этом я скажу два слова. Если бы, кроме резервов уступок, у нас не было бы в деревне развивающегося резерва по созданию опорных хозяйственных пунктов в лице колхозов, совхозов и контрактационных видов кооперации, если бы, кроме того, у нас не было такого резерва, как работа среди бедноты, которая может и должна стать прочной опорой пролетариата в деревне, если бы этих опорных пунктов в деревне не было, – действительно наше положение было бы безнадежно. Нам пришлось бы только уступать, но этим уступкам может не быть конца. Разве мы можем во всем уступать? Сегодня уступили, завтра опять, послезавтра еще, а если потребуют от нас, чтобы мы открыли вольный рынок без регулирующего влияния со стороны государства, а если потребуют от нас, чтобы мы организовали крестьянский союз, – а ведь это требовали от нас, – а если потребуют, чтобы мы сняли таможенные преграды, монополию внешней торговли и открыли дорогу максимально низким ценам на товары, которые моментально свернут шею нашей промышленности, – уступим или не уступим? А ежели все это потребуют, ежели уже безнадежность, полная безоружность советской власти? Не так обстоит дело. У нас есть опорные пункты не только в виде колхозов – мы их будем развивать, не только в виде совхозов –

мы их будем развивать всемерно, не только в виде контракционных методов сельскохозяйственной кооперации – мы их будем развертывать всемерно, но у нас есть опорный пункт для политического воздействия на середняка – это усиленная работа среди бедноты. И вот в этой части я думаю, что совершенно необходимо внести, кроме тех поправок, о которых у нас сейчас говорилось, в резолюцию по заготовкам еще одну, расширенную поправку о работе среди бедноты.

Г о л о с. Правильно.

Петровский. Только туда нужны деньги.

Сталин. Правильно, о деньгах буду сейчас говорить. Поглядите сами, февраль-март – заготовки идут в гору, известную часть собранного хлеба даем бедноте, беднота поворачивается к нам. Это общая констатация, это все утверждают. Беднота, опора – это чувствует деревня. Середняк как себя ведет в большинстве? Против кулака, не за кулака. Май-июнь, заготовки падают, резервов у нас нет, бедноте нечего давать. Много ли ей нужно для того, чтобы до нового урожая подождать, много ли нужно дать бедноте в июне-июле, наиболее нуждающимся? Миллионов 10, 12, 15 максимум. Чего стоят 15 миллионов? Известных резервов хлеба миллионов 30, скажем, не больше.

А чего стоят наши уступки середняку? Это ведь не то, что, как вчера некоторые говорили: немного меньше бюрократизма, немного больше планирования, и все будет хорошо. Нет, товарищи, наши уступки середняку стоят 140 млн. рублей, если поднять цены процентов на 15, а если поднять на 40%, как т. Томский предлагал...

Томский. Я не предлагал, а я говорил «примерно».

Сталин. Если, примерно, поднять на 40%, это будет стоить около 300 млн. – 280 млн. Откуда их взять? Вот вы рассчитайте: либо мы создаем резервный фонд всеми средствами, всеми силами для бедноты миллионов 12 пудов хлеба, для того чтобы при открытии нового урожайного года подсыпать кое-что на подкорм, она ведь даром не требует, беднота, она хочет дешевле получить хлеб, – это нам обойдется миллионов 30; либо мы этого не дадим – 30 млн. рублей, – и тогда извольте каждый год по 140 млн. отсыпать середняку. Вот как повернется дело.

Я, товарищи, кончаю тем, что дела наши не так безнадежны, как это может показаться по речам некоторых товарищей. У нас есть резервы для сохранения союза с середняком, но они состоят не только в уступках, они состоят еще в том, чтобы опорные пункты хозяйственного порядка в деревне развернуть вовсю, иметь резервы и сохранить уровень цен, выжидать. Они состоят в том, чтобы создать опорные пункты политического порядка, для того, чтобы, усилив работу среди бедноты, тем самым заставить середняка колебнуться в нашу сторону. Середняк есть класс колеблющийся. Ежели наша работа ведется не импрессионистски, как до сих пор велась, а будет вестись систематически изо дня в день, то беднота будет прочной опорой советской власти в деревне. Причем надо работать не только по линии агитации и пропаганды – это имеет большое значение, – но и по линии материальной части. Уверяю вас, что середняк колебнется в нашу сторону, а кулаку станет жарко. Середняк тянется к силе. Кто сдрейфит, тот не может притянуть к себе середняка, а у кого есть сила опоры на бедноту, тот обязательно перетянет середняка на свою сторону. Вот для чего совхозы нужны, не только для социалистического строительства, а для того также, чтобы через них создавать опорные пункты, опираясь на которые мы сможем середняка колебнуть в нашу сторону. Это сохранит смычку без больших принципиальных уступок.

Бывало время, когда середняк требовал от нас организации крестьянских союзов. Бывало такое время. Как мы этот удар отпарировали? Усилением работы среди бедноты, убеждением через бедноту середняцкой массы, что это не годится, что это кулацкая затея. Этот элемент убеждения в системе работы, он почему-то почти исключен из

нашей практики. Может быть, чрезвычайные обстоятельства в этом виноваты? К этим элементам убеждения в работе среди бедноты надо вернуться, товарищи, ведь бывали времена, когда середняк говорил: ну вас к черту с вашим регулированием, откройте вольный рынок. Вокруг этого вопроса середняк будет колебаться все время. Попробуйте открыть вольный рынок. Что это значит? Если спекулянт дает 1 р. 50 к., мы должны дать 1 р. 60 к., если спекулянт дает 2 р., вы должны дать 2 р. 10 к., как говорят в практике – переплюнуть надо этого самого спекулянта. Если так пойти, товарищи, так повести дело, если здесь сдать – это значит сдача всего, потому что тогда надо поднять втрое заработную плату; это значит поднять цены на промтовары, все повернуть вверх дном. Как мы это отпарируем? Усилением работы среди бедноты, чтобы таким образом притянуть середняка на свою сторону. Только такими методами мы можем его убедить. Надо только его подготовить, что мера эта – снятие всяких регулирующих функций со стороны государственных органов, создание вольного рынка, – эта мера поведет к усилению кулака, это может удлинить сроки. Середняка могут тянуть кулаки, а людей, которые могут научить середняка, очень много у нас в России, дескать, толкни их к тому, чтобы они сняли монополию внешней торговли.

Что же мы констатируем здесь, что, дескать, значит, пришел раскол блока и опустим руки? Нет, будем драться. Через бедноту убеждать середняка, что это дело ведет к гибели нашей страны, к превращению ее в колонию. Повторяю, наши дела не так плохи, как некоторым это кажется. У нас есть резервы не только по линии уступок, но и по линии построения наших опорных пунктов в области развития нашего хозяйства, и тогда смычка у нас будет крепкой.

Рыков. Слово имеет тов. Калинин.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1033. Л. 59–72. Подлинник.

ДОПОЛНЕНИЕ 11

ЧЕРНОВЫЕ ЗАМЕТКИ Н. И. БУХАРИНА К ДОКЛАДУ А. И. МИКОЯНА НА ИЮЛЬСКОМ ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б) 1928 г.[271]

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ЗАДАЧИ ПАРТИИ (проект резолюции)*

I

1. Истекшее с начала реконструктивного периода время на опыте строительной хозяйственной работы и классовой борьбы вскрыло и ряд трудностей, свойственных этому периоду, и ряд основных недостатков хозяйственного руководства и его лидеров. К числу объективных трудностей относятся трудности, вытекающие из политики внешнего капиталистического окружения (попытки финансово-экономической блокады), и трудности, вытекающие непосредственно из технико-экономической отсталости страны (границы накопления, накопления в социалистической индустрии, в частности в тяжелой индустрии, индустрии химической, электростроении в особенности). Новизна и сложность задач реконструктивного периода, связанные с этим новые, в громадной степени более сложные требования, предъявляемые к хозяйственному руководству (широкий горизонт, понимание всех экономических связей, научная квалификация, технические познания, практический опыт и т. д.), поставили резкую борозду между потребностями восстановительного периода и потребностями периода реконструктивного. По-новому в этой усложненной обстановке стали и вопросы классовой борьбы, борьбы между различными хозяйственными формами, ибо каждый плановый просчет имеет глубоко практические последствия и создает неизбежную базу для более успешных маневров со стороны классового врага.

2. В итоге истекшей хозяйственной практики последнего времени необходимо, наряду с общими и безусловными успехами, констатировать целый ряд крупнейших и опаснейших хозяйственных провалов: до сих пор, несмотря на неоднократные решения съездов и постановлений ЦК, не выполняется директива о **резервах** (товарные, валютные, золотые, хлебные). **Капитальное строительство**, несмотря на крупнейшие вложения, движется медленнее, чем это могло бы быть, по причине дороговизны строительства, введения в хозяйственный обиход «морально-сношенных» (т. е., с американской и западноевропейской точки зрения, устарелых) технических средств и приемов строительства, хаоса в руководстве и бюрократической волокиты. **Смычка между городом и деревней**, несмотря на сдвижение «ножниц», налаживается не с достаточной быстротой, а за последние месяцы происходит совершенно недопустимый процесс хозяйственной **размычки**, которая находит свое выражение в резком ухудшении отношений между пролетариатом и основными массами крестьянства и в ослаб-

* Над заголовком документа карандашная пометка Н. И. Бухарина: «Заметки» (ред.).

лении сил самого пролетариата. **Экспортно-импортная** проблема точно так же далека от своего разрешения. Необходимо со всей объективностью и бесстрашием констатировать, что весь аппарат власти и партии оказался еще недостаточно культурно выросшим, чтобы овладеть сразу гигантскими задачами реконструктивного периода. Эти задачи можно будет решать лишь в мере действительного втягивания масс в строительный процесс, деятельной борьбы с классовым врагом и повышения квалификации всего руководящего кадра пролетарского государства.

3. Реконструктивный период не таит в себе обязательных и неотвратимых классовых столкновений пролетариата с крестьянством, ибо раскол между этими классами отнюдь не заложен в природе советского хозяйства (Ленин против Троцкого). Ленин писал по этому поводу: «Если возникнут **серьезные классовые разногласия** между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социалистическом строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и **главная задача** нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их...»[272]. Границей затруднений реконструктивного периода является, следовательно, такая их граница, которая не вызывает «серьезных классовых разногласий» между пролетариатом и крестьянством.

Затруднения реконструктивного периода не могут быть совершенно сняты плановой политикой партии и государства, ибо при наличии многочисленных индивидуальных хозяйств само планирование имеет суженные границы. Однако затруднения такого объема, который угрожает «серьезными классовыми разногласиями», будучи отнюдь не неизбежными, **могут и должны сниматься политикой партии**. В этом и состоит, по Ленину, «главная задача ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом».

4. Крупнейшие затруднения с хлебоснабжением и начало размычки между городом и деревней нельзя объяснить тем обстоятельством, будто траты на индустрию вообще превышали силы народного хозяйства и его деревенского сектора. Начало затруднений в хлебозаготовках совпало с перенасыщенностью деревни деньгами и с резким несоответствием между этим платежеспособным спросом и товарным предложением (как с качественной, так и с количественной стороны). Нельзя объяснить эти затруднения, также и исходя из возможного роста разногласий, диспропорции между индустрией и сельским хозяйством, поскольку раствор ножниц за последнее время не вырастал, а суживался. **Наконец, переживаемого кризиса во всей его специфичности** нельзя объяснить и из факта дробления крестьянских хозяйств, ибо это дробление наблюдалось и раньше, отнюдь не приводя к таким результатам, как в текущем году. Кризис хлебозаготовок объясняется чрезвычайно плохим положением производства **зерна** в ряде других отраслей сельскохозяйства* (животноводство, птицеводство, молочное хозяйство, технические культуры и т. д.), резко ухудшившимся именно в текущем году и с точки зрения средних цен (заготовки частника в прошлом году), и с точки зрения налогового обложения. В неучете этого решающего фактора состояла основная ошибка планового руководства. Именно эта ошибка планового руководства **позволила** кулачеству на вопросе о ценах **объединить известные массы середняка** (а затем, на другой основе, – и бедноты) и оказать значительное сопротивление государственному плану хлебозаготовок. Конфликт развивался именно по линии **зерновых** цен, ибо как раз здесь были нарушены основные хозяйственные пропорции, элементарно необходимые для всего хода общественного воспроизводства в целом.

5. С точки зрения перспективы развития, необходимо всемерно способствовать поднятию производительных сил в сельском хозяйстве и в зерновом его секторе в осо-

* Так в тексте (ред.).

бенности. Это необходимо и с точки зрения внутреннего хозяйственного оборота (сырьевая база промышленности и хлеб), и с точки зрения правильных отношений с капиталистическим внешним рынком. Индустриализация СССР предполагает: 1) рост экспорта продуктов сельского хозяйства и в значительной мере зернового хозяйства, чем СССР может платить за ввоз машинного оборудования; 2) расширение собственной сырьевой базы потребления хлеба растущим городским населением; 3) индустриализация самого сельского хозяйства, что, в свою очередь, предполагает реальные накопления в сельском хозяйстве (т. е. превращение вырученных денег в сельскохозяйственные машины, скот, удобрения, дренажные трубы и т. п.). Поднятие урожайности **массы** хозяйств, повышение их техники и их решительное **укрупнение**, возможное в необходимых размерах лишь на базе различных коллективных форм хозяйства, является поэтому важнейшей задачей нашей хозяйственной политики.

6. Социалистическая промышленность может и должна быть орудием переделки крестьянского хозяйства. Строительство совхозов, весьма важное с точки зрения перспективы снабжения пролетариата и городов вообще, отнюдь не разрешает задачи переделки десятков миллионов крестьянских дворов. Совхозы должны быть одним из рычагов этой переделки, а не средством утопической хозяйственно-политической «эмансипации» от крестьянства. С другой стороны, колхозы могут расти на крепкой основе лишь в меру их снабжения средствами производства, более высокими, чем средства производства индивидуального хозяйства. Именно поэтому, в отличие от капиталистических стран, индустрия СССР должна быть более решительно повернута в сторону крестьянского хозяйства для его технической реорганизации и экономической переделки.

7. В вопросах планирования вообще и в вопросах планирования цен в особенности необходимо исходить из внимательного учета условий воспроизводства. Цена есть регулятор производства, является ли она вольной или фиксированной государством ценой. Издержки производства и известная надбавка, обеспечивающая расширенное воспроизводство, взятое сравнительно с конкурирующими отраслями производства (т. е. такими, куда могут «перебежать» под давлением цен производительные силы мелкособственнического хозяйства), должны, по правилу, быть границами регулирования цен. Снижение цен за эти пределы означает перераспределение производительных сил и натурализацию данной отрасли производства. Атака этих экономических законов механической силой аппаратного нажима и репрессий не может не означать глубочайшего потрясения основ правильной экономической политики и, следовательно, всего экономического организма СССР в целом.

8. Основной формой связи между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством, пролетариатом и крестьянством должна быть **рыночная связь**. Если пролетарское государство должно всемерно поощрять и развивать, в мере создания для этого прочной экономической базы, возможные формы прямого регулирования (например, контрактации), то, с другой стороны, необходимо помнить, что предпосылкой роста производительных сил страны, без которого не может (длительно) расти социализм (хотя и не всякий рост производительных сил означает рост этого последнего), является **товаризация** основных масс крестьянского хозяйства. Любое **вынужденное** применение экстраординарных мер, имеющих тенденцию перерастать в меры военно-коммунистического характера, давая известный преходящий эффект, длительно влечет за собою подрыв производительных сил, натурализацию сельского хозяйства, а политически – подрыв рабоче-крестьянского союза и ослабление на известной ступени применения этих мер сил самого пролетариата.

9. Поэтому необходимо и в области торговли (закупок и снабжения), как и в дру-

гих областях, резко отличать здоровую централизацию, базирующуюся на росте производительных сил, на росте товарооборота, на увеличенных заготовках, на улучшении снабжения, на растущем благосостоянии масс, наконец, на прочном экономическом вытеснении частника, от военно-коммунистической централизации аппаратно-бюрократического типа, которая тем усерднее растет, чем меньше снабжает, которая базируется на уменьшении снабжения, на исчезновении объектов товарооборота, на замене правильной **купли-продажи** системой «сдачи государству», реквизициями и прочими методами соответствующего образца. Поэтому и эти методы, и эта система «торговли» должны быть решительно отменены, коль скоро в них миновала непосредственная нужда или коль скоро они начинают играть в общем итоге отрицательную роль.

10. Перспективно перед партией стоят задачи дальнейшей социализации всей экономики страны. Сюда относится, прежде всего, **капитальное строительство** в индустрии (включая электрификацию), с особым ударением на тяжелую индустрию, индустрию химическую, производство сельхозорудий и основных средств строительства (кирпич, цемент и т. д.). Сюда относится **колхозное** строительство и строительство **совхозов**, что отнюдь не исключает ни подъема индивидуальных хозяйств, ни закупочно-снабженческо-кредитного их кооперирования. Забота о том, чтобы идти вместе «с мелкими и мельчайшими хозяйствами» крестьян, кооперировать их и систематически вовлекать их в русло социалистического строительства, через сбыт, закупку и кредит, через связь с индустриальными предприятиями, обрабатывающими продукцию сельского хозяйства, через концентрацию мелких сбережений и т. д., остается важнейшей задачей партии, к которой (задаче) присоединяется теперь в возрастающей мере проблема производственного кооперирования крестьянства и более решительной борьбы с капиталистическо-кулацкими хозяйствами (налоги, кооперация бедноты и середняка и т. д.).

11. Только на основе такой политики можно обеспечить и максимальный темп внутреннего развития, и ускорение этого темпа путем связи с капиталистическим внешним окружением. Развитие этой связи предполагает ряд экспортных операций, в свою очередь предполагающих быстрый рост производственных сил в деревне, систематически оплодотворяемый еще более быстрым развитием социалистической индустрии.

12. Реконструктивный период должен означать в общем **укрепление** связи между пролетариатом и крестьянством (беднотой и середняком). Эта связь не может строиться на политике принуждения. Она не может строиться на каком-либо абстрактном принципе. Для нее недостаточен теперь и голый факт освоения бывшей помещичьей земли крестьянством. По Ленину, эта смычка должна покоиться на дешевизне промышленного производства (производить лучше и дешевле, чем капиталист), на преодолении «ножниц», на реальной помощи крестьянской бедноте, на поддержке кооперации, на **связи** частного **интереса** мелкого производителя с интересом социалистической индустрии.

13. Несомненный рост кулачества, пытающегося во всех трудных для соввласти случаях стать гегемоном в деревне, обязывает партию к усилению борьбы на этом фронте. Но решающим вопросом в этой области является вопрос о **методах** борьбы. Длительно такими методами не могут быть методы военно-коммунистического образца, ибо они неизбежно в той или иной мере затрагивают и середняцкое хозяйство. Развитие середняцкого и бедняцкого хозяйства требует купли-продажи, известной свободы оборота, правильного взимания налогов, твердого законодательства, революционной законности. Борьба с кулачеством должна вестись по правилу, методами налого-

вого обложения (которое можно повышать до максимума по отношению к кулацким хозяйствам), строжайшего соблюдения законодательных ограничений (лишений избирательного права в советы, сельские общества, пассивного избирательного права – в кооперацию, законы, охраняющие наемный труд, законы об аренде и т. д. и т. п.), наконец, методами всемерной поддержки кооперации, колхозов, группы бедноты и проч. «Экстраординарные» меры, меры военно-коммунистического образца, длительно, в условиях мирного времени, вредны.

14. Реконструктивный период предполагает улучшение положения рабочего класса. Это улучшение не может быть достигнуто на базе **неправильных** отношений между городом и деревней. Никакого сплочения сил пролетариата на основе **ссоры** с крестьянством в СССР быть не может, не может потому, что ослабление связи с крестьянством означает затруднения для промышленности и неизбежное осложнение со снабжением города даже в том случае, если у пролетариата будет известная государственно-производственная база в деревне (совхозы). На основе правильных отношений с крестьянством и на основе роста индустрии необходимо неуклонное повышение материального и культурного уровня рабочего класса и решительное массовое вовлечение его в процесс социалистического строительства.

II

15. В настоящее время страна переживает тяжелый кризис, который по **экономической** линии выражается в кризисе хлебозаготовок, снабжения городов и т. д. (введение карточной системы, перебои в снабжении, хвосты, чудовищно высокие цены на фактически нелегальном хлебном рынке и т. д.). Посевные площади приблизительно стабильны, но (в силу гибели озимых, передвижки между различными группами крестьянства, замены пшеницы кукурузой и т. д.) валовая продукция ржи и пшеницы будет, по всей вероятности, ниже прошлогодней. **Социально** кризис находит свое выражение в недовольстве среди довольно широких слоев крестьянства, что связано с хлебозаготовками и экстренными мерами, а равно и т. н. «перегибами», в резком недовольстве части голодающей бедноты, в недовольстве рабочих плохо снабжаемых городов и широкой обывательской массы.

16. «Экстраординарные мероприятия», которые были неизбежны, потому что не было другого выхода, и которые для известного периода получили свое оправдание, в настоящее время развивают автоматически тенденцию к перерастанию в систему военно-коммунистической политики. Их узкая хозяйственно-политическая роль (получка хлеба) становится ничтожной; их отрицательная политическая роль становится весьма большой. Они изжили себя и превращаются в собственную противоположность, в средство ссоры с крестьянством, исчезновение товаров, громадного вздутия «нелегальных» вольных цен и т. д. и т. п. Поэтому ЦК постановляет:

а) все экстраординарные меры отменить (реквизиция, конфискация, применение 107 статьи и проч.);

в) решительно открыть вольный хлебный рынок, отменив препятствия к купле-продаже хлеба; обеспечить мощную позицию государственных и кооперативных хлебозаготовительных органов; отказаться от гиперцентрализации снабжения, предоставив местным организациям собственные права;

с) повысить цены на хлеб на 25 коп. с пуда;

д) ввести, в качестве маневр. фонда, 25 млн. пудов.

17. В области **колхозного строительства**, а равно в строительстве **совхозов** иметь в виду строгую обоснованность планов и серьезную организацию работы. Не-

обходимо решительно бороться против организации колхозов «по разверстке» (столько-то на волость). Уроки капиталистического строительства в области промышленности должны быть использованы в полной мере при организации колхозов. Необходимо иметь в виду, что прочная организация колхозов требует и орудий труда, и соответствующего персонала, и соответствующей организации труда. Поворот партийного общественного внимания вновь к сельскому хозяйству вообще и к колхозному строительству в особенности есть выражение того факта, что сельское хозяйство вступает в реконструктивный период и его «капитальные затраты» должны давать максимальный эффект. Необходимо с самого начала бороться с легкомысленным ажиотажем, разбазариванием средств, а часто и с проникновением в колхозы кулацких элементов.

18. В области **капитального строительства и промышленного строительства вообще** необходимо добиться проведения следующих главнейших мероприятий:

а) сокращение длины фронта капитального строительства и повышение **темпов** строительства хотя бы меньшего количества новых заводов, поскольку это не предполагает закрытия уже начатых работ;

в) большее внимание химической индустрии и сельскохозяйственному машиностроению;

с) применение новых методов строительства, решительная борьба с рутиной и дороговизной строительства;

д) расширение научных опытов, посылка в Америку инженеров и квалифицированных рабочих, большая связь между научными институтами и производством, уничтожение всех лишних производственных звеньев.

19. В области внешних экономических связей:

а) усиление торговых и других экономических связей с С. А. С. Штатами;

в) применение методов концессионного **подряда** (строится иностранцами, потом передается СССР);

с) курс на развитие сельскохозяйственного экспорта в первую очередь.

20. В области **накопления резервов**, при политике величайшей экономии, выполнение директив партии и строжайший контроль за выполнением этих директив.

21. В области методов **планового (и хозяйственного вообще) руководства** необходимо провести радикальную реформу; исходя из того, что в усложнившихся условиях вопрос решает не элементарная классовая установка, которой недостаточно, но полное знание предмета, понимание связи между элементами и т. д. Необходимо повышение квалификации руководящих работников. Необходима разгрузка от бесконечной вермишели, децентрализация работы при централизации **основных** задач, разработанных с полной объективностью. Необходимо решительное перенесение центра тяжести работы инженеров и хозруководителей на места, сокращение «верхушек», уничтожение всякой лишней переписки и канцелярщины, создание «головок» из преданных и компетентных руководителей. Необходимо в законодательном порядке освободить хозорганы от дачи бесчисленных анкет, справок и т. д. Обязать руководителей хозяйством следить за соответствующей западноевропейской и американской литературой, периодически отправляя их в заграничные командировки. Обратить особое внимание на подготовку красных спецов, средних техников и т. д.

22. В области **вовлечения масс** необходимо строжайшее проведение рабочей демократии, самокритики и т. д. при решительном курсе на производственные совещания и всемерное содействие массовой инициативе. Особое внимание должна заслуживать борьба с бюрократизмом. Только мобилизуя массы, втягивая их, выдвигая наиболее талантливых рабочих, партия в состоянии будет преодолевать огромные трудности реконструктивного периода.

III

23. ЦК констатирует, что, таким образом, решительный курс на дальнейшее продвижение к социализму, усиленное наступление на кулака, обострение внимания всей партии к проблемам колхозного и совхозного строительства отнюдь не связаны органически с экстраординарными мерами, которые на время необходимо было принять.

24. ЦК считает неправильным изменение партийной линии в сторону возврата к позициям XIV съезда партии, по отношению к которым XV съезд – необходимый и возможный шаг вперед. Дальнейшее наступление на капиталистические элементы есть единственно правильная политика в данный момент.

25. С другой стороны, всякие тенденции представить временные экстраординарные меры, применяемые теперь партией, как «суть» правильного курса должны встречать решительный отпор. Считать правильным **такой** «курс», который ссорит нас с крестьянством (его основными массами), который сокращает сырьевую и хлебную базу промышленности и ухудшает улучшавшееся положение рабочего класса («тезисы» И. Н. Смирнова – т. е. тезисы троцкизма), есть вопиющая антиленинская нелепость, с которой партия должна решительно бороться.

Отдельные судебные процессы (ташкентский, шахтинский и т. д.), опыт капитального строительства, опыт с хлебозаготовками наглядно показали партии не только работу классовых врагов пролетариата (саботажников и вредителей, кулаков и т. д.), но и недостаточную культурность масс, болезни аппарата, комчванство, крупнейшие недостатки планового руководства. Повышение этой культурности всего аппарата и всей массы, особая требовательность по отношению к командным верхушкам руководства – это главная задача, которую нужно решать.

РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 9. Л. 43–60. Автограф.

ДОПОЛНЕНИЕ 12

Н. И. БУХАРИН. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНУМА ЦК ПО ДОКЛАДУ А. И. МИКОЯНА

I

1. Кризис хлебозаготовок поставил перед партией и ряд коренных проблем, связанных с отношением между городом и деревней, и ряд задач, требующих немедленного решения со стороны партии.

Кризис хлебозаготовок выдвинул перед партией прежде всего проблемы зернового хозяйства страны. Уже предыдущие решения партии обращали особое внимание на необходимость развития зернового хозяйства. Сведение на нет хлебного экспорта, неустойчивость урожаев в связи с факторами внеобщественного характера (гибель озимых на Украине и т. д.), расстройство и нехватки снабжения в городах, отсутствие хлеба у бедняцких групп деревни, переходящее местами в состояние, близкое к голодному, – все это заставляет поставить вопрос о производстве зернового хлеба с особой остротой и особой настойчивостью.

2. Важнейшим фактором, отражающимся на малой продуктивности крестьянского хозяйства, является непрерывно идущее его дробление и измельчание, что, в связи с недостаточным накоплением внутри крестьянского хозяйства, крайне затрудняет его хозяйственный рост вообще, развитие его товарности и понижение издержек производства хлеба. Особенно резко этот процесс отражается на зерновом хозяйстве в силу добавочных неблагоприятных моментов (сравнительные цены на зерно и другие культуры, сравнительно более высокое обложение и т. д.), что вызывает перераспределение производительных сил крестьянского хозяйства в сторону, неблагоприятную именно для производства зерновых хлебов.

3. Поэтому ЦК считает необходимым, в качестве одной из главнейших директив хозяйственной политики, дать директиву о всемерном развитии зернового хозяйства вообще и укрупненного хозяйства коллективов и совхозов в особенности. Интенсификация и машинизация индивидуальных хозяйств, поднятие их урожайности и развитие их товарности, при систематической, все более решительной борьбе с кулачеством методами экономического его вытеснения и при систематической работе по проведению кооперативного плана Ленина, является главнейшей задачей партии. Но в настоящее время, когда у пролетарского государства появились известные возможности финансирования общественного сектора сельскохозяйственного производства и когда процесс дробления крестьянского хозяйства ставит со всей резкостью вопрос об укрупнении сельского хозяйства, – все более и более становится настоятельной задача прямой поддержки, организации и развития колхозного и совхозного строительства.

4. Развитие крестьянского хозяйства вообще, коллективного сельского хозяйства в особенности возможно лишь в мере дальнейшего роста социалистической индустрии, в особенности химической индустрии и сельскохозяйственного машиностроения. Реконструктивный период требует особой формы хозяйственной смычки между соци-

алистической индустрией и основными массами крестьянских хозяйств: лишь в мере покрытия производительного спроса со стороны крестьянских хозяйств, лишь в мере растущей в силу этого индустриализации самого крестьянского хозяйства может быть достигнут действительно прочный союз между индустриальным пролетариатом и бедняцко-середняцкими массами крестьянства.

II

5. В настоящее время страна переживает тяжелый кризис, который объясняется особыми, специфическими причинами, действующими на фоне общих хозяйственных затруднений (трудности капитального строительства, дробление крестьянского хозяйства и его малая товарность, рост потребления и т. д.). Особо неблагоприятное положение производителей зерна в текущем году по сравнению с производителями других культур и скота (и в отношении цен, и в отношении налогового обложения), при несоответствии между промтоварным предложением и денежной массой, имевшейся в деревне, привели к исходному пункту заготовительного кризиса.

Партия рядом энергичных экстраординарных мероприятий способствовала заготовкам хлеба, хотя методы заготовок в известной мере нарушали правильное взаимоотношение между пролетарским городом и мелкобуржуазной деревней. Тем самым партия предотвратила расширение экономического кризиса и катастрофическое его распространение на ряд важнейших отраслей производства, что привело бы к фактическому срыву всех промышленных планов и вызвало бы огромное потрясение всего хозяйства Союза.

6. Однако дальнейшее применение экстраординарных мероприятий приводит уже к явно отрицательным итоговым результатам. Их непосредственный эффект (получение хлеба) становится минимальным. Их политический результат – чисто отрицательным. Кроме того, их применение все более и более развивают автоматически тенденцию к перерастанию этих экстраординарных мер и даже так называемых перегибов в систему военно-коммунистической политики (разверстка, конфискации и реквизиции, закрытие базаров и т. д.). Автоматизм этого процесса ведет к карточной системе, к исчезновению с рынка ряда все новых и новых товаров и начинает дезорганизовывать снабжение городов. С другой стороны, такое положение дел начинает сказываться и на ряде других отраслей (срыв льняных заготовок, лесозаготовок и т. д.).

7. С точки зрения классов и классовой борьбы, такое положение выражается в явном подрыве союза рабочего класса с крестьянством, в растущем недовольстве середняка, в резком недовольстве части голодающей бедноты, не имеющей никакой возможности покупать хлеб по чудовищно возросшим ценам, в недовольстве рабочих плохо снабжаемых городов и в недовольстве широкой обывательской массы. Таким образом, в деревне кулачеству удается повести за собою часть и середняков, и бедноты, что не может не означать ухудшения политического положения в стране, определяемого, в первую очередь, ухудшением в отношениях между советской властью и крестьянством.

8. В силу всего вышеизложенного пленум ЦК постановляет:

РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 9. Л. 9–12. Автограф.

ДОПОЛНЕНИЕ 13

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 21 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО

ОПРОСОМ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО ОТ 17.04.28 г.

<СЛУШАЛИ:

п.> 33. О составе комиссии ЦК* по вопросу о мерах улучшения высших и средних технических учебных заведений с точки зрения выработки и правильного распределения красных специалистов и хозяйственников.

<ПОСТАНОВИЛИ:>

33. Назначить комиссию по вопросу о мерах улучшения высших и средних технических учебных заведений и передаче нескольких ВТУЗов ВСНХ с участием ВЦСПС в составе:

1) Молотова (пред.),
2) Косиора (зам.),
3) Криницкого,
4) Москвина,
5) Луначарского (с заменой Яковлевой),
6) Ходоровского,
7) Рухимовича (с заменой Косиором И.)
8) Краваля,
9) Полюдова (НКПС),
10) Ерогова (ВЛКСМ),
11) Шмидта (НКТруд),
12) Скрыпника,
13) Догадова,
14) Коростелева,
15) Лобова.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 76. Л. 2. Не заверенная машинописная копия на бланке ЦК.

* В ходе работы состав комиссии изменялся (ред.).

ДОПОЛНЕНИЕ 14

ПРОТОКОЛ № 1 ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ПО ВОПРОСУ О ВТУЗАХ

12 мая 1928 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Молотов, Косиор С., Косиор И., Луначарский, Ходоровский, Яковлева, Скрыпник, Криницкий, Москвин, Эйдеман, Догадов, Милх, Краваль, Ерогов, Шмидт, Манцев, Коростелев.

Председатель Молотов.

СЛУШАЛИ:	**ПОСТАНОВИЛИ:**
I. План работы комиссии.	I. Разбить работу комиссии на следующие вопросы: 1. Посылка за границу окончивших ВТУЗы студентов. 2. Постановка учебного дела и связь ВТУЗов с производством. 3. Комплектование, состав учащихся, распределение и использование окончивших ВТУЗы. 4. Материальная база ВТУЗов. 5. О передаче нескольких ВТУЗов в ведение ВСНХ. 6. О техникумах. 7. О плане подготовки инженеров и техников в связи с планом развития промышленности.
II. Намечение докладчиков по выделенным вопросам.	II. Наметить по выделенным вопросам следующих докладчиков: 1. Посылка окончивших ВТУЗы студентов за границу – подкомиссия в составе: Ходоровский, Скрыпник, Краваль и Эйдеман (созыв за Ходоровским). 2. Постановка учебного дела – Ходоровский, Скрыпник, Краваль. 3. а) Комплектование состава учащихся ВТУЗов и выпускаемых ВТУЗами – Ходоровский, Скрыпник; б) Распределение и использование окончивших ВТУЗы студентов – Шмидт и Краваль. 4. Материальная база – подкомиссия в составе: Косиор И. (председатель), Ходоровский, Скрыпник, Краваль, Эйдеман, Коростелев, Кузнецов (НКФ). 5. О техникумах – Ходоровский, Краваль. 6. О передаче нескольких ВТУЗов в ведение ВСНХ – Краваль, Ходоровский.

III. Ближайшая работа комиссии.

III. Назначить следующее заседание комиссии в 10 час. утра на 18 мая, поставив на нем вопросы:
а) о посылке за границу окончивших ВТУЗы студентов,
б) о постановке учебного дела и связи с производством.

Обязать подкомиссию в составе: Ходоровского, Скрыпника, Краваля и Эйдемана представить не позже среды план посылки студентов ВТУЗов за границу, выделив для посылки не менее 200–250 студентов.

Признать необходимым ознакомление с рядом ВТУЗов входящих в состав комиссии, а именно:
МВТУ – Криницкий и Косиор И.,
Институт Каган-Шабшай – Косиор С., Краваль, Ходоровский,
МИИТ – Шмидт, Коростелев,
Горная академия – Манцев, Догадов.

Обязать перечисленных тт. сделать комиссии сообщение о результатах ознакомления.

Председатель: (подпись)
Молотов

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 76. Л. 10–11.

ДОПОЛНЕНИЕ 15

ПРОТОКОЛ №9 ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ПО ВОПРОСУ О ВТУЗАХ

27 июня 1928 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ ЧЛЕНЫ КОМИССИИ: Молотов, Криницкий, Москвин, Луначарский, Косиор И., Догадов, Шмидт, Коростелев, Эйдеман, Сулимов, Краваль, Лобов, Манцев, Жданов, Гольцман, Милх, Яковлева.

ПРИГЛАШЕННЫЕ: Кузнецов, Радченко, Грант, Струмилин, Янау, Грановский, Челяпов.

Секретарь (подпись)

СЛУШАЛИ:	**ПОСТАНОВИЛИ:**
1. Проект резолюции к пленуму ЦК «Об улучшении подготовки специалистов» (Молотов).	а) Проект резолюции к пленуму ЦК «Об улучшении подготовки новых специалистов» утвердить в целом с внесенными поправками и дополнениями. б) Конкретные предложения по финансированию ВТУЗов и техникумов в резолюцию не включать, внести их на утверждение ПБ, и включить в резолюцию к Пленуму предложение – одобрить решения ПБ по этому вопросу. в) Отклонить предложение Наркомпроса об исключении из намеченного подкомиссией списка передаваемых ВСНХ ВТУЗов Московской горной академии. г) Поручить Молотову максимально сократить резолюцию.
2. Об Электромашиностроительном ин-те им. Каган-Шабшая (Молотов).	а) Считать необходимым Элмаш ин-тут им. Каган-Шабшая признать ВТУЗом. б) Внести на утверждение Политбюро.
3. О командировках молодых инженеров за границу (Молотов).	Включить вопрос о командировках молодых инженеров за границу в порядок дня следующего заседания комиссии (в пятницу, 29 июня в 10 час. утра).

Милх

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 78. Л. 37.

ДОПОЛНЕНИЕ 16

ЗАПИСКА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРКОМА ФИНАНСОВ СССР С. М. КУЗНЕЦОВА В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

<Не позднее 29 июня 1928 г.>

Комиссией тов. Молотова принято следующее постановление о финансировании технического образования и материального положения студенчества: «С 1928/29 г. увеличить ассигнования на ВТУЗы и индустриальные техникумы по госбюджету СССР сравнительно с предыдущим на 55–60 млн. рублей (включая сюда также увеличение стипендий и зарплаты для преподавателей в других ВУЗах и неиндустриальных техникумах). Установить на нужды технического образования отчисления от прибыли промышленности в 3% начиная с 1928/29 г., с тем чтобы половина этих отчислений учитывалась в бюджетах Наркомпросов».

Таким образом, помимо указанных 55–60 млн. рублей, комиссия тов. Молотова, вводя отчисление 3% от прибылей промышленности на нужды профтехнического образования, увеличивает соответствующие расходы смет Наркомпросов примерно на 25–27 млн. рублей, если считать, что прибыль промышленности составит около 850–900 млн. рублей. Согласно тому же постановлению, половина отчислений от прибыли промышленности учитывается в бюджетах Наркомпросов. А так как в сумме увеличения ассигнований на ВТУЗы и индустриальные техникумы в размере 55–60 млн. рублей (включая сюда также стипендию и зарплату для преподавателей других ВУЗов и неиндустриальных техникумов) не учтено 50% отчислений от прибыли промышленности, составляющих около 13 млн. рублей, то общая сумма увеличения на указанные выше потребности составит не 55–60 млн. рублей, а 68–73 млн. рублей.

Из суммы увеличения расходов, проектируемой комиссией тов. Молотова в размере 55–60 млн. рублей, 20 млн. рублей предназначается на повышение стипендий, 7,5 млн. рублей на зарплату педагогического персонала, а из оставшихся 27,5 млн. рублей 15 млн. рублей обращается на строительство и ремонт только индустриальных ВУЗов и техникумов и около 12 млн. рублей на учебное оборудование тех же учебных заведений.

В текущем бюджетном году на капитальное учебное оборудование индустриальных ВУЗов и техникумов назначено около 2,5 млн. рублей. На будущий год НКФ Союза считает возможным эту сумму довести до 7,6 млн. р., т. е. увеличить в 3 раза, или на 5,1 млн. р., против увеличения в 12 млн. р., предлагаемого комиссией Молотова.

На строительство и ремонт по тем же учебным заведениям в текущем году назначено 2,8 млн. рублей. Наркомфин Союза на будущий год предполагает увеличить эту сумму до 8,3 млн. рублей, т. е. на 5,5 млн. рублей, или на 200%, против 15 млн. р., исчисляемых комиссией тов. Молотова.

Увеличение расходов на зарплату педагогического персонала всех учебных заведений Главпрофобра комиссией тов. Молотова предусмотрено в 7,5 млн. р., что со-

ставляет 20% роста по сравнению с соответствующими ассигнованиями текущего года. На ту же надобность НКФ СССР проектирует увеличение расходов на 4,5 млн. р., что обеспечит 12% роста зарплаты упомянутой категории работников.

Таким образом, на все перечисленные мероприятия комиссией тов. Молотова предусмотрено увеличение расходов в размере 55–60 млн. рублей, что составляет 70% увеличения против ассигнования на те же мероприятия в текущем году (всего ассигновано в 1927/28 г. около 85 млн. р.). И, кроме того, на цели, совершенно не конкретизированные комиссией на нужды технического образования, обращается половина суммы 3%-ного отчисления от прибыли промышленности.

Наркомфин Союза считает возможным на все увеличение расходов по перечисленным мероприятиям в ближайшем году ассигновать не более 35 млн. рублей, из которых 20 млн. рублей обратить на улучшение материального положения учащихся, причем из указанных 20 млн. рублей 13–14 млн. рублей потребуется на увеличение стипендий, исходя из размеров, проектируемых тов. Молотовым, а остальные 6–7 млн. рублей на жилищное строительство при ВТУЗах, 10,5 млн. р. на капитальное учебное оборудование, ремонт и строительство и 4,5 млн. р. на повышение зарплаты педагогического персонала.

Учитывая необходимость увеличения ассигнования на народное образование, Наркомфин Союза счел возможным объем расходов по сметам Наркомпросов довести в 1928/29 г. до 260 млн. рублей, т. е. на 42 млн. р., или на 20% более назначения текущего года, хотя общий прирост расходов по бюджетам союзных республик, по контрольным цифрам НКФ СССР в 1928/29 г., составит 211 млн. р., или 13,9% увеличения по сравнению с соответствующими расходами текущего года. Из суммы прироста в 42 млн. р. на указанные цели можно обратить 25 млн. р., дав дополнительно 10 млн. р. за счет Союза.

При росте единого госбюджета и бюджетов союзных республик большее увеличение ассигнования по сметам Наркомпросов не может быть выполнено без существенного нарушения интересов других отраслей государственного хозяйства и без сокращения ассигнований на такие хозяйственные потребности, которые уже начаты осуществлением и размер вложения в которые обусловлен темпом развития отдельных отраслей народного хозяйства.

Разделяя целиком точку зрения комиссии тов. Молотова о необходимости радикального улучшения постановки дела в наших учебных заведениях и, в частности, в технических учебных заведениях, НКФ СССР, однако, находит, что связанные с этим дополнительные затраты должны быть предусмотрены в бюджетах ряда последующих лет, так как отнесение всех этих весьма больших для бюджета затрат на бюджет одного года должно, с одной стороны, крайне отрицательно отразиться на интересах других отраслей государственного хозяйства, а с другой – представляется сомнительным, что такое значительное увеличение ассигнования, какое проектируется комиссией тов. Молотова, может быть целесообразно реализовано в течение одного года.

ЗАМНАРКОМФИНА СССР (Кузнецов)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 715. Л. 78–79.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] VI конгресс Коммунистического Интернационала проходил в Москве с 17 июля по 1 сентября 1928 г., в его работе принимали участие 532 делегата из 57 стран. Первоначально его созыв планировался на начало 1927 г.

[2] V конгресс Коммунистического Интернационала проходил в Москве с 17 июня по 8 июля 1924 г. Конгресс обсудил вопрос о деятельности Исполкома Коминтерна, о мировом экономическом положении, об экономическом положении СССР и дискуссии в РКП(б), о фашизме, о тактике в профессиональном движении, о производственных ячейках, вопросы партий отдельных стран, а также программный, национальный, аграрный и другие вопросы.

[3] Осенью 1923 г. в условиях общенационального кризиса в Германии после оккупации Рура Коминтерн и КПГ начали подготовку к захвату власти. Коммунисты вошли в правительства Саксонии и Тюрингии, однако, не получили поддержки профсоюзов при попытке объявить всеобщую забастовку 21 октября. Лишь в Гамбурге прошли вооруженные столкновения рабочих с полицией. Обсуждение вопроса о причинах поражения «германского Октября» привело к острому конфликту в руководстве РКП(б) между «тройкой» и группой Троцкого.

[4] Женевская экономическая конференция состоялась 4–24 мая 1927 г., в ней приняли участие представители 47 государств, в том числе СССР. В центре внимания конференции находился вопрос о свободе торговли. Французской делегации не удалось провести свои предложения об урегулировании таможенных тарифов из-за сопротивления Великобритании и Германии.

[5] «Таймс» (The Times) – английская ежедневная газета, издается в Лондоне с 1785 г.; «Дейли телеграф» (The Daily Telegraph) – «Ежедневный телеграф», английская газета, основана в 1855 г.

[6] Троцкий Л. Д. Европа и Америка. М. – Л. 1926

[7] Имеется в виду раздел Китая на сферы влияния между Великобританией, США и Японией.

[8] Джингоисты – сторонники агрессивного шовинизма в колониальной политике.

[9] Гонконгский конфликт – Сянган-Гуанчжоуская забастовка – одна из крупнейших и самых продолжительных забастовок в Китае. Началась 19 июня 1925 г. в знак протеста против расстрела демонстрации в Шанхае и послужила началом революции 1925–1927 гг.

[10] Экспозитура – то же, что агентура.

[11] Рандштаты – окраинные государства, периферия.

[12] Польско-литовский конфликт из-за Виленской области возник в связи с ее оккупацией польскими войсками в октябре 1920 г. В 1921 г. во время переговоров между Польшей и Литвой в Женеве представитель Лиги Наций предложил проект урегулирования конфликта. По этому проекту предусматривалась передача Виленской области Литве при условии заключения широкого экономического, политического и военного польско-литовского союза, что означало бы оккупацию Литвы Польшей. СССР расценил этот проект как попытку стран Антанты создать вокруг советского государства коалицию стран Восточной Европы.

[13] II Интернационал – международное объединение социалистических партий, основанное в 1889 г. в Париже. После первой мировой войны II Интернационал был формально восстановлен, а после слияния в 1923 г. с Венским получил название Социалистический рабочий Интернационал.

[14] Имеется в виду переворот, совершенный в Ухани в июле 1927 г. сторонниками правого крыла в Гоминьдане, руководимого Ван Цзинвэем. В результате переворота коммунисты были исключены из Гоминьдана, КПК объявлена вне закона, профсоюзы и крестьянские союзы распущены. Руководство в Гоминьдане перешло к так называемой «нанкинской группе» во главе с Чан Кайши. В сентябре 1927 г. нанкинцы заняли Ухань, разогнав правительство Ван Цзинвэя. В июне 1928 г. войска Чан Кайши заняли Пекин, после чего в июле месяце гоминьдановское правительство признали США, а затем и другие европейские страны. В результате этих событий отношения СССР и китайского правительства резко обострились, что привело к конфликту на КВЖД.

[15] 20 мая 1911 г. была заключена сделка цинского правительства Китая с консорциумом английских, французских, немецких и американских банков, по которому строительство железных дорог в Китае передавалось в руки иностранного капитала. Движение протеста против передачи железнодорожного строительства иностранцам вылилось в антиправительственное восстание в Сычуани, что послужило толчком к восстанию в других провинциях. Началась Синьхайская революция, в результате которой была свергнута цинская династия.

[16] Конституционная комиссия английского правительства под руководством Дж. Саймона была создана в 1927 г. для изучения системы управления в Индии и представления рекомендаций о конституционных реформах в стране. Представители Индии в ее состав не вошли. Партия Индийский национальный конгресс в декабре 1927 г. выдвинула требование о предоставлении Индии полной национальной независимости и призвала к бойкоту комиссии Саймона. Кампания бойкота приобрела широкий масштаб и вызвала подъем национально-освободительного движения в Индии. Результаты деятельности комиссии Саймона в Индии (1928–1929) были опубликованы в 1930 г.

[17] Английская всеобщая стачка, вызванная попыткой правительства и предпринимателей разогнать профсоюз горняков и рационализировать угольную промышленность за счет увольнений рабочих, проходила в мае 1926 г. и охватила около 4 млн. человек. Горняки продолжали стачку в течение полугода.

[18] Речь идет о выступлении рабочих Вены 15 июля 1927 г. Поводом к выступлению явилось нападение венской полиции на мирную демонстрацию рабочих, шедших к парламенту с требованием об отмене оправдательного приговора суда над фашистами, убившими в январе 1927 г. нескольких рабочих.

[19] В 1920 г. Н. Сакко и Б. Ванцетти были арестованы, а 23 августа 1927 г. казнены на электрическом стуле. Судебный процесс над ними вызвал движение протеста в США, а также в СССР.

[20] Имеются в виду выступления болгарских крестьян под руководством Земледельческого народного союза за аграрную реформу, завершившиеся принятием в 1921 г закона о трудовой земельной собственности.

[21] МОПР (Международная организация помощи борцам революции) была создана в 1922 г. под эгидой Коминтерна для поддержки революционеров, преследовавшихся в своих странах.

[22] Союз красных фронтовиков – военизированная организация ветеранов первой мировой войны, созданная в 1924 г. КПГ для охраны митингов, демонстраций и др. мероприятий компартии. Возглавлял ее Э. Тельман.

[23] С начала 1928 г. примыкавший к Коминтерну Спортивный Интернационал развернул подготовку международной рабочей спартакиады, задуманной в противовес «буржуазным олимпиадам». После того как правительство Чехословакии запретило проведение спартакиады в Праге, около 600 иностранных представителей «революционных спортивных организаций» приняли участие во Всесоюзной спартакиаде, прошедшей в Москве 14–24 августа 1928 г.

[24] 14 ноября 1918 г. Временное национальное собрание Чехословакии подтвердило лишение Габсбургской династии всех прав на чешские земли и провозгласило Чехословакию республикой. Президентом Чехословакии был избран Т. Масарик. Масарик переизбирался на пост президента в 1920, 1927 и 1930 гг.

[25] Б. Кун был арестован в Вене в апреле 1928 г. по обвинению в организации «тайных обществ», прописке по подложному документу и приговорен к трем месяцам строгого режима. Венгерское правительство пыталось добиться выдачи Б. Куна венгерским властям, но под давлением международной общественности он был освобожден и уехал в СССР.

[26] XV съезд ВКП(б) состоялся 2–19 декабря 1927 г., на нем были заслушаны политические и организационные отчеты ЦК партии, отчеты ЦРК, ЦКК РКИ, делегации ВКП(б) в Коминтерне. Съезд рассмотрел директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства и вопрос о работе в деревне.

[27] Генеральный совет – руководящий центр профсоюзов (тред-юнионов) Великобритании.

[28] Система социального партнерства под лозунгом «мира в промышленности» появилась в результате соглашения Генерального совета британских тред-юнионов и группы предпринимателей во главе с А. Мондом в 1928 г. В качестве компенсации за удовлетворение умеренных требований профсоюзов предприниматели гарантировали процветание фирм, благополучие трудящихся.

[29] Имеется в виду Международная федерация профсоюзов с центром в Амстердаме, созданная в 1919 г. и находившаяся под идейным влиянием социал-демократического движения.

[30] В профсоюзном центре Базеля с начала 1920-х гг. коммунисты обладали большинством. После ряда конфликтов в сентябре 1927 г. этот центр был исключен из Швейцарского объединения профсоюзов, находившегося под влиянием социалистов. Поражение Базельского картеля активно обсуждалось в Коминтерне и Профинтерне и стало одним из факторов перехода этих организаций к тактике «класс против класса».

[31] IV съезд Всеобщей конфедерации трудящихся Греции (ГСЭЭ) состоялся в апреле 1928 г. Руководству ГСЭЭ удалось исключить из 443 делегатов съезда 213 сторонников коммунистической ориентации и тем самым обеспечить себе необходимую поддержку.

[32] IX пленум ИККИ состоялся 9–25 февраля 1928 г., его решения закрепили поворот Коминтерна к тактике «класс против класса», подразумевавшей отказ от избирательных блоков и парламентского сотрудничества с социал-демократическими партиями.

[33] Колониальная война 1925–1926 гг., которую вела Франция при поддержке Испании против союза марокканских племен («рифов»), провозгласивших независимую республику.

[34] Всеобщая конфедерация труда – профсоюзное объединение во Франции, примыкавшее к Социалистической партии и насчитывавшее в конце 1920-х гг. 644 тыс. членов.

[35] В 1925 г. в ходе выборов рейхспрезидента КПГ выставила своего кандидата, а во втором туре отказалась от поддержки представителя «веймарской коалиции», в результате чего к власти пришел фельдмаршал Гинденбург.

[36] «Форвертс» («Вперед») – центральный орган Социал-демократической партии Германии. Газета выходила в 1891–1933 гг.

[37] Польская социалистическая партия.

[38] Имеется в виду Немецкая национальная партия, выступавшая с консервативных позиций.

[39] Сторонники премьер-министра Польши маршала Ю. Пилсудского, пришедшего к власти в мае 1926 г. и установившего в Польше т. н. «санационный» режим.

[40] Имеются в виду сторонники группы Р. Фишер – А. Маслова в руководстве КПГ, исключенные в 1926 г. из компартии и организовавшие т. н. «Ленинский союз».

[41] Кресы – пограничные земли; так в Польше именовали вошедшие в ее состав после Рижского мира 1921 г. территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

[42] Летом 1920 г. Красная Армия в ходе советско-польской войны дошла до предместий Варшавы. Второй конгресс Коминтерна и большевистское руководство рассчитывали на революционное выступление польских рабочих против буржуазии, однако контрнаступление войск Пилсудского, начавшееся 16 августа, отбросило части Красной Армии с территории Польши.

[43] Летом 1927 г. были арестованы и заключены в тюрьму 70 видных французских комму-

нистов, обвиненных в шпионаже в пользу СССР. В сентябре 1927 г. состоялся процесс, на котором они были приговорены к различным срокам заключения. В дальнейшем под давлением общественности они были освобождены. (Robrieux Philippe. Histoire intйrieure du parti communiste. 1920–1945. 1980. С. 292).

[44] VIII пленум ИККИ состоялся 18–30 мая 1927 г. в условиях обострившейся международной обстановки. Главным вопросом в работе пленума являлась разработка мер по уменьшению угрозы войны и мобилизации международного рабочего класса на защиту СССР.

[45] Покушение на торгпреда СССР в Польше А. С. Лизарёва было совершено 4 мая 1928 г. членом белогвардейской террористической организации Ю. Войцеховским, являвшимся одним из организаторов убийства полномочного представителя СССР в Польше П. Л. Войкова. В декабре 1928 г. суд приговорил Войцеховского к 10 годам тюремного заключения (Документы внешней политики СССР. М. 1966. Т. XI. С. 294–297).

[46] В момент государственного переворота в мае 1926 г., приведшего к власти Пилсудского, польские коммунисты заняли позицию нейтралитета, которая первоначально была поддержана Зиновьевым.

[47] Имеется в виду работа Ленина «Об оценке текущего момента», написанная в ноябре 1908 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 280).

[48] В декабре 1927 г. китайские коммунисты под руководством эмиссаров Коминтерна Г. Неймана и В. Ломинадзе предприняли попытку революционного выступления в Южном Китае, в городе Кантоне (Нанкине), которая была подавлена гоминьдановскими войсками.

[49] Речь идет о политическом отчете ЦК РКП(б), сделанном Лениным на XI Всероссийской конференции РКП(б) (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 281–285).

[50] В рамках стратегии Коминтерна в китайской революции КПК вошла в блок с Национальной партией – Гоминьданом. Весной – летом 1927 г. лидеры Гоминьдана отказались от сотрудничества с КПК и подвергли китайских коммунистов репрессиям.

[51] На четвертой сессии комиссии Лиги Наций по разоружению (30 ноября – 3 декабря 1927 г.) зам. наркома иностранных дел М. М. Литвинов выступил с декларацией о всеобщем и полном разоружении, план которого был отвергнут западными державами в 1928 г.

[52] Имеется в виду статья Ленина «О лозунге «разоружения», написанная в октябре 1916 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 151–162).

[53] Эрфуртская программа была принята на съезде СДПГ в г. Эрфурте в октябре 1891 г., содержала в целом марксистский взгляд на перспективу мирового развития и задачи рабочего класса, хотя и была подвергнута критике Энгельсом за ряд ошибочных тактических положений.

[54] Крестинтерн (Красный Крестьянский Интернационал) – международное объединение революционных крестьянских организаций (1923–1937 гг.); объединял ряд крестьянских организаций Европы, Азии и Америки. Крестинтерн примыкал к Коммунистическому Интернационалу и выступал за конфискацию всех помещичьих земель и их передачу крестьянству. Руководящий орган Крестинтерна – Международный крестьянский совет.

[55] В правленой стенограмме: «во Франции – в 17–19 округах».

[56] Профинтерн (Красный Интернационал профсоюзов) был создан в Москве в 1921 г. как международное профсоюзное объединение под эгидой Коминтерна.

[57] IV конгресс Профинтерна проходил в Москве 17 марта – 3 апреля 1928 г., его решения закрепили «левый поворот» национальных профсоюзных организаций, находившихся под влиянием компартий.

[58] Союз американских горнорабочих во главе с Дж. Льюисом.

[59] АФТ (Американская федерация труда) – ведущая профсоюзная организация США, основанная в 1881 г. и объединявшая в основном квалифицированные слои рабочих. Левое крыло АФТ во главе с Дж. Льюисом в 1938 г. выделилось в самостоятельный центр – Конгресс производственных профсоюзов. В 1955 г. произошло объединение АФТ и КПП.

[60] VII расширенный пленум ИККИ состоялся 22 ноября – 16 декабря 1926 г. Рассмотрел перспективы развития китайской революции, профсоюзный вопрос, вопрос о положении в ряде компартий. На пленуме произошли острые столкновения между группой Сталина – Бухарина и «объединенной оппозицией» в ВКП(б).

[61] II конгресс Коминтерна состоялся 19 июля – 7 августа 1920 г.

[62] 29 февраля 1928 г. состоялась встреча делегаций ВКП(б) и КПГ на IX пленуме ИККИ, посвященная ситуации в германской компартии. Предложенный в решении встречи взгляд на «правую опасность» как главную и появление термина «примиренчество» не только обусловили последующую сталинизацию КПГ, но и предопределили развернувшуюся с осени 1928 г. борьбу с «правым уклоном» в ВКП(б).

[63] По инициативе английских коммунистов в рамках международной выставки прессы в Кёльне (25–30 мая 1927 г.) был проведен конгресс друзей СССР, посвященный координации действий национальных обществ дружбы с Советским Союзом в условиях растущей военной опасности. 22 июня 1927 г. политсекретариат ИККИ разослал европейским компартиям письмо, в котором подверг резкой критике их пассивное отношение к подготовке Кёльнского конгресса и пропаганде его решений.

[64] Антиимпериалистическая лига была создана на Брюссельском конгрессе против колониального гнета и империализма в феврале 1927 г. с целью усиления влияния Коминтерна на национально-освободительное движение. Существовала до середины 1930-х гг.

[65] VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна (ноябрь-декабрь 1926 г.) призвал коммунистов и всех передовых рабочих «к повсеместному созданию комитетов единства из членов революционных и реформистских профсоюзов для совместной борьбы против наступления капитала» (Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы, воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932 гг. М. 1933. С. 651–652). Такие комитеты, группы возникали во Франции, Польше, Чехословакии, Бельгии, Голландии и др. странах. В Германии движение за профсоюзное единство группировалось вокруг журнала «Einheit», созданного в 1926 г. при участии ВЦСПС. В нем сотрудничали коммунисты и левые социалисты. Но уже в ноябре 1928 г. А. Лозовский в письме в Политбюро ЦК КПГ выражал опасения, что «группа Единства может в данной обстановке сыграть очень опасную для партии роль. Там смычка между правыми коммунистами и левыми социал-демократами... Эта группа может сыграть роль кристаллизационного центра для враждебных партии сил» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 620. Л. 75).

[66] Летом 1926 г. в Москве находилась делегация компартии Индонезии, поставившая перед ВКП(б) и Коминтерном вопрос о помощи вооруженному восстанию против колониального режима. Установки КПИ не нашли поддержки в ИККИ, который настаивал на сохранении национального фронта в стране, однако в ноябре 1926 г. восстание началось и было подавлено голландскими войсками.

[67] Западноевропейское бюро Коминтерна было воссоздано по решению IX пленума ИККИ в Берлине для оперативного решения вопросов, связанных с развитием коммунистического движения в этом регионе.

[68] Тихоокеанский секретариат – региональное представительство Профинтерна, существовавшее в 1927–1936 гг. и находившееся во Владивостоке, а затем в Шанхае.

[69] Свараджисты – члены образовавшейся в 1923 г. фракции внутри партии Индийский национальный конгресс, выступали за получение Индией статуса доминиона в рамках Британской империи.

[70] В ноябре 1927 г. в Москве состоялся конгресс друзей СССР, в котором приняли участие делегации 43 стран, прибывшие на празднование 10-й годовщины Октября. Национальные комитеты участвовавших в конгрессе организаций созвали в мае 1928 г. в Кёльне совещание, на котором был создан «Международный комитет друзей СССР». В Комитет вошли представители

комитетов Франции, Англии, Германии, США, Австрии, Бельгии, Аргентины. Местопребыванием комитета стал Берлин.

[71] После усилившейся волны выступлений в феврале 1922 г. исполнительный комитет Индийского национального конгресса, собравшись в Бардоли, принял так называемую Бардолийскую резолюцию. В ней содержался призыв к прекращению массового гражданского неповиновения, прекращению всех процессий и митингов, местным комитетам предписывалось рекомендовать земледельцам вносить земельную ренту и другие налоги. Исполнительный комитет заверил землевладельцев, что Конгресс не выступает за лишение землевладельцев прав на землю.

[72] В. В. Ломинадзе являлся одним из организаторов Кантонского восстания в декабре 1927 г. Оппоненты Ломинадзе, в том числе Бухарин и Мануильский, были склонны рассматривать это восстание как неподготовленный верхушечный путч. В решении IX пленума ИККИ по китайскому вопросу подчеркивалась «необходимость бороться против путчизма в известных слоях рабочего класса, против неподготовленных и неорганизованных выступлений как в городе, так и в деревне, против игры с восстанием» (Коммунистический Интернационал в документах 1919–1932. М. 1933. С. 765).

[73] В апреле 1928 г. Нанкин был объявлен столицей Китая и стал резиденцией правительства Чан Кайши.

[74] 23 апреля 1928 г. по докладу Сталина Политбюро приняло решение «О Коминтерне и Советской власти», предлагавшее в целях демонстрации независимости Коммунистического Интернационала от руководства ВКП(б) «воспретить на известный период членам Политбюро (исключая т. Бухарина) открытые выступления в официальных учреждениях Коминтерна» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 70).

[75] В Галле 12–17 октября 1920 г. проходил чрезвычайный съезд Независимой социал-демократической партии Германии. Центральным вопросом в порядке дня съезда стоял доклад о коммунистическом Интернационале и 21 условии приема в Коминтерн. Съезд поименным голосованием (237 – за, 156 – против) постановил присоединиться к Коминтерну на условиях, утвержденных II конгрессом. В декабре 1920 г. на объединительном съезде в Берлине произошло слияние Германской коммунистической партии с левой частью Независимой социал-демократической партии; была образована Объединенная коммунистическая партия Германии.

[76] Энсеровские рабочие – члены Национальной рабочей партии (НСР) Польши, выступавшей с умеренно-реформистских позиций.

[77] IV конгресс Коминтерна состоялся 5 ноября – 5 декабря 1922 г., на нем впервые обсуждался вопрос о программе этой организации. К конгрессу Бухариным был подготовлен первый проект программы, который затем дорабатывался программной комиссией ИККИ и был принят за основу для обсуждения в секциях Коминтерна на его V конгрессе.

[78] Имеется в виду работа Бухарина «Империализм и накопление капитала», вышедшая в свет в 1925 г.

[79] На самом деле решение о создании «внутренней программной комиссии» в составе Сталина, Рыкова, Молотова, Варги и Бухарина было принято Политбюро опросом уже 12 января 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 668. Л. 10), т. е. за месяц до начала работы IX пленума ИККИ. Новый проект программы Коминтерна был разработан в аппарате Бухарина и 3 апреля разослан Сталину, Молотову и Рыкову. В сопроводительном письме отмечалось, что предложения по проекту поступили только от Сталина. 7 мая 1928 г. проект программы был утвержден Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 686. Л. 7) и за подписями Бухарина и Сталина внесен в Исполком Коминтерна. После одобрения в ИККИ этот документ был опубликован для обсуждения (Проект программы Коммунистического Интернационала. Принят программной комиссией ИККИ 25 мая 1928 г. М. 1928). Далее в стенограмме пленума ссылки даются на это издание.

[80] Коррелятивные – соотносительные.

[81] Гейдельбергский съезд СДПГ, состоявшийся в 1925 г., принял новую программу партии.

[82] Съезд СДПГ в Киле проходил 22–23 мая 1927 г., с основными докладами выступили О. Вельс и Р. Гильфердинг.

[83] Суньятсенизм – система взглядов Сунь Ятсена. Программа переустройства Китая, выдвинутая Сунь Ятсеном, была сходна с идеями утопического социализма. Она предполагала переход к социализму, минуя капитализм, посредством реализации «трех народных принципов»: национализм, народовластие, народное благоденствие.

Гандизм – социально-политическое и религиозно-философское учение, названное по имени его основоположника Мохандаса Карамчанда Ганди. Цель гандизма – достижение независимости Индии мирными средствами, вовлечение в освободительную борьбу широких масс при соблюдении ими принципа ненасилия, отказа от сотрудничества с британскими властями и гражданского неповиновения.

[84] Джентри («образованные») – представители высших слоев китайского общества.

[85] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 9–32.

[86] Речь идет о работе Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной в ноябре 1918 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 235–338).

[87] Очевидно, Бухарин иронизирует, имея в виду тот факт, что президент Германской республики (с 1925 г. фельдмаршал Гинденбург) обладал обширными конституционными полномочиями.

[88] «Инпрекорр» («Inprekorr», Internationale Presse Korrespondenz) – информационный бюллетень ИККИ.

[89] Цеткин К. Несколько критических замечаний к проекту программы Коммунистического Интернационала. (Коммунистический Интернационал. 1928. № 25–26. С. 40–51.)

[90] Находившийся в ссылке Троцкий отправил в адрес VI конгресса Коминтерна заявление с развернутым обоснованием платформы оппозиции, являвшееся фактически контрпроектом программы Коминтерна (Троцкий Л. Д. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М. 1993). Документ получен в Секретариате ЦК 7 июля; 9 июля был разослан членам Политбюро (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 218).

[91] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 1–104.

[92] 21 марта 1919 г. в Венгрии была провозглашена Советская республика, опиравшаяся на опыт большевистской революции. Республика просуществовала 133 дня.

[93] III конгресс Коминтерна состоялся 22 июня – 12 июля 1921 г.

[94] С целью применения к сельскому хозяйству организованного опыта промышленных рабочих в феврале 1919 г. при Наркомземе учреждается, по согласованию с Всероссийским советом профсоюзов, «Рабочий комитет содействия», посылавший уполномоченных из числа опытных промышленных рабочих в губернские и районные управления и в отдельные хозяйства.

[95] Речь идет о «Резолюции по аграрному вопросу», принятой на VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 425–428).

[96] Культуртрегерский (от нем. «носитель культуры»).

[97] Архитектоника – построение.

[98] Элефантиазис – слоновая болезнь.

[99] Имеется в виду предисловие к изданию речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» 23 июня 1919 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 377).

[100] Речь идет о работе Ленина «Великий почин» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 14).

[101] В период внутрипартийных дискуссий в ВКП(б) руководство Польской компартии во главе с Ю. Ленским и В. Костшевой пыталось выступить в роли примирителя сторон, что привело впоследствии к постоянным чисткам в самой КПП и в конечном счете к роспуску Польской компартии Коминтерном в 1938 г. Очевидно, Бухарин имеет в виду нейтральную позицию ЦК КПП по отношению к государственному перевороту Пилсудского в мае 1926 г., который был расценен в Москве как военно-фашистский.

[102] Очевидно, имеется в виду речь Сталина по китайскому вопросу на VIII пленуме ИККИ 24 мая 1927 г. (Сталин И. В. Соч. Т. 9. С. 282–312).

[103] Институт красной профессуры (ИКП) – специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук для вузов, а также работников для центральных партийных и государственных органов. Институт был создан в 1921 г. и находился в ведении Наркомпроса. Общее руководство осуществлялось агитпропотделом ЦК РКП(б). В 1928 г. институт имел историческое, историко-партийное, экономическое, философское, правовое, естественное, литературное и подготовительное отделения.

[104] Движение, названное по имени лидера турецкой революции начала 1920-х гг. Кемаля Ататюрка (1881–1938).

[105] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 165–208.

[106] В августе-сентябре 1923 г. Политбюро неоднократно принимало решения о военно-технической, финансовой и продовольственной помощи КПГ в случае начала германской революции (см. «Источник», 1995, № 5).

[107] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 169–182.

[108] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1–120.

[109] Парцеллярное хозяйство – семейно-индивидуальное крестьянское хозяйство. Форма ведения натурально-потребительского производства в периоды рабовладения и феодализма.

[110] VIII съезд РКП(б) проходил 18–23 марта 1919 г. в Москве. В повестку дня съезда были включены следующие вопросы. 1. Отчет ЦК; 2. Программа РКП(б); 3. Создание Коммунистического Интернационала; 5. Работа в деревне; 6. Организационные вопросы; 7. Выборы ЦК.

[111] XV конференция ВКП(б) состоялась в Москве в октябре-ноябре 1926 г.

[112] Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) с участием членов Центральной ревизионной комиссии состоялся 6–11 апреля 1928 г. На пленуме рассматривались вопрос о хлебозаготовках текущего года и организации хлебозаготовительной компании на 1928/29 год и доклад комиссии Политбюро о «шахтинском деле».

[113] 17 мая 1928 г. на заседании Политбюро был заслушан доклад Микояна «О мерах по усилению экспорта». Но решение по докладу НКТорга было отложено. В связи с критическим отставанием экспорта разработка мер по его расширению затянулась на несколько месяцев. К рассмотрению вопроса Политбюро возвращалось 2, 16 августа, 20 сентября 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 698. Л. 5.; Д. 700. Л. 121.; Д. 705. Л. 133–134).

[114] В неправленой стенограмме пленума в этом месте из зала была подана реплика: «С лесом плохо». При внесении правок в текст доклада Микоян вычеркнул ее и заменил своим предложением (см. по тексту дальше).

[115] Нотой от 27 мая 1927 г., адресованной временному поверенному в делах СССР в Лондоне, британское правительство сообщало о расторжении им торгового соглашения, заключенного между СССР и Великобританией 16 марта 1921 г., и о прекращении дипломатических отношений между обеими странами (Документы внешней политики СССР. Т. X. М. 1965. С. 247–248).

[116] Беседа Сталина со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета состоялась 28 мая 1928 г. (Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 81–97).

[117] См. примечание 112.

[118] Ст. 107 УК РСФСР гласила: «Злостное повышение цен на товары путем скидки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок – лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия при установлении наличия сговора торговцев – лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества» (УК РСФСР. М. 1929. С. 64–65). Ст. 107 Уголовного кодекса, принятого в 1926 г., относилась к спекулянтам и перекупщикам. В январе 1928 г. Сталин предложил применять ее к «держателям хлеба», в том числе к крестьянам-производителям, отказывающимся сдавать хлеб заготовителям по

«твердым», невыгодным для крестьян, заниженным ценам. Позицию Сталина по превращению указанной статьи в средство нажима на деревню для выполнения плана хлебозаготовок поддержали члены Политбюро. По статье 107 привлекали к суду владельцев не только излишков, но и бедняков, имевших страховые запасы зерна. А. И. Рыков со ссылкой на данные Наркомата юстиции указывал, что в апреле 1928 г. среди привлеченных к судебной ответственности по статье 107 кулаков и торговцев насчитывалось не более 2/3 («Правда». 15 июля 1928 г.).

[119] Речь идет о справке, переданной по прямому проводу Сырцовым и Эйхе из Новосибирска Сталину о ходе хлебозаготовок 27 июня 1928 г. в ЦК ВКП(б) (Трагедия советской деревни. М. 1999. Т. 1. С. 312).

[120] В резолюции XV съезда ВКП(б) говорилось: «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1962. С. 1459).

[121] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 136.

[122] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1962. С. 1432.

[123] IV пленум МК ВКП(б) состоялся 29 июня – 3 июля 1928 г. На нем рассматривались вопросы о состоянии текстильной промышленности и о народном образовании. В. М. Молотов выступил на этом пленуме 30 июня 1928 г. Его речь была опубликована в «Правде» 4 июля 1928 г. под заголовком «Партийная линия и хозяйственная практика».

[124] Деятельность Всероссийского кожевенного синдиката началась 1 апреля 1922 г., устав утвержден президиумом ВСНХ 13 апреля 1922 г. Синдикат был организован в целях согласования деятельности по выполнению государственных заданий по реализации продукции, а также финансовому, материальному и техническому снабжению объединений и предприятий государственной кожевенной промышленности. Членами синдиката являлись предприятия и объединения государственной промышленности, акционерные общества, кооперативные и частные предприятия кожевенного профиля. Синдикат осуществлял деятельность по следующим направлениям: прием армейских и других обязательных государственных заказов и распределение их между членами синдиката и другими государственными предприятиями, не вошедшими в синдикат; прием прочих заказов и распределение их между членами синдиката по соглашению с ним; согласование торговой деятельности членов в области установления цен и организации сбыта; согласование заготовительной деятельности; организация импорта; оказание юридической и арбитражной помощи своим членам. К концу 1920-х гг. производство предприятий синдицированной промышленности составляло более половины продукции всей кожевенной промышленности России (Промышленная Россия. 1923–1924. Пг. С. 265.)

[125] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1962. С. 1432.

[126] Микоян имеет в виду постановление Политбюро от 7 июля 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 695. Л. 1).

[127] Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г., представленные Госпланом СССР, обсуждались на объединенных заседаниях СНК и СТО 9, 13, 14 сентября 1927 г. Там же обсуждались вопросы сельскохозяйственных заготовок – общий размер хлебозаготовок, заготовительные цены и др. (ГА РФ. Ф. Р–5446. Оп. 4а. Д. 218–224). 15 сентября 1927 г. Политбюро приняло решение: «а) Ввиду того, что виды на урожай оказались лучше, чем это предполагалось ранее, признать необходимым увеличить общую цифру плана хлебозаготовок на 1927/28 г. до 740 млн. пудов зерновых хлебов. б) В области цен держаться директив, данных объединенным пленумом ЦК и ЦКК. Держа твердый курс на сохранение в общем и целом цен на зерновые хлеба и специальные культуры на уровне истекшего года, признать необходимым установление большего соответствия в ценах между отдельными культурами и различными производящими районами. В целях уничтожения разрыва между заготовительными и продажными ценами на сельскохозяйственные товары и в первую голову на хлеб необходимо добиться такого снижения

расходов товаропроизводящей сети, которое не только возместило бы увеличение заготовительных цен на некоторые культуры и в отдельных районах, но обеспечило дальнейшее снижение продажных цен» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 651. Л. 3–4). 4 октября эти директивы были оформлены как постановление СНК СССР (ГА РФ. Ф. Р–5446. Оп. 1. Д. 32. Л. 43).

[128] 28 июня 1928 г. Политбюро, рассмотрев вопрос о подготовке к осенней хлебозаготовительной компании, утвердило соответствующее решение СНК, подготовленное комиссией СТО под председательством Шмидта. Постановление предусматривало создание резервов промышленных товаров в распоряжении Наркомторга СССР и в оперативных торгующих центрах кооперации (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 693. Л. 2, 9–12).

[129] VIII Всесоюзный съезд металлистов состоялся в Москве 15–28 февраля 1928 г.

[130] Имеется в виду апрельский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б).

[131] Имеется в виду письмо заместителя наркома финансов М. И. Фрумкина, направленное 15 июня 1928 г. в Политбюро, в котором он отмечал опасное нарастание диспропорций и дисбалансов в экономике в результате применения чрезвычайных мер в деревне и выдвигал призыв: «Надо вернуться к XIV и XV партсъездам». В частности, в письме содержалось предложение отказаться от форсирования создания колхозов и совхозов. 20 и 25 июня с открытым заявлением на письмо М. И. Фрумкина выступили И. В. Сталин и В. М. Молотов. (Письмо М. И. Фрумкина и ответ В. М. Молотова опубликованы: Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 290–294, 297–301. Ответ И. В. Сталина см.: Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 116–126).

[132] На XV съезде ВКП(б) 12 декабря 1927 г. А. И. Рыков выступил с докладом «Директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства» (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1962. С. 855–880).

[133] Имеется в виду статья на «Хлебном фронте», опубликованная в «Правде» 2 июня 1928 г.

[134] Юбилейная сессия ЦИК СССР, посвященная 10-летию Октябрьской революции, состоялась 15–20 октября в Ленинграде. Она приняла манифест «Ко всем рабочим, трудящимся крестьянам и красногвардейцам СССР. К пролетариям всех стран и угнетенным народам мира». Манифест объявлял о переходе фабрично-заводских рабочих на протяжении ближайших лет от 8-часового рабочего дня к 7-часовому.

[135] Имеется в виду «Политический отчет Центрального Комитета ВКП(б)», сделанный Лениным на XI съезде ВКП(б) 27 марта 1922 г. (Полн. собр. соч. Т. 45. С. 69–116).

[136] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 77.

[137] Там же.

[138] Там же. С. 79.

[139] Там же.

[140] Там же. С. 83.

[141] Конъюнктурный институт был создан в 1920 г. при НКЗеме на базе лаборатории сельскохозяйственной конъюнктуры Высшей семинарии сельскохозяйственной экономии и политики при Петровской сельскохозяйственной академии. В 1923 г. (по другим сведениям, в конце 1922 г.) институт был передан в НКФин. Институт занимался изучением хозяйственной конъюнктуры, регистрации цен. До 1928 г. директором института был Н. Д. Кондратьев. Совместно с Институтом экономических исследований при НКФине Конъюнктурный институт издавал «Экономические бюллетени», с 1925 г. – сборник «Вопросы конъюнктуры». В институте существовали секции: индексов и цен; конъюнктуры сельскохозяйственного рынка; промышленности, торговли и транспорта; денежного обращения, кредита и бюджета; русской и мировой конъюнктуры. В начале 1928 г. Н. Д. Кондратьев был снят с поста директора института, на его место был назначен П. И. Попов. В 1930 г. в связи с подготовкой процесса над так называемой трудовой крестьянской партией, руководство которой приписывалось Н. Д. Кондратьеву, институт был ликвидирован (Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избр. произвед. в 2-х книгах. М. 1993. Кн. 1. С. 448, 521. Кн. 2. С. 530–531).

[142] Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28 – 1931/32). М. 1927.

[143] В первоначальном варианте выступления Осинский упоминал Смирнова вместе с Пятаковым, в ходе правки своего выступления он снял фамилию Пятакова.

[144] Производственные совещания при сельсоветах возникли в 1928 г. Повсеместное распространение в СССР получили к началу 1929 г. На сельских производственных совещаниях обсуждались вопросы землеустройства, многопольного севооборота, разрабатывались планы посевных кампаний и т. д. По официальным данным, на Северном Кавказе, в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях производственные совещания охватывали до 50% сельского населения.

[145] Декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 г. в связи с реорганизацией армии с 1924 г. в СССР вводилась система территориально-милиционных образований, которая в 1925 г. была закреплена в Законе об обязательной воинской службе. Кадровая армия сохранялась, но в нее направлялись только 25–30% призывников. До 75% стрелковых, часть кавалерийских дивизий, некоторые другие части формировались по территориально-милиционной системе. Действительная военная служба переменного состава в таких формированиях продолжалась 5 лет и состояла из краткосрочных учебных сборов по месту проживания, в воинских частях, дислоцированных в данном округе или районе.

[146] 7 июля 1928 г. «Правда» опубликовала статью Л. Н. Крицмана «К вопросу о влиянии нашей политики на сельское хозяйство».

[147] Имеются в виду директивы ЦК ВКП(б) партийным организациям о хлебозаготовках от 14 и 24 декабря 1927 г., 5 января и 13 февраля 1928 г. (см. Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 113–114, 136–137).

[148] Ленин В. И. Доклад о работе в деревне» на VIII съезде РКП(б). (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201).

[149] XIV съезд ВКП(б) состоялся в Москве 18–31 декабря 1925 г. Съезд провозгласил курс на индустриализацию страны, принял новый Устав партии и постановление о переименовании РКП(б) во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков).

[150] Акционерное общество по торговле хлебными и другими сельскохозяйственными продуктами Хлебопродукт было зарегистрировано 14 мая 1923 г. Сферой деятельности Хлебопродукта была заготовка хлебных и других сельскохозяйственных продуктов, вывоз и торговля данными продуктами. Председателем правления Хлебопродукта в 1927 г. был И. С. Лобачев.

[151] Имеется в виду телеграмма Политбюро ЦК ВКП(б), принятая 25 апреля 1928 г. и направленная всем национальным ЦК, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам в виде директивы ЦК об усилении хлебозаготовок (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 684. Л. 18–20).

[152] Для контроля за ходом хлебозаготовок решением Политбюро от 28 мая 1928 г. Бауман был командирован в Башкирию и Татарию (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 689. Л. 8).

[153] Вандея – департамент на западе Франции, являвшийся центром роялистских мятежей в период Французской революции и Директории. В переносном смысле часто употребляется как контрреволюция вообще.

[154] Имеется в виду речь И. В. Сталина на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. и опубликованная в «Правде» 17 июня 1928 г.

[155] Угланов выступал на пленуме МК 30 июня 1928 г., его речь была опубликована в «Правде» 5 июля 1928 г. под заголовком «Вопросы хозяйственного строительства».

[156] Всесоюзный текстильный синдикат ВСНХ СССР (ВТС) был образован 25 октября 1925 г. для согласования и объединения торговой, заготовительной и финансовой деятельности государственных объединений и предприятий текстильной промышленности.

[157] II Всесоюзный съезд Госпланов (II съезд президиумов Госпланов) состоялся 25–31 марта 1927 г. в Москве. Съезд заслушал доклады Г. М. Кржижановского и С. Г. Струмилина о пяти-

летнем перспективном плане развития народного хозяйства и содоклады о планах развития отдельных отраслей народного хозяйства, доклады о состоянии работ по составлению генерального плана, о работе Госплана РСФСР и местном хозяйстве. (Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965. М. 1967. С. 167).

[158] XIII съезд ВКП(б) проходил в Москве 23–31 мая 1924 г.

[159] Весной 1928 г. ОГПУ сфабриковало дело о вредительской, антисоветской организации бывших шахтовладельцев и старых специалистов в Шахтинском районе Донбасса. Дело стало исходной точкой широкой кампании «борьбы с вредительством». Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), заседавший 6–11 апреля 1928 г., рассмотрел специальный вопрос: «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства».

[160] Речь идет о постановлениях Политбюро «Об организации новых совхозов» от 23 апреля и 17 мая 1928 г. (РГАСПИ. Ф 17. Оп. 3. Д. 684. Л. 7. Д. 687. Л. 4–5).

[161] Имеется в виду беседа И. В. Сталина со слушателями Института красной профессуры, состоявшаяся 28 мая 1928 г. и опубликованная в «Правде» 2 июня 1928 г. под названием «На хлебном фронте».

[162] Земельные общества – низовые объединения землепользователей. Законодательное обеспечение условий их существования было дано в Земельном кодексе РСФСР 1922 г., в «Нормальном уставе земельного общества» 1926 г. и в «Общих началах землепользования и землеустройства» 1928 г. Земельное общество представляло собой территориальное объединение крестьянских дворов, которое осуществляло непосредственное руководство землепользованием и регулирование поземельных отношений своих членов, решало вопросы о проведении землеустройства, о системе севооборота, производило переделы и разверстания земли, непосредственно распоряжалось угодьями общего нераздельного пользования, устанавливало и изменяло порядок их эксплуатации, осуществляло контроль за использованием земли. Высшим распорядительным органом земельного общества являлся сход полноправных членов, которыми признавались все землепользователи старше 18 лет. В 1928 г. лишенные избирательных прав при выборах в советы были лишены и права голоса на сходах (Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977. С. 95–106).

[163] Первоначально в стенограмме было: «Насчет дальнейшего тов. Стецкий, когда выступает и говорит о плохих настроениях, плохом положении, я хочу т. Стецкого спросить об этом – где он был во время апрельского пленума, почему, когда мы слушали доклад о хлебозаготовках, почему он не выступал, не вносил других предложений, почему не предлагал гораздо большего в резолюцию, чем апрельский пленум принял. Никакой другой резолюции не было, других предложений не было, и тов. Стецкий свои предложения не вносил. Теперь так подойти, нас отругать за те мероприятия, которые проделали, и откланяться, что в дальнейшем это недопустимо, – это неверная линия, неправильная линия, неправильная установка».

[164] Zwischenruf (нем. – реплика).

[165] Первоначально в стенограмме было: «...то я нашел в статье Абрамовича «О путях развития Россиии» мысли, которые совпадают с мыслями Осинского, именно: «В результате указанных причин...»

Ворошилов. А статья Далина совпадает с твоими аргументами. И мысли совпадают.

Анцелович. Абрамович так ставит вопрос: государственная промышленность производит мало, плохо и дорого. Бюрократический аппарат парализует товарообмен. Отсюда острый и, повидимому, безнадежный кризис смычки с крестьянством».

[166] Вероятно, Варейкис имеет в виду письмо Рыкова председателям совнаркомов союзных и автономных республик, краевых и областных и губернских исполкомов, опубликованное в «Правде» 1 апреля 1928 г. под заголовком «Борьба с принудительным размещением займа укрепления крестьянского хозяйства».

[167] Условия выпуска «Государственного внутреннего выигрышного займа укрепления кре-

стьянского хозяйства» были определены постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1927 г. Заем выпускался на сумму 100 млн. руб. в облигациях на предъявителя достоинством в 10 руб. на срок с 1 февраля 1928 г. по 1 февраля 1931 г. с выплатой по облигациям 6% годовых. Предусматривалось 6 тиражей выигрышей (в январе и октябре каждого года, начиная с октября 1928 г.). Выигравшему предоставлялось право купить вне очереди на сумму выигрыша сельскохозяйственные орудия. 10% суммы займа, размещенной в каждом районе или волости, подлежали передаче в районный или волостной бюджет на удовлетворение местных сельскохозяйственных и культурных нужд (СЗ СССР. 1928. № 3. Ст. 24). В феврале 1928 г. ЦИК и СНК СССР постановили выпустить дополнительно облигаций на сумму 50 млн. руб. (СЗ СССР. 1928. № 14. Ст. 118). Тогда же первый тираж был перенесен с октября на июнь 1928 г. (СЗ СССР. 1928. № 14. Ст. 117). В апреле 1928 г. первый тираж был перенесен на середину мая (СЗ СССР. 1928. № 22. Ст. 192).

[168] Вероятно, имеется в виду издание материалов: К XV съезду ВКП(б). I. За два года. (К организационному отчету ЦК ВКП(б). II. Отчеты отделов ЦК ВКП(б). М. – Л. 1927.

[169] Совхоз им. Шевченко Одесского округа осуществил весной 1927 г. первый опыт обработки крестьянских полей тракторными колоннами на основе договорных отношений с земельными обществами, земли которых были сведены в единый массив. В результате обработки совхозными тракторами крестьянских земель середняки и бедняки получили значительно больший урожай, чем единоличные хозяйства. В 1928 г. совхоз им. Шевченко обслуживал уже 26 сел с общей земельной площадью 24 тыс. га. XV съезд ВКП(б) обязал все совхозы усилить помощь крестьянским хозяйствам путем организации прокатных тракторных колонн.

[170] См. примечание 152.

[171] Контрактация – договор между кооперативными или государственными организациями, с одной стороны, и крестьянами – с другой, который предусматривал заказ производителей на производство известного количества и качества сельскохозяйственной продукции и ее сдачу в установленные сроки. Контрактующие организации обязывались закупать продукцию по заранее установленной цене и авансировать крестьян денежными ссудами, семенами и орудиями производства, а также оказывать им агрономическую помощь. Договоры о контрактации заключались как с коллективными, так и с единоличными хозяйствами. В СССР контрактация применялась с 1922 г., однако как основная форма закупок была введена в 1928–1929 гг.

[172] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371–372.

[173] Решением Политбюро от 7 июня 1928 была создана комиссия (во главе с Бауманом) для выработки мер подготовки к осеннему севу, «прежде всего по линии коллективного кредитования крестьян (целыми деревнями) семенами и т. д. (контрактация), с условием обеспечения коллективной сдачи хлеба государству и кооперативу» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 690. Л. 1–2).

[174] Имеется в виду постановление Политбюро «О сельскохозяйственной кооперации». В нем отмечалось, что сельскохозяйственная кооперация должна строить свою хозяйственную деятельность на началах, обеспечивающих реальную возможность вовлечения в кооперативный оборот всех слоев крестьянства, организуя прежде всего его бедняцко-середняцкую массу; важнейшей задачей в этой области ставилось определенное усиление работы по производственному кооперированию и коллективизации бедняцких хозяйств (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 582. Л. 13–25).

[175] Имеются в виду постановления СТО от 26 февраля 1927 г. «О мерах к укреплению и развитию сельскохозяйственной кооперации» и от 29 апреля 1927 г. «Об изменении постановления СТО о мерах к укреплению и развитию сельскохозяйственной кооперации» (СЗ СССР. 1927. № 14. Ст. 156; № 32. Ст. 337).

[176] ЭКОСО – Экономическое совещание – высший экономический орган при СНК союзных республик. 12 августа 1927 г. был учрежден ЭКОСО РСФСР – Экономический совет РСФСР. Председателем ЭКОСО являлся председатель СНК соответствующей союзной респуб-

лики. СНК назначал членов ЭКОСО из числа руководителей учреждений государственного управления в области экономики (ВСНХ, Госплан, Наркомснаб, Наркомторг и др.). ЭКОСО утверждало планы развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, наблюдало за их выполнением. Постановления ЭКОСО имели силу закона и могли быть изменены или отменены только СНК республик, СНК и СТО СССР, а также президиумами ЦИК союзной республики или ЦИК СССР. В 1921–1923 гг. существовали губернские и областные ЭКОСО.

[177] Ленин В. И. Доклад на X съезде РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 60).

[178] IX Всероссийский съезд советов состоялся 23–28 декабря 1921 г. в Москве. С отчетным докладом о внутренней и внешней политике выступил В. И. Ленин. Съезд принял декларацию о международном положении РСФСР, наказ по вопросам хозяйственной работы, ряд решений по вопросам промышленности и сельского хозяйства.

[179] См. Троцкий Л. Д. Восемь лет. Итоги и перспективы. Речь на торжественном заседании в Кисловодске, посвященном 8-й годовщине Октябрьской революции. 8 ноября 1925 г. М. – Л. 1926.

[180] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 132–134.

[181] Комитеты бедноты (комбеды) – организации сельской бедноты в европейской части России и в Белоруссии, учрежденные декретом ВЦИК 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты». Во многих районах комбеды становились фактически органами государственной власти: распределяли землю и сельскохозяйственные орудия, изымали хлеб у кулаков, проводили набор в армию, решали текущие вопросы жизни деревни. В конце 1918 г. комбеды сменили сельские советы.

[182] Ленин В. И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е. А. Преображенского «Основные принципы политики РКП(б) в современной деревне» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 44).

[183] Газета «Красная газета» – орган Ленинградского горкома ВКП(б) и Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Существовала в 1918–1936 гг.

[184] Сталин ошибается, это цитата из «Доклада о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии. 9 апреля 1921 г.» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 148).

[185] Ленин В. И. Резолюция об отношении к среднему крестьянству VIII съезда РКП(б) (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 209).

[186] Ленин В. И. Речь на I съезде землевладельческих коммун и сельскохозяйственных артелей (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 372–373).

[187] Ленин В. И. Наказ от СТО местным советским учреждениям (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 266–291).

[188] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 247.

[189] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 230.

[190] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 229.

[191] Ленин В. И. Как нам реорганизовать рабкрин (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383–388).

[192] Бухарин имеет в виду свой доклад «Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. К итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)» (Как ломали НЭП. Т. 1. М. 2000).

[193] 15 мая 1928 г. в Семипалатинске толпа женщин ворвалась в здание городского исполкома, требуя выдачи муки. В городе в тот день была разгромлена хлебная лавка, разбиты окна двух магазинов, разграблены четыре подводы с хлебом. На улицах собралась пятитысячная толпа безработных, требующих помощи. События в Семипалатинске были лишь частью массовых выступлений и демонстраций, охвативших ряд районов страны в связи с хлебными трудностями (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 31).

[194] Весной 1928 г. в ряде городов СССР прошли выступления безработных. 19 апреля в Ле-

нинграде двухтысячная толпа разгромила биржу подсобного труда. 30 мая на Московской (Каланчевской) бирже в волнениях участвовали около трех тысяч строителей. Были убиты милиционеры, разгромлены палатки моссельпрома. Всего с 20 мая по 15 июня было зафиксировано 13 конфликтов на биржах труда (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 14, 15, 22).

[195] Выступление в Кабарде 6–15 июня 1928 г., которое в официальных документах того времени называлось «кулацко-шариатским выступлением», было вызвано жесткими мерами властей в ходе проведения хлебозаготовок, затруднениями в снабжении населения хлебом, закрытием мечетей, а также насильственной организацией детских ясель в аулах, сопровождавшейся слухами об отправке детей в Китай как «компенсации убитых в 1919 г. в Малой Кабарде китайцев».

Поводом к началу выступления послужило извещение жителей селения Кизбурун Баксанского округа о предстоящей в июне сверхплановой сдаче хлеба в размере 4 тыс. пуд. В ходе восстания был разгромлен Баксанский окрисполком, избиты его работники и милиционеры, совершено нападение на воинскую часть и захвачено оружие. 14–15 июня 1928 г. была проведена операция по ликвидации выступления, в результате которой было арестовано 160 «наиболее активных участников восстания и злостных подстрекателей». При попытке захвата восставшими Баксанской крепости, где укрывались сотрудники местного отдела ОГПУ, в перестрелке 8 человек были убиты, 20 ранены.

[196] Речь идет о кронштадском мятеже, антибольшевистском вооруженном восстании гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтфлота в марте 1921 г. на почве недовольства «военно-коммунистической» политикой советской власти.

[197] Речь идет о крестьянском восстании в Грузии в августе 1924 г. Восстание было вызвано закрытием церквей, политикой администрирования партийных и советских органов, их оторванностью от нужд народных масс. В печати трактовалось как выступление, подготовленное и спровоцированное меньшевиками.

[198] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 199–200.

[199] Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 164–165) (цитата неточная).

[200] Там же. С. 167 (цитата неточная).

[201] По-видимому, Бухарин имеет в виду пятитомный труд У. Черчилля «Мировой кризис», издававшийся в течение нескольких лет начиная с 1923 г. Бухарин упоминает деятельность У. Черчилля на посту министра военного снаряжения в 1917 г. Министерство военного снаряжения было огромным ведомством, в котором работало около двенадцати тысяч чиновников. В результате проведенной реорганизации и сокращения количества отделов деятельность министерства стала носить более оперативный характер (Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М. 1989. С. 153, 190, 191).

[202] Первоначально в стенограмме было: «... Конъюнктурного института НКФина, в переделке которого, в ликвидации буржуазного ядра этого института я также был активным участником. Однако эти люди все-таки грамотные, и у них данные кое-какие очень ценные из истории экономического развития в нашей стране мы должны получать. Я беру из этого источника данные, которые я нигде не мог достать, а именно, я беру историю с ценами и соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты за самые трудные моменты, за время новой экономической политики – за 1923 г.».

[203] Весь абзац Молотов переделал, заменив несколько реплик. Первоначально в стенограмме было:

«**Молотов**. И производительность, но это вызывает новое напряжение со стороны рабочего класса, иначе это не может быть.

Сталин. С той разницей, что рабочий платит себе, а крестьянин другому классу.

Молотов. Рабочий платит пролетарскому государству, крестьянин платит пролетарскому государству.

Ворошилов. То же себе, то же социалистическому государству».

[204] В неправленом варианте стенограммы Молотов называет себя, Косиора, Угланова.

[205] Газета «Экономическая жизнь» – орган ВСНХ и хозяйственных наркоматов, затем орган Наркомфина СССР, Госбанка СССР и ЦК союза банковских работников. Выходила в 1918–1937 гг. в Москве.

[206] Статья Астрова «К текущему моменту» была опубликована в «Правде» 1 июля 1928 г. и посвящена итогам хлебозаготовок первого полугодия 1928 г. и политике партии в деревне.

[207] Статья Астрова «На два фронта» была напечатана в «Правде» 3 июля 1928 г., посвящена подготовке к новой хлебозаготовительной кампании и задачам партии в связи с итогами предыдущей.

[208] Правильное название статьи Сталина, напечатанной в «Правде» 3 июля 1928 г., – «Ленин и вопрос о союзе с середняком (ответ т-щу С.)».

[209] См. примечание 123.

[210] VII (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) проходила в Петрограде 24–29 апреля (7–12 мая) 1917 г.

[211] В связи с осложнением международного положения СССР (в 1927 г. произошел разрыв дипломатических отношений с Англией, потерпела поражение китайская революция, был убит полпред в Варшаве Войков) в стране усилилась пропаганда тезиса о «военной угрозе».

[212] V Всероссийский съезд профессиональных союзов состоялся в 17–22 сентября в Москве. Съезд рассмотрел следующие вопросы: Отчет ВЦСПС и доклад ревизионной комиссии; итоги проведения новой союзной политики и очередные задачи профдвижения; доклад ВСНХ о положении в промышленности, доклад Наркомтруда; организационное строительство союзов; регулирование заработной платы и коллективные договоры, культурно-просветительная работа профсоюзов; социальное страхование; информационный доклад о работе профсоюзов по оказанию помощи голодающим; доклад Профинтерна; выборы. «Письмо к V Всероссийскому съезду профсоюзов» В. И. Ленина было зачитано на первом заседании съезда (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 209–359).

[213] 23 апреля 1928 г. решением Политбюро Г. Я. Сокольников был освобожден от работы в Госплане (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 684. Л. 7).

[214] 9 мая 1928 г. президиум ЦКК принял резолюцию «О положении в Смоленской партийной организации», опубликованную в «Правде» 18 мая. Руководство губернской партийной организации обвинялось в перерождении, политическом блоке с кулачеством, бюрократизме и нарушении советской законности. 14 мая 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) одобрило эту резолюцию и «признало необходимым не позднее конца июня с.г. созвать губернскую конференцию для перевыборов губкома и губКК, причем предварительно произвести перевыборы волкомов, райкомов и укомов». В связи с тем, что «смоленский нарыв» был одним из звеньев целой цепи аналогичных дел, Оргбюро приняло решение о подготовке обращения ко всем парторганизациям по вопросу об уроках Смоленского, Сочинского, Артемовского, Сталинского, Ряжского дел, редактировать которое было поручено комиссии в составе: Косиора, Бухарина, Томского, Угланова, Орджоникидзе, Яковлева (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 622. Л. 1–12). Текст обращения, подготовленный комиссией, был утвержден опросом членов Политбюро 2 июня (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 690. Л. 6). 3 июня 1928 г. в «Правде» было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики».

[215] Пленум ЦК ВКП(б) состоялся 7–12 февраля 1927 г. На пленуме рассматривались следующие вопросы: о кредитной системе, о положении железнодорожного транспорта, о капитальном строительстве, о снижении отпускных и розничных цен; о ходе перевыборов Советов и предстоящих съездов Советов СССР и РСФСР.

[216] Троцкий выступил на пленуме ЦК ВКП(б) 9 февраля 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 2. Д. 276. Л. 15–16).

[217] Микоян выступил на том же пленуме 10 февраля (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 276. Л. 15, 45).

[218] См. примечание 127.

[219] Вопрос о положении на хлебном рынке Политбюро обсуждало несколько раз в июле 1927 г. На заседании 21 июля было принято решение о принятии мер к форсированию хлебозаготовок, особенно в южных районах (Украина, Северный Кавказ), в адрес парторганизаций потребляющих районов – направить циркулярную телеграмму с указанием на необходимость экономного расходования пшеничной муки: «…и соблюдения необходимой выдержки и спокойствия» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 645. Л. 3).

[220] См. примечание 127.

[221] Вопрос об организации акционерного общества по экспорту яиц, птицы, дичи и иных продуктов птицеводства на внешних рынках рассматривался в СНК СССР в конце 1927 – начале 1928 г. по инициативе Наркомторга СССР. После длительного обсуждения в разных комиссиях СНК пришел к выводу о необходимости создания единого аппарата по реализации за границей яиц и птицы. 10 января 1928 г. состоялось заседание комиссии Орджоникидзе (НК РКИ) с участием Петерса, Микояна, Шлейфера, Комиссарова по вопросу об организации акционерного общества по экспорту и сбыту на внешнем рынке яиц, птицы, дичи и иных продуктов птицеводства. Комиссия решила не возражать против организации общества (ГА РФ. Ф. Р–5446. Д. 1667. Л. 4). По протестам представительства УССР и Центросоюза вопрос перешел в президиум ЦИК СССР, который 29 февраля 1928 г. признал «несвоевременным организацию Всесоюзного акционерного общества по экспорту и сбыту на внешних рынках яиц, птицы, дичи и иных продуктов» (ГА РФ. Ф. Р–5446. Оп. 55. Д. 1697. Л. 4). Нарком торговли А. И. Микоян опротестовал это постановление ЦИК в Политбюро в марте 1928 г. Переданный из Политбюро протест обсуждался 13 марта 1928 г. на совещании председателя СНК и СТО СССР с его заместителями, где было принято решение: «Считать необходимой организацию синдиката по сбыту продуктов птицеводства на заграничном рынке. Предложить Наркомторгу обеспечить достаточную гибкость в деятельности этого синдиката, в частности, в том смысле, чтобы он в различных странах мог выступать в таких формах, которые вытекают из политических и экономических отношений с отдельными странами (сельхозкооперация, Центросоюз, те или другие госорганы и т. д.)». 15 марта вопрос был направлен на голосование членов Политбюро вкруговую. В подлинном протоколе заседаний ПБ сохранился опросный лист с результатами этого голосования, из которого следует, что за решение совещания председателя СНК и СТО СССР и его заместителей проголосовали: Сталин, Молотов, Рудзутак, Томский, Куйбышев, Ворошилов, Микоян, Бухарин, Рыков. Последним голосовал Угланов, который высказал особое мнение: «Считаю нецелесообразным. Голосую против и предлагаю поставить на заседании, так как на президиуме ЦИКа все кооперативные организации были против этой организации». В связи с требованием Углановa 22 марта вопрос был вынесен на заседание Политбюро. Было принято следующее решение: «а) Признать нецелесообразным организацию яично-птичного комбината. б) Считать необходимым сосредоточить вывоз яиц в ведении следующих трех организаций: потребительской кооперации, сельскохозяйственной кооперации и Госторга» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 721. Л. 19, 20).

[222] Первоначально в стенограмме было:

«**Чубарь**. Но данные неправильные.

Осинский. Из своих местных статистических органов они их дали.

Микоян. Я хотел их получить и получил».

[223] Решение Политбюро о создании комиссии было принято 26 апреля 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 684. Л. 7).

[224] Первое заседание комиссии состоялось 8 мая 1928 г. (материалы комиссии см.: РГАСПИ Ф. 78. Оп. 7. Д. 109).

[225] Калинин имеет в виду состоявшееся 16 мая 1928 г. совещание специалистов по вопросу об организации крупных советских хозяйств (зерновых фабрик). Совещание проводилось в рамках работы комиссии ЦК ВКП(б) по обсуждению проекта Наркомзема РСФСР об организации новых крупных сельскохозяйственных предприятий (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 109. Л. 174–232).

[226] Имеется в виду заседание комиссии ЦК ВКП(б) по организации крупных совхозов, состоявшееся 26 июня 1928 г., на котором рассматривался вопрос о трактороснабжении вновь организованных совхозов. В заседании участвовали директора тракторостроительных заводов: «Харьковского», «Красного Путиловца», «Большевика» и др. (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 109. Л. 75, 99–146).

[227] 14 июня 1928 г. Политбюро рассмотрело вопрос «О помещиках Смоленской губернии» и утвердило решение фракции президиума ВЦИК от11 июня с правками Сталина. Постановление, в частности, предлагало: «Выселение кулаков и других состоятельных людей недворян воспретить» и «произвести довыселение бывших помещиков (дворян)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 691. Л. 3–4).

[228] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 177.

[229] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 252.

[230] Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса. Был образован в сентябре 1920 г. после слияния Всероссийского профсоюза работников земли и союза работников лесного хозяйства. В 1925 г. во Всеработземлес влились работники совхозов Сахаротреста и лесорубы. На V съезде Всеработземлеса, проходившем в январе 1926 г., он был переименован в Союз сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР.

[231] Мюр и Мерилиз – торговая фирма и магазины в Москве. Здание было построено в 1906–1908 гг. архитектором Р. И. Клейном. С 1922 г. Центральный универсальный магазин.

[232] 11 июля 1928 г. в «Правде» была опубликована статья Юлина «Что произошло в Соликамске», в которой рассматривались несколько версий причин аварии на калийной шахте и пути ликвидации ее последствий.

[233] Имеется в виду выступление В. В. Осинского 17 декабря 1927 г. на XV съезде ВКП(б) (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1962. С. 1353).

[234] Крживицкий Л. Аграрный вопрос. СПб. 1906 (перевод с польского).

[235] Каутский К. Аграрный вопрос. СПб. 1905 (перевод с немецкого).

[236] Осинский В. Международные и межконтинентальные иммиграции в довоенной России. М. ЦСУ СССР. 1928.

[237] Сахаротрест – государственное объединение сахарной промышленности РСФСР и УССР при ВСНХ СССР, образовано в 1921 г. К 1926 г. основной капитал Сахаротреста составлял 247,5 млн. р. В его состав входили 7 отделений, 29 контор и ряд представительств по всей стране (Весь СССР. Справочная и адресная книга на 1926 г. М. – Л. 1926. С. 47).

[238] Имеется в виду постановление «Об итогах совхозного и колхозного строительства» от 30 декабря 1926 г. (см. КПСС в резолюциях... Изд. 8. Т. 3. С. 416–430).

[239] Речь идет о статье Д. Марецкого «Фальшивая нота», опубликованной в «Правде» 30 июня 1928 г. Отвечая на статью В. А. Карпинского в «Известиях ЦИК СССР» «Коллективное земледелие», Марецкий критикует его трактовку перспектив развития сельского хозяйства.

[240] Имеется в виду решение ПБ ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1928 г. об организации в РСФСР и на Украине новых крупных зерновых совхозов на свободных, не занятых крестьянами землях (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 684. Л. 7).

[241] 12 мая 1928 г. решением комиссии Политбюро «Об организации новых крупных зерновых государственных хозяйств» НКЗему РСФСР поручалось осуществление всей оперативной работы по созданию совхозов. Персонально руководство этой работой было поручено замести-

телю наркома земледелия Муралову (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 109. Л. 83). 24 мая на заседании организационной комиссии НКЗ по строительству новых совхозов было принято решение о создании комиссий по обследованию земельных фондов (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 110. Л. 10–11).

[242] Госсельсклад – управление сельскохозяйственными складами Народного комиссариата земледелия РСФСР.

[243] Чуриковцы – религиозное движение в России, одно из направлений трезвенничества. Названа по имени основателя И. А. Чурикова (1862–1930), проповедовавшего нравственность, религиозное спасение путем отказа от алкогольных напитков и курения.

[244] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 97.

[245] Первоначально в стенограмме было: «А просто разрушать, тов. Ярославский, так насчет разрушения большевиков нельзя обвинять, что большевики не разрушают: достаточно пройти по Москве и поглядеть (с м е х)».

[246] Статья Луначарского «Промышленность и ВТУЗы» была опубликована в «Правде» 27 июня 1928 г.

[247] XV конференция ВКП(б), проходившая в октябре-ноябре 1926 г., впервые обсудила перспективы развития народного хозяйства на 1926/27 г. Все последующие годовые контрольные цифры утверждались пленумами ЦК ВКП(б) (Звездин З. К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. Становление социалистического планирования в СССР. М. 1979. С. 133–185).

[248] Подробно материалы комиссии см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 76–81.

[249] Электромашиностроительный институт им. Каган-Шабшая занимался подготовкой специалистов по ускоренным и максимально приближенным к производству программам. Срок обучения – 2–2,5 года. В течение учебной недели четыре дня студенты проходили производственную практику и два дня учились в институте. Опыт института получил широкую поддержку у руководства страны.

[250] Строительство Чугуевской государственной районной электростанции (первоначальное название Эсхар – харьковская электростанция) началось в 1925/26 г.

[251] Штеровская районная электростанция (Луганский округ, Украина) вступила в строй в конце 1926 г. В дальнейшем проводились работы по увеличению ее мощности.

[252] Нижегородская районная электростанция вступила в строй в 1925/26 г. В дальнейшем проводились работы по увеличению ее мощности.

[253] Решением Секретариата ЦК ВКП(б) от 7 октября 1927 г. была создана комиссия ЦК по распределению окончивших ВУЗы под председательством А. А. Андреева. Комиссия провела несколько заседаний с октября 1927 г. по март 1928 г. На последнем этапе работы комиссии ее возглавлял Косиор С. В. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 336. Л. 2). Подробно о работе комиссии по распределению окончивших ВУЗы см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 74, 75.

[254] Постановлением СНК РСФСР «О порядке распределения мест стажа и практики для лиц, окончивших высшие учебные заведения и техникумы, и учащихся в указанных заведениях» от 2 апреля 1927 г. предусматривалось, что минимальная продолжительность практики для индустриально-технических высших учебных заведений и техникумов будет составлять 10 месяцев (Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 33. Ст. 218).

[255] Подробнее о работе комиссии Молотова и решениях Политбюро по рассмотренным ею вопросам см. «Введение» к настоящему тому.

[256] Постановление Политбюро «Об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗы)» было принято 2 июля 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 694. Л. 2–4).

[257] Там же.

[258] Имеется в виду постановление СНК о ВТУЗах от 4 июня 1920 г., по которому срок прохождения курса во ВТУЗах определялся в три года (Декреты Советской власти. М. 1978. Т. IX. С. 22–24).

[259] Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 400).

[260] Хомстейк – золото-серебряное месторождения в США (штат Южная Дакота).

[261] Весной 1928 г. на Колыму была послана геологоразведочная экспедиция во главе с Ю. А. Билибиным, которая обнаружила богатейшие залежи руд и металлов. В 1928 г. на Колыме было получено 11,5 кг золота. В дальнейшем, после создания треста Дальстрой и широкого использования труда заключенных, добыча золота на Колыме резко увеличилась.

[262] Краваль, вероятно, ошибается, имея в виду 10 месяцев.

[263] X съезд КП(б)У состоялся 20–29 ноября в Харькове.

[264] 12 июля 1928 г. в «Правде» были опубликованы статьи Луначарского «Еще несколько слов по вопросу о ВТУЗах» и Краваля «Еще о подготовке инженерно-технических кадров» под общим заголовком «Подготовка красных специалистов».

[265] Речь идет о постановлении Политбюро от 2 июля 1928 г., в котором Политбюро поручило СНК РСФСР рассмотреть вопрос о целесообразности переименования Электромашиностроительного института (Каган-Шабшая) в Высшее техническое учебное заведение (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 694. Л. 3).

[266] Решение Политбюро об удовлетворении просьбы Л. М. Кагановича об освобождении его от работы на Украине и назначении первым секретарем ЦК КП(б)У С. В. Косиора было принято 7 июля 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 695. Л. 1).

[267] Не все записки, поданные в президиум пленума, были приложены к стенографическому отчету. При подготовке к изданию стенографического отчета некоторые записки были частично купированы, некоторые не вошли вообще, например записки Крицмана и Осинского.

[268] В стенографическом отчете записка была опубликована не полностью. По предложению Молотова вопрос о снятии части текста был согласован с Эйхе. Имеется приписка на полях документа: «Тов. Молотов предлагает снестись с Сырцовым и Эйхе о том, чтобы эту часть не печатать, так как Кучмина и Зимина на пленуме не было и о них речь не шла».

[269] Второй пункт записки Сокольникова был вычеркнут, внизу документа приписка: «Ввиду того, что это не фактическая справка, а полемика, Молотов считает нецелесообразным прикладывать к стенограмме». Заявление Сокольникова в стенографическом отчете было опубликовано без второго пункта.

[270] На записке имеется пометка: «Ввиду того, что это – не фактическая справка, а полемика, тов. Молотов считает нецелесообразным прикладывать к стенограмме».

[271] На сохранившемся подлиннике под заголовком документа справа имеется аккуратно сделанная вырезка (приблизительно 1×2,5 см). Вероятно, здесь была указана дата документа. Едва ли она могла мешать автору, но Сталину она была неприятна уже простым напоминанием о заседании «семерки» (прим. Данилова В. П.).

[272] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ*

Адлер Фридрих (1870–1960) – один из лидеров австрийской социал-демократической партии. Идеолог т. н. австромарксизма.

Акулов И. А. (1888–1937) – член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. С 1927 г. председатель Всеукраинского совета профсоюзов, в 1929 г. – секретарь и член президиума ВЦСПС.

Алексеев П. А. (1893–1939) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1927–1930 гг. председатель Ленинградского областного совета профсоюзов.

Альпари Дьюла (1888–1944) – руководитель основного (немецкого) издания «Инпрекорра», выходившего в Берлине.

Амосов Г. Н. (1891–1953) – член партии с 1918 г. В 1927–1928 гг. председатель Астраханского губисполкома. В 1928–1930 гг. заместитель председателя Саратовского крайисполкома.

Андреев А. А. (1895–1971) – член партии с 1914 г., кандидат в члены Политбюро в 1926–1930 гг. В 1927–1930 гг. – секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

Андреев Л. Н. (1871–1919) – русский писатель.

Анисимов Я. А. (1897–1939?) – член партии с 1918 г. В 1926–1930 гг. член президиума земплана Наркомзема РСФСР и одновременно аспирант научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства.

Антипов Н. К. (1894–1938) – член партии с 1912 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. В 1928–1931 гг. нарком почт и телеграфов СССР.

Анцелович Н. М. (1888–1952) – член партии с 1905 г., в 1927–1934 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1923–1930 гг. председатель ЦК профсоюза сельских рабочих, член президиума ВЦСПС.

Астров В. Н. (1898–1995) – член партии с 1917 г. В 1926–1929 гг. член редколлегии журнала «Большевик». В 1929–1931 гг. преподаватель вузов в Иваново-Вознесенске и Нижнем Новгороде.

Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938) – лидер турецкого национального движения в 1919–1923 гг., в 1923–1938 гг. президент Турецкой республики.

Бадаев А. Е. (1883–1951) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1951 гг. В 1921–1929 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) потребительского общества.

Бакунин М. А. (1814–1876) – теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества.

---

*Биографические сведения приводятся в основном в хронологических рамках публикации. Большинство участников пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. погибли в годы террора.

Баранов П. И. (1872–1933) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1924–1931 гг. начальник ВВС РККА.

Барбот де Марни Е. Н. (1868–1939) – профессор геологии Ленинградского горного института, консультант научно-технического совета горного отдела главного экономического управления ВСНХ.

Бауман К. Я. (1892–1937) – член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг., кандидат в члены Политбюро в 1929–1930 гг. В 1927–1928 гг. заведующий орготделом МК, в 1928 г. заведующий отделом ЦК ВКП(б) по работе в деревне, с ноября 1928 г. второй секретарь МК ВКП(б). В 1929–1930 гг. секретарь ЦК и первый секретарь МК ВКП(б).

Бауэр Отто (1882–1938) – один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала.

Бах А. Н. (1857–1946) – основатель советской биохимической школы. В 1920–1935 гг. директор биохимического института Наркомздрава. С 1928 г. возглавлял Всесоюзную организацию работников науки и техники.

Бебель Август (1840–1913) – один из основателей и руководитель Социал-демократической партии Германии и II Интернационала.

Бедекер Карл (1801–1859) – основатель издательства путеводителей по странам мира, пользовавшихся большой популярностью.

Беленький З. М. (1888–1940) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1928–1934 гг. В 1927–1928 гг. заведующий ОТЭ ВЦСПС, в 1928–1931 гг. член коллегии РКИ.

Белл Томас (1882–1940) – член компартии Великобритании с 1920. В 1920–1929 гг. член Политбюро ЦК КПВ. В 1921–1922 гг. и 1926–1928 гг. представитель КПВ в ИККИ, в 1928–1935 гг. член Президиума ИККИ.

Биркенхед Фредерик Эдвин Смит (1872–1930) – крайне правый деятель консервативной партии Великобритании, член палаты депутатов с 1906 г. В 1924–1928 гг. секретарь по делам Индии.

Болдуин Стэнли (1867–1947) – премьер–министр Великобритании в 1923–1929 гг.

Бонкур – см. Поль-Бонкур

Брандлер Генрих (1881–1967) – член КПГ с 1918 г., деятель германского рабочего и коммунистического движения, председатель КПГ в 1923 г. В 1924–1929 гг. – член ВКП(б), сотрудник ВСНХ и Крестинтерна. В 1928 г. основал КПГ (оппозиционную). В 1929 г. исключен из ВКП(б).

Братиану Йон (1864–1927) – румынский политический и государственный деятель. В 1908–1910, 1914–1919, 1922–1926 и 1927 гг. председатель совета министров Румынии. В 1924 г. возглавляемое им правительство запретило компартию.

Брюханов Н. П. (1878–1938) – член партии с 1902 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1930 гг. нарком финансов СССР.

Булин А. С. (1894–1938) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1927 г. начальник политуправления МВО. В 1928–1934 гг. заместитель начальника ПУ РККА, начальник политуправления Белорусского военного округа.

Бухарин Н. И. (1888–1938) – член партии с 1906 г., в 1924–1929 гг. член Политбюро В 1918–1929 гг. главный редактор газеты «Правда». Одновременно (в 1924–1929 гг.) редактор журнала «Большевик». В 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна и его президиума. С 1929 г. начальник сектора ВСНХ.

Бучинский А. Ф. (?–?) – агроном, профессор Института опытного табаководства.

Быкин Я. Б. (1888–1938) – член партии с 1912 г., член ЦРК в 1927–1930 гг. В 1927–1930 гг. секретарь Ярославского губкома ВКП(б).

Вальхер Якоб (1887–1970) – активист группы «Спартак», член ЦК КПГ в 1919–1923 гг., руководитель профсоюзного отдела ЦК партии, в 1928 г. – один из основателей КПГ (оппозиционной).

Варга Е. С. (1879–1964) – деятель венгерского и международного рабочего движения, с 1906 г. член Венгерской социал-демократической партии, с 1919 г. член компартии, народный комиссар финансов Венгерской советской республики, с 1920 г. член РКП(б), в 1928–1943 гг. кандидат в члены ИККИ. В 1927–1947 гг. директор Института мировой экономики и мирового хозяйства АН СССР.

Варейкис И. М. (1894–1938) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК в 1924–1930 гг. В 1926–1928 гг. секретарь Саратовского губкома. В 1928–1934 гг. первый секретарь обкома ЦЧО.

Веер Гарольд – см. Вэр Гарольд.

Вейцер И. Я. (1889–1938) – член партии с 1914 г. В 1925–1929 гг. член коллегии и одновременно начальник и хлебофуражного управления Наркомата внутренней и внешней торговли СССР. В 1929–1930 гг. – нарком торговли УССР.

Викман П. М. (1890–?) – член партии с 1906 г., член ЦКК 1927–1930 гг. С 1927 г. руководитель группы НК РКИ РСФСР.

Вильямс В. Р. (1863–1939) – почвовед, действительный член АН Белоруссии. В 1894–1939 гг. заведующий кафедрой почвоведения Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева.

Ворошилов К. Е. (1881–1969) – член партии с 1903 г., член Политбюро (Президиума) в 1926–1960 гг. В 1925–1934 гг. председатель РВС СССР, нарком по военным и морским делам СССР.

Вэр Гарольд (1819–1935) – член компартии США, преподаватель сельскохозяйственного колледжа, по специальности агроном. Неоднократно приезжал в СССР, консультировал по вопросам организации крупных совхозов.

Галлахер Уильям (1881–1965) – активист английского рабочего движения, член компартии Великобритании с 1920 г., член ЦК КПВ с 1921 г., с 1924 г. член ИККИ.

Гамарник Я. Б. (1894–1937) – член партии с 1916 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг. В 1927–1928 гг. первый секретарь крайкома ДВК. В 1928–1929 гг. первый секретарь КП(б) Белоруссии. В 1929–1937 гг. начальник политуправления РККА.

Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948) – один из лидеров индийского национального движения, глава партии Индийский национальный конгресс.

Гей К. В. (1896–1939) – член партии с 1916 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. С 1926 г. секретарь Уральского обкома ВКП(б). С 1927–1929 гг. заведующий орготделом Профинтерна. В 1930 г. секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии.

Гильфердинг Рудольф (1877–1941) – один из лидеров германской и австрийской социал-демократии и II Интернационала.

Гинденбург Пауль фон (1847–1934) – президент Германии в 1925–1934 гг.

Голендо М. С. (1894–1936) – член партии с 1916. В 1926–1929 гг. заместитель председателя сельскохозяйственной секции Госплана.

Голощекин Ф. И. (1876–1941) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1925–1933 гг. секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана.

Гольцман А. З. (1894–1933) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1933 гг. В 1926–1930 гг. член коллегии НК РКИ.

Гончаров Н. К. (1886–1970) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1927 г. инспектор РКИ СССР.

Горький А. М. (1868–1936) – писатель, публицист.

Гринько Г. Ф. (1890–1938) – член партии с 1919 г. С 1926 г. член президиума, а в 1926–1929 гг. заместитель председателя Госплана СССР. В 1929–1930 гг. заместитель наркома земледелия СССР.

Громан В. Г. (1874–?) – член РСДРП(м), автор одного из проектов аграрной программы партии на IV объединительном съезде РСДРП. С 1921 г. член президиума Госплана, член коллегии ЦСУ.

Грядинский Ф. П. (1893–1938) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1927–1928 гг. уполномоченный НКТорга по Ленинградской области. В 1928–1929 гг. председатель облисполкома ЦЧО. В 1929–1930 гг. заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР.

Грязев И. Я. (1882–?) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927 г. секретарь партколлегии ЦКК Украины.

Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.) (1874–1933) – член партии с 1896 г. С 1928 г. сотрудник Исполкома Коминтерна, с 1929 г. член президиума ИККИ.

Денгель Филипп (1888–1948) – член КПГ с 1919 г. С 1929 г. один из руководящих работников ИККИ.

Деникин А. И. (1872–1947) – генерал царской армии, один из руководителей белого движения в России. С апреля 1920 г. в эмиграции.

Дзержинский Ф. Э. (1877–1926) – член партии с 1895 г. С февраля 1924 г. председатель ВСНХ СССР.

Догадов А. И. (1888–1937) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1930 гг. В 1921–1929 гг. член президиума, первый секретарь ВЦСПС.

Долгов Г. И. – профессор, член президиума ВСНХ.

Дояренко А. Г. (1874–?) – профессор Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и редактор «Вестника сельского хозяйства».

Дункер Герман (1874–1960), с 1893 г. член СДПГ, один из лидеров группы «Спартак». В 1918 г. принимал участие в учредительном съезде КПГ.

Дюкло Жак (1896–1975) – деятель французского и международного коммунистического движения.

Енукидзе А. С. (1877–1937) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1922–1935 гг. секретарь и член президиума ЦИК СССР.

Ерогов М. С. (1903–1985) – член партии с 1921 г. В 1926–1928 гг. заведующий школьным отделом ЦК ВЛКСМ, в 1928–1930 гг. слушатель курсов марксизма-ленинизма при Коммунистической академии.

Жан Рено (1887–1961) – член руководства компартии Франции, участник IV и VI конгрессов Коминтерна.

Жданов А. А. (1896–1948) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1924–1934 гг. – первый секретарь Нижегородского губкома ВКП(б).

Жуков И. П. (1889–1937) – член партии с 1909 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. В 1926–1928 гг. председатель электротреста в Ленинграде. В 1928–1929 гг. председатель Ленинградского облсовнархоза. В 1929–1930 гг. председатель ГЭТ в Москве.

Жуо Луи (1879–1954) – лидер французской Всеобщей конфедерации труда, один из руководителей Амстердамского Интернационала профсоюзов.

Заглул Саад (1857–1927), в 1924 г. – премьер–министр Египта, в 1926–1927 гг. председатель палаты депутатов.

Затонский В. П. (1888–1938) – член партии с 1917 г., член президиума ЦКК в 1927–1934 гг. В 1927–1933 гг. председатель ЦКК КП(б)У и нарком РКИ УССР.

Зеленский И. А. (1890–1938) – член партии с 1906 г., член ЦК ВКП(б) в 1922–1937 гг. С октября 1924 г. секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б).

Землячка Р. С. (1876–1947) – член партии с 1896 г., член ЦКК с 1924 г. В 1926–1931 гг. инспектор, член коллегии НК РКИ СССР.

Иванов В. И. (1893–1938) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК в 1925–1934 гг. В 1927–1931 гг. второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

Икрамов А. И. (1898–1938) – член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. С марта 1925 г. секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, в 1929–1937 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана и Ташкентского ГК.

Ильин Н. И. (1884–1957) – член партии с 1910 г., в 1925–1934 гг. член ЦКК и член президиума ЦКК. В 1927–1930 гг. нарком РКИ РСФСР.

Кабаков И. Д. (1891–1937) – член партии с 1914 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. В 1924–1927 гг. первый секретарь Тульского губкома ВКП(б). В 1928–1929 гг. председатель Уральской областной контрольной комиссии ВКП(б). С 1929 г. первый секретарь Уральского обкома ВКП(б).

Каганович Л. М. (1893–1991) – член партии с 1911 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1957 гг., кандидат в члены Политбюро в 1926–1930 гг. С апреля 1925 г. по июль 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП(б)У. Секретарь ЦК ВКП(б) в 1928–1939 гг.

Каганович М. М. (1888–1941) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1928–1930 гг. член коллегии НК РКИ и член президиума ЦКК.

Калинин М. И. (1875–1946) – член партии с 1898 г., член Политбюро в 1926–1946 гг. В 1919–1938 гг. председатель ВЦИК и одновременно с 1922 г. председатель ЦИК СССР.

Калманович М. И. (1888–1937) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1928–1929 гг. председатель правления зернотреста НКЗема СССР, в 1929–1930 гг. заместитель наркома земледелия СССР.

Калыгина А. С. (1895–1937) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г. В 1924–1930 гг. заместитель заведующего женотделом ЦК ВКП(б).

Каменев (Розенфельд) Л. Б. (1883–1936) – член партии с 1901 г., член ЦК ВКП(б) в 1919–1927 гг. В 1927–1929 гг. председатель научно-технического управления ВСНХ СССР, в 1929–1932 гг. председатель Главного концессионного комитета.

Каминский Г. Н. (1895–1938) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК в 1925–1938 гг. В 1927–1928 гг. председатель Союза союзов с/х кооперации и председатель Хлебоцентра. В 1928–1929 гг. председатель Колхозцентра.

Караваев П. Н. (1894–1952) – член партии с 1903 г., в 1927–1930 гг. член ЦКК.

В 1924–1928 гг. инструктор ЦКК, член партийной коллегии ЦКК. С 1928 г. секретарь партколлегии московской городской КК – РКИ.

Карвер Томас Никсон (1865–1961) – американский экономист, автор концепции т. н. «народного» капитализма.

Карпинский В. А. (1880–1965) – член партии с 1898 г., с 1927 г. главный редактор газеты «Беднота».

Катаяма Сэн (1859–1933) – один из инициаторов создания компартии Японии, с 1922 г. член ИККИ.

Каутский Карл (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала.

Квиринг Э. И. (1888–1937) – член партии с 1912 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1934 гг. В 1927–1930 гг. заместитель председателя Госплана СССР и одновременно (1927–1928 гг.) председатель правления Днепростроя.

Кейдель Вальтер фон (1884–1973) – деятель Немецкой национально-народной партии. В 1927–1928 гг. министр внутренних дел Германии.

Келлог Фрэнк Биллингс (1856–1937) – в 1925–1929 гг. государственный секретарь США.

Кемаль – см. Ататюрк

Кемпбелл Г. Ф. – американский сельскохозяйственный деятель, автор книги «Россия – рынок или угроза?», вышедшей в 1929 г. В 1929 г. встречался со Сталиным.

Килевиц Ф. Ф. (1884–1939?) – член партии с 1919 г. В 1923–1931 гг. член ЦИК, член президиума ЦК Союза текстильщиков. В 1923–1930 гг. председатель Всесоюзного текстильного синдиката.

Киркиж К. О. (1888–1932) – член партии с 1910 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1927–1929 гг. секретарь ЦК КП(б) Узбекистана.

Киров С. М. (1886–1934) – член партии с 1904 г., кандидат в члены Политбюро с 1926 г. С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома и горкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б).

Киселев А. С. (1879–1937) – член партии с 1898 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1924–1937 гг. секретарь ВЦИК, член президиума ЦИК.

Кисис Р. Я. (1896–1981) – член партии с 1913 г. С 1926 г. второй секретарь Сибирского крайкома ВКП(б).

Клименко И. Е. (1891–1937) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1927 г. заместитель наркома земледелия РСФСР. В 1929 г. – заместитель наркома земледелия СССР, председатель «Тракторцентра».

Кнорин В. Г. (1890–1938) – член партии с 1910 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг., в 1927–1928 гг. секретарь КП(б)Б. В 1928–1935 гг. секретарь Исполкома Коминтерна.

Коковихин М. Н. (1883–1965) – член партии с 1903 г. В 1924–1934 гг. член ЦКК. С 1925 г. член президиума ЦКК ВКП(б). С 1927 г. в аппарате НК РКИ. С 1928 г. председатель КК ЦЧО.

Колотилов Н. Н. (1885–1937) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. В 1925–1931 гг. секретарь Ивановского губкома ВКП(б).

Колчак А. В. (1873–1920) – адмирал царского флота, в 1918–1919 один из главных руководителей белого движения.

Комаров Н. П. (1886–1937) – член партии с 1909 г., член ЦК ВКП(б) в 1921–1934 гг. В 1926–1929 гг. председатель исполкома Ленинградского городского и губернского советов.

Кондратьев Н. Д. (1892–1938) – ученый-аграрник. С 1918 г. профессор Московской сельскохозяйственной академии, директор Конъюнктурного института при Народном комиссариате финансов СССР.

Кондратьев Т. К. (1892–?) – член партии с 1913 г, кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1927 г. секретарь Володарского РК, член Ленинградского обкома ВКП(б) и облисполкома.

Коростелев А. А. (1887–1938) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1922–1929 гг. председатель ЦК Союза работников просвещения.

Коростелев Г. А. (1885–1932) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1924–1932 гг. С 1924 г. председатель московской КК.

Коротков И. И. (1885–1949) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1925–1934 гг. С 1927 г. член партколлегии ЦКК ВКП(б).

Косиор И. В. (1893–1937) – член партии с 1908 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг. С 1927 г. заместитель председателя ВСНХ СССР.

Косиор С. В. (1889–1939) – член партии с 1907 г., член ЦК ВКП(б) с 1924 г., кандидат в члены Политбюро в 1927–1930 гг. С 1926 г. по 1928 г. секретарь ЦК ВКП(б). В 1928–1938 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б)У.

Костшева Вера (Кошутская Мария) (1876–1939) – 1918–1930 гг. член ЦК и Политбюро ЦК КП Польши.

Котов В. А. (1895–1937) – член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1925–1928 гг. секретарь МК. С 1929 г. член коллегии НКТруда РСФСР и заведующий бюро ВЦСПС.

Краваль И. А. (1897–1938) – член партии с 1919 г. В 1924–1930 гг. уполномоченный президиума ВСНХ. В 1928–1930 гг. член президиума ВСНХ.

Крживицкий Людвиг (1859–1941) – польский ученый, публицист. В 1921–1939 гг. директор Института народного хозяйства СССР.

Кржижановский Г. М. (1872–1959) – член партии с 1893 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1939 гг. В 1925–1930 гг. председатель Госплана СССР. В 1929–1939 гг. вице-президент АН СССР.

Кривов Т. С. (1886–1966) – член партии с 1905 г., в 1926–1934 гг. член ЦКК. В 1926–1933 гг. заместитель наркома РКИ РСФСР.

Криницкий А. И. (1894–1937) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг. В 1926–1928 гг. зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1929 г. секретарь Закавказского крайкома ВКП(б).

Крицман Л. Н. (1890–1938) – член партии с 1918 г. В 1925–1929 гг. член коллегии, затем заместитель управляющего ЦСУ СССР, заместитель председателя Госплана СССР. С 1928 г. директор Аграрного института и заместитель председателя комитета по изучению аграрной революции.

Крупская Н. К. (1869–1939) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г., член ЦКК с 1924 г. С 1920 г. возглавляла Главполитпросвет. С 1929 г. заместитель наркома просвещения РСФСР.

Кубяк Н. А. (1881–1937) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1934 гг. В 1927–1928 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1928–1931 гг. нарком земледелия РСФСР.

Кузнецов С. М. (1891–1938) – член партии с 1925 г. В 1926–1929 гг. заместитель наркома финансов СССР.

Куйбышев В. В. (1888–1935) – член партии с 1904 г., член Политбюро в 1927–1935 гг. В 1926–1930 гг. председатель ВСНХ.

Кук Артур Джеймс (1889–1931) – активист левого крыла английских тред-юнионов, в 1921–1924 гг. член исполкома Федерации горняков, с 1924 г. генеральный секретарь Федерации, в 1926 г. возглавлял семимесячную забастовку шахтеров.

Куликов Е. Ф. (1891–1943) – член партии с 1910 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1927–1928 гг. ответственный секретарь Замоскворецкого РК Москвы. В 1929–1930 гг. член правления Центросоюза.

Кун Бела (1886–1939) – в 1917 г., находясь в плену в России, вступил в большевистскую партию. В 1920–1936 гг. руководящий работник ИККИ.

Куусинен О. В. (1881–1964) – деятель финского и международного рабочего движения. В 1922–1943 гг. член ИККИ и президиума ИККИ.

Лахтин Н. К. (1861–1935) – инженер путей сообщения, профессор материаловедения ВХУТЕИНа.

Лебедь Д. З. (1893–1937) – член партии с 1909 г. В 1926–1930 гг. член президиума ЦКК и одновременно в 1927–1930 гг. заместитель наркома РКИ.

Ленгник Ф. В. (1873–1936) – член партии с 1893 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1926–1930 гг. член президиума ЦКК. С 1926 г. начальник Центральной инспекции транспорта и связи. В 1927–1928 гг. член коллегии НК РКИ. В 1928–1929 гг. руководитель комитета по стандартизации.

Ленсбери Джордж (1859–1940) – один из лидеров Лейбористской партии Великобритании, редактор газеты «The Daily Herald» в 1912–1921 гг., в 1929–1931 гг. министр общественных работ.

Леонов Ф. Г. (1892–1938) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1928 г. секретарь Краснопресненского РК Москвы. В 1929–1930 гг. третий секретарь МК ВКП(б).

Лепсе И. И. (1889–1929) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) с 1924 г. С 1925 г. председатель ЦК Союза металлистов, член президиума ВЦСПС и исполнительного бюро Профинтерна.

Либкнехт Карл (1871–1919) – деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей компартии Германии.

Лизарёв А. С. (1893–1977) – член партии с 1920 г. С 1927 г. торгпред в Польше. С 1929 г. член правления Госторга.

Лисицын Н. В. (1891–1939) – член партии с 1910 г., член ЦКК в 1923–1930 гг. В 1927–1929 гг. заместитель наркома РКИ РСФСР.

Литвинов М. М. (1876–1951) – член партии с 1898 г. В 1923–1930 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР.

Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) – английский государственный и политический деятель, лидер либеральной партии, в 1916–1922 гг. премьер-министр Великобритании.

Лобов С. С. (1888–1937) – член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1937 гг. В 1926–1930 гг. председатель ВСНХ РСФСР и заместитель председателя ВСНХ СССР.

Ловстон Джей (1898–1974) – один из лидеров компартии США. В 1927–1929 гг. секретарь КП США. Член ИККИ. В 1929 г. исключен из рядов компартии за правый уклон.

Лозовский А. (1878–1952) – член партии с 1901 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1921–1937 гг. генеральный секретарь Профинтерна.

Локацков Ф. И. (1881–1937) – член партии с 1904 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг., член ЦКК в 1925–1927 гг. В 1928 г. председатель Уральского областного исполкома ВКП(б).

Ломинадзе В. В. (1897–1935) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1928–1930 гг. заместитель директора института К. Маркса – Ф. Энгельса. В 1925–1929 гг. член Президиума ИККИ.

Ломов (Оппоков) Г. И. (1888–1938) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1929 гг. председатель правления Донугля, член Политбюро ЦК КП(б)У. С 1929 г. председатель Союзнефти, член президиума ВСНХ СССР.

Луначарский А. В. (1875–1933) – член партии с 1895 г. В 1917–1929 гг. нарком просвещения РСФСР.

Луппол И. К. (1886–1943) – член партии с 1920 г. В 1925–1931 гг. профессор МГУ и ИКП.

Лушер Луи (1872–1931) – эксперт на Парижской мирной конференции в 1919 г., владелец финансовой корпорации, в 1928 г. министр торговли в правительстве Франции.

Льюис Джон (1880–?) – деятель профсоюзного движения Англии. С 1920 г. председатель профсоюза горняков.

Любимов И. Е. (1882–1937) – член партии с 1902 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг. В 1926–1930 гг. председатель правления Центросоюза СССР.

Люксембург Роза (1871–1919) – деятель польского, германского и международного социалистического движения, одна из основателей компартии Германии.

Лященко П. И. (1876–1955) – профессор, специалист в области экономики сельского хозяйства, агрономических отношений и истории народного хозяйства СССР.

Макаров Н. П. (1886–?) – профессор сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и Воронежского сельскохозяйственного института. Член президиума земплана НКЗ РСФСР.

Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937) – один из основателей и лидеров Независимой рабочей партии и лейбористской партии Великобритании, в 1924, 1929–1931 гг. – премьер-министр.

Мануильский Д. З. (1883–1959) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) с 1923 г. С июля 1924 г. член Президиума ИККИ, в 1928–1943 гг. секретарь ИККИ.

Манцев В. Н. (1889–?) – член партии с 1906 г. В 1924–1930 гг. член президиума ВСНХ СССР.

Марецкий Д. П. (1901–1937) – член партии с 1919 г. До 1928 г. работал в газете «Правда» и журнале «Большевик». В 1929–1932 гг. ученый секретарь плановой комиссии и заведующий экономическим кабинетом АН в Ленинграде.

Маркевич А. М. (1893–1938) – член партии с 1921 г. В 1923–1928 гг. в правлении Совхозтреста. В 1929–1932 гг. один из руководителей Тракторцентра и одновременно в 1929 г. директор совхоза им. Шевченко, где создал первую в СССР МТС.

Марков А. Т. (1877–?) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК в 1927–1930 гг. В 1926–1929 гг. председатель ЦК Союза текстильщиков.

Маркович Сима (1888–?) – деятель сербского и югославского рабочего движения,

член Сербской социал-демократической партии с 1907 г., член компартии Югославии с 1919 г., с 1920 г. – генеральный секретарь партии, член исполкома Коминтерна. В 1929 г. исключен из партии, вскоре вернулся в Югославию.

Масарик Томаш (1850–1937) – президент Чехословакии в 1918–1935 гг.

Маслов А. (1891–1941) – член КПГ с 1918 г., с 1924 г. кандидат в члены ИККИ, в 1926 г. исключен из КПГ, в 1927–1928 гг. входил в Ленинбунд (объединение приверженцев левой группы).

Медведев А. В. (1884–1937) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1928–1929 гг. секретарь ЦК КП(б)У.

Медведев Т. И. (1885–?) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1927–1929 гг. мастер цеха Первой образцовой типографии.

Мельничанский Г. Н. (1886–1937) – член партии с 1902 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1926–1929 гг. председатель ЦК Союза текстильщиков, в 1929–1931 гг. председатель Всесоюзного текстильного объединения, член президиума ВСНХ.

Менжинский В. Р. (1874–1934) – член партии с 1902 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1934 гг. председатель ОГПУ.

Микоян А. И. (1895–1978) – член партии с 1915 г., кандидат в члены Политбюро в 1926–1935 гг. В 1926–1930 гг. нарком внешней и внутренней торговли СССР.

Милх Л. Р. (1896–1938) – член партии с 1917 г. В 1923–1928 гг. заместитель заведующего орготделом ЦК ВКП(б). С 1928 г. секретарь Ульяновского окружкома. В 1928–1933 гг. член Средне-Волжского крайкома ВКП(б).

Мильчаков А. И. (1903–1973) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1925–1934 гг. В 1927–1928 гг. генеральный секретарь ЦК КСМ Украины. В 1928–1929 гг. в ЦК ВЛКСМ.

Милютин В. П. (1884–1937) – член партии с 1903 г., в 1924–1934 гг. член ЦКК. В 1924–1928 гг. член коллегии НК РКИ СССР. В 1928–1930 гг. управляющий ЦСУ СССР, заместитель председателя Госплана СССР.

Мирзоян Л. И. (1897–1939) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1927 секретарь Бакинского ГК. В 1925–1929 гг. секретарь КП(б) Азербайджана.

Митрофанов А. Х. (1870–1941) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. Руководитель группы ЦКК.

Молотов В. М. (1890–1986) – член партии с 1906 г., член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) в 1926–1957 гг. В 1921–1930 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1928–1929 гг. первый секретарь МК ВКП(б).

Монд Альфред (1869–1930) – глава химического и никелевого треста в Англии. В 1906–1928 гг. (с перерывами) член парламента Великобритании.

Морган Джон П. (1867–1943) – американский промышленник, банкир, основатель финансовой корпорации.

Мороз Г. С. (1893–1940) – член партии с 1917, член ЦКК в 1927–1930 гг. В 1925–1928 гг. секретарь Московской КК ВКП(б). В 1929 г. член коллегии наркомата торговли, председатель ЦК Союза работников торговли.

Москвин И. М. (1890–1937) – член партии с 1911 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1930 гг. заведующий орграспредотделом ЦК ВКП(б).

Муралов А. И. (1886–1937) – член партии с 1903 г. В 1923–1928 гг. председатель Нижегородского губисполкома, с 1929 г. нарком земледелия РСФСР.

Мусабеков Г. М. (1888–1938) – член партии с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г. В 1922–1928 гг. председатель СНК Азербайджанской ССР. В 1929– 1931 гг. председатель ЦИК Азербайджанской ССР.

Муссолини Бенито (1883–1945) – лидер итальянского фашизма, глава Итальянского государства в 1922–1943 гг.

Мэкстон Джеймс – с 1928 г. председатель Независимой рабочей партии Англии.

Назаретян А. М. (1889–1937) – член партии с 1905 г., член ЦКК с 1924 г. В 1926–1934 гг. член президиума ЦКК. В 1924–1932 гг. член коллегии НК РКИ.

Нейман Гейнц (1902–1937) – член КПГ с 1919 г., в 1927–1929 гг. кандидат, затем член ЦК КПГ. В 1924–1928 гг. представитель КПГ в ИККИ.

Николаева К. И. (1893–1944) – член партии с 1909 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1928–1930 гг. зав. отделом агитации и пропаганды Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

Николай II (1808–1918) – последний российский император.

Ногин В. П. (1878–1924) – член партии с 1898 г. С 1921 г. председатель ЦРК РКП(б).

Носке Густав (1868–1946) – немецкий правый социал-демократ. В 1919–1920 гг. военный министр Германии.

Носов И. П. (1888–1937) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1927–1931 гг. секретарь Тверского губкома ВКП(б).

Орахелашвили М. Д. (1881–1937) – член партии с 1903 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1926–1929 гг. первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б).

Орджоникидзе Г. К. (1886–1937) – член партии с 1903 г., член ЦК в 1921–1927 гг. и с 1934 г., кандидат в члены Политбюро в 1926–1930 гг. Член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1926– 1930 гг. председатель ЦКК и нарком РКИ СССР, одновременно заместитель председателя СНК и СТО СССР. С 1930 г. председатель ВСНХ СССР.

Осадчий П. С. (1866–1943) – российский, советский специалист в области электротехники, профессор, ректор Петроградского электротехнического института, с 1921 г. заместитель председателя Госплана.

Осинский (Оболенский) В. В. (1887–1938) – член партии с 1907 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. В 1926–1928 гг. – управляющий ЦСУ СССР, в 1929 г. заместитель председателя ВСНХ, председатель коллегии НИИ сельскохозяйственной экономики Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева.

Павлуновский И. П. (1888–1940) – член партии с 1905 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1928–1930 гг. заместитель наркома РКИ.

Пеппер Джон (1886–1938) – один из основателей компартии Венгрии в1918 г, в 1927 г. – представитель компартии Америки в Президиуме ИККИ.

Персель Альберт Артур (1872–1936) – председатель Международной федерации профсоюзов (Амстердамского Интернационала), один из основателей Англо-русского комитета профсоюзного единства в 1925–1927 гг.

Петерс Я. Х. (1886–1938) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1923–1934 гг. В 1925–1932 гг. руководитель группы НК РКИ.

Петровский Г. И. (1878–1958) – член партии с 1897 г., член ЦК ВКП(б) в 1921–1939 гг., кандидат в члены ПБ в 1926–1939 гг. В 1919–1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК, одновременно с 1922 г. один из председателей ЦИК СССР.

Петровский Д. А. (1886–1937) – член партии с 1919 г. В 1924–1929 гг. руководитель Британско-Американского Лендорсекретариата ИККИ.

Пилсудский Юзеф (1867–1935) – маршал, деятель правого крыла Польской социалистической партии (ППС). В 1926–1928, 1930 гг. – премьер-министр Польши.

Поллит Гарри (1890–1960) – член КПВ с 1920 г., с 1922 г. член Политбюро КПВ. В 1924–1929 гг. возглавлял «Движение меньшинства» в тред-юнионах. С 1924 г. член ИККИ, с 1928 г. кандидат в члены Президиума ИККИ.

Полонский В. И. (1893–1937) – член партии с 1912 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1925–1928 гг. секретарь Рогожско-Симоновского РК Москвы. С 1928 г. секретарь МК ВКП(б).

Полуян Я. В. (1891–1937) – член партии с 1912 г. В 1927–1929 гг. – заместитель председателя комитета Волго-Донской магистрали, член президиума ВЦИК. В 1929–1930 г. председатель Дальневосточного крайисполкома.

Поль-Бонкур Жозеф (1873–1972) – французский государственный и политический деятель, в 1924–1926 гг. член делегации Франции в Лиге Наций, в 1928 г. лидер Социалистической партии Франции (СФИО).

Постышев П. П. (1887–1939) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1938 гг. член Политбюро и ЦК КП(б)У в 1926–1930, одновременно секретарь Харьковского окружкома и горкома КП(б)У.

Пуанкаре Раймон (1860–1934) – французский политический деятель, премьер-министр Франции в 1926–1929 гг.

Пурман Леон (1892–1933) – участник польского рабочего движения, после Октябрьской революции в России присоединился к коммунистам. В 1918 г. один из организаторов Красной гвардии в Польше. С 1927 г. представитель КПП в ИККИ. С 1928 г. кандидат в члены ИККИ и Президиума ИККИ.

Пятаков Ю. Л. (1890–1937) – член партии с 1910 г. В 1927 г. исключен из партии, в 1928 г. – восстановлен. В 1928 г. заместитель председателя, с 1929 г. председатель правления Госбанка СССР.

Пятницкий О. А. (1882–1938) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1937 гг., член ЦКК в 1924–1927 гг. В 1921–1935 гг. сотрудник, секретарь исполкома Коминтерна, член президиума ИККИ.

Радек К. Б. (1885–1939) – член партии с 1903 г. В 1924–1927 гг. член ЦИК СССР. В 1925–1927 гг. ректор КУТВ.

Радич Степан (1871–1928) – один из основателей Хорватской крестьянской партии (1904–1941 гг.).

Радус-Зенькович В. А. (1878–1967) – член партии с 1898 г. В 1925–1929 гг. член ЦКК, кандидат в члены Президиума ЦКК.

Реденс С. Ф. (1892–1940) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1926–1928 гг. управляющий делами НК РКИ СССР, в 1928–1931 гг. полпред ОГПУ по ЗСФСР, председатель Закавказского ГПУ.

Реммеле Герман (1880–1939) – член КПГ с 1920 г., в 1923–1933 гг. член Политбюро ЦК КПГ. В 1926–1933 гг. член президиума ИККИ.

Реннер Карл (1870–1950) – один из лидеров социал–демократической партии Австрии и II Интернационала.

Розмирович Е. Ф. (1886–1953) – член партии с 1904 г., член президиума ЦКК в 1927–1930 гг. С 1928–1930 гг. член коллегии НК РКИ.

Рой Манабендра Нат (1892–1948) – индийский политический деятель, в 1921–1927 гг. кандидат в члены, член ИККИ и его Президиума. В 1929 г. за «правый уклон» отстранен от работы в Коминтерне.

Ройзенман Б. А. (1878–1938) – член партии с 1902 г., член ЦКК в 1924–1932 гг. В 1926–1932 гг. – член коллегии НК РКИ.

Рокфеллер Дж. Д. (1839–1937) – основатель одной из крупнейших финансовых групп в США.

Рудзутак Я. Э. (1887–1938) – член партии с 1905 г., член Политбюро в 1926–1932 гг. В 1924–1930 гг. нарком путей сообщения СССР. В 1926–1937 гг. заместитель председателя СНК и СТО СССР.

Румянцев К. А. (1891–1932) – член партии с 1916 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1932 гг. С 1927 г. заместитель председателя Азнефти, член Заккрайкома, член ЦК КП(б) Азербайджана.

Рухимович М. Л. (1889–1938) – член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1937 гг. В 1926–1930 гг. заместитель председателя ВСНХ СССР.

Рывкин О. Л. (1899–1937) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. Член ЦК РКСМ в 1918–1924 гг. С 1924 г. на партийной работе.

Рыков А. И. (1881–1938) – член партии с 1898 г., член Политбюро в 1922–1930 гг. В 1924–1930 гг. председатель СНК СССР и РСФСР (до 1929 г.), одновременно в 1926–1930 гг. председатель СТО СССР.

Рындин К. В. (1893–1938) – член партии с 1915 г., кандидат в члены ЦК в 1924–1930 гг. С 1927 г. секретарь Уральского обкома. В 1928–1934 инструктор ЦК ВКП(б), второй секретарь МК ВКП(б).

Рютин М. Н. (1890–1937) – член партии с 1914 г., кандидат в члены ЦК в 1927–1930 гг. В 1925–1928 гг. секретарь Краснопресненского РК ВКП(б) г. Москвы. В 1928–1930 гг. заместитель ответственного редактора газеты «Красная звезда», в 1929 г. уполномоченный ЦК ВКП(б) по коллективизации.

Рябинин Е. И. (1892–?) – член партии с 1917 г., член ЦРК в 1927–1934 гг. С 1927 г. секретарь Тамбовского губкома ВКП(б).

Саймон Джон Олсбрук (1873–1954) – с 1915 г. на различных постах в правительстве Великобритании.

Саклатвала Шапури (1874–1936) – член компартии Великобритании с 1920 г. Представитель Индии в парламенте Великобритании.

Сапронов Т. В. (1887–1939) – член партии с 1912 г. В 1920–1921 гг. председатель ЦК Союза строителей. В декабре 1927 г. исключен из партии и сослан на Север.

Семар Пьер (1887–1942) – деятель французского и международного коммунистического движения. Член ИККИ в 1924–1932 гг. В 1924–1930 гг. генеральный секретарь Французской компартии.

Семенов Б. А. (1890–1940) – член партии с 1907 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1927 г. секретарь Днепропетровского окружкома.

Сергушев М. С. (1887–1930) – член партии с 1904 г., член ЦКК в 1924–1931 гг. Член партколлегии ЦКК.

Серебровский А. П. (1884–1938) – член партии с 1903 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г. С 1926 г. начальник Главного управления по цветным металлам, золоту и платине, заместитель председателя ВСНХ, член коллегии НКФина СССР.

Ситрин Уолтер (1887–1982) – один из лидеров ангийских тред-юнионов. В 1926–1946 гг. генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов. В 1928–1945 гг. председатель Амстердамского Интернационала профсоюзов.

Скрыпник Н. А. (1872–1933) – член партии с 1897 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1927–1932 гг. нарком просвещения УССР. С 1928 г. член ИККИ.

Слепков А. Н. (1899–1937) – член партии с 1919 г. В 1924–1928 гг. редактор газеты «Комсомольская правда», один из редакторов газеты «Правда», член коллегии журнала «Большевик», заведующий отделом агитации и пропаганды в ИККИ.

Смидович С. Н. (1872–1934) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. Член партколлегии ЦКК.

Смирнов А. П. (1878–1938) – член партии с 1896 г., член ЦК ВКП(б) в 1922–1933 гг. В 1923–1928 гг. заместитель наркома, нарком земледелия РСФСР, одновременно генеральный секретарь Крестинтерна. В 1928–1930 гг. секретарь ЦК ВКП(б).

Смирнов В. М. (1887–1937) – член партии с 1907 г. В 1926 г. член президиума Госплана СССР, в 1927 г. исключен из партии, арестован и выслан на Урал.

Смирнов И. Н. (1881–1936) – член партии с 1899 г. В 1923–1927 гг. нарком почт и телеграфов СССР. За фракционную деятельность XV съездом ВКП(б) исключен из партии.

Соболев С. М. (1900–1939) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1927 г. секретарь Северо-Западного бюро ЦК ВЛКСМ.

Сокольников Г. Я. (1888–1939) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1922–1930 гг. В 1922–1926 гг. нарком финансов СССР. С 1926–1928 гг. заместитель председателя Госплана СССР, в 1928–1929 гг. председатель нефтесиндиката СССР. В 1929–1932 гг. полномочный представитель СССР в Великобритании.

Сольц А. А. (1872–1945) – член партии с 1898 г., член ЦКК с 1920 г. В 1923–1934 гг. член президиума ЦКК, председатель судебной коллегии Верховного суда СССР.

Сталин И. В. (1879–1953) – член партии с 1898 г., член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) в октябре 1917 г. и с 1919 г. С 1922 г. генеральный секретарь ЦК ВКП(б).

Степанов С. И. (1876–1935) – член партии с 1895 г., член ЦРК в 1925–1934 гг. В 1925–1930 гг. председатель Тульского губисполкома.

Степанов-Скворцов И. И. (1870–1928) – член партии с 1896 г., член ЦК ВКП(б) с 1925 г. 1926–1928 гг. редактор «Ленинградской правды», с 1927 г. заместитель редактора «Правды».

Стецкий А. И. (1896–1938) – член партии с 1915 г., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. В 1926–1930 гг. заведующий агитпропотделом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и Ленинградского губкома.

Стриевский К. К. (1885–1938) – член партии с 1902 г., член ЦК ВКП (б) в 1925–1934 гг. В 1927–1929 гг. председатель Московского совета народного хозяйства. С июня 1929 г. председатель оргбюро ВЦСПС.

Строганов В. А. (1888–1941) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1927–1930 гг. секретарь Сталинского окружкома ВКП(б).

Струмилин С. Г. (1877–1974) – член партии с 1923 г., экономист и статистик, академик АН СССР. В 1921–1937 гг. работал в Госплане РСФСР, СССР.

Ступин – инженер-механик, профессор Киевского политехнического института.

Стэн Я. Э. (1899–1938) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1925–1930 гг. В 1927–1928 гг. заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1928–1930 гг. заместитель директора Института Маркса и Энгельса.

Сулимов Д. Е. (1890–1937) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1937 гг. В 1924–1927 г. председатель Уральского облисполкома, секретарь Уральского обкома ВКП(б). В 1927–1930 гг. первый заместитель наркома путей сообщения СССР.

Сухомлин К. В. (1886–1938) – член партии с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. В 1927–1930 гг. председатель СНХ Украины, член ЦИК СССР.

Сырцов С. И. (1893–1937) – член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг., кандидат в члены Политбюро в 1929–1930 гг. В 1926–1929 гг. секретарь Сибирского крайкома ВКП(б). В 1929–1930 гг. – председатель СНК РСФСР.

Тальгеймер Август (1884–1948) – один из руководителей «Союза Спартака» и КПГ. В 1924–1928 гг. работал в СССР. В 1928 г. стал одним из основателей оппозиционной компартии – КПГ(о).

Тельман Эрнст (1886–1944) – с 1925 г. председатель КПГ. С 1924–1943 гг. кандидат, затем член ИККИ и член президиума ИККИ. С 1925 г. председатель Союза красных фронтовиков. В 1924–1933 гг. депутат рейхстага.

Терехов Р. Я. (1889–?) – член партии с 1912 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1924–1930 гг. секретарь ЦКК КП(б)У.

Товстуха И. П. (1889–1935) – член партии с 1913 г. В 1924–1926 гг. помощник директора Института В. И. Ленина в Москве. В 1926–1930 гг. в аппарате ЦК, заведующий Секретным отделом.

Толоконцев А. Ф. (1889–1937) – член партии с 1914 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1934 гг. В 1926–1929 гг. член президиума ВСНХ, начальник ГВПУ. В 1929–1931 гг. член бюджетной комиссии ЦИК.

Тольятти Пальмиро (Эрколи, Марио Карренти, Родриго) (1893–1964) – деятель итальянского и международного коммунистического движения. С 1922 г. член ЦК Итальянской коммунистической партии. В 1928–1943 гг. член президиума ИККИ. С 1926 г. генеральный секретарь ИКП. В 1927–1928 гг. руководил заграничным центром ИКП во Франции и Швейцарии.

Тома Альбер (1878–1932) – один из лидеров французской социалистической партии, в 1919–1932 гг. возглавлял Международное бюро труда при Лиге Наций.

Томский М. П. (1880–1936) – член партии с 1904 г., член ЦК ВКП(б) в 1919–1934 гг., член Политбюро в 1922–1930 гг. В 1922–1929 гг. председатель ВЦСПС. С 1929 г. председатель Всесоюзного объединения химической промышленности, заместитель председателя ВСНХ СССР.

Трилиссер (Москвин) М. А. (1883–1940) – член партии с 1901 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1926–1930 гг. начальник Иностранного отдела, зам. председателя ОГПУ.

Троцкий Л. Д. (1879–1940) – член партии с 1917 г., член ЦК ВКП(б) в 1917–1927 гг., член Политбюро в 1919–1926 гг. В 1925–1927 гг. член президиума ВСНХ СССР, председатель Главконцесскома при СНК СССР. С 1923 г. лидер и идеолог левой оппозиции РКП(б) – ВКП(б). В 1927 г. исключен из партии. В 1928 г. выслан в Алма-Ату. В 1929 выслан из СССР.

Тулайков Н. М. (1875–1938) – член партии с 1930 г. Агроном и почвовед. Директор са-

ратовской опытной станции, профессор Саратовского государственного института сельского хозяйства и лесоводства.

Угаров Ф. Я. (1885–1932) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1925–1929 гг. в Ленинградском облсовете профсоюзов.

Угланов Н. А. (1886–1937) – член партии с 1907 г. член ЦК ВКП(б) в 1923–1930 гг., кандидат в члены Политбюро в 1926–1929 гг. В 1924–1929 гг. секретарь ЦК и одновременно первый секретарь МК. В 1928–1930 гг. нарком труда СССР.

Уитли Джон (1866–1935) – министр здравоохранения Великобритании. В 1928 г. возглавлял Королевскую комиссию по труду в Индии.

Ульянова М. И. (1878–1937) – член партии с 1898 г., член ЦКК с 1925 г. В 1917–1929 гг. член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда».

Уншлихт И. С. (1879–1938) – член партии с 1900 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. В 1925–1930 гг. заместитель председателя Реввоенсовета СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР.

Урываев М. Е. (1887–?) – член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК в 1925–1934 гг. В 1927 г. председатель Авиатреста.

Уханов К. В. (1891–1939) – член партии с 1907 г., член ЦК в 1923–1937 гг. В 1926–1929 гг. председатель Моссовета. С 1929 г. председатель Мособлисполкома.

Фигатнер Ю. П. (1889–1937) – член партии с 1903 г., член ЦКК в 1925–1934 гг. В 1927–1928 гг. председатель ЦК Союза совторгслужащих.

Филлер С. И. (1882–1954) – член партии с 1910 г., член ЦКК в 1924–1934 гг. В 1927 г. секретарь оргинструкторгского отдела ЦКК. В 1924–1934 гг. член партколлегии ЦКК ВКП(б).

Фиммен Едо (1875–1942) – деятель международного профсоюзного движения, с 1919 г. секретарь Международной федерации профсоюзов (Амстердамский Интернационал), с 1921 г. секретарь Международной федерации транспортников.

Фишер Рут (1895–1961) – член ЦК КПГ в 1923–1926 гг. В 1924 г. кандидат в члены ИККИ. В июне 1926 г. по предложению делегации ВКП(б) в ИККИ отстранена от выполнения ответственных функций в ИККИ. В августе 1926 г. исключена из КПГ.

Форд Генри (1863–1947) – американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США.

Фостер Уильям З. (1881–1961) – с 1901 г. участник социалистического движения Америки, в 1921 г. вступил в компартию США; с 1924 г. член центрального исполнительного комитета партии, затем его председатель. Член ИККИ, с 1928 г. кандидат в члены президиума ИККИ.

Фрумкин М. И. (1878–1938) – член партии с 1898 г. В 1926–1929 гг. заместитель наркома внешней торговли и заместитель наркома финансов СССР. В 1929–1930 гг. председатель треста Союзрыба.

Хатаевич М. М. (1893–1937) – член партии с 1913 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг., член ЦК в 1930–1937 гг. В 1925–1928 гг. секретарь Татарского обкома. В 1928–1930 гг. первый секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б).

Хинчук Л. М. (1868–1944) – член партии с 1920 г. В 1926–1930 гг. торгпред СССР в Англии, заместитель наркома торговли СССР.

Ходоровский П. И. (1885–1940) – член партии с 1903 г. В 1922–1928 гг. заместитель наркома просвещения. В 1928–1932 гг. торгпред в Италии, затем в Турции.

Цанков Александр (1879–1959). В 1923–1926 гг. премьер-министр Болгарии. В 1932 г. основал партию Национально-социальное движение.

Цеткин Клара (1857–1933) – деятель германского и международного социалистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии. С 1921 г. член президиума ИККИ.

Цитрин – см. Ситрин У.

Цихон А. М. (1887–1939) – член партии с 1906 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. В 1924–1928 гг. секретарь Бауманского РК Москвы. В 1928–1930 гг. и с 1933 г. председатель ЦК профсоюза строителей.

Цылько Ф. А. (1894–1937) – член партии с 1919 г., член ЦКК в 1927–1930 гг.

Цюрупа А. Д. (1870–1928) – член партии с 1898 г., член ЦК ВКП(б) в 1923–1928 гг. В 1923–1928 гг. заместитель председателя СНК и СТО СССР.

Чаянов А. В. (1888–1937) – экономист-аграрник. В 1922–1930 гг. директор НИИ сельскохозяйственной экономики РАНИОН.

Чернов О. И. (1886–?) – член коллегии газеты «Беднота».

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), в 1924–1929 министр финансов Великобритании.

Чубарь В. Я. (1891–1939) – член партии с 1907 г., кандидат в члены Политбюро в 1926–1935 гг. В 1923–1934 гг. председатель СНК Украины.

Чувырин М. Е. (1883–1947) – член партии с 1903 г., кандидат в члены ЦК в 1927–1930 гг. С 1923 г. секретарь Луганского окружкома ВКП(б).

Чудов М. С. (1893–1937) – член партии с 1913 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1937 гг. В 1927 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома. В 1928–1936 гг. второй секретарь Ленинградского ОК.

Чуцкаев С. Е. (1876–1946) – член партии с 1903 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг., член ЦКК в 1925–1927 гг. В 1923–1927 гг. заместитель наркома РКИ СССР. В 1927–1929 гг. член ЦИК СССР и председатель Дальневосточного крайисполкома. В 1929 г. председатель бюджетной комиссии ЦИК СССР.

Шацкин Л. А. (1902–1937) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. В 1926–1928 гг. член ЦК ВЛКСМ. Член ИККИ. Секретарь КИМ.

Шварц И. И. (1879–1951) – член партии с 1899 г., член ЦК ВКП(б) в 1924–1934 гг., в 1921–1930 гг. председатель ЦК профсоюза работников угольной промышленности.

Шверник Н. М. (1888–1970) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1970 гг. В 1927–1929 гг. секретарь Уральского обкома ВКП(б). В 1929 г. председатель ЦК профсоюза металлистов.

Шеболдаев Б. П. (1895–1937) – член партии с 1914 г., член ЦКК в 1927–1930 гг. С 1928 г. секретарь Нижневолжского крайкома ВКП(б).

Шефло Олаф (1883–1959) – участник норвежского социалистического движения. С 1922 – член ИККИ. В 1928 г. порвал с компартией и Коминтерном.

Шляпников А. Г. (1885–1937) – член партии с 1901 г. В 1926–1929 гг. председатель правления акционерного общества «Металлоимпорт» Внешторга.

Шмидт В. В. (1886–1938) – член партии с 1905 г., член ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг.

В 1923–1928 гг. нарком труда СССР. В 1928–1930 гг. заместитель председателя СНК и СТО СССР.

Шоу Джордж Бернард (1856–1950) – английский писатель, деятель Фабианского общества, влившегося в Лейбористскую партию.

Шушков П. С. (1889–?) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг. С 1927 г. член коллегии НК РКИ.

Щербина Ф. А. (1849–1936) – земский статист.

Эберт Фридрих (1871–1925) – член СДПГ с 1889 г. С 1913 г. председатель СДПГ. В 1919–1925 гг. президент Германской республики.

Эверт Артур (1890–1959) – член КПГ с 1919 г., с 1925 г. член Политбюро ЦК КПГ. В 1928–1930 гг. депутат Рейхстага. В 1928–1935 гг. кандидат в члены ИККИ.

Эйсмонт Н. Б. (1891–1935) – член партии с 1907 г. С 1926 г. нарком торговли РСФСР и заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР.

Эйхе Р. И. (1890–1940) – член партии с 1905 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1930 гг. В 1925–1929 гг. председатель Сибирского крайисполкома. В 1929–1937 гг. первый секретарь Сибирского крайкома.

Элиава Ш. З. (1883–1937) – член партии с 1904 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г. С 1927 г. председатель СНК Грузии.

Эндерлэ Август (1887–1959) – член СДПГ с 1905 г., с 1919 г. член КПГ. С 1924 г. редактор газеты «Роте Фане», в 1928 г. исключен из КПГ, один из основателей КПГ (оппозиционной).

Эрколи – см. Тольятти П.

Юлиус – см. Альпари Дьюла.

Юревич Э. И. (1888–1958) – член партии с 1913 г., член ЦРК в 1924–1934 гг. В 1926–1929 гг. секретарь Башкирского обкома ВКП(б).

Ягода Г. Г. (1891–1938) – член партии с 1907 г. С 1924 г. заместитель председателя ОГПУ.

Яковлев А. И. (1900–1937) – член партии с 1917 г., член ЦКК в 1927–1934 гг.

Яковлев Я. А. (1896–1938) – член партии с 1913 г., член ЦКК в 1924–1930 гг. В 1926–1929 гг. заместитель наркома РКИ, одновременно редактор газет «Беднота» (1924–1928) и «Крестьянская газета» (1923–1929). В 1929–1934 гг. нарком земледелия СССР.

Яковлева В. Н. (1885–1941) – член партии с 1904 г. В 1922–1929 гг. заместитель наркома просвещения РСФСР. С 1929 г. нарком финансов РСФСР.

Ярославский Е. М. (1878–1943) – член партии с 1898 г., член ЦКК в 1923–1934 гг. В 1924–1934 гг. секретарь партколлегии ЦКК.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А. И. – см. Рыков А. И.
Абрамович 676
Адлер Ф. 100
Акулов И. А. 579
Александр Петрович – см. Смирнов А. П.
Алексеев П. А. 579
Алексей Иванович – см. Рыков А. И.
Альпари Д. 114
Амосов Г. Н. 256
Андреев А. А. 17, 22, 225, 234, 235, 237, 238, 239, 247, 248, 251, 253, 255, 271, 272, 277, 286, 296, 299, 318, 351, 387, 399, 424.437, 464, 537, 579, 594, 635, 683
Анисимов Я. А. 472, 482, 498, 499
Антипов Н. К. 579
Антонов-Овсеенко 624
Анцелович Н. М. 19, 50, 52, 53, 94, 163, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 439, 470, 471, 473, 474, 475, 478, 481, 482, 488, 489, 496, 497, 498, 499, 504, 506, 507, 511, 516, 523, 577, 579, 623, 647, 676
Астров В. Н. 413, 414, 429, 430, 431, 680
Ататюрк Мустафа Кемаль 146, 672
Бадаев А. Е. 445, 579
Бадеев 381
Бакунин М. А. 160
Баранов П. И. 576, 579
Барбот де Марни Е. Н. 554
Баррон 127
Бауман К. Я. 16, 253, 257, 326, 336, 340, 341, 344, 346, 347, 351, 453, 495, 579, 675, 677
Бауэр О. 36, 101, 178
Бах А. Н. 536
Бебель А. 34
Беленький З. М. 579
Белл Т. 48
Билибин Ю. А. 684
Биркенхед Ф. 43
Болдуин С. 204
Бонкур – см. Поль-Бонкур Ж.
Брандлер Г. 67, 91, 130
Братиану Й. 32
Бродовский 202
Брюханов Н. П. 579
Булин А. С. 579
Бухарин Н. И. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 22, 23, 27, 28, 50, 52, 58, 64, 84, 88, 89, 96, 97, 99, 101, 104, 106, 109, 110, 114, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 134, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 146, 146, 148, 150, 152, 156, 158, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 170, 172, 173, 175, 176, 177, 179, 180, 229, 280, 306, 316, 319, 326, 329, 336, 357, 358, 359, 365, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 401, 404, 408, 429, 430, 435, 441, 443, 579, 580, 582, 605, 606, 607, 608, 610, 611, 613, 616, 621, 628, 629, 630, 637, 640, 650, 657, 669, 670, 671, 679, 680, 681
Бучинский А. Ф. 504
Быкин Я. Б. 579
Вальхер Я. 61
Ван Цзинвэй 666
Варга Е. С. 9, 65, 126, 144, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 167, 168, 169, 170, 377, 464, 614, 615, 616, 617, 670
Варейкис И. М. 327, 332, 336, 337, 338, 339, 348, 380, 417, 447, 460, 546, 579, 676
Вейцер И. Я. 214, 297, 450
Вельс Г. 671

Викман П. М. 579
Вильямс В. Р. 471
Владимир Ильич – см. Ленин В. И.
Войков П. 668, 680
Войцеховский Ю. 668
Ворошилов К. Е. 17, 23, 148, 155, 191, 209, 216, 250, 251, 254, 256, 259, 270, 274, 294, 329, 330, 346, 349, 358, 361, 363, 368, 370, 373, 374, 378, 380, 382, 387, 388, 397, 447, 453, 455, 457, 458, 459, 462, 467, 470, 507, 531, 534, 541, 575, 579, 615, 616, 618, 619, 629, 631, 632, 633, 635, 642, 676, 680, 681
Галлахер У. 34
Гамарник Я. Б. 579
Ганди М. 111, 671
Гей К. В. 60, 62, 68, 74, 77, 84, 85, 579
Гелльман 484
Герхарт – см. Эйслер Г.
Гильфердинг Р. 101, 102, 103, 671
Гинденбург П. 35, 667, 671
Голендо М. С. 501
Голощекин Ф. И. 18, 241, 242, 243, 244, 245, 255, 579
Гольцман А. З. 579, 662
Гончаров Н. К. 579
Горький А. М. 630
Грант 662
Грановский 662
Граф У. 534
Гринько Г. Ф. 442
Громан В. Г. 442
Грядинский Ф. П. 579
Грязев И. Я. 579
Гулый 381
Гусев С. И. 165, 579
Далин 676
Денгель Ф. 130
Деникин А. И. 644
Дзержинский Ф. Э. 398
Догадов А. И. 532, 579, 659, 660, 661
Долгов Г. И. 562
Дояренко А. Г. 503
Дункер Г. 113, 114, 120, 121
Дюкло Ж. 32
Енукидзе А. С. 579
Ерогов М. С. 659, 660
Жданов А. А. 511, 579, 662
Жуков И. П. 271, 277, 280, 320, 325, 326, 396, 397, 579
Жуковский 533
Жуо Л. 34
Заглул Саад 145
Затонский В. П. 579
Звездин З. К. 683
Зеленский И. А. 327, 332, 333, 334, 335, 579
Землячка Р. С. 579
Зимин 591, 684
Зиновьев Г. Е. 8, 22, 279, 608
Иванов В. И. 247, 277, 479, 487, 489, 492, 502, 579
Иванович Р. 44
Икрамов А. И. 144, 579
Икс 381
Ильин Н. И. 579
Ильич – см. Ленин В. И.
Кабаков И. Д. 508, 509, 510, 521, 579
Каганович Л. М. 17, 22, 23, 40, 43, 122, 179, 280, 282, 283, 285, 286, 296, 297, 299, 310, 311, 312, 315, 317, 318, 333, 337, 339, 349, 381, 382, 427, 452, 460, 462, 466, 508, 578, 579, 581, 594, 623, 624, 684
Каганович М. М. 579
Калинин М. И. 15, 19, 20, 23, 27, 119, 121, 122, 199, 226, 227, 229, 243, 255, 262, 269, 280, 287, 330, 331, 353, 359, 395, 404, 427, 452, 453, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 472, 474, 475, 476, 478, 478, 486, 488, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 519, 520, 521, 522, 523, 597, 630, 640, 649, 682
Калманович М. И. 579
Калыгина А. С. 579
Каменев Л. Б. 9, 11, 12, 22, 279
Каминский Г. Н. 340, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 435, 451, 481, 579, 623, 624, 627
Караваев П. Н. 579

Карвер Т. 101
Карпинский В. А. 329, 330, 365, 435, 637, 682
Катаяма С. 178
Каутский К. 31, 99, 112, 178, 483, 671, 682
Квиринг Э. И. 20, 280, 286, 288, 289, 401, 403, 404, 442, 448, 451, 453, 497, 500, 501, 502, 507, 508, 521, 579
Кейдель В. 33
Келлен 533, 534, 535, 544
Келлог Ф. Б. 87
Кемаль – см. Ататюрк Мустафа Кемаль
Кемпбель 20, 457, 483, 484, 646
Кемпбелл Т. 514
Килевиц Ф. Ф. 257
Киркиж К. О. 579
Киров С. М. 579
Киселев А. С. 579
Кисис Р. Я. 314, 593, 594
Клейн Р. И. 682
Клименко И. Е. 264, 271, 272, 273, 274, 275, 291, 437, 495, 497, 498, 499, 500, 579
Клячин П. 322
Кнорин В. Г. 579
Коба – см. Сталин И. В.
Ковалев И. 322
Козлов Ф. 322
Коковихин М. Н. 579
Колотилов Н. Н. 579
Колчак А. В. 644
Комаров Н. П. 259, 260, 300, 301, 326, 444, 579
Комиссаров 681
Кондратьев Н. Д. 479, 674
Кондратьев Т. К. 579
Коростелев А. А. 532, 577, 659, 660, 661
Коростелев Г. А. 579
Коротков И. И. 579
Косиор И. В. 233, 305, 463, 532, 533, 538, 556, 565, 579, 659, 660, 661, 662
Косиор С. В. 28, 50, 59, 79, 81, 89, 91, 92, 125, 130, 166, 177, 179, 190, 194, 222, 224, 235, 250, 251, 256, 257, 259, 260, 272, 273, 274, 283, 301, 302, 306, 309.314, 317, 318, 328, 329, 330, 346, 348, 351, 352, 380, 382, 385, 387, 403, 427, 430, 440, 443, 451, 452, 459, 460, 462, 463, 467, 468, 470, 471, 473, 495, 498, 507, 508, 509, 516, 519, 520, 522, 523, 532, 534, 535, 537, 538, 545, 548, 552, 558, 563, 578, 579, 581, 623, 624, 647, 659, 660, 661, 680, 683, 684
Костшева В. 135, 671
Котов В. А. 579
Кошчева – см. Костшева В.
Краваль И. А. 527, 532, 549, 555, 559, 561, 579, 659, 660, 661, 662, 684
Крживицкий Л. 483, 682
Кржижановский Г. М. 442, 579, 675
Кривов Т. С. 579
Криницкий А. И. 532, 533, 538, 555, 556, 557, 558, 563, 564, 567, 579, 659, 660, 661, 662
Крицман Л. Н. 243, 306, 308, 362, 400, 413, 431, 452, 595, .634, 636, 675, 684
Крупская Н. К. 15, 16, 149, 156, 158, 164, 176, 177, 327, 415, 418, 425, 579, 612, 621
Кубяк Н. А. 15, 316, 453, 623
Кузнецов С. М. 660, 662, 663, 664
Куйбышев В. В. 233, 256, 262, 327, 430, 348, 349, 358, 549, 552, 565, 579, 681
Кук А. 33, 34, 69, 96
Куликов Е. Ф. 214, 579
Кун Б. 33, 667
Куусинен О. В. 86, 88, 91, 611
Кучмин 593, 684
Лахтин Н. К. 533, 534
Лебедь Д. З. 579
Ленгник Ф. В. 579
Ленин В. И. 45, 47, 48, 60, 64, 78, 88, 101, 103, 105, 110, 112, 114, 115, 119, 124, 125, 132, 141, 143, 146, 147, 151, 153, 154, 155, 157, 163, 165, 166, 169, 171, 172, 176, 197, 198, 230, 231, 247, 248, 254, 258, 266, 269, 274, 279, 285, 309, 313, 341, 342, 343, 344, 345, 350, 351, 357, 358, 359, 360, 362, 365, 366, 367, 368, 373, 374, 379, 382, 285, 286, 387, 394, 397, 398, 401, 412, 413, 414, 415, 417, 418, 420, 423, 424, 426, 427, 437, 461, 465, 467, 476, 519, 520, 522, 542, 543, 544, 559, 563, 591, 605, 608, 610,

614, 616, 618, 619, 620, 628, 629, 630, 633, 634, 637, 638, 639, 640, 641, 651, 653, 657, 668, 671, 672, 673, 677, 678, 679, 680, 682, 683
Ленсбери Д. 69, 94, 96
Ленский Ю. 671
Леонов Ф.Г. 579
Лепсе И.И. 215, 216, 217, 579
Лещенко В. 322
Лещенко К. 322
Либкнехт К. 34
Лизарёв А.С. 43, 668
Лисицын Н.В. 579
Литвинов М.М. 48
Лифшиц 557
Ллойд Джордж Дэвид 100
Лобачев И.С. 675
Лобов С.С. 579, 659, 662
Ловстон Д. 582
Лозовский А. 42, 46, 55, 62, 63, 70, 73, 74, 77, 84, 85, 92, 130, 131, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 150, 153, 164, 165, 166, 167, 175, 387, 579, 613, 614, 617, 669
Локацков Ф.И. 579
Ломинадзе В.В. 13, 46, 47, 60, 63, 65, 68, 69, 75, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 126, 130, 144, 579, 582, 668, 670
Ломов Г.И. 97, 233, 579
Луначарский А.В. 522, 528, 540, 541, 546, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 555, 556, 558, 561, 564, 566, 568, 570, 571.573, 574, 575, 577, 581, 659, 660, 662, 683, 684
Луппол И.К. 575
Лушер Л. 41
Льюис Д. 668
Любимов И.Е. 579
Люксембург Р. 97, 610
Лященко П.И. 481, 484, 486, 505, 506
Макаров Н.П. 305,
Макдональд Д.Р. 34, 101, 109, 110
Мануильский Д.З. 12, 13, 27, 28, 32, 35, 36, 40, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 78, 79, 80, 81, 84, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 108, 130, 144, 145, 579, 580, 611, 670
Манцев В.Н. 579, 660, 661, 662
Марецкий Д.П. 495, 682
Маркевич А.М. 497
Марков А.Т. 579
Маркович С. 44
Маркс К. 101, 110, 112, 130, 138, 156, 177, 228, 313, 432, 612
Масарик Т. 33, 666
Маслов А. 53, 667
Медведев А.В. 286, 289, 290, 291, 369, 430, 455, 579, 643
Медведев Т.И. 579
Мельничанский Г.Н. 258, 261, 262, 263, 579
Менжинский В.Р. 20, 382, 386, 501, 579
Микоян А.И. 5, 6, 7, 14, 15, 27, 120, 130, 158, 180, 190, 191, 193, 194, 202, 207, 208, 209, 212, 214, 215, 216, 217, 221, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 235, 237, 240, 242, 243, 249, 251, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 262, 266, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 286, 289, 291, 297, 298, 301, 302, 314, 315, 318, 324, 326, 327, 328, 329, 333, 336, 341, 348, 351, 353, 363, 367, 369, 374, 375, 376, 378, 384, 385, 389, 402, 412, 422, 424, 426, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 439, 440, 443, 444, 445, 447, 448, 449, 453, 470, 476, 507, 519, 579, 583, 588, 626, 635, 640, 643, 650, 657, 672, 781
Милх Л.Р. 660, 662
Мильчаков А.И. 579
Милютин В.П. 138, 142, 143, 150, 160, 175, 176, 177, 228, 269, 300, 301, 302, 305, 306, 315, 316, 330, 365, 366, 386, 435, 493, 579, 613, 638, 639
Менетрие де Пуи 40
Мирзоян Л.И. 579
Митрофанов А.Х. 579
Михаил Иванович – см. Калинин М.И.
Михаил Павлович – см. Томский М.П.
Молотов В.М. 5, 9, 11, 12, 21, 27, 130, 201, 225, 226, 244, 257, 287, 313, 326, 369,

380, 382, 388, 390, 392, 395, 397, 398, 401, 402, 403, 404, 406, 412, 413, 414, 417, 421, 422, 423, 424, 426, 429, 430, 431, 441, 445, 446, 543, 462, 467, 495, 521, 524, 525, 527, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 538, 541, 542, 545, 547, 548, 550, 551, 552, 562, 563, 565, 566, 567, 568, 569, 571, 572, 575, 576, 577, 579, 580, 599, 606, 622, 623, 624, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 670, 673, 674, 679, 680, 681, 683, 684
Монд А. 33, 667
Морган Д. 127
Мороз Г.С. 579
Москвин И.М. 579, 659, 660, 662
Муралов А.И. 495, 500, 502, 504, 506, 507, 508, 510, 511, 683
Муралов Н.И. 355, 356
Мусабеков Г.М. 579
Муссолини Б. 100, 109
Мэкстон Д. 34
Надежда Константиновна – см. Крупская Н.К.
Назаретян А.М. 579
Нейман Г. 130, 668
Николаева К.И. 579
Ногин В.П 78
Носке Г. 39
Носов И.П. 462, 466, 510, 511, 512, 521, 579
Орахелашвили М.Д. 579
Орджоникидзе Г.К. 23, 449, 680, 681
Осадчий П.С. 536
Осинский В.В. 15, 16, 20, 101, 118, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 140, 150, 152, 153, 164, 166, 170, 172, 173, 177, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 239, 240, 241, 242, 243, 246, 250, 257, 263, 278, 283, 286, 297, 298, 299, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 317, 320, 332, 337, 338, 341, 345, 354, 355, 356, 357, 358, 362, 364, 366, 377, 378, 397, 401, 404, 418, 438, 439, 440, 442, 445, 452, 458, 460, 465, 470, 473, 479, 480, 481, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 490, 492, 493, 496, 503, 504, 505, 506, 508, 513, 514, 515, 521, 535, 550, 579, 596, 613, 617, 618, 625, 626, 627, 628, 629, 634, 635, 636, 640, 645, 646, 675, 676, 681, 682, 684
Павлуновский И.П. 579
Пеппер Д. 61, 84, 127
Персель А.А. 30
Петерс Я.Х. 579, 681
Петровский Г.И. 79, 277, 278, 279, 280, 316, 359, 367, 429, 450, 455, 492, 493, 495, 496, 497, 546, 579, 624, 631, 632, 641, 648
Петровский Д.А. 79, 80, 81, 82, 84
Пилсудский Ю. 39, 54, 204, .667, 668, 671
Поллит Г. 9
Полонский В.И. 579
Полуян Я.В. 461
Поль Бонкур Ж. 35, 49, 100
Полюдов 659
Попов П.И. 674
Постышев П.П. 122, 244, 337, 480, 429, 535, 579
Преображенсий Е.А. 114, 362, 440, 633, 678,
Пуанкаре Р. 34, 37, 204
Пурман Л. 95
Пятаков Ю.Л. 440
Пятницкий О.А. 12, 53, 54, 55, 68, 82, 83, 86, 130, 579, 611, 675
Радек К.Б. 45
Радич С. 51
Радус-Зенькович В.А. 579
Радченко 662
Реденс С.Ф. 579
Реммеле Г. 130
Реннер К. 178
Рено Жан 35, 44
Розмирович Е.Ф. 579
Рой М. 72, 93
Ройзенман Б.А. 263, 299, 321, 325, 326, 427, 444, 501, 565, 579
Рудзутак Я.Э. 28, 319, 383, 442, 467, 563, 579, 681
Румянцев К.А. 579
Рухимович М.Л. 579, 659
Рывкин О.Л. 579
Рыков А.И. 6, 9, 11, 12, 15, 16, 18, 22, 28, 35, 40, 50, 53, 57, 59, 60, 62, 63, 70,

75, 79, 82, 84, 88, 89, 95, 96, 97, 109, 110, 122, 127, 130, 131, 136, 138, 142, 144, 146, 148, 149, 156, 160, 162, 163, 178, 179, 180, 182, 201, 206, 207, 215, 218, 224, 225, 227, 229, 234, 237, 239, 241, 242, 243, 245, 248, 250, 252, 256, 257, 258, 260, 261, 264, 267, 270, 271, 272, 274, 275, 276, 277, 280, 286, 289, 290, 291, 292, 294, 296, 300, 302, 305, 306, 309, 310, 311, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 343, 346, 347, 348, 349, 350, 352, 353, 362, 363, 369, 370, 371, 390, 398, 402, 406, 414, 415, 418, 430, 437, 442, 449, 453, 546, 458, 460, 467, 470, 473, 475, 476, 479, 485, 487, 489, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 506, 508, 510, 513, 519, 525, 527, 546, 549, 553, 555, 557, 558, 559, 561, 564, 565, 569, 571.576, 577, 578, 579, 591, 593, 594, 606, 612, 621, 622, 632, 634, 649, 670, 673, 674, 676, 681

Рындин К. В. 579, 621

Рютин М. Н. 93, 158, 164, 579

Рябинин Е. И. 579

Ряничев 217

Саймон Д. О. 31, 46, 81, 666

Саклатвала Ш. 66, 81, 82

Сапов 381, 382

Сапронов Т. В. 460

Семар П. 42, 44

Семенов Б. А. 579

Сергушев М. С. 579

Серебровский А. П. 553, 573, 579

Сименс Э. 36

Ситрин У. 33

Скорняков 504

Скрыпник Н. А. 57, 58, 59, 99, 110, 120, 122, 128, 129, 131, 132, 134, 136, 137, 141, 154, 155, 156, 165, 166, 179, 180, 233, 291, 326, 380, 428, 520, 520, 524, 529, 530, 542, 549, 551, 553, 559, 561, 565, 567, 568, 569, 570, 576, 577, 578, 579, 619, 620, 621, 636, 653, 660, 661

Слепков А. Н. 70

Смидович С. Н. 579

Смирнов А. П. 65, 74.137, 155, 353, 403, 434, 435, 449, 460, 464, 465, 466, 468, 474, 478, 481, 482, 484, 493, 496, 579, 620, 675

Смирнов В. М. 233, 440

Смирнов И. Н. 7, 8, 756

Соболев С. М. 579

Сокольников Г. Я. 15, 16, 158, 160, 161, 162, 174, 175, 234, 264, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 283, 317, 331.334, 354, 356, 365, 402, 403, 404, 409, 410, 414, 434, 438, 439, 440, 452, 579, 595, 625, 626, 638, 680, 684

Сольц А. А. 579

Сталин И. В. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 40, 42, 44, 45, 48, 50, 52, 54, 58, 62, 64, 68, 73, 74, 78, 79, 81, 82, 88, 91, 98, 101, 106, 109, 113, 123, 125, 128, 130, 132, 134, 136, 137, 138, 141, 142, 146, 149, 150, 152, 153, 154, 155, 156, 164, 165, 167, 172, 173, 175, 176, 177, 187, 224, 227, 228, 229, 231, 243, 244, 248, 255, 256, 257, 259, 261, 262, 266, 268, 269, 278, 280, 286, 287, 296, 299, 305, 306, 310, 313, 315, 316, 317, 318, 319, 326, 327, 344, 347, 349, 350, 351, 352, 353, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 373, 383, 384, 387, 388, 389, 395, 397, 403, 413, 424, 430, 433, 435, 440, 443, 444, 445, 448, 449, 453, 454, 455, 457, 458, 462, 464, 465, 466, 467, 469, 470, 479, 480, 481, 485, 490, 492, 495, 508, 510, 513, 514, 516, 517, 518, 519, 523, 556, 568.579, 582, 595, 605, 606, 611, 612, 613, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 669, 670, 672, 673, 674, 675, 676, 679, 680, 681, 682

Степанов С. И. 579

Степанов-Скворцов И. И. 326, 579

Стецкий А. И. 15, 16, 241, 245, 246, 247, 248, 249, 278, 283, 285, 298, 302, 319, 327, 345, 362, 366, 382, 399,

413, 414, 432, 433, 440, 489, 579, 634, 640, 676
Стриевский К. К. 579
Строганов В. А. 579
Струмилин С. Г. 268, 662, 675
Ступин 534, 535
Стэн Я. Э. 579
Сулимов Д. Е. 552, 579
Сухомлин К. В. 579
Сушкин 534, 535
Сырцов С. И. 192, 314, 579, 594, 673, 684
Сытин 260
Тальгеймер А. 86
Тельман Э. 91, 130, 666
Терехов Р. Я. 579
Тетенков 82
Ткаченко 381
Товстуха И. П. 24
Толоконцев А. Ф. 579
Тольятти П. 86, 88, 174
Тома А. 35, 100
Томский М. П. 12, 13, 15, 18, 22, 67, 70, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 94, 95, 125, 130, 143, 172, 326, 331, 390, 397, 415, 418, 423, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 441, 443, 444, 490, 513, 516, 519, 579, 645, 647, 648, 680, 681
Трилиссер М. А. 23
Троцкий Л. Д. 8, 9, 22, 29, 35, 42, 114, 155, 268, 358, 359, 373, 395, 439, 520, 620, 621, 629, 630, 651, 665, 671, 678, 681
Тулайков Н. М. 504, 514, 646
Угаров Ф. Я. 252, 258, 259, 260, 261, 579
Угланов Н. А. 15, 16, 22, 248, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 287, 321, 345, 346, 404, 449, 450, 579, 675, 680, 681
Уитли Д. 34
Ульянова М. И. 579
Уншлихт И. С. 579
Урываев М. Е. 579
Уханов К. В. 579
Фигатнер Ю. П. 579
Филлер С. И. 579, 667
Фиммен Е. 69, 96
Фишер Р. 37, 53, 54
Фостер У. 92
Фрумкин М. И. 10, 11, 12, 22, 225, 249, 250, 251, 294, 300, 315, 364, 383, 400, 401, 405, 435, 464, 476, 633, 636, 674
Хатаевич М. М. 18, 19, 245, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 272, 289, 492, 493, 495, 579
Хинчук Л. М. 289
Ходоровский П. И. 532, 537, 571, 659, 660, 661
Цанков А. 43
Цеткин К. 13, 114, 120, 121, 127, 157, 671
Цитрин – см. Ситрин У.
Цихон А. М. 579
Цылько Ф. А. 579
Цюрупа А. Д. 449
Чан Кайши 666, 670
Чаянов А. В. 504
Челяпов 662
Чербаков Д. 322
Чернов О. И. 359, 466, 630
Чернявский 381
Черчилль У. 389, 679
Чубарь В. Я. 215, 218, 219, 222, 223, 224, 225, 227, 229, 237, 251, 272, 273, 287, 288, 289, 294, 297, 326.330, 331, 344, 352, 435, 455, 458, 460, 464, 466, 467, 474, 487, 489, 490, 491, 492, 497.498, 508, 510, 514, 523, 524, 579, 623, 624, 646, 681
Чувырин М. Е. 579
Чудов М. С. 579
Чуриков И. А. 683
Чуцкаев С. Е. 579
Шацкин Л. А. 13.65
Шварц И. И. 217
Шверник Н. М. 261, 289, 292, 294, 296, 297, 299, 337, 346, 539, 579
Шеболдаев Б. П. 18, 239, 252, 314, 315, 369, 443, 579, 594, 643
Шефло О. 66
Шлейфер 681
Шляпников А. Г. 420
Шмидт 94
Шмидт В. В. 532, 533, 579, 659659, 660, 661, 674
Шушков П. С. 579
Щербаков Д. 322
Щербина Ф. А. 485

Эверт А. 13, 91, 130
Эйдеман 660, 661, 662
Эйслер Г. 130
Эйсмонт Н. Б. 214
Эйхе Р. И. 192, 292, 296, 297, 298, 299, 380, 442, 448, 450, 463, 469, 470, 478, 579, 594, 623, 624, 673, 684
Элиава Ш. З. 579
Энгельс Ф. 121, 138, 165, 612, 668
Эндерлэ А. 61
Эрколи – см. Тольятти П.
Юлиус – см. Альпари Д.
Юревич Э. И. 579
Ягода Г. Г. 23
Яковенко 383
Яковлев А. И. 579
Яковлев Я. А. 320, 321, 339, 342, 453, 479
Яковлева В. Н. 555, 561, 562, 563, 564, 565, 570, 574, 577, 659, 660, 662
Янау 662
Ярославский Е. М. 78, 79, 315, 387, 431, 461, 469, 470, 476, 477, 478, 482, 500, 519, 520, 579, 641, 683

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Авиатрест	–	Государственный трест авиационной промышленности (ВСНХ СССР)
Автодор	–	Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог
агитпропотдел (АПО) ЦК, агитпроп	–	отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
Азнефть	–	Государственное объединение азербайджанской нефтяной промышленности
АФТ	–	Американская федерация труда
ВИК, волисполком	–	волостной исполнительный комитет
ВКП(б), ВКП	–	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВКС, Кожсиндикат	–	(до 1925 г. – Всероссийский) Всесоюзный кожевенный синдикат при ВСНХ СССР
ВЛКСМ	–	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
военкор	–	военный корреспондент
вол.	–	волость
волком	–	волостной комитет
Волховстрой	–	строительство электростанции на р. Волхов (Ленинградская область)
Всеработземлес	–	Всероссийский союз работников земли и леса
ВСНХ	–	Высший совет народного хозяйства
ВТС	–	(до 1925 г. – Всероссийский) Всесоюзный текстильный синдикат при ВСНХ СССР
ВТУЗ, втуз	–	высшее техническое учебное заведение
ВУЗ, вуз	–	высшее учебное заведение
ВХУТЕИН (ВХТИ)	–	Высший государственный художественно-технический институт
ВЦИК	–	Всероссийский исполнительный комитет
ВЦСПС	–	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации
ГВПУ	–	Главное военно-промышленное управление ВСНХ СССР
ГИК	–	губернский исполнительный комитет
ГК	–	городской комитет ВКП(б)
Главполитпросвет	–	Главный политико-просветительный комитет (НКПрос)
Главпрофобр	–	Главное управление профессионального образования НКПроса РСФСР
госзайм	–	государственный денежный займ
Госиздат	–	Государственное издательство РСФСР
Госплан	–	Государственная плановая комиссия
госпромышленность	–	государственная промышленность

Госсельбанк – Государственный сельскохозяйственный банк
Госсельсиндикат – Государственный российский сельскохозяйственный синдикат Наркомата земледелия РСФСР
Госсельсклад – Управление сельскохозяйственными складами Народного комиссариата земледелия РСФСР
госсельтрест – государственный сельскохозяйственный трест
Гостехиздат – Государственное издательство технико-теоретической литературы
Госторг – Государственная импортно-экспортная торговая контора
госфонд – государственный фонд
ГС ЭЭ – Всеобщая конфедерация трудящихся Греции
губисполком – губернский исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
губКК – губернская контрольная комиссия
губком, губпартком – губернский комитет ВКП(б)
ГУС – государственный ученый совет НКП РСФСР
ГЭТ – Государственный электротехнический трест (ВСНХ СССР)
Дальстрой – Главное управление строительства Дальнего Севера
ДВК – Дальневосточный край
дес. – десятина
Днепрострой – Государственное днепровское строительство
Донуголь – Донецкий государственный трест по производству и продаже каменного угля и антрацита (ВСНХ СССР)
женотдел – отдел по работе среди женщин
земплан – отдел земельного планирования Наркомата земледелия
Зернотрест – государственное объединение зерновых совхозов
ИККИ – исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИКП – Институт красной профессуры
КЗоТ – Кодекс законов о труде
КИМ – Коммунистический интернационал молодежи
Киткомиссия – Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б)
Киткомпартия – китайская коммунистическая партия
КК – контрольная комиссия
колдоговор – коллективный договор
колхоз – коллективное хозяйство
Колхозцентр – Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов
Комакадемия – Коммунистическая академия при ЦИК СССР
комбеды – комитеты бедноты
Комвнуторг – Комиссия по внутренней торговле при ЭКОСО РСФСР (1922–1924 гг.)
Коминтерн – Коммунистический Интернационал
коммунхоз – коммунальное хозяйство, отдел коммунального хозяйства
компродчик – работник продовольственного комитета (местного)
КП – коммунистическая партия
КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПВ – коммунистическая партия Великобритании
КПГ – Коммунистическая партия Германии
КПЗУ – Коммунистическая партия Западной Украины

КПП – Коммунистическая партия Польши
КПФ – Коммунистическая партия Франции
крайисполком – краевой исполнительный комитет советов
крайком – краевой комитет ВКП(б)
Крестинтерн – Красный Крестьянский Интернационал
КСМ – коммунистический союз молодежи
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сталина
МВО – Московский военный округ
МВТУ – Московское высшее техническое училище
МГК – Московский городской комитет ВКП(б)
МГУ – Московский государственный университет
Металлоимпорт – акционерное общество по импорту оборудования, металлов, сырья, полуфабрикатов и инструментов
Механобр – Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт механической обработки полезных ископаемых
МИИТ – Московский институт инженеров транспорта
МК – Московский областной комитет ВКП(б)
мобфонд – мобилизационный фонд
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
Моссельпром – государственный московский трест по переработке сельскохозяйственных продуктов
Моссовет – Московский совет рабочих и крестьянских депутатов
Мосфинотдел – Московский финансовый отдел
МТС – машинно-тракторная станция
Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения
Наркомзем, НКЗем – Народный комиссариат земледелия
НКП, НКПрос,
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
Наркомпуть, НКПС – Народный комиссариат путей сообщения СССР
Наркомснаб – Народный комиссариат снабжения
Наркомсобес – Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР
Наркомторг, НКТорг – Народный комиссариат внешней и внутренней торговли
Наркомтруд, НКТруд – Народный комиссариат труда
НКФ, НКФин,
Наркомфин – Народный комиссариат финансов
Наркомюст, НКЮ – Народный комиссариат юстиции
нацкомпартия – национальная коммунистическая партия
Нефтесиндикат – нефтяной синдикат СССР
НК РКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НКПиТ, НКПочтель – Народный комиссариат почт и телеграфов
НСР – Национальная рабочая партия Польши
НТУ ВСНХ – научно-техническое управление ВСНХ
НЭП, нэп – новая экономическая политика
ОБ, Оргбюро – организационное бюро ЦК ВКП(б)
облсовнархоз – областной совет народного хозяйства
ОГПУ, ГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
окр. – округ

окрисполком	–	окружной исполнительный комитет
Осоавиахим	–	Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР
ОТЭ ВЦСПС	–	тарифно-экономический отдел ВЦСПС
п.	–	пуд
п., пос.	–	поселок
п. о.	–	почтовое отделение
парторганы	–	партийные органы
партячейка	–	партийная ячейка (организация)
Политбюро, ПБ	–	Политическое бюро ЦК ВКП(б)
Политсекретариат	–	Политический секретариат ИККИ
ПП ОГПУ	–	полномочный представитель ОГПУ
предгубисполком	–	председатель губернского исполнительного комитета
Промбанк СССР	–	Торгово-промышленный банк СССР
промработа	–	промышленная работа
промстроительство	–	промышленное строительство
промфинплан	–	промышленно-финансовый план
Промэкспорт	–	Всесоюзное государственное объединение по экспорту промышленной продукции (акционерное общество)
профбюрократия	–	профсоюзная бюрократия
профдвижение	–	профсоюзное движение (движение профессиональных союзов)
ПУ	–	политическое управление
р.	–	район
рабкор	–	рабочий корреспондент
Рабпрос	–	профессиональный союз работников просвещения
рабскот	–	рабочий скот
рабфак	–	рабочий факультет
РАНИОН	–	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории
РК	–	районный комитет ВКП(б)
РКИ	–	Рабоче-крестьянская инспекция
РККА	–	Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б), РКП	–	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ	–	Российский коммунистический союз молодежи
РСДРП	–	Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР	–	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
с. д.	–	социал-демократия, социал-демократический
с.-х., с.-хоз., сел.-хоз.	–	сельскохозяйственный
САСШ	–	Северные Американские Соединенные Штаты
Сахаротрест	–	государственное объединение сахарной промышленности РСФСР и УССР при ВСНХ СССР
СДПГ	–	Социал-демократическая партия Германии
Сев. Кавказ	–	Северный Кавказ
Севкавкрай	–	Северо-Кавказский край
Севкрайком	–	Северо-Кавказский краевой комитет ВКП(б)

селькор – сельский корреспондент
Сельмашстрой – строительство завода сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону (Ростсельмаш)
Сельскосоюз – Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации
Сельхозбанк – Сельскохозяйственный банк
сельхозкооперация – сельскохозяйственная кооперация
сельхозкредит – сельскохозяйственный кредит
сельхозрабочие – сельскохозяйственные рабочие
семссуда – семенная ссуда
СЗ СССР – Собрание законов и распоряжений правительства СССР
Сибкрайком – Сибирский краевой комитет ВКП(б)
соввласть – советская власть
Совнарком, СНК – Совет народных комиссаров
Совнархоз, СНХ – Совет народного хозяйства
совторгслужащие – работники торгового аппарата
совхоз – советское хозяйство
Совхозтрест – Объединение советских хозяйств Московской области
соцвос – социальное воспитание; подотдел социального воспитания отдела народного образования
Союзнефть – Всесоюзное объединение нефтяной промышленности (ВСНХ СССР)
Союзрыба – Всесоюзное объединение рыбной промышленности (ВСНХ СССР)
СТО – Совет труда и обороны
Татреспублика – Татарская республика
терсборы – территориальные сборы
торготдел – торговый отдел
торгпред – торговый представитель
Тракторцентр, Трактороцентр – Всесоюзный центр машинно-тракторных станций
Транспосекция (Транпосекция) – Всесоюзная центральная автономная секция потребительских обществ работников железнодорожного транспорта при Центросоюзе
у. – уезд
УИК – уездный исполнительный комитет
УК РСФСР – уголовный кодекс РСФСР
Уралобком – Уральский областной комитет ВКП(б)
уком – уездный комитет ВКП(б)
х., хут. – хутор
Хлебопродукт – акционерное общество по торговле хлебными и другими сельскохозяйственными продуктами
Хлебоцентр – Всероссийский центральный союз сельскохозяйственной кооперации по производству, переработке и сбыту зерновых и масличных культур
хозорганы – хозяйственные органы
ЦБ – центральное бюро
Центросоюз – Центральный союз потребительской потребительских обществ СССР

ЦИК СССР	–	Центральный испольнительный комитет СССР
ЦК	–	Центральный комитет
ЦКК	–	Центральная контрольная комиссия
ЦО	–	центральный орган
ЦРК	–	Центральная ревизионная комиссия ВКП(б)
ЦСУ	–	Центральное статистическое управление при СНК СССР
Цустрах	–	Центральное управление страхования
ЦЧО	–	Центрально-Черноземная область
ЭКОСО	–	экономическое совещание (при СНК республик и исполкомах в 1920–1926 гг.)
Энергострой	–	Энергостроительный трест ВСНХ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Данилов, *А. Ю. Ватлин*, *О. В. Хлевнюк*. Введение 5
Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. Стенографический отчет 26
Заседание первое 28
Заседание второе 60
Заседание третье 97
Заседание четвертое 131
Заседание пятое 163
Заседание шестое 207
Заседание седьмое 242
Заседание восьмое 277
Заседание девятое 301
Заседание десятое 341
Заседание одиннадцатое 371
Заседание двенадцатое 415
Заседание тринадцатое 453
Заседание четырнадцатое 493
Заседание пятнадцатое 525
Приложения
Протокол № 3 заседания пленума ЦК ВКП(б) от 4–12 июля 1928 г. 579
Заявление Дж. Ловстона 582
Диаграммы к докладу т. Микояна о политике хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением на пленуме ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. ... 583
Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением. Резолюция по докладу т. Микояна, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 10 июля 1928 г. 588
Записки, поданные в президиум пленума 593
Об организации новых (зерновых) совхозов. Резолюция по докладу т. Калинина, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 11 июля 1928 г. 597
Об улучшении подготовки новых специалистов. Резолюция по докладу т. Молотова, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 12 июля 1928 г. 599
Дополнения
Переписка И. В. Сталина и Н. И. Бухарина по проекту программы Коминтерна 605
Замечания И. В. Сталина по проекту программы Коминтерна 606
Замечания Н. И. Бухарина по проекту программы Коминтерна 608
Записка Н. И. Бухарина и предложения И. В. Сталина о докладчиках на пленуме ЦК ВКП(б) по вопросу Коминтерна 611
Стенограмма выступления И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 5 июля 1928 г. (первоначальная запись) 612
Письмо В. М. Молотова И. В. Сталину (4 июля 1928 г.) 622
Письмо И. В. Сталина В. М. Молотову (10 июля 1928 г.) 623

Письмо В. М. Молотова И. В. Сталину (13 июля 1928 г.) 624
Стенограмма выступления И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. (первоначальная запись) 625
Стенограмма выступления И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 11 июля 1928 г. (первоначальная запись) 645
Черновые заметки Н. И. Бухарина к докладу А. И. Микояна на июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. 650
Н. И. Бухарин. Проект резолюции пленума ЦК по докладу А. И. Микояна 657
Выписка из протокола № 21 заседания Политбюро 659
Протокол № 1 заседания комиссии Политбюро по вопросу о ВТУЗах 660
Протокол № 9 заседания комиссии Политбюро по вопросу о ВТУЗах 662
Записка заместителя наркома финансов СССР С. М. Кузнецова в Политбюро ЦК ВКП(б) 663
Примечания 665
Именной комментарий 685
Именной указатель 703
Список сокращений 711

HOW THE N.E.P. WAS DESTROYED

STENOGRAPHIC RECORDS OF THE VCP(b) CENTRAL COMMITTEE PLENUMS (1928–1929)

VOLUMES 1–5

Volume 2

PLENARY SESSION OF THE VCP(b) CENTRAL COMMITTEE

JULY 4–12, 1928

The second book of the five-volume edition of stenographic records of the VCP(b) CC Plenums of 1928–1929 contains materials of the Plenary Session of the VCP(b) Central Committee held on July 4–12, 1928. Included in the volume are important additional documents, such as versions of a resolution prepared by N. I. Bukharin, the original unedited record of Stalin's speech, etc. reflecting the struggle that went on among the party leaders over the future of the N.E.P. At the July Plenum a brief compromise was reached between Stalin and the Rykov – Bukharin group.

КАК ЛОМАЛИ НЭП

СТЕНОГРАММЫ ПЛЕНУМОВ ЦК ВКП(б)
1928–1929 гг.
В 5-ти ТОМАХ

Том 2
ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б)
4–12 ИЮЛЯ 1928 г.

Редактор А. А. Яковлев

Компьютерный дизайн И. В. Терешкина

ЛР № 061660 от 06.10.97 г.

Подписано к печати 15.08.2000 г.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45.
Тираж 3000 экз. Цена договорная.
Заказ №

ООО Издательская фирма «Материк»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 24, строение 3.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.